

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2017. 45(3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – Сочинский государственный университет, Российская Федерация
Соучредитель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.09.2017 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 50.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография периода Первой мировой войны

BYLYE GODY (FORETIME). 2017. 45(3)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTOWN, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – Sochi State University, Russian Federation
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava,
Nove Mesto, 831 04

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.09.2017
Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.
Order № 50.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo of the period of the First World War

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

The Process of Adaptation of Traditional Society and Empire (on the examples of the Roman and Russian Empires, Kazakhs and Gallo-Germans) Gorovoy V.V., Tuleuova B.T., Smagulova G.M., Ibragimova G.Ye.	716
«Circassian Armor» in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV – mid XIX centuries Bobrov L.A., Salnikov A.V.	727
Tsar Alexis Mikhailovich through the Eyes of Western Contemporaries: a Personal Image in the Light of Potestar Stereotypes Kozulin V.N., Kurnykin O.Y., Malysheva N.S., Chernyshov Y.G.	754
Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N.	765
The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries Zhurtova A.A., Kuz'minov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G.	776
The Causes of the Flow and Evolution of the Petitions in the Composition of the Cases on Personnel Movements Clerics in the XVIII – beginning of XX centuries (on the example of the Churches of Tobolsk Diocese) Spichak A.V.	785
The Origins of Russian Archaeography of the XVIII century: Nikolai Ivanovich Novikov Brachev V.S., Polynov M.F.	794
Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.	803
The Siberia of the 19 th century through the Russian Intelligentsia' eyes Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.	811
Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders Krinko E.F., Suschiy S.J., Mamadaliev A.M.	821
The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years) Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.	836
The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions Karataev V.B., Belyalova A.M., Artemova S.F., Yakushev A.N.	847
The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.	853
Russians in Captivity: The Art of Surviving and Winning Ushakov V.A., Sokhor T.E., Il'in E.V., Goncharova T.N., Petrova A.A.	861
The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valteau A.	871

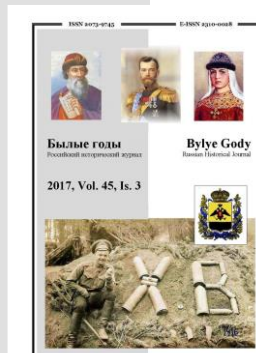
Letters from Captivity as a Unique Source of the Caucasian War Period Bulgarova B.A., Bragina M.A., Zolotykh E.A.	878
Health Activities of Local Governments in the Kalmyks of the XIX – early XX centuries Lidgieva I.V.	885
From the History of the Development of Artisanal Industrial Enterprises in the Central Chernozem Region since the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries Dushkova N.A., Grigorova V.A.	894
The Concept of S.M. Solovyev on the Interaction of Society and Nature and its Further Development in Historiography Sadykova R.O., Baigondin R.T.	903
Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900 Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.	915
The Unrealized Project of Railway Construction: the Caucasian Saddle Road Darchieva S.V., Darchiev A.V.	928
"Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I Peretyatko A. Y.	937
Factors of the Evolution of the Guild of Merchants of the Yenisei Province (in the post-reform period) Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.	949
The Serfdom in Russia: the Historiographic Aspect Miku N.V., Galushkin A.A., Ekimov A.I.	957
The Fertility of Women in Subcarpathian Russia in the Second Half of the Nineteenth Century and the First Half of the Twentieth Century Šprocha B., Tišliar P.	964
Russia and the Establishment of the Hague System of International Legal Protection of the Prisoners of War Kokebayeva G.K., Chatybekova K.K., Abisheva M.M.	978
Group Rapes in Russian Villages in the beginning of the 20th Century Bezgin V.B.	986
Educational Correctional Institutions for Minors in Provinces of Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XX th centuries: plan and result Kattsina T.A., Vysotskaya N.V., Cherkashina E.Y., Potapova E.V.	995
Infanticide and Abortion as a Social Phenomenon of the late 19th – early 20th century Ustinova O.V.	1003
The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V.	1010
Value-grain Potential of the North Caucasus in the late XIX – the early XX century Ratushnyak V.N., Ratushnyak T.V.	1025
Views of S.Yu. Witte on the Cultural and Historical Tasks of Russia in the East Suvorov V.V.	1036

Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press) Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y.	1044
Consumption of Wine in Russia and Siberia in the beginning of the XX century Zinovyev V.P., Falileev D.A., Sulyak S.G.	1063
Documents of the Archives of the Budim Orthodox diocese about the Orthodox Movement in Transcarpathia at the beginning of the XX century Danilets J.V.	1072
Gnosiological Bases of the Philosophy of War N.L. Klado Zubritskaya N.V., Katorin Y.F., Makarov Y.N., Ageeva V.A.	1082
The Problems of Forming the Image of a Foreign State in the Periodicals of the Russian Empire (1905–1917) Blagoder Y.G.	1093
The Role of Students in Secondary and Elementary Schools of Siberia in Volunteer and Charitable Activities during the First World Pivovarova I.V., Zubareva J.V.	1102
Fight against High Cost and Providing the Population with Essentials in the cities of Western Siberia in the years of First World War Kamynin V.D., Khramtsov A.B.	1110
Literary Works in the Student Press of the early twentieth century as Historical Source that Reflect the Characteristics of the Worldview and Lifestyle of Siberian Students in the beginning of the XX century Cherepanova V.N., Putilina Y.V., Savitskaya Y.P.	1119
Socio-psychological Bases of the Views of Workers' Ideas of Mining Ural on Socialism in 1917 Korobkov Y.D., Dorozhkin A.G., Starodubova O.Y.	1127

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 716-726, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.716
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 93(37)06:94(47)07

The Process of Adaptation of Traditional Society and Empire (on the examples of the Roman and Russian Empires, Kazakhs and Gallo-Germans)

Vyacheslav V. Gorovoy^{a, *}, Bakhytgul T. Tuleuova^a, Gulnara M. Smagulova^a,
 Gulnara Ye. Ibragimova^b

^a E.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Abstract

The article examines the experiences of a comparative comparison of the interaction of traditional societies with the historically beginning and final for the second millennium empires. Such are the traditional societies of the Halo-Germans and the Kazakhs. The empire of the beginning one is the Roman Empire, the final one is the Russian Empire.

The adaptive characteristics of the Halo-Germans from Rome of the era of the empire are represented by historical conclusions. As for the Russian Empire and the traditional Kazakh society, the conclusions are based on the formation of market relations. The reasons for the adaptive interrelationship between the Roman Empire and the Gallo-Germanic people were the experience of conquest; the reasons for the interrelationships of the Russian Empire and the Kazakhs were the experience not only of the conquest, but also the establishment of market relations. The mechanisms of the adaptive relations of the Gallo-Germans and the Roman Empire were the image of the prosperity and crisis of the ancient slave-owning relations. The organism of the adaptive interrelation between the Kazakhs and the Russian Empire was progressively complicated by the development of cattle breeding and farming, the inclusion of Kazakhs not only in the administrative system of the Russian Empire, but also in the trade and economic scheme of interaction between the merchant class and the asset of the Kazakh society assimilating the novelty of the economy.

According to the authors' team, the main line of progressive comparison of the two adaptation schemes: Gallo-Germans and the Roman Empire; Kazakhs and the Russian Empire, has been planned. The primitivism of the civilizational nature of adaptation in slave-owning antiquity is replaced by the interest of the economic strata in the Russian Empire. At the same time, the authors consider the need for further comparison of adaptation schemes in the first and the second cases in terms of considering economic functions that appear more for the second adaptation scheme and weaker for the adaptive characteristics of the Gallo-Germanic and Roman empires.

Keywords: adaptation, Roman Empire, tribe and community, Russian Empire, Kazakhstan, management.

1. Введение

Неотъемлемой составляющей успешного развития любого общества является адаптация социума и его институтов к новым социально-экономическим условиям. Изучение опыта адаптации актуально в связи с развитием интереса к истории не только как борьбе классов, но и развитию

* Corresponding author

E-mail addresses: gylnara2005@mail.ru (V.V. Gorovoy), b_t_tuleuova@mail.ru (B.T. Tuleuova); gylnara2005@mail.ru (G.M. Smagulova), dilnura@mail.ru (G.Ye. Ibragimova)

общественного образа жизни в эволюционном контексте. Изучение проблем адаптации общества к процессам модернизации интересно также потому, что аналогичные процессы переживает и современный мир в условиях интеграции и глобализации, требующих хорошо и быстро адаптирующегося типа сознания. В связи с этим, на наш взгляд, возникает необходимость осмысления исторического опыта адаптации традиционных обществ, в том числе в рамках имперской традиции на примере Римской и Российской империй. С одной античной Римской империи начинается история империй, другой – заканчивается история имперско-политического развития.

В Римской империи было два этапа адаптации: римско-галльский и римско-германский. В римско-галльский этап входит адаптация народов – галлов и иберов – живущих северо-западнее и западнее Италии. В этом адаптационном процессе преобладает перспектива освоения галлов и иберов на базе создания общества перемещенцев, которые воспринимают римские порядки из-за более тесного исторического сотрудничества с римлянами, в том числе и во времена Римской республики. Римско-германский период или этап продолжается двумя процессами – борьбой римлян и германцев с переходом к противостоянию-сотрудничеству из-за того, что германцы более отсталые, чем галлы и иберы. В данном ключе адаптация римлян и германцев неустойчива при продвижении остальных германских племен с востока на запад. Она принимает форму переселения народов и, в конечном счете, прекращается на политическом уровне.

В экономическом плане процесс адаптации варварских племен продолжал свое развитие. В результате распространения Римской империи вглубь Европы шел активный процесс освоения варварскими племенами земледельческих и животноводческих культур Рима. Так в середине I в. до н.э. «земля у них (германцев) не поделена в частную собственность, и им нельзя более года оставаться на одном месте». Земледелие было переложным. Гораздо большее значение имели охота и скотоводство. Германцы не были вполне оседлым народом и могли часто менять свое местожительство». Но уже в конце I в. н.э. «германские племена... в земледелии стали использовать плуг с железным лемехом, начинало распространяться известкование почвы. Однако главную роль... продолжало играть скотоводство. Некоторое значение имело ремесло (добыча металлов, кузнечное, гончарное дело, ткачество и т.д.)» (Полянский, Жамин, 1986: 60).

В сравнительном плане с предыдущим процессом интересен исторический опыт адаптации традиционного казахского общества к рыночным, капиталистическим условиям второй половины XIX – начала XX веков. В этот период, испытывая сильное воздействие внешних факторов, на основе внутренних тенденций саморазвития и саморегуляции, способности к адаптации к новым условиям, хозяйство Степного края заняло важное место в экономике Российской империи, что нельзя сказать о низовом уровне галльского хозяйства по отношению к Римской империи. В древнем Риме эпоха империи кочевничества представлена людьми и называется миграцией (переселением). Оно не было основано на скотоводстве.

Адаптация казахского общества к рыночным условиям в разных регионах в зависимости от специфики природно-климатических и хозяйственно-культурных условий происходила в своеобразной форме. Многообразие хозяйственных типов, полиэтничность и приверженность населения Российской империи к различным культурным системам актуализирует и выводит на первый план необходимость изучения региональных особенностей развития рыночных отношений и адаптационных процессов, в том числе и в Центральном Казахстане. Для Римской империи в региональном плане чем-то похожим была восточная Испания и цизальпинская Галлия.

2. Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, а также принципы историзма и объективности. Это позволило проанализировать и осмыслить характер развития традиционных хозяйств в условиях Римской и Российской империй как процесс адаптации к новым условиям. Системный подход также дает возможность рассматривать в комплексе вопросы воздействия внешних факторов на развитие традиционного хозяйства, выявить особенности и динамику изменений местных племен и народов к внешним вызовам. Кроме этого, в статье использовались методы сравнительно-исторического анализа и обобщения.

Источниковую базу исследования составили документы архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан и государственного архива Омской области Российской Федерации, а также материалы периодической печати конца XIX – начала XX веков.

3. Обсуждения

Сравнительный анализ взаимодействия традиционных обществ с империями был проведен в ряде работ зарубежных исследователей, которые с разных позиций обращались к историческому опыту Римской империи как одной из первых. Так, Джейн Бербанк и Фредерик Купер в своей работе «Empires in World History: Power and the Politics of Difference» проводят сравнительный анализ империй, находящихся на закате истории, исследуют процесс падения империй из-за военного поражения (Burbank, Cooper, 2010). Тимоти Парсонс в работе «The Rule of Empires», проводя сравнительное изучение империй и их отношений к своим колониям, делает вывод о том, что успех всех империй основывается на сырьевой экспансии, что относится и к Римской, и к Российской

империям (Parsons, 2010). Проблема взаимоотношений империи и традиционного общества, с нашей точки зрения, не заканчивается, а продолжает изыскания вышеуказанных авторов, расширяя спектр проблемных исследований посредством изучения различных процессов, в том числе и адаптации.

В данной статье наряду со ставшими привычными в современной исторической науке понятиями – «трансформация», «модернизация», предпочтение отдается понятию «адаптация». По нашему мнению, применительно к традиционным обществам, в том числе и к казахскому обществу второй половины XIX – начала XX веков использование понятий «трансформация как преобразовывать, изменять вид, форму, существование свойства чего-либо», «модернизация – изменение чего-либо в соответствии с современными требованиями, вкусами (ему тождественно слово – современный)» (Большой словарь, 2000: 1036) не вполне оправданно, так как не отражает реального развития рыночных тенденций в казахской степи. Термин же «адаптация, означающее приспособление к изменяющимся условиям существования, обстановке, среде при сохранении основных характеристик» позволяет более полно и точно охарактеризовать процессы, протекавшие в развитии казахского общества исследуемого периода.

В казахстанской исторической науке понятие «адаптация» является одним из новых. Поэтому академик М. Козыбаев, определяя основные направления развития отечественной историографии, отмечал, что одной из важных тем исследований должна стать «проблема социокультурного обмена, способов адаптации к внешней действительности и особенностей трансформации традиционных элит кочевого общества в условиях колониального периода» (Козыбаев, 2000: 25). В начале первого десятилетия XXI века в работах казахстанских исследователей (Х.М. Абжанов и др.) получает распространение тезис о том, что конец XIX – начало XX веков – это «абсолютно неизбежный период адаптации традиционных обществ к рыночным условиям», «время вызревания конкурентноспособных элементов национальной рыночной экономики, постепенного становления социального слоя национальных предпринимателей...» (Абжанов, Селиверстов, 2004: 8-9). Другие ученые, на основе анализа изменений, происходивших в экономике казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков, делают вывод о том, что основной составляющей характеристикой развития кочевого социума исследуемого периода на фоне рыночных отношений является адаптация. Б.Т. Тулеуова, рассматривая хозяйственные процессы второй половины XIX – начала XX веков, характеризует их как постепенную адаптацию казахского общества к рыночным отношениям, которая проявлялась в товаризации скотоводства, распространении земледелия и сенокосения, появлении слоя предпринимателей и становления института частной собственности на землю, в изменении быта и образа жизни казахов (Тулеуова, 2012: 72).

Зарубежные исследователи также рассматривают традицию как явление развивающееся, способное приспосабливаться к новым условиям жизни. Так, С. Айзенштадт подчеркивает, что «традиция обнаруживает адаптивные потенции, изменяясь по мере приспособления к меняющимся условиям» (Осипова, 1985: 97). Более того, зарубежные исследователи отмечают, «традиция может оказывать позитивное воздействие на процесс модернизации, а может – препятствовать ему, равно как и процесс модернизации может приводить к ослаблению влияния традиции, а может и способствовать ее усилению» (Лурье, 1999: 22).

Из зарубежных исследователей особо следует выделить идеи французского историка Ф. Броделя, в частности, его концепцию возникновения и эволюции рыночной экономики в мировой истории, в европейских и азиатских странах (Бродель, 1992: 93). По мнению Ф. Броделя, развитие рыночной экономики в XV–XIX веках происходило на основе «материальной цивилизации», под которой он подразумевает традиционные формы хозяйства и общества. Рыночная экономика включала в свои структуры традиционное хозяйство, не разрушая, а адаптируя его. И адаптированные рыночные формы существовали наряду с самыми развитыми формами капитализма. По сути, концепция Ф. Броделя заключается в том, что традиционная материальная цивилизация (в адаптированном виде), рыночная экономика и капитализм являются не только тремя последовательными стадиями (как в марксизме), но и в значительной степени параллельными и пересекающимися линиями развития хозяйства и общества. Теоретических изысканий по адаптации галлов и германцев на экономической специализированной основе нет. Данная статья является попыткой компаративистского сравнения взаимодействия традиционных обществ с начинающей и завершающей империями.

4. Результаты

В 1860–1890-х годах завершилась колониально-континентальная интеграция Казахстана в состав Российской империи. Данный процесс повлек за собой серьезные изменения в политическом, экономическом и социальном развитии региона. В административном отношении были унифицированы ранее созданные органы управления краем и выработана единая система государственно-административного управления на всей территории Степного края. С утверждением государственно-административной системы управления в регионе были созданы условия для введения регулярного налогообложения казахского населения, в результате которого обеспечивалась непрерывная связь низовых структурных звеньев общества с институтами верховной власти государства.

В законоположениях официальных властей решались также вопросы землевладения. В статье 211 говорится о том, что «признаются землевладельцами на праве полной собственности лица, имеющие на владение землею узаконенные акты» (Сулейменов, 1963: 96-97). Таким образом, вопросы казахского землевладения решались на основании ранее выданных документов о праве личной собственности на землю. Но «прежний вольный киргиз ничем и никем не мог быть стеснен в своих желаниях зимовать и летовать где он хочет» (Катанаев, 1895: 28). Поэтому, по замечанию управляющего Заборовского, с 1822 по 1868 годы казахи не воспользовались правом наследования земли как недвижимой собственностью, которое предоставлялось им при условии занятия хлебопашеством, так как им не свойственно было понятие о личной собственности (ЦГА РК. Ф. И-501. Оп. 2. Д. 115. Л. 2, 20б.). Соответственно, так как у большей части казахского населения отсутствовало зафиксированное в документах право собственности на землю, российское правительство получило формальное основание для объявления земель казахского общества государственной собственностью.

Вместе с тем реформы 1867-1868 годов предусматривали возможность приобретения казахами права на владение землями, жилыми и хозяйственными строениями при условии занятия земледелием и перехода в оседлое состояние. В это время оседание происходило не просто отдельными семьями или бедными аулами, факты которого можно было встретить уже с конца XVIII в., а целыми родами. Как говорилось в официальных письмах, «для киргиз же, которые изъявляют желание заниматься земледелием, должны изыскиваться особые участки... внутри степи, в местностях, особенно благоприятствующих занятию хлебопашеством. Размеры эти должны быть в зависимости от числа желающих занять ту или иную местность, причем на каждую рабочую душу положить надел 15-ти десятин» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15213. Л. 140б.). Такая поддержка российской администрации стала играть важную роль в определении статусности социально-политической группы. Многие ранее бывшие слабыми роды, получив поддержку колониальных властей, становились политически выше сильных кочевых родов, а, пользуясь льготами и иногда «ножницами цен», и экономически сильнее их.

В целом, в реформах 1860-х гг. вопрос о праве владения казахским обществом землею тесным образом был связан с политикой оседания и прикрепления казахов к земле. Положение 1886 года еще более жестко подошло к вопросу определения прав оседлого и кочевого населения. Если статья 270 гласит о том, что «государственные земли предоставляются в бессрочное пользование кочевников, на основании правил и обычаев сего положения, то статья 279 дополняет, что, только переходя в оседлое положение, казахи получают право закрепления за собой обрабатываемых земель на тех же основаниях, на каких ею пользовались оседлые крестьяне (Абдрахманова, 1998: 78-79).

Как видно, переход к оседлому состоянию и занятие земледелием создавали определенные условия казахскому обществу для закрепления земли как фактической собственности: «Земли, отведенные для хлебопашества переходят в наследственное пользование, доколе будут возделываться, с прекращением же на них хлебопашества возвращается в общественное владение» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4864а. Л. 1940б.). Это стало причиной того, что в конце XIX – начале XX века происходил весьма своеобразный процесс – развитие земледельческой культуры ради закрепления права на землю. По замечанию А. Кауфмана, «киргизы пахали только для вида, посеянного хлеба даже не убирали» (Ядринцев, 1892: 55).

В 1891 году российское правительство в целях укрепления своей власти в Казахстане издает так называемый «Степной закон», в котором особое внимание уделяется расширению контроля России над использованием земли. Данный документ еще раз подтвердил принцип государственной собственности на землю. В отчете Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского за 1897 год отмечается, что на «основании, утвержденного 25 марта 1891 года Степного Положения, земли, занятыми киргизскими кочевьями, хотя и признаются государственной собственностью, но оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников в пределах фактического владения, причем каждый кочевник имеет право на участке, отведенном в его пользование для зимового стойбища, обрабатывать землю, разводить сады, огороды и возводить жилье и хозяйственные постройки. Земли, обработанные, а равно занятые постройками и насаждениями, переходят по наследству, доколе земля возделывается или существуют строения и насаждения» (Кусайынулы, 2001: 91).

Таким образом, административно-земельные реформы Российского государства, носившие ярко выраженный колониальный, имперский характер, вводили принципы государственной собственности на землю в казахской степи, единого налогообложения, поощряли расхищение земель применительно к интересам переселенческого и казачьего населения. В Римской империи земля по праву захвата была собственностью римлян. Осуществлял активность в этой среде римский император, обладавший *tribunicia potestas* – властью от римского народа. Права местного населения на землю еще ограничивалась назначенными чиновниками и военными.

Изъятие земельных площадей под заселение и другие государственные надобности, нарушало естественное развитие казахского скотоводческого хозяйства и искусственно создавало земельное утеснение. Это вызывало недовольство со стороны кочевников, которое нередко выливалось в открытые столкновения с чиновниками.

Следует отметить, что практические подходы Российского правительства по вопросам землепользования имели под собой теоретические основы. Наряду с мнениями о зависимости форм хозяйствования от климатических и почвенных условий, возникают в российской общественно-экономической мысли теории, отвергающие принципы исторической географии. В их основе лежал географический нигилизм, приведший в результате к мысли о прогрессивности скорейшего перевода кочевников на оседлость. В конце XIX века подобные теории стали необходимыми для оправдания переселения земледельческого элемента на территорию Казахстана, позже, в начале XX века они использовались для перевода кочевников на оседлость по земледельческим нормам в целях увеличения колониального фонда. Так, практические подходы по внедрению земледельческого элемента на территории Казахстана были подкреплены теорией «сухого земледелия». Следование идее успешной борьбы с засухой при помощи соответствующих приемов обработки почвы имело результатом продвижение русской земледельческой колонизации на юг (Ибрагимова, 2006: 78-79). По этому поводу М. Сириус отмечал, что Переселенческое управление «нарезало переселенческие участки даже южнее 49,5 с.ш. В Западном Казахстане судьба этих переселенческих хозяйств далеко не завидна, а от некоторых из этих поселков не осталось и следа» (Сириус, 1928: 16). С целью оправдания переселения на территорию Казахстана была использована и теория «земельной тесноты», приверженцы которой связывали с царской колонизацией развитие производительных сил в сельском хозяйстве Казахстана. Среди сторонников данной теории – С. Горбунов, П. Хворостанский и др. (Журнал Соповещания, 1907: 40; Хворостанский, 1907: 77). Они полагали, что в результате уменьшения земель казахское население перейдет к земледелию. Таким образом, переселение по этой теории признавалось прогрессивным фактором.

В свою очередь, процесс изъятия земель в крае породил у казахского населения желание закрепить за ними земельные участки, находящиеся в их владении. Во многих районах Степного края, особенно там, где активно развивалось земледелие и ощущался недостаток пригодной земли, казахи обращались к местным властям с прошениями об отводе земли с желанием строить постоянные жилища, заниматься хлебопашеством, сенокосением (Сулейменов, 1963: 176-162).

Так, несмотря на введение ограничений со стороны администрации в праве пользования традиционными пастбищами, пашнями и сенокосами, казахское общество сумело приспособиться к новым порядкам. Более того, наоборот, землеустройство казахов постепенно способствовало укреплению у них понятия о собственности на землю как важном источнике их материального благосостояния. Как отмечает С.Н. Малтусынов, «в традиционных представлениях кочевников о земле была пробита брешь: формируется прагматический взгляд на землю как на вещь, появляется понятие об индивидуальной собственности на землю» (Малтусынов, 2006: 93).

В целом имперская административно-земельная политика положила предел традиционному развитию казахского общества. «Заселение степи русскими переселенцами и вовлечение ее в мирную торговлю, которая начала в усиленном темпе развиваться с проведением железнодорожных машин, – указывает В.А. Тресвятский, – не могли не произвести переворота в хозяйственной жизни киргиз. Натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз стало превращаться в товарно-денежное, а возникшие капиталистические отношения раскололи киргизский народ на новые экономические классы, не имеющие ничего общего со старыми родовыми группами» (Тресвятский, 1917: 71). Поэтому если ранее казахскому народу, как и всем кочевым народам, было присуще понимание полной свободы по отношению к земле, то в рассматриваемый период на смену старым родовым началам в казахском хозяйстве приходят новые экономические явления, свидетельствующие об эволюции родового строя в Степном крае.

Во второй половине XIX – начале XX веков в Казахстане во время казачьей, а затем крестьянской колонизации, распространения рыночных отношений имело место сокращение пастбищных земель на фоне увеличения численности населения и роста численности скота. Это препятствовало дальнейшему развитию экстенсивного кочевого скотоводства и заставляло казахское общество приспосабливаться к новым условиям, переходить к более регулярному и интенсивному использованию степных пастбищ. В местностях с более благоприятными естественными условиями – богатыми пастбищами и обильными сенокосными угодьями – процесс этот выражался в сокращении кочевков, появлении и постепенном распространении сенокосения, переходе к зимнему содержанию скота на сухом корме и увеличении продолжительности пребывания на зимних стойбищах.

Вместе с тем картина чисто скотоводческого хозяйства в исследуемый период дополнилась усилением роли земледелия, которое проникало в Казахстан с юга – от земледельческих народов Центральной Азии, и с севера – от русского населения.

Анализируя изменения в казахском обществе в начале XX веков, В.А. Тресвятский замечает, что «процесс развития киргизского хозяйства выражался в устройстве постоянных зимних жилищ, затем развитии сенокосения и земледелия. В связи с этим наблюдалось сокращение перекочевков во времени и пространстве, удлинении срока пользования призимовочными пастбищами и более интенсивное зимнее содержание скота. Теперь немало киргизских общин, сохранивших только видимые формы кочевого быта; круглый год они вращаются около своих зимовок, откочевывают на лето не более 5–6 верст, зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец же,

рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, причем все почти занимаются земледелием» (Тресвятский, 1917: 66).

Во второй половине XIX – начале XX веков основной формой жизнедеятельности казахского общества являлось кочевое скотоводческое хозяйство, которое было наиболее адаптировано к местным региональным природно-климатическим условиям. В результате земельной и переселенческой политики Российского государства в казахской степи, повлекшей за собой изъятия огромных земельных пространств из скотоводческого хозяйственного оборота, распространения оседлой земледельческой культуры, в условиях рынка кочевое хозяйство стало приспосабливаться к изменившимся социально-экономическим обстоятельствам. Это нашло свое проявление в изменении структуры традиционного стада, распространении интенсивных форм ведения хозяйства и новых методов развития скотоводства.

Состав стада кочевого казахского хозяйства издавна строго подчинялся естественным условиям и общему строю хозяйства. Наибольший процент принадлежит мелкому рогатому скоту, который наиболее приспособлен к климату южных сухих пустынных областей и довольствуется незначительной растительностью. Большую роль в хозяйстве играют лошади и верблюды, которые легко переносят большие переходы и охотно съедают различные кустарниковые и травянистые растения, непригодные для других видов скота. Процент крупного рогатого скота незначителен, так как он менее приспособлен к далеким переходам.

Аналогичная тенденция роста крупного рогатого скота, наиболее востребованного на рынках России и Европы, была характерна не только для экономики Евразийского региона, но и прослеживается в истории хозяйства других народов, например Франции. Если в конце XVIII века здесь имеется более 1,7 млн лошадей и от 6 до 7 млн быков, то в 1862 году насчитывается около 3 млн лошадей и около 13 млн быков, то есть наблюдается резкое увеличение поголовья крупного рогатого скота, что также объяснялось увеличением потребления мяса (Бродель, 1997: 36).

Введение нового административного устройства в Степном крае, и самое главное объявление государственной собственностью всех казахских земель серьезно отразилось на состоянии скотоводства в степных областях региона. Однако, развиваясь согласно существующим традициям и еще не испытывая сильного влияния новой оседло-земледельческой культуры, скотоводство Центрального Казахстана продолжало развиваться в количественном отношении и сумело занять достойное место в экономике Российского государства и всего Евразийского региона.

В Римской империи после ослабления потенциала иберов и галлов в III веке н.э. активизировалось предоставление полей для германских племен, более приспособленных к жизни в пределах Римской империи.

Изменение административной и экономической ситуации в регионе, периодические джугты, падежи скота от хищных животных и болезней, распространение рыночных отношений вынуждали не только обедневшую часть казахского общества, но и представителей богатых слоев населения обращаться к земледелию, сенокосению.

Большую роль в развитии земледелия сыграло оседло-земледельческое население Центрального Казахстана, численность которого, хотя и медленно, но неуклонно росла.

Следовательно, в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков «картина чисто-скотоводческого хозяйства нарушается появлением земледелия, которое проникает в степь двумя путями: с юга – от земледельческих племен Центральной Азии, и с севера – от русских» (Отчет о деятельности, 1899: 24). В казахской степи, где ранее господствовала чисто кочевая скотоводческая культура, хозяйство казахов начинает дополняться новыми формами экономического развития.

В Римской империи «поля» предоставлялись за счет галлов, кочевничество как германская традиция теснило земледельческий уклад в галльском варианте.

Характерной особенностью распространения земледельческой культуры среди кочевого населения Казахстана во второй половине XIX века – начале XX веков являлось то, что в условиях сокращения традиционных пастбищных земель казахи, не имея кормовых источников и возможностей свободного выпаса, начинали заниматься земледелием для поддержания традиционного скотоводческого хозяйства и увеличения поголовья своего стада. «Началом введения земледелия в казахские степи должен рассматриваться тот период, когда богатые казахи вынуждены были искать дополнительный корм для своих поголовий скота, только лишь с этого периода земледелие становится постоянным» (Олкотт, 1997: 320). В связи с этим одним из первых традиционных видов выращиваемых злаков в казахском хозяйстве является овес.

Вместе с тем необходимо отметить, что земледельческая культура в центральной части Казахстана получила свое развитие сравнительно поздно – во второй половине XIX века, по причине слабой заселяемости региона русским населением, отдаленности от центров, высокого процента казахского населения.

Традиция земледельческой культуры в казахском хозяйстве Центрального Казахстана, несмотря на относительную молодость, получила хорошее развитие. Даже в южных волостях Атбасарского уезда, где сохранилось традиционное кочевое скотоводство, в 1890-е годы можно было, как отмечают исследователи того времени, встретить «возделанные поля пшеницы, ярицы и ячменя, эти поля орошаются арыками, которые наполняются водою из ключа, неурожая при этих условиях не

бывает» (Шмидт, 1894: 2). Данный факт свидетельствует о больших достижениях казахского хозяйства в условиях рискованного земледелия.

Прекрасное знание местности, особенностей климата и почв позволило казахам во второй половине XIX – начале XX веков соперничать с крестьянским и казачьим населением. В материалах XIX века отмечается, что «ни один из кочующих в Сибири народов не может сравниться в успехах хлебопашества с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную» (Хозяйство казахов, 1980: 164).

Если крестьяне-переселенцы помогали овладевать казахам навыками подъема степей, то казахи помогали переселенцам овладевать опытом поливного земледелия. Причем было удивительным, что кочевники-казахи, особенно беднейшая их часть, среди родственной природы нашли возможность привить земледельческую культуру там, где слабые попытки станичников и поселенных солдат окончились неудачей. Объяснением тому было подневольное поселение, незнание особенностей поливного земледелия, несение службы и полубоевая обстановка среди малоизвестной природы. Урожай кочевого населения в конце XIX века были намного выше и лучше урожаев у русского населения, «ибо киргизские пашни пользовались искусственным орошением, тогда как русские пахари не устраивают арычной системы для их орошения своих полей (Обзор, 1889: 8).

Галльские пашни и обучение им будущих германских аллодистов были улучшаемы за счет удобрений. Поливного земледелия не было.

Вместе с тем земледельческие участки можно было встретить и в хозяйствах казахов, которые сами пренебрежительно относились к труду пахаря, но употребляли труд бедных за малое пропитание (Хозяйство казахов, 1980: 163).

В материалах Государственного архива Омской области в рукописи начала XX века по казахскому землепользованию Акмолинской области отмечается, что «первое и второе сословие (богачи и бедняки) живут непредприимчиво. Среднее же, находясь в большем общении с торговыми, бьющими жизнью пунктами, подчиняются изменяющимся условиям, знакомятся с новыми прежде чуждыми для них задачами, почему и разительно отличаются от первой и последней категории: они вырабатывают из себя совершенно новый тип кочевника» (ГАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 3. Л. 237).

Следовательно, крепкие средние хозяйства казахов, развивая товарное скотоводство, меняли свою психологию и оказывались наиболее восприимчивыми к переменам, что находило свое отражение в приобщении их к иным видам деятельности. «Такой кочевник, не меняя пока еще укоренившихся обычаев, нравов, меняет свои воззрения, привычки, условия жизни. Сталкиваясь с хлебопашцами, они заимствуют у них веру в почвенную силу земли, заимствуют способы обработки ее. Такой кочевник явился благодарным последователем новой культуры» (ГАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 3. Л. 238об.). Данное высказывание не умаляет значимости традиционного хозяйства, и вместе с тем доказывает высокую адаптивную способность казахского общества в рыночных условиях.

Поэтому можно сказать, что развитие хлебопашества среди кочевого населения не только не привело к сокращению поголовья скота, а, напротив, стимулировало скотоводство. На эту взаимосвязь также указывали чиновники, обследовавшие Акмолинскую область в 1910 году, которые писали: «Как ни странно, но с расширением размеров посевных площадей, а, следовательно, с уменьшением числа кочующих хозяйств увеличилось количество скота и площади сенокосов. Все это вместе взятое выгодным образом отражалось на экономическом положении населения уезда» (Сундетов, 1970: 36).

Однако новые традиции, формы хозяйствования перенимались местным населением достаточно сложно. Так, акмолинский уездный начальник в 1892 году в своем рапорте Степному генерал-губернатору о возможности среди казахов, особенно бедняков-джатаков, образовывать селения, отмечал, что «киргизы отрицают всякую возможность допустить в своей среде оседлые поселения по причине неимения удобных мест, и их нежеланием оставить кочевой образ жизни» (ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 4895. Л. 163). Это свидетельство подтверждает то, что в центральной части Казахстана вплоть до начала XX века основной образ жизни казахского населения был связан с кочевым скотоводством.

Поэтому российские исследователи начала XX века отмечали, что переход к новым формам хозяйствования в традиционном обществе должен быть поэтапным и постепенным. «Не следует забывать, – указывает Л. Чермак, – что переход от экстенсивного скотоводства к чисто земледельческому хозяйству и даже мелкие улучшения в хозяйстве, как, например: внедрение усовершенствованных орудий, машин, способов обработки почвы, растений, даются с трудом и требуют много времени. Тем более труден и долговременен переход для киргиза от первобытных форм кочевого скотоводства к оседлому земледельческому труду. Такой переход может быть осуществлен лишь постепенно, в более долгий срок, если предоставить все естественному ходу дела, и в более короткое время, если облегчить этот переход путем ряда соответствующих мероприятий» (Чермак, 1908: 7-8).

С мнением ученого соглашались и официальные власти: «Основываясь на отсутствии желания киргизских обществ образовывать оседлые селения даже при предложении условий не оставлять кочевой образ жизни летом, можно сделать вывод о том, что только течение времени, а главное

колонизация края русскими и живой пример могут заставить киргиз переходить к оседлой жизни» (Чермак, 1908: 8-9).

Поэтому именно развитие скотоводства, а не земледелия, как в других областях Казахстана, позволило казахскому обществу в новых экономических условиях суметь не просто выжить, а занять достойное место в экономике Российского государства.

5. Заключение

В условиях Центрального Казахстана в составе Российской империи наиболее приемлемой формой хозяйства можно считать смешанное, где важное место принадлежит скотоводству, так как естественно-исторические условия региона непригодны для повсеместного земледелия. Как замечается дореволюционными исследователями: «здесь должен выработаться совершенно особый, своеобразный тип хозяйства, в котором земледелие и скотоводство будут целесообразно сочетаться, в котором выгодно будут использоваться и выпасные угодья, и пригодные для пахоты и сенокосения места, в котором найдет себе место оседлое земледельческое скотоводство с кратковременным и недалеким отгоном скота на летние пастбища, но без подножного кормления зимой. Тип этот уже намечается, к нему приблизились киргизы» (Район железной, 1914: 123).

Напротив, оба варианта адаптации галло-иберов и галло-германцев в составе Римской империи не имели социально-экономической поддержки, обладали лишь военным и социально-экономическим потенциалом с уступкой кризисно-античного рабства в пользу колоната. Модернизация с V–VII вв. нашей эры в данной местности, скорее всего, связана с идеологией «moderni», то есть «новые», как себя называли приверженцы новой религии – христианства.

Однако это уже было условие становления священной Римской империи немецкой нации – средневекового государственно-политического образования, основанного на феодальных социально-экономических отношениях.

В целом по проблеме, отраженной в статье, надо заметить, что проблема адаптации в компаративистском ключе для Российской и Римской империи по вопросам включения галло-германцев в Римскую империю и казахов в Российскую империю представляется нам довольно интересной и заслуживает дальнейшего изучения.

Литература:

- Абдрахманова, 1998 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Полиграфия, 1998, 136 с.
- Абжанов, Селиверстов, 2004 – Абжанов Х.М., Селиверстов С.В. Критическое столетие: размышления историков // Мысль. 2004. № 2. С. 6-12.
- Большой словарь, 2000 – Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Бродель, 1992 – Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т.3. 679 с
- Бродель, 1997 – Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч. 2. Крестьянская экономика до начала XX века. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 511 с.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Журнал Совещания, 1907 – Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб.: Тип. МВД, 1907. 145 с.
- Ибрагимова, 2006 – Ибрагимова Г.Е. Землеустройство казахского населения в первой трети XX века: теория и практические подходы. Караганда: Изд-во КарГУ, 2006. 318 с.
- Катанаев, 1895 – Катанаев Г. Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации // Записки ЗСИРГО. Книжка XVIII. Выпуск II. Омск: Типография Окружного Штаба, 1895. С. 28.
- Козыбаев, 2000 – Козыбаев М. Казахстан на рубеже веков. Кн. 1. Память народа. А.: Гылым, 2000. 418 с.
- Кусайынулы, 2001 – Кусайынулы К. Читая документы о казахстанско-российских отношениях XVIII–XIX веках. Алматы: Данекер, 2001. 140 с.
- Лурье, 1999 – Лурье С.В. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия // Вестник Евразии. 1999. № 1-2. С. 20-37.
- Малтусынов, 2006 – Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 332 с.
- Обзор, 1889 – Обзор Семипалатинской области за 1888 год. Семипалатинск, 1889. С. 46.
- Олкотт, 1997 – Олкотт М.Б. Казахи // Из истории казахов. Составитель Е. Аккошкар. Алматы: Жалын, 1997. С. 303-336.
- Осипова, 1985 – Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука, 1985. 235 с.
- Отчет, 1899 – Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1898 год. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1899. 32 с.

- Полянский, Жамин, 1986 – Экономическая история капиталистических стран / Под ред. Ф.Я. Полянского, В.А. Жамин. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 358 с.
- Район железной, 1914 – Район железной дороги Спасский завод – Пишпек в экономическом отношении. СПб: Тип. А.Ф. Дресслера, 1914. 270 с.
- Сириус, 1928 – Сириус М. К вопросу о наиболее рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане // *Народное хозяйство Казахстана*. 1928. № 6-7. С. 15-36.
- Сулейменов, 1963 – Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX веков (1867-1907 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. С. 176-162.
- Сундетов, 1970 – Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана на материалах северо-восточных областей. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970. 127 с.
- Тресвятский, 1917 – Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. Пг., 1917. 135 р.
- Тулеуова, 2012 – Тулеуова Б.Т. Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. 193 с.
- Хворостанский, 1907 – Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации*. 1907. № 1. С. 53-103.
- Хозяйство казахов – Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу). Под ред. Г.В. Дахшлейгера. Алма-Ата: Наука, 1980. 254 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чермак, 1908 – Чермак Л. Формы киргизского землепользования // *Сибирские вопросы*. 1908. № 41-42. С. 4-11.
- Шмидт, 1894 – Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской округе // *Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII*. Омск: Тип. Окруж. Штаба, 1894. С. 1-149.
- Ядринцев, 1892 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С-Пб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. С. 55.
- Burbank, Cooper, 2010 – Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton Univ. Press, 2010. 528 p.
- Parsons, 2010 – Parsons T. The Rule of Empires. Oxford. Oxford Univ. Press, 2010. 496 p.

References

- Abdrakhmanova, 1998 – Abdrakhmanova B.M. (1998). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Astana: Poligrafiya, 136 p. [in Russian].
- Abzhanov, Seliverstov, 2004 – Abzhanov Kh.M., Seliverstov S.V. (2004). Kriticheskoe stoletie: razmyshleniya istorikov [Critical Century: Historians' reflections]. *Mysl'*. № 2. pp. 6-12 [in Russian].
- Bol'shoi slovar', 2000 – Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [A great explanatory dictionary of the Russian language]. Pod red. Kuznetsova S.A. SPb: Norint, 2000. 1536 p. [in Russian].
- Brodel', 1992 – Brodel' F. (1992). Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV-XVIII vv. [The Time of Peace. Material civilization, economics and capitalism. XV–XVIII centuries]. М.: Progress. Т. 3. 679 p. [in Russian].
- Brodel', 1997 – Brodel' F. (1997). Chto takoe Frantsiya. Kn.2. Ch.2. Krest'yanskaya ekonomika do nachala XX veka [What France is. Book 2. Part 2. Peasant economy before the beginning of the twentieth century]. М.: Izd-vo im. Sabashnikovoykh. 511 p. [in Russian].
- Burbank, Cooper, 2010 – Burbank J., Cooper F. (2010). Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton Univ. Press. 528 p.
- GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [The State Archive of the Omsk region]
- Zhurnal Soveshchaniya, 1907 – Zhurnal Soveshchaniya o zemleustroystve kirgiz. 145 p. [Journal of the Meeting on the Land Management of the Kirghiz]. SPb.: Tip. MVD, 1907. 145 p. [in Russian].
- Ibragimova, 2006 – Ibragimova G.E. (2006). Zemleustroystvo kazakhskogo naseleniya v pervoi treti XX veka: teoriya i prakticheskie podkhody [Land management of the Kazakh population in the first third of the twentieth century: theory and practical approaches]. Karaganda: Izd-vo KarGU. 318 p. [in Russian].
- Katanaev, 1895 – Katanaev G. (1895). Vozmozhno li pri sushchestvuyushchikh znaniyakh i dannykh o Sibiri opredelit' kolichestvo svobodnykh, godnykh i udobnykh zemel' dlya kolonizatsii [If it is possible to determine the number of free, suitable and convenient lands for colonization with existing knowledge and data on Siberia]. *Zapiski ZSIRGO*. Knizhka XVIII. Vypusk II. Омск: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba. [in Russian].
- Kozybaev, 2000 – Kozybaev M. (2000). Kazakhstan na rubezhe vekov. Kn. 1. Pamyat' naroda. [Kazakhstan at the turn of the century. Book. 1. The memory of the people]. А.: Fylym. 418 p. [in Russian].
- Kusaiynuly, 2001 – Kusaiynuly K. (2001). Chitaya dokumenty o kazakhstansko-rossiiskikh otnosheniyakh XVIII–XIX vekakh [Reading documents on the Kazakh-Russian relations of the XVIII–XIX centuries]. Almaty: Daneker. 140 p. [in Russian].
- Lur'e, 1999 – Lur'e S.V. (1999). Evraziya: problemy sosedstva kul'tur i mezhkul'turnogo vzaimodeistviya [Eurasia: Problems of Cultures and Intercultural Interaction Neighborhood]. *Vestnik Evrazii*. № 1-2. pp. 20-37 [in Russian].

- Maltusynov, 2006** – *Maltusynov S.N.* (2006). Agrarnyi vopros v Kazakhstane i Gosudarstvennaya дума Rossii. 1906-1917 gg. (Sotsiokul'turnyi podkhod) [The agrarian question in Kazakhstan and the State Duma of Russia. 1906-1917 years. (Sociocultural approach)]. Almaty: Daik-Press. 332 p. [in Russian].
- Obzor, 1889** – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1888 god. [Review of the Semipalatinsk region for 1888]. Semipalatinsk, 1889. [in Russian].
- Olkott, 1997** – *Olkott M.B.* (1997). Kazakhi [Kazakhs] / Iz istorii kazakhov. Sostavitel' E. Akkoshkarov. Almaty: Zhalyn. pp. 303-336 [in Russian].
- Osipova, 1985** – *Osipova O.A.* (1985). Amerikanskaya sotsiologiya o traditsiyakh v stranakh Vostoka [American sociology about traditions in the countries of the East]. M.: Nauka. 235 p. [in Russian].
- Otchet, 1899** – Otchet o deyatelnosti Zapadno-Sibirskogo otdela RGO za 1898 god. [Report on the activities of the West Siberian Division of the RGO for 1898]. Omsk: Tip. Okr. Shtaba. 32 p. [in Russian].
- Polyanskii, Zhamin, 1986** – Ekonomicheskaya istoriya kapitalisticheskikh stran [The Economic History of the Capitalist Countries] / Pod red. F.Ya. Polyanskogo, V.A. Zhamina. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 358 p. [in Russian].
- Raion zheleznoi, 1914** – Raion zheleznoi dorogi Spasskii zavod – Pishpek v ekonomicheskom otnoshenii [District of railroad Spassky plant – Pishpek economically]. SPb: Tip. A.F. Dresslera. 270 p. [in Russian].
- Sirius, 1928** – *Sirius M.* (1928). K voprosu o naibolee ratsional'nom napravlenii sel'skogo khozyaistva v Severnom Kazakhstane [On the question of the most rational direction of agriculture in Northern Kazakhstan]. *Narodnoe khozyaistvo Kazakhstana*. № 6-7. pp. 15-36 [in Russian].
- Suleimenov, 1963** – *Suleimenov B.* (1963). Agrarnyi vopros v Kazakhstane poslednei treti XIX – nachala XX vekov (1867–1907 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan of the last third of the XIX – early XX centuries (1867–1907)]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. pp. 176-162 [in Russian].
- Sundetov, 1970** – *Sundetov S.A.* (1970). O genezise kapitalizma v sel'skom khozyaistve Kazakhstana na materialakh severo-vostochnykh oblastei [On the genesis of capitalism in agriculture in Kazakhstan on the materials of the north-eastern regions]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. 127 p. [in Russian].
- Tresvyatskii, 1917** – Materialy po zemel'nomu voprosu v Aziatskoi Rossii. Vyp. 1. Stepnoi krai. [Materials on the land issue in Asian Russia. Issue 1. Steppe edge]. Sostavitel' V.A. Tresvyatskii. Pg., 1917. 135 p. [in Russian].
- Tuleuova, 2012** – *Tuleuova B.T.* (2012). Adaptatsiya kazakhskogo obshchestva Tsentral'nogo Kazakhstana k rynochnym usloviyam vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Adaptation of the Kazakh society of Central Kazakhstan to market conditions in the second half of the XIX – early XX centuries]. Karaganda: Izd-vo KarGU. 193 p. [in Russian].
- Khvorostanskii, 1907** – *Khvorostanskii P.* (1907). Kirgizskii vopros v svyazi s kolonizatsiei stepi [Kirghiz issue in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii*. № 1. pp. 53-103 [in Russian].
- Khozyaistvo kazakhov** – Khozyaistvo kazakhov na rubezhe XIX–XX vv. (Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu) [Kazakh economy at the turn of the XIX–XX centuries. (Materials for the historical-ethnographic atlas)]. Pod red. G.V. Dakhshleigera. Alma-Ata: Nauka, 1980. 254 p. [in Russian].
- Parsons, 2010** – *Parsons T.* (2010). The Rule of Empires. Oxford. Oxford Univ. Press. 496 p.
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Chermak, 1908** – *Chermak L.* (1908). Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use]. *Sibirskie voprosy*. № 41-42. pp. 4-11 [in Russian].
- Shmidt, 1894** – *Shmidt Yu.* (1894). Ocherk kirgizskoi stepi k yugu ot Aralo-Irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskoj okruge [An outline of the Kirghiz steppe to the south of the Aral-Irtysh watershed in Akmola district]. *Zapiski ZSO RGO*. Knizhka XVIII. Omsk: Tip. Okruzh. Shtaba. pp. 1-149 [in Russian].
- Yadrintsev, 1892** – *Yadrintsev N.M.* (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnosheniyakh [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical relations]. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova. [in Russian].

УДК 93(37)06:94(47)07

Процесс адаптации традиционного общества и империи (на примерах Римской и Российской империи, казахов и галло-германцев)

Вячеслав Владимирович Горовой ^{a, *}, Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова ^a,
Гульнара Муратбековна Смагулова ^a, Гульнара Ералиевна Ибрагимова ^b

^a Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gylnara2005@mail.ru (В.В. Горовой), b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова); gylnara2005@mail.ru (Г.М. Смагулова); dilnura@mail.ru (Г.Е. Ибрагимова)

Аннотация. В статье рассматривается опыт компаративистского сравнения взаимодействия традиционных обществ с исторически начинающей и для второго тысячелетия завершающей империями. Таковыми являются традиционные общества галло-германцев и казахов. Империей начинающей является Римская империя, завершающей – Российская империя. Адаптационные характеристики галло-германцев из Рима эпохи империи представлены историческими выводами. Для Российской империи и традиционного общества казахов выводы сделаны на основе формирования рыночных отношений. Причинами адаптационных взаимосвязей Римской империи и галло-германцев был опыт завоевания, причинами взаимосвязей Российской империи и казахов был опыт не только завоевания, но и установление рыночных отношений. Механизмами адаптационных отношений галло-германцев и Римской империи был образ укладности расцвета и кризиса античных рабовладельческих отношений. Организм адаптационной взаимосвязей казахов и Российской империи был прогрессивно усложнен развитием скотоводства и земледелия, включения казахов не только в административную систему Российской империи, но и в торгово-экономическую схему взаимодействия купечества и актива казахского общества, усваивающего новизну экономики.

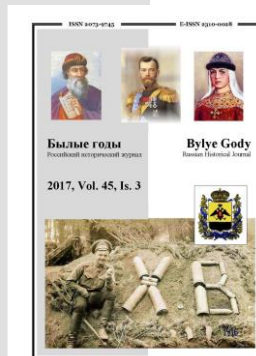
По мнению авторского коллектива, намечена основная линия прогрессивного сравнения двух адаптационных схем: галло-германцев и Римской империи; казахов и Российской империи. Примитивизм цивилизационного характера адаптации в рабовладельческой древности сменяется заинтересованностью экономических слоев в Российской империи. Вместе с тем авторский коллектив считает необходимость дальнейшего сравнения адаптационных схем в первом и во втором случаях в плане рассмотрения экономических функций, которые сильнее проявляются для второй схемы адаптации и слабее для адаптационных характеристик галло-германцев и Римской империи.

Ключевые слова: адаптация, Римская империя, племя и община, Российская империя, Казахстан, хозяйствование.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 727-753, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.727
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.22

«Circassian Armor» in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV – mid XIX centuries

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Alexey V. Salnikov ^b

^aNovosibirsk state University, Russian Federation

^bArmavir socio-psychological Institute, Russian Federation

Abstract

The article describes the composition, construction features and evolution of complex protective arms of soldiers of the North-West Caucasus of the late middle ages and early modern times. It is established that in the basis of "Circassian armor" XV – mid XIX centuries. Lay the protective arms of the Circassians epoch of the Golden Horde (XIII–XIV centuries).

The main direction of development of protective arms of the Northwest Caucasus XV – mid XIX centuries was optimization of the design of the ring structure booking protection corps (the displacement of the traditional "chain armor" more easy and practical ringed "shell"), the emergence and spread of new and updated types of combat helmets (small hats, pdpao, misource, etc.), and tricuspid Bracers with ringed belt connection and ringed "polenakovic".

Thus from the wide military use was supplanted by reliable but heavy helmets with masks-masks, the ring-plate body armor, decreased size and decreased the frequency of the use of shields, etc. the Result of this process was the gradual relief of the already not too heavy armor complex. The comparative analysis allowed to determine the "Circassian armor" as a special subcomplex (option) of the North Caucasian regional complex of West Asian military cultural traditions. The evolution of this subcomplex in the XV–XVIII centuries was due to the development of local production technologies for the relatively small influence of the Ottoman and Iranian panoplie.

"Circassian armor" is one of the easiest protective weaponry complexes of the Western Asian military cultural traditions (the Circassians were not used so popular among the Turks and the Iranians ringed plate sertaline armor, ring, plate gaiters, armor for horses, etc.).

However, the "Circassian armor" was optimally adapted to conduct intensive equestrian battle in the rugged conditions (including mining) and steppe landscape, which led to its popularity among many sedentary and nomadic peoples of the region and also determined the duration of its existence in military practice, soldiers of the North Caucasus and Eastern Europe. Reliable, but easy enough defensive armament allowed the Circassian armored units to combine mobility with high breakthrough capacity and sustainability in the near and distant combat, which made them extremely dangerous opponent, as for the armies of the nomads of Eastern Europe, and for the regular and irregular troops of the Russian Empire.

Keywords: North Caucasus, Western Asia, Circassians, armour, armor, helmets, gauntlets.

1. Введение

В эпоху Средневековья и раннего Нового времени территория Северо-Западного Кавказа¹ являлась одним из важных центров по производству защитного и наступательного вооружения в

* Corresponding author

E-mail addresses: spsmil@mail.ru (L.A. Bobrov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

Евразии. В XIII–XIV вв. продукция местных мастеров была хорошо известна и популярна среди оседлых и кочевых народов Восточной Европы. Более того, отдельные образцы северокавказского вооружения вывозились далеко за пределы региона, в том числе в отдаленные районы Западной и Южной Сибири, Мавераннахра, Восточного Дашт-и Кипчак и др. (Горелик, 2008: 172, 173; Бобров, 2014: 363–365; Бобров, Белоусова, 2015: 156–160). Наряду с клинковым и длиннодревковым оружием предметом черкесского экспорта являлись шлемы, панцири, щиты и дополнительные защитные детали. Доспехи северокавказского производства отличались высоким качеством исполнения и впечатляющими боевыми характеристиками. Кроме того, местные оружейники активно экспериментировали с новыми видами корпусной брони, конструкцией шлемов и щитовых усилителей.

Так, в частности, с территории Прикубанья происходит один из самых ранних образцов знаменитого кольчато-пластинчатого доспеха, получившего в XV–XVIII вв. широчайшее распространение среди воинов Мусульманского Востока.² Не исключено, что именно адыги являлись изобретателями шлемов составленных из четырех (реже двух) пластин соединенных между собой сваркой, которые стали особенно популярны среди воинов Восточной Европы и Северного Кавказа в Золотоордынский период. Кроме того, вероятно, именно мастера Северо-Западного Кавказа адаптировали западноевропейские щитовые усилители из металла для круглых ручных щитов азиатского образца, которые затем стремительно распространились по многим районам империи Чингизидов и т.д. (Горелик, 2004: 193, 194; Горелик, 2008: 169–173, 186, 189; Нарожный, 2008: 152–154; Двуреченский, Барышев, Бирюков, 2012: 16, 17; Бобров, 2014: 363–365; Бобров, Белоусова, 2015: 160).

Крушение Золотой Орды дало новый импульс развитию черкесского доспеха. В период позднего Средневековья, панцири и шлемы, изготовленные северокавказскими оружейниками, высоко ценились представителями военно-политической элиты Великого Княжества Московского (позднее, Московского царства), Османской империи, Сефевидского Ирана, Крымского ханства, Речи Посполитой и других государств региона. В 1595 г. персидский шах Аббас I Великий (1587–1629), показывая российскому посланнику князю Андрею Звенигородскому «шелом и шапки и зерцала» изготовленные иранскими оружейниками, особо подчеркнул, что «...пансыри добрые выходят к нам из Черкас».³ По всей видимости, кольчатые «пансыри» черкесского производства поступали в Иран в конце XVI – начале XVII вв. в ходе торгового обмена или дипломатических подарков. Так, например, в 1615 г. князь Малой Кабарды Мудар Алкасов отвез в дар все тому же Аббасу I пять иноходцев и «пансыри» (Аствацатурян, 2004: 100). Не гнушались черкесским защитным вооружением и представители российской знати. Так, например, на страницах пространной редакции «Задонщины» (написанной, предположительно, в 20–30-е гг. XVI в.) отборные русские воины вступают в бой одетые в «золоченые доспехи», с «московскими» щитами, но имея на голове «шоломы чиркаския» (т.е. высокие черкесские шлемы). В духовном завещании князя Ю.А. Лепинского-Оболенского (составлено не ранее 1547 г. и не позднее 1564 г.), наряду с другими предметами защитного вооружения, также упомянут «шелом тамошний черкесский» (Аствацатурян, 2004: 97).

В XVII в. кольчатые черкесские доспехи поступали, не только в арсеналы иранского шаха, но и в «казну» русского царя. Некоторые из них хранились в Оружейной Палате Московского Кремля (Гордеев, 1954: 87, 94). В 60-х гг. XVII в. российские власти прикладывали значительные усилия для создания в Астрахани центра по производству защитного вооружения под руководством опытных черкесских кузнецов («черкас пансырного дела самых добрых мастеров»). Последние должны были не только изготавливать кольчатые доспехи, но и обучить этому искусству местных и присланных из Оружейного Приказа Москвы «иноземных литовских ребят» (Аствацатурян, 2004: 100; Ривкин, Пинчо, 2011: 79).

Северокавказское защитное вооружения экспортировалось и на территорию Речи Посполитой. Доспешный комплекс воинов «пятигорских», «казачьих» («панцерных») литовских и польских *хоругвей* в значительной степени повторял традиционное вооружение панцирников Северного Кавказа XVI–XVII вв.⁴

¹ Под Северо-Западным Кавказом мы понимаем регион, ограниченный с запада Черным Морем, а с востока правобережьем р. Сунжа. Северная граница региона проходит по рекам Кубань и Кума, а южная – по р. Псоу.

² Фрагмент кольчато-пластинчатой брони, датированный серединой XIV в. был обнаружен в погребении у п. Праздничный в Прикубанье (Горелик, 2008: 169, 170, 184, 185).

³ Согласно исследованиям М.В. Горелика, этноним «черкесы», по отношению к адыгам, был впервые применен монголами периода Великих завоеваний XIII в. и зафиксирован в тексте «Сокровенного сказания» (около 1240 г.). Позднее этот термин в приложении к адыгам встречается и у других восточных и западных авторов (Горелик, 2008: 158, 159). Так, в частности, Д. Интериано отмечал, что восточные народы называют коренных жителей северо-западного Кавказа – черкасами (Аталиков, 2010: 19). Судя по контексту, говоря об изделиях мастеров «Черкас», Аббас I имел в виду предметы защитного вооружения изготовленные адыгскими мастерами.

⁴ Согласно исследованиям Б. Барановского, О.А. Курбатова, С.П. Лапшова конница «пятигорцев» была создана в Литве в середине XVI в. по образцу отрядов горской знати, переселившейся в Литву из районов Пятигорья. «Пятигорцы» из литовской шляхты имели защитное снаряжение подобно кавказским горцам, но использовали традиционное польско-литовское оружие и способы конного боя (Барановский, 1979: 249–252; Курбатов, 2007: 7; Лапшов, 2017).

Видное место защитное вооружение северокавказского производства занимало в арсенале знати кочевых народов Восточной Европы XVII – начала XIX вв. В этот период его активно использовали представители крымско-татарской, ногайской и калмыцкой аристократии (Бобров, Сальников, 2016а; Бобров, Сальников, 2016б). На самом Северном Кавказе производство защитного вооружения сохранялось вплоть до середины XIX в., а в некоторых районах региона, его продолжали изготавливать даже во второй половине данного столетия. При этом новые панцирные детали, нередко, собирались из фрагментов старых доспехов.

Защитное вооружение народов Северного Кавказа XV–XIX вв. неоднократно привлекало к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Из работ последних десятилетий следует отметить фундаментальный труд Э.Г. Аствацатурян, тематические разделы монографии А.С. Марзеев, а также статьи Е.И. Нарожного, К.В. Скибы, Д.Ю. Чахкиева, Ю.А. Кулешова, Р.Б. Схатума, Л.И. Смирновой, и др. (Аствацатурян, 2004; Чахкиев, Нарожный, 1990; Смирнова, 1990; Схатум, 2003; Марзей, 2004; Скиба, 2004; Кулешов, 2008; Кармов, 2014; Карпов, 2015; Остахов, 2015; Сальников, 2015). Из недавних публикаций иностранных авторов можно выделить монографии американских ученых К. Ривкина и О. Пинчо, а также описания защитного вооружения черкесского производства из собрания Музея искусств Метрополитен выполненные Д.Г. Александром (Ривкин, Пинчо, 2011; Rivkin, 2016; Alexander, 2015: 111-115).

В то же время необходимо отметить, что многие вопросы, связанные с комплексом защитного вооружения народов Северного Кавказа, изучены еще в недостаточной степени. Так, в частности, не систематизированы и не классифицированы доступные вещественные материалы по доспеху адыгов, осетин, чеченцев, ингушей, аварцев, кумыков и других народов Северного Кавказа XV–XIX вв. из музейных собраний и частных коллекций Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья, не выделены особенности северокавказского доспеха, по сравнению с защитным вооружением соседних народов, не установлены основные направления эволюции северокавказского доспеха на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, не определена роль северокавказского доспеха в эволюции защитного вооружения кочевников Восточной Европы (крымских татар, ногайцев, калмыков, башкир). К числу слабоизученных тем относятся и проблема становления и развития позднесредневекового «черкесского» доспеха Северо-Западного Кавказа в рамках системы защитного вооружения Мусульманского Востока.¹ Последней теме и посвящена настоящая работа.

2. Материалы и методы

Решение поставленной научной задачи возможно на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников. Основой источниковой базы исследования являются вещественные материалы, представленные археологическими находками и предметами вооружения из старых музейных собраний, арсеналов и частных коллекций. Нами собраны сведения о 209 корпусных панцирях, 162 боевых наголовьях, 95 наручах и панцирных «полурукавицах», 22 щитах, которые могут быть датированы XV – серединой XIX вв. и соотнесены с комплексом защитного вооружения северокавказских воинов данного исторического периода. Подлинные образцы защитного вооружения представлены, как целыми экземплярами, так и их фрагментами.

Сведения, полученные при анализе вещественных источников, дополняются и уточняются с помощью изобразительных и письменных материалов. Изобразительные источники представлены графическими и акварельными рисунками, гравюрами, живописными картинами, выполненными российскими и европейскими художниками позднего Средневековья и раннего Нового времени. Особой разновидностью изобразительных источников являются постановочные фотографии статистов, а также бойцов «Собственного Его Императорского Величества Конвоя» в аутентичных доспехах, сделанные во второй половине XIX – начале XX вв. Всего собрано и проанализировано более 140 изображений панцирников региона. Письменные свидетельства о защитном вооружении воинов Северного Кавказа оставили османские, российские и европейские авторы XV–XIX вв. Данные описания позволяют уточнить некоторые вопросы эволюции доспеха народов Северного Кавказа, а также особенности боевого применения различных элементов защитного вооружения.

Отмечая специфику источниковой базы по теме исследования необходимо подчеркнуть, что профильные материалы локализуются по хронологической шкале интересующего нас исторического периода весьма неравномерно. Так, в частности, большинство подлинных образцов доспехов из старых собраний, арсеналов и частных коллекций, а также основная часть письменных и изобразительных свидетельств датируется XVII – серединой XIX вв., в то время, как материалы более раннего исторического периода представлены, преимущественно, предметами вооружения из археологических памятников и случайными находками.

¹ Термин «черкесский» применяемый к доспеху народов Северо-Западного Кавказа в известной степени условен, так как защитное вооружение адыгов рассматриваемого исторического периода имело симбиотический характер и сочетало в себе, как изделия местного производства, так и импортные предметы вооружения (см. ниже).

Также необходимо отметить, что среди позднейших материалов численно преобладают образцы «черкесского» защитного вооружения, происходящие с территории Северо-Западного Кавказа. Что касается панцирей, шлемов, щитов и дополнительных защитных деталей воинов Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана, то они составляют около 30 % от общего числа предметов защитного вооружения рассматриваемой серии. Данная ситуация обусловлена, как объективными, так и субъективными причинами связанными с особенностями военного дела народов различных районов Северного Кавказа XV–XIX вв., а также спецификой формирования профильной источниковой базы.

Тем не менее, изучение археологических источников, а также сравнительный анализ защитного вооружения Северного Кавказа XVII – середины XIX вв. с доспехом народов региона Золотоордынского периода позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать основные направления эволюции защитного вооружения населения Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа на протяжении переходного периода охватывающего XV–XVI вв. Также следует учитывать, что в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, в изучаемом регионе, широкое распространение получила практика передачи наиболее ценных предметов защитного вооружения из поколения в поколение.¹ Среди местной знати сформировался настоящий «культ» древнего оружия, которое нередко наделялось почти мистическими свойствами.² Старинные доспехи периодически «подновлялись» и дополнительно украшались местными мастерами и вновь передавались владельцам. В результате многие северокавказские панцири, наручи и шлемы, традиционно датированные концом XVIII–XIX вв., в реальности были изготовлены значительно раньше данного периода. Так, например, некоторые черкесские шлемы и миссюрки XVIII–XIX вв. имеют в своей основе железные тульи западноазиатского производства XV–XVII вв. (Ривкин, Пинчо, 2011: 81, 82), а комбинированное наголовье из Аргунского ущелья было и вовсе снабжено маской-личиной золотоордынского времени (Кулешов, 2008: 94–98).

Главным методологическим основанием научных исследований, по изучению комплекса защитного вооружения народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени, являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

В последние десятилетия все более широкое признание в научной среде получает междисциплинарный метод предметных научно-исторических реконструкций. Выполненные из аутентичных материалов с применением соответствующих производственных технологий реконструированные предметы вооружения становятся объектом научных экспериментов позволяющих уточнить многие спорные вопросы, касающиеся особенностей изготовления и боевого применения различных типов доспехов, а также оружия дистанционного и ближнего боя.

Большинство указанных выше традиционных методов позволяют анализировать комплекс защитного вооружения на уровне определенного региона, этноса или государства. Для объяснения и анализа процесса эволюции азиатского доспеха на макрорегиональном и континентальном уровне одним из авторов настоящей работы были введены и обоснованы такие понятия как: Военно-культурная традиция (ВКТ), Региональный комплекс вооружения (РК), Субкомплекс вооружения (Ск).

¹ Согласно наблюдениям Р.Б. Схатума, начиная с XV в. адыги перестают помещать в погребения предметы защитного вооружения. С этого времени стандартный оружейный набор, помещаемый в могилу вместе с погребенным, включает почти исключительно оружие дистанционного и ближнего боя: луки, стрелы, сабли, значительно реже – шестоперы и топоры (Схатум, 2003: 226).

² Так, например, Ян Поттоцкий писал в 1798 г., что кольчатые панцири «...которые делаются в настоящее время, не в слишком большом почете, но у них есть старинные, которым нет цены; считают, что их производили некие девственницы и которых называли таххуты» (Аствацатурян, 2004: 99). Среди воинов Северного Кавказа XVIII–XIX вв. широко бытовало мнение, что старинные доспехи практически не пробиваемы для обычного оружия и хорошо защищают владельца даже от пистолетной и ружейной пули.

Военно-культурная традиция (ВКТ) в сфере защитного вооружения – исторически сложившаяся, изменяющаяся во времени и пространстве практика изготовления и применения панцирных комплексов, отличающихся от аналогичных комплексов других регионов преобладающими структурами бронирования корпусных панцирей, конструкцией шлемов, щитов и дополнительных защитных деталей. Для ВКТ характерны перманентная внутренняя эволюция и взаимодействие с соседними ВКТ, которое приводит к расширению или сокращению ареала распространения той или иной военно-культурной традиции. ВКТ – наднациональное и надгосударственное явление. Зародившись на территории определенного государства или нескольких государств, она может распространяться за их пределы не только путем успешной военной экспансии ее носителей, но и в ходе заимствований технологий, конструктивных и оформительских решений. Основным условием развития и распространения ВКТ является технологическое совершенствование производимых предметов вооружения. В качестве объективных или субъективных причин, стимулирующих/сдерживающих процесс эволюции и распространения ВКТ, выступают специфика ресурсной и производственной базы, политика и финансовые возможности местных властей, особенности военного дела того или иного народа, военная мода, культурные и религиозные традиции и т. д.

Военно-культурные традиции являются основными субъектами процесса эволюции азиатского доспеха. Последний представляет собой процесс взаимодействия и развития военно-культурных традиций различных регионов.

Носителями ВКТ являются региональные комплексы (РК) защитного вооружения, различающиеся между собой преобладающей разновидностью доминирующих в ВКТ структур бронирования, преобладающим покроем корпусных панцирей, набором панцирных элементов, особенностями конструкции отдельных элементов панцирного комплекса, характерными чертами оформления панцирей, шлемов, щитов и дополнительных защитных деталей. В районах соприкосновения двух и более военно-культурных традиций нередко появляются симбиотические региональные комплексы вооружения, сочетающие в себе элементы нескольких ВКТ.

На государственном и этническом уровне региональные комплексы вооружения могут делиться на субкомплексы (варианты), различающиеся особенностями декоративного оформления панцирных элементов, наличием дополнительных или отсутствием характерных для РК в целом оформительских и конструктивных деталей. Как и региональные, оружейные субкомплексы по своему происхождению могут быть «основными» и «симбиотическими». Последние, как правило, возникают на стыке нескольких ВКТ. На окраинах региона могут существовать локальные оружейные субкомплексы, представляющие собой «осколки» древних военно-культурных традиций (Бобров, 2011: 39-41).

3. Обсуждение

Кратко рассмотрим состав, особенности конструкции и системы оформления, основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Северо-Западного Кавказа позднего Средневековья и раннего Нового времени, а затем сопоставим «черкесский доспех» с защитным вооружением народов Мусульманского Востока XV – первой половины XIX вв.

На протяжении длительного времени черкесская (в первую очередь кабардинская) знать являлась законодателем военной моды для многих народов Северного Кавказа. По образному выражению автора книги «Двадцать пять лет на Кавказе, 1842–1867» А.Л. Зиссермана: «Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами, откуда распространялась мода на платье, на вооружение (здесь и далее курсив наш – Авт.), на седловку, на манеру джигитовки». Данная идея была поддержана и развита участником Кавказской войны И.Д. Попко (1819–1893): «Рыцарская Кабарда была законодательницей мод и вкуса всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря...» (Попко, 1880: 110). Изучавший историю русско-кабардинского военно-политического сотрудничества В.Б. Вилинбахов отметил, что: «Влияние кабардинцев было значительно и выражалось в подражании им окружавших их народов в одежде, вооружении, нравах и обычаях. Искусство кабардинцев сидеть на коне, носить оружие, умение держаться, их манеры, были так своеобразны и поразительны, что ингуши, осетины и чеченцы отправляли в Кабарду своих детей учиться всему этому. Слова «он одет и ездит, как кабардинец» звучали наивысшей похвалой для них» (Вилинбахов, 1982: 240). Характерно в данной связи, что при формировании «Собственного Его Императорского Величества Конвоя», в состав которого были включены представители многих народов Северного Кавказа, именно «черкесский доспех» был определен в качестве эталона при изготовлении унифицированного защитного вооружения воинов данного элитного подразделения.

Основными потребителями металлического защитного вооружения на Северо-Западном Кавказе являлись верховные князья (*пцыххуэ*), князья (*пцы*, *пши*), дворянство (*уорки*) и наиболее состоятельные дружинники (вассалы *уорков*). При этом, согласно данным Джеймса Белла (середина XIX в.), владеть доспехом простым черкесам, якобы, запрещалось. И только по мере того, как адыги убедились, что панцирь «...не может служить защитой от пушечных выстрелов» разбогатевшие представители низших классов стали приобретать защитное вооружение: «Кольчуга, шлем и лук составляли вооружение князя или дворянина; если допустить, что этим вооружением и разрезалось пользоваться простым смертным (утверждают, что это им не разрешалось), то все же эти предметы

стоили слишком дорого, чтобы они могли бы стать общим достоянием, ни один из них не изготовлялся в стране¹... [однако позднее]. Многие из них и даже рабов стали путем торговли (заниматься торговлей всегда считается унижительным для двух других сословий) значительно богаче, чем большинство дворян и князей, и поэтому имеют возможность приобрести все, что необходимо для своей защиты» (Белл, 1974: 368; Аствацатурян, 2004: 27).

В связи с замечанием Д. Белла, значительный интерес представляет вопрос о широте распространения металлического защитного вооружения среди черкесских воинов позднего Средневековья и раннего Нового времени. В одном из донесений Василия Бакунина датированном 1743 г. сообщается о едва ли не поголовном обеспечении кабардинских «военных людей» металлическим защитным вооружением: «Ныне в Большой Кабарде на Баксане военных людей собраться может слишком 6 тысяч человек. А в Малой Кабарде у Татартюпа военных людей собраться может с небольшим три тысячи человек. А сабли и шашки припущенные у каждого кабардинца, да и панциря редкий человек не имеет» (Марзей, 2004: 2010).

Последнее утверждение представляется преувеличением, однако значительная роль панцирной конницы в черкесском военном искусстве позднего Средневековья и раннего Нового времени не вызывает сомнений и подтверждается многочисленными письменными и изобразительными источниками (см. ниже). Партнером адыгских панцирников выступала легкая конница и пехота. Согласно сообщению С.М. Броневского (1810 г.): «Каждый отряд состоит из панцирников, простой конницы и пехоты. Князья и уздени, одетые в панцири, с ближайшими их людьми составляют отборную конницу наездников, прочие разделяются на простую конницу и, смотря по обстоятельствам, на пехоту, в коей служат одни крестьяне, отправляя звание стрелков при случае защиты тесных проходов» (Вилинбахов, 1982: 133).

В локальных конфликтах численность конных панцирных воинов обычно не превышала нескольких десятков всадников. Однако во время масштабных военных компаний «пансырные» черкесские соединения могли насчитывать несколько сотен кавалеристов облаченных в железные доспехи. Так, например, А.Х. Бенкендорф лично наблюдал черкесский отряд, состоявший из более чем четырех сотен адыгских панцирников: «Потом мы снова оседлали коней, и по сигналу-стрелы, которую Рослам-бек самолично выпустил из своего лука на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооруженных различным оружием прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооруженная из всех, какие только могу быть...». Участник экспедиции в западную Черкессию в 1807 г. граф де Рошешуар упоминает «полчища всадников в железных бронях... вооруженных ружьями, саблями, пистолетами, пиками и даже луками...», которые атаковали российскую пехоту, построившуюся в каре во время боя состоявшегося между Анапой и Суджук-Кале (Мемуары графа..., 2002: 531).

В 1828 г. в рейде черкесов князя Джембулата Айтекова-Болотокова на занятую российскими войсками Кабарду участвовало, по разным данным, от нескольких сотен, до тысячи и более конных панцирников. Генерал-лейтенант Г.А. Эмануэль писал Николаю I, что 3-тысячная конница составленная «из закубанских черкесов и беглых кабардинцев», во главе с многочисленными панцирниками, в ходе сражения ожесточенно атаковала не только кавалерийские и пехотные подразделения, но и артиллерийские позиции российской императорской армии: «При сем всеподданейше пред В.И.В. осмеливаюсь свидетельствовать об отличной храбрости, оказанной нашими войсками, бывшими в сем деле, против отборных толико в большом количестве горцев, бывших в панцырях и сражавшихся с неимоверным усилием, нападая на артиллерию, каковых примеров прежде не бывало» (Всеподданейший рапорт..., 1878: 878, 879).

Еще более ярко участие черкесских панцирников в походе 1828 г. описал В. Потто: «Шествие Джембулата по русским пределам, сопровождалось даже некоторой торжественностью. Двухтысячная конница представляла незаурядное явление: почти половина ее состояла из представителей знатнейших закубанских фамилий, рыцарские доспехи которых – дорогие шлемы, кольчуги и налокотники – горели и сверкали под лучами июньского солнца» (Потто, 1998: 296).

Система обеспечения черкесских войск защитным вооружением осуществлялась за счет комплексного подхода. Часть шлемов, панцирей и дополнительных защитных деталей изготавливалась местными мастерами (в том числе с применением полуфабрикатов иностранного производства, а также старинных османских, иранских и кавказских шлемов и наручей). Кроме того, часть предметов защитного вооружения импортировалась в Черкессию из соседних государств и регионов. Так, в частности, корпусные панцири ввозились с территории Ирана, Османской империи, Кубани, Абхазии, России, Дагестана, тульи шлемов и наручи из Ирана, Закавказья, Османской империи и т.д. Таким образом, позднесредневековый «черкесский доспех» имел симбиотический характер и сочетал предметы защитного вооружения, как местного, так и иностранного производства. Согласно традиции, при установлении вассальных отношений князья выдавали своим уоркам, так называемый «дворянский подарок» («уэркъ тын») в состав которого входил и кольчатый панцирь. Дружинники получали доспехи от своих сюзеренов или приобретали их самостоятельно (Вилинбахов,

¹ Мнение Д. Белла о том, что в Черкесии отсутствовало собственное производство защитного вооружения проверяется другими письменными, а также вещественными источниками.

1982: 128-130; Аствацатурян, 2004: 27, 97-101; Марзей, 2004: 210; Бобров, Сальников, 2016а; 2016b; 2016с).

Классический комплекс металлического защитного вооружения черкесских воинов XVII – первой половины XIX вв. состоял из трех основных элементов: боевого наголовья, корпусного кольчатого панциря, а также створчатых наручей дополненных кольчатыми «полурукавицами». Рассмотрим данные элементы более подробно.

Черкесские боевые наголовья позднего Средневековья и раннего Нового времени представлены шлемами и мисюрками. Традиционно черкесские шлемы подразделяются исследователями на «высокие» («танж», «таш», «таж») и «низкие» или «средние» («ндьлао»). В музейных и частных собраниях России, Турции, Грузии, Ирана, США, ФРГ, Франции, Катара и других стран, хранятся не менее 112 шлемов изготовленных черкесскими мастерами, или иностранными оружейниками по черкесским образцам. По материалу изготовления тульи, все наголовья рассматриваемой серии относятся к классу железных, на основании конструкции тульи выделяются два отдела: клепаные (около 20 %), а также цельнокованые и сварные (около 80 %). На основании формы купола среди высоких наголовий типа «танж» выделяются три основных типа шлемов: конические (рис. 1, 1, 2; 2, 1), сфероконические (рис. 1, 3), цилиндроконические (Бобров, Сальников, 2016а: 330), а среди низких наголовий «ндьлао» два типа: сфероконические (рис. 2, 3) и полусферические. Наряду с классическими образцами применялись и шлемы переходных форм (рис. 2, 2).

При изготовлении шлемов черкесскими оружейниками XVII–XIX вв. не редко использовались тульи османских, иранских и кавказских наголовий более ранних исторических периодов, которые адыгские мастера дополняли новыми шлемовыми элементами: обручами, накладками, навершиями, а также кольчатыми бармицами «переднеазиатского типа».

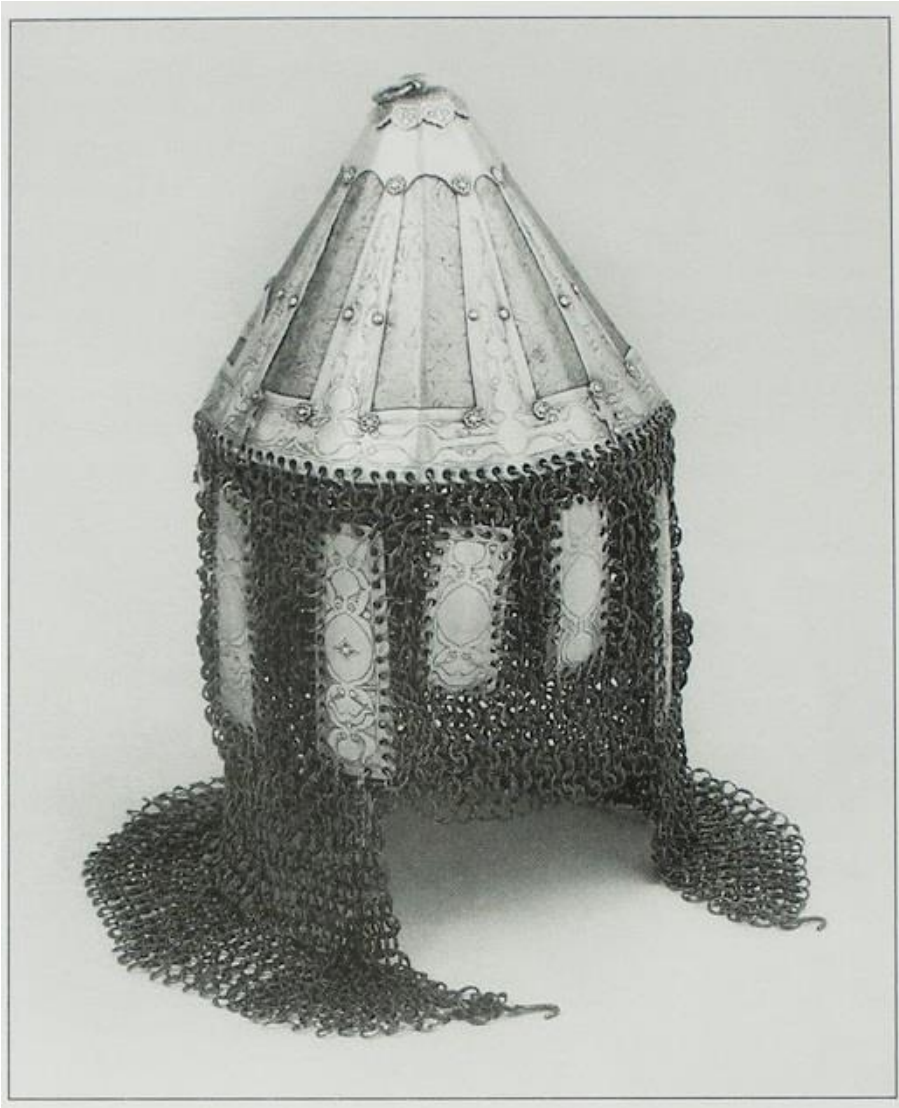

Рис. 1. Разновидности шлемов «танж» черкесского образца XVIII – начала XIX вв.:

1.1. «Танж» с кольчатой бармицей мастера Али, сына Хаджи Бакиса, 1785–1786 гг., ГЭ, Инв. № В.О.-3331

Характерными чертами конструкции шлемов черкесского производства является использование обручей, накладок, а также конических и сфероконических наверший выполненных из медного сплава, обычного или позолоченного серебра (рис. 1; 2). Поверхность данных шлемовых элементов покрывалась характерным орнаментом в виде «запятых», Y-образных растительных побегов (рис. 1, 1, 3), сетчатого узора типа «сито» (рис. 1, 1), трех- и четырехлучевой свастики (рис. 1, 3), многолучевых цветков с каплевидными лепестками и т.д. Фон рисунка убирался характерным

зубчатым орнаментом («зубчаткой»). Обручи и накладки шлемов не редко дополнялись округлыми или миндалевидными «мишенями» покрытыми надписями, выполненными арабским письмом, изображениями свастики и т.д. (рис. 1, 1,3; 2).

1.2. Конический «танж» с кольчато-пластинчатой бармицей, ГЭ, Инв. № В.О. –2802

Классическим типом черкесского плюмажа являлась пара красных лент, или лопастей из красного сафьяна, обшитого узорчатым галуном (рис. 1, 1; 2, 1). Несколько реже встречались плюмажи из одной или трех лент. Матерчатые лопасти крепились к специальному округлому или подтрапециевидному металлическому кольцу на навершии шлема (Аствацатурян, 2004: 97; Ривкин, Пинчо, 2011: 82, 83; Анисимова, 2013: 229, 231; Бобров, Сальников, 2016а; 2016б).

Все разновидности черкесских шлемов обычно снабжались кольчатыми или кольчато-пластинчатыми бармицами «переднеазиатского типа» имеющими специальный налобник защищающий лоб, а иногда и верхнюю часть лица (рис. 1; 2).¹ В боевом положении концы бармицы стягивались между собой и фиксировались под подбородком воина специальными парными крючками (рис. 1, 1,2; 3, 2; 4; 5). В отличие от своего иранского аналога, снабженного остроугольными фестонами, кольчатые бармицы черкесских наголовий обычно имели ровный нижний край (Аствацатурян, 2004: 99; Ривкин, Пинчо, 2011: рис. 26-28; Бобров, Сальников, 2016а, 2016б).

¹ Подобная конструкция позволяла существенно уменьшить высоту тульи шлема, а значит сделать его более компактным и легким. При этом защитные свойства наголовья почти не пострадали, так как вместо цельной пластины тульи или обруча лоб и затылок воина стала защищать кольчатая броня. Благодаря подобному конструктивному решению сфероконические и полусферические шлемы Северного Кавказа типа «пдыао» фактически заняли промежуточное положение между классическими шлемами и уплощенными миссюрками (рис. 2, 3).

1.3. «Танж» с кольчатой бармицей (кольцо для лент заменено на пиковидное навершие иранского образца).

Характерной особенностью конструкции черкесских шлемов XVII–XIX вв. является отсутствие пластинчатой защиты лица в виде наносника-стрелки. Данный факт представляет тем больший интерес, если учесть, что шлемы большинства ближних и дальних соседей черкесов обладали подобной защитой. Так, в частности, подвижными наносниками были снабжены иранские «кулахуды», османские шлемы различных типов, русские «шишаки», «ерихонки» и т.д. На наш взгляд данный факт объясняется не только особенностями оружейной традиции черкесов, но и спецификой их панцирного комплекса и боевой практики.

Рис. 2. Шлемы черкесского образца XVIII – первой половины XIX вв.
2.1. «Танж» с кольчатой бармицей, БМ, Инв. № 1881,0802.153

Как показали экспериментальные испытания, черкесские шлемы служат весьма надежной защитой от рубящих сабельных ударов, так как клинок скользит и срывается с гладкой тульи наголовий. Высокий купол шлемов типа «танж» амортизирует удар, а выпуклые грани на шлемах с ребристой тульей выполняют функцию ребер жесткости.

2.2. Шлем переходной формы, ГИМ, Инв. № 3340 ор

В некоторых случаях, клинок по инерции соскальзывает на ключицу обороняющегося воина, но не приносит ему существенного вреда, так как лезвие встречает на пути двойной слой кольчатой брони образованной лопастью бармицы и наплечной части корпусного кольчатого панциря. При нанесении вертикального рубящего удара сабельное лезвие сталкивается с плоскостью тульи, не задевая лба обороняющегося воина (дополнительную защиту верхней части лица при таком ударе выполняет кольчужный налобник). Гораздо более опасны для черкесского шлема боковые рубящие и фронтальные колющие удары. По всей видимости, их полагалось отражать собственным клинком, или внешней створкой стального наруча. Характерно, в данной связи, что поверхность черкесских наручей (особенно левого) часто покрыта следами от рубящих ударов оружия противника ([Ривкин, Пинчо, 2011: 81](#); [Бобров, Сальников, 2016а: 331, 332](#)).

2.3. Шлем «*ндълао*», 1796-1797 гг., ГИМ, Инв. № 16390 ор.

Большой популярностью среди состоятельных черкесских воинов рассматриваемого исторического периода пользовались мисюрки состоявшие из слабовыпуклого железного «напleshника» полусферической или сфероконической формы, а также кольчатой или кольчато-пластинчатой бармицы (рис. 3; 4; 5).

Рис. 3. Миссюрки черкесского образца XVIII- первой половины XIX вв.

3.1. Миссюрка с кольчатой бармицей, ВИМАИиВС, Инв. № 138/3 (Анисимова, 2013: 231)

Как и в случае со шлемами, при сборке наголовья черкесскими мастерами не редко использовались тульи старинных миссюрок западноазиатского производства. Гладкая или ребристая тулья миссюрки могла дополняться орнаментированным обручем (украшенным в технике «черкесской черни», неглубокой гравировки и т.д.) и невысоким сфероконическим или коническим навершием с кольцом для плюмажа (рис. 3).

3.2. Миссюрки с кольчато-пластинчатой и кольчатой бармицей, ГИМ (Аствацатурян, 2004: 99).

Данные элементы могли изготавливаться из медного сплава, обычного или позолоченного серебра и железа. Так же как и шлемы, черкесские миссюрки, в большинстве случаев, украшались плюмажом из пары цветных (как правило, красных) лент (рис. 4; 5).

Рис. 4. «Черкесский воин знатного происхождения в полном обмундировании, в кольчуге с колчаном стрел и луком, гарцующий на лошади». Рисунок Х.Г. Гейслера, конец XVIII в.

Все разновидности железных боевых наголовий воинов Северо-Западного Кавказа одевались поверх головного убора или подшлемника выполненного из мягких органических материалов. В некоторых случаях, для защиты головы применялись папахи, в подкладку которых могли вшиваться сегменты кольчатой брони. При определенных обстоятельствах папахи могли защитить их владельца от сабельного удара противника. Так, в частности, Т. Лапинский сообщал по этому поводу: «Головной убор состоит из высокой барашковой шапки на толстой подкладке, которая может выдержать сильный сабельный удар» (Марзей, 2004: 218).

Преобладающей разновидностью металлической защиты корпуса черкесских воинов являлись кольчатые «пансыри» сплетенные из небольших уплощенных колец соединенных на шип (в отличие от более крупных округлых в сечении колец «кольчуг» соединенных с помощью специального гвоздя).

Рис. 5. «Черкесский князь в полном обмундировании поверх кольчуги и черкесский воин в бурке для дождливой погоды». Рисунок Х.Г. Гейслера, конец XVIII в.

При сборке кольчатого доспеха адыгскими мастерами позднего Средневековья и раннего Нового времени традиционно применялось так называемое одинарное плетение, когда в одно кольцо вставлялись четыре соседних. При этом, кольца адыгских «пансырей» дополнительно сваривались кузнечным способом (методом горячей сварки), что обеспечивало очень надежное соединение колец и выгодно отличало «пансыри» черкесского производства от аналогичных изделий мастеров других регионов. Сами кольца иногда снабжались небольшим ребром жесткости, благодаря которому имели характерное треугольное или даже ромбическое сечение, что существенно повышало защитные свойства доспеха, хотя и увеличивало трудозатраты, а значит и общую стоимость брони. Основным преимуществом «пансыря» перед традиционной кольчугой был меньший вес¹, а также, возможно, более высокая скорость сборки. Кроме того, благодаря тому, что «пансырь» одевался выпуклыми шипами наружу, он не повреждал поддоспешную одежду (Гордеев, 1954: 87, 94; Аствацатурян, 2004: 100, 101; Ривкин, Пинчо, 2011: 84).

Основным видом покроя черкесских кольчатых панцирей была «рубаша» с неглубокими нагрудным и подольными разрезами и коротким (выше колен) подолом (рис. 5). Рукава кольчатой «рубашки» обычно доходили до локтя (рис. 4) или до середины предплечья, а в редких случаях до запястья воина. Иногда панцирь снабжался отложным или стоячим кольчатым воротником.

¹ Черкесские «пансыри» XVII в., хранящиеся в арсенале Оружейной Палаты Московского Кремля, сплетены из колец диаметром 1,0–1,1 см (толщина проволоки – 1,0–1,2 мм) и весят от 3,390 до 4,920 кг. Для сравнения, вес кольчуг в том же собрании достигает 8–17 кг. (Гордеев, 1954: 87, 94).

В последнем случае, для обеспечения воротнику вертикального положения в ряды колец протягивались специальные кожаные ремешки. В кольчужное полотно панцирей на груди и на спине могли вплетаться небольшие округлые пластинки (рус. «мишени») выполненные из обычной или посеребренной меди. Согласно «Описи» 1687 г. черкесские панцири, хранившиеся в арсенале Оружейной палаты Московского Кремля, были украшены тремя или шестью «мишенями» соответственно (Аствацатурян, 2004: 100, 101).

Считалось, что кольчатый «пансырь» черкесского производства должен был выдерживать не только рубящий удар клинкового оружия, но и pistolетную пулю. Качество доспеха, согласно Г.-Ю. Клапроту, проверяли следующим образом: «...кладут на теленка и стреляют из pistolета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается» (Аствацатурян, 2004: 100). Многочисленные сообщения иностранных путешественников и российских офицеров подтверждают, что при определенных обстоятельствах, кольчатый черкесский панцирь (в комбинации со стеганой поддоспешной одеждой) мог защитить его владельца не только от pistolетного выстрела, но даже от пули, выпущенной из гладкоствольного ружья. Так, например, поручик Симановский описал характерный эпизод, произошедший во время сражения с черкесами в 1837 г.: «При занятии аула несколько конных черкас были от нас не более как на 1/2 ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, нимало не конфузясь, удалялись от нас шагом и маленькой рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нам стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники...» (Гордин, 2000: 415; Аствацатурян, 2004: 100, 101).

Стоимость кольчатого панциря зависела от качества изготовления и дороговизны его декоративного оформления. «Черкасские пансыри» были оценены чиновниками «Оружейной Палаты» второй половины XVII в. в 6–10 руб., а «пансырь» с посеребренными медными «мишенями» в 15 руб. (Аствацатурян, 2004: 101). В тексте «Постановления о сословиях в Кабарде» упоминаются «лучший панцирь, стоящий двух крестьянок», а также «другой панцирь попроще, стоящий одной холопки» (История адыгейского народа..., 1861: 125).

Согласно Джеймсу Беллу (середина XIX в.), первоначально за качественную «кольчугу» покупателю «...приходилось отдавать, от 10 до 200 быков (в зависимости от качества)». Однако позднее, ввиду того, что черкесы убедились, что «кольчуга» не защищает от артиллерийского огня шрапнели ее стало «...можно теперь приобретать за половину ее прежней стоимости» (Аствацатурян, 2004: 27). За некоторыми элитными панцирями черкесская знать устраивала настоящую охоту. Борьба за старинный «блестящий и богатейший панцирь с золотыми гвоздиками» стала основной темой отдельного исторического предания записанного Шора Ногмовым (История адыгейского народа..., 1861: 114, 115).

Отмечая широкое распространение «пансырей» среди знатных черкесских воинов особо отметим, что наряду с ними, адыги использовали и классические кольчуги, как иностранного, так и, возможно, местного производства.

Как и другие воины Мусульманского Востока,¹ черкесы предпочитали носить кольчатый панцирь между двух слоев матерчатой одежды. Под панцирь поддевался стеганный ватный кафтан - «тэджэлей» (ср. с рус. «тягеляй» и монг. «дэгэл», «дэгэлэй»). Поверх кольчатого доспеха мог одеваться кафтан или куртка «танжъедед» с осевым разрезом, коротким подолом² и рукавами до локтя или (реже) до запястья (рис. 5), которая предохраняла металлический панцирь от нагревания на солнце и от воздействия влаги. Согласно Э. Кемпферу наддоспешники черкесской аристократии были шиты из шелковой ткани: «Знатнейшие люди страны носят теперь панцири, на которые они надевают шелковые кафтаны» (Аствацатурян, 2004: 99).

Судя по изобразительным материалам, верхние наддоспешные кафтаны обычно покрывались тканью белого или красного цвета.³ Нагрудная и наспинная часть кафтана могла усиливаться небольшими парными зеркалами округлой (круглой или овальной) формы изготовленными из стали, меди или медного сплава. Наличие многослойного разнотипного покрытия сочетающего эластичный железный доспех со стеганным поддоспешником усиливало защитные свойства комплекта в целом. И. Бларамберг писал по этому поводу: «Во время военных действий они надевают под кольчугу ватную одежду, благодаря упругости которой пули отскакивают еще лучше» (Марзей, 2004: 209).

В качестве защиты предплечья и кисти черкесскими воинами применялась комбинированная система защиты состоявшая из двух- или трехстворчатого наруча (черкес. «еушэджий») и

¹ В данном случае речь идет не о конфессиональной принадлежности черкесов, а об их защитном вооружении, которое развивалось в русле "мусульманской" оружейной традиции.

² В редких случаях с длинным подолом ниже колен.

³ Как правило, кафтаны были однотонными, но могли снабжаться более-менее широкой оторочкой из галунов или ткани другого цвета. Так, например, красный кафтан обычно оторачивался полосой белой или желтой материи. Кроме того, красные и белые кафтаны иногда украшались вышивкой или аппликацией в виде золотых цветков с распустившимися бутонами. В редких случаях наддоспешные кафтаны имели желтый, оранжевый, розовый, голубой, синий или зеленый цвет.

кольчужной «полурукавицы» (черкес. «*азшгел*»). Преобладающей разновидностью наручей были трехстворчатые образцы с комбинированным кольчато-ременным соединением (рис. 4). Железные створки наручей украшались орнаментированными накладками из серебра или медного сплава. Кольчужные «полурукавицы» черкесского образца (в отличие от большинства иранских аналогов) не пришивались к подкладке наруча, а одевались отдельно и фиксировались кожаными ремешками. Конструктивно они представляли собой матерчатую лопасть из красного, черного сафьяна или иной ткани (иногда на кожаной основе), которая не редко снабжалась выделенным большим пальцем. Обычно «полурукавица» состояла из раструбы с ровным или вырезным краем и сегмента прикрывавшего тыльную сторону ладони, поверх которого нашивалось кольчужное полотно. По краю обоих элементов мог пропускаться цветной галун (в том числе, из золотых или серебряных нитей), а внешняя сторона раструбы и нижняя сторона «полурукавицы» иногда украшалась вышивкой. В боевом положении раструбы заправлялись в наруч (рис. 4) или натягивались поверх створок. Если непосредственная опасность отсутствовала, то кольчужный сегмент на подкладке мог отгибаться вверх (рис. 5), в сторону локтя (Аствацатурян, 2004: 101, рис. 84; Ривкин, Пинчо, 2011: 80, 81, рис. 22, 23, 36; Образцов, 2015: 52, 53; Анисимова, 2013: 229).

В военном искусстве черкесов конный бой с применением длинноклинкового оружия играл исключительно важную роль. В подобных условиях наручи и кольчатые «полурукавицы» использовались не только для защиты предплечья и кисти воина, но и для парирования рубящих и отведения колющих ударов противника. Экспериментальные испытания показали, что система «*еушэдджий-азшгел*» представляла собой весьма надежную и эффективную защиту верхних конечностей воина. Так, в частности, установлено, что при угловом секущем ударе клинок скользит и срывается с гладкой поверхности большой створки наруча. При этом наибольшей деформации подвергаются не железные пластины, а декоративные латунные накладки. В условиях динамичного конного боя вероятность строго вертикального удара по поверхности наруча была не слишком высока. Однако даже если противнику удавалось нанести удар под углом в 90 градусов, прорубить полусферическую поверхность большой створки на толстой матерчатой подкладке было весьма не просто. Если же удар приходился под острым углом или по касательной, то он скользил по гладкой поверхности пластины (Бобров, Сальников, 2016с).

Необходимо отметить, что наряду с описанным выше «классическим» панцирным комплексом, черкесскими воинами иногда использовались, в целом, нестандартные для Северо-Западного Кавказа XVI–XIX вв. элементы металлического защитного вооружения. К их числу можно отнести кольчатые капюшоны или бешметы, «наколенники» (т.е., вероятно, кольчатые или кольчато-пластинчатые набедренники)¹, «пансырные плащи», щиты, кольчатые конские попоны и др. (Вилинбахов, 1982: 129, 132; Ривкин, Пинчо, 2011: 80).

Особо отметим такой элемент защитного вооружения, как щиты. Подлинные образцы щитов, усиленных железными умбонами и накладками, неоднократно встречаются в погребениях адыгских воинов Золотоордынского периода (Горелик, 2004: 185–187; Схатум, 2003; Горелик, 2008: 172, 173, 189).

Вопреки распространенному мнению, ручные щиты продолжали применяться черкесами и в более поздние исторические периоды. Так, например, их упоминает в числе основного вооружения адыгов османский путешественник Эвлия Челеби посетивший Северный Кавказ в 1666 г.: «Воины были обязаны иметь по одной чистокровной лошади, *щит*, лук со стрелами, меч, копьё» (Челеби, 1979: 59). О «больших, весьма тяжелых щитах» входивших в состав «древнего вооружения» черкесов сообщает и Шора Бекмурзин Ногмов (*История адыгейского народа...*, 1861: 23).

Однако в XVIII–XIX вв. щиты постепенно выходят из широкого военного обихода черкесских воинов. Академик Г.-Ю. Клапрот, побывавший на Северном Кавказе в 1807–1808 гг., при описании вооружения черкесов прямо указал, что «щит же у них не распространен» (Аствацатурян, 2004: 27).²

¹ Можно предположить, что кольчатые «наколенники» черкесов напоминали кольчужные набедренники или «штаны» сохранившиеся в комплексе защитного вооружения грузин-хевсуров вплоть до начала XX в.

² Использование щита адыгскими воинами развитого Средневековья подтверждается археологическими находками. В Вардановском, Медведовском и Убинском могильниках, относящихся к XIII–XIV столетиям, среди прочих артефактов, были найдены фрагменты щитов. В то же время, в погребальном инвентаре захоронений более позднего времени, XV–XVII веков, щиты не входят. По мнению Д.Ю. Чахкиева и Ф.Р. Накова, появление черкесской сабли, сделало щит не эффективным против мощного режуще-секущего удара. В то же время сам клинок, благодаря своей форме успешно использовался при парировании, таким образом, заменяя щит. Ф.Р. Наков, предполагает, что черкесская сабля явила собой новую технику фехтования, в которой значительную роль играл колющий удар, отразить который щитом было сложнее, нежели рубящий. Таким образом, использование щита было существенно ограничено (Остахов, 2015: 53–55). На наш взгляд, процесс вытеснения щитов из широкой военной практики был обусловлен комплексом причин, связанных с эволюцией наступательного и защитного вооружения, а также тактики адыгов. Так, в частности, одним из факторов стало распространение среди черкесов створчатых наручей, которые использовались адыгскими панцирниками для парирования рубящих и отведения колющих ударов противника (Бобров, Сальников, 2016с). При этом, в качестве альтернативы тяжелому деревянному щиту черкесскими воинами применялась знаменитая бурка (Челеби, 1979: 59). Кроме того, обновленный комплекс защитного вооружения, состоявший из боевого наголовья, корпусного панциря и наручей с кольчатыми «полурукавицами», служил достаточно надежной защитой для конного воина в ходе стремительной кавалерийской рубки, даже при отсутствии щита.

Судя по немногочисленным изображениям и подлинным образцам, черкесские щиты конца XVIII – начала XIX вв. восходили к щитам Северо-Западного Кавказа Золотоордынского времени и были конструктивно близки своим аналогам с территории Северо-Восточного Кавказа и Грузии. Они имели округлую (круглую или овальную) форму, а лицевая поверхность щитов усиливалась железным умбоном, уплощенными обручами и накладками (рис. 6). Не исключено, что часть таких щитов импортировались в Черкессию с территории Северо-Восточного Кавказа или Грузии. При этом, судя по сообщениям Э. Челеби и изобразительным материалам, в отличие от хевсуров, щиты в черкесских войсках XVII–XIX вв. (как и у осетин и вайнахов) применялись не только (а, возможно, и не столько) панцирниками, сколько легковооруженными воинами.

Рис. 4. «Черкес или кабардинец в своей повседневной одежде с винтовкой, саблей и кинжалом, а также: 1) щит или кожаный щит...». «Лист 9» из книги И.А. Гильденштедта «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.». Гравюра была выполнена на основе рисунка штатного рисовальщика экспедиции Г. Белого в 1776 г.

Важным элементом черкесского защитного вооружения изготовленного из органических материалов была знаменитая бурка (рис. 5), представлявшая собой войлочный плащ, с подкроенными и сшитыми плечами с вырезом для шеи (Марзей, 2004: 219). Согласно сообщению османского путешественника Эвлия Челеби (1666 г.) черкесы весьма эффективно использовали бурку как защиту от стрел и клинкового оружия противника: «Эта одежда не имеет ни рукавов, ни разрезов [для рук], ни воротника и представляет собою [кусок] толстой ткани, ворсистой с одной стороны. В битвах они держали эту ткань перед собой. Если бы Афрасиаб, Рустем и Сиаб вступили [с ними] в бой, они не смогли бы устоять перед черкесами, эта накидка была словно щит. Действительно, эту ткань не пробивали стрелы и не рассекали мечи. Иногда [перед] битвой эту ткань мочат и набрасывают либо на спину, либо на грудь, либо, по потребности, на правое или левое плечо. Они вступают в бой как бешеные медведи» (Челеби, 1979: 59).¹

Определенную роль сыграли также эволюция клинкового оружия, снижение популярности копий и пик, а также появление и распространение среди воинов Северо-Западного Кавказа ручного огнестрельного оружия и связанных с ним способов ведения боя, при которых пользоваться ручным щитом было затруднительно (стрельба из ружья в спешном положении, стрельба с коня). В результате, в условиях динамичного конного боя, с применением длинноклинкового и огнестрельного оружия, использование щита конным панцирником оказалось излишним.

¹ Высокие защитные свойства бурки достигались, как за счет плотности самого материала, так и благодаря эффекту свободно свисающей ткани. Полифункциональность данной разновидности верхней одежды, оберегавшей ее носителя от холода, влаги и вражеского удара, обусловили длительность бытования бурки среди народов Северного Кавказа в целом и черкесов в частности. Даже в XIX – начале XX вв. бурка продолжала

Изображения черкесских воинов XVII в., использующих бурку «словно щит», приведены на гравюрах к книгам А. Олеария и Я. Янсена. Столетием позже о применении бурки («войлочной епанчи») черкесскими панцирниками писал немецкий ученый на русской службе, участник «Физической экспедиции» (1768–1774) Георги Иоганн-Готтлиб: «В полном параде являются они вооруженными кинжалом, саблею, колчаном, луком, стрелами и огнестрельным оружием; *а при том надевают на себя панцырь* и выезжают на богато убранной лошади. *Сверх всего накидывают они на себя войлочную епанчу так, что левая рука ею закрыта, а правая свободна.* Народ сей весьма храбр и отважен» (Описание..., 1799: 56).

А.С. Пушкин, живописуя внешний облик «проворного черкеса», упоминает «броню» наряду с «косматой шапкой» и «буркой черной» (Вилинбахов, 1982: 132). Венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс (1829 г.) также отметил бурку в составе военного костюма черкесских панцирников: «Когда черкесы одевают парадную форму, они носят кольчугу, называемую афех, маленький шлем, кипха; их мантия, бурка, делается из мохнатого войлока; черкесы называют ее джако, а татары-ямаче...» (Аствацатурян, 2004: 27).

Если И.-Г. Георги, А.С. Пушкин и некоторые другие авторы XVIII–XIX вв. указывали на ношение черкесами бурки поверх кольчатого панциря, то упомянутый выше российский академик Г.-Ю. Клапрот, напротив, отметил факт использования бурки черкесами в тех случаях, когда они не одевали железного доспеха: «Черкес никогда не выйдет из своего дома невооруженным, по меньшей мере, он носит обычно саблю или кинжал у пояса, на плечах у него бурка (по-черкески джако, по-татарски ямач и по-армянски япинджи). Полным вооружением считается, кроме ружья и пистолетов, кольчуга (афе), небольшой шлем (кипха) или большой (таш), железные перчатки (аштельт), нарукавники (абшумбух). Если они выезжают в поле или наносят визиты, то бывают вооружены луком и колчаном со стрелами. Щит у них не распространен. Все оружие вообще прекрасного качества, но очень дорогое. Комплект оружия князя оценивается примерно в две тысячи рублей серебром» (Аствацатурян, 2004: 27).

На большинстве изображений черкесских воинов XVIII–XIX вв. бурки носят легковооруженные адыги, в то время как панцирники, обычно, обходятся без них (рис. 4; 5). Таким образом, изобразительные и письменные источники свидетельствуют, что бурка периодически использовалась черкесскими панцирниками в качестве дополнительной защиты корпуса и конечностей (см. сообщения И.-Г. Георги, А.С. Пушкина, картину У. Аллана и др.), однако в большинстве случаев, она применялась черкесскими воинами, не использующими металлических доспехов.

В целом, можно отметить, что комплекс защитного вооружения черкесской знати был ориентирован на ведение интенсивного (преимущественно кавалерийского) сражения с применением саадаков и клинкового оружия.¹ Относительно легкая и весьма эластичная кольчатая «рубаха» не стесняла движений профессионального воина во время дистанционного и ближнего боя, но при этом достаточно надежно защищала его корпус от рубящих ударов противника. Сочетание кольчатой брони и многослойных (в том числе стеганых ватных) кафтанов из органических материалов могло спасти их владельца не только от стрелы, но, при определенных обстоятельствах, даже от ружейной пули. Шлемы и миссюрки прикрывали голову, шею и, частично лицо воина от вражеского оружия. Створчатые наручи с комбинированным кольчато-ременным соединением, служили весьма эффективной защитой от рубящих ударов сабли или шашки. Надежное, но при этом, достаточно легкое защитное вооружение позволяло черкесским панцирным подразделениям сочетать мобильность с высокой прорывной способностью и устойчивостью в ближнем и дистанционном бою, что делало их крайне опасным противником, как для армий кочевников Восточной Европы, так и для регулярных и иррегулярных войск Российской империи.

оставаться эффективным средством защиты от воздействия колющего и рубящего длинноклинкового и длиннодревкового оружия противника. Так, например, о высоких защитных свойствах бурки писал участник Кавказской войны И.Д. Попко: «...она же, будучи войлоком, представляла упругую защиту и против сабельных ударов, и против укалов пики, стрелы...» (Марзей, 2004: 219). Не удивительно, что в подобных условиях, бурки, стали одним из важных предметов черкесского экспорта. Согласно данным К. Пейсонеля в XVIII в. ежегодно в Крым, Молдавию, Польшу, Турцию и Россию вывозилось около 200 тыс. бурок (Марзей, 2004: 219).

¹ Традиционно, главным оружием черкесских панцирников были луки и сабли. Характерным элементом оформления черкесских сабель «джатэ» было граненое «штыковидное» острие, предназначенное для нанесения колющих ударов, в том числе с целью разрыва кольчатой брони противника. Также применялись копья различных типов и, несколько реже, ударно-дробящее и ударно-рубящее оружие (булавы и топоры соответственно). Француз Жан де Люк (конец XVII – начало XVIII вв.) отмечал, что современные ему черкесы: «...мечут стрелы вперед и назад и ловко орудуя шашками. Голову защищают они кольчатым шишаком, покрывающим лицом. Оружием для нападения, кроме лука, служат им копья и дротики» (Вилинбахов, 1982: 132). В XVIII – первой половине XIX вв. древковое оружие выходит из широкой военной практики, зато значительное распространение получают шашки и ружья, из которых черкесские панцирники вели стрельбу, как в спешном положении, так и с коня.

4. Результаты

Рассмотрев особенности черкесской паноплии, кратко остановимся на особенностях эволюции доспеха народов Северо-Западного Кавказа на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Сравнительный анализ защитного вооружения адыгов Золотоордынского периода и черкесов XVII–XIX вв. дал весьма интересные результаты. С одной стороны очевидна общая «генетическая» военно-культурная преемственность двух панцирных комплексов. Так, в частности, позднесредневековые адыги сохранили в качестве доминирующей разновидности корпусной защиты доспехи с кольчатой структурой бронирования скроенные в виде «рубahi» с рукавами и коротким подолом. Вплоть до начала XIX в. черкесы продолжали использовать округлые окованные железом ручные щиты, восходившие к адыгским щитам XIII – начала XV вв. Дожили до раннего Нового времени и некоторые разновидности низких черкесских шлемов со сварной тульей и кольцом для плюмажа из двух матерчатых лент. Можно предполагать, что и створчатые позднесредневековые черкесские наручи также берут свое начало в Золотоордынской эпохе.¹

Однако с другой стороны, важные изменения затронули почти все основные составляющие адыгской паноплии. Причем данные изменения коснулись не только конструкции, но и системы декоративного оформления различных защитных элементов. Так, в частности, существенным образом эволюционировал корпусный кольчатый доспех. Вместо классических для развитого Средневековья кольчуг, сплетенных из округлых в сечении колец соединенных на гвоздь, черкесскими воинами стали все чаще применяться «пансыри» из мелких уплощенных (иногда граненых) колец, скрепленных с помощью шипа, дополнительно зафиксированного последующей сваркой. Был оптимизирован и покрой кольчатой «рубahi», которая в некоторых случаях начала дополняться стоячим воротником, а иногда и удлиненными (до запястья) рукавами. Традиционные типы сварных шлемов получили новые и обновленные конструктивные элементы: обручи, навершия и накладки из серебра и медного сплава, а также кольчато-пластинчатые и кольчатые бармицы «переднеазиатского типа» со специальным кольчатым и кольчато-пластинчатым налобником. Распространились и новые виды боевых наголовий-комбинированных шлемов с цельнокованой тульей западноазиатского и местного производства, а также миссюрки (рис. 1-3). Исключительной популярностью стали пользоваться трехстворчатые наручи с кольчато-ременным соединением и кольчатыми полурукавицами.

Общим трендом эволюционного развития доспеха Северо-Западного Кавказа XV–XIX вв. можно считать оптимизацию и постепенное облегчение и без того не слишком тяжелого доспешного комплекса. Данный процесс фиксируется почти во всех основных составляющих черкесского защитного вооружения. Так, в частности кольчуги были существенно потеснены более легкими и практичными кольчатыми «пансырями», а корпусные кольчато-пластинчатые доспехи совершенно исчезли из сколько-нибудь широкого военного обихода. Надежные, но громоздкие цилиндроконические шлемы с личинами были заменены на наголовья типа «танж», малые шлемы «пдылао» и миссюрки. Уменьшился диаметр щитов, а также сократилась широта их применения, практически совершенно вышли из употребления набедренники и конские панцирные попоны.

Особо подчеркнем, что процесс облегчения и оптимизации черкесского панцирного комплекса происходил постепенно на протяжении нескольких столетий. Классический черкесский доспех раннего Нового времени, состоящий из наголовья (шлема/миссюрки), корпусного «пансыря» и створчатых наручей с кольчатыми «полурукавицами» сформировался, вероятно, еще в XVI–XVII вв.² Однако вплоть до начала XIX в. отдельные черкесские воины еще могли периодически применять щиты и некоторые другие элементы упомянутых выше предметов защитного вооружения.

Трансформация традиционного доспеха Северо-Западного Кавказа была продиктована, как развитием производственных технологий (появление «пансырной» и кольчато-пластинчатой брони, распространение цельнокованных наголовий), оптимизацией конструкции защитных элементов (трехстворчатые наручи с кольчато-ременным соединением и «полурукавицами», стоячие кольчужные воротники и т.д.), эволюцией оружия нападения, а также тактики ведения боя и военного дела народов региона в целом. Высокие боевые характеристики черкесского доспеха, а также высокая степень его адаптивности к местным природно-климатическим и военно-политическим реалиям предопределили консервативность комплекса защитного вооружения Северо-Западного Кавказа XVI–XIX вв. В результате, процесс его развития на протяжении указанного периода носил не революционный, а поступательно-эволюционный характер.

В завершении рассмотрим особенности черкесской паноплии и в системе защитного вооружения Евразии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

¹ В собственно черкесских погребениях развитого средневековья створчатые наручи типа «базубанд» пока не обнаружены, но они фиксируются в синхронных вайнахских и полонецких памятниках Северо-Восточного Кавказа и западного Прикубанья соответственно (Горелик, 2008: 172). Не исключено, что со временем, двухстворчатые наручи будут обнаружены и в собственно черкесских погребениях XIII–XIV вв.

² Именно в таком виде он был заимствован в середине XVI – начале XVII вв. литовскими «пятигорцами» и польскими «панцерными казаками».

В XV – первой половине XIX вв. на Евразийском континенте доминировали четыре основных Военно-культурных традиции: Западноевропейская, Западноазиатская, Центральноазиатская и Восточноазиатская, которые были представлены серией основных и симбиотических региональных комплексов защитного вооружения (Бобров, 2011: 39-41). Сравнительный анализ показал, что доспех Северо-Западного Кавказа типологически наиболее близок панцирным комплексам, изготовленным в рамках Западноазиатской военно-культурной традиции, которая на протяжении рассматриваемого периода господствовала на большей части Мусульманского мира от Северной Африки до Восточного Туркестана и от Казахских степей до Индии (Бобров, 2011: 21-24, 39-41). При этом, защитное вооружение черкесов имеет существенные отличия от синхронных паноплий народов Западной Европы, Центральной и континентальной Восточной Азии (Бобров, 2011: 16-48).

В своем классическом виде Западноазиатская военно-культурная традиция сформировалась в XV в. на территории Малой и Передней Азии, а затем стремительно распространилась по северу Африканского континента, а также Средней и Южной Азии. Кроме того, она оказала значительное влияние на развитие защитного вооружения народов Восточной Европы второй половины XV–XVII вв. (русских, поляков, литовцев, крымских татар, ногаев), Западной и, в меньшей степени, Южной Сибири XVI–XVIII вв. (сибирских татар, хантов, телеутов, енисейских кыргызов и др.), а также Центральной Азии XVII–XVIII вв. (джунгар). Достаточно быстро внутри Западноазиатской ВКТ выделилось два доминирующих региональных комплекса защитного вооружения: Малоазиатский (осmano-мамлюкский) и Переднеазиатский (иранский). Первый получил широкое распространение на территории Османской империи, а второй возобладал в Передней, Средней и Южной Азии. Стремительная экспансия Западноазиатской ВКТ была обусловлена не только военными успехами ее носителей (турков, персов, узбеков и др.), но и технологическим совершенством составляющих ее предметов защитного вооружения.

Абсолютно преобладающей разновидностью металлической защиты корпуса воинов Западноазиатской ВКТ были панцири с кольчатой и кольчато-пластинчатой структурой бронирования, скроенные в виде «рубaha» с коротким подолом и рукавами или «куртки» с коротким подолом и сплошным осевым разрезом, а также зеркальные доспехи различных видов. В качестве боевых наголовий в большинстве случаев применялись шлемы и миссюрки с цельнокованой тульей. Для защиты конечностей использовались створчатые наручи с ремненным и кольчато-ремненным соединением (иногда в комбинации с кольчужной «полурукавицей»), створчатые наголенники, а также кольчато-пластинчатые и кольчатые набедренники в комбинации с коваными полусферическими наколенниками. Важным элементом защитного комплекса являлись круглые ручные щиты, изготовленные из дерева (прутьев или деревянных планок), твердой кожи или железа (Бобров, 2011: 21-24, 33-35, 40-48).

Отмечая несомненную близость «черкесского доспеха» защитному вооружению государств Западноазиатской военно-культурной традиции¹ необходимо отметить и некоторые важные различия. Так, в частности, на Северо-Западном Кавказе не получили сколько-нибудь значительного распространения такие важные элементы западноазиатской паноплии, как цельнокованные шлемы османского образца с пластинчатой защитой лица, щек и шеи (т.е. с козырьками с подвижными наносниками-стрелками, наушами, назатыльниками), иранские шлемы с пиковидным острием, подвижным наносником-стрелкой и парными височными втулками для плюмажа («кула-худ»), кольчато-пластинчатые корпусные панцири типа «бехтерец», «юшман» и др., кольчато-пластинчатые набедренники, створчатые наголенники, иранские зеркальные доспехи «*чар айна*» из четырех стальных пластин прямоугольной и подпрямоугольной формы, цельнометаллические и плетеные ручные щиты, конские доспехи из железа и органических материалов и др. Особо отметим такой яркий факт, как почти полное отсутствие в комплексе защитного вооружения адыгов XVI–XIX вв., столь популярных в Османской Турции и Иране корпусных кольчато-пластинчатых доспехов.

Считаем необходимым подчеркнуть, что отказ от изготовления подобных панцирей являлся осознанным решением северокавказских мастеров. Последние были прекрасно знакомы с данной структурой бронирования. Как уже отмечалось выше, именно с территории Северо-Западного Кавказа происходит один из самых ранних образцов кольчато-пластинчатого доспеха датируемый серединой XIV в., да и в более поздний период (вплоть до XIX в.) черкесские оружейники продолжали снабжать шлемы и миссюрки собственного производства бармицами с кольчато-пластинчатой структурой бронирования (рис. 1,2; 3, 2). Тем не менее, для изготовления корпусных панцирей данный вид брони практически не применялся.²

¹ Преобладание кольчатых панцирей покроя «рубaha», как основной разновидности корпусного доспеха, наличие в черкесском защитном комплексе цельнокованных шлемов с кольчатой бармицей «переднеазиатского типа», миссюрки, створчатых наручи с комбинированным кольчато-ремненным соединением и кольчатыми рукавицами и т.д.

² Данный оружейный и военно-исторический феномен, вероятно, объясняется не только (а возможно и не столько) спецификой местных оружейных технологий, но также особенностями тактического искусства, традицией и боевой практикой черкесских воинов рассматриваемого исторического периода.

В целом, «черкесский доспех» типологически значительно менее разнообразен, чем синхронные панцирные комплексы Османской Турции, Ирана или Московии. Кроме того, по большинству абсолютных и относительных показателей он значительно легче своих малоазиатских и переднеазиатских аналогов, что выражается в использовании адыгами «пансырей» вместо более тяжелых «кольчуг», широком распространении миссюрки и облегченных типов шлемов-«пдълао», крайне слабом распространении набедренников и конских панцирных попон, а также отказа от применения кольчато-пластинчатых и зеркальных доспехов, створчатых наголенников, цельнометаллических щитов и т.д. Фактически классический «черкесский доспех» в своей максимальной комплектации (наголовье, кольчатый панцирь, наручи с кольчатými «полурукавицами») соответствовал доспеху не тяжеловооруженной, а средневооруженной конницы западноазиатского образца. Что касается собственно тяжеловооруженных подразделений, составленных из всадников использующих усиленный панцирный комплект и сидящих на покрытых броней конях, то данная разновидность кавалерии, по всей видимости, совершенно отсутствовала в черкесских войсках рассматриваемого периода, что было обусловлено спецификой военного искусства адыгов развивавшегося в конкретных географических, природно-климатических и военно-политических условиях. Подчеркнем, что черкесского комплексы защитного вооружения оказались хорошо адаптированы, как для северокавказского, так и для восточноевропейского театра боевых действий и военных реалий данных регионов. Характерно в данной связи, что черкесское защитное вооружение было весьма востребовано, как среди состоятельных воинов Северного Кавказа, так и среди представителей знати Московского государства второй половины XV–XVII вв., ногайской, крымско-татарской и калмыцкой аристократии XVII – начала XIX вв., а также «пятигорцев» и «панцерных казаков» Речи Посполитой второй половины XVI–XVII вв.

5. Заключение

Таким образом, собранные материалы позволяют определить комплекс защитного вооружения народов Северо-Западного Кавказа («черкесский доспех»), как особый субкомплекс (вариант) Северокавказского регионального комплекса Западноазиатской военно-культурной традиции.¹ Эволюция данного субкомплекса в XV–XVIII вв. была обусловлена развитием местных производственных технологий при относительно небольшом влиянии османской и иранской панοπлии. «Черкесский доспех» является одним из самых легких комплексов защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции. Вместе с тем он был оптимально адаптирован для ведения интенсивного конного боя в условиях как пересеченного (в том числе горного), так и степного ландшафта, что обусловило его популярность среди многих народов региона, а также предопределило длительность его бытования в боевой практике воинов Северного Кавказа.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Литература

- Анисимова, 2013 – Анисимова М.А. Оружие Востока XV– первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.
- Аствацатурян, 2004 – Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2004. 432 с.
- Аталиков, 2010 – Аталиков В.М. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик. Издательство В. и М. Котляровых, 2010.
- Ахмеджан, 2007 – Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.

¹ Доспех народов Северо-Восточного Кавказа будет рассмотрен нами в специальной работе. Здесь же отметим, что предварительный анализ собранных материалов показал, что состоятельные воины данного региона использовали защитное вооружение типологически весьма близкое панοπлии черкесов Северо-Западного Кавказа. Так, в частности, преобладающей разновидностью корпусных доспехов чеченцев, ингушей, аварцев, кумыков и др. являлись все те же кольчатые панцири (с «кольчужной» и «пансырной» системой бронирования) скроенные в виде «рубахи» с коротким подолом и рукавами. Среди боевых наголовий преобладали цельнокованные шлемы и миссюрки, а защита рук была представлена, хорошо известными по черкесским материалам, створчатыми наручами с кольчатыми «полурукавицами». Данные факты позволяют говорить о существовании единого Северокавказского регионального комплекса защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции, в рамках которого могут быть выделены отдельные субкомплексы (варианты) защитного вооружения: черкесский, ингушский, чеченский, аварский и др. Т.же мы не исключаем, что по мере дальнейших исследований, станет возможным выделить особый Кавказский региональный комплекс защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции. В пользу данной версии свидетельствует типологическая близость панοπлии некоторых закавказских народов (грузин-хевсуров и др.) доспешному комплексу воинов Северного Кавказа XV–XIX вв.

- Барановский, 1979** – Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 249-252.
- Белл, 1974** – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг., т. 1-2. Лондон, 1840 – перевод с английского Н. Данкевич-Пушиной. Нальчик. 1974.
- Бобров, 2011** – Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV-XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров, 2014** – Бобров Л.А. К вопросу о золотоордынском влиянии на оружейные комплексы народов Центральной и Восточной Азии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 363-367.
- Бобров, Белоусова, 2015** – Бобров Л.А., Белоусова Н.Е. Находки золотоордынского вооружения в Азии и проблема влияния оружейных комплексов Восточной Европы на военное дело народов Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии XIII–XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*, 2015, №8. С. 156-165.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016a** – Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey). Design features, design and combat use // *Bylye Gody*. 2016. No. 2. pp. 323-334.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016b** – Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. Helmet "Tang" from the collection of the Metropolitan Museum of art the North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey) // *Bylye Gody*. No. 4, 2016. pp. 1077-1086.
- Бобров, Сальников, 2016с** – Бобров Л.А., Сальников А.В. «Черкесский» наруч из собрания «Музея исламского искусства» (г. Доха, Катар) в контексте междисциплинарных исследований // *Успехи современной науки*. 2016. № 10. Т. 7. С. 91-97.
- Вилинбахов, 1982** – Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1982. 254 с.
- Всеподданнейший рапорт, 1828** – Всеподданнейший рапорт ген.-п. Эмануэля, от 10 июня 1828 г. Горячеводск // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 878-881.
- Гордеев, 1954** – Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 61–114.
- Гордин, 2000** – Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: «Звезда», 2000. 465 с.
- Горелик, 2004** – Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2004. С. 182–194.
- Горелик, 2008** – Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНИЦ РАН*. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 158–189.
- Двуреченский, Барышев, Бирюков, 2012** – Двуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский. М.: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. 56 с.
- Золотая Орда, 2003** – Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. Т. 1. М.: «Наука», 2003. 448 с.
- Кармов, 2014** – Кармов Т.М. Кабардино-черкесские воины армии Ивана Грозного // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т.6. С.37-45.
- Карпов, 2015** – Карпов Ю.Ю. Образ воина в культурно-историческом наследии горцев Кавказа/Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 2015. С.268-226.
- Кулешов, 2008** – Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // *Военная археология*. Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. С. 94-98.
- Лапшов** – Лапшов С.П. Армии противников в польско-шведской войне 1601–1629 годов. Вооруженные силы Речи Посполитой. URL:[http:// http://www.reenactor.ru](http://www.reenactor.ru) (дата обращения 26.05.2017).
- Курбатов, 2007** – Курбатов О.А. Армии эпохи Ренессанса // *Сержант*, 2007, № 41, С. 3-11.
- Марзей, 2004** – Марзей А.С. Черкесское наездничество. ЗекІуэ. Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: «Эль-Фа», 2004. 305 с.
- Мемуары, 2002** – Мемуары графа де Рощешуара, адъютанта императора Александра I // Кавказская война: истоки и начало. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002.
- Нарожный, 2008** – Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // *Военная археология*. Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. С. 42-54.
- Образцов, 2015** – Образцов В.Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. 232 с.
- Описание, 1799** – Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, Вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть II.

О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. 178 с.

Остахов, 2015 – Остахов А.А. Щит в процессе эволюции адыгского оружия и военного искусства (XIII–XVII вв.) // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук*. 2015. № 1. С. 51-57.

Попко, 1880 – Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., «Кулиша», 1880. Вып. 1. С. 133-134.

Потто, 1998 – Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Т.2. Ставрополь: «Стрижамент: историческое наследие», 1998. 296 с.

Ривкин, Пинчо, 2011 – Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. Запорожье: ООО «РоялПринт», 2011. 128 с.

Сальников, 2015 – Сальников А.В. К вопросу о присутствии наручей в защитном вооружении народов Северного Кавказа XIII-XV вв. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. №1. С. 111-116.

Скиба, 2004 – Скиба К.В. К вопросу о тактике, наступательном и оборонительном вооружении равнинных закубанских племен в начале XIX в. / *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 2. Армавир, 2004. С. 306-313.

Смирнова, 1990 – Смирнова Л.И. Предметы военной экипировки некоторых народов Кавказа в XIX в. (в собрании МАЭ) // *Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии*. Вып. 2. М.: Наука, 1990. С. 91-103.

Схатум, 2003 – Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в Золотоордынский период // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар: кубанский государственный университет, 2003. С. 223-234.

Чахкиев, 1988 – Чахкиев Д.Ю. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов // *Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1988. С. 67-84.

Чахкиев, Нарожный, 1990 – Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // *Военное дело Древнего и Средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Н.: Кооператив «Полиграф», 1990. С. 129-140.

Челеби, 1979 – Челеби Э. Книга путешествия (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 288 с.

Alexander, 2015 – Alexander D.G. *Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

Rivkin, 2016 – Rivkin K.A. *Arms and Armor of Caucasus*. New-York: Yamna Publishing, 2016. 328 p.

References

Anisimova, 2013 – Anisimova M.A. (2013). Oruzhie Vostoka XV – pervo jpoloviny XX veka: iz sobraniya Voenno-istoricheskogo muzeya artilleryi, i nzhenernyh vojsk i vojsksvyazi. [Weapons of the East in XV– first half of XX century: from the collection of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps.] SPb.: Atlanta. 527 p.

Astvacaturyan, 2004 – Astvacaturyan E.G. (2004). Oruzhie narodov Kavkaza. [Weapons of the Caucasian peoples]. SPb.: ООО Publishing house "Atlant". 432 p.

Ataliev, 2010 – Ataliev V.M. (2010). Caucasus. Kavkaz. Evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov. [The European diaries of XIII–XVIII centuries]. Nalchik. Publisher V.M. Kotlyarova, 2010.

Ahmedzhan, 2007 – Ahmetzhan K.S. (2007). Ehtnografij atradicionnogo vooruzheniya kazahov. [Ethnography of the traditional weapons of the Kazakhs]. Almaty: Almatykitap, 2007. 216 p.

Baranovskij, 1979 – Baranovskij B. (1979). Kavkaz i Pol'sha v XVII v. [The Caucasus and Poland in the XVII century] // *Russia, Poland and the black sea region in XV–XVIII centuries*, Moscow: Nauka. pp. 249-252.

Bell, 1974 – Bell D. (1974). Dnevnik prebyvaniya v SCherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg. [Diary of stay in Circassia during 1837, 1838, 1839]. Vol. 1-2. London, 1840 – English. GN Dankevich-Pushinoi. Elbrus. Nalchik.

Bobrov, 2011 – Bobrov L.A. (2011). Osnovnye napravleniya ehvolucii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Central'noj, Srednej i kontinental'noj Vostochnoj Azii vtoroj poloviny XIV–XIX vv. [The main directions of the evolution of protective weaponry complexes of the peoples of Central, Middle, and continental East Asia in the second half of the XIV–XIX centuries]. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. Barnaul. 54 p.

Bobrov, 2014 – Bobrov L.A. (2014). K voprosu o zolotoordynskom vliyanii na oruzhejnye kompleksy narodov Central'noj i Vostochnoj Azii [To the question about the influence of Golden Horde on the weapons complexes of the peoples of Central and Eastern Asia] // *Proceedings of the IV (XX) Russian archaeological Congress in Kazan*. T. III. Kazan. pp. 363-367.

Bobrov, 2014 – Bobrov L.A. (2014). «Voron'y astaya» nad Krymom. Tataro-kalmykskoe protivoborstvo v stepyah Severnogo Prichernomor'ya (sentyabr' 1661 – yanvar' 1663 gg.) ["Flock of crows"

- over the Crimea. Mongol-Kalmyk confrontation in the steppes of the Northern black sea (September 1661 – January 1663)] / *Medieval Turkic-Tatar States in 2014*. No. 6. pp. 238-248.
- Bobrov, Belousova, 2015** – *Bobrov L.A., Belousova N.E.* (2015). Nahodki zolotoordynskogo vooruzheniya v Azii i problema vliyaniya oruzhejnyh kompleksov Vostochnoj Evropy na voennoe delo narodov Sibiri, Central'noj i kontinental'noj Vostochnoj Azii XIII–XV vv. [Finds the Golden weapons in Asia and the influence of complexes of Eastern Europe on military Affairs of the peoples of Siberia, Central and continental East Asia in the XIII–XV centuries]. *Golden civilization*, №8. pp. 156-165.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016a** – *Bobrov L.A., Sal'nikov A.V.* (2016). North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design features, design and combat use. *Bylye Gody*. No. 2. pp. 323-334.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016b** – *Bobrov L.A., Sal'nikov A.V.* (2016). Helmet "Tang" from the collection of the Metropolitan Museum of art the North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). *Bylye Gody*. No. 4, pp. 1077-1086.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016v** – *Bobrov L.A., Sal'nikov A.V.* (2016). "Circassian" Bracer from the collection "the Museum of Islamic art" (Doha, Qatar) in the context of interdisciplinary studies. *Advances of modern science*. No. 10.Vol. 7. pp. 91-97.
- Vilinhahov, 1982** – *Vilinhahov V.B.* (1982). Iz istori irussko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva [From the history of Russian-Kabardian military cooperation]. Nalchik: Publishing house "Elbrus". 254 p.
- Vsepoddannejsnij, 1878** – Vsepoddannejsij raport gen.-p. Ehmanuehlya, ot 10 iyunya 1828 g. Goryachevodsk [Humbly report gene.-p. Emanuel, dated 10 June 1828 Goryachevodsk] // AKAK. T. VII. Tiflis. 1878. pp. 878-879.
- Gordeev, 1954** – *Gordeev N. V.* (1954). Russkij oboronitel'nyj dospekh [Russian defensive armor] // The State Armoury chamber of the Moscow Kremlin. M. pp. 61-114.
- Gordin, 2000** – *Gordin Ya.A.* (2000). Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoj vojne XIX veka [The Caucasus: land and blood. Russia in the Caucasian war of the XIX century]. SPb.: Zvezda. 465 p.
- Gorelik, 2004** – *Gorelik M.V.* (2004). Halha-kalkan (mongol'skij shchit i ego derivaty) [Khalkha Kalkan (Mongolian shield and its derivatives)] / Cultural traditions of Eurasia. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 182-194.
- Gorelik, 2008** – *Gorelik M.V.* (2008). Cherkesskie voiny Zolotoj Ordy (po arheologicheskim dannym) [Circassian warriors of the Golden Horde (according to archaeological data)]. *Bulletin of Institute of humanitarian researches of Government of KBR and KBSC Russian Academy of Sciences*. Nalchik. Vol. 15. pp. 158-189.
- Dvurechenskij, Baryshev, Biryukov, 2012** – *Dvurechenskij O.V., Baryshev A.V., Biryukov P.V.* (2012). Shelom cherkasskij [Shelom Cherkasy]. Moscow: State military historical and natural Museum-reserve "Kulikovo pole". 56 p.
- Zolotaya Orda, 2003** – Zolotaya Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochineniya [The Golden Horde in the sources. Arabic and Persian works]. Vol. 1. M.: Nauka, 2003. 448 p.
- Karmov, 2014** – *Karmov T.M.* (2014). Kabardino-cherkesskie voiny armii Ivana Groznogo [Kabardino-Circassian soldiers of the army of Ivan Grozny]. *History of military Affairs: studies and sources*. vol. 6. pp. 37-45.
- Karpov, 2015** – *Karpov Yu.Yu.* (2015). Obraz voina v kul'turno-istoricheskom nasledii gorcev Kavkaza [The way of the warrior in the cultural and historical heritage of the mountaineers of the Caucasus] / The Caucasian Peoples: the Museum's collections, research objects and phenomena of traditional and modern culture. SPb.: Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS. pp. 268-226.
- Kuleshov, 2008** – *Kuleshov Yu.A.* (2008). O pozdnem zashchitnom vooruzhenii narodov Severnogo Kavkaza [Late protective arms of the peoples of the North Caucasus]. *Military archeology*. Vol. 1. Moscow: Kvadriga, pp. 94-98.
- Lapshov** – *Lapshov S.P.* Armii protivnikov v pol'sko-shvedskoj vojne 1601-1629 godov. Vooruzhennyye sily Rechi Pospolitoj [Enemy army in the Polish-Swedish war 1601-1629 years. The armed forces of the Commonwealth]. [electronic resource] URL:[http:// http://www.reenactor.ru](http://www.reenactor.ru) (accessed 26.05.2017).
- Kurbatov, 2007** – *Kurbatov O.A.* (2007). Armii ehphoi Renesansa [Army, Renaissance] / Sgt, No. 41, pp. 3-11.
- Marzej, 2004** – *Marzej A.S.* (2004). Cherkesskoe naezdnichestvo. ZekIueh. Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII-pervoj polovine XIX veka [Circassian naezdnikov. Secue. From the history of military life of the Circassians in the XVIII-first half of XIX century]. Nalchik: "El-FA", 305 p.
- Memuary, 2002** – Memuary grafa de Rosheshuara, ad'yutant aimperatora Aleksandra I [Memoirs of the count de Roselare, adjutant of the Emperor Alexander I] / Caucasian war: the origins and beginning. SPb.: Publishing house of the magazine "Zvezda", 2002. 531 p.
- Narozhnyj, 2008** – *Narozhnyj E.I.* (2008). O nekotoryh tipah srednevekovykh shlemov s territorii Severnogo Kavkaza [Some types of medieval helmets from the territory of the North Caucasus]. *Military archeology*. Vol. 1. Moscow: Kvadriga. pp. 42-54.
- Obrazcov, 2015** – *Obrazcov V.N.* (2015). Oruzhie Vostoka v sobranii EHrmitazha [Weapons of the Orient in the Hermitage collection]. SPb.: Publishing house of the State Hermitage. 232 p.

Opisanie, 1799 – Opisanie vseh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov I ih zHITEjskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, Veroisповеданиj I prochih dostopamyatnostej [Description all living in the Russian state peoples and their everyday rituals, habits, clothes, houses, Religions, and other memorable objects]. Part II. About the peoples of the Tatar tribe and other still not fixed the origin of the Siberian North. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1799. 178 p.

Ostahov, 2015 – Ostahov A.A. (2015). SHCHit v processe ehvolyuci iadygskogo oruzhiya I voennogo iskusstva (XIII–XVII vv.) [The shield in the evolution of Circassian weapons and military art (XIII–XVII centuries)]. *Bulletin of Institute of humanitarian researches of the Government of Kabardino-Balkaria and Kabardino-Balkarian Scientific center of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. pp. 51-57.

Popko, 1880 – Popko I.D. (1880). Terskie kazaki so starodavnih vremen [Terek Cossacks from ancient times]. SPb. Vol. 1. pp. 131-134.

Potto, 1998 – Potto V.A. (1998). Kavkazskaya vojna. Ermolovskoe vremya [Caucasian war.Yermolov's time].Vol. 2. Stavropol: "Strizhament: the historical legacy". 296 p.

Rivkin, Pincho, 2011 – Rivkin K., Pincho O. (2011). Oruzhie I voennaya istoriya Kavkaza [Weapons and military history of the Caucasus]. Kiev: OOO "Realpoint". 128 p.

Sal'nikov, 2015 – Sal'nikov A.V. (2015). K voprosu o prisutstvii naruchej v zashchitnom vooruzhenii narodov Severnogo Kavkaza XIII–XV vv. [To the question about the presence of Bracers in the protective arms of the peoples of the North Caucasus in XIII–XV centuries] // *Historical and socio-educational thought*. No. 1. pp. 111-116.

Skiba, 2004 – Skiba K.V. (2004). K voprosu o taktike, nastupatel'nom I oboronitel'nom vooruzhenii ravninnyh zakubanskih plemen v nachale XIX v. [To the question of tactics, offensive and defensive weapons of transkuban lowland tribes in the early 19th century] / Materials and researches on archeology of the North Caucasus. Vol. 2. Armavir. pp. 306-313.

Smirnova, 1990 – Smirnova L.I. (1990). Predmety voennoj ehkipirovki nekotoryh narodov Kavkaza v XIX v. (v sobranii MAEH) [Items of military equipment, some of the Caucasian peoples in the XIX century (in the collection of MAEH)] // *Ethnographic aspects of traditional military organization of the peoples of the Caucasus and Central Asia*. Vol. 2. M: Nauka. pp. 91-103.

Skhatum, 2003 – Skhatum R.B. (2003). SHCHit v komplekse vooruzheniya osedlyh plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v Zolotoordynskij period [The shield in the weapon system of sedentary tribes of the Northwest Caucasus in the Golden Horde period] / Materials and researches on archeology of Kuban. Krasnodar: Kuban state University. pp. 223-234.

Chahkiev, 1988 – Chahkiev D.Yu. (1988). Kol'chatyj dospek pozdnesrednevekovyh vajnahskih voinov [Ringed armor of the late medieval Vainakh warriors] // *New archeological and ethnographic materials on the history of Chechen-Ingushetia*. Ivan. pp. 67-84.

Chahkiev, Narozhnyj, 1990 – Chahkiev D. Yu., Narozhnyj E.I. (1990). Pogrebenie znatnogo gorskogo voina nachala XV veka iz seleniyaVerhnij Alkun (Checheno-Ingushetiya) [The burial of a noble warrior Gorsky the beginning of the XV century from the village of Upper Alkun (Chechen-Ingushetia)] // *Military of Ancient and Medieval populations of Northern and Central Asia*. N.: Cooperative Polygraph, pp. 129-140.

Chelebi, 1979 – Chelebi E.H. (1979). Kniga puteshestviya (Iz vlechenie iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII v.). Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya I Podon'ya [Book travel (Extract from the writings of Turkish traveler of the XVII century). The lands of the Northern Caucasus, the Volga and the Don]. Vol. 2. M: the Main edition of Oriental literature publishing house "Nauka". 288 p.

УДК 903.22

«Черкесский доспех» в системе защитного вооружения народов Мусульманского Востока XV – середины XIX вв.

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Алексей Викторович Сальников ^b

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены состав, особенности конструкции и эволюции комплекса защитного вооружения воинов Северо-Западного Кавказа позднего Средневековья и раннего Нового времени. Установлено, что в основе «черкесского доспеха» XV – середины XIX вв. лежала адыгская паноплия Золотоордынского периода. Основным направлением развития являлась оптимизация конструкции кольчатой структуры бронирования защиты корпуса (вытеснение традиционных «кольчуг» более легкими и практичными кольчатыми «пансырями»), появление и распространение новых и обновленных типов боевых наголовий (малых шлемов *пдьлао*, миссюрк и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

др.), а также трехстворчатых наручей с кольчато-ременным соединением и кольчатыми «полурукавицами». При этом из широкого военного обихода были вытеснены шлемы с масками-личинами, кольчато-пластинчатые корпусные панцири, уменьшились размеры и сократилась частота употребления щитов и т.д. Результатом данного процесса стало постепенное облегчение и без того не слишком тяжелого доспешного комплекса.

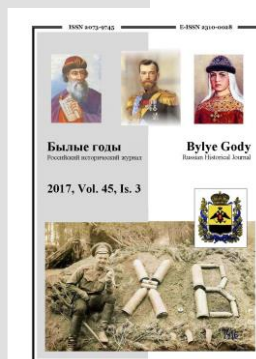
Сравнительный анализ позволил определить «черкесский доспех», как особый субкомплекс (вариант) Северокавказского регионального комплекса Западноазиатской военно-культурной традиции. Эволюция данного субкомплекса в XV–XVIII вв. была обусловлена развитием местных производственных технологий при относительно небольшом влиянии османской и иранской паноплии. «Черкесский доспех» является одним из самых легких комплексов защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции. Вместе с тем он был оптимально адаптирован для ведения интенсивного конного боя в условиях как пересеченного (в том числе горного), так и степного ландшафта, что обусловило его популярность среди многих народов региона, а также предопределило длительность его бытования в боевой практике воинов Северного Кавказа и Восточной Европы. Надежное, но при этом, достаточно легкое защитное вооружение позволяло черкесским панцирным подразделениям сочетать мобильность с высокой прорывной способностью и устойчивостью в ближнем и дистанционном бою, что делало их крайне опасным противником, как для армий кочевников Восточной Европы, так и для регулярных и иррегулярных войск Российской империи.

Ключевые слова. Северный Кавказ, Западная Азия, черкесы, защитное вооружение, панцири, шлемы, наручи.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 754-764, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.754
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.25

Tsar Alexis Mikhailovich through the Eyes of Western Contemporaries: a Personal Image in the Light of Potestar Stereotypes

Vyacheslav N. Kozulin ^{a,*}, Oleg Y. Kurnykin ^a, Nina S. Malysheva ^a, Yuri G. Chernyshov ^a

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the image of the Russian Tsar Alexis Mikhailovich in West-European Rossica (against the background of general ideas about the Moscow state). The relevance of the topic is due to the need for further development of the “imagological” studies, including studying the formation of images of the Russian state and government in the pre-Petrine period. It turns out that the attitude of the authors of Rossica to the state as a whole (as a rule, negative, depicting it in the colors of oriental despotism) was not directly correlated with the attitude toward the monarchs, and they were often perceived, on the contrary, very positively. This applies to the first Romanovs, especially to Alexis Mikhailovich, about whom most of the detailed messages remained. This phenomenon can be explained by various factors: first, by the charisma of a specific person; secondly, by a rather favorable attitude towards foreigners and to the European culture in his time, and thirdly by the prevailing thesis about the opposition of virtuous power and the “barbarian” people.

Keywords: Alexis Mikhailovich Romanov, Russia and the West, historical imagology, potestar imagology, national stereotypes, 17th Century, S. Collins, A. von Mayerberg, A. Olearius, J. Reutenfels, J. Struys, N. Witsen.

1. Введение

В отечественной литературе со времен историка С.М. Соловьева (Соловьев, 1984) была пересмотрена точка зрения на Петра I как родоначальника вестернизации России. На самом деле, вестернизаторские процессы в русской культуре начались задолго до Петра, и можно считать, что необратимыми они стали уже при царе Алексее Михайловиче Тишайшем (как было принято его называть в русской исторической традиции) (Уланов, 1991; Черникова, 2012). По утверждению одной современной исследовательницы, эпитет «тишайший» (представлявший собой перевод латинского «serenissimus») являлся частью неофициального титула и относился не только к Алексею Михайловичу, но и к его сыновьям — Федору, Ивану и Петру (Саевская, 2012; Саевская, 2017). Образ Петра I у западных современников достаточно хорошо исследован (Агеева, 2000; Мезин, 2003), тогда как аналогичных исследований о его отце и предшественнике (в том числе и в вопросе усиления западного влияния в России) до сих пор не существует. Даже в отечественной историографии личность этого царя была обделена фундаментальными исследованиями — вплоть до появления в 1992 г. большой статьи в «Вопросах истории» (Сорокин, 1992), а затем солидной биографической работы в серии «Жизнь замечательных людей» в 2003 г. (Андреев, 2003). Из специальных исследований, наиболее близких к нашей теме, нам встретилось только одно (Саевская, 2012).

Между тем, личность царя Алексея Михайловича представляет большой интерес для изучения с точки зрения иностранного восприятия. Здесь мы видим пример расхождения давних стереотипов о

* Corresponding author

E-mail addresses: capreanus@gmail.com (V.N. Kozulin), hist-ok@yandex.ru (O.Yu. Kurnykin), nimmer@rambler.ru (N.S. Malysheva), 7ashpi7@gmail.com (Y.G. Chernyshov)

российской власти с оценкой конкретной личности царя. Это заставляет задуматься, во-первых, о том, насколько целенаправленным было формирование западных стереотипов о Русском государстве и, во-вторых, о роли личности правителя в восприятии государства.

Известные русские историки неоднозначно оценивали личность Алексея Михайловича. С.М. Соловьев идеализировал этого царя, называя его «самым привлекательным явлением, когда-либо виденным на престоле царей московских» (Соловьев, 1896: 605). В.О. Ключевский, наоборот, не питал к нему симпатии за отсутствие твердой воли, замечая, что он, может быть, и был «лучший человек древней Руси... но только не на престоле». Ключевскому же принадлежит знаменитая фраза, характеризующая нерешительность царя: «одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту» (Ключевский, 1988: 301, 307).

Актуальность исследования обусловлена как необходимостью дальнейшей разработки «имагологического» направления в целом, так и необходимостью изучения формирования образов российского государства и власти в допетровский период. Главными задачами настоящей статьи являются рассмотрение особенностей восприятия этого царя за рубежом и, вместе с тем, попытка проследить эволюцию представлений иностранцев о российском самодержавии (от Герберштейна до Рейтенфельса). В заключении целесообразно будет ответить на вопрос о соотношении образа личности царя и образа российского самодержавия, о причинах их расхождения.

2. Материалы и методы

Основными источниками служат сочинения западноевропейских авторов, упоминавшие (более или менее подробно) о царствовании Алексея Михайловича (Н. Витсен, П. Гордон, Б. Койэтт, С. Коллинс, А. Лизек, А. Мейерберг, А. Олеарий, Я. Рейтенфельс, А. Роде, И. де Родес, Я. Стрейс).

Тема статьи находится на стыке нескольких популярных в современной историографии подходов. С одной стороны, это так называемый «имагологический» подход, то есть, в первоначальном понимании термина «имагология» — это изучение этнических образов в литературной традиции. В более широком смысле «имагология» — это наука об образах, об особенностях человеческого восприятия различных объектов и явлений (и его отражения в мировой культурной традиции — литературе, фольклоре, искусстве, кино). В современной науке существует несколько направлений «имагологии». Во-первых, это так называемая «историческая имагология», которую одна из исследовательниц определяет как изучение «проблем формирования и бытования национальных и инокультурных образов в сознании социальных и этнических общностей, отдельных индивидов и групп» (Поршнева, 2014: 126). Второе «имагологическое» направление, к которому тоже можно отнести проблематику настоящей статьи — это «потестарная имагология», «представляющая собой дисциплину, занимающуюся изучением образов власти» (Бойцов, 2010: 7).

Методика имагологии до конца не разработана, но отдельные уже сформулированные ее методологические принципы отличаются от традиционной методологии исторической науки. Например, для имагологии наибольшую ценность представляют не достоверные, с точки зрения объективной исторической истины, источники, а наоборот, такие источники, в которых содержится субъективная, трафаретная информация, позволяющая выявить расхожие мнения, стереотипные представления о том или ином объекте или явлении (Козулин, 2015а: 3–4, 8–10). Кроме того, данная статья лежит также в русле более широкой культурологической проблематики, а именно в русле проблем межкультурных коммуникаций, в частности, проблемы взаимодействия русской и западноевропейских культур, которая также является актуальной в современной историографии. В свою очередь, все обозначенные проблемы так или иначе связаны с культурно-антропологической методологией исследования, со школой «Анналов», основанной Марком Блоком и Люсьеном Февром. Поэтому нами используется в значительной степени методология культурно-антропологической истории, но также и общенаучные принципы и методы исторических исследований (историзм, всесторонность, сравнительно-исторический анализ документов и литературы, объяснение, обобщение, анализ, синтез, исторический, логический методы).

3. Обсуждение

Имагология зародилась в Западной Европе в рамках сравнительного литературоведения в первой половине XX в. Во второй половине прошлого века она окончательно оформилась, как междисциплинарное направление, а впоследствии разделилась на более узкие направления, такие как историческая, лингвистическая, потестарная имагология. «Имагологическая» историография насчитывает уже огромное количество исследований на разных языках. С 1992 года в Амстердаме выходит в свет периодическое издание «Studia Imagologica». В конце XX — начале XXI в. появилось также немало исследований взаимовосприятия народов на русском языке (Ерофеев, 1982; Козулин, 2015b; Орлов, 2008; Павловская, 1998). В отечественной науке интерес к имагологии проявляется примерно в последней четверти прошлого века. У его истоков следует назвать Н.А. Ерофеева (Ерофеев, 1982) и Л.А. Зака (Зак, 1976).

Немаловажной частью историографии проблемы являются многочисленные исследования зарубежной России, написанные еще до появления имагологической методологии, как, например,

сочинения Ф. Аделунга, М.А. Алпатова, В.О. Ключевского (Аделунг, 1864; Алпатов, 1973; Алпатов, 1976; Ключеский, 1866).

4. Результаты

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, бывший послом в Московском государстве в начале XVI века (при Василии III), отмечал, что великий князь «далеко превосходит властью, которую имеет над своими подданными, всех монархов целого мира» и «всех одинаково гнетет он [жестоким] рабством» (Герберштейн, 2008: 89). Английский посол, бывший в России уже в конце того же столетия, подытожил, что «образ правления у них весьма похож на турецкий... Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам царя, и, сверх того, самым явным и варварским образом» (Fletcher-Horsey, 1856: 26; Флетчер, 1906: 25). Таким образом, можно сказать, что стереотипы восприятия российского самодержавия в основном сложились еще в XVI веке. По крайней мере, известный французский философ Жан Боден, живший в этом веке, в своем сочинении «Шесть книг о государстве» утверждал, что русский царь как суверен занимает наивысшую ступень среди европейских государей (расценивая этот факт как положительный) (Bodin, 1576: 256, 484).

Последующие авторы сочинений о Московском государстве активно использовали при их написании труды предшественников, чаще всего Герберштейна и Олеария, авторов наиболее фундаментальных работ. О Герберштейне уже упоминалось. Адам Олеарий, бывший секретарем большого посольства (Ф.К. фон Крузенштерна и О. Брюггеманна) в Московию и Персию, отправленного шлезвиг-голландским герцогом Фридрихом III, составил первое в XVII веке подробное описание Московского государства, в частности его образа правления. Вот как он его характеризует: «Что касается русского государственного строя, ...это, как определяют политики, „monarchia dominica et despotica“. Государь... один управляет всей страной, и все его подданные... являются его холопами и рабами... Этот род управления очень похож на тот, который Аристотелем изображен в следующих словах: „Есть и иной вид монархии, вроде того, как у некоторых варваров имеются царства, по значению своему стоящие ближе всего к тирании“ (Pol. III: 14). Так как обыкновенное различие между правлением надлежащим и правомерным и тираническим полагают в том, что в первом имеется в виду благо подданных, а во втором собственная польза, то на этом основании и образ правления русских близко подходит к тираническому» (Olearius, 1663: 219; Олеарий, 1906: 222; Олеарий, 1870: 216).

Описывая русское самодержавие, Олеарий подчеркивает его своеобразие и отличие от европейского абсолютизма: «Уже с малых лет внушают они своим детям, чтобы они говорили о его царском величестве как о Боге и почитали его столь же высоко... Великий князь не только назначает и смещает начальство, но даже гонит их вон и казнит их, когда захочет. Таким образом у них совершенно те же обычаи, какие, по изречению пророка Даниила, были обычны в царствование царя Навуходоносора: он умерщвлял кого хотел, бил кого хотел, возвышал кого хотел, унижал кого хотел» (Olearius, 1663: 221–222; Олеарий, 1906: 224, 226).

Таков общий вердикт государственному строю России, выносимый Олеарием в полном согласии со своими предшественниками (сам Олеарий упоминает в качестве одного из своих источников Герберштейна). Однако, когда речь заходит о конкретных русских правителях, Олеарий гораздо более лоялен и даже склоняется к положительным оценкам — особенно в отношении современных ему правителей (из династии Романовых). Так, о Михаиле Федоровиче он говорит, что тот «правил кротко и относился милостиво к иностранцам и туземцам; все говорили, что в стране, в противность тому, к чему русские привыкли, за целые сто лет не было столь благочестивого государя» (Olearius, 1663: 234–235; Олеарий, 1906: 242). Заметим, что с Михаилом Федоровичем Олеарий был знаком лично, так как участвовал в посольстве к нему, а потом еще раз встречался с ним, когда был в Москве в 1643 г., и оба раза царь пытался нанять Олеария к себе на службу в качестве астронома (Олеарий, 1906: XX, XXIV). Алексею Михайловичу Олеарий не дает личностных характеристик, так как знаком с ним, очевидно, не был, но при этом приводит подробные описания его коронации и свадьбы (почерпнутые, по-видимому, из косвенных источников).

Пожалуй, первым из иностранцев, кто подробно описал личность царя, был его личный врач англичанин Сэмюэл Коллинс, который служил придворным лекарем с 1659 по 1666 год. Он написал сочинение «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне», впервые напечатанное в Лондоне в 1667 г. и вслед за тем выдержавшее еще целых три английских переиздания (в XVII веке) и одно французское (1679 г.). Несмотря на то, что Коллинс, по словам историка М.А. Алпатова, принадлежал к тем авторам, которые «безудержно поносили Россию», и, конечно, не склонен преуменьшать суровость московского «деспотизма» (в своем сочинении он приводит на этот счет немало ужасных историй, связанных прежде всего с правлением Ивана Грозного), о личности царя Алексея Михайловича он высказывается достаточно лояльно. Вот что о нем сообщает Коллинс: «Он красивый мужчина, около шести футов ростом, хорошо сложен, больше дороден, нежели худощав, здорового сложения, волосы светловатые, а лоб немного низкий. Его вид суров, и он строг в наказаниях, хотя очень заботится о любви своих подданных. Когда один иностранец предложил ему назначить смертную казнь всякому, кто оставит его знамена, то он

отвечал, что „это было бы жестоко: Бог не всем людям даровал равную храбрость“... Царь исповедует греческую веру и очень строго исполняет обряды... в пост он посещает всеобщие, стоит по пяти или шести часов сряду, кладет иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полутора тысяч. Великим постом он обедает только по три раза в неделю... В заключение... скажем, что русский император равняется в благочестии, великодушии, милосердии и доброте со всеми другими государями; что же касается до его министров, то и они так же, как народы и министры прочих государств, на все готовы за деньги и рады обмануть всякого, кого только могут» (Collins, 2008: 61, 65–66; Коллинс, 1846: 34, 37–38).

Касаясь темы «потестарной имагологии», следует также отметить, что у Коллинса, как и у многих иностранцев, встречается, по-видимому, ошибочный стереотип (см. ниже разъяснение этого у А. фон Мейерберга) о происхождении титула «царь» от латинского «caesar» (по аналогии с титулом немецкого императора — Kaiser). Более того, Коллинс ошибочно производит имя династии Романовых от слова «римский» (the Roman) (Collins, 2008; Коллинс, 1846: 16). Видимо, он неверно интерпретировал один из тезисов популярной в Московском государстве теории «Москва — Третий Рим», подменив идею о генеалогической преемственности Рюриковичей по отношению к римским императорам идеей о связях с Римом династии Романовых. Эту же ошибку повторяет и Ян Стрейс, хотя последний в основном опирался при написании своей книги «Три путешествия» (помимо собственных впечатлений) на сочинение Олеария (Straußen, 1678: 88; Стрейс, 2006: 206).

Еще одно описание личности Алексея Михайловича содержится в сочинении барона Августина фон Мейерберга, участника австрийского посольства в Московию 1661–1663 гг. Не стоит и говорить, что о форме правления в России в целом Мейерберг рассуждает вполне в традиционном духе: «А что москвитяне изгоняют все знания в такую продолжительную и безвозвратную ссылку, это надобно приписать, во-первых, самим государям, которые заодно с Лицинием ненавидят их из опасения, что подданные, пожалуй, наберутся в них духа свободы, да потом и восстанут, чтобы сбросить с себя гнетущее их деспотическое иго. Государи хотят, чтобы они походили на спартанцев, учившихся одной только грамоте, а все прочие знания заключались бы у них в полном повиновении...».

О царе Алексее Михайловиче Мейерберг тоже заявляет, что он «повелевает всеми самовластно по древнему обычаю... Когда он сам накажет или по его приказу высекут кого-нибудь розгами либо плетьюми, наказанные приносят еще ему благодарность» (Mayerberg, 1679: 62; Мейерберг, 1872: 111, 115–116). Однако при этом личность царя барон оценивает скорее положительно, отмечая, что в ряду самодержцев он наверняка наилучший человек: «Алексей статный муж, среднего роста, с кроткой наружностью, бел телом, с румянцем на щеках волосы у него белокурые и красивая борода; он одарен крепостью телесных сил, которой, впрочем, повредит заметная во всех его членах тучность... Кроткий и милостивый, он лучше хочет, чтобы не делали преступлений, нежели имеет дух за них наказывать. Он и миролюбив... Часто с самою искреннею набожностью бывает в церквах за священными службами... И что особенно странно, при его величайшей власти над народом, приученном его господами к полному рабству, он никогда не покушался ни на чье состояние, ни на жизнь, ни на честь. Потому что хоть он иногда и предается гневу, как и все замечательные люди, одаренные живостью чувства, однако ж никогда не позволяет себе увлекаться дальше пинков и тузов» (Mayerberg, 1679: 61–62; Мейерберг, 1872: 114–115).

Что касается других, более общих представлений о характере московской власти, любопытно еще замечание Мейерберга о титуле «царь», которое большинство иностранных современников ассоциировали со словом «caesar» и приравнивали к немецкому титулу кайзера (в тогдашней русской традиции «цесаря»). Барон выражает сомнение, что эти титулы равнозначны и пишет это слово не так, как чаще всего было принято в европейской традиции (Czar), а как «Tzar». По его словам, если кто увидит, сколько «в гористых пределах Грузии» обладателей такого же титула «царь» (которых в официальных документах так называют и сами московские цари), при этом «ведущих жизнь, далекую от всякого царского блеска», то «имя царя до того упадет у них в цене, что вперед постыдятся обращать его в императорское» (Mayerberg, 1679: 63; Мейерберг, 1872: 117–118). Этой же точки зрения придерживается Яков Рейтенфельс (о котором речь пойдет ниже), утверждая, что на русском языке «слова „цесарь“ и „царь“ значат совершенно разное», и что «на первоначальном языке страны „царь“ обозначало не более как „владелец“, и выражения „тюменский царь“, „китайский царь“ и т.д. и поныне встречаются за Волгой» (Рейтенфельс, 1997: 291).

Определенный интерес представляют также записки выдающегося голландского ученого и политика (впоследствии бургомистра Амстердама) Николааса Витсена, участника голландского посольства в Москву Якоба Борейля в 1664–1665 гг. Витсен, как и все другие иностранцы, не строит никаких положительных иллюзий относительно характера власти московских царей и при этом — тоже словно вторя им всем — весьма позитивно описывает царя Алексея Михайловича: «У него красивая внешность, очень белое лицо, носит большую круглую бороду; волосы его черные или скорее каштановые, руки очень грубые, пухловатые и толстые... он никогда не бывал пьян, живет очень целомудренно... Царь еще и очень щедр и милосерден, русские его почти обожествляют, а иноземцы хвалят и любят...» (Витсен, 1996: 96, 150).

Пожалуй, самое значительное сочинение о России времен Алексея Михайловича принадлежит перу уже упомянутого Якова Рейтенфельса, уроженца Курляндии, жившего в Москве в 1671–1673 гг. и

написавшего свой труд для великого герцога Тосканского Козимо III Медичи (Рейтенфельс, 1997). О фундаментальности замысла этого трактата говорит уже тот факт, что в самом начале его содержится перечисление основных источников, которые использовал автор (чего мы не видели в других такого рода сочинениях), в числе которых упоминаются и античные авторы, и средневековые и, конечно, предшествующие авторы сочинений о Московии (А. Поссевино и А. Олеарий). Нельзя не отметить и стремления Рейтенфельса к объективности. Так, в предисловии он говорит об относительности понятия «варварство», замечая, что «зачастую одно и то же у разных народов то превозносится, то осуждается, ...и нередко одно и то же чудовищное проявление варварства, которое мы в других всячески стараемся пояснее обнаружить, в самих себе мы таим, благодаря лишь различным названиям» (Рейтенфельс, 1997: 237). Все же у Рейтенфельса много неверных фантастических рассуждений, связанных с его увлечением идеей поиска русских корней в Библии. При этом, что касается фактических наблюдений, он весьма точен и проницателен, например, в объяснении причин многих мифов о России традиционной закрытостью русских (Рейтенфельс, 1997: 318, Шокарев, 1997: 418). Представляет интерес также наблюдение автора по поводу отношения русских того времени к иностранцам: «...они легковерно ласкают себя льстивым убеждением, что кроме Московии нигде ничего хорошего не делается, и что людям хорошо только у них. Конечно, своим свой Ферсит кажется красавцем, а полное незнание чего бы то ни было лучшего не допускает, понятно, никакого сравнения» (Рейтенфельс, 1997: 350).

В целом об образе правления в Московском государстве Рейтенфельс пишет в согласии со всеми: «Власть московского царя до того не стеснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо может считаться равной, если не превосходящей, царской власти древних ассирийцев и греков и современных турок, персов и татар...» (Рейтенфельс, 1997: 311). При этом он старается соблюдать объективность, часто поясняя, что у каждого народа свои обычаи, и что далекое расстояние между странами препятствовало тому, «чтобы нравы московитов стали одинаковыми с нравами чужеземцев» (Рейтенфельс, 1997: 300). Иногда автор даже восхищается тем, как русские почитают своего царя, находя это признаком их глубокого патриотизма (Рейтенфельс, 1997: 346–347).

О царе Алексее Михайловиче Рейтенфельс, даже в сравнении с другими иностранцами отзываясь с особенной симпатией. Это явно ощущается в его эмоциональном описании этого царя: «Росту Алексей... среднего, с несколько полным телом и лицом, бел и румян, цвет волос у него средний между черным и рыжим, глаза голубые, походка важная, и выражение лица таково, что в нем видна строгость и милость, вследствие чего он, обыкновенно, внушает всем надежду, а страха — никому и нисколько. Нрава же он самого выдержанного и, поистине, приличествующего столь великому государю: всегда серьезен, великодушен, милостив, целомудрен, набожен и весьма сведущ в искусстве управления... Посты он соблюдает строже, чем кто-либо...». Известие о смерти Алексея Михайловича автор воспринял как личное горе, о чем сам пишет в сочинении. Рейтенфельс делает вывод, что Алексей был «несравненный государь, достойный всякой похвалы за свою набожность, мудрость, справедливость и высшие свои качества» (Рейтенфельс, 1997: 288–289).

Все эти положительные оценки Алексея Михайловича не удивительны и, видимо, во многом справедливы. Ведь даже известный русский перебежчик времени правления этого царя Григорий Котошихин, написавший в Швеции явно тенденциозное сочинение о России (чтобы угодить шведским властям, заказ которых, по-видимому, выполнял) по-своему очень хорошо говорит об этом царе, называя его «гораздо тихим» (Платонов, 1991: 104, Котошихин, 2000).

Последним из иностранцев, кто видел царя Алексея Михайловича и оставил его описание, очевидно, был секретарь австрийского посольства в Москву в 1675 г. Адольф Лизек. О нашем герое он отзываясь почти так же лестно, как и Рейтенфельс: «Нынешний царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями. Он покорил себе сердца всех своих подданных, которые столько же любят его, сколько и благоговоят перед ним» (Lyseck, 1676: 95, Лизек, 1837: 381). При этом нужно отметить, что Лизек, из всех рассмотренных писателей, вообще наиболее позитивно настроен в отношении России, во многом, видимо, потому, что был тронут гостеприимным приемом посольства. Гостеприимство Лизек отмечает как «общую добродетель» русских. Нужно учитывать также тот факт, что для мировоззрения Лизека характерно противопоставление «варварского» народа и добродетельной властной элиты: он полагает, что не только царь, но и «князья, бояре и все окружающие царя — люди умные, образованные, неустрашимые, подобно своему государю набожны, справедливы, и с иностранцами необыкновенно ласковы. Но простой народ, подобно как и в других странах, склонен к порокам, скифски жесток...» и т.п. (Lyseck, 1676: 95, Лизек, 1837: 381).

5. Заключение

Таким образом, все рассмотренные нами авторы практически одинаково высказываются о форме правления в Московском государстве и при этом столь же единодушны — только уже с другим, положительным знаком — в оценках личности царя Алексея Михайловича. О чем говорит такое единодушие? По мысли историка С.Ф. Платонова, в самой внешности царя было что-то привлекательное: «Привлекательная внешность отражала в себе, по общему мнению, прекрасную душу» (Соловьев, 1991: 103). Ничего странного, конечно, нет в расхождении оценок личности

правителя и государственного строя: в истории можно встретить такие примеры, когда очарование личностью правителя сосуществует с пониманием (и часто даже осуждением) недостатков государственного строя. Один из ближайших по времени к Алексею Михайловичу примеров — аналогичные по своему противоречивому характеру описания времен правления его сына Петра Великого. Многим иностранцам, безусловно восхищавшимся личностью царя-реформатора (Ч. Уитворту, Г. Фоккеродту), это отнюдь не мешало сурово констатировать всю жесткость его деспотической власти (Агеева, 2000: 92). Даже знаменитый маркиз де Кюстин в какой-то мере был очарован личным обаянием царя Николая I, полицейский строй которого безжалостно заклеил в своей книге «Россия в 1839 году».

Еще одна характерная тенденция, которую мы наблюдаем, например, у А. Лизека, состоит в противопоставлении хорошего царя и «доставшегося ему» плохого «варварского» народа. Здесь опять же наиболее яркий аналогичный исторический пример — отношение к Петру I, которого многие иностранные современники противопоставляли его народу (Агеева, 2000: 91, Ермасов, 2004: 26). Вообще, одним из факторов более положительного восприятия монарха мог быть и, по выражению одной исследовательницы, некий неписанный «западноевропейский этикет, в соответствии с которым было неприлично „плохо“ освещать поведение кого-либо из европейских монархов» (Агеева, 2000: 106). Впрочем, этот аргумент не действует в отношении некоторых царей, например, Ивана Грозного.

Наконец, важным мотивом положительных оценок царя, в сравнении с общим строем государства, представляется его гостеприимное и в целом доброжелательное отношение к иностранцам (как мы знаем, оно распространялось у него на всех людей). Именно при Алексее Михайловиче усиливается влияние западной культуры на русскую жизнь, сам царь питал некоторый интерес к европейской культуре (при нем, как известно, был устроен придворный театр, где ставились иностранные пьесы), и многие в его окружении интересовались ею еще больше. Например, боярин Артамон Сергеевич Матвеев (в доме которого, кстати говоря, воспитывалась мать Петра I Наталья Кирилловна Нарышкина) был женат на шотландке Гамильтон, дом у него был по-европейски обставлен, и он даже завел у себя оркестр из немцев под управлением органиста из Немецкой слободы. Наблюдая эти вестернизаторские процессы, европейцы не могли не радоваться внедрению «своего» в культуре московской элиты. Особенно значение этого фактора положительного восприятия сказалось, конечно, впоследствии на отношении иностранцев к личности Петра I.

В том, что касается оценок государственного строя России, нельзя не признать значительной доли их справедливости, хотя нужно также понимать, что авторы Россики тех лет по большей части не разбирались глубоко в исторических причинах возникновения такого жесткого самодержавного строя в России, не отдавали себе отчет в трагедии трехсотлетнего татаро-монгольского ига, пережитого нашей страной, в необходимости выживания как одном из главных факторов создания такого типа государства. Все они только констатировали печальные факты, при этом еще и допуская иногда «двойные стандарты», как замечал Рейтенфельс. Приходится признать, что так называемые потестарные стереотипы, т.е. стереотипы описания государственного строя России претерпели мало изменений со времен Герберштейна и во многом сохранялись даже в XVIII и последующих веках, уже после петровских реформ (Ермасов, 2004). Единственные новшества, которые мы наблюдаем в XVII веке, по сравнению с XVI-м, это ошибочная ассоциация некоторыми авторами фамилии новой династии Романовых с Римом, а также новая трактовка (Мейербергом и Рейтенфельсом) термина «царь», который они перестали воспринимать как аналог слову «цезарь» или «кесарь» и, тем более, «император», но стали отождествлять его по значению просто со званием верховного правителя, аналогом «великого князя» или короля. Вероятно, это способствовало уменьшению престижа титула царя, что и подвигло в дальнейшем Петра I принять более весомый титул императора.

Отношение авторов Россики к государству, как мы выяснили, не коррелировалось с отношением к монархам, и отдельные личности во власти в России воспринимались совсем иначе — как будто независимо от восприятия государства — оставаясь незапятнанными сквозь призму ужасных стереотипов о московской власти. Первые представители династии Романовых как раз представляют собой такой пример (положительного восприятия), особенно Алексей Михайлович, описаний которого известно больше всего. Не последнюю роль в этом сыграло обаяние его личности. Превзойти его по числу положительных оценок удастся уже только Петру Великому.

Литература

Bodin, 1576 – *Bodin J.* Les six livres de la République. P.: Chez J. du Puys, Libraire Juré, à la Samaritaine, 1576. 830 p.

Collins, 2008 – *Collins S.* The Present State of Russia In a Letter to a Friend at London; Written by an Eminent Person residing at the Great Czars. Court at Mosco for the space of nine years. London, 1671 / Ed. by M.T. Poe. Iowa City: Iowa University, 2008. 72 p.

Mayerberg, 1679 – *Iter in Moschoviam Augustini liberi baronis de Mayerberg, Camerae Imperialis Aulicae consiliarii, et Horatii Gulielmi Caluuccii, equitis, ac in regimine interioris Austriae consiliarii, ab augustissimo Romanorum imperatore Leopoldo, ad tzarem et magnum ducem Alexium Mihalowicz, anno 1661. s/l, 1679. 236 p.*

Olearius, 1663 – *Olearius A.* Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Moskau und Persien, So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den großen Zar in Moskau, und Schach Sefi König. (3. Ausg.). Schleswig: Gedr. in Fürstl. Druckerei durch J. Holwein, 1663.

Lyseck, 1676 – *Relatio eorum quae circa sacri caesareae majestatis ad magnum Moscorum Czarum ab legatos Annibalem Franciscum de Bottoni, Sacri Romani Imperii Equitem Archiducalis Regiminis in Inferiore Austria consiliarium, et Joannum Carolum Terlingerenum de Guzman, Sacrae Caesareae Majestati sconsiliarium, anno aerae christianae 1675 gesta sunt, strictim recensita per Adolphum Lyseck, dictae legationis secretarium.* Salisburgi: Sumpt. Et Typis Joan. Bapt. Mayr, typographi Aulico Academici, 1676. 124 p.

Fletcher-Horsey, 1856 – *Russia at the Close of the 16th Century. Comprising, the Treatise “Of the Russe Common Wealth”, by Giles Fletcher and the Travels of Sir Jerome Horsey / Ed. by E.A. Bond.* L.: Printed for the Hakluyt Society, 1856. CXXXIV, 392 p.

Straußen, 1678 – *Straußen J.J.* Sehr schwere, wiederwertige und Denckwürdige Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moskau, Tartarey, Meden, Persien, Türckey, Ost-Indien, Japan und unterschiedliche andere Länder. Aus dem Holländischen übersetzt von A.M., Amst.: J. von Meurs und J. von Sommern, Buchhändlern, 1678. 232 p.

Агеева, 2000 – *Агеева О.Г.* Петр I глазами западноевропейских мемуаристов начала XVIII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. статей / Под ред. А.В. Голубева. Вып. I. М.: ИРИ РАН, 2000.

Аделунг, 1864 – *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России. Ч. I–II, М.: Типография Московского ун-та, 1864. 256 с.

Алпатов, 1973 – *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. 476 с.

Алпатов, 1976 – *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. 456 с.

Андреев, 2003 – *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. 640 с.

Бойцов, 2010 – *Бойцов М.А.* Что такое постарная имагология? // Власть и образ: очерки постарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алтейя, 2010.

Витсен, 1996 – *Витсен Н.* Путешествие в Московию. СПб.: Symposium. 1996. 265 с.

Герберштейн, 2008 – *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. М., 2008. 776 с.

Ермасов, 2004 – *Ермасов Е.В.* Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половины XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 16–30.

Ерофеев, 1982 – *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.

Зак, 1976 – *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М.: Международные отношения, 1976.

Ключевский, 1866 – *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1866. 264 с.

Ключевский, 1988 – *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9-ти тт. Т. III. Курс русской истории. Ч. III / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1988. 414 с.

Козулин, 2015a – *Козулин В.Н.* Образ скифов в античной литературной традиции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 168 с.

Козулин, 2015b – *Козулин В.Н.* Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 150 с.

Коллинс, 1846 – *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Пер. с англ. П.В. Киреевского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846, №1. Отд. III. Материалы иностранные. С. 1–55.

Котошихин, 2000 – *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подгот. публ., введ. ст., комм. и словник Г.А. Леонтьевой. М., 2000.

Мезин, 2003 – *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 212 с.

Олеарий, 1906 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., прим. и указ. А.М. Ловягина. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. XXVIII, 582 с.

Олеарий, 1870 – *Олеарий А.* Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. / Пер. с нем. П.П. Барсова. М., 1870.

Орлов, 2008 – *Орлов А.А.* «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян к миру и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: «Гиперборя», «Кучково поле», 2008. 368 с.

Павловская, 1998 – *Павловская А.В.* Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия

глазами американцев: 1850–1880-е годы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. 304 с.

Платонов, 1991 – *Платонов С.Ф.* Царь Алексей Михайлович (опыт характеристики) // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. Том первый. XVII век. Первая половина. Репринт. изд. / Сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. М.: Патриот, 1991. С. 101–132.

Поршнева, 2014 – *Поршнева О.С.* Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская науч. конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, д.и.н., проф. А.В. Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. : в 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т. I. С. 126–129.

Мейерберг, 1874 – Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году / Пер. с лат. А.Н. Шемякина, с предисл. О.М. Бодянского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. I. М. : Типография Московского ун-та, 1874. 216, XXV с.

Рейтенфельс, 1997 – *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 / Пер. с лат. А.В. Станкевича // Утверждение династии (Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс). М.: Фонд Сергея Дубова. Рота-Принт, 1997. С. 231–406.

Саевская, 2017 – *Саевская М.* Был ли царь Алексей Михайлович «Тишайшим»? // Тезис.ру – Гуманитарные дискуссии. 31.01.2017. URL: <http://thezis.ru/byil-li-tsar-aleksey-mihaylovich-tishayshim.html>

Саевская, 2012 – *Саевская М.* Царь Алексей Михайлович глазами современников // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/46174.php>

Соловьев, 1896 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга третья. Т. I–XV. 2-е изд. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1896. 1580 с.

Соловьев, 1984 – *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом / Подгот. текста и комм. Л.Н. Пушкирева; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1984. 232 с.

Сорокин, 1992 – *Сорокин Ю.А.* Алексей Михайлович // *Вопросы истории.* 1992. № 4–5. С. 73–89.

Лизек, 1837 – Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия // *Журнал министерства народного просвещения.* 1837. №11 / Пер. И.П. Тарнавы-Боричевского. С. 327–394.

Стрейс, 2006 – *Стрейс Я.Я.* Три путешествия / пер. Э. Бородиной, ред. А. Морозова; подгот. к изд. А.И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2006. 496 с.

Уланов, 1991 – *Уланов В.Я.* Западное влияние в Московском государстве // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. Том второй. XVII век. Вторая половина. Репринт. изд. / Сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. М.: Патриот, 1991. С. 39–76.

Флетчер, 1906 – *Флетчер Дж.* О государстве Русском, или образ правления русского царя. 3-е изд. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. XXII, 138 с.

Черникова, 2012 – *Черникова Т.В.* Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. М.: МГИМО-Университет, 2012. 944 с.

Шокарев, 1997 – *Шокарев С.Ю.* Россия в царствование Алексея Михайловича глазами иностранцев // Утверждение династии (Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс). М.: Фонд Сергея Дубова. Рота-Принт, 1997. С. 407–418.

References

Bodin, 1576 – *Bodin J.* (1576). Les six livres de la République. P.: Chez J. du Puys, Libraire Juré, à la Samaritaine. 830 p.

Collins, 2008 – *Collins S.* (2008). The Present State of Russia In a Letter to a Friend at London; Written by an Eminent Person residing at the Great Czars. Court at Mosco for the space of nine years. London, 1671 / Ed. by M.T. Poe. Iowa City: Iowa University. 72 p.

Mayerberg, 1679 – *Iter in Moschoviam Augustini liberi baronis de Mayerberg, Camerae Imperialis Aulicae consiliarii, et Horatii Gulielmi Caluuccii, equitis, ac in regimine interioris Austriae consiliarii, ab augustissimo Romanorum imperatore Leopoldo, ad tzarem et magnum ducem Alexium Mihalowicz, anno 1661. s/l, 1679.* 236 p.

Olearius, 1663 – *Olearius A.* (1663). Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Moskau und Persien, So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den großen Zar in Moskau, und Schach Sefi König. (3. Ausg.). Schleswig: Gedr. in Fürstl. Druckerei durch J. Holwein.

Straußen, 1678 – *Straußen J.J.* (1678). Sehr schwere, wiederwertige und Denckwürdige Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moscau, Tartarey, Meden, Persien, Türckey, Ost-Indien, Japan und unterschiedliche andere Länder. Aus dem Holländischen übersetzt von A.M., Amst.: J. von Meurs und J. von Sommern, Buchhändlern. 232 p.

- Lyseck, 1676** – Relatio eorum quae circa sacri caesareae majestatis ad magnum Moscorum Czarum ab legatos Annibalem Franciscum de Bottoni, Sacri Romani Imperii Equitem Archiducalis Regiminis in Inferiore Austria consiliarium, et Joannum Carolum Terlingerenum de Guzman, Sacrae Caesareae Majestati sconsiliarium, anno aerae christianae 1675 gesta sunt, strictim recensita per Adolphum Lyseck, dictae legationis secretarium. Salisburgi: Sumpt. Et Typis Joan. Bapt. Mayr, typographi Aulico Academici, 1676. 124 p.
- Fletcher-Horsey, 1856** – Russia at the Close of the 16th Century. Comprising, the Treatise “Of the Russe Common Wealth”, by Giles Fletcher and the Travels of Sir Jerome Horsey / Ed. by E.A. Bond. L.: Printed for the Hakluyt Society, 1856. CXXXIV, 392 p.
- Ageeva, 2000** – Ageeva O.G. (2000). Petr I glazami zapadnoevropeiskikh memuaristov nachala XVIII veka [Peter I through the eyes of Western European memoirs of the early 18th century] // Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya. Sb. statei / Pod red. A.V. Golubeva. Vyp. I. M.: IRI RAN. [in Russian].
- Adelung, 1864** – Adelung F. (1864). Kritiko-literaturnoe obozrenie puteshestvennikov po Rossii [Critical-literary review of travelers in Russia]. Ch. I–II, M.: Tipografiya Moskovskogo un-ta, 1864. 256 p. [in Russian].
- Alpatov, 1973** – Alpatov M.A. (1973). Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa. XII–XVII vv. [Russian historical thought and Western Europe. From the 12th to the 17th centuries.]. M.: Nauka. 476 p. [in Russian].
- Alpatov, 1976** – Alpatov M.A. (1976). Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVII – pervaya chetvert' XVIII veka) [Russian historical thought and Western Europe. From the 17th to the early 18th centuries]. M.: Nauka. 456 p. [in Russian].
- Andreev, 2003** – Andreev I.L. (2003). Aleksei Mikhailovich [Alexis Mikhailovich]. M.: Molodaya gvardiya, 2003. 640 p. [in Russian].
- Boitsov, 2010** – Boitsov M.A. (2010). Chto takoe potestarnaya imagologiya? [What is potestarnaya imagology] // Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii / Otv. red. M.A. Boitsov, F.B. Uspenskii. SPb.: Aleteiya, 2010. [in Russian].
- Vitsen, 1996** – Vitsen N. (1996). Puteshestvie v Moskoviyu [Travel to Muscovy]. SPb. Symposium. 265 p. [in Russian].
- Gerbershtein, 2008** – Gerbershtein S. (2008). Zapiski o Moskovii: V 2 t. [Herberstein S. Notes on Muscovite affairs. 2 vol.] / Pod red. A.L. Khoroshkevich. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2008. T. I: Latinskii i nemetskii teksty, russkie perevody s latinskogo A.I. Maleina i A.B. Nazarenko, s rannenovoverkhnemetskogo A.B. Nazarenko. M. 776 p. [in Russian].
- Ermasov, 2004** – Ermasov E.V. (2004). Obraz «russkogo varvarstva» v sochineniyakh nemetskikh publitsistov XVI – pervoi poloviny XVIII v. [The image of “Russian barbarism” in the writings of German publicists of the 16th – mid-18th centuries] // Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii / Otv. red. S.Ya. Karp, S.A. Mezin. M.: Nauka. pp. 16–30. [in Russian].
- Erofeev, 1982** – Erofeev N.A. (1982). Tumanyi Al'bion. Angliya i anglichane glazami russkikh. 1825–1853 gg. [The Foggy Albion. England and the British through the Russian eyes. 1825–1853]. M.: Nauka. 320 p. [in Russian].
- Zak, 1976** – Zak L.A. (1976). Zapadnaya diplomatiya i vneshnepoliticheskie stereotipy [Western diplomacy and political stereotypes]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. [in Russian].
- Klyuchevskii, 1866** – Klyuchevskii V.O. (1866). Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve [Foreign tales about the Muscovy]. M.: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°). 264 p. [in Russian].
- Klyuchevskii, 1988** – Klyuchevskii V.O. (1988). Sochineniya. V 9-ti tt. T. III. Kurs russkoi istorii. Ch. III / Pod red. V.JI. Yanina. M.: Mysl'. 414 p. [in Russian].
- Kozulin, 2015a** – Kozulin V.N. (2015). Obraz skifov v antichnoi literaturnoi traditsii [The image of the Scythians in the ancient literary tradition]. Barnaul: Publ. of Altai State University. 168 p. [in Russian].
- Kozulin, 2015b** – Kozulin V.N. (2015). Rossiya i Zapad. Ocherki istorii vzaimodeistviya kul'tur [Russia and the West. Essays on the history of intercultural communication]. Barnaul: Publ. of Altai State University, 2015. 150 p. [in Russian].
- Kollins, 1846** – Kollins S. (1846). Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone [The present state of Russia in a letter to a friend at London] / Per. s angl. P.V. Kireevskogo // Chteniya v Obshestve istorii i drevnostei rossiiskikh. 1846, №1. Otd. III. Materialy inostrannye. pp. 1–55. [in Russian].
- Kotoshikhin, 2000** – Kotoshikhin G.K. (2000). O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [On Russia during the reign of Alexis Mikhailovich]/Podgot. publ., vvod. st., komm. i slovník G.A. Leont'evoi. M. [in Russian].
- Mezin, 2003** – Mezin S.A. (2003). Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I [A View from Europe: French authors of the 18th century about Peter I]. Saratov: Publ. of Saratov State University. 212 p. [in Russian].
- Oleari, 1906** – Oleari A. (1906). Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of the voyage to Muscovy and through Muscovy to Persia and back] / Vved., per., prim. i ukaz. A.M. Lovyagina. SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina. XXVIII, 582 p. [in Russian].

Oleari, 1870 – *Oleari A.* (1870). Podrobnoe opisaniye golshhtinskogo posol'stva v Moskoviyu i Persiyu v 1633, 1636 i 1639 gg. [A detailed description of the Holstein embassy in Muscovy and Persia in 1633, 1636 and 1639] / Per. s nem. P.P. Barsova. M. [in Russian].

Orlov, 2008 – *Orlov A.A.* (2008). «Teper' vizhu anglichan vblizi...»: Britaniya i britantsy v predstavleniyakh rossiyan o mire i o sebe (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.). Ocherki [“Now I see the English near...”: Britain and the British in the Russian's view of the world and themselves (from mid-18th to the mid-19th centuries). Essays]. M.: «Giperborya», «Kuchkovo pole». 368 p. [in Russian].

Pavlovskaya, 1998 – *Pavlovskaya A.V.* (1998). Rossiya i Amerika. Problemy obshcheniya kul'tur. Rossiya glazami amerikantsev: 1850–1880-e gody [Russia and America. Problems of cultural communication. Russia through the eyes of Americans: 1850–1880]. M.: Publ. of Moscow State University. 304 p. [in Russian].

Platonov, 1991 – *Platonov S.F.* (1991). Tsar' Aleksei Mikhailovich (opyt kharakteristiki) [Tsar Alexis Mikhailovich (a description attempt)] // Tri veka. Rossiya ot Smuty do nashego vremeni. Istoricheskii sbornik / Pod red. V.V. Kallasha. Tom pervyi. XVII vek. Pervaya polovina. Reprint. izd. / Sost. A.M. Martyshkin, A.G. Sviridov. M.: Patriot. p. 101–132.

Porshneva, 2014 – *Porshneva O.S.* (2014). Istoricheskaya imagologiya v sovremennoi rossiiskoi istoriografii [Historical imagology as a branch of contemporary Russian historiography] // Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv. VII Vserossiiskaya nauch. konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, d.i.n., prof. A.V. Bakunina. Materialy. Ekaterinburg, 4–5 dekabrya 2014 g. : v 2-kh t. Ekaterinburg. T. I. pp. 126–129. [in Russian].

Meierberg, 1874 – Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Maierberga i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, poslov avgusteishego rimskogo imperatora Leopold'a k tsaryu i velikomu knyazyu Alekseyu Mikhailovichu v 1661 godu [Travel to Muscovy of Baron Augustine Mayerberg and Horace Wilhelm Calvucci, the ambassadors of the August Roman emperor Leopold to the Tsar and Grand Duke Alexis Mikhailovich in 1661] / Per. s lat. A.N. Shemyakina, s predisl. O.M. Bodyanskogo // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh. 1874. Kn. I. M. : Tipografiya Moskovskogo un-ta, 1874. 216, XXV p. [in Russian].

Reitenfel's, 1997 – *Reitenfel's Ya.* (1997). Skazaniya svetleishemu gertsogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii. Paduya, 1680 [Tales to the Most Serene Duke of Tuscany Cosimo the Third de Medici of Muscovy] / Per. s lat. A.V. Stankevicha // Utverzhdenie dinastii (Andrei Rode, Avgustin Meierberg, Samuel' Kollins, Yakov Reitenfel's). M.: Fond Sergeya Dubova. Rota-Print, 1997. pp. 231–406. [in Russian].

Saevskaya, 2017 – *Saevskaya M.* (2017). Byl li tsar' Aleksei Mikhailovich «Tishaishim»? [stateWas Tsar Alexis Mikhailovich “The Serenissimus”?] // Tezis.ru – Gumanitarnye diskussii. 31.01.2017. URL: <http://tezis.ru/byl-li-tsar-aleksey-mihaylovich-tishayshim.html> [in Russian].

Saevskaya, 2012 – *Saevskaya M.* (2012). Tsar' Aleksei Mikhailovich glazami sovremennikov [Tsar Alexis Mikhailovich through the eyes of his contemporaries] // Obrazovatel'nyi portal «Slovo». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/46174.php> [in Russian].

Solov'ev, 1896 – *Solov'ev S.M.* (1896). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kniga tret'ya [History of Russia since ancient times. Book Three]. T. I–XV. 2-e izd. SPb.: T-vo «Obshchestvennaya pol'za», 1896. 1580 p. [in Russian].

Solov'ev, 1984 – *Solov'ev S.M.* (1984). Publichnye chteniya o Petre Velikom [Public lectures about Peter the Great] / Podgot. teksta i komm. L.N. Pushkareva; otv. red. V.I. Buganov. M.: Nauka. 232 p. [in Russian].

Sorokin, 1992 – *Sorokin Yu.A.* (1992). Aleksei Mikhailovich [Alexis Mikhailovich]. *Voprosy istorii*. № 4–5. pp. 73–89.

Lizek, 1837 – Statisticheskoe-geograficheskoe opisaniye rossiiskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya [Statistical-geographical description of the Russian state at the beginning of the 17th century]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1837. №11 / Per. I.P. Tarnavy-Borichevskogo. pp. 327–394. [in Russian].

Streis, 2006 – *Streis Ya.Ya.* (2006). Tri puteshestviya [Three travels] / per. E. Borodinoi, red. A. Morozova; podgot. k izd. A.I. Tsepkovym. Ryazan': Aleksandriya. 496 p. [in Russian].

Ulanov, 1991 – *Ulanov V.Ya.* (1991). Zapadnoe vliyanie v Moskovskom gosudarstve [Western influence in the Moscow] // Tri veka. Rossiya ot Smuty do nashego vremeni. Istoricheskii sbornik / Pod red. V.V. Kallasha. Tom vtoroi. XVII vek. Vtoraya polovina. Reprint. izd. / Sost. A.M. Martyshkin, A.G. Sviridov. M.: Patriot. pp. 39–76. [in Russian].

Fletcher, 1906 – *Fletcher G.* (1906). O gosudarstve Russkom, ili obraz pravleniya russkogo tsarya [Of the Russe Common Wealth, or Maner of government of the Russe emperor]. 3-e izd. SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina. XXII, 138 p. [in Russian].

Chernikova, 2012 – *Chernikova T.V.* (2012). Evropeizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XV–XVII vekakh [Europeanization of Russia in the mid-15th–17th centuries]. M.: Publ. of Moscow State Institute of International Relations. 944 p. [in Russian].

Shokarev, 1997 – *Shokarev S.Yu.* (1997). Rossiya v tsarstvovanie Alekseye Mikhailovicha glazami inostrantsev [Russia in the reign of Alexis Mikhailovich through foreign eyes] // Utverzhdenie dinastii

(Andrei Rode, Avgustin Meierberg, Samuel' Kollins, Yakov Reitenfel's). M.: Fond Sergeya Dubova. Rota-Print. pp. 407–418. [in Russian].

УДК 930.25

**Царь Алексей Михайлович глазами западных современников:
образ личности через призму потестарных стереотипов**

Вячеслав Николаевич Козулин ^{a,*}, Олег Юрьевич Курныкин ^a, Нина Сергеевна Малышева ^a,
Юрий Георгиевич Чернышов ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается образ русского царя Алексея Михайловича в западноевропейской Россике (на фоне общих представлений о Московском государстве). Актуальность темы обусловлена необходимостью дальнейшей разработки «имагологического» направления в современной науке, в том числе, изучения формирования образов российского государства и власти в допетровский период. Выясняется, что отношение авторов Россики к государству в целом (как правило, отрицательное, рисующее его в красках восточной деспотии) напрямую не коррелировалось с отношением к монархам, и их зачастую воспринимали, наоборот, весьма позитивно. Это касается первых Романовых, особенно Алексея Михайловича, о котором сохранилось больше всего подробных свидетельств. Данный феномен можно объяснить различными факторами: во-первых, обаянием конкретной личности, во-вторых, достаточно благоприятным отношением к иностранцам и европейской культуре в его время, в-третьих, распространенным тогда тезисом о противопоставлении добродетельной власти и «варварского» народа.

Ключевые слова: Алексей Михайлович Романов, Россия и Запад, историческая имагология, потестарная имагология, национальные стереотипы, XVII век, Н. Витсен, С. Коллинс, А. фон Мейерберг, А. Олеарий, Я. Рейтенфельс, Я. Стрейс.

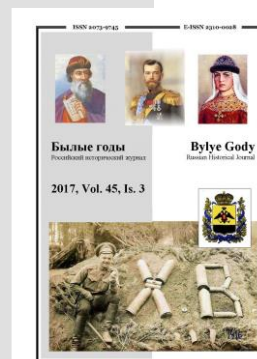
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: capreanus@gmail.com (В.Н. Козулин), hist-ok@yandex.ru (О.Ю. Курныкин), nimmer@rambler.ru (Н.С. Малышева), 7ashpi7@gmail.com (Ю.Г. Чернышов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.765
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 323.17

Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland

Pavel A. Merkulov ^{a, *}, Evgeniy A. Turin ^a, Elena N. Savinova ^a

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article examines the main cultural and historical determinants of the formation of Scots identity in the framework of scientific understanding of the issue of Scotland's national self-determination. The authors analyze the historical paradox that, in the nineteenth century, in the age of the formation of nation-states, when in Europe the struggle for national self-determination in various countries intensified, Scotland neglected its own national project, not only not having formed a national state, but, on the contrary, strengthened its socio-political and cultural positions within the British Empire. The article proves the idea that the Anglo-Scottish union of 1707 was of European importance, since it laid the foundation for the perfect standard of European ethno-religious nationalism, which not only formed a new type of state-national identity for Europe, implemented later in most European countries, where Was a modernization process, but also proposed a peaceful solution to the national problem. In the context of the stated topic, the authors examine in detail such strictly Scottish cultural and historical phenomena as tartanism, Kailyard and the myth of equality. They originate in the XVIII–XIX centuries and can be considered the main cultural and historical determinants of the formation of the Scottish identity from the moment when Scotland became part of the Union. Considered cultural and historical determinants of the formation of Scottish identity allowed the authors to conclude that tartanism, Kailyard and the myth of equality allowed the Scots to realize their national specifics, which in this case was not in conflict with British identity. On the basis of this view, it can be argued that identity is not an objective political tool in the struggle for national self-determination in Scotland.

Keywords: Scotland, national self-determination, identity, cultural and historical determinants, tartanism, Kailyard, egalitarianism, regionalization, United Kingdom.

1. Введение

Изменения, происходящие в процессе развития исторического знания, сопровождаются поиском новых методологических парадигм и научных подходов к изучению прошлого, что, одновременно, требует от профессионального сообщества выработки определенной интегральной системы ценностей, позволяющей ориентироваться в системе одновременного сосуществования противоположных воззрений и концепций. В этой связи, рост интереса исследователей к различным аспектам изучения региональной истории тех или иных народов актуализирует вопрос о соотношении общего и частного в процессе исторических детерминант формирования социокультурных и цивилизационных основ идентичности тех или иных народов (Шапаренко, 2010: 79-86).

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), turin.of.foveran@yandex.ru (E.A. Turin), savinovae.n@yandex.ru (E.N. Savinova)

В ряду народов, исторически демонстрировавших свою национально-государственную идентичность, шотландцам принадлежит особое место (Тюрин, Савинова, 2015: 195-201), поскольку уже долгое время Шотландия является одним из форпостов европейского национализма. Тем удивительнее выглядит тот факт, что в XIX веке, в эпоху формирования государств-наций, когда в Европе наблюдалась активизация борьбы за национальное самоопределение в самых разных странах, Шотландия пренебрегла собственным национальным проектом, не только не сформировав национального государства, но, наоборот, укрепляла и воспевала свое место в рамках Британской империи. Данный исторический парадокс, безусловно, требует многогранного научного осмысления еще и потому, что во многом именно англо-шотландская парламентская уния 1707 г. заложила основу первой полиэтничной и полирелигиозной европейской нации. Союз 1707 г. имел общеевропейскую значимость, поскольку им была заложена основа совершенного стандарта европейского этно-религиозного национализма, который не только сформировал новый для Европы тип государственно-национальной идентичности, реализованный позже в большинстве европейских стран, где шел модернизационный процесс, но и предложил мирный вариант решения национальной проблемы. И ни Просвещение XVIII века, ни Романтизм XIX столетия, ни, наконец, современная демократия не смогли воспрепятствовать этой тенденции (Тюрин, Савинова, 2014: 197-205).

2. Материалы и методы

В процессе работы над статьей авторы исходили из принципа теоретического и методологического плюрализма, в основе которого лежит специфика развития гуманитарного знания, которое, начиная со второй половины XX в., постулировало необходимость обращения к изучению человека во всем комплексе его восприятий. В этой связи основополагающее значение имели принципы антропологически-ориентированной истории, в рамках которой наибольшее внимание уделяется не событию, а его отображению в сознании и репрезентации преломленных сознанием образов. Центральным понятием при таком подходе является категория идентичности, позволяющая использовать новые исследовательские подходы к изучению многих исторических явлений. Большое значение имеет также междисциплинарный принцип исследования, позволяющий рассматривать идентичность, как на «перекрестках социально-гуманитарных наук, так и в общем пространстве научного знания». При изучении феномена идентичности решение сложных вопросов в контексте исследования ее исторических детерминант, становится возможным при использовании не только методов собственно исторического анализа, но и иных методов, парадигм и теорий в рамках гуманитарного знания (например, теория модернизации, как разновидность теории развития). Наконец, чрезвычайно важным в контексте данного исследования является понимание нации как дискурсивного феномена, что позволяет раскрывать понятие национализма в контексте символической системы, посредством которой выражает себя национализм. В соответствии с динамикой указанной системы (с переходом от традиционного общества к индустриальному) меняется и характер национализма.

Таким образом, исследование в рамках данной статьи осуществлялось на основе принципов историзма, конкретности, системности. Авторами использовались как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, описательный, количественный), так и специально-научные (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический) и конкретно-проблемные методы исследования.

Источники по рассматриваемой проблематике целесообразно разделить на следующие несколько групп. Во-первых, это законодательные памятники, самым важным из которых является договор унии 1707 г. Важным источником для изучения периода 1703–1707 гг. являются Акты шотландского парламента. Особую группу законодательных памятников представляет британское законодательство периода якобитских войн. Вторая группа источников объединяет материалы, которые, в отличие от законодательных, фиксируют, не правовой идеал, а реалии, характерные для того или иного общества. Такие источники интересны, в первую очередь, для изучения общественной реакции на унию 1707 г. и для исследования процесса модернизации, в то время как вопросы идентичности в данных источниках затрагиваются лишь опосредованно. Особой группой материалов являются документы по истории последнего якобитского восстания 1745–1746 гг. и политики «умиротворения» Хайленда, последовавшей за его успешным подавлением. Следующая, третья группа памятников – это т.н. клановые истории. Интересной особенностью данного вида источника является то, что он совмещает в себе «нарративность» и «документальность». Четвертую группу источников представляют исторические и художественные произведения, авторами которых были современники событий, связанных с динамикой идентичности шотландцев. Пятая группа – это мемуары, дневники и переписка, как политических деятелей, так и представителей творческой элиты, формировавших тот интеллектуальный дискурс, который распространялся среди широких масс населения. Помимо перечисленных групп источников, укажем также памфлетную литературу и т.н. обзоры; петиции и материалы периодической печати, значимость которых особенно возрастает в XIX в. К последним относятся и крупные шотландские газеты и журналы, такие, как, например, Blackwood's Edinburgh Magazine, и местная пресса (Inverness Courier). Указанные группы источников отражают вопросы, связанные с эволюцией шотландской идентичности.

3. Обсуждения

Проблема формирования европейских наций не единожды являлась предметом научного осмысления. Освещался этот вопрос и применительно к шотландской истории. Однако изучение исторических детерминант формирования шотландской идентичности в контексте вопроса о национальном самоопределении Шотландии – тема, гораздо менее изученная как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке.

В отечественной историографии вопросы унии, регионализации и динамики развития шотландской идентичности в общем контексте, не часто заявляются как единая научная проблема. Отдельные аспекты шотландской истории, в том числе и истории англо-шотландских отношений, освещены в исследованиях В.В. Штокмар (Штокмар, 1976: 196-199), А.А. Графшонкиной (Графшонкина, 2013: 339-348), Г.И. Зверевой (Зверева, 1987: 173-193), М.Ю. Брандта (Брандт, 1988), И.Н. Гроздовой (Гроздова, 1981), А.А. Петросьян (Петросьян, 1984: 31-32), Д.Г. Федосова (Федосов, 1992: 198-205), Г.Ю. Магакова (Магаков, 1987), В.Ю. Апрыщенко (Апрыщенко, 2016: 12). Значимость исследований отечественных историков определяется тем фактом, что, как правило, констатируется и анализируется противоречивость процесса англо-шотландских отношений на протяжении средних веков и раннего нового времени. При этом зачастую объектом анализа становится сложная этнополитическая мозаика Шотландии, особенности ее экономического уклада. В то же время, как правило, эти исследования посвящены более ранним периодам шотландской истории и не затрагивают вопросы, связанные с модернизацией и шотландской идентичностью. В зарубежных исследованиях шотландская история в контексте проблемы трансформации идентичности шотландцев вызывали и продолжают провоцировать многочисленные дискуссии. Характерной особенностью всех исследований этой проблемы, начиная с XVIII–XIX вв. и по сей день, является четкое разделение на проюнионистских и антиюнионистских исследователей, чьи общественно-политические взгляды детерминируют их научные воззрения.

Проблема трансформации идентичности с конца XVII по XIX столетие, за редким исключением, стала привлекать внимание историков лишь в последние два десятилетия. Особенность историографических работ этой группы заключается в том, что они, как правило, содержат в себе историографический дискурс XVIII–XIX вв., а, с другой стороны, сами являются отражением сложного процесса развития шотландской идентичности последней четверти XX – начала XXI вв. Большая часть современных исследователей этого периода согласны в одном – роли XVIII в. в возникновении исторических детерминант формирования «шотландскости» в контексте вопроса о национальном самоопределении Шотландии. Современные исследования показывают, что, в отличие от других европейских стран, в Шотландии практически не было работ, связанных с изучением собственной шотландской идентичности. На этом фоне работа Маринел Эш «Странная смерть шотландской истории» (Ash, 1980) является примером довольно оригинального исследования шотландской историографии постюнионистского периода. Общий контекст данной работы сводится к тому, что в Шотландии в XIX в. произошла т.н. «романтическая революция в историописании», флагманом которой стал Вальтер Скотт. В результате сформировалась историографическая традиция, основанная на пристальном изучении аутентичных источников. Впрочем, влияние данной традиции исчезло в Шотландии уже в 1870-е гг., что, собственно, и стало поводом говорить о «внезапной смерти шотландской истории».

Тем не менее, анализ историографии XX в., представляет очевидный научный интерес с позиций изучения процесса формирования шотландской идентичности в XX столетии. Здесь следовало бы отметить работы М. Фрая (Fry, 1992), К. Кидда (Kidd, 1993), М. Питтока (Pittock, 2001), Л. Патерсон (Paterson, 1994) и Р. Финли (Finlay, 1994: 124-140). Последний, кстати, считает, что историография XIX в. вовсе не претендовала на обоснование самоопределения Шотландии, т.к. и сам национализм XIX в. не выдвигал требований создания суверенного государства-нации. Поэтому-то перед шотландцами не возникало задачи осмысления собственного прошлого сквозь призму националистических целей. Можно также отметить, что в своих работах Финли и Паттерсон выдвигают идею «концентрической природы шотландского национализма». Г. Мортон (Morton, 1930) разделяет точку зрения Р. Финли и Л. Паттерсон относительно шотландского национализма XIX в. Используя теоретические взгляды на сущность нации Э. Смита, он считает, что политический национализм был «ненастоящим» движением, особенно, в сравнении с культурным национализмом.

По сути, анализ историографии рассматриваемой проблемы позволяет отметить, что, несмотря на целый ряд работ, посвященных отдельным темам и вопросам шотландской истории XVIII–XIX вв., не было ни одного существенного исследования, в котором сочетались бы одновременно три аспекта: уния, регионализация, идентичность. При этом, многочисленные исследования, посвященные шотландской идентичности в XVIII и XIX вв., оставляют вне поля своего внимания вопрос о влиянии регионализации на трансформацию идеи «шотландскости». Даже в монографических сочинениях последних лет вопросы соотношения унии, регионализации и идентичности рассматриваются изолированно. И хотя связь между ними никто не отрицает, тем не менее, не было предпринято попытки анализа влияния регионализации на шотландскую идентичность и отражения этого процесса в понимании нации.

4. Результаты

Как ни странно, несмотря на создание в рамках унии всебританских институтов и, несмотря на возникновение у шотландцев британской идентичности, в течение XIX века шотландская идентичность почти полностью перестроилась и стала поистине национальной. Собственно, этому парадоксальному процессу и посвящена данная статья.

В настоящее время большинство из нас предположило бы, что шотландская идентичность практически синонимична гэльской идентичности хайлендеров. Тартан (рус. шотландка), килт, система кланов и игры горцев – это те культурные особенности, которые в большинстве случаев могли бы быть приписаны всей шотландской культуре, а не только культуре горцев. Тем не менее, тот факт, что высокогорное (точнее, гэльское) культурное самовыражение может быть рассмотрено в целом как шотландское, – относительно новое явление. До конца XVIII века Шотландия была в основном разделённой страной. Это было разделение, которое в большей или меньшей степени проходило по географической линии, отделяющей Среднешотландскую низменность (Лоуленд) от Северо-Шотландского нагорья (Хайленд). Низменность была областью, на которой проживала основная часть населения Шотландии, это был культурно и экономически развитый район с элементами урбанизации, с достаточно образованными трудовыми ресурсами в лице ремесленников, грамотной и аристократической элитой и группой довольно успешных торговцев. И, прежде всего, Лоуленд подчинялся королевской власти и законодательным установлениям Парламента Шотландии. Это область, которую в общем виде можно охарактеризовать как процветающую, чего нельзя сказать о Северо-Шотландском нагорье. Хайленд управлялся посредством клановых связей; здесь вождь клана всегда стоял выше всех остальных членов. Сами кланы постоянно враждовали друг с другом, заботясь о расширении своей земли и своего влияния. Почва, которая поддерживалась в хорошем состоянии небольшими, плохо развитыми фермами зависела от количества овса, а позднее и от урожая картофеля, а также от развития такого сельскохозяйственного производства, как разведение рогатого скота. Горцы в основном были бедными и многие из них, если не все, в прошлом являлись варварами, подчинялись родоплеменным отношениям. Земля, на которой они жили, была известна как варварская глушь. Обе области (Хайленд и Лоуленд) имели совсем разные культуры. В Лоуленде это была европейская культура, сформированная в результате ирландско-кельтских, норвежских, англосаксонских и, главное, нормандских влияний, правовая система опиралась на Римское право, а люди здесь разговаривали на диалекте английского языка, считая его шотландским. Жители Лоуленда были настроены против горцев, которые оставались верными своей кельтской культуре, основанной на традициях пиктов и ирландских гэлов. Идентичность, навязываемая обществом, принуждала носить кельтский горский костюм и использовать гэльский язык в качестве основного. Между Хайлендом и Лоулендом существовали также различия и в религии. К XVII в. в Лоуленде большинство людей и элита в большинстве своем придерживались пресвитерианского варианта протестантской веры. Однако, в Хайленде епископальная церковь начала закладывать свой фундамент, опираясь на старые римско-католические традиции, поэтому в течение XVII века горные кланы стали приверженцами католицизма, что ещё больше отделило Высокогорье от Среднешотландской низменности (Devine, 2006; Trevor-Roper, 2009).

Большое влияние на разделение оказал Союз. В 1745 году якобиты подняли восстание в Хайленде, которое имело успехи, но уже в 1746 году в сражении при Каллодене было разбито британской армией. Важно отметить, что восставшие (как и в восстании 1715 г.) в основном были горцами. Этот факт интересен в первую очередь потому, что в ответ на восстание якобитов 1745 года Вестминстерский парламент принял в 1746 году «Акт о Наследственных правах», который упразднил клановую систему, и «Акт о Запрете», запретивший носить традиционный костюм горной Шотландии. Правительство направило войска в Хайленд, чтобы обеспечить соблюдение этих законов, а также «Закона о Разоружении» (1715 г.), не имевший результатов до этого времени. Период после 1746 года вплоть до 1860-х получил название «зачистка Нагорья». Такие авторы как Дивайн и Уомак сходятся во мнениях о том, что в этот период культура старого Хайленда была полностью уничтожена (Devine, 1987: 1-8; Womack, 1989: 4-26).

Глядя на такое разделение, можно точно сказать, что в начале XVIII века не существовало единого шотландского самосознания. Более того, если взглянуть на сильные численные, экономические и культурные стороны Лоуленда, то можно было бы предположить, что в результате его культурного объединения с полностью разрушенной культурой Шотландского высокогорья именно культура Низин стала бы фундаментом для развития настоящей национальной культуры. Однако произошло всё иначе. С конца XVIII века быстро развивалось движение, которое соглашалось с утверждением о том, что культура Шотландского высокогорья является национальной культурой, это позволило рассматривать историю Шотландии с учётом её связей с Хайлендом. Это движение возникло в момент, когда казалось, что культура горцев полностью разрушена, и его цель заключалась в раскрытии этой самой национальной культуры. Движение называют «тартанизм», и далее нам хотелось бы рассмотреть его влияние на национальное самоопределение и на формирование шотландской идентичности.

Конец XVIII в. и весь XIX в. были периодом национализма. По всей Европе возникли националистические движения, выступавшие за национальную культуру и против

многонациональных империй, таких как Российская, Габсбургская и Османская. Вразрез с идентичностями этих многонациональных империй шла британская идентичность, являвшаяся всеобщей. Она была открыта для шотландцев и приносила пользу. Но всё же, Шотландии не были полностью приданы английские и британские черты. Поэтому «тартанизм» следует рассматривать как шотландский вариант романтического национализма XIX века.

О возникновении «тартанизма» Тревор-Ропер в своём произведении «Изобретение Шотландии» провёл анализ текстов Бойса и Бьюкенена, в результате которого счел их выводы не соответствующими действительности. Впоследствии Тревор-Ропер показывает, как всё это склонило Джеймса Макферсона к написанию книги «Поэмы Оссиана», опубликованной где-то в 1760–1765 годах (Trevor-Roper, 2009: 33-54; 55-74). Это была самая продаваемая и читаемая работа, замеченная многими авторами, здесь было дано первое настоящее определение движения «тартанизм» (Devine, 2006: 242-243; Withers, 1995: 371-397; Porter, 2001: 396-435). Книга Макферсона была основана на представлениях Бойса и Бьюкенена, которые считали, что шотландцы были непосредственно связаны с культурной античной традицией древних греков, которая продолжала существовать в Хайленде у гэльских кельтов. Эффект работы Макферсона был двояким. С одной стороны, в самом центре истории находился образ Шотландского нагорья, а с другой стороны, ошибочное утверждение о происхождении горцев заставило их вспомнить собственную древнюю и почитаемую культуру. По словам Дивайна, «Поэмы Оссиана» оказали значительное влияние на изменение общего отношения к Хайленду. Книга изменила восприятие образа Шотландского нагорья от «неплодородной дикой местности к месту неотразимой природной красоты» (Devine, 2006: 243). Но более удивительным было то, что книга Макферсона открыла глаза не только шотландцам, но всем британцам. После публикации книги Шотландское нагорье стало туристической достопримечательностью для элиты и состоятельных людей из разных уголков Британской империи. Работа Макферсона также может быть рассмотрена как история, положившая начало изменению представления о самих горцах; их больше не считали варварами, а наоборот называли хранителями потерянного шотландского наследия (Leneman, 1987).

Сэр Вальтер Скотт был поражён «Поэмами Оссиана», в результате чего сам стал известен миру как живое воплощение «тартанизма». Об этом все его романы, о восстановлении прав Хайленда, о его вновь воссозданных традициях, которые и по сей день существуют в Шотландии. Практически во всех его произведениях в основе лежат проблемы, характерные для Шотландии. Именно Скотт в «Узверли» воссоздал изображение якобитского восстания. Книга, впервые опубликованная в 1814 году, имела огромный успех, благодаря которому изменила отношение к восстанию якобитов (Trumpener, 1993: 685-731). Во всех своих работах Вальтер Скотт пытался объединить историю Шотландии с идентичностью Шотландского нагорья. Горцев он видел благородными воинами, борющимися за благое дело и находящимися в тесной связи с природой. Этот образ проник в головы и сердца многих читателей.

Однако самым большим достижением Вальтера Скотта является встреча с королём Георгом IV в 1822 году. Визит Короля был от начала и до конца организован Скоттом, который хотел показать свою Шотландию с её идентичностью и культурой. В реальности всё произошло совершенно иначе. Как было сказано ранее, в Хайленде идентичности просто не было. Чтобы скрыть это, Вальтер Скотт собрал вождей кланов и раздал им определённые указания. Все должны были быть одеты в традиционные костюмы горцев, но даже этого было недостаточно, чтобы показать ту самую связь шотландской истории и идентичности горцев. Тогда, расходуя баснословные денежные суммы, сэр Вальтер Скотт очистил все города, установил в них различные флаги и отличительные знаки горских кланов, а также уговорил дворян и вождей кланов устроить грандиозный парад. В качестве «последнего штриха» Скотт принял решение, что Короля должны носить на руках с момента его прибытия и до конца визита. Никогда раньше вся Шотландия не облачалась в традиционный костюм горцев. Однако для такого визита многие знатные семьи надели надели килты с традиционными тартанами и носили их с гордостью (Prebble, 1988: 3-31).

Вальтер Скотт был не единственным человеком, который смог показать образ шотландского горца, в связи с чем следует упомянуть Королевский Хайлендский полк (Чёрный дозор), состоявший из шотландцев, но при этом отстаивавший интересы Британии. Все члены полка были уроженцами Северо-Шотландского нагорья, что непосредственно отражалось в их военной форме. Уомак и Дивайн приходят к следующему выводу: Королевский Хайлендский полк внёс в головы людей представления о народе-воине и возвеличил горцев (Womack, 1989: 145). Помимо всего, интересен тот факт, что, являясь символом британского патриотизма, полк Чёрный дозор одновременно способствовал развитию «тартанизма». Казалось бы, это разрушает все стереотипы о «тартанизме» и британской национальной идентичности, в частности об их различиях.

Подобное заключение может быть сделано и при изучении работ Вальтера Скотта, важно понимать, что он не был политическим националистом. Напротив, он являлся сторонником Союза. Как выразился Локхарт, написавший биографию сэра Скотта: «Он получал удовольствие от своих фантазий о призраках и ведьмах... (но)... ни один человек, пытаюсь доказать существование сверхъестественного, не был настолько уверенным в своих словах; поэтому я считаю, он бы сделал гораздо больше, чем другие, для подавления антианглийских восстаний, характерных в одно время

для Шотландии» (Lockhart, 1906: 653). Однако Вальтер Скотт боялся, что в результате Объединения шотландцы потеряют свою народную самобытность и станут похожими на англичан (англизироваанными). Это было, по его мнению, неправильно как для Шотландии, так и для Союза.

Опасения сэра Скотта оказались не беспочвенными. Нэрн, Фрай и другие авторы подтвердили развитие тенденции стирания культурных различий в рядах элит Шотландии и Англии с конца XVIII в. по XIX в. (Nairn, 2001: 653; Fry, 1992: 72-89). Такое взаимодействие могло повлиять на шотландскую историю. Смаут и Фрай говорили, что с конца XVIII в. и до начала XIX в. история Шотландии не воспринималась обществом. В учебных заведениях преподавали ангализированную историю. В статье «Перспективы шотландской идентичности» Смаут говорит о работах Вальтера Скотта, которые помогли спасти историю Шотландии от английского поглощения (Smout, 1994: 8). Также Смаут считает вариант шотландской истории Скотта вторичным по отношению к английской истории. По словам Смаута, сэр Скотт видел фантастическое прошлое Шотландии, которое позволило отделить её от Англии, но всё это не могло подвергнуть сомнению существование британской идентичности. Подобным образом думает и Уомак, который пишет: «Лоуленд становится похожим на Англию, в результате этого увеличивается его культурная пропасть с Нагорьем» (Womack, 1989: 145). Как говорилось ранее, эта пропасть оказалась безопасной для британской идентичности. Дивайн делает вывод: «... «Тартанизм» был своего рода ответом на вопрос: как сохранить шотландскую идентичность без ущерба для Союза?» (Devine, 2006: 244).

Несмотря на то, что влияние сэра Скотта на воссоздание шотландской идентичности было огромным на протяжении первых десятилетий девятнадцатого века, это отнюдь не означает, что он был единственным литературным гением, повлиявшим на шотландскую идентичность и описавшим во всей своей красе север страны. В конце девятнадцатого века, Кэльярдское литературное течение использовало романтическое воззрение деревенской жизни Севера. Кэльярд – литературная школа романов, коротких рассказов и поэм, которые возникли в период с 1880 г. по 1914 г. Несмотря на то, что она критиковалась за интеллектуальную скудность и консервативные ценности такими людьми, как например шотландский поэт Хью МакДиармид, кэльярдские книги оказались весьма успешными и влиятельными, особенно среди растущего среднего класса. В своем анализе этих книг Кук обнаружил, что они имеют большое сходство с работами Скотта (Cook, 1999: 1053-1073).

Харви даже заметил, что «тартанизм достиг своего расцвета в прозорливом маркетинге кэльярдских авторов в 1980-х гг.» (Harvie, 1988: 27). Как и ранее упомянутый роман «Уэверли», течение Кэльярд взывало к высоким чувствам северной Шотландии, однако, не касалось исторических событий. Кэльярдские писатели использовали чувства, чтобы показать настоящую шотландскую жизнь, сельскую, деревенскую и маломасштабную, занимающую север страны. Кэльярдская проза на самом деле была популярной, но она также получила репутацию представителя реальной Шотландии, аутентичной литературы, всматривающейся в сердце Шотландской нации, культуры и жизни (Cook, 1999: 1054). Как только новые средние классы в урбанизированной и промышленной южной Шотландии нашли новые ориентиры, течение Кэльярд передавало настроение общества. Кэльярдская конструкция нации стирала историю Шотландии в рамках реконструкции аффективной экономики, которая была одновременно несвоевременной и обратно направленной, при этом, будучи достаточно цивилизованной для поддержания среднечассовых отношений (Cook, 1999: 1067). Тем не менее, значение течения Кэльярд не ограничивается локальными рамками. Кэльярдские книги, так же как и книги сэра Скотта, широко читали за пределами Шотландии, особенно в Англии и Соединенных Штатах. Имидж Кэльярд и его представление шотландской идентичности пришли не только из самой Шотландии, но и были усилены извне. В конечном итоге трудно ручаться за то, как сильно Кэльярд повлияло на шотландскую идентичность. Нэрн в своей манере часто сокрушал Кэльярд за представление и изображение ограниченности шотландского общества (Nairn, 2001: 160-162). Как бы то ни было, Кэльярд и не должно было быть повсеместным (Devine, 2006: 296-298). Дивайн признает, что влияние течения Кэльярд было значительным среди более высоких слоев среднего класса Шотландии. Но, совершенно бесспорно, что в то время гораздо больше было опубликовано и написано для более низких классов, которые были менее консервативны. Впрочем, как это было в случае с тартанизмом, Кэльярд сформировало и усилило мнение о шотландской идентичности, которая одновременно обособлялась от Англии, не представляя никакой угрозы для всеобъемлющей британской идентичности. Со своим ненасильственным акцентом и консервативными ценностями Кэльярд показало, как популярная литература в Шотландии может сыграть на шотландской личности или даже усилить эту шотландскость, действуя в рамках всей Великобритании. Нэрн объясняет Кэльярдизм как форму культурного субнационализма, которая была воспитана на знании, что основная национальная культура была образована в Англии (Nairn, 2001: 160). И хотя пессимизм Нэрна о подавлении страны культурой Англии может быть поставлен под сомнение, его рассуждения, что Кэльярд было дорогой к установлению национальной шотландской культуры или национальной идентичности, в большинстве своем кажутся корректными.

Другой значимый аспект в оценке шотландской национальной идентичности это эгалитаризм в Шотландии, также известный как шотландский миф. Миф широко исследован как МакКроуном в работе «Понимание Шотландии», так и Хирном в труде «Утверждение Шотландии» (McCrone, 2001:

90-103; Hearn, 2000: 139-154). По МакКроуну шотландский миф для шотландцев – «это история, повествование значительной силы, и это повествование, которое помогает шотландцам определить, кто они, другими словами, это важный аспект в их национальной идентичности» (McCrone, 2001: 90-103). Принцип шотландского мифа в том, что шотландское общество по своему существу эгалитарное. То есть в Шотландии каждый человек в равной степени оценивается по его возможностям, а не по его происхождению. Ядром этой идеи является то, что равенство – это естественная установка для человека, а неравенство было создано обществом как социальная девиация, в основе которой лежит противоречивая альтруистическо-эгоистическая природа человека. Происхождение этого мифа трудно проследить. Линклейтер и Дэннисон в их введении к «Анатомии Шотландии» видят в этом сильное пересечение с пресвитерианским пониманием этого вопроса и с особенной интерпретацией его в рамках протестантской веры как горизонтальной организационной структуры, которая закрепила равенство в сознании шотландцев (Linklater, 1992: 2-5). МакКроун во многом соглашается с этим тезисом, найдя, что пресвитерианские принципы лежали в истоках шотландского мифа и подтвердили его. МакКроун, однако, также утверждает, что с XIX века данный миф нашел свое утверждение в большей степени в шотландской образовательной системе. Здесь идея состояла в том, что в Шотландии каждый человек мог получать хорошее образование столь долго, сколько бы ему позволили это делать его интеллектуальные способности. Исследования Макферсона и Андерсона показали, что на самом деле, в этом утверждении есть доля правды. С XIX века шотландские университеты значительно превосходили английские или континентальные вузы по численности студентов из низших социальных слоев (McPherson, 1992: 216-243; Anderson, 1985: 82-104). МакКроун поддерживает эти выводы, подчеркивая, что миф и институт образования оказали влияние друг на друга. Расширение образовательной системы, как он утверждает, существовало не только в XIX веке, но и поддерживалось в XX веке. Более того, МакКроун показывает, что равенство было важным лейтмотивом в кэлярдских историях. Несмотря на это, он оценивает шотландское общество как неэгалитарное по своей природе. В шотландской истории можно найти достаточно примеров, где общество в основном расколото, и возможности были открыты только для «лучшей его части», т.е. для тех, кто был выходцем из привилегированных слоев. Однако было достаточно примеров, литературных (благодаря Кэлярду) и институциональных (в образовательной системе), по укреплению идеи шотландского равенства. МакКроун утверждает, что миф, для того чтобы остаться сильным, не нуждается в конкретных доказательствах, чтобы поддерживать веру в него.

Шотландский эгалитаризм представляет собой особый интерес в качестве тезиса, как заключают МакКроун и Хирн, что имело особенно сильное влияние на текущий политический вектор (McCrone, 2001: 90-103; Hearn, 2000: 139-154). МакКроун утверждает, что эгалитаризм открыт для радикальной интерпретации, подразумевающей не только равенство каждого в Шотландии, но и обязанность общества создавать уверенность у каждого в наличии равных возможностей. Хирн придерживается этой линии утверждением о том, что эгалитарный принцип существовал на протяжении всего начала XX века и был культурно объединен с «Красным Клайдсайдом». Это социалистическое движение возникло в промышленном сердце Глазго и, особенно, в кораблестроительной индустрии на реке Клайд в течение периода 1914–1919 гг. Некоторые авторы, такие как Джон Фостер – предшественник Хирна – утверждали, что это движение, а также его тяжелое подавление британским государством, оказало «рыночный эффект» на шотландское общество, придавая тем самым социализму специфический шотландский характер. Тезис Хирна о том, что социализм «Красного Клайдсайда» и принцип эгалитаризма пришли вместе, что превратило их, согласно МакКроуновской радикальной интерпретации, в часть шотландской идентичности. Базируясь на этом тезисе, Хирн объясняет, что Шотландия со второй половины XIX века становилась нацией, которая имеет строгие предпочтения на левом фланге спектра политических ориентиров. И хотя тезис Хирна интересен и имеет высокую долю правдоподобности, необходимо отметить, что он имеет некоторые недостатки. Основная проблема лежит в непосредственной связи мифа равенства с социалистически ориентированной левосторонней политикой. Несмотря на то, что в анализе МакКроуна можно найти шотландский эгалитаризм в открытом понимании, что можно увидеть в левостороннем политическом векторе, он также придает значение его консервативному пониманию. Он пишет: «Если люди исконно равны, общественная структура неравенства не имеет значения, ничто не нуждается в изменениях» (McCrone, 2001: 91). По МакКроуну эта интерпретация использовалась впоследствии (на протяжении 1960-х гг.) для защиты консервативных идей. Однако, в конечном итоге, МакКроун приходит к тому, что хотя шотландский эгалитаризм и открыт для различных пониманий, он помог «укрепить социальный и культурный порядок, который занимает главное место в коллективе, кооперативе и эгалитарных обязательствах» (McCrone, 2001: 102). Впрочем, хоть выводы МакКроуна и в большей мере наполнены нюансами, чем выводы Хирна, он не усматривает прямой связи левых политических ориентиров и традиций «Красного Клайдсайда» с шотландским мифом. Однако также ясно, что МакКроун видит в эгалитарном мифе объяснение склонности Шотландии к построению общества на коллективистской справедливой основе (в том числе, в политике). Так или иначе, шотландский миф социального равенства – это существенная часть шотландской идентичности.

5. Заключение

Хоть выше мы и постарались показать проявления того, что может и должно быть определено как культурно-исторические детерминанты шотландской национальной идентичности, необходимо заметить, что дать четкое определение этому явлению не представляется возможным. Как показали Беверидж и Тернбулл, такие движения как тартанизм и Кэльярд не являлись главенствующими, они не показывают ни шотландскую культуру в целом, ни шотландскую идентичность в полной мере (Beveridge, Turnbull, 1989: 14-16). И при этом нельзя экстраполировать миф равенства для объяснения всей социокультурной сущности Шотландии. Таким образом, три движения – тартанизм, Кэльярд и миф равенства – берут свое начало в XVIII–XIX веках и могут считаться основными культурно-историческими детерминантами формирования шотландской идентичности с момента, когда Шотландия стала частью Союза. Рассмотренные культурно-исторические детерминанты формирования шотландской идентичности позволяют увидеть, что шотландскость базируется в основном на культурных понятиях, принципе исторической нации и местных институтах. При этом, необходимо понимать, что тартанизм, Кэльярд и миф равенства, возвышая Шотландию позволили шотландцам осознать свою национальную специфику, которая отделяла их от англичан, валлийцев от ирландцев, но при всем этом не оказалась в конфликте с британской идентичностью. Иными словами, две идентичности (шотландская и британская) не противоположны друг другу сами по себе, скорее они развивались одновременно, и история показала, что они обе могут быть одновременно уместны. На основе этого взгляда можно утверждать, что идентичность не представляется логически политическим средством для тех политических сил, которые борются за национальное самоопределение Шотландии.

Подытоживая, отметим, что шотландский опыт трехсотлетней давности в части того, как была решена проблема межнационального и межкультурного противостояния в условиях модернизации, породившей новые социальные и экономические задачи, может иметь значение и для России. Этот факт проистекает из того, что процесс формирования идентичностей имеет вневременное и внеисторическое значение, возобновляясь в каждодневной человеческой практике.

Литература

- Апрыщенко, 2016 – Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб., 2016.
- Брандт, 1988 – Брандт М.Ю. Союз Шотландии и Англии в Европейских международных отношениях конца XVI начала XVII века // *Англия в эпоху феодализма*. М., 1988.
- Графшонкина, 2013 – Графшонкина А.А. Шотландия после Унии 1707 г. // Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания: сборник научных статей / под ред. К.Е. Сигалова и С.В. Зыковой. М.: Граница, 2013. С. 339-348.
- Гроздова, 1981 – Гроздова И.Н. Шотландцы, тенденция этнического развития // *Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы*. М., 1981.
- Зверева, 1987 – Зверева Г.И. История Шотландии. М., 1987.
- Магаков, 1987 – Магаков Г.Ю. Шотландия и англо-шотландская «уния корон» начала XVII в. // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков*. Л., 1987.
- Петросьян, 1984 – Петросьян А.А. Эдинбургский договор 1560 г. // *Англия в эпоху абсолютизма*. М., 1984. С. 31-32.
- Тюрин, Савинова, 2014 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // *Власть*. 2015. № 4. С. 195-201.
- Тюрин, Савинова, 2014 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014. № 2. С. 197-205.
- Федосов, 1992 – Федосов Д.Г. Парламент Шотландии в борьбе за независимость страны (XIII–XIV века) / *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. Ч. 1. Москва, 1992. С. 198-205.
- Шапаренко, 2010 – Шапаренко В.В. Современные теории цивилизационного развития и их возможности в изучении региональной истории // *Былые годы*. 2010. № 3 (17). С. 79-86.
- Штокмар, 1976 – Штокмар В.В. Англо-шотландские отношения накануне соединения двух королевств // *Проблемы отечественной и всеобщей истории*. Л., 1976. Вып. 3. С. 196-199.
- Anderson, 1985 – Anderson R.D. In search for the “lad of parts”: the mythical history of Scottish education // *The History Workshop Journal*, 19. 1985. p. 82-104.
- Ash, 1980 – Ash M. The Strange Death of Scottish History. Edinb., 1980.
- Beveridge, Turnbull, 1989 – Beveridge C., Turnbull R. The Eclipse of Scottish Culture: inferiorism and the intellectuals. Edinb., 1989. p. 14-16.
- Cook, 1999 – Cook R. The Home-Ly Kailyard Nation: Nineteenth-Century Narratives of the Highland and the Myth of Merrie Auld Scotland. ELH, 66. 1999. p. 1053-1073.
- Devine, 1987 – Devine T.M. The Highland Clearances, Refresh 4, spring, 1987. p. 1-8.
- Devine, 2006 – Devine T.M. The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York, 2006.

- Finlay, 1994 – *Finlay R.* Controlling the past: Scottish Historiography and Scottish identity in the 19th and the 20th centuries, *Scottish Affairs*, 9. 1994. pp. 124-140.
- Fry, 1992 – *Fry M.* The Whig interpretation of Scottish History', in *The Manufacture of Scottish History*, Ian Donnachie and Christopher Whatley (eds.). Edinb., 1992.
- Harvie, 1988 – *Harvie C.* Industry, religion and the state of Scotland', in D. Giffords (ed.) // *The History of Scottish Literature*, Volume 3, the Nineteenth Century. Aberdeen, 1988. p. 27.
- Hearn, 2000 – *Hearn J.* Claiming Scotland. Edinb., 2000.
- Kidd, 1993 – *Kidd C.* Subverting Scotland's Past. Camb., 1993.
- Leneman, 1987 – Leneman L. The effect of Ossian in Lowland Scotland. In *Aberdeen and the Enlightenment*, J.J. Carter and J.H. Pittock eds. Edinb., 1987.
- Linklater, Denninnton, 1992 – *Linklater M., Denninnton R.* Anatomy of Scotland: How Scotland Works. Edinb., 1992.
- Lockhart, 1906 – *Lockhart J.G.* The Life of Sir Walter Scott. Edinb., 1906.
- McCrone, 2001 – *McCrone D.* Understand Scotland the sociology of a stateless nation – second edition. London and New York, 2001.
- McPherson, 1992 – *McPherson A.* An angle on the geis: persistence and change in Scottish educational tradition', in W.M. Humes, and H.M. Paterson (eds.) // *Scottish culture and Scottish education*. Edinb., 1992. pp. 216-243.
- Morton, 1930 – *Morton H.* The Soul of Scotland. Methuen, London, 1930.
- Nairn, 2001 – *Nairn T.* Farewell Britannia: Break-Up or New Union? // *New Left Review*, 7. pp. 55-74.
- Paterson, 1994 – *Paterson L.* The Autonomy of Modern Scotland. Edinb., 1994.
- Pittock, 2001 – *Pittock M.* Scottish Nationality. Hampshire, 2001.
- Porter, 2001 – *Porter J.* Bring me the head of James Macpherson. The execution of Ossian and the wellspring of folkloristic discourse // *The Journal of American Folklore*, 454. pp. 396-435.
- Prebble, 1988 – *Prebble J.* The King's Jaunt: George IV in Scotland, August 1822. London, 1988.
- Smout, 1994 – *Smout T.C.* Perspective on the Scottish Identity // *Scottish Affairs*, 6. 1994.
- Trevor-Roper, 2009 – *Trevor-Roper H.* The invention of Scotland myth and history. New haven and London, 2009.
- Trumpener, 1993 – *Trumpener K.* National Character, Nationalist Plots: National Tale and Historical Novel in the Age of Waverly, 1806–1830. *EHL*, 60. pp. 685-731.
- Withers, 1995 – *Withers C.* How Scotland came to know itself: geography, national identity and the making of a nation, 1680–1790 // *Journal of Historical Geography*, 4. 1995. pp. 371-397.
- Womack, 1989 – *Womack P.* Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989.

References

- Apryshchenko, 2016 – *Apryshchenko V.Yu.* (2016). Shotlandiya v Novoye vremya: v poiskakh identichnosty [Scotland during Modern times: in search of identichnost]. SPb. [in Russian]
- Brandt, 1988 – *Brandt M.Yu.* (1988). Soyuz Shotlandii i Anglii v Evropeyskikh mezhdunarodnykh otnosheniyakh kontsa XVI – nachala XVII veka [Soyuz of Scotland and England in the European international relations of the end of the XVI beginning of the 17th century]. *Angliya v epokhu feodalizma*. M. [in Russian]
- Grafshonkina, 2013 – *Grafshonkina A.A.* (2013). Shotlandiya posle Unii 1707 g. [Scotland after the Union of 1707]. *Vektory razvitiya obshcheppravovoy teorii kak vektory pravoponimaniya: sbornik nauchnykh statey / pod red. K.E. Sigalova i S.V. Zykovoy*. M.: Border. pp. 339-348. [in Russian]
- Grozdova, 1981 – *Grozdova I.N.* (1981). Shotlandtsy, tendentsiya etnicheskogo razvitiya [Scots, a tendency of ethnic development]. *Sovremennyye etnonatsionalnyye protsessy v stranakh Zapadnoy Evropy*. M., 1981. [in Russian]
- Zvereva, 1987 – Zvereva of G.I. (1987). Istoriya Shotlandii [Istoriya of Scotland]. M., 1987. [in Russian]
- Magakov, 1987 – *Magakov G.Yu.* (1987). Shotlandiya i anglo-shotlandskaya «uniya koron» nachala XVII v. [Scotland and Anglo-Scottish "union of crowns" of the beginning of the 17th century]. *Problemy sotsialnoy istorii i kultury srednikh vekov L.*, 1987. [in Russian]
- Petrosyan, 1984 – *Petrosyan A.A.* (1984). Edinburgskiy dogovor 1560 g. [The Edinburgh contract of 1560]. *Angliya v epokhu absolyutizma*. M., 1984. pp. 31-32. [in Russian]
- Turin, Savinova, 2015 – *Turin E.A., Savinova E.N.* (2015). Natsionalnyy stil razvitiya politicheskogo protsessa v sovremennoy Shotlandii: k voprosu o shotlandskoy identichnosti [National style of development of political process in modern Scotland: to a question of the Scottish identity]. *Vlast*. 2015. No. 4. pp. 195-201.
- Turin, Savinova, 2014 – *Turin E.A., Savinova E.N.* (2014). Natsionalnyy suverenitet Shotlandii v kontekste gosudarstvennoy politiki upravleniya prirodnyimi resursami [National sovereignty of Scotland in the context of public policy of management of natural resources]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2014. No. 2. pp. 197-205.
- Fedosov, 1992 – *Fedosov D.G.* (1992). Parlament Shotlandii v borbe za nezavisimost strany (XIII–XIV veka) [Parlament of Scotland in fight for independence of the country (the XIII–XIV century)]. *Vlast i politicheskaya kultura v srednevekovoy Evrope*. Ch. 1. M., 1992. pp. 198-205. [in Russian]

- Shaparenko, 2010 – Shaparenko V.V. (2010). Sovremennyye teorii tsivilizatsionnogo razvitiya i ikh vozmozhnosti v izuchenii regionalnoy istorii [Modern theories of civilization development and their opportunity in studying of regional history]. *Bylye Gody*. 2010. No. 3 (17). pp. 79-86. [in Russian]
- Shtokmar, 1976 – Shtokmar V.V. Anglo-shotlandskiye otnosheniya nakanune soyedineniya dvukh korolevstv [The Anglo-Scottish relations on the eve of connection of two kingdoms]. *Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii*. L., 1976. Issue 3. pp. 196-199. [in Russian]
- Anderson, 1985 – Anderson R.D. (1985). In search for the “lad of parts”: the mythical history of Scottish education. *The History Workshop Journal*, 19. p. 82-104.
- Ash, 1980 – Ash M. (1980). The Strange Death of Scottish History. Edinb.
- Beveridge, Turnbull, 1989 – Beveridge C., Turnbull R. (1989). The Eclipse of Scottish Culture: inferiorism and the intellectuals, Edinb. p. 14-16.
- Cook, 1999 – Cook R. (1999). The Home-Ly Kailyard Nation: Nineteenth-Century Narratives of the Highland and the Myth of Merrie Auld Scotland, *ELH*, 66. p. 1053-1073.
- Devine, 1987 – Devine T.M. (1989). The Highland Clearances, *Refresh* 4, spring, 1987. p. 1-8.
- Devine, 2006 – Devine T.M. (2006). The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York.
- Finlay, 1994 – Finlay R. (1994). Controlling the past: Scottish Historiography and Scottish identity in the 19th and the 20th centuries, *Scottish Affairs*, 9, p. 124-140.
- Fry, 1992 – Fry M. (1992). The Whig interpretation of Scottish History’, in *The Manufacture of Scottish History*, Ian Donnachie and Christopher Whatley (eds.), Edinb.
- Harvie, 1988 – Harvie C. (1988). Industry, religion and the state of Scotland’, in D. Giffords (ed.). *The History of Scottish Literature*, Volume 3, the Nineteenth Century, Aberdeen, p. 27.
- Hearn, 2000 – Hearn J. (2000). Claiming Scotland, Edinb.
- Kidd, 1993 – Kidd C. (1993). Subverting Scotland’s Past., Camb.
- Leneman, 1987 – Leneman L. (1987). The effect of Ossian in Lowland Scotland. In *Aberdeen and the Enlightenment*, J.J. Carter and J.H. Pittock eds., Edinb.
- Linklater, Denninnton, 1992 – Linklater M., Denninnton R. (1992). Anatomy of Scotland: How Scotland Works, Edinb.
- Lockhart, 1906 – Lockhart J.G. (1906). The Life of Sir Walter Scott, Edinb.
- McCrone, 2001 – McCrone D. (2001). Understand Scotland the sociology of a stateless nation – second edition, London and New York.
- McPherson, 1992 – McPherson A. (1992). An angle on the geis: persistence and change in Scottish educational tradition’, in W.M. Humes, and H.M. Paterson (eds.). *Scottish culture and Scottish education*, Edinb., p. 216-243.
- Morton, 1930 – Morton H. (1930). The Soul of Scotland, Methuen, London.
- Nairn, 2001 – Nairn T. (2001). Farewell Britannia: Break-Up or New Union? *New Left Review*, 7, pp. 55-74.
- Paterson, 1994 – Paterson L. (1994). The Autonomy of Modern Scotland. Edinb.
- Pittock, 2001 – Pittock M. (2001). Scottish Nationality. Hampshire.
- Porter, 2001 – Porter J. (2001). Bring me the head of James Macpherson. The execution of Ossian and the wellspring of folkloristic discourse. *The Journal of American Folklore*, 454, p. 396-435.
- Prebble, 1988 – Prebble J. (1988). The King’s Jaunt: George IV in Scotland, August 1822, London.
- Smout, 1994 – Smout T.C. (1994). Perspective on the Scottish Identity // *Scottish Affairs*, 6.
- Trevor-Roper, 2009 – Trevor-Roper H. (2009). The invention of Scotland myth and history, New haven and London.
- Trumpener, 1993 – Trumpener K. (1993). National Character, Nationalist Plots: National Tale and Historical Novel in the Age of Waverly, 1806–1830, *EHL*, 60, p. 685-731.
- Withers, 1995 – Withers C. (1995). How Scotland came to know itself: geography, national identity and the making of a nation, 1680–1790. *Journal of Historical Geography*, 4, p. 371-397.
- Womack, 1989 – Womack P. (1989). Constructing the Myth of the Highlands, London.

УДК 323.17

Культурно-исторические детерминанты формирования идентичности шотландцев: к вопросу о национальном самоопределении Шотландии

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Евгений Анатольевич Тюрин ^a, Елена Николаевна Савинова ^a

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), turin.of.foveran@yandex.ru (Е.А. Тюрин), savinovae.n@yandex.ru (Е.Н. Савинова)

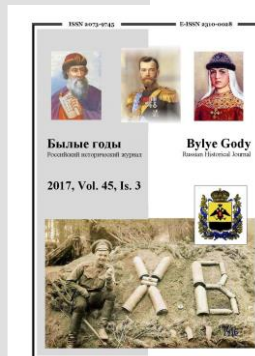
Аннотация. В статье рассматриваются основные культурно-исторические детерминанты формирования идентичности шотландцев в рамках научного осмысления вопроса о национальном самоопределении Шотландии. Авторы анализируют исторический парадокс, заключающийся в том, что, в XIX веке, в эпоху формирования государств-наций, когда в Европе наблюдалась активизация борьбы за национальное самоопределение в самых разных странах, Шотландия пренебрегла собственным национальным проектом, не только не сформировав национального государства, но, наоборот, укрепляла свои социально-политические и культурные позиции в рамках Британской империи. В статье доказывается мысль, что англо-шотландская уния 1707 г. имела общеевропейскую значимость, поскольку она заложила основы совершенного стандарта европейского этно-религиозного национализма, который не только сформировал новый для Европы тип государственно-национальной идентичности, реализованный позже в большинстве европейских стран, где шел модернизационный процесс, но и предложил мирный вариант решения национальной проблемы. В контексте заявленной темы, авторы детально рассматривают такие сугубо шотландские культурно-исторические явления, как тартанизм, Кэльярд и миф равенства. Они берут свое начало в XVIII–XIX веках и могут считаться основными культурно-историческими детерминантами формирования шотландской идентичности с момента, когда Шотландия стала частью Союза. Рассмотренные культурно-исторические детерминанты формирования шотландской идентичности позволили авторам сделать вывод о том, что тартанизм, Кэльярд и миф равенства позволили шотландцам осознать свою национальную специфику, которая при этом не оказалась в конфликте с британской идентичностью. На основе этого взгляда можно утверждать, что идентичность не является объективным политическим средством в борьбе за национальное самоопределение Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, национальное самоопределение, идентичность, культурно-исторические детерминанты, тартанизм, Кэльярд, эгалитаризм, регионализация, Великобритания.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 776-784, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.776
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1 (470.6)

The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries

Anzhela A. Zhurtova ^{a, *}, Petr A. Kuz'minov ^a, Andrei A. Konovalov ^a, Elena G. Muratova ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

Modern historical science is characterized by the presence of conceptual and methodological pluralism in the study of Russian-Caucasian historical interaction. The categorial apparatus of research on this problem includes such terms as «citizenship», «conquest», «voluntary adherence», «military-political union», etc. In different studies the same concept is filled with different semantic content, which creates a discursive field that requires in-depth scientific research.

The article analyzes the studies of the liberal direction of pre-revolutionary historiography devoted to the problem of mutual relations between Russia and the peoples of the North Caucasus in the XVI–XIX centuries. As a tool for historiographic analysis, the work uses the disciplinary matrix of the historical science of J. Rüzen. This theoretical construction allowed to classify and conceptualize prerevolutionary research, to formulate criteria for distinguishing a liberal direction in the study of Russian-Caucasian historical interaction. The authors of the article refer to the studies of the liberal direction of pre-revolutionary historical thought by the works of L. Shteder, P.S. Pallas, P.G. Butkov, S.M. Bronevskii, I.F. Blaramberg, D.I. Romanovskii, N.F. Grabovskii, A.L. Zisserman, M.Ya. Ol'shevskii and others. Their cognitive interest consisted in the desire to study and understand the nature of the mountain people, their consciousness and worldview.

Russian liberal thought differed from the European primarily by a pronounced conservative principle and a tendency to rely on the principle of monarchism. Representatives of this direction supported the authorities' desire to join the North Caucasus, but at the same time they justified the need for a softer and more flexible policy in the region based on the values of humanism and sought to find peaceful means of «conquest» North Caucasian peoples that would avoid violent actions.

Keywords: historiography, liberal direction, the disciplinary matrix, North Caucasus, Russia, citizenship, the Caucasian war, conquest.

1. Введение

В отечественной историографии проблеме российско-кавказских взаимоотношений отведено значительное место. Историографический анализ исследований, посвященных истории формирования современных территориальных границ России, политико-правовых основ распространения ее полномочий на присоединенные территории, механизмов мирного взаимодействия в рамках одного поликультурного пространства позволяет выявить уровень идеологической безопасности и консолидированности государства и общества.

Современная историческая наука характеризуется наличием методологического плюрализма в изучении взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. Одна часть ученых основным фактором имперской политики в регионе признает стремление к территориальным приращениям,

* Corresponding author

E-mail addresses: anzhelka28@mail.ru (A.A. Zhurtova)

которое предполагает жесткое подавление любых форм сопротивления со стороны завоеванных народов. Другая – стремится обосновать, что Российская империя по своему административно-территориальному устройству представляла собой лучший вариант организации власти и управления национальными окраинами, который способствовал позитивному влиянию русского народа на северокавказские этнические общества. Все это требует глубокого научного исследования, которое позволит определить степень изученности проблемы, выявить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении.

2. Материалы и методы

В качестве инструмента историографического анализа в работе используется дисциплинарная матрица исторической науки Й. Рюзена. Данная теоретическая конструкция состоит из пяти циркулярно взаимосвязанных факторов: интересов, концептов обозначения, методов, форм репрезентации и функций. «Интересы» обусловлены особенностями общественно-политической, экономической и культурной жизни общества. Профессиональное сообщество историков отвечает на общественный запрос в виде теорий и концепций («концепты обозначения»), а сам исторический анализ осуществляется в соответствии с правилами и «методами» научного исследования. Полученное знание преподносится в такой форме, которая характеризуется строгим соответствием научным требованиям и доступностью изложения («формы репрезентации»). Результатом этого процесса становится формирование идентичности всех уровней, как главной общественной «функции» исторической науки.

Дисциплинарная матрица Й. Рюзена позволяет одновременно исследовать процесс развития исторической науки и историографии определенной проблемы. Эта теоретическая конструкция дает возможность проанализировать ход развития отечественного кавказоведения максимально учитывая всю сложность и многогранность этого процесса.

3. Обсуждение

Учитывая различия методологической и концептуальной основы в исторических исследованиях, в историографии российско-кавказского исторического взаимодействия условно можно выделить три этапа.

Первый этап – вторая половина XIX в. – начало XX в., когда процесс становления и развития отечественного кавказоведения сопровождался появлением первых библиографических и источниковых обзоров в исследованиях, посвященных проблеме российско-кавказского исторического взаимодействия (Грабовский, 1876; Белокуров, 1889).

Второй этап – 1920–1980-е гг. – характеризуется общим подъемом исторической науки, появлением первых научных работ по данной проблеме. В этот период историографический анализ исследований по проблеме вхождения Северного Кавказа в состав России был осуществлен Т.Х. Кумыковым, М.М. Блиевым и др. (Кумыков, 1957; Блиев, 1982).

На третьем этапе – конец 80-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в. – глубокая трансформация общественно-политической и экономической жизни России приводит к изменениям в сфере методологии исторических исследований. Процесс развития исторической науки по проблеме присоединения региона к России изучен в работе А.Н. Максимчика (Максимчик, 2010). В.В. Трепавлов, К.Ф. Дзамихов и др. (Трепавлов, 2005; Дзамихов, 2007а; Дзамихов, 2007b) проанализировали историографию взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. Историографический и методологический аспекты изучения проблемы Кавказской войны и участия в ней северокавказских народов исследованы в работах В.В. Дегоева, В.В. Лапина и др. (Дегоев, 2001; Лапин, 2003). Несмотря на наличие интереса к проблеме историографического осмысления российско-кавказских отношений, данная тема в науке комплексно не изучена.

4. Результаты

Основы российского кавказоведения были заложены во второй половине XVIII – начале XX вв. Процесс его становления и развития шел параллельно с завоеванием региона Российской империей. Исследования в данной области осуществлялись преимущественно сотрудниками Российской Академии наук и военными чиновниками.

В дореволюционной историографии российско-кавказских взаимоотношений условно можно выделить три основных направления: консервативное, либеральное и демократическое.

Либерализм является продуктом западноевропейской культуры. Его основная идея заключается в осуществлении свободы личности посредством устранения всего, что грозит существованию индивидуальной свободы, прежде всего неограниченной государственной власти (Леонтович, 1995). Ценность общественных институтов измеряется тем, в какой мере они защищают интересы личности (Кузьминов и др., 2017).

Вопрос о происхождении русской либеральной традиции является одним из самых дискуссионных в современной науке. К.И. Шнейдер появление полноценного, национально адаптированного либерального феномена в российской общественно-политической мысли датирует второй половиной 1850-х – серединой 1860-х гг. (Шнейдер, 2010).

Отнесение того или иного представителя исторической мысли к либеральной традиции зачастую представляет собой научную проблему. Либералами в строго западном смысле многих из них признать затруднительно. Тем не менее, по ряду признаков они могут быть причислены к либеральному паттерну. Дело здесь в том, что русский либерализм того времени представлял собой довольно самобытное явление. Перенос западные идеи на русскую почву, общественные деятели и историки не могли их не трансформировать. Их мировоззрение в значительной степени определялось социокультурной ситуацией, в которой они пребывали. Поэтому, полагает В.Ф. Пустарнаков, для русского либерализма характерна синкретичность, перекрещивание либеральных идей с другими направлениями. Следствием этой ситуации стало бытование либерализма в превращенных (видоизмененных в соответствии с насущными общественными задачами) и неадекватных (когда политик или администратор, не разделяя либеральных взглядов, вынужден был осуществлять либеральные меры) формах (*Либерализм в России, 1996*). По мнению В.И. Приленского, российский либерализм обладал несколькими отличительными особенностями: отсутствием прочной социальной поддержки в обществе, сильной антидемократической тенденцией, склонностью опираться на принцип монархизма, ярко выраженным консервативным началом и отсутствием в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе (*Приленский, 1995*).

Тем не менее, изучаемые в данной статье персоналии, на наш взгляд, могут быть отнесены к либеральной традиции. На принадлежность к ней указывают свойственные им уважение к человеческой свободе и достоинству, признание кавказских народов равноправным субъектом отношений и установки на поиск взаимоприемлемых форм взаимодействия. Эти явления можно проследить в отечественной исторической мысли, в том числе и в кавказоведении.

В соответствии с дисциплинарной матрицей Й. Рюзена, в основе либеральной концепции российско-кавказского исторического взаимодействия в дореволюционный период лежали следующие «принципы исторического мышления»:

1. **Интересы.** Познавательный интерес либеральных исследователей конца XVIII–XIX вв. был направлен на изучение психологии горцев, особенностей их мышления и мировоззрения, социально-политической, экономической и духовной основы существования северокавказских этнических общностей. Указанные авторы признавали главной экзистенциальной ценностью интересы личности, её права и свободы, стремились найти мирные, «цивилизованные» способы «завоевания» местных народов, которые позволили бы избежать насильственных и противоправных действий с обеих сторон.

2. **Концепты обозначения.** Российские либералы, опираясь в своих рассуждениях на принцип монархизма, поддерживали властей в их стремлении завоевать Северный Кавказ, но при этом доказывали необходимость более мягкой и гибкой политики в регионе, основанной на гуманистических и демократических ценностях. Как правило, в исследованиях либерального направления подчеркивался взаимовыгодный, союзнический характер российско-кавказских отношений и меньше акцентировалось внимание на «цивилизаторской миссии» Российской империи по отношению к местным народам. Представители либеральной историографии обосновывали тезис о многолетнем российском «подданстве» северокавказских народов, которые, периодически нарушая его условия, вступали в вооруженный конфликт с частями имперской армии.

3. **Методы.** Основные работы либерального течения отечественной исторической мысли были созданы в середине – второй половине XIX в. Мероприятия по подготовке и проведению буржуазных реформ 1860–1870-х гг. стали историческим фоном появления этих публикаций и стимулировали выработку либерально-просветительских подходов в исследованиях. В указанный период, по мнению А.Х. Борова, процессы профессионализации сферы научного изучения Северного Кавказа, превращения его в интегральную часть академической науки в условиях становления принципа историзма и роста влияния позитивизма обусловили возникновение познавательных предпосылок становления новой модели представлений культурно-исторической специфики региона. Базовой чертой этой модели являлся социоцентризм, предполагавший превращение общества в предмет научного интереса (*Боров, 2012*).

4. **Формы репрезентации.** Основная масса научных текстов исследователей либерального направления представляла собой по структуре естественное сочетание тактических соображений по проблеме скорейшего завершения российско-кавказского конфликта, исторических экскурсов и воспоминаний с крупными вкраплениями этнографических наблюдений (*Лукирский, 2003*). В большинстве исследований присутствуют яркие эпитеты и метафоры в адрес «мужественных» и «свободолюбивых» горцев.

5. **Функции.** Российская либеральная мысль, так же как и европейская, выполняла функцию конструирования национальной идентичности. С.М. Соловьев представлял историю как «науку народного самопознания» (*Соловьев, 1872*). В исследованиях данного течения предпринимались попытки решения главной национальной проблемы – определения исторической судьбы Российского государства, доказывалась идентичность путей развития России и Европы, звучал призыв следовать западной цивилизации, разделив ее главные ценности, в числе которых имперская форма

государственного устройства (Кантор, 2007). Присоединение Северного Кавказа укрепляло имперскую идентичность, усиливало Россию на международной арене.

Одним из первых исследований, которые правомерно отнести к либеральному течению, относится дневник капитана российской армии Л. Штедера (Штедер, 1967). В 1781 г. офицер оказался свидетелем социального конфликта, который развернулся в Северной Осетии между баделятами (феодалной элитой Дигорского общества Осетии) и крестьянами. Противостояние было завершено заключением договора, в соответствии с которым осетины принесли «клятву верности России», а всех дигорцев, «сделанных бадилатами рабами», было предписано отпустить (Штедер, 1967). В итоге более трех тысяч «оссов» стали российскими подданными (Штедер, 1967). Автор подчеркивал, что осетины «от природы хорошие люди», но из-за собственных привычек и предрассудков «получили ложное направление», поэтому «их вспылчивому гневу» необходимо идти навстречу (Штедер, 1967).

Истории и культуре северокавказских народов посвятил свою работу П.С. Паллас. По его сведениям, в XVI в. кабардинцы оказались «под покровительством» Ивана IV, который в 1560 г. взял в жены черкесскую княжну Марию Темрюковну (Паллас, 1974). В XVII в. адыги находились в сфере влияния Крыма, а в начале XVIII в., когда ими были предприняты попытки избавиться от этой зависимости, «крымский хан проник до Кабарды» (Паллас, 1974). Стремясь заручиться военной поддержкой России, кабардинцы снова обратились «к покровительству русских», но остаются при этом «неспокойными и ненадежными подданными», поскольку эта «храбрая народность рыцарей ... не может переносить никакого ярма» (Паллас, 1974).

В работе П.Г. Буткова (Бутков, 1869) содержится большой объем документов и материалов по истории российско-ингушских взаимоотношений. Ингуши («киштинцы»), полагает автор, искали пути освобождения «от притеснения кумыков и кабардинцев» и в 1769 г. решили обратиться к кизлярскому коменданту с просьбой о принятии их в российское подданство и «дали аманатов» (Бутков, 1869). Коменданту было велено обходиться с ними «осторожно, справедливо, ... с умеренною ласкою», поскольку они «льстивые, обманчивые, ... по своему магометанскому закону суть нам тайные и явные неприятели; при том, они чрезмерно величавы, горды, честолюбивы» (Бутков, 1869). Процесс присоединения Ингушетии к России завершился, по мнению П.Г. Буткова в конце XVIII в.

Исследование С.М. Броневского (Броневский, 1823) посвящено анализу взаимоотношений народов Северного Кавказа друг с другом и с российской властью. Адыгские посольства середины XVI в., с точки зрения автора, способствовали весьма выгодному для России сближению с кабардинцами и черкесами, «которые в походах на Лифляндию, Польшу и против Крымских татар» своей «храбростью» во многом «способствовали ее победам» (Броневский, 1823). В период Смуты российско-кабардинские связи были прерваны, а в 1774 г., согласно условиям Кючук-Кайнарджийского договора, Кабарда «возвратилась под российское подданство» (Броневский, 1823).

Также С.М. Броневский собрал богатый материал по истории и культуре вайнахских народов. Чеченцы, полагает автор, отличаются от других горцев «свирепым бесстрашием в разбоях», которое является их «главным ремеслом». В связи с этим их отношения с Россией носят преимущественно военный характер (Броневский, 1823). Автором предоставляются сведения о «военных поисках» российских главнокомандующих в регионе в XVIII в., которые были предприняты для «усмирения» чеченцев, и периодически завершались принятием ими присяги и предоставлением аманатов в знак подтверждения своего подданства (Броневский, 1823).

Генерал-лейтенант И.Ф. Бларамберг подчеркивал, что кавказские народы по своей натуре были «проницательны и рассудительны», и в связи с этим «подозрительны и переменчивы в суждениях» (Бларамберг, 2005). К числу основных факторов, способствовавших обращению Кабарды к Российскому государству в XVI в., он относит «междоусобицы», вследствие которых многие известные князья, в числе которых Сунчалеевы и Келеметевы, «покинули Кабарду» и приобрели известность под фамилией Черкасских (Бларамберг, 2005). Как полагает автор, сложно найти на земле народы, «которые защищали бы свою свободу и независимость с большим упорством ..., чем жители Кавказа» (Бларамберг, 2005).

Особую роль в процессе публикации исторических сведений о северокавказских народах играли периодические издания, в частности «Военный сборник», «Кавказский сборник», «Терские ведомости», «Кубанские войсковые (областные) ведомости», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Терский сборник» и др. Журнал «Военный сборник» издавался в 1858–1917 гг. в г. Санкт-Петербурге. С 2013 года публикация этого журнала возобновлена в г. Сочи (Cherkasov et al., 2014: 417).

К либеральному направлению российского кавказоведения в пореформенный период можно отнести работу генерала Д.И. Романовского (Романовский, 1860). По его утверждению, основы российского «владычества на Кавказе» были заложены Петром I, который присоединил к России «Кавказский берег Каспийского моря и часть Персии» и начал строительство Кавказской линии. После присоединения Грузии в начале XIX в. Кавказ стал частью Российского государства, и последовавшая за этим политика «усмирения» края, подчеркивает автор, представляла собой «неизбежный подвиг», отказаться от которого считалось несомненным «с достоинством России» и несогласным «с ее исторической судьбой» (Романовский, 1860).

С точки зрения автора, существовала необходимость «наглядно убедить горцев», что «подчинение» Российскому государству не было ненавистным для них «рабством». Он подчеркивал,

что имперские власти обязаны демонстрировать уважение к ним, к их религиозным взглядам, обычаям, даже «предрассудкам» и требовать лишь «отказа от хищничества и от необузданной свободы» (Романовский, 1860). Труды Д.И. Романовского являются одной из первых попыток комплексного изучения проблем Кавказской войны.

Процесс присоединения Кабарды к России изучен в работе Н.Ф. Грабовского (Грабовский, 1876). К числу главных предпосылок, способствовавших российско-кабардинскому сближению в середине XVI в., он относит потребность адыгов в военной помощи. В дальнейшем они выступали в качестве союзников в войнах с Крымом. В период правления Федора Ивановича «к титулу русских государей был присоединен титул «Государя земли Кабардинской» (Грабовский, 1876). Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., по мнению автора, создал международно-правовую основу вхождения Кабарды в состав России (Грабовский, 1876).

В исследовании военного историка А.Л. Зиссермана (Зиссерман, 1879) северокавказские «туземцы» характеризуются как «весьма сметливые и политичные». Автор убежден, что наместник, как единственный представитель российской власти в регионе и важное «орудие» для установления гражданского порядка и «ассимилирующего начала», должен заслужить их уважение (Зиссерман, 1879). Руководствуясь главными либеральными ценностями, А.Л. Зиссерман осуждал любое проявление насилия в отношении местных народов и выступал против сформировавшейся за годы Кавказской войны привычки «опираться исключительно на могущество штыков» (Зиссерман, 1879).

Я.В. Абрамов порицал насильственные действия со стороны российских войск, подчеркивая, что военные экспедиции на Кавказе приводят к «печальным результатам» и способны нанести большой ущерб российскому авторитету в регионе и в мире, возместить который «не будут в состоянии никакие военные успехи» (Абрамов, 1991).

В работе капитана М.Я. Ольшевского (Ольшевский, 2003), которая впервые была издана в 1893 г., изучены российско-чеченские отношения. Автор, проанализировав факты несоблюдения чеченцами условий российского подданства, попытался выяснить причины их инвариантного поведения. Размышляя о правомерности обвинений в адрес чеченцев в «изменах», «легковерии и непостоянстве», он задавался вопросом: были ли ими правильно поняты намерения российских властей в регионе, не имеют ли право вайнахи, в свою очередь, обвинять российское руководство в неоднократном нарушении «заключаемых с ними условий» (Ольшевский, 2003). Автор подчеркивал, что неверно выдвигать обвинения «в вероломстве и коварстве» в адрес «целого народа», и призывал строить диалог о прекращении антироссийской деятельности «со всем чеченским населением», а не «с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами» (Ольшевский, 2003). М.Я. Ольшевский придавал большое значение деятельности князя А.И. Барятинского в регионе, который в 1859 г. завершил присоединение Восточного Кавказа (Ольшевский, 2003).

5. Заключение

В имперский период развития отечественной историографии характер и тематика исследований определялись, с одной стороны, внутренней логикой развития самой исторической науки, с другой стороны, внешними факторами ее существования. Более интенсивное и предметное изучение истории и культуры северокавказских этнических обществ было связано с началом Кавказской войны и поиском эффективных механизмов реализации российской политики в отношении горских народов. Имперская территориальная экспансия воспринималась многими исследователями как неизбежный с исторической точки зрения процесс.

Исследования дореволюционных авторов являлись результатом творческих наблюдений, которые приобрели характер научно-исследовательских работ благодаря тому, что в них были использованы исторические источники, летописи, архивные и печатные материалы. Принцип историзма постепенно приобретал статус философской основы исторической науки и предполагал анализ любого социального явления в тесной связи с конкретно-историческими условиями его существования. С середины XIX в. происходит процесс профессионализации сферы научного изучения Северного Кавказа, растет значение позитивистской теории в исследовании прошлого и настоящего горских обществ.

Представители российской либеральной мысли конца XVIII–XIX вв., опираясь в своих рассуждениях на гуманистические идеалы, выступали за соблюдение прав и свобод северокавказских этнических групп имперскими органами власти, доказывали необходимость поиска компромиссных способов «покорения» горских обществ, альтернативных насильственным. Одновременно российский либерализм, со свойственным ему сильным консервативным началом и являясь одним из источников укрепления монархической власти, представлял политику территориального расширения России как процесс неизбежный, определенный её «исторической судьбой» и позитивный для национальных окраин.

Литература

Абрамов, 1991 – Абрамов Я.В. Кавказские горцы // Дубровин Н.Ф. Черкесы (адыге). Материалы для истории черкесского народа. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1991. Вып. 1. С. 251–295.

- Белокуров, 1889** – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1: 1578–1613. 1889. 584 с.
- Бларамберг, 2005** – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского языка, введение и комментарии И.М. Назаровой. М.: Изд. Надыршин А.Г., 2005. 432 с.
- Блиев, 1982** – *Блиев М.М.* Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 октября 1979 г., г. Грозный. Грозный, 1982. С. 241–248.
- Боров, 2012** – *Боров А.Х.* Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // *Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН.* 2012. Вып. X. С. 3–38.
- Броневский, 1823** – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М.: Типография С. Селивановского, 1823. Т. 2. 472 с.
- Бутков, 1869** – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Ч. I. 622 с.
- Грабовский, 1876** – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба её за независимость // *Сборник сведений о кавказских горцах.* Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 132–231.
- Дегоев, 2001** – *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: SPSL – Русская панорама, 2001. 448 с.
- Дзамихов, 2007** – *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 1 // *Известия КБНЦ РАН.* Нальчик, 2007. № 3, Ч. 2. С. 108–117.
- Дзамихов, 2007** – *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 2 // *Известия КБНЦ РАН.* Нальчик, 2007. № 4, Ч. 1. С. 147–156.
- Зиссерман, 1879** – *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879. Ч. 1. 438 с.
- Кантор, 2007** – *Кантор В.К.* Империя как путь России к европеизации // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 112–156.
- Кумыков, 1957** – *Кумыков Т.Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957. 134 с.
- Лапин, 2003** – *Лапин В.В.* История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб.: Нестор-История, 2003. 78 с.
- Леонтович, 1995** – *Леонтович В.В.* История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с.
- Либерализм в России, 1996** – *Либерализм в России.* М.: ИФ РАН, 1996. 452 с.
- Лукирский, 2003** – *Лукирский А.Н.* Генерал-«кавказец» М.Я. Ольшевский и его «Записки» // Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866. СПб.: Журнал «Звезда», 2003. С. 3–18.
- Максимчик, 2010** – *Максимчик А.Н.* Полемика вокруг характера присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии // *Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей.* Минск, 2010. Вып. 5. С. 253–261.
- Ольшевский, 2003** – *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866. СПб.: Журнал «Звезда», 2003. 608 с.
- Паллас, 1794** – *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 214–224.
- Приленский, 1995** – *Приленский В.И.* Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФ РАН, 1995. 312 с.
- Романовский, 1860** – *Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа генерал штаба полковником Романовским Д.И. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. 460 с.
- Соловьев, 1872** – *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Университетская типография, 1872. 140 с.
- Трепавлов, 2005** – *Трепавлов В.В.* Русско-кавказские отношения в XVI–XVIII вв.: историческая реальность и историографические схемы // *Россия и Кавказ: история и современность.* Материалы научной конференции, 11–12 ноября 2004 года. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. С. 265–273.
- Шнейдер, 2010** – *Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм: власть свободы или свобода власти? // *Диалог со временем.* 2010. № 33. С. 140–150.
- Штедер, 1967** – *Штедер Л.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // *Осетины глазами русских и иностранных путешественников.* (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 27–70.

[Cherkasov et al., 2014](#) – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal). // *Bylye Gody*. 2014. (3), 33: 417-422.

[Kuz'minov et al., 2017](#) – Kuz'minov P.A., Zhurtova A.A., Dyshekov M.V., Tamazov M.S. Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography // *Bylye Gody*, 2017. № 44(2). pp. 505–512.

References

[Abramov, 1991](#) – Abramov Ya.V. (1991). Kavkazskie gortsy [Caucasus mountaineers] // Dubrovin N.F. Circassians (Adyge). Materials for the history of the Circassian people. Nal'chik: Polygraph Combine named after the Revolution of 1905, 1991. Issue 1. pp. 251–295 [in Russian].

[Belokurov, 1889](#) – Belokurov S.A. (1889). Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechennyye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del [Relations between Russia and the Caucasus: Materials taken from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. M.: University printing house, 1889. Vol. 1: 1578–1613. 584 p. [in Russian].

[Blaramburg, 2005](#) – Blaramburg I. (2005). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus] / Translated from the French language, introduction and comments by I.M. Nazarova. M.: Publishing house Nadirshin A.G. 432 p. [in Russian].

[Blied, 1982](#) – Blied M.M. (1982). Istoriografiya problemy prisoedineniya narodov Severnogo Kavkaza k Rossii [Historiography of the problem of joining the peoples of the North Caucasus to Russia] // The Great October Revolution and advanced Russia to the historical destiny of the peoples of the North Caucasus (XVI – 70th years of the XX century.): Proceedings of the Scientific Conference, October 2–3, 1979 in Groznyi. Groznyi. pp. 241–248 [in Russian].

[Borov, 2012](#) – Borov A.H. (2012). Osmyslenie kul'turno-istoricheskoy specifiky Severnogo Kavkaza v otechestvennom kavkazovedenii: nauchnaya tradiciya i sovremennyye poiski [Understanding cultural and historical specifics of the North Caucasus in the domestic Caucasian studies: scientific tradition and modern search]. *Historical bulletin IHR of KBR and KBSC of RAS*. Vol. X. pp. 3–38 [in Russian].

[Bronevskii, 1823](#) – Bronevskii S.M. (1823). Noveishie geograficheskie i istoricheskie svedeniya o Kavkaze [The latest geographic and historical information about the Caucasus]. M.: Typography of S. Selivanovsky. T. 2. 472 p. [in Russian].

[Butkov, 1869](#) – Butkov P.G. (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g. [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. SPb.: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. Part I. 622 p. [in Russian].

[Grabovskii, 1876](#) – Grabovskii N.F. (1876). Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba ee za nezavisimost' [Accession of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. *A collection of information about the Caucasian mountaineers*. Tiflis. Issue 9. pp. 132–231 [in Russian].

[Degoev, 2001](#) – Degoev V.V. (2001). Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse [Great Game in the Caucasus: History and Modernity. Articles, essays]. M.: SPSL – Russian panorama. 448 p. [in Russian].

[Dzamikhov, 2007](#) – Dzamikhov K.F. (2007). Istoriografiya i politiko-pravovoj analiz vzaimootnoshenij Rossii i narodov Severnogo Kavkaza v XVI – pervoj polovine XVIII vv. [Historiography and the political and legal analysis of the relations between Russia and the North Caucasus in the XVI – the first half of the XVIII century]. Part 1. *Proceedings of KBSC RAS*. Nal'chik. Nr. 3, Part 2. pp. 108–117 [in Russian].

[Dzamikhov, 2007a](#) – Dzamikhov K.F. (2007). Istoriografiya i politiko-pravovoj analiz vzaimootnoshenij Rossii i narodov Severnogo Kavkaza v XVI – pervoj polovine XVIII vv. [Historiography and the political and legal analysis of the relations between Russia and the North Caucasus in the XVI – the first half of the XVIII century]. Part 2. *Proceedings of KBSC RAS*. Nal'chik. Nr. 4, Part 1. pp. 147–156 [in Russian].

[Zisserman, 1879](#) – Zisserman A.L. (1879). Dvadtsat' pyat' let na Kavkaze (1842–1867) [Twenty-five years in the Caucasus (1842–1867)]. SPb.: Typography of A.S. Suvorin. Part 1. 438 p. [in Russian].

[Kantor, 2007](#) – Kantor V.K. (2007). Imperiya kak put' Rossii k evropeizatsii [Empire as Russia's way to Europeanization]. *Questions of literature*. Nr. 4. pp. 112–156 [in Russian].

[Kuz'minov i dr., 2017](#) – Kuz'minov P.A., Zhurtova A.A., Dyshekov M.V., Tamazov M.S. (2017). Administrativno-pravovye preobrazovaniya 50–70-kh godov XIX v. u narodov Severnogo Kavkaza v otsenke predstavitelei liberal'noi istoriografii [Administrative and legal transformation of the 50-70s of the XIX century among the peoples of the North Caucasus in the assessment of representatives of liberal historiography]. *Bylye Gody*. Vol. 44 (2). pp. 505–512 [in Russian].

[Kumykov, 1957](#) – Kumykov T.H. (1957). Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ego progressivnye posledstviya [Joining Kabarda to Russia and its progressive consequences]. Nal'chik: Kabardino-Balkarian book publishing house. 134 p. [in Russian].

[Lapin, 2003](#) – Lapin V.V. (2003). Istoriya Kavkazskoy vojny. Posobie k lekcionnomu kursu [The history of the Caucasian War. Study guide to the lecture course]. SPb.: Nestor-History. 78 p. [in Russian].

- Leontovich, 1995** – *Leontovich V.V.* (1995). *Istoriya liberalizma v Rossii (1762–1914)* [History of Liberalism in Russia (1762–1914)]. M.: Russian way. 444 p. [in Russian].
- Liberalizm v Rossii, 1996** – *Liberalizm v Rossii* [Liberalism in Russia]. M.: Institute of Philosophy of the RAS, 1996. 452 p. [in Russian].
- Lukirskii, 2003** – *Lukirskii A.N.* (2003). General-«kavkazets» M.Ya. Ol'shevskii i ego «Zapiski» [The General «Caucasian» M.Ya. Olshevsky and his «Notes»] / Olshevsky M.Ya. *Caucasus from 1841 to 1866*. SPb.: «Zvezda» Magazine. pp. 3–18 [in Russian].
- Maksimchik, 2010** – *Maksimchik A.N.* (2010). Polemika vokrug haraktera prisoedineniya Severnogo Kavkaza k Rossii v sovremennoj istoriografii [Polemic surrounding the nature of joining the North Caucasus to Russia in modern historiography]. *Russian and Slavic studies: Collection scientific articles*. Minsk. Vol. 5. pp. 253–261 [in Russian].
- Ol'shevskii, 2003** – *Ol'shevskii M.Ya.* (2003). Kavkaz s 1841 po 1866 [Caucasus from 1841 to 1866]. SPb.: «Zvezda» Magazine. 608 p. [in Russian].
- Pallas, 1974** – *Pallas P.S.* (1974). Zаметki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg. [Notes on travel to the southern governors of the Russian state in 1793 and 1794] // *Adygs, Balkarians and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries*. Nal'chik: El'brus. pp. 214–224 [in Russian].
- Prilenskii, 1995** – *Prilenskii V.I.* (1995). Opyt issledovaniya mirovozzreniya rannikh russkikh liberalov [Experience in the study of the worldview of the early Russian liberals]. M.: Institute of Philosophy of the RAS. 312 p. [in Russian].
- Romanovskii, 1860** – *Romanovskii D.I.* (1860). Kavkaz i Kavkazskaya voyna. Publichnye lektsii, chitannye v zale Passazha general shtaba polkovnikom Romanovskim D.I. [Caucasus and the Caucasian War. Public lectures, read in the Passage hall by the General Staff Colonel Romanovskiy D.I.]. SPb.: Printing house of the association «Public benefit». 460 p. [in Russian].
- Solov'ev, 1872** – *Solov'ev S.M.* (1872). Publichnye chteniya o Petre Velikom [Public readings about Peter the Great]. M.: University Press. 140 p. [in Russian].
- Trepavlov, 2005** – *Trepavlov V.V.* (2005). Russko-kavkazskie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: istoricheskaya real'nost' i istoriograficheskie skhemy [Russian-Caucasian relations in the XVI–XVIII centuries: historical reality and historiographical schemes] // *Russia and the Caucasus: History and Modernity. Materials of scientific conference, 11–12 November 2004*. Vladikavkaz: Publishing printing company named V.A. Gassiev. pp. 265–273 [in Russian].
- Shneider, 2010** – *Shneider K.I.* (2010). Rannii russkii liberalizm: vlast' svobody ili svoboda vlasti? [Early Russian liberalism: the power of freedom or the freedom of power?]. *Dialogue with time*. 2010. Nr. 33. pp. 140–150 [in Russian].
- Shteder, 1967** – *Shteder L.* (1967). Dnevnik puteshestviya iz pograničnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu [Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781] // *Osetins through the eyes of Russian and foreign travelers. (XIII–XIX centuries)*. Ordzhonikidze: North Ossetian book Publ. house. pp. 27–70 [in Russian].
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* (2014). The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal). *Bylye Gody*. (3), 33: 417–422.
- Kuz'minov et al., 2017** – *Kuz'minov P.A., Zhurtova A.A., Dyshekov M.V., Tamazov M.S.* (2017). Administrativno i Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography. *Bylye Gody*, № 44(2). pp. 505–512.

УДК 930.1 (470.6)

Проблема российско-кавказского исторического взаимодействия в отечественной либеральной историографии конца XVIII–XIX вв.

Анжела Ариковна Журтова ^{а,*}, Пётр Абрамович Кузьминов ^а, Андрей Анатольевич Коновалов ^а, Елена Георгиевна Муратова ^а

^а Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

Аннотация. Современная историческая наука характеризуется наличием концептуального и методологического плюрализма в изучении российско-кавказского исторического взаимодействия. Категориальный аппарат исследований по данной проблеме включает в себя такие термины, как «подданство», «завоевание», «добровольное присоединение», «военно-политический союз» и др.,

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: anzhelka28@mail.ru (А.А. Журтова)

при этом в разных исследованиях одно и то же понятие наполнено различным смысловым содержанием, что создает дискурсивное поле, требующее глубокого научного исследования.

В статье проанализированы исследования либерального направления дореволюционной историографии, посвященные проблеме взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI–XIX вв. В качестве инструмента историографического анализа в работе используется дисциплинарная матрица исторической науки Й. Рюзена. Данная теоретическая конструкция позволила классифицировать и концептуализировать дореволюционные исследования, сформулировать критерии выделения либерального направления в изучении российско-кавказского исторического взаимодействия. К исследованиям либерального течения дореволюционной исторической мысли авторы статьи относят работы Л. Штедера, П.С. Палласа, П.Г. Буткова, С.М. Броневского, И.Ф. Бларамберга, Д.И. Романовского, Н.Ф. Грабовского, А.Л. Зиссермана, М.Я. Ольшевского и др. Их познавательный интерес заключался в стремлении изучить и понять природу горцев, их сознание и мировоззрение.

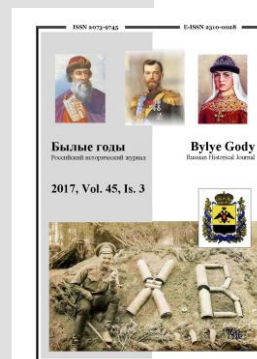
Российская либеральная мысль отличалась от европейской прежде всего ярко выраженным консервативным началом и склонностью опираться на принцип монархизма. Представители данного направления поддерживали стремление властей к присоединению Северного Кавказа, но при этом обосновывали необходимость более мягкой и гибкой политики в регионе, основанной на ценностях гуманизма, стремились найти мирные способы «завоевания» северокавказских народов, которые позволят избежать насильственных действий.

Ключевые слова: историография, либеральное направление, дисциплинарная матрица, Северный Кавказ, Россия, подданство, Кавказская война, завоевание.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 785-793, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.785
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.253

The Causes of the Flow and Evolution of the Petitions in the Composition of the Cases on Personnel Movements Clerics in the XVIII – beginning of XX centuries (on the example of the Churches of Tobolsk Diocese)

Alexandra V. Spichak^{a, *}

^a Nizhnevartovsk state University, Russian Federation

Abstract

The article describes the features of the reshuffle of the Russian Orthodox Church (on materials of Tobolsk diocese). Discusses the documents that accompanied the translation process is sacred – and clergymen in other churches, stored in the State archive of Tyumen region in Tobolsk. These materials, including describing the Affairs of the Tobolsk spiritual Consistory of this translation, provide an opportunity to identify causes and to follow the procedure of movement of persons of spiritual Department. As archival documents testify, the difficult financial situation was the main reason for filing petitions for the translation of sacred and Church in the Synodal period in the history of the ROC. Other reasons for transfer were as follows: for employees – a limited number of parishioners from which to borrow money for the rites, or ignorance of the language of indigenous people, moving in with relatives due to difficult family circumstances (not related to financial issues), lack of education, desire to leave the monastery (for example, with the onset of widowhood), and dismissed – lack of content and those who would have to take care of them; in the latter case, they were transferred to the churches or monasteries, which served as their relatives. The analysis of archival documents allowed us to trace the evolution of the form of petition to transfer (the middle of XVIII – early XX centuries), which appeared to improve the national administration (in contrast to accounting and reporting of Church documentation, special regulations concerning this type of documents were found, the exception is the approval of a requirement for mandatory separation of the text of the petitions on the points).

Keywords: HR outsourcing, the Russian Orthodox Church, diocese of Tobolsk, the Tobolsk spiritual Consistory of the parish Church, persons of spiritual Department, their financial status, transfer to another Church, the reasons for staff changes, a petition for transfer.

1. Введение

Вместе со служилыми людьми и промышленниками в Сибирь в конце XVI в. пришла новая религия – православие. Обосновываясь за Уралом, русские сибиряки устанавливали и идеологические символы своего присутствия. В 1620 г. учреждается самая обширная в России епархия – Tobольская и Сибирская. Какие зигзаги жизненного пути предложит судьба и как сложится карьера начинающего священнослужителя, предугадать было невозможно. Кто-то всю жизнь оставался на одном месте служения, других ожидали долгие странствия (Конюченко, 2005: 80). Желание сменить приход владело многими клириками, и епархиальные архиереи негодовали от количества поступавших заявлений. Стремление перейти в лучший приход было самым распространённым и обычным явлением во всех епархиях (Конюченко, 2005: 76). В Русской православной церкви (далее – РПЦ), как и в других ведомствах Российской империи, сложились

* Corresponding author

E-mail addresses: spichak-89@mail.ru (A.V. Spichak)

процедуры кадровой перестановки. В частности, дела о перемещении духовных лиц из одной церкви в другую вела Тобольская духовная консистория (далее – ТДК). Архивные материалы позволяют проследить состав этих дел, определить их особенности и общие черты.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает опубликованные и неопубликованные документы. Среди публикаций источников наибольший интерес представляет «Полное собрание законов Российской империи». Помимо официальных изданий законов, привлекают внимание тематические сборники, в которых помещены нормативные правовые акты по духовному ведомству. Особенно следует выделить «Церковное писмоводство» И.Л. Чижевского, составленное на основании распоряжений Синода. Выявление неопубликованных материалов по избранной теме велось в Государственном архиве в г. Тобольске. Объектом изучения стал фонд 156 «Тобольская духовная консистория», в котором было обнаружено более 1,5 тыс. дел о переводе духовных лиц в другую церковь (изредка монастырь) за 1750–1917 гг. Степень полноты и сохранности архивных фондов различна. В частности, по ряду объективных и субъективных причин плохо сохранились документы приходских церквей за первую половину XVIII в.

Изучение проблемы проводилось на стыке документоведческой, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер исследования. Методы историзма и сравнительно-исторического анализа дали возможность раскрыть особенности кадровых перестановок РПЦ в Тобольской епархии на протяжении XVIII – начала XX вв. и определить причины подачи прошений духовенством о переводе на определенном историческом этапе. Системный и сравнительно-исторический анализ применялся в целях изучения комплекса документации, сопровождавшей процесс перевода в другое место служения, что дало возможность представить целостную картину развития формуляров документов приходских церквей на протяжении указанного периода. Метод функционального анализа позволил изучить динамику трансформации форм прошений и выделить причины их эволюции. Благодаря использованию методов унификации и стандартизации документов удалось выяснить, что, начиная со времен Петра I, правительство было обеспокоено наличием избыточного количества документов, в том числе в деятельности РПЦ, и стремилось сократить их состав путем унификации, классификации и стандартизации.

3. Обсуждение

Вопросы документирования трудовых отношений в историческом плане практически не исследованы. В ряде источниковедческих работ советского времени (Семенова, 1963: 475–493), посвященных вопросам формирования рабочего класса, так или иначе затрагиваются вопросы документирования, но отдельно от эволюции общей документной системы. Документирование же трудовых отношений в дореволюционный период остается почти неизученным. Исключением является «Краткий очерк истории документирования трудовых отношений в дореволюционной России и в СССР» А.В. Елпатьевского (Елпатьевский, 1978: 102).

Утверждения ряда исследователей (Фруменкова, 1986; Римский, 1997) о полном огосударствлении церкви и превращении ее служителей в государственных чиновников нельзя считать бесспорными. По мнению Д.Е. Мануйловой, духовенство, несмотря на попытки придания ему бюрократических функций, не превратилось в действительных государственных чиновников. Попытки устранить через систему назначений и оплаты зависимость клира от паствы, с точки зрения Д.Е. Мануйловой, на положении низшего духовенства практически не сказались (Мануйлова, 1978: 64). Причины переводов в другую церковь исследовал А.И. Конюченко, пытаясь учесть данные по нескольким епархиям, однако Тобольская осталась практически обойденной вниманием (Конюченко, 2005: 69–84).

В зарубежной историографии наиболее фундаментальные работы по истории жизнедеятельности российского духовенства XVIII–XX вв. принадлежат американскому историку Г.Л. Фризу (Freeze, 1983: 450–480).

Отражению эволюции прошений в Тобольской епархии в работах отечественных исследователей в XVIII–XX вв. посвящена отдельная статья автора (Спичак, 2016: 29–33).

Следует отметить, что важным достижением историографии последних двух десятилетий является значительный рост внимания к региональному аспекту церковной истории. Работы с таким аспектом создают новую, более точную, насыщенную фактическими деталями картину развития приходского духовенства на протяжении синодального периода в различных губерниях Российской империи и дают необходимый материал для сравнения. Включение в это исследовательское пространство данных о положении духовенства Тобольской епархии становится, таким образом, особенно актуальным.

А.И. Конюченко разделил основную часть переходов приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. на три группы: из небольших приходов в более богатые; ротационные – смена прихода на равноценный; из состоятельного прихода в менее доходный. По мнению исследователя, в основе передвижений лежали различные конфликтные ситуации, стремление улучшить своё материальное положение, семейные обстоятельства. Синодальная практика переводов архиереев давала нежелательный пример для подражания духовенству и активизировала процесс

движения кадров в епархиальном ведомстве. Предстоит определить, подтвердится ли допущение о том, что и в Тобольской епархии большинство переходов совершалось по экономическим причинам, когда в поисках более доходных приходов и мест белое духовенство разрывалось между пастырским долгом и обязанностью содержать семью (Конюченко, 2005: 82).

Таким образом, учеными анализировались различные вопросы, касающиеся невыгодного финансового положения белого духовенства в Российской империи и связанными с этим обстоятельством кадровыми перестановками, а также с формой и содержанием прошений. В то же время причины подачи и эволюция прошений о кадровых перемещениях духовных лиц в Тобольской епархии в XVIII – начале XX в. остаются неизученными.

4. Результаты

Чтобы лучше понять причины кадровых перемещений духовных лиц, необходимо знать об их состоянии в XVIII – начале XX вв., в том числе финансовом положении. Приходское духовенство получало содержание, в первую очередь, с доходов от служения треб. Кроме этого, получение доходов происходило из добровольных пожертвований прихожан; от государства в виде субсидий натурой или деньгами; с церковных земельных участков. Данная ситуация по своей сути означала попадание священнослужителей в экономическую зависимость от прихода. В прошении о переводах очень часто встречается следующая формулировка: «в настоящее время мои псаломнические средства по причине бедности прихода являются недостаточными, так что приходится терпеть страшную нужду, переносить холод и голод» (Калашников, 2009: 129–132). Финансовая зависимость священнослужителей от прихода привела во второй половине XIX – начале XX вв. к неуважительному отношению крестьян к священникам, которых презирали как туенядцев, живущих за счет прихожан. Народные поговорки пореформенного периода высмеивали «жадность» причта: «у попа глаза завидущие, руки загребущие», «поп живого, мертвого дерет» (Mikhailova, 2014: 566). Тяжелое финансовое положение считается главной причиной подачи прошения о переводе священно- и церковнослужителей на протяжении синодального периода истории РПЦ.

Духовные лица оформляли прошения по закрепленному на законодательном уровне требованиям. Правила составления прообраза прошений – челобитных – утвердили 5 ноября 1723 г.: текст требовалось писать пунктами, «так чисто, чтобы что написано в одном пункте, в другом того не было». Форму документа санкционировали с 1724 г.: «Титло. Потом бьет челом имрак на имрака, а в чем мое прошение, то следуют пункты, и писать пункт за пунктом. Прошу Вашего Величества, о сем моем челобитие решение учинить» (ПСЗРИ, 1830а: 147–150). Прошения с 12 декабря 1796 г. разрешалось подавать только от одного лица (ПСЗРИ, 1830б: 232). Государственный совет 8 июля 1843 г. распорядился отказывать в приеме прошений, не разделенных на пункты, так как между ними оставались пробелы, в которых «легко незаметным образом вставить несколько слов, могущих придать прошению совершенно другой смысл» (ПСЗРИ, 1844: 457). Согласно указам Синода от 31 декабря 1856 и от 30 ноября 1873 гг., прошения надлежало составлять на гербовой бумаге четвертого разбора и по установленной форме. С прилагаемых к прошением документов следовало делать копии на гербовой бумаге третьего разбора, иначе жалобы оставались без внимания (Чижевский, 1881: 180–181). При подаче прошения о перемещении на другие места дьяконы и причетники обязывались вместе с просьбами представить удостоверения своих приходских священников об отсутствии к этому препятствий. Прошения об обмене местами службы и условия, на которых происходил такой обмен, следовало писать в присутствии местного благочинного, который утверждал документы своей подписью. Если один из обменивающихся лиц не мог явиться лично к преосвященному для подачи прошения, то должен был «означить в рукоприкладстве», что доверяет подать прошение за него другому лицу (Чижевский, 1881: 178–181).

Тяжелое финансовое состояние духовного лица. Важной особенностью существования индивида в составе духовного сословия была его зависимость от церковного прихода, что обуславливалось профессиональным характером служения в церкви мужской части данного сословия. Так, Петр Соколов был произведен в священники 1 апреля 1750 г., определен к тричастной Троицкой церкви Рафаиловой вотчины Тобольского уезда. 9 марта при топчении печи церковь «нечаянно сгорела», после чего П. Соколов перестал получать подаяния, из-за чего его семья стала «претерпевать» «немалую скудость». По этой причине 18 июня 1751 г. он просил перевести его в любую другую церковь на благоусмотрение преосвященного (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1010. Л. 2).

Дьячку Василию Хаймину 20 января 1759 г. была дана благословенная дьяконская грамота (ставленная), благодаря которой его определили в стихарь в церковь с. Теченского Долматовского заказа Екатеринбургского ведомства (в 1759 г. относилась к Тобольской епархии), однако там уже имелся второй дьячек (Алексей Попов), и на содержании их двоих у приходских людей не хватало подаяния. Вскоре Василию Хаймину поступило приглашение от священника вместе с прихожанами в церковь Первоверховных апостолов Петра и Павла Петропавловского села того же заказа, о чем он подал прошение в ТДК 3 октября 1761 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 158. Л. 2–2 об.)

Никита Некрасов служил при тобольском Троицком соборе священником, однако находился на малом жалованье, отчего «пришел в великую скудость». Узнав, что при Христорождественской

церкви имелось вакантное место, он подал прошение о переводе в 1785 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2845. Л. 2).

Дьякон Петропавловской церкви с. Березово Тобольского Подгородного уезда Евфилий Попов, рукоположенный в дьяконы, в 1776 г. жил с престарелой и больной женой как на свои средства, так и на подавание прихожан. Однако со временем сил стало не хватать, к тому же Е. Попов был вынужден снимать квартиры, потому что его собственный дом около двух лет до подачи прошения снесло в наводнение Иртыша. В 1815 г. дьякон просил перевести его в Троицкую церковь с. Дубровного, где служил дьячком его сын Иван Попов, надеясь на его материальную помощь (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1424. Л. 2–20б.).

Священник березовской городской Богородской церкви Василий Скосырев начал службу дьячком в 1830 г. при шеркальской Спасской церкви, в 1837 г. был рукоположен в священника и к Чемашевской церкви, а в 1844 г. переведен к Богородской церкви в г. Березове. С 1849 г. он являлся членом Березовского духовного правления, духовником Березовского округа и сотрудником Тобольского попечительства о бедных. Однако из-за постоянной головной боли В. Скосыреву пришлось оставить не только все перечисленные должности, но даже ежедневную церковную службу и исполнение христианских треб, которые приносили финансовую выгоду. У священника была большая семья: 4 дочери и 2 сына. В 1854 г. ему пришлось просить о переводе в с. Шеркальское Березовского ведомства местным священником с правом получать полный оклад жалования и именоваться старшим священником, ссылаясь на то, что находящийся при шеркальской Спасской церкви священник Иван Пономарев, хотя и стар, но еще имеет достаточно сил, чтобы содержаться за счет проведения треб, тем более, что у последнего был работающий пономарем сын, который мог помогать отцу (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 534. Л. 1а–2 об.).

Священник Воскресенской церкви с. Бешкильского Ялуторовского ведомства Иоанн Гусев поступил в 1847 г. в священники Спасскую церковь с. Уватского Тобольского ведомства, не закончив из-за болезни полного курса в богословском классе, был переведен в 1859 г. к Воскресенской церкви с. Бешкильского Ялуторовского ведомства. Она, хотя и причислялась ко второму классу, но в 1860 г. часть прихода была отделена во вновь учрежденный приход, и в бешкильском приходе осталось всего 600 человек, из которых половина приходилась на долю раскольников, не помогающих в содержании семьи священника, включавшей восемь детей. К 1865 г. Иоанн Гусев стал испытывать затруднения из-за обучения сына в училище, а через год еще трое из его сыновей должны были пойти учиться. По этим причинам священнику пришлось просить перевести его на «праздное» (свободное) место в 12 верстах от с. Бешкильского (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 797. Л. 1–1 об.).

По причине отсутствия необходимого образования. Священник единоверческой церкви с. Сосновского Ялуторовского ведомства Василий Серебренников служил в приходе Пророко-Ильинской единоверческой церкви с. Сосновского Ялуторовского округа псаломщиком на протяжении пяти лет, успел проявить себя перед прихожанами с лучшей стороны и даже благодаря их прошению получил священнический сан. Из прихожан большая часть относилась к раскольникам, которые требовали пастырской обязанности «присоединять заблудших овец к стаду Христову», однако священник не имел достаточного образования для обращения к православной вере, и понимая, что не мог быть полезным в полной мере в данном приходе, в 1893 г. решил перейти в другую церковь (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1651. Л. 2–2 об.).

Незнание языка. В инородческих приходах считалось важным ставить священников, знающих языки местного неславянского населения (Конюченко, 2005: 74–75). Вступление в брак и проезд до Березова ввергли в долги иерея Богородице-Рождественской церкви этого города Андрея Таркова, а родных, которые могли бы материально помочь, он не имел. Священник жил уже 5 лет в Березове, приход был малолюдный (причем прихожане с трудом могли содержать себя, не говоря уже о священнике), в основном состоящий из остяков, языка которых А. Тарков не знал и поэтому не мог проводить требы. Несколько более обеспеченных семей снабжали его только квартирой. Из-за этого А. Тарков не только не смог выплатить прошлый долг, но и ему пришлось вновь занимать деньги у прихожан. В 1815 г. А. Тарков просил о перемещении его в упраздненный г. Сургут к Свято-Троицкой церкви на праздную священническую вакансию (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1655. Л. 2–20б.).

Переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств. У священника Прокопьевской церкви Низчернавского села Ялуторовского ведомства Терентия Трапезникова был тяжелобольной 17-летний сын, служивший с 9 мая 1771 г. пономарем. 2 февраля 1773 г. умерла жена иерея, и ухаживать за сыном стало некому, а самому же Т. Трапезникову было некогда из-за священнослужения и домашних дел. Он имел также 11-летнюю дочь и двух малолетних детей, оставшихся после смерти его брата. В селе Низчернавском у Т. Трапезникова не было других родственников. Как писал проситель, даже шить одежду и мыть детей он не располагал временем. Т. Трапезникову тяжело было выполнять домашнюю работу и ввиду немолодого возраста (52 года). В Царево городище, где жил брат Т. Трапезникова, находилась также и его близкая родственница. Он просился в Христорожественскую церковь на место священника Ильи Серебренникова, который соглашался на обмен, тем более что его сын – дьячек Михайло – хотел быть при отце на месте его большого сына Варфоломея, о чем священник Серебренников написал обязательство для представления преосвященному 15 февраля 1773 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 287. Л. 2–2 об.)

Проживающая у священника Вознесенской церкви с. Чирковского Ишимского ведомства Сергея Бессонова сестра его жены, являвшаяся вдовой, просила его о переезде в с. Боголюбовское Петропавловского ведомства, где покоятся останки ее мужа и дочери, да и он сам, «побуждаемый родственными чувствами», хотел туда переехать, о чем подал прошение в 1876 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1252. Л. 1а–1а об.) Бывало наоборот, что священно- или церковнослужитель желал переехать в другое населенное место из-за тяжелого финансового положения не своего, а своих родственников, которым хотел помочь. Например, в 1909 г. псаломщик Богоявленской церкви с. Гилевского Тюменского уезда Андрей Шифалиев просил перевести его в Успенскую церковь с. Кармакского того же уезда, чтобы иметь возможность помогать своей семье – матери и сестре (ГАТ. Ф. 156. Оп. 18. Д. 660. Л. 1а).

Желание уйти в монашество. Никита Словцов в 1770 г. был посвящен в стихарь и определен пономарем в Богословскую церковь села Чурманского Краснослободского заказа пономарем. У него появилось желание принять монашество и обитать при тобольском Знаменском монастыре (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 536. Л. 1а). Священник Спасской церкви села Шеркальского Березовского ведомства Яков Вологодский в 1818 г. был лишен своего звания, в том же году умерла его жена, и с того времени он находился на содержании у родственников. В 1820 г. Я. Вологодский просил «по вдовству» определить его в Кондинский Троицкий монастырь с «производством штатного жалованья и провизии» (ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 327. Л. 1).

Таким образом, большинство из изученных прошений о переводе духовных лиц в другую церковь подавались в ТДК по причинам, связанным с нехваткой средств, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность: для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей (это не давало возможности проводить обряды), а для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, где служили их родственники. Однако изредка встречаются и другие мотивы перемещения: переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств (не связанных с финансовыми вопросами), отсутствие необходимого образования и др. Среди дел о переводе также встречаются прошения о желании вдовца уйти в монастырь.

Анализ архивных документов позволил проследить эволюцию формуляра прошения о переводе за середину XVIII – начало XX вв. (к сожалению, более ранняя документация не сохранилась). Реквизитами прошений были (сверху вниз листа): резолюция преосвященного, номер документа, адресат, адресант, наименование вида документа, текст, дата документа, подпись; точка после указания реквизита могла как ставиться, так и не ставиться, что не зависело от года написания прошения.

Самая ранняя резолюция преосвященного обнаружена на прошении 1773 г., до этого решение митрополита указывалось на обороте прошения (например, в 1751 г.), этот реквизит наносился по верхнему полю документа, показывая вначале дату принятия решения. Чаще всего резолюция содержала удовлетворение просьбы, решение дать просителю переходный указ, иногда было написано «предложить к докладу». Епархиальному начальству могли потребоваться дополнительные сведения по делу или согласие настоятеля той церкви или монастыря, куда переводили просителя, причем в первом случае делопроизводственный процесс мог надолго затянуться.

Номер документа (резолюции) проставлялся в верхнем левом углу, напротив резолюции, содержал знак «номер» (№) и цифирный номер, в самых ранних документах (середина XVIII в.) в кавычках, далее без них. С середины XIX в. номер был повернут на 180 градусов влево и отделен от резолюции вертикальной чертой (изредка наклон черты сделаны по диагонали).

Адресат указывали по ширине листа более большими, чем текст документа буквами, и с обозначением полного наименования должности преосвященного, всех его регалий, например, в 1751 г.: «Великому господину Преосвященному Сильвестру Митрополиту Тобольскому и Сибирскому»; позднее несколько изменяется наименование звания и титул, так, в 1865 г. писали: «Его Высокопреосвященству Высокопреосвященному Варлааму Архиепископу Тобольскому и Сибирскому и Кавалеру», а примерно с 1876 г. и до 1917 г.: «Его Преосвященству Преосвященному...». В редких случаях прошения подавались не на имя преосвященного, а в ТДК (1815 г.).

Адресант ставили под адресатом с правой стороны листа. В полный состав данных входили названия епархии (изредка), ведомства (уезда, округа), заказа, населенного места (города, села), церкви, должности, а также имя и фамилия просителя. Порядок перечисленных сведений был разным, чаще всего прямой, но мог являться и обратным либо вообще смешанным, например, в прошениях 1909 и 1916 гг. сначала указана сначала должность, а следом село, церковь, уезд, имя, фамилия. Наименование вида документа обычно указывали по центру листа то с маленькой, то с большой буквы, причем часто к слову «прошение» добавляли прилагательные «всенижайшее» или «покорнейшее».

Тексты отличаются друг от друга по размеру – от двух предложений до трех страниц; со второй половины XIX в. появляется красная строка. Как того требовало законодательство, тексты прошений разделяли на части, первая часть включала описание ситуации, а вторая чаще всего начиналась со слов «того ради» и содержала просьбу о положительной архипастырской резолюции, например, «того

ради преосвященства Вашего покорнейше прошу дать соблаговоление ...» (1751, 1761 гг.), после чего часто указывали название села, церкви, должность, имя и фамилию просителя. Иногда части текста отделяли пробелом (1761 г.). Бывало, что текст делился на три части, как в 1773 г.: 1-я часть включала объяснение сложившейся ситуации, 2-я часть начиналась со слов: «почему желаю я низжайший ...», 3-я часть была отделена пробелом и содержала просьбу: «того ради вашего преосвященства милостивого архипастыря всенижайше прошу ...».

В XVIII в. дата и подпись еще не выделялись из текста, обрамляли его; вначале указывали дату и после фразу, например: «Петр Соколов руку приложил». Разделение даты и подписи впервые обнаружено в 1815 г., однако и позже изредка эти два реквизита заключали текст, как, например, в документе 1820 г. Подпись ставили сразу под текстом рукой просителя (сам документ составлял служитель в ТДК), включая название села, церкви, должности, имя, фамилия и слово «подписуюсь» (не всегда), например: «к сему прошению ... церкви священник Василий Скосырев» (1854 г.). Дата написания прошения указывалась под текстом слева и содержала год, месяц и число, однако в редких случаях обрамляла текст, как в документе 1865 г.

В начале XX в. на прошениях в ТДК могли проставлять штамп, в котором указывали название учреждения («Тобольская духовная консистория»), дату, номер стола и входящий номер, причем последние два сведения вносились от руки. Такой штамп проставлялся под всеми остальными реквизитами.

Причиной эволюции формуляра прошений является закономерное совершенствование общероссийского делопроизводства. Специальных нормативных актов, касающихся оформления данного вида документов, не выявлено, исключением является утверждение требования об обязательном разделении текста прошений на пункты, что в основном соблюдалось, хотя пункты и не нумеровались. Оформление этого вида документов в целом соответствовало установленным правилам, практически не влиявшие на ход дела отклонения от норм зависели от уровня образования и осведомленности в нюансах требований к составлению документов.

Для дел о перемещении духовных лиц из одной церкви в другую предусматривалось наличие определенного комплекса документов. Иницирующим из них являлись «всенижайшие», а чаще «покорнейшие» прошения священно- и церковнослужителей. Процедура перевода в другое место служения была следующей: 1) подача прошения (обычно на имя архиерея, но в качестве исключения в ТДК); 2) с получением прошения ТДК составляла справку о просителе (либо характеристику благочинного или прихожан; 3) спрашивалось «одобрение» прихожан и священника той церкви, в которую хотело перейти духовное лицо (в случае перемещения по болезни к родственникам – обязательство заботиться о нем); 4) все эти документы передавались архиерею для проставления резолюции (по верхнему полю листа); 5) выписка из журнала ТДК об исполнении резолюции, в ней же делались пометы о датах отправки указов и номерах документов; 6) указы в те духовные правления, в чьих ведомствах находились церкви, относившиеся к делу; 7) рапорты о получении указов; 8) если в процессе производства дела появлялись новые обстоятельства, то ТДК подавала об этом рапорт епископу; 9) дополнительные данные мог запросить в своей резолюции архиерей, и тогда ТДК опять же составляла протокол, потом посылала указы и получала в ответ рапорты, и сама составляла рапорт епархиальному преосвященному; 10) итогом дела служил «перехожий» указ, выдаваемый ТДК просителю.

При определении сроков дел выяснилось, что производство по делу о перемещении духовных лиц в другую церковь могло длиться от нескольких дней до нескольких месяцев (3–6), иногда же рассмотрение вопроса затягивалось до года (при переписке между находящимися на большом расстоянии друг от друга учреждениями) и даже больше. Эти данные свидетельствуют о несовершенстве документооборота РПЦ в Тобольской епархии, что непосредственно отражалось на судьбах отдельных духовных лиц.

Бюрократизация церковного ведомства имела как положительные, так и отрицательные последствия. На протяжении синодального периода из-за значительного увеличения объема документооборота стремительно возрастал объем работы с документами, в том числе и в ТДК, почему ее дела о кадровых перестановках часто исполнялись медленно. К положительным чертам бюрократизации можно отнести достаточно полную фиксацию всех аспектов вопросов кадровых переводов священно- и церковнослужителей, отражение в документах дел о перемещениях значительного объема информации о просителях, что, несомненно, важно для исследователей. Введение законодательно установленных форм документов и правил их оформления и ведения должно было предотвратить пропуск записей духовными лицами и чиновниками.

Тем самым подтверждается мнение Е.Б. Макарчевой о возрастании с конца XVIII в. социальной мобильности по горизонтали внутри духовного сословия. Нами не было встречено в архивах дел, содержащих категорический отказ о переводе, крайне редко выносились решения о перемещении не в ту церковь, в которую просился священно- или церковнослужитель.

Документы, фиксирующие трудовые отношения, являются ценными источниками для историко-биографических и историко-социологических исследований и поэтому находятся в сфере пристального внимания архивистов и источниковедов (Елпатьевский, 1978: 132). Несмотря на это,

тема кадрового делопроизводства духовных консисторий, в том числе в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв., пока находится в начале изучения.

5. Заключение

Материалы Государственного архива в г. Тобольске о переводе священно- и церковнослужителей в другую церковь позволили выявить причины и проследить процедуру перемещения лиц духовного ведомства. Как свидетельствуют архивные документы, большая часть духовных лиц была недовольна своим материальным положением, что являлось главной причиной подачи прошений о переводе. Другими причинами перевода были следующие: для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей, переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств (не связанных с финансовыми вопросами), отсутствие необходимого образования, желание уйти в монастырь (например, с наступлением вдовства), а для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, где служили их родственники. В результате анализа архивных документов были сделаны выводы об эволюции формуляра прошения о переводе в середине XVIII – начале XX вв., причиной которой явилось совершенствование общероссийского делопроизводства.

Литература

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Елпатьевский, 1978 – Елпатьевский А.В. Краткий очерк истории документирования трудовых отношений в дореволюционной России и в СССР // *Труды ВНИИДАД. Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественнонаучные и технические вопросы архивного дела*. Том VII. Часть I. 1978. С. 94–133.

Калашников, 2009 – Калашников Д.Н. «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: к вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 129–135.

Конюченко, 2005 – Конюченко А.И. Между долгом и поиском лучшей доли (Службные переходы православного приходского духовенства России во второй половине XIX – начале XX века) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2005. Выпуск № 1. Том 1. С. 69–84.

Мануйлова, 1978 – Мануйлова Д.Е. Церковь как социальный институт. М.: Знание. 1978. 64 с.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. VII. 1830. СПб.: III Отд. Собст. Его Имп. Вел. Канцелярии. 4344. С. 147–150.

ПСЗРИ, 1844 – ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVIII. Отд. 1. 1844. СПб.: III Отд. Собст. Его Имп. Вел. Канцелярии. 17025.

Римский, 1997 – Римский С.В. Русская православная церковь в XIX веке. Ростов н/Д: Гефест, 1997. 384 с.

Семенова, 1963 – Семенова Л.Н. Документы найма рабочих в первой четверти XVIII века // *Вопросы историографии и источниковедения истории СССР*. М.: Изд-во Академии наук СССР [Ленинградское отделение], 1963. С. 475–493.

Спичак, Рослова, 2016 – Спичак А.В., Рослова Н.П. Отражение эволюции прошений в Тобольской епархии в работах отечественных исследователей (XVIII–XX вв.) // Шатиловские чтения: материалы XVI краеведческой конференции 22 апреля 2016 г. Нижневартовск: ПолитграфИнвест-сервис, 2016. С. 29–33.

Фруменкова, 1994 – Фруменкова Т.Г. Обер-прокуроры Св. Синода (1722–1917) // *Из глубины времен*. 1994. № 3. С. 20–29.

Чижевский, 1881 – Чижевский И.Л. Церковное письмоводство: Собр. правил, постановлений и форм к правильному ведению оного / Сост. на основании законов и указов св. правительствующего Синода. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 1881. 393 с.

Mikhailova, 2014 – Mikhailova Y.D. Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*, 2014, Nr 34 (4), pp. 566–571.

Freeze, 1983 – Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University. 1983. 546 pp.

References

ГАТ – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [The State Archive in the city of Tobolsk] [in Russian].

Elpat'evskii, 1978 – Elpat'evskii A.V. (1978). Kratkii ocherk istorii dokumentirovaniya trudovykh otnoshenii v dorevolutsionnoi Rossii i v SSSR. [A short history of the documentation of labor relations in pre-revolutionary Russia and in the USSR]. *Proceedings of vniidad. Actual problems of archival science and records management. Scientific and technical issues of archival Affairs*, vol. VII, P. I, pp. 94–133 [in Russian].

Kalashnikov, 2009 – *Kalashnikov D.N.* (2009). «Molites' chashhe, nam pribyli bol'she!»: k voprosu o material'nom obespechenii prihodskogo duhovenstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka ["Pray often, we profit more!": the question of financial support of the parish clergy in the second half of XIX – early XX century]. *Bulletin of the Bulletin of the Chelyabinsk state University*, № 10 (191), History, issue, 39, pp. 129–135.

Konyuchenko, 2005 – *Konyuchenko A.I.* (2005). Mezhdru dolgom i poiskom luchshei doli (Sluzhebnye perekhody pravoslavnogo prihodskogo dukhovenstva Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka) [Between duty and looking for something better (Service transitions Orthodox parish clergy in Russia in second half XIX – early XX century)]. *Vestnik of Chelyabinsk state University*, issue 1, vol. 1, pp. 69–84 [in Russian].

Manuilova, 1978 – *Manuilova D.E.* (1978). Tserkov' kak sotsial'nyi institut. [The Church as a social institution]. Moscow: Znanie, 64 p. [in Russian].

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], 1830, Saint-Petersburg: III Office of His Imperial Majesty's Own Chancellerycol, 1, vol. VII, 4344, pp. 147–150 [in Russian].

PSZRI, 1844 – CCLRE. 1844, Saint-Petersburg: III Office of His Imperial Majesty's Own Chancellery, col. 2, vol. XVIII, Otd. 1, 17025, pp. 457 [in Russian].

Rimskii, 1997 – *Rimskii S.V.* (1997). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XIX veke. [The Russian Orthodox Church in the nineteenth century]. Rostov-on-don: Gefest, 384 pp. [in Russian].

Semenova, 1963 – *Semenova L.N.* (1963). Dokumenty naima rabochikh v pervoi chetverti XVIII veka [Documents the recruitment of workers in the first quarter of XVIII century]. *Problems of historiography and source studies of history of the USSR*, pp. 475–493 [in Russian].

Spichak, Roslova, 2016 – *Spichak A.V., Roslova N.P.* (2016). Otrazhenie evolyutsii proshenii v Tobol'skoi eparkhii v rabotakh otechestvennykh issledovatelei (XVIII–XX vv.). [A reflection of the evolution of petitions in the Tobolsk diocese in the works of domestic researchers (XVIII–XX centuries)]. *Shatilovskiy cleniy: proceedings of the XVI regional conference on April 22, 2016*, Nizhnevartovsk: PolitraInvest-servis, pp. 29–33 [in Russian].

Frumenkova, 1994 – *Frumenkova T.G.* (1994). Ober-prokurory Sv. Sinoda (1722–1917). [Chief procurators of St. Synod (1722–1917)]. *From the depths of time*, Nr 3, pp. 20–29 [in Russian].

Chizhevskii, 1881 – *Chizhevskii I.L.* (1881). Tserkovnoe pis'movodstvo [Church records]. Kharkov, 393 p. [in Russian].

Mikhailova, 2014 – *Mikhailova Y.D.* (2014). Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*, Nr 34 (4), pp. 566–571.

Freeze, 1983 – *Freeze G.L.* (1983). The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University, 546 p.

УДК 930.253

Причины подачи и эволюция прошений в составе дел о кадровых перемещениях духовных лиц в XVIII – начале XX вв. (на примере церквей Tobольской епархии)

Александра Владимировна Спичак^{а, *}

^а Нижневартровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности кадровых перестановок Русской православной церкви (на материалах Tobольской епархии). Рассматриваются документы, сопровождавшие процесс перевода священно- и церковнослужителей в другую церковь, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области в г. Tobольске. Эти материалы, в том числе отражающие состав дел Tobольской духовной консистории о таком переводе, дают возможность выявить причины и проследить процедуру перемещения лиц духовного ведомства. Как свидетельствуют архивные документы, тяжелое финансовое положение являлось главной причиной подачи прошений о переводе священно- и церковнослужителей в синодальный период истории РПЦ. Другими причинами перевода были следующие: для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей, переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств (не связанных с финансовыми вопросами), отсутствие необходимого образования, желание уйти в монастырь (например, с наступлением вдовства), а для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, где служили их родственники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spichak-89@mail.ru (А.В. Спичак)

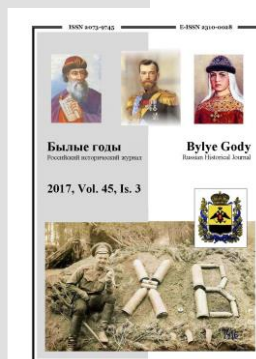
Анализ архивных документов позволил проследить эволюцию формуляра прошения о переводе (середины XVIII – начала XX вв.), причиной которой явилось совершенствование общероссийского делопроизводства (в отличие от учетной и отчетной церковной документации, специальных нормативных актов, касающихся оформления данного вида документов, не было обнаружено, исключением является утверждение требования об обязательном разделении текста прошений на пункты).

Ключевые слова: кадровое делопроизводство, Русская православная церковь, Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, приходские церкви, лица духовного ведомства, их финансовое состояние, перевод в другую церковь, причины кадровых перемещений, прошение о переводе.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 794-802, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.794
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94(47).01.02

The Origins of Russian Archaeography of the XVIII century: Nikolai Ivanovich Novikov

Victor S. Brachev^{a, *}, Matvey F. Polynov^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of publications in the field of sources of Russian history, the famous Enlightener of the XVIII century Nikolai Ivanovich Novikov (1744–1818). Based on a wide range of sources and literature, authors show how the idea of N.I. Novikov, an archaeographer in Russian historiography, changed throughout the 19th and 20th centuries. The old, pre-revolutionary historiography, paying tribute to N.I. Novikov as a collector and publisher of historical material, was very skeptical at the same time assessing the scientific level of his publications as not meeting the elementary scientific requirements.

Nevertheless, already in the 1950s – 1960s, in a fundamentally different historiographic situation, in the wake of the struggle for the priority of Russian and Soviet scientists in the formation and development of Russian science and culture, the former claims to N.I. Novikov, in this regard, were forgotten, and he himself was proclaimed the largest archaeographer of the 18th century, who first developed a systematic set of rules for the publication of historical sources, which formed the basis for the further development of Russian archeography.

The authors focus on the most valuable part of the historical material published in the Ancient Russian Vivliofik (DRV) – spiritual and contractual charters of the great and specific princes of the 14th – 16th centuries.

Not having the originals at hand, the preparation of the text of the letters to the press N.I. Novikov had to carry out according to their archival copies, and the archaeographic design – on the basis of brief and often random indications about the author and the addressee of the letters, peculiarities of their appearance, availability Stamps, litter, etc. Therefore, to speak of a certain special contribution of N.I. Novikov in the development of methods of text transmission and archaeographic design, published by him in the DRV documents, the authors conclude, it is not necessary. Another thing – N.I. Novikov, as a collector and the first publisher of historical material. Here his merits are really difficult to overestimate.

Keywords: Ancient Russian Vivliofik, N.I. Novikov, Russian Historiography of the 18th Century, Spiritual and Treaty Diplomas of Great and Specific Princes, G.-F. Miller, A.-L. Shlotser.

1. Введение

XVIII век – важный период в русской историографии, время становления самой науки русской истории и появления в этой связи первых в России научных публикаций исторических источников. Крупной вехой на этом пути стало издание в 1767 году Петербургской Академии наук "Русской летописи по Никонову списку" (ч.1), "Летописи Несторовой по Кёнигсбергскому списку" (ч. 1) и "Правды русской...". Собственно, эту дату – 1767 год и принято считать началом русской археографии как "отрасли научной деятельности, посвященной ретроспективной публикации исторических источников" (Степанский, 1992: 16).

* Corresponding author

E-mail addresses: v.brachev@spbu.ru (V.S. Brachev), m.polynov@spbu.ru (M.F. Polynov)

Серьезный вклад в становление русской археографии XVIII века внес, благодаря своей "Древней российской вивлиофике" – крупнейшего для своего времени издания источников по истории допетровской Руси, и наш знаменитый просветитель XVIII века Николай Иванович Новиков (1744–1818).

Другое дело – научный уровень его публикаций и степень личного вклада Н.И. Новикова в становление отечественной археографии. Отношение к ним исследователей всегда было неоднозначным.

Цель данной работы – на основе рассмотрения усилий Н.И. Новикова, направленных на обеспечение должного научного уровня своих публикаций, попытаться оценить его реальный вклад в становление отечественной археографии XVIII века. Хочется надеяться, что в год 250-летия ее начала такая попытка более чем уместна и будет способствовать дальнейшей разработке этой проблемы, важность которой не подлежит сомнению.

2. Материалы и методы

Основной источник, использованный авторами при написании статьи – опубликованный на страницах ДРВ актовый материал и, прежде всего, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. Привлечены и другие публикации исторических источников, осуществленные в XVIII веке, прежде всего, по линии Петербургской Академии наук, а также сборники копий духовных и договорных грамот из Эрмитажного собрания Рукописного отдела Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и переписка Н.И. Новикова с секретарем Екатерины II – Г.В. Козицким.

Это позволило авторам решить ряд важных вопросов, связанных как со стараниями Н.И. Новикова, направленными на повышение научного уровня ДРВ, так и его личным вкладом в подготовку публикуемых на ее страницах исторических источников. Много дало для раскрытия темы и обращение авторов к общим (С.Ф. Платонов, Н.В. Рубинштейн, Л.В. Черепнин) и специальным (П.Г. Софинов, А.Т. Николаева и др.) работам по истории источниковедения и археографии в России, использованных в данной работе в качестве историографического источника.

В методологическом плане авторы руководствовались принципами системности и историзма, конкретное применение которых заключалось в рассмотрении предмета исследования с учетом совокупности условий, влиявших на его формирование и состояние в их взаимной обусловленности и динамике.

Применение структурно-функционального и сравнительно-исторического методов исследования позволило авторам выявить характер приемов, использованных Н.И. Новиковым при подготовке духовных и договорных грамот к печати, увязать их с тем практическим опытом, который был накоплен в этом отношении как в русской, так и европейской исторической науке, раскрыть причины необычайно высокой оценки в советской историографии 1950–1980-х годов, в отличие от дореволюционных исследователей, научного уровня ДРВ и личного вклада Н.И. Новикова в становление русской археографии.

3. Обсуждение и результаты

Николай Иванович Новиков – знаковая фигура в русской историографии XVIII века и изучение его журналистской и издательской деятельности породило большую литературу: (Боголюбов, 1916; Вернадский, 1918; Макогоненко, 1957; Некрасов, 1994) и др. Высоко оценивая журналистскую, просветительскую и издательскую деятельность Н.И. Новикова дореволюционная историография весьма критически относилась к нему как к публикатору исторических источников.

Характерен в этом плане С.Ф. Платонов. «По содержанию своему, – отмечал он, – Древняя Российская Вивлиофика (ДРВ) была случайным сводом под руку попавшегося материала, изданного почти без всякой критики и без всяких научных приемов, как мы их понимаем теперь» (Платонов, 1993: 60). «Только Шлёцер, – по его мнению, – теоретически устанавливал приемы ученой критики, да Миллер в издании Степенной книги (1773 г.) соблюдал некоторые из основных правил ученого издания (Платонов, 1993: 61). Сохранялось представление об «ученых немцах» как положивших начало у нас в XVIII веке научной критике источников из советской историографии 1920–1930-х гг. (Рубинштейн, 1941: 114).

Критически оценивался в дореволюционной историографии и характер передачи Н.И. Новиковым текста публикуемых им на страницах ДРВ исторических источников, факты подновления которого были отмечены ещё в 1855 году М.О. Бодянским (Бодянский, 1855: XXXI). В 1899 году его поддержал в этом отношении И.Я. Гурлянд (Гурлянд, 1899: 20-24).

Преодоление этой традиционной точки зрения стало возможным только в 1950–1960-х годах, когда несоответствие её общему патриотическому духу этого времени (борьба с национальным нигилизмом и «низкопоклонством перед Западом» и пр.), стало слишком очевидным. И как результат – появление ряда трудов по источниковедению и археографии в России XVIII века, ведущая роль в становлении и развитии которых отводилась теперь уже не «ученым немцам» из Петербургской академии наук, а любителям отечественной истории русского происхождения:

В.Н. Татищеву, М.В. Ломоносову, М.М. Щербатову, П.И. Рычкову, И.Н. Болтину, И.И. Голикову и В.В. Крестинину, видное место среди которых занял и Н.И. Новиков.

Прежние претензии, которые предъявлялись к нему, как к публикатору исторических источников, утверждали теперь советские историки, несостоятельны, т.к. якобы в большинстве случаев он имел дело не с копиями, а подлинниками (Софинов, 1957: 55), публикуемых документов, тексты которых передавал «точно в соответствии с архивным оригиналом» (Тальман, 1979: 34). «Являясь крупнейшим русским археографом», – отмечал П.Г. Софинов, – Н.И. Новиков не только проделал огромную работу по собиранию исторических источников, но еще и «впервые разработал систематический свод ученых правил издания документов» (Софинов, 1957: 58), предопределив тем самым «более чем на пятьдесят лет» так называемый «правильный путь развития приемов и методов издания документов» (Софинов, 1957: 55) Но насколько оправдана столь высокая оценка ДРВ Н.И. Новикова в советской, да и в постсоветской (Рогожин, 2003: 164-167) историографии. И так ли уж ошибались дореволюционные историки в своем критическом восприятии приемов публикации исторических материалов в ДРВ?

Безусловный интерес, который проявлял Н.И. Новиков к историческому прошлому своего Отечества, публикуя в ДРВ исторические материалы он имел ввиду, прежде всего «удовольствие», говоря его словами, любителей российских древностей, т.е. достаточно широкий круг образованного русского общества той поры, хотя и выражал при этом надежду, что она «по справедливости должна быть помещена в число полезных и нужных книг для Истории Российския» (ДРВ, 1773, ч.2: II).

Успеху издания способствовало то, что уже с самого начала Н.И. Новикову удалось заручиться поддержкой императрицы Екатерины II, которая передала ему ряд редких рукописей для напечатания их в ДРВ (Летописи, 1862, отд.3: 42). 26 октября 1773 года Екатерина II не только предписала начальнику Архива коллегии иностранных дел Г.-Ф. Миллеру «сообщать г. Новикову копии с описаний посольств, с разных обрядов или чинов и других достопамятных вещей, не менее как любопытных» (Летописи, 1862: 42), но еще и оказала ему финансовую поддержку: в ноябре 1773 г. Н.И. Новиков получил 1000 рублей, а в январе 1774 г. 200 голландских червонцев на нужды своего журнала (Летописи, 1862: 44). Нельзя не отметить и важную роль, которую сыграл в судьбе этого издания Г.В. Козицкий, регулярно преподнесивший императрице по просьбе Н.И. Новикова экземпляры ДРВ (Летописи, 1862: 43). С третьей части журнала, помимо Г.-Ф.Миллера к числу лиц, доставлявших Н.И. Новикову исторические материалы присоединился и М.М. Щербатов.

Всего в первый год на ДРВ подписались 198 человек, которые и получили 246 экземпляров журнала (Боголюбов, 1916: 133). Однако в 1775 году число подписчиков на неё резко уменьшилось и составило всего 57 человек (Боголюбов, 1916: 134). С огорчением Н.И. Новиков вынужден был признать, что усердие его «в оказании услуг своему Отечеству согражданами так худо приемлется. (Летописи, 1862, отд.3: 46). В результате, уже в 1775 году после выхода в свет 10-й части своего издания, Н.И. Новиков вынужден был остановить его.

Возвратиться к своему детищу он смог только в 1788 году, когда «через заведенные для сего знакомства» он получил в свое распоряжение «немалое число вновь собранных пиес» (ДРВ, 1788, изд.2, ч.1: VIII). Это то, собственно говоря, и позволило ему осуществить в 1788–1791 гг. т.н. второе издание ДРВ в 20 томах. Екатерина II, князь М.М. Щербатов, Г.-Ф. Миллер и сменивший его Н.Н. Бантыш-Каменский были, по словам Н.И. Новикова, «главные источники» для второго издания ДРВ (ДРВ, изд.2, ч.1: X–XI) Из других лиц, доставлявших Н.И. Новикову исторические материалы в это время были: А.Е. Левшин, С.Д. Кантемир, Н.И. Неплюев и др. (ДРВ, изд.2, ч.1: XI).

Резко, (в два раза) увеличившееся в связи с этим число частей или выпусков ДРВ не должно вводить в заблуждение относительно новизны опубликованных им здесь исторических источников, т.к. наряду с новыми документами, добрую половину его составили материалы, перепечатанные им из первого её издания. И те и другие были, говоря словами самого Н.И. Новикова, приведены им «в возможный хронологический порядок и по крайней мере в каждом томе сближены пиесы, относящиеся к одному предмету» (ДРВ, 1788, ч.1: VIII).

С точки зрения содержания ДРВ представляет собой хотя и ценную, но все же во многом случайную публикацию исторического материала допетровского времени: духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, ханские ярлыки, статейные списки, чины избрания и венчания на царство русских царей, описание царских и княжеских свадеб, жалованные грамоты, послужные списки придворных чинов, материалы по дворянскому родословию, Двинской и Нижегородский летописцы, разрядные книги XVI века и многое другое. Наибольший интерес с исторической точки зрения представляют две первые части ДРВ, содержащие 123 духовные договорные грамоты великих и удельных князей, а так же 17 Новгородских грамот.

Что касается оценки издательских приемов, которых придерживался Н.И. Новиков, не стоит упускать из виду, что европейская наука имела к этому времени, как справедливо отметил А.-Л. Шлёцер, более чем 300-летний опыт такого рода публикаций (Правда Русская, 1767: 13). Да и в России примеры таких изданий тоже уже были: Русская Правда (по Академическому списку Новгородской первой летописи). Подготовил А.-Л. Шлёцер, (Правда Русская, 1767), Судебник Ивана Грозного 1550 года (подготовил С. Башилов) (Судебник, 1767), Летопись Несторова с продолжением

по Кёнингсбергскому списку ([Летопись Несторова, 1767](#)), первый ([Русская летопись, 1767](#)) и второй ([Русская летопись, 1768](#)) тома Никоновской летописи.

Главное требование к такого рода ученым изданиям заключалось, по словам А.-Л. Шлёцера из его предисловия к первому тому «Русской летописи по Никонову списку» в том, что бы стремиться «прилагать всевозможное старание, чтоб следованно было точно во всем подлиннику, сколько новый способ печатания дозволить только может; чтоб в нём совсем ничего не переменять, ни в повествованиях, ни в наречиях, ни в словах, ни в литерах; чтоб ничего к нему не прибавлять, ни убавлять; дабы печатный список был совершенно сходен с рукописным, так чтоб тот кто будет иметь печатной, в рассуждении всякого слова и всякой литеры мог бы на него положиться с такою смелостью как бы он имел у себя рукописной» ([Русская летопись, 1767: X](#)).

Насколько хорошо был знаком с этим опытом Н.И. Новиков? А.-Л. Шлёцер, который имел возможность ознакомиться с содержанием ДРВ пришел к выводу, что он не имел об этом «ни малейшего понятия» ([Шлёцер, 1809: ргј](#)). И действительно, обращение к первым частям первого издания ДРВ как будто подтверждает эту мысль.

В самом деле, несмотря на историческую древность публикуемых грамот, текст их Н.И. Новиков печатал гражданским шрифтом с современной расстановкой знаков препинания. Поправки, внесенные им в текст не оговорены, текстуальные примечания отсутствуют. Более того, сами грамоты напечатаны им первоначально не полностью, а в кратком изложении или выписках. «Выписки важны, – язвительно заметил в связи с этим А.-Л. Шлёцер, – но всё же не более как выписки, в то время как не сказано кто делал их, существуют ли где подлинники ([Шлёцер, 1809: рај](#)).

К счастью, Н.И. Новиков быстро понял свою оплошность, и уже начиная с 4 части ДРВ отказался от такой порочной практики и стал публиковать тексты документов полностью. Были переизданы в полном их виде и напечатанные им ранее в кратком изложении тексты духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI веков, а так же договорные грамоты Великого Новгорода.

«Желали бы мы, – заявил в 1777 году Н.И. Новиков, – что бы при издании подобных сим записок, каковыя составляют Древнюю Российскую Вивлиофику, наблюдаемо было следующее: что бы прилагаемы были алфавитныя росписи, находящимся в оной части материям <...>, что бы сколько возможно делаемы были примечания на тёмные и невразумительные места и слова; что бы в летоисчислении всегда прибавляем был год от Р.Х., что бы древнее правописание не было изменяемо на новое. А наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было. Напечатано было бы точно так, как обретается в подлиннике. И, наконец, чтобы означено было точно, откуда получен список, где находится подлинник и каким почерком писан – старинным или новым» ([Санкт Петербургские ученые ведомости, 1777: 27-28](#)).

Очевидно, таким образом, что если применительно к первому изданию ДРВ мы ещё можем сомневаться насколько хорошо был знаком Н.И. Новиков с научными приемами публикации исторических источников, то относительно её второго издания в 1788–1791 гг. о таких сомнениях уже не может быть и речи. О том, как надо издавать исторические материалы представление у Н.И. Новикова, как мы могли только что убедиться, было более чем хорошее. Другое дело – фактическое воплощение им этих правил в жизнь, в практику повседневной работы по подготовке публикуемых источников к печати.

Проведенное нами сличение, напечатанных во втором издании ДРВ духовной грамоты князя Серпуховского и Боровского Владимира Андреевича 1401–1402 годов ([ДРВ, 1788, ч. 1: 134-147](#)) и договорной грамоты великого князя Василия Васильевича с князем Верейским и Белозерским Михаилом Андреевичем 1450 года ([ДРВ, ч.1, изд.2: 349-354](#)) с их публикацией в 1950 году в сборнике «Духовных и заговорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI веков» Л.В. Черепнина ([Черепнин, 1950: 45-51, 164-166](#)) хотя и выявило несущественные различия между ними в написании отдельных слов (милостью – милостию, себе – себе, Божьею – Божиею, тебе – тебе и др.), но в целом, по крайней мере, с точки зрения точности воспроизведения текста посредством гражданского шрифта производит вполне благоприятное впечатление. Прав был, по-видимому, Л.В. Черепнин, когда отмечал, что тексты документов в ДРВ «напечатаны достаточно точно, хотя и встречается ряд ошибок и ляпсусов» ([Черепнин, 1957: 288](#)).

Однако, только ли одному Н.И. Новикову принадлежит эта заслуга? Если исходить из того, что работать ему, как публикатору духовных и договорных грамот великих и удельных князей приходилось в «большой части с подлинниками» ([Софинов, 1957: 53](#)) то, безусловно, только ему. Факты, однако ([ДРВ, 1775: 353; ДРВ, изд.2, 1788: 434](#)) и указ Екатерины II Г.-Ф. Миллеру от 26 октября 1773 года – убедительное тому подтверждение, опровергают это умозаключение и свидетельствуют, что на самом деле всё было с точностью наоборот и дело Н.И. Новикову «в большей части» приходилось иметь все же не с подлинниками грамот, а изготовленными сотрудниками Архива коллегии иностранных дел по указаниям его начальника академика Г.-Ф. Миллера копиям, тексты которых он, Н.И. Новиков, собственно, и опубликовал в ДРВ.

Что касается археографического оформления публикуемых текстов, то не видно, что бы Н.И. Новиков строго придерживался изложенных им же в 1777 году правил. Тем не менее, можно констатировать, что наличие заголовка грамоты, указания на авторство, место хранения,

разновидность, адресата, даты написания, наличия и описание печатей – неперенный атрибут его публикаций. Пропуски текста и неразобранные места текста подлинника снабжены отточиями. К достоинствам второго издания ДРВ можно отнести и то, что все опубликованные здесь документы снабжены порядковыми номерами, а в конце каждого тома приводится даже сокращенное их содержание.

Всё это так. И, тем не менее, к демонстративному подчеркиванию (П.Г. Софинов) личного вклада Н.И. Новикова в археографическое оформление публикуемых документов, путём выделения им их наиболее примечательных особенностей «примерно следующего содержания: «Года не показано, а по летописям следует быть между 1341 и 1353 годами. К сей грамоте привешена восковая печать, которая столько повредилась, что никакого на оной изображения видеть не можно. Середина грамоты почти вся истлела так, что местами и разобрать нельзя» (Софинов, 1957: 55-56) – следует относиться крайне осторожно. На самом деле все эти особенности публикуемых Н.И. Новиковым грамот были уже отмечены в присланных ему из Архива коллегии иностранных дел копиях и совпадают с описаниями Щербатовских копий (ОРРНБ, Эрмитажное собрание, №336, 1-31), имевших тот же источник. Приписывать их Н.И. Новикову никаких оснований у нас нет.

4. Заключение

Опубликовав на страницах ДРВ более 650-ти единиц ценнейшего исторического материала, Н.И. Новиков оказал тем самым огромную услугу не только делу просвещения русского общества второй половины XVIII века – это была главная его задача, но и ученым-историкам или говоря языком того времени «писателям российской истории». С этим связано стремление Н.И. Новикова к обеспечению должного научного уровня своих публикаций. Тем более, что историческая наука в России уже имела определенный опыт такого рода изданий. Собственно, на него и пытался опереться Н.И. Новиков, правда весьма неполно и непоследовательно при подготовке как первого и, особенно, второго издания ДРВ.

Что касается характерного для нашей историографии представления о Н.И. Новикове как крупнейшем русском археографе XVIII века, своего рода пионере в деле разработки приемов публикации исторических источников, то относиться к нему следует осторожно, т.к. оно явно нуждается в серьёзных ограничениях. Дело в том, что не имея под руками архивных подлинников, подготовку грамот к печати Н.И. Новиков вынужден был осуществлять по имевшимся в его распоряжении их копиям, и сделанным переписчиками по распоряжению Г.-Ф. Миллера отрывочным указаниям на их автора, адресата, особенностям внешнего вида, наличии помет, описании печатей при них и пр. Говорить при таких условиях о каком то особом вкладе Н.И. Новикова в дело разработки приемов передачи текста и археографического оформления, публикуемых им в ДРВ документов, не приходится. Другое дело – Н.И. Новиков как собиратель и первый издатель исторических материалов. Здесь его заслуги исключительно велики и их действительно трудно переоценить.

Литература

Библиотека российская, 1767 – Библиотека российская историческая: Содержащая древняя летописи и всякия записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. – Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1767. Ч.1: [Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года]. 50 с.

Боголюбов, 1916 – *Боголюбов В.* Н.И. Новиков и его время. Москва, 1916 год, Издательство М. и С. Сабашниковых. 452 с.

Бодянский, 1855 – *Бодянский О.М.* О времени происхождения славянских письмен. Москва, в университетской типографии: 1855. 512 с.

Вернадский, 1918 – *Вернадский Г.* Николай Иванович Новиков. Петроград, 9-я гос. типография, 1918. 165 с.

Гурлянд, 1899 – *Гурлянд И.Я.* К вопросу об участии Г.Ф.Миллера в «Древней Российской Вивлиофике» Н.И. Новикова // Чтения в Московском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1899, кн. 3. С. 20-24.

Древняя Российская... Ч. 1, 1773 – Древняя Российская Вивлиофика или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцов, издаваемые ежемесячно Николаем Новиковым. Ч.1, СПб., 1773. 324 с.

Древняя Российская... Ч. 2, 1773 – Древняя Российская Вивлиофика или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцов, издаваемые ежемесячно Николаем Новиковым. Ч. 2, СПб., 1773. 478 с.

Древняя Российская... Ч. 8, 1773 – Древняя Российская Вивлиофика или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства другие государства, редкие грамоты, описания

свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцов, издаваемые ежемесячно Николаем Новиковым. Ч. 8, СПб., 1775. 478 с.

[Древняя Российская... Ч. 1, 1788](#) – Древняя Российская Вивлиофика содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеологии российских касающихся, изданное Николаем Новиковым, членом Вольного русского собрания, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической, по возможности, приведенное. Изд. 2., Ч. 1. М., 1788. 446 с.

[Древняя Российская... Ч. 2, 1788](#) – Древняя Российская Вивлиофика содержащая в себе: собрание древностей российских до истории, географии и генеологии российских касающихся, изданное Николаем Новиковым, членом Вольного русского собрания, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической, по возможности, приведенное. Изд. 2., Ч. 2., М., 1788. 446 с.

[Духовные, 1950](#) – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. Подготовил к печати Л.В.Черепнин. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 587 с.

[Летописи, 1862](#) – Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 4. М., 1862. 361 с.

[Макогоненко, 1952](#) – *Макогоненко Г.П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. Л.: Госполитиздат, 1952. 543 с.

[Милоков, 1913](#) – *Милоков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3, СПб.: М.В. Аверьянов, 1913. 361 с.

[Московские ведомости, 1773](#) – Московские ведомости. 1773. № 3. (прибавления).

[Некрасов, 1994](#) – *Некрасов С.М.* Апостол добра. Повествование о Н.И. Новикове. М.: Русский путь, 1994. 224 с.

[Николаева, 1968](#) – *Николаева А.Т.* Русское источниковедение XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1968. 38с.

[ОР РНБ](#) – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Эрмитажное собрание.

[Платонов, 1993](#) – *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.

[Правда русская, 1767](#) – Правда русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. Изд. Августа-Людвига Шлёцера, СПб., 1767. 33 с.

[Санкт-Петербургские, 1873](#) – Санкт-Петербургские ученые ведомости. 1777 год. Н.И. Новикова (январь, № 4). Изд. 2. А.И. Неустроева. СПб., 1873. 180 с.

[Софинов, 1957](#) – *Софинов П.Г.* Из истории русской дореволюционной археологии. Краткий очерк. М.: Б.И., 1957. 157 с.

[Степанский, 1992](#) – *Степанский А.Д.* К 225-летию русской археологии // *Отечественные архивы*, 1992, № 6. С.16-24.

[Судебник царя, 1768](#) – Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых веков, указы, дополнения к Судебнику и Таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб.: при Им. Акад. наук: 1768. 32 с.

[Рогожин, 2003](#) – *Рогожин Н.М.* Просветительство и историография второй половины XVIII века // *Историография истории России до 1917 года*. Под редакцией М.Ю. Лачаевой. М.: Владос, 2003. 384 с.

[Рубинштейн, 1941](#) – *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. 659 с.

[Русская летопись, 1767](#) – Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1, до 1094 г. СПб., 1767. 198 с.

[Русская летопись, 1768](#) – Русская летопись по Никонову списку. Ч. 2, до 1237 г., СПб., 1768. 380 с.

[Тальман, 1969](#) – *Тальман Е.М.* Возникновение публикаторских навыков. Археология в XVIII веке // *Корнева Н.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* История археологии в дореволюционной России. Учебное пособие. Под редакцией М.С. Селезнева. М.: Московский государственный историко-архивный институт, 1969, 227 с.

[Черепнин, 1957](#) – *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1957. 306 с.

[Шлёцер, 1809](#) – *Шлёцер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древлесловенском языке. Ч.1, СПб.: В Императорской типографии, 1809. 708 с.

References

[Библиотека, 1767](#) – Библиотека rossiiskaya istoricheskaya: Soderzhashchaya drevniya letopisi i vsyakiya zapiski, sposobstvuyushchiya k ob'yasneniyu istorii i geografii rossii-skoi drevnikh i srednikh vremen. [Russian Historical Library: Contains ancient chronicles and all kinds of notes, contributing to the explanation of the history and geography of Russian ancient and middle times]. St. Petersburg: At the Imp. Acad. Sciences, 1767. Part 1: Letopis' Nestorova s prodolzhatel'nyami po Kenigsbergskomu spisku, do 1206 goda [Annals of Nestorov with successors according to the Königsberg list, until 1206]. 50 p. [in Russian]

- Bogolyubov, 1916** – *Bogolyubov V.N.* (1916). N.I. Novikov i ego vremya [N.I. Novikov and his time]. Moscow, Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovyykh. 452 p. [in Russian]
- Bodiansky, 1855** – *Bodiansky O.M.* (1855). O vremeni proiskhozhdeniya slavyanskikh pis'men [About the time of origin of the Slavonic letters]. Moscow, v universitetskoi tipografii. 512 p. [in Russian]
- Vernadsky, 1918** – *Vernadsky G.* (1918). Nikolai Ivanovich Novikov. Petrograd, 9-ya gos. tipografiya. 165 p. [in Russian]
- Gurlyand, 1899** – *Gurlyand I.Y.* (1899). K voprosu ob uchastii G.F. Millera v «Drevnei Rossiiskoi Vivliofike» N.I. Novikova [On the issue of the participation of G.F. Miller in the "Ancient Russian Vivliofika" by N.I. Novikov] / Chteniya v Moskovskom obshchestve istorii i drevnosti rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Moscow Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, Kn. 3 [Book 3]. pp. 20-24 [in Russian]
- Drevnyaya Rossiiskaya, Ch. 1, 1773** – Drevnyaya Rossiiskaya Vivliofika ili Sobranie raznykh drevnykh sochine-nii, yako to: rossiiskie posol'stva v drugie gosudarstva, redkie gramoty, opi-saniya svadebnykh obryadov i drugikh istoricheskikh i geograficheskikh dostopa-myatnostei, i mnogiya sochineniya drevnykh rossiiskikh stikhotvortsov, izdavaemye pomesyachno Nikolaem Novikovym [Ancient Russian Vivliofik or Collection of different ancient works, for example: Russian embassies to other states, rare letters, descriptions of wedding rites and other historical and geographical memorabilia, and a lot of works by ancient Russian poets published monthly by Nikolai Novikov]. CH.1, St. Petersburg, 1773. 324 p. [in Russian]
- Drevnyaya Rossiiskaya, Ch. 2, 1773** – Drevnyaya Rossiiskaya Vivliofika ili Sobranie raznykh drevnykh sochine-nii, yako to: rossiiskie posol'stva drugie gosudarstva, redkie gramoty, opi-saniya svadebnykh obryadov i drugikh istoricheskikh i geograficheskikh dostopa-myatnostei, i mnogiya sochineniya drevnykh rossiiskikh stikhotvortsov, izdavaemye pomesyachno Nikolaem Novikovym [Ancient Russian Vivliofik or Collection of various ancient works, for example: Russian embassies, other states, rare letters, descriptions of wedding rites and other historical and geographical memorabilia, and a lot of works by ancient Russian poets published monthly by Nikolai Novikov]. CH. 2, St. Petersburg, 1773. 478 p. [in Russian]
- Drevnyaya Rossiiskaya, Ch. 8, 1773** – Drevnyaya Rossiiskaya Vivliofika ili Sobranie raznykh drevnykh sochine-nii, yako to: rossiiskie posol'stva drugie gosudarstva, redkie gramoty, opi-saniya svadebnykh obryadov i drugikh istoricheskikh i geograficheskikh dostopa-myatnostei, i mnogiya sochineniya drevnykh rossiiskikh stikhotvortsov, izdavaemye pomesyachno Nikolaem Novikovym [Ancient Russian Vivliofik or Collection of various ancient works, for example: Russian embassies, other states, rare letters, descriptions of wedding rites and other historical and geographical memorabilia, and a lot of works by ancient Russian poets published monthly by Nikolai Novikov]. CH. 8, St. Petersburg, 1775. 478 p. [in Russian]
- Drevnyaya Rossiiskaya, Ch. 1, 1788** – Drevnyaya Rossiiskaya Vivliofika sodержashchaya v sebe sobranie drevnostei rossiiskikh do istorii, geografii i geneologii rossiiskiya kasayushchikhsya, iz-dannoe Nikolaem Novikovym, chlenom Vol'nogo rossiiskogo sobraniya, vnov' ispravlennoe, umnozhennoe i v poryadok khronologicheskoi, po vozmozhnosti, privedennoe [Ancient Russian Vivliofika containing a collection of Russian antiquities before the history, geography and genology of Russian affairs, published by Nikolai Novikov, member of the Free Russian Assembly, again corrected, multiplied and in order chronological, as far as possible, given]. Izd. 2. CH. 1. Moscow, 1788. 446 p. [in Russian]
- Drevnyaya Rossiiskaya, Ch. 2, 1788** – Drevnyaya Rossiiskaya Vivliofika sodержashchaya v sebe: sobranie drevnostei rossiiskikh do istorii, geografii i geneologii rossiiskiya kasayushchikhsya, iz-dannoe Nikolaem Novikovym, chlenom Vol'nogo rossiiskogo sobraniya, vnov' ispravlennoe, umnozhennoe i v poryadok khronologicheskoi, po vozmozhnosti, privedennoe [Ancient Russian Vivliofika containing: a collection of Russian antiquities before the history, geography and genology of Russian related, published by Nikolai Novikov, a member of the Free Russian Assembly, again revised, multiplied and in order chronological, as far as possible, given]. Izd.2. CH. 2. Moscow, 1788. 446 p. [in Russian]
- Dukhovnye, 1950** – Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vekov. Podgotovil k pečati L.V.Cherepnin [Spiritual and contractual letters of great and specific princes of the XIV–XVI centuries. Prepared for publication by L.V. Cherepnin]. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 587 p. [in Russian]
- Letopisi, 1862** – Letopisi russkoi literatury i drevnosti, izdavaemye Nikolaem Tikhonravovym [Annals of Russian literature and antiquity, published by Nikolay Tikhonravov]. CH.4. Moscow, 1862. 361 p. [in Russian]
- Makogonenko, 1952** – *Makogonenko G.P.* (1952). Nikolai Novikov i russkoe pro-sveshchenie XVIII veka [Nikolai Novikov and the Russian enlightenment of the 18th century]. Leningrad, Cospolitizdat, 543 p. [in Russian]
- Milyukov, 1913** – *Milyukov P.N.* (1913). Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli [The main currents of Russian historical thought]. Izd.3, St. Petersburg, M.V. Averyanov, 1913, 361 p. (In Russian)
- Moskovskie vedomosti, 1773** – Moskovskie vedomosti [Moscow bulletin], 1773. № 3. (pribavleniya [Additions]). [in Russian]
- Nekrasov, 1994** – *Nekrasov S.M.* (1994). Apostol dobra. Povestvovanie o N.I. Novikove [Apostle of good. Narrative of N.I. Novikov]. Moscow, Russkii put'. 224 p. [in Russian]
- Nikolaeva, 1968** – *Nikolaeva A.T.* (1968). Russkoe istochnikovedenie XVIII veka. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk [Russian source study of the

XVIII century. The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 38 p. [in Russian]

[OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki, Ermitazhnoe sobranie [Department of manuscripts of the Russian National Library (RNB), Hermitage collection].

[Platonov, 1993](#) – *Platonov S.F.* (1993). Lektsii po russkoi istorii [Lectures on Russian History]. Moscow, Vys-shaya shkola. 736 p. [in Russian]

[Pravda russkaya, 1767](#) – Pravda russkaya, dannaya v odinnadtsatom veke ot velikikh knyazei Yaroslava Vladimirovicha i syna ego Izyaslava Yaroslavicha [True Russian, given in the eleventh century from the grand dukes of Yaroslav Vladimirovich and his son Izyaslav Yaroslavich]. Izd-vo Avgusta-Lyudvika Shletsera, St. Petersburg, 1767. 33 p. [in Russian]

[Sankt-Peterburgskie, 1873](#) – Sankt-Peterburgskie uchenye vedomosti. 1777 god. N.I. Novikova (yanvar', № 4) [St. Petersburg scientists vedomosti. 1777 god. N.I. Novikova (January No. 4)]. Izd. 2 A.I. Neustroeva. St. Petersburg, 1873. 180 p. [in Russian]

[Sofinov, 1957](#) – *Sofinov P.F.* (1957). Iz istorii russkoi dorevolutsionnoi ar-kheografii. Kratkii ocherk [From the history of Russian pre-revolutionary archeography. Short essay]. Moscow, B.I. 157 p. [in Russian]

[Stepansky, 1992](#) – *Stepansky A.D.* (1992). Towards the 225th anniversary of Russian archeography [K 225-tiletiyu russkoi arkheografii]. *Otechestvennye arkhivy*, № 6. p. 16-24. [in Russian]

[Sudebnik tsarya, 1768](#) – Sudebnik tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha, zakony iz Yustinianovykh vekov, ukazy, dopolneniya k Sudebniku i Tamozhennyi ustav tsarya i veli-kogo knyazya Ivana Vasil'evicha [The Code of Law of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilievich, laws from the Justinian centuries, decrees, additions to the Sudebnik and Customs regulations of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. St. Petersburg, pri Im. Akad. nauk, 1768. 32 p. [in Russian]

[Rogozhin, 2003](#) – *Rogozhin N.M.* (2003). Prosvetitel'stvo i istoriografiya vtoroi poloviny XVIII veka [Enlightenment and historiography of the second half of the XVIII century] / *Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda* [Historiography of the history of Russia until 1917]. Pod redaktsiei M.Yu. Lachaevoi [Edited by M.Y. Lachayeva]. Moscow, Izd-vo «Vlados». 384 p. [in Russian]

[Rubinshtein, 1941](#) – *Rubinshtein N.L.* (1941). Russkaya istoriografiya [Russian historiography]. Moscow, OGIz, Gospolitizdat. 659 p. [in Russian]

[Russkaya letopis', 1767](#) – Russkaya letopis' po Nikonovu spisku [Russian annals on Nikonov list]. CH.1, before 1094, St. Petersburg: 1767. 198 p. [in Russian]

[Russkaya letopis', 1768](#) – Russkaya letopis' po Nikonovu spisku [Russian annals on Nikonov list]. CH.2, until 1237, St. Petersburg, 1768. 380 p. [in Russian]

[Talman, 1969](#) – *Talman E.M.* (1969). Vozniknovenie publikatorskikh navykov. Arkheografiya v XVIII veke [The emergence of publishing skills. Archaeography in the 18th and 18th century] // Korneva N.I., Talman E.M., Epstein D.M. *Istoriya arkheografii v dorevolutsionnoi Rossii* [History of archeography in pre-revolutionary Russia]. Uchebnoe posobie [Tutorial]. Pod redaktsiei M.S. Selezneva [Edited by M.S. Seleznyov]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi istoriko-arkhivnyi institut, 227 p. [in Russian]

[Cherepnin, 1957](#) – *Cherepnin L.V.* (1957). Russkaya istoriografiya do XIX veka. Kurs lektsii [Russian historiography before the XIX century. Course of lectures]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 132 p. [in Russian]

[Schlözzer, 1809](#) – *Schlözzer A.L.* (1809). Nestor. Russkie letopisi na drevleslovenskom yazyke [Russian Chronicles on the old Slavonic language]. Ch.1, St. Petersburg, V Imperatorskoi tipografii. 708 p. [in Russian]

УДК 93/94(47).01.02

У истоков русской археологии XVIII века: Николай Иванович Новиков

Виктор Степанович Брачев^{а, *}, Матвей Федорович Полюнов^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению публикаторской деятельности в области источников русской истории, известного просветителя XVIII века Николая Ивановича Новикова (1744–1818). На основании широкого круга источников и литературы авторы показывают, как менялось представление о Н.И. Новикове – археологе в российской историографии на протяжении XIX–XX веков. Старая, дореволюционная историография, отдавая должное Н.И.Новикову как собирателю и издателю исторического материала весьма скептически в то же время, оценивала научный уровень его публикаций, как не отвечающей элементарным научным требованиям.

Тем не менее, уже в 1950–1960-е годы, в принципиально иной историографической ситуации, на волне борьбы за приоритет русских и советских ученых в становлении и развитии отечественной науки и культуры, прежние претензии к Н.И. Новикову, в этом плане, были забыты, а сам он

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.brachev@spbu.ru (В.С. Брачев), m.polynov@spbu.ru (М.Ф. Полюнов)

провозглашен крупнейшим археографом XVIII века, впервые разработавшим систематический свод правил издания исторических источников, которые легли в основу дальнейшего развития русской археографии.

В центре внимания авторов – наиболее ценная часть из опубликованного в Древней Российской Вивлиофике (ДРВ) исторического материала – духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков.

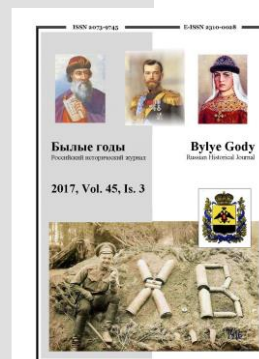
Не имея под руками подлинников, подготовку текста грамот к печати Н.И. Новиков вынужден был осуществлять по их архивным копиям, а археографическое оформление – на основе составленных служащими архива кратких и зачастую случайных указаний относительно автора и адресата грамот, особенности их внешнего вида, наличия печатей, помет и пр. Поэтому и говорить о некоем особом вкладе Н.И. Новикова в разработку приемов передачи текста и археографического оформления, опубликованных им в ДРВ документов, делают вывод авторы, не приходится. Другое дело – Н.И. Новиков, как собиратель и первый издатель исторического материала. Здесь его заслуги действительно трудно переоценить.

Ключевые слова: Древняя Российская Вивлиофика, Н.И. Новиков, русская историография XVIII века, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, Г.-Ф. Миллер, А.-Л. Шлёцер.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 803-810, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.803
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries

Goran Rajović ^{a, *}, Dmitry O. Ezhevski ^b, Alla G. Vazerova ^c, Milica Trailovic ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^c Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the Circassia in the russian-turkish dialogue at the end of XVIII – early of XIX centuries. The article is paid attention to the little-known pages of relations between Russia and Turkey in maintaining stability on the territory of Circassia on the eve of the Caucasian war. In particular, this interaction is reflected in the responsibility of Turkey to Russia for robberies of the circassians on the russian side and in the attempts of the turkish authorities to prevent attacks of the circassians on the russian territory.

There were used as materials the documents of the state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation). Also, there were involved the pre-revolutionary and modern researches reflecting the process of relations between Russia and Turkey on the circassian issues. The methodological basis of the article was the traditional for research of this kind the principles of historicism, objectivity, analytical and comparative methods.

In conclusion, the authors noted that there was created an extensive dialogue on the circassian issues between Russia and Turkey in the late of XVIII – early of XIX centuries. So, there was clearly defined the property and financial responsibility for the theft of the circassians on the russian side, there was an exchange of prisoners and fugitives, generally there was supported a ban on the adoption of the representatives of the local people fled from the circassian territory. By the end of the XVIII century such tendencies that the turks could not convince the circassians to stop the attacks on the russian side became clearly evident. In the result, the russian administration began to resort to the rare implementation of repressive measures.

Keywords: Circassia, russian-turkish agreements, the end of the XVIII – early of XIX centuries, the Black Sea cossacks.

1. Введение

Тема Кавказской войны сегодня продолжает вызывать значительный интерес научно-педагогической общественности. Введение в научный оборот новых источников позволяет глубже понять социально-экономические и геополитические процессы, происходящие в Черкесии и на сопредельных территориях, а именно в России и Турции. Это позволяет лучше, живописнее представить картину сложного диалога накануне и в начальный период Кавказской войны. В данной

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dimao404@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazerova)

статье ставится задача на основе впервые вводимых в научный оборот источников охарактеризовать варианты взаимоотношений между Россией и Турцией накануне Кавказской войны.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Привлечены были также дореволюционные и современные исследования отражающие процесс взаимоотношений России и Турции по черкесским вопросам.

Методологическую основу статьи составили традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический и сравнительный методы. Метод историзма позволил рассмотреть на основе разнородных фактов, полученных в ходе работы с документами, важные явления и процессы, связанные с взаимодействием российской и турецкой администраций в контексте черкесского вопроса. Объясняя развитие тех или иных процессов, происходящих на внешнеполитической арене, мы учитывали исторические условия их протекания, обусловленные внутренними факторами, а также веками сложившимися традициями в черкесском обществе.

3. Обсуждение

Историография данного периода, ситуации накануне Кавказской войны, скудна. Тем не менее, ее можно разделить на два периода: дореволюционный и современный.

К дореволюционной историографии необходимо отнести работы по деятельности Кубанского егерского корпуса в черкесском вопросе российско-турецких взаимоотношений (Боборовский, 1893), материалы по истории Кавказа и Черкесии, в частности (Бутков, 1869; Люлье, 1990; Сталь, 1900). Представляют интерес материалы о потерях российской армии в начальный период Кавказской войны (Сборник сведений о потерях, 1901).

Не обойдены вниманием и материалы личного происхождения различных эмиссаров и разведчиков (Лапинский, 1995; Торнау, 2008).

В современной историографии важное внимание уделяется причинам начала Кавказской войны. Так, А.А. Черкасов, М. Шмигель и другие связывают начало войны с гражданским противостоянием в горском обществе, начавшемся в 1785 г. (Cherkasov et al., 2014; Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015a). Разделившееся черкесское общество было представлено как враждующими, нейтральными и союзными (Казаков, 2006; Cherkasov et al., 2015b) к Российской империи представителями. Коренная ломка общественного устройства у горцев привела, впоследствии, и к разрушению византийского историко-культурного наследия на территории Черкесии, в особенности ее прибрежной части (Cherkasov et al., 2016).

4. Результаты

4.1. Мирные договоренности между Россией и Османской империей о Черкесии

29 декабря 1791 г. Яским миром закончилась вторая русско-турецкая война. Река Кубань окончательно была признана пограничной чертой русских владений. Османская империя обязывалась не допускать жителям левого берега реки Кубани переходить реку и, под каким бы то ни было предлогом, нарушать спокойствие русских подданных по правую сторону Кубани. За насилия и грабежи со стороны турецких подданных Порты должна была, без всяких отговорок, наказывать виновных на пограничной черте в присутствии русских комиссаров и заставлять возвращать захваченное имущество (Бобровский, 1893: 45).

4.2. Обстановка в Черкесии

Важной темой в диалоге между Россией и Турцией в начале 1790-х гг. была тема черкесских разбоев на русской стороне. Так, в 1793 г. известно как минимум о двух русских гонцах (30 июня и 7 июля) доставивших письма к анапскому паше. В первом случае (2 письма) речь шла о налетах на русскую территорию и захвате в плен хорунжего Бескровного и поляка Петра Малого. Хорунжий Бескровный спустя месяц после захвата в плен бежал и благополучно добрался на русскую сторону, однако добрался он уже без своего имущества (помимо имущества были деньги – 75 червонцев), которое и стало предметом для диалога с турками (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 3-30б.). Необходимо отметить, что в ходе переговоров анапский паша Мустафа просил вернуть в Анапу 14 бежавших из крепости греков, которые якобы бежали с частью царской (городской) казны (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 68). Позднее хорунжий Бескровный прибыл к анапскому паше, следственными мероприятиями были найдены и опознаны черкесы, участвующие в грабеже Бескровного, но грабители заявили, что 75 червонцев они не брали и принесли в том клятву (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104-105).

7 июля в Анапу прибыл второй гонец с двумя письмами, в которых речь шла об ограблении и пленении черкесами казака Романа Руденченко и возвращении других захваченных казаков. Во время своего нахождения в Анапе гонец поручик Семен Поливода сумел опросить плененного служителя Иосифа с куреня Величковского. В ходе опроса было установлено, что Иосиф попал в Анапу после нападения 12 черкесов на 5 казаков куреня находившихся на русской стороне на охоте. В ходе столкновения 3 казака были убиты и ограблены, а два, включая Иосифа, уведены на

черкесскую сторону. Об обстоятельствах этого дела было доложено анапскому паше, который пообещал разобраться в данном деле, вызывая черкесских князей (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81-84). В ходе разбора данного дела часть имущества и оба плененных впоследствии были переданы русской стороне (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105об.-106).

Необходимо отметить, что власть Турции в регионе была весьма нестабильна (крепость Анапа была построена только в 1785 г.), а черкесское общество находилось в условиях гражданской войны между низами и барами, вызванное восстанием ших Мансура. В 1794 г. хатукайские и шпедушские князья изъявили желание стать российскими верноподданными вместе со своими простолюдинами. Необходимо отметить, что данный вопрос решала сама императрица Екатерина II, дело в том, что Россия и Турция формально находились в мирных отношениях. Однако отказ возможным союзникам мог повлечь геополитические последствия. Напомним, что восстание ших Мансура изменило не только государственное устройство части черкесских племен (натухайцы, шапсуги и абадзехи), которые утратили историческую власть князей и получили власть мусульманского духовенства, но и законодательное право хождения по территории Черкесии получил находящийся под запретом Коран (Cherkasov et al., 2016: 5). В результате Екатерина II приняла половинчатые меры: хатукайским и шпедушским князьям было отказано в поступлении в русское подданство, но, тем не менее, они получили право выпаса скота на русской территории (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248. Л. 44об.-46об.). Помимо этого Екатерина II дала шапсугским князьям небольшую воинскую команду в составе 100 казаков при поддержке 2 орудий для возвращения исторической власти шапсугских князей над простолюдинами. Несмотря на то, что в 1795 г. сводные российско-черкесские войска (шапсугскую знать поддержали и аристократические черкесские племена) разгромили войска шапсугских простолюдинов, власть шапсугской знати восстановлена не была. Вот как описывает это событие в своем письме анапский Сейд Мустафа паша: «Народы из черкес и абазинцов, именуемые первые шапсик, а последние бзадук, имея между собою почти всегда непристанную ссору, и хотя от стороны моей посылаю ради примирения их, но бзадуки в рассуждении жительства своего близ реки Кубани, и имея дружбу с черноморскими казаками видно прибегли к ним под защиту и по незнанию вашему собрали из нерассудительных казаков с оружиями, и двумя пушками перейдя через учрежденную границу по сию сторону реки Кубана и соединя казаки с бзадускими и напав на шапсугков учинили чрезвычайное поражение: где побито немалое число народа» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 383. Л. 12). При этом анапский паша просил русское правительство обуздать казаков впредь от подобных действий (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 383. Л. 12об.).

Курс на сохранение мира с турками и отказа черкесской знати в переходе в русское подданство в 1796 г. поддержал и следующий русский император Павел I (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 15-15об.). Существенной проблемой были бежавшие из Черкесии на русскую сторону представители разных народов. В январе 1797 г. последовал запрет на прием горских армян на русскую сторону (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 7), а в феврале этот список был расширен за счет черкес, татар и лиц другого звания. Исключение составляли только российско подданные христиане, находящиеся в плену (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 20-20об.).

В марте 1797 г. представители Черноморского войскового правительства обратились к анапскому Осман паше с письмом, в котором были перечислены все грабежи закубанских черкесов в течение 1794–1796 гг. и находилось требование удовлетворить потери в полной мере, а также вернуть захваченных в плен казаков согласно 6-й статьи Ясского мирного трактата. От Порты требовалось также обуздать горских жителей «дабы они впредь отнюдь не смели для хищничества впадать в пределы войска Черноморского» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 14-14об.). Претензии казаков к Турции, не считая захваченных в плен и убитых, составили 16210 руб. и 30 коп. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 15об.). В июне 1797 г. участвующий в переговорах с турками русский посланец подпоручик Лозинский доложил, что от Осман паши получено 7 волов, 2 быка, 3 коровы с теленком и 1 телица, а также 7 лошадей (2 кобылы, 4 коня и 1 жеребенок). Помимо этого было отдано 1 ружье и денег медной монетой 1 руб. 25 коп., а также возвращена захваченная в 1796 г. крестьянская девка Маримьяна Иванова (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 63).

В августе 1797 г. анапский Осман паша вернул еще двух российскоподданных, а именно куреня Ираклиевского казака Андрея Лебеда (захвачен в плен 1 февраля 1797 г.) и Ивана Садовникова, который будучи маркетантом был пленен 13 лет назад (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 109-109об.). 1 сентября Осман паша передал русским малороссиянина Петра Подгребного (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 120). Возвращение Петра Подгребного стало большой проблемой для турецкой администрации. Дело в том, что Петр Подгребной находился в рабстве у абазинского узденя Довлет мурза Навруз овлу, узнав о том, что его раба вернули русским, он осуществил нападение на казаков из конвоя русского гонца близ Анапы и захватил у них трех лошадей. Казаки обратились к анапскому паше и принятыми мерами им лошадей возвратили, тогда уздень объявил, что возьмет свое на русской стороне (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 120об.). По мере того как турецкая администрация пыталась настоять на возвращении пленников и казачьего имущества все более обострялись социальные противоречия между черкесами и турками. Все чаще начали проявляться случаи неповиновения со стороны черкесов, которые считали пленников своей законной добычей.

Осуществлялись контакты России и Турции и в области обмена информацией о готовящихся вторжениях черкесов на русскую сторону. Так, 25 февраля 1798 г. анапский Осман паша своим посланником известил русскую сторону о том, что «горские черкесы, собравши теперь человек до 200 конные, намерены сделать через Кубань при Курках переправу ради хищничества скота и прочего из лежащих при сей стороне черноморских селений» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 382. Л. 3). 27 апреля такая же информация была получена от турецкой стороны о готовящемся вторжении черкесов численностью около 1,5 тыс. человек (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 382. Л. 12-120б.). Разумеется, что после получения таковой информации казаки резко увеличивали свое присутствие на границах.

Тем временем долг Турции за грабежи черкесов на русской стороне постоянно увеличивался. Так, 10 марта 1798 г. правительству Османской империи была передана декларация чрезвычайного посланника и полномочного русского министра Кочубея. В декларации в частности отмечалось: «Похищенный в 1792-м, 93, 94, 95 и 96-м годах закубанскими черкесскими ордами на землях казаков разный скот и вещи, не будучи еще и по ныне возвращены, невзирая на повторительные о том отправленные ферман, нижеподписавшийся подал блистательной Порте ноту, коего по силе 6-й статьи Ясского трактата требовал от нея уплаты 33666 пиастров, составляющих достоинство сих похищений, которым доставлена была ей прежде обстоятельная ведомость. А как Осман паша, анапский комендант в тоже время донес Б. Порте, письмами своими от 25-го лун Сефера и 9-го Джемазиул Еввеля, коих выписки сообщила она нижеподписавшемуся, что им возвращено до 135 разного рода скотин, несколько ружей и вещей, то нижеподписавшийся тою же нотой своею предъявил ей готовность вычесть из упомянутых 33666 пиастров ту сумму, которая следоватъ будет за предъявляемые нашего возвращения, с тем однако ж, чтоб оные засвидетельствованы были расписками османских чиновников.

Блистательная Порта предварительно удовлетворению на требования ниже подписавшегося признала за благо отправить на место по сему предмету Мубашира, но как срок трактатов выговоренных давно уже миновал, и что посылка Мубашира до смыслу оно не касается, то и выдала Б. Порты нижеподписавшемуся 20312 пиастров и 15 пар, а остальные 13352 пиастра и 25 пар удержала из вышепомянутых 33666 пиастров, яко сумму составляющую достоинство похищенных анапским пашею возвращений, приняв правилом для оценки разного звания скота, самую вышнюю цену, показанную в вышесказанной Порте сообщенной ведомости.

Нижеподписавшийся объявляя, что он упомянутые 20312 пиастров и 15 пар принял, обязуется, как за себя, так и за министра Его Императорского Величества при Б. Порте преемника своего возвратит из сея суммы те деньги, которые доведутся за могущие быть отысканные и возвращенные отправленным Мубаширом похищения, в чем при обратном его сюда прибытии должен он представить потребные доказательства, и в таком случае правилом оценки приняты будут самые низкие цены разного звания скота, в реченной же ведомости Б. Порте поданной положенные.

А как доказательства в возвращении скота и других вещей в письмах анапского паши упоминаемые, и вскоре сюда доставить обещанные и поныне через столь долгое время сюда еще не присланы, с другой же стороны нижеподписавшийся не имеет от казаков никакого о сих отысканиях сведения, то и объявляет также он, что самому ли себе или преемнику своему во всей Императорской миссии представляет требовать от Б. Порты вычтенные ею 13352 пиастра и 25 пар, в случае ежели б сказанные возвращения на сию сумму простирающиеся не были утверждены, нужными доказательствами, во уверение чего дал он сию Декларацию за подписанием своим с приложением Герба своего печати» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 214-215об.).

Серьезное проблемой для русских стало бегство черкесских дворян и простолюдин на русскую сторону. Так, например, 16 апреля 1798 г. на русскую сторону перешла ногайская дворянская семья вместе со своими простолюдинами. Всего 50 человек (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 123). На русском форпосте ногайцев встретил майор Гуляк. Рапорт майора Гуляка на имя графа Коховского станет лучшим свидетельством произошедшего диалога: «имею честь вашему сиятельству покорнейше донести, что как реченный дворянин Шостан Али сам, так равно семейство его и подданные сугубо стражею войска Черноморского казаков на том самом месте, куда переправлены при берегу Кубани окружены, при чем хотя и твердил я ему через переводчика невозможность основанных по высочайшему соизволению принять его в подданство России и при том лично ему же приказывал переправляться обратно в свои пределы, но он указывая на ту сторону Кубани на свое жилище, занятое уже его неприятелями, жаждущими его гибели, повторяя те же самые свои изъяснения, каковые в прежнем рапорте моем показаны и падши на колени, простирая к небу руки горько плачучи решительно отвечивал, что «не пойду, а ежели хочешь потопаи меня, все семейство и подданных». Я не могши при таковом его упорстве употребить какова ему ... ему оружия; вашему сиятельству мною донеся всепокорнейше прошу и что на случай и дальнейшего его уговаривания против моих понуждений, которые я ему во исполнении вышереченного вашего сиятельства повеления через переводчика каждого дня твердить буду, повеленно будет учинить резолюциею меня не оставить» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 383. Л. 7-70б., 10). Близкий случай произошел 4 июля 1798 г. когда на закубанском берегу появились два ногайца просившие перевезти их на русскую сторону, когда им в этом было отказано они переплыли реку Кубань и попросили убежища, на

возражения русского начальства ногайцы попросили русских их умертвить, но не отправлять назад (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 388. Л. 5-50б.).

Тем временем черкесские грабежи и убийства на русской стороне не прекращались. В ноябре 1798 г. партия черкесов напала на казачий кордон в Курках и захватила там 26 казачьих лошадей, пленили и жестоко убили одного казака. Казаки организовали преследование на закубанской территории, однако доверенный анапского паша владетель Мурадин ага, через земли которого отступали черкесы не только не задержал напавшую партию, а выслал другой отряд из 150 черкесов, которые преградили путь казакам и одного казака убили, а другого ранили в ходе столкновения (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 238-238об.). Русская сторона выказала свои претензии по данному факту, однако анапский паша ответил, что люди Мурадин ага в данном деле участия не принимали, в чем князя Мурадиновым якобы и дали присягу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237-237об.).

В это время туркам становится очевидно, что черкесы саботируют постановления турецкой администрации в вопросах прекращения налетов на русскую сторону. В 1798 г. анапский паша, недовольный поступками закубанцев, отправил в горы 1,5 тыс. своих солдат для наведения порядка. Едва турки стали подходить к ближайшему шапсугскому селению, как шапсуги выслали парламентаров и сообщили, что у них наготове 20 тыс. воинов. Паша был вынужден возвратиться (Бутков, 1869: 550). Необходимо отметить, что анапский паша далеко не всегда действовал силой, для получения влияния над черкесами он женился на абазинской княжне (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 140 об.).

По мере увеличения турецкого долга за грабежи черкесов русской администрации становится очевидным, что турки далеко не на всех черкесов распространяют свое влияние. Более того среди черкесов формируется и постоянно увеличивается партия ориентированная на вторжения в Россию. Понимая, что только дипломатическими целями оградиться от нападений черкесов на русскую территорию не получится 27 мая 1800 г. русский император Павел I утвердил план вторжения на черкесскую территорию с целью наказать самые хищные черкесские племена. Командующим сводных войск был назначен генерал-майор Драшкович. Планами предусматривалось отправить несколько егерских полков усиленные черноморскими казаками. Предполагалось накануне выяснить места, где находятся черкесские партии, места их жительства и т.д. Действия предполагалось вести в нескольких направлениях с обязательным обеспечением коммуникаций между подразделениями. Одной из главных целей ставился захват главарей черкесских партий, осуществляющих набеги на русскую сторону и разграбление их имущества (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49-49об.). Согласно плана требовалось «покоряющихся щадить, требовать только от них удовлетворения грабежей и к обеспечению спокойствия впредь в залог аманатов; **а в случае окажутся они в таких силах и намерениях, чтобы нам противостоять, тогда нанести удар, который бы вперил им навсегда ужас и страх к гневу и оружию Его Императорского Величества**» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49об.). Иными словами целью готовящейся экспедиции было «где нужно народам показать, что оружие Его Императорского Величества на одних зломышленных только возмутителей общего покоя стремится, на закубанцев тех, коих начальник их анапский паша за их неистовые грабежи и неповиновение власти отвергся, а к пребывающим в соседнем мире и тишине приязнь и дружба существует; и для того объявляя сие везде и всем в пределах закубанских весьма беречь и щадить тех, кои в хищничествах не участны и невинны» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49-49об.).

При этом при планировании экспедиции было обращено внимание на то, что за Кубанью есть несколько семейств, которые добровольно вступили в российское подданство, и по высочайшему распоряжению были поселены на землях черноморского казачьего войска, однако бежавшим за Кубань Явбук беим они были насильно уведены к черкесам. Согласно получаемым сведениям эти семьи подвергались там преследованиям за преданность России. В результате предполагалось в случае согласия черкесов забрать их на русскую сторону (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49об.-50).

Необходимо отметить, что в план проведения экспедиции были посвящены и турки. Так, 16 мая товарищ анапского паша Кегвя бей сообщил, что уже 23 селения абазинцев приведены в повиновение, поэтому предлагалось исключить данные селения из зоны действия экспедиции. Абазинцы обещали вернуть имущество черноморских казаков и выдать всех захваченных ими людей.

28 декабря 1802 г. черкесы осуществили нападение на дистанцию Староредутского кордона. Об этом было доложено новому русскому императору Александру I. Император полностью поддержал проводимые мероприятия в отношении черкесов. В подписанном государем указе от 3 декабря 1802 г. отмечалось: «Признавая справедливым мнение, что народ (имеются ввиду черкесы – Авт.) необузданной, привыкший к хищничествам и делая из оного единственное свое упражнение, не иначе может быть воздержан и принужденным жить в добром соседстве, как страхом наказания за всякое их хищничество, ибо по невежеству своему могут приписать к немогуществу снисхождения им оказываемое из человеколюбия, но так же если позволить нашим делать им репрессии и входить к ним в пределы, не ограничивая сие позволение, то весьма вероятно, что из сего произойдут злоупотребления ими делаемые против их столько же несправедливы, как они теперь против нас; в предупреждение сего и чтобы утвердить спокойствие границы нашей, заставляя их опасаться делать покушения, предписываю вам:

1-е наистрожайше подтвердить всем командующим дистанциями по границе отнюдь никакой несправедливости соседственным народам не делать, а иметь с ними дружественное обращение и раз то стараться приобрести их доверенность, все кои же противной сему поступок наистрожайшие наказуем будет, за исполнение чего бдительно наблюдать главным командующим, за что и сами отвечать будут;

2-е если не взирая на сие доброе обращение, соседственные народы беспокоят границу нашу, тогда немедленно сделать репрессаль им для наказания и преследования их, если нужда того востребует в пределы к ним, но не участвующих в учиненном злодеянии не трогать, отнюдь оставлять в покое и тем доказать им, что наказание единственно на виновных всегда простирается, отнюдь о всяком таковом происшествии и репрессалье мне доносить обстоятельно, означив именно за что оно учинено, и под опасением заслуживаемого наказания начальники отвечают, чтобы сие не было употреблено во зло;

3-е предоставить командиру тамошнего кордона расположить по границе разъезды к лучшей удобности и безопасности кордону, уведомляя меня какие против теперешнего сделаны будут перемены (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 123-123об.).

На протяжении первых 4-х месяцев 1803 г. черкесы ежемесячно осуществляли нападения на русскую сторону. Так, в январе на Александровском кордоне черкесы убили одного офицера и 2 казаков, ранили 3-х, пленили 8 казаков, помимо этого посадили на пики жену и сестру убитого офицера; на Новоурачериновском и Славянском кордонах захватили в плен 3-х казаков. В феврале на Марьинском кордоне убили одного офицера¹ и 2-х казаков, 4-х ранили, одного захватили в плен. В апреле убили двух казаков и одного захватили в плен. В мае на Марьинском кордоне одного казака убили и одного пленили (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 144). За сделанные черкесами преступления русское командование начало готовить показательную экспедицию. В состав экспедиционной группы войск были включены части Черноморского казачьего войска, а именно 7 конных полков и 8 пятисотенных пеших полков при 4 трех-фунтовых орудиях, а также 14-й и 15-й егерский полки (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 141-142).

Согласно плану экспедиции предполагалось сперва выслать на черкесскую сторону отряд из 50 казаков для занятия позиции на черкесском берегу реки Кубани, для обеспечения скрытности переброски войск. Затем скрытно ночью переправить полки в Закубанье. Первыми должны были двигаться конные полки, за ними половина пехоты с орудиями, за пехотой егеря и оставшаяся часть пехоты, прикрываемая двумя конными полками. Подразделения должны подойти к аулам черкесов до рассвета. Задачей кавалерии ставилось окружить аул, дабы не позволить черкесам укрыться в лесу и организовать сопротивление. После наказания черкесов предполагалось той же дорогой вернуться на русскую территорию (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 145-146). В скором времени экспедиционная операция была проведена. Начиналась Кавказская война...

5. Заключение

Завершая необходимо отметить, что в конце XVIII – начале XIX вв. между Россией и Турцией был создан обширный диалог по черкесским вопросам:

1. Четко была определена имущественная и финансовая ответственность за хищения черкесов на русской стороне;
2. В случае получения турками информации о формировании крупной партии черкесов для вторжения на русскую сторону, турки незамедлительно информировали об этом русскую сторону;
3. Существовал обмен пленниками и беглецами, исключение составляли только переходящие на сторону России христиане, а на сторону Турции – мусульмане (случай бегства 6 русских солдат принявших ислам). В целом поддерживался запрет на принятие бежавших с черкесской территории представителей местных народов;
4. К концу XVIII в. явно стали обнаруживаться тенденции к тому, что турки не могли убедить черкесов прекратить нападения на русскую сторону. В результате русская администрация начала прибегать к осуществлению редких репрессивных мероприятий.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения квалификации РУДН «5–100» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016–2020 гг.

Литература

Бобровский, 1893 – Бобровский П.О. Кубанский егерский корпус 1786–1796 гг. СПб., 1893.

¹ За период с января по февраль 1803 г. черкесами в ходе нападений на русскую сторону было убито два офицера. В работе А.Л. Гизетти «Сборник сведений о потерях Кавказских войск...» потерь среди офицеров, погибших на кордонах близ реки Кубани, не значится (Сборник сведений о потерях, 1901: 4). Таким образом, можно говорить о том, что потери офицерского корпуса в этой работе представлены не полно.

- Бутков, 1869** – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1869.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Казаков, 2006** – Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX вв. Биографический справочник. Нальчик, 2006.
- Лапинский, 1995** – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
- Люлье, 1990** – Люлье Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи. Северо-кавказский филиал МЦТК «Возрождение». 1990.
- Сборник сведений о потерях, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Сталь, 1900** – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. // Кавказский сборник, 1900. Т. 21. С. 60-173.
- Торнау, 2008** – Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. В 2 ч. Майкоп, 2008.
- Cherkasov et al., 2014** – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 2014, 8, 3: 64-72.
- Cherkasov et al., 2015** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries // *Brukenthal. Acta Musei*, 2015, X. 1: 76-77.
- Cherkasov et al., 2015a** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries) // *Rusin*. 2015, 4 (42). pp. 53-65.
- Cherkasov et al., 2015b** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. // *Bylye Gody*, 2015, (3). 37: 541-548.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries) // *Annales Ser. hist. sociol.* 2016, 26 (1): 1-12.

References

- Bobrovskii, 1893** – Bobrovskii P.O. (1893). Kubanskii egerskii korpus 1786–1796 gg. [The Kuban Jaeger corps 1786–1796]. SPb. [in Russian]
- Butkov, 1869** – Butkov P.G. Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god [The materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. V 3 ch. Ch. 2. SPb., 1869.
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archives of the Krasnodar territory].
- Kazakov, 2006** – Kazakov A.V. (2006). Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX vv. [The circassians in the Russian military. Governors and officers. The middle of the sixteenth century – the beginning of the twentieth century]. Biograficheskii spravochnik. Nal'chik. [In Russian]
- Lapinskii, 1995** – Lapinskii T. (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russian]. Nal'chik. [in Russian]
- Lyul'e, 1990** – Lyul'e L.Ya. (1990). Cherkessiya: istoriko-etnograficheskie stat'i [Cherkessia: historical and ethnographic articles]. Severo-kavkazskii filial MTsTK «Vozrozhdenie». [in Russian]
- Sbornik svedenii o poteryakh, 1901** – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voyn Kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspien region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [In Russian]
- Stal, 1900** – Stal K.F. (1900). Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda [The ethnographic sketch of the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. T. 21. pp. 60-173. [in Russian]
- Tornau, 2008** – Tornau F.F. (2008). Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera [The memoirs of a Caucasian officer]. V 2 ch. Maikop. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2014** – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
- Cherkasov et al., 2015** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015). The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*, X. 1: 76-77.
- Cherkasov et al., 2015** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. (2015). Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries). *Rusin*. 4 (42). pp. 53-65.

Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody*, (3). 37: 541-548.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales Ser. hist. sociol.* 26 (1): 1-12.

УДК 93/94

Черкесия в русско-турецких взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX вв.

Горан Райович ^{a, *}, Дмитрий Олегович Ежевский ^b, Алла Геннадьевна Вазерова ^c, Милица Трайлович ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается Черкесия в русско-турецком диалоге в конце XVIII – начале XIX вв. Уделено внимание малоизвестным страницам взаимоотношений России и Турции в вопросах сохранения стабильности на территории Черкесии накануне Кавказской войны. В частности это взаимодействие отразилось в ответственности Турции перед Россией за грабежи черкесов на русской стороне и в попытках турецкой администрации предотвратить нападения черкесов на русскую территорию.

В качестве материалов привлечены документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Привлечены были также дореволюционные и современные исследования отражающие процесс взаимоотношений России и Турции по черкесским вопросам. Методологическую основу статьи составили традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический и сравнительный методы.

В заключении авторы констатируют, что в конце XVIII – начале XIX вв. между Россией и Турцией был создан обширный диалог по черкесским вопросам. Так, четко была определена имущественная и финансовая ответственность за хищения черкесов на русской стороне, существовал обмен пленниками и беглецами, в целом поддерживался запрет на принятие бежавших с черкесской территории представителей местных народов. К концу XVIII в. явно стали обнаруживаться тенденции к тому, что турки не могли убедить черкесов прекратить нападения на русскую сторону. В результате русская администрация начала прибегать к осуществлению редких репрессивных мероприятий.

Ключевые слова: Черкесия, русско-турецкие договоренности, конец XVIII – начало XIX вв., черноморское казачество.

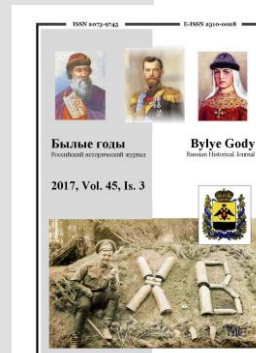
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежевский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 811-820, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.811
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Sergey T. Gaydin ^b, Grigorii A. Reut ^b

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The paper reveals particularities of Siberia perception in the 19th century by the representatives of Russian intelligentsia, considers aims of their stay in Siberia and its contacts with various representatives of local population. Characteristic traits of life in governorate and provincial towns of Siberia are explained. Regularities revealed in the course of analyzing sources that were left by the Russian intelligentsia, let us speak about commonness of socio-cultural processes, which happened in the region of Siberia and central Russia in the 19th century, as well, as give reasoning for dependence of this processes from changes that occurred in cultural life of Russia. In the process of comparative analysis of diaries, traveler's notes and letters of L.F. Panteleev, A.P. Chekhov, V.Ya. Shishkov, V.G. Korolenko, S.P. Shvetsov, there were revealed differences and common features in their perception of certain sides of Siberians' life. Differences in perception of cultural life in the region by representatives of Russian intelligentsia were conditioned by reasons, due to which they found themselves in Siberia and, in much part by that with what representatives of the Siberian people they happened to contact. The article discusses distinctive features in ethic and esthetic perception of reality between the Russian population and Siberians. Such character traits of the Siberian people as pride, independence, practical absence of religious feelings and undeveloped ability of the world esthetic perception are revealed. Importance of these observations made by the Russian intelligentsia, is conditioned by that the local intelligentsia originated from the simple folk mainly, meaning they inherited their character traits, which in its turn influenced system of cultural values created by the them.

Keywords: intelligentsia, culture, Russia, Siberia, A.P. Chekhov, V.Ya. Shishkov, V.G. Korolenko, L.F. Panteleev, S.P. Shvetsov.

1. Введение

Сибирь как особый социокультурный элемент всегда вызывала живой интерес со стороны исследователей. История развития связей Европейской России и Сибири, её культурно-психологическое восприятие жителями центрального региона во многом зависело от российской интеллигенции. Благодаря именно её усилиям осуществлялись многие культурные контакты, в ходе которых жители европейской России получали сведения о Сибири и составляли своё представление о ней. Посредством своей деятельности интеллигенция, создавая образы восприятия действительности, формировала у населения определенную картину мира. В этой связи происходит и переосмысление значения интеллигенции для развития всей культуры в целом. Повышенный интерес к региональной истории усилил внимание и к истории культуры регионов. Роль российской интеллигенции в выявлении культурного потенциала Сибири XIX в. явилась в этом плане несомненной. Антропологическое направление культурологии так же всегда основывалось на том, что необходимо

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), kaf.history@mail.ru (S.T. Gaydin)

уделять должное внимание человеческому фактору, то есть людям, которые способны приводить в движение культурные процессы. Для Сибири такими людьми, способными повлиять на ее культурный потенциал, привнося в него новые элементы культуры, являлись представители российской интеллигенции. Развитие культуры Сибири во многом определялось культурно-историческими процессами, происходившими в центральной России, а в качестве проводников этих процессов чаще всего выступала интеллигенция. Знания по истории культуры Сибири XIX в., особенностях её развития и уникальных чертах мы можем получить благодаря свидетельствам той части российской интеллигенции, судьбы которой были связаны с Сибирью. Анализируя биографии, письма, воспоминания, путевые заметки представителей российской интеллигенции, внесших определенный вклад в развитие региона, мы имеем возможность составить представление о специфике культурного процесса, локализованного в провинции. В Сибирь же представители российской интеллигенции чаще всего попадали или в качестве политических ссыльных или в качестве добровольно приехавших на работу.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой статьи явились документы государственных архивов Омской, Иркутской областей, Красноярского края, воспоминания и письма ученых, представителей творческой интеллигенции России и Сибири, материалы периодической печати XIX в.

2.2. Анализ источников производился на основе общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения. Сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы позволили рассмотреть поставленные научные вопросы в их развитии и подвергнуть анализу процессы, происходившие в России и Сибири в XIX в. Принцип историзма помог рассмотреть фактический материал в контексте общественно-политических процессов. Историко-биографический метод дал возможность описания, реконструкции и анализа обстоятельств жизни и результатов деятельности интеллигенции России и отдельных ее представителей.

3. Обсуждение

Важнейшими источниками изучения социокультурной жизни Сибири XIX в. являются свидетельства представителей российской интеллигенции побывавших в регионе в рассматриваемый период. К таким источникам, прежде всего можно отнести воспоминания Л.Ф. Пантелеева (Пантелеев, 1958), который из-за своей революционной деятельности оказался в Сибири, смог адаптироваться к местным условиям и даже поправить свое материальное положение. «Впечатления о Сибири» В.Я. Шишкова (Шишков, 1987) позволяют судить об образе жизни местной интеллигенции и народа, с представителями которого он встречался во время своих экспедиций. Богат фактическим материалом дневник В.Г. Короленко (Короленко, 1926), его воспоминания «История моего современника» (Короленко, 1985), а так же «Сибирские рассказы и очерки» (Короленко, 1987), в основе которых лежат прототипы реальных людей и описаны реальные события, свидетелем которых был автор. В 90-е гг. XIX в. происходило наиболее интенсивное включение Сибири в культурную орбиту России. Этому в немалой степени способствовала корреспонденция, отправлявшаяся российской интеллигенцией из Сибири. Поездка А.П. Чехова на остров Сахалин, его письма (Чехов, 1987) и опубликованные заметки (Чехов, 1976) не только привлекли внимание общественности к проблемам региона, но и позволили увидеть эти проблемы глазами российского интеллигента. Неоценимый вклад в исследование проблемы внесли труды С.П. Швецова (Швецов, 1909), позволяющие сделать выводы о климатических условиях Сибири, социальном составе ее населения. О специфике сибирского характера, особенностях мировоззрения сибиряков можно судить по публикациям В.П. Семенова-Тян-Шанского (Семенов-Тян-Шанский, 1998). Этим же проблем касался в своих трудах крупнейший фольклорист, исследователь народной жизни Сибири М.К. Азадовский (Азадовский, 1928). В.И. Ленин, исследуя социально-политическую обстановку в России, так же в своих статьях обращал внимание на образ жизни сибирского народа, отмечая независимость и самостоятельность его характера (Ленин, 1967: 79).

Не обходят Сибирь своим вниманием современные исследователи, они обращаются к биографиям людей, внесших определенный вклад в культурную жизнь региона. О жизни С.П. Швецова, сосланного за свою революционную деятельность в Сибирь, во время которой и проявился его дар публициста и ученого, говорится в статье «Ученый-сибиряк» С.П. Швецов и его научное наследие» (Курьшов, 2011). Истории интеллигенции как движущей силы социокультурных преобразований в Сибири посвящена статья Е.В. Самойловой (Самойлова, 2006). Социальному составу населения Сибири, в частности структурному анализу сибирской интеллигенции, уделяется внимание в исследовании В.А. Зверева и Ю.В. Дружининой (Зверев, Дружинина, 2013). Быту, повседневной жизни городской интеллигенции Сибири посвящена статья М.В. Шиловского (Шиловский, 2004). Фундаментальный характер носит труд Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского, посвященный Сибири, нравам, обычаям сибирского народа, особенностями его менталитета, роли интеллигенции в социокультурном развитии региона (Резун, Шиловский, 2005).

Современные иностранные ученые касаются в своих исследованиях судеб интеллигенции России (Finkel, 2003), вопросов языка и религии в Сибири (Graber, Murraru, 2015), сибирского областничества (Pereira, 1993), гендерных проблем в сибирской ссылке (Gentes, 2003).

Исследования современных ученых существенно обогащает представление о Сибири, сформированное на основании анализа путевых заметок, дневников, воспоминаний, оставленных российской интеллигенцией XIX в. Новые подходы в методологии позволяют по-новому осмыслить накопленные знания и составить наиболее целостное представление о социально-культурных процессах, происходивших в регионе.

4. Результаты

«Всякие слухи о Сибири в народе ходят, – и хорошие, и худые, такие, в которых уж очень хвалят ее, и такие, в которых ее еще больше бранят и хаят. И все-таки мало кто знает из крестьян доподлинно верно, что эта за страна такая, какие в ней порядки, какой в ней народ живет, где, наконец, сама она находится» (Швецов, 1909: 5). Так С.П. Швецов начинает свой труд «Сибирь, кто в ней живет и как живет: беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них». Сергей Порфирьевич не был сибиряком, он родился в Курске в дворянской семье, учился в архангельской гимназии и Петербургском учительском институте. Из-за своей революционной деятельности попал в Сибирь, где и отбывал ссылку. Им опубликовано более ста работ о Сибири. Это позволяет считать С.П. Швецова выдающимся сибиреведом, хотя и малоизвестным широкому кругу читателей. Прежде всего, автор знакомит читателя с географическим положением и климатическими условиями региона. «Сибирь гораздо обширнее всей остальной России, а если брать для сравнения только 50 коренных российских губерний, то Сибирь более чем в 2 ½ раза обширнее». Губернии все непохожи одна на другую. В Тобольской губернии «есть степные уезды, где самая лучшая пшеница родится». А в Сургутском и Березовском уездах из-за короткого лета «не только что колоса, а просто хлебного зерна не выдввали, не знают, как и муку делают». И главное занятие населения – это различные промыслы. Кроме низменных мест «есть горы очень высокие, с которых никогда не сходит снег», «травянистые степи и степи, покрытые березовым и осиновым лесом». «За Обью... начинаются леса, по-сибирски, – тайга» (Швецов, 1909: 8-9). Для любого жителя России, планировавшего посетить Сибирь или переселиться туда в начале XX в., полученные из книги Швецова сведения оказывали неоценимую услугу.

Увидеть Сибирь XIX в. глазами человека, оказавшегося на её просторах не по своей воле, помогают мемуары Лонгина Федоровича Пантелеева. Убежденность в несправедливости существующего миропорядка и неспособности власти изменить что-либо в лучшую сторону толкнула студента Пантелеева в водоворот политической борьбы. А обвинение в участии в делах революционной организации «Земля и Воля» послужило основанием для вынесения в 1864 г. приговора: шесть лет каторги, которую после его прибытия в Енисейскую губернию заменили поселением. Представление о жизни сибирского губернского города XIX в. помогает составить описание Пантелеевым Тобольска. Расположенный в низменности город часто затоплялся при разливе р.Тобол. Самым значительным сооружением являлся острог, находившийся на горе и возвышавшийся над городом. Именно в Тобольск стекались практически все политические ссыльные, так как здесь происходило их распределение по разным частям региона. И хотя город был бедным, арестантов кормили хорошо, давали качественное обмундирование. Заслуга в этом принадлежала губернатору Тобольска А.И. Деспот-Зеновичу. Человек блестяще образованный, сам некогда высланный в Восточную Сибирь, он сочувственно относился к политссыльным и старался облегчить их участь. Александр II лично назначил его губернатором Тобольска (Пантелеев, 1958: 430). Являясь представителем российской интеллигенции, по воле судьбы став крупным сибирским чиновником, А.И. Деспот-Зенович остался в народной памяти как борец с произволом и беззаконием.

Томск на Пантелеева произвел впечатление небольшого, но оживленного города. Выглядел он неказисто и главной его достопримечательностью были развалины обрушившегося собора. Интеллигенцию города составляли в основном люди, высланные из России и ссыльные поляки. Среди дамского населения популярны были романы Жорж Санд. Привлекала внимание колоритная фигура миллионера-золотопромышленника Асташева. Его биография является ярким примером того, как в Сибири благодаря находчивости, природной смекалке можно было стремительно подняться из самых низов и достигнуть блестящего положения (Пантелеев, 1958: 441).

Несколькими годами позже Томск посетил А.П. Чехов. Народ, с которым он встречался во время своей поездки в Сибири – это арестанты, солдаты, переселенцы, покинувшие родные места в поисках лучшей доли, крестьяне, потомки раскольников, ссыльные, местные жители. Как представитель российской интеллигенции Антон Павлович интересовался, кем была представлена эта социальная группа в Сибири. Он разделял сибирскую интеллигенцию на местную и приезжую и характеризовал ее по-разному. «Интеллигентные ссыльные – это все бывшие офицеры, чиновники, нотариусы, бухгалтера, представители золотой молодежи, присланные сюда за долги, растраты, мошенничества и т.п., – ведут жизнь замкнутую и скромную» (Чехов, 1987: 26). По свидетельству писателя, ссыльные интеллигенты были дурно образованы. Не сумев приспособиться к новым условиям, через 2–3 года они умирали в страшной нищете. Некоторые, впрочем, приспособившись, занимаясь торговлей, адвокатурой, журналистикой. Ссыльные поляки

выделялись более изысканными манерами и образом жизни. Некоторые из них даже после амнистии оставались в Сибири. Но всё же, жить европейскому человеку в Сибири было скучно: всё дорого, грязно и скудно. И жизнь вследствие этого была особенно тяжела. Для ссыльной интеллигенции Сибирь воспринималась чаще всего как драматическая страница в ее жизни. Уныние и тоска овладевали ею по прибытии в этот суровый край. С таким настроением человек вряд ли был способен творчески относиться к жизни и улучшить окружающую его действительность. А. Чехов писал, что ему нестерпимо жаль было этих людей, и встречи с ними не радовали его. Встречался писатель и со свободными интеллигентами, которые неизвестно как попали в Сибирь. Характеризовал он одного из них как «прекрасного, интеллигентного, протестующего либерала», учившегося когда-то в Петербурге, а теперь служившим писарем при местном заседателе и спившимся вместе со своим «принципалом» (Чехов, 1987: 89). Самого Чехова в Сибири знали и уважали как писателя. В Томске к нему приходил помощник полицмейстера, который пробовал писать сам. Приходил «как в Мекку к Магомету, дабы познакомиться» (Чехов, 1976: 112). Полицмейстер прочитал принесенный с собой рассказ, по мнению писателя недурной, но «только слишком местный». Далее гость попросил водки. «Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не просил бы водки» – писал Чехов далее в письме к Суворину (Чехов, 1984: 226). «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет не изящно, грубо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж вам задает вопрос: «А не выпить ли нам водки?»». И от скуки пьет с ним ссыльный, сначала морщится, потом привыкает и, в конце концов, конечно, спивается» (Чехов, 1987: 27). К сожалению, любовь к водке в записках и письмах Чехова выступает как основная отличительная черта местной интеллигенции. Вероятно, он встречался не с лучшими её представителями и поэтому оценку писателя в этом плане можно считать несколько односторонней. В качестве подтверждения этого предположения могут послужить воспоминания В.Я. Шишкова.

Вячеслав Яковлевич Шишков, в будущем известный писатель, всего четырьмя годами позже Чехова приехал в Томск в 1894 г. на службу в округ путей сообщения. В своих воспоминаниях о нем К. Федин писал: «И когда наш читатель захочет заглянуть в глубину истории Сибири, он не сможет обойтись без Вячеслава Шишкова» (Яновский, 1987: 4). Сибирский писатель Г.Д. Гребенщиков считал, что «...в лице этого писателя мы приобретаем действительно нужного и полезного изобразителя одной из обширнейших и неведомых окраин нашей страны» (Яновский, 1987: 63). Из общего числа специалистов, приехавших работать в Сибирь по добровольному найму, фигура В. Шишкова выделялась благодаря его таланту и тому литературному наследию, которое он оставил после себя. Двадцать лет жизни писатель отдал Сибири, которая стала его второй родиной. События и переживания этого периода органично вплетаются в его биографию. Знакомясь с воспоминаниями В. Шишкова, мы составляем совершенно другое представление о Томске тех лет, нежели то, которое находим в письмах и записках А. Чехова. В городе был драматический театр с хорошей труппой, приезжали на гастроли хор Славянского и хор Карагеоргиевского, известные тогда по всей России. В доме поэта Г. Вяткина, где и жил Шишков, нередко собирались учителя двух гимназий и реального училища. На собраниях обсуждались вопросы литературы (Русские писатели, 1990: 413). В городе проживала династия художников Соловкиных. Глава династии И.Т. Соловкин получил образование в Академии художеств. Имея семерых детей, вынужден был сочетать занятие искусством со службой (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Его старший сын В.И. Соловкин занимался декоративно-прикладным искусством, он был художником по изготовлению искусственных цветов, растений и композиций из них, которые использовались для украшения одежды и оформления интерьеров (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 6. Лл. 2-4). В.И. Соловкин участвовал во Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, где его работы были удостоены бронзовой медали и диплома выставки. Газета «Томский листок» по этому поводу писала: «Для музеев, а также для любителей г. Соловкин – большая и ценная находка, которой, конечно, следует воспользоваться» (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 6. Л. 3). Другой сын И.Т. Соловкина – Валерий Иванович работал в театре художником-бутафором (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 20. Л. 1). Анатолий Соловкин после окончания школы «Императорского общества поощрения художеств» в Петербурге работал художником-скульптором, давал уроки лепки и рисования (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Художницей была и дочь И.Т. Соловкина – Нина Ивановна (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-2). Как видим в Томске имелся свой творческий потенциал, местная интеллигенция. Авторитетом в городе пользовалась газета «Сибирская жизнь», основанная купцом П.И. Макушиным, который занимался просветительской деятельностью, имел книжный магазин и библиотеку, содержал на свои деньги Томский вечерний университет, где занимались рабочие и служащие. Литературный кружок во главе с Г. Вяткиным основал журнал «Молодая Сибирь», на страницах которого печатались ведущие сибирские писатели: И. Тачалов, П. Драверт, Г. Гребенщиков, И. Вяткин, В. Шишков (Очерки, 1982: 513). Сам Шишков обучал грамоте взрослых людей в воскресной школе, работал в составе президиума научного Общества изучения Сибири, участвовал в публичных чтениях (Яновский, 1987: 25). Значимым для него было знакомство с Г.Н. Потаниным, благодаря которому он вошел в среду передовой интеллигенции Томска. На основании перечисленных фактов можно сделать вывод, что не всё так безнадежно было в развитии культуры региона, и в составе сибирской интеллигенции были здоровые, интеллектуально развитые люди, стремившиеся поднять культуру края и видевшие в этом свой первоочередной долг.

Чехову же Томск не понравился. Он отмечал, что скука в сибирских городах царит оттого, что нет никаких развлечений, если не считать плохих трактиров, бань и многочисленных домов терпимости. В одном из писем писатель информировал А.С. Суворина о том, что собирается осмотреть Томский университет, который имел тогда только один медицинский факультет, что позволит ему при осмотре «не явить себя профаном» (Чехов, 1976: 62). В письмах к родным писатель упоминал о том, что больниц и врачей в городе нет, заменяют их фельдшеры недостаточной квалификации и сожалел, что университет открылся там, а не в понравившемся ему Красноярске.

Красноярск в XIX в. являлся крупным культурным центром Восточной Сибири. «В пределах Восточной Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством» (Karchaeva et al., 2017: 88). Местное образованное общество, согласно воспоминаниям Л.Ф. Пантелеева, состояло тогда в основном из чиновников. Политических ссыльных, в частности поляков, воспринимали здесь как высококультурный элемент. Поэтому их брали на поруки. Золотопромышленники устраивали их на работу, доктора из политссыльных занимались медицинской практикой, хотя это было запрещено. Все дамы красноярского света, включая и жену губернатора Замятина, были частыми гостями Пантелеевых. Местную элиту составляли полицмейстер, начальник телеграфной станции, бухгалтер банка, прокурор, советник, заведовавший экспедицией по ссыльным, золотопромышленники Безносиков и Шипилин. Вся эта компания даже по сибирским меркам имела особое пристрастие к выпивке и картам. Губернатор Енисейской губернии П.Н. Замятин, по свидетельству Пантелеева, был человеком недалеким, взбалмошным, но не злым. С ним иногда происходили курьезные случаи. Так он отдал приказ, согласно которому все французы, сосланные по делу польского восстания должны были быть высланы из Красноярска, так как они якобы угрожали женской добродетели. Из Иркутска был послан запрос по этому делу и приказ был отменен (Пантелеев, 1958: 564). Однако не всё так безрадостно было в красноярском обществе. Енисейский вице-губернатор И.А. Малахов, являясь человеком образованным и вдумчивым, постоянно интересовался всеми научными и литературными новостями. Он не только прочитал популярную в то время книгу И.М. Сеченова «Рефлексы», но и руководствовался идеями ученого в жизни. Являясь человеком безукоризненной честности, Малахов постоянно находился в конфликте с губернатором (Пантелеев, 1958: 526).

Более унылой, тоскливой и скучной в культурном плане была жизнь уездных сибирских городов. О ней вспоминал Л.Ф. Пантелеев, который из Красноярска был переведен в Енисейск. Там он поступил на службу к золотопромышленнику Базилевскому. Город жил своей замкнутой жизнью. Новости о России узнавали из газет. О монотонной жизни Енисейска писал в своих воспоминаниях и историк А.Л. Яворский. «Единственным постоянным просветительским учреждением были библиотека и музей. Но грамотных было мало. В музей ходили мало, хотя был он на базарной площади» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 1). «Событием для культурной жизни города, которые потом долго обсуждались, были различные гастролы, будь то цирковое представление или всегда имевшая шумный успех капелла Славянского. В г. Енисейске жил единственный живописец – Бутусин, который писал иконы, за что его называли «богомозом» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 3). Ничем не выделялась и жизнь провинциального Канска. Историк и писатель В.И. Вагин писал, что это самый обыкновенный сибирский город. В городе существовал единственный оркестр, которым управлял еврей Янкель – единственная скрипка в городе. Ему помогали три дочери: «одна из его дочерей гудела на контрабасе, другая брэнчала на цымбале, а третья изо всех сил била в бубен. Оркестр был довольно своеобразен. Нельзя сказать, чтобы он был и слишком строен, но за неимением, не только лучшего, но и никакого другого. И этот годился» (ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 12. Л. 4). Свидетельства российской и сибирской интеллигенции о культурной жизни региона не противоречат друг другу. Художественная жизнь уездных городов Сибири во многом была ориентирована на культурный опыт губернских центров. Находясь под их культурным влиянием, она вместе с ними образовывала единый культурный регион, который испытывал постоянное непосредственное и опосредованное влияние культурных процессов, происходивших в столицах.

Местному населению было легче приспособиться к суровым условиям сибирской жизни, тяжелее переносили свое вынужденное пребывание в Сибири политические ссыльные. К ссыльным горожане относились лояльно, но сама по себе жизнь на приисках была очень тяжелой. Политические страдали от «жуткой тоски» и безысходности. Мужчины служили в конторе, женщины учили грамоте местных детей, чтобы хоть как-то занять себя (Пантелеев, 1958: 601). О тяжелой доле политических ссыльных писал в своих воспоминаниях В. Шишков. Жили они колониями в деревнях. Двое из знакомых ему ссыльных женились на дочерях местных торговцев, они ездили по тайге и обирали тунгусов, оправдывая это тем, что без дела жить скучно (Воспоминания, 1987: 20). С. Швецов так же в своей книге указывал на то, что «ссыльные за разные преступления... большей частью живут очень бедно, перебиваясь кое-как, но часть их занимается также земледелием и скотоводством» (Швецов, 1909: 40).

Сибирская действительность часто ломала людей, не все могли приспособиться к её суровым условиям. Не выдержав столкновения с реальной жизнью, многие, забыв о своих убеждениях, из-за которых и попали в Сибирь, опускались на самое ее дно. В 80-х годах этапом в качестве ссыльного через всю Сибирь прошел В.Г. Короленко. Будучи талантливым писателем в своих произведениях,

дневниках, письмах, он создал обобщенные образы жителей Сибири. Это, например, Макар – русский переселенец, у которого жил писатель. Покорность судьбе и неверие в какие-либо разумные перемены постепенно опустили его до уровня одичания и заброшенности. Чиновники, приехавшие из России для выполнения государственных обязанностей, на деле обустроивали свои личные дела. Работник Степан, проживший в Сибири 15 лет и пахарь Тимоха, тяжёлая работа которых делала их жизнь невыносимо трудной, а осознание того, что это навсегда лишало её смысла. Сибирь подавляла писателя своей грандиозностью и суровостью. По его образному выражению напоминала она огромный гроб, в котором предстояло остаться навсегда. Состояние хронической депрессии, в котором оказывались люди, высланные в Сибирь, порой толкало их на неадекватные поступки. Всех поселенцев буквально поразил слух о том, что ссыльный Багин задушил свою жену, а затем отравился сам. Ссыльный Павлов закончил жизнь самоубийством оставив записку: «умер от тоски и нечего неделывания». Раздоры и тюремные дразги росли среди польских повстанцев, нравы их постепенно падали (Короленко, 1985: 288). Самого писателя от «нечего неделывания» спасла работа. Своему брату в Глазов он писал: «Итак – я выучился пахать, боронить, косить и даже жать... У меня имеется конь. ...Кроме этих занятий промышляем ещё и в тайге зайцев» (Короленко, 1935: 171-173). Кроме того он обучал грамоте местных детей, записывал якутские песни, на всех станциях, которые проезжал, собирал сведения о сибирских жителях, их имущественном состоянии, вел активную переписку с российскими журналами. Как видим, спасение от тоски и следовавшего за ней пьянства все-таки было, но не все сумели им воспользоваться.

Отличие в этических и эстетических представлениях у жителей России и Сибири проложило в сознании людей довольно чёткую грань между двумя регионами. То, что нормальным и естественным считалось в России, не всегда принималось в Сибири, и наоборот. Например, немалое удивление у Пантелеева вызвал существовавший в Сибири обычай совершенно бесплатно давать тарантас для переезда из города в город. Полагаясь на честность путешественников, сибиряки верили, что тарантас вернётся назад с кем-нибудь из проезжающих. И такая практика была в Сибири повсеместно. «Нравы чудесные» и «традиции добрые» сибиряков в этом плане поразили и А.П. Чехова во время его путешествия на Сахалин. Он никогда не слышал, чтобы в дороге у проезжающих что-либо украли. В заметках «Из Сибири», в письмах к А.С. Суворину, А.Н. Плещееву, М.В. Киселевой он отмечал, что о грабежах на дорогах в Сибири не принято даже говорить.

Зато манера общения сибиряков поражала европейцев неприятно. «Непечатная брань просто заполняла воздух». «Без неё, казалось, сибиряк не мог выговорить двух слов». «Въезжая в сибирскую деревню, надо плотно затыкать уши» (Пантелеев, 1958: 443). Страшное сибирское «чтоб тебя язвило» слышалось повсюду – писал в своих воспоминаниях Л. Пантелеев (Пантелеев, 1958: 616). Чехов так же отмечал, что речь сибиряков и речью-то назвать нельзя. Все ругаются не просто, а «ругаются нестерпимо». «Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имевшие целью оскорбить и осквернить человека во всём, что ему свято, дорого и любо!» (Чехов, 1987: 12).

Разными были представления о жизни у россиян и сибиряков и проявлялись они во многом. Например, в определенной независимости и самостоятельности местной администрации. В своих воспоминаниях Пантелеев описывает эпизод столкновения сопровождавших его жандармов и местного полицмейстера. Когда жандармы стали ссылаться на авторитет генерала Трепова, то получили такой ответ: «А мне какое дело до вашего Трепова; это для вас он всё, а я его и знать не знаю» (Пантелеев, 1958: 424). Множественные высказывания представителей российской интеллигенции о сибирском народе позволяют выделить особенности его характера. Писатель Г. Успенский отмечал самостоятельность сибирского крестьянина, гордость сибирского мужика. А.П. Чехов в своих письмах писал, что здесь «народ все более независимый, самостоятельный» (Чехов, 1987: 349). В.Л. Ленин, находясь в Шушенской ссылке и близко общаясь с сибирским народом, в статье «Крепостники за работой» отмечал: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «русского» и к работе из-под палки мало приучен» (Ленин, 1967: 79). Гордость, независимость, чувство собственного достоинства были присущи сибирскому народу. Именно на эти качества опирался Г.Н. Потанин, когда прилагая немалые усилия, способствовал формированию сибирской интеллигенции, видя в ней силу необходимую для становления культуры края.

Прослеживаются различия между сибиряками и россиянами XIX в. и в бытовых мелочах. По дороге в Томск, указывая машинисту парохода на грязь, Пантелеев получил такой ответ: «Здесь не Россия, а Сибирь. Главная забота, чтобы скорее делать рейс, зимой успеем всё перечистить». Удивительным для него было и то, что во главе приисковой партии, ехавшей до Томска, стоял бывший содержатель постоялого двора в Тюмени, то есть человек, не имевший никакого технического образования. В городе все играли в «стукалку», «даже девочки, лет пятнадцати, считали её самым приятным времяпрепровождением» (Пантелеев, 1958: 435). Такой низкий уровень общего развития, когда азартные игры могли заменить собой все духовные потребности, неприятно поразили Пантелеева.

Низкий уровень развития культуры в целом и полное отсутствие в ней духовного начала отмечал и А.П. Чехов, анализируя быт сибиряков. Незрелость эстетического чувства у местного населения писатель связывал с суровыми климатическими условиями. Если человеку круглый год приходится бороться со стихией и надрываться от тяжелого труда, то сил для творчества у него не остается. «Народ

здесь в Сибири темный, бесталаный... живется им скучно, спрос на художников большой, но бог не дает художников...». Далее писатель спрашивал: «Куда уж тут рисовать? Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец...» (Чехов, 1987: 14). Сидя часами на станциях в ожидании лошадей или пережидая непогоду, Чехов знакомился с различными представителями сибирского народа. Ожидая лодку в Красном Яре, он побеседовал с Петром Петровичем, который вместе с братом пашет землю, торгует скотом, возит вольных и имеет полный достаток и даже излишки. Но болит у него душа за «тёмный» и «бесталаный» сибирский народ, который только землю пашет и вольных возит и ничего больше не умеет. «Даже рыбы ловить не умеет». И живет народ за счёт того, что везут из России: «и полушубки, и ситец, и посуду и гвозди». Живет народ скучно, хотя «сердце имеет мягкое» (Чехов, 1987: 22). На фоне бездорожья, удручающей грязи тракторов и постоялых дворов, нестерпимой брани ямщиков удивительным диссонансом выглядела изба вольного ямщика. Приятно поразила писателя чистая, светлая, просторная горница. С удовлетворением он отметил, что всё-таки тянется к свету душа сибирского человека и живёт в ней чувство прекрасного, хотя даже «немудрёная живопись», украшающая стены избы и печь принадлежит ссыльному, а не местному жителю (Чехов, 1987: 14). Антон Павлович не встретил в Сибири ни романтиков, ни поэтов, но верил, что со временем они появятся, и вдохновит их на творчество природа, «которая со временем будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов, природа оригинальная, величавая и прекрасная» (Чехов, 1987: 35). Другой вдохновляющей силой, по мнению писателя, могла стать женщина. Но женщины в Сибири как он считал, были неинтересны и скучны и в силу этого не способны «вдохновлять, возбуждать к высокой деятельности». И выходит, что трудно сибирскому интеллигенту было соответствовать своему статусу: оценить красоту природы он не мог в силу неразвитости эстетического вкуса, и в лице женщины он не находит идеала способного вдохновить на творчество. Практическое же отсутствие высших учебных заведений служило препятствием для его интеллектуального развития.

Известный географ и исследователь В. Семенов-Тянь-Шанский в своих отчетах об экспедиции 1895 г. писал: «Характерные черты коренного сибиряка – это отсутствие религиозности и каких-либо поэтических склонностей; жалкие остатки последних сохранились разве только в любви к домашним растениям, лубочным картинкам, расписным дугам, печкам и дверям». (Семенов-Тянь-Шанский, 1998: 185). К таким же выводам приходит и С. Швецов, который в своей книге указывает, что «церквей в Сибири по деревням мало: на каждую волость одна, две церкви, редко больше. Сибиряки не очень прилежны к церкви... многие держатся старой веры» (Швецов, 1909: 41). Отсутствие поэтических склонностей у сибирского народа отмечает и писатель, этнограф А. Щапов, который блестяще закончил Казанскую духовную академию, после чего был избран профессором кафедры русской истории в Казанском университете. Можно сказать, что в своем лице он представлял и сибирскую и российскую интеллигенцию. Занимаясь этнографией региона «отец сибирского областничества» писал: «Поэтического чувства у него (сибиряка) нет совершенно. Сибирское население менее способно или склонно к эпическому творчеству, к идеалистической поэзии, чем великорусский народ». Далее он писал о том, что даже песни, пришедшие в Сибирь из России «искажены вставками, припевками, утратили задушевность и глубину чувства». К этому же мнению об отсутствии поэтического начала у сибиряков, пришел в ходе своего исследования и этнограф-славист П.А. Ровинский (Азадовский, 1988: 243-244). Как видим, Сибирь XIX в. представляла собой самостоятельный социокультурный регион, с совершенно другим укладом жизни, совсем не таким, к которому привыкли жители европейской части России. И поэтому «все в ней им не нравится, все не так: и люди не такие, и порядки не те, к которым они привыкли дома, и погода другая, и земля иная, – все чужое, незнакомое, не ласковое» (Швецов, 1909: 42). И требовалось немало времени, чтобы понять Сибирь, привыкнуть к ней, и может даже полюбить ее. Сведения о жизни сибирского народа, полученные в ходе анализа предложенных источников, представляют особую ценность, так как «местная интеллигенция происходила в основном из народа. В 1880-1890-е гг. она только начинает формироваться и складываться в определенный общественный слой и единственным источником ее формирования мог быть только народ» (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 975). Сибирская интеллигенция была близка с народом и являлась носителем его мироощущения и эстетических понятий. Такого глубокого непонимания как в России между интеллигенцией и народом в Сибири не было. И поэтому местную интеллигенцию справедливо можно назвать выразительницей чаяний и стремлений народных.

Многочисленные грани сибирской жизни нашли свое отражение в произведениях В. Шишкова, основанных в большинстве случаев на реальных событиях. Рассказы о жизни золотопромышленников Енисейской тайги потомка енисейских купцов Н.Е. Матонина подтолкнули писателя к созданию самого грандиозного своего произведения романа «Угрюм-река», который можно рассматривать как своеобразный итог многолетних наблюдений и размышлений автора о сибирской жизни. И хотя действие происходит в основном в Восточной Сибири, роман носит обобщающий характер, воссоздавая на своих страницах характерный для сибиряков жизненный уклад. Проследив судьбу главного героя романа Прохора Громова, читатель знакомится с разными людьми, живущими в Сибири. Это ее коренные жители – тунгусы, с их уникальной и экзотической для европейского читателя культурой. Это и политические ссыльные, с которыми знакомится Прохор. Один из них представляется ему как фармацевт, другой – как бухгалтер, третий – как юрист (Шишков, 1982: 63). Среди них были студенты. Опытные техники, механики (Шишков, 1982: 539). Эти данные дают представление о социальном составе

политических ссыльных. Об их судьбе в Сибири рассуждает в романе царский преступник Шапошников: одни «батрачат у крестьян, стойко переносят все тяготы ссылки, не порывают с революционной работой, следят за событиями в стране, читают, организуют кружки самообразования, иные даже бегут на волю» (Шишков, 1982: 263). Другие постепенно спиваются и деградируют как и сам Шапошников. На страницах романа читатель знакомится со старожилами, которые переселились в Сибирь еще при царе Алексее Тишайшем, с беглыми от крепостного права и от солдатчины, с осевшими здесь казаками, что осваивали когда-то сибирские земли (Шишков, 1982: 74). Роман, написанный ярким, самобытным языком явился для европейского читателя прекрасным источником информации о культурной жизни сибирского региона.

5. Заключение

Любопытство и страх, порожденный неизвестностью, вызвала Сибирь у европейского жителя России. Она и манила к себе отчаянных авантюристов, стремившихся разом изменить свою судьбу, и отпугивала своей суровостью и грандиозностью людей нерешительных и осторожных. Отсутствие достоверных сведений о сибирском жизненном укладе не способствовало установлению более тесных культурных контактов между двумя регионами. Более или менее объективную картину жизни Сибири XIX в. помогают составить свидетельства российской интеллигенции, которая являлась коммуникативной нитью, связывающей регионы между собой. Анализируя воспоминания, письма и дневники представителей интеллигенции России необходимо учитывать, что их авторы имели в Сибири разный круг и среду общения и соответственно выносили из этого разные впечатления, влиявшие на их общее восприятие региона. Однако дополняя друг друга, эти документальные источники позволяют составить относительно полную картину жизни сибиряков. Поэтому свидетельства российской интеллигенции о жизни Сибири XIX в., безусловно, являются важнейшим источником для понимания социально-культурных процессов, которые происходили в регионе.

Литература

- Азадовский, 1928 – Азадовский М.К. Сибирский литературно-краеведческий сборник № 1. Иркутск, 1928. 122 с.
- Азадовский, 1988 – Азадовский М.К. Сибирские страницы: Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988. 336 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Зверев, Дружинина, 2013 – Зверев В.А., Дружинина Ю.В. Сельская интеллигенция Западной Сибири в конце XIX – начале XX века: динамика численности и профессиональной структуры // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12. Вып. 8. С. 89–98.
- Короленко, 1926 – Короленко В.Г. Дневник. 1893–1894. Т. 2. Киев, 1926. 352 с.
- Короленко, 1935 – Короленко В.Г. Письма из тюрем и ссылок : 1879–1885 / под ред. и с примеч. В.Г. Короленко и А.Л. Кривинской. Горький, 1935. 210 с.
- Короленко, 1985 – Короленко В.Г. История моего современника. Т. 3–4. М., 1985. 704 с.
- Короленко, 1987 – Короленко В.Г. . М., 1987. 512 с.
- Курышов, 2011 – Курышов А.М. «Ученый-сибиряк» С.П. Швецов и его научное наследие // *Историко-экономические исследования*. 2011. Т. 12. № 3. С. 103–113.
- Ленин, 1967 – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1967.
- Очерки, 1982 – Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1982. 606 с.
- Пантелеев, 1958 – Пантелеев Л.Ф. Воспоминания / Л.Ф. Пантелеев. М., 1958. 848 с.
- Переписка А.П. Чехова – Переписка А.П. Чехова. В 2 тт. Т.1. М.: Худож. лит-ра, 1984.
- Резун, Шиловский, 2005 – Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начала XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.
- Русские писатели... – Русские писатели: библиографический словарь. Ч. 2. М.: Просвещение, 1990. 874 с.
- Самойлова, 2006 – Самойлова Е.В. Роль интеллигенции в развитии социокультурного пространства губернских городов Западной Сибири во второй половине XIX века // *Известия Челябинского научного центра*. 2006. № 4 (34). С. 148–152.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1998 – Семенов-Тянь-Шанский В.П. Сибирская деревня // *Иртышский ветроград : сборник. Эссе, документы, воспоминания, хроника, рассказы, стихи*. М., 1998. С. 185–212.
- Чехов, 1976 – Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 4. М., 1976.
- Чехов, 1984 – Переписка А.П. Чехова в 2 т. Т.1. М., 1984. 447 с.
- Чехов, 1987 – Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. / А.П. Чехов. Т. 14-15. М.: Наука, 1987.
- Швецов, 1909 – Швецов С.П. Сибирь. Кто в ней живет и как живет. СПб., 1909. 64 с.
- Шиловский, 2004 – Шиловский М.В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX – начале XX в. // *Города Сибири XVII – начала XX века : сб. научн. ст.* Барнаул, 2004. С. 88–101.

- Шишков, 1987** – Шишков В.Я. Впечатления о Сибири // Воспоминания о В. Шишкове : сборник / сост. Н.Н. Яновский. М., 1987. 400 с.
- Яновский, 1987** – Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников : сборник / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1987. 389 с.
- Finkel, 2003** – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. // *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589-613.
- Gentes, 2003** – Gentes A. (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. // *Sibirica*, Vol. 3 (1), pp. 3–20.
- Graber, Murray, 2015** – Graber K.E., Murray J.D. (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. // *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. // *Bylye Gody*. 2015. 38 (4): 972-981.
- Karchaeva et al., 2017** – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D. Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. // *Bylye Gody*. 2017. 43 (1): 86-93.
- Pereira, 1993** – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*, 1993, Vol. 20. Is. 4. pp. 163-178.

References

- Azadovskij, 1928** – Azadovskij M.K. (1928). Sibirskij literaturno-kraevedcheskij sbornik № 1 [Siberian literary-local history collection No. 1]. Irkutsk. 122 p. [in Russian]
- Azadovskij, 1988** – Azadovskij M.K. (1988). Sibirskie stranicy: Stat'i, recenzii, pis'ma [Siberian pages: Articles, reviews, letters]. Irkutsk. 336 p. [in Russian]
- Chehov, 1976** – Chehov A.P. (1976). Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. [Complete works and letters in 30 vol.]. Vol. 4. Moscow. [in Russian]
- Chehov, 1987** – Chehov A.P. (1987). Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. [Complete works and letters in 30 vol.]. Moscow, 1987. Vol. 14–15. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk region].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region].
- Janovskij, 1987** – Vjacheslav Shishkov v vospominanijah sovremennikov: sbornik / sost. N.N. Janovskij [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of contemporaries: a collection / compiled N.N. Yanovsky]. Novosibirsk, 1987. 389 p. [in Russian]
- Korolenko, 1926** – Korolenko V.G. (1926). Dnevnik. 1893–1894 [Diary. 1893 Russkie pisateli 1894]. Vol. 2. Kiev. 352 p. [in Russian]
- Korolenko, 1935** – Korolenko V.G. (1935). Pis'ma iz tjurem i ssylok: 1879–1885 / pod red. i s primech. V.G. Korolenko i A.L. Krivinskoj [Letters from prison and exile: 1879–1885 : edited and with notes by V.G. Korolenko, and A.L. Krepinskiy]. Gor'kij. 210 p. [in Russian]
- Korolenko, 1985** – Korolenko V.G. (1985). Istorija moego sovremennika [The history of my contemporary]. Vol.3-4. Moscow. 704 p. [in Russian]
- Korolenko, 1987** – Korolenko V.G. (1987). Sibirskie rasskazy i ocherki [Siberian stories]. Moscow, 512 p. [in Russian]
- Kuryshov, 2011** – Kuryshov A.M. (2011). «Uchenyj-sibirjak» S.P. Shvecov i ego nauchnoe nasledie ["Scientist-Siberian" S.P. Shvetsov and his scientific legacy]. *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*. V. 12. No. 3. pp. 103-113. [in Russian]
- Lenin, 1967** – Lenin V.I. (1967). Poln. sobr. soch. [Complete works]. Vol. 5. Moscow. [in Russian]
- Ocherki, 1982** – Ocherki russoj literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. V. 1. Novosibirsk, 1982. 606 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – Panteleev L.F. Vospominanija [Memories]. Moscow, 1958. 848 p. [in Russian]
- Perepiska, 1984** – Perepiska A.P. Chehova v 2 t. T.1 [Correspondence of A.P. Chekhov in 2 volumes. Vol.1]. M., 1984. 447 p. [in Russian]
- Perepiska...** – Perepiska A.P. Chehova [Correspondence of A.P. Chekhov]. V 2 tt. T.1. Moscow, 1984. [in Russian]
- Rezun, Shilovskij, 2005** – Rezun D.Ja., Shilovskij M.V. (2005). Sibir', konec XVI – nachala XX veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov [Siberia late XVI – early XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk. 193 p. [in Russian]
- Russkie pisateli...** – Russkie pisateli: bibliograficheskij slovar'. Ch. 2 [Russian writers: a bibliographical dictionary. Part 2]. Moscow, 1990. 874 p. [in Russian]
- Samojlova, 2006** – Samojlova E.V. (2006). Rol' intelligencii v razvitii sociokul'turnogo prostranstva gubernskih gorodov Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka [The role of intellectuals in the development of socio-cultural space of the provincial cities of Western Siberia in the second half of the XIX century]. *Izvestija Cheljabinskogo nauchnogo centra*. No. 4 (34). pp. 148–152. [in Russian]

- Semenov-Tjan-Shanskij, 1998** – *Semenov-Tjan-Shanskij V.P.* (1998). Sibirskaja derevnja [Siberian village]. Irtyshskij vetrograd: sbornik. Jesse, dokumenty, vospominanija, hronika, rasskazy, stihi. Moscow. pp. 185–212. [in Russian]
- Shilovskij, 2004** – *Shilovskij M.V.* (2004). Povsednevnaia sreda obitanija gorodskoj intelligencii Sibiri v XIX – nachale XX v. [Everyday living environment of the urban intelligentsia of Siberia in the XIX – early XX century]. *Goroda Sibiri XVII – nachala XX veka* : sb. nauchn. st. Barnaul. pp. 88–101. [in Russian]
- Shishkov, 1987** – *Shishkov V.Ja.* (1987). Vpechatlenija o Sibiri. Vospominanija o V. Shishkove: sbornik / sost. N.N. Janovskij [Impressions of Siberia, memories of V. Shishkova: a collection. Compiled N.N. Yanovsky]. Moscow. 400 p. [in Russian]
- Shvecov, 1909** – *Shvecov S.P.* (1909). Sibir'. Kto v nej zhivet i kak zhivet. SPb., 64 p. [in Russian]
- Zverev, Druzhinina, 2013** – *Zverev V.A., Druzhinina Ju.V.* (2013). Sel'skaja intelligencija Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX veka: dinamika chislennosti i professional'noj struktury [Rural intelligentsia of the Western Siberia in the late XIX – early XX century: the population dynamics and occupational structure]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. Vol. 12. Is. 8. pp. 89–98. [in Russian]
- Finkel, 2003** – *Finkel S.* (2003). Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. Vol. 62. Is. 4. pp. 589–613.
- Gentes, 2003** – *Gentes A.* (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*, Vol. 3 (1), pp. 3–20.
- Graber, Murray, 2015** – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38 (4): 972–981.
- Karchaeva et al., 2017** – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severjanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 2017. 43 (1): 86–93.
- Pereira, 1993** – *Pereira N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*. Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.

УДК 93/94

Сибирь XIX века глазами российской интеллигенции

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Сергей Тихонович Гайдин ^b, Григорий Александрович Реут ^b

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности восприятия Сибири XIX в. представителями российской интеллигенции. Рассмотрены цели её пребывания в Сибири и контакты с различными представителями местного населения. Показаны специфические черты жизни губернских и провинциальных уездных городов Сибири. Закономерности, выявленные в ходе анализа источников, оставленных российской интеллигенцией позволяют говорить об общности социально-культурных процессов, происходивших в сибирском регионе и центральной России в XIX в. А так же обосновать зависимость этих процессов от изменений, протекавших в культурной жизни России. В ходе сравнительного анализа дневников, путевых заметок, писем Л.Ф. Пантелеева, А.П. Чехова, В.Я. Шишкова, В.Г. Короленко, С.П. Швецова выявлены различия и общие черты в их восприятии отдельных сторон жизни сибиряков. Различия в восприятии культурной жизни региона представителями российской интеллигенции были обусловлены причинами, по которым они попадали в Сибирь, а так же во многом тем, с какими представителями сибирского населения им приходилось общаться. В статье показаны отличительные черты в этическом и эстетическом восприятии действительности между российским населением и сибиряками. Отмечены такие специфические стороны характера сибирского народа как гордость, независимость, фактическое отсутствие чувства религиозности, неразвитость эстетической способности восприятия мира. Важность этих наблюдений, проделанных российской интеллигенцией, обусловлена тем, что местная интеллигенция в основном происходила из народа, а значит и унаследовала специфические черты его характера, что повлияло в свою очередь на систему культурных ценностей, создаваемых ею.

Ключевые слова: интеллигенция, культура, Россия, Сибирь, А.П. Чехов, В.Я. Шишков, В.Г. Короленко, Л.Ф. Пантелеев, С.П. Швецов.

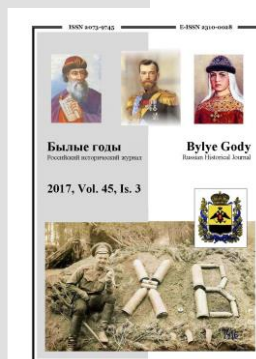
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), kaf.history@mail.ru (С.Т. Гайдин)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 821-835, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.821
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders

Evgeniy F. Krinko ^{a, b, *}, Sergey J. Suschiy ^{a, b}, Anvar M. Mamadaliev ^{c, d}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Institute of Social-Economic research and humanities of Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Russian Federation

^c International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

The Caucasian War resulted in particular negative demographic consequences. However, the dynamics of the population of the North Caucasus was influenced not only by military operations, but also by other factors. Military actions are not considered a demographic catastrophe for the highlanders; many of them retained their strength and military potential. Childhood supermortality remained the central factor of the increased demographic decline of the highlanders throughout the century. Significant changes in the size and composition of the region's population occurred after the war. They were caused by the resettlement of some highlanders into the Ottoman Empire and the settlement of these territories by representatives of other peoples.

There is no reliable statistics on the population of the North Caucasus during the Caucasian War. The article is based on the data from various researchers on the losses of the population and the Russian army during the Caucasian War, as well as the materials of the First All-Russian Population Census, 1897.

Keywords: Caucasian war, military losses, highlanders of the North Caucasus, demographic statistics, ethno-demographic processes, mahajirism.

1. Введение

Демографические аспекты истории Северного Кавказа в XIX в. давно привлекали внимание исследователей. Однако сколько-нибудь надежные статистические данные о численности различных этнических и социальных групп населения региона появились только в конце XIX в. Именно завершение Кавказской войны и включение горских сообществ в состав Российской империи позволили организовать систему учета местного населения. Поэтому исследователи этнодемографических процессов в предыдущие периоды вынуждены, помимо статистики населения (заведомо фрагментарной и противоречивой) использовать косвенные источники демографической информации и прибегать к серьезным допущениям, позволяющим хотя бы в общем виде реконструировать динамику численности народов региона.

Первые оценки численности народов Северного Кавказа в XIX в. были даны современниками и участниками Кавказской войны, не имевшими в своем распоряжении достоверных свидетельств. Среди советских и российских исследователей выделим работы Н.Г. Волковой, посвященные демографии Северного Кавказа XVIII–XIX вв. (Волкова, 1974) и В.М. Кабузана (Кабузан, 1996а), рассчитавшего динамику ведущих народов региона с конца XVIII в. Изменения численности чеченцев и ингушей в XIX в. детально проанализированы С. Максудовым (Максудов, 2010). Численность населения Дагестана после Кавказской войны исследовали М.А. Ибрагимов (Ибрагимов,

* Corresponding author

E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko), anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

1981) и М.О. Османов (Османов, 1974). Повышенной дискусионностью отличается проблема численности черкесских племен, которой посвящены работы А.Х. Бижева (Бижев, 1994), З.Б. Кипкеевой (Кипкеева, 2008), С.Г. Кудавой (Кудавая, 2014) и других авторов. Потери русской армии в Кавказской войне впервые систематизировал А.Л. Гизетти (Гизетти, 1901). В настоящее время эти вопросы анализируют и другие исследователи (Cherkasov et al., 2017 и др.). Тем не менее, рассматриваемая проблема по-прежнему включает в себе множество «белых пятен».

2. Материалы и методы

Статья основана на разнообразных источниках информации, характеризующих различные аспекты демографии народов Северного Кавказа XIX в.: динамику их численности, показатели естественного воспроизводства, гендерно-возрастную структуру. Это оценки специалистов-демографов, статистические данные, собранные современниками Кавказской войны, материалы первой всероссийской переписи населения 1897 г. Поскольку со стороны горцев воевала не регулярная армия, а, по сути, народное ополчение, прямые военные потери приходится не отдельную социопрофессиональную группу, а в той или иной степени на все мужское население в возрасте от 15–17 до 45–50 лет. Тем самым, в задачи исследования входила оценка динамики численности данной военнообязанной части населения горских сообществ, а также их общего демографического потенциала на различных этапах Кавказской войны. Принимая в расчет фрагментарность и противоречивость информации о боевых потерях горцев, для сравнительного изучения привлекались аналогичные материалы по русской армии (Гизетти, 1901). При анализе собранной эмпирической информации использовались общенаучные методы логического анализа, источниковедческий метод работы с историческими источниками, а также статистические методы анализа количественных данных. Собранные сведения систематизировались и обобщались в виде таблиц и диаграмм.

3. Обсуждение и результаты

Хронологические рамки Кавказской войны – предмет научной дискуссии. Одни авторы считают началом войны конец XVIII в., другие – 1801 г., третьи – 1817 г. Есть и те, кто выделяет в ее хронологических рамках несколько «кавказских войн». В нашем исследовании логично взять за отправную точку анализа начало XIX в., которое отделяет от периода более активных боевых действий полтора относительно «мирных» десятилетия. Наиболее детализированную оценку численности народов Северного Кавказа на рубеже XVIII–XIX вв. дал В.М. Кабузан, на основе значительного массива архивных данных рассчитавший количественную динамику ведущих народов региона (табл. 1)

Таблица 1. Динамика численности отдельных кавказских этнокультурных сообществ в XIX в. (тыс. чел.) (Кабузан, 1996а: 210–215)

Национальные сообщества	Годы				
	1795	1834	1858	1867	1897
Сообщества Западного и Центрального Кавказа					
адыгейцы	500,0	571,0	573,0	44,4	41,4
балкарцы	10,2	4,0	8,9	11,0	23,2
кабардинцы	12,0	47,0	51,0	66,6	99,0
карачаевцы	3,6	24,0	24,0	17,0	26,9
осетины	26,6	37,4	43,0	52,0	96,5
Сообщества Восточного Кавказа					
чеченцы	118,0	190,0	190,0	143,6	223,2
ингуши	11,1	28,0	28,0	24,4	46,2
аварцы	140,0	161,9	46,0	128,9	172,7
даргинцы	120,0	140,0	131,0	83,1	121,3
лакцы	20,0	30,0	41,9	43,7	75,9
лезгины	56,0	69,3	88,2	89,8	94,2
кумыки	***	49,8	64,5	71,1	82,3
табасаранцы	20,0	27,3	30,0	15,4	29,0
дагестанцы в целом	Ок. 400	478,3	401,6	432	575,4

Однако приводимые данные нередко являются приблизительными, а то и ошибочными. Очевидно, что численность кабардинцев в рассматриваемом временном интервале не могла вырасти в 4, а карачаевцев – в 6,5 раз. Невероятны и более «скромные» показатели демографического роста вайнахов (2,5-кратный рост ингушей и 60-процентный – чеченцев). С другой стороны, нереально низкой представляется численность аварцев в 1858 г. Констатируя необходимость дальнейших исследований проблемы, необходимо понимать серьезную ограниченность любых возможных расчетов, способных дополнить и скорректировать результаты В.М. Кабузана. Множественные

количественные оценки внешних наблюдателей всегда отличались приблизительностью и существенно различались. Достаточно привести данные о численности отдельных черкесских племен во второй четверти XIX в. (табл. 2).

Таблица 2. Численность отдельных черкесских племен (тыс. чел.) (сост. по: Гарданов, 2004: 256)

Племена	П. Зубов, первая треть XIX в.	Г. Новицкий, 1830-е гг.	Ф. Торнау, 1830 г.	И. Бларамберг, 1834 г.	С. Хан-Гирей, 1836 г.	К. Кох, 1838 г.	К. Сталь, 1840– 1850-е гг.	Кратность оценок (раз)
Шапсуги	54	300	300	200	77	210	160	5,5
Абдзехи	76	260	160	160	62	200	50	5,2
Натухайцы	62	240	-	60	49,1	50	20	12
Темиргоевцы	23	80	9	11,8	6,7	11,5	8,2	11,9
Бесленевцы	6,5	70	8	25	8,2	25	5,1	13,7
Бжедуги	11,8	60	6	9,6	13,4	20	4	15
Убыхи	-	40	-	-	-	-	-	-
Хатукаевцы	12	20	5	8	3,6	3	6,5	6,7
Мамхеговцы				5			3,4	1,5
Егерукаевцы				2,5			5,0	2,0
Махашевцы			2,5	5	2,4	8	5	3,3
Кабардинцы			5	15	42,2	43	45,3	8,1
Всего	245,3	1070	495,1	501,2	265,1	575,5	307,5	4,4

Амплитуда оценок численности отдельных черкесских сообществ, данных современниками, столь многократно, что делает практически невыполнимой задачу достоверной реконструкции на их основе динамики отдельных сообществ и всего черкесского населения Северо-Западного Кавказа первой половины XIX в. Тем не менее, данная статистика активно используется в современных публикациях, позволяя авторам получать результаты, соответствующие их предположениям, вытекающим из тех или иных теорий. Во многом схожа ситуация и в демографической статистике горских сообществ Северо-Восточного Кавказа XIX в.

Несмотря на приблизительность существующих оценок демографической динамики народов Северного Кавказа, они позволяют хотя бы в самом общем виде проанализировать влияние военных действий на численность отдельных национальных сообществ региона. Такой анализ предполагает наличие информации об основных параметрах естественного воспроизводства – уровне рождаемости населения, структуре и соотношении основных причин его смертности. Достаточно точное представление о данных показателях дает первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Она зафиксировала сохранение у всех народов региона к концу XIX в. традиционного типа демографического воспроизводства, характерного для них и в предыдущие периоды развития. Для этого типа была свойственна ранняя брачность почти всего женского населения и его предельно высокая (на верхнем пределе физиологических возможностей) репродуктивная активность и повышенная смертность, максимальная у детей до одного года.

Неограниченная планированием рождаемость в традиционных обществах могла достигать 50–60 %. В диапазоне 45–55 % она колебалась в России на всем протяжении XIX в. (Кабузан, 1996b). На том же уровне она находилась и у народов Северного Кавказа. Хотя данный вывод и не всегда подтверждался текущей статистикой, согласно которой, к примеру, среднегодовая рождаемость в Дагестане за 25-летний период (1891–1915) составила только 23,4 %, т.е. была вдвое ниже, чем в Российской империи в целом (Ибрагимов, 1981). Причина была хорошо известна уже дореволюционным исследователям, отмечавшим, что горцами-мусульманами «не ведется ничего подобного нашим метрическим книгам и всякие справки о числе родившихся, о численном составе семьи, принимаются ими за оскорбительную нескромность, нарушающую святость домашних тайн» (Сборник сведений, 1868: 3). Кроме того, из-за очень высокой смертности детей в младенческом возрасте часть рождений просто не фиксировалась. Наконец, имело место сокрытие горцами числа детей, преимущественно мальчиков, из-за слухов о том, что такого рода информация в дальнейшем может использоваться для их призыва в армию (Ибрагимов, 1981).

В этом плане более показательны зафиксированные первой всеобщей переписью населения России данные о возрастной структуре населения различных народов Северного Кавказа (табл. 5). Доля детских и юношеских поколений (0–19 лет) у горских сообществ Северо-Восточного Кавказа в

общей численности их населения (более 40 %) была аналогична или даже несколько выше данного показателя в русских регионах страны (табл. 3).

Таблица 3. Возрастная структура ряда народов и территориальных образований Российской империи, 1897 г. (%) (Первая всеобщая перепись, 1897)

Возрастная группа (число лет)	аварцы*	даргинцы**	чеченцы***	Для сравнения: Архангельская губ.
0	1,4	1,5	2,3	2,6
1–9	22,8	26,2	29,9	18,7
10–19	17,5	16,7	21,0	21,4
20–29	14,7	13,8	16,7	18,2
30–39	12,5	13,3	11,3	12,9
40–49	10,2	9,8	8,3	10,6
50–59	7,5	7,4	5,1	7,5
60–69	6,7	5,4	3,6	5,4
70–79	3,7	2,6	1,1	2,8
80 и старше	3,0	2,0	0,6	0,8
Все население	100	100	100	100

* данные по Аварскому округу Дагестанской области, в котором аварцы составляли 95,8 % населения.

** данные по Даргинскому округу Дагестанской области, в котором даргинцы составляли 91,3 % населения.

*** данные по Грозненскому округу Терской области, в котором чеченцы составляли 89,5 % населения.

Не менее высокой доля ювенальных генераций в конце XIX в. оставалась и в других субрегионах Северного Кавказа, составляя около 50 % у осетин (во Владикавказском округе Терской области) и заметно превышая 40 % у адыгов. Таким образом, все национальные сообщества региона в период Кавказской войны отличались высокой рождаемостью. Но высоким был в это время и уровень смертности. Даже на рубеже XX в. естественный прирост в национальных округах и уездах Северного Кавказа, как правило, не поднимался выше ежегодных 4–6 %, а в периоды крупных эпидемий или годы, следующие за неурожайными сезонами, мог опускаться до нуля или уходить в отрицательную зону. В результате средняя продолжительность жизни горцев оставалась на низком уровне. Показательно, что доля людей старше 50 лет в конце XIX в. составляла у народов Дагестана только 15–20 % их численности, а у чеченцев порядка 10 %. В начале XIX в. данные показатели были еще ниже. Люди, достигшие 50-летнего возраста, могли составлять всего несколько процентов. Самую существенную роль в естественной убыли населения играли младенческая и детская смертность. Еще в первой четверти XX в. «если из 7–8 новорожденных оставались в живых 2–3 ребенка, то горцы были довольны, что судьба благосклонна к ним и что Аллах милостиво обошелся с их детьми, а то мог бы забрать всех» (Ибрагимов, 1981). Форс-мажорные, по меркам современности, причины повышенной смертности (войны, эпидемии, голод), для традиционных сообществ Северного Кавказа являлись постоянными спутниками их жизнедеятельности. А на Северо-Западном Кавказе на численность населения отрицательно влияла работорговля: захваченные во время стычек и набегов представители соседних племен продавались за пределы региона, прежде всего, в Османскую Порту.

В условиях плотного полиэтнического общежития и необходимости жестко отстаивать свои интересы, жизнедеятельность горских сообществ практически всегда была связана с боевыми потерями. Как замечал в «Записках о Черкесии» С. Хан-Гирей, «брат проливал кровь брата, отец не щадил детей. Даже невинные младенцы были безжалостно побиваемы камнями, и женский пол, столь много уважаемый черкесами, в это пагубное время не был щадим. Села пылали и пустыли. Многие княжеские и дворянские фамилии были вовсе истреблены, а другие, покинув свое отечество, искали спасения под чужим небом» (Цит. по: Шеуджен и др., 2004: 78). Сочетание всех перечисленных форм демографических потерь, с одной стороны, определяло непрерывную пульсацию численности населения региональных сообществ, с другой, являлось центральным ограничителем их положительной количественной динамики, не позволяя перейти к устойчивому расширенному демографическому воспроизводству. Как результат, численность населения горских социумов Северного Кавказа на протяжении ряда предыдущих столетий могла сохраняться в определенном диапазоне, снижаясь в периоды социальных катаклизмов.

Кавказская война негативно сказалась на демографической динамике народов региона, хотя роль других факторов сверхсмертности местного населения в этих условиях могла снизиться. появление нового общего врага способствовало сплочению части горских сообществ, что вело к сокращению потерь от междоусобиц. В то же время появились другие причины внутреннего размежевания и вооруженной конфронтации – участие части горцев в Кавказской войне на стороне России, а также силовые, зачастую

откровенно репрессивные методы формирования Имамата, приводившие подчас к не меньшей убыли местного населения, чем действия российской армии. Наглядное представление об особенностях управленческой практики Шамиля дают записи его секретаря Мухаммеда Тахира аль Карахи: «...рассчитавшись с андалальцами, имам обратился к хунзахцам и нанес им тяжелое поражение. Мюриды не щадили своих врагов и убивали без всякого помилования... Аул Чох был взят, разгромлен и сожжен. Осталось только 2–3 сакли... Мюриды разошлись по домам, похоронив на месте до 300 своих праведников и взяв с собой до 1000 своих раненных» (Тахир, 1990: 78).

Таким образом, причины повышенной смертности населения региона в рассматриваемый период были множественны, а ее реальные масштабы менялись от места к месту и существенно колебались во времени. Изменчивой была и сама структура сверхсмертности. Но детализированная пофакторная оценка абсолютных демографических масштабов и расчет их долевого соотношения находятся за пределами возможностей науки, заставляя историков и демографов ориентироваться на выводы и предположения общего характера.

В самостоятельном изучении нуждаются как военные потери горских сообществ, так и жертвы среди мирного населения. Причина максимальной сложности расчета боевых потерь горцев, как уже отмечалось, в полном отсутствии статистического учета, вынуждающем обращаться к фрагментарным и зачастую противоречивым оценкам современников либо заставляющем привлекать для данного анализа соответствующую статистику по боевым потерям российской армии. Помимо сводного справочника А.Л. Гизетти имеются исследования, содержащие детальную информацию по отдельным полкам, наиболее активно участвовавшим в военных операциях (Гизетти, 1901, Потто, 1892, Ракович, 1900 и др.).

Именно такой способ косвенного анализа использовал С. Максудов, которому пришлось сделать ряд серьезных допущений. Среди них предположения, что боевые потери русской армии в регионе были в равной степени распределены между западным и восточным эпицентрами Кавказской войны. При этом потери на Восточном Кавказе поровну делились между Чечней и Дагестаном, а убыль чеченцев в боях превосходила показатель российской армии в 1,5 раза. Очевидно, что совпадение двух неточностей в процессе расчета может привести к тому, что итоговая ошибка может стать 1,5–2-кратной. Поэтому, когда С. Максудов приходит к итоговому выводу о том, что «при 10 тысячах убитых и 25 тыс. раненных военный потенциал Чечни к концу войны был почти исчерпан» (Максудов, 2010: 72), данное обобщение должно скорее оцениваться как предположение, опирающееся на весьма шаткое основание. Но даже такая попытка, не позволяющая получить сколько-нибудь надежные выводы о степени демографического отягощения Кавказской войной втянутых в нее вайнахских сообществ, является эвристически полезной.

Однако нуждается в дополнительной коррекции использованный Максудовым коэффициент соотношения потерь русской армии и горцев. С учетом фрагментарности существующей информации его корректней представлять в виде количественного диапазона, а не точного числа. Необходим отсутствующий у данного исследователя анализ потерь русской армии в пространственно-временном разрезе. Указанные дополнения рабочей методики С. Максудова, как представляются, способны дать более точную информацию о боевых потерях горских сообществ на западе и востоке региона по отдельным периодам Кавказской войны. А сопряженный анализ этой информации с данными по возрастной структуре населения отдельных национальных сообществ, вовлеченных в войну, дает возможность хотя бы в первом приближении определить, насколько подрастающие поколения успевали восполнить текущие боевые потери горцев.

Данные А.Л. Гизетти (табл. 4–5) позволяют обратиться к расчету возможных боевых потерь горских сообществ в различные периоды на каждом из двух основных субрегиональных театров войны с горцами в пределах Северного Кавказа, а также в Закавказье. При этом потери, которые в сборнике были отнесены к Черномории и Кавказской линии, мы посчитали возможным разделить поровну между западным и восточным эпицентрами войны с горцами, поскольку речь, по сути, шла о всей системе укреплений, возведенных Россией в пределах региона от Черного моря до Каспия. Очевидно, что такое предположение является достаточно условным. Но на долю таким образом пространственно локализуемой группы потерь русской армии приходилось, как правило, менее 10–15 % от их общего масштаба по отдельным годам. Таким образом, возможная неточность не могла существенно сказаться на итоговой оценке соотношения двух эпицентров Кавказской войны. Следует также указать, что в сборнике обнаружилось отдельные арифметические погрешности (например, за 1833 г. в качестве итоговой цифры убитых нижних чинов указаны 122 чел., в реальности – 117 чел. (Гизетти 1901: 31)). В результате полученные нами итоговые цифры потерь русской армии незначительно отличаются от тех, что приведены А.Л. Гизетти. Наконец, заметим, что потери русской армии в Абхазии мы относим к Западному и Центральному Кавказу.

Таблица 4. Потери русской армии в противостоянии с горцами Кавказа, 1801–1864 гг. (чел.)
(рассчитано по: [Гизетти, 1901](#))

Годы	Убитые				Раненные			
	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего
1801–1805	268	309	-	577	665	385	-	1050
1806–1810	190	246	120	556	364	372	344	1080
1811–1815	28	49	584	661	116	144	595	855
1816–1820	431	45	65	541	1051	-	152	1203
1821–1825	323	350	36	709	842	784	27	1653
1826–1830	435	436	-	871	684	936	-	1620
1831–1835	1187	332	53	1572	3440	1327	18	4785
1836–1840	2041	1876	124	4041	6434	2654	68	9156
1841–1845	5398	1398	48	6844	10887	2632	144	13667
1846–1850	2625	601	54	3280	9048	1902	92	11042
1851–1855	1710	760	-	2470	6064	2782	75	8921
1856–1860	1204	489	6	1699	4145	2604	38	6787
1861–1864	-	1098	-	1098	-	3460	-	3460
Всего	15834	7988	1090	24919	43740	19982	1553	65279

Таблица 5. Удельные потери русской армии в противостоянии с горцами Кавказа по отдельным субрегионам, 1801–1864 гг. (%) (рассчитано по материалам: [Гизетти, 1901](#))

Годы	Убитые				Раненные			
	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего
1801–1805	46,4	53,6	-	100	63,3	36,7	-	100
1806–1810	34,2	44,2	21,6	100	33,7	34,4	32	100
1811–1815	4,2	7,4	88,4	100	13,6	16,8	70	100
1816–1820	79,7	8,3	12,0	100	87,4	-	13	100
1821–1825	45,5	49,4	5,1	100	50,9	47,4	1,6	100
1826–1830	49,9	50,1	-	100	42,2	57,8	-	100
1831–1835	75,5	21,1	3,4	100	71,9	27,7	0,4	100
1836–1840	50,5	46,4	3,1	100	70,3	29	0,7	100
1841–1845	78,9	20,4	0,7	100	79,7	19,3	1,1	100
1846–1850	80,1	18,3	1,6	100	81,9	17,2	0,8	100
1851–1855	69,2	30,8	-	100	68	31,2	0,8	100
1856–1860	70,9	28,8	0,3	100	61,1	38,4	0,6	100
1861–1864	-	100	-	100	-	100	-	100
Всего	63,5	32,1	4,4	100	67	30,6	2,4	100

Эти данные свидетельствуют, что на Северо-Восточный Кавказ пришлось почти 2/3 всех убитых и раненных русских военнослужащих. Предположение С. Максудова о том, что потери русской армии на двух основных субрегиональных театрах Кавказской примерно равны, является неточным. Вызывает сомнение и другое принятое им допущение – соотношение боевых потерь русских войск и чеченцев, как 1 к 1,5. Для первой половины 1840-х гг., как периода наиболее удачных действий горцев и максимальных потерь русской армии, это соотношение могло быть таким. Но провальные военные экспедиции этого времени, ожесточенность сопротивления и высокое воинское искусство чеченцев и аварцев могли еще более сократить соотношение потерь противоборствующих сторон, позволяя его оценить как 1 к 1,2–1,5. Для других периодов войны разница в потерях сторон была большей. Для первой половины 1830-х гг. и 1850-х гг. данное соотношение могло составить 1 к 2–2,5, а к пятилеткам, примыкающим к наиболее успешному для Шамиля периоду военных действий, как 1 к 1,5–2,0. Это соотношение можно распространить не только на убитых, но и на раненных горцев. Расчеты, проведенные исходя из сделанных оценочных предположений, дали следующие результаты ([табл. 6.](#)).

Таблица 6. Предположительные боевые потери горцев на Северо-Восточном Кавказе, 1831–1859 гг. (чел.)

Периоды	Коэффициент соотношения потерь (армия: горцы)	Убитые	Раненные	Умершие от ран (15–20%)	Безвозвратные потери	Инвалиды	Ежегодные потери армии
1831–1835	1 : 2–2,5	2400–3000	6900–8600	1050–1700	2450–4700	1050–1450	700–1230
1836–1840	1 : 1,5–2	3100–4100	9700–12900	1450–2600	4550–6700	1450–2200	1200–1780
1841–1845	1 : 1,2–1,5	6500–8100	13100–16300	1950–3250	8450–11350	1950–2800	2080–2830
1846–1850	1 : 1,5–2	3900–5200	13500–18000	2000–3600	5900–8800	2000–3050	1580–2370
1851–1855	1 : 2–2,5	3400–4300	12100–15100	1800–3000	5200–7300	1800–2550	1400–1970
1856–1859		2400–3000	8500–10300	1300–2050	3700–5050	1300–1750	1000–1360
Всего (тыс. чел.)		21,7–27,7	63,8–81,2	9,55–16,2	30,25–43,9	9,55–13,8	

За 30-летний период наиболее активного военного противоборства на Северо-Восточном Кавказе в боях с русской армией могли погибнуть порядка 22–28 тыс. горцев. Общие безвозвратные потери были значительно больше в связи с высокой смертностью среди раненных. Уровень летальности раненных в русской армии этого времени, согласно Б.Ц. Урланису, находился на уровне 11–12 % (Урланис, 1960: 131). Но у горцев данный показатель мог составлять до 15–20 % раненных, что могло привести к смерти еще примерно 9,5–16 тыс. чел. В этом случае боевые безвозвратные потери горцев Северо-Восточного Кавказа в 1831–1859 гг. могли достигать 30–44 тыс. чел.

Как соотносились данные потери с общей демографической динамикой местных горских сообществ и численностью их воинского контингента? Самая значительная часть боевых потерь пришлось на народы горного Дагестана и Чечни, входившие в 1840–1850-е гг. в состав Имамата Шамиля, а в предыдущее десятилетие (в 1830-е гг.) выступавших основными участниками российско-горского военного противоборства на Северо-Восточном Кавказе. Оценки демографического потенциала Имамата варьируют в диапазоне 400–700 тыс. чел. (100–150 тыс. семей) (Народы Дагестана, 2002: 32). Подобный «разбег» связан не только с уже упомянутой приблизительностью и фрагментарностью имеющейся демографической информации, но и с непрерывной пульсацией контуров данного квазигосударственного образования, напрямую связанной с военными успехами Шамиля и его набив, а также с другими факторами.

Несмотря на высокую полиэтничность Имамата, его «государствообразующими» сообществами являлись чеченцы и аварцы, общая численность которых во второй четверти XIX в. колебалась в пределах 250–300 тыс. чел. С учетом андо-цезских народов и некоторых других, также длительное время пребывавших в составе имамата, их общую численность можно увеличить до 300–350 тыс. чел. Но необходимо вычесть порядка 50 тыс. равнинных чеченцев, расселенных на территориях под русским контролем. Тем самым, демографическое «ядро» Имамата можно определить примерно в 300 тыс. чел., что в принципе согласуется с численностью его войска. Если исходить из рассчитанного масштаба боевых потерь (порядка 8,5–11,4 тыс. чел. в первой половине 1840-х гг. и 6–9 тыс. чел. – во второй), ежегодно из армии Шамиля в этом десятилетии безвозвратно выбывало порядка 2 тыс. чел. или около 10–20 % ее действующего состава. Однако для расчета динамики потенциального воинского контингента горцев необходимо учитывать не только прямые и санитарные потери, но и принимать в расчет полученную в боях инвалидность – тех, кто после ранения становился непригоден к участию в военных операциях. К сожалению, количественной оценке данного показателя военные статистики и демографы в своих исследованиях практически не уделяют внимания. Мы предположили, что доля инвалидов может быть сопоставима (или несколько меньше), чем уровень летальности раненных, составляя 15–17 % их численности. В этом случае ежегодную убыль боевого состава воинских частей Имамата следует увеличить еще на 400–600 чел. в 1840-е гг. и 350–500 чел. – в первой половине следующего десятилетия.

На стороне русской армии в войне принимала участие горская милиция. Ее удельный вес в отдельных операциях мог доходить до 20–30 % численности регулярных воинских частей. Основная боевая нагрузка, безусловно, ложилась на армейские части, но до 5–10 % потерь отрядам Шамиля могли наносить сражавшиеся на стороне России горцы. Тем самым, общая убыль армии Имамата в годы наиболее напряженного противостояния могла достигать 2,5–3 тыс. чел. и для восстановления ее численности Шамилю требовалось призвать такое же количество новобранцев.

На возрастную генерацию 10–19-летних, как отмечалось, в горских сообществах приходилось 17–20 % населения. Если исходить из гендерного паритета, то ежегодное пополнение группы военнообязанных мужчин находилось в пределах 0,9–1 % от общего демографического потенциала горцев или порядка 4–4,5 тыс. чел. (а в годы максимального расширения Имамата – до 6–7 тыс. чел.). Данное пополнение было в состоянии компенсировать понесенные потери. Действительно, в военнообязанном возрасте (15–50 лет) находилось порядка половины всех мужчин Имамата – около 100–110 тыс. чел. Сокращаясь в результате военных потерь за год на 2–3 тыс. чел., количество военнообязанных за счет вступления во взрослую жизнь новых генераций вырастало на 4–6 тыс. чел. В результате общая численность потенциального воинского контингента Имамата могла даже немного прирастать. Однако данный расчет является слишком общим, и не учитывает множества моментов – прежде всего пространственную и временную неравномерность боевых действий, а также существенно различавшийся уровень участия в войне отдельных горских сообществ. Очевидно, что чеченцы, аварцы и некоторые другие сообщества нагорного Дагестана, максимально и долговременно включенные в вооруженное противоборство, могли испытывать более серьезное демографическое истощение.

Показательны в этом плане данные по ряду небольших андо-цезских народов, указывавшие, что норма воинской нагрузки для них временами являлась предельно высокой и «под ружьем» оказывался не каждый десятый мужчина, как полагалось, но практически полностью мужское население военнообязанного возраста (от 15–16 до 50 лет) (табл. 7). Конечно, данное положение могло быть только кратковременным. Но воинские повинности сообществ, относившихся к «ядру» Имамата, могли быть весьма обременительными, а боевые потери высоки.

Таблица 7. Показатели мобилизации народов горного Дагестана (составлено по: [Народы Дагестана, 2002: 170–171, 182–193](#)).

Народности	Число домохозяйств*	Население (чел)*	Обязательство выставлять в войско Шамиля	соотношение (домохозяйства / войны)	соотношение (мужчины / войны)
багулалы	577	1989	300 (150 конных + 150 пеших)	1,9 / 1	3,3 / 1
ботлихцы	около 300	около 900	330 (30 конных + 300 пеших)	0,9 / 1	1,35 / 1
годоберницы	215	772	220 (30 конных + 190 пеших)	1 / 1	1,7 / 1

* данные на 1866 г. ([Ибрагимов, 1981: 101](#))

В данном случае надо не забывать о высокой «регенерационной» способности традиционных обществ. Существовавший уровень рождаемости (50–55 %), позволял России в первой половине – середине XIX в. иметь устойчивый ежегодный естественный прирост в пределах 10–16 %. Данный показатель у горских сообществ должен был варьироваться по годам куда в большем диапазоне. И если в периоды активизации военного противостояния он приближался к нулю или уходил в отрицательную зону, то в годы «замирений» мог вырастать до ежегодных 20–30 %. Тем самым, 5–7 лет мирной жизни для отдельного горского сообщества могло вполне хватить для увеличения его численности на 12–20 %, что в большинстве случаев позволяло полностью или в значительной степени восстановить растроченный демографический потенциал. Данный вывод вполне вписывается, как в оценки боевых потерь горцев, так и в расчет общей демографической убыли, связанной с войной, поскольку обусловленная ею сверхсмертность мирного населения носила более или менее ограниченные масштабы. Согласно С. Максудову, в ходе карательных операций русской армии, а также от голода, болезней, в результате переселений с места на место в период Кавказской войны могли погибнуть порядка 12 тыс. мирных чеченцев ([Максудов, 2010: 72](#)), т.е. в пределах 8 % от их общей численности. Эти потери, разнесенные на 30 лет активного противостояния, дают примерно 2,5–3 % в год, что можно условно считать сверхсмертностью, обусловленной непосредственно Кавказской войной. Ее удельный вес в общей смертности горского населения Северо-Восточного Кавказа, учитывая общие показатели последней, не превышал 1/10–1/15 части населения и должен был восполняться высокой рождаемостью.

Необходимо учитывать влияние на демографическую динамику горских сообществ уже упоминавшейся массовой ранней брачности. Погибшие в боях (и еще шире – все умершие в молодом возрасте, т.е. до 30 лет) в своем большинстве успевали оставить более или менее многочисленное потомство. Семейные традиции помогали даже семьям, оставшимся без кормильца, «поднимать» детей. И потому даже ощутимые демографические потери могли скоро восполняться очередным поколением горской молодежи, а значительная боевая убыль мужчин не приводила к существенным гендерным перекосам.

Последний вывод нуждается в дополнительной проверке, одним из способов которой является анализ гендерно-возрастной структуры народов региона в конце XIX в. Показательно в этом плане,

например, гендерное соотношение старших возрастных групп населения Грозненского округа Терской области (более 90 % жителей которого составляли чеченцы). Наиболее активные боевые действия горцы под руководством Шамиля вели с конца 1830-х по середину 1850-х гг. На военную службу в Имамате призывали с 15–16 лет. Тем самым, уроженцы первой половины 1820-х гг. (во время первой всероссийской переписи 1897 г. им было 72–76 лет) могли быть участниками военных действий с самого начала активизации боевых действий на Северо-Восточном Кавказе. Но и более молодые генерации горцев (уроженцы 1826–1835 гг., достигшие к моменту переписи 62–71 года) застали период активной войны во взрослом возрасте и вполне могли стать ее участниками со всеми последствиями для гендерного соотношения своей возрастной генерации. Однако данные по однолетним группам населения Грозненского округа старше 60 лет обнаруживают удельное равновесие или даже некоторый количественный перевес мужчин (табл. 8). Только в возрастной категории старше 75 лет фиксируется линейно нарастающее численное превосходство женщин. Этот дисбаланс скорее всего определяется другой хорошо известной демографической закономерностью – несколько большей продолжительностью жизни женщин.

Таблица 8. Гендерное соотношение в старших возрастных группах населения Грозненского округа Терской области, 1897 г. (чел.)

Возраст, лет	всего	мужчины	женщины
61	321	173	148
62	341	188	153
63	362	205	157
64	150	77	73
65*	966	467	499
Всего 61–65	2140	1110	1030
66	179	104	75
67	228	120	108
68	198	102	96
69	136	63	73
70*	1599	758	841
Всего 66–70	2340	1147	1193
71	79	39	40
72	122	68	54
73	59	31	28
74	50	26	24
75*	334	154	180
Всего 71–75	644	318	326
76	55	24	31
77	43	23	20
78	62	24	38
79	37	13	24
80*	741	301	440
Всего 76–80	938	385	553
Всего 61–80	6062	2960	3102

* Многократное превышение людей «круглого» возраста (60, 65, 70 лет и т.д.) над сопредельными однолетками указывает, что значительное число горцев в конце XIX в. попросту не знало точной даты своего рождения и «подгоняло» собственный возраст до ближайшей круглой цифры.

Конечно, за десятилетия прошедшие между Кавказской войной и первой всеобщей переписью населения, значительное число факторов могло работать на постепенное сокращение возможного гендерного дисбаланса. Но если в середине XIX в. таковой был действительно значительным, полностью устранить его к концу века едва ли удалось (опыт Великой Отечественной и других «больших» войн, сопровождаемых значительными воинскими потерями, свидетельствует, что ощутимая гендерная разбалансировка военных поколений сохраняется на всем протяжении их дальнейшей жизни). Поэтому есть основания полагать, что мужская сверхсмертность в результате боевых потерь у чеченцев в 1840–1850-е гг. не была сверхзначительной. Аналогичные результаты дает и гендерный анализ старших возрастов аварского населения Дагестанской области.

Можно предположить, что ко второй половине 1850-х гг. (к финальной стадии Кавказской войны) чеченские и аварские сообщества не утратили значительной части своего воинского контингента, тем более общего демографического потенциала, динамика которого длительное время

сохранялась в пределах определенного количественного плато. Это указывало на высокий уровень демографической адаптации горцев к условиям Кавказской войны и связанной с ней сверхсмертностью.

В этом отношении значительно большее воздействие на их количественную динамику могли оказывать единовременные потери части населения. Таковой, в частности, стала эмиграция в Османскую Порту в середине 1860-х гг. порядка 23–24 тыс. чеченцев. Весьма ограниченная в сравнении с масштабами мухаджирства черкесских сообществ Северо-Западного Кавказа, она, тем не менее, привела к потере 15–20 % численности чеченского населения региона и оказалась куда более ощутимым ударом по демографии вайнахов, нежели закончившаяся для них к этому времени Кавказская война.

На Северо-Западном Кавказе вооруженное противоборство русской армии и черкесских сообществ достигало максимальной активности в конце 1830-х – начале 1840-х гг. и в начале 1860-х гг., когда сюда была переброшена значительная часть воинских частей после ликвидации Имамата. Анализ погодовой динамики потерь русской армии обнаруживает периоды подъемов в 1840–1841 гг. и в 1862–1863 гг., многократно превосходившие показатели сопредельных лет. При этом в целом соотношение потерь с горцами для русской армии на Северо-Западном Кавказе могло быть несколько более выгодным. На это в частности указывают и сравнительные данные, присутствующие в литературе (табл. 9).

Таблица 9. Сравнительные потери черкесов и русской армии на Северо-Западном Кавказе (чел.) (рассчитано по: [Шеуджен и др., 2004: 218](#))

	убито			ранено		
	черкесы	русские	соотношение (кратность)	черкесы	русские	соотношение (кратность)
1802	250	4	62,5	300	15	20
1804	650	62	10,5	650	41	15,9
1809	300	12	25	520	56	9,3
1810	500	219	2,3	?	287	-
1813	900	23	39,1	900	144	6,2
1821	1200	5	240	?	14	-
1823	200	22	9,1	?	65	-

Данные о потерях горцев, приведенных в таблице, нуждаются в дополнительном изучении – разница в потерях сторон по отдельным годам выглядит неправдоподобно значительной (особенно с учетом боевых качеств горцев). Следует учесть, что эти данные относятся к первым этапам вооруженного противостояния, когда малознакомые с тактикой регулярной армии крупные скопления горской конницы во время лобовых атак, попав под артиллерийский и ружейный огонь, несли особенно значительные потери. К 1830-м гг. у черкесов уже был накоплен значительный опыт вооруженной борьбы с армейскими частями, чтобы не совершать подобных ошибок. И есть основания полагать, что в первой половине данного десятилетия соотношение потерь русской армии и у горцев в обоих субрегионах Северного Кавказа находилось примерно на одном уровне (т.е. может быть определено как 1 к 2–2,5).

Активизация военных действий на Северо-Западном Кавказе в конце 1830-х гг. была в значительной степени связана с переходом черкесов к наступательным действиям, апогеем которых стало уничтожение в феврале – начале апреля 1840 г. ряда укреплений Черноморской береговой линии и Прикубанья. При взятии форта Лазарева, Вельяминовского, Михайловского и Николаевского укреплений в общей сложности погибло 1140 солдат и офицеров, т.е. около 60 % от общего числа военнослужащих, убитых на Северо-Западном Кавказа в 1836–1840 гг. При этом форт Лазарева был взят черкесами внезапным нападением и с ограниченными потерями со стороны горцев. С малыми жертвами было захвачено и Вельяминовское укрепление ([Федоров, 1879](#)). Во время штурма Михайловского укрепления совершил свой известный подвиг рядовой А. Осипов. Взрыв порохового склада мог заметно увеличить потери черкесов, но в целом они едва ли значительно превзошли численность практически полностью истребленного гарнизона (около 430 солдат и офицеров). Как и в случае с Никольском укреплением, взятым после ночного штурма. Тем самым, общие боевые потери черкесов и русской армии в этот двухмесячный период были вполне сопоставимы. А общее их соотношение за 1836–1840 гг. должно было существенно сблизиться в сравнении с показателем предыдущего пятилетия.

В 1841 г. русская армия потеряла в схватках с горцами Северо-Западного Кавказа более 500 чел. убитыми и около 1100 чел. ранеными. Но и в этих боях потери горцев едва ли превосходили русские более чем в 2–3 раза. В последующие годы интенсивность вооруженного противостояния и потерь шла на убыль, чтобы вновь заметно возрасти спустя два десятилетия. В отличие от войны с Имаматом, в которой 1840-е гг. были отмечены рядом крупных войсковых операций русской армии, на Северо-Западном Кавказе противоборство представляло множество небольших столкновений, результаты которых могли различаться самым существенным образом. Но в целом для данного

затяжного периода мы посчитали возможным установить количественное соотношение потерь армии и горцев, полученное для 1841 г., т.е. 1 к 2–3 (при этом сузив данный диапазон до 2,4–2,7). Результаты расчетов приведены в таблице 10.

Таблица 10. Предположительные боевые потери горцев Северо-Западного Кавказа, 1831–1860 гг. (чел.)

Периоды	Коэффициент соотношения потерь (армия: горцы)	Убитые	Раненные	Умершие от ран (15–20%)	Безвозвратные потери	Инвалиды	Ежегодные потери воинского контингента
1831–1835	1 : 2,0–2,5	650–850	2700–3300	400–600	1050–1450	400–550	290–380
1836–1840	1 : 1,2–1,5	2250–2800	3200–4000	500–800	2750–3600	500–700	650–860
1841–1845	1 : 2,4–2,7	3400–3800	6300–7100	950–1400	4350–5200	950–1050	1060–1250
1846–1850		1400–1600	4600–5100	700–1000	2100–2600	700–850	560–690
1851–1855		1800–2050	6700–7500	1000–1500	2800–3550	1000–1100	760–930
1856–1860		1200–1300	6200–7000	900–1400	2100–2700	900–1050	600–750
1861–1864		2900–3200	8300–9400	1250–1900	4150–5100	1250–1400	1080–1300
		Всего (тыс. чел.)	13,6–14,6	38,0–43,4	5,7–8,6	19,3–24,2	5,7–6,7

В общей сложности за 34-летний период горцы Северо-Западного Кавказа могли потерять убитыми и умершими от ран порядка 19–24 тыс. чел. Их распределение по периодам, а тем более по отдельным годам было крайне неравномерным (рис. 1).

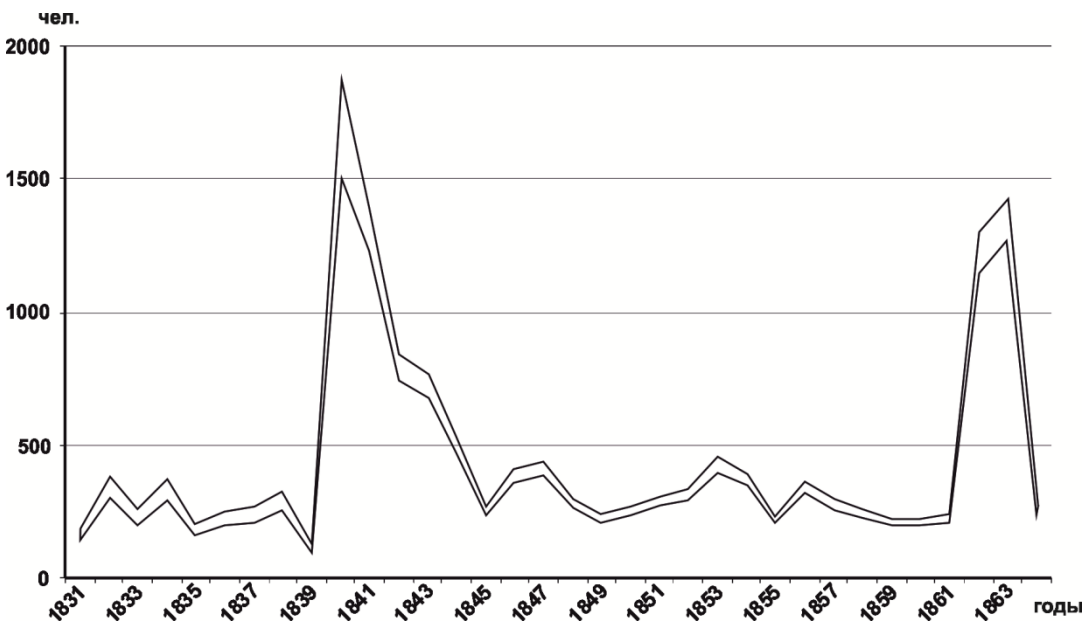

Рис. 1. Предположительный диапазон безвозвратных потерь черкесов в Кавказской войне, 1831–1864 гг. (убитые, чел.)

За исключением рубежа 1840-х гг. и начала 1860-х гг. ежегодно в боях с русской армией погибали не более 350–450 горцев. С учетом умерших от ран и инвалидов воинский контингент черкесских сообществ в среднем за год сокращался в результате боевых действий на 500–850 чел. Потери свыше 1 тыс. чел. приходились только на 1840–1841 гг. и 1862–1863 гг. Если исходить из расчетов В.М. Кабузана, ежегодно военнообязанного возраста в черкесских сообществах достигали от 6 до 8 тыс. чел., что на порядок превосходило понесенные потери, позволяя легко их компенсировать и даже увеличивать воинский контингент. Однако боевые потери черкесов не только пульсировали во времени, но и неравномерно распределялись между отдельными сообществами. К примеру, военное

обострение 1840–1841 гг. было связано с действиями убыхов, на которых и пришлись основные потери черкесов этого времени. Гибель в такой короткий период времени 2–2,5 тыс. чел. могла быть достаточно ощутимой для данного сообщества. При этом остальные черкесские сообщества в данное время практически не понесли боевых потерь. Необходимо принимать во внимание, что потери выступали следствием не только Кавказской войны, но и непрерывных междоусобиц и набеговой практики. Показательно, что активизация военных действий против русской армии не помешала убыхам в том же 1840 г. совершить масштабный (2500 всадников) набег на Абхазию и повторить его в следующем году (Инал-Ипа, 2015: 280).

Если о количественных потерях черкесов в противостоянии с русской армией еще можно строить определенные предположения, то для аналогичной обобщенной оценки воинской убитости горцев в междоусобных стычках необходимых источников нет. Учитывая степень распространения набеговой практики, есть все основания предполагать, что такие потери были значительными, а иногда и сопоставимыми с теми, которые черкесы несли в Кавказской войне. В этом случае суммирование всех воинских потерь могло приводить к более ощутимым негативным последствиям, как для воинского контингента, так и всего демографического потенциала отдельных горских сообществ. Данный вывод, впрочем, не исключает другого утверждения. Как и в случае с горцами Северо-Восточного Кавказа, можно констатировать, что способность черкесов к почти полувековому вооруженному противостоянию демонстрировала их высокую демографическую адаптацию к такой войне, выраженную, в том числе, в устойчивом воспроизводстве своего воинского ресурса и численности в целом. При всей фрагментарности и противоречивости имеющейся демографической статистики можно с большой уверенностью утверждать, что сколько-нибудь существенного сокращения общей численности черкесских сообществ в первой половине XIX в. не произошло. И к завершающей стадии Кавказской войны они вышли примерно с тем же демографическим потенциалом, с которым в нее вступили. Об этом в частности, свидетельствуют и масштабы последовавшей миграции.

Существующие расчетные оценки масштабов мухаджирства различаются почти на порядок (от 400 тыс. до 3,1 млн чел.). Но показателен сам факт соотношения двух расчетных цифровых диапазонов, присутствующих в литературе – численности черкесов до войны и масштабов эмиграции. Данная соразмерность – косвенное свидетельство того, что основные демографические потери черкесов были связаны именно с их оттоком за пределы региона, а не с перипетиями полувековой Кавказской войны. К ее исходу не был подорван и воинский потенциал черкесов, которые по-прежнему могли выставить сообща десятки тысяч воинов. Зато кардинально изменились сами условия ведения войны и, прежде всего, существенно увеличилась численность русских войск на Северо-Западном Кавказе. Ликвидация Имамата позволила на рубеже 1860-х гг. перебросить сюда значительную массу обученных для горных воинских операций армейских частей. Закончилась спорадическая война малой интенсивности, к которой черкесы привыкли за несколько десятилетий. Теперь противостояние с русскими войсками требовало максимальной воинской отдачи, объединения усилий всех черкесских племен.

Не случилось ни того, ни другого, о чем свидетельствуют и масштабы русских потерь. Они, конечно, выросли в несколько раз, по сравнению с предыдущим периодом. Но и на своем двухлетнем пике (1862–1863) составляли порядка 500 чел. в год – весьма ограниченную величину с учетом совокупного боевого потенциала, находившегося в распоряжении горцев. При включении его в режим полномасштабного вооруженного противостояния с русской армией ее потери были бы многократно выше. Черкесы предпочли прекратить сопротивление, что в сложившейся ситуации, безусловно, было разумным и оправданным решением, позволяя избежать многочисленных и уже бессмысленных жертв – силы сторон стали слишком неравны, чтобы надеяться на какой-либо исход кроме полного военного поражения. Стратегическая ошибка черкесским миром была допущена на следующей исторической развилке – при выборе новых условий своей жизнедеятельности: переселения в местности, отведенные для этого российской властью или эмиграции в Османскую Порту.

В отдельном рассмотрении нуждается и вопрос о потерях мирного населения, обусловленных Кавказской войной. Очевидно, что боевые действия мешали хозяйственной деятельности и объективно ухудшали ее результативность. Вырастала вероятность неурожаев, голодных лет и связанных с ними эпидемий. Но, учитывая постоянное присутствие данных явлений в жизни традиционных социумов, едва ли возможно даже с приблизительной точностью оценить воздействие на них именно Кавказской войны. Тем более что противостояние с русской армией было только частью военных действий, в которых почти на постоянной основе были вовлечены горские сообщества. Если для расчета потерь мирного населения черкесских сообществ использовать оценку С. Максудовым демографических потерь чеченцев (8% от их общей численности), то, ориентируясь на численность черкесов в 600–800 тыс. чел., мы получим диапазон в 50–65 тыс. чел. Это была значительная величина, но, растянутая на десятилетия, она не могла оказать сколько-нибудь решительного воздействия на демографическую динамику всего черкесского мира.

4. Заключение

Кавказская война негативно сказалась на динамике численности народов Северного Кавказа. Однако сверхсмертность населения региона в XIX в. была вызвана не только боевыми действиями горцев с русской армией, но и другими факторами – эпидемиями, неурожаем, продолжавшейся междоусобицей, добровольными и вынужденными миграциями. Практически все горские сообщества демонстрировали высокий уровень адаптации к условиям военного времени, будучи подготовленными к жесткому взаимодействию с агрессивной внешней средой и продолжительному существованию в условиях военного времени. Существование «на войне» и/или «при войне» для них было привычным. К тому же периоды интенсивного вооруженного противоборства с империей, как правило, были непродолжительными и перемежались длительными периодами фактического перемирия, позволявшими горцам восстановить свою численность. Даже на Северо-Восточном Кавказе, за исключением части территориальных сообществ горной Чечни и нагорного Дагестана, составлявших основную демографическую базу Имамата, включенность коренного населения региона в военные действия была sporadic и незначительной по своим масштабам. На Северо-Западном Кавказе данная особенность Кавказской войны была выражена еще более отчетливо. Практически ни в одном из субрегионов Кавказа боевые действия не привели к резкому сокращению демографического потенциала горских сообществ. Количественная динамика большинства территориальных и племенных объединений скорее продолжала пребывать в состоянии неустойчивого гомеостаза, отличавшего ее на протяжении многих столетий, представляя непрерывную, порой весьма значительную по своей амплитуде пульсацию в определенном количественном диапазоне. Первое послевоенное десятилетие, связанное с массовым оттоком горцев в Османскую Порту сыграло значительно большую роль в трансформации этнодемографической карты Северного Кавказа (прежде всего в его западном субрегионе), чем только что закончившаяся полувекковая война. Однако детальный анализ масштабных демографических и пространственно-расселенческих последствий северокавказского мухаджирства представляет самостоятельную тему, требующую отдельного исследования.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

- Бижев, 1994** – Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, «Меоты», 1994. 325 с.
- Волкова, 1974** – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
- Гарданов, 2004** – Гарданов В.К. Историк и этнограф. Нальчик: издательский центр «Эль-Фа», 2004. 408 с.
- Гизетти, 1901** – Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказо-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1901. 230 с.
- Ибрагимов, 1981** – Ибрагимов М.А. Численность и этнический состав сельского населения Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала: Госкомиздат ДАССР, 1981. URL: <https://refdb.ru/look/2636765-p10.html> (дата обращения: 01.07.2017).
- Инал-Ипа, 2015** – Инал-Ипа Ш.Д. Убыхи. Сухум: [Б.и.], 2015. 560 с.
- Кабузан, 1996а** – Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Блиц, 1996. 224 с.
- Кабузан, 1996б** – Кабузан В.М. Русские в мире. СПб.: Блиц, 1996. 354 с.
- Кипкеева, 2008** – Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Издательство Ставропольского госуниверситета, 2008. 432 с.
- Кудаева, 2014** – Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2014. 388 с.
- Максудов, 2010** – Максудов С. Чеченцы и русские: победы, поражения, потери. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2010. 473 с.
- Народы Дагестана, 2002** – Народы Дагестана. М.: «Наука», 2002. 588 с.
- Османов, 1974** – Османов М.-З.О. Расселение и численность даргинцев в XVIII–XIX вв. // *Дагестанский этнографический сборник*. Вып. I. Махачкала: [Б.и.], 1974, С. 146–196.
- Первая всеобщая, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 62. Дагестанская область. М.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1905. 212 с.
- Потто, 1892** – Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. В 11 т. СПб.: Типолитография Р. Голике, 1892. 184 с.

- Ракович, 1900** – Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. 494 с.
- Сборник сведений, 1868** – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1868. 431 с.
- Тахир, 1990** – Тахир М. Три имама. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990, 100 с.
- Урланис, 1960** – Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Историко-статистическое исследование. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 565 с.
- Федоров, 1879** – Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // *Кавказский сборник*. Т. 3. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1879. URL: <http://www.adjudant.ru/kavkaz/kso3-10.htm> (дата обращения: 2.07.2017).
- Шеуджен и др., 2004** – Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. Земля адыгов. 2-е изд. перераб. и доп. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. 1004 с.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. № 1 (43). pp. 68–85.

References

- Bizhev, 1994** – Bizhev A.K. (1994). Adygi Severo-Zapadnogo Kavkaza i krizis vostochnogo voprosa v kontse 20-kh – nachale 30-kh gg. XIX veka [Adygs of the North-Western Caucasus and the crisis of the eastern question in the late 1920s and early 1930s. XIX century]. Maykop: “Meoty”. 325 p. [in Russian].
- Volkova, 1974** – Volkova N.G. (1974). Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX century]. Moscow: Nauka. 276 p. [in Russian].
- Gardanov, 2004** – Gardanov V.K. (2004). Istorik i etnograf [The Historian and Ethnographer]. Nalchik: Publishing center “El’-Fa”. 408 p. [in Russian].
- Gizetti, 1901** – Gizetti A.L. (1901). Sbornik svedeniy o poteryakh kavkazskikh voysk vo vremena voyn kavkazo-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspijskom krae 1801–1885 gg. [Collection of information about the losses of Caucasian troops during the wars of Caucasus-Mountain, Persian, Turkish and in the Trans-Caspian region 1801–1885]. Tiflis: Typography of Y.I. Lieberman. 230 p. [in Russian].
- Ibragimov, 1981** – Ibragimov M.A. (1981). Chislennost’ i etnicheskij sostav sel’skogo naseleniya Dagestana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The number and ethnic composition of the rural population of Dagestan in the second half of the XIX – early XX century]. Makhachkala: State Publishing House of DASSR. URL: <https://refdb.ru/look/2636765-p10.html> (accessed on: July 1, 2017) [in Russian].
- Inal-Ipa, 2015** – Inal-Ipa Sh.D. (2015). Ubykhi [Ubykh]. Sukhumi: [B.i.]. 560 p. [in Russian].
- Kabuzan, 1996a** – Kabuzan V.M. (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Ethnographic research]. St. Petersburg: Blits. 224 p. [in Russian].
- Kabuzan, 1996b** – Kabuzan V.M. (1996). Russkie v mire [Russians in the world]. St. Petersburg: Blits. 354 p. [in Russian].
- Kipkeeva, 2008** – Kipkeeva Z.B. (2008). Severnyy Kavkaz v Rossiyskoy imperii: narody, migratsii, territorii [The North Caucasus in the Russian Empire: peoples, migrations, territories]. Stavropol: Publishing house of the Stavropol State University. 432 p. [in Russian].
- Kudaeva, 2014** – Kudaeva S.G. (2014). Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva [Circassians of the North-Western Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of Adygeyan society]. Maykop: Publisher “Magarin O.G”. 388 p. [in Russian].
- Maksudov, 2010** – Maksudov S. (2010). Chechentsy i russkie: pobedy, porazheniya, poteri [Chechens and Russians: victory, defeat, loss]. Moscow: International Institute for Humanitarian and Political Studies. 473 p. [in Russian].
- Narody Dagestana, 2002** – Narody Dagestana [The peoples of Dagestan]. Moscow: “Nauka”, 2002. 588 p. [in Russian].
- Osmanov, 1974** – Osmanov M.–Z.O. (1974). Rasselenie i chislennost’ dargintsev v XVIII–XIX vv. // *Dagestanskiy etnograficheskiy sbornik*. Is. I. Makhachkala: [n.a.], pp. 146–196. [in Russian].
- Pervaya vseobshchaya, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis’ naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [First Russian Imperial Census 1897]. Is. 62. Dagestanskaya oblast’ [Dagestan Region]. Moscow: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905. 212 p. [in Russian].
- Potto, 1892** – Potto V.A. (1892). Istoriya 44-go Dragunskogo Nizhegorodskogo polka [The history of the 44th Dragoon Nizhny Novgorod Regiment]. In 11 vol. St. Petersburg: Tipolitografiya R. Golike. 184 p. [in Russian].
- Rakovich, 1900** – Rakovich D.V. (1900). Tenginskiy polk na Kavkaze. 1819–1846. [Tenginsky regiment in the Caucasus. 1819–1846]. Tiflis: Typography of the Chancery of the Chief Civilian in the Caucasus. 494 p. [in Russian].

Sbornik svedeniy, 1868 – Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. Is. I. Tiflis: Typography of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1868. 431 p. [in Russian].

Takhir, 1990 – *Takhir M.* (1990). Tri imama [Three Imams]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 100 p. [in Russian].

Uralnis, 1960 – *Uralnis B.T.* (1960). Voyny i narodonaselenie Evropy. Istoriko-statisticheskoe issledovanie. Wars and population of Europe. Historical and statistical research. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature. 565 p. [in Russian].

Fedorov, 1879 – *Fedorov M.F.* (1879). Pokhodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [Marriage notes in the Caucasus from 1835 to 1842]. *Caucasian collection*. Vol. 3. Tiflis: Printing house of the district headquarters of the Caucasian military district. URL: <http://www.adjutant.ru/kavkaz/ks03-10.htm> (accessed on: July 2, 2017) [in Russian].

Sheudzhen i dr., 2004 – *Sheudzhen A.K., Galkin G.A., Tkhakushinov A.K.* (2004). Zemlya adygov [Land of Adygs]. 2nd ed. Maykop: SURPPE “Adygeya”. 1004 p. [in Russian].

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. № 1 (43). pp. 68–85 [in Russian].

УДК 94(47)

Демографические последствия Кавказской войны: к вопросу о боевых потерях горцев

Евгений Федорович Кринко ^{a, b*}, Сергей Яковлевич Суций ^{a, b}, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{c, d}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

^c Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Кавказская война привела к негативным демографическим последствиям. Однако на динамику численности населения Северного Кавказа влияли не только боевые действия, но и другие факторы. Военные действия не стали демографической катастрофой для горских сообществ, многие из которых сохранили свою численность и воинский потенциал. Центральным фактором повышенной демографической убыли горского населения на протяжении всего столетия оставалась детская сверхсмертность. Значительные изменения в численности и составе населения региона произошли уже после войны. Они были вызваны переселением части горцев Северного Кавказа в Османскую империю и заселением данных территорий представителями других народов.

Достоверной статистики о численности населения Северного Кавказа в годы Кавказской войны не существует. В статье использовались данные разных авторов о потерях населения и русской армии в годы Кавказской войны, а также материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г.

Ключевые слова: Кавказская война, военные потери, горцы Северного Кавказа, демографическая статистика, этнодемографические процессы, махаджирство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко), anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 836-846, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.836
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years)

Ivan A. Ermachkov^{a, *}, Larisa A. Koroleva^b, Natalia V. Svechnikova^c, Jasmin Gut^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the traditional medicine in Georgia and the activities of the Georgian Medical Board in 1801–1804. After the establishment of the Russian presence in Georgia, the administration turned its attention to the health care system. In 1801–1804 there was carried out a range of measures for regulating the work of healers, as well as Russian military doctors.

The sources for the preparation of manuscript are the archive documents of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia). In addition, there were used the scientific publications on the topic of the study, published in pre-revolutionary and modern periods.

In the solution of research tasks there are used the traditional scientific methods of analysis, synthesis, concretization, generalization. The specification of particular aspects, which at first glance may seem weakly significant, at times makes possible to model a holistic picture of events. For example, the reasons for the training of the first medical professionals among the Caucasian population were the poor understanding of Caucasian languages by the Russian doctors.

The authors came to the conclusion that Georgia had its own folk medicine before the arrival of Russians. This medicine was formed in the previous centuries, and despite of the presence among the healers the significant number of uneducated people, the men were treated and treated successfully in Georgia. It was much more complicated with the surgery, which in Georgia was practically absent. Under these circumstances there was established the Georgian Medical Board in 1801. There were started the activities on streamlining the work of traditional healers in the region. In addition, the government has drawn attention to the fact that Russian doctors poorly understood the Georgian language, and not quite effectively could help the sick, as a result there was sanctioned a set of training in the Moscow University for representatives of the local population.

Keywords: Caucasus, Georgian Medical Board, traditional medicine, Georgia, healers, military doctors.

1. Введение

В начале XIX в. после прихода русских в Грузию русская администрация обращает свое внимание на здравоохранение. Необходимо отметить, что эпидемиологическая ситуация всегда на Кавказе была сложной. Приграничных кордонов не существовало, поэтому болезнь, например, чума ввозилась на Кавказ вместе с прибывавшими по торговым делам купцами. Это в свою очередь

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (Ja. Gut)

приводило к резкому сокращению населения (Cherkasov et al., 2016: 383). Традиционная грузинская медицина была представлена народными знахарями и лекарями, которые занимались больше лечением болезней, а не профилактикой к предотвращению их. Ввиду всех этих сложностей перед администрацией был поставлен целый спектр задач, которые необходимо было кратчайшие сроки выполнять.

2. Материалы и методы

Источниками для подготовки статьи стали архивные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Помимо этого были использованы научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Конкретизация частных аспектов, которые на первый взгляд могут показаться слабозначимыми, порой позволяет смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, причинами обучения первых профессиональных медиков из числа кавказского населения, стало слабое понимание русскими врачами кавказских языков.

3. Обсуждение

Вопросы российской народной медицины нашли свое отражение в значительном количестве публикаций. Активно изучается народная медицина Забайкалья (Батоев, 2011), башкир Южного Урала (Минибаева, 2009), удмуртов (Туганав и др., 2014; Гришкина, 1992), тувинцев (Кызылоол, 2015) и других территорий. Разумеется, не обойдена вниманием исследователей и кавказская народная медицина. Так, народную медицину Чечни рассматривали Х.М. Батаев, З.И. Яхьяева (Батаев, Яхьяева, 2006; Батаев и др., 2006), значительный интерес представляют материалы сборника «Пирогов в Дагестане» (Пирогов в Дагестане..., 2012), народную медицину абхазов рассматривал С.Г. Аршба (Аршба, 2007). Разные аспекты народной медицины на Кавказе затрагивались в работах С. Броневского, Т.Е. Гварлиани, Л.А. Королевой, Н.В. Свечниковой, И.А. Ермачкова и др. (Броневский, 1823; Gvarliani et al., 2017; Ermachkov et al., 2017).

4. Результаты

Научной медицины грузинское царство не знало. Искусство лечить как профессиональное ремесло (здесь следует понимать народную медицину) было распространено в Грузии, да и вообще в Закавказье, в довольно широкой степени. В связи с отсутствием каких-либо законодательных актов, которые регламентировали бы право заниматься лечением болезней, лечил всякий, кто только считал себя способным к такому занятию. Туземные лекари, благодаря сангвиническому характеру грузин и постоянным войнам, которые те были вынуждены вести со своими соседями, находили себе достаточно дела и пользовались доверием народа. Были между ними и полнейшие невежды и шарлатаны, ничего, кроме вреда, не делавшие своим пациентам, но были и такие, которые имели большой навык в лечении и весьма искусно применяли свои практические познания. До известной степени проводилось даже деление по специальностям. Были лекаря по внутренним болезням, были и хирурги, называвшиеся «гекимами».¹ Лечение кожных болезней и сифилиса занимались преимущественно старухи, они же прививали и оспу. Аптеками служили простые лавочки, в которых вместе с предметами первой необходимости продавались на полках ревеня, александрийский лист, сабур, сарсапариль, камфора, копайский бальзам, медный купорос, фосфор, мышьяк, ртутные соединения и др. На рынках Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии продавалось до 50 различных лекарственных веществ, которые по большей части привозились из Турции и Персии.² Врачебный инструментарий был крайне скуден, и как изготовленный местными мастерами, был примитивен и груб (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 27-27об.).

Тоже самое нужно сказать и про практиковавшиеся приемы лечения. Главным средством считалось кровопускание, которое с большой разборчивостью делалось из различных частей тела с целью повлиять непосредственно на заболевший орган. При простудных заболеваниях обкладывали больного теплыми виноградными выжимками или же закутывали в кожу свежеебитого животного, намазанную желчью, и последнее считалось весьма сильным средством. Чохотку лечили прикладыванием к груди хлопчатой бумаги, напитанной козьим салом. В случае кишечных коликов

¹ Геким или хахим.

² Приведем алфавитный список продажных медикаментов: английская или горькая соль, аурипигмент, гвоздика, имбирь, камфора китайская или японская, кардамон, киноварь, кислота соляная, кислота фосфорная, копайский бальзам, корень красильной марены, корень сассафрас, корица китайская, крепкая водка, купоросное масло, купорос железный, купорос медный, ладоньросный, мастика, мирра или смирна, мускатный орех, мышьяк белый, нашатырь, окись красная ртути, окись цинка, перец стручковый или турецкий, петроль, ревеня, сабур, сарсапарильный корень, свинцовый глет, свинцовые белила, селитра, сена или александрийский лист, смола бакаутная, смола вонючая, стиракс жидкий или амбра, сулема, терпентин простой и венецианский, тыква горькая или колоцинт, фиалковый корень, фосфор, хинная корка красная, чилибуха, шалфей, шафран персидский, эфир, янтарная кислота, янтарь (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 27об., 27а, 27аоб.).

давали пить водку с порохом, при местных воспалениях к больному месту прикладывали на холсте кислое молоко с крахмалом.

Особую виртуозность проявляли гекимы, в целом довольно хорошо умевшие лечить раны. Порезанную рану они мыли теплым вином, впускали в нее каплю скипидара, настоянного на розовых цветах, и смазывали свежим салом. Огнестрельную рану с раздроблением кости обкладывали сначала припарками из льняного семени, разваренного в молоке, или из ячменного теста, замешанного на горячем молоке. По извлечении пули прикладывали кожу свежеебитого козла или барана, или липовую кору, разваренную в молоке, а затем посыпали рану толченым горным хрусталем и закладывали в нее турунды, намоченные в смеси полрюмки крепкой водки с 6 рюмками процеженного навара двух фунтов дождевой воды на одном фунте белой извести. При карбункуле клали овечьё сало и посыпали сахаром, а когда веред лопался, прикладывали к нему разрезанную пополам и посыпанную сахаром лягушку и затем заканчивали лечение мазью из трав и яичного белка.

Гекимы вообще придерживались консервативного метода лечения и на операции отваживались редко, но были между ними и специалисты-хирурги (в то время хирургов называли операторами – Авт.), занимавшиеся производством какой-нибудь одной операции и прекрасно уже изучившие ее технику. Таковы были братья Яшвили, прославившиеся производством операции камнесечения. Главное искусство их состояло в умении отыскать камень и свести его к наружной ране. Употреблявшиеся ими при этой операции инструменты состояли из свинцового зонда в виде катетера с пуговкой, скальпеля, долота, молотка и клещей. Несмотря на неуклюжесть этих инструментов, большинство операций проходили успешно, хотя весьма часто оставались в результате мочевые свищи. Возможно, что в происхождении этих последних играло роль отсутствие послеоперационного лечения, так как Яшвили, промывши рану красным вином и положивши на нее пластырь, приготовленный из яичного желтка и перламутрового порошка,¹ удалялись, оставляя оперированного попечению окружающих или даже на произвол судьбы. Сами же заканчивали лечение редко и за особую плату, помимо условленной платы за производство операции, употребляя при этом свои секретные мази.

Кроме туземных лекарей, не имевших специального медицинского образования, врачебной практикой занимались также католические миссионеры-капуцины. Одни из них лечили всякие внутренние болезни, другие же занимались преимущественно женскими болезнями и изгнанием ленточных глист.

Таким образом, в руках туземных лекарей и католических патеров было все врачебное дело в Закавказье до прихода туда русских. Наиболее искусные из них состояли лейб-медиками грузинских и имеретинских царей, но со времени установившихся более тесных сношений Грузии с Россией грузинские цари в трудные минуты стали искать врачебной помощи у русских и обращались к русским государям с просьбами о присылке им врачей. В конце XVIII столетия Вильгельм Гирциус – доктор Георгиевского корпусного госпиталя – по повелению Императора Павла ездил в Тифлис лечить царя Ираклия, а когда в 1800 году здоровье царя Георгия XII вследствие усилившейся водянки ухудшилось, он просил командовавшего на Кавказской Линии генерала Кнорринга прислать ему, хотя на время, искусного доктора своею властью, или, если нужно, испросивши на то разрешение Государя.

Ездил ли кто из русских врачей к царю Георгию в Тифлис, неизвестно, но Кнорринг выслал ему целый ящик с лекарствами, которые, очевидно, нельзя было достать в Тифлисе.

Лейб-медиками трех последних грузинских царей Теймураза, Ираклия и Георгия XII были туземные лекари Караевы, у которых врачебное искусство было семейным достоянием. Родоначальник их Антон Караев научился искусству распознавать болезни и лечить их у итальянцев, но дипломированным врачом он не был. По итальянским книгам он обучил медицине своего сына Иосифа, который в свою очередь передал свои знания, больше практическим путем, двум своим сыновьям Иосану (Ивану) и Андрею. Эти последние практиковали в Тифлисе в эпоху присоединения Грузии к России. Когда царевичи Иоанн и Баграт² во главе грузинского посольства отправились в Петербург, в числе лиц их свиты находился Иван Караев, состоявший лекарем при царевичах. В 1801 году, при возвращении в Тифлис, он получил Высочайший подарок – золотые часы в 230 рублей, а во время коронации был награжден золотой медалью. Вскоре после того ему снова пришлось быть в Петербурге в свите царицы Дарии. Князь Цицианов, отправляя царицу в Россию в октябре 1803 года, предлагал для сопровождения ее «взять лекаря по назначению ея величества, хотя бы одного из здешних католических патеров: Филиппа, ее лечившего, или Антония», но царица убедительно просила назначить ей грузинского лекаря Ивана Осипа-швили,³ который жил тогда в Кахетии в деревне Руис-пири. Просьба царицы была удовлетворена, но кроме Караева были назначены еще два лекаря – Георгий Нацвалов и Пантелеймон Узнагов, которые также были зачислены в свиту царицы. В третий раз Иван Караев сопровождал в Петербург царевича Теймураза по назначении генерала Тармасова. За оказанные им членам грузинского царского дома услуги он

¹ Они уверяли, что в состав пластыря входит жемчуг.

² Сыновья Георгия XII.

³ Иван Осипович Караев. Осипа-швили значит сын Осипа (Иосифа).

был награжден чином Коллежского Ассессора. Андрей Караев все время проживал в Тифлисе, занимаясь практикой, и за успешное лечение получал от общества тифлисских жителей одобрительные аттестаты. Братья Караевы долговременной практикой в Тифлисе приобрели большой опыт в лечении болезней, в особенности свойственных местному климату, а знание туземных языков, обычаев и рода жизни местного населения облегчало им среди последнего врачебную деятельность (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 29-290б.).

Известным также в Тифлисе лекарем был родственник Караевых Степан Лойнов. С малых лет его учили врачебному искусству Антон и Иосиф Караевы, но он, не удовлетвовавшись приобретенными от них знаниями, отправился в Австрию и в Триесте в монастыре св. мучеников изучал теорию медицины по латинским и армянским книгам, практически же занимался у медика Петра Ермесиана и для окончания своего образования поступил в Венецианский университет. Шесть лет он затем практиковал в Константинополе, где «упражнялся с великим прилежанием в пользовании морового поветрия», но по требованию царя Георгия XII прибыл в Тифлис и был послан лечить Ширванского хана Мустафу, а потом отправлен был в Ганджу, где лечил Джевад-хана и все его семейство. При Цицианове он ездил в Эриван лечить сына Эриванского хана и, будучи в Эриване, получил от находившихся в Персии грузинских царевичей Александра и Теймураза приглашение приехать лечить их, но приглашение это он отклонил и вернулся в Тифлис.

Придворным врачом последнего имеретинского царя Соломона в Кутаиси был католический патер Николай, который не столько занимался лечением, сколько разного рода интригами. В 1805 году он был приглашен лечить владетельного князя Мингрелии Григория Дадияни, и когда тот скоропостижно умер, то вдова Дадияни княгиня Нина написала князю Цицианову: «супруг мой скончался ядом и при смерти его в малое время был там сей католик и произошел общий слух, что он учинил сие» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 290б.). Князь Цицианов, давно уже наблюдавший за патером, воспользовался случаем и приказал арестовать его и доставить в Тифлис. За патера тотчас же вступились влиятельные лица. Прежде всего родной брат умершего Дадияни митрополит Мингрелии Чкондидели Бесарион удостоверил полную невинность его, утверждая, что «патер Николай три раза спасал Григория Дадияни от смерти, жизни своей не щадил для него и в последний раз, прибыв для лечения, не застал его уже в живых». Затем и княгиня Нина, ставшая правительницей Мингрелии, обратилась уже к графу Гудовичу в декабре 1806 года с просьбой не делать патеру Николаю никакого взыскания, так как она достоверно узнала, кто отравил ее мужа, и что она не жаловалась князю Цицианову на патера Николая, а только сообщила, что князь Григорий Дадияни умер от отравления. Немного раньше, а именно в июне 1806 года, царь Соломон, жалуясь графу Гудовичу на то, что «схватили нашего придворного врача патера Николая и взяли пленником», настоятельно просил отпустить его к нему, и патер Николай сумел выпросить у графа Гудовича отпуск в Имеретию и Мингрелию на 4 месяца для собирания долгов. Попавши вновь к царю имеретинскому, он и не думал возвращаться в Тифлис, в качестве же ближайшего советника царя старался отвлечь его от России и русских. В виду такой его деятельности, когда прошло уже полгода со времени отъезда его в Имеретию, граф Гудович в январе 1808 года приказал полковнику Тарасову, стоявшему в Кутаиси с батальоном Белевского полка, арестовать патера Николая и доставить в Тифлис, причем на препровождение его из Кутаиса до Тифлиса было выделено 10 червонцев (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 30-300б.).¹

Завершение медицинской анархии произошло после введения в Грузию русского правления. В то время в губерниях России действовали уже врачебные управы, как губернские врачебно-административные центры, и этот тип врачебной организации был перенесен в Грузию. Постановлением внутреннего в Грузии управления, Высочайше утвержденным 12 сентября 1801 года учреждалась «Медицинская управа на том основании, как оныя существуют по губерниям империи Всероссийской». В пяти уездах, на которые разделена была Грузия, по выработанным штатам полагалось по одному уездному доктору или лекарю с лекарским учеником и по одной повивальной бабке на каждый уезд. На содержание всего врачебного персонала в Грузии, не считая военных лекарей, было ассигновано 4285 рублей в год (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 31).²

Первым инспектором грузинской врачебной управы был назначен доктор Рензинг из Казани, но он не пожелал ехать в Закавказье, потому управа долго не открывалась. Замедлившееся открытие ее побудило Верховное грузинское правительство взять на первое время в свои руки заботу о народном здравоохранении и возложить санитарные обязанности в городах на комендантов, а в уездах на капитан-исправников. Поэтому в пунктах 7, 8 и 15 «наставления Верховного грузинского правительства комендантов в Тифлисе и прочих городах Грузии определенным» говорилось следующее: «7) Буде (от чего Боже сохрани) в городе окажутся на людях прилипчивые болезни, яко: горячки с пятнами,³ кровавые поносы и другие тому подобные болезни, то коменданту свидетельствовать немедленно самому на месте с находящимся в городе лекарем, при приходском

¹ Голландский и французский червонец полновесный ходил по курсу от 3 рублей до 3 рублей 20 коп. серебром.

² Годовое жалование: Инспектору Врачебной Управы 700 руб., членам Управы – оператору и акушеру каждому по 500 руб., писарю 80 руб., повивальным бабкам: старшей 120 руб., младшей 80 руб. На расходы по Врачебной Управе 80 руб., и на разъезды 200 руб.

³ Сыпной тиф, эпидемии которого появлялись часто, особенно в XVIII столетии.

священнике и двух свидетелях, и буде подлинно таковыя болезни по освидетельствовании являться, тогда для предупреждения прилипчивости комендант отлучать имеет здоровых от больных, так чтобы сообщения одни с другими не имели; пользование и излечение поручает врачам, сам же о болезни уведомляет не мешкав Исполнительную Экспедицию, главнокомандующего и правителя Грузии, с ясным лекарским описанием как болезни, так и где, кому и от чего она приключилась».

«8) Буде в городе заподлинно язва¹ окажется, тогда комендант поступать имеет в силу предписаний 1771 года об осторожностях, а именно: 1) о приставлении караула к опасным местам, 2) о запрещении проезда сквозь зараженные места, 3) о имении огней,² 4) об употреблении предосторожностей для уменьшения бедствия, 5) о приведении в действие, как предохранить себя от прилипчивости».

«15)... и чтобы везде в городе на улицах и мостах была чистота, и палой скотины или мертвечины, от чего вредный дух происходит, нигде в городе не валялось» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 310б.-32).

Капитан-исправникам же предписывалось: «буде окажутся где в уезде целые селения, зараженные одною опасною болезнью, то приложить попечение и старание о излечении и сохранении человеческого рода».

Коменданты и капитан-исправники в непривычной для них роли санитарно-врачебных деятелей оказались бессильными и сами по себе, как совершенно неподготовленные к такого рода обязанностям, и по отсутствию лиц медицинского персонала, которым они могли бы передать это дело. Даже в Тифлисе, на глазах у Главнокомандующего, коменданту трудно было бороться с укоренившимися, вредными в санитарном отношении, привычками жителей, почему князь Цицианов, в виду печального санитарного положения города, нашелся вынужденным в предписании³ Тифлисскому коменданту князю Саакадзе предложить между прочим следующее: «За чистотою в городе смотреть вам неослабно и взыскивать с подчиненных, чтобы на улице никто никакой нечистоты или стервы не кидал. Против чьего дома найдется, велеть тому вычистить». «Приискать за городом место для заведения бойни и по одобрению моему объявить, чтобы в городе никакой скотины не бить, а битую уже приносить в лавки и всегда чистым полотенцем покрывать, растолковав им, чтобы от битья скотины в городе делается смрад и вредный для людей запах; покрывать же для того, чтобы не пылилось мясо и не безобразно было видеть, – что все делается оное для сбережения здоровья жителей и что здоровье дороже денег, а потому и жалеть последнего для первого глупо». «Так как кожевенные заводы не могут быть терпимы в городе от худого запаха, когда квасят кожи, то и объявить кожевникам, чтобы они переходили далее за город и в удалении от жилья при реке, особливо чтобы их не было возле бань». «Запретить чрез купеческих старшин продавать во всех лавках без разбора мышьяк и другие вредные зелья, приказав выбрать одну лавку надежнейшего купца, которому без порук не продавать и за всякое несчастье имеет он отвечать, буде докажется, что он продавал неизвестным и не имеющим поручительства людям ядовитые растения или составы, могущие по неведению и неосторожности быть причиною гибельных следствий и даже самой смерти» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 32-320б.).

Как не нашлось врачей для санитарного дела в Грузии в первые годы по присоединении последней к России, так и не оказалось их для производства медико-топографического описания новоприобретенного края. Генерал-Лейтенант Кнорринг, сознававший всю важность подробного и обстоятельного изучения края в медицинском отношении, поставил задачу «узнать подробно и точно внутреннее землей сей состояние, которое тем темнее представляется, что никто из чиновников грузинских не преподал ясного о ней понятия», включил в программу предпринятого камерального описания Грузии такие вопросы:

«Нет ли где истекающих минеральных вод и других ключей?»

«Какой где климат – умеренный или жаркий в летнее время, либо холодный?»

«Какой воздух, благорастворенный и больше ли бывает ясная погода или сумрачная?»

«Какие воды, здоровы ли к употреблению для жизни человеческой?»

«Каковы где жители в здоровье и крепости силе, или где бывают болезни обыкновенные месту, какие и от чего оные приключаются, расспрашивая о сем последнем пункте более у медицинских чиновников, находящихся при воинских командах» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 33).

Для составления камерального описания были вызваны с Кавказской линии три офицера генерального штаба – полковник Дренякин и капитаны Пирт и Чуйко. Они должны были записать первые медико-топографические сведения о Грузии. Необходимо отметить, что подобные работы позднее в разных частях Кавказа происходили постоянно. Так, например, активно изучались местности на Черноморском побережье Кавказа (Ivantsov, 2013).

Только 16 июня 1803 года «по отпетии молебствия и водоосвящения открыта Грузинская Врачебная Управа, и чиновники, назначенные Государственной Медицинской Коллегией, в оную на

¹ Морская язва или чума

² Сигнальных

³ От 3 марта 1803 года за №287.

места введены». Личный состав Управы был следующий: Инспектор – доктор Рейнгольм, оператор – штаб-лекарь Измайлов и акушер – Фелькенштейн.

Для новой управы в новом краю работы было много, тем более что места уездных лекарей оставались вакантными за отсутствием желающих занять их, и членам управы, да и самому инспектору, приходилось быть в почти постоянных разъездах. Как государственный человек большой опытности князь Цицианов еще до открытия Грузинской Врачебной Управы предвидел, что насаждение врачебной организации в Грузии по той форме, какая выработана была для России, не принесет желаемой пользы населению края. Русские врачи, даже самые опытные и искренне преданные своему делу, немного могли сделать, не зная страны, не понимая языка ее жителей и не будучи знакомы с их нравами и обычаями. В лучшем случае они были бы чиновниками от медицины, в которых Грузия не особенно нуждалась, врачей же в ней не было бы по-прежнему. Необходимо было дать народу врачей со специальным медицинским образованием, но таких, которые, подобно туземным лекарям, были бы близки населению и понимали бы его. Этого можно было достигнуть, образовав для Закавказья медиков из среды местного населения. Князь Цицианов и пошел прямо к этой цели. В начале 1803 года во всеподданнейшем рапорте¹ он испрашивал: «не сообразовано ли будет повелеть, – выбрать желающих армян, а может быть таковые найдутся и из бедных грузинских дворян, отправить детей своих для обучения медицинской науки в Императорском Московском университете на казенном Вашего Императорского Величества иждивении, числом до 12 человек» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 33об.-34). Представление это государем было найдено основательным, и тогда же по Высочайшему повелению был принят в Московский Университет на казенное содержание сын армянского врача Татулы и разрешено было еще отправить в тот же Университет до 12 человек из армян или из грузинских дворян.

Но пока принимались меры к образованию врачей для Кавказа, Грузинская Врачебная управа начала работать по-своему. Опираясь на букву закона, она потребовала от всех практиковавших в Грузии туземных лекарей представления документов на право практики, и так как таковых ни у кого не оказалось, то всем им было запрещено заниматься лечением. Бойкие Тифлиские практиканты, как братья Караевы и Лайновы не смутились этим и подали прошение на Высочайшее Имя о дозволении продолжать практику в Тифлисе, но официального разрешения на это, понятно, получить не могли и продолжали свою врачебную деятельность уже негласно. Более изворотливым оказался армянский врач Татула Акимов. Заручившись покровительством графа Гудовича, он добился у медицинского начальства дозволения лечить больных. В 1817 году, Грузинская Врачебная управа дала и Караевым позволение заниматься врачебной практикой, обязав их только в необыкновенных и сомнительных случаях требовать совета у должностных медиков, а о лечащих ими больных доставлять в управу ведомости, но член-акушер управы Мартиненко обжаловал данное разрешение и добился того, что та же управа уже по предписанию гражданского генерал-штаб-доктора запретила снова врачебную практику Караевым, обязав их на этот раз подпискою (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 34об.).

Была ли какая-либо необходимость в принятии Грузинской Врачебной управой репрессивных мер относительно туземных лекарей? Нам представляется что, нет. Прежде чем отнимать у населения возможность пользоваться врачебной помощью, к которой оно привыкло в течение нескольких столетий, следовало позаботиться заменить ее другой, более рациональной. Но этого не было. Запрещая практику туземным лекарям, Врачебная управа обрекала больное население Грузии на полную беспомощность и если не достигла своей жестокой цели, то только по невозможности практически осуществить объявленное запрещение. Лечить туземные лекари, конечно, продолжали, но стали при этом осторожными, а контроль за их деятельностью сделался проблематичным.

Вопрос о туземных лекарях на Кавказе, который так легкомысленно решила Грузинская Врачебная управа, оказался довольно сложным, и в последствие поднимался не раз. Так во времена Ермолова, когда за тех же братьев Караевых, достигших тогда уже почтенного возраста, вступилось тифлисское общество в лице Грузинского губернского предводителя дворянства, генерал Ермолов по этому поводу обратился к управлявшему министерством внутренних дел Ланскому. Он писал,² что запрещение Караевым практики огорчило тифлиских жителей, которые питали к ним полное доверие, а положение края, обычаи азиатские и затруднение, которое встречают русские доктора от незнания языка, побудили его самого уважить единогласное и настоятельное ходатайство Грузинского дворянства в пользу Караевых (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 35).

Что же делали в Грузии военные врачи? Им сразу пришлось, образно выражаясь «сесть на два стула», то есть работать и за себя и за врачей гражданского ведомства, числившихся только по штатам. Распорядительница всем врачебным делом – Грузинская Врачебная управа получила в свое ведение военный медицинский персонал, которым и стала пользоваться. Где бы не нужен был врач, посылался военный лекарь, а находившаяся на его попечении войсковая часть передавалась заботам фельдшера. Что выходило из этого, наглядно обрисовано в отношении генерала Ртищева к военному

¹ От 4 января 1803 года №1.

² Письмо от 15 сентября 1826 года за №149.

министру: «в сей крайности по уездам¹ я заимствуюсь единственно лекарями от полков, где они также необходимы, и бывает так, что по заразе или болезни сомнительной и повальной лекарь из полка по необходимости командирован в селение; между тем, во время его отлучки, люди в полку заболевают, и в случае заразы фельдшер, заступающий его место, по неопытности и незнанию первый делается жертвою сей болезни, которая потом распространяется до того, что надо отовсюду уже собирать лекарей для прекращения» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 35).² Положение ухудшалось еще тем, что и в войсках лекарей было мало, да и то большею частью из числа обучавшихся в военных госпиталях учеников, которые не имели достаточной подготовки для самостоятельного ведения лазаретного лечения, хирургов же не было совсем. На Кавказ ехали большею частью молодые и неопытные ради тех преимуществ, которые давала кавказская служба. Цицианов, прибывши в Закавказье, не нашел там ни одного военного штаб-лекаря, тогда как начавшиеся уже военные действия и предвидевшийся целый ряд походов указывали на настоятельную нужду не только во врачах вообще, но и в специалистах хирургах. Будучи человеком довольно настойчивым, Цицианов не упускал случаев, которые давали повод ходатайствовать об улучшении состояния военно-медицинской части; и, зная, что средства современной медицинской школы в России не позволяли надеяться на многое, старался добиться хотя чего-нибудь. На это указывает, между прочим, следующий факт. В марте 1803 года при перестрелке с лезгинами у брода Урдо был ранен в голову начальник артиллерии майор Лидерс. Последовавшую через несколько дней смерть его поставили в вину лечащим врачам, и Цицианов донес императору, что Лидерс «сделался жертвою не искусства и малоопытности лекарей» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 35). Опираясь на этот случай, он убедительно просил, чтобы в Грузию прислали хотя бы одного штаб-лекаря и одного хирурга, необходимых как на случай походов, так и для надзора за лечением в лазаретах.

Рис. 1. Князь П.Д. Цицианов. Наместник Кавказа в 1802–1806 гг.

Заболеваемость в частях войск вообще была велика, и усиленно болеть начинали люди вскоре по приходе в Грузию, особенно же рекруты. Благодаря жизни в землянках и отсутствию огородных овощей цинга не прекращалась круглый год, сезонными же болезнями являлись горячки, лихорадки и поносы. Среднее месячное число лазаретных больных хотя и варьировало в довольно широких границах, от 5 % до 50 % наличного состава или от 50 до 500 на 1000, но войсковых частей с малым процентом больных было весьма немного, да и то главным образом в зимние месяцы, когда вообще заболеваемость падала. С наступлением весны число больных начинало увеличиваться, летом болезненность была довольно высока, представляя, впрочем, иногда резкие колебания, и наивысшего развития она достигала осенью, когда в иных частях больше половины наличного состава людей лежали больными (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 35об.-36).³ При неудовлетворительной санитарной отчетности регистрация заболевших

¹ То есть по отсутствию уездных лекарей.

² Отношение генерала Ртищева к генералу-от-инфантерии Вязмитинову от 19 декабря 1814 года №124.

³ Приводим здесь хотя и отрывочные, но все же довольно убедительные, цифровые данные о размерах войсковой болезненности в Грузии в начале XIX столетия. В Тифлисском мушкетерском полку 24 июля 1802 года при численном составе в 1358 человек состояло больных 104, а из числа 22 казаков Донского Тарасова полка, прикомандированных к шефской роте, было 8 больных. Тифлисский полк был расквартирован в следующих пунктах: шефская рота в сел. Сачареджо, рота майора

велась все-таки довольно правильно. Главнейший недостаток военно-санитарной отчетности состоял в отсутствии однообразной номенклатуры болезней, так как никакой установленной формы носологической таблицы не было, и последняя составлялась весьма разнообразно, причем самая группировка болезней у разных составителей отчетных ведомостей была различна. Одни ограничивались 10 болезнями, другие приводили их 15, третьи насчитывали до 20.

Таблица 1. Ведомость Кавказского гренадерского полка 2-го фузелерного батальона за сентябрь 1803 года об умерших и больных в батальонном лазарете (на 25 сентября) (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 37).

Болезни	Кол-во чел.
Простудною горячкою	10
Лихорадками: трясевицами / перемежающимися	36 / 9
Желчными горячками	21
Воспалительными горячками	7
Выхождением задней кишки с прохода после бывшего кровавого поноса	1
Поносами: простым / кровавым	8 / 5
Застарелыми цинготными ранами	2
Открытым нарывом в горле после жабы	1
Слабостью после различных болезней	26
ИТОГО	126
Умерло в течение сентября	16

Таблица 2. Движение болезненности в 15-м егерском полку за май 1803 года (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 37-37об.)

	Состояло к 1 мая	Заболело	Выздоровело	Умерло	Состоит к 1 июня
Опухолью	6	3	2	2	5
Водяною	5	-	1	2	2
Чахоткою	3	2	-	1	4
Нарывом	7	1	4	-	4
Затвердением внутренностей	7	5	6	-	6
Слабостью	5	6	3	-	8
Горячкою	12	6	6	2	10
Лихорадкою	40	15	3	5	47
Цинготною	11	-	6	-	5
Ломотою	12	1	10	-	3
Ранами	12	4	8	-	8
Колотьем	8	-	6	-	2
Поносом	9	-	8	-	1
Венерическою	8	-	2	1	5
ВСЕГО	145	43	65	13	110

Цекуша в сел. Хашме, рота майора Монтрезора в сел. Марткоби, рота капитана Кривоносова в сел. Манане, рота майоров Сергеева и Первушина в сел. Коды, роты капитанов Токарева и Ребиндера в сел. Квети и роты майора Чегешева и капитана Шестакова в Бамбакской провинции. В Донском казачьем Щедрова полку 16 ноября 1802 года было 34 больных при наличном составе полка 461 казаков. Более богатые данные мы нашли относительно заболеваемости в 1803 году. Последнюю можно было проследить по отдельным месяцам, хотя в разных частях войск. В марте в роте Кавказского гренадерского полка (майора Чхейдзе), стоявшей Душете, заболело 10 из 150 человек списочного состава. В шефском батальоне 17-го егерского полка за апрель было 24 больных на 372 человека наличного состава, а батальон полка, входивший в состав отряда, который стоял в сел. Карахисе (Бамбакской провинции), в том же апреле дал 30 госпитальных и 70 околоточных больных при наличном составе в 317 нижних чинов. Во всем этом отряде, состоявшем, кроме батальона 17-го егерского полка, еще из роты Тифлисского мушкетерского полка, артиллерийской команды и казачьей сотни, показывалось больных 15 апреля 52 на 663 здоровых и 27 апреля 99 на 506 здоровых. В двух ротах 9-го егерского полка (из батальона подполковника Рыкова), расположенных лагерем у Душета, в июле заболело 5 из 102 человек наличного состава. В сентябре рота капитана Васильянова Кавказского гренадерского полка дала 39 больных при наличном числе 144 нижних чинов, а во 2-м фузелерном батальоне того же полка состояло здоровых 279 и больных в лазарете 142, из которых в течение месяца умерло 16. В том же сентябре Кабардинский мушкетерский полк, штаб-квартира которого была в Телаве, а самый полк располагался в окрестных деревнях и селениях (Кварели, Карданах и др.), при наличном составе в 1016 нижних чинов, по ведомости на 26 сентября имел 143 больных, в батальоне же Тифлисского мушкетерского полка в течение сентября было больных 206, а здоровых оставалось 274. В октябре шефский батальон Кавказского гренадерского полка дал 150 заболевших, в том числе 23 от прилипчивой болезни и 127 от разных болезней, и 16 умерших. В ноябре в шефском батальоне 17-го егерского полка заболело 44 нижних чина при наличном составе их 249. В декабре полковничья рота Тифлисского мушкетерского полка дала 9 больных на 67 здоровых.

Лечение давало плохие результаты, и обстановка лазаретного режима далеко не благоприятствовала исцелению. По действующим с 1765 года положениям полковые лазареты содержались казной на счет фортификационной суммы только в крепостях, по городам же и селениям под лазарет выбирался обывательский дом «спокойный и в свежем воздухе построенный». Если же жители не желали помещать больных воинских чинов в своих домах, то должны были на свой счет строить здания для полковых лазаретов. По Высочайше утвержденному 14 марта 1804 года докладу министра военных сухопутных сил допущено было исключение для Кавказской линии по малолюдству ее населения. Все, что в других местах возлагалось на обывателей, на линии решено было «исправлять впредь до указа казенным коштом хозяйственно и без больших издержек, заменяя при строениях сколько можно другими те вещества, коих там или вовсе нет, или доставление их весьма затруднительно и сопряжено с великими издержками» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 370б.). Но Грузия была уже не линия, помещения для лазаретов должны были отводить обыватели, и они давали свои сакли и землянки, не имея возможности по бедности построить лазаретные помещения. Таким образом, заболевший в землянке солдат и лечиться попадал в такую же землянку. «Когда занеможет человек в такой сакле или землянке, то излечение его трудно», писал князь Цицианов, оправдываясь в большой убыли людей¹ и не сваливая всю в том на недостаток или не профессионализм лекарей, как это делалось в подобных случаях на Кавказской линии.

На большую убыль людей в войсках обратил внимание Император Александр I. Ссылки на губительное влияние Кавказского климата признавались уже недостаточно убедительными, да и князь Цицианов далеко не был склонен объяснять все санитарные неурядицы одним климатом. В медленно назревавшем вопросе о мерах для сбережения здоровья войск стали занимать не последнее место упущения ближайших войсковых начальников, отчасти по нерадению, а иногда из корыстных целей, ставивших солдат в весьма тяжелые условия всего их житейского и служебного обихода, при безучастном отношении к этому высших начальствующих лиц. Явилась потребность разобраться в этом сложном вопросе и выяснить истинную причину печального санитарного положения русских войск в Закавказье. Начало этому положило Высочайшее повеление, чтобы Инспектора входили в подробное рассмотрение причин усиленной заболеваемости и смертности в той или другой войсковой части и, принимая нужные к прекращению этого меры, доносили Государю «о всех найденных несообразностях с выгодами службы или же упущениях ближайших начальников» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 38).²

5. Заключение

Завершая необходимо отметить, что до прихода русских Грузия располагала собственной народной медициной. Эта медицина формировалась в предыдущие столетия, и, несмотря на наличие среди знахарей значительного количества несведущих людей, в Грузии лечили и лечили достаточно успешно. Гораздо сложнее дело обстояло с хирургией, которая в Грузии практически отсутствовала. Именно в этих условиях в Грузии в 1801 г. была учреждена Грузинская Врачебная управа. Начались мероприятия по упорядочению работы знахарей в регионе. Помимо этого правительством было обращено внимание на то, что русские врачи, плохо понимающие грузинскую речь, не совсем эффективно могли помогать больным, в результате был санкционирован набор на обучение в Московский университет для представителей из числа местного населения.

Литература

- Аршба, 2007 – Аршба С.Г. Народная медицина абхазов. Москва, 2007.
- Батаев и др., 2006 – Батаев Х.М., Хаджиева А.Ж., Яхьяева З.И. Народная медицина северо-восточного Кавказа на примере Чеченской республики. Пятигорск, 2006.
- Батаев, Яхьяева, 2006 – Батаев Х.М., Яхьяева З.И. Народная медицина Чечни // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*. 2006. № 6. С. 155-157.
- Броневский, 1823 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. Ч. 1. М., 1823.
- Гришкина, 1992 – Гришкина М.В. Народная медицина удмуртов (из опыта XVIII–XIX вв.) // *Вестник Удмуртского университета*. 1992. № 6. С. 47-53.
- Кызылоол, 2015 – Кызылоол М.М. Народная медицина Тувы: современное состояние и перспективы развития // *Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов*. 2015. Т. 2. № 1-1. С. 226-228.
- Минибаева, 2009 – Минибаева З.И. Народная медицина башкир Южного Урала и тюркских народов Сибири: общее и особенное // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2009. № 37. С. 37-46.

¹ Отношение князя Цицианова к князю Чарторыйскому от 16 апреля 1805 года №266.

² Приказ князя Цицианова во все полевые полки Кавказской инспекции по инфантерии от 28 сентября 1804 года.

Пирогов в Дагестане..., 2012 – Н.И. Пирогов в Дагестане и народная медицина кавказских горцев. Сборник материалов к 200-летию со дня рождения Н.И. Пирогова / Ответственный редактор: Доного Хаджи-Мурад. 2012.

Туганаев и др., 2014 – Туганаев В.В., Бухарина И.Л., Камашева Е.И. Народная медицина удмуртов // *Здоровье, демография, экология финно-угорских народов*. 2014. № 4. С. 33-34.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40, Is. 2, pp. 382-391.

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44, Is. 2, pp. 428-437.

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Demographic the Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

Ivantsov, 2013 – Ivantsov V.G. A.V. Vereshchagin's work «Travel notes on the black sea okrug» as a historical source. *Bylye Gody*. 2013. Vol. 27, Is. 1, pp. 79-91.

References

Arshba, 2007 – Arshba S.G. (2007). Narodnaya meditsina abkhazov [The traditional medicine of abkhazians]. Moskva. [in Russian].

Bataev i dr., 2006 – Bataev Kh.M., Khadzhieva A.Zh., Yakh"yaeva Z.I. (2006). Narodnaya meditsina severo-vostochnogo Kavkaza na primere Chechenskoi respubliki [The traditional medicine of the northeastern Caucasus on the example of the Chechen Republic]. Pyatigorsk. [in Russian].

Bataev, Yakh"yaeva, 2006 – Bataev Kh.M., Yakh"yaeva Z.I. (2006). Narodnaya meditsina Chechni [The traditional medicine of Chechnya]. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*. № 6. pp. 155-157. [in Russian].

Bronevskii, 1823 – Bronevskii S. (1823). Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The newest geographical and historical news of the Caucasus]. V 2 ch. Ch. 1. M., 1823. [in Russian].

Grishkina, 1992 – Grishkina M.V. (1992). Narodnaya meditsina udmurtov (iz opyta XVIII–XIX vv.) [The traditional medicine of udmurts (from the experience of the XVIII–XIX centuries.)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. № 6. pp. 47-53. [in Russian].

Kyzylool, 2015 – Kyzylool M.M. (2015). Narodnaya meditsina Tuvy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [The traditional medicine of Tuva: the current state and prospects of development]. *Kurortnaya baza i prirodnye lechebno-ozdorovitel'nye mestnosti Tuvy i sopredel'nykh regionov*. T. 2. № 1-1. pp. 226-228. [in Russian].

Minibaeva, 2009 – Minibaeva Z.I. (2009). Narodnaya meditsina bashkir Yuzhnogo Urala i tyurkskikh narodov Sibiri: obshchee i osobnoe [The traditional medicine of the bashkirs of the Southern Urals and the Turkic peoples of Siberia: general and special]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*. № 37. pp. 37-46. [in Russian].

Pirogov v Dagestane..., 2012 – N.I. Pirogov v Dagestane i narodnaya meditsina kavkazskikh gortsev [N.I. Pirogov in Dagestan and the traditional medicine of the caucasian mountaineers]. Sbornik materialov k 200-letiyu so dnya rozhdeniya N.I. Pirogova / Otvetstvennyi redaktor: Donogo Khadzhi-Murad. 2012. [in Russian].

Tuganaev i dr., 2014 – Tuganaev V.V., Bukharina I.L., Kamashева E.I. (2014). Narodnaya meditsina udmurtov [The traditional medicine of udmurts]. *Zdorov'e, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov*. № 4. S. 33-34. [in Russian].

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 40, Is. 2, pp. 382-391.

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801. *Bylye Gody*. Vol. 44, Is. 2, pp. 428-437.

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Demographic the Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

Ivantsov, 2013 – Ivantsov V.G. (2013). A.V. Vereshchagin's work «Travel notes on the black sea okrug» as a historical source. *Bylye Gody*. Vol. 27, Is. 1, pp. 79-91.

УДК 94

**Народная медицина на Кавказе
и деятельность Грузинской Врачебной управы (1801–1804 гг.)**Иван Анатольевич Ермачков ^{a, *}, Лариса Александровна Королева ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Ясмин Гут ^d^a Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается народная медицина в Грузии и деятельность Грузинской Врачебной управы в 1801–1804 гг. После установления русского присутствия в Грузии администрация обращает свое внимание на систему здравоохранения. В 1801–1804 гг. проводится спектр мероприятий по регламентации работы знахарей и целителей, а также русских военных врачей. Источниками для подготовки статьи стали архивные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Помимо этого были использованы научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды. При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Конкретизация частных аспектов, которые на первый взгляд могут показаться слабо значимыми, порой позволяет смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, причинами обучения первых профессиональных медиков из числа кавказского населения стало слабое понимание русскими врачами кавказских языков.

Завершая необходимо отметить, что до прихода русских Грузия располагала собственной народной медициной. Эта медицина формировалась в предыдущие столетия, и, несмотря на наличие среди знахарей значительного количества несведущих людей, в Грузии лечили и лечили достаточно успешно. Гораздо сложнее дело обстояло с хирургией, которая в Грузии практически отсутствовала. Именно в этих условиях в Грузии в 1801 г. была учреждена Грузинская Врачебная управа. Начались мероприятия по упорядочению работы знахарей в регионе. Помимо этого правительством было обращено внимание на то, что русские врачи, плохо понимающие грузинскую речь, не совсем эффективно могли помогать больным, в результате был санкционирован набор на обучение в Московский университет для представителей из числа местного населения.

Ключевые слова: Кавказ, Грузинская Врачебная управа, народная медицина, Грузия, лекари, военный врач.

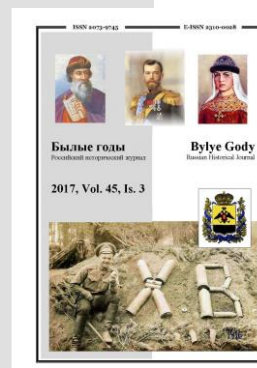
* Корреспондирующий автор

E-mail: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева),
Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 847-852, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.847
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions

Vladimir B. Karataev ^{a, f, *}, Asiya M. Belyalova ^b, Svetlana F. Artemova ^c, Alexander N. Yakushev ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^f East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article deals with the combatant of the Caucasian army of the period 1801-1864, its uniform and equipment. The attention is paid to such traditions in the Caucasian army as *kunachestvo*.

As materials there were used the documents of the archive department of the administration of Sochi city, the state archive of the Krasnodar region, as well as the memoirs of the participants of the Caucasian war. The scientific researches published in Russia and abroad, are also of great importance. The study methods were the principles of objectivity, historicism, systematic, the integrated consideration of socio-subjective in the subject of study and the maximum possible neutrality of the relationship of the researcher to interpret and evaluate the factual material. It was shown especially brightly in relation of borrowing the uniform from caucasian highlanders by the caucasian troops.

The authors came to the conclusion that during the Caucasian war there was happened the frequent substitution of irregular caucasian troops' uniform approved by the charter, with the more convenient in caucasian climate clothing of the local population. The command in the Caucasus systematically sanctioned the reordering of wear of the authorized uniforms among the regular units. Besides, the army has developed the tradition inherent only to the troops in the Caucasus, especially, the pure caucasian traditions – *kunachestvo*.

Keywords: soldier, officer, Caucasian army, Caucasian war, 1801–1864 years, uniform, traditions.

1. Введение

Солдат Кавказской армии периода 1801–1864 гг. – это уникальное явление русской военной истории. Уникальность комбатанта Кавказской войны состоит в том, что в связи с длительностью конфликта, происходила эволюция многих составных частей окружающего мира: быта, досуга, обмундирования, традиций и т.д. То есть для того, чтобы находиться и воевать на Кавказе требовалось – стать кавказцем.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов было привлечены документы архивного отдела администрации города Сочи, государственного архива Краснодарского края, а также мемуарные произведения

* Corresponding author

E-mail addresses: vladimir-karataevo@rambler.ru (V.B. Karataev), asyulya@mail.ru (A.M. Belyalova), Yakushev.AN@rea.ru (A.N. Yakushev)

участников Кавказской войны. Важное значение имеют и научные исследования, опубликованные как в России, так и за рубежом.

2.2. Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала. Особенно ярко это было проявлено в отношении заимствования у горцев Кавказа видов формы одежды кавказскими войсками.

Помимо этого в работе был применен историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

3. Обсуждение

Первые публикации по теме исследования появились еще в период Кавказской войны и в первые десятилетия по ее окончанию. Как правило, эти публикации выходили в центральном журнале Военного ведомства Российской империи – «Военном сборнике».

Как правильно отметили А.А. Черкасов и др. в историографической работе о журнале «Военной сборник» и отражении в нем темы Кавказской войны: «Тема Кавказской войны весьма активно рассматривалась на страницах журнала в 1860–1870-е гг. Позднее интерес к теме пошел на убыль» (Cherkasov et al., 2014: 418). Авторы обратили внимание на отражение в «Военном сборнике» четырех рассматриваемых аспектов, а именно: воспоминания участников; зарисовки боевых действий и официальная информация; военно-исторические исследования и биографии активных участников боевых действий (Cherkasov et al., 2014: 418). Таким образом, проблемы рассматриваемые в данной статье были практически не отражены.

Итак, применимо к теме нашего исследования в публикациях рассматривались: вопросы изменения в обмундировании и снаряжении русских регулярных войск (Изменения, 1862), о форме и боевом снаряжении казачьих иррегулярных подразделений (О форме, 1866), проблемы полковых библиотек на Кавказе (Абельдяев, 1859), о традициях кавказских войск между собой и местным населением (В-ий, 1872; Стреллок, 1870; Иванов, 1859 и другие).

Эпизодическое освещение эта тема получила и в современное время. Здесь необходимо назвать работы: о Восточной войне 1853–1856 гг. (Зайончковский, 2002), об обмундировании европейских солдат (Гольжников, Степанов, 2002), а также труды по разным аспектам жизни Кавказских войск в условиях Кавказской войны (Cherkasov et al., 2014; Karataev et al., 2016; Черкасова, 2007; Зайцев, 2010; Novikov, 2011).

4. Результаты

4.1. Обмундирование

Согласно Воинского устава солдаты и офицеры русской армии носили однобортные мундиры темно-зеленого цвета. Мундиры были узкие, с перехватом в талии, длиной только до талии, с фалдами сзади. Рукава узкие с перехватом у кисти. Воротники высокие, стоячие без выреза спереди; они застегивались доверху на крючки. Летом полагались полотняные шаровары, а зимой – суконные. Их носили, кроме походов, всегда навывпуск. Шинели длинные, однобортные, со стоячим воротником, шились в талию, в обтяжку, так что под шинель, кроме мундира ничего нельзя было поддеть. Поэтому очень часто солдаты зимой в полевых условиях носили не предусмотренные уставом полушубки, различного цвета и покроя. На походе полы шинели для удобства подворачивались на высоту колен, а иногда углы их отворачивались в стороны и пристегивались у пояса, открывая, таким образом, ноги почти до пояса. О качестве шинельного сукна того времени говорят следующие сведения: шинель, весившая обыкновенно около 8,5 фунта¹, после дождя весила до 23 фунтов (примерно 10 кг). При этом шинель в исследуемый период была единственной защитой солдата от осадков и холодной погоды. На Черноморской береговой линии по правилам весь личный состав после захода солнца и до рассвета в любое время года обязан был носить шинель. Солдатское мундирное сукно было толстое, без ворса, темно-зеленого (почти черного) цвета.

Головным убором являлся кивер. В 1829 г. для войск Кавказского корпуса ввели особый меховой кивер. Однако он не прижился и был отменен в 1842 г. (Гольжников, Степанов, 2002: 178). В 1844 г. для всей армии ввели вместо кивера кожаные лакированные каски с двумя козырьками, подборной чешуей, медным гербом Российской империи на лобной части и наверху в виде шпилья (Гольжников, Степанов, 2002: 180).

Офицеры имели обмундирование из сукна более высокого качества. Плюс они располагали сюртуком и фуражкой, которые по уставу могли носиться вне строя, однако на практике сюртук носился и в строю, и в бою, став излюбленной одеждой офицеров, а фуражка – любимым и самым универсальным головным убором.

Ранцы из телячьей кожи, более полуаршина в квадрате, весили около 4,5 фунта и носились на спине на широких ремнях, перекрецивавшихся на груди. Сверху к ранцу привязывался

¹ Фунт – мера измерения веса равная примерно 450 граммов.

цилиндрической формы чемаданчик для укладки в него шинели или запасного мундира и металлический котелок или манерка для воды. Ранец с полной укладкой весел 28,81 фунта (примерно 12,5 кг) (Зайончковский, 2002: 438). В 1860 г. перекрещенные ремни на ранцах были заменены на плечевые, такая замена была связана с медицинскими противопоказаниями, так как точка опоры для ранца находилась на груди, а не на плечах (Изменения, 1862: 533-534).

Патронная сума, в которую укладывались все носимые солдатом патроны, была кожаная, больших размеров (5х6 вершков¹) с металлическими украшениями и весила без патронов 2,7 фунта (1,2 кг) (Зайончковский, 2002: 439). Она носилась на широком ремне через левое плечо под ранцем сзади ниже поясницы.

Однако на практике в боевых условиях редко соблюдались уставные требования в отношении формы и снаряжения. Особенно это касалось подразделений, расположенных на периферии к которой, бесспорно, относилась Черноморская береговая линия и войска в других районах Кавказа. При этом порой даже начальство, понимая неудобство ношения уставной формы в сложных климатических условиях Кавказа, давало добро на нарушения правил ношения формы солдатами и офицерами. Так, в 1840 г. генерал-лейтенант Н.Н. Раевский-младший отдал распоряжения по вверенному ему десантному отряду², которым предусматривались следующие отступления от уставных норм: в жаркие дни личный состав на работах и в крепости должен был быть в летних панталонах и рубахах без мундиров и галстуков (отряд проводил операции летом 1840 г., когда жара доходила до 40 градусов); караульные прямо поверх рубах должны были надевать перевязи и сумами; на ночь караульные должны были одевать зимние панталоны, набрюшники, галстуки, мундиры или овчинные фуфайки и шинели, или, смотря по особому распоряжению, мундиры и шинели в накидку; все остальные за час до захода солнца должны были одевать шинели; для защиты от дождя цепных резервов разбивать для них палатки, расстегивая передние полы. Офицерам с момента отплытия судов с десантом из Феодосии разрешили эполеты не носить, исключая дежурных по отряду, которые должны были быть при эполетах и в шарфе, остальные дежурные (по различным подразделениям) должны были быть только при полусаблях. Так же офицерам разрешили фуражки с козырьками считать вместо кивера и при встрече начальства их не снимать. Воротники мундиров приказано было офицерам не застегивать, помимо этого разрешили расстегивать несколько пуговиц на груди (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 7. Л. 36-37).

А вот как описывал кавказского офицера Лев Николаевич Толстой в своем рассказе «Набег»: «На нем был старый истертый сюртук без эполет, лезгинские широкие штаны, белая папашка с опустившимся пожелтевшим курпеем и незавидная азиатская шашка через плечо» (Толстой, 1956).

Все это несоответствие формы боевым условиям Кавказа привело к введению в 1848 г. для чинов кавказского корпуса особой формы одежды (Гольжников, Степанов, 2002: 178). Отныне мундир состоял из широкого кафтана до колен, меховой шапки, азиатского типа и шаровар. Удобство нового обмундирования отмечал даже Наместник на Кавказе М.С. Воронцов в письмах к своему другу и предшественнику А.П. Ермолову. Эта форма послужила образцом для реформы обмундирования всей русской армии, проведенной в 1856 г.

В то же время на Кавказе в среде солдат и особенно офицеров считалось особым шиком в течение некоторого времени носить одежду убитого врага. Чаще всего это были черкески, чувяки, папахи, бурки и т.д. (Стреллок, 1870).

Особенно были распространены в войсках папахи. Очень быстро в войсках было обращено внимание на этот головной убор. Главным отличием папахи было: во-первых, удобство: зимой она защищала от морозов, летом от жары, а ночью папаху можно было использовать вместо подушки; во-вторых, папаху была прочна при ношении (можно было носить несколько лет) (О форме, 1866: 111). В результате папаху активно использовали в русской армии вплоть до первой мировой войны.

4.2. Традиции

Отличались кавказские войска не только обмундированием, но и традициями. Эти традиции поведения воинских частей на Кавказе формировались благодаря затяжному военному конфликту. Частично эти традиции были описаны в материалах личного происхождения участников боевых действий.

Так, например, в крупных гарнизонах или местах сосредоточения экспедиционных войск имело место куначество. Русские офицеры были свидетелями того как вечерами с песнями и плясками несколько пехотных рот ходили в гости к друг другу (В-ий, 1872: 321).

Существование этого обычая было замечено только в войсках левого фланга Кавказской армии. Всякая рота считала своими кунаками чинов роты другого полка, одной с нею бригады, и носившую один и тот же номер. При встречах, кунаки обменивались вежливостью, выражавшейся в распитии спиртных напитков, что давало возможность тем и другим быть в хорошем расположении духа каждыйдневно.

¹ Вершок – мера измерения длины равная 4,4 сантиметра.

² Во время высадки десантов в устья рек Туапсе и Псеуапсе.

Рота, конвоировавшая колонну в то место, где стояли ее кунаки, смело могла рассчитывать, что к ее приходу будут готовы обед и чарка водки. Впрочем, не в одном хлебосольстве и гостеприимстве заключалось это куначество. Кунаки строго охраняли интересы и честь друг друга и украсть у кого-либо из кунаков считалось большим преступлением; зато в случае надобности, найти компаньона для воровства в другой какой-нибудь армейской части кунаки смело могли рассчитывать друг на друга.

Ярким проявлением куначества в войсках может послужить приведенный диалог между солдатами: «Ведь я тебя знаю; ты, брат, свинья. Ты знаешь, где мой чересок, вот я засну, ты и облапошишь». — «Сам ты свинья, как погляжу; спяна забыл, что я твой кунак». — «И то правда! Ну, брат, извини! Пойдем в духан» (В-ий, 1872: 322). Иными словами принадлежность к кунацкой части гарантировала, что за выпившим на отдыхе солдатом присмотрит не тот так другой кунак.

Подобные отношения частей войск, кроме того, что развивали в солдатах чувство товарищества, имели большое значение и в хозяйстве подразделений. Часть, отправляясь в близкую командировку, к месту расположения ее кунаков, не имела необходимости возить за собою продовольствия для себя и для своих лошадей; следовательно, не для чего было дробить хозяйство на мелкие части, что, конечно, выгодно отражалось на общей экономии. Отсутствие этой традиции в войсках правого фланга приводило к тому, что пришедшие части голодали до тех пор, пока не являлся обоз с котлами и пока кашевары не успевали сварить какую-нибудь похлебку, что продолжалось часа два, три, а иногда и больше.

Необходимо отметить, что традиции куначества стали появляться между войсками и местным населением. Так, например, в Чечне, офицеры засиживались у местных кунаков в аулах до поздней ночи, иногда и оставались на ночевку. Это очень сильно диссонировало с начальным поведением комбатантов, а именно с передвижением по аулу только в дневное время и только в группах не менее 5–7 человек при полном вооружении (Иванов, 1859: 543).

Стоянки русских войск в крепостях бывали продолжительными. И если о грядущем выступлении не было вестей, то офицеры тратили время на многочисленных застольях. Для многих представителей офицерского корпуса это время было не лучшим, так как сильно страдало здоровье и притуплялись личные способности комбатанта (В-ий, 1872: 323).

Жизнь кавказских офицеров периода войны нельзя сравнивать с жизнью офицеров частей, расположенных во внутренних областях Российской империи. Жизнь на Кавказе была в постоянной тревоге в особенности в непосредственной близости от немирных населенных пунктов. Кавказский офицер, часто прямо со школьной скамьи поступал в другую школу, где окружали его самые разнообразные лишения и часто полное отсутствие умственных нагрузок. Необходимо отметить, что в крепостных гарнизонах начали вводиться библиотеки только в 1840-е гг., в небольших подразделениях их и вовсе не было (Cherkasov et al., 2014: 10). Таким образом, отправленный с небольшой командой, в отдаленное укрепление или пост, офицер сразу попадал в круг хозяйственной деятельности. Нужно понимать, что не каждый был способен довольствоваться подобного рода деятельностью, так как среди офицеров была высока потребность в продолжение своего образования. Библиотеки имелись при полковых штабах, но книгами из них могли пользоваться только штабные офицеры. Помимо этого проблемой было то, что в библиотеках хуже всего был представлен отдел с военной литературой (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 27–34; Абельдяев, 1859: 425). Просить о высылке какой-нибудь книги офицеру, находящемуся на стационарном посту или в удаленном укреплении, было бесполезно; если бы библиотекарь и захотел, для кого-нибудь, сделать исключение, то доставка книг в передовые укрепления была крайне затруднительна¹. Собственных же средств на покупку книг офицеры не имели. И так, офицеру, находившемуся в укреплении, оставалось довольствоваться той умственной нагрузкой, которую он мог извлечь из беседы с солдатами. Большой вопрос могла ли она удовлетворить его? Хорошо, если офицер обладал твердым характером и выдерживал первые два или три месяца подобной жизни — тот мог получить иммунитет на будущее время. Но многие на первых же порах или обращались к всеуспокаивающему алкоголю, делавшимся впоследствии для них потребностью, или искали спасения в каком-то подобии семейной жизни и обзаводились сожительницами, готовыми повсюду следовать за ними (В-ий, 1872: 323–324).

5. Заключение

Завершая необходимо подчеркнуть, что на протяжении Кавказской войны происходило частое замещение утвержденного уставом обмундирования иррегулярных кавказских войск на более удобную, при кавказском климате, одежду местного населения. Командование на Кавказе систематически санкционировало изменение порядка ношения уставного обмундирования регулярными подразделениями. Помимо этого в войсках вырабатывались традиции присущие только войскам на Кавказе, особенно это касается, чисто кавказской традиции — традиции куначества.

¹ Необходимо отметить, что проблема полковых и гарнизонных библиотек неоднократно поднималась на страницах журнала «Военный сборник» и только к концу Кавказской войны эта проблема была окончательно решена.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Сроки выполнения 2016–2018 гг. Шифр: 100.01.

Литература

- Абельдяев, 1859** – Абельдяев Н. Полковые библиотеки на Кавказе // *Военный сборник*. 1859. № 6. С. 419-428.
- АОАГС** – Архивный отдел администрации города Сочи.
- В-ий, 1872** – В-ий А. Воспоминания о былом // *Военный сборник*. 1872. № 2. С. 314-359.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Гольжников, Степанов, 2002** – Гольжников И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет (1618–1918 гг.). Энциклопедия военного костюма. М., 2002.
- Зайончковский, 2002** – Зайончковский А.М. Восточная война, 1853–1856 гг. В 2 т. Т. 1. СПб., 2002.
- Зайцев, 2010** – Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // *История и историки в контексте времени*. 2010. № 7. С. 23–35.
- Иванов, 1859** – Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // *Военный сборник*. 1859. № 6. С. 541-549.
- Изменения, 1862** – Изменения в обмундировании и снаряжении русского солдата // *Военный сборник*. 1862. № 2. С. 533-535.
- О форме, 1866** – О форме и боевом снаряжении казаков // *Военный сборник*. 1866. № 5. С. 111-121.
- Стреллок, 1870** – Стреллок Н.Н. Из дневника старого Кавказца. // *Военный сборник*. 1870. № 11.
- Толстой, 1956** – Толстой Л.Н. Набег. М., 1956.
- Черкасова, 2007** – Черкасова И.Ю. Военно-историческая антропология: повседневная жизнь в крепостях Черноморской береговой линии (1837–1854 гг.) // *История и историки в контексте времени*. 2007. № 5. С. 25–34.
- Cherkasov et al., 2014** – Cherkasov A.A., Šmigel M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization // *Voennyi Sbornik*, 2014, Vol.(3), № 1, pp. 4-13.
- Cherkasov et al., 2014** – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal) // *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). pp. 417-422.
- Karataev et al., 2016** – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline // *Bylye Gody*. 2016. 40 (2), pp. 392-397.
- Novikov, 2011** – Novikov E.V. Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation // *European researcher*. 2011. № 7 (10). pp. 1032–1054.

References

- Abel'dyaev, 1859** – Abel'dyaev N. (1859). Polkovye biblioteki na Kavkaze [Regimental libraries in the Caucasus]. *Voennyi sbornik*. № 6. pp. 419-428. [in Russian]
- AOAGS** – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [The archival department of the administration of Sochi city].
- V-ii, 1872** – V-ii A. (1872). Vospominaniya o bylom [The memories]. *Voennyi sbornik*. № 2. pp. 314-359. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archives of the Krasnodar territory].
- Golyzhnikov, Stepanov, 2002** – Golyzhnikov I., Stepanov B. (2002). Evropeiskii soldat za 300 let (1618–1918 gg.). Entsiklopediya voennogo kostyuma [The european soldier for 300 years (1618-1918). The encyclopedia of military suit]. M. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 2002** – Zaionchkovskii A.M. (2002). Vostochnaya voina, 1853–1856 gg. [The Eastern war, 1853-1856]. V 2 t. T. 1. SPb. [in Russian]
- Zaitsev, 2010** – Zaitsev A.M. (2010). A.P. Ermolov: voennyi i politik [Ermolov: soldier and politician]. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. № 7. pp. 23–35. [in Russian]
- Ivanov, 1859** – Ivanov S. (1859). O sblizhenii gortsev s russkimi na Kavkaze [On the rapprochement of the highlanders with the russians in the Caucasus]. *Voennyi sbornik*. № 6. pp. 541-549. [in Russian]
- Izmeneniya, 1862** – Izmeneniya v obmundirovani i snaryazhenii russkogo soldata [The changes in the uniforms and equipment of the russian soldier]. *Voennyi sbornik*. 1862. № 2. pp. 533-535. [in Russian]
- O forme, 1866** – O forme i boevom snaryazhenii kazakov [On the form and outfit of the cossacks]. *Voennyi sbornik*. 1866. № 5. pp. 111-121. [in Russian]
- Strellok, 1870** – Strellok N.N. (1870). Iz dnevnika starogo Kavkaztsa [From the diary of an old highlander]. *Voennyi sbornik*. № 11. [in Russian]
- Tolstoi, 1956** – Tolstoi L.N. (1956). Nabeg [The raid]. M. [in Russian]
- Cherkasova, 2007** – Cherkasova I.Yu. (2007). Voенно-istoricheskaya antropologiya: povsednevnyaya zhizn' v krepostyakh Chernomorskoй beregovoi linii (1837–1854 gg.) [The military-historical anthropology: zhizn' v krepostyakh Chernomorskoй beregovoi linii (1837–1854 gg.)]

the everyday life in the fortresses of the Black sea coastline (1837-1854)]. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. № 5. S. 25–34. [in Russian]

Cherkasov et al., 2014 – Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. (2014). The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization. *Voennyi sbornik*, Vol.(3), № 1, pp. 4-13.

Cherkasov et al., 2014 – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014). The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal). *Bylye Gody*. № 33 (3). pp. 417-422.

Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. (2016). Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline. *Bylye Gody*. 40 (2), pp. 392-397.

Novikov, 2011 – Novikov E.V. (2011). Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation. *European researcher*. № 7 (10). pp. 1032–1054.

УДК 94

Комбатант Кавказской армии (1801–1864 гг.): униформа, снаряжение, традиции

Владимир Борисович Каратаев ^{a, f, *}, Асия Мидихатовна Белялова ^b, Светлана Федоровна Артемова ^c, Александр Николаевич Якушев ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^f Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается комбатант Кавказской армии периода 1801–1864 гг., его униформа и снаряжение. Уделено внимание таким традициям в Кавказской армии как куначество.

В качестве материалов было привлечены документы архивного отдела администрации города Сочи, государственного архива Краснодарского края, а также мемуарные произведения участников Кавказской войны. Важное значение имеют и научные исследования, опубликованные как в России, так и за рубежом. Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала. Особенно ярко это было проявлено в отношении заимствования у горцев Кавказа видов формы одежды кавказскими войсками.

В заключении авторы приходят к выводу, что на протяжении Кавказской войны происходило частое замещение утвержденного уставом обмундирования иррегулярных кавказских войск на более удобную, при кавказском климате, одежду местного населения. Командование на Кавказе систематически санкционировало изменение порядка ношения уставного обмундирования регулярными подразделениями. Помимо этого в войсках вырабатывались традиции присущие только войскам на Кавказе, особенно это касается, чисто кавказской традиции – традиции куначества.

Ключевые слова: солдат, офицер, Кавказская армия, Кавказская война, 1801–1864 гг., обмундирование, традиции.

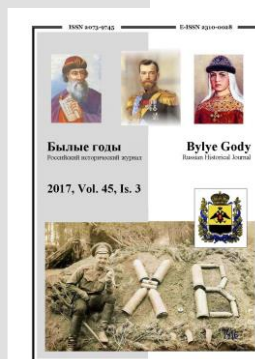
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vladimir-karataevo@rambler.ru (В.Б. Каратаев), asyulya@mail.ru (А.М. Белялова), YAkushev.AN@rea.ru (А.Н. Якушев)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 853-860, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.853
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(5-191.2)

The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century

Elena V. Bebeshko ^a, Evgeniy V. Kryzhko ^{a, *}, Petr I. Pashkovskiy ^a, Sergey S. Shchevelev ^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article considers the problem of the origin of the «Great game» between Russia and Great Britain in Turkestan at the beginning of the XIX century. Based on the analysis of a broad source base and numerous studies, the features of the first phase of this geopolitical competition, which continued during the period of 1810–1830s, have been identified. It is established that at this time the rivalry between the two empires was characterized by the use of military-diplomatic and intelligence methods, as well as latent struggle through the use of local ruling elites to avoid an open military confrontation. British and Russian authorities organized missions to the Central Asian region, whose purpose was to study the area and collect information about the moods of the population and elites. The values of missions to Turkestan by British residents and researchers of W. Moorcroft (1819–1825), A. Konolly (1829–1831) and A. Burnes (1831–1832) have been disclosed. The activities in the region of Russian missions of F. Nazarov (1813–1814), N. Murav'ev (1819–1820 and 1821–1822), P. Desmaisons (1833) and I. Vitkevich (1836 and 1837–1838) have been characterized. Within the framework of these missions, which were assigned mainly to the representatives of the military class, methods of espionage, bribery, trade rivalry, and sometimes elements of open opposition were used.

Keywords: Russia, Great Britain, «Great game», Central Asia, Turkestan, geopolitics.

1. Введение

В первой четверти XIX в. возникают предпосылки для столкновения интересов двух крупнейших империй – России и Великобритании в борьбе за территории центрально-азиатского региона. К обозначенному времени российская экспансия была направлена на присоединение южных районов Туркестана, а в перспективе и Афганистана, представлявшего собой страну «отгороженную цепями высоких гор и знойных пустынь от морей и океанов», которая «длительное время оставалась вдали от происходивших в мире бурных перемен и потрясений» (Слинкин, 1995: 82). Такая политика была обусловлена стремлением интегрировать разрозненные ханства, обладавшие ресурсным и торговым потенциалом, получив выход к океану, учитывая проблемы империи в этом направлении с турецкой стороной по традиционным маршрутам. Реализуя указанные инициативы, Российская империя предпринимает ряд шагов по нивелированию соперников в Бухарском эмирате, Хивинском и Кокандском ханствах, ведет переговоры с ослабленной Персией и Афганистаном.

Великобритания к началу XIX в. подчиняет своему влиянию большую часть территории Индии, которая становится главным источником дохода империи и базой для продвижения в континентальную Азию. Основным соперником в процессе реализации этих целей становится Россия, представлявшая угрозу для индийской экономической и территориальной безопасности. В рамках осуществления данной стратегии Афганистану отводилась роль буферной зоны и геополитического

* Corresponding author

E-mail addresses: bebeshko_leka@mail.ru (E.V. Bebeshko), jeyson1030@gmail.com (E.V. Kryzhko), petr.pash@yandex.ru (P.I. Pashkovskii), ko507622530@gmail.com (S.S. Shchevelev)

плацдарма, руководимого марионеточной правящей элитой, выразившей симпатию одной из сторон. При этом необходимо отметить, что «вся история развития самостоятельного афганского государства с момента его возникновения и до настоящего времени отмечена упорной борьбой за независимость страны <...> Такого рода событиями была особенно насыщена афганская история XIX и XX вв.» (Пашковский, Крыжко, 2015: 133).

Обладая афганским плацдармом, Великобритания стремилась вытеснить Россию на север путём применения военно-дипломатических и разведывательных методов. Это геополитическое соперничество между двумя империями в Туркестане и Южной Азии, продолжавшееся в XIX – начале XX в., в зарубежной историографии получило название «Большая игра» («The Great Game» – Авт.), а в отечественной – «турнир теней».

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования состоит из следующих групп материалов. К первой группе можно отнести воспоминания свидетелей и участников описываемых событий: британских дипломатов, путешественников и исследователей А. Конолли (Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834), А. Бёрнса (Burnes, Vol. I, 1834; Burnes, Vol. II, 1834), отечественных военных и дипломатов И. Бларамберга (Бларамберг, 1978) Н. Муравьёва (Муравьев, 1822), Ф. Назарова (Назаров, 1821), венгерского востоковеда и путешественника А. Вамбери (Вамбери, 2003). Вторая группа источников представлена данными отчётов российского офицера, востоковеда и путешественника И. Виткевича и российского филолога-ориенталиста и исследователя Туркестана П. Демезона (Халфин, 1983), а также трудом российского учёного-ориенталиста Н. Ханькова (Ханьков, 1843). Письма упоминаемого И. Виткевича к отечественному лексикографу и фольклористу В. Далю (Матвиевская, Зубова, 2005) составляют третью группу источников. Отдельно следует отметить биографический словарь Ч. Бакланда (Buckland, 1906), ставший ценным источником в процессе восстановления жизненных путей путешественников и резидентов.

Методологической основой исследования является системный подход, позволивший связать определённые тенденции в общую картину зарождения «Большой игры» в Туркестане в начале XIX в. Системный подход обусловил применение следующих исследовательских методов. Историко-генетический метод способствовал изучению событий в последовательном временном развитии и определению связей между разными этапами геополитической конкуренции в центрально-азиатском регионе. Выявление общего и особенного в геополитических подходах Британской и Российской империй проводилось с помощью сравнительного метода. Определение зависимости между разными сферами общественной жизни и государственными институтами в процессе формирования и реализации политики империй осуществлялось при помощи функционального метода. Анализ источников и научных публикаций позволил определить первопричины конкретных событий в контексте генезиса «Большой игры».

3. Обсуждение

Историографический анализ выявил практическое отсутствие в отечественной и зарубежной науке комплексных работ, раскрывающих проблему истоков «Большой игры» между Российской и Британской империями в начале XIX в. Так, отечественный ориенталист Н. Халфин, изучавший проблемы истории Туркестана (Халфин, 1960) и Афганистана (Халфин, 1959), отмечал противостояние Петербурга и Лондона по вопросу распространения экспансии в Азии. Однако его внимание концентрировалось на периоде от начала первой англо-афганской войны, до окончания Первой мировой войны, поверхностно затрагивая генезис данного соперничества.

Британский исследователь П. Хопкирк (Hopkirk, 2006) пытается всесторонне охарактеризовать политику Великобритании в Азии, выделив ее константы. Но в процессе построения логических заключений основное внимание он уделяет английским источникам, представленным мемуарами исследователей, путешественников и резидентов.

Отдельные статьи, раскрывают особенности жизненного пути дипломатов, резидентов, учёных и политиков, внесших вклад в рассматриваемые события: И. Виткевича (Сапунов, 2004), П. Демезона, В. Перовского (Шкерин, 2012), В. Даля (Матвиевская, Зубова, 2005). Труды М. Слинкина (Слинкин, 1995), П. Пашковского, Е. Крыжко (Пашковский, Крыжко, 2015), Н. Сарила (Sarila, 2006) затрагивают этно-национальную специфику региона, освещая систему внешнеполитических взглядов населения и элит, формировавшуюся на протяжении нескольких веков, а также изучают глобальное измерение указанной геополитической конкуренции.

Исследования, касающиеся противостояния разведывательных служб России и Великобритании в Туркестане и Афганистане (Гус, 1964; Массон, Ромодин, 1965), способствуют комплексному изучению «Большой игры». В этом контексте важно упомянуть ставшую классической работу генерала Дж. Эванса (Evans, 1828), которая способствовала нагнетанию русофобских тенденций в Лондоне, внося соответствующие изменения во внешнюю политику Великобритании.

4. Результаты

Принято считать, что термин «Большая игра» был введён в оборот А. Конолли, капитаном 6-го Бенгальского полка легкой кавалерии, офицером на службе Ост-Индской компании (Hopkirk, 2006: 146). Он впервые употребил это сочетание на страницах записок о путешествии в Северную Индию из Великобритании через Российскую империю, Персию и Афганистан (Conolly, Vol. I, 1834). Авторство второго варианта названия соперничества двух империй в Центральной и Южной Азии – «турнир теней» – традиционно приписывается министру иностранных дел России, графу К. Нессельроде (Sarila, 2006: 18). Этот термин он использовал для обозначения секретного российско-британского противостояния в Азии (не приобретающего форму прямого военного столкновения), в которое были специально вовлечены в качестве противоборствующих сил местные марионеточные правящие элиты, симпатизировавшие одной из сторон.

Первые попытки дипломатического проникновения в Туркестан предпринимали англичане. В период с 1819 по 1825 г. была осуществлена миссия в Бухарский эмират, которую возглавил британский ветеринарный врач В. Муркрофт. Официальная причина поездки аргументировалась необходимостью открытия и изучения новых пород лошадей для Британской Индии. Достигнув Бухары, В. Муркрофт отмечал: «мы оказались перед воротами города, который целых пять лет был целью наших путешествий, оправданием переносимых лишений и опасностей». Однако вскоре выяснилось, что их ликование оказалось преждевременным. Когда на следующее утро они вошли в город, их встретила возбужденная детвора, кричавшая «Орос... Оррос» – «Русские... русские». В. Муркрофт понял, что здесь уже видели европейцев, и соперники с севера его опередили (Hopkirk, 2006: 124).

Ещё в 1813–1814 гг. российский путешественник Ф. Назаров совершил поездку в Туркестан с конечной целью оказаться в Кокандском ханстве. Официальным предназначением миссии значилось изучение природных условий, занятий и обычаев местного населения, а также сбор общих сведений о Туркестанском, Ташкентском владениях и Кокандском государстве, что впоследствии было освещено на страницах записок данного исследователя (Назаров, 1821). Несколькими годами позже дипломат, путешественник и офицер российской армии Н. Муравьев осуществил два визита в Туркестан (1819–1820 гг. и 1821–1822 гг. – Авт), целью которых было установление торговых и дипломатических отношений с местными правительствами, а также поиск торгово-транзитных путей через Хивинское ханство в Индию (Муравьев, 1822).

Следует отметить, что среднеазиатские купцы часто и охотно посещали ярмарки в Нижнем Новгороде и в более близких городах – Троицке и Петропавловске. Долгое время Российская империя была важнейшим поставщиком промышленных товаров в Туркестан, откуда, кроме товаров местного экспорта, в Россию шли также транзитные товары из Западного Китая, Афганистана и Индии. Первое место по товарообороту с Россией занимало Бухарское ханство (Халфин, 1960: 23).

Среди основных статей отечественного импорта из Туркестана выделялись: хлопчатая бумага, сушеные плоды, рис, сырец и крашенный шелк, кубовая краска и др. Но из всех наименований именно хлопчатая бумага занимала первое место. Доля импорта российских товаров в центрально-азиатском регионе представлена ситцами, коленкорами, некоторыми шелковыми материями, сукнами, парчами, из грубых материалов шли кожи и некоторые металлы, в особенности чугун и железо. Все перечисленные товары пользовались хорошим спросом. Из Бухары в Кабул и далее в Индию вывозили в малом количестве шелковые материи, хлопчатую бумагу и мерлушки. Главным предметом экспорта являлись товары российского производства и золото (Ханыков, 1843: 168-177).

Что касается методов и средств работы отечественных резидентов, то вплоть до конца 1820-х гг. опрос купцов и караванщиков был едва ли не единственным каналом получения разведывательной информации о среднеазиатских ханствах. При всех имеющихся недостатках этот канал был весьма эффективен и приносил для разведки того времени неопределимую пользу. К 1830-м гг. задачи по «умиротворению степи» постепенно отходят на второй план. Основное внимание концентрируется на противодействии британскому проникновению в Туркестан, т.е. на стратегической разведке и превентивных антианглийских акциях (Сапунов, 2004: 117).

Расширение российского присутствия в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате вызывало опасения среди офицерского состава Великобритании, а с появлением книги полковника Дж. де Ласи Эванса «Замыслы России» (Evans, 1828) усиливается демонизация т. н. «русской угрозы Индии» на политическом уровне. Так, глава контрольного совета по Индии (а в будущем – генерал-губернатор Индии 1842–1844 гг. – Авт.) Э. Лоу осенью 1829 г. отмечал: «Я был убежден, что нам придется сражаться с русскими на Инде». Восемь недель спустя он добавляет: «Чего я боюсь, так это оккупации Хивы, которая может остаться для нас неизвестной, а всего через три-четыре месяца после выхода из Хивы враг может оказаться в Кабуле. Я убежден, что в этой компании мы можем победить. Нужно одержать победу до того, как враг достигнет Инда. Если 20 000 русских подойдут к Инду, то схватка будет тяжелая» (Hopkirk, 2006: 141). Подобная риторика активизировала целенаправленное, курируемое правительством, изучение территории Туркестана англичанами, которые имели преимущественно военное образование. Выполнявшие спецзадания молодые офицеры Британской короны, исследовали топографию региона, составляли подробные карты местности пригодной для продвижения армии, а также устанавливали дружественные контакты с местными правителями.

В число основных задач резидентов, как правило, входило: наблюдение за деятельностью российских дипломатических миссий в регионе, передвижением армии Российской империи и внутривластной обстановкой в центрально-азиатских странах для выработки своевременного ответа в соперничестве с целью защиты Индии. Венгерский путешественник А. Вамбери предрекал неизбежность столкновения двух империй на азиатских просторах: «да, русские обладают огромным влиянием во всей Азии, от Камчатского залива до Константинополя, и ни для кого это влияние не является таким опасным, как для британского льва, которому русский медведь теперь крепко наступают на пятки, и наступит время, когда он вцепится ему в шкуру своими острыми когтями» (Вамбери, 2003: 138). Действительно, в 1830-е гг. «Большая игра» переходит на новый уровень.

Одним из указанных молодых офицеров был А. Конолли, осуществивший в 1829–1831 гг. путешествие из Москвы в Индию через страны Туркестана. Двигаясь на юг, он профессиональным взглядом наблюдал за всем, что видел в русской армии, оценивал офицеров и солдат, их вооружение, выучку и моральную стойкость. Он намеревался совершить попытку добраться до Хивы через пустыню Каракум и, наряду с прочим, посмотреть, что там делают русские (Hopkirk, 2006: 148). Однако до Хивы А. Конолли не доехал. Он был раскрыт как европеец и ограблен в Каракумской пустыне, что вынудило его изменить маршрут в Гератском направлении. К зиме 1831 г. офицер благополучно достиг границы Индии, а уже в 1834 г. в свет вышла его книга, описывающая путешествие автора (Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834).

Обобщая свои наблюдения, А. Конолли обозначил два возможных пути для российской армии в направлении Индии. Первый путь заключался в выдвигании из Оренбурга в сторону Хивы с последующим ее захватом и выходом через Гиндукуш на Кабул, и дальнейшим продвижением к р. Инд. Второй маршрут проходил через Персию или по Каспийскому морю в направлении Герата, который мог стать плацдармом для продвижения в Индию. Единственное препятствие на пути российской армии А. Конолли видел в Афганистане, население которого, оказывая ожесточенное сопротивление, могло задержать вторжение на индийскую территорию (Conolly, Vol. II, 1834: 324-327).

Доклады офицеров-резидентов британскому правительству свидетельствовали об экспансии российских купцов на рынки Туркестана. Российские торговые аванпосты, на которых базировались армейские отряды для защиты торговых интересов империи, ежегодно сокращали расстояние до Индии. Это вызывало беспокойство в Лондоне. Так, лорд Э. Лоу выдвинул идею об экономической войне с Россией в центрально-азиатском регионе (Hopkirk, 2006: 155), суть которой заключалась в вытеснении более дешевыми и качественными товарами английского производства ассортимент, предоставляемый российскими купцами, что должно было остановить и военную экспансию со стороны Российской империи.

Основной проблемой в реализации проекта лорда Э. Лоу было отсутствие надежных транспортных артерий с территории Индии в Бухару, Хиву и Коканд. Для её решения были предприняты попытки договориться с правителями Синда и Пенджаба. Эта миссия в 1831 г. была возложена на британского военного, дипломата и исследователя А. Бернса. В 1830–1831 гг. он осуществил визит в Лахор, где встретился с Р. Сингхом, правителем Пенджаба и преподнес дары от имени короны (Buckland, 1906: 62). В 1831 г. данный резидент, по заданию правительства Великобритании, едет в Бухарский эмират из Индии через территорию Афганистана. Несколькою годами позже вышла в свет его книга (Burnes, Vol. I, 1834; Burnes, Vol. II, 1834), содержащая описание путешествия. Успешная миссия в Бухарском эмирате послужила А. Бернсу в продвижении по карьерной лестнице. В 1836–1841 гг. он выполнял политическую миссию в Кабуле (Buckland, 1906: 63).

В конце июня 1832 г. А. Бернс достиг основной цели своего путешествия – Бухары. В ходе визита он провел переговоры с Куш Беги (Великий Визирь – Авт.), по результатам которых ему было разрешено свободное перемещение по Бухаре. Резиденту удалось оценить уровень торговых отношений Бухарского эмирата с Россией и разработать перспективный проект британской экспансии в Туркестан. Также он определил два возможных пути в Индию. Они проходили от Оренбурга через Хиву и Бухару к Оксусу, а оттуда через Афганистан, и от южного побережья Каспийского моря через Персию, Герат к границам Индии. Второй путь, по свидетельствам А. Конолли и А. Бернса, был значительно доступнее (Гус, 1964: 141). В своих воспоминаниях А. Бернс подчеркивал, что «в течение этих двенадцати или четырнадцати лет торговля европейскими тканями в Туркестане, обеспечивалась исключительно русскими, которые экспортировали свои товары в эти страны из Оренбурга и Троицка; но теперь она осуществляется более широко через Индию и Кабул. Таким образом, региональная торговля англичан широко распространилась, и российские торговцы обнаружили серьезного соперника в уменьшении своего оборота» (Burnes, Vol. II, 1834: 424-425).

На посту резидента в Туркестане А. Бернса сменил кашмирец Низаметдин, которому платили жалование в размере 20 тыс. рупий (40 тыс. руб.) в год. Он проживал в Бухаре и под предлогом торговли уже 4 года был в хороших отношениях со знатью, а также отправлял через тайных гонцов еженедельно письма англичанам в Кабул (Халфин, 1983).

Осенью 1833 г. в рамках развития отношений с Бухарским эмиратом в Бухару была направлена тайная миссия П. Демезона (Шкерин, 2012: 132), который был раскрыт местным населением. Эмир принял решение не арестовывать русского разведчика, чтобы не навредить торговым отношениям с Российской империей. При этом он создал условия «санитарного кордона» вокруг резидента, что в

значительной степени повлияло на продуктивность его деятельности. Повторную миссию в Туркестан Оренбургский губернатор В. Перовский возложил на И. Виткевича, который имел опыт тайных миссий в киргизские степи и Бухару (Бларамберг, 1978: 86). Он прибыл в столицу ханства 2 января 1836 г. и провел в этом городе почти полтора месяца. Свой визит поручик решил не скрывать и приехал в столицу эмирата в форме российского офицера. Ему удалось хорошо познакомиться с Бухарой и жизнью её населения, встречаться и беседовать с Куш Беги, ханским министром, собрать много сведений о политике англичан в Туркестане (Матвиевская, Зубова, 2005: 298-299).

Интересно, что Куш Беги пытался набрать бонусы в переговорном процессе с И. Виткевичем по русско-бухарской торговле с помощью угроз о переориентации на британцев в этом вопросе, ссылаясь на предложения их представителя А. Бернса. Но российский офицер парировал это аргументом, что «англичане заменить и вознаградить бухарцам торговли с Россией не могут по двум причинам: во-первых, англичане железа, меди, чугуна, юфти и других русских товаров доставлять бухарцам не в состоянии по причине отдаленности и трудности пути; во-вторых, им брать взамен своих товаров нечего; звонкой монеты в Бухаре нет, золото все идет из России, серебро из Кашгара» (Халфин, 1983). Также российский резидент обратил внимание на контрмеры со стороны России в виде ареста бухарских товаров на своей территории, перечислив поименно лиц торгующих в городах империи личными товарами Великого Визиря, что вызвало у него замешательство.

Впоследствии бухарские власти попытались задержать И. Виткевича, в результате чего он поспешно покинул Бухару и вернулся в Орск 18 апреля 1836 г. в компании афганского посла Хуссейна Али, которому было поручено просить помощи «против угрожающей кабульскому владельцу опасности от англичан и против Ранджид-Синга, владетеля Пенджаба» у России (Халфин, 1959: 21).

Обеспокоенный активностью англичан в Туркестане, В. Перовский в 1836 г. отмечал в письме к царю, что, при условии установления влияния Великобритании в Афганистане, «англичанам до Бухары останется один шаг; Средняя Азия подчинится их влиянию, азиатская торговля наша рухнет; они могут вооружить против нас соседние к нам азиатские народы, снабдить их порохом, оружием и деньгами» (Посланцы из Афганистана в Россию, 1880: 789-790). Он рекомендовал императору оказать поддержку Дост Мухаммеду в борьбе с англичанами, который «закроет» для британских товаров рынки Туркестана.

Очередную миссию со стороны Российской империи, которая состоялась зимой 1837–1838 гг., возглавил поручик И. Виткевич. Для оказания помощи Афганистану русский представитель от имени своего правительства обещал эмиру помощь в размере 2 млн. рублей наличными и 2 млн. рублей товарами (Массон, Ромодин, 1965: 183). С этого периода «Большая игра» приобретает новое качественное измерение, как открытое дипломатическое противостояние между двумя империями с целью защиты своих интересов.

5. Заключение

Понятие «Большая игра» (или «турнир теней») подразумевает геополитическое соперничество Британской и Российской империй за доминирование в Туркестане и Южной Азии в XIX – начале XX в. Эта конкуренция характеризовалась применением военно-дипломатических и разведывательных методов, а также латентной борьбой путём использования (а подчас и явного «стравливания») местных правящих элит, избегая открытого военного столкновения между империями. Реализуя указанные стремления, правительства обеих держав в первой половине XIX в. организуют миссии в центрально-азиатский регион, целью которых являлось изучение местности и сбор информации о настроениях населения и элит. Подобные миссии – применявшие методы шпионажа, подкупа, торгового соперничества, а иногда и элементов открытого противостояния – возлагались преимущественно на представителей военного сословия.

Считается, что первые попытки дипломатического проникновения в Туркестан принадлежали Великобритании (миссия ветеринарного врача В. Муркрофта в 1819–1825 гг.). Однако ещё в 1813–1814 гг. состоялась поездка в этот регион русского путешественника Ф. Назарова. А немного позже (в 1819–1820 и 1821–1822 гг.) в Туркестан были осуществлены два визита отечественного офицера Н. Муравьёва. Цели этих миссий определялись интересами империй в контексте их торговой и военно-дипломатической конкуренции в регионе.

В начале XIX в. Российская империя являлась важнейшим поставщиком промышленных товаров в Туркестан, фактически господствуя на региональных рынках (особенно, бухарском). При этом вплоть до конца 1820-х гг. едва ли не единственным отечественным каналом получения разведывательной информации о ситуации в регионе был опрос караванщиков и купцов. Лишь в 1830-е гг. происходит переориентация в сторону стратегической разведки и превентивных антианглийских акций.

Увеличение российского влияния в Туркестане активизирует попытки английского проникновения в регион с целью защиты своих позиций в Индии. Определённых успехов в реализации британских интересов достигли миссии офицера А. Конолли (1829–1831 гг.), а также военного и исследователя А. Бёрнса (1831–1832 гг.). Их следствием стал анализ торговых отношений Бухарского эмирата с Россией и выделение двух путей в Индию, что способствовало широкому

распространению английской региональной торговли и уменьшению здесь российского торгового влияния.

В ответ на это в 1833 г. в Бухару направляется тайная миссия исследователя П. Демезона, которая, однако, была раскрыта. Следующая миссия в 1836 г. возлагается на военного и резидента И. Виткевича, пробывшего в Бухаре полтора месяца. Ему удалось провести плодотворные переговоры с представителями местных правящих кругов, собрать ценные данные о жизни местного населения и политике англичан в Туркестане. Учитывая увеличение британского влияния в центрально-азиатском регионе, в 1837–1838 гг. для оказания помощи Афганистану туда направляется российская миссия, которую возглавляет И. Виткевич, положив начало новому этапу конкуренции между империями, характеризующемуся открытым военно-дипломатическим противостоянием.

Литература

- Бларамберг, 1978** – *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М., 1978. 357 с.
- Вамбери, 2003** – *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 2003. 193 с.
- Гус, 1964** – *Гус М.С.* Дуэль в Кабуле. Ташкент, 1964. 336 с.
- Массон, Ромодин, 1965** – *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана в 2-х т. Т. 2: Афганистан в новое время. М., 1965. 552 с.
- Матвиевская, Зубова, 2005** – *Матвиевская Г.П., Зубова И.К.* «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...». Письма И.В. Виткевича к В.И. Далю // *Гостинный двор*. 2005. № 16. С. 298-312.
- Муравьев, 1822** – *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. М.: Типография Августа Семена, 1822. 350 с.
- Назаров, 1821** – *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб., 1821. 98 с.
- Пашковский, Крыжко, 2015** – *Пашковский П.И., Крыжко Е.В.* Михаил Филантьевич Слинкин: вехи биографии выдающегося отечественного востоковеда // *Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 9 (59). Ч. I. С. 132-137.
- Посланцы из Авганистана в Россию, 1880** – *Посланцы из Авганистана в Россию* // *Русская старина*. 1880. Т. 28. С. 784–791.
- Сапунов, 2004** – *Сапунов Д.А.* Судьбой связанный с Востоком: И.В. Виткевич и русская разведка в Средней Азии // *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. 2004. Т. 10. № 1 (4). С. 114-120.
- Слинкин, 1995** – *Слинкин М.Ф.* Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995. 120 с.
- Халфин, 1959** – *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959. 210 с.
- Халфин, 1960** – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. 272 с.
- Халфин, 1983** – *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича)* / под ред. Халфина Н.А. М., 1983. 149 с. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/demezons_p/zapiski_o_buharskom_hanstve.html#0 (дата обращения: 16.07.2017)
- Ханыков, 1843** – *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. 300 с.
- Шкерин, 2012** – *Шкерин В.А.* Ян Виткевич и Оренбургский военный губернатор Василий Перовский // *Уральский исторический вестник*. 2012. № 2 (35). С. 131-137.
- Buckland, 1906** – *Buckland C. E.* Dictionary of Indian Biography. L., 1906. 524 p.
- Burnes, Vol. I, 1834** – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. I. 399 p.
- Burnes, Vol. II, 1834** – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. II. 516 p.
- Conolly, Vol. I, 1834** – *Conolly A.* Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. I. 367 p.
- Conolly, Vol. II, 1834** – *Conolly A.* Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. II. 364 p.
- Evans, 1828** – *Evans G.* On the designs of Russia. L.: J. Murray, 1828. 265 p.
- Hopkirk, 2006** – *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y., 2006. 576 p.
- Sarila, 2006** – *Sarila N.S.* The Shadow of the Great Game – The Untold Story of India's Partition. L., 2006. 432 p.

References

- Blaramberg, 1978** – *Blaramberg I.F.* (1978). Vospominaniya [Memories]. M. 357 p. [in Russian]

- Vamberi, 2003** – *Vamberi A.* (2003). Puteshestvie po Srednej Azii [Journey through Central Asia]. M. 193 p. [in Russian]
- Gus, 1964** – *Gus M.S.* (1964). Dujel' v Kabule [Duel in Kabul]. Tashkent, 1964. 336 p. [in Russian]
- Masson, Romodin, 1965** – *Masson V.M., Romodin V.A.* (1965). Istorija Afganistana v 2-h t. T. 2: Afganistan v novoe vremja [History of Afghanistan in 2 volumes. Vol. 2: Afghanistan in modern times]. M. 552 p. [in Russian]
- Matvievskaja, Zubova, 2005** – *Matvievskaja G.P., Zubova I.K.* (2005). «Ja udovletvorju sovershenno moju strast' k prikljuchenijam...». Pis'ma I.V. Vitkevicha k V.I. Dalju [«I will completely satisfy my passion for adventure ...». Letters from I. V. Vitkevich to V. I. Dal]. *Gostinij dvor*. № 16. pp. 298-312. [in Russian]
- Murav'ev, 1822** – *Murav'ev N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniju i Hivu v 1819 i 1820 godah [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820]. M. 350 p. [in Russian]
- Nazarov, 1821** – *Nazarov F.* (1821). Zapiski o nekotoryh narodah i zemljah Srednej chasti Azii [Notes on some of the peoples and lands of the Central Asia]. SPb. 98 p. [in Russian]
- Pashkovsky, Kryzhko, 2015** – *Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V.* (2015). Mihail Filant'evich Slinkin: vehi biografii vydajushhegosja otechestvennogo vostokoveda [Michael Filant'evich Slinkin: milestones of biography of the prominent national orientalist]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 9 (59). Ch. I. pp. 132-137. [in Russian]
- Poslancy iz Avganistana v Rossiju, 1880** – *Poslancy iz Avganistana v Rossiju* (1880) [Messengers from Afghanistan to Russia]. *Russkaja starina*. T. 28. pp. 784-791. [in Russian]
- Sapunov, 2004** – *Sapunov D.A.* (2004). Sud'boj svjazannyj s Vostokom: I.V. Vitkevich i russkaja razvedka v Srednej Azii [Fate associated with the East: I.V. Vitkevich and Russian intelligence in Central Asia]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyh i politicheskijh issledovanij*. T. 10. № 1 (4). pp. 114-120. [in Russian]
- Slinkin, 1995** – *Slinkin M.F.* (1995). Afganistan: strana, ljudi, obshhestvo [Afghanistan: the country, the people, the society]. Simferopol, 120 p. [in Russian]
- Halfin, 1959** – *Halfin N.A.* (1959). Proval britanskoj agressii v Afganistane (XIX v. – nachalo XX v.) [The failure of British aggression in Afghanistan (XIX century – early XX century.)]. M., 210 p. [in Russian]
- Halfin, 1960** – *Halfin N.A.* (1960). Politika Rossii v Srednej Azii (1857–1868) [Russia's policy in Central Asia (1857–1868)]. M., 272 p. [in Russian]
- Halfin, 1983** – *Halfin* (1983). Zapiski o Buharskom hanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports of P.I. Desmasons and I.V. Vitkevich)]. M. 149 p. [Electronic resource]. URL: http://royallib.com/read/demezono_p/zapiski_o_buharskom_hanstve.html#0 (the date of access: 16.07.2017). [in Russian]
- Hanykov, 1843** – *Hanykov N.* (1843). Opisanie Buharskogo hanstva [Description of the Khanate of Bukhara]. SPb., 300 p. [in Russian]
- Shkerin, 2012** – *Shkerin V.A.* (2012). Jan Vitkevich i Orenburgskij voennyj gubernator Vasilij Perovskij [Jan Vitkevich and Orenburg military governor Vasily Perovsky]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. № 2 (35). pp. 131-137. [in Russian]
- Buckland, 1906** – *Buckland C.E.* (1906). Dictionary of Indian Biography. L.
- Burnes, Vol. I, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. I. 399 p.
- Burnes, Vol. II, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. II. 516 p.
- Conolly, Vol. I, 1834** – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. I. 367 p.
- Conolly, Vol. II, 1834** – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. II. 364 p.
- Evans, 1828** – *Evans G.* (1828) On the designs of Russia. L. 265 p.
- Hopkirk, 2006** – *Hopkirk P.* (2006). The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y. 576 p.
- Sarila, 2006** – *Sarila N.S.* (2006) The Shadow of the Great Game – The Untold Story of India's Partition. L. 432 p.

УДК 94(5-191.2)

Проблема генезиса «Большой игры» в Туркестане в начале XIX векаЕлена Владимировна Бебешко ^a, Евгений Владимирович Крыжко ^{a,*}, Петр Игоревич Пашковский ^a, Сергей Стефанович Щевелев ^a^a Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена проблема происхождения «Большой игры» России и Великобритании в Туркестане в начале XIX века. Обосновано, что понятие «Большая игра» (или «турнир теней») подразумевает геополитическое соперничество Британской и Российской империй за доминирование в Туркестане и Южной Азии в XIX – начале XX в. На основании анализа широкой источниковой базы и многочисленных исследований выявлены особенности первого этапа данной геополитической конкуренции, который продолжался в период 1810–1830-х гг. Установлено, что в это время соперничество двух империй характеризовалось применением военно-дипломатических и разведывательных методов, а также латентной борьбой путём использования местных правящих элит, избегая открытого военного столкновения. Британские и российские власти организуют миссии в центрально-азиатский регион, целью которых являлось изучение местности и сбор информации о настроениях населения и элит. Раскрыты значения миссий в Туркестан британских резидентов и исследователей В. Муркловфта (1819–1825 гг.), А. Конолли (1829–1831 гг.) и А. Бёрнса (1831–1832 гг.). Показано, что вплоть до конца 1820-х гг. едва ли не единственным отечественным каналом получения разведывательной информации о ситуации в регионе был опрос караванщиков и купцов. Охарактеризована деятельность в регионе российских миссий Ф. Назарова (1813–1814 гг.), Н. Муравьёва (1819–1820 и 1821–1822 гг.), П. Демезона (1833 г.) и И. Виткевича (1836 г. и 1837–1838 гг.). В рамках данных миссий, которые возлагались преимущественно на представителей военного сословия, применялись методы шпионажа, подкупа, торгового соперничества, а иногда и элементы открытого противостояния.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, «Большая игра», Центральная Азия, Туркестан, геополитика.

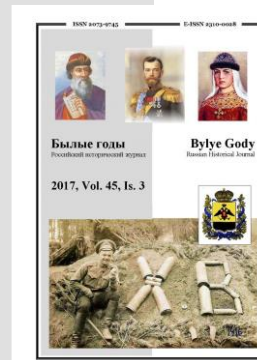
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bebeshko_leka@mail.ru (Е.В. Бебешко), jeyson1030@gmail.com (Е.В. Крыжко), petr.pash@yandex.ru (П.И. Пашковский), ko507622530@gmail.com (С.С. Щевелев)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 861-870, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.861
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)+(100-87)

Russians in Captivity: The Art of Surviving and Winning

Vladimire A. Ushakov^a, Tatiana E. Sokhor^{a,*}, Evgenij V. Il'in^a, Tatiana N. Goncharova^a,
 Ariadna A. Petrova^a

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The paper is based upon a study of various sources — dispatches, letters, diaries, memoirs and other materials left by participants and contemporaries of the events, documents and reports of the Red Cross and other organizations what helped captives, as well as information from publications by Russian and foreign specialists in the history of captivity for many centuries. The authors's field of view included the events from the history of wars in Europe and Asia, the episodes when European armies, forces of the Ottoman Empire and its allies, as well as Japan and China acted as the enemy of Russians. The paper also deals with wars and conflicts, invasions and raids of different nature and type. As a result, based upon the findings obtained, many conditions and factors were studied, which influenced the situation of a captive or a group of captives, and enabled them to come through, survive and, moreover, keep hoping for salvation and resist the enemy in various forms and with various activity. The paper singles out the conditions and circumstances that deprive captives of such opportunities. It was established that the situation of captives depended on the nature of antagonisms that caused wars. Examples of conflicts with the participation of Russians showed that the institute of captivity was also influenced by civilization peculiarities of the warring nations, and differences were considered as to how the winners treated their captives at the front and on the home front. Conditions for the survival of the individual prisoners and groups of captives, which would enable them to come through, survive, do harm to the enemy, and to break free in order to save themselves and help their comrades and homeland, and come back home.

Keywords: captives, the Patriotic War of 1812, the Russian-Japanese War, Russia, Sweden, Poland, France, Turkey, China, Japan.

1. Введение

Войны часто нарушали жизнь человечества, воздействовали на ход истории. С древнейших времен существование Руси-России пронизывали войны большие и малые, когда массы людей гибли и попадали в неволю. Соперники России эти войны вели с ожесточением и к пленным относились сурово. В нечеловеческих условиях пленные должны были выжить и смириться, либо продолжить борьбу — погибнуть или победить. За столетия сложилось и отношение к плену: обстоятельства пленения и поведение в неволе вызывали презрение и ненависть к трусам и предателям; сочувствие — к жертвам и героям. Обращение к проблеме плена важно, поскольку трагические и героические события и уроки военной истории откладывались в сознании поколений людей, и через пропаганду, воспитание, произведения искусства, явления культуры они выступали как важнейший фактор в формировании национального самосознания, определении приоритетов в истории России, целей и путей развития российского общества и государства.

* Corresponding author

E-mail addresses: v.ushakov@spbu.ru (V.A. Ushakov), sohor@mail.ru (T.E. Sokhor), e.ilin@spbu.ru (E.V. Il'in),
t.goncharova@spbu.ru (T.N. Goncharova), ariadnapetrova@yandex.ru (A.A. Petrova)

2. Материалы и методы

Работа подготовлена на основе изучения: источников (донесений, отчетов, писем, дневников, мемуаров и др. сочинений), оставленных участниками и современниками событий; материалов организаций, расследовавших действия воюющих сторон в отношении пленных и населения; сведений из наиболее информативных публикаций российских и зарубежных специалистов по военной истории за разные временные периоды. Методология исследования требовала активного соединения общенаучных и исторических методов. Применение историко-сравнительного и историко-типологического методов нацеливало на детальное и всестороннее раскрытие и характеристику общих и особенных условий пребывания в плену в разные исторические эпохи и в разных по характеру военных конфликтах. Историко-генетический метод использовался при определении мотивов и обстоятельств появления, а часто и публикации материалов по тематике войны и плена. Принципы историзма и целостности вели к выявлению факторов, определявших содержание, достоверность, тональность и другие свойства разных документов.

3. Обсуждение

Сведения о войнах и пленных приведены в общих работах по истории Отечества (Платонов, 1993, др.), либо по истории стран вступавших в конфликты с Россией (Янчевецкий, 2013, др.). Важные материалы содержат: исследования об участии России и россиян в войнах (Тарле, 2011, др.); литература о теоретико-научном осмыслении плена как явления в истории (Ивашов, Емелин, 1992, др.); общие и обзорные работы по истории плена (Лохвицкий, 1855; Гессен, 1918, др.) и его разновидности (Шереметевский, 1913); либо публикации по истории пленения в той или иной войне (Акишин, 2009; Козлов, 2011, др.); описания пребывания в плену отдельных лиц, групп и их участия в деятельности организаций пленных (Козлов, 2016; Головнин, 1972). Интересные сведения содержат работы: по истории воинских частей (История, 1896, др.); о жизни и карьере отдельных людей (Марнос, 1893, др.), а издания документов о военных и пленных, их активность в неволе (Военнопленные, 1907; Документы, 1947) принципиально важны. Такие публикации документов, научная и научно-исследовательская литература многочисленны и труднообозримы. Но при всем многообразии перечисленных материалов и стремлении специалистов исследовать историю плена, вне поля зрения оказались серьезные аспекты проблемы. А именно, с привлечением исторических сведений специально не были обрисованы и изучены многие факторы и условия, которые могли влиять на положение пленного, группы пленных и позволяли сохранять надежду на спасение, выживать, и с разной активностью и в разных формах вести борьбу с врагом. Ученые не выделяли условия и обстоятельства, ограничивавшие или лишавшие пленного (пленных) таких возможностей. Не акцентировали должного внимания и на зависимость института плена от природы антагонизмов, порождавших войны, от характера, целей, масштабов и ожесточения конфликтов. На примерах войн с участием россиян, порой характеризовали зависимость института плена от цивилизационных отличий воюющих сторон, от законов, норм, нравов исторических эпох, периодов, но в гораздо меньшей мере писали об эволюции этого института в истории, не выделяли то общее и особенное, что сближало (отличало) условия плена в таких конфликтах, в целом влияло на формы и условия неволи для разных категорий пленных. Поэтому авторы статьи, основываясь на материалах, почерпнутых из научной литературы и публикаций разнообразных источников по истории России, а также на сведениях из истории ряда стран (Франции, Швеции, Польши и Литвы, Германии, Австро-Венгрии, Японии, Китая, др.), стремились осмыслить широкую по времени и географии событий панораму феномена плена как части военной истории и истории, населяющих наше Отечество народов, и из массива разнообразных российских и зарубежных материалов извлечь сведения, характеристики, позволяющие продвинуться в исследовании означенных малоизученных аспектов института плена применительно к истории России за широкий период времени.

4. Результаты

Обычай войны и плена складывались в междоусобицах князей, в конфликтах Руси с Византией и с кочевыми народами, с Золотой Ордой и ханствами на ее территории. Жесткий характер им придавал религиозный и национальный факторы и историческая память (в том числе, на генетическом уровне) об опустошительных вторжениях, набегах и пограничном разбое, несшим гибель и «полон» поколениям людей. Во власти поработителей (частных лиц и государств) их ждала участь: 1) погибнуть в боестолкновениях и при угоне в плен; 2) для знати быть уничтоженными или стать заложниками; 3) для «стариков и немощных» быть отданными молодым воинам «для первых военных опытов», убитыми другими способами; 4) пленники выступали как товар: «красивых мальчиков» и девушек продавали «для утех», прочих — на работы; мужчин отбирали по физическим и профессиональным данным и обрекали на непосильный труд и страдания — их клеймили, кастрировали, зверски пытали, казнили; 5) часть пленных, отказавшись от родины и веры, «обасурманивалась», шла в услужение врагу. Избавление приходило через смерть, выкуп, размен, побег, кого-то отбивали единоверцы; рабов иногда освобождали хозяева. Вырваться из неволи удавалось не многим. В новое время чаще применяли средства дипломатии — освобождение в результате переговоров и по статьям трактатов о мире (Лохвицкий, 1855: 1–34 (гл. III); Гессен, 1918:

3–43; Шереметевский, 1913; Вернадский, 1997: 56–60, 147–148, 167–168, 191–192, 205–209, 221–243, 250–275, 292–294, 346–351; Герберштейн, 1988: 174–175). Однако и в XIX в. войны христиан («гяуров») с мусульманами («басурманами») были жестокими. В войну 1806–1812 гг. турки на Дунае взяли 6 русских канонеров и «9 офицеров и 170 нижних чинов», и те, «кто более сопротивлялся» были преданы «смерти, и головы несчастных брошены в Дунай». А в 1810 г. у города Рушук турки применили «все жестокости, лютость, бесчеловечье, которых никакое перо не в состоянии изобразить», и русские на его стенах «увидели 7 500 отрезанных голов, воткнутых на наши же ружья. Турки, — записал участник войны Мартос, — считают сей <...> обряд своим блестящим трофеем» (Мартос, 1893: 325, 328).

На протяжении столетий насилия и кровопролития характеризовали войны Ордена, Литвы, Польши, Швеции с россиянами. К православным противник порой относился как к еретикам и тварям. Эти войны вели за территории, население которых истребляли, вытесняли, превращали в подданных победителя. Гибель и пленение ослабляли противника, переговоры о выкупе, размене шли годами, многие умирали в неволе, бежали, кто-то (знать) выживал за счет поддержки родни и Московского государства. Православных не освобождали, даже подчинив Московию в «смуту». В польском плену погибли коронованный В. Шуйский с братом, годы провел митрополит Филарет (отец царя М.Ф. Романова). После «Смуты» проблемы с возвращением из плена продолжались до эпохи Петра I. А когда поляки, запорожцы с татарами действовали против русских (Конотон, 1659; Чудново, 1660), то убивали массы пленных и раненых. И у шведов плен тянулся годами, нес суровые испытания. Они брали «в полон» даже купцов и послов, в отличие же от поляков чуть строже выполняли статьи договоров при размене, выкупе, освобождении пленных (Лохвицкий, 1855: 1–20 (гл. III); Гессен, 1918: 44–59; Шереметевский, 1913: Январь, 136, 141; Козлов, 2011: 36–60, 64–88, 100–110, 167, 187).

К началу «Века Просвещения» наметилась гуманизация законов войны, но плен по-прежнему не гарантировал жизнь. В Великой Северной войне смерть несли и русские, и «цивилизированные» шведы. Последние неоднократно истребляли славян — пленных (сожгли живьем 200 чел. в 1704 г.; резня после битвы при Фридрихстаде в 1706 г., др.) и население, продавали христиан в рабство иноверцам. Европа осуждала деспотизм Карла XII (казнь в 1707 г. дипломата И.Р. Паткуля). До конца войны Россия добивалась обмена захваченных по приказу Карла XII в 1700 г. у Нарвы российских командиров и дипломата в Стокгольме А.Я. Хилкова. После Полтавы (1709) и в преддверии Ништадского мира (1721) обмен пленными оживился. В долгом плену кто-то (Хилков) работал на благо отечества, слал ценные сведения о Швеции, защищал пленных. Он и А.И. Манкиев из истории отношений со Швецией извлекали уроки (книга «Ядро российской истории»), а Я.Ф. Долгорукий и 44 чел., захватив корабль, пришли в Ревель. Более 300 чел. (20 % пленных) с о. Висингсё пытались бежать. Более 200 чел. там погибли от голода, холода, болезней, ран, несправедного суда... умерли Хилков и царевич Багратиони. Кто-то жил за счет пособий от шведов и поддержки из России, займов, попрошайничал, воровал, пробавлялся работами, ремеслами, торговлей, обзаводился семьями и потомством. И.О. Трубецкой вернулся в Россию со своей семьей и родившимся в Стокгольме бастардом (Бецким). Общую линию поведения пленных в Швеции проводил Хилков, но в тюрьме и на поселении многие по-своему стремились выжить, сохранить идентичность, вернуться домой. Результаты зависели от сложившихся обстоятельств, устремлений и человеческих качеств этих лиц (Козлов, 2011: 111–164, 176–183, 189–190, 200–216; Акишин, 2009: 170–170; Юриксон, 2009: 183–206; Биргеорд, 2009: 207–229).

Нередко в плен попадали или там складывались группы людей, действовавших совместно. Пример являли командир В.М. Головнин и 6 моряков со шлюпа «Диана», оказавшиеся при изучении Курил в японском плену в 1811–1813 гг. Они настырно вошли в контакт с японцами, озлобленными из-за разбоя русских судов. Столкнулись две цивилизации: демонстрируя добрые намерения, русские на переговорах были без оружия и лодку вытащили на берег, а сотни японцев, используя ошибки Головнина, вероломно схватили их. Так начался плен, длившийся 2 года 2 месяца и 26 дней (Козлов, 2016: 143; Головнин, 1972: 45–72; Головнин, 2016: 240–241; Хлебников, 2016: 294–300). Он резко отличался от «ареста» на год «Дианы» у мыса Доброй Надежды, откуда корабль сбежал от англичан 16 мая 1809 г. (Головнин, 1961: 146–147). А плен в Японии оказался суровее и поучительнее, он был описан Головниным как «такой страшный, ужасный опыт <...> слишком дорогою ценою для нас купленный» (Головнин, 2016: 271).

Согласно записям В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, японцы жестко контролировали пленных: до боли связывали их, в ужасных тюрьмах привязывали к стенам, потолку, как птиц держали в холодных клетках. Пленных вели под конвоем, не развязывая даже при отправлении нужды — «снимали <...> платье, сажали и потом с рачением очищали <...> как нянька поступает с дитятей, <...> а веревки впившись были по всем телу». Такая «забота» по-азиатски шокировала европейцев, их травмировали бесконечные обвинения в разбое, шпионаже (Головнин, 1972: 72–99, 109–118; Головнин, 2016: 241–243; Хлебников, 2016: 301–308; 327–328). Сказывались и слухи о зверской жестокости и коварстве азиатов. «Бездна отчаяния» охватила пленных, Головнин в день пленения «желал от чистого сердца», чтобы «поскорее свершили над ним убийство». И позднее он хотел «лишить себя жизни». Сходные мысли питал и Хлебников. Физические и духовные муки

доводили русских «до расстройтва воображения» — им мерещились «непонятные ужасы», жуткая гибель, казнь (Головнин, 2016: 243–245; Головнин, 1972: 72–73; Хлебников, 2016: 299).

Безысходность толкнула русских моряков к побегу. Для этого они провели подготовку: тщательно изучали мотивацию в действиях японцев, заводили нужные контакты с ними, искали слабые стороны в системе охраны. Неудачный побег и плен определили роли моряков в группе. Лидером был Головнин, матрос Макаров был заботлив, точно исполнял приказы. Матрос Шкаев хотел бежать, но проявлял неповиновение. Со слов Головнина, штурман Хлебников ныл, хитрил, на предложение «умереть или достигнуть отечества <...> решительного согласия <...> не давал», оспаривал действия командира, заискивал перед матросами, «твердил им о смерти». Хлебников пугал Симонова и Васильева, и чтобы тех взбодрить, Головнин «рассказывал <...> похабные анекдоты, <...> читал наизусть Баркова стихи». Первоначально подозрение вызывал курилец-переводчик Алексей Чекин из-за его близости к мичману Муру (Головнин, 2016: 241–250, 255, 261). А Мур «час от часу становился <...> опаснее», «был низок до подлости», отговаривал моряков от побега, клеветал на Россию и русских, шпионил и доносил японцам, «желая нашей смерти» и хотел остаться служить в Японии. Головнин записал: Мур был «страшнее смерти», но кто станет ручаться, чтобы «еще не нашелся какой-нибудь Мар или Мор и тому подобное». По возвращении на Камчатку Мур застрелился (Головнин, 2016: 252–257, 269–271; Головнин, 1972: 294–295). Так в Японии пленные вели себя по разному: были лидер и ведомые, часть осталась верна присяге и долгу, кто-то впадал в отчаяние и малодушие, и тогда непонимание, соперничество, вражда, трусость, подлость, предательство грозили гибелью. В столь тяжких условиях мужество, дисциплина, удача помогли им выжить — «на аспида и Василиска наступили и попереши льва и змия» (Головнин, 2016: 272).

Тяготы плена в Японии подтвердил и штурман А.И. Хлебников, не винивший командира в ошибках. Головнин сам отметил допущенную им «непростительную оплошность», позволившую захватить моряков. Исправить ее было нельзя, но Головнин в плену мужественно боролся за спасение группы, руководил ею (Хлебников, 2016: 293–309; Головнин, 2016: 240). Такая группа с обозначившейся структурой, объединявшая лиц со сходной психологией, поведением, эмоционально-тяготенческими качествами формировалась поэтапно (Психология, 1970: 208–212) и это стало одной из особенностей плена в Японии. Все более ориентируясь на лидера (командира) моряки сочетали деловые качества и заинтересованность в выживании и обретении свободы, что также служило залогом их спасения.

Еще более героическую и тяжелую миссию взяли на себя три офицера лейб-гвардии Егерского полка в 1828 г. истребленного турками у Варны из-за халатности и трусости начальства. Эти офицеры решили «сберечь полковую святыню» — знамя, обогретенное кровью русских воинов. Для этого они разорвали знамя на три части и спрятали их на теле. Риск был огромный — выжил и из плена возвратился в 1829 г. только поручик Н.А. Сабанин. Этот воин-одиночка, сохранив остаток знамени, со временем восстановил воинскую честь полка (История, 1896: 208, 210, 213–216; Старый Егерь, 1876: 372–373).

Возможности выжить и бороться в плену с врагом порой были малы. В 1612 г. осажденные в Кремле поляки «съели пленных», и «кто кого мог <...> тот того и ел» (Дневник, 1872: 348). Отечественная война 1812 г. также рождала отчаянные ситуации. Бегство французов из России изобиловало сценами «ужаса», когда «близ Болдина монастыря» были найдены «трое французов, жаривших четвертого, который умер с голоду за несколько минут перед тем». Другой случай характеризовал «черты отчаяния расшвырявшего человечества»: француз «отказался от хлеба <...> а умаялся», чтобы его убили «из сострадания» (Мартос, 1893: 467). В нечеловеческих условиях армия Наполеона не могла сохранить жизнь своим солдатам, тем более десяткам тысяч пленным. И они бежали, гибли от голода, холода, ран, их уничтожали (Бессонов, 2012: 118–122; Rouanet, 2012: 254, 256–257, 260–261). Об этом писал Ф.-П. де Сегюр, указав на «убитых русских, причем у каждого из них были совершенно одинаково разбита голова и окровавленный мозг разбрызган тут же». Была и попытка сжечь пленных и раненых в церкви. Сегюр констатировал: «В этой беспощадной войне даровать им жизнь было равносильно тому, чтобы принести в жертву самих себя. Приходилось быть жестоким по необходимости» (Сегюр, 2014: 313–314). Историк Е.В. Тарле считал, что «пленных <...> погибло много тысяч <...> трупы расстрелянных русских пленных постоянно встречались между трупами французов <...> на всем пути отступления наполеоновской армии». Эти примеры фиксировали и французские ученые (Тарле, 2011: 693, 696; Rouanet, 2012: 260–261). Ожесточение сторон росло, Сегюр записал: «с нашими пленными солдатами <...> обходились несколько не человечнее» (Сегюр, 2014: 314). О мытарствах французов в плену накопилось много материалов: высокопоставленных лиц (генерала Пуже) обдирали «как липку» (Souvenirs, 1895: 220), простых пленных гнали под конвоем, а вглубь России доходили не многие, так, например, из отряда в 2 800 чел. с лейтенантом Вейо, до Саратова дотянуло только 150 (Vieillot, 1996: 92, 174, 237). Таковы были жесточайшие реалии и особенности Отечественной войны, когда решалась судьба России, и народ боролся за выживание. И они контрастировали с условиями, в которых находились плененные на войне 1808–1809 гг. шведы. Судя по готовому к публикации дневнику А. Хаусвольф, они даже ходили на балы и в гости, но то была другая война (Коваленко, 2016: 5).

Жестокие войны шли и с начала XX века. Восстание ихэтуаней (боксеров) в 1900 г. вызвало интервенцию империалистических держав. В ходе ее «пленных не брали, а захватив их — прикалывали или пристреливали» ибо, интервенты не знали, куда девать пленных, считали их «за варваров и полуживотных», полагали, что «у китайцев вместо души пар, который можно выпускать сколько угодно». А китайцы «истязали и убивали <...> иностранцев из мести и ненависти», хотели «перебить их всех как черепах». Потери царской России составили 2 002 чел., среди убитых и казненных были и гражданские лица. Современники сравнивали восстание с тайфуном, полагали, что война «с ордой диких изуверов опасна, как гидра, у которой на место одной отрубленной головы <...> отрастают две новые». Эти слова оттеняли суровый вывод: «возмущения на религиозной и фанатичной почве всегда сопровождаются и крайним упорством, и необыкновенным кровопролитием...» (Янчевецкий, 2013: 37, 52, 63, 69, 84–86, 182, 232–233, 367–368, 371–374, 384).

А вскоре разразилась русско-японская война 1904–1905 гг. В Петербурге ее мыслили как победоносную, но она завершилась потерей двух эскадр, поражениями на суше, осадой и падением Порт-Артура. Упорство русских войск и потери ожесточали японцев, в зоне боев те часто были беспощадны к пленным, отсекали головы раненым, стреляли в санитаров. Герой обороны Порт-Артура генерал Р.И. Кондратенко отразил эти факты в приказе о защите крепости «до последней капли крови, без всякой мысли о возможной сдаче в плен». «Японцы, — гласил приказ, — предпочитая сами смерть сдаче в плен, вне всякого сомнения, произведут в случае успеха общее истребление, не обращая внимания ни на Красный Крест, ни на раны, ни на пол и возраст, как это было ими сделано в 1895 году при взятии Артура» (Шумский, 1907: 178, 482–483; Документы, 1947: 302).

Гибель Кондратенко развязала руки капитулянтам и, по свидетельству главнокомандующего генерала А.Н. Куропаткина, те сдавались в плен. Правда, отряды воинов в Порт-Артуре отказывались капитулировать, их умиряли японские войска. (Дискант, 2002: 322–325; Куропаткин, 2003: 565–566). На Сахалине, при Мудкене, Порт-Артуре, Цусиме и в др. местах в плен попало более 2 000 офицеров и 70 000 нижних чинов. Большинство из них разместили в лагерях у г. Осака, Токио и в других местах Японии. Охрана была японской, в лагерях действовало самоуправление, режим содержания смягчался: пленные получали письма, посылки, денежные переводы, пожертвования. Питание было сносным и трехразовым: разрешали отдых, игры в карты, шашки, шахматы и т. д.; офицеры при соблюдении правил, выходили за пределы лагерей; рядовые работали (чаще всего в сельском хозяйстве). Неграмотных обучали русскому и польскому языкам, чтению, письму, арифметике (до 12 часов в неделю). Такой режим объяснялся стремлением японцев опровергнуть представление о них, как о коварных и жестоких азиатах (Ушаков и др., 2016: 646) и намерением через агитаторов из эмигрантов и чтение газет настроить пленных против царских властей. Пропаганда была действенна среди нижних чинов (митинги под красным флагом) и мало затронула офицеров. Японцы порой нарушали условия капитуляции, избивали, подвергали наказаниям пленных и, иногда, извинялись за такие действия, но офицеры все чаще прибегали к коллективным протестам. Рождавшее в плену стремление к сплочению было очень показательным, но тогда не удалось преодолеть до конца отчуждение ни между офицерами армии и флота, ни между содержащимися отдельно командирами и массой рядовых. Тогда здесь сказывалась и классово-сословная структура роялистского общества. В 1904–1905 гг. в плену умерло 32 офицера и 2 280 нижних чинов, на родину вернулось 70 932 чел. Эти цифры дополнительно подтверждали: 1) различия в содержании групп пленных — пропорционально смертности нижних чинов в 5 раз превышала смертность среди офицеров; 2) патриотический настрой россиян — на родину отказались вернуться всего 110 чел. 3) само пребывание в плену, его условия побуждали россиян преодолевать некоторую настроенность, отчужденность, различия и другие факторы, мешавшие лучшему пониманию друг друга и их сближению; медленное, постепенно в их поведении проявлялись черты указывавшие на потребность пленных во взаимной поддержке, что на будущее могло служить и бо́льшему единению россиян в дни испытаний и бед (Шумский, 1907: 486–493, 496–502; Военнопленные, 1907: 33–35, 43–45, 56–93; Россия и СССР, 2010: 51–52).

События русско-японской войны явственно высветили важные характеристики в отношении воюющих сторон друг к другу на поле боя, и в отношениях победителей и пленных воинов, которых уже переместили в лагеря за пределами театра военных действий. Многие из этих черт проявлялись и в последующих военных конфликтах, в том числе и в ходе разразившейся через десятилетие Великой войны. Но то был уже не локальный или региональный конфликт, а мировая война, ход которой отражал серьезные изменения в мировой истории. И эти перемены также накладывали весомый отпечаток на характер вооруженной борьбы и на институт плена — как важной составляющей мирового катаклизма.

5. Заключение

Институт плена стал частью панорамы войн и конфликтов с участием Руси–России. За столетия формы и условия неволи могли меняться, но принципиальным оставалось то, что для многих поколений людей плен оборачивался смертельной трагедией. Именно для россиян неволя подчас оказывалась еще худшим «адом», ведь практически во все времена агрессоры истребляли, казнили

пленных и мирное население. Страдания, муки, гибель им несли как набег кочевых народов, «басурман», так и вторжения «культурных» христиан — поляков, шведов, французов, немцев и других европейцев. И порой бывало так: в неволю попадали многие сотни, тысячи, десятки тысяч людей, а вырывались из нее, тем более возвращались домой, единицы.

Судьбу, взятых «в полон» людей часто определяли независимые от их воли, поведения факторы и обстоятельства. Среди таковых можно назвать нацеленность завоевателей на безжалостный террор, разрушительные методы ведения войны (стратегия «выжженной земли»), свирепые эпидемии, голод и многое другое. Озлобление, зверства, преступную жестокость на поле боя противники порой дополняли и не менее жестоким обращением с пленниками и мирным населением по окончании боев. Все же в разных по характеру войнах возможности для пленных уцелеть и выжить не были равными. Войны за «безопасные» границы, новые земли и подданных (данников) по ожесточению и безальтернативности отличались от смут и гражданских конфликтов внутри страны, либо от войн, порожденных столкновениями цивилизаций, борьбой на национально-религиозной почве или расово-идеологическими и военно-стратегическими целями, когда речь заходила об исчезновении под ударами врагов, государства, общества, народа, и тот поднимался на отечественную войну. И хотя лагерь для пленных воинов Петра I на о. Висингсё по целям, масштабам, техническому отношению, другим показателям не был похож на концлагеря XX столетия, но и в начале XVIII в. для многих узников главной задачей было уцелеть, выжить, освободиться или вырваться из неволи, и нанести удары по врагу.

Не все в плену склонялись к активной борьбе, кто-то избегал ее, выжидал, был пассивен. Значение имело и то, — кто, как и когда оказывался в неволе — ведь случаи малодушия, предательства и намеренной сдачи в плен не были единичными. Здесь значение имели социальные интересы, национальные и религиозные мотивы, шкурные расчеты, тяготы и страх в условиях жесткого террора, да и другие обстоятельства, воздействовавшие на людей, определявшие их положение и поведение. Те же, кто не изменял присяге, не отверг веру, Родину, свой народ, обрекали себя на служение своим святыням. И убедительные примеры тому являло каждое столетие.

В плену часто оказывались отдельные люди (одиночки), и для них важным было физическое состояние (чаще погибали раненые, больные, слабые), моральный дух, вера в свои возможности и правоту, способность не сорваться, а сопротивляться и приспособиться к жестким условиям плена. Значимы были: умение распознать предательство, провокацию, выбирать среди пленных единомышленников и товарищей — оказывать им и получать от них поддержку, находить послабления и бреши в лагерно-тюремном режиме, порой использовать симпатии местного населения, отношение со стороны людей совестливых и разумных (в т. ч. из числа охраны).

Примеры в статье подтверждали значение этих и других обстоятельств, которые были важны не только для отдельных людей, но и для тех, кто попадал в плен в составе групп или сформировал таковые в заключении. А группы пленных существовали и по своим особым канонам: нужно было определиться с руководителем (лидером), избежать соперничества и разброда, наладить взаимопонимание, поддержку, дисциплину, осознавать, что группа не однородна и для ее сплочения результативного функционирования необходимо опираться на актив и, в зависимости от обстановки использовать богатый арсенал управления, руководства людьми в экстремальных, часто и нелегальных условиях. Формирование же организаций, движения сопротивления среди пленных повышало и степень ответственности, и степень риска для людей решительных, неустрашимых. На передний план выходили организаторские способности и другие таланты руководителей, возможность сочетать, направлять, координировать действия как в среде пленных (включая людей из других стран), так и за ее пределами, получать помощь извне, мобилизовывать все силы на борьбу и в ней опираться на политико-моральный стержень — самосознание людей, их патриотизм и жертвенность, крепнувшее чувство коллективизма, убежденность и зрелось, которые руководители и активисты несли пленным.

А действовать стихийно или организованно людям бесстрашным приходилось в экстремально сложных условиях. Ведь если человечество еще в XIX в. созывало международные конференции для укрепления мирных отношений, предотвращения тех угроз, гибели и жестокости, которые несли военные конфликты, и в том числе шло по пути частичной гуманизации института плена, то это еще не значило, что были полностью изжиты безжалостные наказания, пытки и казни, и не применялись другие методы принуждения. Все эти действия были ориентированы на унижение и подавление оказавшихся в плену людей. В нечеловеческих условиях пленникам навязывали требования, которые их «тюремщики» (в нашем варианте — власти, армия и охрана) формулировали, исходя из якобы имевшем место превосходстве, которым они обладали по отношению к стоявшему на более низкой ступени общественного развития, культурной и интеллектуальной жизни народу. Преступления победителей (будь то европейцы или жители Азии) вели к тому, что судьбы многих пленных были сломаны, растоптаны, они болели, страдали, гибли... а в сердцах и умах других людей испытание пленом возбуждали возмущение и ненависть к врагам, патриотический настрой и стремление усилить борьбу с тем, чтобы вырваться из неволи, спасти и себя, и свою страну.

Все же пленные по-разному решали проблемы выживания и борьбы с врагом. Диапазон их действия простирается от пассивного ожидания неминуемого (иногда даже переход на сторону

противника) и до широкого применения разных форм противостояния. Тогда пленные нередко практиковали саботаж и вредительство, отказ от работ, частыми стали побеги. Раздельное содержание в плену офицеров и солдатских масс, классово-сословный характер российского общества серьезно затрудняли совместные действия. Барьеры же между представителями разных слоев и групп начали рушиться и стираться только в эпоху революционных потрясения, но тенденции к единению пленных, к коллективному отпору (в первую очередь в рамках социальных групп) в военное лихолетье уже наметилось и тенденции к коллективизму среди граждан (в том числе и в экстремальных условиях) получали дальнейшее развитие в уже обновленной России (СССР).

Литература

- Акишин, 2009** — Акишин М.О. Пленные Северной войны: правовое положение // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения. М., 2009. С. 166–194.
- Бессонов, 2012** — Бессонов В.А. Калужский край в Отечественной войне 1812 года // *Родина*. 2012. №10. С. 118–122.
- Биргегорд, 2009** — Биргегорд У. О русских высших чинах в шведском плену // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 183–206.
- Вернадский, 1997** — Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. М.; Тверь, 1997. 480 с.
- Военнопленные, 1907** — Военнопленные. Обзор деятельности Центрального справочного бюро о военнопленных во время Русско-японской войны / Сост. Е.А. Бухе, под рук. Ф.Ф. Мартенса. СПб., 1907. XVI, 151 с.
- Герберштейн, 1988** — Герберштейн С. Записки о Московитских делах. М., 1988. 430 с.
- Гессен, 1918** — Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. Пг., 1918. Вып. 1. 84 с.
- Головнин, 1972** — Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. 526 с.
- Головнин, 2016** — Головнин В.М. Краткое описание наших приключений. Воспоминания в форме писем к другу, написанные во время пребывания в японском плену // Козлов С.А. Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, 1810–1820-е годы. СПб., 2016. С. 240–292.
- Головнин, 1961** — Головнин В.М. Путешествие на шхуне «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807–1811 годах. М., 1961. 477 с.
- Дискант, 2002** — Дискант Ю.В. Порт-Артур, 1904. М., 2002. 366 с.
- Дневник, 1872** — Дневник событий, относящихся к смутному времени (1603–1613 гг.) // Русская историческая библиотека. Т. I. СПб., 1872. 846 с.
- Документы, 1947** — Из боевого прошлого Русской Армии: Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров / Под ред. Н. Коробкова. М., 1947. 411 с.
- Ивашов, Емелин, 1992** — Ивашов Л.Г., Емелин А.С. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. №1. С. 44–49.
- История, 1896** — История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет 1796–1896. СПб., 1896. 524 с.
- Коваленко, 2016** — Коваленко Г. Путешествие в плен. О чем рассказали записки дочери шведского офицера // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. №30, 19 августа. С. 5.
- Козлов, 2011** — Козлов С.А. Русские пленные Великой Северной войны. 1700–1721. СПб., 2011. 416 с.
- Козлов, 2016** — Козлов С.А. Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова 1810–1820-е гг. СПб., 2016. 504 с.
- Куропаткин, 2003** — Куропаткин А.Н. Русская армия. М., 2003. 590 с.
- Лохвицкий, 1855** — Лохвицкий А. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. 104 с.
- Мартос, 1893** — [Мартос А.И.] Записки инженерного офицера Мартоса // *Русский архив*. 1893. №7. С. 305–368.
- Платонов, 1993** — Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. 736 с.
- Психология, 1970** — Военная инженерная психология. М., 1970. 398 с.
- Сегюр, 2014** — Сегюр Ф.-П. История похода в России. Мемуары генерал-адъютанта Филиппа-Поль де Сегюра. М., 2014. 464 с.
- Старый Егерь, 1876** — [Старый Егерь]. Под Варною // *Русская старина*. 1876, февраль. Т. XV. С. 364–376.
- Тарле, 2011** — Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е.В. Триумф и трагедия императора: Сборник. М., 2011. 1018 с.
- Хлебников, 2016** — Хлебников А.И. Записка о японском плене семи россиян в 1811–1813 гг. // Козлов С.А. Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, 1810–1820-е годы. СПб., 2016. С. 293–468.
- Шереметьевский, 1913** — Шереметьевский В. Бусурманская неволя // *Русская старина*. 1913: Январь. С. 135–148; Февраль. С. 336–347; март. С. 537–549; Апрель. С. 66–83.

- Шумский, 1907** — Шумский К. В плену у японцев // *Исторический вестник*. 1907. Т. CVIII. № 108(5), май. С. 475–502.
- Юриксон, 2009** — Юриксон У. Русские военнопленные на Висингсё // *Полтава. Судьбы пленных и воздействие культур*. М., 2009. С. 183–206.
- Янчевецкий, 2013** — Янчевецкий Г. У стен недвижимого Китая. М., 2013. 480 с.
- Rouanet, 2012** — Rouanet D. Captivites en Russie: regards compares // 1812, la champagne de Russie. Histoire et posterities. Sous la direction de Marie-Pierre Rey et Thierry Lentz. Paris, 2012. P. 253–265.
- Sourenirs, 1895** — Sourenirs de guerre du general baron Pouget / publiés par M-me de Boisdeffre, née Pouget. Paris, 1895. 323 p.
- Vieillot, 1996** — Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années 1812–1813–1814. Luneray, 1996. 368 p.
- Ushakov et al., 2016** — Ushakov V.A., Evsev'ev M.Yu., Petrova A.A., Vakhromeeva O.B., Sokhor T.E. European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19th – beginning of 20th century). // *Bylye Gody*. 2016. Т. 41. № 3. pp. 642–649.

References

- Akishin, 2009** — Akishin M.O. (2009). Plennye Severnoj vojny: pravovoe polozhenie [The prisoners of the Northern War: the legal status] / *Poltava: K 300-letiju Poltavskogo srazhenija* [Poltava: the 300th anniversary of the Battle of Poltava]. Moscow. pp. 166–194. [In Russian]
- Bessonov, 2012** — Bessonov V.A. (2012). Kaluzhskij kraj v Otechestvennoj vojne 1812 goda [Kaluga Region in the Patriotic War of 1812]. *Rodina*. №10. pp. 118–122. [In Russian]
- Birgegord, 2009** — Birgegord U. (2009). O russkikh vysshih chinah v shvedskom plenu [Russian Chief officers in the Swedish captivity] / *Poltava. Sud'by plennyh i vzaimodejstvie kul'tur* [Poltava. The fate of the prisoners, and the interaction of cultures]. Moscow. pp. 183–206. [In Russian]
- Vernadskij, 1997** — Vernadskij G.V. (1997). Istorija Rossii. Mongoly i Rus' [Russian history. Mongolia and Russia]. Moscow; Tver'. 480 p. [In Russian]
- Voennoplennye, 1907** — Voennoplennye. Obzor deyatelnosti Tsentral'nogo spravocnogo byuro o voennoplennykh vo vremya Russko-yaponskoj vojny [Prisoners of war. Review of the activities of the Central Information Bureau about prisoners of war during the Russo-Japanese War] / Sost. E.A. Bukhe, pod ruk. F.F. Martensa. St. Petersburg, 1907. XVI, 151 p. [In Russian]
- Gerbershtejn, 1988** — Gerbershtejn S. (1988). Zapiski o Moskovitskikh delah [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow. 430 p. [In Russian]
- Gessen, 1918** — Gessen Ju.L. (1918). Plennye v Rossii s drevnih vremen [Prisoners in Russia since the ancient times]. Petrograd. Vyp. 1: Vykup plennyh [Vol. 1: Redemption of captives]. 84 p. [In Russian]
- Golovnin, 1972** — Golovnin V.M. (1972). Zapiski flota kapitana Golovnina o prikl'yuchenyakh ego v plenu u yaponcev v 1811, 1812 godakh, s priobshcheniem zamechanii ego o Yaponskom gosudarstve i narode [Notes of the fleet of Captain Golovnin about his adventures in captivity with the Japanese in 1811, 1812, with the introduction of his comments on the Japanese state and the people]. Khabarovsk. 526 p. [In Russian]
- Golovnin, 2016** — Golovnin V.M. (2016). Kratkoe opisanie nashikh prikl'yuchenii. Vospominaniya v forme pisem k drugu, napisannye vo vremya prebyvaniya v yaponskom plenu [A brief description of our adventures. Memories in the form of letters to a friend written during his stay in the Japanese captivity] // Kozlov S.A. Russkie otkryvayut Yaponiyu. Iz rukopisnogo naslediya moreplavatelei V.M. Golovnina i A.I. Khlebnikova, 1810–1820-e gody [The Russians are opening up Japan. From the manuscript heritage of seafarers V.M. Golovnin and A.I. Khlebnikov, the 1810s-1820s]. St. Petersburg. pp. 240–292. [In Russian]
- Golovnin, 1961** — Golovnin V.M. (1961). Puteshestvie na shhune «Diana» iz Kronshtadta v Kamchatku v 1807–1811 godah [Journey on the schooner "Diana" from Kronstadt to Kamchatka in 1807-1811]. Moscow. 477 p. [In Russian]
- Diskant, 2002** — Diskant Yu.V. (2002). Port-Artur, 1904 [Port Arthur, 1904]. Moscow. 366 p. [in Russian]
- Dnevnik, 1872** — Dnevnik sobytij, odnosjashhhsja k smutnomu vremeni (1603–1613) [Diary of events related to the Time of Troubles (1603–1613)] / Russkaja istoricheskaja biblioteka. Tom pervyj [Russian Historical Library. Volume One]. St. Petersburg, 1872. 846 p. [In Russian]
- Dokumenty, 1947** — Iz boevogo proshlogo Russkoi Armii: Dokumenty i materialy o podvigakh russkikh soldat i ofitserov [From the combat past of the Russian Army: Documents and materials on the exploits of Russian soldiers and officers] / Pod red. N. Korobkova. Moscow, 1947. 411 p. [In Russian]
- Ivashov, Emelin, 1992** — Ivashov L.G., Emelin A.S. (1992). Nравstvennye i pravovye problemy plena v otechestvennoj istorii [Ethical and legal problems of captivity in the country's history]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. №1. pp. 44–49. [In Russian]
- Istorija, 1896** — Istorija Lejb-gvardii Egerskogo polka za sto let 1796–1896 [History of the Life Guards regiment of Chasseurs Luring the hundred years 1796–1896]. St. Petersburg, 1896. 524 p. [In Russian]
- Kovalenko, 2016** — Kovalenko G. (2016). Puteshestvie v plen. O chem rasskazali zapiski docheri shvedskogo oficera [Travel to the Captivity. What the notes of Swedish officer's Daughter told]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 19 avgusta №30. [In Russian]

- Kozlov, 2011** — *Kozlov S.A.* (2011). Russkie plennye Velikoj Severnoj vojny. 1700–1721 [Russian prisoners in the Great Northern War. 1700–1721]. St. Petersburg. 416 p. [In Russian]
- Kozlov, 2016** — *Kozlov S.A.* (2016). Russkie otkryvajut Japoniju: Iz rukopisnogo nasledija moreplavatelja V.M. Golovnina i A.I. Hlebnikova 1810–1820-e gg. [The opening of Japan by Russians. The manuscript heritage of seafarers V.M. Golovnin and A.I. Khlebnikov. 1810–1820]. St. Petersburg. 504 p. [In Russian]
- Kuropatkin, 2003** — *Kuropatkin A.N.* (2003). Russkaya armiya [The Russian Army]. Moscow. 590 p. [In Russian]
- Lohvickij, 1855** — *Lohvickij A.* (1855). O plennyh po drevnemu russkomu pravu (XV, XVI, XVII veka) [On prisoners of the ancient Russian law (XV, XVI, XVII century)]. Moscow. 104 p. [In Russian]
- Martos, 1897** — [*Martos A.I.*] (1893). Zapiski inzhenernogo oficera Martosa [Notes of the Engineering officer Martos]. *Russkij arhiv*. №7. pp. 305–368. [In Russian]
- Platonov, 1993** — *Platonov S.F.* (1993). Lekcii po russkoj istorii [Lectures upon the Russian History]. Moscow. 736 p. [In Russian]
- Psikhologiya, 1970** — Voennaya inzhenernaya psikhologiya [Military Engineering Psychology]. Moscow, 1970. 398 p. [In Russian]
- Segjur, 2014** — *Segjur F.-P.* (2014). Istorija pohoda v Rossii. Memuary general-adjutanta Filippa-Pol' de Segjur [The History of the campaign in Russia. Memoirs of the Adjutant General Philippe-Paul de Segur]. Moscow. 464 p. [In Russian]
- Staryj Eger', 1876** — [*Staryj Eger'*]. (1876). Pod Varnuju [Under Varna]. *Russkaja starina*. fevral'. T. XV. pp. 364–376. (In Russian)
- Tarle, 2011** — *Tarle E.V.* (2011). Nashestvie Napoleona na Rossiju [Napoleon's Invasion in Russia] // Tarle E.V. Triumf i tragedija imperatora: Sbornik [Triumph and tragedy of the Emperor: A Collection]. Moscow. 1018 p. [In Russian]
- Hlebnikov, 2016** — *Hlebnikov A.I.* (2016). Zapiska o japonskom plene semi rossijan v 1811–1813 gg. [Note on Japanese captivity of seven Russians in 1811–1813] // Kozlov S.A. Russkie otkryvajut Japoniju: Iz rukopisnogo nasledija moreplavatelja V.M. Golovnina i A.I. Hlebnikova 1810–1820-e gg. [The opening of Japan by Russians. The manuscript heritage of seafarers V.M. Golovnin and A.I. Khlebnikov. 1810–1820]. St. Petersburg. pp. 293–468. [In Russian]
- Sheremet'evskij, 1913** — *Sheremet'evskij V.* (1913). Busurmanskaja nevolja [Busurmanskaya bondage]. *Russkaja starina*. Janvar'. pp. 135–148; Fevral'. pp. 336–347; Mart. pp. 537–549; Aprel'. pp. 66–83. [In Russian]
- Shumskii, 1907** — *Shumskii K.* (1907). V plenu u yapontsev [In captivity with the Japanese]. *Istoricheskii vestnik*. T. CVIII. № 108(5), mai. pp. 475–502. [In Russian]
- Jurikson, 2009** — *Jurikson U.* (2009). Russkie voennoplennye na Visingsjo [Russian POWs on Visingsö] // Poltava. Sud'by plennyh i vozdejstvie kul'tur [Poltava. The fate of the prisoners and the impact of culture]. Moscow. pp. 183–206. [In Russian]
- Jancheveckij, 2013** — *Jancheveckij G.* (2013). U sten nedvizhnogo Kitaja [Near the walls of motionless China]. Moscow. 480 p. [In Russian]
- Rouanet, 2012** — *Rouanet D.* (2012). Captivites en Russie: regards compares // 1812, la champagne de Russie. Histoire et posterities. Sous la direction de Marie-Pierre Rey et Thierry Lentz. Paris. pp. 253–265.
- Sourenirs, 1895** — Sourenirs de guerre du general baron Pouget / publiés par M-me de Boisdeffre, née Pouget. Paris, 1895. 323 p.
- Vieillot, 1996** — *Vieillot R.* (1996). Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années 1812–1813–1814. Luneray: Éditions Bertout. 368 p.
- Ushakov et al., 2016** — *Ushakov V.A., Evsev'ev M.Yu., Petrova A.A., Vakhromeeva O.B., Sokhor T.E.* (2016). European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19th — beginning of 20th century). *Bylye Gody*. T. 41. № 3. pp. 642–649.

УДК 94 (47)+(100-87)

Русские в плену: искусство выжить и победить

Владимир Александрович Ушаков ^a, Татьяна Евгеньевна Сохор ^{a,*}, Ильин Евгений Васильевич ^a, Татьяна Николаевна Гончарова ^a, Ариадна Александровна Петрова ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья основана на изучении разнообразных источников — донесений, писем, дневников, мемуаров и других материалов, оставленных участниками и современниками событий,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.usakov@spbu.ru (В.А. Ушаков), sohor@mail.ru (Т.Е. Сохор), e.ilin@spbu.ru (Е.В. Ильин), t.goncharova@spbu.ru (Т.Н. Гончарова), ariadnapetrova@yandex.ru (А.А. Петрова)

документов и отчетов Красного Креста и других организаций, помогавших пленным, а также и сведений из публикаций российских и зарубежных специалистов по истории плена за многие столетия. В поле зрения авторов попали события из истории войн в Европе и Азии, эпизоды, когда противниками россиян выступали европейские армии, силы Османской империи и ее союзников, а также Японии и Китая. В статье рассмотрены и разные по характеру, типу войны и конфликты, нашествия и набеги. В итоге, на основании полученных сведения были изучены многие условия и факторы, влиявшие на положение пленного и групп пленников и позволявшие им уцелеть, выживать и, более того, сохранять надежду на спасение в разных формах, с разной активностью противостоять врагу. В статье выделены условия и обстоятельства, лишавшие пленных таких возможностей. была определена зависимость положения пленных от природы антагонизмов, порождавших войны. на примерах конфликтов с участием россиян демонстрировалось и влияние на институт плена цивилизационных особенностей противоборствующих народов, рассматривались отличия в отношении победителей к пленным на фронте и в тылу. Определялись условия для выживания отдельных пленников и групп пленных. Авторы выявляли и характеризовали действия пленных, позволявшие бы им уцелеть, выжить, нанести вред противнику и вырваться на свободу с тем, чтобы спастись, помочь товарищам, Родине, вернуться домой.

Ключевые слова: Пленные, Отечественная война 1812 года, Русско-японская война, Россия, Швеция, Польша, Франция, Турция, Китай, Япония.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 871-877, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.871
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861)

Vladimir G. Ivantsov ^{a,*}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b,d}, Michal Smigel ^c, Annick Valleau ^e

^a Sochi state university, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^c Matej Bel University, Slovakia

^d American Historical Association, USA

^e University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article, based on archival documents and materials of the State archive of the Krasnodar region, introduced into scientific circulation for the first time, explores the reality of the functioning of the institution of slavery and serfdom on the territory of historical Circassia in the period 1815–1861 years, had one of the consequences the escape of dependent on their owners. The reconstruction (reconstruction) of the real picture of the situation of the various groups dependent highlanders contributes to the analysis of their own evidence after fleeing to the Russian side. Specifically is considered the fate of fleeing, as a result of the policies of the Caucasian authorities to establish their new place of residence, financial support, medical assistance, custody of children and etc. The statistics is analyzed in the context of specific historical events.

Keywords: Circassia, Zakubane, slaves, serfs, subordinates, fugitives, prisoners, quarantine, fodder money, establishment, ethnonyms.

1. Введение

В историографии Кавказа одной из наименее разработанных является тема рабовладения и крепостничества в Черкесии. Свидетельства путешественников, иностранных эмиссаров, разведчиков, проживавших среди черкесов (адыгов) в 1820–1850-х гг. (Фредерика Дюбуа де Монпере, Дж. Белла, Ф.Ф. Торнау, Т. Лапинского, А.П. Берже и др.), о функционировании самого горского населения, страдают ограниченностью и неполнотой. Что касается распространенной практики бегства зависимых от своих хозяев и их последующей судьбы, то эти сюжеты по существу не получили последующего научного осмысления. Именно этим фактом определяются актуальность и задачи статьи.

2. Материалы и методы

Воссоздать реальную картину положения зависимого населения на территории Черкесии в означенный хронологический период стало возможным, опираясь на документы и материалы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, Краснодар, Российская Федерация). Эти документы дают возможность проанализировать политику кавказских властей по определению дальнейшей судьбы бежавших: водворению на новое место жительства, как в пределах земель войска Черноморского, так и в других губерниях России; оказанию беглецам материальной помощи; медицинского обслуживания; установлению русского попечительства над детьми горцев и др.

* Corresponding author

E-mail addresses: V-ivancov@rambler.ru (V.G. Ivantsov), sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), Annick.Valleau@unige.ch (A. Valleau)

Методической основой исследования являются традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы, позволяющие изучить проблему в конкретных политико-правовых и социально-экономических условиях, что определяет объективность полученных результатов.

В статье был применен конкретно-исторический подход, позволивший описать конкретную модель взаимодействия кавказской администрации и беглецов в социальной истории XIX века. Историко-антропологический подход позволил выявить способы и формы выживания беглецов из Черкесии.

3. Обсуждение

Тема исследования отличается своей малой изученностью. Отдельные факты бегства рабов и крепостных от своих хозяев на русскую сторону фиксировались в работах эмиссаров и разведчиков периода Кавказской войны (Белл, 2007; Торнау, 2008). В дореволюционной историографии имеются упоминания о движении крепостных, а иногда и дворян с территории Черкесии на русскую сторону (Цагарели, 1891; Духовский, 1864).

В первое десятилетие установления советской власти, в 1926 году во Владикавказе было опубликовано исследование Г. Кокиева «Очерки по истории Осетии» (Кокиев, 1926). Автор, характеризуя внешнюю и внутреннюю работорговлю на Кавказе отмечал, что в XVI–XVIII вв. работорговля дошла до своей кульминационной точки, став самым доходным делом для жителей Кавказа (Кокиев, 1926: 55).

В дальнейшем, на закате советской эпохи, интерес к этой теме был проявлен исследователем Н. Покровским (Покровский, 1989). В его труде впервые нашли отражение материалы, связанные с причинами бегства черкесов на русскую сторону. Автор отмечал, что бегство адыгских крепостных и рабов в Россию было ничем иным, как своеобразным проявлением социальной борьбы внутри адыгского общества, где рабы и крепостные не могли найти себе надежных союзников среди свободных общинников – тфокотлей, энергично выступавших против закрепостительных тенденций дворянско-княжеской знати. Происходило это потому, что значительная часть тфокотлей, отстаивающих собственную свободу от покушений на нее дворян и князей, сама владела рабами и крепостными и не склонна была становиться на путь их освобождения (Покровский, 1989: 180-181).

В современных публикациях тема исследования находит свое эпизодическое отражение в трудах о Кавказской войне, о социально-экономической жизни, как у черкесов, так и в русских гарнизонах (Cherkasov et al., 2015; Karataev et al., 2015).

4. Результаты

В широком плане объектом исследования явились горские народы, составляющие историческую Черкесию: натухайцы, шапсуги, абадзехи, убыхи, бжедухи, керкенеицы и другие более мелкие субэтноты. По различным причинам часть этих горцев, главным образом зависимых, индивидуально или целыми семьями выходили с гор (бежали), ища покровительства и защиты российского государства.

Все беглецы подвергались опросу с целью выявления биографических данных и причинах выхода к русским. Практически все эти люди не знали русского языка. Полученные от них с помощью переводчика показания записывались и подписывались представителями властей с согласия бежавшего.

В общем плане бежавшие, как в одиночку, так и целыми семьями, выражали надежду получить российскую защиту и покровительство. Некоторые из бежавших, в том числе женщины-черкешенки, желая водвориться в пределах войска Черноморского, вместе с тем заявляли, что имеют намерение принять христианскую веру (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 868. Л. 210б.; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1079. Л. 84; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1406. Л. 130; Ф. 261. Оп. 1. Д. 1292. Л. 109 и др.). Имели место случаи, когда бежавшие горцы обращались с просьбой зачислить их на русскую военную службу. Такие лица, предварительно подвергались проверке относительно их биографии и благонадежности (ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 498. Л. 1-10б.).

Вышедшие к русским поголовно направлялись на 14 дней в карантин для выяснения состояния их здоровья, проведение так называемого «очищения», а также получения сведений о наличии или отсутствии заразных болезней в местах их прежней жизни.

Развитию карантинной службы на восточном берегу Черного моря, ввиду опасности развития эпидемий, в том числе заносимых извне, кавказские власти придавали большое значение. Начальник Черноморской береговой линии (ЧБЛ) генерал-лейтенант Н.Н. Раевский сообщал в начале 1840 года, что существовавшие Таманская и Бугазская карантинные заставы, Анапский и Сухумский карантинны, находившиеся до этого в ведении начальства Новороссийского края, были переданы под надзор начальника ЧБЛ. Вместе с тем учреждались новые карантинны в Новороссийске и Геленджике. Таким образом была создана карантинная линия вдоль восточного берега Черного моря, от Тамани до границы с Мингрелией (Записка..., 2005: 367).

На территории Кубани центральным являлся Екатеринодарский карантин, куда «для очищения» направлялось значительное количество горцев, бежавших с левобережья Кубани.

После прохождения карантина решался вопрос об удовлетворении просьбы бежавшего о месте его водворения.

Еще в 1822 году командир Кавказского корпуса и главнокомандующий в Грузии генерал А.П. Ермолов издал прокламацию, которая определяла, что все рабы, которые прежде владельцев своих выйдут из гор или из-за реки Кубани в российские пределы, получают свободу. В связи с этим сменивший в 1827 году Ермолова И.Ф. Паскевич пришел к следующему выводу: прокламация Ермолова имела «весьма хорошие последствия», так как после нее большая часть владельцев спешила переселиться на плоскость, чтобы не лишиться своих подвластных (АКАК, 1878: 871).

При водворении бежавших из-за Кубани горцев учитывалось их желание селиться главным образом в пределах земель Черноморского казачьего войска, в частности, в татарском селении Ады, в Гривенском черкесском ауле, в ауле на Каракубанском острове, в ауле при Новоекатеринославском посту и в других мирных селениях. Особой популярностью у бежавших пользовался Гривенский аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1398. Л. 4; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1469. Л. 170; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1642. Л. 4; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1553. Л. 191; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1642. Л. 160б; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 679; Ф. 261. Оп. 1. Д. 728. Л. 38, 41).

Между тем по вопросу о местах расселения горцев имелись разные точки зрения. Так командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий в Грузии барон Розен в сообщении от 16 декабря 1831 года писал, что, по его мнению, гораздо полезнее водворять бежавших горцев в татарских слободах на землях Черноморского казачьего войска, нежели около крепости Анапы. Барон аргументировал свою точку зрения тем, что близ Анапы соседствуют неприязненные России горцы. Поселяемые близ Анапы беглецы имеют множество знакомых и родных среди них и, возможно, ранее они вместе участвовали в набегах (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1272. Л. 3).

Несколько позже, в письме барона Розена к начальнику Кавказской области от 2 февраля 1832 года высказывалась мысль о том, что поселение бежавших из аулов горцев в большом количестве в Черномории, а не около Анапы, заставляет опасаться следующего: при частых набегах на земли Черномории закубанских горцев делает возможным содействие им со стороны поселенцев, как своим единоплеменникам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1272. Л. 2).

В конечном счете, как свидетельствуют документы, военный министр граф А.И. Чернышев уведомил Розена о том, что император Николай I разрешил селить горцев, переходящих в русские пределы из окрестных к Анапе аулов, по-прежнему на землях Черноморского войска в татарских слободах. В апреле 1832 года барон Розен обнародовал предписание «О разрешении поселяться в черкесские селения в войске Черноморском тем черкесам, которые будут выходить из Закубани (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1272. Л. 1, 2).

В отношении барона Розена генерал Г.И. Филипсон, прекрасно знавший кавказскую действительность, в своих воспоминаниях писал, что назначенный на Кавказ «барон Розен явился в край, ему совершенно неизвестный, и должен был руководить сложным делом, ему совершенно чуждым» (Гордин, 2005: 562).

Кавказские власти также решали проблему денежного обеспечения беглецов – выдачу так называемых «кормовых денег». Общим управлением Кавказской областью (г. Ставрополь) в предписании Наказному атаману войска Черноморского от 21 июня 1834 года указывалось назначать для продовольствия закубанских выходцев, каждому из них в течение одного года, следующих сумм: взрослым по 10 коп., а малолетним по 5 коп. серебром в сутки. Деньги отпускать из Черноморской войсковой казны (ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 238. Л. 26).

Помимо одиночных горцев, а также отдельных горских семейств, решившихся перейти на русскую сторону, имели место факты когда такое стремление носило массовый характер. В августе 1834 года начальник Управления Кавказской линией, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, получив соответствующее прошение, разрешил переселить на Каракубанский остров владельца Жанеевского аула Бей-Смаша с подвластными ему 60 семействами, ровно 40 семейств жанеевцев и 20 семейств шапсугов, изъявивших желание на такое переселение. Для сопровождения этих людей с левого на правый берег Кубани было выделено 300 конных казаков, которые и доставили их в карантин Екатеринодара (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1398. Л. 4).

Причина такого единовременного значительного количества переселенцев в документе не называется. Возможно предположить, что переселенцы – мирные горцы, стремились покинуть место своего прежнего проживания, где они были окружены враждебными к России соседями и в силу этого обстоятельства предпочли поселиться на территории под защитой российского государства.

При том что в числе всех бежавших на русскую сторону абсолютное большинство составляли черкесы, среди беглецов встречались армяне, пленные русские, молдаване, турки и др. Так, в октябре 1836 года в Абинскую крепость вошел турецко-подданный Куб Ахметов. Он показал, что турецкое торговое судно, где он находился, потерпело крушение близ Анапы. Ахметов и еще 6 турок спаслись, но попали в плен к шапсугам, после чего были проданы разным владельцам. Ахметову вскоре удалось бежать. Большой турок русскими властями был направлен в Ольгинский военный госпиталь. После выздоровления прислал русского подданства и определения в Гривенской аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1469. Л. 141, 170).

В октябре 1836 года, в Анапский временный карантин был доставлен 28-милетний русско-подданный «Иван непомнящий родства», выбежавший с гор вместе с женой черкешенкой и тремя малолетними детьми. Бежавший показал, что попал в плен в «сущем малолетстве», по словам черкесов он – русский, но имени своего не помнит, русского языка не знает. Получил черкеское имя Гасан. Находясь в плену, перепродавался разным хозяевам. На последнем месте жительства в течение шести лет у шапсугов в ауле Абазах женился на черкешенке, прижил с нею троих детей. Просит поселить его в Черномории, где выучит русское наречие (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1487. Л. 125, 127-129).

Как отмечалось, одной из причин бегства горцев на русскую сторону являлось их опасение быть проданными в рабство, зачастую при прямых угрозах владельцев. Однако, предотвратить такое развитие событий удавалось далеко не всегда. Не редко захват людей в плен с последующей их продажей происходил спонтанно. Так, в декабре 1850 года, начальник правого фланга Кавказской линии генерал-майор Евдокимов рапортовал о следующем. Бесленевский князь Адильгерей Коноков сообщил, что непокорные абадзехи напали на аул прапорщика Сулатана Магомет Гирея и захватили в плен подвластных им узденей и крестьян до 60 душ и продают их туркам. Эти турки прибыли в горы для торговли «по билетам» (то есть по разрешению властей – авт.). Евдокимов просит принять меры, чтобы не допустить вывоза пленных в Турцию (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1013. Л. 1, 4).

В 1847 году существовавшие постановления, распоряжения и прочие указания кавказских властей относительно практики последующих действий с взятыми в плен и добровольно выходящими на русскую сторону представителями кавказских народов были обобщены и сведены в «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев от 6 июня, которое подписал Кавказский наместник, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант князь И.С. Воронцов.

Правила определяли меры в отношении военнопленных разных категорий. Главным пунктом являлось указание на последующий размен пленных горцев на русских пленных. В отношении пленных женщин и девиц возможным являлось установление над ними попечительства, а также заключение с ними законного брака христианами. Условием такого брака являлось принятие пленницами православного крещения. Что касается горцев, добровольно выходящих к русским, то предписывалось их водворение в аулы мирных горцев, а также расселение на Дону или во внутренних губерниях России. Предусматривалось содержание пленных и выходцев выплат детям по 5 и взрослым по 7 коп. серебром в сутки, а также снабжение нуждающихся одеждой и обувью. Четко расписывались пути отправления людей в Новочеркасск из различных мест Кавказа (ГАКК. Ф. 263. Оп. 1. Д. 118. Л. 3-4).

Необходимо отметить, что принятые Правила не предусматривали различных вариантов, связанных с желаниями бежавших относительно их дальнейшей судьбы, а также требованиями их бывших хозяев вернуть подданных. Практическое решение в этих случаях было разным.

В частности, имело место удовлетворение желание части горцев, вышедших к русским, вернуться в родные аулы (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 14-1506.).

В сведениях о горцах, добровольно вышедших в укрепления Черноморской береговой линии (ЧБЛ) в период 1845–1851 гг. в количестве 109 человек (подсчет – авт.), сообщается, что 41 человек был отпущен по их желанию на прежнее место жительства, а двое пожелали и были отправлены в Турцию. Остальные были распределены для поселения в русских пределах (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1414. Л. 7).

В другом случае, в конце 1845 года горец-шапсут с женой и двумя детьми вторично вышел с гор и просил русские власти отправить его с семьей на жительство во внутреннюю Россию. Однако, от бывшего их владельца поступило ходатайство о возвращении ему бежавших. Начальник ЧБЛ отказал в ходатайстве, ссылаясь на принятое в крае правило – добровольно ищущие российского покровительства не возвращаются на прежнее место жительства из-за опасения мщения за побег со стороны их владельцев (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 830. Л. 2, 5).

Другой документ, исходящий от начальника Абинского укрепления и датированный 1853 годом, сообщает о заключенном с натухайцами «условии», согласно которому русская сторона обещала возврат хозяину его беглых крестьян. Ссылаясь на это условие, на имя и.о. Наказного атамана Черноморского войска полковника Кухаренко поступило прошение – дать приказание о возврате натухайскому владельцу бежавших от него в Абинск черкеса с девицей (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1356. Л. 2).

В ответе на это прошение сообщено, что командующий Черноморской кордонной линией принял решение: бежавшим черкесу с девицей «объявить свободу и водворить в Черномории между мирными черкесами» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1356. Л. 33).

Часть горцев, после изучения обстоятельств их побега и возможных неблагоприятных последствий для них, отправлялись в Новочеркасск для дальнейшего поселения на землях войска Донского. Так в августе 1857 г. в Новочеркасск были отправлены 3 черкеса, в ноябре-декабре 1857 г. – 10 черкесов (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1762. Л. 16, 18).

Согласно ведомостям за 1859 год в Новочеркасск был отправлен 31 черкес (подсчет – авт.). В то же время для поселения в Прочно-Окопском Армавирском ауле была направлена вышедшая с гор армянская семья из 6 человек (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1887. Л. 4, 7, 9, 11, 13, 18, 22, 23).

При отправлении горцев на поселения преследовались определенные цели. Например, в декабре 1857 года Наказной атаман войска Черноморского генерал-лейтенант Филипсон принял решение: бежавшего из-за Кубани черкеса Ханус Толмыза зачислить в число жителей Екатеринодарской станицы. При этом ставилась задача обучить там черкеса догматам Православной церкви с последующим крещением, а также черкесу дать льготы по службе на три года, с тем, чтобы он выучил русский язык.

Однако это указание со стороны начальника Екатеринодарского военного округа встретило возражение. Основание этого сводилось к следующему: жители станицы взять Толмыза к себе не желают; Толмыз в станице будет иметь возможность встречаться со своими земляками, которые содержатся в станице как пленные, что нежелательно. Встречное предложение начальника военного округа состояло в просьбе зачислить горца в станицу Переяславскую, где он будет удален от своих единомышленников, а с помощью жителей станицы – греков и армян, знающих черкесский и русский языки, изучит русский язык и догматы православия (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1813. Л. 18, 19). О дальнейшей судьбе Толмыза сведений не обнаружено.

В соответствии с «Правилами о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев» имела место практика установления попечительства над горскими девицами.

Главный лекарь Екатеринодарского войскового госпиталя Масютин в феврале 1861 года сообщил о поступлении на лечение черкеса Бшиб Губ с тяжелым заболеванием, не обещавшим благополучного исхода. При горце находилась его 7-летняя дочь. Отец просил лекаря взять девочку на воспитание. Масютин, согласившись на это, просил начальника штаба Кубанского казачьего войска генерала Кусакова сделать соответствующее распоряжение. В том же феврале прошение было удовлетворено. В соответствии с пунктом 5 Правил Масютин обязывался осуществлять попечительство над девицей на следующих условиях: если девушка не выйдет замуж, она будет оставаться у опекуна до 25-ти летнего возраста, после чего должна будет сама избрать род жизни (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 25, 40).

Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о более сложных случаях с осуществлением опекунства над детьми бежавших с семьями горцев.

В ноябре 1860 года шапсуг Армезан Дзетль с семейством бежал к русским. Вскоре заболел и был помещен в войсковой госпиталь Екатеринодара. Войсковой старшина генерал-майор князь Святополк-Мирский до выздоровления Дзетля по расписке взял на свое попечение его дочь Даду и племянницу Шальцуко (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 45).

Далее, переписка по этому попечительству сообщает, что поправившийся к августу 1861 года и поселенный в Гривенской станице Дзетль, стал настойчиво требовать возвращения ему дочери и племянницы. К этому времени князь Святополк-Мирский скончался, а его вдова, вместе с девушкой Даду, уехала в Финляндию. Что касается Шальцуко, то она вместе со свитой князя переехала во Владикавказ. Документ также сообщает, что обе девушки всем обеспечены и не желают возвращаться на родину и даже готовы принять православие. В связи с этим рекомендуется внушить Дзетлю необходимость отказаться от требований возвращения ему девочек, и объявить ему, что вследствие желания девочек принять крещение, они не могут быть возвращены (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 61).

Однако, уговоры Дзетля результатов не дали. В рапорте и.о. начальника Таманского военного округа по этому вопросу от 2 ноября 1861 года сообщается о нежелании Дзетля отказаться от своего требования вернуть ему девочек. Там же высказано предположение, что Дзетля, видимо, интересует калым, который положен у мусульман при выдаче замуж девушек, которого он будет лишен в случае невозвращения ему дочери и племянницы (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 69). Сведений о дальнейшей судьбе девушек нами не обнаружено.

Отдельный сюжет составляют ведомости за ряд лет, где приводится статистика по сути массовых выходов горцев с Левобережья Кубани вместе с семьями, а также с подвластными и крестьянами. При этом ведомости не указывают причин, побудивших людей покинуть родные места.

Общее количество этих лиц, зафиксированных в ведомостях, по нашим подсчетам составило 2580 человек. Эти горцы, согласно ведомостям, выходили к русским в периоды: апрель 1837–1840 гг. и 1845–1852 гг. Помимо указаний о количестве вышедших, отдельные ведомости содержат данные о суммах кормовых денег и трат на обувь и одежду, которые получили 506 человек. Наш подсчет показал, что общая сумма, потраченная на этих людей, составила 3881 руб. 13 коп. серебром. Следует отметить, что приведенная сумма не полная, так как в ряде граф ведомостей указано: «кормовыми деньгами удовлетворен» (без указания конкретной суммы денег – авт.) или стоит знак вопроса (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1642. Л. 4-4об., 16об., 18-18об., 19; Ф. 260. Оп. 1. Д. 1414. Л. 7-13об., 50; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 679-679об., 682-682об.).

В числе ведомостей одна по существу уникальная, датируемая нами 1850 годом. Она содержит статистику горцев «вышедших из Закубани по случаю происходящих там беспокойств вследствие произведенного Магомед-Амином возмущения».

Согласно этой ведомости общая численность вышедших горцев составила 2074 человека обоого пола (подсчет – авт.). Наибольшее количество среди вышедших составили горцы, находившиеся на русской службе: ротмистр Султан Сагау-Газиш с семейством, крестьянами и подвластными – 394 души обоого пола; прапорщик князь Шумаф Тихрихов с семейством, крестьянами и

подвластными – 63 души; прапорщик Пшехез Баток с семейством и подвластными – 169 душ; прапорщик Алкес Бжеган с семейством и крестьянами – 1047 душ; прапорщик князь Асланчерий Баджемуков с семейством и крестьянами – 67 душ; прапорщик Нагой Дако с семейством и крестьянами – 78 душ; прапорщик Алкес Гирей Бжегако с семейством и крестьянами – 61 душа обоого пола. Все вышедшие 2074 человека были водворены на жительство главным образом на правый фланг Кавказской линии и, частично, направлены на временное жительство во 2-ю часть Черноморской кордонной линии (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1112. Л. 1200б., 138-138об.)

Есть все основания полагать, что эти более двух тысяч человек – мирные горцы, не желавшие подчиниться антироссийской пропаганде Наиба Шамиля Магомед-Амина и присягнуть его программе, предусматривавшей повсеместное приобщение к исламу, создание регулярной армии, введение налогообложения горцев, проведение жестких мер, вплоть до казней, в отношении противников нововведений (Чеучева, 2013: 82-92).

5. Заключение

Реальность существовавшего в Черкесии института рабовладения и крепостничества являлась очень значимым фактором, определявшим решение зависимых бежать от своих хозяев.

Анализ архивных документов и материалов позволяет сделать вывод о существовании целой программы, зафиксированной в инструкции «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев», которой руководствовались кавказские власти в своей политике по определению дальнейшей судьбы, бежавших на русскую сторону.

Составными частями выработанной практики являлись: направление беглецов в карантин для медицинского освидетельствования, а в необходимых случаях и лечения; взятие показаний у бежавших об их биографических данных, причинах и обстоятельствах побега; обеспечение бежавших материальным содержанием, а при нужде – снабжение обувью и одеждой; наконец, водворение на новое место жительства с учетом желаний горцев.

В части документов не содержатся сведения о причинах выхода к русским. Возможно предположить, что в этих случаях у беглецов могли быть основания скрывать причины бегства. При этом все бежавшие выражали надежду на защиту и покровительство русских властей, которую и получали. При выясненных различных причинах бегства, оказалось, что до 60 % горцев бежали ввиду разного рода притеснений и жестокостей обращения со стороны хозяев, а также угроз продажи в Турцию. Имевшие место массовые выходы с родных мест горцев, находившихся на русской службе, вместе с семьями, а также своими подвластными и крестьянами, были обусловлены, как представляется, либо трудностями и опасностями проживания мирных горцев с враждебными к России соседями, либо протестами против антироссийской политики Магомед Амина, проводимой им в конце 1840 – начале 1850-х гг. в Черкесии.

Литература

- АКАК, 1878 – Акты кавказской археографической комиссии. Т.7. Тифлис, 1878.
- Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Гордин, 2005 – Гордин Я.И. Россия на Кавказе: поиски решения / Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005.
- Духовский, 1864 – Духовский С. Материалы для описания войны на западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // *Военный сборник*. 1864. № 12.
- Записка..., 2005 – Записка Н.Н. Раевского февраль-март 1840 г./ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв., СПб., 2005.
- Кокиев, 1926 – Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Часть 1. Владикавказ, 1926. 160 с.
- Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989. 319 с.
- Торнау, 2008 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. В 2 ч. Майкоп, 2008.
- Цагарели, 1891 – Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII вв. СПб., 1891.
- Чеучева, 2013 – Чеучева А.К. Магомед Амин и адыгское общество середины XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2013. №2(118). С.82-92.
- Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years // *Bylye Gody*, 2015, (3). 37: 541-548.
- Karataev et al., 2015 – Karataev V.B., Volvenko A.A., Varfolomeev A.G. The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years) // *Bylye Gody*, 2015, (3). 37: 536-540.

References

- АКАК, 1878 – Akty kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the caucasian archaeological commission]. Т. 7. Tiflis, 1878. [in Russian]

- Bell, 2007 – *Bell Dzh.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 gg. [Diary of staying in Circassia during the 1837–1839 years] V 2 t. T. 1. Nal'chik, 2007. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archive of the Krasnodar territory].
- Gordin, 2005 – *Gordin Ya.I.* (2005). Rossiya na Kavkaze: poiski resheniya [Russia in the Caucasus: Finding a Solution]. Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. SPb. [in Russian]
- Dukhovskii, 1864 – *Dukhovskii S.* (1864). Materialy dlya opisaniya voyny na zapadnom Kavkaze. Dakhovskii otryad na yuzhnom sklone gor v 1864 godu [The materials for the description of war in the Western Caucasus. Dakhovskaya squad on the South slope of the mountains in 1864]. *Voennyi sbornik.* № 12. [in Russian]
- Zapiska..., 2005 – Zapiska N.N. Raevskogo fevral'-mart 1840 g. Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost' [The notes of N.N. Raevskogo February-March 1840. Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. The beginning of the XIX – early XX centuries.]. Nachalo XIX – nachalo XX vv., SPb. [in Russian]
- Pokrovskii, 1989 – *Pokrovskii M.V.* (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Circassians in the end of XVIII – the first half of the XIX century]. Krasnodar, 319 p. [in Russian].
- Tornau, 2008 – *Tornau F.F.* (2008). Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera [The memoirs of a Caucasian officer]. V 2 ch. Maikop. [in Russian]
- Tsagareli, 1891 – *Tsagareli A.A.* (1891). Snosheniya Rossii s Kavkazom v XVI–XVIII vv. [Relations of Russia with the Caucasus in the XVI–XVIII centuries]. SPb. [in Russian]
- Cheucheva, 2013 – *Cheucheva A.K.* (2013). Magomed Amin i adygsкое obshchestvo serediny XIX v. [Mohammed Amin and the circassian society in the mid of XIX century]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.1: Regionovedenie, filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* №2(118). pp. 82-92. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody*, (3). 37: 541-548.
- Karataev et al., 2015 – *Karataev V.B., Volvenko A.A., Varfolomeev A.G.* (2015). The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years). *Bylye Gody*, (3). 37: 536-540.

УДК 94

Политика кавказских властей в отношении бежавших на русскую сторону горцев Черкесии (1815–1861 гг.)

Владимир Иванцов ^{a,*}, Александр Черкасов ^{b,d}, Михал Шмигель ^c, Анник Валлоу ^e

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^c Университет Матей Бела, Словакия

^d Американская ассоциация историков, США

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье, основанной на архивных документах и материалах Государственного архива Краснодарского края, вводимых в научный оборот впервые, исследуется реальность функционирования института рабовладения и крепостничества на территории исторической Черкесии в период 1815–1861 гг., имевшая одним из следствий бегство зависимых от своих хозяев. Воссозданию (реконструкции) реальной картины положения различных групп зависимых горцев способствует анализ их собственных свидетельств после бегства на русскую сторону. Специально рассматривается дальнейшая судьба бежавших, как результат политики кавказских властей по водворению их на новое место жительства, материальному обеспечению, оказанию медицинской помощи, попечительству над детьми и др. Приводимая статистика анализируется в контексте конкретных исторических событий.

Ключевые слова: Черкесия, Закубанье, рабы, крепостные, подвластные, беглецы, пленные, карантин, кормовые деньги, водворение, этнонимы.

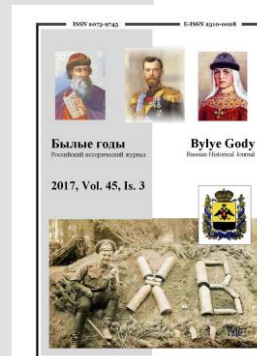
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: V-ivancov@rambler.ru (В. Иванцов), sochioo3@rambler.ru (А. Черкасов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), Annick.Valleau@unige.ch (А. Валлоу)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 878-884, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.878
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Letters from Captivity as a Unique Source of the Caucasian War Period

Bella A. Bulgarova^{a,*}, Marina A. Bragina^a, Ekaterina A. Zolotykh^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article discusses the letters of hieromonk Samuil from the circassian captivity of the Caucasian war period. The attention is paid to the circumstances of the capture of the priest, the attitude of the circassians to him, the variants of the development of events for the ransom of the priest from captivity, as well as his alleged future fate.

There are used as sources the documents of the state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation) and the documents of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia).

The authors came to the conclusion that the letters from the captivity are very rare source of period of the Caucasian war. These letters represent the historical, linguistic, theological value, allow to look at the situation through the eyes of a priest. The tolerable position of the prisoner is largely due to the fact that the slave owner was planning to ransom him, as the only hope for redemption faded, the fate of the priest was lost in the lives of numerous composition of slaves in Circassia.

Keywords: letters from captivity, the source, the Caucasian war, the Circassians, hieromonk Samuil.

1. Введение

Письма с плена в период Кавказской войны являются достаточно редким, уникальным источником. Уникальность эта обуславливается следующими факторами:

1. Основная масса пленников была из неграмотных солдат и казачьего населения;
2. Черкесы практически не отличали солдат от офицеров и в случае благоприятных обстоятельств практически всегда перепродавали пленников либо дальше в горы, либо работоторговцам для продажи в Турцию.

Тем не менее, в период Кавказской войны практиковались и разные формы выкупа пленников. Существовали как минимум три формы выкупа: государственный, благотворительный и частный. К государственному выкупу относились выкупы, осуществляемые за счет средств из казны. Например, в конце XVIII в. – начале XIX в. черноморское казачье войско выкупало или обменивало на соль своих пленников. Так, например, в 1798 г. был выменен за 80 пудов соли плененный черкесами егерь Тинаит Сонткулов Кавказского егерского батальона (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 106-1060б.). Благотворительный выкуп – в январе 1834 г. императором Николаем I было подписано высочайшее повеление о сбора добровольных приношений для выкупа плененных горцами людей (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4695). К сожалению, эта инициатива только спровоцировала увеличение вторжений черкесов на русскую территорию для захвата пленников и спустя 2 года благотворительный фонд был упразднен, а государственный выкуп прекращен. Выкупом в частном порядке занимались также члены семей пленников, в случае, когда в плен попадал представитель финансово обеспеченного рода.

* Corresponding author

E-mail addresses: Bulg_Bella@mail.ru (B.A. Bulgarova), mbragina@inbox.ru (M.A. Bragina), ek.zolotykh@gmail.com (E.A. Zolotykh)

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили документы Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация) и документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия).

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Объясняя развитие тех или иных явлений, происходящих на Кавказе, мы учитывали исторические условия их протекания, обусловленные традициями и обычаями, а также сложившейся системой взаимодействия внутри горского общества. Метод объективности позволил нам рассмотреть деятельность российской администрации в деле выкупа захваченных горцами пленников.

3. Обсуждение

Тема исследования, а именно письма с плена как источник получила лишь эпизодичное освещение в российской и зарубежной историографии. В последнее время к теме исследования обращались разные авторы: в контексте Первой мировой войны ею занимались А.Л. Самович, В.В. Познахирев, В.В. Бахтин, В.К. Feltman (Самович, 2013; Познахирев, 2014; Бахтин, 2015; Feltman, 2011), по периоду Второй мировой войны к теме обратились Д.Л. Салимов, Т.В. Домрачева, С.Д. Мякушев, Ж.Ю. Гаевская, О. Wilkinson (Салимов, 2015; Домрачева, Мякушев, 2008; Гаевская, 2015; Wilkinson, 2014).

4. Результаты

22 марта 1837 г. близ Сухум-кальской церкви (подразумевается церковь на территории крепости Сухум-Кале – Авт.) произошло нападение черкесов на иеромонаха Самуил, которого сопровождали дьяк, казак и абхазец. В ходе нападения дьяк получил тяжелое пулевое ранение с раздроблением кисти руки, все остальные были захвачены невредимыми (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 54, 57об.). Иеромонах Самуил был насельником Балаклавского Свято-Георгиевского мужского монастыря. Нес службу на территории Абхазии, в храмах Бомборах и в Пицунде.

Несколько слов необходимо сказать о ситуации в регионе накануне захвата данных пленников. 1837 год – это год начала строительства Черноморской береговой линии, первой из крепостей стала крепость Св. Духа, построенная на территории Джигетии (населенного пункта Адлер на территории современного города Сочи). Убедившись в невозможности прекращения работ торговли между черкесами и Турцией без блокирования черноморского побережья, русская администрация приступила к организации блокады Черкесии. Предотвращение работ торговли должно было нанести сильный удар по экономике черкесов и заметно снизить интенсивность захватов пленников на русской стороне.

Итак, 22 марта 1837 г. священник был захвачен черкесами, перевезен через реку Бзыбь и доставлен на территорию Джигетии. Как это обычно и происходило, черкесы продали священника проживавшему у джигетов работоторговцу – турку по фамилии Мамыш. Сразу продавать священника Мамыш не стал, решив сделать ставку на получение выкупа. По всей вероятности и сам иеромонах Самуил говорил о том, что за него могут дать достойный выкуп. В результате сумма за священника была назначена в размере 700 руб. (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 54об.). Для сравнения жалование капитана русской армии в это время составляло 300 рублей в год. Сумма выкупа складывалась за счет нескольких составных частей и помимо самого священника в выкупную плату входили сопровождающие священника лица и находящиеся при священнике предметы церковной утвари (см. таблицу 1).

Таблица 1. Предметы церковной утвари находящиеся при иеромонахе Самуиле (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 55)

№	Название вещей	число вещей
1	Риза новая парчовая	1
2	Наризник новый гарнитурный	1
3	Потрахиль парчовая новая	1
4	Пояс новый шитой серебрянной	1
5	Поручей порчевых новых	2
6	Чаша оловянная	1
7	Ложка серебрянная	1
8	Крест серебрянный	1
9	Воздухов	3
10	Дароносца серебрянная	1
11	Покрывал тафтянных	2

12	Платков	3
13	Книга Апостола	1
14	На престол облачение	1
15	Настольник	1
16	Требник	1
17	Медное кадило	1

30 марта 1837 г. иеромонах Самуил, находясь в селении Цанрипш, написал 5 писем: к владетелю Абхазии князю Михаилу Шервашидзе, к командующему войсками в Абхазии генерал-майору Пацовскому, к полковнику князю Гасан-бею, к Сухумкальскому коменданту господину подполковнику Килю 2-му и к командующему Черноморским линейным № 6 батальоном господину подполковнику Орлу. В письмах иеромонах излагал современное состояние своего существования, предлагал разные варианты своего освобождения и просил принять скорейшие меры для его освобождения. Приведем эти редкие документы целиком.

Письма иеромонаха Самуила, селение Цанрипш

Документ 1. К Владетелю Абхазии князю Михаилу Шервашидзе (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 57)

Неотвергните моления несчастного священнослужителя и примите от него благосклонно титуло освободителя, он с сим же в месте и так же кратко пишет к г. генерал-майору Пацовскому, Сухум-Кальскому коменданту и коменданту Бомборскому, которые записки прилагаю при сем, я всепокорнейшее прошу Вашу Светлость отослать оные по принадлежности.

Я находился первоначально от Гагр по берегу около 30-ти, от онаго, по разлоститому ущелию в горы 10 верст, у абхазца Метяля в ауле Цанрипш до 21 числа сего месяца, а ныне променен им турку Мимишу за материи, сей турок хорошо знает (как он говорит) князя Гассан-бея; я с ним живу по тому же ущелью, но ближе к морю 5 верст у князя Кадырбея Леванита, который по жене Селим-Ха-хан-Мершен-чепя, Гасан-бею ближайший есть родственник, сия княгиня просила меня уведомить его сиятельство, что когда была она у него ныннешнею зиму, в то время дочь ее меньшая померла.

Ваша Светлость! Примите священное участие в положении несчастнейшего в мире священнослужителя, умоляющего особу Вашу со слезами и поставляющего себе в обязанность проливать по гроб свой у престола Господня недостойные свои молитвы о драгоценном здравии Вашей Светлости. С глубочайшим высокопочитанием и душевною преданностию пребуду до пределов моего гроба иеромонах Самуил.

Документ 2. К командующему войсками в Абхазии генерал-майору Пацовскому (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 57-57об.)

Вы благодатнейшее и надежнейшее есть средство к избавлению из плену, от черкес иеромонаха Самуила находящегося ныне от укрепления Гагр по берегу моря около 30 от оного по положому ущелью 10 верст в ауле Цанрипш у черкеса Матяло Саман-Баге.

Несчастливец И. Самуил, наказанный за грехи небом, припадая к стопам особы Вашего превосходительства умоляет Вас о употреблении Ваших мер, к освобождению его. – За что пребудет он, хотя недостойный, по усерднейшим у Престола Господня молитвенником до пределов своего гроба.

P.S. За недостойные особы Вашей мои мысли, начертанные и самой лоскут сей бумаги, я уверен, знаяши мое положение, великодушно меня простите.

P.S. Сверх того я ничего более не скажу как только, что новое несчастье постигло меня, я променяя за материю турку Мамишу сей же час и нахожусь ныне ближе к морю 5 верст, в ауле князя Кабирбы Леванита, родственника по жене Келасурскому князю Гасан-бею Хохан Мершин-чепя.

Поспешите Ваше превосходительство распоряжением Вашем о освобождении несчастливца, который будет проливать о Вас по гроб свой молитвы, в противном случае продадут меня или далее в горы или увезут в Туретчину.

Мой г. турок Мамыш уверяет меня, что его хорошо знает князь Гасан-бей и многие духанщики келасурские и сухумские, а особенно михелька.

Документ 3. К полковнику князю Гасан-бею (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 57об.).

Сухумский священнослужитель иеромонах Самуил, находясь ныне в плену у абхазцов от Гагр по берегу моря около 30-ти от оного 5 верст в горах в ауле родственника Вашего по жене его Катирбея Селин Хахан-Мершен-Цугу-чепя, однако не ему принадлежу, а турку Мамышу, который выменял меня у других за материю, и который по промене, через сутки жестоко заболел, и кажется должен по

состоянии болезни его сего же числа оставить сей свет, я очень доволен Катирбеем и княгиней Селим Чепе в отношении продовольствия, однако для соловья своя воля лучше нежели золотая клетка.

Не откажитесь Ваше Сиятельство и поспешите принять от умоляющего Вас титул освободителя, сим обяжите пребыть по гроб мой преданный Вам душою.

P.S. Турок мой Мамыш по написании сего через час помер уже. Посылает сие с турком Мамышем же рейсом.

Документ 4. К Сухумкальскому коменданту господину подполковнику Килю 2-му (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 570б.-58)

Какую меру имел Иеромонах Самуил почтения к Вашему Высокоблагородию, таковую ныне имеет несчастье, он в плену у черкесов от Гагр по берегу моря около 30 от одного по широкому ущелью в горы 10 верст, в ауле Цандрипш у черкеса Метяла-Саман-баге, меня взяли недоезжая до Пицунды около 6 верст с дьячком, казаком и пешим провожатым от владетеля абхазином, первого тяжело в кисть правой руки пулею навьлет, нас Бог миловал.

Цыдумсу сию посылаю на условия с моими приятелями чтоб в место в меня и бывших при мне церковных утварей прислано было от Вас 700 рублей серебра.

Бога ради примите милосердием сие моление мое, отделите от церковной суммы означенное количество, я не останусь в долгах более как года полтора, много что два, и теперь найдется у меня в наличности и по церковным расчетам до 100 рублей серебром и с заслуженным жалованием; и может быть и правительство по представлении Вашему не оставит положения моего без милости всего внимания.

Деньги посылать надо через владетеля Михаила и как можно поспешнее в противном случае, далее в горы или в Туретчину уведут меня.

P.S. Церковные серебряные вещи, Свят: запасные дары и книги, благодарение Вышнему при мне еще в сохранности.

P.S. К вышепрописанному я имею новое несчастье присовокупить, что проживши 10 дней у Митялы, которого называл я черкесом, сейчас променян им турку Мамышу, на материи последнего, как он рассказывает будто бы знает князь Гасан-бей и Сухумский д (вероятно духанщик – Авт.): Михелька, сей турок и я с ним ныне живем 5-ть верст ближе к морю в ауле князя Кадырбы Леванита, который по жене Хахановой Мершен-Чепя есть ближайший Гасан-бею родственник. Княгиня сея просила меня уведомить Его Сиятельство, что когда была она у него нынешнею зиму в то время ее меньшая дочь померла.

Турок тоже просит 700 рублей: однако поступите Бога ради по выше изложенному письму.

Документ 5. К командующему Черноморским линейным № 6 батальоном господину полковнику Орлу (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 58-580б.).

Прилагаемые при сем записки на имя Владетеля Михаила, генерала Пацовского и Сухум Кальского коменданта, я высокопочтительнейше прошу Ваше высокоблагородие, первые лично вручить, а последние отправить по возможной скорости, о чем просит несчастный со слезами пленник Иеромонах Самуил, находящийся ныне от Гагр по берегу моря около 30, а от одного по широкому ущелью в горы 10 верст в ауле Цандрипш, у черкеса Митяла Саман-баге, просящий Вас несчастливцев, пребудет по гроб свой у престола Господня усерднейшим молитвенником.

P.S. Похлопочите, чтоб Владетель усердные меры принял и надежных за мною людей послал.

P.S. Я променян сей час за материи турку Мамышу, которого князь Гасан-бей знает. Бога ради похлопочите о скорейшем распоряжении, пусть не затрудняются в отпуске церковной суммы на выкуп меня, я не останусь долго в долгах, уведомите меня чрез сего подателя хотя кратко но обстоятельно, дайте ему рубль и два, я усерднейший Ваш плательщик.

P.S. Подателю сего, пожалуйста, подарите какой-нибудь платок по их виду; я в долгу не останусь.

Русская администрация в Абхазии полагала, что черкесы запросят выкуп за священника, но, тем не менее, прилагались и другие усилия для освобождения. Так, например, 3 апреля к владетелю Абхазии князю Шервашидзе прибыл представитель одного из четырех княжеских родов Джигетии князь Батыр Шах Цамбая, отец взятого накануне в плен Якуба Цамбая. Батыр Шах просил об освобождении своего сына, но Михаил Шервашидзе потребовал немедленного освобождения иеромонаха Самуила. В результате Батыр шах пообещал употребить все силы, чтобы выволить из плена иеромонаха, а в случае если это ему не удастся, то он пообещал переехать с семейством и имуществом на жительство в Абхазию или выдать в верноподданничестве России аманатов. На исполнение был назначен срок в 15 дней, при этом джигеты обязывались вернуть и сопровождающих священника лиц (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 56).

5 апреля прибыл в Бомборы из селения Цанрипш (Джигетия) на ялике¹ от турецкой кочермы², турок Мамыш Чали оглы с письмами от иеромонаха Самуила адресованные к генерал-майору Пацовскому, владельцу Абхазии князю Михаилу Шервашидзе, князю Гасан-бею и подполковникам: Орлу и Килю 2-му (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 560б.).

В ходе расспросов турка было выяснено, что он якобы в апреле 1836 г. отправился из города Кризы в селение Цанрипш для получения с кредитора денег. Собираясь уже уезжать назад он заходил к приятелю своему турку Мамешу, который находясь при смерти, поручил ему если он за выкуп иеромонаха Самуила, по письмам сего последнего получить 700 рублей серебром; то доставит их к сыну его, живущему в Турции.

Генерал-майор Пацовский встретился по этому вопросу с владельцем Абхазии князем Шервашидзе, который предположил, что сказанный турок Мамыш Чали-оглы должен быть тот самый, у которого недавно разбило близ джигетского берега большую кочерму с товарами, которые он вез туда для продажи. В связи с этим Шервашидзе резюмировал, что Мамыш Чали-оглы вероятно желая вознаградить понесенный им убыток состоит если не в полной то в части той суммы, которую требуют за иеромонаха Самуила, за которого в прочем они не могли более дать товарами как на сто рублей серебром. Полагая Мамыш Чали-оглы заинтересованным в выкупе, он и прибывшие с ним 3 турецких матроса, по приказу генерал-майора Пацовского были арестованы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 560б.).

Примерно 31 мая иеромонах был передан от джигетов в Мамай к убыхам (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 332. Л. 66). Далее его судьба теряется, по всей вероятности священник был продан в Турцию. Других документов о деле иеромонаха Самуила в архиве не было обнаружено. Однако косвенные источники позволяют полагать, что князь Цамбая не только не справился с поставленной задачей, но и вторая часть его решения о переезде в Абхазию реализована не была. В Абхазию во время Кавказской войны переселился только один княжеский джигетский род – это род Анчабадзе (Cherkasov et al., 2016: 64).

5. Заключение

Подводя итоги необходимо отметить, что представленные письма из плена являются весьма редким источником периода Кавказской войны. Эти письма представляют историческую, филологическую, теологическую ценность, позволяют взглянуть на ситуацию глазами священника. Сносное положение пленника во многом объяснялось тем, что рабовладелец планировал получить за него выкуп, как только надежда на получение выкупа угасла, судьба священника затерялась в судьбах многочисленного состава рабов Черкесии.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения квалификации РУДН «5–100» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016–2020 гг.

Литература

Бахтин, 2015 – Бахтин В.В. Вестник воронежских организаций военного времени "В дни войны..." – ценный источник по истории общественно-политической жизни провинциального города в годы Первой мировой войны / Первая мировая. Неоконченная война Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. "Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на современном этапе развития исторической науки". Научно-редакционный совет: И.А. Анфертьев, А.Н. Артизов, А.Б. Безбородов, О.В. Наумов, Е.И. Пивовар, В.П. Тарасов, М.В. Ларин, А.В. Юрасов; ответственный редактор: Е.И. Пивовар; составитель: И.А. Анфертьев. 2015. С. 499–510.

Гаевская, 2015 – Гаевская Ж.Ю. Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1943–1945 гг. по документам государственных архивов Российской Федерации // *Вестник архивиста*. 2015. № 1. С. 46–63.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Домрачева, Мякушев, 2008 – Домрачева Т.В., Мякушев С.Д. «Русский показывает нам пример, как нужно организовывать длительное сопротивление» дневник немецкого артиллериста. 1941–1942 гг. // *Отечественные архивы*. 2008. № 3. С. 82–102.

Познахирев, 2015 – Познахирев В.В. Особенности пленения турецких военнослужащих на кавказском и черноморском театрах военных действий Первой мировой войны // *Клио*. 2014. № 12 (96). С. 98–101.

Салимов, 2015 – Салимов Д.Д. Письма, листовки Великой отечественной войны // *Научный аспект*. 2015. Т. 1. № 1. С. 62–67.

¹ Шлюпка с парусом.

² Небольшое парусное торговое судно.

Самович, 2013 – Самович А.Л. Содержание писем из русского плена в годы Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 4-2 (30). С. 160-163.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody*, 2016, 39 (1), pp. 53-66.

Feltman, 2011 – Feltman B.K. Letters from captivity: The first world war correspondence of the German prisoners of war in the United Kingdom // *History of Warfare*, 2011, 62, pp. 87-110.

Wilkinson, 2014 – Wilkinson O. War and Displacement in the Twentieth Century: Global Conflicts. Lancaster, 2014.

References

Bakhtin, 2015 – Bakhtin V.V. (2015). Vestnik voronezhskikh organizatsii voennogo vremeni "V dni voiny..." – tsenniy istochnik po istorii obshchestvenno-politicheskoi zhizni provintsial'nogo goroda v gody Pervoi mirovoi voiny [The bulletin of the Voronezh wartime organizations "In the days of the war ..." is a valuable source on the history of the socio-political life of the provincial city during the First World War] / Pervaya mirovaya. Neokonchennaya voyna Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. "Problemy poiska i publikatsii rossiiskikh i zarubezhnykh istochnikov o Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg. na sovremennom etape razvitiya istoricheskoi nauki". Nauchno-redaktsionnyi sovet: I.A. Anfert'ev, A.N. Artizov, A.B. Bezborodov, O.V. Naumov, E.I. Pivovarov, V.P. Tarasov, M.V. Larin, A.V. Yurasov; otvetstvennyi redaktor: E.I. Pivovarov; sostavitel': I.A. Anfert'ev. pp. 499-510.

Gaevskaya, 2015 – Gaevskaya Zh.Yu. (2015). Rol' spetskontingenta v vosstanovlenii predpriyatii voenno-promyshlennogo kompleksa Stalingrada v 1943-1945 gg. po dokumentam gosudarstvennykh arkhivov Rossiiskoi Federatsii [The role of the special contingent in the restoration of enterprises of the military-industrial complex of Stalingrad in 1943-1945. According to the documents of the state archives of the Russian Federation]. *Vestnik arkhivista*. № 1. pp. 46-63.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archives of the Krasnodar territory].

Domracheva, Myakushev, 2008 – Domracheva T.V., Myakushev S.D. (2008). «Russkii pokazyvaet nam primer, kak nuzhno organizovyvat' dlitel'noe soprotivlenie» dnevnik nemetskogo artillerista. 1941 – 1942 gg. ["Russian shows us an example of how to organize the long-term resistance" diary of a German artilleryman. 1941-1942]. *Otechestvennye arkhivy*. № 3. pp. 82-102.

Poznakhirev, 2015 – Poznakhirev V.V. (2014). Osobennosti pleniya turetskikh voennosluzhashchikh na kavkazskom i chernomorskom teatrakh voennykh deistvii Pervoi mirovoi voiny [The features of the capture of Turkish soldiers in the Caucasian and Black Sea theaters of military operations of the First World War]. *Klio*. № 12 (96). pp. 98-101.

Salimov, 2015 – Salimov D.D. (2015). Pis'ma, listovki Velikoi otechestvennoi voiny [Letters, leaflets of the Great Patriotic War]. *Nauchnyi aspekt*. T. 1. № 1. pp. 62-67.

Samovich, 2013 – Samovich A.L. (2013). Soderzhanie pisem iz russkogo plena v gody Pervoi mirovoi voiny [The contents of letters from russian captivity during the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 4-2 (30). pp. 160-163.

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*, 39 (1), pp. 53-66.

Feltman, 2011 – Feltman B.K. (2011). Letters from captivity: The first world war correspondence of the German prisoners of war in the United Kingdom. *History of Warfare*, 62, pp. 87-110.

Wilkinson, 2014 – Wilkinson O. (2014). War and Displacement in the Twentieth Century: Global Conflicts. Lancaster, 2014.

УДК 94

Письма из плена как уникальный источник периода Кавказской войны

Белла Ахмедовна Булгарова ^{а, *}, Марина Александровна Брагина ^а, Екатерина Аркадьевна Золотых ^а

^а Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Bulg_Bella@mail.ru (Б.А. Булгарова), mbragina@inbox.ru (М.А. Брагина), ek.zolotykh@gmail.com (Е.А. Золотых)

Аннотация. В статье рассматриваются письма иеромонаха Самуила из черкесского плена периода Кавказской войны. Уделено внимание обстоятельствам пленения священнослужителя, отношения к нему со стороны черкес, вариантам развития событий для выкупа священника из плена, а также предположительной его дальнейшей участи.

В качестве источника привлечены документы государственного архива Краснодарского края (г. Краснодар, Российская Федерация) и документы Центрального государственного исторического архива Грузии (г. Тбилиси, Грузия).

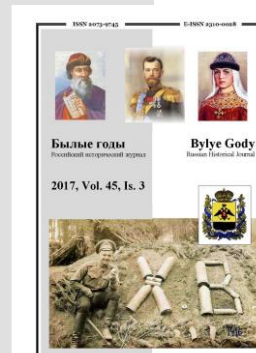
В заключении авторы приходят к выводу, что представленные письма из плена являются весьма редким источником периода Кавказской войны. Эти письма представляют историческую, филологическую, теологическую ценность, позволяют взглянуть на ситуацию глазами священника. Сносное положение пленника во многом объяснялось тем, что рабовладелец планировал получить за него выкуп, как только надежда на получение выкупа угасла, судьба священника затерялась в судьбах многочисленного состава рабов Черкесии.

Ключевые слова: письма из плена, источник, Кавказская война, черкесы, иеромонах Самуил.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 885-893, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.885
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Health Activities of Local Governments in the Kalmyks of the XIX – early XX centuries

Irina V. Lidgieva^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Institute for local self-government in the form of ulus and Aimak gatherings in the Kalmyk society was first legislated Higher "Regulations on the management of the Kalmyk people" 1847 the Purpose of this article is the reconstruction based on the analysis of documentary sources the activities of the local authorities to establish a health system in Kalmyk society in the XIX – early XX centuries. Special attention is paid to the financial component of the process of formation and development of medical service in the Kalmyk steppe. As research methods were used: statistical, allowed to give the quantitative characteristic of the population of the Kalmyk steppe and reconstructive to restore the individual facts and mechanism of activity of local governments in the formation and development of medical care. In the study, the author come to the conclusion that, with very limited financial possibilities, existing mistrust of the conservative population to secular medicine, in the result of joint actions of the Trustee authorities and the local authorities managed to achieve certain results in the future, certainly had an impact on improving the level of medical care in the Kalmyk steppe.

Keywords: the Kalmyk steppe, local government, gathering, sentence, health care, medical service.

1. Введение

Организация по созданию государственной системы здравоохранения в Калмыцкой степи входила в полномочия Главного попечителя калмыцкого народа. Традиционно лечением больных занималось калмыцкое духовенство, так называемые гелюнги – эмчи (медики), которые пользовались большим авторитетом у калмыков (Очерки, 1967: 247). Согласно Положению по управлению калмыцким народом попечительские власти должны были «постепенно и осторожно действовать на убеждение калмыков в отношении вреда, происходившего от нынешнего способа их лечения у людей, вовсе к сему не приготовленных, и склонять, дабы не чуждались медицинских пособий...» (Полное, 1848: 349-372).

2. Материалы и методы

В ходе исследования были использованы документальные материалы фондов Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия и Главного пристава кочевых народов Государственного архива Ставропольского края, составившие основную группу источников.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективизма. В качестве методов исследования использованы: статистический, позволивший дать количественную характеристику населения Калмыцкой степи и реконструктивный – восстановить отдельные факты и механизм деятельности органов местного самоуправления в сфере здравоохранения.

* Corresponding author

E-mail addresses: irina-lg@yandex.ru (I.V. Lidgieva)

3. Обсуждение

Специальных исследований посвященных проблеме становления и развития системы здравоохранения в калмыцком обществе в исследуемый период, к сожалению нет. Между тем отдельные фрагменты, описывающие состояние медицинской помощи, содержатся в работах, подготовленных на основе непосредственного наблюдения и описания исследователями посетивших Калмыцкую степь в XIX в. – начале XX вв. (Страхов, 1810; Житецкий, 1893; Дуброва, 1998).

Например, в 1893 г. вышла в свет работа И. Житецкого «Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг.». где автор описывает систему традиционной медицины, основанной на буддийской философии, господствовавшей в калмыцком обществе. «Каждый человек, рождаясь носит в себе зародыши всех болезней, а кроме того каждому человеку и еще до рождения назначено, чем болеть, сколько и пр.; по милости бурханов людям даны также средства облегчения болезни, сокращать период мучений, и эти средства изложены в священных медицинских книгах – «эмчин-ном» (Житецкий, 1893: 59). Ранее Н. Страхов в своем исследовании иронично отмечал: «Во врачебной науке почитают себя великим знатоками, в самом же деле лекаря их ни что иное как народные умерщвлятели» (Страхов, 1810: 35).

Уже о светской медицине Я.П. Дуброва писал: «Что же касается собственно докторской помощи больным вообще, то об этом как-то неловко даже и упоминать. На все кочевое население Ставропольской губернии, т. е. не только для калмыков, но и для магометан – татар, туркмен, ногайцев, эдисанцев, эдишкульцев, джембулакцев и ачикулакцев, стойбища коих разбросаны на сотни верст вдоль и поперек – существует только один врач, – да и тот живет – не где-либо в центральном месте инородческих стойбищ, а в г. Ставрополе, аккуратно получает присвоенное ему жалованье (около полторы тысячи в год, если не более), сопровождает главного пристава в его поездках по кочевьям – и только» (Дуброва, 1998: 57). Указанные работы позволяют реконструировать состояние медицинской службы у калмыков в XIX – начале XX вв.

4. Результаты

В плане медицинского обслуживания Калмыцкая степь была разделена на четыре участка, каждый из которых находился во введении отдельного врача. I участок: Калмыцкий Базар, Мочаги, Яндыковский, Эркетеновский, а также Яндыковская лечебница; II участок: Александровский, Багацохуровский и Харахусовский; III участок: северная часть Малодербетовского улуса; IV участок: южная часть Малодербетовского улуса и Икицохуровский улус.

В 1882 г. было произведено обследование устройства медицинской части в степи, результаты которого были обозначены следующим образом: «Санитарные условия того громадного степного пространства, занимаемого калмыками (так называемой калмыцкой степью), не во всех улусах одинаковы. Так, например, Багацохуровский улус, расположенный на нагорной стороне Волги, занимая возвышенную равнину, пользуется относительно других улусов хорошими санитарными условиями, но улусы Яндыковский, Мочажный, Эркетеновский, часть Александровского (Хошеутовского), Икицохуровского и северная часть Малодербетовского близ ставки пользуются антигигиеническими санитарными условиями, вследствие соседства стоячих озер, поросших густым камышом, чаканом и другими болотными растениями. Преобладающими болезнями являются: лихорадка, во всех возможных формах, простудные, глазные и кожные болезни. По неимению хорошей воды, калмыки страдают желудочно-кишечными заболеваниями и цингой. Из эпидемических болезней, чаще всего в калмыцких степях, приходится бороться с оспой, которая уносит массу жертв, в особенности в зимнее время» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 471. Л. 17-17 об.).

Согласно отчетным документам 1890 г. врача Управления калмыцким народом, деятельность медицинского персонала распределялась на площади, равной около 7 500 000 десятин или 75 000 квадратных верст. Таким образом, площадь обслуживания каждого врача равна 18 750 кв. верст или участки в 136 верст. При разъездной системе подания помощи калмыкам, что нередко приходится делать врачам или фельдшерам, особенно когда летние и весенние кочевья калмыков разбросаны далеко друг от друга, участки в 136 верст являются чрезвычайно большими, немало затрудняют самую врачебную деятельность, особенно при появлении какой-либо эпидемии в нескольких пунктах одного того же улуса» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 109. Л. 17).

Эпидемии различных инфекционных заболеваний часто случались в Калмыцкой степи, уносившие тысячи человеческих жизней. Так, в 1848 г. в Малодербетовском улусе произошла эпидемия чумы, а в 1871 и 1872 гг. в Калмыцкой степи произошла вспышка натуральной оспы. В Отчете Астраханской Палаты государственных имуществ по Ордынскому отделению за 1853 г. отмечалось, что «следует повторить, как было сказано в Отчетах за 1852 год, что учреждение лечебницы среди кочевьев необходимо и с учреждением ее народное здравие калмыков будет обеспечено» (НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 62. Л. 66).

Светская медицина в калмыцком обществе не сразу стала пользоваться авторитетом, так как проведение противоэпидемических мероприятий не приводили к скорым положительным результатам. Население, как и раньше, обращалось к народной медицине, знахарям и исцелятелям, пользовавшимся значительным влиянием в обществе. Органы местного управления, осознавая опасность эпидемических и видя нежелание самих кочевников получить прививки, привлекали

служителей буддийских храмов для проведения противооспennых мероприятий. В отчете Главного попечителя калмыцким народом за 1863 г. отмечается, «Мера эта как удостоверяет врач, принесла существенную пользу... оспопрививание производилось в 1863 г. весьма удовлетворительно, особенно если принять при этом в соображение то неверие и боязнь, с которыми калмыки смотря еще до сих пор на это благодетельное дело. К 1864 г. осталось не привитых только 51 младенцев» (НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 158. Л. 79).

Однако, ситуация с оспопрививанием стала постепенно меняться. Уже в отчете Управления калмыцким народом за 1885 г. было отмечено, что население Калмыцкой степи охотно соглашается на вакцинацию «себе и своим детям», что появление случаев заболеваний оспой среди калмыков связано с заражением «от крестьян и казаков соседних селений и деревень. Эти наблюдения могут служить наглядным опровержением взводимых на калмыков и Калмыцкую степь обвинений в разнесении и распространении эпидемии оспы по соседним со степью районам Астраханской губернии. В Харахусовском улусе, расположенном внутри степи и потому почти совершенно изолированном от оседлых поселений, оспенных эпидемий за последнее трехлетие не наблюдалось. Это обстоятельство может служить основательным поводом и весьма вероятному предположению о том, что оспа заносится в Калмыцкую степь из соседних поселений» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 83. Л. 100б.).

11-12 декабря 1906 г. в ставке Икицохуровского улуса на урочище Яшкуль прошел съезд врачей Калмыцкой степи, одним из инициаторов его созыва был врач Семен Рафаилович Залкинд. Участники съезда констатировали, что полная необеспеченность населения Калмыцкой степи медицинской помощью, обусловлена обширностью ее территорий и малочисленностью медицинских учреждений, так «на одну койку приходится около 2 200 душ обоого пола, на одного врача при районе в 13 ½ тыс. кв. верст 28 тыс. жителей» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 8. Д. 18. Л. 10). На съезде были отмечены положительные результаты работы по противооспенной профилактике и принято решение ходатайствовать об учреждении по примеру Киргизской степи девяти фельдшерских пунктов: на трех междулучных урочищах: Ара-Нур (Южная часть Малодербетовского улуса), Цаган-Нур (Северная часть Малодербетовского улуса), Соста (Икицохуровский улус); в черте улусов: Зорхото (Эркетеновский улус), Горбун-Улан (Александровский улус), Святая Земля (Яндыко-Мочажный улус), Харан-Нур, Цаган-Аман (Багацохуровский улус), Грязновские хотоны (займище Александровского улуса).

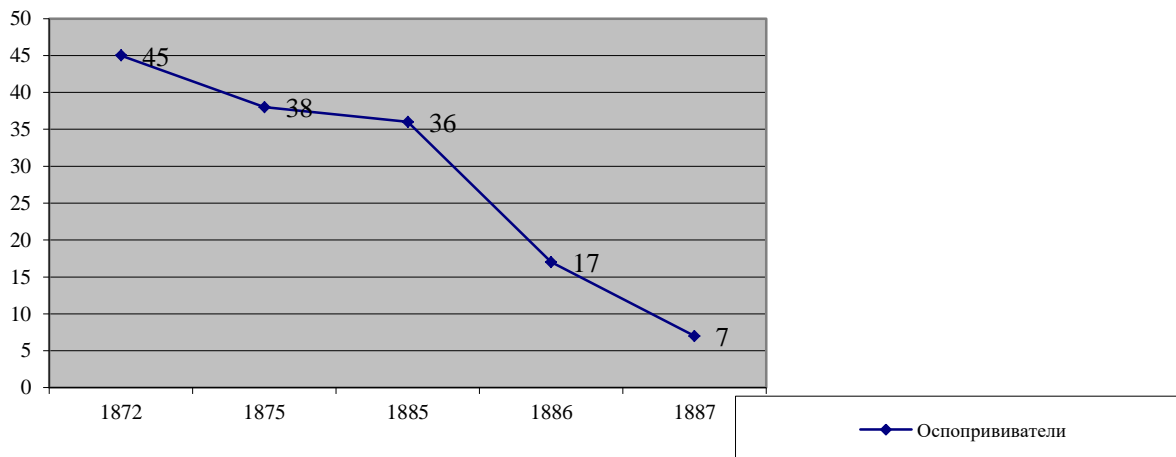

Рис. 1. Численность оспопрививателей в Калмыцкой степи

Как видно на рисунке, число оспопрививателей в Калмыцкой степи в период с 1872 по 1887 гг., уменьшилось более чем в 6 раз. Данная ситуация была обусловлена снижением уровня заболеваний оспой, что стало возможным в результате планомерной и поступательной работы по созданию системы противооспенной профилактической работы за счет точечного финансирования, в том числе из средств общественного калмыцкого капитала, а также родовых сумм. Общественный калмыцкий капитал, средства которого в основном направлялись на социальное обеспечение населения Калмыцкой степи, формировался на основе Положения об управлении калмыцким народом 1847 г. Одной из статей расходования общественного калмыцкого капитала являлось устройство медицинского обслуживания в Калмыцкой степи. К сожалению, в архивных документах мы не нашли системных статистических данных, свидетельствующих о выделении финансовых средств на медицинское обслуживание в первой половине XIX.

Медицинская помощь для калмыцкого населения, кроме малочисленных медицинских учреждений самой территории, осуществлялась в больницах Астраханского приказа общественного Призрения. Суммы лечения больных уплачивались соответствующими родовыми обществами или с общественного калмыцкого капитала. Приведенные ниже в таблице статистические данные

свидетельствуют о небольшом количестве больных калмыков, получивших медицинскую помощь в больницах Приказа общественного призрения в городе Астрахани за 1889 г. В основном лечились в данном учреждении жители Яндыко-Мочажного улуса, в географическом отношении находившегося в непосредственной близости от города Астрахани; доля жителей других улусов, получивших медицинскую помощь в астраханских медицинских учреждениях незначительна. Поездка для лечения в Астрахань кочевников обусловлена малой сетью медицинских учреждений в степном регионе, недостаточной врачебной квалификацией, к тому же выезд в сопредельную территорию был сопряжен со значительными финансовыми расходами. Об этом писал попечитель Эркетеновского улуса Муликовский в своем письме в Управление калмыцким народом от 10 ноября 1912 г.: «Врачебная помощь во вверенном мне улусе обставлена крайне неудовлетворительно. Больные, за которыми необходим постоянный уход, лишены возможности лечиться в месте своего жительства и должны ехать или в ставку Яндыко-Мочажного улуса, или в Астрахань, что для большинства из них сопряжено с непосильными расходами. Акушерская помощь совершенно отсутствует, между тем в ней очень часто встречается неотложная надобность и населению приходится за помощью обращаться к доморощенным повитухам, которые кроме вреда ничего не могут принести роженицам» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 8. Д. 28. Л. 305).

Удаленность от калмыцких кочевий, расходы, связанные с транспортировкой больных, даже с учетом оплаты из средств общественного калмыцкого капитала, были недоступны большинству населения. В графе таблицы 1 «Средства, уплаченные за лечение», данные по ряду улусов отсутствуют, в этом случае оплата за лечение была произведена родовыми обществами.

Таблица 1. Сведения о количестве больных и уплаченных за лечение средствах (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 7)

	Количество больных	Средства, уплаченные за лечение (в руб.)
Северная часть Малодербетовского улуса	1	-
Южная часть Малодербетовского улуса	1	-
Александровский	3	82,50
Харахусовский	2	25
Эркетеновский	2	40
Икицохуровский	3	65,50
Яндыко-Мочажный	8	382,50
Калмыцкий Базар	5	-

Анализ сведений по расходованию финансовых средств из общественного калмыцкого капитала с 1855 г. по 1891 г., представленный в [таблице 2](#), показывает, что размер расходной статьи на лечение больных за пределами региона составлял всего лишь от 5 % до 11 %. Это свидетельствует о том, что данное направление не было приоритетным в деятельности местных властей, тогда, как, например, на содержание аппарата управления отводилось более 40 % всего общественного калмыцкого капитала. Больше средств выделялось для внутритерриториального лечения. Так, например, «для подания помощи особо трудным больным калмыкам, требующим постоянного за ними ухода, устроены приемные покои в северной части Малодербетовского улуса на 12 кроватей, причем весь расход на содержание исчислен в сумме 2 332 руб. ежегодно из общественного калмыцкого капитала» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 6. Д. 30. Л. 10).

В обширной Калмыцкой степи ощущалась острая нехватка врачей, фельдшеров и акушеров. Врачами населенных пунктов был предложен проект увеличения численности медицинских работников на территории. В отчетах врачей Управления калмыцкого народа за 1867 г. отмечалось: «в улусах фельдшеров 13 человек, нами предложено 22 человека, т. е. увеличить на 9 фельдшеров, оспопрививателей в настоящее время 15 человек, 8 из них получают содержание из общественного калмыцкого капитала, а 7 из владельческих доходов. Мы же предлагаем, что необходимо оспопрививателей иметь в улусах 41 человек. Ныне на медицинскую часть в улусах расходуется 1 020 руб. на фельдшеров, 400 руб. на оспопрививателей, 3 160 – на лечебницу, 3 000 – на двух врачей, на медикаменты – 250 руб., итого 7 830 руб. Стало быть расход увеличиться на фельдшеров 6 600 руб., полагая каждому по 10 руб., в месяц на медикаменты – 800 руб., содержание лечебницы и врача остается тоже самое, итого будет 18 480 руб. Следовательно, расход увеличится на 10 650 руб.» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 471. Л. 19).

Таблица 2. Расходование финансовых средств из общественного калмыцкого капитала на здравоохранение

Год	Размер общественного капитала с остатком прошлого года	Израсходовано в текущем году	Из них на народное здравоохранение	Что составляет от расходной части, в %
1855 г.	252 286,54	32 326,12	1 098,55	3,4
1861 г.	211 183,14	137 624,83	254,78	0,2
1862 г.	460 370,54	237 888,34	4 286,12	1,8
1865 г.	355 372,83	101 010,30	1 887,11	1,9
1866 г.	827 560,90	545 572,78	4 792,11	0,9
1872 г.	313 479,84	207 698,70	4 168,13	2
1873 г.	217 922,29	214 666,67	3 185	1,5
1874 г.	73 100,30	61 987,22	3 335,2	5
1875 г.	95 941,15	63 437,39	3 160	5
1877 г.	93 240,35	85 508,40	5 071,99	6
1878 г.	79 942,42	68 084,75	3 267,50	5
1885 г.	77 805	61 849,35	3 281,92	5
1886 г.	113 800,43	76 501,90	5 222,42	7
1887 г.	149 141,68	88 425,76	7 575,81	9
1888 г.	167 396,31	148 736,29	11 703,70	8
1889 г.	131 425,59	110 632,20	7 324,38	6,6
1890 г.	89 456,52	75 229,80	8 397,37	11
1891 г.	111 191,57	89 107,61	5 825,45	7

Проект, предложенный врачами, имевшими непосредственный опыт работы в Калмыцкой степи, так и не был реализован имперскими властями. В ситуации нехватки финансовых средств, медработников, больниц, фельдшерских и акушерских пунктов, инициативу по организации учреждений здравоохранения брали на себя улусные и аймачные общества. В нижеприведенной [таблице 3](#), представлены выдержки из общественных приговоров, направленные на развитие здравоохранения.

Таблица 3. Решения улусных и аймачных обществ о развитии здравоохранения

№	Наименование схода, дата проведения	Решение
1.	Большедербетовский улусный сход, 31 марта 1862 г.	Для уплаты вольнонаемному ветеринарному врачу жалованья назначаем от нашего улуса из общественного капитала 150 руб. серебром
2.	Малодербетовский улусный сход, 30 июня 1874 г.	Открыли между собой добровольную подписку на устройство в улусе двух лечебниц при главной ставке и при ставке заведующего по Манычу (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 21. Л. 460б.).
3.	Малодербетовский улусный сход, 22 июня 1875 г.	Выделить 844 руб. 4 ½ коп. на устройство лечебницы (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 460б.).
4.	Икицохуровский улусный сход, 1889 г.	Выделить на содержание кибитки для приема амбулаторных больных 50 руб. из мирских сумм (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 110б.).
5.	Харахусовский улусный сход, 1 января 1890 г.	На содержание больных ассигновано 120 руб. (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 110б.)
6.	Малодербетовский улусный сход, 1890 г.	На приобретение обстановки для приемного покоя улусным обществом ассигновано одновременно 1 500 руб. (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 100б.)

В октябре 1890 г. был открыт приемный покой на 25 коек в северной части Малодербетовского улуса. Ежегодное финансовое обеспечение в размере 2 332 руб. возлагалось на счет калмыцкого общественного капитала, из них 500 руб. обязался уплачивать владелец улуса Ц. Тундутов.

31 июня 1910 г. Малодербетовский улусный сход, собравшийся на урочище «Ханата» для обсуждения вопроса о выделении ассигнований на постройку новой улусной больницы 14 567 руб. 32 коп., постановил: «В ассигновании средств на постройку улусной больницы отказать, так как в

течение последних 10 лет медицинский персонал улусной больницы не оказывал должной помощи и хотя бы внимания к нуждающимся в лечении, что вселило в народ глубокое чувство недоверия к нему и цели существования больницы в улусе вообще» (НАРК. Ф.И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 56-59). В постановлении вместо анализа дается лишь констатация плохой работы медицинского учреждения, хотя чуть раньше отмечалось, что «лечебница пользуется полным доверием, хотя нельзя не сознаться, что еще недостаточно организована в том отношении, что лишена надлежащего наблюдения со стороны медика, ибо врач в калмыцком управлении, при других занятиях, имеет возможность посещать и контролировать действия фельдшера, не более одного раза в месяц» (НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 158. Л. 78).

Улусных и аймачных управленцев не могли не беспокоить отсутствие квалифицированных медицинских работников, так как авторитет врачей и медперсонала с течением времени значительно возрос среди населения Калмыцкой степи. Потому закономерной, например, стала постановка вопроса на сходе общества Большедербетовского улуса 3 января 1916 г. об отсутствии врача в течение почти целого года при Башантинской улусной больнице. Отсутствие квалифицированного специалиста в улусе, по мнению выборных, негативно влияет «на постановку в улусе санитарной части, а также на здоровье больных, лишенных возможности необходимой врачебной помощи». Общественный сход принял решение, которое было закреплено в постановляющей части приговора: «Принимая во внимание условия военного времени, когда большинство врачей находятся на военной службе, а также то обстоятельство, что многие врачи предпочитают жить в городских условиях и заниматься частной практикой, просить Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии о немедленном приглашении в улус врача, с определением ему содержания до 4 000 руб. в год (вместо 2 500 руб.)» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 76. Л. 6-9).

Обращения в вышестоящие органы от улусных и родовых обществ поступали постоянно. 30 апреля 1917 г. в Инородческое управление Ставропольской губернии поступил приговор общества калмыков Цоросова рода за № 26 о необходимости учреждения в роде фельдшерского пункта (ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 76. Л. 38).

Медицинское обслуживание, как известно, невозможно без лекарственного обеспечения. Во всех улусах Калмыцкой степи при ставках попечителей, а также заведующих отдельными частями улусов, имелась небольшая аптека (НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 96. Л. 120б.). Существующие пять больничных учреждений и фельдшерские пункты получали медикаменты из Астраханской городской аптеки на средства общественного калмыцкого капитала. На 1 человека в год расходовалось 19 копеек (История, 2009: 581).

На протяжении XIX в. медицинское обслуживание кочевого населения находилось на очень низком уровне. Всего по штатному расписанию на всей территории Калмыцкой степи трудилось от 4 до 6 врачей. На одного фельдшера приходилось более 10 000 жителей, чтобы попасть к фельдшеру или врачу на прием, нередко нужно было преодолевать десятки километров по бездорожью. Поэтому население многих населенных пунктов к ним не обращалось. Происходила частая смена медицинского персонала, что также не способствовало эффективной работе системы здравоохранения. Как свидетельствует Н.Ф. Бурдуков, в Большедербетовском улусе «С 1893 г. по осень 1898 г. в должности инородческих врачей перебивало 4 доктора, и за тот же срок все эти врачи в общей сложности посетили улус, считая и эпидемическое время оспы, как свидетельствует местный попечитель, всего на всего 6 раз (1) из коих три проезда продолжались по одному дню каждая, четвертая – 6 дней, пятая – 3 дня и шестая – 6 дней!» (Бурдуков, 1898: 104).

Материалы всеобщей переписи 1897 г. показывают, что продолжительность жизни населения в Калмыцкой степи составляло 23,7 лет, тогда как в Астраханской губернии – 24,4 года. Для сравнения в Ставропольской губернии этот показатель был равен 22,7 года, а средняя продолжительность жизни населения территории кочующих инородцев Ставропольской губернии была равна 24,6 лет.

Показатель рождаемости по Калмыцкой степи был равен 1 %, а по Астраханской губернии составлял 3 %. Среди кочевых инородцев Ставропольской губернии рождаемость составляла 2 %, что на 2 % меньше, чем показатель по губернии в целом. Отсюда следует вывод, что уровень медицинского обслуживания среди кочевых инородцев на Юге России, в том числе калмыков был достаточно низким, так как небольшой показатель рождаемости, а это согласно материалам переписи дети до 1 года, при относительно высоком показателе средней продолжительности жизни говорит о высоком уровне младенческой смертности.

К началу XX в. в здравоохранении Калмыцкой степи произошли лишь незначительные изменения. Количество врачебных участков увеличилось до 6, площадь самого большого – Малодербетовского участка, в состав которого входило 7 аймаков, была равна 32 000 км², при этом максимальное расстояние, которое необходимо было преодолеть больному, чтобы получить медицинскую помощь равнялось 192 км, а минимальное – 17. Площадь самого маленького участка – Харахусовского была равна 6 400 км², максимальное расстояние от границы участка до места жительства врача было равно 160 км, а минимальное 1 км.

Таблица 4. Врачебные участки Калмыцкой степи (НАРК. Ф. И-9. Оп. 8. Д. 94. Л. 50б.-6)

Врачебные участки	Наименование аймаков, входящих в состав участков	S участка (км ²)	Количество жителей на участке	Макс. расстояние до участка	Мин. расстояние до участка
Малодербетовский	Северный Приволжский Центральный Абганеровский Сальский Шарнутовский Багацохуровский	32 000	27 332	192	17
Манычский	Оргакиновский Ульдючиновский Яшкульский Багачоносовский Икичоносовский Манджинкиновский Кебютовский Наинтанкиновский	21 336	23 000	128	5
Икицохуровский	Эркетеновский Ачинеровский Сатхало- Хошеутовский Кетченер- Шебенеровский Зюнгаровский	8 081	13 079	122	3
Харахусовский	Харахусовский Эрдниевский	6 400	6 716	160	1
Эркетеновский	Овардыкский Кеке-Усуновский Гайдукский	8 534	11 308	138	3
Яндыко-Мочажный	Багацохуровский Икибагутовский Харахусовский Далбанский Батутовский Бага-Цатановский	9 601	32 900	85	21

Архивные материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о слабом состоянии здравоохранения в Калмыцкой степи в период с 1890 г. до 1914 г. Так, по состоянию на 1 января 1914 г., в калмыцких улусах Астраханской губернии, площадь которых составляла 71 738 км,² числилось только 6 врачей, в среднем на 1 врача на участке площадью 11 995 км² приходилось 23 124 человека. В этом отношении ситуация с обеспечением населения была сходной со Ставрополем. В соседнем регионе был всего 21 врачебный участок, площадью в среднем 1 700 квадратных верст, имелся 21 сельский врач, на каждого из них приходилось более 51 тысячи жителей. В Харьковской губернии был 121 врачебный участок, площадью в среднем 436 кв. верст, на одного врача приходилось 24 513 человек населения, а в больницах было 1 520 коек. Немного лучше была ситуация с медицинским обслуживанием в Московской губернии, где площадь врачебного участка составляла всего 235 кв. верст, а на одного врача приходилось 13 тысяч человек и не было ни одного фельдшерского пункта (*Журнал, 1914: 141-146*).

5. Заключение

Таким образом, становление и развитие системы медицинского обслуживания в Калмыцкой степи во многом зависело от деятельности улусных и аймачных сходов, как органов местного самоуправления. При весьма ограниченных финансовых возможностях, существующем недоверии консервативного населения к светской медицине, в результате совместных действий попечительской власти и органов местного самоуправления удалось добиться определенных результатов, которые в дальнейшем, несомненно, оказали влияние на повышение уровня медицинского обслуживания в Калмыцкой степи.

Литература

- Бурдуков, 1898** – *Бурдуков Н.Ф.* Доклад его Превосходительству господину министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бурдукова, по командировке в Большедербетовский улус, осенью 1898 г. СПб.: тип. кн. В.П. Мещерского, 1898. 126 с.
- Высочайше утвержденное, 1848** – Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Том XXII. Отделение первое. 1847 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. С. 349-372.
- ГАСК** – Государственный архив Ставропольского края.
- Дуброва, 1998** – *Дуброва Я.П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Житецкий, 1893** – *Житецкий И.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 107 с.
- Журнал, 1914** – Журнал первого Очередного Ставропольского Губернского Земского собрания, сессии 1917 года. Санитарный отдел. Ставрополь, 1914.
- История, 2009** – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. 752 с.
- НАРК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Очерки, 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Страхов, 1810** – *Страхов Н.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил веры, молитвы, нравоучительные повести, сказки, пословицы и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 97 с.

References

- Burdukov, 1898** – *Burdukov N.F.* (1898). Doklad ego Prevoskhoditel'stvu gospodinu ministru zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv chinovnika osobykh poruchenii N. Burdukov, po komandirovke v Bol'shederbetovskii ulus, osen'yu 1898 g. [The report to his Excellency Mr. Minister of agriculture and state property of the official of special commissions N. Burdukov, on a duty journey to the Bol'shederbetovskii ulus, in the autumn of 1898]. SPb.: tip. kn. V. P. Meshcherskogo. 126 p.
- Vysochaishe utverzhdennoe, 1848** – Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie ob upravlenii Kalmytskim narodom ot 23 aprelya 1847 g. [The highest approved Regulation on the administration of the Kalmyk people from April 23, 1847]. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Vtoroe. Tom XXII. Otdelenie pervoe. 1847 g. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1848. pp. 349-372.
- GASK** – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia [The state archive of the Stavropol Krai].
- Dubrova, 1998** – *Dubrova Ya.P.* (1998). Byt kalmykov Stavropol'skoi gubernii [The life of the kalmyks of the Stavropol Gubernia]. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 181 p.
- Zhitetskii, 1893** – *Zhitetskii I.* (1893). Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya 1884-1886 gg. [The essays on the life of Astrakhan Kalmyks. The ethnographic observations in 1884-1886]. M.: Tip. M. G. Volchaninova. 107 p.
- Zhurnal, 1914** – Zhurnal pervogo Ocherednogo Stavropol'skogo Gubernskogo Zemskogo sobraniya, sessii 1917 goda. Sanitarnyi otdel [The journal of the first Regular Stavropol Provincial territorial meeting, the session of 1917. The sanitary department]. Stavropol', 1914.
- Istoriya, 2009** – Istoriya Kalmykii s drevneishikh времен do nashikh dnei [The history of Kalmykia from ancient times to the present day]: v 3 t. Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel», 2009. T. 3. 752 p.
- НАРК** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The national archives of the Republic of Kalmykia].
- Ocherki, 1967** – Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period [The essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. M.: Nauka, 1967. 479 p.
- Strakhov, 1810** – *Strakhov N.* (1810). Nyneshnee sostoyanie kalmytskogo naroda s prisovokupleniem kalmytskikh zakonov i sudoproizvodstva, desyati pravil very, molitvy, nravouchitel'nye povesti, skazki, poslovitsy i pesni Savardin [The current state of the kalmyk people with the addition of Kalmyk laws and proceedings, ten rules of faith, prayer, edifying stories, fairy tales, proverbs and songs of Savardin]. SPb.: Tip. Shnora. 97 p.

УДК 94

Здравоохранение в деятельности органов местного самоуправления калмыков в XIX – начале XX вв.

Ирина Владимировна Лиджиева ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Институт местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов в калмыцком обществе был впервые законодательно оформлен Высочайшим «Положением об управлении калмыцким народом» 1847 г. Целью данной статьи является реконструкция на основе анализа документальных источников системы здравоохранения в калмыцком обществе в XIX – начале XX вв. В качестве методов исследования использованы: статистический, позволивший дать количественную характеристику населения Калмыцкой степи и реконструктивный – восстановить отдельные факты и механизм деятельности органов местного самоуправления в деле становления и развития медицинской помощи.

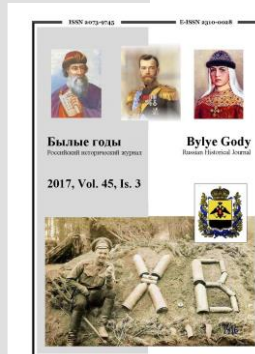
Ключевые слова: Калмыцкая степь, местное самоуправление, сход, приговор, здравоохранение, медицинское обслуживание.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: irina-lg@yandex.ru (И.В. Лиджиева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 894-902, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.894
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

From the History of the Development of Artisanal Industrial Enterprises in the Central Chernozem Region since the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries

Natalia A. Dushkova ^a, Victoria A. Grigorova ^{a,*}

^a Voronezh State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the complex process of development of the handicraft industry of the Central Chernozem Region of Russia during the global modernization of the second half of the XIX – early XX centuries. Revealing its features, the authors reveal its contradictory nature. On the one hand, the transformation contributed to the expansion of market ties, as well as the construction of railways. And on the other hand, all this was simultaneously a kind of a brake. The inflow of goods to the local markets from the Central industrial region of Russia, which were more competitive, led to the curtailment of the work of a number of handicraft enterprises.

The authors proved that the specificity of the contradictory transition of small handicraft enterprises to an industrial basis was the formation of the processing and food industries, which predetermined the further direction of the industrial development of the region. At the present stage, priority is still attached to the development of the food industry, which is represented by sugar, flour-grinding, butter-fat, distillery, like the former artisanal and processing industry.

Keywords: handicraft industry, handicraftsmen, peasants, Central Chernozemye, South Caucasian Railways, detached trades, industrial peasant enterprises.

1. Введение

Актуальность исследования процесса развития кустарной промышленности обусловлена возросшим интересом российского общества к проблемам предпринимательства как основы эффективного роста экономики и достижения экономической самоорганизации и само-занятости населения страны. При этом особое внимание обращается на ее значение для современного мелкого и среднего бизнеса, в котором в последнее время прослеживаются определенные трудности. Основные из них связаны с несовершенностью системы налогообложения и недоступностью кредитов из-за высоких процентов. Успех в преодолении подобных негативных проявлений во многом будет зависеть от умелого использования отечественного опыта развития кустарно-промышленной деятельности крестьян, на базе которой в прошлом обеспечивалось формирование предпринимательского слоя.

Обозначенная проблематика также важна в силу недостаточной исторической изученности, связанной с неравномерностью исследования различных аспектов мелкотоварного производства. Такие вопросы как сложносоставной характер хозяйства кустаря, особенности процесса перехода кустарных промыслов к промышленному способу производства, роль отхожих промыслов в утверждении капиталистической экономики во второй половине XIX века, а также различные нюансы модернизации социально-экономического положения мелких товаропроизводителей в

* Corresponding author

E-mail addresses: vagrigorova@rambler.ru (V.A. Grigorova)

первые годы XX века, иногда игнорировались учеными, либо рассматривались ими лишь поверхностно.

Ценность исследования кустарно-промысловой деятельности крестьян связана и с интересом широких общественных кругов к конкретно-бытовой и производственной жизни крестьянства, которые в целом составляли абсолютное большинство населения России в пореформенный период.

2. Материалы и методы

Основную источниковую базу исследования составили документы, сохранившиеся в архивах Белгородской, Воронежской и Курской областей. Они представлены рапортами уездных исправников, перепиской волостных правлений с земскими учреждениями Центрального Черноземья. Опубликованные источники включали делопроизводственные документы, статистические материалы и сведения переписей.

Для реализации цели работы были использованы сравнительно-исторический, статистический и проблемно-хронологический методы. На основе исторического метода все факты о развитии кустарной промышленности рассматривались не статично, а в динамике. С помощью статистического метода выявлялись изменения численности промыслового населения в различных губерниях региона и удельный вес мелких предприятий в регионе. Проблемно-хронологический метод позволил проследить изменения социально-экономического положения мелких товаропроизводителей в историческом контексте.

3. Обсуждение

Процесс становления кустарных промышленных предприятий в Центральном Черноземье включает в себя множество малоизученных и дискуссионных вопросов, которые до сих пор находятся в центре внимания ученых современности. А.В. Перепелицын, В.Г. Егоров, А.А. Терещенко и другие затрагивали отдельные вопросы становления и развития кустарной промышленности в регионе. А.В. Перепелицын в своей работе «Крестьянские промыслы в Центрально-Черноземных губерниях России в пореформенный период» анализировал уровень развития местных сельскохозяйственных и отхожих промыслов (Перепелицын, 2005). В.Г. Егоров исследовал проблемы российской кооперации мелких товаропроизводителей в статье «Становление сельскохозяйственной российской кооперации: проблемы и перспективы» (Егоров, 2013). А.А. Терещенко в статье «Городское ремесленное производство Центрально-Черноземного края во второй половине XIX в.» обращался к изучению различных видов хозяйственной деятельности крестьян, в том числе ремесла (Терещенко, 2008: 50-57). Отдельные аспекты развития промышленности, в том числе кустарного производства исследуются в статьях Handwörterbuch der Statswissenschaften (Промышленность, 1896).

4. Результаты

На территории Центрального Черноземья России кустарные промыслы были известны с давних времен. Первоначально они повсеместно развивались в форме домашнего производства. Крестьяне производили изделия своими руками для обслуживания бытовых нужд семьи и ближайших родственников. Они ткали полотно, выделывали кожу, овчину, изготавливали изделия для облегчения своей жизни. Эти товары не подлежали обмену и продаже. В дальнейшем, в процессе специализации промысловых занятий и разделения труда среди непосредственных производителей из сельской общины стали выделяться специалисты, занимающиеся конкретным промыслом. Мастера работали сначала по заказам односельчан, а затем и для рынка. Изготовление изделий для продажи на местных и отдаленных рынках обуславливало развитие кустарного мелкотоварного производства, периодом становления которого в России принято считать XI–XVII века.

В XVIII веке мелкотоварное производство играло значительную роль в экономическом развитии страны. Удовлетворение основных потребностей местного населения в изделиях массового спроса по-прежнему осуществлялось за счет развития кустарных промыслов. К тому же их активное распространение создавало благоприятные условия для строительства крупных предприятий и мануфактур. Прежде всего, они заключались в подготовке сырьевой базы и в формировании высококвалифицированного кадрового состава заводов из бывших кустарей.

В регионе к середине XIX века преимущественное развитие получали промыслы, связанные с производством и переработкой сельскохозяйственного сырья, среди которых наиболее популярными были ткацкий, кожевенный, сапожный, вязальный и маслобойный промыслы.

В пореформенный период, в частности после отмены крепостного права интенсивность промысловой деятельности местных жителей Центрального Черноземья усилилась. Они по-прежнему оставались безземельными. Им приходилось выплачивать выкупные платежи, разнообразные налоги и отрабатывать множество повинностей (Влияние урожаев и хлебных цен, 1897: 101). Доход от обработки земли не мог покрыть всех расходов крестьян, что влекло за собой обращение к промысловой местной и отхожей деятельности, а также к работе по найму. Наиболее успешные из них, получив свободу предпринимательской деятельности, постепенно расширяли свое производство, создавая собственные мелкие предприятия.

В регионе интенсивность роста промысловой деятельности местных крестьян обуславливалась комплексным воздействием различных факторов. Основные из них были связаны с новой системой землепользования и землеустройства, которые так и не решили аграрного вопроса в стране, поддерживая малоземелье и обнищание крестьян. Важное воздействие оказывало строительство железной дороги, а также последовавшее за ним расширение и укрепление рыночных связей.

Оформившаяся система землепользования и землеустройства, воздействовала на кустарную промышленность через существовавшие в то время арендные отношения на землю. В регионе устанавливались кабальные условия аренды, выражавшиеся не только в высокой арендной стоимости, но и в ее непрерывном росте. В течении первых двух пореформенных десятилетий цены постепенно росли. Если в первые годы буржуазных реформ они составляли 2–6 рублей за десятину в зависимости от размера арендуемого участка, то в 1880-е годы средняя стоимость равнялась 8 рублям 80 копейкам (ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1347. Л. 18). Причем, продолжая увеличиваться в начале XX века, к 1914 году арендная цена на землю в Центральном Черноземье достигала уже 19 рублей 44 копейки (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 451. Л. 15).

Важно пояснить, что наличие земельной аренды являлось непосильным для большинства крестьян, которые наряду с ней по-прежнему выплачивали выкупные платежи и другие налоги. К тому же доход от обработки арендованной земли зачастую был ниже самой стоимости арендной платы (Анфимов, 1986: 117). Поэтому у крестьян еще больше возрастала потребность в получении любого дополнительного дохода. Для большинства из них выходом из сложившейся ситуации являлось обращение к кустарной промысловой деятельности. В случае наличия профессиональных навыков, кустари занимались местными промыслами, в противном случае – уходили на заработки в различные промышленные центры России, такие как область Войска Донского, Северный Кавказ, Донбасс и другие.

В Центральном Черноземье помимо арендных отношений на землю, активизацию кустарно-промысловой деятельности в пореформенный период обуславливало и строительство железных дорог. Появившиеся линии Юго-восточной железной дороги (ЮВЖД) расширяли и укрепляли рыночные связи региона. Открывались новые широкие рынки сбыта в удаленных районах страны через порты Азовского, Черного и Балтийского морей. Это позволяло кустарям реализовывать произведенные изделия за пределами местных рынков и базаров. В одиночку, или объединяясь в артели, они экспортировали продукцию в виде продуктов кустарной переработки растительного сырья в различные города и населенные пункты. К тому же проведение железнодорожных путей на территории Центрального Черноземья сопровождалось появлением вдоль них новых предприятий кустарного типа. Мелкие фабрики, заводы и мельницы располагались здесь для облегчения перевозки продуктов с центров производства к местам их сбыта. На крупных, узловых станциях создавались складские хозяйства, одно из которых существовало в Острогожском уезде Воронежской губернии. Это было хранилище для зерна, построенное рядом с мельницей, после помолки, на которой, зерно загружалось в вагоны и отправлялось в различные удаленные районы (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 132. Л. 112).

Однако строительство ЮВЖД, обуславливая рост кустарно-промысловой деятельности в регионе, одновременно порождало ей серьезную конкуренцию со стороны развитых промышленных центров России. Связывая промышленные районы страны, а также способствуя подъему промышленности, создаваемые линии железной дороги обеспечивали усиление притока качественных и дешевых товаров из других районов страны. Местные мелкие товаропроизводители, пытались выдержать конкуренцию. Они кооперировались в артельные объединения для решения производственных и сбытовых вопросов. Но некоторые из них, так и не смогли приспособиться к новым условиям, что в итоге приводило к закрытию мелких кустарных мастерских, а иногда и целых заводов.

Таким образом, строительство ЮВЖД порождало основное противоречие в развитии кустарной промышленности региона в пореформенный период. Наряду с увеличением интенсивности кустарно-промысловой деятельности мелких товаропроизводителей и обеспечением товарности их производства, новые линии железных дорог, ликвидируя прежнюю замкнутость местных рынков, тормозили развитие кустарной промышленности, препятствуя расширению мелкотоварного производства кустарей. И, тем не менее, количество промышленного населения в регионе росло. Согласно сведениям земских статистов в Центральном Черноземье было выявлено увеличение численности мелких производителей от 1,2 до 12,6 раз в период с 1880 года до 1900 года. Подтверждением могут служить количественными показателями по отдельным губерниям региона, отраженные в Таблице 1, составленной на основе анализа различных источников (Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии, 1897; 172–174, 176–178, 184–219, 229–235, 237–243. 10; 198–210. Курская губерния, 1887; 177. Свод данных о числе кустарей и ремесленников в волостях и уездах Орловской губернии по отдельным производствам в 1913 году, 1913; XLIII. XLIV. XXXV. XXXVI. XXXVII. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. IX. Воронежская губерния, 1904; 220–230. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния, 1904; 222–230. Материалы высочайше утвержденной, 1903; 216–219).

Таблица 1. Динамика численности промыслового населения Центрального Черноземья в последние десятилетия XIX века

Губернии Центрального Черноземья	Численность промыслового Населения		Итого: (во сколько раз увеличилась численность)
	1880–1891 годы	1897–1900 годы	
Воронежская	89 903	106 078 – 332 742	1,2–3,7
Тамбовская	72 045	122 467 – 329 481	1,7–4,6
Курская	253 000	359 016	1,4
Орловская	25 464	321 141	12,6

Таким образом, сведения [Таблицы 1](#) ярко иллюстрируют рост численности промыслового населения в каждой губернии региона в последние два десятилетия XIX века. Однако важно учитывать, что приведенные показатели являются приблизительными, так как критерии учета крестьян, занятых в кустарно-промысловой деятельности все еще различались. Зачастую в эту категорию населения попадали и ремесленники, которые занимались производством изделий не для продажи на рынках, а по заказу односельчан.

Динамика роста промыслового населения, в Центральном Черноземье сопровождалась расширением пунктов развития промыслов, которые постепенно превращались в отдельные центры кустарной промышленности. В регионе процесс их формирования завершился в конце XIX века. Они представляли собой районы концентрации мастеров различных специальностей, в которых производимой промышленной продукцией обеспечивались все окрестные местности. Ярким примером в Воронежской губернии являлся Острогожский уезд, в котором регистрировались веревочники, шапочники, чулочницы, горшечники, трубочники, ведерники и гребенщики ([ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 722. Л. 109](#)). Отличительной чертой указанных центров была слабая связь мелких товаропроизводителей с сельским хозяйством и низкая капитализация хозяйств кустарей. Кроме этого центры кустарной промышленности отличались особенностями производственного и сбытового процессов. Наряду с одинаковой техникой производства, отсутствовало какое-либо разделение труда. Весь технологический процесс выполняли сами владельцы мастерских. Например, в процессе гончарной промысловой деятельности, кустарь самостоятельно производил работы по обработке глины. В течение 12 часов в сутки, а иногда и больше, он находился у горна для обжига горшков. Условия их работы были крайне тяжелыми, оказывающими пагубное влияние на жизнь и здоровье мастеров. В большинстве случаев гончары страдали от легочных заболеваний. Несмотря на все трудности, кустари старались обойтись собственными силами. Наемных рабочих нанимали, но крайне редко. В слободе Гончарной Суджанского уезда по результатам подсчетов земских специалистов насчитывалось только 3 крестьянских двора из существующих 38, в которых нанимали рабочих ([ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 89. Л. 5](#)).

Особенности сбытового процесса, свойственные центрам кустарной промышленности Центрального Черноземья выражались в изменении роли скупщика. В конце XIX века скупщиками являлись обедневшие крестьяне, которые получали товар от кустаря в кредит с обязательством полной оплаты его стоимости после продажи. Они не навязывали каких-либо обременительных условий для мелких товаропроизводителей, как это было прежде, когда скупщик являлся «хозяином положения», владевшим большими капиталами, позволяющими держать кустаря в кабальной зависимости. В это время за подобную работу принимались в последнюю очередь. Например, в Гончарной слободе Суджанского уезда скупщиками работали только в двух крестьянских дворах. Они не имели отношения к промысловой деятельности, а принимались за продажу товара по близлежащим базарам и ярмаркам только с целью получения дохода.

Следующей важной отличительной чертой развития центров кустарной промышленности в пореформенный период являлось создание предприятий обрабатывающей и пищевой отраслей, которые смогли выстоять в сложившихся условиях жесткой конкуренции. В свою очередь именно они предопределили направленность промышленного развития региона в будущем. На современном этапе по-прежнему прослеживается приоритет обрабатывающих производств. Сегодня основной отраслью специализации региона признана пищевая промышленность. Согласно официальным статистическим данным за 2014 год, процент предприятий пищевой промышленности в Воронежской области составил 27 % от общего числа. Для сравнения следует заметить, что на долю металлообработки и машиностроения приходилось 23 %, а электроэнергетики – 18 %. Кроме того,

современная пищевая промышленность, как и прежняя кустарная обрабатывающая и перерабатывающая промышленность, также представлена сахарной, мукомольно-крупяной, масложирово-жировой, ликероводочной и другими отраслями ([Воронежский статистический ежегодник. 2014](#)).

В структуре формирующейся промышленности во второй половине XIX века преобладали мелкие предприятия, выросшие из кустарных крестьянских промыслов. Они стали называться капиталистическими. От простого товарного производства они отличались по трем признакам: величина прибыли, величина капитала и число наемных рабочих.

Первый критерий – это величина прибыли. Она была неразрывно связана с прожиточным минимумом. Предприятие могло считаться капиталистическим, если прибыль достаточна, чтобы на нее жила семья хозяина, а производство развивалось. Причем сам хозяин должен был заниматься исключительно предпринимательскими функциями, такими как заготовка сырья, сбыт продукции, найм рабочих и т.д. Для Черноземного центра России, во второй половине XIX века эта величина должна была превышать 300 рублей в год, так как минимальный прожиточный минимум на семью из пяти человек исходя из справочных цен на продукты питания, здесь составлял 294 рубля ([ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 491. Л. 1-14](#)).

Второй критерий – величина капитала – находился в зависимости от величины производственных затрат. В среднем прибыль мелких заведений составляла около 15 % от затрат. Поэтому минимальная величина капитала, которая обеспечивала бы годовую прибыль более, чем в 300 рублей должна была составлять примерно 4,5 тыс. рублей. Учитывая, что многие капиталистические предприятия того времени отличались нестабильностью производственных затрат и прибыли, величина капитала в 4,5 тыс. рублей не всегда могла свидетельствовать о наличии капиталистического производства. Поэтому некоторые ученые подобные заведения относили к «промежуточным» и только предприятия с объемом производства свыше 6 тыс. рублей в год обозначали как капиталистические ([Сметанин, 2002: 110-111](#)).

Третий критерий – число наемных рабочих. Принято считать, что, если на предприятии было занято от 8 до 15 человек, то оно считалось капиталистическим. Но следует заметить, что данный показатель был экономически ненадежным, так как он сильно зависел от отрасли производства. Например, на табачных предприятиях было незначительное число рабочих. Здесь вся работа сводилась к резке и фасовке табака, которую могли выполнять несколько человек. Противоположно им, в стекольном производстве требовалось большое число рабочих рук. Следует учитывать и тот факт, что в то время большинство промышленных заведений имело сезонную направленность. Они работали только часть года, поэтому численность рабочих могла являться лишь второстепенным подтверждением наличия капиталистического способа производства, главным оставался сам факт появления наемной рабочей силы на предприятиях.

В Центральном Черноземье мелкие предприятия, выросшие из кустарных крестьянских промыслов, появлялись преимущественно в сфере обработки сельскохозяйственного сырья растительного происхождения. Причем большинство из них не являлись однозначно капиталистическими, не дотягивая до указанных параметров. Исключением были лишь предприятия кирпичной и мыловаренной отраслей промысловой деятельности крестьян, капитализировавшиеся в регионе в первую очередь. Они отличались механизацией производственного процесса. На мыловаренных и кирпичных заводах устанавливали паровые машины и котлы, сушилки с механическими транспортерами ([ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7863. Л. 1-4 об.](#)). В качестве примеров можно указать завод огнеупорного кирпича в селе Девица Воронежского уезда Воронежской губернии Е.И. Иванова, мыловаренные кустарные предприятия Бобровского уезда Воронежской губернии, владельцами которых были А.Г. Аносов, Н.П. Кашин, Ф.К. Маевский. Последний, из которых достиг наивысших показателей доходности по всему Бобровскому уезду. Установив на своем предприятии два котла для салотопления, он зарабатывал 423 рубля 25 копеек в месяц ([ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 6873. Л. 1-7 об.](#) [ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 5707. Л. 1-1 об.](#) [ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 5701. Л. 1-11 об.](#) [ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 6872. Л. 1-8 об.](#)).

Под воздействием форсированной индустриализации и капитализации страны, механизация производственного процесса стала проникать и в другие отрасли кустарно-промысловой деятельности крестьян. Пытаясь адаптироваться к новым веяниям и противостоять конкуренции развивавшегося фабрично-заводского производства, кустари стремились к техническому усовершенствованию своих предприятий. Например, незначительные технические улучшения наблюдались в сельскохозяйственных технических заведениях кустарей Белгородского уезда Курской губернии, таких как крупчатные механические паровые заведения В.Ф. Голевой и А.И. Турченко ([ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 13-14](#)). Также токарный станок появился и в мастерской по изготовлению и усовершенствованию земледельческих орудий в Тамбовской губернии ([Алов, 1900: 82](#)).

В целом техническое переоборудование мелких предприятий кустарей в Центральном Черноземье происходило медленно и в ограниченных масштабах. Так, указанный токарный станок был установлен всего лишь в одной из двенадцати мастерских Тамбовской губернии. И, тем не менее, уже сам факт установки подобного оборудования является свидетельством явного прогресса в кустарном производстве, в котором стали появляться капиталистические предприятия.

В регионе они регистрировались в качестве крестьянских промышленных заведений, располагавшихся в специальных производственных помещениях. Их средняя доходность составляла менее 1 тыс. рублей в год, достигая иногда 2 тыс. рублей. Самыми популярными среди них были ветряные, водяные мельницы и маслобойни. Они располагались по всему Центральному Черноземью разрозненно, что препятствовало их точному подсчету. Однако достоверно известно, что обработка и переработка сырья растительного происхождения всегда сохраняла высокий удельный вес по сравнению с другими отраслями промысловой деятельности крестьян. Подтверждением могут служить показатели земских подсчетов, согласно которым, например, в Воронежской губернии в 1885 году он равнялся 36 %, в 1891 году – 46,9 %, а в 1897 году данный показатель составлял уже 70,8 % ([Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии, 1897: 172-174. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1905: 128-148](#)).

Независимо от отрасли производства, к концу XIX века в Центральном Черноземье происходило свертывание работы целого ряда местных кустарных предприятий. Это объяснялось усилением притока более конкурентоспособных товаров из Центрального промышленного региона и других городов России, возникшим после введения в действие ЮВЖД. Наравне с внешними обстоятельствами, свертывание работы мелких заведений крестьян обуславливалось социальным расслоением мелких товаропроизводителей.

Социальное расслоение стало усиливаться в регионе в 1890-е годы под воздействием роста и концентрации фабрично-заводской промышленности. Создававшиеся крупные предприятия, в силу более высокой производительности машинного способа производства, приводили к экспроприации мелких товаропроизводителей и стагнации отдельных видов кустарных промыслов. Например, в Курской губернии прекратили свою промысловую деятельность колесники и санники. В упадке находилось кустарное производство поясов и шапок, связанное с изменением моды на изделия из войлока, которые постепенно вытеснил городской картуз.

Подобные изменения обуславливали переход разорившихся мелких товаропроизводителей в категорию наемных или отхожих рабочих, численность которых в регионе стабильно увеличивалась в конце XIX века. Например, в Воронежской губернии в 1890 году половина бывших кустарей перешли в наемные рабочие. Так, 3 205 человек из 6 242 мелких товаропроизводителей перешли к наемной работе на различных кустарных предприятиях ([Очерки истории Воронежского края, 1961: 312-313](#)).

Условия жизни и работы кустарей в качестве наемных рабочих были тяжелыми. Они отличались большой продолжительностью рабочего дня, незначительным временем для отдыха, а также низкой оплатой их труда, которая не позволяла покрыть всех расходов. На производстве практически всегда игнорировалась техника безопасности, элементарная санитария и гигиена. Многие наемные рабочие обслуживали производственный процесс во вред своему здоровью. Некоторые из них проживали в местах своей работы, на производстве, например, спали в пекарнях. В случае проживания в квартирах хозяина, которые были тесными, маленькими и темными, условия также не отличались комфортом. Здесь рабочие, не имея отдельного специального места для сна, засыпали в любом свободном, используя в качестве постели свою одежду ([Татарчуков, 1921: 20](#)).

В качестве примера можно указать гвоздарные мастерские Темниковского уезда Тамбовской губернии. Здесь наемные кузнецы работали до 14 часов в дневное время и до 7 часов – в ночное. Без перерыва они трудились с десяти часов вечера и до пяти часов утра. После устанавливался часовой перерыв на завтрак, после которого мастера приступали к своей дневной работе. Причем продолжительность рабочего времени увеличивалась пропорционально световому дню. Летом к рабочему времени добавляли дополнительно два часа ([Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, 1883: 214](#)).

Важно заметить, что свертывание кустарной промысловой деятельности и последовавший за ней переход бывших кустарей в наемных рабочих в Центральном Черноземье сопровождался сокращением количества промышленных предприятий крестьян. В отдельных губерниях региона происходило сокращение числа крестьянских заведений в несколько раз. Так, в Воронежской губернии отмечалась пятикратное сокращение в течении последнего десятилетия XIX века, в Тамбовской губернии – трехкратное ([Список фабрик и заводов Европейской России, 1903: 75, 107, 108, 126, 127, 137, 138, 169, 170, 231, 257, 258, 322, 323, 348, 349, 397, 453. Орлов, 1894: 188–190, 197–199, 207–208, 217–220, 226, 229–234, 265, 266, 276, 277, 287, 302–306, 335, 336, 360–366, 422, 423, 436, 437](#)).

Причем одновременно с сокращением, происходило увеличение показателей производительности мелких крестьянских предприятий, что в свою очередь являлось проявлением усиления противоречивости процесса перехода кустарных промыслов к промышленному способу производства. В Центральном Черноземье регистрировалось многократное увеличение годовой выработки заведений непосредственных товаропроизводителей. Например, в Воронежской губернии отмечалось почти четырехкратное увеличение, тогда как в Тамбовской губернии – почти трехкратное ([Список фабрик и заводов Европейской России, 1903: 501–506, 670–676, 731, 750, 751. Орлов, 1894: 502, 514, 515, 525–527, 591, 599–601, 735, 747, 757](#)).

Следовательно, в условиях усиления противоречивости перехода кустарных промыслов к промышленному способу производства в конце XIX века продолжилось одновременное свертывание

и дальнейшее развитие кустарной промышленности. Многие мелкие крестьянские промышленные предприятия закрылись. Это были те, которые так и не смогли приспособиться к новым условиям. Оставшиеся – не просто развивались, а даже увеличили показатели своей годовой производительности.

5. Заключение

Таким образом, новая система землевладения, расширение рыночных связей и строительство железных дорог повлекли за собой противоречия в развитии кустарной промышленности. Они характеризовались процессами интенсивного развития кустарной промысловой деятельности, повлекшими за собой увеличение пунктов кустарной промышленности в регионе и динамику роста промыслового населения региона. Все это сопровождалось исчезновением отдельных отраслей кустарной промышленности или сокращение темпов их развития. Так и не адаптировавшись, они превращались либо в наемных работников, либо обращались к отхожей промысловой деятельности.

Однако в этих условиях сама кустарная промышленность, несмотря на стагнацию и прекращение промысловой деятельности в отдельных ее сферах, все же сохранилась, превратившись в отдельный элемент экономики России, порождая своеобразие хозяйства определенных районов. Так, в Центральном Черноземье существовавшая сельскохозяйственная экономика дополнялась комплексом обрабатывающих и пищевых предприятий, сформированных на основе кустарного производства. А избыток дешевой рабочей силы позволял долгое время обходиться без создания крупных промышленных заводов и фабрик со значительной концентрацией капитала и квалифицированных кадров.

Литература

- [Алов, 1900](#) – Алов А.А. Кустарное производство сельскохозяйственных орудий и машин. М., 1900.
- [Анфимов, 1986](#) – Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. М., 1986.
- [Влияние урожаев и хлебных цен, 1897](#) – Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Том II. СПб., 1897.
- [Воронежский статистический ежегодник. 2014](#) – Воронежский статистический ежегодник. 2014: Стат. сборник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voronezhstat.gks.ru> (дата обращения: 05.02.2017 г.).
- [ГАБО](#) – Государственный архив Белгородской области.
- [ГАВО](#) – Государственный архив Воронежской области.
- [ГАКО](#) – Государственный архив Курской области.
- [Егоров, 2013](#) – Егоров В.Г. Становление сельскохозяйственной российской кооперации: проблемы и перспективы // *Вестник МГОУ*, 2013. №1.
- [Курская губерния, 1887](#) – Курская губерния. Итоги статистических исследований. Курск: Типография Губернского Земства, 1887.
- [Материалы высочайше утвержденной, 1903](#) – Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения средне земледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. III часть. СПб., 1903.
- [Орлов, 1894](#) – Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводской статистики / Сост. По официальным сведениям Департамента торговли и мануфактур Изд. 3-е. СПб., 1894.
- [Очерки истории Воронежского края, 1961](#) – Очерки истории Воронежского края / Под ред. Е.Г. Шуляковского. – Воронеж, 1961.
- [Первая всеобщая, 1904](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. IX. Воронежская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904.
- [Первая всеобщая, 1904а](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. СПб., 1904.
- [Первая всеобщая перепись, 1905](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / Изд. Центр. Стат. Ком. М-ва Внутр. Дел; Под ред. Н. А. Тройницкого. Спб. LXXXIV: Семипалатинская область, 1905.
- [Перепелицын, 2005](#) – Перепелицын А.В. Крестьянские промыслы в Центрально-Черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж, 2005.
- [Промышленность, 1896](#) – Промышленность. Статьи из Handwörterbuch der Statswissenschaften. Перевод с немецкого. М., 1896.
- [Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, 1883](#) – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 4. Темниковский уезд. Тамбов, 1883.
- [Свод данных о числе кустарей, 1913](#) – Свод данных о числе кустарей и ремесленников в волостях и уездах Орловской губернии по отдельному производству в 1913 году. Орел, 1913.
- [Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии, 1897](#) – Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: стат. материалы подворной переписи по губернии и Обзор материалов, способов по собиранию их и приёмов по разработке / сост. Ф. А. Щербина. Воронеж, 1897.

Сметанин, 2002 – Сметанин С.И. История предпринимательства в России. М., 2002.

Список фабрик и заводов Европейской России, 1903 – Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.

Татарчуков, 1921 – Татарчуков А.Н. Исторический очерк профессионального движения в Воронежской губернии. Ч. 1. Воронеж, 1921.

Терещенко, 2008 – Терещенко А.А. Городское ремесленное производство Центрально-Черноземного края во второй половине XIX в. // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета, 2008. № 1.

References

Alov, 1900 – Alov A.A. (1900). Kustarnoe proizvodstvo sel'skokhozyaistvennykh orudii i mashin [The handicraft production of agricultural tools and machines]. M. [in Russian]

Anfimov, 1986 – Anfimov A.M. (1986). Krest'yanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii [The peasant economy of European Russia]. M. [in Russian]

Vliyanie urozhaev i khlebnnykh tsen, 1897 – Vliyanie urozhaev i khlebnnykh tsen na nekotorye storony russkogo narodnogo khozyaistva [The influence of crops and grain prices on the certain aspects of the Russian economy]. Tom II. SPb., 1897. [in Russian]

Voronezhskii statisticheskii ezhegodnik. 2014 – Voronezhskii statisticheskii ezhegodnik [Voronezh statistical yearbook]. 2014: Stat. sbornik. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://voronezhstat.gks.ru> (data obrashcheniya: 05.02.2017 g.).

GABO – Gosudarstvennyi arkhiv Belgorodskoi oblasti [The state archive of the Belgorod region].

GAVO – Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti [The state archive of the Voronezh region].

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [The state archive of the Kursk region].

Egorov, 2013 – Egorov V.G. (2013). Stanovlenie sel'skokhozyaistvennoi rossiiskoi kooperatsii: problemy i perspektivy [The formation of agricultural cooperation in Russia: problems and prospects] // Vestnik MGOU. №1. [in Russian]

Kurskaya guberniya, 1887 – Kurskaya guberniya. Itogi statisticheskikh issledovaniy [Kursk province. The results of statistical research]. Kursk: Tipografiya Gubernskogo Zemstva, 1887 g. [in Russian]

Materialy vysochaishe utverzhdennoi, 1903 – Materialy vysochaishe utverzhdennoi 16 noyabrya 1901 g. komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya sredne zemledel'cheskikh gubernii sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii [The materials of the highest commission approved on November, 16, 1901 for the study of the movement from 1861 to 1900 of the welfare of the rural population of the medium-sized agricultural provinces compared with other areas of European Russia]. III chast'. SPb., 1903. [in Russian]

Orlov, 1894 – Orlov P.A. (1894). Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii: Materialy dlya fabrichno-zavodskoi statistiki [The index of factories and plants in European Russia: the materials for factory statistics] / Sost. Po ofitsial'nym svedeniyam Departamenta torgovli i manufaktur Izd. 3-e. SPb. [in Russian]

Ocherki istorii Voronezhskogo kraia, 1961 – Ocherki istorii Voronezhskogo kraia [The essays on the history of the Voronezh region] / Pod red. E.G. Shulyakovskogo. Voronezh, 1961. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya perepis', 1904 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. IX. Voronezhskaya guberniya [The first general census of the Russian Empire]. Tetrad' 2. SPb., 1904. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya perepis', 1904a – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. XLII. Tambovskaya guberniya [The first general census of the Russian Empire]. SPb., 1904. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya perepis', 1905 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii, 1897 g. [The first general census of the Russian Empire] / Izd. Tsentr. Stat. Kom. M-va Vnutr. Del; Pod red. N. A. Troinitskogo. Spb. LXXXIV: Semipalatinskaya oblast', 1905. [in Russian]

Perepelitsyn, 2005 – Perepelitsyn A.V. (2005). Krest'yanskie promysly v Tsentral'no-Chernozemnykh guberniyakh Rossii v poreformennyi period [The peasant crafts in the Central-Black earth provinces of Russia in the post-reform period]. Voronezh. [in Russian]

Promyshlennost', 1896 – Promyshlennost'. Stat'i iz Handwörterbuch der Statswissenschaften. Pervod s nemetskogo [The industry. The articles from Handwörterbuch der Statswissenschaften]. M., 1896. [in Russian]

Sbornik statisticheskikh svedenii, 1883 – Sbornik statisticheskikh svedenii po Tambovskoi gubernii [The collection of statistical information on the Tambov province]. T. 4. Temnikovskii uezd. Tambov, 1883. [in Russian]

Svod dannykh o chisle kustarei, 1913 – Svod dannykh o chisle kustarei i remeslennikov v volostyakh i uezdakh Orlovskoi gubernii po otдел'nym proizvodstvam v 1913 godu [The compilation of data on the number of craftsmen and artisans in the volosts and districts of the Orel province on individual industries in 1913]. Orel, 1913. [in Russian]

Svodnyi sbornik po 12 uezdam, 1897 – Svodnyi sbornik po 12 uezdam Voronezhskoi gubernii: stat. materialy podvornoj perepisi po gubernii i Obzor materialov, sposobov po sobiraniyu ikh i priemov po razrabotke [The consolidated collection on 12 districts of the Voronezh region: stat. materials of household

census in the province, and review of materials, ways of collecting them, and methods for their development] / sost. F. A. Shcherbina. Voronezh, 1897. [in Russian]

[Smetanin, 2002](#) – *Smetanin S.I.* (2002). Istoriya predprinimatel'stva v Rossii [The history of entrepreneurship in Russia]. М.

[Spisok fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii, 1903](#) – Spisok fabrik i zavodov Evropeiskoi Rossii [List of factories and plants of European Russia]. SPb., 1903. [in Russian]

[Tatarchukov, 1921](#) – *Tatarchukov A.N.* (1921). Istoricheskii ocherk professional'nogo dvizheniya v Voronezhskoi gubernii [The historical sketch of the professional movement in Voronezh province]. Ch. 1. Voronezh. [in Russian]

[Tereshchenko, 2008](#) – *Tereshchenko A.A.* (2008). Gorodskoe remeslennoe proizvodstvo Tsentral'no-Chernozemnogo kraja vo vtoroi polovine XIX v. [The urban handicraft industry of the Central-Black earth region in the second half of the XIX century]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, № 1. [in Russian]

УДК 908

Из истории становления кустарных промышленных предприятий в Центральном Черноземье (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Наталья Александровна Душкова ^а, Виктория Александровна Григорова ^{а, *}

^а Воронежский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется сложный процесс развития кустарной промышленности Центрального Черноземья России в период глобальной модернизации второй половины XIX – начала XX веков. Раскрывая его особенности, авторы выявляют его противоречивый характер. С одной стороны, трансформации способствовало расширение рыночных связей, а также строительство железных дорог. А с другой стороны, все это являлось одновременно и своеобразным тормозом. Приток на местные рынки товаров из Центрально-промышленного региона России, которые были более конкурентноспособными, приводил к свертыванию работы целого ряда кустарных предприятий.

Авторы доказали, что спецификой противоречивого перехода мелких кустарных предприятий на промышленную основу являлось формирование обрабатывающей и пищевой отраслей промышленности, что предопределило дальнейшую направленность промышленного развития региона. На современном этапе приоритет по-прежнему закреплен за развитием пищевой промышленности, которая представлена сахарной, мукомольно-крупяной, маслобойно-жировой, ликероводочной отраслями, как и прежняя кустарная обрабатывающая и перерабатывающая промышленность.

Ключевые слова: кустарная промышленность, кустари, крестьяне, Центральное Черноземье, ЮВЖД, отхожие промыслы, промышленные крестьянские предприятия.

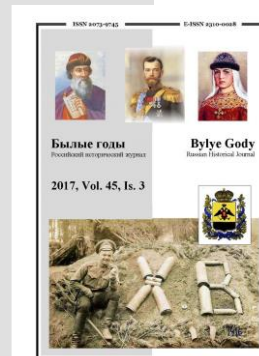
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vagrigorova@rambler.ru (В.А. Григорова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 903-914, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.903
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 381(524)

The Concept of S.M. Solovyev on the Interaction of Society and Nature and its Further Development in Historiography

Raikhan O. Sadykova ^{a, *}, Rinat T. Baigondin ^b

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Abstract

In the development of Russian historiography, the problem of the role of the natural and geographical factor in the formation of society and the state is still one of the topical subjects for research. Interest in studying the problem of the natural-geographical factor was dictated by the nature and circumstances of the development of Western European scientific thought. In these conditions, there were emerged the the concept on interaction of nature and society of S.M. Solovyov, which has made a great contribution, to Russian and world history. The ideas of S.M. Solovyov on the significant role of the natural factor in Russian history were accepted, revised and supplemented by the next generation of scientists of Russian historical thought. Based on the relevance of this topic for research, in this article, based on a study of the works of Russian researchers, the influence of the concept on interaction of society and nature of S.M. Solovyev to subsequent historians were analyzed, among which the works of Klyuchevsky, Pavlov-Silvanskii and others.

Keywords: concept, nature, society, historiography, historians, interaction, forest, steppe.

1. Введение

Важнейшей проблемой исследования научного творчества С.М. Соловьева является взаимодействие общества и природы. В статье предпринимается попытка изучения концепции С.М. Соловьева о взаимодействии общества и природы и ее влияния на последующую историографию.

Актуальность темы очевидна, потому что данная концепция С.М. Соловьева стала основой для создания различных исторических исследований. В условиях обостренного интереса к родной истории в последние годы появилось (особенно в публицистике) множество ненаучных или поверхностных взглядов. Выискиваются, иногда и специально, различные исторические «сенсации», искажаются или фальсифицируются факты.

В основе данной работы лежат труды таких исследователей, как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. При всем различии подходов к частным проблемам их отличает концептуальность мышления, глубокий анализ всего комплекса имеющихся материалов, объемный взгляд на поставленную проблему. Также его работы по истории России не потеряли актуальности и на современном этапе.

В российской историко-этнографической традиции вопрос о роли природно-географического фактора в русской истории является наиболее дискуссионным. В настоящее время за изучение проблемы взаимодействия общества и природы берутся многие исследователи. Но главной фундаментальной основой всех этих исследований является концепция С.М. Соловьева о взаимодействии общества и природы.

* Corresponding author

E-mail addresses: raikhan.sadykova@gmail.com (R. Sadykova), baron_do2o@mail.ru (R. Baigondin)

Идеи С.М. Соловьева по указанной проблематике имеют глобальное значение и по сей день. В казахстанской историографии нами так поднимается вопрос впервые. Понимание взглядов великого русского ученого дает ключ к разрешению многих обозначенных проблем.

2. Материалы и методы

Главными источниками для написания работы являлись труды самого С.М. Соловьева и ряда других российских исследователей, опубликованные в виде научных статей и монографий.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В изучении историографического аспекта концепции С.М. Соловьева был использован сравнительно-исторический метод исследования. Такой подход позволяет сопоставить главные взгляды последующих историков и выявить влияние ученого на их формирование.

В основе работы лежит анализ трудов таких русских историков, как В.О. Ключевский (Ключевский, 1989), Н.П. Павлов-Сильванский (Павлов-Сильванский, 1988), М.Н. Покровский (Покровский, 1967) и другие.

О взглядах С.М. Соловьева российскую историю писали: А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский, 1912), В.И. Пичета (Пичета, 1912), П.Н. Милуков (Милуков, 1912), Н.П. Павлов-Сильванский (Павлов-Сильванский, 1988), Н.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1941), Р.А. Киреева (Киреева, 1966), М.В. Нечкина (Нечкина, 1974), М.Г. Федорова (Федорова, 1972).

3. Обсуждение

Научно-теоретическое наследие выдающегося историка долгие годы определяло основные направления развития российской исторической науки. Оно нашло продолжение в трудах его учеников и последователей, к коим можно отнести таких выдающихся историков, как: В.О. Ключевский, Н.П. Павлов-Сильванский, К.Н. Бестужев-Рюмин и другие. Его труды анализировали и использовали общественные деятели от революционеров-демократов до марксистов. То, что произведения С.М. Соловьева до сих пор вызывают живейший интерес, подтверждается и тем, что за последние тридцать лет его собрание сочинений выдержало два издания.

К сожалению, до сегодняшнего дня научная лаборатория ученого не получила исчерпывающего освещения в историографии. Кроме немногочисленных, на наш взгляд, статей и непродолжительных экскурсов в монографиях, посвященных отдельным моментам исторического процесса, исследованию научного творчества С.М. Соловьева посвящена всего одна научная монография, написанная В.Е. Иллерецким в 1980 г. (Иллерецкий, 1980). Для сравнения отметим, что его ученику и последователю В.О. Ключевскому в данном вопросе повезло гораздо больше – кроме довольно большого числа статей, посвященных его творчеству, мы можем привести три крупных монографии: Р.А. Киреевой (Киреева, 1966), Э.Г. Чумаченко (Чумаченко, 1970), М.В. Нечкиной (Нечкина, 1974).

Таким образом, творческая мастерская С.М. Соловьева до сегодняшнего дня не стала предметом дальнейшего научного исследования. В то же время данная проблема имеет огромное значение не только в историографическом, но и в методологическом планах.

Задача данной работы заключается в том, чтобы на примере формирования взглядов на взаимодействие общества и природы, исследовать процесс формирования исторической концепции С.М. Соловьева, и проследить влияние этой концепции на последующих историков. Мы ограничили рамки исследования работ, оказавших, на наш взгляд, влияние на формирование исторической концепции С.М. Соловьева, 1851 г. – годом выхода в свет первого тома «История России с древнейших времен».

При этом считаем, что к данному периоду основные взгляды на факторы, влияющие на формирование исторического процесса, и, в частности, проблемы взаимодействия общества и природы, у Сергея Михайловича уже сложились, и в дальнейшем происходила только их дальнейшая разработка.

Для решения вопроса о влиянии идей С.М. Соловьева относительно взаимодействия общества и природы на последующих историков мы в основном ограничились концом XIX – началом XX века, так как даже краткая характеристика работ, вышедших в советское время и в 1990-е годы нашего столетия, в которых авторы так или иначе касаются трудов Сергея Михайловича, займет очень много места. Однако все эти работы исследуют только отдельные моменты исторической концепции С.М. Соловьева, интересующая же нас проблема взаимодействия общества и природы либо не анализируется вообще, либо в данных произведениях повторяются стереотипные взгляды на данную проблему.

При работе над статьей мы детально проанализировали и «Историю России», и другие работы С.М. Соловьева на предмет решения им проблемы взаимодействия общества и природы. Конечно, проделывая огромную источниковедческую работу, Сергей Михайлович не мог себе позволить пускаться в продолжительные теоретические диспуты. Ценность его «Истории России» как раз и заключается в том, что она является собранием основных источников по истории России.

Теоретико-методологическими являются только первый и тринадцатые тома многотомной «Истории России». По всей видимости, С.М. Соловьев прекрасно осознавал, что совместить две задачи – ввести в научный оборот огромное количество источников по тысячелетней истории России и провести их глубокий теоретический анализ в одном произведении довольно сложно. По этой причине в данном произведении, кроме указанных выше томов, мы очень редко встречаем теоретические рассуждения автора, а в томах, посвященных более поздней истории, в частности, послепетровской эпохе, в связи со значительным увеличением количества привлекаемых источников, они и вовсе отсутствуют.

Однако его теоретические рассуждения мы встречаем в многочисленных статьях, посвященных как истории России, так и всемирной истории. В частности, довольно много материала по интересующей нас теме взаимодействия общества и природы мы обнаружили в таких работах С.М. Соловьева как «Наблюдения над исторической жизнью народов» (Соловьев, 1996), «Начала русской земли» (Соловьев, 1995), «Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого» (Соловьев, 1995), «Древняя Россия» (Соловьев, 1995), «Исторические письма» (Соловьев, 1995), а так же в «Публичных чтениях о Петре Великом» (Соловьев, 1995), которые являются более глубоко разработанным вариантом тринадцатого, четырнадцатого и, отчасти, пятнадцатого томов «Истории России», посвященных петровской эпохе и предназначались для публичных выступлений, посвященных двухсотному юбилею Петра I. Следует отметить, что данные научные работы С.М. Соловьева, за исключением «Публичных чтений о Петре Великом», крайне редко анализировались как в российской, так и в советской историографии.

При решении вопроса о формировании исторических взглядов С.М. Соловьева и его историографических воззрений определяющими для нас явились дневниковые записи С.М. Соловьева, опубликованные после его смерти под названием «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других» (Соловьев, 1995: 529–660). Работы, носящие историографический характер, такие, как «М.Н. Карамзин и его литературная деятельность», «История государства Российского» и две статьи, посвященные Шлецеру «Август Людвиг Шлецер» и «Шлецер и антиисторическое направление» венчает его произведение «Писатели русской истории XVIII века», в которой довольно детально анализируется научное наследие А.М. Маникева, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.М. Щербатова, И.Н. Болтина и, вкратце, В.К. Тредьковского, Ф.А. Эмина и митрополита Платона.

Изучение вопроса о восприятии идей С.М. Соловьева исследователями российской истории мы начали с анализа произведений его ученика и последователя В.О. Ключевского, который воспринял и развил основные направления теории С.М. Соловьева о влиянии географического фактора на исторические процессы.

Для выяснения вопроса о том, насколько были признаны в научной общественности второй половины XIX – начала XX веков взгляды С.М. Соловьева о взаимодействии общества и природы, мы проанализировали произведения Н.П. Павлова-Сильванского и отдельные работы Г.В. Плеханова и М.Н. Покровского.

Написанная С.М. Соловьевым «История России с древнейших времен» не утратила научной актуальности и на сегодняшний день. Будучи эпохой в развитии русской историографии, труды С.М. Соловьёва определили направления развития в российской исторической школе, сформировали базу для создания многочисленных школ. Особенно важным является его концепция взаимодействия общества и истории, которая вызвала широкую полемику. Уже в первом труде главного произведения по истории России С.М. Соловьев выявил важнейшие принципы истолкования им русской истории: признание внутренних факторов – «природы страны», «природы племени» – в качестве решающих. В дальнейшем происходит углубление данной идеи и подтверждение концепции все новыми историческими фактами.

4. Результаты

С середины XIX столетия общественное мнение России вступает в рефлексивную стадию, в границах которых философы, социологи, этнографы, историки пытаются найти ответ на вопрос о причинах исключения России из общеевропейской семьи. В этих условиях появляется концепция С.М. Соловьева, в которой отражается важность взаимодействия общества и природы. С. Соловьев дал свою оценку особому положению в антропосфере славянского и вообще русского народа в частности середине XIX – начале XX века.

Для начала необходимо сказать несколько слов об исторической идее Соловьева, включающей в себя понятие об органическом, внутренне – обусловленном, едином и поступательно-прогрессивном ходе исторического развития. Как он отмечает в предисловии к первому тому «Истории России с древнейших времен»: «Не делить, не дробить Русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время» (Соловьев, 1988: 51).

Таким образом Сергей Михайлович призывает рассматривать исторический процесс во

внутренней взаимосвязи и обосновывает необходимость раскрытия исторической закономерности. И несмотря на то, что сама историческая закономерность, понималась Соловьевым идеалистически, такой взгляд на задачи исторического исследования был, конечно, прогрессом в методологии истории того времени (Иллерецкий, 1980: 67).

Наряду с действием общих для всех народов исторических законов, таких например, как прохождение единых этапов развития возрастов общества: «юности», «зрелости» и «старости», в истории каждого народа, по мнению Соловьева, проявляются и частные закономерности, зависящие от определенных объективных условий и прежде всего от окружающей среды. Таким образом, в соответствии со своим пониманием закономерностей исторического процесса Сергей Михайлович решающее значение придает, прежде всего, географическому фактору. Ярким противопоставлением природным условиям Западной и Восточной Европы он объяснял разницу истории России и стран Западной Европы.

Кроме того мы пришли к выводу, что не смотря на более чем тринадцатилетний промежуток времени прошедший между выходами первого и тринадцатого томов (как известно первый том писался с 1848 г. и увидел свет в 1851 г., а тринадцатый был опубликован в 1864 г.) данная концепция у Сергея Михайловича не претерпела существенных изменений. В других томах Соловьев все меньше и меньше освещает данную проблему – в большинстве из них мы не нашли ни одного упоминания о взаимодействии человека с окружающей средой.

Так, С.М. Соловьев полагал, что первостепенное влияние на жизнь народа оказывают три фактора: «природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают» (Соловьев, 1988: 27).

Сравнивая стартовые условия России и Западной Европы, С.М. Соловьев отмечал, что если для народов Западной Европы природа была матерью, то для народов России – мачехой. Специфической чертой природно-географических условий России С.М. Соловьев называл однообразие природных форм, влекущие за собой однообразие занятий, обычаев, верований, потребностей и средств к их удовлетворению (Чуркин, 2005: 109).

Горы разделили Западную Европу на замкнутые части и служа как бы естественными границами дали возможность строить прочные городские укрепления и замки и тем самым ограничивали внешние вторжения. Благоприятные природные условия, такие как: «...соседство моря, длинная береговая линия, ... удобство внутренних сообщений, разнообразие форм ... содействовали и разнообразию занятий, разнообразию труда, формированию сословий и т.д. Русь же напротив представляла собой огромную равнину без естественных границ – «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого до Черного и от Балтийского до Каспийского моря путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов». Но «Однообразие природных форм ведет население к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов обычаев и верований чает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают на одинаковые средства к их удовлетворению, и равнина, как бы ни было разнообразно ее население, рано или поздно станет областью одного государства» (Соловьев, 1988: 56-57). Таким образом из изложенного выше видно, что Соловьев не упрощал проблему взаимодействия общества и природы, не сводил ее к непосредственному воздействию природы на человека. По мнению природы через трудовую деятельность воздействует на человеческое общество в целом и на конкретного индивида в частности.

Рассмотрев концепцию Соловьева о взаимодействии природы и общества, можно рассмотреть его влияние на дальнейших историков.

Одним из главных исследователей, на которого повлияли взгляды С.М. Соловьева был В.О. Ключевский. Большинство исследователей научной деятельности Ключевского отмечали огромное, а иногда и определяющее влияние С.М. Соловьева на формирование его исторических взглядов. Главный спор возникал при изучении характера этого влияния: личностный или через научные произведения.

В сознании современников С.М. Соловьев и В.О. Ключевский занимают воображение, как два неразрывно связанных деятеля, учитель и ученик, начинатель и продолжатель...» (Любавский, 1912: 45). Не отрицал влияния Соловьева и сам Ключевский; об этом свидетельствуют хотя бы его статьи, посвященные С.М. Соловьеву, об этом говорят и его высказывания в кругу близких, друзей и студентов (Ключевский, 1989).

Так, историк М.М. Богословский отмечает: «Раз, на одной из лекций, которую мне довелось слушать на студенческой скамье в конце 80-х годов, Василий Осипович, отсылая нас по какому-то вопросу, которого он не успел за недостатком времени развить в своем чтении, к большой истории Соловьева, сказал: «Там вы найдете те же взгляды; я передаю вам то, что получил от Соловьева; я – ученик Соловьева, вот все, чем я могу гордиться, как ученый» и надо было слышать с какой гордостью произнеслось при этом имя Соловьева» (Богословский, 1912: 31).

В.О. Ключевский, в частности утверждал, что Россия не разделяет выгодных природных особенностей Европы: разнообразия форм поверхности и извилистого очертания морских берегов. Повторив во многом выводы своего выдающегося предшественника о неблагоприятном природно-

географическом контексте для становления русской национальной культуры, В.О. Ключевский пришел к важному заключению о «запаздывающем» характере ее развития. В этом аспекте исторические воззрения В.О. Ключевского соприкасались с теорией Н.Я. Данилевского в 60-е годы XIX столетия о принадлежности России и всего славянского мира к особому культурно-историческому типу, имеющему в своем развитии все задатки для создания самостоятельной цивилизации. Симптоматично, что Данилевский задолго до Ключевского определял славян как «молодую нацию», сравнительно недавно вступившую на поприще историко-государственной деятельности. Ключевский считал, что «в эпоху великого переселения народов славяне с первых своих шагов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем непохожей на ту, в какую несколько раньше попали их арийские родичи... Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных ими римлян или романизированных провинциалов павшей империи» (Ключевский, 1987: 28).

Н.Я. Данилевский сформулировал теорию культурно-исторических типов как антитезу универсалистским концепциям истории, которые носили ярко выраженный европоцентристский характер. В основе европоцентризма лежала рационалистическая теория прогресса с ее трактовкой истории как одномерного линейного процесса. Европоцентризм выражался в отождествлении судеб человечества с судьбами западноевропейской цивилизации. Главное возражение Н.Я. Данилевского против европоцентризма заключалось в том, что этот подход не давал объяснения ни истории России, ни истории народов Востока, истории Евразии. Он превращал их в приложение к европейской истории.

Н. Данилевский в своих трудах с геополитической точки зрения, и в историческом ракурсе противопоставил Россию и Европу, задаваясь вопросом «Почему Европа враждебна России?»: «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д. – материалом. Европа видит поэтому Россию в Руси и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» (Данилевский, 1991: 50-51).

Но это не означает что, Ключевский соглашался во всем с Соловьевым. О расхождении взглядов С.М. Соловьева и В.О. Ключевского по вопросам российской истории писали А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Пичета, также П.Н. Милуков, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.Л. Рубинштейн, Р.А. Киреева, М.В. Нечкина. Так к примеру, М.Г.Федоров утверждали, что Ключевский развил и углубил научные направления, обозначенные Соловьевым.

Наиболее глубокое расхождение и в личных отношениях, и в исторических концепциях между Соловьевым и Ключевским отмечал В.И. Пичета. Он утверждал, что расхождения между Соловьевым и Ключевским начались, чуть ли не со студенческой скамьи, а в своих исследованиях последний шел самобытно «резко порвав идейную нить, связывающую его с историко-юридической школой» ярким представителем которой являлся С.М. Соловьев (Пичета, 1912).

А.С. Лаппо-Данилевский, анализируя взгляды Ключевского, отмечал, что «Ключевский во многом разошелся с Соловьевым, и прежде всего в исходных положениях, а не - только в «последних выводах»: он исходил из другой социологической оценки исторических фактов и иначе строил исторический процесс». Однако ниже мы читаем, что социологическая точка зрения не чужда и С.М. Соловьеву, и В.О. Ключевскому. Еще далее мы встречаем уже более осторожное упоминание – что в понимании «процессов», образующих историю, Ключевский несколько разошелся с Соловьевым «и даже» пополнил схему принятую С.М. Соловьевым? Так же Лаппо-Данилевский отмечает, что в решении многих вопросов Ключевский следовал за Соловьевым. Так «по примеру Соловьева исходя из мысли о «связи явлений», он стремился комбинировать свою социологическую точку зрения с собственно исторической и, подобно С.М. Соловьеву, но с большей последовательностью оттенял «своеобразие» русской истории» (Лаппо-Данилевский, 1912: 103-106). Таким образом, анализ замечаний об абсолютной самостоятельности Ключевского от Соловьева не выдерживает критики.

Более точными, на наш взгляд, являются суждения о преемственности, или даже продолжения развития исторической концепции Сергей Михайловича его учеником Ключевским. Так П.И. Милуков, отмечая влияние, оказанное «Историей России» Соловьева на формирование исторических взглядов Василия Осиповича, отмечал, что «влияние это было огромное» и далее – можно сказать только, что «История» Соловьева была общей канвой, по которой работал Ключевский» (Милуков, 1912: 197).

Указывая на некоторые расхождения во взглядах двух ученых на удельный период, И.П. Павлов-Сильванский отмечает, что Ключевский разноречит Соловьеву, однако ниже признает, что «в древнейшем периоде он видит одинаково с Соловьевым». И, даже рассматривая феодальные основы удельного порядка, Ключевский «... не окончательно порвал еще с наблюдениями Соловьева» (Павлов-Сильванский, 1988: 30-33).

Н.Л. Рубинштейн также отмечает большую зависимость исторической концепции Ключевского от Соловьева. Так он отмечает, что Ключевский «...шел за государственной теорией Соловьева-

Чичерина в общих контурах своей схемы и в трактовке основных ее вопросов: такова яркая характеристика вотчинного строя в «Боярской Думе» и во втором томе «Курса русской истории»; такова в известной мере и трактовка возвышения Москвы; от Соловьева шел Ключевский и в общей трактовке деятельности Петра Великого. В этом смысле продолжением школы Соловьева является в известной мере и вся школа Ключевского» (Рубинштейн, 1941: 341). И далее: «решающим для Ключевского остается влияние Соловьева и Чичерина. Все упоминания о них свидетельствуют об этой внутренней идеологической близости» (Рубинштейн, 1941: 447).

В своем исследовании, посвященном вкладу В.О. Ключевского в развитие российской историографии, Р.А. Киреева также неоднократно отмечает преемственность взглядов на ход формирования и развития российской исторической науки. Так, «...если сравнить перечень историков, творчество которых изучали, например, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, то имена там и тут почти совпадают ...» (Киреева, 1966: 27). Но совпадает не только сам перечень историков совпадают и взгляды на труды данных историков. Так, совпадают взгляды на «Ядро Российской истории» А.И. Манкеева, на «Историю Российскую с самых древнейших времен» В.Н. Татищева, на вклад М.В. Ломоносова в историческую науку и т.д. (Киреева, 1966: 90, 98, 104)

М.В. Нечкина в своей монографии, посвященной В.О. Ключевскому, так же отмечает огромное влияние и самого Сергей Михайловича, и его научных работ, прежде всего «Истории России...», на формирование исторической концепции Ключевского. Она отмечает, что «при всех индивидуальных особенностях раннего курса Ключевского в его изложении пока явно превалирует концепция С.М. Соловьева: период родовых отношений в государстве – главная ось истории» (Нечкина, 1974: 251).

Следует отметить, что анализу исторических концепций российских историков довольно большое место в своем творчестве уделит Г.В. Плеханов. В частности, в своем крупном произведении «История русской общественной мысли» (Плеханов, 1925–1926) он довольно детально проанализировал исторические взгляды и С.М. Соловьева, и В.О. Ключевского. Причем, интересно отметить, что в анализе он не придерживается хронологических рамок, а сначала рассматривает взгляды Н.П. Павлова-Сильванского, затем В.О. Ключевского и только после С.М. Соловьева. Анализ Г.В. Плехановым исторической концепции С.М. Соловьева мы рассмотрим ниже. В данный момент нас интересует вопрос о преемственности В.О. Ключевским взглядов С.М. Соловьева. На данный вопрос отвечает, на наш взгляд, уже само построение сочинения - Плеханов видел большую связь Ключевского с Павловым-Сильванским чем с Соловьевым. Подтверждение этому мы находим и на страницах работы. Отмечая, что «подобно Павлову-Сильванскому, проф. Ключевский ограничивается односторонним, – завещанным эпохой тридцатых и сороковых годов прошлого века, – сравнением России с Западом» (Плеханов, 1925: 14), Плеханов нигде не видит связи Ключевского и Соловьева, так же как и не рассматривает вопрос о взаимодействии общества и природы в произведениях В.О. Ключевского. Хотя анализу данного вопроса в произведениях С.М. Соловьева Плеханов уделяет довольно много места.

Итак, как мы установили, в произведениях, приведенных выше, нет упоминания о влиянии идеи взаимодействия общества и природы, разработанной С.М. Соловьевым, на В.О. Ключевского. Исключение составляет монография М.Г. Федорова «Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму». В данной работе автор уделит немало места анализу проблемы в произведениях и С.М. Соловьева, и В.О. Ключевского. В частности, он приходит к следующему выводу: «что касается русской природы, то высказывания Ключевского о ее влиянии на историю народа отличаются оригинальностью. В отличие от Соловьева (линию которого Ключевский развивает в главном) автор «Курса русской истории» поэтизирует русскую природу, раскрывает ее красоту художественно, монументально, с большим лирическим чувством и не дает особых перед ней преимуществ природе Западной Европы с точки зрения потребностей практических действий человека» (Федорова, 1972: 31).

В предисловии к девятитомному собранию сочинений В.О. Ключевского данной проблеме также уделено некоторое, весьма незначительное (всего десять строчек) место. В частности, там отмечается: «...своеобразие развития В.О. Ключевским тезиса о влиянии природы на историю заключалось в следующем: если С.М. Соловьев рассматривал значение природы как фактор, неизменно влияющий на «ход событий», то Ключевский эту взаимосвязь рассматривал в ракурсе борьбы трудовой деятельности человека с природой» (Александров, Янин, 1987: 26). Ниже мы рассмотрим, соответствует ли данное утверждение действительности, т.е., рассмотрим вопрос о концепции взаимодействия общества и природы В.О. Ключевского и ее взаимосвязь с концепцией С.М. Соловьева.

Если следовать хронологии, то начать анализ следует с исследования Василия Осиповича – «Сказания иностранцев о Московском государстве» – его первого научного сочинения. Написана данная работа была в 1864–1865 академическом году в качестве «кандидатского сочинения», успешно защищена и вышла отдельной книгой в 1866 году. К сожалению, этот интереснейший труд был после этого опубликован лишь дважды: в 1916 и 1918 годах. Не вошел он и в собрания сочинений Ключевского, выходявших в 1956–1959 и 1987–1990 годов. Только в 1991 году это исследование вышло отдельной книгой.

В данном произведении Василий Осипович небольшую главу посвятил интересующей нас

проблеме взаимодействия общества и природы. Причем сообщения иностранцев Ключевский практически не комментирует. Глава носит название «Вид страны и ее климат» и из собственных, немногочисленных в данном произведении, мыслей Ключевского мы приведем только одно высказывание: «факты внешней материальной жизни доступнее точному наблюдению; обсуждение их составляет меньше простора личным симпатиям и антипатиям, сильно сдерживает привычку мерять явления чужой жизни своими домашними понятиями» (Ключевский, 1991: 131). Кроме данного, напрямую не относящегося к проблеме взаимодействия общества и природы, высказывания мы нашли только два упоминания о природе Московского государства: в главе «Народонаселение» и «Торговля». Однако это просто перечисления географических особенностей, подмеченных иностранцами и собранных Ключевским. Единственный вопрос, по которому Василий Осипович пускается здесь в непродолжительное рассуждение – это вопрос колонизации. Критикуя рассуждение Флетчера о распределении земли он в частности отмечает, что колонизация тогда еще продолжалась и даже, можно думать, в больших размерах, чем прежде, доставляя правительству новые пространства земли, постепенно, хотя и медленно, населявшиеся... (Ключевский, 1991: 83).

Далее приводятся сообщения иностранцев о малонаселенности России, он отмечает, что кроме войн и нападения степных кочевников Евразии «... была еще другая причина, не замеченная, по крайней мере, ясно не указанная, ни Поссевидом, ни Коллинсом, ни другими иностранцами, которые издавна, но преимущественно со второй половины XVI в. мешала умножению населения во внутренних областях государства; эта причина – колонизация. На долю Московского государства выпала тяжелая задача – дать историю обширным глухим пространством, простиравшимся на север, северо-восток и юго-восток от него» (Ключевский, 1991: 150). Таким образом, здесь можно увидеть влияние идеи Соловьева о России, как стране колонизируемой и колонизирующей.

Наиболее полно и разработано свою теорию взаимодействия общества и природы В.О. Ключевский представил в «Курсе русской истории», являющимся итоговым трудом его жизни. Данной проблеме он уделяет полностью две лекции, а именно третью и четвертую. Хотя и в предыдущих лекциях он касается проблемы общества и природы. В частности, раскрывая вопрос о факторах развития человеческого общества, он отмечает: «...человеческая личность, людское общество и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие» (Ключевский, 1987: 40). Если сравним с соловьевскими «природой страны», «природой племени» и «соседними племенами», то сразу увидим, что без изменения в концепции Ключевского осталась лишь влияние окружающей среды на развитие исторического процесса.

Прежде всего, обращает на себя внимание концепция колонизации. «История России – отмечает В.О. Ключевский – есть история страны, которая колонизируется», причем «область колонизации в ней расширяется вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» (Ключевский, 1987: 50). Созвучность с теорией Соловьева очевидна. Однако Ключевский пошел еще дальше – с колонизацией он связал и периодизацию русской истории разделив периоды «...по областям равнины, в которых сосредоточивалась в разные времена главная масса русского народонаселения: 1) днепровский, 2) верхневолжский, 3) великорусский, 4) всероссийский» (Ключевский, 1987: 53).

Как видим, Ключевский значительно развил идею Соловьева о роли колонизации в истории Российского государства. Полностью разделяет он и тезис Соловьева о том, что для России природа была мачехой, а для Западной Европы – матерью. Правда и эту идею он значительно обогатил, дополнив ее современными географическими данными. Он считает, что «две географические особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: это, во-первых, разнообразие форм поверхности и, во-вторых, чрезвычайно извилистое очертание морских берегов», а «Россия ...не разделяет этих выгодных природных особенностей Европы, или говоря точнее, разделяет их в одинаковой степени с Азией» (Ключевский, 1987: 64).

Не так часто, как Соловьев, но довольно аргументировано повторяет Ключевский тезисы о равнинном характере территории России и об отсутствии гор, как защиты от природных катаклизмов. Очень поэтическое сравнение делает Ключевский, сравнивая столкновения воздушных потоков из Евразии военными столкновениями – «эта воздушная борьба Азии с Европой в пределах нашей равнины невольно напоминает те давние исторические времена, когда Россия служила ареной борьбы азиатских народов с европейскими» (Ключевский, 1987: 68).

Данные высказывания позволяют Ключевскому сделать довольно смелый для своего времени вывод: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» (Ключевский, 1987: 65).

Еще в двух вопросах Ключевский во всем следует за Соловьевым: в вопросе взаимодействии леса со степью и роли рек в российской истории. В частности он отмечал, что «степь вторгалась в эту жизнь только злыми эпизодами, татарскими нашествиями да казацкими бунтами». Лес же «...служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки» (Ключевский, 1987: 83).

Ученый В.О. Ключевский пошел значительно дальше Соловьева в вопросе воздействия

человека на природу. Он довольно детально разработал вопрос о воздействии человека на лес. Ключевский более конкретно объяснил процесс взаимодействия человека с окружающей природой: «рассматривая влияние природы на человека, надобно видеть и действие человека на природу: в этом действии также обнаруживаются некоторые особенности последней. Культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности ... иначе природа станет в противречие сама с собой и будет противодействовать видам человека, одной рукой разрушая то, что создала другой, и географические условия, сами по себе благоприятные для культуры, при непосредственном с ними обращении человека могут превратиться в помехи народному благосостоянию». Таким образом, воздействия человека могут носить как позитивный характер – при осушении болот или борьбой с оврагами и сыпучими песками, так и негативный – при вырубке лесов в верховьях рек.

Интересен, на наш взгляд, и анализ исторического развития Каспийского и Аральского морей. В частности, Ключевский пророчески предвидел экологический кризис сегодняшнего дня и, предупреждая о хрупкости данных морских систем, отмечал, что «Каспийское море вместе с Аральским, некогда составлявшим, вероятно, одно с ним целое, продолжает убывать и доселе» (Ключевский, 1987: 70).

В своей работе «Феодализм в древней Руси» Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908) также уделил место анализу исторической концепции С.М. Соловьева. Здесь следует напомнить, что Павлов-Сильванский одним из первых среди историков положительно решил вопрос о схожести исторических процессов на Руси и в Западной Европе в период феодализма и особенно в период феодальной раздробленности. До него считалось, что как такой феодальной раздробленности на Руси не было, а существовал удельный период, который по многим параметрам отличается от феодальной раздробленности Запада.

В работе «Феодализм в древней Руси» Н.П. Павлов-Сильванский довольно детально разбирает некоторые моменты теории Соловьева. В частности, приводя довольно обширные цитаты из «Истории» Соловьева, он рассматривает и теорию Соловьева о том, что природа для Западной Европы была мать, а для Восточной – мачеха, и роль географических условий в различии племен проживающих в Восточной и Западной Европе, и малонаселенность России, в отличие от Западной Европы.

Довольно детально рассматривал он и антитезу между историей России и историей Запада, получившей новое развитие в трудах Соловьева и которая «...жива до сих пор в трудах новых наших историков; в иной формулировке она повторяется и Ключевским, и Милюковым» (Павлов-Сильванский, 1988: 18). С данной постановкой вопроса Павлов-Сильванский не согласен и считает ее глубоко ошибочной отмечая, что «...Соловьев, с одной стороны, преувеличивал до фантастических размеров подвижность древней Руси, бродяжничество ее населения ... с другой стороны, в отношении западного средневековья крайне преувеличивал, перенося черты позднейшей эпохи на более раннюю, оседлость населения, «прочность, определенность» отношений на Западе в средние века» (Павлов-Сильванский, 1988: 19).

Павлов-Сильванский не опровергает полностью теорию Соловьева, отмечая, что «в антитезе Соловьева есть только некоторая доля истины» и доля истины этой как раз и заключается в влиянии природы на развитие исторического процесса: «природа страны оказала свое влияние на русское историческое развитие», но она не изменила его в корне, до полной противоположности, а только ослабила проявление тех начал средневекового порядка, которые ярче выразились в истории Запада» (Павлов-Сильванский, 1988: 19).

Объясняет Павлов-Сильванский и причину некоторых ошибок Соловьева, отмечая, что «во всех сближениях порядков русского и западного средневековья много неточностей, которые теперь легко могут быть исправлены на основании новых исследований как по русской, так и по западноевропейской истории». И указывает на некоторые новые исследования и источники, которые Сергей Михайлович не использовал в своих исследованиях. В частности, он отмечает: «Соловьев говорит, что, как не вчитывался он в летопись, чтобы найти в ней указание на поземельные отношения дружинников, он не нашел в ней ничего. Мы обратились для этого не к летописи, а к писцовым книгам, разработка которых только что еще началась в то время, в 1864 г., когда Соловьев писал свой XIII том» (Павлов-Сильванский, 1988: 19).

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что в своих работах Н.П. Павлов-Сильванский использовал идеи С.М. Соловьева, касающиеся не только политической истории, но и проблемы взаимодействия общества и природы в пределах Евразии.

Немало внимания уделили анализу концепции С.М. Соловьева и Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918). Г.В. Плеханов – не историк, но его произведения носят глубокий аналитический, также и методологический характер. Его произведения представляют из себя первую попытку с марксистских позиций оценить вклад того или иного историка в процесс развития как мировой, так и российской исторической науки.

К произведениям С.М. Соловьева Плеханов обратился в своей большой работе – «История русской общественной мысли», над которой работал в течении почти пяти лет – с 1909 по 1914 годы. Главы, посвященные анализу произведений Соловьева, стоят после глав, посвященных

произведениям Павлова-Сильванского и Ключевского, но уже в предисловии он выражает свое мнение к интересующей нас проблеме. В частности, он отмечает, что «примером не вполне удовлетворительной оценки влияния географической среды на историю русского народа мне послужили соображения покойного С.М. Соловьева о том, как должна была влиять эта среда на характер нашего народа» (Плеханов 1925: 3).

Идеи С.М. Соловьева не только подвергались критике, но и некоторые из них принимались. В частности, критике подверглась идея о завоевательной сущности западного феодализма, в отличие от российского. Причем в данном случае Плеханов признавал, что «... С.М. Соловьев отдавал себе отчет в том, что завоевание далеко не объясняет всех относимых на его счет общественных явлений» (Плеханов 1925: 24). Уже в предисловии к своей работе он высказывает свой взгляд на данный вопрос – «я держусь того убеждения, что географическая обстановка влияет на характер данного народа лишь через посредство общественных отношений, принимающих тот или другой вид, в зависимости от того, замедляет или ускоряет она рост производительных сил, находящихся в распоряжении данного народа» (Плеханов 1925: 3). Через призму таких своих взглядов Плеханов смотрит и на все историческое развитие концепции взаимодействия общества и природы. Здесь необходимо привести обширную сноску с его рассуждениями. Он отмечал: «Уже некоторые древние писатели принимали в соображение влияние географической среды на общественного человека. Но они ошибались, когда им нужно было определить, каким путем географическая среда способствует возникновению того или иного другого социально-политического строя. Они считали, что «климат», физиологически действуя на индивидуумов, составляющих данное общество, вызывают у них те или другие психические предрасположения, которыми, в свою очередь, определяется общественное устройство: так климат Греции будто бы физиологически предрасполагал людей к свободным учреждениям, а климат Азии – к покорности перед монархами. Это античное учение о том, что климат определяет собой политический строй, непосредственно воздействуя на отдельных членов общества, перешло к писателям нового времени, например, к французским просветителям XVIII в. и к Боклю. Теперь его следует признать совершенно устарелым, так как теперь ясно, что «климат», т.е. географическая среда, влияет на отдельных членов общества, главным образом, – чтобы не сказать: исключительно, – через посредство Среды общественной. Свойствами географической среды определяется более или менее быстрое развитие производительных сил, а от степени развития производительных сил зависит, в последнем счете, весь строй общества, т.е. все свойства общественной среды на этих последних, считавшееся когда-то непосредственным, на самом деле оказалось лишь косвенным. И только когда это было понято людьми науки, явилась возможность научного определения роли географического «момента» в ходе развития общественных отношений.

Именно в этом ключе критикуется и идея С.М. Соловьева, в частности «его соображения, – в конце первой главы первого тома, – о влиянии природы на народный характер очень поверхностны и и на самом деле ничего не объясняют. Здесь Плеханов не согласен с ним отмечая, что «взаимные отношения полов определяются ходом развития семейных отношений, которые зависят от экономики страны, а не от географии» (Плеханов, 1925: 29).

В заключение в вопросе о влиянии идеи взаимодействия общества и природы С.М. Соловьева на Плеханова можно подвести итог словами самого Плеханова: «предыдущее изложение, надеюсь, достаточно показало читателю, в какой мере может быть признана правильной та мысль Соловьева, что ход событий постоянно подчинялся у нас, как и везде, природным условиям... объясняется своеобразием той географической среды, в которой пришлось жить и действовать русскому народу» – и что «ее влияние было чрезвычайно велико» (Плеханов, 1925: 100).

Не менее интересен и анализ исторической концепции Соловьева, сделанный М.Н. Покровским (1868–1932). Фигура Покровского в российской историографии неоднозначна: с одной стороны, он – первый крупный историк, вставший на путь марксизма и в первые годы советской власти являвшийся одним из виднейших идеологов новой власти, с другой – ученый, так и оставшийся во многом на позициях тех «буржуазных» наук, которые сам же критиковал, так и не принявший многих марксистских теорий.

Анализируя работу М.Н. Покровского «Борьба классов и русская историческая литература», можно обнаружить отсутствие резко-критических замечаний в сторону Соловьева. Наоборот, он описывает его с положительной стороны, отмечая: «Соловьев безусловно есть величайший русский историк XIX столетия. Его отличительной чертой среди русских историков, прежде всего, является громадная историческая образованность, тогда как русские историки в истории других стран обыкновенно бывали большими невеждами» (Покровский, 1967: 320).

Довольно детально была подвергнута анализу Покровским теория Соловьева о борьбе «леса со степью». Приведя обширные выдержки из двух статей Соловьева («Древняя Россия» и «Начала русской земли»), он делает любопытный вывод: «...прежде всего обращают внимание хронологические даты статей: одна написана в 1856 году – год парижского мира, когда кончилась Восточная война Николая I – Крымская война. Что же из себя представляет 1877 год, который стоит на второй статье? Это год второй Восточной войны, которую вел Александр II. Эти две статьи, где так четко формулирована борьба леса со степью, хронологически связаны с двумя турецкими войнами...» (Покровский 1967: 320). Покровский рассматривает Соловьева как представителя буржуазного

направления в историографии, что является неправильным.

Таким образом, мы можем отметить что, он с глубоким уважением относился к С.М. Соловьеву и использовал его произведения для подтверждения своих исторических взглядов. Некоторые вопросы, такие как борьба леса со степью и роль казачества в российской истории, критиковались Покровским, но критика доставалась не Соловьеву, а его последователям.

Попытка выхода за рамки политического детерминизма в отношении природно-географического фактора была предпринята в первой четверти XX столетия теоретиками «евразийства» и нашла выражение в публицистической и научной деятельности П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкого, Г.Ф. Флоровского и др. пытавшихся обосновать особый путь и особую историческую миссию России, высказав сомнения в ее принадлежности к европейской цивилизации (Чуркин 2005: 109). Таким образом концепция С.М. Соловьева повлияла в дальнейшем и на «евразийцев».

5. Заключение

Вышеизложенное позволяет нам прийти к следующим выводам. Научная значимость произведений С.М. Соловьева и особенно его «Истории России» сохранилась до сегодняшнего дня. Особенно возрастает актуальность проблемы взаимодействия общества и природы в условиях XXI в.

В своих произведениях он неоднократно отмечал воздействие природы на человека, его психику, военное искусство, религию, экономику. Причем воздействие это, согласно его концепции, носило непосредственный характер. Показательно и то, что природный характер он поставил на первое место среди факторов определяющих развитие человеческого общества. К проблемам поставленным С.М. Соловьевым относятся: теория борьбы «леса» со степью, влияние окружающей среды на формирование системы адекватного поведения человека и в конечном итоге на формирование его психотипа, теория о России как о стране колонизируемой и колонизирующей. Следует отметить и то, что автор признавал тот факт, что с течением времени, с развитием человеческого общества непосредственное влияние природных факторов на человека резко сокращается.

Кроме того С.М. Соловьев является одним из первых исследователей истории человечества, проанализировавших влияние человека на природу. Следует отметить тот факт, что он никогда не отрывал историю России от общемирового исторического процесса, а всю разницу в развитии объяснял особенностями природных условий. Это имеет важное замечание и для исторических исследований на пространстве СНГ в целом.

Среди последователей не только воспринявших, но и значительно дополнивших и обогативших научное наследие С.М. Соловьева прежде всего следует отметить В.О. Ключевского, который воспринял и далее развил концепцию взаимодействия общества и природы.

Исследователь Н.П. Павлов-Сильванский специально не заманился вопросами взаимодействия общества и природы и касался данного вопроса лишь по части историографического обзора. Так же, критикуя освещение отдельных периодов российской истории, признавали актуальность взглядов Соловьева на вопрос взаимодействия общества и природы Г.В. Плеханов и М.Н. Покровский.

Литература

Александров, Янин, 1987 – Александров В.А., Янин В.Л. Предисловие // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.1. М., 1987.

Богословский, 1912 – Богословский М.М. В.О. Ключевский как ученый / В.О. Ключевский – характеристики и воспоминания. М., 1912.

Данилевский, 1991 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

Иллерецкий, 1980 – Иллерецкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.

Киреева, 1966 – Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

Ключевский, 1989 – Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев / Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VII. М., 1989. С. 303-319.

Ключевский, 1991 – Ключевский В.О. Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1991.

Ключевский, 1987 – Ключевский В.О. Курс русской истории / Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987.

Лаппо-Данилевский, 1912 – Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского / В.О. Ключевский – характеристики и воспоминания. М., 1912.

Любавский, 1912 – Любавский М.К. Соловьев и Ключевский / В.О. Ключевский – характеристики и воспоминания. М., 1912.

Милюков, 1912 – Милюков П.Н. В.О. Ключевский / В.О. Ключевский – характеристики и воспоминания. М., 1912.

Нечкина, 1974 – Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

Павлов-Сильванский, 1988 – Павлов-Сильванский П.Н. Феодализм в России. М., 1988.

Пичета, 1912 – Пичета В.И. Исторические взгляды и методологические приемы

В.О. Ключевского / Известия общества славянской культуры. М., 1912. Т. 1. Кн. 1.

Плеханов, 1925 – *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли / Г.В. Плеханов. Сочинения. Т. XX. М.-Л., 1926.

Покровский, 1967 – *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература / Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. кн. 4. М., 1967.

Рубинштейн, 1941 – *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

Соловьев, 1988 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1, кн. 1-2.

Соловьев, 1996 – *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XVIII. М., 1995.

Соловьев, 1995 – *Соловьев С.М.* Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого / Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1995. Кн. XVI. С. 5-42.

Соловьев, 1996 – *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов / Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1996. Кн. XVII. С. 5-202.

Соловьев, 1995 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1995. Кн. XVII. С. 705-744.

Федорова, 1972 – *Федорова М.Г.* Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск, 1972.

Чумаченко, 1970 – *Чумаченко Э.Г.* В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970.

Чуркин, 2005 – *Чуркин М.К.* Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета.* 2005. 289: 108-112.

References

Aleksandrov, Yanin, 1987 – *Aleksandrov V.A., Yanin V.L.* (1987). Predislovie [**Foreword**] / Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomah. T. 1. M. [in Russian]

Bogoslovskij, 1912 – *Bogoslovskij M.M.* (1912). V.O. Klyuchevskij kak uchenyj [V.O. Klyuchevskii as a scientist] / V.O. Klyuchevskij – harakteristiki i vospominaniya. M. [in Russian]

Danilevskij, 1991 – *Danilevskij N.Ya.* (1991). Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. M. [in Russian]

Illeretsckii, 1980 – *Illeretsckii V.E.* (1980). Sergei Mikhailovich Solovyev [Sergei Mikhailovich Solov'ev]. M. [in Russian]

Kireeva, 1966 – *Kireeva R.A.* (1966). V.O. Klyuchevskij kak istorik russkoj istoricheskoi nauki [Klyuchevskij as a historian of russian historical science]. M. [in Russian]

Klyuchevskij, 1989 – *Klyuchevskij V.O.* (1989). Sergej Mihajlovich Solovyev [Sergei Mikhailovich Solov'ev] / Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomah. T.VII. M. С. 303-319. [in Russian]

Klyuchevskij, 1991 – *Klyuchevskij V.O.* (1991). Skazaniya inostrancev o moskovskom gosudarstve [The tales of foreigners about the moscow state]. M. [in Russian]

Klyuchevskij, 1987 – *Klyuchevskij V.O.* (1987). Kurs russkoj istorii [The course of russian history] / Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomah. T. 1. M., 1987. [in Russian]

Lappo-Danilevskij, 1912 – *Lappo-Danilevskij A.S.* (1912). Istoricheskie vzglyady V.O. Klyuchevskogo [The historical views of V.O. Klyuchevskij] / V.O. Klyuchevskij – harakteristiki i vospominaniya. M. [in Russian]

Lyubavskij, 1912 – *Lyubavskij M.K.* (1912). Solovyev i Klyuchevskij [Solov'ev and Klyuchevskii] / V.O. Klyuchevskij – harakteristiki i vospominaniya. M. [in Russian]

Milyukov, 1912 – *Milyukov P.N.* (1912). V.O. Klyuchevskij [V.O. Klyuchevskii] / V.O. Klyuchevskij – harakteristiki i vospominaniya. M. [in Russian]

Nechkina, 1974 – *Nechkina M.V.* (1974). Vasilij Osipovich Klyuchevskij. Istoriya zhizni i tvorchestva [Vasilii Osipovich Klyuchevskii. The history of the life and work]. M. [in Russian]

Pavlov-Sil'vanskij, 1988 – *Pavlov-Sil'vanskij P.N.* (1988). Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia]. M. [in Russian]

Picheta, 1912 – *Picheta V.I.* (1912). Istoricheskie vzglyady i metodologicheskie priemy V.O. Klyuchevskogo [Historical views and methodological methods of V.O. Klyuchevskij]. *Izvestiya obshchestva slavyanskoj kul'tury.* M. t. 1. Kn. 1. [in Russian]

Plekhanov, 1925 – *Plekhanov G.V.* (1925). Istoriya russkoj obshchestvennoj mysli [The history of Russian social thought] / G.V. Plekhanov. Sochineniya. T. XX. M-L. [in Russian]

Pokrovskij, 1967 – *Pokrovskij M.N.* (1967). Bor'ba klassov i russkaya istoricheskaya literatura [The class struggle and the russian historical literature] / Pokrovskij M.N. Izbrannye proizvedeniya v chetyrekh knigah. Kn. 4. M. [In Russian]

Rubinshtejn, 1941 – *Rubinshtejn N.L.* (1941). Russkaya istoriografiya [The russian historiography]. M. [in Russian]

Solovyev, 1988 – *Solovyev S.M.* (1988). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [The history of Russia from the ancient times]. M. T.1, kn. 1-2. [in Russian]

Solovyev, 1995 – *Solovyev S.M.* (1995). Sochineniya v vosemandcatu knigakh [The works in 18 books]. M. Kn. XVIII. [in Russian]

Solovev, 1996 – *Solovev S.M.* (1996). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [The history of Russia since ancient times]. M. Kn. XVII. [in Russian]

Fedorova, 1972 – *Fedorova M.G.* (1972). Russkaya progressivnaya mysl' XIX v. ot geograficheskogo determinizma k istoricheskomu materializmu [The russian progressive thought of the XIX century. From the geographical determinism to the historical materialism]. Novosibirsk. [in Russian]

Chumachenko, 1970 – *Chumachenko E.G.* (1970). V.O. Klyuchevskiy – istochnikoved [V.O. Klyuchevskii – the source researcher]. M. [in Russian]

Churkin, 2005 – *Churkin M.K.* (2005). Problema roli prirodno-geograficheskogo faktora v russkoj istorii v ocenках otechestvennoj istoriografii i obshchestvenno-politicheskoj mysli vtoroj poloviny XIX–XX vv. [The problem of the role of the natural-geographical factor in russian history in the assessments of the russian historiography and socio-political thought in the second half of the 19th-20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 289: pp. 108-112. [in Russian]

УДК 381(524)

Концепция С.М. Соловьева о взаимодействии общества и природы и ее дальнейшее развитие в историографии

Райхан Оналбаевна Садыкова ^{a, *}, Ринат Байгондин Талгатович ^b

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

^b Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. В развитии российской историографии вопрос о роли природно-географического фактора на формирование общества и государства являлся одной из актуальных тем для исследования. Интерес к изучению проблемы природно-географического фактора был продиктован характером и обстоятельствами развития западно-европейской научной мысли. В этих условиях появляется концепция С.М. Соловьева взаимодействия природы и общества, которая внесла огромный вклад, как в российскую, так и мировую историческую науку. Идеи С.М. Соловьева о значимой роли природного фактора в русской истории были восприняты, переработаны и дополнены следующими поколениями ученых российской исторической мысли. Исходя из актуальности данной темы для исследования, в этой статье на основе изучения трудов российских исследователей анализируется влияние концепции С.М. Соловьева взаимодействия общества и природы на последующих историков.

Ключевые слова: концепция, природа, общество, историография, историки.

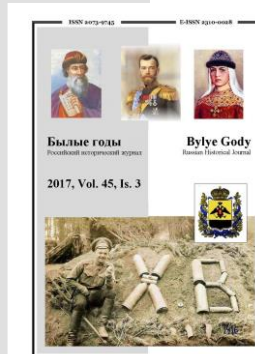
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: raikhan.sadykova@gmail.com (Р.О. Садыкова), baron_do2o@mail.ru (Р.Б. Талгатович)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 915-927, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.915
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+481)(045)

Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900

Konstantin S. Zaikov^{a, *}, Aleksandr M. Tamitskiy^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article addresses the little known chapters in the history of the Northern Frontier, namely the Russian-Norwegian borderland, touching upon the role of the Lapp crafts in the history of Russian-Norwegian relations in the period between 1855 and 1900, therewith considering the influence of the «flexible» Russian-Norwegian border's symbolic space on the evolvement and development of such relations. The authors demonstrate how minor fishing and herding exercised by a few dozen Russian Sami people in Norway shaped the image of the «Russian threat». Beginning from the 1850s, this circumstance paired with the issue of Finnish migrants urged regional authorities towards implementation of measures aimed at the frontier consolidation with Finnmark, also known as the Norwegization politics followed by promotion through the diplomatic channels of the idea to eliminate the Sami servitudes.

Russian general public as well as regional and imperial officials responded to the Norwegian policy by means of nation-wide symbolic and political justification of the «flexible borders» that existed in the first half of the 19th century, specifically via recognition of the old borderline passing Veres Navolok as the true border; disapproval of the 1825-1826 demarcation; and pleading to readdress the 1828 matter on reconsidering the borderline in order to protect the livelihood rights of the Russian Lapps in Sweden and Norway.

Thus, Swedish-Norwegian border policy focused on driving the Pasvick River Sami away from their traditional lands, along with a dynamic Norwegian colonization of the Western Murman contributed to the image of the "Russian threat" and gradual securitization of the Lapp Crafts in Russia at the turn of the 20th century.

Keywords: Finnmark, Western Murman, Russian-Norwegian borderland, Sami, Lapp crafts.

1. Введение

Российско-норвежская граница появилась на политико-географическом пространстве крайнего севера Европы лишь в 1826 году после более чем пятивекового межгосударственного спора за право исключительного владения территориями Северного Фронтiera (Goldin et al., 2015: 522-523)¹.

Рубежи, разделившие последний фронтир Фенноскандинавии, были установлены благодаря обоюдным устремлениям центральных властей Объединенного королевства Швеции и Норвегии и Российской империи положить конец промысловым конфликтам между своими подданными,

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K. S. Zaikov), a.tamitskiy@gmail.com (A. M. Tamitskiy)

¹ Современная территория норвежско-финского, российско-финского и российско-норвежского пограничья, на котором в XVIII – начале XX вв. располагались земли (сиййт / погостов) коренного населения саами, в том числе земли восточной группы саами (скольтов) вдоль р. Нявдема (по-норвежски – Нейден), р. Паз/Паесь (по-норвежски – Пасви́г) и р. Печенга (по-норвежски – Пейсен) входивших в состав Кольского уезда Архангельской губернии. По российским источникам данные территории именовались «дводеданные погосты», в норвежских источниках известны как «общие округа» (Goldin, 2015: 522-523; Goldin, 2015a: 851).

проживавшими в пределах спорного пространства, в угоду сохранения сложившегося между странами стратегического баланса и союза в конце эпохи Наполеоновских войн (Zaikov, 2016a: 1169).

Несмотря на формально прозаичный повод для установления политической границы, пограничная Конвенция 1826 года существенно изменила геополитическую картину региона и роль пограничья в российско-норвежских отношениях. С приобретением новых территорий Швеция-Норвегия стали еще более настороженно относиться к русскому соседству. Парадоксально, что неожиданно выгодный для Норвегии в составе Швеции результат разграничения сформировал условия для культивации идей о «русской угрозе», популярных в Швеции – Норвегии со второй трети XIX в. (Zaikov, 2010: 34-38). Значение бывших «общих округов» в выстраивании внешнеполитической деятельности и внутренней политики Королевства только усилилось.

В России договор на долгие годы расколол позиции региональной общественности и центральной власти. Первые стали еще более пристально следить за хозяйственной деятельностью норвежцев. В их понимании граница 1826 г. стала результатом тайной конспирации Норвегии, имевшей виды на русские земли, утраченные из-за попустительства отдельных чиновников (Zaikov, 2016a: 1164-1165; Зайков, 2012: 116-117). Договор 1826 г. стал поводом для появления и распространения на Русском Севере идеи о «норвежской угрозе».

Очевидно, что политико-географические, или «жесткие границы» 1826 года не соответствовали контурам символических, т.е. «гибких границ» России и Швеции-Норвегии. Ключевым спорным моментом Конвенции 1826 года был вопрос о промысловых правах русских приграничных лопарей – саами (скольты) на территории Швеции-Норвегии. Дело в том, что часть территорий их погостов, где располагались районы традиционного промысла (рыбной ловли, пастьбы овец и оленей) по итогам разграничения были уступлены Швеции-Норвегии. Согласно дополнительному протоколу 1834 года скольты сохранили только право семузьего промысла в бывших своих промысловых угодьях – семужьих тонях, отошедших к Швеции-Норвегии. Этот сервитут, который приобрела Швеция-Норвегия вместе с пограничным договором 1826 года, тяготил норвежскую сторону и в дальнейшем стал предпосылкой возникновения проблемы так называемых «лопарских промыслов» в истории российско-норвежско/шведских отношений второй половины XIX – начала XX вв. (Карелин, Зайков, 2016).

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), Государственном архиве г. Тромсе (Норвегия), Архиве Института Гувера (США), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

Изучение архитектуры «мягких границ» Швеции-Норвегии и России на крайнем севере включало исследование и контекстуальный анализ комплекса локальных и региональных источников о хозяйственных спорах в пограничье между российскими и шведско-норвежскими подданными, рапортов и отчетов о трансграничных отношениях окружных/губернских чиновников Финнмарской и Архангельской губерний, а также периодической печати и отдельных работ современников описываемого периода, которые в комплексе позволяют идентифицировать символическое пространство российско-норвежского пограничья и определить влияние символического поля на выстраивание политики властей в отношении трансграничных промыслов русских лопарей.

В изучение развития вопроса «лопарских промыслов» в процессе выстраивания внутренней и внешней приграничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии входил анализ и сопоставление документов переписки центральных властей Швеции/Норвегии с губернаторским корпусом Финнмарской губернии и центральных властей Российской империи с чиновниками Архангельской губернии.

3. Обсуждение

В западноевропейской историографии вопрос «лопарских промыслов» и его значение в истории выстраивания норвежской пограничной политики на крайнем севере частично изучен норвежскими историками Э. Эриксоном, Э. Ниemi и А. Андресен в контексте изучения истории финской колонизации норвежской провинции Финнмарк XIX в. Исследователи отмечают, что концепция «русской угрозы», оформившаяся в Швеции-Норвегии к 1840-м гг., в комплексе с идеологией строительства национального государства подтолкнули к чрезмерной политизации лопарских промыслов, которые стали ассоциироваться с частью русских экспансионистских планов (Eriksen, Niemi, 1983; Andresen, 1989). Дальнейшие попытки властей ограничить поморские и лопарские промыслы в начале XX в. исследователи считали норвежской реакцией на ревизионистские настроения русской общественности, желавшей пересмотреть Конвенцию 1826 г. (Eriksen, Niemi, 1983: 104-105). Выстраивая свою концепцию, норвежские исследователи

фондировали гипотезы документами о спорах с финскими лопарями, в то время как политизация промыслов русских лопарей к середине XIX в. аргументирована недостаточно. Важно отметить, что Э. Ниemi и А. Андресеном впервые был показан искусственный характер «лопарской проблемы», как порождение политики безопасности в контексте идеологии национализма и доктрины «русской угрозы». В отечественной историографии проблема «лопарских промыслов» частично представлена в работах Р.А. Давыдова, акцентировавшего внимание на описание экономических факторов постановки проблемы защиты промысловых прав русских лопарей второй половины XIX – начала XX вв., в то же время идеологическая составляющая данной проблемы автором упущена (Давыдов, 2007).

Проблема «лопарских промыслов» безусловно была одним из краеугольных вопросов повестки российско-норвежских отношений второй половины XIX вв., однако в историографии, как свидетельствуют обзор научных трудов, влияние символического пространства российско-норвежского пограничья на развитие проблемы «лопарских промыслов» в истории российско-норвежских отношений до сих пор не изучено. В то же время, мы полагаем, что проблема «лопарских промыслов», ставшая под влиянием развития идеологии национализма составной частью символических контуров «гибких границ» России и Швеции-Норвегии на крайнем севере Европы во многом стала причиной реанимации вопроса о ределимитации российско-норвежской границы в районе Южного Варангера в конце XIX – начале XX вв. В связи с этим, авторы данной статьи ставят целью проанализировать природу «гибких границ» России и Швеции-Норвегии на пространстве бывшего Северного Фронттира и определить их влияние на постановку и развитие вопроса о «лопарских промыслах» в контексте российско-норвежских отношений 1855–1900 гг.

4. Результаты

Образ угрозы промыслов русских саами безопасности норвежскому Финнмарку стал распространяться среди норвежских пограничных чиновников еще в 1840–1850-х гг., и на начальном этапе имел преимущественно бытовую природу. Истоки проблемы крылись в условиях дополнительного протокола 1834 года, которые разрешали и русским саами продолжать промысел в своих промысловых угодьях, и норвежским подданным, активно заселявшим российско-норвежское пограничье с 1830-х гг., использовать семужьи тони на отошедшей к Норвегии территории. Отсутствие должной юридической защиты прав русских лопарей вел к росту конкуренции между подданными обеих держав за тони и бытовым конфликтам, в которые активно вовлекалась в первую очередь норвежская приграничная администрация (Andresen, 1989: 69-87).

Финнмаркские чиновники, вставая на сторону своих соотечественников, корень проблемы видели в самом праве семужьего промысла русских лопарей, но несмотря на бытовую природу угрозы в 1850-е гг., под влиянием динамики решения вопроса о промыслах финских саами на норвежском побережье он стал приобретать политические черты, или восприятие промыслов как инструмента экспансивной внешней политики Российской империи в отношении Швеции – Норвегии (Andresen, 1989: 86-87). Летняя рыбалка скольтов на норвежском побережье шаг за шагом становилась символом российского присутствия в Финнмарке. Таким образом, в Норвегии шел процесс изменения архитектуры «гибких границ», которые воспринимались угрозой «жестким границам», сопровождаемый вовлечением лопарских промыслов в сферу угроз безопасности Королевства, требовавшей выработку специального комплекса мер.

В отличие от финско-норвежского участка границы, где секьюритизация промыслов привела к закрытию границы для трансграничных потоков в 1852 г., ознаменовавшего переход к закрытому пограничному режиму между Швецией – Норвегией и Великим княжеством Финляндским, на русско-норвежском участке границы происходило формирование политики «вынужденной толерантности» норвежских властей к русским саами и сохранения смешанного пограничного режима (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 638-639; Andresen, 1989: 70-75). Норвежские инспекторы и губернаторы, опасаясь влияния бытовых конфликтов на межгосударственные отношения, которые в это время уже были напряжены в силу противоречий в вопросе о промыслах финских саами, предпочитали решать трансграничные конфликты через вовлечение в них русских губернских властей или игнорировать жалобы на русских лопарей (Andresen, 1989: 70-75, 83-84).

В 1850-е г. в Норвегии сложилось впечатление, что одних российских гарантий неприкосновенности границ недостаточно. Недоверие к мотивам внешнеполитического курса России и желание получить дополнительные гарантии незыблемости границы 1826 г. подтолкнули Швецию – Норвегию к новому политическому соглашению с главными соперниками России того периода – Англией и Францией.

В канун завершения Крымской войны стало ясно, что Россия теряет статус европейского гегемона, и в ноябре 1855 г. между тремя игроками был подписан так называемый «ноябрьский трактат». Швеция – Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, но взамен Великобритании и Франция гарантировали неприкосновенность границ Королевства. На всем протяжении российско-норвежских рубежей от о. Кольто Яуре до устья р. Вормы граница получила политико-идеологические очертания, чем завершилась контекстуализация российско-норвежской границы в геополитическое противостояние Западной Европы и России, начавшееся еще в эпоху

наполеоновских войн. Это предопределило постепенную политизацию проблемы «лопарских промыслов», т.е. морских и наземных промыслов пазрецких саами на территории Норвегии. Неслучайно, что в это же время на границе в Норвегии появилась собственная администрация для надзора над промыслами (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 638-639).

В период с 1858 по 1861 гг. на территории Норвегии произошел ряд инцидентов с пастьбой овец и морским промыслом пазрецких саами в ходе разбирательств, по которым проблема промысла саами была снова подвергнута чрезмерной политизации внутри Норвегии. Дискуссии по этому вопросу среди норвежской пограничной администрации с чиновниками в Христиании и Стокгольме положили начало возникновению проблемы лопарских промыслов, т.е. промысловых прав русских саами пазрецкого погоста в Норвегии, ставшей главной проблемой российско-норвежских пограничных отношений второй половины XIX – начала XX вв.

Связано это было с тем, что семужий промысел русских, пазрецких саами традиционно сочетался с морской рыбалкой и пастьбой овец (Andresen, 1989: 72-73). В конце мая лопарские семьи в полном составе отлучались на семужьи тони вместе с овцами, которые паслись на прилежащей к тоням земле. В то время, как женщины и дети оставались на семужьем лове, взрослые мужчины отправлялись на морские промыслы (Бухаров, 1885: 12-13). Перечисленные занятия были упущены русскими комиссарами в переговорах с норвежскими чиновниками в 1834 году, когда решался вопрос об изменении условий и пролонгации действия VII статьи пограничной Конвенции 1826 года. Однако значение морских промыслов значительно возросло к концу XIX в. Цена на семгу стабильно росла, лосось был основным экспортным товаром сийта. Эту рыбу саами вылавливали в дельте р. Паз близь островов Шалим, Толмуь и Солдатский (Бухаров, 1885: 23; ГААО, Ф. 1. Оп. 8. т. 1. Д. 2234. Л. 34, 35; РГИА, Ф. 128. Оп. 187. Д. 267). На свой страх и риск они нарушали протокол и активно занимались морским промыслом.

Ленсман южного Варангера Магнус Клерк не обращал внимание на эти занятия, т.к. значительных убытков для норвежских подданных они не приносили (Бухаров, 1885: 26). Однако назначенный в 1858 г. губернатором Финмарка М.Б.К. Нанестадт полагал другое, и разделял мнение финмаркского купечества, что постоянное и активное использование норвежской территории русскими лопарями и поморами может стать предлогом для аннексии территории Россией¹. Губернатор предлагал правительству строго следовать букве закона и воспретить все промыслы, не разрешенные пограничной Конвенцией и протоколом. Такое же мнение выразил и фогд Х. Кьерсков (Andresen, 1989: 73-74, 83)². Норвежская исследовательница А. Андресен указывает, что правительство разделяло опасения губернатора и фогда, но вместо запретительных мер оно решило перейти к защите промыслов. Резолюцией от 11 декабря 1861 г. правительство разрешило пазрецким саами пастьбу овец и морскую рыбалку (Andresen, 1989: 83).

С юридической стороны исполнительные власти Норвегии могли справедливо запретить лопарям заниматься перечисленными занятиями, но опасения русской угрозы были так велики, что вопреки своим интересам они пошли на еще большую либерализацию пограничного режима. Мотивом стало суждение, высказанное еще предыдущим губернатором Финмарка А.Т. Харрисом в 1840-е гг., что судебные разбирательства по промысловым конфликтам могут отразиться на межгосударственных отношениях (Andresen, 1989: 70, 83).

Незначительные в масштабах региона и страны промыслы пазрецких лопарей стали важным фактором выстраивания шведско-норвежской политики безопасности во второй половине XIX в. Такие размышления были распространены не только среди элит, но и населения южного Варангера, которое все больше составляли выходцы из южной Норвегии. Они рассматривали русских лопарей сквозь призму национальной идеологии, чему способствовала и конкуренция в рыбных промыслах.

Русский консул в Финмарке В. Березников писал: «Если местное норвежское население не стесняет права лопарей, то пришлые норвежские рыбаки совершенно их отрицают, не допуская, чтобы свободные и культурные сыны Норвегии должны были на собственной территории делать какие-либо уступки русским подданным и в особенности лопарям» (HI, Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Vox127/14).

Как отмечено в работе Э. Ниemi, главным фактором переосмысления роли этнического элемента в конструировании политического пространства страны стало окончательное установление национализма основополагающей идеологией норвежской государственности (Niemi, 2005). Добавим, что включение этнического фактора в конструирование символического и политического пространств государственной территории привело к чрезмерной его идеологизации и, как следствие, секьюритизации (Niemi, 2009).

¹ Речь идет Каспаре Юрдане норвежском купце, от которого поступила жалоба в 1860 г. на морской промысел пасвиг саамов на острове Толмуь (Kjelmøya) и пастьбе оленей на острове Шалим (Skogerøy)» (Andresen, 1989: 73).

² Промысел мойвы активно велся поморами и норвежскими рыбопромышленниками у пограничной р. Воряма на норвежской стороне реки. До появления ленсмана в 1856 г. этот промысел сопровождался конфликтами между поморами и норвежцами за рыбные места, что неоднократно становилось предметом разбирательств между МИД Российской Империи и Швецией – Норвегией (РГИА, Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452. Л. 62; Сидоров, 1870: 80-81; Сидоров, 1879: 149-150).

Широкое преобладание ненорвежского населения в южном Варангере формировало среди норвежцев и финнмаркских чиновников представление о незащищенности приграничных территорий, их большей этнической включенности в Российскую империю. Складывалась парадоксальная ситуация: норвежское политическое пространство в этническом измерении воспринималось островками России на норвежской земле¹. Образы русского присутствия формировали новые «гибкие границы», которые устрашали правительство и заставляли их ускоряться в развитии пограничных территорий. Усилению алармистских настроений способствовало периодическое обсуждение на страницах российской прессы несправедливости границ 1826 г.²

С 1860-х гг. норвежские власти стали реализовывать комплекс мер, направленных на увеличение этнического присутствия Норвегии в пограничном пространстве. В историографии эти меры известны как «политика норвегизации» (Eriksen, Niemi, 1983: 26-92; Niemi, 2008: 155, 157-158). Помимо мероприятий, направленных на этническое поглощение территории, данная политика включала комплекс мер, направленных на культурное поглощение территории. Примером этого стало строительство норвежских церквей на границе с Россией (Niemi, 2008: 153-155). Впервые подобную идею изложил в 1861 г. капитан-лейтенант Северин Андреас Хейердал, который побывал на границе с инспекционной поездкой. Офицер обратил внимание на религиозность русских лопарей и поморов, высоко уважающих объекты культа. Офицер предложил правительству возвести в устье р. Воряма культурный барьер России, т.е. норвежскую церковь (Eriksen, Niemi, 1983: 69). Идея получила поддержку в финансовом департаменте, и в 1869 г. в устье реки гордо возвышалась церковь, которая в 1874 г. получила имя Оскара II (Eriksen, Niemi, 2008: 153). Убеждения финнмаркских чиновников в политическом значении культурных барьеров укрепилось еще больше после обновления русскими православной часовни в Нейдене и начала восстановления Печенгского монастыря в 1886 г. (ST, T. FA. Boks 27). Ответной мерой стало строительство норвежской церкви в Нейдене, воздвигнутой в 1902 г. (Eriksen, Niemi, 1983: 66-67).

Свидетельствовала ли политизация лопарских промыслов о желании Норвегии вытеснить чужаков со своей территории и тем самым выправить «гибкие границы»? А. Андресен полагает, что норвежские власти до 1890-х гг. хоть и опасались эскалации промысловых споров, но все же придерживались политики невмешательства (Andresen, 1989: 86-87). Обнаруженные нами документы о дипломатических сношениях Норвегии и России конца 1870-х гг. свидетельствуют об обратном (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а; ГААО, Ф. 4. Оп. 10. Т. 1. Д. 147. Л. 1-20).

В документах идет речь о разбирательствах вокруг судебной юрисдикции стран в отношении дел о нарушении статьи VIII конвенции 1826 г. Причинами разбирательства стали два инцидента с участием пазрецких лопарей в 1872 и 1874 гг. Первое дело касалось самовольной пастьбы пазрецких оленей на норвежской территории. Их владельцы были уличены норвежскими властями и без уведомления русской стороны подвергнуты административному наказанию – штрафу. Второе дело связано с убийством пазрецкими саами двух оленей, за что они в одностороннем порядке были приговорены к тридцатидневному аресту в Вадсе (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 6-60б.).

Кольские власти, возмущенные односторонним порядком рассмотрения дел и ссылаясь на VIII статью конвенции 1826 года, обратились в Архангельск. Последующее отношение архангельского губернатора в Санкт-Петербург привело к дипломатическим переговорам по этим инцидентам, в ходе которых обнаружились существенные противоречия обеих сторон в интерпретации статей Конвенции 1826 г. и протокола 1834 г. (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 1-2, 60б.-7).

Статья VIII конвенции 1826 г., запрещающая пастьбу скота на территории соседнего государства, приписывала: «*Всякое нарушение сего запрещения доводится будет до сведения того начальства, которому подчинен виновный и сей последний, по исследовании дела, подвергнуться денежной пене, соразмерной важности проступка...*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 4).

Логично, что норвежский ленсман вначале обязан был уведомить кольского исправника о преступлении и потом провести общее следствие по делу. Вместо этого вопросы были решены чиновником в одностороннем порядке, так как он настаивал на расширенной интерпретации статей IV и V дополнительного протокола 1834 г. Статья IV протокола давала норвежским властям полную судебную юрисдикцию над русскими лопарями, пребывающими на территории Королевства. «*Само собою разумеется, что русские лопари во время своего пребывания в Норвегии должны сообразовываться с действующим в этой стране законами и полицейскими постановлениями по этим же законам и постановлениям будут там разбираться и споры могущие возникнуть в это самое время между ними и норвежскими лопарями*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 4-40б.). Этим же аргументом защищал норвежского ленсмана королевский посланник Бьорнштерна (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 8-10).

¹ Восприятие лопарских тонь русским анклавом в Норвегии ярко продемонстрировали норвежские члены международной комиссии 1898–1899 гг. (Andresen, 1989: 103-104)

² К примеру, публикации: (Беломорский, 1862; Беседы о Севере России..., 1867; Голубцов, 1910; Каарань, 1910; Меньшиков, 1911; Козьмин, 1913; О докладе А.С. Раевского, 1914; Козлянинов, 1913; Козьмин, 1914; Никольский, 1914; Г.Л., 1916).

Во втором департаменте МИД России обнаружили, что Норвегия довольно широко интерпретирует статьи протокола. Согласно преамбуле протокола его статьи заменяли лишь действие VII статьи конвенции. Они касались вопросов о рыбных промыслах, но не дел об оленьей пастьбе. Таким образом, в случае нарушения правил пастьбы, следствие нужно было проводить согласно пунктам VIII статьи Конвенции совместно с русским чиновником, а не статьей IV протокола, т.е. односторонним порядком (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 8).

Сообщив это норвежскому посланнику, российский МИД получил неожиданный ответ. Последующая нота Бьорнштерны говорит нам, что королевский МИД просто использовал это противоречие для выдвигания новых предложений о сокращении промысловых прав русских лопарей. В ультимативной форме говорилось, что если Россия будет настаивать на оставлении в силе статьи VIII Конвенции, тогда придется отменить условия протокола, а изменение промысловых условий «*было бы крайне невыгодно для пазрецких лопарей*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 9). В итоге отмечалось, что соблюдение статьи VIII практически невозможно, потому что на приграничной территории нет ни одного постоянно действующего русского чиновника (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 9-9об.).

Губернатор Н.П. Игнатъев, который давал пояснение к замечанию Швеции – Норвегии, признал этот недостаток (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 17-18). В Санкт-Петербурге решили, что нет смысла настаивать на применительности статьи VIII, так как отсутствуют реальные возможности организовать совместное следствие пограничных чиновников (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 13-15).

Значит ли это, что МИД России решил поступиться интересами лопарей? Мы полагаем, что нет, поскольку важным последствием разбирательства о действии статьи VIII Конвенции стало осознание российским МИД невыгодности статей протокола и самой Конвенции для русских лопарей.

В доверительной записке главы второго департамента графа Ф.Р. Остен-Сакена к Н.П. Игнатъеву эта мысль озвучивается. Более того, граф ставил губернатору вопрос: «*Представляется ли необходимым в каком либо изменении нынешних порядков и соглашений на русско-норвежской границе в Лапландии?*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 10 об.) – замечая при этом, что «*прежде чем приступить к каким либо изменениям прежних международных соглашениях ... необходимо было бы усилить административный надзор и власть за территорией и населением нам принадлежащим*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 15-16 об.).

Сопоставляя эту записку с последующими действиями МИД России в 1880–1890-е гг., мы можем констатировать, что на рубеже 1860–1870-х гг. в российском МИД происходит переосмысление проблемы лопарских промыслов, а также переоценка пограничной Конвенции (HI, Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/11). Осознав несправедливость пограничной линии, второй департамент министерства стал вынашивать планы по расширению промысловых прав русских лопарей. Практически это стало осуществимо лишь в конце века, когда на пограничной территории появились постоянные представители русской власти, российские консулы, которые ежегодно сталкивались с промысловыми спорами русских лопарей с норвежскими колонистами и рыбопромышленниками.

Возвращаясь к ноте Бьорнштерны, отметим, что расширенная интерпретация протокола была выгодна Норвегии. Молчаливое согласие российского МИД позволяло использовать норвежские законы для регулирования промыслов. Большинство правил было принято в защиту норвежских колонистов и направлено против кочевой культуры саами, ассоциируемой с русской угрозой (Andresen, 1989: 85-86). К примеру, в 1885 г. в Швеции-Норвегии был принят закон о «семужьем промысле», устанавливающий так называемые «Пощадные дни», запрещающие промысел с вечера четверга по вечер понедельника. «Пощадные дни» фактически сводили к нулю выгоду лопарей от семужьих промыслов. Русский консул С.С. Островский, усмотревший в этом нарушение статей дополнительного протокола 1834 г., обратился с представлениями к местной финнмаркской администрации. Речь шла о положениях протокола, в которых лопарям разрешалось заниматься семужьим промыслом «*в те же сроки и в тех же местах, как и прежде*» (HI, Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/14). Стокгольм поддержал российскую сторону в этом споре, королевской резолюцией 1887 г. этот закон на пазрецких саами не распространялся (HI, Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/14), но это не уменьшало притеснения лопарей.

В России игнорирование центральной российской властью требований архангельской общественности и чиновничества пересмотреть Конвенцию 1826, которые появились уже через год после ее подписания в 1828 году, нашло выход в широком публичном обсуждении этой темы в период с 1860 по 1916 гг. в ходе которых проблема лопарских промыслов стала занимать одно из центральных мест.

Конвенция 1826 г. для большинства жителей Архангельской губернии была показателем небрежности власти к богатствам и населению Русского Севера, которыми успешно пользовались их соседи (Беседы о Севере России..., 1867: 223; Сидоров, 1870: 87). Ревизионистские чувства были так сильны, что уже в 60-е гг. XIX в. они нашли выражение на страницах центральных изданий и публичных дебатах на заседании Императорского Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге. Один из выступающих членов общества В.Л. Долинский, подчеркивая несправедливость «новых рубежей», призывал к исправлению границы (Беседы о Севере России..., 1867: 224).

В 1862 г. на страницах Морского сборника появилась публикация О. Беломорского «Исторический взгляд на Варангерское Поморье». Автор попытался историческими аргументами обличить несправедливость границы 1826 г. Под псевдонимом Беломорского скрывался известный исследователь Иосиф Августович Богуслав. Его статья была выражением сожаления поморского купечества о потере выгодных промысловых гаваней отошедших к Норвегии. Их значение Богуслав знал не понаслышке: в 1842 г. от лица Архангельского, Вологодского и Вятского купечества он просил Архангельского губернатора Маркиза де-Траверсе разрешения учредить Полярную Компанию в Печенгской губе близ границы России с Норвегией. Губернатор, полагавший что «там могут жить только два петуха да три курицы» отказал просителю (Беломорский, 1862: 279–294; Беседы о Севере..., 1867: 41; Сидоров, 1870: 71–72).

С уходом николаевской эпохи в России значение границы в жизни Русского Севера значительно возросло. Новая граница все более стала играть мощную консолидирующую роль. Связано это с тем, что территориальная асимметрия в экономическом развитии норвежского и русского пограничья обращала на себя внимание, поскольку уже в середине XIX в. южный Варангер, стремительно развивающийся с 30-х гг. XIX в., контрастировал с русским Мурманом, пребывающем в застое (Зебек, 1867: 81–90; Сидоров, 1870: 87; Нильсен, 2001: 33–45; Федоров, 2009: 122–123). Выражаясь словами архангельского журналиста 1847 г., он был «дик и безлюден» (Журавлев, 1847: 6).

В 1860-е гг. это стало вызывать озабоченность не только у поморов, промышленников, но и у представителей власти. Губернатор С.П. Гагарин писал: «... *Весь Мурманский берег можно считать как бы не принадлежащим никакому государству*» (ГААО, Ф.1. Оп.8. т.1. д.1674. Л. 5). В то же время было видно, как активная поселенческая политика в Норвегии вместе с развитием инфраструктуры стали приносить плоды. Архангельское чиновничество смотрело с воодушевлением на идею колонизации Мурманского берега, в том числе приглашения норвежцев показать пример поморам (Попов, Давыдов, 1999: 29–31; Федоров, 2009: 123–125; Шрадер, 2006: 116). Однако в среде купцов и промышленников Севера эта идея вызывала большие опасения. Им казалось, что если не оградить Мурман от норвежских промышленников и колонистов, то этот берег будет навсегда потерян для России, как это произошло с частью земель двоеданных погостов.

Известный архангельский и красноярский исследователь, купец и золотопромышленник Михаил Константинович Сидоров на это обращал внимание в своих публикациях и публичных выступлениях (Сидоров, 1870: 177–178; Сидоров, 1879: 48–51, 68, 83–84), а также российский консул в Финнмарке Д. Бухаров в публичных лекциях в «Обществе содействия русской промышленности и торговли» и статьях на страницах газеты «Голос», и губернатор И.В. Сосновский в кратком описании своих поездок по Архангельской губернии (Бухаров, 1883; Краткое описание служебных..., 1908).

После всплеска интереса к теме разграничения в 1870-е гг. наступает временное затишье до 1890-х гг. На рубеже веков борьба вновь разгорелась на фоне острой промысловой конкуренции между норвежскими и русскими рыбопромышленниками и дипломатического спора между Норвегией и Россией о промыслах пазрецких лопарей 1896–1911 гг. (Чулков, 1901; Гебель, 1904; Гебель, 1905; Козьмин, 1913; Никольский, 1914). Многие из официальных лиц и журналистов, которые путешествовали вдоль границы обращали внимание на ее «искусственный характер» на участке от церкви Бориса и Глеба и далее на юго-восток до р. Ворьема (РГИА, Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452. Л. 17; Очерк Путешествия..., 1895; РГИА, Ф. 560. Оп. 28. Д. 520. Л. 1–13; Материалы для разработки вопросов..., 1881: 6; Сиденснер, 1897: 23–24; Краткое описание служебных..., 1908: 14–16). Странный выступ стал причиной потери семуужих тоней пазрецких саами, более того, не соответствовал основополагающему принципу естественных границ (Извлечение из рапорта... 1870: 7; Голубцов, 1910: 23). Такое противоречие заставило общественность обратиться к историческим изысканиям.

В начале XIX в. в России вышло в свет более семи исторических публикаций по теме истории российско-норвежской границы / пограничья (Гебель, 1904; Гебель, 1905; Чулков, 1901; Каарань, 1910; Голубцов, 1910; Козьмин, 1913; Никольский, 1914; Бородкин, 1915). В большинстве из них разграничение представлялось как неравноправная борьба русских лопарей с Норвегией, действующей заодно с продажными и беспечными русскими чиновниками (Гебель, 1904; Гебель, 1905; Чулков, 1901; Голубцов, 1910; Козьмин, 1913; Никольский, 1914; Бородкин, 1915). В работах формировался образ Норвегии как хитрого и расчетливого соперника и конкурента, который постепенно вытеснял русских с западного Мурмана. Наиболее резонансными публикациями в этом ключе были статьи 1913–1916 гг., посвященные проблеме промысловых прав русских лопарей в Норвегии (О докладе А.С. Раевского, 1914; Козлянинов, 1913; Козьмин, 1914; Никольский, 1914; Г.Л., 1916). Авторы публикаций, проводя параллели предложения Норвегии о выкупе лопарских промыслов с предысторией разграничения 1826 г., иллюстрировали прямую норвежскую угрозу русскому пограничью, а некоторые, например, автор статьи в Военном Сборнике Генерального Штаба под псевдонимом Г.Л. даже призывал к пересмотру Конвенции (Козлянинов, 1913; Никольский, 1914; Г.Л., 1916).

Образ старой границы по мысу Верес постоянно реконструировался на страницах региональной и центральной прессы. Печать сыграла ключевую роль в поддержании и распространении ревизионистских идей в России. О географическом размахе обсуждения проблемы несправедливой границы говорит тот факт, что публикации, посвященные разграничению, во второй половине XIX в.

появились уже в Санкт-Петербурге, а в начале XIX в. даже в Одессе (Сидоров, 1879: 84-93; Санкт-Петербургские Ведомости, 1883; Ермолаев, 2006: 48). Публичная сфера стала важным каналом символической объективации образа «гибких границ» первой половины XIX в.

Резкие заявления на страницах российской прессы не проходили незаметно для Швеции – Норвегии, о чем свидетельствовала реакция МИД Королевства. После выхода работы «Беседы о Севере России...» с докладом В.Л. Долинского в 1867 г. посланник Королевства барон Бьорнштерна выступил с опровержением позиции русского исследователя (А.П., 1877). В начале XX в. норвежское консульство в Архангельске и Санкт-Петербургская миссия также постоянно отслеживали публикации антинорвежского характера (RA, UD. Prebensen samling; RA, UD. G05/10. Boks 5213). На страницах норвежских и шведских изданий появлялись ответные статьи разоблачительного характера, поддерживающие страх русской угрозы (Tidens Tegn, 1914; Stockholms Dagblad, 1914; Vardåposten, 1914; Verdens Gang, 1914; Aftenposten, 1914; Aftenposten, 1914a). Отметим, в Швеции – Норвегии не замечали, что заявления в публичной сфере не имели никакого отношения к официальной позиции российских властей. Однако добрососедские заверения российского МИД, опровергающие устремления России пересмотреть границу, королевские власти считали недостаточными (HI, Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/11).

5. Заключение

Период с 1855 по 1900 гг. в истории российско-норвежского пограничья ознаменовался развитием проблемы лопарских промыслов («лопарских сервитутов»), которая во второй половине XIX – начале XX в. стала важным фактором российско-норвежских отношений и выстраивания внутренней пограничной региональной политики Норвегии и России.

Включение промыслов саами в систему угроз национальной безопасности и переход в пограничной политике к курсу, направленному на вытеснение скольтов с территории Норвегии, связано не только с асимметричным восприятием внешней политики России, но и с другими процессами:

- на периферии – с экономической консолидацией пограничья с Финнмарком и возросшей промышленной конкуренцией между норвежскими колонистами и пазрецкими саами, недовольством первых сервитутами и в то же время наличием административных ресурсов пограничной норвежской администрации, способной защитить интересы норвежских подданных;

- на общенациональном уровне – изменением восприятия «гибких границ», их архитектуры, которая перестала соответствовать «жестким границам» государства. Этот процесс был обусловлен влиянием государственной идеологии этнического национализма, развивавшегося в Норвегии во второй половине XIX в. Влияние идеологии нашло выражение в переоценке норвежской региональной и национальной властью своего этнокультурного пространства, его роли в процессе консолидации территории с центром и конструировании национальных границ.

Включение этнического фактора в конструирование политического пространства государственной территории привело к изменению представления о «гибких границах», которые стали тяготить Норвегию. На практике это выражалось в восприятии властями промыслов русских саами в комплексе с финскими мигрантами как признаков расширения этнокультурного пространства России в Норвегии, что формировало кажущуюся чиновникам угрозу потенциальной будущей потери данной территории для страны. В ответ власти считали, что норвежские колонисты и церковь должны стать факторами консолидации приграничного пространства и поддержания целостности политических рубежей Королевства, выправляя «гибкие границы» государства в соответствии с «жесткими» ее очертаниями. В практической плоскости это нашло выражение в поддержке активного церковного строительства в приграничье Норвегии. Новые культурные символы Норвегии делали «гибкие границы» более «жесткими».

Изменение отношения МИД России к лопарским промыслам во второй половине XIX в. связано с переоценкой Конвенции 1826 г. министерством, результатом чего стала переговорная стратегия, направленная на защиту лопарских сервитутов. В это же время в общенациональном масштабе происходила символическая и политическая объективация «гибких границ» Крайнего Севера европейской части России посредством широкого общественного обсуждения на страницах региональной и центральной прессы итогов разграничения 1826 г. На страницах изданий происходило осуждение «новой границы», формировался образ норвежской угрозы Русскому Северу, которая, как казалось общественности, выражалась в норвежских притеснениях пазрецких саами и в норвежской промышленной, а также поселенческой колонизации Западного Мурмана.

Острое восприятие Норвегии, как это видно из анализа переписки российских губернских властей с центральной властью, вызвано «территориальной асимметрией», которая к концу XIX стала остро ощущаться на Крайнем Севере европейской части России, особенно на контрасте Южного Варангера и Западного Мурмана. Обратным эффектом стал рост значения российско-норвежской границы в жизни Русского Севера во второй половине XIX в., где вопрос защиты промыслов русских лопарей стал символом борьбы за утраченные в 1826 году рубежи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10198 «Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции процесса пространственной социализации»).

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 А.П., 1877 – А.П. Русско-норвежское пограничье // *Архангельские Губернские Ведомости*. 1877. № 96. С. 6-7.
 Беломорский, 1862 – Беломорский О. Исторический взгляд на Варангерское Поморье // Морской сборник. 1862. Т. LXII. № 10. С. 279-294.
 Беседы о Севере России..., 1867 – Беседы о Севере России в 3 отделении императорского вольного экономического общества. СПб., 1867.
 Бородкин, 1915 – Бородкин М. История Финляндии. Время Императора Николая I. СПб., 1915.
 Бухаров, 1883 – Бухаров Д.Н. Русские в Финмаркене. СПб., 1883.
 Бухаров, 1885 – Бухаров Д.Н. Поездка по Лапландии осенью 1883 г. СПб., 1885.
 Г.Л., 1916 – Г.Л. Мурманский ветер в открытом океане // *Военный Сборник*. 1916. Апрель. № 4. С. 30-56.
 ГААО – Государственный архив Архангельской области
 Гебель, 1904 – Гебель Г.Ф. Наша северо-западная окраина – Лапландия // Русское судоходство. 1904. Октябрь. № 10 (270). С. 66-73.
 Гебель, 1905 – Гебель Г.Ф. Наша северо-западная окраина – Лапландия // Русское судоходство. 1905. Апрель. №4 (276). С. 73-92.
 Голубцов, 1910 – Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910.
 Давыдов, 2007 – Давыдов Р.А. Промыслы российских лопарей в контексте российско-норвежских отношений (XIX – начало XX в.) // *Баренц-журнал*. 2007. №1 (5). С. 42–53.
 Ермолаев, 2006 – Ермолаев Д.А. Приграничные отношения в районе Западного Мурмана во второй половине XIX – начале XX веков. Проблемы границы и колонизации // *Вестник «Баренц-Центра» МПГУ*. 2006. № 5. С. 45-59.
 Журавлев, 1847 – Журавлев А. О российской Лапландии называемой мурманским берегом и о производимом при оном рыбном промысле // *Архангельские губернские ведомости*. 1847. С. 6-8.
 Зайков, 2012 – Зайков К.С. Пограничная конвенция 1826 г. в отечественной историографии XIX–XXI вв. // *Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.)*. Под ред. А.А. Комарова. М., 2012. С. 112-131.
 Зебек, 1867 – Зебек И. О рыбном промысле и торговле на мурманском берегу // Морской сборник. 1867. Ноябрь № 11. С. 81-90.
 Извлечение из рапорта..., 1870 – Извлечение из рапорта генерал-адъютанта Посыета // Морской сборник. Морская хроника. 1870. № 10. С. 7.
 Каарань, 1910 – Каарань А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // *Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера*. 1910. № 11. С. 21-33.
 Карелин, Зайков, 2016 – Карелин В.А., Зайков К.С. Проблемы саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2016. №1. С. 32-41.
 Козлянинов, 1913 – Козлянинов К. О продаже русских вод Норвегии // *Новое Время*. 24.05/06.06.1913.
 Козьмин, 1913 – Козьмин К. К вопросу о русско-норвежской границе // *Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера*. Архангельск. 1913. № 17. С. 769-776.
 Козьмин, 1914 – Козьмин К. Письмо в редакцию // *Новое Время*. 30.05/12.06.1914.
 Краткое описание служебных..., 1908 – Краткое описание служебных поездок И.Д. Архангельского Губернатора И.В. Сосновского в 1908 году. Архангельск, 1908.
 Материалы для разработки вопросов..., 1881 – Материалы для разработки вопросов, касающихся Севера России. СПб., 1881. Вып. 1: Мурман и беломорские порты.
 Меньшиков, 1911 – Меньшиков. Пропавшая Граница // *Новое Время*. 17/30.03.1911.
 Никольский, 1914 – Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914.
 Нильсен, 2001 – Нильсен Й.П. Мурман и Финмарк; одного ли поля ягоды? (Сравнительный метод в изучении политики царской администрации по освоению Мурманского побережья) // *Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сб. статей*. Архангельск, 2001. С. 33-45.
 О докладе А.С. Раевского, 1914 – О докладе А.С. Раевского. Заметка // *Речь*. 10/23.01.1914.
 Очерк Путешествия..., 1895 – Очерк Путешествия Архангельского Губернатора А.П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895.
 Попов, Давыдов, 1999 – Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерк истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Санкт-Петербургские Ведомости, 1883 – Санкт-Петербургские Ведомости. 15.12.1883.

- Сиденснер, 1897** – Сиденснер А. Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером. СПб., 1897.
- Сидоров, 1870** – Сидоров М.К. Север России. СПб., 1870.
- Сидоров, 1879** – Сидоров М.К. О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии. СПб., 1879.
- Федоров, 2009** – Федоров П.В. Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009.
- Чулков, 1901** – Чулков Н. К истории разграничения России с Норвегией. М., 1901.
- Шрадер, 2006** – Шрадер Т.А. Колонисты на Мурманском побережье // *Вестник Баренц-центра МПГУ*. 2006. № 5. С. 115-123.
- Aftenposten, 1914** – Aftenposten. 1914. № 285, 9/06.
- Aftenposten, 1914a** – *Fra Russegrænsen* // Aftenposten, 1914a. №302, 18/6.
- Andresen, 1989** – Andresen A. Siidaen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989.
- Eriksen, Niemi, 1983** – Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo, 1983.
- Goldin et al., 2015** – Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody*. 2015. №37 (3). pp. 519-535.
- Goldin et al., 2015a** – Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A. The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. // *Bylye Gody*. 2015. № 38 (4). pp. 849-864.
- HI** – Archive of the Hoover Institute.
- Niemi, 2005** – Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie/ Ed. by.: S. Imsen. Oslo, 2005. pp. 387-415.
- Niemi, 2008** – Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940 // Forpost mot øst: fra Vardø og Finnmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007/ Ed. By.: Balsvik R.R., Nielsen J.P. Stamsund, 2008. pp. 153-166.
- Niemi, 2009** – Niemi E. Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet // Det Hjemlige og det globale. Festskrift til Randi Rønning Balsvik. Oslo, 2009. pp. 431-455.
- RA** – the Norwegian National Archive.
- ST** – the State Archive of Tromsø.
- Stockholms Dagblad, 1914** – Den norsk-ryska gräsregleringen 1826 // Stockholms Dagblad. 1914. №17/1.
- Tidens Tegn, 1914** – For enskal guld. Nye russiske skriverier om den gamle norsk-russiske grænseregulering // *Tidens Tegn*. 1914. № 8, 9/2.
- Vardå-posten, 1914** – Vardø-posten. 1914. № 20/1.
- Verdens Gang, 1914** – Væk med de fremmede navne fra Finnmarkskartet! Farlige generalstabskarter // *Verdens Gang*. 1914. № 46, 16/2.
- Zaikov, 2010** – Zaikov K. The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historie seminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø, 2010. pp. 34-38.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016** – Zaikov K., Tamitskiy A. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. // *Bylye Gody*. № 41 (3). pp. 629-641.
- Zaikov, 2016a** – Zaikov K. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. // *Bylye Gody*. 2016. № 42 (4). pp. 1164-1172.

References

- AVPRI** – Arhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- A.P., 1877** – A.P. (1877). Russko-norvezzhskoe pograniche [The Russian-Norwegian borderland]. *Arhangelskie Gubernskie Vedomosti*. № 96. pp. 6-7. [in Russian]
- Belomorskiy, 1862** – Belomorskiy O. (1862). Istoricheskij vzgljad na Varangerskoe Pomor'e [Historical view of the Varanger Pomorie]. *Morskoj sbornik*. T. LXII. № 10. pp. 279-294. [in Russian]
- Besedy o Severe Rossii..., 1867** – Besedy o Severe Rossii v 3 otdelenii imperatorskogo volnogo jekonomicheskogo obshhestva [Conversations about the North of Russia in 3 departments of the Imperial Free Economic Society]. SPb., 1867. [in Russian]
- Borodkin, 1915** – Borodkin M. (1915). Istorija Finljandii. Vremja Imperatora Nikolaja I [History of Finland. Time of the Emperor Nicholas I]. SPb. [in Russian]
- Buharov, 1883** – Buharov D.N. (1883). Russkie v Finnmarkene [The Russians in Finnmark]. SPb. [in Russian]
- Buharov, 1885** – Buharov D.N. (1885). Poezdka po Laplandii osen'ju 1883 g. [A trip through Lapland in the fall of 1883]. SPb. [in Russian]

- G.L., 1916** – G.L. (1916). Murmanskij veter v otkrytom okeane [Murmansk wind in the open ocean]. *Voennyj Sbornik*. April. № 4. pp. 30-56. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region]. [in Russian].
- Gebel, 1904** – *Gebel G.F.* (1904). Nasha severo-zapadnaja okraina – Laplandija [Our north-western outskirts – Lapland]. *Russkoe sudohodstvo*. Oktjabr. № 10 (270). pp. 66-73. [in Russian]
- Gebel', 1905** – *Gebel G.F.* (1905). Nasha severo-zapadnaja okraina – Laplandija [Our north-western outskirts – Lapland]. *Russkoe sudohodstvo*. April. № 4 (276). pp. 73-92. [in Russian]
- Golubcov, 1910** – *Golubcov H.* (1910). K istorii razgranichenija Rossii s Norvegiej [On the history of the delimitation of Russia from Norway]. Arhangel'sk. [in Russian]
- Davydov, 2007** – *Davydov R.A.* (2007). Promysly rossijskih loparej v kontekste rossijsko-norvezhskih otnoshenij (XIX – nachalo XX v.) [The Crafts of Russian lapps in the context of Russian-Norwegian relations (XIX – early XX century.)]. *Barenc-zhurnal*. № 1 (5). pp. 42-53. [in Russian]
- Ermolaev, 2006** – *Ermolaev D.A.* (2006). Prigranichnye otnoshenija v rajone Zapadnogo Murmana vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov. Problemy granicy i kolonizacii [Border relations in the area of the West Murman in the second half of the XIX – early XX centuries. Problems of Boundary and Colonization]. *Vestnik «Barenc-Centra» MPGU*. № 5. pp. 45-59. [in Russian]
- Zhuravlev, 1847** – *Zhuravlev A.* (1847). O rossijskoj Laplandii nazyvaemoj murmanskim beregom i o proizvodimom pri onom rybnom promysle [About the Russian Lapland called the Murmansk shore and the fish produced at the time of this fishery]. Arhangel'skie gubernskie vedomosti. pp. 6-8. [in Russian]
- Zaikov, 2012** – *Zaikov K.S.* (2012). Pogranichnaja konvencija 1826 g. v otechestvennoj istoriografii XIX–XXI vv. [The boundary convention of 1826 in the domestic historiography of the XIX–XXI centuries]. *Rossija i Norvegija. Voprosy otechestvennogo istochnikovedenija i istoriografii (XIX–XXI vv.)*. Pod red. A.A. Komarova. M., pp. 112-131. [in Russian]
- Zebek, 1867** – *Zebek I.* (1867). O rybnom promysle i trgovle na murmanskom beregu [About fishing and trade on the Murmansk coast]. *Morskij sbornik*. № 11. pp. 81-90. [in Russian]
- Izvlechenie iz raporta..., 1870** – Izvlechenie iz raporta general–adjutanta Pos'eta [Extract from the report of Adjutant General Poset]. *Morskij sbornik*. Morskaja hronika. 1870. № 10. [in Russian]
- Kaaran, 1910** – *Kaaran A.* (1910). K istorii russkogo Severa: Russko-norvezhskie otnoshenija [To the history of the Russian North: Russian-Norwegian relations]. *Izvestija Arhangel'skogo Obshhestva izuchenija Russkogo Severa*. № 11. pp. 21-33.
- Karelin, Zajkov, 2016** – *Karelin V.A., Zajkov K.S.* (2016). Problemy saamskih servitutnyh prav v pogranichnyh otnoshenijah Rossii i Norvegii v nachale XX veka [Problems of Saami servitudes in border relations between Russia and Norway at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: gumanitarnye i socialnye nauki*. № 1. pp. 32-41. [in Russian]
- Kozljaninov, 1913** – *Kozljaninov K.* (1913). O prodazhe russkih vod Norvegii [On the sale of Russian waters of Norway]. *Novoe Vremja*. 24.05/06.06. 1913. [in Russian]
- Kozmin, 1913** – *Kozmin K.* (1913). K voprosu o russko-norvezhskoj granice [On the question of the Russian-Norwegian border]. *Izvestija Arhangel'skogo Obshhestva izuchenija Russkogo Severa*. Arhangel'sk. № 17. pp. 769-776. [in Russian]
- Kozmin, 1914** – *Kozmin K.* (1914). Pismo v redakciju [Letter to the editors] // *Novoe Vremja*. 30.05/12.06. 1914. [in Russian]
- Kratkoe opisanie sluzhebnyh..., 1908** – Kratkoe opisanie sluzhebnyh poezdok I.D. Arhangel'skogo Gubernatora I.V. Sosnovskogo v 1908 godu [Brief description of official trips I.D. Arkhangelsk Governor I.V. Sosnovsky in 1908]. Arhangel'sk, 1908. [in Russian]
- Materialy dlja razrabotki voprosov..., 1881** – Materialy dlja razrabotki voprosov, kasajushhhsja Severa Rossii [Materials for the development of issues relating to the North of Russia]. SPb., 1881. Vyp. 1: Murman i belomorskie porty. [in Russian]
- Menshikov, 1911** – *Menshikov* (1911). Propavshaja Granica [The Missing Border]. *Novoe Vremja*. 17/30.03.1911. [in Russian]
- Nikolskij, 1914** – *Nikolskij V.N.* (1914). Na russko-norvezhskoj granice [On the Russian-Norwegian border]. Arhangel'sk. [in Russian]
- Nil'sen, 2001** – *Nilsen J.P.* (2001). Murman i Finmark: odnogo li polja jagody? (Cravnitel'nyj metod v izuchenii politiki carskoj administracii po osvoeniju Murmanskogo poberezh'ja) [Murman and Finnmark; Is there one field of berries? (Comparative method in studying the policy of the tsarist administration for the development of the Murmansk coast)]. *Menjajushhajasja Rossija v izmenjajushhemsja mire: Sb. statej*. Arhangel'sk. pp. 33-45. [in Russian]
- O doklade A.S. Raevskogo, 1914** – O doklade A.S. Raevskogo. Zametka [On the report of A.S. Rayevsky. The note]. *Rech*. 10/23.01.1914. [in Russian]
- Ocherk Puteshestvija..., 1895** – Ocherk Puteshestvija Arhangel'skogo Gubernatora A.P. Jengel'gardta v Kemskej i Kol'skij uezdy v 1895 godu [Essay on the Travel of the Governor of Arkhangelsk. Engelhardt in Kemsy and Kola counties in 1895]. Arhangel'sk, 1895. [in Russian]

- [Popov, Davydov, 1999](#) – *Popov G.P., Davydov R.A.* (1999). Murman. Oчерk istorii kraja XIX – nachala XX v. [Murman. An outline of the history of the region XIX – early XX century.] Ekaterinburg. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian].
- [Sankt-Peterburgskie Vedomosti, 1883](#) – Sankt-Peterburgskie Vedomosti [St. Petersburg Vedomosti]. 15.12.1883. [in Russian]
- [Sidensner, 1897](#) – *Sidensner A.* Svedenija o Murmanskom berege, sobrannye letom 1896 goda kontr-admiralom Sidensnerom [Information about the Murmansk coast, collected in the summer of 1896 by Rear Admiral Sidensner]. SPb. [in Russian]
- [Sidorov, 1870](#) – *Sidorov M.K.* (1870). Sever Rossii [North of Russia]. SPb. [in Russian]
- [Sidorov, 1879](#) – *Sidorov M.K.* (1879). O kitolovstve i vlijanii ego na rybnuju lovlju u beregov Arhangel'skoj gubernii [On whaling and its influence on fishing off the coast of Arkhangelsk province]. SPb. [in Russian]
- [Fedorov, 2009](#) – *Fedorov P.V.* (2009). Severnyj vektor v rossijskoj istorii. Centr i Kol'skoe zapoljar'e v XVI–XX vv. [Northern vector in Russian history. Center and the Kola Arctic in the XVI–XX centuries]. Murmansk. [in Russian]
- [Chulkov, 1901](#) – *Chulkov N.* (1901). K istorii razgranichenija Rossii s Norvegiej [To the history of the delimitation of Russia from Norway]. Moscow. [in Russian]
- [Shrader, 2006](#) – *Shrader T.A.* (2006). Kolonisty na Murmanskom poberezh'e [Colonists on the Murmansk coast]. Vestnik Barents-centra MPGU. 2006. № 5. S. 115-123. [in Russian]
- [Aftenposten, 1914](#) – Aftenposten. 1914. № 285, 9/06.
- [Aftenposten, 1914a](#) – Fra Russegrænsen [From the Russian border]// Aftenposten, 1914a. №302, 18/6. [In Norwegian]
- [Andresen, 1989](#) – *Andresen A.* (1989). Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekkningen i 1826 [Siida disappeared. East Sami in the Pasvik by the Norwegian-Russian border treaty in 1826]. Kirkenes. [In Norwegian]
- [Eriksen, Niemi, 1983](#) – *Eriksen K.E., Niemi E.* (1983). Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940 [The Finnish Menace: Security Issues and Minority Policy in the North 1860–1940]. Oslo. [In Norwegian]
- [Goldin et al., 2015](#) – *Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A.* (2015). Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. №37 (3). pp. 519-535.
- [Goldin et al., 2015a](#) – *Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A.* (2015). The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye Gody*. № 38 (4). pp. 849-864.
- [HI](#) – Archive of the Hover Institute.
- [Niemi, 2005](#) – *Niemi E.* (2005). Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid [Ethnicity, nationality and borders in northern Scandinavia until today]. Grenser og grannelag i Nordens historie/ Ed. by.: S. Imsen. Oslo. pp. 387-415. [In Norwegian]
- [Niemi, 2008](#) – *Niemi E.* (2008). Kirka som grensefestning: kirkebygning, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940 [Church as Border fortress: Church Building, Religious Voltage and Border Protection in Finnmark 1850–1940]. Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseinar, Vardø 21–23 september 2007 / Ed. By.: Balsvik R.R., Nielsen J.P. Stamsund, 2008. pp. 153-166. [In Norwegian]
- [Niemi, 2009](#) – *Niemi E.* (2009). Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet [Borderland and periphery. Venue for State, Nation and Ethnicity]. Det Hjemlige og det globale. Festskrift til Randi Rønning Balsvik. Oslo. pp. 431-455. [In Norwegian]
- [ST](#) – the State Archive of the Tromsø.
- [RA](#) – the Norwegian National Archive
- [Stockholms Dagblad, 1914](#) – Den norsk-ryska gräsregleringen 1826 [The Norwegian-Russian border control 1826]. Stockholms Dagblad. 1914. №17/1. [In Swedish]
- [Tidens Tegn, 1914](#) – For enskal guld. Nye russiske skraverier om den gamle norsk-russiske grænseregulering [For single gold. New Russian writings about the old Norwegian-Russian border regulation]. Tidens Tegn. 1914. № 8, 9/2. [In Danish]
- [Vardå-posten, 1914](#) – Vardø-posten. 1914. № 20/1
- [Verdens Gang, 1914](#) – Væk med de fremmede navne fra Finnmarkskartet! Farligegeneralstabskarter [About the Strange Names from the Finnmark map]. *Verdens Gang*. 1914. № 46, 16/2. [In Norwegian]
- [Zaikov, 2010](#) – *Zaikov K.* (2010). The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historie seminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø. pp. 34-38.
- [Zaikov, Tamitskiy, 2016](#) – *Zaikov K., Tamitskiy A.* (2016) Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye Gody*. № 41 (3). pp. 629-641.

Zaikov, 2016a – Zaikov K. (2016). The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. № 42 (4). pp. 1164-1172.

УДК 94(470+481)(045)

Лопарские промыслы в истории российско-норвежского пограничья 1855–1900 гг.

Константин Сергеевич Зайков ^{a,*}, Александр Михайлович Тамицкий ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам истории Северного Фронтра – российско-норвежского пограничья, а именно месту лопарских промыслов в истории российско-норвежских отношений 1855–1900 гг., а также влиянию символического пространства российско-норвежского пограничья («гибких границ») на их становление и развитие. Авторы статьи демонстрируют, что незначительные по своему масштабу рыбный промысел и пастьба скота нескольких десятков русских саами в Норвегии стали элементом образа «русской угрозы». Данное обстоятельство в комплексе с проблемой финских мигрантов подтолкнуло региональные власти к реализации мер по консолидации пограничья с Финнмарком, или так называемой политике норвегизации с 1850-х гг., и последующем продвижении через дипломатические каналы идеи ликвидации лопарских сервитутов.

Ответной реакцией российской общественности и чиновничества регионального и национального уровней на норвежскую политику стала символическая и политическая объективация «гибких границ» первой половины XIX в. в национальном масштабе, а именно признание истинной пограничной чертой старой линии границы от Верес-Наволока, осуждение разграничения 1825–1826 гг. и требование возвращения к вопросу 1828 г. о пересмотре границы с целью защиты промысловых прав русских лопарей в Швеции-Норвегии.

Таким образом, пограничная политика Швеции-Норвегии, направленная на вытеснение пазрецких саами с промысловых мест, и активная колонизация Западного Мурмана норвежцами способствовали формированию образа «норвежской угрозы» Западному Мурману и постепенной секьюритизации лопарских промыслов в России в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Финнмарк, Западный Мурман, российско-норвежское пограничье, саами, лопарские промыслы.

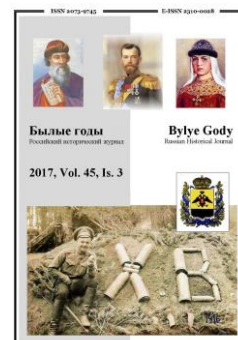
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), a.tamitskiy@gmail.com (А.М. Тамицкий)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 928-936, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.928
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Unrealized Project of Railway Construction: the Caucasian Saddle Road

Svetlana V. Darchieva ^{a, *}, Anzor V. Darchiev ^a

^a North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named V.I. Abaev, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the project of the Caucasian railway, which was put forward in the late XIX – early XX centuries. For Russia with its boundless spaces, railways have always had a special, strategic significance. Favorable geopolitical position allowed the Russian Empire to claim the role of a transport bridge connecting Europe and Asia. The railways linked together the vast regions of the Russian Empire, contributed to the strengthening of social and economic ties between the center of the country and the outskirts, thereby forming a single economic space for Russia. Hence the enormous importance in the process of early industrial modernization in the North Caucasus, which was the construction of the Vladikavkaz railway, becomes clear.

The analysis of the documents shows that the construction of such an important railway from the economic point of view, as the Vladikavkaz railway, was primarily due to considerations of a strategic and geopolitical nature, although in the future economic and social factors begin to prevail over strategic ones. In the early XX century. The Vladikavkaz railway network covered most of the North Caucasus. At the same time, it becomes obvious to the Russian government that it is necessary to create a direct sailing route to Transcaucasia. The draft railroad from Vladikavkaz to Tiflis was considered at the highest governmental level. Its implementation would undoubtedly contribute to industrial growth, both of the North Caucasus region and of the whole country. However, due to various reasons, this important project for the country was not realized.

Keywords: The Russian Empire, the North Caucasus, the Vladikavkaz railway, the Caucasian governor, the mayor, the Caucasian mountain pass, the Terek region.

1. Введение

Изучение региональных особенностей российской модернизации позднеимперского периода в последнее время всё чаще оказывается в фокусе исследовательского внимания. Одной из приоритетных задач исследователей модернизационных процессов в России второй половины XIX – начала XX веков является выявление и анализ конкретных механизмов слома сословных порядков и перехода к индустриальному обществу.

Современная Россия проходит очередной этап экономической и политической модернизации, поэтому как нельзя более актуальным становится осмысление и использование того богатого исторического опыта, который был накоплен в ходе предшествующего периода отечественной истории. Северный Кавказ при всей своей стратегической важности для Российской империи был в то же время в числе наиболее отсталых в социально-экономическом плане регионов. После проведения Великой крестьянской реформы и буржуазно-демократических преобразований в 60–80 гг. XIX в. Северный Кавказ стал важным структурным компонентом в системе единого российского рынка.

* Corresponding author

E-mail addresses: svetik-dar70@mail.ru (S.V. Darchieva), dar-anzor@mail.ru (A.V. Darchiev)

Огромную роль в процессе формирования рыночной экономики в данном регионе сыграла Владикавказская железная дорога. Тщательный анализ вопросов, связанных с теорией и практикой железнодорожного строительства в России начале XX в., позволяет понять важные особенности социально-экономического и политического развития страны.

На примере Северного Кавказа можно проследить активизирующее влияние железнодорожного строительства на процесс модернизации в России во второй половине XIX – начале XX вв. Сказанным определяется актуальность темы исследования и необходимость её научного осмысления.

2. Материалы и методы

2.1. На основе анализа архивных и опубликованных источников определяется роль и значение проведения железной дороги в процессе интеграции экономических и политических реформ на Северном Кавказе. В фондах Российского государственного исторического архива: «Кавказский комитет» (РГИА. Ф. 1268), а так же в фондах Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева: «Доклады городского головы 1905–1914 гг.» (СОИГСИ. Фонд Г.В. Баева), авторами исследования почерпнуты сведения о развитии железнодорожного строительства на юге империи, что позволило раскрыть поставленную проблему. Важнейшим источником стали изданные официальные материалы, циркуляры, ежегодные специальные отчеты.

2.2. Исследование проведено на основе принципов историзма и объективности, предполагающих познание вещей и явлений в их становлении и развитии. Такой подход представляется перспективным, так как позволяет избежать односторонности и предвзятости при оценке исторических событий.

3. Обсуждение

Из массива опубликованных трудов посвященных железнодорожному строительству выделяются работы известных отечественных ученых Л.В. Куприяновой (Куприянова, 1981), А.М. Соловьевой (Соловьева, 1975) В.Н. Ратушняка (Ратушняк, 1993), А.В. Фадеева (Фадеев, 1959) и др. Авторы исследовали становление капиталистических отношений на Северном Кавказе и осветили роль Владикавказской железной дороги в деле модернизации социально-экономического устройства региона.

История сооружения Владикавказской железной дороги и особенности развития железнодорожной сети Северного Кавказа в конце XIX начале XX вв. посвящены работы, Ю.Г. Харина (Харин, 2003), А.В. Забелина (Забелин, 2016), С.А. Цирульников (Цирульников, 1891), П.П. Мигулина (Мигулин, 1903), и др.

В работах Г.В. Баева (Баев, 1914), А.А. Кучинского (Кучинский, 1908), А. Камбиаджио (Камбиаджио, 1913), В.М. Верховского (Верховский, 1898) и др., предметом анализа стали вопросы влияния железных дорог на развитие внутренней и внешней торговли в России, отмечалось стимулирующее воздействие железнодорожного строительства на увеличение товарооборота. В трудах этих авторов содержатся материалы о сооружении Кавказской перевальной железной дороги.

4. Результаты

1860–1880 гг. для России стали временем бурного промышленного подъема, это явилось результатом не только благоприятной экономической конъюнктуры, но и правительственной политики поощрения развития и модернизации отечественной промышленности. В начале XX века на долю Российской империи приходилось уже 5 % мирового промышленного производства. Наблюдался рост и железнодорожного строительства. Более того, российское правительство старалось привлечь в эту сферу и частные капиталы, создавая выгодные условия для железнодорожных концессионеров, одновременно продолжая ограниченное казенное строительство.

Стремясь укрепить свое стратегическое, политическое и экономическое влияние на Кавказе, правительство неоднократно возвращалось к рассмотрению вопроса о железнодорожном строительстве в регионе. Кавказская администрация поддерживала идею правительства о соединении центра империи с Кавказом железнодорожным путем. Сооружение железнодорожной магистрали на Северном Кавказе подготовило бы «желаемый коренной переворот в сношениях Кавказского края с Россией как в гражданском, так и в военном отношении. Предоставляя полный простор русскому элементу влиять на эту богатую страну как в нравственном смысле, так и в коммерческом отношении, проектированная дорога обеспечит рассматриваемую пограничную область от всяких случайностей, внутренних беспорядков и внешних вторжений, сделав всякие попытки наших врагов против Кавказа почти невозможными... Только подобная дорога может прикрепить Кавказский край и Закавказье к России навсегда прочными и неразрывными узами...» (Наша железнодорожная политика, 1902: 35).

Сооружение в 1870-х гг. железной дороги между Ростовом и Владикавказом открыло новую страницу в экономическом освоении Северного Кавказа. После завершения очередной русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) Комитет министров рассмотрел вопрос «Об устройстве железных дорог на Кавказе и Закавказском крае». Этот вопрос был также рассмотрен и наместником на Кавказе Великим князем Михаилом Николаевичем. Им была представлена подробная записка о необходимости возобновления строительства железных дорог на Северном Кавказе и Закавказье. Наместник отмечал: «Необходима немедленная постройка железных дорог, связывающих Закавказье

с Россией. Эта необходимость, кроме интересов политического положения нашего здесь – в крае, ясно указывается и соображениями военного характера» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 174. Л. 5 об.). В связи с этим встал вопрос о сооружении линии от Владикавказа до Петровска, которая вошла в 1879 г. в намеченную правительством программу строительства железных дорог.

Общий план железнодорожного строительства на Северном Кавказе был представлен на обсуждение Комитета министров. В плане подчеркивалось, что «испытанные в минувшую войну затруднения по мобилизации и укомплектованию действовавших за Кавказом войск, а равным образом по содержанию значительных военных сил для охранения спокойствия в Дагестане и Чечне возводят необходимость неотложного соединения Ростово-Владикавказской дороги с Закавказским краем на степень первостепенной насущной потребности в стратегическом отношении» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 174. Л. 5).

Сооружению Петровской линии, а затем проектируемым линиям от Тифлиса к Каспийскому морю, от Петровска до Баку и далее к Астаре (иранская граница), придавалось большое военное и политическое значение. Однако Комитет министров ввиду отсутствия в казне денег решил ограничиться сооружением на Кавказе лишь только главных дорог, это линии – Тифлис-Баку и ветка на Батум.

В период экономического подъема 1880–1890 гг. в России стало оживляться железнодорожное строительство, приостановившееся в 1870-х годах. Наибольшее значение правительство придавало строительству железных дорог, непосредственно связывающих Северный Кавказ с Закавказьем и внутренними губерниями империи. Этот вопрос имел для России огромное военно-стратегическое значение неоднократно поднимался и рассматривался Комитетом министров, затем Советом министров, Государственной думой и Государственным советом (Marshall, 2006: 128). Было три принципиально разных точек зрения на разрешение этого вопроса.

Первая, проводимая наместником Кавказа Великим князем Михаилом Николаевичем, сводилась к тому, что эффективнее всего строить железнодорожный путь в направлении Владикавказ – Петровск – Баку и далее к столице наместничества – Тифлису. «Кружная железная дорога в обход Кавказского хребта на Петровск и Баку к Тифлису, соединив Закавказье с центром империи, проведет вместе с тем свое благотворное влияние в военном, политическом, экономическом отношениях на пространстве своего тысячестоверстного протяжения по Кавказскому и Закавказскому краю. Обстоятельство это имеет огромное значение. Задача наша в Кавказском наместничестве не состоит только в защите этого края от турок и англичан. Опасность нам угрожает не с одной турецкой границы, она заключается и во внутреннем состоянии Кавказа. Нет надобности доказывать, какое важное значение имела бы для Кавказа в смысле окончательного умиротворения его и слияния с Россией экономическими, а через них и нравственными интересами железная дорога, прорезывающая Терскую область и опоясывающая Дагестан», – писал наместник в столицу (РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 174. Л. 8).

Этот проект был поддержан в высших военных кругах Кавказской армии. Неудачный результат Крымской кампании (1853–1856 гг.), прошедшей русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) показали необходимость такой дороги. Из-за отсутствия железнодорожной магистрали расходы по передвижению войск, перевозки провианта и снаряжения достигали размеров стоимости сооружения необходимой железной дороги (Куприянова, 1983: 61).

Вторая точка зрения, выражавшаяся в необходимости сооружения кратчайшего пути через Кавказский хребет, поддерживалась министром иностранных дел А.М. Горчаковым и военным министром Д.А. Милютиним. По распоряжению министерства Путей сообщения с 1872 по 1878 гг. инженером Б.И. Статковским было составлено три предварительных проекта перевальной дороги с пересечением Кавказского хребта в центральной его части под перевалами Крестовым, Квенамским и Магским. Первые два перевала находятся между реками Терек и Арагвой на прямой линии, соединяющей Тифлис с Владикавказом. Третий проект – Горийское направление – предполагал соединение Эльхотова или Дарг-Кох Владикавказской дороги по ущельям рек Ардона и Лиахвы через перевал Джумагский к Гори Закавказской железной дороги.

Третья точка зрения представляла собой совершенно иное направление в строительстве железных дорог на Кавказе. Проект был составлен инженерами путей сообщения Г.В. Адриановым и М.А. Малишевским, заключался в следующем, не отрицая значения перевальной дороги через Кавказский хребет, отмечая ее стратегическое значение, а так же, что этот путь может «соединить по кратчайшему направлению Тифлис с Владикавказской дорогой», вместе с этими достоинствами авторы отмечали, что «эта дорога пройдет по местности, совершенно не населенной и которая не может быть призвана к жизни никакой железной дорогой...Стоимость этой дороги, пересекающей хребет...должна быть исключительно велика» (К вопросу о железных дорогах, 1910: 5). Взамен перевального направления авторы предлагали проложить Черноморско-Кубанскую железную дорогу, которая «соединит Ростов с Тифлисом чрез побережье, при наличности местного груз и местного пассажирского движения, а так же при значительно меньших затратах на постройку» (К вопросу о железных дорогах..., 1910: 11).

В 1896 г. Комитет министров рассмотрел все варианты строительства железной дороги на Кавказе. Приняв во внимание идею сооружения перевальной дороги через Кавказский хребет, как

проект важный и необходимый, были учтены и ее значительная стоимость (от 300.000 до 111.408.000 руб.). Поэтому Комитет министров решил отложить постройку дороги до окончания Сибирской магистрали, однако разрешив Обществу Владикавказской железной дороги сооружение линии Петровск-Дербент, именно это решение и утвердил император 17 мая (*Исторический очерк...*, 1899: 408).

Однако, несмотря на положительную резолюцию императора в вопросе строительства Бакинской линии, вопрос этот еще обсуждался в министерстве финансов и путей сообщения, т.к. встретило возражение со стороны начальника Главного штаба генерал-адъютанта Н.Н. Обручева. Он считал, что направление Петровск-Дербент-Баку, «не может быть признано благоприятно разрешающим вопрос» и высказывался за неотложное строительство перевальной дороги через Кавказский хребет. По мнению Н.Н. Обручева окружной путь через Баку, не удовлетворяет стратегическим целям и не пригоден в политическом отношении.

Великий князь Михаил Николаевич присоединился к этому мнению, однако подчеркнул, что строительство линии через Кавказский хребет возможно только после завершения Сибирской дороги, в этой связи едва ли есть основания отказываться от направления Дербент-Баку, тем более, что и император выразил свое положительное отношение.

О необходимости строительства перевальной дороги высказался и статс-секретарь Д.М. Сольский, при этом подчеркнул, что для суждения о ней необходимо царское соизволение и результаты комиссий. Несмотря на целый ряд предварительных работ по пяти направлениям, окончательных изысканий произведено не было. Мнение статс-секретаря поддержал и министр финансов С.Ю. Витте, указав на опасность для бюджета одновременного принятия на себя казной постройки Сибирской и перевальной дорог.

Таким образом, Общество Владикавказской дороги получило разрешение увеличить облигационный капитал на сумму 12.274.139 рублей, не считая процентов за время строительства и расходов по реализации. Помимо этого капитала, предназначенного для строительства Баладжарского участка, было выделено на постройку Царицинско-Тихорецкой и Петровско-Дербентского направления 37.259.129 рублей (*Исторический очерк...*, 1899: 410).

К началу XX века строительство Владикавказской железнодорожной сети было завершено: введены в действие Бакинская линия, Кавказско-Екатеринодарская линия, а также многочисленные подъездные пути. Более того, началось строительство второго пути от Ростова до Тихорецкой, который в перспективе планировали довести до Тихорецкой и далее (*Grinevetsky et al.*, 2015: 460; *Харин*, 2003: 85).

Таким образом, в начале XX в. Владикавказская железная дорога стала одной из важнейших транспортных магистралей (См: *Metzer*, 1977: 131) соединившей северокавказские территории страны и являвшейся единственным транзитным путём в Закавказье.

Однако столь масштабное строительство Владикавказской железной дороги не смогло отеснить вопроса, связанного с сооружением перевальной железной дороги через Кавказ, так как в реализации этого проекта были заинтересованы Кавказский наместник и правительство, в лице Военного министерства. Вновь к решению вопроса о перевальной дороге в высших правительственных кругах вернулись в 1909 г. За период с 1894 по 1909 гг. были собраны материалы и сведения, обследованы районы проектируемой перевальной дороги. Особый вклад и наиболее ценный материал был предоставлен из канцелярии наместника на Кавказе. В «Обзорах» губерний и областей Кавказа за 1909 г. представлены экономическо-статистические данные, относящиеся, как к району проектируемой железной линии, так и ко всей территории Кавказа.

Перевальная дорога через Кавказский хребет всегда занимала внимание наместника И.И. Воронцова-Дашкова. Идею сооружения перевальной железной дороги наместник расценивал как жизненно важную коммуникацию между Кавказом и остальной Россией, имевшую большое экономическое, политическое и стратегическое значение.

С 1908 по 1913 гг. типография Главного управления наместника Кавказа издала более 30 трудов как по изучению вопроса о перевальной железной дороге, так и по разработке железнодорожной сети Северного Кавказа и Закавказья. В трудах инженеров были необходимые сведения о природе, физико-географические условия, описание рельефа, гидрографии, геологии и минеральных богатств, а так же этнографии населения, его занятий (*Кавказская Перевальная...*, 1913). Были собраны и обобщены сведения о деятельности проезда по Военно-Грузинской дороге за период с 1909–1911 гг., а Тифлисская физическая обсерватория представила результаты своих наблюдений об осадках и снеговом покрове в районе проектируемой железной дороги. Все эти материалы дали возможность приступить к практической реализации многолетнего проекта.

На межведомственном совещании, состоявшемся 12 марта 1910 г. под председательством заместителя министра путей сообщения инженера Думитрашко, был поставлен вопрос о направлениях и вариантах проведения дороги через перевал. Было рассмотрено несколько вариантов, в том числе и предложенное еще в 1890–1892 гг. инженером Ф.Д. Рыдзевским Архотское направление «Владикавказ-Тифлис», которое предполагало объединение «двух жемчужин Кавказа».

Направление перевальной железной дороги на Слепцовскую оказалось неудовлетворительным по барометрическим и некоторым другим показателям. Карабулакский вариант, был отклонен после технических исследований почвы, которые показали дефекты в виде спиральных тоннелей.

Многие члены совещания высказались за принятия Владикавказского варианта этой дороги. Так, представитель Министерства Внутренних дел тайный советник П.М. Кошкин наилучшим направлением перевальной дороги в политическом и административном отношении признал вариант с выходом к Владикавказу, поскольку данное направление являлось кратчайшим (*Владикавказский вариант..., 1914: II*).

Предпочтение Владикавказскому варианту отдавал и представитель из министерства путей сообщения профессор Н.Л. Шукин: «Перевальная дорога должна быть сооружена непременно с выходом к Тифлису и Владикавказу... это решение наилучшее» (*Владикавказский вариант..., 1914: II*).

По мнению председателя Общества Владикавказской железной дороги Н.В. Печковского, «Владикавказский вариант, сокращающий транзит на 49 верст и дающий выход к г. Владикавказ, где обществом Владикавказской жел. дор. строятся мастерские, предпочтительнее, хотя и дороже на 3 слишком миллиона рублей, благодаря большей длине тоннелей...» (*Владикавказский вариант..., 1914: II*).

Член Комитета Управления железных дорог А.П. Домбровский возражал Н.В. Печковскому: «Разница в стоимости Владикавказского и Карабулакского вариантов по данным Рыдзевского около 3,5 млн рублей. Между тем транзит по Владикавказскому варианту на 49 верст короче... благодаря сокращению длины...получится слишком 7 млн руб. Отсюда ясно, что и в финансовом отношении Владикавказский вариант лучше» (*Владикавказский вариант..., 1914: III*).

Альтернативным вариантом Архотскому направлению по распоряжению наместника военным инженером А.А. Кучинским был представлен проект по Квенамскому направлению который должен был соединить Тифлис, Гудаур и Владикавказ. Этот проект узкоколейной электрической железной дороги был внесен на рассмотрение в министерство путей сообщения. Предварительный проект был рассмотрен на особом межведомственном совещании под председательством инженера Б.А. Риппаса и был признан совещанием «технически выполнимым и отвечающим заданиям военного ведомства (перевозка одного полка в сутки и 400 вагонов, при одном пути – главное условие, которое предъявил наместник инженеру)» (*Кавказская Перевальная..., 1913: 16*).

Одним из важнейших вопросов, который должна была выяснить комиссия, это вопрос стоимости перевальной дороги. Обсуждение финансовой стороны проекта было поручено подкомиссии под председательством инженера А.Е. Струве. Комиссия не пришла к единому мнению о стоимости дороги по Архотскому направлению, так как не было единогласного и безусловного выбора этого направления. Так же комиссия не рассмотрела расчеты других проектов: Статковского – по Горийскому направлению и Кучинского – по Квенамскому.

Таким образом, у комиссии не было единогласного выбора направления строительства дороги по причине неясности технических условий и расчета стоимости. По итогам комиссии министром путей сообщения был внесен в Государственную думу законопроект «Об отпуске кредита в 300.000 рублей на производство изысканий Перевальной через Кавказский хребет железной дороги» со всеми приложениями, послужившими к его обоснованию (*Владикавказский вариант..., 1914: 17*). Законопроект был отклонен. Государственная дума, констатировала неудовлетворенность положением вопроса в строительстве перевальной дороги.

Представители Владикавказа, принимая во внимание важность сооружения железной дороги для экономической развития не только города, но и всей Терской области, обращались к правительственной власти с письменными докладами, в которых аргументированно проводилась мысль о выгоде Владикавказского проекта. В 1909 г. министр путей сообщения С. В. Рухлов принял делегацию депутатов городской думы Владикавказа, представившую подробнейшую записку Владикавказского варианта Перевальной дороги (автором записки был городской голова Г.В. Баев) (*Дарчиева, 2016: 53*).

В 1911–1912 гг. вновь проводились дополнительные изыскания по Архотскому направлению с 22-х верстным тоннелем для окончательного установления метеорологических, топографических и геологических данных для постройки дороги и выяснения ее стоимости. В сентябре 1911 г. во Владикавказ была направлена комиссия с участием иностранных специалистов и под председательством члена Государственного совета инженера Н.П. Петрова для решения вопроса о возможности проложить туннель через Архотский перевал. Швейцарские эксперты при осмотре перевала предложили строительство двухпутного тоннеля по образцу Симплонского в Альпах.

Вариант выхода железной дороги на Владикавказ через Тарское ущелье вновь был всесторонне исследован в 1912 г. комиссией Министерства путей сообщения под руководством инженера А.Л. Камбиаджио. Результаты комиссии подтвердили предпочтение Владикавказскому варианту строительства перевальной дороги, несмотря на его большую строительную стоимость (111.408.683 р.) в сравнении с направлениями на Слепцовская-Назрань (107.817.555 р.). Предпочтение было связано с тем, что город Владикавказ уже являлся одним из крупнейших по населению губернских и областных городов Кавказа. Со строительством железной дороги Ростов-Владикавказ и линии Петровск-Владикавказ город стал одним из крупнейших транспортных узлов края и района, включавшего

обширные и плодородные долины р. Терек и предгорные районы Осетии. Он был богат полезными ископаемыми, особенно серебро-свинцовыми и медными рудами.

Владикавказский район имел широкие связи с внутренними и внешними рынками посредством железной дороги и других путей сообщения. Через него проходила линия: Владикавказ-Дарг-Кох-Беслан-Назрань-Слепцовская; от Владикавказа до Моздока проходило шоссе, а на юг до Тифлиса через Дарьяльское ущелье – Военно-Грузинская дорога, кроме того, из Алагира шла Военно-Осетинская дорога на Кутаис.

Железные дороги дали мощный толчок развитию производительных сил края, способствовали внедрению капиталистических форм ведения хозяйства и расширению внутреннего рынка. Увеличивались посевные площади, расширялось производство высокотоварных сельскохозяйственных культур. Началась товаризация сельского хозяйства. Огромные площади стали распахиваться под кукурузу и другие культуры (лен, табак), которые находили, сбыт не только на местном рынке, но вывозились за границу.

Ростово-Владикавказская железная магистраль сделала доступной для российского и иностранного капитала большую часть Северного Кавказа, в том числе Терскую область. В 1890-х гг. при непосредственном участии бельгийского капитала было создано Горнопромышленное химическое общество «Алагир», в собственность которого перешли Садонские рудники и Алагирский сербросвинцовый завод.

В конце XIX в. город Владикавказ становится торговым центром, откуда товары растекались по всей области. Главными продуктами вывоза стало зерно, шерсть, предметы кустарных промыслов, а также изделия фабрично-заводского производства. Вместе с торговлей и промышленностью в 1880-х гг. в городе открылось отделение Государственного банка, задача которого, как отмечалось в уставе, состояла в том, чтобы облегчить денежные обороты, содействовать развитию отечественной торговли, промышленности, сельского хозяйства путем предоставления кредитов.

Владикавказ стал административным и стратегическим центром Терской области, в нем было сосредоточено управление казачьего войска, которое все свои крупные учебные и лечебные заведения сосредоточило во Владикавказе. Самое главное в проекте перевальной дороги направление – Владикавказ-Тифлис – сократило бы расстояние между Закавказьем и остальной частью империи (до 888 верст). Необходимо отметить слаженную работу Кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова, городского головы Владикавказа Г.В. Баева, депутатов Государственной думы представлявших Северный Кавказ в разрешении вопроса о сооружении перевальной дороги направления Владикавказ-Тифлис.

8 мая 1914 г. министр Путей сообщения статс-секретарь С. Рухлов представил доклад в Совете министров «О разрешении сооружения распоряжением и за счет казны Перевальной железной дороги через Главный Кавказский хребет по направлению к городу Тифлису», который 16 мая вынес положительное решение. Дело переходило на рассмотрение в Государственную думу. Благодаря членам Государственной думы М.А. Караулову и М.М. Далгату, «оказавшим полную поддержку при отстаивании интересов города в великом для нас деле сооружения перевальной железной дороги, верится, что дорога будет сооружена», – писал Г.В. Баев (ОРФ СОИГСИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20. Л. 1).

Начало Первой мировой войны отодвинуло многие текущие проблемы административного и социально-экономического характера на неопределенное время. И этот проект государственной важности не был реализован.

5. Заключение

Железные дороги – могущественный фактор, оказавший огромное влияние на развитие всех сторон социально-экономической жизни страны. Появление проекта строительства Кавказской перевальной железной дороги было обусловлено в первую очередь соображениями стратегического и геополитического характера. Российское правительство и Кавказский наместник выступали активными инициаторами создания данной дороги, так как стремились прочнее соединить окраину и центр империи. Проектируемая дорога, как нам представляется, несомненно, благотворно отразилась бы на общем развитии всего Кавказа, а так же способствовала бы формированию единого экономического, политического и культурного пространства России.

Литература

Баев, 1914 – Баев Г.В. Владикавказский вариант Перевальной через Кавказский хребет железной дороги в связи с проектом новой магистрали Владикавказ – Козлов. Записка. СПб., 1914. 22 с.

Верховский, 1898 – Верховский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно. СПб., 1898.

Владикавказский вариант..., 1914 – Владикавказский вариант Перевальной через Кавказский хребет железной дороги в связи с проектом новой магистрали Владикавказ – Козлов. СПб., 1914. 22 с.

Дарчиева, 2016 – Дарчиева С.В. Проблемы политико-административного управления на Северном Кавказе в начале XX в. (на примере Терской области) // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2016. Вып. 22. С. 47-56.

- [Забелин, 2016](#) – *Забелин А.В.* Владикавказская железная дорога – след в истории. Ставрополь: Сервисшкола, 2016. 132 с.
- [Исторический очерк..., 1899](#) – Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Выпуск 2. СПб., 1899.
- [К вопросу о железных дорогах, 1910](#) – К вопросу о железных дорогах на Кавказе. Черноморско-Кубанская железная дорога взамен Перевальной через Кавказский хребет. СПб., 1910. 24 с.
- [Кавказская Перевальная..., 1913](#) – Кавказская Перевальная железная дорога (1872–1913 гг.). Тифлис, 1913. 28 с.
- [Камбиаджио, 1913](#) – *Камбиаджио А.* Записка об экономическом значении и грузообороте проектируемой Перевальной через Кавказский хребет железной дороге. СПб., 1913. 178 с.
- [Куприянова, 1981](#) – *Куприянова Л.В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. (К проблеме развития капитализма вширь). М.: Наука, 1983. 230 с.
- [Кучинский, 1908](#) – *Кучинский А.А.* Материалы о Перевальной через Главный Кавказский хребет железной дороге. Тифлис, 1908. 94 с.
- [Мигулин, 1903](#) – *Мигулин П.П.* Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902). Харьков, 1903.
- [Наша железнодорожная политика, 1902](#) – Наша железнодорожная политика. СПб., 1902. Т. 2.
- [Ратушняк, 1993](#) – *Ратушняк В.Н.* По страницам истории Кубани. Краеведческий очерк. Краснодар, 1993. 208 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [СОИГСИ](#) – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
- [Соловьева, 1975](#) – *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. 314 с.
- [Фадеев, 1959](#) – *Фадеев А.В.* Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. (К проблеме развития капитализма «вширь») // *История СССР.* 1959. № 6. С. 40–62.
- [Харин, 2003](#) – *Харин Ю.Г.* Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2003. 131 с.
- [Цирульников, 1891](#) – *Цирульников С.А.* Ставропольская железная дорога: 1881–1890. Очерк истории железнодорожного вопроса за последнее десятилетие. Ставрополь, 1891.
- [Grinevetsky et al., 2015](#) – *Grinevetsky S.R., Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Kosarev A.N., Kostianoy A.G.* The Black Sea Encyclopedia. Berlin-Heidelberg: Springer, 2015. 889 p.
- [Marshall, 2006](#) – *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. London-New York: Routledge, 2006. 264 p.
- [Metzer, 1977](#) – *Metzer J.* Some economic aspects of railroad development in Tsarist Russia. New York: Arno Press, 1977. 138 p.

References

- [Baev, 1914](#) – *Baev G.V.* (1914). Vladikavkazskij variant Pereval'noj cherez Kavkazskij hrebet zheleznoj dorogi v svjazi s proektom novoj magistrali Vladikavkaz – Kozlov. Zapiska. [Vladikavkaz option Passing through the Caucasian mountain range of the railway in connection with the project of a new highway Vladikavkaz – Kozlov. A note]. SPb. 22 p. [in Russian]
- [Verhovskij, 1898](#) – *Verhovskij V.M.* (1898). Kratkij istoricheskij ocherk nachala i rasprostraneniya zheleznyh dorog v Rossii po 1897 g. vkljuchitel'no [A short historical sketch of the beginning and distribution of railways in Russia through 1897 inclusive]. SPb. [in Russian]
- [Vladikavkazskij variant..., 1914](#) – Vladikavkazskij variant Pereval'noj cherez Kavkazskij hrebet zheleznoj dorogi v svjazi s proektom novoj magistrali Vladikavkaz – Kozlov. [Vladikavkaz option Passing through the Caucasian mountain range of the railway in connection with the project of a new highway Vladikavkaz – Kozlov]. SPb., 1914. 22 p. [in Russian]
- [Darchieva, 2016](#) – *Darchieva S.V.* (2016). Problemy politiko-administrativnogo upravlenija na Severnom Kavkaze v nachale XX v. (na primere Terskoj oblasti) [The problems of political and administrative management in the northern Caucasus in the early XX century. (On the example of the Terek region)]. *Izvestija SOIGSI.* Vladikavkaz. Vyp. 22. pp. 47–56. [in Russian]
- [Zabelin, 2016](#) – *Zabelin A.V.* (2016). Vladikavkazskaja zheleznoj doroga – sled v istorii. [The Vladikavkaz railway – a trace in history] Stavropol': Servisshkola. 132 p. [in Russian]
- [Istoricheskij ocherk..., 1899](#) – Istoricheskij ocherk razvitija zheleznyh dorog v Rossii s ih osnovanija po 1897 g. vkljuchitel'no. Vypusk 2. [A historical sketch of the development of railways in Russia from their foundation to 1897 inclusive] SPb., 1899. [in Russian]
- [K voprosu o zheleznyh dorogah, 1910](#) – K voprosu o zheleznyh dorogah na Kavkaze. Chernomorsko-Kubanskaja zheleznoj doroga vzamen Pereval'noj cherez Kavkazskij hrebet. [On the issue of the railways in the Caucasus. Black Sea-Kuban Railway in exchange for Passing through the Caucasus Range]. SPb., 1910. 24 p. [in Russian]

- [Kavkazskaja Pereval'naja..., 1913](#) – Kavkazskaja Pereval'naja zheleznaja doroga (1872–1913 gg.) [Caucasian Railway Crossing Railway (1872–1913)]. Tiflis, 1913. 28 p. [in Russian]
- [Kambiadzhio, 1913](#) – *Kambiadzhio A.* (1913). Zapiska ob jekonomicheskom znachenii i gruzoobrote proektiruemoj Pereval'noj cherez Kavkazskij hrebet zheleznoj doroge. [A note on the economic significance and freight turnover of the railway projected by the Passage through the Caucasian Range]. SPb., 1913. 178 p. [in Russian]
- [Kuprijanova, 1981](#) – *Kuprijanova L.V.* (1981). Goroda Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX v. (K probleme razvitija kapitalizma vsHIR'). [The cities of the North Caucasus in the second half of the XIX century. (To the problem of the development of capitalism in breadth)] M.: Nauka. 230 p. [in Russian]
- [Kuchinskij, 1908](#) – *Kuchinskij A.A.* (1908). Materialy o Pereval'noj cherez Glavnyj Kavkazskij hrebet zheleznoj doroge. [Materials on the Passage through the Main Caucasian Range Railway] Tiflis, 1908. 94 p. [in Russian]
- [Migulin, 1903](#) – *Migulin P.P.* (1903). Nasha novejšhaja zheleznodorozhnaja politika i zheleznodorozhnye zajmy (1893–1902). [Our newest railway policy and railway loans (1893–1902)]. Har'kov, 1903. [in Russian]
- [Nasha zheleznodorozhnaja politika, 1902](#) – *Nasha zheleznodorozhnaja politika.* [Our railway policy] SPb., 1902. T. 2. [in Russian]
- [Ratushnjak, 1993](#) – *Ratushnjak V.N.* (1993). Po stranicam istorii Kubani. Kraevedcheskij ocherk. [On the pages of the history of the Kuban. Local history essay]. Krasnodar. 208 p. [in Russian]
- [RGIA. F. 1268](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]
- [SOIGSI. Fond Baeva G.V.](#) – Severo-Osetinskij institut gumanitarnyh i social'nyh issledovanij im. V.I. Abaeva [North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. in V.I. Abaev]
- [Solov'eva, 1975](#) – *Solov'eva A.M.* (1975). Zheleznodorozhnyj transport Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Railway transport in Russia in the second half of the XIX century] M. 314 p. [in Russian]
- [Fadeev, 1959](#) – *Fadeev A.V.* (1959). Vovlechenie Severnogo Kavkaza v jekonomicheskuju sistemu poreformnoj Rossii. (K probleme razvitija kapitalizma «vsHIR'») [Involvement of the North Caucasus in the economic system of post-reform Russia. (To the problem of the development of capitalism "in breadth")]. *Istorija SSSR.* № 6. pp. 40-62. [in Russian]
- [Harin, 2003](#) – *Harin Ju.G.* (2003). Istoricheskij opyt razvitija transportnoj infrastruktury Severnogo Kavkaza na primere Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi (poslednjaja tret' XIX – nachalo XX vv.). [Historical experience of the development of the transport infrastructure of the North Caucasus on the example of the Vladikavkaz railway (the last third of the XIX – beginning of XX centuries)]. Pjatigorsk: Izdatel'stvo PGLU. 131 p. [in Russian]
- [Cirul'nikov, 1891](#) – *Cirul'nikov S.A.* (1891). Stavropol'skaja zheleznaja doroga: 1881-1890. Ocherk istorii zheleznodorozhnogo voprosa za poslednee desjatiletie. [The Stavropol Railway: 1881-1890. Essay on the history of the railway issue over the past decade]. Stavropol'. [in Russian]
- [Grinevetsky et al., 2015](#) – *Grinevetsky S.R., Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Kosarev A.N., Kostianoy A.G.* The Black Sea Encyclopedia. Berlin-Heidelberg: Springer, 2015. 889 p.
- [Marshall, 2006](#) – *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. London-New York: Routledge, 2006. 264 p.
- [Metzer, 1977](#) – *Metzer J.* Some economic aspects of railroad development in Tsarist Russia. New York: Arno Press, 1977. 138 p.

УДК 93/94

Нереализованный проект железнодорожного строительства: Кавказская перевальная дорога

Светлана Валерьевна Дарчиева^{a, *}, Анзор Валериевич Дарчиев^a

^a Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
Владикавказского научного центра РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению проекта Кавказской перевальной железной дороги, выдвигавшегося в конце XIX – начале XX вв. Для России с его безграничными пространствами железные дороги всегда имели особое, стратегическое значение. Выгодное геополитическое положение позволяло Российской империи претендовать на роль транспортного моста, соединяющего Европу и Азию. Железные дороги связывали воедино обширные регионы Российской империи, способствовали укреплению социально-экономических связей между центром страны и окраинами, формируя тем самым единое экономическое пространство России. Отсюда становится

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svetik-dar70@mail.ru (С.В. Дарчиева), dar-anzor@mail.ru (А.В. Дарчиев)

понятным то огромное значение в процессе раннеиндустриальной модернизации на Северном Кавказе, которое имело строительство Владикавказской железной дороги.

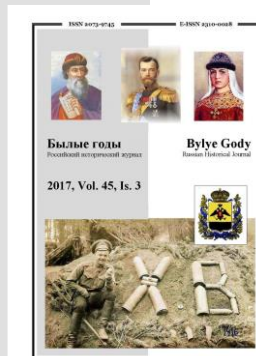
Анализ документов показывает, что строительство такой важной с экономической точки зрения железнодорожной магистрали, как Владикавказская железная дорога было обусловлено в первую очередь соображениями стратегического и геополитического характера, хотя в дальнейшем экономико-социальные факторы начинают превалировать над стратегическими. В начале XX в. сеть Владикавказской железной дороги покрыла большую часть территории Северного Кавказа. В то же время для российского правительства становится очевидной необходимость создания прямого перевального пути в Закавказье. Проект перевальной железной дороги из Владикавказа в Тифлис рассматривался на самом высоком правительственном уровне. Его воплощение, несомненно, способствовало бы индустриальному росту, как северокавказского региона, так и всей страны. Однако в силу разных причин этот важный для страны проект не удалось реализовать.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, Владикавказская железная дорога, Кавказский наместник, городской голова, Кавказская перевальная дорога, Терская область.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 937-948, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.937
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

"Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

Until present time the reformations of Don Host in 1860–1870 years were associated primarily with Russian-wide context of the Great Reforms and modernization of Russian Empire. In this article we made effort to retrace regional prerequisites of these reformations and understand if they were necessary for Don Cossacks. Based on the works of contemporaries including archival materials (unpublished manuscripts of Cossack officials, projects of deputies from Cossack villages) we have come to conclusion that Don Host in the mid 19-th century was in state of serious crisis. Don Host Oblast in economical regard more and more fell behind in comparison to ordinary provinces of Russian Empire. Furthermore, traditional insularity of Don Cossacks caused irritation of imperial officials considering it to be manifestation of "don separatism" and, what is more, local realities did not conduce to its preservation.

Keywords: the reforms of Alexander II, D. A. Milyutin, Don Host Oblast, the reforms of the Don Cossacks 1860–1870, the crisis of the Don Cossacks in the mid 19-th century.

1. Введение

Великие реформы Александра II, навсегда изменившие лицо Российской империи, затронули и Войско Донское. Уже современники спорили о том, насколько необходимы были преобразования 1860–1870 гг. на Дону, связанные с личностью военного министра Д.А. Милютин. И многие голоса звучали резко критически. Вот что писал начальник донской артиллерии Г.П. Мамаев, выражая недовольство облегчением казачьей службы: «Долговременная льгота, сколько известно, неизмеримо расстраивает части: она подрывает дисциплину, принуждает казака к лени, в военном смысле, до того, что он совершенно забывает о военной службе, и помышляет только о своем хозяйстве, и, наконец, долговременная льгота *убивает дух казачества* (курсив мой – А.П.)» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 1). Даже официозное «Столетие военного министерства» признавало, что свободный допуск в станицы иногородних привел совсем не к тем результатам, которые ожидалось: вместо заводчиков и фабрикантов, которые своими капиталами помогали бы развивать промышленность, в станицы устремились «лица сельского сословия», что в перспективе привело к нехватке земли и падению благосостояния местного населения (Столетие, 1911: 90-93). Еще неудачнее сложилась история донских земств: после ряда общественных дискуссий, в том числе и с привлечением избираемых депутатов, они были ликвидированы в 1882 г. (Козлов, Козлов, 2000: 116-118). Вероятно, самый суровый приговор реформам 1860–1870 гг. в казачьих войсках вынес уже в правление Александра III оренбургский атаман Н.А. Маслаковец. «К сожалению, несмотря на все действительные блага реформ этих, применение таковых к казачьим войскам, по несоответствию начал их с духом и бытовыми особенностями казачьих обществ и отбываемой казаками воинской служебной повинности, едва было

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

в самом корне не подсекло всего строя их прежнего развития (курсив мой – А.П.) в духе служения казачьего населения не только на страже государственных интересов по окраинам России, но и как одной из серьезных и самобытных частей в целой системе боевых сил государства» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 5). Противопоставив благополучные дореформенные времена текущему положению дел, оренбургский атаман призывал правительство смело идти по пути если не полной реставрации старых порядков, то хотя бы «восстановления прежнего значения казачьих войск» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 70б.).

О потенциальной опасности радикальных преобразований на Дону предупреждали еще до того, как Военное Министерство перешло к их реализации. Донские консерваторы рассматривали правительственные проекты как заранее обреченную утопию, как попытку разрушить благополучный уклад казачьей жизни ради ничем не обоснованных надежд на создание нового, еще лучшего уклада. Уже тогда Х.И. Попов, известный общественный деятель, избранный от станиц Хоперского округа для участия в разработке нового «Положения о войска Донском», поставил эпиграфом к одной из своих статей слова В.Г. Белинского: «Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его, нужен ли ему этот порядок, чтобы избавить его от бедствий существующего у него порядка, надо сперва узнать, чувствует ли он эти бедствия» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Х.И. Попов доказывал, что донское казачество новых порядков не хочет, и в них не нуждается (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-12). Так нужны ли были Великие реформы на Дону местным жителям, решали ли они какие-то реально существующие проблемы региона? Или эти преобразования, повлекшие неожиданные негативные последствия, частично свернутые и раскритикованные многими влиятельными современниками, проводились столичными чиновниками исключительно из-за либерального духа времени? И, наконец, был ли реализованный в итоге вариант реформ детерминированным и неизбежным?

2. Материалы и методы

Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратимся к текстам как сторонников, так и противников той политики, которая проводилась Военным Министерством на Дону в 1860–1870 гг. В их числе такие знаковые для истории донского казачества фигуры как князь А.М. Дондуков-Корсаков, генералы А.П. Чеботарев, И.И. Краснов, Н.И. Краснов, историки-краеведы И.П. Прянишников, Х.И. Попов. Следует сразу оговорить, что большую часть работ участников дискуссии 1860 гг. о перспективах реформ в казачьих войсках, независимо от их формальной жанровой принадлежности (научная монография, газетная статья, официальный документ и т.п.) следует рассматривать как произведения публицистического стиля, направленные на убеждение заинтересованных лиц в правильности изложенных идей. Даже те материалы, которые формально носят служебный характер и не планировались к публикации, фактически были ориентированы на нейтральных читателей, если не на политических противников из чиновничьей среды, которых нужно было склонить к реализации определенного варианта преобразований. Поэтому тексты подобного рода были достаточно интересны для всех образованных жителей Земли Войска Донского, и то, что часть из них попала в печать, а часть так и осталась неизданной, зависело не столько от воли создателей, сколько от внешних факторов. Например, правительственные «Соображения учрежденного при управлении иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», хотя и предназначались не для широкой публики, но для членов местных комитетов в казачьих войсках, почти сразу же после написания были включены Н.И. Красновым в одну из его полемических книг в виде целых страниц цитат (Краснов, 1864: 196-213). С другой стороны, Военное Министерство серьезно опасалось популяризации взглядов своих противников, и в 1863 г. даже ввело в связи с этим специальный цензурный запрет на публикацию оппозиционных его политике материалов, из-за чего значительная их часть так и осталась в рукописях (Volvenko, 2015c: 200-203).

В результате полемические работы участников дискуссии о необходимости реформ донского казачества в 1860 гг. оказались не только разбросаны по страницам новочеркасской и столичной печати, но и скрыты в некоторых архивах. Из известных нам неопубликованных документов в этом отношении наиболее важны упомянутые выше «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290), содержащие апологию радикальных реформ казачества, и замечания депутатов Черкасского (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70) и Хоперского (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240) округов на правительственный проект нового «Положения о войска Донском», в которых идеи Военного Министерства подвергались резкой критике. Последние две рукописи интересны еще и тем, что их вдохновителями и важнейшими авторами, судя по всему, являлись И.П. Прянишников и Х.И. Попов соответственно (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 374). Среди опубликованных текстов особое значение имеют статьи И.И. Краснова (И.К., 1865: 73-89; Краснов, 1862: 343-356), которого некоторые донские консерваторы считали чуть ли не идеологом правительственных реформ (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Вероятно, самые фундаментальные труды в защиту правительственной политики были созданы его сыном, Н.И. Красновым (Краснов, 1863; Краснов, 1864). Противоположная, оппозиционная точка

зрения была представлена в печати куда менее разнообразно, почти исключительно статьями в «Донских войсковых ведомостях» эпохи редакторства И.П. Прянишникова (Volvenko, 2015c: 94-107).

Специфика источниковой базы, состоящей из противоречащих друг другу публицистических текстов, априори предполагает широкое использование историко-сравнительного метода. Как мы покажем ниже, некоторые из проблем казачества, отмеченных проправительственными авторами 1860 гг., носили скорее фиктивный характер. В то же время другие проблемы признавались в равной степени и сторонниками правительства, и оппозиционными консерваторами, различие между позициями которых заключалось только в предложении диаметрально противоположных путей их решения. Таким образом, только сопоставление работ представителей различных общественно-политических групп, а так же статистических данных о ситуации на Дону, может помочь понять, какие проблемы в 1860 гг. действительно стояли перед донским казачеством, а какие были выдуманы в добросовестном заблуждении или в полемических целях.

С другой стороны, на процесс реформ оказали существенное влияние взаимоотношения Донского войска с центральной властью, и то, как объективно существующие проблемы воспринимались имперским чиновничеством. Поэтому мы будем применять так же историко-биографический метод. На наш взгляд, именно субъективные факторы личных предпочтений Д.А. Милютин и его окружения определили, какой вид, в конечном счете, приобрели Великие реформы на Дону. Использование историко-биографического метода требуют и те материалы, на которых основывается наша работа: до того, как перейти к сравнению текстов, необходимо учесть позицию их авторов по отношению к планируемым преобразованиям, и принять во внимание искажения, к которым могла привести эта позиция.

3. Обсуждение

Дискуссия вокруг милютинских преобразований постепенно затихла к 1890 гг. Для понимания причин этого неожиданного явления следует отметить, что в конце XIX – начале XX вв. изучение прошлого донского казачества носило полулюбительский, часто политизированный характер. Особенно показательна в этом отношении попытка написать официальную историю Войска Донского, предпринятая в 1902–1912 гг. Как показал А.А. Волвенко, представители местных властей отказались от услуг профессиональных ученых с почти комической формулировкой «признать принципиально невозможным составление истории лицами, не принадлежащими к войсковому сословию Донского войска». Инициатором подобного подхода был уже упоминавшийся нами Х.И. Попов, который попутно раскритиковал привлекавшегося для консультаций В.О. Ключевского за прямой вопрос, нужна ли войсковым властям «история формальная, официальная, с известными пропусками» или же «правдивая история». По мнению Х.И. Попова, такое противопоставление было «неправильным и ненаучным» (Волвенко, 2006: 119-121). Не удивительно, что в итоге создать полноценное исследование всей истории донского казачества не удалось, и войсковая администрация приняла решение сосредоточиться на описании героической эпохи М.И. Платова (Волвенко, 2006: 119-122).

Если В.О. Ключевский не сумел удовлетворить запросам донских властей как историк, то это полностью удалось П.Н. Краснову. В 1909 г. по распоряжению наказного атамана А.В. Самсонова вышла в свет книга этого одиозного автора «Картины былого Тихого Дона», представляющая собой популярный очерк прошлого донского казачества со времен его возникновения до начала XX в. И в ней невозможно не заметить очевидной попытки обойти проблемные стороны милютинских реформ. Обратим внимания на два факта, которые в дальнейшем были развиты донской историографией. Во-первых, П.Н. Краснов связывал преобразования Войска Донского в 1860–1870 гг. исключительно с общероссийским, а не с местным контекстом: генерал ни словом не упомянул о каких-либо проблемах на Дону, требующих немедленного решения, зато подчеркивал, что реформы при Александре II проводились повсеместно, и вполне закономерно «коснулись» и Дона (Краснов, 1909: 444). Во-вторых, донской генерал ограничился рассмотрением только некоторых преобразований, укладывающихся в его концепцию благополучного развития Войска Донского под эгидой российских императоров. О том, что введение земств и свободный допуск в войско иногородних вызвали возмущение многих казаков, он предпочел умолчать (Краснов, 1909: 445-446).

И причины такой «забывчивости» как П.Н. Краснова, так и местных властей, отказавшихся от услуг авторитетного ученого, желавшего принять участие в создании «правдивой истории» донского казачества, лежат на поверхности. Недовольство правительственными реформами в начале 1860 гг. доходило до того, что Военное Министерство всерьез опасалось бунта на Дону (Волвенко, 2014: 16). Именно так, «Бунт на Дону», назвал свои воспоминания участник этих событий А.А. Карасев (Карасев, 1900: 167-174). Напомним, что в начале XX в. российские власти проводили курс на «искусственное сохранение казачества» (Волвенко, 2006: 125), а консервативная часть донского общества пыталась извлечь максимум выгоды из такой политики, что ярко продемонстрировал союз местных консерваторов с атаманом Ф.Ф. Таубе (Корниенко, 2013: 73-110). В этих условиях полноценное исследование милютинских реформ на Дону было не выгодно ни властям, ни авторам консервативного лагеря: действия оппозиционеров-«бунтовщиков» 1860-х гг. компрометировали миф о абсолютной преданности казаков Российской империи, а политика Военного Министерства в

эти же годы разрушала представление о незыблемости казачьих привилегий, гарантированных Высочайшими грамотами. И та позиция, которую транслировал П.Н. Краснов в своей книге, оказалась очень удобной полуправдой: в рамках проправительственного официоза было выгоднее рассматривать реформы Донского войска 1860–1870 гг. в общероссийском контексте, как нечто неизбежное, детерминированное общим ходом российской истории и либеральными веяниями эпохи. Разумеется, при подобном подходе вопрос о локальных, специфически донских предпосылках этих преобразований не представлял особого интереса.

В дореволюционный период основным заказчиком обобщающих исторических трудов о донском казачестве выступало государство. Неудивительно, что в консервативную эпоху 1880–1910 гг. все заказы на подобные труды, предполагающие наличие раздела о милютинских реформах, получили консервативные авторы. Помимо П.Н. Краснова, это были П.Х. Попов, который должен был написать упомянутую выше официальную историю донского казачества, но не справился с заданием, и С.Ф. Номикосов, создатель известного историко-статистического описания Дона. П.Х. Попов, по понятным причинам, своей концепции милютинских реформ не создал. Что касается С.Ф. Номикосова, писавшего до П.Н. Краснова, то он так же пытался доказать, что правительственные преобразования 1860–1870 гг. были неизбежны по причинам, не связанным с Донским войском, и не вызвали возмущения у казаков. Донской статистик утверждал, что в 1860 гг. наблюдалось только «некоторое брожение умов» исключительно в Новочеркаске, но никак не недовольство в станицах. Что касается самих реформ, то они, по мнению С.Ф. Номикосова, только развивали «Положение о войске Донском» 1835 г., и были порождены... необходимостью усовершенствования отдельных сторон данного документа, которые не могли не устареть за четверть века (Номикосов, 1884: 48–49). Такая концепция, из-за очевидной несостоятельности, не нашла поддержки у позднейших исследователей и была забыта.

Обобщающих работ по истории донского казачества, носящих либеральный характер, в 1880–1910 гг. создано не было, из-за чего охарактеризовать воззрения донских либералов на преобразование двух предыдущих десятилетий в казачьих войсках заметно сложнее. Но, судя по отдельным статьям и мемуарам, и они полагали, что эти преобразования были predetermined факторами высшего порядка, российским контекстом и логикой эволюции донского казачества. Либеральные авторы не спорили о целесообразности милютинских реформ, но ругали Военное Министерство и самих себя за то, что эти реформы так и не были доведены до логического завершения. Например, А.А. Карасев сетовал, что в начале 1860 гг. он и остальное донское общество были не правы, заставив Д.А. Милютину скорректировать свою политику и отказаться от наиболее радикальных идей. Он писал: «Ей (дожившей до начала XX в. молодежи того времени – А.П.) теперь немного стыдно, что она ратовала за неотменимость старых устоев казачьего существования, за закрепощение казака, теперь так тяжело на нем отозвавшееся» (Карасев, 1900: 173). Соответственно, в дореволюционный период ждать полноценного анализа предпосылок милютинских реформ, с детальным изучением местного контекста, не стоило ни от консерваторов, для которых отдельные аспекты данной темы были табуированы, ни от либералов, считавших целесообразность проведенных преобразований аксиомой.

К сожалению, за прошедший век ситуация изменилась мало. К тому моменту, когда на Дону сформировалось сообщество профессиональных ученых-историков, мнение о естественности и неизбежности реформ донского казачества 1860–1870 гг. стало общим местом, и обсуждению уже не подвергалось. На наш взгляд, этому способствовала как советская концепция детерминированности исторического процесса, так и почти полное отсутствие исследователей, специально занимающихся этим периодом истории Дона. Только в последние десятилетия ситуация улучшилась, и был создан ряд важных и новаторских работ, в той или иной степени затрагивающих историю донского казачества второй половины XIX в. Однако они, как правило, не претендуют на обобщающий характер (Chuiikov et al., 2016: 675–687). И, разумеется, в текстах о общественно-политической жизни Земли Войска Донского в 1860 гг. (Volvenko, 2015a; Volvenko, 2015b; Volvenko, 2015c), о отдельных казачьих поселениях (Скорик, 2015) или о правовом положении различных сословий региона (Герман, 2003) детальный разбор такого сложного и многогранного явления, как предпосылки Великих реформ в их донском варианте, был едва ли уместен.

В итоге современные историки продолжают транслировать конструкт историографии вековой давности о том, что милютинские преобразования на Дону были не просто неизбежны, но неизбежны из-за изменений, происходивших в России в целом. Например, один из немногих авторов старшего поколения, регулярно обращающихся в своей исследовательской деятельности к истории Земли Войска Донского 1860 гг., Р.Г. Тикиджьян, в своей недавно вышедшей монографии пишет: «Подготовка и проведение необходимых России либеральных реформ 1860–1870 гг., начавшиеся модернизационные процессы в экономике и обществе, объективно должны были привести к постепенному исчезновению казачества как военно-служилого, «полуфеодалного», «полупривилегированного» сословия, сохранявшего при этом ярко выраженные черты особого субэтнуса (соэтнуса) великорусского народа. Проблема сохранения казачества именно как «военно-служилого сословия» на пограничных территориях Российской империи, мобильной части армии, особенно на Юго-Востоке и Кавказе, серьёзно беспокоила Императора и Госсовет в контексте

подготовки реформ» (Тикиджьян, 2013: 82). А.А. Волвенко, крупнейший специалист по истории донского казачества середины XIX в., связывает «актуализацию казачьего вопроса» с «модернизацией Российской империи» и «замирением Кавказа и степи» (Волвенко, 2014: 12).

4. Результаты

Прежде, чем перейти к основной части нашей работы, следует отметить, что ситуация, сложившаяся в казачьих войсках к середине XIX в., не устраивала, по большому счету, никого. Критика существующих законоположений велась общественными деятелями самых разных направлений, правительственными чиновниками и простыми казаками, депутатами от станиц. Любопытно, что в это время даже такой противник милютинских реформ, как Н.А. Маслаковец, не только поддерживал мысль о необходимости преобразований в казачьих войсках, но и примыкал к авторам радикального лагеря. В начале 1860 г. он вообще выступил с запиской, в которой настаивал на скорейшей ликвидации Оренбургского казачьего войска! К сожалению, оригинал его текста нам не известен, но, по свидетельству оренбургского атамана П.В. Зворыкина, будущий генерал предлагал «обратить это войско в податное состояние, на том основании, что оно вовсе почти не имеет заслуг воинственности, и, оберегая линию, несло постоянно скорее полицейскую, чем военную службу, что примеры участия полков этого войска в военных действиях были редки, при настоящем же положении дел в здешнем крае оно вовсе не удовлетворяет своему назначению, и теперь казаки дурно или даже вовсе не обучены и совершенно почти не привычны к отбыванию воинской службы». Н.А. Маслаковец доказывал, что «от этого преобразования и казна и край весьма выиграют» (ОР РНБ, Ф. 748, ед. хр. 3, Л. 1). Именно из-за большого количества работ, призывающих к изменениям на Дону и в казачьих войсках в целом, мы не будем останавливаться на отдельных документах, но попытаемся систематизировать их содержание, выделив важнейшие местные донские факторы, которые делали необходимым проведение серьезных реформ.

1) *Не разработанность ресурсов Земли Войска Донского.* Неоднократно упомянутому нами донскому статисту Н.И. Краснову принадлежат крайне любопытные расчеты. В «Соображениях о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» он показал, что если бы плотность населения на Дону в 1860 г. соответствовала хотя бы характерной для относительно малонаселенных уральских губерний, то общее число жителей Земли Войска Донского достигло бы 1 400 671 душ мужского пола против 468 331 душ в реальности (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 134об.-135об.). На основании приводимых Н.И. Красновым цифр мы установили, что если в Самарской губернии на душу мужского населения в это десятилетие приходилось 11,7 десятин удобной земли, в Симбирской губернии 4,4 десятины удобной земли, а в Оренбургской губернии 12 десятин удобной земли (Peretyatko, 2016: 311), то на Дону на душу мужского населения приходилось целых 27 десятин удобной земли (Peretyatko, 2016: 316).

Правда, сами казаки уже жаловались на сокращение площадей наделов, но эти жалобы носили весьма своеобразный характер. Например, депутаты от Хоперского округа в 1863 г. находили недостаточными станичные юрты в своих станицах, в которых в среднем приходилось по 23 десятины земли на мужскую душу, и требовали их доведения до прописанной в законе пропорции в 30 десятин на душу. Они признавали, что и имеющихся юртов вполне достаточно для поддержания благосостояния казачьих хозяйств, но требовали дополнительные участки для улучшения станичного коннозаводства. Очевидно, понимая сомнительность такого довода, депутаты призывали не дожидаться момента, когда казаки ощутят реальное стеснение от недостатка земли, но действовать на опережение, не создавая самой возможности для подобного развития событий (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 120б.-130б.). На наш взгляд, подобные жалобы свидетельствовали не о недостатке земель на Дону, но о непонимании казаками реальной ценности земельных угодий и желании сохранить ситуацию, когда экономические проблемы отдельных хозяйств решались не за счет эффективного использования паевых участков, но за счет их размеров.

И у казаков были свои причины бороться за сохранение старого порядка. Н.И. Краснов, возможно, крупнейший критик экономической составляющей казачества 1860 г., сетовал на их нежелание нормально заниматься земледелием. «Как ни значителен этот (казачий – А.П.) надел, простирающийся и теперь до 20 десятин на душу, хлебопашество у казаков находится во младенческом состоянии. Казак охотнее выбирает более легкие промыслы: скотоводство, овцеводство, виноделие, рыболовство и торговлю, и только в бедных угодьями и запасною землею округах Усть-Медведицком и Хоперском казаки стали обращать внимание на земледелие» (Краснов, 1863: 248). «При хорошей запашке и более густом сеянии казаки могли бы получить достаточные урожаи; но русское авось (курсив авторский – А.П.) не позволяет урожаю превысить сам-четверть, а в сухие годы казаки теряют даже посеянное зерно» (Краснов, 1863: 250). «Дурно запаханная земля, молотьба лошадьми, плохая очистка хлеба суть причины, уменьшающие ценность казачьего хлеба, идущего в продажу. Нередко казаки получают за свою пшеницу вдвое меньше помещиков. Только развитие образованности, знакомство с началами сельского хозяйства на школьных скамьях могут побудить казаков принять улучшенные методы агрономии; ни пример помещиков, ни огромные барыши, получаемые купцами-арендаторами, не могли до сих пор изменить у казаков их системы

земледелия. В бытность нашу в станице Луганской, лежащей в 18 верстах от Луганского литейного завода, мы не нашли у казаков никаких усовершенствованных орудий для земледелия» (Краснов, 1863: 250). Может показаться, что видный донской статистик сгущал краски, но его современник М.Н. Харузин шел даже дальше, утверждая, что «по словам самих станичников», казачьи хозяйства не могли существовать без работников из великорусских губерний. Он приводил даже цитату неназванного казака: «русский и плетень огородит, русский и коваль, он же и землекоп, и портной, и плотник, и овчинник, и пустовал, и чернорабочий, и торговец» (Харузин, 1885: XXVIII). Впрочем, для самих казаков такое положение дел было только поводом для гордости. По свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, каждое лето на заработки в казачьи хозяйства нанималось около 100 000 крестьян. «Каждый немного зажиточный казак, особенно во время покоса и уборки хлеба, нанимает себе работника из пришедших крестьян, и считает себя на это время хозяином их» (Карасев, 1896: 575).

Специфику казачьего подхода к сельскому хозяйству ярко демонстрировало поведение многих бедных казаков. По традиции, земли в станичных юртах не делились, и каждый хозяин запахивал столько, сколько мог. В теории такое положение было удобно всем, однако к началу 1860 гг. оно стало вызывать неудовольствие в относительно малоземельных станицах. Часть казаков, обычно из наименее зажиточных, выступала за правильный раздел земли, причем планируя не работать на своих участках, но сдавать их в аренду богатым соседям (Краснов, 1863: 249). В казачьей среде такие настроения не вызвали осуждения: в 1863 г. депутаты от станиц хотя и признавали, что желание правильных разделов было основано на надежде некоторых станичников сдавать паевую землю, не возделывая ее самостоятельно, но, несмотря на это, находили идею раздела «справедливой». Поэтому депутаты требовали организовывать разделы юртовых земель даже если большинство жителей станицы не одобряли данную инициативу. Кроме того, настойчиво рекомендовалось наказывать богатых казаков за самовольную запашку чужого пая после раздела не штрафом, но передачей всего урожая «настоящему хозяину», который не работал (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 17-180б.). Забегая немного вперед, отметим, что допуск иногородних на территорию Земли Войска Донского и последовавший за этим рост арендных цен на землю ярко продемонстрировали всю неестественность и порочность подобного отношения к сельскому хозяйству, которое предполагало, что казаки не столько трудятся на своих участках, сколько используют их в качестве источников дохода с помощью рабочей силы батраков или арендаторов. Снова дадим слово современникам. «Пользуясь высокими арендными платами, казаки стали бросать свое хозяйство, предпочитая сдавать всю свою землю в аренду (курсив мой – А.П.). Полученные деньги в громадном большинстве случаев истрачивались самым непроизводительным способом, и в результате получалось не только материальное разорение казаков и их семейств, но и нравственная порча населения, так как деньги, добытые таким легким способом, давали казаку возможность предаваться праздности, а в случае нужды рассчитывать на помощь общества или войска» (Столетие, 1911: 91).

Остается констатировать, что к середине XIX в. Земля Войска Донского была малонаселенной территорией, жители которой, к тому же, не демонстрировали особенного трудолюбия. Винить их в этом, с учетом традиций Дона и практики многократных призывов на службу, было трудно: в николаевское время казак служил в общей сложности 30 лет, с недолгими перерывами на льготу после каждых 3–4 лет пребывания в строевых частях (Столетие, 1907: 97-111). Соответственно, заниматься хозяйством он мог только во время кратковременных возвратов домой, с учетом неизбежности скорого призыва, или в пожилом возрасте, в чистую выйдя в отставку. И трудно не согласиться с Н.И. Красновым, который писал: «Если принять в соображение, что поголовная воинская повинность известного населения препятствует ему развивать сельскую и городскую промышленность, употреблять свои капиталы на торговые предприятия, и вообще идти по пути гражданственности, а так же, что самое боевое снаряжение, приобретаемое казаком лично, а не гуртом, стоит по крайней мере вдвое дороже, чем оно стоит казне, то мы придем к естественному заключению, что при содержании казачьих военных населений вместо регулярных войск, должна терять и государственная казна, вследствие недополучения с определенного населения доходов, и сами казаки, коих материальное благосостояние далеко ниже того, которое могло бы развиться от приложения свободного труда к благодатным поземельным угодьям. Без сомнения, пока Россия была окружена дикими и кочевыми ордами, вторгавшимися в ее пределы, когда источники государственных доходов состояли из одних прямых личных податей, и правительство даже не имело понятия о важности косвенных налогов, количество которых главным образом зависит от свободного пользования подданных своим трудом и капиталом – в то отдаленное время казачьи населения вполне соответствовали обстоятельства. <...>. Однако уже император Петр Великий осознавал вред от исключительно военного направления казаков, вводя между донцов сельскую промышленность и неразлучную с нею гражданственность» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 121об.-122). Исправить ситуацию и обеспечить быстрое экономическое развитие донских земель было крайне проблематично без резкого, вызванного не только естественным приростом увеличения населения. Кроме того, было бы неплохо, если бы пришельцы подходили к земле иначе, чем казаки, работая на ней с большим трудолюбием. Но внешнему притоку людей на территорию Земли Войска Донского мешал следующий фактор.

2) *Замкнутость Донского войска.* Вокруг этой проблемы сложилась куда более запутанная ситуация. Прежде всего, следует различать замкнутость казачьего сословия и относительную закрытость Земли Войска Донского для жителей остальной России. Официальное российское законодательство в середине XIX в. гарантировало и то и другое, и под «китайской стеной, отделяющей Дон от России» мог подразумеваться запрет на вступление в казачество, а могло – воспрепятствование иногородним приобретать недвижимость на Дону.

Впрочем, обе эти особенности вызывали резкое неприятие у имперской бюрократии. В этой связи интересны замечания либерального министра внутренних дел П.А. Валуева на разработанный с участием станичных депутатов проект нового «Положения о войске Донском». Приведем обширную цитату из официальной переписки правительственного чиновника. «Подтверждением доводов расширить право казачьего сословия внутри войска и укрепить замкнутость от единства с Империей служит то, что Комитет, проектируя ст. 339, относит к обязанностям поземельного отделения: «охранение неприкосновенности войсковых границ», ибо в противном случае, вместо слова «границ», следовало поставить слово «земель», чтобы устранить и самую мысль о неприкосновенности границ между составными частями всего государства. Конечно, настоящее обстоятельство, отдельно взятое, не подлежало бы, может быть, и суждению по мелочности заключающегося в нем предмета, но значение его в совокупности со всеми другими статьями проекта положения, клонящимися к *обособлению страны* (курсив мой – А.П.), делается несомненным и не должно уже быть обойдено незамеченным» (Волвенко, 2014: 18).

Если подобное писал либерал, то чего можно было ждать от консерваторов? М.Н. Катков в 1864 г. прямо обвинил в сепаратизме ту часть войсковой администрации, которая поддерживала казакоманов, донских общественных деятелей, выступавших за сохранение исторических традиций Донского войска и оппозиционных правительству (Перетяцько, 2015: 227-233). К.П. Победоносцев, лично побывавший на Дону в 1863 г., был несколько более сдержан в оценках. «Донское казачество, бесспорно, имеет свою славную историю и свои исторические особенности быта, которые отрицать и насиловать невозможно, точно также как невозможно отрицать индивидуальный характер каждой личности; но на этот раз пылкие приверженцы псевдо-исторической идеи Дона построили эту идею не по действительной истории, а по тем мечтательным началам, которые воображение показало и расписало им яркими красками в истории старого казачества. С этим идеалом соединили понятие об исключительности и замкнутости быта на Дону и старались возвести на высоту начала подозрительное ко всем посторонним, т.е. к так называемым «иногородним». <...>. А тут еще в добавок с берегов Невы донесли до Дона ребяческие мечты и сказки о самостоятельности всякого рода племен в русском государстве, об автономии языка и учреждений, о федеративном начале и т.п.» (Бабст, Победоносцев, 1864: 526-528).

Опасения столичных жителей старательно раздували прогрессисты, проправительственно настроенные донские чиновники и офицеры, обвинявшие своих оппонентов в том, что они «созидают искусственную народность», производя донских казаков от жителей Тьмутараканского княжества и противопоставляя их русским (Краснов, 1862: 343-356). Сейчас в это трудно поверить, но в 1860 гг. донской сепаратизм казался многим реальной угрозой, и остроумный и язвительный М.Е. Салтыков-Щедрин жаловался: «В скором времени нельзя будет купить фунта балыка, чтобы вслед за тем не последовало обвинения в сепаратизме в пользу Земли Войска Донского» (Салтыков-Щедрин, 1864).

Таким образом, у имперской элиты вызывал неприятие сам принцип замкнутости, безотносительно к его реальному применению на Дону. Не важно, раздражало ли чиновников это наследие казачьего прошлого как «не соответствующее духу новейшего законодательства» (характеристика взята из внутренней переписки Военного Министрства, и, на наш взгляд, хорошо отражает критику «границ между составными частями всего государства» П.А. Валуевым (Волвенко, 2014: 18), или в закрытости донского региона видели семена сепаратизма (на практике этот сепаратизм существовал скорее в воображении прогрессистов и сотрудников правительственного аппарата (Перетяцько, 2015: 227-233). «Китайская стена» между Землей Войска Донского и остальной Российской империей должна была быть разрушена уже из-за этих абстрактных соображений влиятельных лиц, независимо от местных реалий.

Но и эти реалии не способствовали сохранению прежней казачьей замкнутости. Очевиднее всего это проявлялось в отношении частичной территориальной закрытости Земли Войска Донского. Формально эта закрытость проявлялась в запрете иногородним покупать недвижимость на Дону, но на практике, судя по архивным документам, станичные власти могли просто в любое время прогнать со своей территории любого не казака, если находили его присутствие «отяготительным» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24-24об.). Несмотря на это, как мы писали выше, каждое лето десятки тысяч батраков приходили обрабатывать казачью землю. В верховых станицах были остро востребованы российские купцы, поскольку число казаков торгового общества строго ограничивалось, и они торговали главным образом в Новочеркасске (Краснов, 1863: 235-236). Наконец, на территории станиц де-факто постоянно жили иногородние ремесленники и мастеровые, которые «если не наживали больших капиталов», то, во всяком случае, «имели обеспеченное содержание», благодаря большому спросу на свою работу (Краснов, 1863: 236). Приток почти бесправных пришельцев, накладываясь на существующее законодательство, создавал обстановку, которую трудно было назвать

здоровой. Н.И. Краснов писал, что «иностранцы или нанимают квартиры, или имеют дома на имя казаков, и бывают от последних в большой зависимости» (Краснов, 1863: 235).

Такое положение дел, разумеется, не устраивало пришлое население Земли Войска Донского. И в 1858 г. группа торговцев обратилась в Военное Министерство с ходатайством о разрешении приобретать недвижимость на станичных территориях (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24). Из-за общей либеральной тенденции, характерной для российской политики 1850–1860 гг., или по каким-то иным причинам, военные власти запросили мнение на этот счет станичных обществ, благодаря чему мы можем яснее представлять отношение рядовых казаков к вопросу о территориальной замкнутости Донского войска. «В допущении поселения в станицах иностранных они (общества) особенной пользы не находят, но, напротив, предвидят, что с правом этим будут водворяться в станицах по неотклонимым проискам многие иностранние люди, для станиц вовсе не нужные, бесполезные, или даже вредные по поведению, чего впредь нельзя предусматривать, ибо из опыта известно, что многие из приходящих на найм иностранных сначала стараются казаться людьми порядочными, а после оказываются самыми дурными. Следовательно, могут составить только лишнее для станиц отягощение, потому, что теперь подобные люди без затруднения высылаются из станиц, а тогда этого сделать почти невозможно, или сопряжено с большими затруднениями. <...>. Лица же, полезные торговыми и другими занятиями, пользуются у нас уже и теперь уважением, и не стесняются в приобретении квартир и помещений для торговли по условиям с гражданами, всегда выгодными для первых (курсив мой – А.П.)» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24-25). Станичные общества бесхитростно сознались, что выполняют имперские законоположения о территориальной замкнутости Донского войска от прочих сословий только тогда, когда им это выгодно, в противном случае позволяя «полезным» иностранцам не просто жить в станицах, но и приобретать там недвижимость. Судя по материалам депутатов от Хоперского округа, которые выступили против подобной порочной практики, юридическая база для полуполюгального обхода законов не составляла особого секрета. Ей было либо «заемное письмо, выданное войсковым обывателем иностранному с залогом означенных строений», либо «условия и контракт, дающие право иностранному возвести постройки с предоставлением пользоваться ими на неограниченное время» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 26).

Что оставалось делать в таких условиях правительственным чиновникам? Безусловно, можно было закрыть глаза на происходящее нарушение закона, как, очевидно, это и делалось прежде. А вот наладить реальный контроль за иностранцами, проживающими в станицах, и за их попытками приобрести недвижимость, было значительно труднее. Уровень делопроизводства местных властей носил откровенно фиктивный характер: как раз в начале 1860 гг., при наделении крестьян землей, «бесследно исчезла» примерно 21 000 человек. Это были коренные крестьяне, жившие на станичных юртах, и не желавшие переселяться на специально выделенные им участки (Карасев, 1867: 85-86, 103-104). Если, вопреки закону, удалось «исчезнуть», сохранив свои прежние наделы, бывшим крепостным, чье существование в конкретном округе Земли Войска Донского было зафиксировано ревизиями, то насколько проще было это сделать иностранцам, при условии, конечно, поддержки станичных властей!

Но стоило ли вообще имперской администрации бороться с нарушителями, тем или иным путем приобретавшими недвижимость на Дону? И станичные общества в 1858–1859 гг. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24-25), и депутаты Черкасского (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 40б.-5) и Хоперского округов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 25-250б.) в 1863 г., призывая сохранить существующее законодательство в этой сфере, ссылались на то, что территориальная закрытость Земли Войска Донского выгодна казачеству (пример подобной риторики мы дословно привели выше). Но Российская империя не была казачьим государством, и иностранцы, в том числе и «обременительные» для станиц, были для российских чиновников такими же гражданами, как и казаки. Более того, их привлечение на Дон было выгодно для разрешения проблемы, о которой мы писали выше, проблемы неразработанности местных ресурсов. Это всячески подчеркивали авторы прогрессистского лагеря. Вот что писал Н.И. Краснов, которому предстояло вскоре возглавить одно из отделений Главного Управления Иррегулярных войск. «Большая часть помещиков и тех из дворян, которые кончили образование в столицах, считают необходимым прием иностранцев, полагая, что эти последние могли бы своими капиталами разработать те дары природы, которые в земле донских казаков столько времени не имеют движения, как от недостатка рук, занятых военной службою, так и от бедности в капиталах по слабому развитию промышленности. <...>. Принимая в соображение чувство национальности, любви к родине, которая говорит так сильно в казаках, нельзя однако ж не сознаться, что права и привилегии донского населения не приносят общей пользы (курсив мой – А.П.). В следующих главах, при рассмотрении промышленности и торговли донского края, мы увидим, что при настоящих условиях жизни донских казаков, промышленность развивается у них очень медленно, образование в упадке, а вместе с этим донские жители не пользуются теми дарами, которыми природа наделила их с такой щедростью» (Краснов, 1863: 231-232). Итак, территориальная закрытость Донского войска на практике уже была нарушена, и ее восстановление требовало привлечения серьезных ресурсов. И многим лучшим выходом казалось легализовать поток иностранцев, разрешив им навсегда селиться в станицах, приобретать себе дома и участки, а главное,

вкладывать свой труд и капитал в столь необходимое экономическое развитие Дона на правах полноправных хозяев.

Вокруг сословной замкнутости казачества ситуация была еще проще. На первый взгляд, соответствующие законоположения строго выполнялись, делая невозможным как вступление в войсковое сословие, так и выход из него. Однако все громче звучали голоса критиков этих законоположений. Возможно, самые убедительные тексты подобного рода принадлежали И.И. Краснову. «Казачья служба нужна не для войска Донского, а для всей России. Поэтому, в разных губерниях, много прекрасных и очень хорошо образованных молодых людей, из дворян, изъявляли желание поступить в донские казаки, но, по нынешнему порядку, при всех стараниях, не могли достигнуть цели. В старину такая кипучая молодежь, исполненная удалства и отваги – неотъемлемых принадлежностей русского народа – проложила бы дорогу себе на Дону и принесла бы, может быть, нашему казачеству такую же пользу как Платовы, Орловы, Иловайские. А теперь, когда полки наши наполняются одними природными донцами, мы, к прискорбию, начинаем замечать в некоторых из них, особенно в офицерах, какую-то вялость, апатию, и должны сознаться, что иногда встречаются у нас офицеры, уступающие офицерам регулярным в отношении ревностного одушевления» (Краснов, 1862: 348). «Разрешая зачисляться в казаки войска Донского сторонним лицам, следует, разумеется, дозволить и донцам избирать вне войска себе поприще по призванию или по желанию каждого. Таким образом, открылась бы и для донских казаков та дорога, которая нам одним заграждена из всех подданных великого Русского царства, и которою беспрепятственно пользуются не только все иностранцы, но даже бывшие враги России – татары и поляки. Тогда всякий, кто чувствует в себе какое-либо особое дарование, мог бы дать ему пищу и развить его» (Краснов, 1862: 350). «По законам природы люди рождаются со способностями к тем предметам и занятиям, которых от них требует общество. Во всяком же обществе, а, следовательно, и в войске Донском, нужны и ученый, и художник, и купец, и всякого рода мастеровой, больше же всего земледelec. Но у нас все жители должны бросать занятия, для которых создала их природа, или должны упражняться в этих занятиях среди службы, урывками, и, волею-неволею, приниматься за пику; а делам, к которым влечет их сердце, может посвятить себя только самое малое число лиц, и то с большими затруднениями» (Краснов, 1862: 347). Возможно, характеристика, данная И.И. Красновым «природным донцам» покажется кому-то слишком резкой. Однако генерал, если и ошибался, имел право на субъективное мнение: он основывался не на каких-то абстрактных умозаключениях, но на богатом боевом опыте, который получил в бытность походным атаманом на Кавказе в разгар войны с горцами и при успешной обороне Таганрога от англо-французских сил в 1855 г. (Королев, 1991: 210-221). Кроме того, как мы покажем ниже, боеспособность казачьих частей в 1850–1860 гг. действительно упала, что подтверждается целым рядом свидетельств. Трудно сказать, насколько допуск всех желающих в донские полки решил бы эту проблему, но определенная логика в этой части рассуждений Н.И. Краснова была.

И уже точно соответствовали действительности его утверждения о росте числа казаков, желающих сменить мундир на штатскую одежду, пику на счеты или книгу. Это признавали даже казакманы. Правда, депутаты от Хоперского округа подчеркивали, что сам по себе принцип замкнутости казачества ничуть «не стесняет желающих выбрать другой род жизни». Таким людям, теоретически, достаточно было вступить в общество торговых казаков, члены которого освобождались от службы за «небольшой взнос» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 6). Однако на практике жители большинства донских округов не могли воспользоваться подобной возможностью: численность торгового общества была строго зафиксирована, и в 1863 г. из 1000 его членов 308 было приписано к Новочеркаску, 401 к Черкасскому округу, по 115 к 1 и 2 Донским округам, 24 к Усть-Медведицкому округу, 19 к Миусскому округу, 12 к Донецкому округу и всего 6 к Хоперскому округу. Причиной такой неравномерности было отнюдь не малое число желающих вступить в торговое общество в отдаленных от центра Земли Войска Донского округах: информация о освобождающихся вакансиях торговых казаков почти всегда доходила до отдаленных станиц слишком поздно, и к моменту подачи заявок их жителями место обычно уже оказывалось занято желающим из Новочеркасска или ближайших к нему поселений (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 7-8). Кроме того, необходимость откупаться от призыва представляла собой, по мнению депутатов от станиц, «нарушение прав ученых и художников, получивших специальное образование», поскольку представители других сословий, имеющие аналогичное образование, от воинской повинности освобождались в принципе (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 606). Бессмысленность всеобщей военной службы казаков, без исключений и изъятий, к 1860 гг. была очевидна всем. Настроения имперской элиты, многочисленные иногородние, купившие недвижимость в станицах, и представители казачества, не желающие служить – «китайская стена, отделяющая Дон от России» должна была быть разрушена.

Литература

Бабст, Победоносцев, 1864 – Бабст И.К., Победоносцев К.П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. 568 с.

- Волвенко, 2006 – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115-125.
- Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Герман, 2003 – Герман О.Б. Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов-на Дону, 2003. 575 с.
- И.К., 1865 – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // *Военный сборник*. 1865. № 1. С. 73-89.
- Карасев, 1867 – Карасев А.А. Донские крестьяне // *Труды Донского Войскового статистического комитета*. Вып. I. Новочеркасск, 1867. С. 69-121.
- Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*, 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Карасев, 1900 – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.
- Козлов, Козлов, 2000 – Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века / *Казачество: прошлое и настоящее*. Волгоград, 2000. С. 95-125.
- Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Краснов, 1862 – Краснов И.И. О народности в Донском войске // *Военный сборник*. 1862. № 4. С. 343-356.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.
- Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины бывшего Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Перетяцько, 2015 – Перетяцько А.Ю. Донской сепаратизм 1860 гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // *Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья*. Ростов-на-Дону, 2015. С. 227-233.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Салтыков-Щедрин, 1864 – Салтыков-Щедрин М.Е. Литературные мелочи // *Современник*. 1864. № 5.
- Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Столетие, 1907 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. СПб., 1907. 695 с.
- Столетие, 1911 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 462 с.
- Тикиджьян, 2013 – Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.
- Харузин, 1885 – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 432 с.
- Chuiikov et al., 2016 – Chuiikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V. The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687.
- Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv*. 2016. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320.
- Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2). pp. 367-377.
- Volvenko, 2015a – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37.
- Volvenko, 2015b – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107.
- Volvenko, 2015c – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.(15). Is. 3. pp. 194-207.

References

- Babst, Pobedonostsev, 1864** – Babst I.K., Pobedonostsev K.P. (1864). Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma [Letters about the journey of the heir to the throne of Russia from St. Petersburg to the Crimea]. M. [in Russian].
- Volvenko, 2006** – Volvenko A.A. (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902–1912 gg.) [As for the Don Cossacks, history was written ... Official order, historian and local administration (1902–1912)]. Historical consciousness and power in the mirror of Russia of the 20th century. SPb. pp. 115-125 [in Russian].
- Volvenko, 2014** – Volvenko A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860–1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860–1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is. 3. pp. 12-20 [in Russian].
- GARO** – State archive of the Rostov region.
- German, 2003** – German O.B. (2003). Pravovoe polozhenie krest'yanstva i kazachestva Yugo-Vostoka Evropeiskoi Rossii v 1861–1920 gg. [Legal status of the peasantry and the Cossacks of the South-East of European Russia in 1861–1920]. Rostov-on-Don. [in Russian].
- I.K., 1865** – I.K. (1865). Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyi Sbornik*. №1. pp. 73-89 [in Russian].
- Karasev, 1867** – Karasev A.A. (1867). Donskie krest'jane [Peasants of Don region] // Works of the Statistical Committee of Don Host Oblast. Vol. I. Novocherkassk. pp. 69-121 [in Russian].
- Karasev, 1896** – Karasev A.A. (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591 [in Russian].
- Karasev, 1900** – Karasev A.A. (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862–1863]. *Historical Herald*. 1900. №. 80. pp. 167-174 [in Russian].
- Kozlov, Kozlov, 2000** – Kozlov A.A., Kozlov A.I. (2000). Imperskaya politika ogosudarstveniya, militarizatsii i zakrepushcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka [The imperial policy of nationalization, militarization and enslavement of Cossacks in the XIX – early XX century] / Cossacks: the past and the present. Volgograd. pp. 95-125 [in Russian].
- Korniyenko, 2013** – Korniyenko B.S. (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. [in Russian].
- Korolev, 1991** – Korolev V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. [in Russian].
- Krasnov, 1862** – Krasnov I.I. (1862). O narodnosti v Donskom voiske [About the national issue in the Don Host]. *Voennyi Sbornik*. № 4. pp. 343-356 [in Russian].
- Krasnov, 1863** – Krasnov N.I. (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1864** – Krasnov N.I. (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1909** – Krasnov P.N. (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. [in Russian].
- Nomikosov, 1884** – Nomikosov S.F. (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. [in Russian].
- OR RNB** – Department of manuscripts of Russian national library.
- Peretyat'ko, 2015** – Peretyatko A.Y. (2015). Donskoi separatizm 1860 gg.: mify, real'nost' i vliyanie na pravitel'stvennyu politiku [Don separatism of 1860: myths, reality and influence on government policy] / Problems of a polyethnic macroregion in the conditions of destabilization of the Caspian-Black Sea region. Rostov-on-Don. pp. 227-233 [in Russian].
- RGVIA** – Russian state military and historical archive.
- Saltykov-Shchedrin, 1864** – Saltykov-Shchedrin M.E. (1864). Literaturnye melochi [Literary trifles]. *Sovremennik*. № 5 [in Russian].
- Skorik, 2015** – Skorik A.P. (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. [in Russian].
- Stoletie, 1907** – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. T.11. Ch.3. SPb., 1907. [in Russian].
- Stoletie, 1911** – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. [in Russian].
- Tikidzh'jan, 2013** – Tikidzh'jan R.G. (2013). Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret [Don Cossacks in late XIX – early XX century. A historical portrait]. Saarbrucken. [in Russian].
- Kharuzin, 1885** – Kharuzin M.N. (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law: vol. 1]. M. [in Russian].

[Chuikov et al., 2016](#) – *Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.* (2016). The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century. *Bylye Gody*, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687 [in Russian].

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv*. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320 [in Russian].

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2). pp. 367-377.

[Volvenko, 2015a](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37.

[Volvenko, 2015b](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107.

[Volvenko, 2015c](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaya Starina*. Vol.(15). Is. 3. pp. 194-207.

УДК [93/94](#)

«Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его, нужен ли ему этот порядок»: местные предпосылки реформ 1860–1870 гг. на Дону. Часть I

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. До настоящего времени преобразования Донского войска 1860-1870 гг. связывали главным образом с общероссийским контекстом Великих реформ и модернизацией Российской империи. В своей статье мы попытались проследить региональные предпосылки этих преобразований, и понять, были ли они необходимы донскому казачеству. На основании работ современников, включая архивные материалы (неопубликованные рукописи казачьих чиновников, проекты депутатов от казачьих станиц) мы пришли к выводу, что Донское войско в середине XIX века находилось в состоянии серьезного кризиса. Земля Войска Донского в экономическом отношении все больше отставала от обычных губерний Российской империи. Кроме того, традиционная замкнутость донского казачества вызывала раздражение имперских чиновников, считавших ее проявлением "донского сепаратизма", а местные реалии вступили в противоречие с сохранением этой замкнутости.

Ключевые слова: Великие реформы, Д.А. Милютин, Область Войска Донского, преобразования Донского войска 1860–1870 гг., кризис донского казачества середины XIX в.

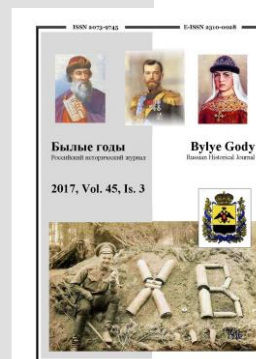
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 949-956, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.949
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

Factors of the Evolution of the Guild of Merchants of the Yenisei Province (in the post-reform period)

Irina O. Tuman-Nikiforova ^{a,*}, Valery I. Fedorchenko ^a, Natalia V. Pashina ^a, Igor I. Krylov ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article examines the impact of fiscal, legal, economic, demographic, natural-geographic factors on the evolution of the merchant class of the Yenisei province in the 1860-ies – the beginning of the twentieth century. Having studied statistics, information, class-of a personal nature, archival documents, the authors came to the conclusion that the effect of each factor was vector. Fiscal and legal policy of the state, following the socio-economic processes of the Russian Empire structured the merchant, and determined the ratio of class of business and functions. Economic conditions tied to the resource and commodity and logistics indicators have been defined the dynamics of entrepreneurial activity of merchant capital. The demographic factor, which is expressed in quantitative and qualitative indicators of the population as a whole, determined the background of the modernization process in the country: urbanization, the degree of social mobility, growth of entrepreneurial activity. The interaction of these factors gave rise to their complex layering on top of each other that defines the individual pattern of regional character. But, despite the presence of regional particularities, the General course of the evolution of the merchant class of the Yenisei province, and merchants of the Russian Empire, followed the path of the liberation of the enterprise from class barriers.

Keywords: guild merchants, entrepreneurship, modernization, Yenisei Province, legislation, economic situation, trade, buying, gold, distillation.

1. Введение

Пореформенный период, 60-е гг. XIX – начало XX вв., важный этап развития России. Интенсификация рыночных потенциалов экономики, при высокой активности государственного сектора, сохраняющаяся экономическая многоукладность, проецирующая идентичные социальные трансформации, нарастающая урбанизация делают изучение этого периода ключевым в понимании модернизационных процессов в российской истории.

Гильдейское купечество, один из базовых элементов формирования российского предпринимательства, переживало колоссальные изменения в своей эволюции. Наслоение множества факторов его трансформации: государственной политики, экономического развития общероссийского и местного характера, особенностей природно-ресурсного, логистического, демографического потенциала, порождали генетическую направленность эволюции гильдейства, определяли комплекс его уникальных региональных черт. Анализ этих факторов позволяет многосторонне изучить процесс формирования российского пореформенного предпринимательства.

* Corresponding author

E-mail addresses: ituman-nikiforova@yandex.ru (I.O. Tuman-Nikiforova), vfedorchenko@mail.ru (V.I. Fedorchenko), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), krilov24@yandex.ru (I.I. Krylov)

2. Материалы и методы

В статье использованы законодательные акты Российской империи (II и III собрания), законоположения специализированного характера (законы о состояниях, материалы положения о пошлинах на право торговли, уставы о гражданской службе), позволившие определить динамику законоположений в коммерции, налогообложении, изменения в правовом статусе гильдейства, государственную политику в их отношении. Исследование опиралось на архивные документы, из различных фондов Государственного архива Красноярского края, архивы городов Канска и Ачинска, Красноярского краеведческого музея. Важно значение для анализа динамики численности гильдейского купечества представляли сведения сословно-личностного характера: именные ведомости купечества (фонды Енисейской губернской казенной палаты, Красноярской городской думы).

Достоверная статистическая информация по Енисейской губернии сосредоточена в «Памятных книжках», «Статистических обзорах», «Первой всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 г.», отчетах статистического комитета и Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности, торговли. Для анализа коммерческой деятельности гильдейства привлекалась документация, связанная с торговлей и золотопромышленностью Енисейской губернии: фонды канцелярий окружных инженеров Ачинско-Минусинского, Южно-Енисейского горных округов, Енисейского горного управления, органов местного самоуправления (ГАКК. Ф. 155, 161, 173), государственных структур различного профиля, в первую очередь, Енисейского губернского управления (ГАКК. Ф. 595).

Для анализа источников использован универсальный метод историзма, позволивший воспроизвести динамику изменений количественных и качественных показателей гильдейского купечества по отношению к правовым, экономическим, логистическим, демографическим факторам развития. Сравнительно-исторический метод позволил провести типологизацию процесса, выявить его онтогенез и генетические истоки, региональную специфику. Системный метод помог выявить взаимосвязь событий, а выборочный, на базе детального анализа частичной информации о явлении, перенести вывод на все явление. При помощи метода типизации были выявлены сходства и различия признаков для группировки их в модель. Применялись и статистические методы (обобщающих показателей), демографические (отслеживание случаев миграционного передвижения).

Методология исследования базируется на понимании трансформации социальных элементов доиндустриального уклада в индустриальные. Мы исходим из идеи перехода от традиционного общества к индустриальному по траекториям: рыночный путь, государственный и смешанный вариант. Анализ региональных особенностей купечества позволяет выявить специфику и доминанту данной трансформации. В исследовании учитываем, что страна, во-первых, переживала интенсивный процесс модернизации, характеризующийся нарастанием конкуренции государственному укладу со стороны рыночно-предпринимательских потенциалов, разрушением связи между сословной принадлежностью и профессиональным занятием граждан, сохранением пережитков традиционного общества, как-то: нерыночный уклад в экономике, самодержавие в политике, сословный строй, невысокие возможности для социальной мобильности в социальной сфере. Особенно выделяем региональный компонент исследования: условия, сложившиеся в Сибири несколько отличались от действительности Европейской России, что диктовалось спецификой региона (неразвитость промышленности, сырьевая доминанта, малочисленность населения, более подвижный его состав, меньшее влияние дворянства на политику и прочие).

3. Обсуждения

В дореволюционной и советской историографии проблемы купечества как социальной группы изучались мало. В постсоветский период, в связи с поиском новой траектории экономического развития, появился исследовательский интерес к частнопредпринимательским традициям российской истории. В эпицентре изучения оказалось гильдейское купечество разных региональных групп, в том числе и томского, барнаульского, приенисейского, забайкальского (Бойко, 1996; Разгон, 1999; Комлева, 2006; Краткая энциклопедия, 1994–1999, Туман-Никифорова, 2003; Kalmina, 2016).

Однако, в последнее десятилетие, развитие темы переживает застой, связанный, на наш взгляд, с методологическими проблемами в изучении гильдейства. Сложность совмещения методологий марксистско-классовой, оперирующей понятием буржуазия, и либеральной, базирующейся на понятии предпринимательство, аморфность в понимании базовых факторов эволюции гильдейства и сложность их методологического совмещения в работах привели к «простою» в создании объединяющего фундаментального исследования по истории российского предпринимательства, при довольно обширных и качественных изысканиях на региональном уровне. Настоящая статья преследует цель вывести универсальные факторы эволюции гильдейского купечества, имеющие методологический характер в понимании генезиса данной социальной группы, не только с точки зрения социально-философского, но и конкретно-исторического характера.

4. Результаты

Огромное влияние на положение гильдейского купечества оказывало государственное законодательство, регулирующее социально-экономические процессы в стране. В 1863 г.

«Положением о пошлинах на право торговли и других промыслов» права гильдейских купцов предоставлялись коммерсантам, уплатившим билетные и патентные сборы, количество гильдий сокращалось с трех до двух (ПСЗРИ, 1865: ст. 39118; ПСЗРИ, 1867: ст. 41779). Главной новацией реформы было удаление третьей гильдии, включавшей в себя экономически слабые элементы и «некоммерческие» элементы, записавшиеся в сословие с целью избежать рекрутской повинности. Наличие данных категорий, «портивших» ряды российского предпринимательства, не устраивало правительство, которое пошло на «очистительные» мероприятия. Закон должен был «выдавить» из купеческого сословия данные категории через автоматическое увеличение оплаты за пребывание в более высоких гильдиях. Поименные списки купцов Енисейской губернии за 1861–1862 гг., действительно, показывают, что доминирующую их часть составляли лица, пробывшие во второй и третьей гильдиях крайне недолгое время.

Однако реформа не повлияла на изменение общей численности гильдейства Енисейской губернии. Если в 1861 г. общее количество гильдейцев в губернии составляло 287 чел. (1 гильдия – 9 чел., 2 – 46, 3 – 232), соответственно, в 1871 г., по нашим подсчетам, их численность была – 276 чел. (1 гильдия – 30 чел, 2 – 246), в 1870 г. она даже увеличилась до 291 чел. (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–148; Д. 406. Л. 1–130). При сохранении общей численности купцов, учитывая несколько нестабильный ежегодный его состав, вторая гильдия вобрала в себя третью, а первая частично впитала вторую.

Базовый фактор, влияющий на эволюцию купечества – экономическая конъюнктура. Основной вектор хозяйственной деятельности сибирских, приенисейских в частности, гильдейцев проходил по линии экономических взаимоотношений Сибири и России. Краю с развитым сельским хозяйством, большими запасами сырья, слаборазвитой промышленностью необходимо было вывезти излишки сырья в обмен на промышленные товары. Обширность территории Сибири, малочисленность населения, отсутствие благоприятной логистики сводили торговлю к периодическому обмену через крупные распределительные пункты – оптовые ярмарки, в первую очередь Ирбитскую – ключевой пункт товарообмена Европейской России с Сибирью. Оптовый товарооборот мог вести ограниченный круг гильдейцев-монополистов. Правильнее называть их крупными оптовиками, псевдомонополия которых основывалась на отсутствии конкурентов из-за крайне затратной перевозки больших партий товара по зимнему пути Московского тракта, и доминировании ограниченных, доверительных связей с купечеством Европейской России, так как данная торговля имела кредитный характер, и итоговые расчеты по ней затягивались на годы.

При поступлении оптовых партий торговля «рассыпалась» на мелкий розничный (купцы низших гильдий) и мельчайший (негильдейский капитал) торг, а губерния опутывалась системой распространителей. Н. Латкин отмечал, что торговля любимое занятие жителей Енисейской губернии: «...торгует... купец, мещанин...оборотистый крестьянин-кулак... и мелкий чиновник, и... духовенство...» (Латкин, 1892: 262). Мы выявили, что из 443 красноярских коммерческих заведений в 1879 г. 120 (или 27 %), принадлежали гильдейству, зато это были крупнейшие предприятия, оптового и розничного характера (ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 73. Л. 1–42).

Существует устойчивое мнение, как среди современников эпохи, так и в большинстве исторических работ, что сбыт мануфактурных товаров и скупка сырья были крайне выгодны, и купцы получали колоссальные прибыли от данных сфер вложения капиталов, до 500 процентов. Однако мы и другие исследователи (Кискидосова, 2009: 186) неоднократно подчеркивали, что уровень прибыльности у купцов сильно преувеличивается. Большие убытки от экстремальных условий коммерции (отсутствие развитой системы путей сообщения при обширности территорий, торговля в кредит, малая плотность населения и специфический его характер (беглый, уголовный, с низким уровнем традиций, образования, законопослушания, коренной сибирский элемент и т.д.)) «съедали» «львиную долю» прибыли. На поверку размер капиталов был низким, зачастую у так называемых «миллионщиков» после их смерти при проведении окончательных расчетов с поставщиками, кредиторами капитал уходил в отрицательный баланс. Например, после смерти крупнейшего гильдейца губернии В. М. Харченко городской сиротский суд г. Енисейска писал, что из имущества умершего лишь винокуренный завод дает доход, но меньший, чем необходим наследникам «на усовершенствование завода, не закредитовываясь у частных лиц» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 385. Л. 27–28).

Оборотная сторона коммерции гильдейства Енисейской губернии базировалась на скупке сырья. Термин «сырье» мы используем в широком смысле слова, как синоним термина «ресурс» – продукт, лежащий в основании технологического цикла. Сырьевая специфика имела несколько направлений: пушной, рыбный, лесной (грибы, ягоды, орех) промысел. К сырью, можно, исходя из нашего определения, причислить зерно, крупный и мелкий скот. Истощение, одних ресурсов, в первую очередь, пушнины, в исследуемый период, компенсировалось другими стабильно возобновляющимися – скотом и зерном. В этой сфере рельефно проявились уродливые формы первоначального накопления, но важную роль играло наличие крупного капитала, позволяющее вести скупку в особо крупных размерах, вытесняя мелких коммерсантов. Отметим, что до конца 1890-х гг. сфера, назовем ее «колониально-скупочная» сохраняла стабильный характер.

Промышленная сфера коммерции Енисейской губернии пребывала в неразвитом состоянии, из-за чего купцы направляли собственные капиталы в отрасли, связанные с обработкой

(винокурение) и добычей (золотодобыча) сырья. Однако, как более или менее массовый феномен, гильдейство Енисейской губернии «выросло» именно на золотопромышленном буме 1830–1850-х гг. и именно эта сфера крайне сильно влияла на динамику гильдейских капиталов. И хотя по причине высокой доходности золотодобыча привлекала капитал даже самый маломочный, до 1870-х гг. в отрасли доминировало гильдейство, что диктовалось государственной политикой, допускавшей в эту сферу лишь дворян, именитых граждан и купцов, а так же огромными затратами на разработку и постановку дела. С 1860-х гг. Енисейская губерния потеряла ведущее место в сибирской золотодобыче, но общий золотодобывающий бум в Восточной Сибири в этот период привел к притоку купеческих капиталов в отрасль, что удерживало численность гильдейцев Енисейской губернии в стабильном состоянии, и даже приводило к перетоку второгильдейцев в 1 гильдию: 1961 г. – 9 чел., 1870 – 30.

Винокурение – ещё одна из сфер вложения гильдейского капитала Енисейской губернии. В начале 1860-х гг. в империи отменялись винные откупа, вводилась акцизная система. Это открыло возможность производства хлебного вина и продажи любому коммерсанту, заплатившему акцизные сборы. В это время в Енисейской губернии были построены четыре частных винокурни, три из них принадлежали гильдейцам И. Щеголеву, И. Некрасову, А. Ярилову (*Памятная книжка, 1863: 163*). Доминирование гильдейства в этой отрасли обеспечивала необходимость крупных затрат на строительство и содержание заведений. В 1865 г. в Енисейской губернии насчитывалось 6 винокурен, принадлежащих исключительно местным гильдейцам (*Шейн, Плотников, 1999: 28–32*). До строительства Транссиба конкуренции в производстве водочной продукции не было из-за разделения зон закупки хлеба, количество купцов в данной сфере было стабильно и ограничено.

Экономические и социальные процессы в центре Российской империи сказывались на сибирской окраине. Повышение экономической конъюнктуры в стране, вызванное реформой 1861 г., спроецировало на активацию миграционных процессов. Правда, постоянный приток населения в приенисейские города наблюдался и в предыдущий период (*Комлева, 2006: 13*). Он нивелировал результаты реформы 1863 г. Так, с 1863 г. до 1881 г. в губернии наблюдался резкий рост населения с 323014 чел. до 421010 (т.е. на 30 %), при этом городские сословия увеличились с 15514 чел. и 30818, (или 99 %) (*Памятная книжка, 1865: 181–183; ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 35. Л. 28об; Д. 59. Л. 8–9; Чудновский, 1885: 30*). Таким образом, большая доля «прибывших» влилась в городские, потенциально «коммерческие» слои. Реформа 1861 г. «сдвинула» из центра предпринимательские элементы, направив их на окраины, что перекрыло убывание экономически слабых элементов третьей гильдии, притоком новых коммерсантов.

Количество купеческого сословия Енисейской губернии резко уменьшилось в середине 1870-х гг.: 1863 г. с 2013 чел. до 1380 чел. в 1881 г. (*ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 26. Л. 140*) Ключевой причиной сокращения стала военная реформа 1874 г., отменившая освобождение купцов от военной службы, перенаправившая экономически слабых предпринимателей во временно-торгующее купечество. Убывание отразилось и на количестве гильдейских капиталов: 1861 г. – 287, 1884 г. – 183 (*ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 926. Л. 2–81*). При этом с середины 1870-х гг. виден резкий рост в Енисейской губернии временно торгующего купечества, экономически слабого предпринимательского компонента. В ряды временно-торгующих купцов (формально схожих с гильдейством: ежегодное подтверждение статуса, объявление капитала на одинаковую сумму) включались иногородние гильдейцы, члены семей постоянных купцов, с самостоятельным капиталом, крестьяне и мещане, сохранявшие свой прежний сословный статус. При совмещении численности постоянных и временных купеческих капиталов в середине 1870-х гг. наблюдается, не сокращение предпринимательской активности в Енисейской губернии, а даже ее увеличение.

Таблица 1. Соотношение гильдейских и временных капиталов г. Красноярска. 1861–1877 гг. (*ГАКК, Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Л. 37-52; Д. 406. Л. 38-73; Д. 587. Лл. 68-69*)

	1861 г.	1870 г.	1877 г.
Гильдейские капиталы	59	47	45
Временно-торгующие	19	25	51
Общее количество	78	72	96

Таблица 2. Соотношение гильдейских и временных капиталов г. Енисейска. 1861–1878 гг. (*ГАКК, Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Л. 1-22; Д. 406. Л. 1–23; Д. 587. Л. 82–104*)

	1861 г.	1871 г.	1878 г.
Гильдейские капиталы	75	73	49
Временно-торгующие	2	5	20
Общее количество	77	78	69

Ряды временно-торгующего купечества пополняли в основном крестьяне и мещане. Самыми знаменитыми гильдейцами Енисейской губернии, выходцами из крестьян были И. Кытманов, М. Крутовский, В. Кулаев, Г. Гадалов, А. Саввиных, С. Щеголев, В. Кулаев. Мещанство, низшее городское сословие, было «трамплином» вступления в купечество. Важной причиной стремления мещан в гильдейство до середины 1870-х гг. была возможность избежать рекрутчины, а так же запреты в области продаж ряда товаров, ограничения объема денежных операций. После реформы 1874 г. доля мещан, пополнявших гильдейство, сократилась, они предпочитали записываться во временные купцы для преодоления ограничений в торговле.

Увеличение численности временно-торгующих купцов при снижении гильдейства с середины 1870-х совпали с государственными мероприятиями в сфере золотодобычи. «Устав о частной золотопромышленности» 1870 г., разрешивший золотодобычу лицам всех состояний, не изменил ситуацию доминирования гильдейцев в отрасли из-за высоких размеров горной подати, дорогостоящими разведкой и разработкой, а с конца 1890-х гг. – модернизацией производства. Проанализированные документы фондов канцелярий окружных инженеров Ачинско-Минусинского и Южно-Енисейского горных округов, Енисейского горного управления 1870–1890-х гг., показывают сокращение гильдейцев в составе золотодобытчиков (ГАКК. Ф. 542, 547, 795). Это обусловлено увеличением в золотопромышленности предпринимателей из иных сословий, сокращением численности купечества, однако гильдейцы, доминировали, представляя крупный капитал.

В 1880–1890-е гг. происходило дальнейшее сокращение гильдейства Енисейской губернии: 1881 г. – 1380 чел. обоюбого пола, 1897 г. – 975 (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 41. Л. 20; [Первая всеобщая перепись, 1897–1905: 28](#)). Для того чтобы перевести численность сословия в численность купеческих капиталов, необходимо разделить количество человек в сословии на среднюю людность купеческой семьи Енисейской губернии, установленной нами в пределах 5–7 чел. (Tuman-Nikiforova et al., 2016: 441–447). Сокращение численности гильдейства проходило на фоне увеличения городского населения в Енисейской губернии в 1890 г. до 31092 чел., в 1896 г. – 40286 чел. ([Памятная книжка, 1903: 89](#); [Памятная книжка, 1897: 7-9](#)), что говорит об активном оттоке предпринимателей из гильдейства с середины 1880-х гг., в связи с фискальными новшествами государства.

В декабре 1880 г. ставки обложения гильдейства были увеличены. Стоимость свидетельства первой гильдии поднялась с 265 до 600 руб., второй с 25–65 до 30–100 руб., а с 1884 г. соответственно, 565 и от 40 до 120 руб. ([Старцев, 1995: 11–12](#)). Увеличение налогообложения привело к дальнейшему сокращению гильдейства. Неблагоприятное влияние правовых факторов совместились с упадком золотодобычи, что «прогибало» вниз численность гильдейства, компенсируя предпринимательство временно-торгующими купцами. Позитивным в данной ситуации было возникновение в 1880-х гг. новой генерации гильдейства, с высокими экономическими показателями, и как следствие, со сниженными показателями ежегодной обновляемости: Дементьевы, Елтышевы, Бородкины, Ларионовы, Мокроусовы, Ростовы, Сафьяновы, Дементьевы и некоторые другие.

В конце 1890-х гг. гильдейство, переживало мощнейшую социально-правовую реформу. В 1898 г. новое «Положение о государственном промысловом налоге» (ПСЗРИ, 1901: ст. 15601), предусматривало новые условия приобретения гильдейских прав через отдельное взятие сословного и промыслового свидетельств. Переход к подоходно-прогрессивному налогообложению определил обложение промысловым налогом предприятие, а не предпринимателя. Получение гильдейского статуса предполагало дополнительный сбор (до 50 руб.) помимо базового налога. Данная структурно-фискальная перестройка привела к резкому сокращению численности всего гильдейства Российской империи, оттоку предпринимательства из сословия, превращению его в «сословие-призрак».

Однако, на примере Енисейской губернии, мы видим эффект кратковременного доминирования местных экономических процессов, не позволившим снизиться численности гильдейства, напротив давших его кратковременное увеличение: 1897 г. – 975 чел. обоюбого пола, а в 1900 г. – 1203 (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1660. Л. 1–60). Хозяйственный «бум» был вызван строительством Транссиба и установлением прямых экономических связей с сибирской окраины с центром страны. Колоссальные инвестиции на строительство «чугунки», последствия ее проведения породили оживление и изменение хозяйственной конъюнктуры. Торговая монополия гильдейцев была разрушена, сократился оптовый торг через крупные ярмарки, увеличился объем мелкой и средней торговли из-за свободного, постоянного, дешевого притока товаров из метрополии. Положительную динамику дополнял бум в золотодобыче Енисейской губернии. В начале XX в. переход на машинную добычу золота, предопределил прилив капиталов в отрасль.

Общая тенденция сокращения гильдейства после 1898 г. сказалась в Енисейской губернии позднее: 1901 г. – 961 чел. обоюбого пола, 1907 – 983 ([Памятная книжка, 1903: 80–83](#); [Памятная книжка, 1909: 43–45](#)); а так же на уровне количества гильдейских капиталов: 1908 г. – 127, 1913 г. – 104. ([Статистический обзор, 1909: 28](#); [Статистический обзор, 1914: 26–27](#)). Повышение местной экономической конъюнктуры Енисейской губернии в начале XX в. активировалось демографическими процессами, выразившаяся в резком росте городского населения Енисейской губернии: по нашим подсчетам, 1901 г. – 41041 чел., 1907 г. – 54242 чел. ([Памятная книжка, 1903: 80–83](#); [Памятная книжка, 1909: 43–48](#)). Однако уже в начале XX в. эти факторы не изменили судьбу

гильдейства, превращавшегося в «сословие-призрак», отсекаемое от буржуазии в результате правовых мероприятий правительства.

Особое кратковременное значение местной конъюнктуры просматривается во влиянии Транссиба на рост численности и предпринимательской активности гильдейства губернского центра – Красноярска, оказавшегося в эпицентре экономического взрыва. В начале XX в. в Красноярском округе наблюдался значительный рост численности купеческого сословия: в 1897 г. – 281 чел. об. пола, а в 1900 г. (на фоне уничтожающей гильдейское предпринимательство реформе 1898 г.!) – 499 (42,5 % от численности сословия в губернии), которая стабилизировалась в течении нескольких лет, снизившись в 1905 г. до 229 чел. об. пола (25 % от численности всего сословия в губернии) ([Первая всеобщая перепись, 1897–1905: 28](#); [Памятная книжка, 1901, 146–177](#); [Памятная книжка, 1907: 2–3](#)). Красноярский округ «перекачал» в свою пользу наиболее экономически сильное гильдейское предпринимательство, в связи с резким улучшением экономической конъюнктуры, в первую очередь из-за благоприятной логистики региона. Так, в 1861 г. доля красноярского гильдейства в губернском, по нашим подсчетам, составляла – 363 чел. об. пола (18 % от общей численности сословия), то в 1905 г. – 229 чел. об. пола (25 %) ([Памятная книжка, 1863: Табл. 1](#); [Памятная книжка, 1907: 2–3](#)).

5. Заключение

Таким образом, на эволюцию гильдейского купечества Енисейской губернии в 1860-е гг. – начале XX вв., влияли факторы фискально-правового, экономического, демографического, природно-географического характера. Фактор фискально-правовой политики государства определял эволюцию гильдейства в рамках структурирующих показателей. Факторы экономической конъюнктуры, связанные с ресурсно-сырьевыми, логистическими аспектами определяли динамику предпринимательской активности населения. Демографический фактор, выражающийся в притоке нового населения в Сибирь, губернию, увеличение численности городских слоёв, на фоне модернизационных процессов, определяли потенциальные условия развития товаро-рыночных отношений на колониальной окраине страны. Взаимовлияние данных факторов порождало их сложное наслоение друг на друга, определяло индивидуальный рисунок генезиса регионального отряда гильдейского купечества. Однако, несмотря на наличие региональной специфики, общий ход эволюции гильдейства Енисейской губернии, как и всего гильдейства Российской империи, шел по траектории освобождения предпринимательства от сословных «пеленок».

Литература

- [Бойко, 1996](#) – *Бойко В.П.* Томское купечество XVIII–XIX веков: из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 320 с.
- [ГАКК](#) – *Государственный архив Красноярского края.*
- [Кискидосова, 2009](#) – *Кискидосова Т.А.* Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в. Абакан : «ХРИПК и ПРО» «РОСА», 2009. 186 с.
- [Комлева, 2006](#) – *Комлева Е.В.* Купечество городов Енисейской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. М.: Academia, 2006. 384 с.
- [Краткая энциклопедия, 1994–1999](#) – *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т.* / Гл. ред.: Д. Я. Резун, Д. М. Терешков. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1994–1999.
- [Латкин, 1892](#) – *Латкин Н.В.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892. 443 с.
- [Материалы, 1862](#) – *Материалы по проекту положения о пошлинах за право торговли и других промыслов.* СПб., 1862.
- [Памятная книжка, 1863](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год.* СПб., 1863. 335 с.
- [Памятная книжка, 1865](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы.* СПб., 1865. 344 с.
- [Памятная книжка, 1897](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1-е января 1898 года.* Красноярск, 1897. 146 с.
- [Памятная книжка, 1901](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарём на 1901 год.* Красноярск. 1901. 225 с.
- [Памятная книжка, 1903](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год.* Красноярск. 1903. 213 с.
- [Памятная книжка, 1907](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год.* Красноярск. 1907. 345 с.
- [Памятная книжка, 1909](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год.* Красноярск. 1909. 456 с.
- [Первая всеобщая перепись, 1897–1905](#) – *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года.* СПб., 1897–1905. 330 с.
- [ПСЗРИ, 1867](#) – *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XL* Отделение 1. СПб., 1867. 989 с.

- [ПСЗРИ, 1865](#) – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXXVII. Отделение 1. СПб., 1865. 837 с.
- [ПСЗРИ, 1901](#) – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XVIII. Отделение 2. СПб., 1901.
- [Разгон, 1999](#) – *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX вв. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. 660 с.
- [Старцев, 1995](#) – *Старцев А. В.* Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.) : межвуз. сб. науч. ст. / Алтайск. гос. ун-т. [под ред. В. А. Скубневского]. Барнаул. 1995. 206 с.
- [Статистический обзор, 1909](#) – Статистический обзор Енисейской губернии за 1908 год. Красноярск. 1909.
- [Статистический обзор, 1914](#) – Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 год. Красноярск, 1914.
- [Туман-Никифорова, 2003](#) – *Туман-Никифорова И.О.* Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв). Красноярск : Красноярск. гос. торг.-эконом. ин-т, 2003. 182 с.
- [Чудновский, 1885](#) – *Чудновский С. Л.* Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири: статистико-публицистические этюды. Томск. 1885. 202 с.
- [Шейн, Плотников, 1999](#) – *Шейн И.В., Плотников Н.В.* Винокурение в Приенисейском крае: к истории Канского ликероводочного завода (1863–1924 гг.) / Красноярск : изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1999. 217 с.
- [Kalmina, 2016](#) – *Kalmina L.V.* Jewish merchants in Transbaikal region in the late 19th to the early 20th century: the merchant class elite // *Siberian Historical Research*. 2016. Is. 2: 21–40.
- [Tuman-Nikiforova et al., 2016](#) – *Tuman-Nikiforova et al.* Age-Sex Marriage and the Family Structure of the Guild Merchants Yenisei Province 1860 – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. 40 (2): 441–447.

References

- [Boiko, 1996](#) – *Boiko V.P.* (1996). Tomskoe kupechestvo XVIII–XIX vekov: Iz istorii formirovaniya sibirskoi burzhuzii [Tomsk merchant XVIII–XIX centuries: from the history of formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk: Vodolei. 320 p. [in Russian].
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of Krasnoyarsk region].
- [Kiskidosova, 2009](#) – *Kiskidosova T.A.* (2009). Torgovo-promyshlennoe predprinimatel'stvo Achinsko-Minusinskogo kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Commercial and industrial enterprise of the Achinsk-Minusinsk region in the second half of XIX – early XX century]. Abakan : «HRIPK i PRO» «ROSA». 186 p. [in Russian].
- [Komleva, 2006](#) – *Komleva E.V.* (2006). Kupechestvo gorodov Eniseiskoi gubernii v poslednei chetverti XVIII – pervoi polovine XIX v [The merchant cities of the Yenisei province in the last quarter of XVIII the first half of the XIX century]. M. : Academia. 384 p. [in Russian]
- [Kratkaya entsiklopediya, 1994–1999](#) – *Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri : v 4 t.* [Brief encyclopedia on the history of merchants and commerce of Siberia: in 4 volumes] / Gl. red.: D. Ya. Rezun, D. M. Tereshkov. Novosibirsk : RIPEL plyus, 1994–1999. [in Russian]
- [Latkin, 1892](#) – *Latkin N.V.* (1892). Eniseiskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee [The Yenisei province, its past and present]. SPb. 443 p. [in Russian]
- [Materialy, 1862](#) – *Materialy po proektu polozheniya o poshlinakh za pravo trgovli i drugikh promyslov* [Materials on the draft regulation on fees for the right to trade and other crafts]. SPb., 1862. [in Russian].
- [Pamyatnaya knizhka, 1863](#) – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1863 god* [The memorable book of Yenisei province in 1863]. SPb., 1863. 335 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1865](#) – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1865 i 1866 gody* [The memorable book of Yenisei province in 1865 and 1866]. SPb., 1865. 344 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1897](#) – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii s adres-kalendarem, sostavlenaya po 1-e yanvarya 1898 goda* [The memorable book of Yenisei province with the address calendar, compiled by the 1st of January 1898]. Krasnoyarsk. 1897. 146 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1901](#) – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii s adres-kalendarem na 1901 god* [The memorable book of Yenisei province with the address-calendar for 1901]. Krasnoyarsk. 1901. 225 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1903](#) – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1903 god* [The memorable book of Yenisei province in 1903]. Krasnoyarsk. 1903. 231 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1907](#) – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1907 god* [The memorable book of Yenisei province in 1907]. Krasnoyarsk. 1907. 345 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1909](#) – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1909 god* [The memorable book of Yenisei province in 1909]. Krasnoyarsk. 1909. 456 p.
- [Pervaya vseobshchaya perepis', 1897–1905](#) – *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda* [The first General census of the Russian Empire in 1897]. SPb., 1897–1905. 330 p. [in Russian]

- PSZRI, 1867** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie Vtoroe. Tom XL Otdelenie 1. SPb., 1867. [in Russian]
- PSZRI, 1895** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie Vtoroe. Tom XXXVII. Otdelenie 1. SPb., 1865 [in Russian]
- PSZRI, 1901** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie Tret'e. Tom XVIII. Otdelenie 2. SPb., 1901. [in Russian]
- Razgon, 1999** – *Razgon V.N.* (1999). Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoi polovine XIX vv. [Siberian merchants in XVIII – first half XIX centuries]. Barnaul : Izd-vo Altaiskogo un-ta. 660 p. [in Russian]
- Startsev, 1995** – *Startsev A.V.* (1995). Torgovo-promyshlennoe zakonodatel'stvo i sotsial'no-pravovoi status predprinimatelei v Rossii v XVIII – nachale XX v [Commercial and industrial law and socio-legal status of entrepreneurs in Russia in the XVIII – early XX century]. // *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri (XVIII – nachalo XX vv.) : mezhvuz. sb. nauch. st. / Altaisk. gos. un-t.* [pod red. V. A. Skubnevskogo]. Barnaul. 206 p. [in Russian]
- Statisticheskii obzor, 1909** – *Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii za 1908 god* [Statistical review of the Yenisei province for 1908]. Krasnoyarsk, 1909. [in Russian]
- Statisticheskii obzor, 1914** – *Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii za 1913 god* [Statistical review of the Yenisei province for 1913]. Krasnoyarsk, 1914. [in Russian]
- Tuman-Nikiforova, 2003** – *Tuman-Nikiforova I.O.* (2003). Gil'deiskoe kupechestvo Eniseiskoi gubernii (60-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [Guild merchants of the Yenisei province (60-ies of XIX – beginning of XX centuries)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. gos. torg.-ekonom. in-t. 182 p. [in Russian]
- Chudnovskii, 1885** – *Chudnovskii S.L.* (1885). Eniseiskaya guberniya k trekhstotletnemu yubileyu Sibiri: Statistiko-publitsicheskie etyudy [The Yenisei province to the tercentenary of Siberia: Statistical-publicistic sketches]. Tomsk. 202 p. [in Russian]
- Shein, Plotnikov, 1999** – *Shein I.V., Plotnikov N.V.* (1999). Vinokurenje v Prieniseiskom krae: k istorii Kanskogo likerovodochnogo zavoda (1863–1924 gg.) [Distillation in the Yenisei region: on the history of Caen distillery (1863–1924)]. Krasnoyarsk: izd-vo Krasnoyarsk. gos. un-ta. 217 p. [in Russian]
- Kalmina, 2016** – *Kalmina L.V.* (2016). Jewish merchants in Transbaikal region in the late 19th to the early 20th century: the merchant class elite. *Siberian Historical Research*. Is. 2: 21–40.
- Tuman-Nikiforova et al., 2016** – *Tuman-Nikiforova et al.* (2016). Age-Sex Marriage and the Family Structure of the Guild Merchants Yenisei Province 1860 – early XX centuries. *Bylye Gody*. 40 (2): 441–447.

УДК 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

Факторы эволюции гильдейского купечества Енисейской губернии (пореформенный период)

Irina Tuman-Nikiforova ^{a,*}, Valery Fedorchenko ^a, Natalia Pashina ^a, Igor Krylov ^a

^a Siberian federal university, Russian Federation

Аннотация. В публикуемой статье исследуется влияние фискально-правового, экономического, демографического, природно-географического факторов на эволюцию гильдейского купечества Енисейской губернии в 1860-е гг. – начале XX вв. Изучив данные статистики, сведения сословно-личностного характера, архивные документы, авторы пришли к выводу, что влияние каждого фактора было векторным. Фискально-правовая политика государства, следующая за социально-экономическими процессами Российской империи структурировала гильдейство, и определяла соотношение сословных и предпринимательских функций. Экономическая конъюнктура, завязанная на ресурсно-сырьевых и логистических показателях определяла динамику предпринимательской активности гильдейского капитала. Демографический фактор, выражающийся в количественно-качественных показателях населения в целом, определял фон модернизационных процессов в стране: урбанизация, степень социальной мобильности, рост предпринимательской активности. Взаимовлияние данных факторов порождало их сложное наложение друг на друга, определяющее индивидуальный рисунок регионального характера. Но, несмотря на наличие региональной специфики, общий ход эволюции гильдейского купечества Енисейской губернии, как и всего гильдейства Российской империи, шел по траектории освобождения предпринимательства от сословных перегородок.

Ключевые слова: guild merchants, предпринимательство, модернизация, Yenisei Province, законодательство, экономическая конъюнктура, торговля, скупка, золотопромышленность, винокурение, мобильность, эволюция.

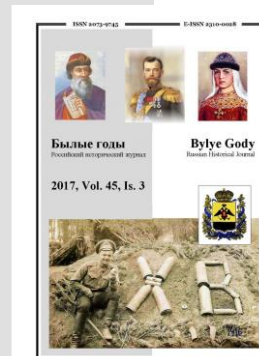
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ituman-nikiforova@yandex.ru (И.О. Туман-Никифорова), vfedorchenko@mail.ru (В.И. Федорченко), nvpashina@yandex.ru (Н.В. Пашина), krilov24@yandex.ru (И.И. Крылов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 957-963, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.957
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Serfdom in Russia: the Historiographic Aspect

Natal'ya V. Miku^a, Alexander A. Galushkin^{b, c}, Anisim I. Ekimov^{d, *}

^a Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^c Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article deals with Russian and foreign historiography devoted to the serfdom in the Russian Empire. The attention is paid to economic and legal aspects of serfdom, gender studies, and historical and comparative research.

There were involved the materials of Soviet, Russian and foreign historiography, namely the works published since the second half of the XX–XXI centuries. The authors used the methods related with the history of science while the analysis of historiographical sources. So, there was applied the cultural-anthropological method that involves the disclosure of the author's position of historiographical source in the problem statement and selection of arguments in defense of his point of view. Besides, there was applied the method of discourse analysis, which involves the establishment of correlation between the content of historiographical source, the results of scientific research and socio-cultural context of the development of historical events and processes.

The authors concluded that today the study of serfdom in Russia continues to attract researchers in the fields of history, economic history and history of law. Along with the economic and legal aspects, the great importance is given to the topics related to gender issues among dependent classes, as well as historical and comparative studies that examine serfdom and slavery in other territories.

Keywords: serfdom, the Russian Empire, historiography.

1. Введение

Крепостное право было феноменом, которое не было отмечено конкретными историческими катализаторами. Наоборот, различные условия общественной жизни и экономики того времени собрались вместе, чтобы уступить дорогу этому типу феодализма. К 1861 г. крепостная зависимость в России себя изжила и стала серьезной проблемой для экономического развития аграрного сектора. В результате в России была проведена череда «Великих реформ», основной из которых была – отмена крепостного права.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили исследования, опубликованные во второй половине XX–XXI вв. в России и за рубежом.

При анализе историографических источников нами были применены методы смежных с историей наук. Так, был применен культурно-антропологический метод, который предполагает раскрытие позиции автора историографического источника при постановке проблемы и подбора

* Corresponding author

E-mail addresses: Ekimov.AI@rea.ru (A.I. Ekimov)

аргументов в защиту своей точки зрения. Помимо этого был применен и метод дискурсивного анализа, который предполагает установление корреляции между содержанием историографического источника, результатами научного исследования и социокультурным контекстом развития исторических событий и процессов.

3. Обсуждение и результаты

Научные исследования о крепостном праве в России можно разделить на несколько основных частей: экономические аспекты крепостного права, правовые аспекты крепостного права, гендерные исследования и историко-сравнительные исследования.

3.1. Экономические аспекты крепостного права

Исследователь Л.В. Милов представляет анализ, в котором обсуждаются некоторые социально-экономические причины появления крепостного хозяйства и крепостного права как экономической структуры в России (Милов, 2006).

Крепостная зависимость, как и любая форма проявления феодализма, была основана на аграрной экономике. День за днем, холопы работали на земле своих господ, едва оставляя время, чтобы возделывать землю, отпущенную им, чтобы заботиться о своей семье. Земля помещика была поделена крестьянской общиной на большие поля, где работали по системе севооборота. Каждое поле было разделено и каждой семье давали полосы в каждом поле в соответствии с количеством мужчин в семье или количество ртов. Именно этот контроль "своей" земли, привел к ошибочному, но глубоко укоренившемуся убеждению, бытующему среди крестьян, что "мы принадлежим к владельцам, но земля наша" (Ruiz-Díaz).

Фрэнсис М. Уотерс представляет картину мира крестьянина-земледельца и отмечает его глубокую связь с землей, на которой он трудится. Автор фокусируется на сельской общине как учреждении, которое регулирует крестьянскую жизнь, оценивая свои обязательства по отношению к своей земле и своему господину, и охраняющим его права (Vucinich, 1968).

Кингстон-Манн в своей статье обсуждает различные экономические модели, которые пытались ввести в эксплуатацию в крестьянских общинах. В то время как эти "экономические инновации" были экспериментально введены в практику в течение 1870-х и 1880-х годов, теоретические модели возникли за годы до отмены крепостной зависимости. Кингстон-Манн обращает внимание на вопросы, касаемо производительности, экономической отсталости, и также уделяет внимание крестьянским размышлениям о частной собственности или иначе общественной собственности (Kingston-Mann et al., 1991).

Исследователи Д. Мун, Б.Б. Горшков в своих работах отмечают, что в России, несмотря на запрет жалоб, поступающих от крестьян, последние, зачастую, подавали в суд на своих владельцев, а иногда удавалось и привлечь к ответственности тех, кто нарушал их права. Холопы также обращались в правовые институты в своих стремлениях к эмансипации. С целью сохранения иерархической составляющей, крепостное право одновременно и как это ни парадоксально влияло на определенную социальную мобильность крестьян. Данные юридические лазейки представляли собой основу для поддержания определенного баланса между интересами государства и дворянства на одной стороне и крестьянства с другой.

Фактически, ни государство, ни владелец не были заинтересованы в тотальном прикреплении крестьян к земле. В целях сохранения экономических потребностей государства и помещика, крестьяне должны были иметь определенную свободу передвижения (особенно это было важно в тех областях, где сельское хозяйство не являлось приоритетной отраслью или где городские центры предлагали больше возможностей для заработка). Ни один из законов в Восточной Европе, ограничивающих свободу крестьянина, не предусматривал полного холопства. К примеру, пресловутое Соборное уложение 1649 года действительно сильно ограничивало возможности крестьянина двигаться. Но в то же время закон предоставлял крестьянину право на временную миграцию при наличии соответствующего разрешения, в целях поиска работы за пределами усадьбы. Никакого разрешения не требовалось от тех крестьян, которые временно переселялись на расстояние тридцати двух километрах от усадьбы, тем самым юридически санкционировав неофициальную и неучтенную миграцию (к концу XVIII века около четверти крестьян из центральных губерний России официально временно мигрировали каждый год). Таким образом, восточно-европейские крестьяне никогда не были полностью привязаны к земле; они могли перемещаться. Это дало крестьянам возможность установить определенную степень автономии от своих господ.

Расширение экономической деятельности крестьянства имело широкие последствия. Например, она оказывает влияние на образование, на социальную мобильность крепостных, а также на государственные законы, которые регулировали крестьянство (Gorshkov, 2001; Moon, 1999).

Ученый В. Сандерленд также отмечает явление постоянной миграции крепостных как основную движущую силу российского сельского хозяйства, практику, обычно используемую имперским правительством. В своем исследовании автор проводит анализ проводимых государством реформ, побуждающих возникновение принудительных форм миграции, и оценивает влияние этих процессов на крестьянский быт, на основе архивных материалов того времени. Кроме того, это

позволяет установить связь между нуждами государства и степенью влияния на крепостных, как экономической, так и социальной. (Sunderland, 1993).

В своем исследовании Дж. Блум проводит комплексный анализ по статистике растениеводства, сравнивая российское крепостное производство с различными районами Европы. В то же время, автор дает существенное представление о весьма скудных технологических условиях, при которых и крепостные и полузависимые крестьяне должны были работать на земле. Создается представление о крепостном праве как с сельскохозяйственной и экономической точки зрения (Blum, 1960).

3.2. Правовые аспекты крепостного права

Имперские законы устанавливали возраст, в котором крепостные могли вступать в брак. Минимальный возраст составлял – 13 лет для женщин и 15 лет – для мужчин. После 1830 года возрастные пороги были повышены до 16 и 18 лет соответственно для женщин и мужчин. Для женитьбы в возрасте старше 60 лет, крепостным следовало было получить разрешение, также, вступать в брак в возрасте старше 80 лет, было запрещено. Церковь не одобряла браки с большими возрастными различиями (Avdeev et al., 2004).

Т.А. Бернштам уделяет внимание традициям заключения брака. Крестьянские браки заключались в соответствии с местными обычаями, присовокупляя к этому юридическое одобрение: родители пары заключали договор о браке. Т.А. Бернштам приводит в пример показания Пурлевского, когда он вспоминал о своем собственном браке, договоренности, которые были проведены его матерью. Он женился в возрасте до восемнадцати лет, в этом, по его собственным словам, "не было ничего необычного", так как средний возраст вступления в брак крепостных был ниже, чем у не крепостных крестьян. Согласно антропологическому исследованию, брачный возраст мужчин-крепостных в центральных губерниях России колебался от восемнадцати до двадцати пяти лет и у крепостных женского пола от семнадцати до двадцати одного, в то время как в южных регионах средний возраст вступления в брак для крепостных был еще ниже. Владетели обычно не вмешивались в брачные контракты и не разделяли крепостные семьи. В некоторых случаях крепостные платили арендодателю определенную плату за брак, стоимость отличалась в местностях (Bernshtam, 1988).

По официальным оценкам, 10,5 млн крепостных находились в частной собственности, 9,5 млн в государственной собственности и еще 900 тыс. крепостных находились под покровительством царя (удельные крестьяне) вплоть до отмены крепостной зависимости в 1861 году (Miller, 1984).

Автор С.М. Кравчинский представляет обзор российского сельского хозяйства при крепостном праве. В исследовании содержится глубокий анализ экономической обоснованности крепостного права и товарных культур. Надо иметь в виду, что работа была написана после отмены крепостного права, в период, когда многие ученые, специализирующихся на различных дисциплинах очень критично оценивали экономическую структуру и цели крепостного права, одновременно имея дело с термином "крестьянский вопрос" (Kravchinskii, 1967).

Наряду с тяжелым сельскохозяйственным трудом помещики требовали от крепостных исполнения ряда других повинностей. Б. Тарасов отмечает, что «среди которых была обязанность прокладывать дороги, перевозить на своих лошадях и телегах разнообразные грузы и проч. Иногда крестьян отрывали от семьи и хозяйства на много месяцев, отправляя на дорожные или строительные работы. Тяжелый труд никак не оплачивался правительством, только в редких случаях выдавался скудный продовольственный паек, но чаще всего и кормиться невольные строители должны были за свой счет. Помещики вынужденно мирились с таким отвращением своих крепостных людей на государственные нужды, но немедленно после их возвращения домой старались наверстать упущенное, гнали на барщину, требовали внесения оброка, нередко возросшего за период отлучки крестьян. При задержке или просьбе об отсрочке – пороли, одевали колодки и в прямом смысле слова выколачивали из крепостных вместе с последними силами все необходимое для дворянского обихода» (Тарасов, 2011). Также среди многообразия крестьянских обязанностей числилась рекрутская повинность. Б. Тарасов широко освящает бытовые взаимоотношения между крепостными и владетелями, описывает, в каких условиях приходится жить крестьянам, описывает жестокость физических расправ над крепостными в усадьбах (Тарасов, 2011). Проблемам подготовки и проведения крестьянской реформы уделили свое внимание П.А. Зайончковский и Л.А. Панов (Зайончковский, 1958; Зайончковский, 1968; Панов, 2001).

Исследователи Д. Трейси и С. Нафзингер проанализировали уровень жизни русских крестьян в сельской местности, а не в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, с социологической точки зрения. Используя показатели отдельного села, оценивают уровень жизни крестьянина в области здравоохранения, образования, а также по другим "нерыночным категориям". Авторы принимают в расчет многие факторы (например, денежные взаимоотношения, демографию, заработную плату), чтобы представить картину качества жизни русского крестьянина в течение определенного периода времени (Tracy, Nafzinger, 2007).

Д. Мун исследует крестьянские взаимодействия с государством в последние десятилетия крепостного права. Можно видеть, как крестьяне интерпретируют указы от тех, кто над ними, и как намеренно или нет, они просто игнорируют императорскую власть. Д. Мун представляет идею

«рационального крестьянина», который не был обманут, а скорее, пытается выжить в сложившихся условиях (Moon, 1992).

М. Лунч дает общий обзор ситуации незадолго до отмены крепостного права, роли Александра II и значения освобождения. По мнению исследователя, крепостное право, которое действовало в России с середины XVII века, технически не являлось рабством. Помещик не владел крепостными. Это контрастирует с системой в США, где негры были рабами, то есть, они рассматриваются в установленном законом порядке в качестве одноразовой собственности своих хозяев. В России традиционные отношения между помещиком и крепостным были основаны на земельных соглашениях, т.е. крепостной жил на своей земле, был привязан к владельцу на этом основании (Lynch, 2003). Однако с введением правового кодекса в целях контроля деятельности крепостных крестьян, которые жили на земле феодала, многое изменилось, поскольку это предоставило полную власть помещикам, например, в праве отказать крепостному переехать в другое место. Тем самым, разница между рабством и крепостным правом в практике была так тонка, что практически неразличима.

Важным направлением в исследовании крепостничества является восприятие крепостной реформы вне территории России. Теме восприятия крепостной реформы 1861 г. английскими и американскими современниками уделила внимание А.В. Павловская (Павловская, 1989).

3.3. Гендерные исследования

Говоря о социальной стороне жизни крепостных нельзя не отметить сугубо женскую крепостную долю. Исследователи показывают, как женщины-крепостные смогли получить определенную социальную мобильность, если выбирали актёрство в качестве профессии. В то же время они должны были выдержать социальные особенности выбора этой профессии и проявления злоупотребления со стороны владельцев, однако, можно наблюдать данное явление как выход для крепостных женщин, чтобы изменить их жизнь в сельской местности к лучшему или к худшему (Wendy, Tosi, 2007).

Ученые Клементс и др. изучают особенности жизни крестьянских вдов. Показывается определенная двойственность суждений: вдова может быть одна и быть уязвимой ячейкой населения, но при этом быть управительницей домашнего хозяйства. Проблема заключалась в преодолении давления со стороны патриархального общества, в котором она жила. Авторы также изучают экономические аспекты, права собственности, и условия жизни вдов.

В исследовании показывается роль русских женщин как целительниц и акушеров, традиционно трудящихся еще до появления профессиональных практикующих врачей в русской деревне. Можно наблюдать роды занятий, выполняемых крестьянско-крепостными женщинами, и как им удавалось преуспеть в этом (Clements et al., 1991).

3.4. Историко-сравнительные исследования

Необходимо отметить, что в последнее время предпринимаются попытки сравнить рабство на территории США с рабством на территории Черкесии периода 1850–1860 гг. К этой теме обратились М. Шмигель и А. Черкасов, которые констатировали, что рабство и положение рабов в США и в Черкесии в 1850–1860-е гг. имели свои отличия. К таким отличиям относилась невозможность перехода в США из состояния раба в состояние зависимого крестьянина, что являлось нормой в Черкесии. В США рабы привозились извне, в то время как в Черкесии обращение в рабство происходило в регионе, в основном путем пленения. В основе дискриминации в Соединенных Штатах стал расовый принцип, в Черкесии эту основу составлял религиозный принцип. В положении рабов были и свои сходства. Раб являлся бесправной собственностью своего господина, существовали определенные неписанные правила, регулирующие отношения, рабовладельцы остерегались доводить рабов до крайности и др. Важным сходством между США и Черкесией было наличие у них территорий с ярко выраженным рабовладельческим строем, где рабы составляли более 30 % населения. В США это были территории рабовладельческого Юга, а в Черкесии – рабовладельческая Убыхия (Smigel, Cherkasov, 2016: 1182).

Проблеме сравнения холопства и крепостной зависимости в России уделили свое внимание А.М. Мамадалиев и С.И. Дегтярев. Авторы исследовали как разные состояния зависимости как в Древней Руси (челядь, холоп), так и трансформацию крепостной зависимости в разные периоды российской истории (XIV–XIX вв.). Изучены были различные состояния зависимости русского населения в контексте сравнения с состояниями зависимости населения других стран в аналогичный период (прежде всего, в государствах Западной Европы). На основе сравнительного и исторического анализа были выделены общие и особенные черты челядинства, холопства и крепостничества в России, в том числе и в сравнении со сходными формами зависимости в соседних странах (Mamadaliyev, Degtyarev, 2017: 7).

4. Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы констатировать, что изучение крепостничества в России сегодня продолжает привлекать исследователей в области истории, истории экономики и истории права.

Наряду с экономическими и правовыми аспектами вызывают интерес темы связанные с гендерными проблемами среди зависимых сословий, а также историко-сравнительные исследования, рассматривающие крепостничество и рабство на других территориях.

5. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения квалификации РУДН «5–100» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016–2020 гг.

References

- Avdeev et al., 2004 – Avdeev Alexandre, Blum Alain, Troitskaia Irina. Peasant Marriage in Nineteenth-Century Russia. // *Population-E*. 2004. 59(6), pp. 1-44.
- Bernshtam, 1988 – Bernshtam T.A. Molodezh v obriadovoi zhizni Russkoi obshchiny, XIX–nachala XX v. Leningrad: Nauka, 1988. 43–46.
- Blum, 1960 – Blum, Jerome. Russian Agriculture in the Last 150 Years of Serfdom. // *Agricultural History*, 1960, 34, no. 1: 3-12.
- Clements et al., 1991 – Clements, Barbara Evans, Barbara Alpern Engel, Christine Worobec. Widows and the Russian Serf Community. *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley: University of California Press, 1991. 95-112.
- Gorshkov, 2001 – Gorshkov, Boris B. "Serfdom: Eastern Europe" in Peter N. Stearns, ed, *Encyclopedia of European Social History: from 1352–2000*. 2001, Volume 2, pp. 379–88. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.encyclopedia.com/international/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/serfdom-eastern-europe>
- Kingston-Mann et al., 1991 – Kingston-Mann, Esther, Timothy Mixer, Jeffrey Burds. Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry. *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. 23-51.
- Kravchinskii, 1967 – Kravchinskii, Sergei M. The Russian Agrarian Question. *The Russian Peasantry: Their Agrarian Condition, Social Life and Religion*. 1888. Reprint, Westport, CT: Hyperion Press, Inc., 1967. 1-71.
- Lynch, 2003 – Lynch, Michael. The Emancipation of the Russian Serfs, 1861: A Charter of Freedom or an Act of Betrayal? // *History Review*, 2003, Issue 47, December [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historytoday.com/michael-lynch/emancipation-russian-serfs-1861-charter-freedom-or-act-betrayal> Дата обращения: 25.02.2017
- Mamadaliyev, Degtyarev, 2017 – Mamadaliyev A.M., Degtyarev S.I. Serfdom and Serfdom of Peasants in the Russian State: Comparative Analysis // *Slavery: Theory and Practice*, 2017, 2(1): 7-17.
- Miller, 1984 – Miller, David B. Review of Slavery in Russia, 1450-1725. // *Speculum*. 1984. 59 (3): 653–655.
- Moon, 1992 – Moon, David. *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction Between Peasants and Officialdom, 1825-1855*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan Press, in association with the Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 1992.
- Moon, 1999 – Moon, David. *The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made*. London and New York, 1999.
- Ruiz-Díaz – Katherine E. Ruiz-Díaz. Peasant Life and Serfdom under Tsarist Russia. Guided History [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.bu.edu/guidedhistory/historians-craft/katherine-ruiz-diaz/> Дата обращения: 25.02.2017
- Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // Bylye Gody, 2016, Vol. 42, Is. 4, pp. 1182-1197.
- Sunderland, 1993 – Sunderland, Willard. Peasants On the Move: State Standard Resettlement in Imperial Russia, 1805-1830s. // *Russian Review*, 1993, 52, no. 4: 472-485.
- Tracy, Nafzinger, 2007 – Dennison Tracy, Steve Nafzinger. Micro-Perspectives on 19th-Century Russian Living Standards. Paper presented at the annual meeting of the Social Science History Association, Chicago, IL, November 15-18, 2007.
- Vucinich, 1968 – Vucinich, Wayne S. The Peasant and the Village Commune. *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1968. 133-157.
- Wendy, Tosi, 2007 – Rosslyn, Wendy, and Alessandra Tosi (ed.). *Female Serfs in the Performing World*. In *Women in Russian Culture and Society, 1700–1825*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 24-38.
- Зайончковский, 1958 – Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.
- Зайончковский, 1968 – Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М: Изд-во Моск. ун-та, Просвещение, 1968.
- Милов, 2006 – Милов Л.В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М.: Наука, 2006. С. 500-538.
- Павловская, 1989 – Павловская А.В. Крестьянская реформа 1861 г. в России в восприятии английских и американских современников // *Вестник МГУ. История*. 1989. №6.

Панов, 2001 – Панов Л.А. Земельная реформа в России. Истоки и уроки. М.: Издательский дом Центроюза, 2001. 218 с.

Тарасов, 2011 – Тарасов, Борис. Россия крепостная, история народного рабства. Samlib. samlib.ru/a/ali_s/rabstwo.shtml [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/a/ali_s/rabstwo.shtml Дата обращения: 25.02.2017

References

Avdeev et al., 2004 – Avdeev Alexandre, Blum Alain, Troitskaia Irina (2004). Peasant Marriage in Nineteenth-Century Russia. *Population-E*. 59(6), pp. 1-44.

Bernshtam, 1988 – Bernshtam T.A. (1988). Molodezh v obriadovoi zhizni Russkoi obshchiny, XIX–nachala XX v. Leningrad: Nauka, 43–46.

Blum, 1960 – Blum, Jerome (1960). Russian Agriculture in the Last 150 Years of Serfdom. *Agricultural History*, 34, no. 1 (1960): 3-12.

Clements et al., 1991 – Clements, Barbara Evans, Barbara Alpern Engel, Christine Worobec. (1991). Widows and the Russian Serf Community. *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley: University of California Press. 95-112.

Gorshkov, 2001 – Gorshkov, Boris B. (2001). "Serfdom: Eastern Europe" in Peter N. Stearns, ed, *Encyclopedia of European Social History: from 1352–2000*. Volume 2, pp. 379–88. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.encyclopedia.com/international/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/serfdom-eastern-europe>

Kingston-Mann et al., 1991 – Kingston-Mann, Esther, Timothy Mixer, Jeffrey Burds. (1991). Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry. *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 23-51.

Kravchinskii, 1967 – Kravchinskii, S.M. (1967). The Russian Agrarian Question. The Russian Peasantry: Their Agrarian Condition, Social Life and Religion. 1888. Reprint, Westport, CT: Hyperion Press, Inc., 1967. 1-71.

Lynch, 2003 – Lynch, Michael (2003). The Emancipation of the Russian Serfs, 1861: A Charter of Freedom or an Act of Betrayal? *History Review*, Issue 47 December 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historytoday.com/michael-lynch/emancipation-russian-serfs-1861-charter-freedom-or-act-betrayal> Дата обращения: 25.02.2017

Mamadaliyev, Degtyarev, 2017 – Mamadaliyev A.M., Degtyarev S.I. (2017). Serfdom and Serfdom of Peasants in the Russian State: Comparative Analysis. *Slavery: Theory and Practice*, 2(1): 7-17.

Miller, 1984 – Miller, David B. (1984). Review of Slavery in Russia, 1450-1725. *Speculum*. 59 (3): 653–655.

Moon, 1992 – Moon, David. (1992). Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction Between Peasants and Officialdom, 1825–1855. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan Press, in association with the Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham.

Moon, 1999 – Moon, David (1999). The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made. London and New York.

Ruiz-Díaz – Katherine E. Ruiz-Díaz. Peasant Life and Serfdom under Tsarist Russia. Guided History [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.bu.edu/guidedhistory/historians-craft/katherine-ruiz-diaz/> Дата обращения: 25.02.2017

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4, pp. 1182-1197.

Sunderland, 1993 – Sunderland, W. (1993). Peasants On the Move: State Standard Resettlement in Imperial Russia, 1805–1830s. *Russian Review*, 52, no. 4 (1993): 472-485.

Tracy, Nafzinger, 2007 – Dennison Tracy, Steve Nafzinger. (2007). Micro-Perspectives on 19th-Century Russian Living Standards. Paper presented at the annual meeting of the Social Science History Association, Chicago, IL, November 15–18.

Vucinich, 1968 – Vucinich, Wayne S. (1968). The Peasant and the Village Commune. The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford, Calif.: Stanford University Press. pp. 133-157.

Wendy, Tosi, 2007 – Rosslyn, Wendy, and Alessandra Tosi (ed.). (2007). Female Serfs in the Performing World. In *Women in Russian Culture and Society, 1700-1825*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 24-38.

Zaionchkovskii, 1958 – Zaionchkovskii P.A. (1958). Provedenie v zhizn' krest'yanskoi reformy 1861 g. [The implementation of the peasant reform in 1861]. M. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1968 – Zaionchkovskii P.A. (1968). Otmena krest'nykh prava v Rossii [The abolition of serfdom in Russia]. M: Izd-vo Mosk. un-ta, Prosveshchenie. [in Russian]

Milov, 2006 – Milov L.V. (2006). Po sledam ushedshikh epokh: stat'i i zametki [In the footsteps of bygone eras: articles and notes]. M.: Nauka, pp. 500-538. [in Russian]

Pavlovskaya, 1989 – Pavlovskaya A.V. (1989). Krest'yanskaya reforma 1861 g. v Rossii v vospriyatii angliiskikh i amerikanskikh sovremennikov [The peasant reform of 1861 in Russia in the perception of English and American contemporaries]. *Vestnik MGU. Istoriya*. №6. [in Russian]

Panov, 2001 – Panov L.A. (2001). Zemel'naya reforma v Rossii. Istoki i uroki [The land reform in Russia. The origins and lessons]. M.: Izdatel'skii dom Tsentyruza. 218 p. [in Russian]

Tarasov, 2011 – *Tarasov, Boris.* (2011). Rossiya krepostnaya, istoriya narodnogo rabstva. Samlib [Serfdom Russia, the history of national slavery]. samlib.ru/a/ali_s/rabstwo.shtml [Elektronnyi resurs]. URL: http://samlib.ru./a/ali_s/rabstwo.shtml Data obrashcheniya: 25.02.2017 [in Russian]

УДК 94

Крепостное право в России: историографический аспект

Наталья Валентиновна Мику ^a, Александр А. Галушкин ^{b, c}, Анисим Иванович Экимов ^{d, *}

^a Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^b Российский Университет Дружбы народов, Российская Федерация

^c Международный институт информатизации и государственного управления имени П.А. Столыпина, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается российская и зарубежная историография, посвященная крепостному праву в Российской империи. Уделено внимание экономическим и правовым аспектам крепостного права, гендерным исследованиям, а также историко-сравнительным исследованиям.

В качестве материалов была привлечена советская, российская и зарубежная историографии, а именно труды, опубликованные со второй половины XX–XXI вв. При анализе историографических источников нами были применены методы смежных с историей наук. Так, был применен культурно-антропологический метод, который предполагает раскрытие позиции автора историографического источника при постановке проблемы и подбора аргументов в защиту своей точки зрения. Помимо этого был применен и метод дискурсивного анализа, который предполагает установление корреляции между содержанием историографического источника, результатами научного исследования и социокультурным контекстом развития исторических событий и процессов.

В заключении авторы отмечают, что изучение крепостничества в России сегодня продолжает привлекать исследователей в области истории, истории экономики и истории права. Наряду с экономическими и правовыми аспектами вызывают интерес темы связанные с гендерными проблемами среди зависимых сословий, а также историко-сравнительные исследования, рассматривающие крепостничество и рабство на других территориях.

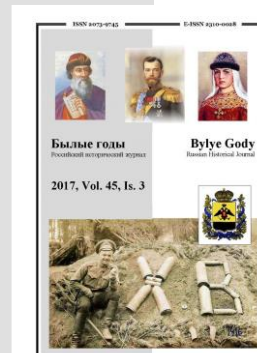
Ключевые слова: крепостное право, Российская империя, историография.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: Ekimov.AI@rea.ru (А.И. Экимов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 964-977, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.964
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Fertility of Women in Subcarpathian Russia in the Second Half of the Nineteenth Century and the First Half of the Twentieth Century

Branislav Šprocha ^{a, *}, Pavol Tišliar ^b

^a Center of social and psychological sciences Slovak academy of sciences, Slovakia

^b Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava, Slovakia

Abstract

In the second half of the nineteenth century, most of the countries in western and northern Europe underwent a transformation in reproductive behaviour. The majority of countries in central and especially Eastern Europe experienced this trend later in both quantitative and qualitative terms. Additionally this transformation did not affect a whole country at once but was subject to social and spatial differentiation. One of the most interesting regions in which to study this phenomenon is Subcarpathian Russia, which was incorporated into Czechoslovakia after the First World War. It was the country's least developed region in every way, with an exposed peripheral position without connection to the main development networks. At the other end of the country, Bohemia was one of the most developed areas in Europe and the demographic transformation began at around the same time as in other advanced countries.

The present paper aims to make a detailed analysis of the reproductive behaviour of the population in Subcarpathian Russia from the second half of the nineteenth century to the mid-1930s. Research findings are used to define the main characteristics of the fertility schedule and its changes in the context of the rise and spread of the demographic transition in both cross-sectional and cohort perspectives. The intensity and character of reproductive behaviour in Subcarpathian Russia is also compared with the broader European context. For this purpose the authors have constructed Coale indices, indicators for the Coale-Trusell fertility model and cohort parity progression ratios.

Keywords: Subcarpathian Russia, fertility, women.

1. Introduction

Subcarpathian Russia is a historical region most of whose territory is now part of the Zakarpattia Oblast in Ukraine. It was fully incorporated into the Habsburg monarchy at the end of the seventeenth century and was part of the Kingdom of Hungary until the end of the First World War. In 1919 Subcarpathian Russia became part of the new Czechoslovak Republic, in which it remained until 1939 when it was seized by Hungary. After the Second World War, in 1945, Subcarpathian Russia was ultimately incorporated into the Soviet Union. Whichever state ruled the territory, it was always in the exposed periphery of their territory and was outside the main areas of social and economic development. This is one of the factors that make Subcarpathian Russia a special region. As will be shown below, its special characteristics affected the region's population and their reproductive behaviour in the period covered by the study. In the second half of the nineteenth century and at the beginning of the twentieth century, Europe underwent a qualitative and quantitative transformation in the character of reproductive behaviour that is historically unique. In general terms, it was a transition from extensive reproduction with a high death rate and high fertility to intensive reproduction with lower fertility and lower death rates. These changes did not spread across Europe all at once and it has been shown that different countries and different regions within countries differed

* Corresponding author

E-mail addresses: branislav.sprocha@gmail.com (B. Šprocha), pavol.tisliar@uniba.sk (P. Tišliar)

significantly in when the changes started and how they developed (Coale, 1986). Some authors have demonstrated that the situation was no different within the Kingdom of Hungary or the Russian Empire (Demeny, 1968; Andorka, 1971; Coale et al. 1979; Andorka, Balazs-Kovács, 1986). It is still not clear how the transformation process took place in a peripheral region like Subcarpathian Russia. The present paper is concerned mainly with the fertility schedule and its character in the second half of the nineteenth century and the first half of the twentieth century, not only analysing its development and changes but also setting it in its broader international context. The findings will then be used to identify the start date of the transformation of reproduction in the population of Subcarpathian Russia with regard to fertility and how the transformation developed.

2. Materials (Data) and methods

Based on the available published data and the methods used, the paper focuses on the period from the second half of the 1860s to the second half of the 1930s.

Initial data comes from the regularly published statistical yearbooks of the Kingdom of Hungary (M.S.E. 1872–1892 and M.S.E – Ú.f. 1893, 1897–1899) for the period 1866 to 1899 and the population movement (M. K. országainak 1900–1902; M. K. országainak 1903–1905; M. K. országainak 1906–1908; M. K. országainak 1909–1912) for the period 1900–1912. In the interwar period 1919–1937, Czechoslovakia published a special series on changes in the population that included demographic data on Subcarpathian Russia (Pohyb obyvatelstva 1919–1920, 1921–1922, 1923–1924, 1925–1927, 1928–1930, 1931–1933, 1934–1937).

Very useful data for the present research was also obtained from the Hungarian censuses of 1880, 1890, 1900 and 1910, and the Czechoslovak censuses of 1921 and 1930. The censuses provided data on age, sex and family status that could be used to construct an estimate of the age structure during the inter-census periods (1900–1912, 1919–1937) from which to calculate indicators of the intensity of fertility (fertility rate, total fertility rate) and indicators of the timing of the process (mean age at birth, mean age at first birth). These data are also used to the construction of Coale indices, indicators for the Coale-Trussell model of fertility and the singulate mean age at marriage, which characterises the mean age at which single people get married.

The Coale indices are based on indirect standardisation, where fertility is compared against a standard population that is seen as making no deliberate effort to limit the number of children born. The population chosen for this purpose was married Hutterite women, who belong to a religious community in North America that is strongly opposed to any limitation of fertility (Pavlik et al., 1986). The present research makes use of three basic Coale indices:

1) the index of overall fertility (If), expressing the extent to which the number of children born to women in the studied population differs from the theoretical number that would be born assuming the same level of fertility as Hutterite women.

2) the index of marital fertility (Ig), expressing the extent to which the number of children born in marriage differs from the theoretical number that would be born in conditions of maximum fertility.

3) the marriage index (Im) expresses the contribution that family status makes to achieving maximum possible fertility.

The Coale-Trussell model is based on a comparison of two schedules of marital fertility – the studied population and a population with natural fertility, which Coale and Trussell estimated based on real data (Coale, Trussell, 1974). Calculations usually leave out the marginal age intervals to 20 years and above 45 years because of low incidence and, in the case of the youngest age groups, the high prevalence of premarital conception. In the next step, the series are compared to a model population that deliberately limits its fertility.

The result of the mathematical model is a numerical estimate of the level of deliberate efforts to limit family size (small “m”). The general interpretation of this variable is that the higher its value, the greater the effort to control marital fertility. Negative values of small “m” and levels to around 0.3 indicate either no or very little effort to limit fertility. Essentially it is only with values of 0.5 or greater that one can safely talk about a conscious effort to limit family size.

There is one very important item of information that is recorded only once in the period under study, in the second Czechoslovak census of 1930 (Sčítání lidu, 1930). This census asked how many times married women or women who had been married at least once had given birth. This information is a fundamental resource for constructing certain longitudinal (generational) fertility indicators. These make it possible to track the development of real fertility and its character. At times of dramatic changes in the character of reproduction, the generational perspective is crucial for correctly understanding and identifying its movements, because these apply and spread across individual cohorts. In studying this perspective the paper looks at the development of final fertility, final childlessness, the structure of women in terms of numbers of births and the probability of an increase in family size.

3. Discussion

3.1 Certain external factors affecting fertility

Age structure is a reflection of past developments in the population and is also one of the most important factors affecting the future development of the population. Every change in the character of reproduction is reflected in the population's composition by age and sex. The dominant part of the age structure of the population in Subcarpathian Russia in the second half of the nineteenth century and at the start of the twentieth century was children under the age of 15 years. Their share of the population long remained stable within the band 40 % to 42 % and fell to around 38 % just before the First World War (Šprocha, Tišliar, 2009a: 38). The situation did not change greatly between the wars, with children making up more than 37 % of the population (Šprocha, Tišliar, 2009a: 38). Persons aged 50 years or over made up a little more than 12 % of the population. The very young age structure of the population in Subcarpathian Russia was also reflected in the average age, which was in the range 24 to 25 years (Šprocha, Tišliar, 2009a: 41). Comparison can be made using the aging index, which is based on the ratio of elderly persons to children. While this ratio gradually approached equilibrium in the demographically more developed countries, Subcarpathian Russia had just 30–35 elderly people for every 100 children (Šprocha, Tišliar, 2009a: 49).

The fertility of women in Subcarpathian Russia was long linked closely with life in marriage, because less than 10% of the total number of births were to unmarried women (Šprocha, Tišliar, 2009b: 93). This means that one of the most important factors affecting the reproduction of the population in Subcarpathian Russia was their marriage behaviour. In general terms marriage in Subcarpathian Russia reflected its position east of the Hajnal line with a high incidence of marriage and a very low average age of first marriage (especially for women). This can be seen in the census returns from the late nineteenth century and the early twentieth century, when women's *singulate mean age at first marriage* was 21–22 years and the percentage of women who never married by the end of reproductive age was only 2–4 %. Very early and intensive entry into marriage is reflected in the numbers of single women in younger age groups. For example, the census returns for 1900 and 1910 show that around 70 % of all women had been married at least once by the age of 25 years.

Foreign migration had a negative effect on reproduction. Subcarpathian Russia was long a territory with a high rate of emigration. As this emigration was mainly economically motivated, it chiefly affected persons in productive and reproductive age and had both direct effects (decrease of the population) and indirect effects (long separations, unbalanced numbers of women and men). The scale of this emigration can only be estimated. During the nineteenth century and the early years of the twentieth century before the First World War, the decrease in population due to emigration was around 3–5 % per decade. Even more of the population of Subcarpathian Russia was lost due to migration in the years 1910–1921. This was caused both directly by military operations in the first two years of the First World War and post-war developments when the territory was attached to Czechoslovakia after the break-up of the Kingdom of Hungary. Many Hungarian families, especially those who had been part of the state administration, relocated to territory still ruled from Budapest. Between the wars, foreign migration had a smaller impact on the development of the population because the main countries of immigration, especially the USA, imposed more restrictive migration policies.

A high death rate also had a negative effect on reproduction. At the turn of the nineteenth and twentieth centuries the death rate fell permanently below 30 deaths per 1,000 persons and with the exception of the war years and the immediate post-war period it continued to decrease. Even so, life expectancy at birth was very low. Only in the interwar period did it rise above 40 years (Šprocha, Tišliar, 2009b: 153–154). The main cause of this low life expectancy was high child and infant mortality (Šprocha, Tišliar, 2009b: 132), but people faced poor survival prospects even in reproductive age (Šprocha, Tišliar, 2009b: 158). As a result, more than 10% of women aged 30–39 years were widows in the second half of the nineteenth century, while in the 40–49 age group more than a quarter of women had been widowed. In the first half of the twentieth century, there was a certain reduction in widowhood but even so, the death of a husband cut into the reproductive period of a not insignificant number of women and reduced their total number of children.

The social and economic characteristics of the population that are most frequently cited as influences on reproduction are economic activity, education (literacy) and the national and religious structure of the population.

Literacy was for a long time very poor in Subcarpathian Russia although it did show some gradual improvement over time. In 1880 just under 20 % of the population aged 6 years or over was able to read and write. By 1900 the proportion had risen to a third and on the eve of the First World War, 40 % of people were literate. Improvement accelerated between the wars and in 1930 nearly three quarters of people over six years of age were able to read (Šprocha, Tišliar, 2009a: 74). It should also be noted that women tended to lag behind men in literacy in Subcarpathian Russia. The first Czechoslovak census in 1921 found that more than 55 % of women could not read or write but only 45 % of men aged 6 years or more were illiterate. By 1930 just under a third of women and a fifth of men were illiterate (Šprocha, Tišliar, 2009a: 76).

In economic terms Subcarpathian Russia was one of the least developed parts of the Kingdom of Hungary and interwar Czechoslovakia. Agriculture remained the main source of livelihood for a long time, with two thirds of the population being dependent on growing crops or keeping animals (Šprocha, Tišliar,

2009a: 132; Tvrdoňová, 2016; Janto, 2016: 95-98). What little industry or trades there were could not provide jobs for people and over-employment in agriculture was usually resolved by emigration to seek work outside the region. Another complicating factor were feudal obligations to provide work, produce and money to the church ("*kobliny and rokoviny*"), which remained in force until 1920 (Švorc, 2007: 102). The development of industry was stifled by a shortage of capital and poor transport infrastructure. Women's engagement in work was typically limited to auxiliary work in the household. Only a tenth of women were directly economically active (Šprocha, Tišliar, 2009b: 78). These phenomena – high dependence on the primary sector and very low economic activity of women were important factors influencing the overall high level of fertility (Šprocha, Tišliar, 2015: 653).

Religious belief has long been seen as one of the most important and most consistent factors affecting fertility schedules (Andorka, 1982: 298). It has been found that in general persons belonging to the Catholic churches (Roman Catholics, Greek Catholics) were more fertile than persons belonging to the Protestant denominations (Lehrer, 2004; Zhang, 2008). In the other direction, Jews are seen as forerunners of the transformation in fertility (Livi-Bacci, 1986). In the second half of the nineteenth century and the first half of the twentieth century, the dominant religion in Subcarpathian Russia was Greek Catholicism (50–65 %). Their proportion tended to fall in favour of the Orthodox Church, but both churches tended to support high fertility of women. The proportion of Protestants was in decline. For a long time, Jews were the second most numerous religious community in Subcarpathian Russia. It must be noted that these were Orthodox Jews who were characterised by high fertility and large families unlike Neolog Judaism and other branches of Judaism typical for Western Europe (Mendelsohn, 1983: 6-7).

Until the break-up of the Austro-Hungarian Empire, the main population group was Russians/Rusyns (56–62 %) followed by persons who declared Hungarian as their native language (25–30 %). After the establishment of independent Czechoslovakia, the proportion of Hungarians declined sharply both because of a change in the method of reporting nationalities and the emigration of Hungarian families. A change that probably played an important role in changing reproductive behaviour was the arrival of Czech civil servants and other professionals. During the interwar period the transformation of fertility was gradually completed (Fialová et al., 1991).

4. Results

4.1 Overall character of reproduction in Subcarpathian Russia

For most of the nineteenth century, reproduction in Subcarpathian Russia was highly extensive. This is reflected in the crude birth and death rates for the period, both of which were high. In the 1870s and 1880s there was a cholera epidemic that caused a sharp rise in mortality and overall decreases in the population. The difference between the number of births and deaths per thousand inhabitants representing the natural increase in population tended to be very low. Two fundamental changes can be observed from the 1880s. On the one hand there is a slow decrease in the crude death rate to below 25 per thousand reflecting an overall improvement in all areas of mortality but especially in infant and child mortality. At the same time, there is a gradual increase in the birth rate. It went up from around 40 per thousand to nearly 50 per thousand. In the second half of the 1890s the crude birth rate began a continuous decline and on the eve of the First World War it was back at 40 per thousand. Subsequent developments were strongly affected by the military conflict. The first two years saw a dramatic decrease due to several related events. The first was the recruitment of many young men into the army, which separated them from their partners and reduced their chances to conceive a child. There was also a sharp decrease in marriages. This was caused both by the absence of many potential bridegrooms and the delay of marriage until a better time. It must also be borne in mind that in the winter of the first year of the war the front line of the conflict was in the Eastern Carpathians and worsened the overall population climate. The crude marriage rate fell from its stable pre-war level of 9–10 per thousand to just under 3 per thousand in 1915 and the crude birth rate fell from just over 40 per thousand to below 30 per thousand. The negative effect of the war continued to affect the population of Subcarpathian Russia and the decreases continued, reaching their minimum, just under 19 per thousand, in 1918. There was a certain increase in the death rate to nearly 30 per thousand in the second and last year of the war, a major cause of which was the epidemic of Spanish flu.

In 1919 there was a dramatic increase in the crude marriage rate, reaching 20 per thousand inhabitants. The next two years had lower rates but the number of marriages remained above average. The post-war compensation phase saw a significantly higher intensity of marriages including both the delayed marriages of the previously unmarried and the remarriage of persons who had lost their partner. The sharp rise in marriages was closely followed by an increase in the birth rate. The peak years were 1921 and 1922, when 44-46 children were born per thousand people. The crude birth rate remained above 40 per thousand until the second half of the 1920s. This shows that the positive effect of the compensation phase gradually expired and population growth gradually returned to pre-war levels. These included a gradual downward trend in the intensity of births. At the start of the 1930s the threshold of 40 per thousand was definitively broken and the fall in the birth rate was probably accelerated by the effects of the Great Depression in the first half of the 1930s, when the birth rate fell from 39 per thousand in 1932 to below 35 per thousand in 1933. At the end of the studied period in 1937, the crude birth rate had fallen further, to 33 per thousand.

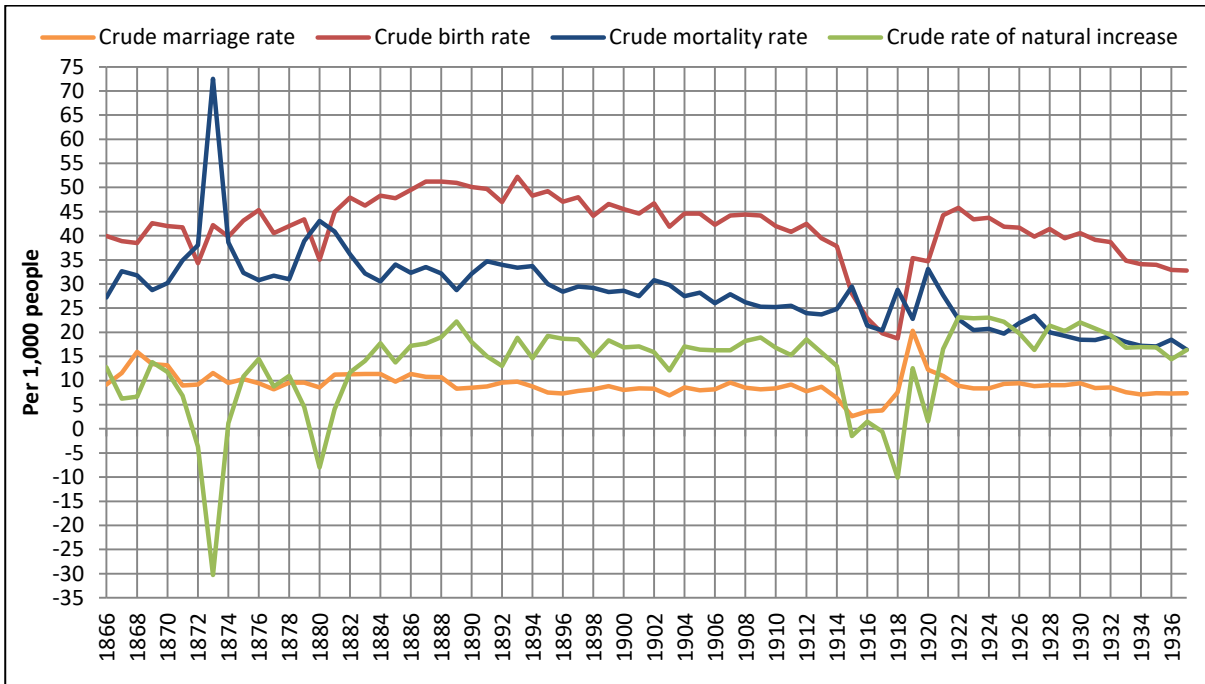

Fig. 1. Long-term development of crude marriage rate, crude birth rate, crude mortality rate and crude rate of natural increase in Subcarpathian Russia

There was also a gradual decrease in the crude death rate. During the post-war compensation phase, there was a slight worsening because of the increased infant mortality when a very large number of children were born, but subsequently the crude death rate decreased again, stabilising below 20 per thousand in the second half of the 1920s and declining even further to 16 per thousand in 1937.

Changes in the crude birth rate over a longer period can serve as a rough outline for the start and end of the transformation of reproduction in the first demographic transition. For example, Pavlík (Pavlík, 1977: 169) defines the threshold at which one can safely talk about a transition in the fertility regime when the crude birth rate permanently falls below 35 per thousand persons. According to our data, this took place in Subcarpathian Russia in the 1930s. Under Chesnais’s definition (Chesnais, 1992: 117), which sets the threshold at 30 births per thousand persons, the transformation of fertility could only be talked about with confidence after the Second World War. In any case, the first comparison with certain demographically advanced countries in Europe (Figure 2) shows that Subcarpathian Russia long had the highest intensity and the transition took place with a significant delay.

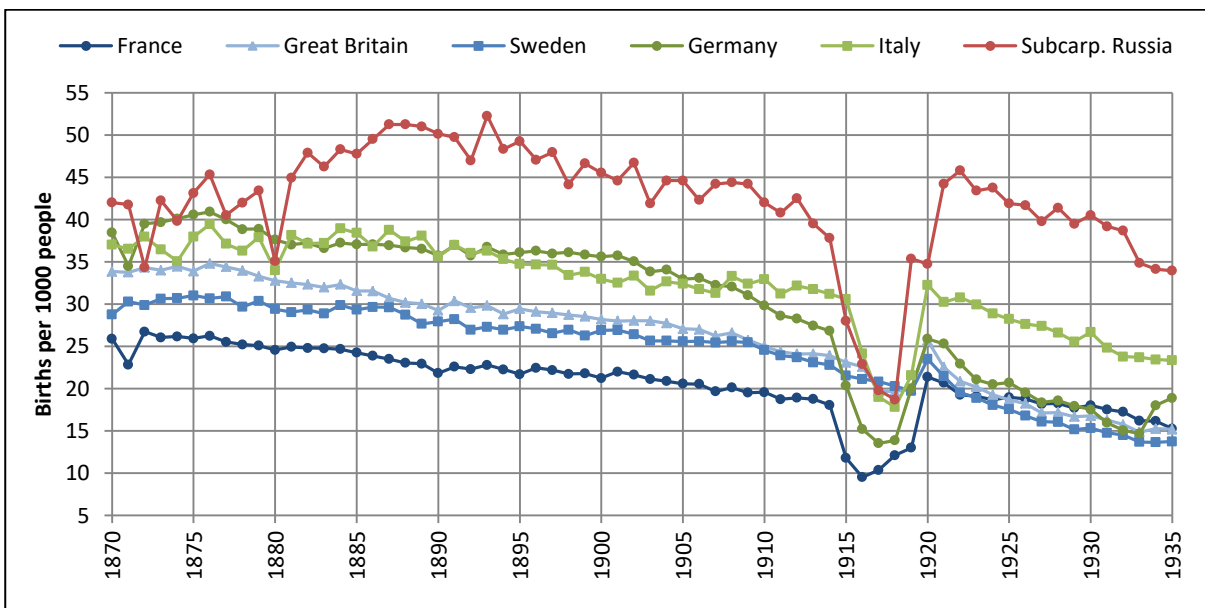

Fig. 2. Crude birth rate in Subcarpathian Russia and selected European countries.

4.2 Cross-sectional analysis of women's fertility in Subcarpathian Russia

The high intensity of fertility of women in Subcarpathian Russia can also be demonstrated by the values of the total fertility rate, which indicates the number of children who would be born per woman if there were no change in the intensity and character of child bearing. As mentioned earlier, it is only possible to calculate this indicator for Subcarpathian Russia from the start of the twentieth century. In the pre-war years, the total fertility rate was in the range 6.0–6.5 children per woman with a slow falling trend. In France, where the transition in reproduction began, the average number of children was less than three. Sweden and England and Wales also had low total fertility rates. Figure 3 shows that these countries experienced a fairly rapid continuous decrease in the total fertility rate. The post-war compensation phase caused an increase in the total fertility rate in Subcarpathian Russia from just over 4.5 children per woman to around 6 children per woman. After the first half of the 1920s, Subcarpathian Russia began to show a continuous decreasing trend in fertility that accelerated between 1932 and 1933 as a result of the Great Depression. On the eve of the break-up of Czechoslovakia, the total fertility rate fell below a level of 4.5 children per woman. Most of the central and western European countries where the demographic transition was ongoing or had already culminated had a fertility rate of nearly 2 children per woman or even lower.

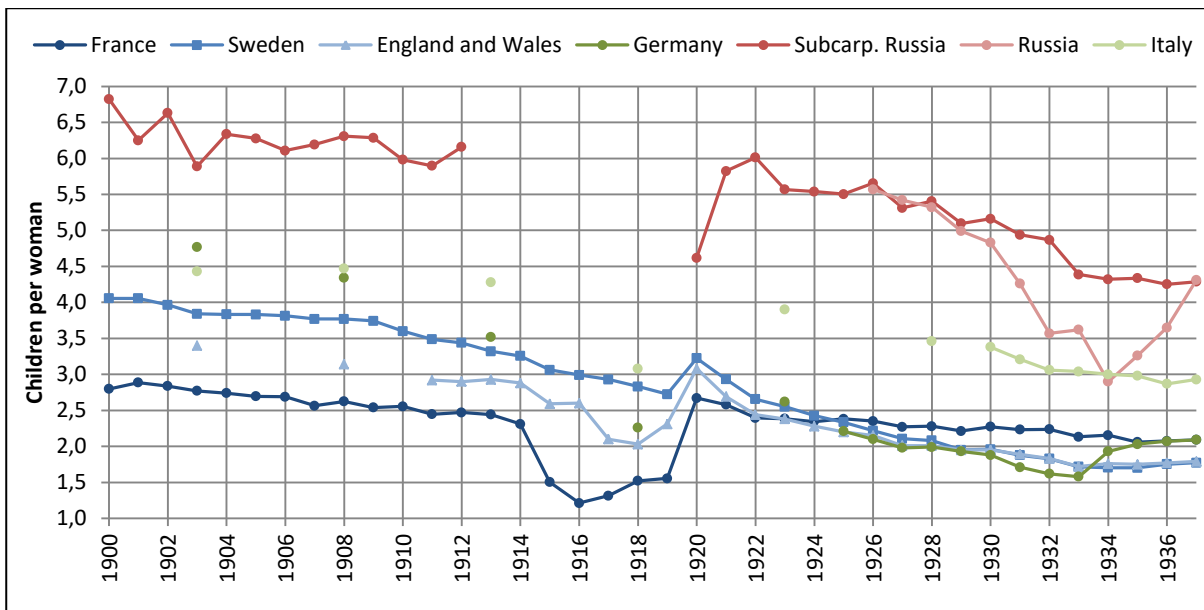

Fig. 3. Total fertility rate in Subcarpathian Russia and selected European countries.

A more detailed analysis of the age-specific fertility rate indicates that the cause of the significantly higher number of children per woman in Subcarpathian Russia was that in every age group of women, the women from Subcarpathian Russia had higher fertility than women in selected countries of northern and western Europe (Figure 4). The largest differences were for ages above 30 years, which is an indirect signal of a more frequent preference for larger families and the resulting birth of a larger number of children. On the other hand, it is also evidence of a later start in the deliberate limiting of fertility, which is one of the main indicators of internal changes in the character of reproductive behaviour in the demographic revolution.

After the end of the compensation phase in the first half of the 1920s, some age groups show a relatively large decrease in fertility. The main age groups affected are 20–24 years and 25–29 years. They were gradually joined by the 35–39 years age group and, from around the start of the 1930s, also the 30–34 years age group. For essentially the whole of the period between the wars, the age group with the highest fertility was the 25–29 years age group, followed at a certain distance by the 30–34 years age group. From the start of the 1930s (and also during the compensation phase) the fertility of the 20–24 years and the 30–34 years age groups were equal. The oldest and youngest age groups made the smallest contribution to the total fertility rate. There were some changes in the intensity of fertility between the wars resulting in a decrease of fertility across the whole spectrum of reproductive age (with the exception of the youngest age group to some extent), there were no major changes in internal structure or the contributions of individual age groups to the total fertility rate. The long-term situation was that the largest contribution to the total fertility rate came from women aged 25–29 years, making up around a quarter. The 30–34 and 20–24 years age groups made up together over 40 % and the 35–39 years age group around 16–18 %. The youngest age group under 20 years contributed less than 5 % and women aged 40 years and over contributed around a tenth.

Changes in the level of fertility by age concealed changes in the intensity of order-specific fertility. The largest falls related to the fourth child birth rate (-29 %) and even more so to the third child birth rate (-35 %). The smallest decrease was in the first child birth rate and the fifth and higher order birth rate.

The statistics indicate there were some women in Subcarpathian Russia who were making a deliberate effort to limit their fertility and their family size and increasingly trying to limit themselves to two or three children. On the other hand, there are also indications of a relatively large group of women having five or more children, who continued to make a large contribution to overall fertility in interwar Subcarpathian Russia (accounting for more than a third of the total fertility rate).

It would be reasonable to look for an explanation of this phenomenon in the way it is supposed that the demographic revolution spread. By analogy with other European populations, it is known that the transition does not take place in the whole population at once but proceeds gradually through different ethnic and social layers; it proceeds differently in the town and in the countryside, and in different regions, from which it then spreads to other areas and social groups (Pavlik et al., 1986: 527). It is likely that in the territory of Subcarpathian Russia, a group of women began the deliberate limiting of their family size at the start of the interwar period (or earlier) and therefore they had fewer fifth or higher order children, and also fewer third and fourth children. At the same time, there was still a large number of women who had five or more children during their reproductive period.

An interesting item of related information is the development of the interbirth intervals. These represent the period between the birth of one child and the following one. If these intervals grow longer, it indicates an attempt to defer the birth of another child or the existence of obstacles affecting the timing of further births. If habits such as the length of breastfeeding do not change and in the presence of a natural fertility regime without deliberate efforts to limit fertility, the length of the interbirth intervals mainly reflect the biological capability of a couple to conceive, carry to term and give birth to a live child. This capability declines with age and biological order causing interbirth intervals to grow longer. This reflects natural conditions rather than efforts to control the birth of a subsequent child. The data analysis for this paper showed that between 1925 and 1937 there was a certain extension of the interbirth interval with the largest change being between third and fourth children, which was also the category with the largest fall in the intensity of fertility. On the other hand, these changes were significantly slower than they were in, for example, Slovakia, which only confirms how far Subcarpathian Russia lagged behind in the transformation of fertility schedules.

Another important and frequently used characteristic of the timing of fertility is average age at birth of first child. The reduction in fertility and the lower concentration of births at higher age was reflected in a fall in the average age of women at the birth of a child from nearly 31 years to around 30 years. The average age of women at the birth of the first child in Subcarpathian Russia can be determined only from 1925. From a development perspective, it appears that there was no significant change in the age at which women first became mothers. The close link between reproduction and married life influenced the values for average age at the birth of a first child. Because women in Subcarpathian Russia entered into their first marriage very early, they also become mothers at an early age.

The findings of the present research on children's legitimacy confirmed that marriage was a very important milestone in life for the achievement of reproductive aims. From the viewpoint of social standards enforced by the church and local customs, marriage was the ideal space for couples to live together and produce children in a socially accepted environment. The importance of marriage for reproduction in the view of the population of Subcarpathian Russia is indirectly documented by the percentage of children born to unmarried women. Although this increased gradually throughout the studied period, even at its end in the late 1930s it was barely greater than 10%. The presence of a certain part of the population who had sex outside marriage is indicated by information on "premarital" conceptions. These are cases where married women give birth less than eight months after their wedding. This means that the children were conceived before the parents got married. They make up around 9-13% of all births in Subcarpathian Russia in the first half of the twentieth century. The limited data suggests that there was a slight growth trend, as in the case of children born to unmarried mothers.

4.3 Coale's indices and the Coale-Trussell model of fertility

Coale's indices and the Coale-Trussell model were used to identify the start of deliberate fertility control in the demographic transition and the dynamic of its spreading in the population of Subcarpathian Russia. The available data provide a time series for the Coale indices covering the years 1890, 1900, 1910, 1921 and 1930 and indicators for the Coale-Trussell model of fertility for the years 1900, 1910, 1921 and 1930. The most important value documenting the transformation of fertility is the level of the marital fertility index. E. van de Walle has demonstrated that researchers can safely speak of a decrease in fertility resulting from deliberate fertility control using contraceptive methods if the marital fertility index falls permanently below 0.5 (van de Walle, 1974). If the index is around the level 0.6, fertility control is only likely. The lower threshold, when the transition in fertility is completed, is 0.35. (Coale, Treadway, 1986: 37) proposed an alternative way to characterise the start of the demographic revolution. It is a period when marital fertility falls permanently and irreversibly from its previous stable value by 10% or more.

As Table 1 shows, the marital fertility index at the end of the nineteenth century was not only stable at around 60 % of the fertility of Hutterite women, but was also showing some signs of increasing. This finding corresponds to developments in the crude birth rate, which rose to a peak in the 1880s and 1890s. Although there was a small decrease in the marital fertility index in the years before the First World War, it remained

well above 60 % and the decrease was less than 10%, which is often cited as critical for determining the timing of the onset of deliberate changes in fertility schedules (Coale and Treadway, 1986: 37).

During the post-war compensation phase, the fertility rate increased and the marital fertility index came close to 65 %. It then decreased and some of the changes mentioned above in the character and intensity of fertility in Subcarpathian Russia began to have an effect at the start of the 1930s. The marital fertility index fell significantly below the 60% threshold and achieved the criterion of a 10 % fall mentioned above. It can thus be said that the fertility transformation process began in this region in the period between the wars, which is significantly later than in the most demographically advanced countries of Europe.

Table 1. Coale indexes in Subcarpathian Russia

Year	Coale indexes			
	Ig	Ih	If	Im
1890	0,60	0,21	0,50	0,75
1900	0,64	0,15	0,49	0,70
1910	0,63	0,14	0,46	0,66
1921	0,65	0,07	0,42	0,61
1930	0,57	0,10	0,39	0,63

The Coale-Trussell model represents another method for the indirect determination of the extent of deliberate control of family size. For the purposes of the present paper, deliberate control of means a couple's deliberate decision to end further reproduction, the main motive for which is the number of children already born and the wish not to have more. The model is based on the assumption that this decision is reflected in the development of the age-specific fertility rate of females. The intensity of marital fertility will decrease more rapidly with increasing age when couples prevent the birth of an additional child. As is clear from Figure 4 and Table 2 showing the value of small "m" in the Coale-Trussell model for the population of Subcarpathian Russia, there is no indication of any change in reproductive behaviour in either the development of the fertility rate or the empirical expression of the level of fertility control at the start of the twentieth century or before the First World War. It is only at the start of the 1930s that there are signs of a change in the marital fertility curve between the ages of 25 and 34 indicating that the value of small "m" has reached the level 0.3. However, even in this period older age groups do not show a major change and the overall value of small "m" is still only approaching the level of 0.3 that can be considered the start of a transformation. It would appear that the figures from the start of the 1930s capture the initial phase of the process, in which younger generations of women are taking their first steps towards deliberate fertility control while the phenomenon is not yet visible in higher age groups and the older generation.

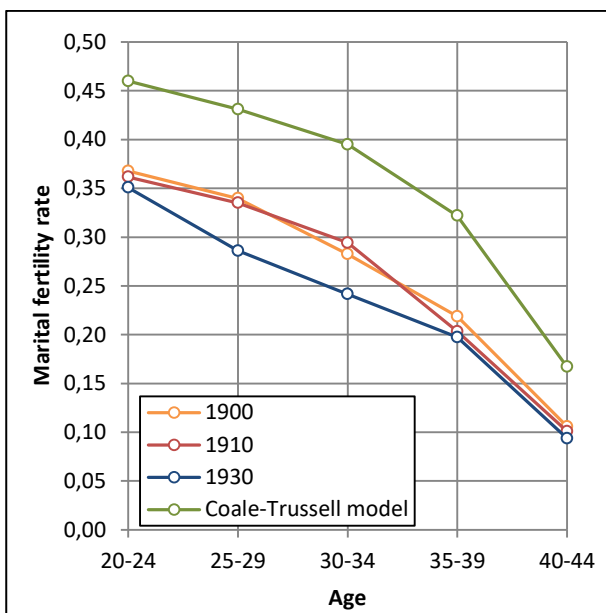

Fig. 4. Age-specific marital fertility rate in Subcarpathian Russia and the Coale-Trussell model

Table 2. Small “m” in the Coale-Trussell model in Subcarpathian Russia

Year	"m"	Age group			
		25–29	30–34	35–39	40–44
1900	0,17	0,10	0,19	0,17	0,17
1910	0,21	0,15	0,13	0,24	0,21
1921	0,14	0,02	0,21	0,10	0,14
1930	0,27	0,33	0,29	0,16	0,18

4.4 Longitudinal analysis of fertility

Total fertility, as the main generational indicator, is concerned with the actual outcome of reproduction in the sense of the actual average number of children born per woman. Generational indicators are much more stable than cross-sectional indicators and they change only in response to long-term significant changes in reproductive behaviour.

The average number of children born per woman in Subcarpathian Russia in the generations between the 1860s and 1880s was stabilised at around 5.5 children. It is only in the generations coming after the 1880s that it is possible to see a slow decrease in total fertility. Comparison with the other parts of interwar Czechoslovakia confirmed the hypothesis that Subcarpathian Russia lagged behind both in the onset and the extent of the changes in the character and intensity of fertility. This situation is well illustrated by a comparison with Bohemia, where the transition in fertility can be detected in women born in the 1870s. While the total fertility of women born in Subcarpathian Russia in the first half of the 1860s was higher by “only” 1.0–1.5 children, for women born in 1890 the difference was more than 2.2 children per woman.

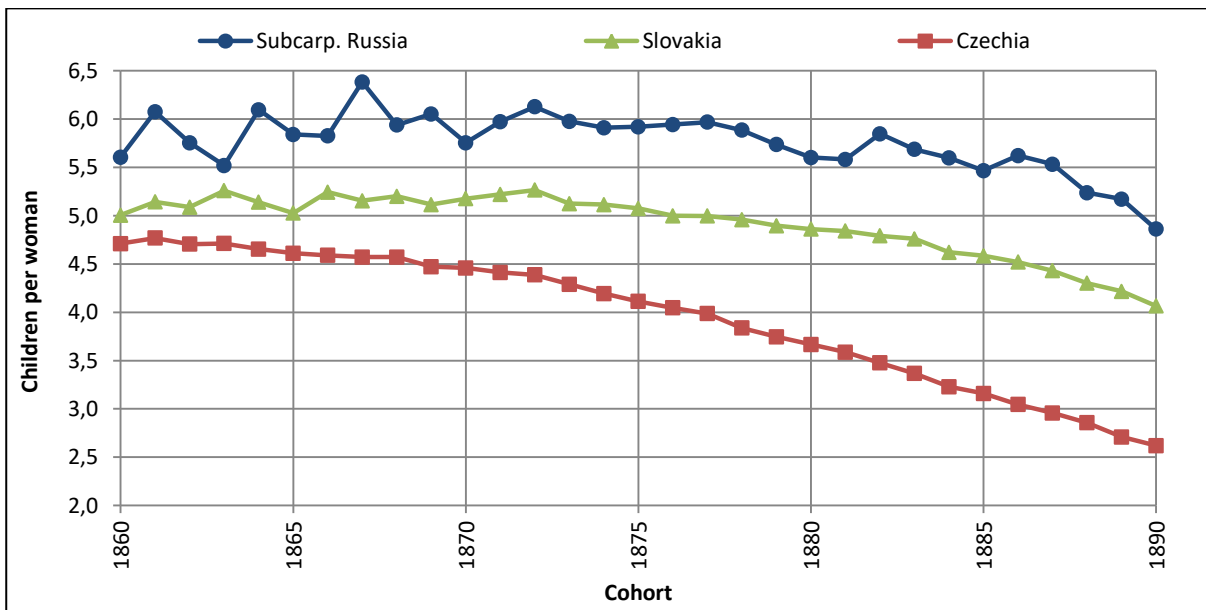

Fig. 5. Completed cohort fertility rate in Subcarpathian Russia, Slovakia and Czechia for women born in 1860–1890

Significant differences in cohort fertility persisted in younger generations. This suggests that the significantly higher average number of children born per woman in Subcarpathian Russia formed at an earlier age. For example, at age 26 years the difference was already equal to around one child on average. At age 30, the difference was nearly 1.6 children per woman.

It is interesting that Subcarpathian Russia entered the demographic transition with a higher level of total fertility than the other regions of interwar Czechoslovakia. The explanation of these differences is complicated. Important factors could include the younger average age at first marriage of women in Subcarpathian Russia and also the higher percentage of women who got married at least once.

Cohort fertility is measured by the average number of children born. It is the product of various models of reproduction that produce a varied structure of women based on the number of children born. In the old demographic schedule, the number was not limited to any significant extent by the number of children born previously (Henry, 1961, 1964) but as the fertility transition took effect, couple’s conscious control of family size became more important. The changes in the values for total fertility cover changes in the internal structure of women by number of births. In general, fertility control can be seen in terms of women trying to avoid maternity and parenthood entirely, which would lead to a rise in childlessness and a

greater proportion of childless women, or an attempt to limit fertility to a number of children perceived to be optimal. The transformation of fertility in the demographic transition mainly involves women's deliberate control of the size of their family and therefore these changes should be reflected in an intergenerational decrease in the proportion of women with a larger number of children towards a three-child model of the family.

The data from the 1930 census actually suggest that there had been a decrease in the rate of childlessness for women in Subcarpathian Russia. While the rate of childlessness for women born in the 1860s was in some cases as high as 15 %, it was in the range 8-10% for women born in the 1880s. At this point it must be emphasised that the results for older generations could have been influenced by a selection effect because childless women tend to live longer and this cohort were aged 60-70 years when the data was collected for the 1930 census (Šprocha et al., 2017). Even so, it is clear that the changes in total fertility referred to above cannot be the result of significant changes in childlessness. Figure 7 shows the changes in the numbers of women having different numbers of children from the cohorts born in the second half of the 1880s. The proportion of women having five or more children decreased to below 60% and there was a corresponding increase in the proportions of women having four, three and to some extent also two children. These findings also support the view that the transformation of fertility in Subcarpathian Russia was still only beginning during the interwar period and especially just after the First World War.

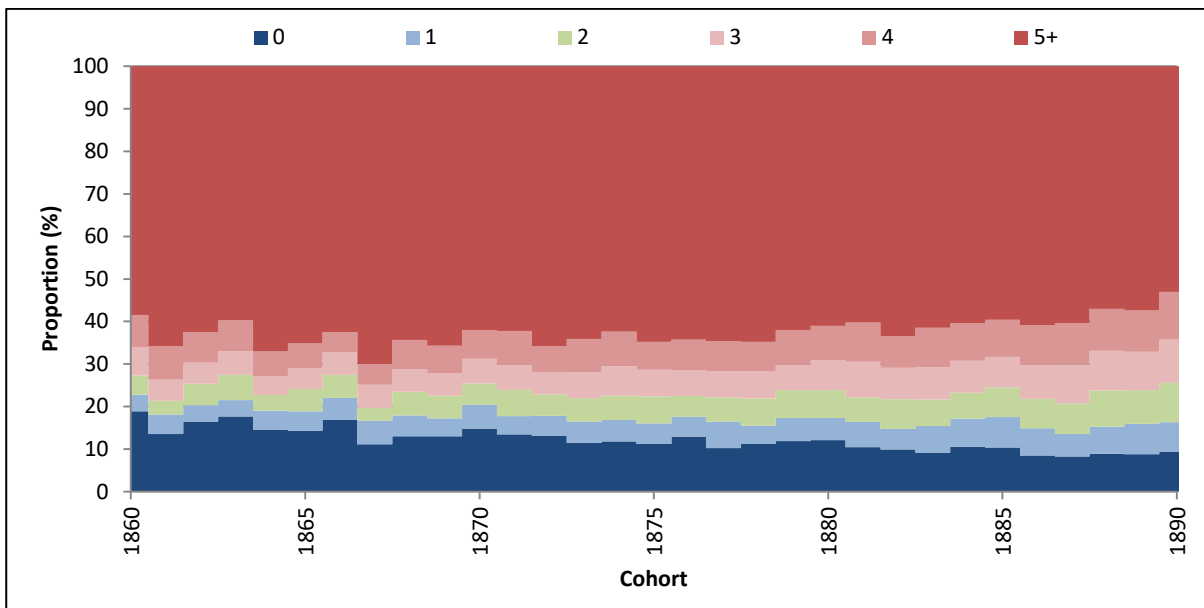
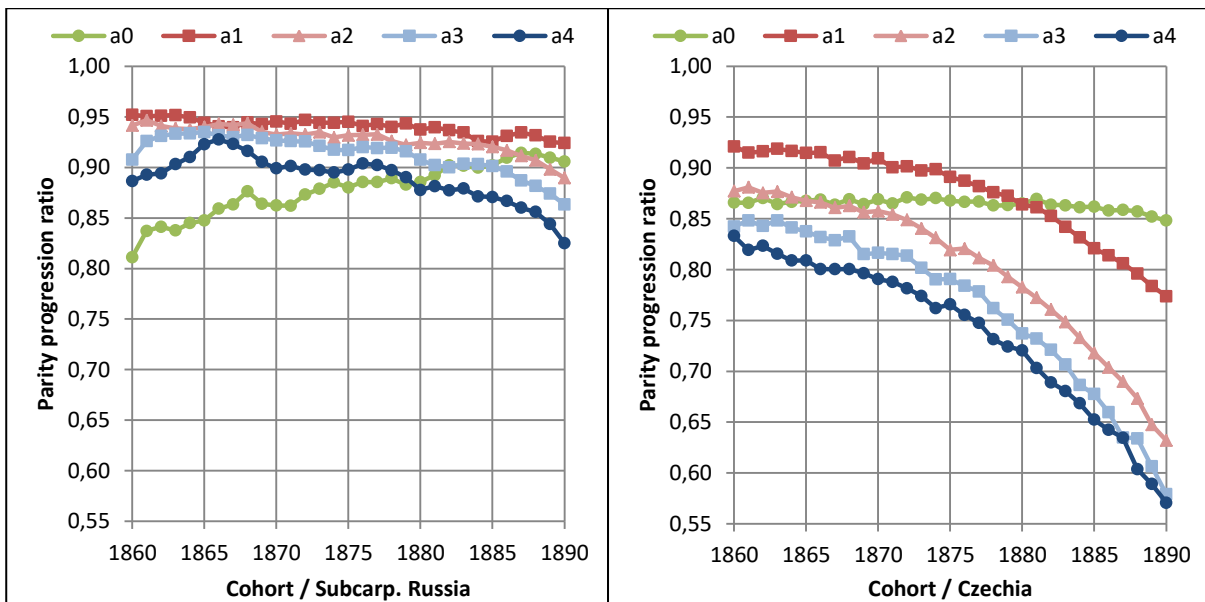

Fig. 7. Parity structure of women in Subcarpathian Russia born in 1860–1890

When a population did not make a deliberate effort to control family size, the probability of the birth of another child was mainly dependent on the biological ability of a couple to conceive, carry to term and give birth to a live child. This meant that the chance of higher order children was relatively strong and the difference between the probability of the birth of a second or third child was significantly smaller than it would be in a population where couples deliberately tried to limit their family size with a desired number of children.

Women born in Subcarpathian Russia in the 1860s and 1870s showed a clear high probability of having larger numbers of children and this probability changed very little between generations. On the other hand a stable decrease can be detected in the children fifth in order (a4) starting approximately with the generations born at the start of the 1880s. This decrease can also be detected for the fourth child starting from the generations born in the mid-1880s. A possible conclusion is that the irreversible change in the fertility schedule began with the women born in the second half of the 1880s but that it began in a very limited scope. This is supported by comparisons with the probabilities of larger families in the same generations of women living in Bohemia.

Note: a0 – the probability of the birth of the first child for the childless woman, a1 – the probability of giving birth to another child for a woman with 1 child etc.

Fig. 8 and 9. Parity progression ratio, Subcarpathian Russia and Czechia, cohort 1860–1890

There was also an interesting development in the probability of birth of a first child. In essentially all the studied generations, women in Subcarpathian Russia had a lower chance of starting maternity and parenthood than of having a second child, and in older generations also a third or higher order child. On the one hand, this may again be a distortion resulting from the numbers in the studied population, especially mortality selection, because women who have not given birth are more likely to live to a higher age. On the other hand, it can also be a typical characteristic of a population that has not yet adopted widespread deliberate family size control.

There is a logical explanation for this apparent paradox. In every population there are some women who are unable to have children whether for biological or other reasons. Furthermore, it must be noted that the cause of infertility need not be on the woman's side; infertility affects a couple, even though historically problems tended to be blamed on women. If a population does not control the fertility of women who have already once become mothers (and therefore successfully "tested" their fertility and the fertility of their partner), there is a greater chance of a second child being born than that a woman will be childless, because the group already excludes persons or couples who cannot have a child.

The probability of birth of a first child showed a relatively fast increase between generations and women who were born in the second half of the 1880s had approximately the same chance of having a first child as women with one child had of having a second child.

5. Conclusion

Reproductive behaviour in Subcarpathian Russia in the second half of the nineteenth century and the beginning of the twentieth century differed significantly from other countries. The analysis in the present paper has shown that in the 1870s and at the start of the 1880s, there was very little difference between the birth and death rates although both were relatively high, which demonstrates the extensive character of overall reproduction. Mortality in this period was also negatively influenced by a cholera epidemic. A very important factor demographic behaviour and high fertility resulted from the way in which the population got married. The findings reported herein show that Subcarpathian Russia was a region with "non-European" marriage behaviour characterised by a high intensity of inputs to marriage with very women remaining permanently single and marriage taking place at a very young age. In the second half of the 1880s the established reproduction model gradually began to change. While mortality shows a continuous decline, the birth rate increased to almost 50 per thousand. The outcome was faster population growth. At the turn of the nineteenth and twentieth centuries the birth rate also began to decrease. The transition that had just begun was interrupted by the First World War. As in other European countries, there was steep drop in the number of marriages and births and an increase in the death rate in Subcarpathian Russia. The post-war compensation phase was the last short period of revival of the birth rate and fertility in Subcarpathian Russia. When it ended in the 1920s the pre-war trend returned and the birth rate began to decrease again. This trend was accelerated by the poor conditions created by the Great Depression at the start of the 1930s.

A more detailed analysis of the onset and spread of the changes in the fertility schedule showed that change only became evident in Subcarpathian Russia after the First World War and they were first taken up by women born in the last years of the nineteenth century. The later onset of the demographic transition is

one of the main factors affecting the character of reproductive behaviour and the differences compared to countries in northern and Western Europe.

6. Acknowledgements

This work was supported by the Slovak Research and Development Agency under contract No. APVV-0199-12 "Historický atlas obyvateľstva Slovenska (18. – 1. pol. 20. storočia)" and the Ministry of Education grants VEGA No. 2/0057/17 "Najvyššie dosiahnuté vzdelanie a jeho vplyv na transformujúce sa rodinné a reprodukčné správanie žien na Slovensku" // „The relationship between attained education and the transforming family and reproductive behavior of women in Slovakia" and VEGA No. 1/0113/17 „Populačná a rodinná politika na Slovensku v 20. a 21. storočí“ // „Population and family policy in Slovakia in the 20th and 21st centuries“.

References

- Andorka, 1971 – Andorka, R. (1971). La prévention des naissances en Hongrie dans la région Ormánság depuis la fin du XVIIIe siècle. *Population*, 1971, 25, 1, s. 63–78.
- Andorka, 1982 – Andorka, R. (1982). Determinants of fertility in advanced societies. London: Methuen & Co Ltd.
- Andorka, Balazs-Kovács, 1986 – Andorka, R., Balazs-Kovács, S. (1986). The Social Demography of Hungarian Villages in the Eighteenth and Nineteenth Centuries (With Special Attention To Sárpilis, 1792–1804). *Journal of Family History*, Vol. (11), Is. 2, pp. 169–192
- Coale, 1969 – Coale, A. J. (1969). The Decline of Fertility in Europe from the French Revolution to World War II. In: S. J. Behrman – L. Corsa – R. Freedman Fertility and Family Planning, Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press. pp. 3–24.
- Coale, 1973 – Coale, A. J. (1973). The demographic transition reconsidered. In: IUSSP—Proceedings of the International Population Conference. Liège, Belgium: Eds. Ordina.
- Coale, 1986 – Coale, A. J. (1986). The Decline of Fertility in Europe since the Eighteenth Century as a Chapter in Demographic History. In: A. J. Coale – S.C.Watkins (eds.) The Decline of Fertility in Europe. Princeton: Princeton University Press.
- Coale, Treadway, 1986 – Coale, A. J., Treadway, R. (1986). A Summary of the Changing of Overall Fertility, Marital Fertility, and the Proportion Married in the Provinces of Europe. In: A. J. Coale - S.C.Watkins (eds.) The Decline of Fertility in Europe. Princeton: Princeton University Press.
- Coale, Trussell, 1974 – Coale, A. J., Trussell, J. T. (1974). Model fertility schedules: Variations in the age structures of childbearing in human populations. *Population Index*, 40, 2, pp. 185–258.
- Demeny, 1968 – Demeny, P. (1968). Early Fertility Decline in Austria–Hungary: A Lesson in Demographic Transition. *Daedalus*, 97, 2, pp. 502–522.
- Fialová et al., 1990 – Fialová, L., Pavlík, Z., Vereš, P. (1990). Fertility Decline in Czechoslovakia During the Last Two Centuries. *Population Studies*, 44, 1, pp. 89–106.
- Henry, 1961 – Henry, L. (1961). Some Data on Natural Fertility. *Eugenics Quarterly*, 8, 2, pp. 81–91.
- Henry, 1964 – Henry, L. (1964). Mesure du temps mort en fécondité naturelle. *Population*, 19, pp. 485–514.
- Chesnais, 1992 – Chesnais, J. C. (1992). The Demographic Transition. Stages, Patterns, and Economic Implications. Oxford: Oxford University Press.
- Janto, 2016 – Janto, J. (2016). Salašný chov oviec v Detve na Slovensku. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, vol. 4, No. 2, pp. 95–106.
- Livi-Bacci, 1986 – Livi-Bacci, M. (1986). Social-Group Forerunners of Fertility Control on Europe. In: A.J. Coale – S.C. Wattkins. (eds.) The Decline of Fertility in Europe. Princeton, pp. 182–200.
- Lehrer, 2004 – Lehrer, E. L. (2004). Religion As A Determinant of Economic and Demographic Behavior in the United States. *Population and Development Review*, 30, pp. 707–726.
- Pavlík, 1977 – Pavlík, Z. (1977). Demografická revoluce jako globální zákonitost populačního vývoje. Praha: Přírodovědecká fakulta, Univerzita Karlova v Praze.
- Pavlík et al., 1986 – Pavlík, Z., Rychraříková, J., Šubrtová, A. (1986). Základy demografie. Praha: Academia.
- Šprocha, Tišliar, 2015 – Šprocha, B., Tišliar, P. (2015). The Fertility of Women in the Primary Sector in Slovakia According to Censuses Conducted Between 1900 and 2001 years. *Bylye Gody*, 37, 3, pp. 650–662.
- Šprocha, Tišliar, 2009a – Šprocha, B., Tišliar, P. (2009). Populačný vývoj Podkarpatskej Rusi I. Demografická reprodukcia. Bratislava : Infostat.
- Šprocha, Tišliar, 2009b – Šprocha, B., Tišliar, P. (2009). Populačný vývoj Podkarpatskej Rusi II. Štruktúry obyvateľstva. Bratislava : Infostat.
- Šprocha et al., 2017 – Šprocha, B., Tišliar, P., Šmigel', M. (2017). Demografickoe rozvitie Rusynov v Slovačii v mezchoennyj period (20. – 30. roky XX. veka) [Demographic development of ruthenians (rusyns) in Slovakia in the interwar years (1920–1930)]. *Rusin*. No. 1 (47), pp. 213–231 [in Russian].
- Mendelsohn, 1983 – Mendelsohn, E. (1983). The Jews of East Central Europe between the world wars. Bloomington.

[Tvrdoňová, 2016](#) – *Tvrdoňová, D.* (2016). Archívne fondy hospodárskeho charakteru v oddelení nových fondov Slovenského národného archívu – súčasný stav. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, vol. 4, No. 1, pp. 53-62.

[van de Walle, 1974](#) – *Van de Walle, E.* (1974). The female population on France in the nineteenth century. Princeton: Princeton University Press.

[Zhang, 2008](#) – *Zhang, L.* (2008). Religious affiliation, religiosity, and male and female fertility. *Demographic Research*, Vol. (18), Is. 8, pp. 233-262.

Primary data sources:

[M. K. országainak, 1900-1902](#) – A Magyar Korona országainak 1900., 1901. és 1902. évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 7. köt. Budapest, 1905. VIII, 106, 675 p.

[M. K. országainak, 1903-1905](#) – A Magyar Szent Korona országainak 1903., 1904. és 1905. évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 22. köt. Budapest, 1907.

[M. K. országainak, 1906-1908](#) – A Magyar Szent Korona országainak 1906., 1907. és 1908. évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 32. köt. Budapest, 1910.

[M. K. országainak, 1909-1912](#) – A Magyar Szent Korona országainak 1909., 1910., 1911. és 1912. évi népmozgalma. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai közlemények. Ú. S. 50. köt. Budapest, 1916.

[M.S.E., 1872](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 1. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal – Magyar statisztikai évkönyv 1. Budapest, 1872.

[M.S.E., 1874](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 2. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1874.

[M.S.E., 1875](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 3. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1875.

[M.S.E., 1876](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 4. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1876.

[M.S.E., 1878](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 5. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 5. Budapest, 1878.

[M.S.E., 1879a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 6. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 6. Budapest, 1879.

[M.S.E., 1879b](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 7. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 7. Budapest, 1879.

[M.S.E., 1881](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 8. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, 1881.

[M.S.E., 1882a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 9. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Budapest, statisztikai évkönyv 9. Budapest, 1882.

[M.S.E., 1882b](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 10. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal – Magyar statisztikai évkönyv 10. Budapest, 1882.

[M.S.E., 1883](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 11. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 11. Budapest, 1883.

[M.S.E., 1884](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 12. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 12. Budapest, 1884.

[M.S.E., 1885](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 13. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 13. Budapest, 1885.

[M.S.E., 1886](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 14. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 14. Budapest, 1886.

[M.S.E., 1887](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 15. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 15. Budapest, 1887.

[M.S.E., 1890a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 16. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 16. Budapest, 1890.

[M.S.E., 1890b](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 17. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 17. Budapest, 1890.

[M.S.E., 1891a](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 18. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 18. Budapest, 1891.

[M.S.E., 1891b](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 19. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 19. Budapest, 1891.

[M.S.E., 1892](#) – Magyar statisztikai évkönyv. 20. évfolyam. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal. Magyar statisztikai évkönyv 20. Budapest, 1892.

[M.S.E. Ú.f., 1893](#) – Magyar statisztikai évkönyv 1893. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 1. Budapest, 1893.

- M.S.E. Ú.f., 1897 – Magyar statisztikai évkönyv 1897. Országos Magyar Királyi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 5. Budapest, 1898.
- M.S.E. Ú.f., 1899 – Magyar statisztikai évkönyv 1898. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 6. Budapest, 1899.
- M.S.E. Ú.f., 1900 – Magyar statisztikai évkönyv 1899. Magyar Királyi Központi Statisztikai Hivatal, Ú. F. 7. Budapest, 1900.
- Pohyb obyvateľstva, 1934-1937 – Pohyb obyvateľstva v bývalém Československu v letech 1934 – 1937. Československá statistika sv. 163, řada XIV., sešit 7. Praha : SÚS, 1941.
- Pohyb obyvateľstva, 1919-1920 – Pohyb obyvateľstva v Československé republice v letech 1919 – 1920. Československá statistika sv. 53, řada XIV., sešit 1. Praha : SÚS, 1929.
- Pohyb obyvateľstva, 1921-1922 – Pohyb obyvateľstva v Československé republice v letech 1921 – 1922. Československá statistika sv. 59, řada XIV., sešit 2. Praha : SÚS, 1929.
- Pohyb obyvateľstva, 1923-1924 – Pohyb obyvateľstva v Československé republice v letech 1923 – 1924. Československá statistika sv. 63, řada XIV., sešit 3. Praha : SÚS, 1930.
- Pohyb obyvateľstva, 1925-1927 – Pohyb obyvateľstva v Československé republice v letech 1925 – 1927. Československá statistika sv. 77, řada XIV., sešit 4. Praha : SÚS, 1932.
- Pohyb obyvateľstva, 1928-1930 – Pohyb obyvateľstva v Československé republice v letech 1928 – 1930. Československá statistika sv. 121, řada XIV., sešit 5. Praha : SÚS, 1936.
- Pohyb obyvateľstva, 1931-1933 – Pohyb obyvateľstva v Československé republice v letech 1931 – 1933. Československá statistika sv. 145, řada XIV., sešit 6. Praha : SÚS, 1938.
- Sčítání lidu, 1921 – Sčítání lidu v republice Československé ze dne 15. února 1921. I. díl. In: *Československá statistika* sv. 9, řada VI., sešit 1. Praha : Státní úřad statistický, 1924.
- Sčítání lidu, 1930 – Sčítání lidu v Republice Československé ze dne 1. prosince 1930. Díl IV. Část 1. Počet živě narozených v posledním manželství. Československá statistika sv. 126, Praha 1936.

УДК 93

Фертильность женщин в Закарпатской Руси во второй половине XIX – первой половины XX веков

Бранислав Спроча ^{a, *}, Павол Тишляр ^b

^a Центр социально-психологических наук, Словацкая академия наук, Словакия

^b Университет Коменского, Словакия

Аннотация. Во второй половине XIX века большинство стран Западной и Северной Европы претерпели трансформации в репродуктивном поведении населения. Большинство стран Центральной и Восточной Европы пережили эту тенденцию позднее как в количественном, так и в качественном отношении. Кроме того, эта трансформация не повлияла на всю страну целиком, но оказала свое воздействие на социальную и пространственную дифференциацию. Одним из самых интересных регионов для изучения этого явления является Закарпатская Русь, которая была включена в Чехословакию после Первой мировой войны. Это был наименее развитый регион страны во всех отношениях, с открытой периферийной позицией без подключения к основным сетям развития. На другом конце страны Богемия была одной из самых развитых областей в Европе, и демографическая трансформация началась примерно в то же время, что и в других развитых странах.

В работе представлен детальный анализ репродуктивного поведения населения в Закарпатской Руси со второй половины XIX века до середины 1930-х годов. Результаты исследований используются для определения основных характеристик графика рождаемости и его изменений в контексте роста и распространения демографического перехода как в перекрестных, так и в когортных перспективах. Интенсивность и характер репродуктивного поведения в Закарпатской Руси также сравнивается с европейской обстановкой. С этой целью авторы представили индексы Коула, показатели для модели рождаемости Coale-Trussell и когортные соотношения коэффициентов прогрессирования.

Ключевые слова: Закарпатская Русь, рождаемость, женщины.

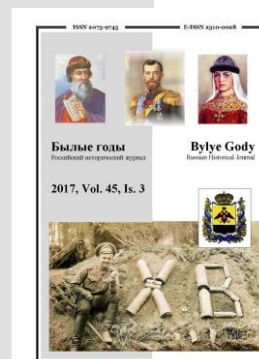
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: branislav.sprocha@gmail.com (Б. Спроча), pavol.tisliar@uniba.sk (П. Тишляр)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 978-985, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.978
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 63.3(0)6

Russia and the Establishment of the Hague System of International Legal Protection of the Prisoners of War

Gulzhaukhar K. Kokebayeva ^{a,*}, Kamilya K. Chatybekova ^b, Madina M. Abisheva ^c

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b K.I. Satpaev Kazakh National Research Technical University, Kazakhstan

^c L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Abstract

Under influence of ideas of the European Enlightenment about the “natural law” of a person, the conception of prisoners of war begins to change and bilateral agreements that regulate the rules of treatment of prisoners of war appear. However, until the end of 19th century, there were no multilateral agreements regulating the regime of military captivity. In 1874, the Emperor of Russia Alexander II proposed to organize an international conference in Brussels to discuss practical possibilities of applying the code and developing rules of conduct for a war on land. The Brussels Declaration of 1874 on the Laws and Customs of war was the first attempt in history of international relations to codify the law and customs of land war by adopting a special international document, but the declaration did not come into force for various reasons. This problem was discussed for the first time at the Hague Conference of 1899 and 1907, in the convocation and conduct of which an essential role was played by Russia. The participants of these conferences adopted conventions on “On the laws and customs of land war”, which compiled the Hague system of international legal protection of prisoners of war. The Hague conventions have placed responsibility for the humane treatment of prisoners of war by governments of belligerent states. Since then, many bilateral and multilateral agreements on the protection of prisoners of war based on humanistic traditions developed during the formation and development of industrial civilization have been developed and adopted. The idea of protecting the rights of prisoners of war is also relevant today, when mankind is going through a difficult period of the emergence of the multipolar world. This article explores the role of Russia in the development of the Hague system of international legal protection of prisoners of war.

Keywords: laws and customs of war, prisoners of war, international legal protection of prisoners of war, The Hague Conventions of 1899 and 1907.

1. Введение

Любая война сопровождается захватом в плен противника. В древнем мире военнопленных часто убивали на месте или приносили в жертву богам. Сохранение жизни побежденных сопровождалось обращением их в рабство. Знатных людей, попавших в плен, освобождали за выкуп. В начальный период средних веков убийство военнопленных или обращение их в рабство еще сохранялось. В последующие периоды, по мере исчезновения рабства с исторической сцены Европы, перестали превращать военнопленных в рабов. Однако никто не осуждал жестокое обращение с пленными, так как считалось, что военнопленные находятся во власти людей, взявших их в плен. Они могли поступать с пленными по своему усмотрению, но в большинстве случаев они пытались

* Corresponding author

E-mail addresses: kokebayeva@mail.ru (G.K. Kokebayeva)

ckamiliya@mail.ru (K.K. Chatybekova), m_abisheva@mail.ru (M.M. Abisheva)

извлечь выгоду, запросив выкуп за пленного. В XVII веке бытовало представление о том, что военнопленные находятся во власти правителя, вооруженные силы которого захватили их в плен. Правители по своему усмотрению могли освобождать их или держать в плену, но зачастую практиковался обмен пленными или выкуп. В XVIII веке процедура выкупа военнопленных регулировалась специальными соглашениями между отдельными государствами. Однако под влиянием идей европейского Просвещения об «естественном праве» человека начинает меняться и представление о военнопленных, появляются двусторонние соглашения, регулирующие правила обращения с военнопленными. Так, договор о дружбе между Пруссией и Соединенными Штатами, заключенный в 1785 году, содержал статью об обязанностях договаривающихся сторон защищать военнопленных. В этом договоре впервые было запрещено содержать военнопленных вместе с осужденными преступниками. Таким образом, возникла идея о принципиальном отличии военного плена от отбывания срока за уголовное преступление. С тех пор были разработаны и приняты множество двусторонних и многосторонних соглашений о защите военнопленных, основанных на гуманистических традициях, выработанных в течение становления и развития индустриальной цивилизации. Идея защиты прав военнопленных актуальна и сегодня, когда человечество переживает сложный период становления многополярного мира.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются материалы Гаагских конференций мира, тексты «Кодекса Либера», Брюссельской декларации 1874 года и Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., опубликованные в разных странах. Одной из первых публикаций документов и материалов Гаагских конференций был сборник, выпущенный под редакцией А.П. Хиггинса, в котором тексты документов сопровождаются обширными комментариями ([The Hague, 1909](#)).

Важное значение имеет четырехтомный сборник «The Proceedings of the Hague peace Conferences», опубликованный под редакцией Д.Б. Скотта, в котором приведено полное изложение выступлений членов всех комиссий, обсуждавших и разработавших основные положения Гаагской конвенции 1899 и 1907 гг. Особый интерес представляют тексты выступлений членов подкомиссии второй обзорной комиссии, разработавшей основные правила и законы ведения войны ([The Proceedings, 1920](#)). Переводы на русский язык текстов всех Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. были опубликованы в сборнике «Международное право в избранных документах» ([Международное, 1995](#)).

В числе источников по исследуемой нами проблеме можно назвать текст «Инструкций для армии Правительства США», разработанных Фрэнсисом Либером в 1863 году по поручению президента А. Линкольна. Использованный нами текст этого документа опубликован в сборнике «The laws of armed conflicts: a collection of conventions, resolutions, and other documents», изданном в 2004 году под редакцией Д. Шиндлера и Дж. Томана ([The laws, 2004](#)).

Теоретическую и методологическую основу исследования составили основные концепции зарубежной и отечественной науки, объясняющие разные уровни взаимодействия общества и человека, государства и личности. При объяснении мировых аспектов исследуемой проблемы руководствовались концепцией о многообразности исторической реальности. В исследовании использованы принципы научности, объективности, системности, единства теории практики, принцип историзма. Мы видим в историзме высший достигнутый до сих пор уровень понимания всего того, что связано с человеком.

3. Обсуждение

В последние годы в связи с участвовавшими локальными войнами, также и актуальностью борьбы с международным терроризмом усиливается интерес к правилам ведения войны и проблеме военнопленных. Самый изученный аспект исследуемой нами темы – обсуждение правил ведения войны в международных Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. Первая публикация, посвященная истории созыва Гаагской конференции 1899 года, где содержится подробное описание первых попыток дипломатов разработать основные правила ведения войны, появилась еще в начале XX века ([Комаровский, 1905](#)). Некоторые аспекты истории Гаагских мирных конференций, связанные с деятельностью известного российского юриста Ф.А. Мартенса, затронуты в работах Г.С. Стародубцева ([Стародубцев, 1988](#)) и В.В. Пустогарова ([Пустогаров, 1999](#)). Роль России в созыве Первой конференции мира впервые была проанализирована в монографии И.С. Рыбаченок ([Рыбаченок, 2005](#)). История двух Гаагских конференций освещена в книге А. Эйффингера, посвященной деятельности нидерландского юриста и государственного деятеля Тобиаса Ассера ([Eyffinger, 2011](#)). В новейших исследованиях содержится осмысление итогов Гаагских конференций. При этом военные историки рассматривают эти конференции как временное отступление в движении мира к первой мировой войне, а специалисты в области международного права отмечают определенное значение Гаагских конвенций в разработке правил ведения войны ([War, 2017](#)). Такие же диаметрально противоположные мнения встречаются и в работах, посвященных вопросам участия России в международных конференциях мира. Наиболее изученными аспектами истории Гаагских конференций являются вопросы запрещения применения некоторых видов вооружений и создания

системы международного арбитража, роль России в выработке международно-правовых норм защиты военнопленных еще не была объектом специального исследования.

4. Результаты

В период гражданской войны в США 24 апреля 1863 г. был принят документ под названием «Кодекс Либера», где были зафиксированы правила ведения войны ([The laws, 2004: 3-23](#)). В третьем разделе кодекса были определены основные принципы содержания военнопленных. 56-я статья кодекса запрещает жестокое обращение с военнопленными; в 74-й статье указано, что военнопленный находится в плену у государства, поэтому захватившее его лицо, также и любой военный чин не может требовать за него выкуп, военнопленного освобождает только правительство согласно правилам, предписанным им самим. Военнопленными считались не только солдаты и офицеры, попавшие в плен, но и все лица, сопровождающие воюющую армию. По «Кодексу Либера» капелланы, врачи и медицинские сестры, за исключением случаев, когда была необходимость их задержать или они сами выразили желание остаться с сослуживцами, должны быть отпущены. Хотя гражданская война в США не была международным конфликтом, кодекс Либера в будущем оказал заметное влияние на разработку международно-правовых норм, регулирующих действия вооруженных сил во время военных конфликтов ([Davis, 1907: 22](#)).

В 1874 году император России Александр II предложил организовать международную конференцию в Брюсселе с целью обсуждения практических возможностей применения кодекса и разработки правил ведения войны на суше. Брюссельская декларация 1874 года о законах и обычаях войны, принятая на международной конференции, представляла собой первую в истории международных отношений попытку кодификации законов и обычаев сухопутной войны путем принятия специального международного документа, однако декларация по разным причинам не вступила в силу.

Положения Брюссельской декларации были уточнены и расширены на международной конференции 1899 года, именуемой Первой конференцией мира. Конференция была созвана по инициативе российского царя Николая II с намерением главным образом добиваться соглашений об ограничении вооружений и вытекающих из них финансовых трудностей, а также улучшить перспективы мирного урегулирования международных споров и кодифицировать законы войны ([Aldrich and Chinkin, 2000](#)). Эти идеи были сформулированы в циркуляре царя Николая II от 24 августа 1898 года. 28 августа на большом приеме у царя министр иностранных дел России граф М.Н. Муравьев вручил циркуляр представителям иностранных держав в Санкт-Петербурге. Предложение Николая II о созыве конференции для обсуждения вопросов разоружения «удивил и смутил мир дипломатии», но было с энтузиазмом принято международной общественностью, ратующих за сохранение мира, правительства западных стран были озадачены инициативой молодого царя, страна которого имела самую большую армию и активно инвестировала в свой флот ([Lesaffer, 2013: 21](#)). Инициативы императора России были вызваны беспокойством, связанным с гонкой вооружений в мире, которая могла повредить его планам проведения модернизации России. Он считал, что такая конференция создаст принципы международного права, на которых будет базироваться безопасность государств и благосостояние народов.

11 января 1899 года в циркулярной ноте М. Н. Муравьев предложил конкретные темы для обсуждения: 1) ограничение на расширение вооруженных сил и сокращение развертывания новых вооружений; 2) применение условий Женевской конвенции 1864 года в случае войны на море; 3) пересмотр нератифицированной брюссельской декларации 1874 года, касающейся законов и обычаев сухопутной войны ([Kuiper, 2009: 300](#)).

18 мая 1899 г. в Гааге министр иностранных дел Нидерландов В.Х. Бофорт открыл давно ожидаемую конференцию, на которой участвовали более 100 делегатов – политиков, дипломатов и ученых из 26 стран. На конференции председательствовал посол России в Лондоне барон Е.Е. Сталь. Основные проблемы обсуждались на переговорах руководителей делегаций, уточнением и подготовкой решений конференции по конкретным вопросам занимались обзорные комиссии, которые в свою очередь образовали подкомитеты и редакторские комитеты. На заседаниях обзорных комиссий рассматривались три крупные проблемы, содержащиеся в циркулярной ноте России. Первая комиссия занималась вопросами ограничения вооружений, вторая комиссия разрабатывала вопросы военного права, третьей комиссии достались вопросы арбитража ([Dülffer, 1981: 69,72](#)). Хотя конференция 1899 года не смогла достичь своей главной цели – ограничения вооружений, она приняла конвенции, определяющие условия состояния войны и других обычаев, связанных с войной на суше и на море. Определенное значение имело принятие Конвенции об урегулировании международных споров в Тихоокеанском регионе, создании Постоянной палаты третейского суда. Кроме того, были приняты три декларации: первая запрещала использование удушливых газов, вторая декларация запрещала использование разрывных пуль, а третья констатировала запрет сбросу снарядов или взрывчатых веществ с воздушных шаров ([The Proceedings, 1920: 235-266](#)).

Разработкой основных правил ведения войны, в том числе режима военного плена, занималась подкомиссия второй обзорной комиссии. Работой этого комитета, работавшего, по мнению немецкого ученого Й. Дюлффера, более успешно, чем другие комиссии и комитеты, руководил представитель

России – известный специалист в области международного права, профессор Ф.Ф. Мартенс. На первом заседании подкомиссии Ф.Ф. Мартенс предложил прежде чем обсуждать правила ведения войны, изучить основные статьи Брюссельской декларации, и затем обсудить их по конкретным аспектам обсуждаемой проблемы. Таким образом, было решено изучить текст Брюссельской декларации по следующим проблемам: 1) военнопленные (статьи 23-34); 2) капитуляции и перемирия (статьи 47-52); 3) парламентарии (статьи 43-44); 4) отношение военных властей к частным лицам и вопросы контрибуций и реквизиций (статьи 36-42); 5) больные и раненые (статьи 35 и 56); 6) шпионы (статьи 19-22); 7) средства причинения вреда врагу (статьи 12-14), осады и бомбардировки (статьи 15-18); 8) интернирование воюющих сил и уход за ранеными в нейтральной стране (статьи 53-55); 9) военная власть на территории враждебного государства (статьи 1-8); 10) кто должен быть признан воюющей стороной, «комбатанты и некомбатанты» (статьи 9-11).

При обсуждении проблемы определения категорий воюющих и невоюющих сторон («комбатантов и некомбатантов») обнаружились большие расхождения в позициях членов комиссии. Текст 9-статьи Брюссельской декларации не вызвала особых возражений. По 9-статье, «законы, права и обязанности войны применяются не только к армиям, но также к ополчению и добровольческим войскам при соблюдении следующих условий: 1) что они находятся под командованием лица, ответственного за своих подчиненных; 2) что они имеют постоянную отличительную эмблему, распознаваемую на расстоянии; 3) что они открыто носят оружие; и 4) что они осуществляют свои операции в соответствии с законами и обычаями войны». Участники Мирной конференции не смогли договориться по вопросу о статусе гражданских лиц, ведущих вооруженную борьбу против оккупационных войск. В 10-статье Брюссельской декларации указывалось, что «население еще не оккупированной территории, которое с приближением противника добровольно берется за оружие для оказания сопротивления вторгшимся войскам, не имея времени для самоорганизации, в соответствии с 9-й статьей рассматривается в качестве воюющей стороны, если оно уважает законы и обычаи войны». Представители крупных держав считали, что ведение гражданскими лицами военных действий является нарушением законов войны, а делегаты более мелких государств предлагали относиться к ним как к законным комбатантам ([The Proceedings, 1920: 544-576](#)). После длительных обсуждений и дискуссий председатель подкомиссии Ф.Ф. Мартенс, прежде чем приступить к принятию решений по данному вопросу, зачитал текст заявления о том, что при непредусмотренных в постановлениях конференции случаях нельзя оставлять решение проблемы на произвольное суждение военных командиров. Для таких случаев Ф.Ф. Мартенс предложил следующую декларацию: «До тех пор, пока не будет издан более полный свод законов войны, Конференция считает правильным заявить, что в случаях, не включенных в принятые ею Правила, население и воюющие стороны остаются под защитой и действием принципов международного права, поскольку они вытекают из установившихся между цивилизованными народами обычаев и из законов гуманности и требований общественного сознания» ([The Proceedings, 1920: 547-548](#)). Это заявление впоследствии было включено в Преамбулу Гагской «Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны» 1899 г. и до сих пор применяется в международно-правовых документах под названием «оговорка Мартенса». Некоторые ученые считают оговорку Мартенса одним из современных правовых мифов международного сообщества, другие возводят ее в ранг источников международного права, однако никто не отрицает значение данного положения в становлении и эволюции международно-правовых норм урегулирования правил ведения войны и данной проблемы ([Cassese, 2000; Rensmann, 2008](#)).

Подкомиссия заседала с 25 мая по 1 июля, на основе обсуждений был разработан проект, включенный в «Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны». В конвенции был закреплен принцип непричинения вреда жизни, здоровью и имуществу военнопленного, так как захват в плен производится с единственной целью ослабления вооруженных сил противника.

Принципы гуманного отношения к военнопленным были расширены и дополнены в новой конвенции, принятой в Гааге в 1907 году на Второй конференции мира. Инициатива созыва этой конференции принадлежала президенту США Теодору Рузвельту. 24 сентября 1904 года Т. Рузвельт сообщил представителям Межпарламентского союза о том, что готовит обращение к другим странам о проведении второй конференции. 21 октября 1904 г. государственный секретарь Джон Хей направил циркуляр американским представителям во всех государствах, подписавших Гагский заключительный акт 1899 года. Представители США должны были сообщить правительствам этих стран о намерении Межпарламентского союза официально предложить им провести новую встречу в Гааге. Правительства всех приглашаемых стран высказывали конкретные предложения по проекту конференции, но относительно скорейшего созыва конференции выражали сомнения в связи с продолжающейся русско-японской войной. Поэтому Дж. Хей в новом циркуляре поблагодарил всех за принципиально положительные ответы и сообщил, что проведение конференции целесообразно отложить до окончания войны.

Русско-японская война закончилась подписанием мирного договора в Портсмуде 5 сентября 1905 г. 13 сентября русский посол в Вашингтоне сообщил президенту Т. Рузвельту о том, что Россия хотела бы скорейшего созыва новой конференции. 12 октября 1905 г. правительство России получило согласие США на проведение конференции.

По представлениям России, на второй Гаагской конференции должны были обсуждаться международно-правовые проблемы войны. В России для разработки программы конференции был создан комитет под руководством Ф.Ф. Мартенса. В начале 1906 года проект был передан правительствам Великобритании, Германии, Франции и США. Великобритания и США пожелали включить в повестку дня проблему ограничения этого вида вооружений. Но Франция не могла согласиться на разоружение, поскольку она опасалась конкуренции со стороны Германии. Обсуждение проекта программы конференции затягивалось. Профессор Ф.Ф. Мартенс во время переговоров в европейских столицах предложил компромиссное решение данного вопроса – создать комиссию военных экспертов для отдельного обсуждения вопроса ограничения вооружений. Однако Германия и Австро-Венгрия не желали обсуждения данной проблемы ни на конференции, ни на совещаниях комиссии военных экспертов (Dülffer, 1981: 294-297). Наконец, России удалось склонить и другие державы к решению не обсуждать вопросы разоружения на предстоящей конференции. Таким образом, Вторая Гаагская конференция, проходившая 15 июня – 18 октября 1907 г., была всецело посвящена обсуждению правил ведения войны. Конференция закончилась принятием 14 международных конвенций и деклараций, в частности, конвенция 1899 года о законах и обычаях сухопутной войны была заменена новой конвенцией. Помимо этих достижений, учитывая грандиозные цели конференции, ее можно считать прототипом Ассамблеи Лиги Наций и Организации Объединенных Наций (Best, 1999: 619).

Правила обращения с военнопленными были определены в 17 статьях второй главы Приложения к конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», которая была принята 18 октября 1907 г. (Hinz and Rauch, 1984: 154-159; Международное, 1995: 13-29). По мнению немецкого исследователя Х. Фишера, чтобы быть эффективными, международные соглашения по защите военнопленных должны содержать ответы на следующие вопросы: 1) кем является военнопленный (статус военнопленного); 2) как должны обращаться с военнопленными; 3) на какой срок и при каких обстоятельствах нужно гарантировать такое обращение; 4) какое учреждение или организация должна контролировать условия содержания и служить при этом реализации принципов защиты военнопленных. В Гаагской конвенции 1907 года были решены первые три вопроса (Fischer, 1994: 260). В первых трех статьях Приложения к конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» перечислены лица, на которых распространяются определения конвенции. Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют следующим условиям: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие; 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны. Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии (статья 1). Население незанятой территории, которое при приближении вражеских сил добровольно берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, согласно статье 1, будет признаваться в качестве воюющего, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны (статья 2). Вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. Обе категории в случае захвата в плен противником в равной степени пользуются правами военнопленных (статья 3).

Согласно Гаагской конвенции 1907 года, военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. Положение о том, что военнопленных нужно рассматривать в качестве пленников государства, основано на факте, что вооруженный конфликт принимается не как борьба между отдельными людьми или правительствами, а как борьба между государствами. В практическом применении этот принцип, во-первых, защищает военнопленного от произвола отдельных военнослужащих воюющих сторон; во-вторых, возлагает на правительства воюющих государств определенные международно-правовые обязательства по защите прав военнопленных; в-третьих, дает право правительствам предъявлять друг другу претензии за нарушение международных норм по содержанию военнопленных (Кокебаева, 2009: 37-38).

Конвенция требует также гуманного отношения к военнопленным. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью. Содержание пленных в лагере или каком-нибудь другом месте применяется лишь как необходимая мера обеспечения безопасности и исключительно, пока существуют обстоятельства, вызывающие эту меру. Государство может привлекать военнопленных к работам в соответствии с их чином и способностями, за исключением офицеров. Эти работы не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям. Работы военнопленных, производимые для государства, оплачиваются по расчету цен, существующему для чинов местной армии за исполнение тех же работ, а если такого расчета нет, то по ценам, соответственным произведенным работам. Заработок пленных направляется на улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию (статья 6). Содержание военнопленных возлагается на правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими сторонами не заключено особое соглашение, то военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен (статья 7). Военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга государства, где они задержаны,

при условии возмещения этих расходов их правительством (статья 17).

Военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся, всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости. Лица, бежавшие из плена и задержанные на территории, занятой армией, взявшей их в плен, подвергаются дисциплинарным взысканиям (статья 8). Каждый военнопленный обязан объявить свое настоящее имя и чин, и в случае нарушения этих правил он подвергается ограничению преимуществ, предоставляемых Конвенцией пленным его разряда (статья 9).

По статье 14, с открытия военных действий в каждом из воюющих государств, а также и в нейтральных государствах, принявших на свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Бюро составляет именную карточку о каждом военнопленном, где указываются номер, имя, фамилия, возраст, данные о месте происхождения, чине, войсковой части, дате и месте взятия в плен, месте заключения, о получении ран или о смерти, а также особые сведения. Именная карточка передается правительству другой воюющей стороны после подписания мира. Справочное бюро обязано сохранять все вещи, письма и ценности военнопленных, освобожденных под честное слово, обмененных, бежавших или умерших в плену, а затем пересылать их по принадлежности.

Общества для оказания помощи военнопленным, созданные по законам своих стран, а также и их представители могут пользоваться всеми льготами со стороны воюющих, в пределах, обусловленных военными требованиями и административными порядками. Уполномоченные этих обществ допускаются для раздачи пособий в места содержания военнопленных при условии предъявления именного разрешения, выданного военной властью. Как известно, в период первой мировой войны общественные организации играли существенную роль в оказании материальной и моральной поддержки военнопленным воюющих стран (Kokebayeva et al., 2016). Военнопленным предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов, они могут присутствовать на богослужениях под условием соблюдения предписанных военной властью мер порядка и безопасности. Это положение Гаагской конвенции имело большое значение в период первой мировой войны, когда на стороне Антанты участвовали их колонии с населением исламского вероисповедания (Kokebayeva, 2016: 119). После заключения мира отправка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок. Нейтральная держава, принимающая бежавших военнопленных, оставляет их на свободе. Если она допускает их нахождение на своей территории, то она может назначить им место пребывания. Те же правила могут применяться к военнопленным, приведенным войсками, ищущими убежища на территории нейтральной державы.

5. Заключение

Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. закрепили международно-правовой статус военнопленных, основанный на том, что захват в плен военнослужащих противника не является мстью или наказанием, это необходимая мера, предпринимаемая с целью препятствования солдатам и офицерам в дальнейшем принимать участие в боевых действиях. Гаагские конвенции возложили ответственность за гуманное обращение с военнопленными на правительства воюющих государств. Впоследствии основные положения этих конвенций были конкретизированы во внутренних нормативных документах присоединившихся к конвенции государств.

Россия была инициатором и активной участницей всех Гаагских конвенций и деклараций 1899 года и десяти Гаагских конвенций 1907 года, в том числе Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., регулировавшей режим военного плена. В период первой мировой войны все страны, в том числе и Россия, придерживались норм международного права относительно содержания военнопленных. Были, конечно, нарушения отдельных статей конвенции, однако эти нарушения исходили из объективных причин, они не были частью их целенаправленной политики.

Литература

- Кокебаева, 2009 – Кокебаева Г.К. Германия – Россия – СССР: политика, война и плен. Алматы, 2009. 345 с.
- Комаровский, 1905 – Комаровский Л.А. Гаагская мирная конференция 1899 года. Москва, 1905. 64 с.
- Международное, 1995 – Международное право ведения боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. Москва, 1995. 224 с.
- Пустогаров, 1999 – Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат. Москва, 1999. 286 с.
- Рыбачёнок, 2005 – Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. Москва, 2005. 391 с.
- Стародубцев, 1988 – Стародубцев Г.С. Вклад Ф. Ф. Мартенса в кодификацию международных правил, применяемых в вооруженных конфликтах // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 107-110.
- Aldrich, Chinkin, 2000 – Aldrich G.H., Chinkin Ch.M. A Century of Achievement and Unfinished Work // American Journal of International Law. 2000. Vol. 94. Issue 1. P.90-98.

- Best, 1999** – Best G. Peace Conferences and the Century Of Total War: The 1899 Hague Conference and What Came After // *International Affairs*. 1999. Vol. 75. Issue 3. pp. 619-634.
- Cassese, 2000** – Cassese A. The Martens Clause: half a loaf or simply pie in the sky? // *European Journal of International Law*. 2000. Vol.11. No.1. pp. 187-216.
- Davis, 1907** – Davis G.B. Doctor Francis Lieber's Instructions for the Government of Armies in the Field // *The American Journal of International Law*. 1907. Vol.1. No.1. pp. 13-25.
- Dülffer, 1981** – Dülffer J. Regeln gegen den Krieg? Berlin, Frankfurt a/M, 1981. 434 p.
- Eyffinger, 2011** – Eyffinger, A. T.M.C. Asser (1838–1913), Founder of The Hague Tradition: Dreaming the Ideal, Living the Attainable. Hague, 2011. 115 p.
- Fischer, 1994** – Fischer H. Schutz der Kriegsgefangenen // *Handbuch des humanitären Völkerrechts in bewaffneten Konflikten*. Hrsg. D. Fleck. München, 1994. pp. 260-300.
- Hinz, Rauch, 1984** – Hinz J., Rauch E. Kriegsvölkerrecht. Köln, Berlin, Bonn, München, 1984. 400 p.
- Kokebayeva et al., 2016** – Kokebayeva G., Myrzabekova R., Myrzabekov M. The activities of community organizations in providing assistance to prisoners of World War I // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4. pp. 1353-1359.
- Kokebayeva, 2016** – Kokebayeva G.K. Turkestan in the foreign political strategy of Germany in the first half of the 20th century // *Bilig*. 2016. Vol. 76. pp. 117-137.
- Kuiper, 2009** – Kuiper K. The Britannica Guide to Theories and Ideas That Changed the Modern World. New York, 2009. 383 p.
- Lesaffer, 2013** – Lesaffer R. The Temple of Peace The Hague Peace Conferences, Andrew Carnegie and the Building of the Peace Palace (1898–1913) // *Mededelingen van de Koninklijke Nederlandse Vereniging voor Internationaal Recht, Preadviezen*. 2013. Vol. 140. pp. 1-38.
- Rensmann, 2008** – Rensmann T. Die Humanisierung des Völkerrechts durch das ius in bello – Von der Martens'schen Klausel zur "Responsibility to Protect" // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 2008. Bd. 68. pp. 111-128.
- The Hague, 1909** – The Hague peace conferences and other international conferences concerning the laws and usages of war: texts of conventions with commentaries. Ed. by A.Pearce Higgings. Cambridge, 1909. 632 p.
- The laws, 2004** – The laws of armed conflicts: a collection of conventions, resolutions, and other documents. Ed. by D. Schindler and J. Toman. 4th ed. Leiden, 2004. 1493 p.
- The Proceedings, 1920** – The Proceedings of the Hague peace Conferences. Ed. by J.B. Scott. New York, 1920. 905 p.
- War, 2017** – War, Peace and International Order?: The Legacies of the Hague Conferences of 1899 and 1907. Ed. by M. Abbenhuis, Ch.E. Barber, A.R. Higgins. New York, 2017. 240 p.

References

- Kokebayeva, 2009** – Kokebayeva G.K. (2009). Germania – Rossiia – SSSR: politika, voina i plen. Almaty. 345 p.
- Komarovskii, 1905** – Komarovskii L.A. (1905). Gaahskaia mirnaia konferentsiia 1899 goda. Moskva. 64 p.
- Mezhdunarodnoe, 1957** – Mezhdunarodnoe pravo v izbrannykh dokumentakh. Moskva, 1957. T. 3. 319 p.
- Pustogarov, 1999** – Pustogarov V.V. (1999). F.F. Martens – iurist, diplomat. Moskva, 1999. 286 p.
- Rybachenok, 2005** – Rybachenok I.S. (2005). Rossiia i Pervaiia konverentsiia mira 1899 goda v Gaage. Moskva. 391 p.
- Starodubtsev, 1988** – Starodubtsev G.S. (1988). Vklad F.F. Martensa v kodifikatsiiu mezhdunarodnykh pravil, primeniamykh v vooruzhennykh konfliktakh. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1988. № 7. pp. 107-110.
- Aldrich, Chinkin, 2000** – Aldrich G.H., Chinkin Ch.M. (2000). A Century of Achievement and Unfinished Work. *American Journal of International Law*. Vol. 94. Is. 1. pp. 90-98.
- Best, 1999** – Best G. (1999). Peace Conferences and the Century Of Total War: The 1899 Hague Conference and What Came After. *International Affairs*. Vol. 75. Is. 3. pp. 619-634.
- Cassese, 2000** – Cassese A. (2000). The Martens Clause: half a loaf or simply pie in the sky? *European Journal of International Law*. Vol. 11. No. 1. pp. 187-216.
- Davis, 1907** – Davis G.B. (1907). Doctor Francis Lieber's Instructions for the Government of Armies in the Field. *The American Journal of International Law*. Vol. 1. No. 1. pp. 13-25.
- Dülffer, 1981** – Dülffer J. (1981). Regeln gegen den Krieg? Berlin, Frankfurt a/M. 434 p.
- Eyffinger, 2011** – Eyffinger, A. (2011). T.M.C. Asser (1838–1913), Founder of The Hague Tradition: Dreaming the Ideal, Living the Attainable. Hague. 115 p.
- Fischer, 1994** – Fischer H. (1994). Schutz der Kriegsgefangenen // *Handbuch des humanitären Völkerrechts in bewaffneten Konflikten*. Hrsg. D. Fleck. München. pp. 260-300.
- Hinz, Rauch, 1984** – Hinz J., Rauch E. (1984). Kriegsvölkerrecht. Köln, Berlin, Bonn, München. 400 p.
- Kokebayeva et al., 2016** – Kokebayeva G., Myrzabekova R., Myrzabekov M. (2016). The activities of community organizations in providing assistance to prisoners of World War I. *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4. pp. 1353-1359.

Kokebayeva, 2016 – Kokebayeva G.K. (2016). Turkestan in the foreign political strategy of Germany in the first half of the 20th century. *Bilig*. Vol. 76. pp. 117-137.

Kuiper, 2009 – Kuiper K. (2009). The Britannica Guide to Theories and Ideas That Changed the Modern World. New York. 383 p.

Lesaffer, 2013 – Lesaffer R. (2013). The Temple of Peace The Hague Peace Conferences, Andrew Carnegie and the Building of the Peace Palace (1898–1913). *Mededelingen van de Koninklijke Nederlandse Vereniging voor Internationaal Recht, Preadviezen*. 2013. Vol. 140. pp. 1-38.

Rensmann, 2008 – Rensmann T. (2008). Die Humanisierung des Völkerrechts durch das ius in bello – Von der Martens'schen Klausel zur "Responsibility to Protect". *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. Bd. 68. pp. 111-128.

The Hague, 1909 – The Hague peace conferences and other international conferences concerning the laws and usages of war: texts of conventions with commentaries. Ed. by A. Pearce Higgins. Cambridge, 1909. 632 p.

The laws, 2004 – The laws of armed conflicts: a collection of conventions, resolutions, and other documents. Ed. by D. Schindler and J. Toman. 4th ed. Leiden, 2004. 1493 p.

The Proceedings, 1920 – The Proceedings of the Hague peace Conferences. Ed. by J.B. Scott. New York, 1920. 905 p.

War, 2017 – War, Peace and International Order?: The Legacies of the Hague Conferences of 1899 and 1907. Ed. by M. Abbenhuis, Ch.E. Barber, A.R. Higgins. New York, 2017. 240 p.

УДК 63.3(0)6

Россия и становление Гаагской системы международно-правовой защиты военнопленных

Гульжаухар Какеновна Кокебаева ^{a, *}, Камиля Касымовна Чатыбекова ^b, Мадина Магазовна Абишева ^c

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан

^b Казахский национальный исследовательский технический университет им. К.И. Сатпаева, Казахстан

^c Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. Под влиянием идей европейского Просвещения об «естественном праве» человека начинает меняться представление о военнопленных, появляются двусторонние соглашения, регулирующие правила обращения с военнопленными. Однако до конца XIX в. не было многосторонних соглашений, регулирующих режим военного плена. В 1874 году император России Александр II предложил организовать международную конференцию в Брюсселе с целью обсуждения практических возможностей применения кодекса и разработки правил ведения войны на суше. Брюссельская декларация 1874 года о законах и обычаях войны представляла собой первую в истории международных отношений попытку кодификации законов и обычаев сухопутной войны путем принятия специального международного документа, однако декларация по разным причинам не вступила в силу. Впервые эта проблема обсуждалась на Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг., в созыве и проведении которых существенную роль играла Россия. Принятые участниками этих конференций конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» составили Гаагскую систему международно-правовой защиты военнопленных. Гаагские конвенции возложили ответственность за гуманное обращение с военнопленными на правительства воюющих государств. С тех пор были разработаны и приняты множество двусторонних и многосторонних соглашений о защите военнопленных, основанных на гуманистических традициях, выработанных в ходе становления и развития индустриальной цивилизации. Идея защиты прав военнопленных актуальна и сегодня, когда человечество переживает сложный период становления многополярного мира. В данной статье исследуется роль России в становлении Гаагской системы международно-правовой защиты военнопленных.

Ключевые слова: законы и обычаи ведения войны, военнопленные, международно-правовая защита военнопленных, конференция мира, Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.

* Корреспондирующий автор

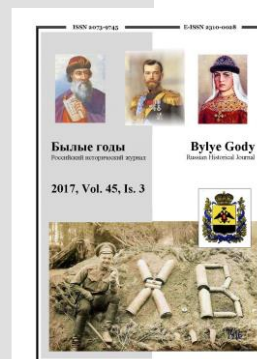
Адреса электронной почты: kokebayeva@mail.ru (Г.К. Кокебаева)

ckamiliya@mail.ru (К.К. Чатыбекова), m_abisheva@mail.ru (М.М. Абишева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 986-994, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.986
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)083

Group Rapes in Russian Villages in the beginning of the 20th Century

Vladimir B. Bezgin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The relevance of the subject is determined by a current increase in public danger of criminal assault on sexual integrity of women. Such crimes committed by a group of people are particularly cynical and turn violent. The analysis of the problem existing a century ago in Russian villages will be useful in the research of victimologic reasons of the crime and while determining the factors of sexual aggression.

The purpose of the article is to study such a phenomenon of the rural everyday life in the beginning of the 20th century as group rapes. The group rapes committed by peasants in Russian villages of that historical period are analyzed on the basis of a wide range of archival sources scientifically introduced for the first time. Distinctive features of this type of a crime and the rate of its expansion in the rural environment are determined. Characteristic places of their commission, number of members in a criminal group and their age are found out. The tendency is noted that there was decrease in age of rural rapers whereas there was increase in number of sexual crimes in Russian villages. Court practice for such cases and punishment for crimes against women's honor and dignity are studied. Special consideration is given to the victims of group rapes.

As a result of the conducted research the following conclusions are drawn. Group rapes in Russian villages were caused both by masculinity of patriarchal way of rural life and by sexism of the stereotypes occurring in the country environment. The increase in number of group rapes in the villages of the studied period was consistently induced by the increased social mobility of peasants, laicisation of villagers' consciousness, erosion of moral foundations, and growth of deviant behavior among the rural youth.

Keywords: Russian Empire of the early 20th century, peasantry, village, group rapes, crime, police investigation, judicial investigation, court, punishment.

1. Введение

Проблема социальных девиаций в сельской повседневности России периода поздней империи является важной исследовательской задачей. Анализ отклоняющегося поведения крестьян в период модернизации предполагает изучение сексуальных преступлений. Актуальность темы определена современной тенденцией повышения общественной опасности преступных посягательств на половую неприкосновенность женщин. Научное осмысление этой проблемы в ее исторической ретроспективе имеет практическое значение для выяснения виктимных причин половых преступлений и установления факторов проявления сексуальной агрессии.

2. Материалы и методы

2.1. Обращение к архивным документам дало возможность не только выявить конкретные факты, но и осуществить анализа этого феномена деревенской действительности. Хотя суды обычно рассматривали дела об изнасиловании на закрытых заседаниях, чтобы защитить репутацию жертвы,

* Corresponding author

E-mail addresses: vladyka62@mail.ru (V.B. Bezgin)

особенно если она не состояла в браке, судебные отчеты, тем не менее, представляют собой один из нескольких источников. Информация об этом явлении почерпнута из сведений о происшествиях, преимущественно центрально-черноземных губерний, направляемых в министерство внутренних дел России за период 1910–1916 гг. Другим источником послужили материалы кассационного департамента министерства юстиции, где отложились ходатайства и прошения осужденных о помиловании или смягчения приговора по делам такого рода. Сведения по этому вопросу также извлечены из этнографических источников, материалов тенишевского фонда Российского этнографического музея.

2.2. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе в изучении данной проблемы, что обусловлено спецификой изучаемого явления. Групповые изнасилования в российской деревне начала XX в., рассматриваются не только как преступные действия, но и как одна из форм социальной девиации крестьянства периода поздней империи.

3. Обсуждение

Сексуальное насилие в обыденной жизни российского села периода поздней империи остается темой малоизученной в исторической науке. Отдельные сюжеты данной проблемы нашли свое отражение в публикациях отечественных исследователей: А.П. Богомаз, З.З. Мухиной, Н.Л. Пушкаревой (Богомаз, 2015; Мухина, Пушкарева, 2012). Практики супружеского насилия в повседневной жизни русской семьи XVIII в. изучены в работе М. Муравьевой (Муравьева, 2012). Ей же впервые предпринята попытка дать методологическое обоснование этой проблемы (Muravyeva, 2005). Проблеме снохачества в русской деревне посвящена статья С.Г. Федорова (Федоров, 2015). Сам автор настоящей статьи неоднократно обращался к вопросу сексуального насилия в крестьянской среде второй половины XIX – начала XX в. (Безгин, 2009; Безгин, 2015).

В зарубежной историографии проблема групповых изнасилований изучена более обстоятельно, но в основном работы посвящены другим историческим периодам (Healey, 2012; Kaiser, 2002; Naiman, 1990). Наибольший интерес в контексте обсуждаемой проблемы представляет книга С. Фрэнка «Преступность, культурный конфликт и справедливость в сельской России. 1856–1914» (Frank, 1999). В одном из разделов данной работы дан анализ состояния половых преступлений в российской деревне. По его мнению, в случае группового изнасилования потерпевшие крестьянки обращались в суд чаще, но при этом в большинстве судебных дел фигурирует единственный насильник, а не группа (Frank, 1999: 163).

4. Результаты

В России периода поздней империи на фоне общего ухудшения криминальной ситуации в стране был отмечен и рост числа сексуальных преступлений. Число таких преступлений, зафиксированных полицией, составляло в среднем в год (тыс.): в 1884–1893 гг. – 3,1; в 1894–1905 гг. – 9,7; 1906–1908 гг. – 10,8; 1909–1913 гг. – 14,4 (Миронов, 2000: 90). Таким образом, наблюдалась устойчивая тенденция роста числа такого рода преступлений, за три десятилетия количество изнасилований выросло почти в пять раз. По данным уголовной статистики МВД, число преступлений против женской чести в Российской империи выросло с 12 662 в 1909 г. до 16 195 в 1913 г., то есть за четыре года увеличилось почти на четверть (Свод, 1916: 12). По нашему мнению, по мере эмансипации женской части русского села крестьянки, ставшие жертвами сексуального насилия, стали чаще прибегать к судебной защите.

Проблема заключалась в том, что при всей «прозрачности» деревенских отношений факты изнасилования, прежде всего незамужних женщин, часто оставались неизвестными по причине того, что потерпевшие об этом не заявляли. А не делали они этого из-за того, что не хотели стать объектом деревенских сплетен, и боялись тем самым подорвать добропорядочную репутацию своей семьи. Был еще один момент, который их удерживал от заявления о совершенном преступлении. Он заключался в том, что жалоба об изнасиловании требовала последующего медицинского освидетельствования. Такой врачебный осмотр, обыденный для следственной практики, вызывал у крестьянок панический страх. В деревне считали, что «бабе свое нутро пред людьми выворачивать зазорно». Консерватизм взглядов сельских жителей отчасти способствовал сокрытию информации о совершенных преступлениях (Безгин, 2017: 153).

В обыденном восприятии жителей русского села поругание чести женщины считалось грехом и тяжким преступлением. По сообщению корреспондента Этнографического бюро из Тамбовской губернии, «изнасилование женщин, безразлично возрастов и положения, по народным воззрениям считается самым бесчестнейшим преступлением» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2). К изнасилованию несовершеннолетних девушек в русской деревне относились строже всего, по мнению крестьян, «тот человек, кто совершил такое, по их понятиям, становился наравне с сатаной» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1320. Л. 2). Однако правовые традиции русского села допускали примирение сторон при условии денежной компенсации, как при изнасиловании женщины, так и в случае дефлорации девушки (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 4; Русские, 2006. Т. 2. Ч. 1: 47; 2006. Т. 2. Ч. 2: 20). То, сколько дел об изнасиловании осталось без рассмотрения в российской сельской местности, конечно, невозможно

знать, как и количество сексуальных посягательств, улаженных неофициально через выплату компенсации или наказания деревенскими собраниями (Frank, 1999: 165; Русские, 2008. Т. 6: 374).

Присущие обществу стереотипы в оценке сексуального насилия по отношению к женщине находили свое проявление и в решениях коронных судов. Дела об изнасиловании или растлении рассматривались в окружных судах при участии присяжных заседателей, которые и выносили вердикт. Большинство членов жюри по своей сословной принадлежности были крестьянами, что обуславливало наличия в ряде приговоров требования снисхождения. В судебной практике того времени в качестве основания для снисхождения чаще всего указывали грубость нравов и невежество сельских жителей, что однако не мешало осужденным по таким делам писать апелляции на приговор и подавать прошения о помиловании.

В течение 1874–1913 гг. в России среднее годовое число поступавших в суд заявлений об изнасиловании составляло 641 и 133 случая растления малолетних (Frank, 1999: 163). Наряду с увеличением числа изнасилований был отмечен и рост числа групповых преступлений. Если между 1874 и 1897 гг., по подсчетам американского историка С. Фрэнка, 50,9 % мужчин, осужденных по обвинению в сексуальном посягательстве, признались в совершении преступлений с участием других лиц, то в период с 1909 по 1913 г. таких было уже 51,2 % (Frank, 1999: 163). Таким образом, около половины всех преступлений против половой неприкосновенности женщины в дореволюционной России носили групповой характер.

По причине латентного характера данного преступления данные официальной статистики не отражали объективного положения дел. Во-первых, не все потерпевшие крестьянки, обращались с заявлением в полицию (Безгин, 2015: 26–27), часть жертв изнасилования соглашалась на примирение и удовлетворялась денежной компенсацией (Безгин, 2009: 1947–1948) и к судебному разбирательству не прибегала. Во-вторых, далеко не все преступные эпизоды, зафиксированные уездной полицией, попадали в сводки о происшествиях по губерниям, а, следовательно, и не отражались в уголовной статистике.

Стоит согласиться с утверждением С. Фрэнка о том, что «учитывая общественное осуждение, осмеяние и остракизм, включая окрики, которыми встречали местных девушек или женщин с испорченными репутациями, можно вообразить страх и скованность, которые мешали жертвам изнасилования обвинять своих нападавших. Незамужние женщины также должны были учитывать вероятность того, что они не смогут выйти замуж в своем и ближайших поселениях, если преступление станет достоянием общественности» (Frank, 1999: 165).

В силу того, что не все случаи групповых изнасилований в селе завершались судебным преследованием, поэтому ни число приговоров, ни количество осужденных не дают реального представления о степени распространения этого преступления. Например, в «Обзоре Воронежской губернии за 1913 г.» в ведомости о состоянии преступности указано всего 10 дел по изнасилованиям, совершенных крестьянами (Обзор, 1914: 115–116), при том, что только в одном Острогжском уезде этой губернии за полгода, по данным полиции, было зарегистрировано как минимум 5 фактов полового насилия (ГА РФ Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1. Л. 28, 48об, 108об, 110об.). Можно предположить, что часть изнасилований, в том числе и групповых, совершенных в российской деревне, по тем или иным причинам не стала основанием для следственных действий. В ряде случаев обвинение не предъявлялось по причине отсутствия доказательств, в иных – потерпевшая женщина удовлетворялась денежной компенсацией, а порой насильников наказывали посредством самочинной расправы. По мере подъема правовой культуры деревни, формирования у крестьян гражданского правосознания, развития чувства собственного достоинства у сельских женщин, практика примирения между насильником и его жертвой постепенно уходила в прошлое.

По законодательству дореволюционного периода, изнасилование квалифицировалось как тяжкое преступление. В ст. 1525 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. за преступления против чести и целомудрия женщины или девицы, достигшей 14-ти лет, предусматривалось наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы сроком от четырех до восьми лет (Уложение, 1889: 697). Наиболее суровые наказания уголовный закон предусматривал за растление малолетних девочек, то есть девиц моложе 14 лет. По ст. 1523 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. «за растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, если оно было сопровождается насилием, виновный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком от десяти до двенадцати лет» (Уложение, 1889: 697).

Закон интерпретировал изнасилование как форму оскорбления, относя его в разделе уголовного кодекса «преступлениям против чести и целомудрия женщин». В уголовном законодательстве Российской империи не было квалификации «групповое изнасилование». Следовательно, в криминальной статистике этого периода в разделе «преступления против чести и достоинства женщины» не указывались отдельной графой изнасилования, совершенные группой лиц. Однако, сопоставление количества судебных дел и числа лиц, осужденных по ним, дает основание утверждать, что часть их носила групповой характер. Доля таких изнасилований в общем числе преступлений сексуального характера была невелика, но имела тенденцию к увеличению. Так в Воронежской губернии за 1911 г. нами выявлено (без учета попыток изнасилования) 14 эпизодов

полового насилия над женщинами из которых 2 носили групповой характер. В 1914 г. там же из 13 фактов изнасилований и растлений 6 были совершены в составе группы (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 14ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10). Таким образом, число групповых изнасилований в губернии за три года выросло в три раза.

В большинстве изученных фактов насильники были местные жители, т.е. односельчане потерпевших, а, следовательно, люди им знакомые. В сообщении полиции из Владимирской губернии за 1910 г. находим: «9 февраля вечером к крестьянке д. Сафроновой Архангельской волости Меленковского уезда Наталии Ермаковой зашли крестьяне той же деревни Иван Орлов и Андрей Крошкин, предложили согласиться на половое с ними совокупление, но получив в этом отказ, совокупление совершили с ней вопреки ее воли» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 119. Д. 11ч. 10. Л. 31).

Реже в деревне происходили изнасилования крестьянок, совершенные, как отмечалось в полицейских протоколах, «группой неизвестных лиц». Так произошло 27 мая 1913 г. близ д. Костомаровки Орловского уезда той же губернии, когда четверо неизвестных изнасиловали крестьянку Волобуеву (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 122. Д. 48ч. 10. Л. 580б). Иногда все же удавалось установить личность хотя бы одного из насильников. Трудно определенно утверждать являлось это результатом оперативных действий полиции или один из преступников был опознан жертвой нападения. Так, по данным полиции, в январе 1913 г. в Воронежской губернии были зафиксированы сразу два групповых изнасилования. Одно было зарегистрировано 23 числа в слободе Песках Острогожского уезда, где «крестьяне Колесников и другие в числе четырех изнасиловали крестьянку Вареникову, 21 года» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 170б). Другой факт зарегистрирован 27 числа в с. Ново-Солдатском Нижнедевицкого уезда, когда крестьянская девица Андропова, 16 лет, была подвергнута насилию крестьянами Бирюковым и еще тремя неизвестными (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 170б). Возможно, что в этих случаях участниками преступления были жители другого села.

В ходе группового изнасилования преступники нередко наносили женщине побои, а порой и грабили ее. В мае 1914 г. «близ хутора Запольного Бирюческого уезда крестьяне Скрипник-Бабенко, 18 лет, Зюменко, 14 лет, Важинский, 14 лет, нанесли побои крестьянке Ткаченко и изнасиловали ее» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 980б). Из Воронежской губернии в 1900 г. сообщали в МВД, что «в слободе Бутурлиновке Бобровского уезда крестьяне Плаксицкий, 17 лет, Донской, 20 лет, и Шевченко, 23 года, изнасиловали крестьянку Лушкову и отняли у нее 15 рублей» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1ч. 64л. Г. Л. 17). В сведениях о происшествиях по Тамбовской губернии за 1911 г. читаем, что «9 марта в г. Козлове на улице была изнасилована крестьянка д. Желановки Вишневецкой волости Козловского уезда Евдокия Чернецова у которой в тоже время было ограблено денег 6 рублей крестьянами с. Лаврова Жидиловской волости Козловского уезда Петром Языковым и с. Лежайки Изосимовской волости Козловского уезда Романом Подольским» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 72ч. 10. Л. 1010б.).

Одна из особенностей данного вида преступления заключается в том, что участники группового изнасилования, как правило, в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения. Например, «14 апреля 1911 г. в с. Афанасьевке Коротоякского уезда Воронежской губернии крестьянами Тимофеем Черных, Стефаном Панкратовым и Никифором Венюковым, бывшими в нетрезвом виде, изнасилована крестьянка Наталья Венюкова» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 120. Д. 14ч. 10. Л. 83). Очевидно, что употребление спиртного разжигало похоть, ломало нравственные барьеры, провоцировало агрессию, объектом которой и становилась деревенская женщина.

Грубая физическая сила применялась деревенскими насильниками с целью подавления сопротивления жертвы. Так в ночь на 12 августа 1908 г. около станицы Новодмитриевской Екатеринодарского отдела Кубанской области 9 местных парней в возрасте от 18 до 27 лет изнасиловали крестьянскую девицу Евдокию Высоцкую» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 29. Д. 199. Л. 5). Из материалов судебного дела следовало, что она была захвачена силой на сельской улице, пыталась бежать, но была поймана. По словам потерпевшей, Петр Чепега и Григорий Архипенко ударили ее несколько раз кулаками по голове. После этого ее утащили в лес, где в овраге, пригрозив ей, что убьют, если будет кричать, совершили над ней насилие (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 29. Д. 199. Л. 6-60б). Таким образом, наряду с применением физической силы деревенские насильники использовали угрозы, как метод психического давления.

Шокирующее своей жестокостью преступление произошло в 1911 г. в Курской губернии, где, как следует из полицейской сводки, «10 апреля в двух верстах от ст. Суджа крестьяне Топорков и Рябченко напали на крестьянку Зыбину и, совершив над ней насилие, задушили ремненным поясом, а затем ночью положили на рельсы под поезд, которым отрезало ногу Зыбиной» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 120. Д. 34ч. 10. Л. 340б). Необходимо отметить, что приведенный случай, это единственное из обнаруженных нами преступлений, когда преступники намеренно убили потерпевшую, а потом, с целью скрыть следы преступления, пытались инсценировать несчастный случай.

Место совершения группового изнасилования в деревне, как свидетельствуют документы, могло быть разным: окрестности села, проезжая дорога, а также и дом потерпевшей. Так, в д. Становой Елецкого уезда Орловской губернии 3 октября 1911 г. крестьяне Илья и Иван Ивановы и

Иван Малютин, зайдя в дом крестьянки Севрюковой, связали ее и изнасиловали (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 48ч. 10. Л. 112). Годом ранее в той же губернии 1 декабря в д. Ериловке крестьяне Николай и Василий Хомяковы ворвались в дом крестьянки Хомяковой и надругались над ней (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 119. Д. 48ч. 10. Л. 119об). В другом случае, преступление было совершено в поле, где 18 мая 1911 г. крестьяне слободы Песковатка Коротоякского уезда Воронежской губернии Иваном и Николаем Копыловыми была изнасилована крестьянка Меланья Борисова (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 14ч. 10. Л. 154). Даже путь в родное село мог таить для молодой крестьянки опасность. «25 октября 1910 г. в 3 часа по полудню крестьянская девица д. Вельмаевой Барашевской волости Темниковского уезда Тамбовской губернии Александра Еремкина, 16 лет, по дороге между д. Акашевой и Вельмаевой была встречена односельцами своими Матвеем Степановым, Николаем Семеновым и Василием Бутиловым и была ими изнасилована» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 72ч. 10. Л. 137об). Таким образом, насильственные действия сексуального характера, совершенные группой лиц, осуществлялись как в домах потерпевших, так и в безлюдных местах деревни или ее окрестностях, что свидетельствует об их намеренном характере.

В ряде случаев преступные намерения не были доведены до конца по причине бегства женщины, подвергшейся нападению, или постороннего вмешательства, помешавшего насильникам осуществить задуманное. Например, 30 мая 1911 г. днем крестьянка с. Кешаль Стрельниковской волости Темниковского уезда Тамбовской губернии Александра Валгапкина, 25 лет, шла из д. Васильевки Шалинской волости, домой в д. Кешаль. На пути в полверсты от д. Арги она заметила сидевших около дороги крестьян этой деревни Федора Тестова, Дементия Глухова, Захара Тестова, которые остановив Валгапкину стали к ней приставать, предлагая ей половое сношение с ними. Валгапкина не согласилась. Тогда они, схватив Валгапкину, хотели повалить ее на землю с целью изнасилования, но она стала кричать: «караул» и кое-как вырвалась от них и убежала (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 120. Д. 72ч. 10. Т. 2. Л. 93об.). В другом случае избежать потерю чести крестьянской девочке помогло вмешательство ее отца. «15 мая 1913 г. в с. Малые Алабухи той же волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии местные крестьяне Петр Поздняков, 16 лет, Константин Гладышев, 15 лет, намеревались изнасиловать крестьянскую девицу Татьяну Горшневу, 15 лет, но им помешал отец» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 72ч. 10. Л. 67).

Возраст женщин, ставших жертвами групповых изнасилований, был самым разным. В хуторе Галиевке Богучарского уезда 3 февраля 1914 г. крестьяне Данцев, Баранников, Маничев, Циркунов, Кондратьев и Крикунов изнасиловали крестьянскую девочку Цапину, 14 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 30). Если в данном случае объектом надругательства стала крестьянская девица, то в следующем эпизоде жертвой насилия была зрелая женщина. Так, 13 августа 1910 г. близ д. Мошковой Дмитриевского уезда Орловской губернии крестьяне Акимов и Романов изнасиловали крестьянку Гришину 67 лет (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 123. Д. 48ч. 10. Л. 70б). И уже совсем из ряда вон выходящий случай произошел в слободе Клименковой Острогожского уезда Воронежской губернии, где 15 апреля 1913 г. крестьяне Удодов и Клименков изнасиловали крестьянку Клименкову 79 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 66об).

Приведенный пример надругательства над старухой был все же исключением, как правило, объектом сексуального насилия в деревне становились молодые селянки, а чаще крестьянские девушки. По нашим подсчетам, основанных на 34 фактах групповых изнасилований, выявленных в губерниях Центрального Черноземья за период 1910–1916 гг., их жертвами (там, где указан их возраст) стали 16 крестьянок моложе 18 лет, а 18 женщин были старше этого возраста (ГА РФ. Ф. 102. 3-е ДП. Оп. 98. Д. 1ч. 64л. Г; 4-е ДП. Оп. 119. Д. 14ч. 10; Оп. 120. Д. 34ч. 10; Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1; Д. 34ч. 10; Оп. 122. Д. 14ч. 10; Оп. 122. Д. 48ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10; Оп. 124. Д. 14ч. 10).

Еще одна особенность такого рода преступлений заключалась в том, что в них участвовали, судя по фамилиям, родственники, скорее всего родные, а может быть и двоюродные братья. Помимо уже упомянутых выше эпизодов, приведем еще несколько фактов: «В с. Ендовище Землянского уезда Воронежской губернии 15 февраля 1914 г. крестьяне Ключковы и Судаков изнасиловали крестьянку Пердунову 17 лет» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 30); «3 января 1915 г. близ с. Плоского Елецкого уезда Орловской губернии крестьяне Иван и Михаил Селивановы и Роман Малютин изнасиловали крестьянку Лаухину» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 48ч. 10. Л. 30б). Крестьяне традиционно предавали большое значение родственным связям, не были исключением и действия криминального характера.

Изученные документы содержат информацию и о числе участников групповых изнасилований, совершенных в селах губерний Центрального Черноземья. Чаще всего насильников было трое (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 85, 178об.; Оп. 124. Д. 14ч. 10. Л. 38), иногда четверо (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 14ч. 10. Л. 192об), пятеро (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 170б) и более. Так, 23 апреля 1914 г. в хуторе Патомкином Богучарского уезда Воронежской губернии крестьяне Шевченко, Крячко и Ткаченко изнасиловали крестьянку Макухину, 16 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 85). Или, в сентябре 1913 г. в с. Стекланной Радице Брянского уезда Орловской губернии крестьяне Грибов, Фалеев, Абрамов, Дымников, Чибисов, Новиков и Кривошеев изнасиловали крестьянку Пильцеву, 19 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 48ч. 10. Л. 104об-105). Число насильников в изученных случаях группового изнасилования было следующим: двое – 9; трое – 15; четверо – 5; пятеро – 2,

шестеро – 1; семеро – 1, девятеро – 1 (ГА РФ. Ф. 102. 3-е ДП. Оп. 98. Д. 1ч. 64л. Г; 4-е ДП. Оп. 119. Д. 14ч. 10; Оп. 120. Д. 34ч. 10; Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1; Д. 34ч. 10; Оп. 122. Д. 14ч. 10; Оп. 122. Д. 48ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10; Оп. 124. Д. 14ч. 10).

Следует отметить, что в изученный период, возраст сельских насильников заметно снизился, групповые изнасилования все чаще совершали деревенские подростки. В ведомостях о происшествиях по Воронежской губернии за 1912 г. указано, что «26 марта в слободе Ольховатский Лог Острогожского уезда парнями Старченковым, Шабельниковым, Шафоростовым изнасилована крестьянская девица Оплочкова, 16 лет» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1. Л. 480б). И далее: «13 мая 1912 г. в слободе Клименкова Острогожского уезда Воронежской губернии крестьянские мальчики в возрасте от 14 до 16 лет Дмитрий, Яков, Герасим Клименковы и Ефим Зубков растлили (следовательно, потерпевшей было менее 14 лет) крестьянскую девочку Варвару Клименкову (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1. Л. 1100б)».

По нашему мнению, далеко не только плотские желания толкали сельских подростков на преступление. Скорее это была, так называемая «мужская солидарность», которая проявлялась, как никогда, именно в случаях насилия над женщинами. Определенную роль играло стремление сельских парубков к самоутверждению и желание выглядеть «настоящим мужиком», в глазах своих товарищей.

В российском селе отмечены и случаи групповых изнасилований, а точнее растлений, малолетних девочек крестьянскими мальчиками, не достигшими 14 лет. Для примера приведем следующий эпизод, обнаруженный нами в полицейских сводках по Тамбовской губернии за 1911 г.: «В с. Варварке Кочемировской волости Темниковского уезда 20 апреля над Татьяной Филипповой, 4 лет, совершено растление. Произведенным дознанием установлено, что растление совершено в поле в овраге крестьянами той же деревни. Алексеем Лискуткиным, 9 лет, Сергеем Тресковым, 9 лет, и Митрофаном Тресковым 9 лет» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 72ч. 10. Т. 2. Л. 209).

Стоит согласиться с утверждением дореволюционного исследователя детской преступности С. Ушке. Он, в частности, отмечал, что «растление девочек падает на более младший возраст, изнасилование женщин на более старший. Мальчики, за отсутствием физической силы, принуждены заниматься растлением, а юноши направляют свое преступное посягательство уже против взрослой женщины» (Ушке, б/г: 28). Данный вывод подтверждается и материалами уголовной статистики. В период с 1874 по 1898 г. преступники младше семнадцати лет в делах о растлении составляли в среднем 22,6 % в течение всего периода, максимальные 35,7 % были достигнуты в 1888 г. В делах об изнасиловании только 5,8 % преступников принадлежали этой возрастной группе (Свод, 1916: 165).

Отмеченная тенденция снижения возраста лиц, совершивших сексуальные преступления, в том числе и в составе группы, сохранилась и в начале XX в., на что указывают результаты губернской статистики. Так, в 1913 г. в Воронежской губернии за изнасилования по 15 уголовным делам было осуждено 19 крестьян. Возраст четверых преступников был ниже 17 лет, еще четверо насильников попадали в категорию 17–20 лет, и девяти преступникам было от 21 до 30 лет (Обзор, 1914: XXX–XXXI). Таким образом, чуть менее половины всех насильников, даже по крестьянским меркам, были несовершеннолетними.

Данные по региону в целом за 1910–1916 гг. еще более красноречивы. Возраст крестьян (в тех случаях, где он указан), участников групповых изнасилований был таковым: до 14 лет – 4; от 14 до 18 лет – 13; от 19 до 21 года – 9; свыше 21 года – 3 (ГА РФ. Ф. 102. 3-е ДП. Оп. 98. Д. 1ч. 64л. Г; 4-е ДП. Оп. 119. Д. 14ч. 10; Оп. 120. Д. 34ч. 10; Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1; Д. 34ч. 10; Оп. 122. Д. 14ч. 10; Оп. 122. Д. 48ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10; Оп. 124. Д. 14ч. 10). Таким образом, из 29 насильников 26 человек были моложе 21 года, т.е. несовершеннолетние составляли почти 90% от числа участников групповых изнасилований.

5. Заключение

Групповые изнасилования, как явление повседневной жизни российского села начала XX в., были обусловлены отчасти наследием патриархального общества, коим деревня оставалась до конца XIX в., а точнее, бытовавшими в крестьянском социуме стереотипами, и восприятие женщины как объекта насилия, в том числе и сексуального. Сексистские установки деревенской обыденности не осуждали насилие и жестокость по отношению к сельской бабе, считая эти действия для мужиков приемлемыми.

Общественное мнение села воспринимало случаи изнасилования девиц сельскими парнями скорее как «молодецкое озорство», «пагубу девичьей чести», «срам семьи», но отнюдь не как преступление. По причине латентного характера изнасилований и не всегда результативных усилий полиции у потенциальных насильников отсутствовал страх перед неотвратимостью наказания. Суть ситуации точно выразил современный исследователь. «Обычно сексуальным насилием безнаказанно занимаются бюргеры, крестьяне, пролетарии, миллионеры, но это психически нормальные люди, они просто равнодушны к тем, кого считают ниже себя, их никто не вылавливает и даже не осуждает» (Accion Positiva, 2016).

Рост сексуальных преступлений, в том числе и групповых изнасилований, в российской деревни периода модернизации был обусловлен следующими факторами. Это, прежде всего, нравственная

деградация села как результата процесса «охлаждения веры», охватившего село в конце XIX – начале XX в. Другая причина заключалась в утрате общиной функции социального контроля по причине возросшей мобильности крестьян и правительственного курса, направленного на подрыв ее консолидирующей роли.

Анализ половых преступлений, совершенных крестьянами, дает основание утверждать, что одиночные изнасилования были присущи молодым крестьянам, участниками групповых изнасилования становились преимущественно деревенские подростки, а в роли растлителей выступали мужчины среднего и старшего возраста.

В начале XX в. по мере роста числа изнасилований снижается возраст преступников их совершаемых. Насильственные действия отличаются цинизмом, чаще носят групповой характер. Нравственный излом российского общества находит свое выражение в распространении социальных девиаций, росте преступности и нарастании чувства коллективной агрессии.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ ОГОН «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX – начала XX века (региональный аспект)», проект 15-01-00117а.

Литература

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.

Безгин, 2017 – *Безгин В.Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017.

Безгин, 2009 – *Безгин В.Б.* Половые преступления в сельской повседневности конца XIX – начала XX вв. // *Право и политика.* 2009. № 9. С. 1946-1955.

Безгин, 2015 – *Безгин В.Б.* «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в России и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX века) // *Новый исторический вестник.* 2015. № 3(45). С. 25-43.

Богомаз, 2015 – *Богомаз А.П.* Преступница или жертва: домашнее насилие в России в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник ТвГУ. Серия «История».* 2015. № 2. С. 143-153.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

Мионов, 2000 – *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000. Т. 2.

Муравьева, 2012 – *Муравьева М.* Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русской семье XVIII в. // *Бытовое насилие в истории российской повседневности.* СПб., 2012. С. 143-153.

Мухина, Пушкарева, 2012 – *Мухина З.З., Пушкарева Н.Л.* Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после Великих реформ XIX века) // *Вестник Пермского университета.* 2012. Вып. 3(20). С. 43-55.

Обзор, 1914 – Обзор Воронежской губернии за 1913 г. Воронеж, 1914.

Русские – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб. 2005-2011. Т. 1-7.

Свод, 1916 – Свод статистических сведений по делам уголовным за 1913 г. Пг., 1916.

Уложение, 1889 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898.

Ушке, б/г – *Ушке С.* Дети-преступники. Рига, б/г.

Федоров, 2015 – *Федоров С.Г.* Самосуд и снохачество в обычном праве российской и сибирской деревень во второй половине XIX – начале XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 11-1(61). С. 185-188.

Accion Positiva – Accion Positiva. Изнасилование. Маскулинность. [Электронный ресурс]. URL: <http://womensation.org/rape-and-masculinity>. (Дата обращения 09.08.2016).

Frank, 1999 – *Frank, Stephen P.* Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, Calif London: University of California Press, 1999.

Healey, 2012 – *Healey, Dan.* Comrades, Queers, and 'Oddballs': Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s. // *Journal of the History of Sexuality,* 2012, 21.3: 496-522.

Kaiser, 2002 – *Kaiser, Daniel.* «He Said, She Said»: Rape and Gender Discourse in Early Modern Russia. // *Kritika,* 2002, 3: 197-216.

Muravyeva, 2005 – *Muravyeva, Marianna G.* Metodologicheskie problemy sovremennoi istoriografii seksual'nogo nasilia na Zapade i v Rossii. // *Gendernye issledovaniia,* 2005, 13: 171-189.

Naiman, 1990 – *Naiman, Eric.* The case of chubarov alley: collective rape, utopian desire and the mentality of NEP // *Russian History,* 1990, 17.1: 1-30.

References

AREM – Arhiv Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya [Archive of the Russian ethnographic museum]

Bezgin, 2017 – *Bezgin V.B.* (2017). Povsednevnyiy mir russkoy krestyanki perioda pozdney imperii. [The everyday world of the Russian peasant woman of the late empire]. М.. [in Russian].

Bezgin, 2009 – *Bezgin V.B.* (2009). Polovye prestupleniya v sel'skoj povsednevnosti konca XIX – nachala XX vv. [Sex crimes in rural everyday life of the late XIX – early XX centuries]. *Pravo i politika*. № 9. pp. 1946-1955. [in Russian].

Bezgin, 2015 – *Bezgin V.B.* (2015). «Protiv voli ee i soglasija»: iznasilovanie i rastlenie v Rossii i ih ugolovnoe presledovanie (konec XIX – nachalo XX veka) [«Against her will and consent»: rape and molestation in the peasant milieu and criminal prosecution for these crimes (late 19th – early 20th centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. № 3(45). pp. 25-43. [in Russian].

Bogomaz, 2015 – *Bogomaz A.P.* (2015). Prestupnitsa ili zhertva: domashnee nasilie v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [The criminal or victim: domestic violence in Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»*. № 2. pp. 143-153. [in Russian].

GA RF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State archive of the Russian Federation]

Mironov, 2000 – *Mironov B.N.* (2000). Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. V 2-h t. SPb. T. 2. [in Russian].

Muraveva, 2012 – *Muraveva M.* (2012). Povsednevnyie praktiki nasiliya: supruzheskoe nasilie v russkoj seme XVIII v. [The daily practice of violence: marital violence in the Russian family of the XVIII century] / Byitovoe nasilie v istorii rossijskoj povsednevnosti. SPb. pp. 143–153. [in Russian].

Muhina, Pushkareva, 2012 – *Muhina Z.Z., Pushkareva N.L.* (2012). Zhenschina i zhenskoe v traditsionnoj russkoj seksualnoj kulture (do i posle Velikih reform XIX veka) [Woman and feminine in the traditional Russian sexual culture (before and after the Great Reforms of the XIX century)]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Vyip. 3(20). pp. 43–55. [in Russian].

Obzor, 1914 – *Obzor Voronezhskoj gubernii za 1913 g.* [Review of the Voronezh province for 1913]. Voronezh, 1914. [in Russian].

Russkie – Russkie krest'jane. Zhizn'. Byt. Nравy. Materialy «Ehtnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva» [Russian peasants. A life. Gen. Morals. Materials of the «Ethnographic Bureau of Prince VN. Tenishev»]. SPb. 2005–2011. T. 1-7. [in Russian]

Svod, 1916 – Svod statisticheskikh svedenij po delam ugovolnym za 1913 g. [Summary of statistical information on criminal cases for 1913]. Pg., 1916. [in Russian].

Ulozhenie, 1898 – Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1885 g. [The Code of Criminal and Correctional Penalties of 1885]. SPb., 1898. [in Russian].

Ushke, b/g – *Ushke S.* Deti-prestupniki [Children-criminals]. Riga, b/g. [in Russian].

Fedorov, 2015 – *Fedorov S.G.* (2015). Samosud i snohachestvo v obyichnom prave rossijskoj i sibirskoj dereven vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Samosud and snohachestvo in the customary law of the Russian and Siberian villages in the second half of the XIX – early XX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosyi teorii i praktiki*. № 11-1(61). pp. 185–188. [in Russian].

Accion Positiva – Accion Positiva. Rape. Masculinity. [Rape. Masculinity]. [Electronic resource]. URL: <http://womensation.org/rape-and-masculinity>. (Date of circulation August 9, 2016). [in Russian].

Frank, 1999 – *Frank, S.P.* (1999). Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, Calif London: University of California Press.

Healey, 2012 – *Healey, Dan.* (2012). Comrades, Queers, and 'Oddballs': Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s. *Journal of the History of Sexuality*, 21.3: 496-522.

Kaiser, 2002 – *Kaiser, D.* (2002). «He Said, She Said»: Rape and Gender Discourse in Early Modern Russia. *Kritika*, 3: 197-216.

Muravyeva, 2005 – *Muravyeva, M.G.* (2005). Metodologicheskie problemy sovremennoi istoriografii seksual'nogo nasilia na Zapade i v Rossii. *Gendernye issledovaniia*, 13: 171-189.

Naiman, 1990 – *Naiman, E.* (1990). The case of chubarov alley: collective rape, utopian desire and the mentality of NEP. *Russian History*, 17.1: 1-30.

УДК 94(47)083

Групповые изнасилования в российском селе начала XX века

Владимир Борисович Безгин^{а, *}

^а Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность темы определена современной тенденцией повышения общественной опасности преступных посягательств на половую неприкосновенность женщин. Такие деяния, совершенные группой лиц, отличаются цинизмом и сопровождаются насилием.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vladyka62@mail.ru (В.Б. Безгин)

Анализ состояния этой проблемы в российской деревне столетней давности будет полезен в выяснении виктимных причин этого преступления и установлении факторов проявления сексуальной агрессии.

Цель статьи состоит в изучении такого феномена сельской обыденности дореволюционной деревни как групповые изнасилования. На основе широкого круга архивных источников, введенных в научный оборот впервые, дан анализ групповых изнасилований, совершенных крестьянами в российском селе начала XX века. Установлены особенности данного вида преступлений и степень их распространения в крестьянской среде. Выявлены характерные места их совершения, численность преступных групп, их возрастной состав. Отмечена тенденция снижения возраста деревенских насильников на фоне увеличения числа преступлений сексуального характера в российской деревне. Изучена судебная практика по делам такого рода и мера ответственности за преступления против чести и достоинства женщин. Особое внимание уделено крестьянкам, жертвам групповых изнасилований.

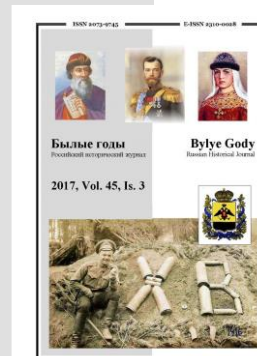
В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы. Групповые изнасилования в российском селе были обусловлены как маскулинностью патриархального уклада деревни, так и сексизмом стереотипов, бытовавших в крестьянской среде. Увеличения числа групповых изнасилований в деревне изучаемого периода стало следствием возросшей социальной мобильности крестьян, секуляризации сознания сельских жителей, эрозии моральных устоев, роста девиантного поведения в среде деревенской молодежи.

Ключевые слова: Российская империя начала XX века, крестьянство, деревня, групповые изнасилования, преступление, полицейской расследование, уголовное преследование, суд, наказание.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 995-1002, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.995
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:364-78(571.1/5) «18/19»

Educational Correctional Institutions for Minors in Provinces of Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XXth centuries: plan and result

Tatiana A. Kattsina ^{a, *}, Natalya V. Vysotskaya ^a, Elena Y. Cherkashina ^a, Ekaterina V. Potapova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Article is devoted to a problem of social control of correction of the identity of the minor who entered the conflict with the law. Contains the generalized material about conditions of keeping and education of the minors placed in the Krasnoyarsk educational corrective labor colony and the Irkutsk corrective and educational shelter for minors of P. P. Sukachyov. At the end of XIX – the beginning of the XXth centuries in the extensive territory of Eastern Siberia it were the only institutions where the prison mode was replaced with educational and labor influence, spiritual and moral education and training of the minor. Article is based on set of the published and unpublished (archival) sources, research literature which is thematically connected with the taken-up question. Preliminary conclusions are reduced to the fact that the result of work of a corrective and educational institution depended on personal and professional abilities, skills of personnel, understanding to them problems of corrective education, the correct organization of pedagogical process to a large extent. The obtained data promote creation of complete idea of the level of development of correctional facilities of the Russian society and the Siberian society in particular, liquidate territorial disproportions in the studied subject, expand opportunities for comparative researches.

Keywords: Eastern Siberia, minor offenders, corrective education, agricultural colonies, craft shelters.

1. Введение

Среди разнообразных сторон так называемого детского вопроса особого внимания заслуживает проблема социального контроля над исправлением личности несовершеннолетних, совершивших правонарушения, где вступают между собой в коллизию, с одной стороны, интересы общества, нуждающегося в защите, а с другой – интересы охраны молодого поколения. Несмотря на значительные усилия международного сообщества в области защиты прав ребенка по выработке тщательно продуманных стандартов, регулирующих различные аспекты ювенальной системы, сегодня «мало где в мире следуют букве или духу этих стандартов» (*Потерянные для правосудия 2008: 6*); помещение несовершеннолетних в воспитательные и реабилитационные учреждения рассматривается как крайняя мера (*Баранов, 2009*). Высказывается мнение о преобразовании воспитательных колоний в воспитательные центры (*Давыдова, Данилин, 2013: 3*), где предполагается «формирование новых для осужденных ценностей, приобщение к системе социальных отношений» (*Курас, 2015: 185*). Некоторые направления такого подхода были апробированы еще в имперской России. Прежде всего, речь идет о земледельческих колониях и ремесленных приютах, где тюремный режим заменялся воспитательно-трудовым воздействием, духовно-нравственным воспитанием и обучением несовершеннолетнего. Создание таких заведений в разных местностях России началось в

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), vysotskaya25@yandex.ru (N.V. Vysotskaya), chhelene@yandex.ru (E.Y. Cherkashina), potapowa.catia2011@yandex.ru (E.V. Potapova)

1870 г. по инициативе обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов (первое открылось в Санкт-Петербурге, в 1869 г.), а до этого несколько десятков лет с «замечательным успехом» применялось для исправления малолетних преступников в земледельческих колониях стран Швейцарии, Голландии, Бельгии, Англии, Италии, Франции ([Земледельческие колонии, 1870: 5–6; 24](#)).

В статье ставится задача: на примере такой крупной региональной единицы России как Восточная Сибирь, охарактеризовать условия содержания и воспитания несовершеннолетних, помещенных в воспитательно-исправительные заведения. Объектом исследования являются Иркутский исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних имени П.П. Сукачева (далее по тексту – Иркутский приют) и Красноярская воспитательно-исправительная колония для несовершеннолетних (далее по тексту – Красноярская колония), как единственные учреждения такого типа в восточносибирском крае XIX – начала XX вв., контрастирующие между собой как по способу функционирования, так и по характеру достигнутых результатов.

2. Материалы и методы

2.1. Статья основана на совокупности опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, исследовательской литературы, тематически связанных с освещаемым вопросом. Необходимая информация извлечена из делопроизводственных документов, депонированных в фондах иркутской областной государственной универсальной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского, иркутской научной библиотеки имени В. Г. Распутина, государственного архива Красноярского края (ф. 216 «Губернский комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Енисейской губернии», ф. 595 «Енисейское губернское управление»).

2.2. Прежде всего, мы стремились придерживаться принципа объективности (рассматривать деятельность воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних в ее разнообразии и противоречивости, в совокупности положительных и негативных проявлений) и принципа историзма (изучать факты в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами, в их взаимосвязи и взаимообусловленности), при анализе материалов сочетать проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования. Проблемно-хронологический метод позволил выявить исторические факты о деятельности исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних, рассмотреть их в контексте с другими явлениями общественной жизни. Посредством сравнительно-исторического метода проанализированы различия в условиях содержания контингента и организации учебно-воспитательного процесса в Иркутском приюте и Красноярской колонии.

3. Обсуждение

Начало современного этапа в изучении исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних совпало с публикациями работ Л.И. Беляевой ([Беляева, 1995; 1998](#)), которая остается ведущим исследователем правовых, организационных и педагогических основ деятельности этих заведений в России середины XIX – начала XX вв. Некоторые из этих аспектов получили дальнейшую разработку ([Тебиев, Коркищенко, 2005](#) и др.). В контексте изучения основных тенденций норм и отклонений социализации ребенка во второй половине XIX – начале XX вв. И.В. Синова, показала, что российское законодательство не соответствовало быстро меняющимся условиям жизни общества, не способствовало эффективной профилактике правонарушений, не успевала за ростом подростковых девиаций и виктимизации ([Синова, 2014](#)). Согласно исследованию Л.И. Беляевой, «было бы неверным идеализировать» деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в Российской империи, прежде всего потому, что отсутствовал единый подход к организации работы, ощущался недостаток материальных средств и числа исправительно-воспитательных заведений ([Беляева, 2015: 173](#)). Немецкий историк права Т. Мил также отмечает, что нехватка ресурсов и очень ограниченные возможности были результатом того, что 3 000 мест в воспитательно-исправительных заведениях, открытых накануне Октябрьской революции покрывали спрос лишь на 10 % ([Mill, 2010: 214](#)), по данным других авторов – на 6 % ([Люблинский, 1923: 47](#)). Поскольку функционирование исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних было сопряжено с большим разнообразием в пространственном отношении, локализация проблемы позволила ([Фролова 2015; Лаврентьев 2010; Васильева 2015, Хареева, 2016 и др.](#)) конкретизировать и уточнить ряд аспектов их деятельности. В то же время не получила должного освещения практика земледельческих колоний и ремесленных приютов в восточносибирском крае, который долгое время служил местом уголовной или политической ссылки, являлся ключевым звеном пенитенциарной системы Российской империи.

4. Результаты

Становление учреждений для воспитания «нравственно-испорченных детей» началось в России в первой половине XIX в. ([Дриль, 1905: 352](#)), а в качестве самостоятельного института заменяющих наказаний, – в эпоху Великих реформ (1864–1870 гг.). В Сибири начало этого процесса обозначилось

лишь в конце XIX в., когда на ее территории стала распространяться судебная реформа. «Сценарий» открытия заведений был практически одинаков: сначала в губернском центре (Иркутске, Красноярске) создавалось общество земледельческих колоний и ремесленных приютов (далее по тексту – общество), затем из его состава формировалась временная комиссия (или комитет) для привлечения внешних ресурсов. Кроме обеспечения материальных и финансовых потребностей, комиссия подбирала административный, воспитательный и вспомогательный персонал в открываемое заведение, определяла его тип (ремесленный или земледельческий) и возможную систему воспитания (семейную, казарменную, смешанную) (Катцина, 2017: 535).

Целью Иркутского приюта, как и Красноярской колонии, провозглашалось общее начальное, ремесленное и сельскохозяйственное образование, сочетаемое с религиозно-нравственным воспитанием, которое должно было развить у несовершеннолетнего навык и любовь к порядку и труду, подготовить его к дальнейшей честной и трудовой жизни. Контингент заведений составляли несовершеннолетние мужского пола в возрасте от 10 до 17 лет, помещаемые в основном по определениям и приговорам суда, а также подследственные. По постановлению комитета общества в заведение зачислялись несовершеннолетние «нищенствующие, бродяжествующие и вообще бесприютные и беспризорные», «отдаваемые для исправления родителями» или попечительными советами благотворительных заведений (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 1; Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 113). Согласно радиусу действия обществ, в Красноярскую колонию принимали несовершеннолетних из Енисейской губернии, в Иркутский приют, – из одноименной губернии, Забайкальской и Якутской областей.

Среди архивных документов сохранилось ходатайство совета Ольгинского приюта трудолюбия для детей переселенцев и павших воинов от 8 марта 1916 г. в комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Енисейской губернии о приеме в красноярскую колонию Изотченко Михаила 12 лет. В нем сообщалось, что мальчик поступил в приют в 1910 г., но «в конце 1914 г. в силу его крайней распущенности был передан матери, проживающей в гор. Красноярске и содержался у нее на ежесыщное пособие приюта». Руководство приюта полагало, что режим колонии может исправить Михаила (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). Однако этим надеждам вряд ли суждено было оправдаться. Колония, процесс организации которой растянулся более чем на 10 лет, была слабо укомплектована штатом сотрудников, за два года трижды пережила смену руководителя, а по условиям содержания и организации воспитательно-образовательного процесса, не выдерживала никакой критики. Так, в докладной записке от 19 сентября 1916 г. исполняющий обязанности директора колонии Л.П. Мельников сообщал комитету общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Енисейской губернии: «Мне неоднократно, с душевным огорчением приходилось иметь наблюдение в первые месяцы моей службы, находясь без надзирателя, что питомцы весьма охотно посещали солдат в их помещениях, каковых в колонии ныне летом находилось до 100 человек, где слушали всевозможные пикантные анекдоты и всякую нецензурную брань, хотя такие посещения... мною строго воспрещались и наказывались, но, тем не менее, питомцев как-то магически постоянно тянуло в эту среду, в которой они ранее находились и приобретали дурные наклонности» (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 66 об.). Еще раньше, 13 января 1915 г., епископ Енисейский и Красноярский Никон (Н.Н. Бессонов), председательствующий в комитете общества, поставил резолюцию «Оч[ень] грустно» на докладной записке членов специальной комиссии, посетившей колонию. Инспекция выявила многочисленные факты нарушения внутреннего режима заведения со стороны персонала: частые неоправданные отлучки, ежесыщные ссоры, «сопровожаемые руганью» в присутствии воспитанников, случаи одновременного пребывания гостей (до 4–5 часов утра), поведение которых носило «шумный характер, не соответствующий месту». Из-за неумелого и халатного ведения дел, директор колонии П.А. Гобов допустил порчу урожая картофеля, собранного воспитанниками; работа по ремонту помещений, «дорого стоившая, прошла совершенно даром», так как штукатурка сразу осыпалась. Баня, прачечная и школа не функционировали, поскольку были разморожены. Месяц при трех питомцах обходился, в общем, в 400 руб., а полное обслуживание каждого воспитанника – свыше 133 руб. (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 46–47 об.). Для сравнения: в Иркутском приюте на те же цели ежемесячно расходовалось около 650 руб., а полное обслуживание одного воспитанника при более комфортных условиях содержания не превышало 21 руб. (Иркутское общество, 1914: 14–15). Члены комиссии, инспектировавшие Красноярскую колонию, писали в своем отчете, что ее состояние «производит настолько безотрадное впечатление, что прямо становится больно и обидно, что на это дело произведено столько затрат» (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 47). Приведем еще один примечательный факт из жизни Красноярской колонии, который вряд ли нуждается в комментариях. В 1915 г. она заключила договор с правлением Восточносибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли на поставку молока. По условиям соглашения, цена на молоко была установлена в 2 раза ниже существующей в городе, а расчет следовал не сразу, а в недельный срок по истечении каждого месяца. В итоге, Восточносибирское общество вообще отказалось оплатить годовую поставку молока (73,19 руб.), сославшись на невыполнение колонией отдельных пунктов договора, в частности, что она «доставляла мало молока» (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 176). При правильной организации сбыта и хранения продукции фермерского хозяйства, колония могла

бы получить существенный доход и направить его на улучшение быта и пищевого довольствия воспитанников, как это делало руководство Иркутского приюта. Ряд современных исследователей, основываясь на общероссийской статистике, отмечает, что с годами происходило увеличение доходов от хозяйственной деятельности самих исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних (Иваняков, 2010; 159–160; Никифорова, 2012: 152).

Очевидно, что система воспитания и обучения, сложившаяся в Иркутском приюте, более соответствовала своему предназначению. Школьное обучение здесь стремились согласовать с программами начальных народных училищ, дифференцировать для групп воспитанников: неграмотных, малограмотных и окончивших курс в начальных училищах. Учебный процесс проходил в два семестра: 1) с 1 сентября по 23 декабря и 2) с 01 января по 15 мая. Занятия начинались с 8:30 час. утра и продолжались до 12 час. дня, а для приготовления уроков давалось 1,5 часа вечером. Предметы занятий распределялись в течение недели так: закон Божий (3 урока), русское чтение (3), церковно-славянское чтение (2), арифметика (3), орфография (4), каллиграфия (1), пение (2). Из лучших воспитанников был составлен небольшой хор, который безвозмездно пел в церкви, которую они посещали на богослужение. Пению обучал директор приюта, а один из надзирателей по вечерам преподавал воспитанникам военную гимнастику и строевой марш. Распределение ежедневных занятий воспитанников приюта устанавливал педагогический совет и комитет общества с таким расчетом, чтобы у воспитанников «свободного времени оставалось лишь столько, сколько необходимо нужно было для принятия пищи и отдыха», чтобы они могли приучаться к труду и «невозможности отдаваться своим дурным привычкам». В выходные и праздничные дни, а также по вечерам велись с воспитанниками духовно-нравственные беседы, во время которых им разъяснялись «преступность воровства, неприличие употребления бранных слов, позор лжи и обмана»; сообщались сведения по русской истории, географии, и естествознанию, преимущественно по огородничеству и пчеловодству; читались отрывки из сочинений русских писателей, доступных пониманию подростков. При школе приюта имелась библиотека, укомплектованная 142 книгами, пожертвованными членом комитета общества В. Ф. Колыгиным и его супругой (Отчет, 1900: 13–15; Иркутское общество, 1914: 8).

Кроме классных занятий, на обязанностях воспитанников лежали: дежурства по кухне, уборка двора, пилка и колка дров, топка печей, уход за домашними животными и другие виды работ, связанные с самообслуживанием, хозяйственными работами, улучшающими уклад повседневной жизни в заведении. Большинство воспитанников, под руководством мастера занимались столярным ремеслом, выполняя работы на заказ или для нужд приюта; ассортимент изделий включал различную мебель, тележки, оконные рамы, классные доски с подставкой, лесенки для цветов и т.п. С апреля по октябрь предпочтение отдавалось сельскохозяйственным работам. В обоих случаях деятельность была доходной, в сумме чистая прибыль составляла более 780 руб. в среднем в год (Отчет, 1900: 16–18; Иркутское общество, 1914: 9, 13). Часть результата работ огородничества (выращивались картофель, огурцы, морковь, свекла, редька, капуста белокочанная) оставлялась для нужд приюта, что позволяло улучшить питание воспитанника, на содержание которого средства начислялись в двойном размере вещевого и продовольственного довольствия, установленного на взрослого арестанта в местных тюрьмах. Продовольствие выдавалось по табели, выработанной членом комитета общества доктором Г.И. Губкиным. Суточный рацион, в расчете 20 коп. на человека, включал: говядину средней жирности 204,75 гр. (здесь и далее пересчитано в граммы с фунта), ржаной хлеб 1023,75 гр., картофель 409,50 гр., крупы 204,75 гр. масло и сало по 25,59 гр., а также картофельную муку, овощи и зелень. В праздничные дни часть ржаного хлеба заменяли булкой, добавляли молоко и кусок сахара; дополнительно к обеду и ужину – чай с молоком и черным хлебом; в пост вместо мяса выдавали горох и рыбу. Также определялся табель одежды, белья, обуви, утвари и др. необходимых для воспитанников приюта вещей. Например, учитывая продолжительный срок службы некоторых вещей (шубы, тюфяка и др.), годовая смета составлялась с учетом экономии: вместо 50 руб. – 35 руб. (Иркутское общество, 1914: 19).

«В виду испорченности "материала", над которым приходится работать воспитателям в колониях малолетних преступников – здесь более чем в каких бы то ни было учебно-воспитательных заведениях необходима индивидуализация воспитания» – писал в начале XX в. правовед, политический деятель и публицист В.Ф. Залесский (Залесский, 1916: 562). Прежде всего, воспитательный персонал заведения должен был создать атмосферу доверительности отношений с воспитанниками, обладать достаточной психолого-педагогической грамотностью, чтобы иметь сведения о прежней жизни воспитанника и его семейной обстановке, знать его характер, наклонности, степень умственного развития, особенности нравственных качеств и состояние здоровья. Для удовлетворения практической потребности в более систематическом изучении личности воспитанника, врачи заведений ежеквартально вносили в санитарный лист данные антропологического (рост, вес, объем грудной клетки) исследования, физического и психического здоровья. Съезды представителей воспитательно-исправительных заведений, которые начали свою деятельность в России в 1881 г., предлагали заведениям специальные листы для фиксации результатов исследования воспитанников по следующим разделам: данные антропологического исследования, данные физического здоровья, данные психического здоровья, характеристика

личности. Характеристику личности рекомендовалось составлять воспитательному персоналу, основываясь на анализе и формах проявления религиозных, нравственных, эстетических и низших (прожорливость, любовь к лакомству и др.) чувств воспитанника, оценке его отношения к товарищам, приюту, к людям вообще, к общественным требованиям и обязанностям. Достаточно подробно изучалось проявление волевых качеств личности (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1. Л.1 об.–4 об.).

О поведении каждого воспитанника и его прилежании в школе и на практических занятиях воспитатели вносили записи в особые «кондуитные» тетради. Из отчетных материалов о деятельности Иркутского приюта следует, что поведение воспитанников было удовлетворительным; их проступки «носили характер заурядного свойства шалостей детей улицы, выросших без надзора и чьего либо нравственного воздействия». Дисциплинарные взыскания, налагавшиеся на воспитанников, были: «выговор наедине, выговор публичный, лишение места за столом, лишение одного блюда или порции говядины, оставление на хлебе и воде, лишение вечернего чая, лишение игры на свободе в часы отдыха, назначение на домашнюю работу не в очередь, лишение права пользоваться отпуском к родным и заключение в карцер на срок не свыше 3 дней» (Отчет, 1900: 13). Поэтому нельзя согласиться с утверждением одного из авторов, что «к несовершеннолетним осужденным не применялись такие меры дисциплинарного воздействия, как помещение в карцер, лишение права на свидание с родственниками и близкими» (Детков, 2000: 17).

К числу поощрения воспитанников относились: оказание различных видов доверия; назначение пособий деньгами или вещами; предоставление трехдневного отпуска для посещения родителей и родственников, «известных управлению приюта своею благонадежностью в нравственном отношении» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 9об., 10). Воспитанники, не имеющие состоятельных родителей или родственников, при выпуске из приюта получали неформенную одежду, необходимые орудия по избранному им ремеслу и денежное пособие на проезд. С этой целью приют располагал специальным фондом «на выдачу пособий выпущенным из Иркутского исправительного приюта воспитанникам», основанном на целевом пожертвовании почетного члена общества А.В. Витте (Отчет, 1900: 4). На наш взгляд, эти меры имели важное значение для дальнейшей ресоциализации несовершеннолетнего.

4. Заключение

Материалы проведенного исследования показали, что результат работы того или иного исправительно-воспитательного заведения зависел в большей мере не от финансовой составляющей (хотя это тоже важный фактор), а от личностных и профессиональных способностей, умений и навыков персонала, понимания им задач исправительного воспитания, правильной организации педагогического процесса. С точки зрения исправления несовершеннолетних требовалось создать благоприятные условия содержания (питание, лечение и проч.), на основе которых могла происходить подготовка их к жизни вне заведения – это обучение ремеслу, получение образования.

Литература

- Баранов 2009 – Баранов Ю.В. Проблемы ресоциализации и механизма ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания // *Уголовное право*. 2009. № 5. С. 11-13.
- Беляева, 1995 – Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995. 100 с.
- Беляева, 1998 – Беляева Л.И. Учреждения для несовершеннолетних в России (история вопроса). Белгород, 1998. 93 с.
- Беляева, 2015 – Беляева Л.И. Отечественный опыт предупреждения правонарушений несовершеннолетних (середина XIX – начало XX вв.) // *Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правопримирения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола*. Вып.6. / ред. П.А. Капустюк, отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск, 2015. С. 173-177.
- Васильева, 2015 – Васильева С.А. Первый исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних в Рязанской губернии // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2015. № 11 (162). С. 2-6.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Давыдова, Данилин, 2013 – Давыдова Н.В., Данилин Е.М. Особенности состояния здоровья несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК уголовно-исполнительной системы России // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2013. № 3. С. 1-4.
- Детков, 2000 – Детков М.Г. Исторические аспекты исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних преступников // *Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних*. М., 2000. С. 6-19.
- Дриль 1905 – Дриль А.Д. Постановка исправительного воспитания в России // *Тюремный вестник*. 1905. № 5. С. 350-358.
- Залесский, 1916 – Залесский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. 714 с.

- Земледельческие колонии, 1870** – Земледельческие колонии и ремесленные приюты как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей. СПб., 1870. 38 с.
- Иваняков, 2010** – *Иваняков Р.И.* Финансовое обеспечение воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников и правонарушителей в дореволюционной России // *Вестник Владимирского юридического института.* 2010. № 2. С. 158-161.
- Иркутское общество, 1914** – Иркутское Общество воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Иркутск, 1914. 32 с.
- Курас, 2015** – *Курас С.Л.* Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // *Власть.* 2015. № 1. С. 185-188.
- Лаврентьев, 2010** – *Лаврентьев М.В.* Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) // *История государства и права.* 2010. № 12. С. 35-38.
- Люблинский, 1923** – *Люблинский П.И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. 300 с.
- Михиенков, 2012** – *Михиенков Е.Г.* Помощь общественных объединений Томской губернии осужденным, освобожденным из мест лишения свободы в период с 1905 по 1917 гг. // *Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах.* Рязань, 2012. Вып. 6. С. 59-65.
- Никифорова, 2012** – *Никифорова И.А.* Финансово-хозяйственное обеспечение деятельности исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков // *Вестник Чувашского университета.* 2012. № 4. С. 150-154.
- Отчет, 1900** – Отчет о деятельности Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1899 г. Иркутск, 1900. 22 с.
- Потерянные для правосудия, 2008** – Потерянные для правосудия: Восточная Европа и Центральная Азия: дети в конфликте с законом. Geneva, 2008. 64 с.
- Синова, 2014** – *Синова И.В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014. 287 с.
- Тебиев, Коркищенко, 2005** – *Тебиев Б.К., Коркищенко О.А.* Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII – начала XX века; изд. 2-е, исправ. М., 2005. 139 с.
- Фролова, 2015** – *Фролова И.В.* Исправительные учреждения и воспитательные приюты для детей во второй половине XIX – начала XX вв. (на материалах Новгородской и Псковской губерний) // *Universum: Общественные науки: электронный научный журнал.* 2015. № 6 (16). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2271>
- Хареева, 2016** – *Хареева О.В.* История создания и деятельности курской исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних преступников мужского пола (вторая половина XIX – начало XX века) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* 2016. № 2 (38). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf>
- Kattsina, 2017** – *Kattsina T.A.* Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 44, Is. 2. pp. 533-541.
- Mill, 2010** – *Mill T.* Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main, 2010. XI, 395 p.

References

- Baranov, 2009** – *Baranov Yu.V.* (2009). Problemy resotsializatsii i mekhanizma resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody i osvobozhdenykh ot etogo nakazaniya [Problems of resocialization and the mechanism of resocialization of convicted persons to deprivation of liberty and released from this punishment]. *Criminal law.* № 5. pp. 11-13. [In Russian]
- Belyaeva, 2015** – *Belyaeva L.I.* (2015). Otechestvennyy opyt preduprezhdeniya pravonarusheniy nesovershennoletnikh (seredina XIX – nachalo XX vv.) [Domestic experience of the prevention of offenses of minors (the middle of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. *Ugolovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimireniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy vserossiyskogo kruglogo stola.* Vyp.6. Irkutsk. pp. 173-177. [In Russian]
- Belyaeva, 1995** – *Belyaeva L.I.* (1995). Stanovlenie i razvitie ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The formation and development of correctional institutions for minor offenders in Russia (the middle of XIX – early XX centuries)]. М. 100 p. [In Russian]
- Belyaeva, 1998** – *Belyaeva L.I.* (1998). Uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh v Rossii (istoriya voprosa) [Facilities for juveniles in Russia (the background of the question)]. Belgorod. 93 p. [In Russian]
- Davydova, Danilin, 2013** – *Davydova N.V., Danilin E.M.* (2013). Osobennosti sostoyaniya zdorov'ya nesovershennoletnikh osuzhdennykh, sodержashchikhsya v VK ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii [The health characteristics of juvenile offenders contained in the EC of the criminal-executive system of Russia]. *Penal system: law, economics, management.* № 3. pp. 1-4. [In Russian]

- Detkov, 2000** – *Detkov M.G.* (2000). Istoricheskie aspekty ispolneniya ugolovnykh nakazanii v videlisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnikh prestupnikov [Historical aspects of the execution of criminal punishments of deprivation of liberty of juvenile offenders]. *Topical problems of execution of punishment regarding the juvenile*. M. 6-19 p. [In Russian]
- Dril', 1905** – *Dril' A.D.* (1905). Postanovka ispravitel'nogo vospitaniya v Rossii [Statement of correctional education in Russia]. *Prison vestnik*. № 5. pp. 350-358. [In Russian]
- Frolova, 2015** – *Frolova I.V.* (2015). Ispravitel'nye uchrezhdeniya i vospitatel'nye priyuty dlya detey vo vtoroy polovine XIX – nachala XX vv. (na materialakh Novgorodskoy i Pskovskoy guberniy) [Reformatories and orphanages in the second half of XIX – beginning of XX centuries (a case study of Novgorod and Pskov)]. *Universum: Social Science*. № 6 (16). URL: [Unihttp://7universum.com/ru/social /archive/item /2271](http://7universum.com/ru/social/archive/item/2271) [In Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk Krai].
- Irkutskoe obshchestvo, 1914** – Irkutskoe Obshchestvo vospitatel'no-ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh [Irkutsk Society of the educational-correctional institutions for minors]. Irkutsk, 1914. 32 p. [In Russian]
- Ivanyakov, 2010** – *Ivanyakov R.I.* (2010). Finansovoe obespechenie vospitatel'no-ispravitel'nykh uchrezhdenii dlya nesovershennoletnikh prestupnikov i pravonarushitelei v dorevolyutsionnoi Rossii [Financial provision of the educational-correctional institution for juvenile offenders and offenders in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik of Vladimir law institute*. № 2. pp. 158-161. [In Russian]
- Kattsina, 2017** – *Kattsina T.A.* (2017). Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. *Bylye Gody*. Vol. 44, Is. 2. pp. 533-541.
- Khareeva, 2016** – *Khareeva O.V.* (2016). Istoriya sozdaniya i deyatelnosti kurskoy ispravitel'noy zemledel'chesko-remeslennoy kolonii dlya nesovershennoletnikh prestupnikov muzhskogo pola (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [History of creation and activity of the Kursk corrective labor agricultural and craft colony for male juvenile offenders (the second half of XIX – the beginning of the XX century)]. *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*. № 2 (38). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf> [In Russian]
- Kuras, 2015** – *Kuras S.L.* (2015). Sistema organizatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v dorevolyutsionnoy Rossii [System of the organization of correctional facilities for minors in pre-revolutionary Russia]. *Vlast*. № 1. pp. 185-188. [In Russian]
- Lavrent'ev, 2010** – *Lavrent'ev M.V.* (2010). Saratovskiy ispravitel'nyy priyut imeni M.N. Galkina-Vraskogo (1873–1917 gg.) [The Saratov corrective shelter of M. N. Galkin-Vrasky (1873–1917)]. *History of State and Law*. № 12. pp. 35-38. [In Russian]
- Lyublinskiy, 1923** – *Lyublinskiy P.I.* (1923). Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste (sotsial'no-pravovye ocherki) [Crime control at children's and youthful age (social and legal sketches)]. M. 300 p. [In Russian]
- Mikhienkov, 2012** – *Mikhienkov E.G.* (2012). Pomoshch' obshchestvennykh ob"edinenii Tomskoi gubernii osuzhdennym, osvobozhdennym iz mest lisheniya svobody v period s 1905 po 1917 gg. [Assistance of public associations in the province of Tomsk convicted persons, released from places of deprivation of liberty in the period from 1905 to 1917]. *Humanities-penitentiary vestnik: scientific and journalistic almanac. Ryazan'*. Vyp. 6. pp. 59-65. [In Russian]
- Mill, 2010** – *Mill T.* (2010). Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main. XI, 395 p.
- Nikiforova, 2012** – *Nikiforova I.A.* (2012). Finansovo-khozyaystvennoe obespechenie deyatelnosti ispravitel'no-vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov [The financial and economic security of the correctional and educational institutions for juveniles in the Russian Empire in the second half of XIXth – early XXth century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. № 4. pp. 150-154. [In Russian]
- Otchet, 1900** – Otchet o deyatelnosti Irkutskogo Obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1899 g. [The report on activity of the Irkutsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1899]. Irkutsk, 1900. 22 p. [In Russian]
- Poteryannye dlya pravosudiya, 2008** – Poteryannye dlya pravosudiya: Vostochnaya Evropa i Tsentral'naya Aziya: deti v konflikte s zakonom. [Lost to justice: Eastern Europe and Central Asia: children in conflict with the law]. Geneva, 2008. 64 p. [In Russian]
- Sinova, 2014** – *Sinova I.V.* (2014). Deti v gorodskom rossiiskom sotsiуме vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: problema sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya [Children in urban russian socium in the second half of XIX – early XX centuries: the problem of socialization, deviance and abuse]. SPb. 287 p. [In Russian]
- Tebiev, Korkishchenko, 2005** – *Tebiev B.K., Korkishchenko O.A.* (2005). Gosudarstvo, obshchestvo i «trudnye deti» v dosovetskoy Rossii: gosudarstvenno-pravovaya mysl', sotsial'naya politika i obshchestvenno-blagotvoritel'naya deyatelnost' po preduprezhdeniyu prestupnosti i beznadzornosti nesovershennoletnikh v Rossii XVIII – nachala XX veka [The state, society and "difficult children" in pre-

Soviet Russia: a state and legal thought, social policy and public charity on crime prevention and neglect of minors in Russia XVIII – the beginnings of the XX century]; izd. 2-e, isprav. M. 139 p. [In Russian]

Vasil'eva, 2015 – Vasil'eva S.A. (2015). Pervyi ispravitel'no-vozpitateľnyi priyut dlya nesovershennoletnikh v Ryazanskoj gubernii [The first corrective and educational shelter for minors in Ryazan province]. *Statement of the penal system*. № 11 (162). 2-6 p. [In Russian]

Zalesskii, 1916 – Zalesskii V.F. (1916). Popechenie o besprizornykh i pokinutykh detyakh [The care of homeless and abandoned children]. Kazan'. 714 p. [In Russian]

Zemledeľcheskie kolonii, 1870 – Zemledeľcheskie kolonii i remeslennye priyuty kak vozpitateľnye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh prestupnikov i bednykh detei [Agricultural colonies and craft shelters as an educational institution for juvenile offenders and poor children]. SPb., 1870. 38 p. [In Russian]

UDC 94:364-78(571.1/5) «18/19»

Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних в губерниях Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.: замысел и результат

Татьяна Анатольевна Катцина^{a,*}, Наталья Витальевна Высоцкая^a, Елена Юрьевна Черкашина^a, Екатерина Вадимовна Потапова^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме социального контроля за исправлением личности несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом. Содержит обобщенный материал об условиях содержания и воспитания несовершеннолетних, помещенных в Красноярскую воспитательно-исправительную колонию и Иркутский исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних имени П.П. Сукачева. В конце XIX – начале XX вв. на обширной территории Восточной Сибири это были единственные заведения, где тюремный режим заменялся воспитательно-трудовым воздействием, духовно-нравственным воспитанием и обучением несовершеннолетнего. Между тем, и по способу функционирования, и по характеру достигнутых результатов, они резко контрастировали между собой. Статья основана на совокупности опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, исследовательской литературы, тематически связанных с освещаемым вопросом. Материалы о работе Красноярской воспитательно-исправительной колонии, извлеченные из фондов государственного архива Красноярского края, впервые введены в научный оборот. Они не позволяют в целом положительно оценить деятельность заведения по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Предварительные выводы сведены к тому, что результат работы исправительно-воспитательного заведения зависел в большей мере не от финансовой составляющей (хотя это тоже важный фактор), а от личностных и профессиональных способностей, умений и навыков персонала, понимания им задач исправительного воспитания, правильной организации педагогического процесса. Полученные данные способствуют созданию целостного представления об уровне развития исправительных учреждений российского общества и сибирского социума в частности, ликвидируют территориальные диспропорции в изучаемой теме, расширяют возможности для сравнительных исследований.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, несовершеннолетние правонарушители, исправительное воспитание, земледельческие колонии, ремесленные приюты.

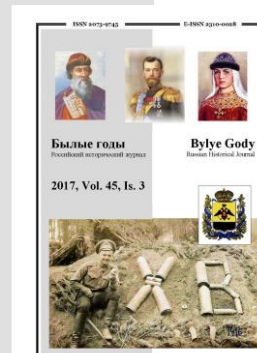
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), vysotskaya25@yandex.ru (Н.В. Высотская), chhelene@yandex.ru (Е.Ю. Черкашина), potapowa.catia2011@yandex.ru (Е.В. Потапова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1003-1009, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1003
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 392.123: 343.622: 908

Infanticide and Abortion as a Social Phenomenon of the late 19th – early 20th century

Oksana V. Ustinova ^{a, *}

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article, based on archival documents, periodicals, and ethnographic sources are explored infanticide and abortion in rural Russia in the late XIX – early XX century. Huge infant mortality in this period is seen as a severe consequence of life in rural areas, the poor conditions of gestation and birth, newborn care, nutrition. It is shown that in this period increases the number of abortions, planned by the woman herself, and committing to this end, all sorts of rituals and other actions to get rid of the fetus. It is established that the Code about punishments of criminal and corrective 1885, although provided the penalty for murder, abortion, and concealing a stillborn child, but at the same time, contained many mitigating circumstances, but its use was complicated by a careful concealment of female crime. Even more significant concessions in respect of these crimes have been legalized in the Criminal code of 1903, when the servitude was replaced by a prison sentence.

It is revealed that in the study period, the criminal penalty for abortion did not reduce their number, and led to increase in illegal abortions. Compliance with laws regarding prohibitions on abortion, and their production was very low because of the careful concealment of abortion women.

It is established that in the early twentieth century, mass migration of rural population to the cities has greatly affected his premarital and marital behavior had a negative impact on the statistics of abortion.

Keywords: infanticide, abortion, punishment, rural population, Russia in the late XIX – early XX century.

1. Введение

В конце XIX – начале XX века в связи с увеличением числа аборт и случаев инфантицида возникает настоятельная необходимость введения системы наказаний за их совершение. С 1864 г. детоубийство, как особое преступление, рассматривалось судами присяжных. Это обстоятельство повлекло послабление ответственности и смягчение наказаний за него. В отношении совершивших столь жестокое преступление повсеместно выносились оправдательные приговоры, а суровые наказания заменялись мягкими.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование реализовано преимущественно на основе архивных документов, периодических изданий, этнографических источников, затрагивающих проблему инфантицида и аборт в сельской России в конце XIX – начале XX века.

Среди методов исследования были использованы:

- нарративный метод, позволивший последовательно изложить выявленные тенденции в отношении особенностей репродуктивного поведения сельского населения в исследуемый период;

* Corresponding author

E-mail addresses: sema_79@bk.ru (O.V. Ustinova)

- контент-анализ периодических изданий («Судебный вестник», «Юридический вестник»), с помощью которого исследованы описания и нравственные осуждения совершенных детоубийств;
- историко-системный подход, посредством которого удалось установить корреляции между социальными факторами, характеризующими сельскую жизнь конца XIX – начала XX века и исследуемыми явлениями.

3. Обсуждение

Историко-правовой анализ заявленной темы позволяет сгруппировать имеющиеся научные труды по периоду публикации и предмету исследования, в качестве которого выступают: роль церкви в борьбе инфантицидом и абортами; юридические аспекты борьбы с инфантицидом и абортами; инфантицид как социальное и демографическое явление. Необходимо отметить, что исследования феномена детоубийства нередко разделяются учеными на убийство ребенка в утробе матери (аборт) и убийство рожденного младенца (инфантицид).

Инфантицид – это умышленное лишение жизни ребенка; умерщвление детей по экономическим, религиозным, политическим или социальным причинам. Аборт (искусственный аборт, от лат. Abortus – выкидыш) – искусственное прерывание беременности.

Единичные научные работы дореволюционного периода раскрывают в целом быт и репродуктивное поведение населения исследуемого периода (Боровитинов, 1905, Бородаеский, 1898). Примерно в этот же период выходят юридические издания «Судебный вестник», «Юридический вестник», содержащие описания и нравственные осуждения совершенных детоубийств (Любавский, 1863; Судебный..., 1868). Немалоизвестной стала работа М.Н. Гернета, изучающего общественные причины детоубийств в обозначенную эпоху (Гернет, 1911).

В советский период примечательной явилась работа западного ученого, исследовавшего инфантицид в России, Д. Рэнсела, описавшего особенности практик деторождения россиянок, способы ухода за младенцами и особенности воспитания детей в крестьянских и дворянских семьях XIX в. (Ransel, 1978).

Из более современных работ можно выделить исследования В.Л. Дьячкова, который на основе анализа погодных данных об основных показателях демографического поведения нескольких сельских и городских приходов Тамбовской губернии более чем за 150 лет (с середины XVIII до начала XX в.) выявил, помимо прочего, особенности репродуктивного поведения населения (Дьячков, 1999). Другими именитым демографом современности, А.Г. Вишневым, достаточно глубоко исследованы данные явления в контексте воспроизводства населения России (Вишневский, 2016).

Необходимо отметить и работы ученых, исследовавших обозначенные явления через изменение сексуального и социального поведения населения (Кузнецова, 1995).

Историко-правовое исследование инфантицида и криминального аборта в сельской России конца XIX – начале XX в. осуществлено современным историком В.Б. Безгиным (Безгин, 2001; Безгин, 2004). Ученый, опираясь на данные архивных документов, выявил оценки детоубийства государственным законодательством и обычным правом крестьян, а также отношение к этому виду преступления жителей русской деревни. Необходимо отметить также работы Б.Н. Миронова, профессора истории и социологии, исследовавшего, помимо прочего, вопросы детоубийства в царской России (Миронов, 2000; Миронов, 2015).

Изучению правовой ментальности российских крестьян второй половины XIX в. посвятили труды и зарубежные историки, в частности, St.P. Frank, C. Frierson (Frank, 1987; Frierson, 1987).

4. Результаты

Население России конца XIX века было преимущественно сельским (85,3 %) и православным (83,58 %) (Общий..., 1905), что обусловило всецелое влияние церкви на его репродуктивное поведение. Сельское население, придерживающееся православных традиций и заповедей, детоубийство воспринимало как тяжкий грех и преступление. Детоубийство и изгнание плода народ воспринимал как наиболее тяжкий грех (РГИА, Ф. 950. Оп. 1. Д. 273. Л. 4). И хотя, в Библии нет ни прямых, ни синонимичных употреблений слова «аборт», Священное Писание косвенно указывает на греховность этого явления. Ветхий завет содержит указание на самопроизвольный аборт, рассматривая его как преступление, хотя и случившееся не по вине женщины – «когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда», виновный должен выплатить пеню, определяемую мужем потерпевшей (Ветхий Завет. Исход. 21:22).

В дореволюционной России, согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» от 1885 г. ст. 1451, за убийство новорожденного ребенка женщина несла суровое наказание в виде каторги от 10 до 12 лет или тюремного заключения от 4 до 6 лет (Уложение ... 1885: ст. 1451). Смягчающими обстоятельствами могло служить оставление ребенка живым, но брошенным без помощи от «стыда и страха», которое наказывалось заключением до двух лет или ссылкой на поселение (Уложение ... 1885: ст. 1460. ч.1); убийство матерью новорожденного внебрачного ребенка, совершенное от стыда или страха, но при условии доказательства, что ранее подобного деяния женщина не совершала (Уложение ... 1885: ст. 1451. ч. 2. п. 2); непредумышленное убийство матерью

внебрачного ребенка, когда «виновная в оном женщина, особенно если она незамужняя и разрешилась от бремени в первый раз» (Уложение ... 1885: ст. 1451. ч. 2. п. 3).

Что касается аборта, то Уложением 1885 г. (Уложение... 1885: ст. 1461) предусмотрено наказание за производство аборта «без ведома и согласия беременной»; с ведома и согласия беременной (Уложение ... 1885: ст. 1462), когда кто-либо: «с ведома и согласия самой беременной женщины употребит с умыслом какое-либо средство для изгнания плода ее». В этом случае беременная женщина лишается всех прав состояния и заключается в тюрьму на срок от 4 до 5 лет, а тот, кто «употребил с умыслом какое-либо средство» (т.е. помог беременной в этом деянии) подвергается лишению всех прав состояния и отдаче в исправительные арестантские отделения на срок от 5 до 6 лет.

Уложение предусматривало также наказание за сокрытие мертворожденного ребенка в виде заключения на срок от четырех до восьми месяцев (Уложение... 1885: ст. 1460).

Огромная младенческая смертность в то время, помимо прочего, объясняется плохими условиями вынашивания плода и родов, ухода за новорожденными, их питания. Как правило, «беременная женщина работает практически до начала родов. Вновь начинает работать через три-четыре дня после родов» (Быт..., 1993: 264). Ребенок деревенской России с первых же дней своей жизни поставлен в самые невыгодные условия ухода вообще и питания, в частности (Глебовский, Гребенщиков, 1907: 271). Женщине приходилось во время беременности справлять всю домашнюю работу, и в поле – вязать, полоть, молотить, брать коноплю, сажать или копать картофель, вплоть до самых родов. Иная баба при начавшихся родовых схватках бежит домой, "как овченка": приляжет во время схваток на землю, а как боли отпустят, опять бежит, благим матом: "как овченка бежит, трясется" (Семенова-Тян-Шанская, 1995: 13).

В период с 1888 г. по 1893 г. зарегистрировано 7445 детоубийств, из которых 82 % совершены в селах и деревнях (Гергнет, 1911: 143). То есть, детоубийство младенцев на селе было куда более частым, нежели в городах, событием. Например, по сведениям Курской губернии, только за декабрь 1917 г. зафиксировано три преступления: «в с. Линове крестьянка Анна Исаева, закопала рожденного ребенка в солому»; «В с. Верхней Сагаровке крестьянская девица Анастасия Коломийцева родила ребенка и закопала его в землю»; «в хуторе Казацко-Рученском крестьянка Евдокия Круговая, родив ребенка, закопала его в сарае» (ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 198. Л. 20, 21).

Учитывая плодовитость деревенской женщины и рождение ею за свою жизнь большого числа детей (выходя замуж в 16–19 лет), к смерти младенцев на селе относились спокойно – «Бог дал – Бог взял». В условиях тяжелого труда и бедности сельской семьи появление лишнего рта, считалось обузой, поэтому матери начинали обыкновенно тяготиться уже третьим ребенком (Семенова-Тян-Шанская, 1995: 16). К концу XIX века преимущества большой семьи уже не перекрывали ее недостатков, жить в такой семье становилось все более тягостно (Демографическая..., 2006: 128).

По архивным данным уголовной статистики во второй половине XIX в. число детоубийств и оставленных матерью детей без помощи в стране возрастает. Если в период 1879–1888 гг. за это преступление была осуждена 1481 женщина, то за период 1889–1898 гг. – уже 2276 (Гернет, 1911).

Ведение статистики совершенных детоубийств осложнялось латентностью преступлений, да и местные жители были далеки от выявления объективных причин случившегося, объясняя произошедшее неверностью мужу, нерадивостью женщины в молитве, зачатием под праздник (Безгин, 2004: 112). Многие из них расценивались как случайные. Но «случайность» зачастую планировалась самой женщиной. Она не только молилась о желательном нерождении ребенка или о смерти нежелательного ребенка, но и совершала всяческие обряды, провоцирующие выкидыш. Для избавления от беременности глотала ртуть или разведенный водой порошок, менструальные выделения, смешанные с мочой. В любом случае, причины выкидышей в большинстве случаев были неизвестны, но, вероятно, значительная часть из них были искусственными (Сакевич, 2003). Если младенец все же появлялся на свет, для избавления от нежелательного ребенка женщинами практиковалось «присыпание» младенца, когда она, положив его рядом с собой, в глубоком сне, случайно наваливаясь, душила новорожденного (Русские..., 2005–2008. Т. 3: 559). Известный демограф современности А.Г. Вишневский, описывая репродуктивное поведение российских крестьян того времени, указывает, что в России крестьяне практически не знали аборта, которое заменялось детоубийством новорожденных детей (Вишневский, 2016: 23).

Мертворожденных, младенцев, умерших до крещения и регистрации, так называемых мнимоумерших, которых и не стремились оживлять в тогдашней деревне, и выкидышей в метрических книгах не регистрировали, зато отмечали в родильных отделениях или при приеме родов медиком на дому. Доля таковых в общем числе деторождений и в отношении к числу живых была очень значительной (Дьячков, 1999: 72-75).

Постепенно церковное влияние дополнилось освещением журналистами проблемы в газетах и выступлениями ученых на различных научных съездах. В 1889 году на третьем съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова с докладами, направленными на смягчение российского законодательства в отношении аборт и признание аборта законным в исключительных случаях, выступили П. Зейдлер и Н. Тальберг (Пирогов..., 1911). Выпускается «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова» (1895–1908; с 1909 – «Общественный врач»).

В иных деревнях предпринимались попытки проявить общественную бдительность по предотвращению совершения беременной женщиной аборта или детоубийства. Так, местные жители Новгородской губернии (1899 г.), как только узнавали, что какая-нибудь девица забеременела, сообщали старосте. Тот созывал сход, на котором девицу в присутствии родителей заставляли признаться в беременности, после чего родители и беременная девица выслушивали наказания, чтобы последняя берегла ребенка в целости, а ее родители присматривали за ней, дабы не пришлось отвечать в случае греха (*Русские...*, 2005–2008. Т. 7. Ч. 3: 352-353).

Безусловно, тяжелый быт сельской жизни, работа женщины в поле, уход за скотиной, приводил к выкидышам. За период с 1897 по 1899 гг. в Тамбовском уезде на 2164 учтенных медиками родовспоможений пришлось 267 мертворожденных, 142 мнимоумерших и 187 выкидышей, или 35 % от числа родившихся живыми. Тем не менее, большой показатель выкидышей объясняется намеренными действиями женщины по избавлению от будущего ребенка (*Безгин, 2004*).

Начиная с 1903 г. наказание за детоубийство в виде каторги заменяется тюремным сроком от 1,5 до 6 лет. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. (ст. 461) наказывает мать, виновную в убийстве прижитого ею вне брака ребенка при его рождении, заключением в исправительный дом (*Уголовное...*, 1903).

Статистика того времени свидетельствует о практической невозможности соблюдения законодательного запрета на аборт, что было обусловлено: невозможностью отследить все случаи аборт в силу их тщательного сокрытия женщинами; выявлением, преимущественно только случаев, когда возникали осложнения после аборта, требовавшие оказания срочной медицинской помощи. Поэтому число осужденных за аборт в России незначительное и составило: в 1910 – 20; 1911 – 28; 1912 – 31; 1913 – 60; 1915 – 40; 1916 – 51 (*Гернет, 1927: 13*).

Россия начала XX века, отличительными особенностями которой являлись индустриализация, экономический кризис, миграция сельского населения в города, столкнулась с ослаблением церковного влияния на институты семьи и брака.

Этот исторический этап описывается учеными как период с переориентацией на ценности свободы и независимости, эмансипацию, повлиявшими на трансформацию традиционной, социальной и профессиональной сферы женского мира (*Хлопонина: 19-24*).

Новые тенденции в поведении россиян, обусловленные происходящими изменениями, спровоцировали своего рода перелом менталитета православного населения в отношении аборт. Безусловно, преломление «церковного менталитета» происходило медленно, учитывая устойчивость и консерватизм церковной морали как элемента культуры. Оно, прежде всего, коснулось городского населения, молодежи и интеллигенции.

Менее восприимчивы к таким переменам оказались сельские жители (по большей части глубоко верующие) и старшие поколения (*Кон, 1988: 162*).

Учитывая массовую миграцию сельского населения в города в начале XX века (молодежь с целью обучения, мужчины на заработки) можно говорить об относительно быстром распространении аборт. Если в 1987 городское население составляло лишь 14,7 %, то уже в 1926 -17,7 %, а в 1939 – 33,5 % (*Официальный...*). Молодежь, переезжающая на период обучения в города, мужчины, оставившие на длительное время свои семьи на селе с целью поиска достойной работы, составляли значительную часть населения городов России этого периода. Оторванность от дома, и как следствие, отсутствие контроля со стороны односельчан, родственников, церкви, наличие большого количества новых контактов, более свободный образ жизни городского населения, существенно повлияли на добрачное и брачное поведение населения.

Несмотря на то, что в начале XX века (вплоть до ноября 1920 г.) существовал запрет на производство аборт и строгое наказание за них, несколько изменяется общественное отношение к аборт. В исключительных случаях, когда беременность угрожает жизни и здоровью женщины, аборт рассматривается как медицинская необходимость. На XII Пироговском съезде русских врачей в 1913 г. отмечается важность отмены уголовного наказания за аборт, обусловленная большим числом криминальных аборт. В тоже время, решением съезда отмечается необходимость уголовного наказания за производство криминальных аборт.

5. Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо отметить следующее. Работа в поле, уход за скотиной, и другая физическая работа на селе сказывались на здоровье женщины и вынашивании ребенка в период беременности. Поэтому в исследуемый период наблюдается высокая младенческая смертность.

В условиях бедности сельской семьи, дети, хотя и становились помощниками по ведению домашнего хозяйства, но являлись, в то же время, существенной обузой для родителей. В стремлении избавиться от ребенка, сельская женщина прибегала к избавлению от нежелательного плода как в период беременности, так и при рождении ребенка.

Установлено, что уголовное законодательство за инфантицизм и аборт в дореволюционной России развивалось по пути ослабления ответственности и смягчения наказания за детоубийство.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. хотя и предусматривало наказание за убийство, аборт и сокрытие мертворожденного ребенка, но, в то же время содержало множество смягчающих обстоятельств. Еще более весомые послабления в отношении указанных преступлений были узаконены Уголовным уложением 1903 г., когда каторга была заменена тюремным сроком.

Выявлено, что запрет на аборт и уголовное наказание за их производство не снижали их числа, а приводили к увеличению криминальных абортотворцев. Последние, в свою очередь, производились в антисанитарных условиях неквалифицированными лицами, часто с летальным исходом. Соблюдение законодательства относительно запретов на аборт и их производство было весьма затруднено по причине тщательного сокрытия абортов женщинами.

Основными факторами, обусловившими увеличение числа абортотворцев в начале XX в., явились: ослабление церковного влияния на запреты абортотворства и индустриализация, повлекшая изменение образа жизни и ценностей россиян, и, как следствие, их репродуктивного поведения.

Литература

Безгин, 2001 – *Безгин В.Б.* Добрачные и внебрачные отношения в крестьянской среде второй половины XIX века.: от мужских и женских к гендерным исследованиям. / Материалы Международной научной конференции. / Отв. ред.: П.П. Щербинин. Тамбов, 2001.

Безгин, 2004 – *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В.Б. Безгин. М.; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004.

Боровитинов, 1905 – *Боровитинов М.М.* Детоубийство в уголовном нраве. СПб., 1905. С. 13-14.

Бородаевский, 1898 – *Бородаевский С.В.* Незаконнорожденные в крестьянской среде // *Русское богатство*. 1898. №10. С. 238-241.

Быт... – Быт великорусских крестьян землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авт. сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб.: Европейский дом, 1993.

Вишневский, 2016 – *Вишневский А.Г.* Кто вынашивает запрет на аборт. // *Независимая газета*. 25.10.2016. С. 23-27.

Гернет, 1911 – *Гернет М.Н.* Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование / М.Н. Гернет. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с.

Гернет, 1927 – *Гернет М.Н.* Аборт в законе и статистика абортотворцев. / *Аборты в 1925 году*. М.: ЦСУ СССР, 1927.

Глебовский, Гребенщиков, 1907 – *Глебовский С.А., Гребенщиков В.И.* Детская смертность в России / Общественное и частное призрение в России. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1907.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

Демографическая... – Демографическая модернизация России, 1900–2000. / Под ред. А.Г. Вишневского М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Дьячков, 1999 – *Дьячков В.Л.* Труд, хлеб, любовь и космос, или О факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. / *Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования*. Тамбов, 1999. С. 72-75.

Кон, 1988 – *Кон И.С.* Введение в сексологию. М. 1988. С. 162.

Кузнецова, 1995 – *Кузнецова Л.В.* Изучение сексуальности в России // *Вестник Российской академии наук*. 1995. Том 65. №3. С. 231-234.

Любавский, 1863 – *Любавский А.* О детоубийстве. // *Юридический вестник*. 1863. Вып. 37. №7 С. 21-22.

Миронов, 2000 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2-х т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 2000. Т. 1. 548 с.

Миронов, 2015 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: «Дмитрий Булавин», 2015.

Общий... - Общий свод по империи разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С. 6-7.

Официальный... – Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru.

Пирогов..., 1911 – *Пирогов Н.И.* и его наследие: пироговские съезды. СПб, 1911.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Русские... – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб.: «Деловая полиграфия», ООО «Навигатор». 2005–2008. Т. 1-7.

Сакевич, 2003 – *Сакевич В.* Аборт – кривое зеркало демографической политики. // *Демоскоп Weekly*. 2003. №123-124.

Семенова-Тян-Шанская, 1995 – *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Рязань: Изд-во РГПУ, 1995. 144 с.

Судебный – Судебный вестник. 1868. №19. С. 132.

Уложение... – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.

Уголовное... – Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. М.: Изд. А.Ф. Скорова, 1903. 230 с.

Хлопонина, 2014 – Хлопонина О.О. Женский мир в русской культуре рубежа XIX–XX вв.: типологические характеристики и художественная репрезентация // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. №7. С. 19–24.

Frank, 1897 – Frank St.P. Popular Justice, Community, and Culture among Russian Peasantry: 1870–1900 // *Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 3.

Frierson, 1897 – Frierson C. Crime and Punishment in the Russian Village // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46. No 1.

Ransel, 1978 – Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press, 1978.

References

Bezgin, 2001 – Bezgin V.B. (2001). Dobrachnye i vnebrachnye otnosheniya v krest'yanskoi srede vtoroi poloviny XIX veka.: ot muzhskikh i zhenskikh k gendernym issledovaniyam. [Premarital and extramarital relations in peasant communities in the second half of the XIX century]. / *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. / *Otv. red.: P.P. Shcherbinin*. Tambov. [in Russian].

Bezgin, 2004 – Bezgin V.B. (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka). [Peasant daily (tradition of the late XIX – early XX century)]. / V.B. Bezgin. M.; Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta. [in Russian].

Borovitinov, 1905 – Borovitinov M.M. (1905). Detoubiistvo v ugovnom nrave. [Infanticide in the criminal disposition]. SPb. pp. 13–14. [in Russian].

Borodaevsii, 1898 – Borodaevsii S.V. (1898). Nezakonnorozhdennye v krest'yanskoi srede. [Illegitimate among the peasants]. *Russkoe bogatstvo*. №10. pp. 238–241. [in Russian].

Byt... – Byt velikorusskikh krest'yan zemle pashitsev: Opisanie materialov etnograficheskogo byuro knyazyza V.N. Tenisheva (na primere Vladimirskoi gubernii). [The life of the great Russian peasants the land of pastew: Description of materials of ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenisheva (on the example of the Vladimir province)]. / Avt.sost. B.M. Firsov, I.G. Kiseleva. SPb.: Evropeiskii dom, 1993. [in Russian].

Vishnevskii, 2016 – Vishnevskii A.G. (2016). Kto vynashivaet zapret na abort. [Who bears the ban on abortion]. *Nezavisimaya gazeta*. 25.10.2016. pp. 23–27. [in Russian].

Gernet, 1911 – Gernet M.N. (1911). Detoubiistvo. Sotsiologicheskoe i sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie. [Sociological and comparative legal research] / M.N. Gernet. M.: tip. Imp. Mosk. un-ta, 318 p. [in Russian].

Gernet, 1927 – Gernet M.N. (1927). Abort v zakone i statistika abortov. [Abortion law and abortion statistics]. / *Aborty v 1925 godu*. M.: TsSU SSSR, p. 13. [in Russian].

Glebovskii, Grebenshchikov, 1907 – Glebovskii S.A., Grebenshchikov V.I. (1907). Detskaya smertnost' v Rossii. [The infant mortality rate in Russia]. // *Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii*. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. p. 271. [in Russian].

GA RF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [in Russian].

Demograficheskaya... – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000. [Demographic modernization of Russia]. / Pod red. A.G. Vishnevskogo M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian].

D'yachkov, 1999 – D'yachkov V.L. (1999). Trud, khleb, lyubov' i kosmos, ili O faktorakh formirovaniya krest'yanskoi sem'i vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Work, bread, love and the cosmos, or About the factors of formation of a peasant family in the second half of XIX – early XX century]. / *Sotsial'no-demograficheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv. Sovremennye metody issledovaniya*. Tambov. pp. 72–75. [in Russian].

Kon, 1988 – Kon I.S. (1988). Vvedenie v seksologiyu. [Introduction to sexology]. M. [in Russian].

Kuznetsova, 1995 – Kuznetsova L.V. (1995). Izuchenie seksual'nosti v Rossii. [The study of sexuality in Russia]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. Tom 65. №3. pp. 231–234. [in Russian].

Lyubavskii, 1863 – Lyubavskii A. (1863). O detoubiistve. [About infanticide]. *Yuridicheskii vestnik*. Vyp. 37. №7. pp. 21–22. [in Russian].

Mironov, 2000 – Mironov B.N. (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. V 2-kh t. SPb.: Izd-vo «Dmitrii Bulavin». T. 1. 548 p. [in Russian].

Mironov, 2015 – Mironov B.N. (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. [The Russian Empire: from tradition to modernity]. V 3-kh tomakh. SPb.: «Dmitrii Bulanin». [in Russian].

Obshchii... – Obshchii svod po imperii razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 g. [A common set of development data Empire the first General census of the population produced 28 January 1897]. SPb., 1905. T.I. pp. 6–7. [in Russian].

Ofitsial'nyi... – Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki. [Official site of Federal state statistics service]. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm /connect/ rosstat_main/rosstat/ru. [in Russian].

Pirogov..., 1911 – Pirogov N.I. i ego nasledie: pirogovskie s"ezdy. [Pirogov N.I. and his legacy: Pirogov congresses]. SPB, 1911. [in Russian].

- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 950. Op. 1. [in Russian].
- Russkie... – Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy «Etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva». [The Russian peasants. Life. Gen. Customs. "Materials of Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenisheva"]. SPb.: «Delovaya poligrafiya», ООО «Navigator». 2005–2008. Т. 1-7. [in Russian].
- Savevich, 2003 – *Savevich V.* (2003). Abort – krivoe zerkalo demograficheskoi politiki. [Abortion is the distorting mirror of the demographic policy]. *Demoskop Weekly*. 2003. №123-124. [in Russian].
- Semenova-Tyan-Shanskaya, 1995 – *Semenova-Tyan-Shanskaya O.P.* (1995). Zhizn' «Ivana». Ocherki iz byta krest'yan odnoi iz chernozemnykh gubernii. [The Life Of "Ivan". Sketches from the life of the peasants of the Chernozem provinces]. Ryazan': Izd-vo RGPU. 144 p. [in Russian].
- Sudebnyi – *Sudebnyi vestnik*. 1868. №19. p. 132. [in Russian].
- Ulozhenie... – Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1885 g. [The code about punishments of criminal and corrective 1885]. [in Russian].
- Ugolovnoe... – Ugolovnoe ulozhenie, vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. [Criminal law, the highest approved March 22, 1903]. M.: Izd. A.F. Skorova, 1903. 230 p. [in Russian].
- Khloponina, 2014 – *Khloponina O.O.* (2014). Zhenskii mir v russkoi kul'ture rubezha XIX–XX vv.: tipologicheskie kharakteristiki i khudozhestvennaya. [Women's world in Russian culture of XIX–XX centuries: typological characteristics and artistic representation]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. №7. pp. 19-24. [in Russian].
- Frank, 1987 – *Frank St.P.* (1987). Popular Justice, Community, and Culture among Russian Peasantry: 1870–1900. *Russian Review*. Vol. 46. No. 3.
- Frierson, 1987 – *Frierson C.* (1987). Crime and Punishment in the Russian Village. *Slavic Review*. Vol. 46. No 1.
- Ransel, 1978 – *Ransel D.* (ed.) (1978). The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana: University of Illinois Press.

УДК 392.123: 343.622: 908

Инфантицид и аборт как социальное явление конца XIX – начала XX века

Оксана Вячеславовна Устинова ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе архивных документов, периодических изданий, этнографических источников исследуются инфантицид и аборт в сельской России в конце XIX – начале XX века.

Огромная младенческая смертность в обозначенный период рассматривается как следствие тяжелой жизни на селе, плохих условий вынашивания плода и родов, ухода за новорожденными, их питания. Показано, что в этот же период возрастает число аборт, планируемых самой женщиной, и совершающих с этой целью всяческих обрядов и иных действий по избавлению от плода.

Установлено, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. хотя и предусматривало наказание за убийство, аборт и сокрытие мертворожденного ребенка, но, в то же время содержало множество смягчающих обстоятельств. Еще более существенные послабления в отношении указанных преступлений были узаконены Уголовным уложением 1903 г., когда каторга была заменена на тюремный срок.

Выявлено, что в исследуемый период уголовное наказание за аборт не снижало их числа, а приводило к увеличению криминальных аборт. Соблюдение законодательства относительно запретов на аборт и их производство было весьма затруднено по причине тщательного сокрытия аборт женщинами.

Установлено, что в начале XX века, массовая миграция сельского населения в города значительно повлияла на его добрачное и брачное поведение, что негативно отразилось на статистике аборт.

Ключевые слова: инфантицид, аборт, наказание, сельское население, дореволюционная Россия.

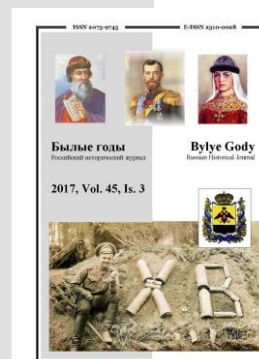
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sema_79@bk.ru (О.В. Устинова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 45, Is. 3, pp. 1010-1024, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.3.1010
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 : 323.1(512.145)"1783/1917"

The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century)

Vladislav V. Dmitriev ^a, Sergey V. Lyubichankovskiy ^{b, *}

^a Sevastopol State University, Russian Federation

^b Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

In the article the author tries to prove or disprove the opinion of some researchers that the Imperial government and the provincial administration pursued a colonial policy in relation to the Crimean Tatars since the end of 18th to the beginning of the 20th century which was aimed at their expulsion from the peninsula. To achieve this goal, the author analyzes the main directions of national policy of Russia towards one of the indigenous ethnic groups of the Crimea. The formation of the normative-legal base that allowed formalizing the rights and privileges of the Tatars is covered. The participation of Crimean Tatars in local government and self-government in which they had significant influence in the first decades after the annexation of Crimea to Russia is shown. The features of the military service of the Crimean Tatars in the Russian army are considered. The author has paid special attention to religious and educational policy of Russia in the Crimea. The causes of a phenomenon of dispossession of land of Tatars and attempt of permission of this problem are considered. The conclusion is drawn that the Russian Empire pursued in the Crimea not colonizer policy, but flexible policy of acculturation.

Keywords: Russia, government, politics, Taurida governorate, colonialism, acculturation, Governor, the Crimean Tatars.

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена как необходимостью учета многовекового исторического опыта России по поддержанию стабильности в многокультурном государстве, так и особым значением Крыма для России. На протяжении столетий территория полуострова являлась многонациональным и многоконфессиональным регионом, одним из коренных этносов которого были крымские татары. Изучение опыта интеграции крымских татар в состав Российской империи, особенностей политики, проводимой царским правительством в Крыму в конце XVIII – начале XX века, может быть полезным на современном этапе развития.

2. Материалы и методы

2.1. При написании статьи, в качестве источников использовались архивные документы; законодательные материалы, такие как Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗРИ); ведомственная документация, в частности ордера князя Г. Потемкина; статистические данные; научные публикации.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности, предполагающие непредвзятый подход к анализу рассматриваемой проблемы.

* Corresponding author

E-mail addresses: svlubich@yandex.ru (S. Lyubichankovskiy)

При написании статьи использовались такие методы исторического исследования, как: проблемно-хронологический, системного анализа, историко-сравнительный и ретроспективный подход. Использованные в работе методы позволили проанализировать основные направления внутренней политики, проводимой царским правительством по отношению к крымским татарам.

3. Обсуждение

Данная тема не была всесторонне изучена в отечественной историографии, хотя имперская политика освоения окраин давно уже является самостоятельным научным направлением (Любичанковский, 2015; Kuliev, 2017). Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы изучались и ранее. Так, вопросы крымско-татарского землевладения затрагивались в работах Ф.Ф. Лашкова (Лашков, 1896а; Лашков, 1896b), Г.Ф. Блюменфельда (Блюменфельд, 1886), С.А. Секиринского (Секиринский, 1886). Военная служба крымских татар изучалась И.М. Муфтизаде (Муфтизаде, 1899), М.В. Масаевым (Масаев, 2003), А.В. Саковичем (Сакович, 2016). Основные направления национально-религиозной жизни крымских татар исследовались учеными Е. В. Бойцовой (Бойцова, 2008), В.Ю. Ганкевичем (Ганкевич, 1998), Э.С. Муратовой, З.З. Хайрединовой (Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов, 2009). Основное внимание исследователей было обращено на эмиграцию крымских татар в Турцию. В связи с массовым выездом татар из Крыма во второй половине XIX – начале XX века, в дореволюционной, советской и отчасти современной историографии сформировалось негативное восприятие правительственной политики по отношению к одному из коренных народов полуострова. (Левицкий, 1882; Сергеев, 1912; Озенбашлы, 1926; Чернышев, 1930; Сейдаметов, 2005; Возгрин, 2013 и 2014). Одним из немногих ученых, занимавших противоположную позицию был А. И. Маркевич (Маркевич, 1928).

Целью данной статьи является анализ основных направлений внутренней политики Российской империи по отношению к крымским татарам на их соответствие основным признакам колониализма.

4. Результаты

В последние несколько десятилетий в исторической науке появились исследования, в которых авторы выдвинули тезис, что российские власти в лице как правительства, так и губернской администрацией Крыма, в период с 1783 по 1917 гг., проводило колонизаторскую политику, направленную на вытеснение с полуострова крымскотатарского народа. Так, исследователь Сейдаметов, рассматривая внутреннюю политику царской России в Крыму, писал: «Эта колонизаторская политика сопровождалась обезземеливанием и закрепощением крымскотатарского населения, грабежами и произволом помещиков и правительственных чиновников, разбоями воинских подразделений, репрессиями, ссылками, надругательством над религиозными чувствами верующих мусульман (Сейдаметов, 2005: 30).

Подобную позицию отстаивает в своих работах ученый В.Е. Возгрин (Возгрин, 2013: 31-32; Возгрин, 2014: 45). Характеризуя политику царского правительства по отношению к крымским татарам в период Крымской войны, он усматривает «отчетливые черты геноцида» (Возгрин, 2014: 45). Именно с политикой российских властей указанные выше ученые связывали массовую иммиграцию татар в Турцию в дореволюционный период.

На протяжении XVIII в. между Россией и Османской империей происходит военно-политическая борьба за контроль над Северным Причерноморьем. Одним из итогов этого противоборства стало включение в состав России территории Крымского полуострова, в основном населенного татарами. Крымские татары, привыкшие столетиями к определенному укладу жизни, болезненно восприняли происходившие перемены. Часть татарского населения единственным выходом из сложившейся ситуации видело в эмиграции на территорию «единоверной» Турции.

Царское правительство своими основными задачами на территории Крыма видело в закреплении полуострова в составе России и в интеграции новых подданных в состав империи с учетом их интересов. Не всегда удавалось решить одновременно эти две задачи, иногда достижение одной задачи могло идти в ущерб другой.

Рассматривая основные направления внутренней политики проводимой Россией в Крыму с конца XVIII до начала XX в., необходимо отметить, что с момента присоединения Крыма к России царское правительство стремилось заручиться поддержкой местного населения. Одним из направлений, проводимых правительством в этой сфере, было законодательное закрепление прав новых подданных.

Уже в своем первом законодательном акте от 8 апреля 1783 г. Екатерина II от своего имени и от лица будущих российских правителей обещала соблюдать личные, имущественные и религиозные права новых подданных (ПСЗРИ. Т. XXI, 1830: 898).

По сути это был юридический документ, декларировавший основные направления внутренней политики государства по отношению к народам Крыма и в первую очередь к крымским татарам. Дальнейшие законодательные акты в основном имели адресную направленность и касались конкретной социальной группы населения.

Для того, чтобы заручиться поддержкой крымско-татарской знати, Екатерина II своим указом от 22 февраля 1784 г. приравнивает их в правах к российскому дворянству. С этого времени татарские беи и мурзы получили право пользоваться большинством преимуществ и выгод, присущих высшему сословию России. Ограничения касались права на приобретение в собственность крепостных или подданных христианского вероисповедания ([ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 51](#)).

Законодательные акты коснулись и других сословий, проживавших в Крыму. Так, указом от 9 ноября 1794 г. подтверждалось право мусульманского духовенства, купцов, мещан, простых татар на свободное владение недвижимым имуществом и распространение этого права на их наследников ([ПСЗРИ. Т. XXIII, 1830: 585-588](#)).

Издание первых законодательных документов, регламентирующих на многие годы права крымских татар, совпало с их первой крупной эмиграцией. Среди причин, выезда одного из коренных этносов Крыма были слухи о распространении на них рекрутской повинности. Для пресечения подобных слухов Высочайшим рескриптом от 17 сентября 1796 г. данным на имя Екатеринославского, Вознесенского и Таврического генерал-губернатора графа П.А. Зубова сообщалось о том, что новые российские подданные, включая и крымских татар, освобождались от рекрутского набора и военного постоя ([Сборник документов, 1896: 96](#)).

Интеграция Крыма в состав России во многом зависела от грамотного управления регионом. Наиболее сложная задача стояла перед первыми руководителями новоприсоединенных земель юга России. Среди них следует выделить Г.А. Потемкина, осуществлявшего общее руководство краем и причастного к преобразованиям в разных сферах жизни региона.

Особой заботой Г.А. Потемкина стала интеграция крымских татар в состав России, предупреждение и пресечение правонарушений со стороны военнослужащих по отношению к местному населению, о чем свидетельствует ряд его распоряжений.

В своем ордере на имя командующего российскими войсками в Крыму генерал-поручика А.Б. Дебальмена от 31 мая 1783 г. Г.А. Потемкин предписывал: «Российские военнослужащие, находящиеся на полуострове не должны причинять обид местному населению и относиться к нему дружелюбно, в противном случае, провинившиеся будут нести ответственность по всей строгости закона» ([Распоряжения светлейшего князя 1881: 265](#)). Несмотря на указанное распоряжение, случаи грабежей со стороны военнослужащих продолжались, но виновные несли справедливое наказание за содеянное.

Для того, чтобы пребывание российской армии не было тяжелым финансовым бременем для жителей полуострова Г.А. Потемкин требовал от командования группы российских войск в Крыму, чтобы заготовки для армии осуществлялись путем покупки у местного населения необходимого продовольствия и фуража. Для их хранения нанимались специальные помещения, за пользование которыми хозяева получали денежную компенсацию ([Распоряжения светлейшего князя, 1881: 280](#)).

Несмотря на проводимые правительством и местной администрацией мероприятия по отношению к крымским татарам, их эмиграция продолжалась. В своих предписаниях Г.А. Потемкин указывал правителю таврической области В.В. Каховскому не препятствовать выезду татар в Турцию. В тоже время в ордере от 9 августа 1784г. он требовал проводить тщательное расследование относительно лиц, подстрекавших татарское население к эмиграции в Турцию. Виновных в подстрекательстве выдворять за пределы России ([Распоряжения светлейшего князя, 1881: 304-305](#)).

Поскольку выезд татар из Крыма продолжался, то в своем ордере, от 16 августа 1787 г., Г.А. Потемкин обращает внимание правителя Таврической области В.В. Каховского на то: «Что новые подданные ни русского языка, ни обычаев наших не знают, поэтому требуют всякой защиты и покровительства со стороны местной администрации» ([Ордера князя Потемкина, 1889: 10-11](#)).

Одним из направлений деятельности царского правительства и администрации региона стало привлечение в органы местного управления крымско-татарской знати. Первым эту практику в Крыму стал вводить Г.А. Потемкин.

Вскоре после присоединения Крыма к России из представителей наиболее знатных татарских родов, проявивших лояльность к новой власти, было создано Крымское земское правительство, просуществовавшее с июня 1783 по июнь 1784 г. В его состав входило около 10 человек среди них: Мехметша-бей Ширинский в качестве наместника, муфтий Гаджи-Казы Ага, кади-аскер Муслидин Эфенди, доверенное лицо Г.А. Потемкина – Якуб-Ага и другие. Создавая правительство из представителей крымско-татарского народа, Г.А. Потемкин пытался успокоить местное население и доказать, что правительство не стремится внести резкие изменения в уклад жизни новых подданных. Управление на местах до 1787-1788 гг. осуществляли каймаканы. Недостаточная эффективность данной системы местного управления в новых реалиях и стремление ее унифицировать по общероссийским стандартам привело к реформированию административного устройства Крыма. Согласно указам от 2 и 8 февраля 1784 г. была образована Таврическая область, состоявшая из 7 уездов. В состав новой административной единицы входили Крымский полуостров, Тамань и земли, расположенные между Перекопом и Екатеринославским наместничеством ([ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 20; ПСЗРИ. Т. XXI, 1830: 17-18](#)). Подробности формирования органов управления в Крыму в конце XVIII в. изложены статье В.В. Дмитриева ([Дмитриев, 2016: 97-100](#)).

24 апреля 1784 г. было опубликовано два императорских указа, в одном из которых утверждался штат Таврической области, а в другом – уделялось внимание привлечению в органы управления местного населения (ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 137-138).

Следуя императорскому указу 1784 г. Г.А. Потемкин продолжил практику привлечения татар в органы местного управления. Так, представители татарской знати занимали большинство должностей, избираемых дворянством, среди них: областного и уездных предводителей дворянства, заседателей дворянских опеков, верхних и нижних земских судов. Доминировали крымские татары и на должностях городских голов на территории полуострова. Такое положение сохранялось и в первые десятилетия XIX века. Одним из недостатков крымских татар, занимавших должности в областной, а потом и губернской системе управления и самоуправления было не знание или слабое владение русским языком и законодательной базой России. Указанные недостатки, а также миграционные процессы, которое увеличили количество лиц других национальностей в регионе, привели со временем к сокращению должностей, занимаемых крымскими татарами в местных органах власти.

Одним из направлений деятельности правительства по интеграции крымских татар в российское общество стало их привлечение на военную службу. В истории существования крымско-татарских военных подразделений в составе российской армии можно условно выделить несколько этапов.

На первом этапе, который продолжался с 1784 по 1874 гг. служба крымских татар была добровольной. В ней было задействовано незначительное количество населения, в основном это были представители знатных родов. На этом этапе существование крымско-татарских подразделений находилось в прямой зависимости от воли правящего монарха и геополитического положения. Началу службы крымских татар в составе российской армии положил указ Екатерины II от 1 марта 1784 г., адресованный Г.А. Потемкину о создании из жителей Таврической области пяти конных дивизионов (ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 60). К нему прилагался приблизительный штат с указанием жалованья по должностям (ПСЗРИ. Т. XLIII, 1830: 210).

С 1784 по 1796 гг. количество конных татарских дивизионов неоднократно менялась с 2 до 6. В основном они находились в пределах Крыма и использовались для охраны лесов, соляных озер, ловли беглых и разбойников, а также сопровождали почту и представителей власти. Так, три конных дивизиона сопровождали Екатерину II во время ее путешествия 1787 г. по Крыму. Со смертью императрицы, татарские дивизионы были распущены.

Воссоздание татарских военных формирований в составе российской армии связано с обострением российско-французских отношений в начале XIX века. В 1806 г., в связи с обострением международного положения, татарское население Крыма обратилось к царскому правительству с предложением создать в составе российской армии татарские военные подразделения. На основании прошения, 24 января 1807 г., был издан императорский указ о создании из крымских татар, по казацкому образцу, четырех конных полков: Симферопольского, Перекопского, Евпаторийского и Феодосийского (ПСЗРИ. Т. XXX, 1830: 31-34).

Первые три, из перечисленных выше полков, участвовали в войне 1812 г. и заграничных походах российской армии против наполеоновской Франции. Многие из крымских татар за проявленный героизм получили правительственные награды и повышение по службе. Так майор Кая бей Балатуков, командовавший Симферопольским полком, возвратился из походов в чине генерал-майора. Он стал первым крымским татаринцем, дослужившимся в российской армии до чина генерала (Муфтизаде, 1899: 13). В 1817 г. татарские военные полки были расформированы.

Усилиями Кая бея Балатукова удалось на протяжении 1825–1826 гг. добиться от Александра I, а потом Николая I согласия на создание регулярного крымско-татарского эскадрона. Указ о его создании вышел в 1826 г., а через год началось формирование самого эскадрона.

Состоял эскадрон из 230 человек и делился он на три части: две находились на службе в Петербурге и одна в Крыму. Военная служба оплачивалась из казны, однако приобретение обмундирования, лошадей, конского снаряжения являлось обязанностью крымско-татарского общества, которое ежегодно на нужды эскадрона платило специальный налог.

В Петербурге эскадрон вошел в состав лейб-гвардии Сводного казачьего Его Величества полка. Для размещения эскадрона в 1846 г. было построено специальное трех этажное здание, внутри которого был отведен роскошный зал под мечеть. На территории расположения эскадрона было выделено отдельное помещение для проживания муллы (Муфтизаде, 1899: 16).

После окончания Крымской войны, в результате массовой эмиграции крымских татар в Турцию с 1859 по 1862 г., возникли проблемы с комплектованием и содержанием эскадрона. Александр II своим указом от 26 мая 1863 г. упразднил крымско-татарский эскадрон, создав на его основе команду лейб-гвардии крымских татар в составе Собственного Его Величества конвоя общей численностью 24 человека (ПСЗРИ. Т. XLIX, 1874: 502-505). В таком виде бывший эскадрон просуществовал до 1890 г. За время своего существования отдельные части эскадрона принимали участие в русско-турецких войнах 1828–1829 и 1877–1879 гг., а также Крымской войне. Ряд военнослужащих за героизм получили боевые награды Российской империи.

Введение с 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности стало для крымских татар новым этапом военной службы в составе российской армии. Если до реформы военная служба для крымских татар была добровольной, то после ее проведения стала обязательной.

Преобразования правительства, связанные с призывом на действительную военную службу, татарское население Крыма встретило настороженно. У части крымских татар предстоящая военная реформа вызвала панику и стремление эмигрировать в Турцию.

Можно выделить ряд причин, вызвавших негативную реакцию татарского населения на введение всеобщей воинской повинности:

1. Крымские татары на протяжении более 90 лет пребывания в составе России были освобождены от службы в армии. Те, кто проходил добровольную службу в составе российской армии составляли незначительный процент татарского населения Крыма.

2. Слабая осведомленность крымских татар о предстоящих реформах. Практически отсутствовали публикации на татарском языке о сути военной реформы. Информация на русском языке была для татар недоступна из-за его незнания большинством населения. Проводилась недостаточная разъяснительная работа среди татар. Данную причину можно отнести к просчетам, как со стороны правительства, так и органов местного управления Таврической губернии.

3. Распространение среди татарского населения ложных слухов, которые и без того осложняли непростую ситуацию на полуострове. Среди наиболее распространенных слухов можно выделить:

- на татарское население распространится рекрутская повинность;
- все татарское мужское население с 20 до 40 лет будет обязано нести военную службу;
- крымские татары будут вынуждены служить разрозненно в разных подразделениях «на просторах необъятной России» и не смогут полноценно исполнять свои религиозные обряды.

Слухи эти распространялись как по причине слабой осведомленности татар о данной реформе, так, и по причине злонамеренного распространения заведомо ложной информации. В распространении данного вида слухов были заинтересованы, как ряд чиновников в Крыму, поскольку они брали сверх официальной суммы деньги за написание прошений на выезд и оформление загранпаспортов, так и турецкие эмиссары, заинтересованные в дестабилизации положения на полуострове и пополнении населения Турции.

Перед введением в действие основных положений о всеобщей воинской повинности, в правительственных кругах, с участием новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П.Е. Коцебу, обсуждался вопрос о необходимости облегчения воинской службы для крымских татар. Признавалось целесообразным будущих татарских новобранцев определять в отдельное подразделение, а не распределять по территории всего государства. По мнению участников обсуждения данного вопроса, это позволило бы избежать возможной эмиграции татар (Мартьянов, 1886: 698-700). Несмотря на целесообразность создания отдельного татарского подразделения, указанное предложение не нашло своего отражения в новом Уставе о всеобщей воинской повинности от 1 января 1874 г. Данное обстоятельство, а также перечисленные выше причины негативного отношения татар к новой реформе спровоцировали новую волну эмиграции татар.

Надо отдать должное членам правительства, в частности военному министру генерал-адъютанту Д.А. Милютину, который в сжатые сроки, к марту 1874 г., разработал специальный проект, предполагавший прохождение большинством крымских татар военной службы в специально созданном для них эскадроне на территории Крыма. Для данного подразделения, исходя из национальных особенностей крымских татар, были специально изменены некоторые положения и правила прохождения строевой и внутренней службы (Муфтизаде, 1899: 19).

Для того, чтобы успокоить татарское население Крыма по поручению императора Александра II на полуостров был направлен генерал-адъютант С.М. Воронцов, который пользовался большим авторитетом у крымских татар. С.М. Воронцову было поручено передать копию будущего проекта о службе крымских татар Таврическому губернатору А.А. Кавелину и совместно с ним и чиновниками органов местного управления ознакомить татар с особенностями прохождения ими воинской службы. Благодаря совместной деятельности С.М. Воронцова и администрации региона удалось сократить количество татар, желавших покинуть Россию.

12 июня 1874 г. был издан официальный указ, объявлявший о формировании в Одесском военном округе Крымского эскадрона. Комплектование нового военного подразделения происходило в основном за счет татарских новобранцев (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1881: 878-879). Располагался Крымский эскадрон под Бахчисараем.

В 1875 г. из новых новобранцев был создан второй эскадрон, располагавшийся в Симферополе. Александр II своим указом от 21 июля 1875 г. преобразовал Крымский эскадрон в дивизион, состоявший из двух эскадронов (ПСЗРИ. Т. L, 1875: 76-77).

Первоначально, после введения всеобщей воинской обязанности, Крымский дивизион не мог включить в свой состав всех татарских новобранцев, поэтому правительство приняло решение о прохождении военной службы частью татарских призывников за пределами Крыма, но ограничив территориальные рамки близлежащими губерниями Новороссийского края.

21 февраля 1906 г. Николай II утвердил положение Военного совета о переформировании Крымского дивизиона в 6-ти эскадронный полк (ПСЗРИ. Т. XXVI, 1906: 162-163). Данные изменения,

проведенные на протяжении 1906–1908 гг., позволили большинству крымских татар проходить военную службу на территории Таврической губернии.

Необходимо отметить, что в крымско-татарских военных формированиях в дореволюционный период соблюдались права верующих: официально отмечались религиозные праздники, исполнялись религиозные обряды, в штат указанных военных подразделений входили служители культа мулла и муэдзин. Имелись культовые сооружения. Так 10 октября 1909 г. в Симферополе в торжественной обстановке была открыта полковая мечеть.

Мечеть получила название «Джамиет Валиде», в переводе с крымско-татарского – «Мать народа». Так называло татарское население Крыма императрицу Александру Федоровну, которая считалась покровительницей крымско-татарского народа. Императрица пожертвовала на строительства мечети 10000 рублей и подарила несколько дорогих ковров общей стоимостью около 50000 рублей. В этот же день, 10 октября 1909 г., она была назначена Шефом полка и полк получил новое наименование: Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк (Сакович, 2016).

Сложно обвинять российское правительство и лично императоров в каком-либо предвзятом отношении к крымским татарам или в целенаправленной политике вытеснения татар из Крыма. Необходимо принять во внимание, что с 1832 г. крымские татары в составе лейб-гвардии Сводного казачьего Его Величества полка принимали участие в мероприятиях по охране императоров во время их передвижений по территории государства. С 1886 г. крымско-татарские эскадроны регулярно встречали и сопровождали императорскую семью по территории Крыма. Охраняли Ливадийское имение царской семьи, а также великокняжеские имения «Чаир», «Ореанда» и «Харакс».

Политика царского правительства в Крыму в конфессиональной сфере основывалась на толерантности и веротерпимости. Так указами от 8 апреля и 28 июля 1783 г. Екатерина II гарантировала мусульманам Крыма соблюдение их религиозных прав (ПСЗРИ. Т. XXI, 1830: 985-986).

Г.А. Потемкин в своих ордерах, на имя командующих российскими войсками на Кубани и в Крыму приказывал строго соблюдать религиозную толерантность по отношению к татарскому народу, с уважением относились к их религиозным обрядам и культовым сооружениям (Распоряжения светлейшего князя, 1881: 272). Мусульманское духовенство освобождалось от податей и налогов, а татарское население в вопросах раздела наследства получало право пользоваться шариатом и свои споры в случае обоюдного согласия решать третейским судом посредством мулл (Лашков, 1896b: 96).

На протяжении веков мусульманское духовенство Крыма пользовалось большим авторитетом и влиянием на крымско-татарское общество, исполняло многочисленные функции. Поэтому первоочередными задачами для правительства было привлечение на свою сторону мусульманского духовенства и организация системы управления духовными делами мусульман Крыма. Осуществление поставленных задач было сопряжено с рядом трудностей.

На протяжении нескольких столетий Османская империя оказывала существенное влияние на политическую и духовную жизнь крымских татар. Ее правители с 1517 г. стали халифами всех мусульман-суннитов. С конца XVI в. имя турецкого султана в качестве халифа включили в хутбу мусульман Крыма перед именем хана. С этого времени в Турции из муфтиев начали избирать шейх-уль-ислама, курировавшего духовенство на подведомственных Османской империи территориях. Это давало возможность султанам Османской империи утверждать кандидатуру крымского муфтия и влиять на его политику (Ислам в Крыму, 2009: 49-50).

Религиозная зависимость татар от турецкого султана сохранялась и по статьям Кючук-Кайнардийского договора 1774 г. и Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. (Дружинина, 1955: 351, 362).

Несмотря на отмену Россией в 1783 г. в одностороннем порядке статей выше указанных договоров, значительная часть татарского духовенства продолжала занимать протурецкую ориентацию. Этому способствовало и то, что российское правительство не запрещало жителям Крыма посещать святые для мусульман места и получать духовное образование на территории Турции.

Понимая реальное положение дел на полуострове, царское правительство осторожно подходило к преобразованиям в духовной сфере. После присоединения полуострова, первые десятилетия система управления мусульманами Крыма не претерпела значительных изменений. Были переутверждены на своих должностях муфтий Мусалар эфенди и кади-аскер Сеит Мегмет эфенди, на содержание которых выделялись существенные суммы денег из государственной казны (ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 137-138).

Укрепление позиций России в Азово-Черноморском регионе позволило царскому правительству перейти к преобразованиям в религиозной сфере. Реформы не были всеобъемлющими и коснулись в основном системы управления и контроля за духовной жизнью мусульман Крыма. Указом от 23 января 1794 г. создавалось Магометанское духовное правление для руководства и надзора над всем мусульманским духовенством Таврической области. Возглавлял данный орган муфтий, которому в управлении помогали кади-аскер и еще пять членов именуемых эфендиями. В указе особое внимание уделялось личным качествам перечисленных должностных лиц. Среди них первоочередным являлась преданность российскому престолу (ПСЗРИ. Т. XXIII, 1830: 482).

Недостатком данного указа являлось то, что он не разъяснял круг обязанностей Магометанского духовного правления, поэтому эффективность работы данного органа с 1794 по 1831 г. оставалась низкой. За это время на рассмотрение правительства было подано ряд проектов будущего устройства и функционирования Магометанского духовного правления. Среди авторов поданных документов были сенатор И.В. Лопухин (1803 г.) и таврический губернатор Д.Б. Мертваго (1805 г.) (Александров, 1918: 322-328, 331-335).

Оба проекта не были приняты в представленном виде, но были дополнены и легли в основу «Положения об устройстве Таврического Магометанского Духовного правления» утвержденного Николаем I – 23 декабря 1831 г.

Официальное открытие Таврического магометанского духовного правления (ТМДП) произошло 29 ноября 1832 г. «Положением...» устанавливалось деление мусульманского духовенства на высшее и приходское. Высшее духовенство было представлено ТМДП. В его состав входили: муфтий, руководивший ТМДП и являвшийся духовным главой мусульман Таврической и Западных губерний; кади-аскер помощник муфтия, заменявший его во время отсутствия; уездные кадии духовные руководители отдельного округа рассматривавшие и решавшие духовные дела на подведомственной им территории.

Положением также определялись штаты и организация работы ТМДП.

К компетенции Таврического Магометанского Духовного правления (ТМДП) относились все конфессиональные вопросы, а также имущественные дела, касающиеся раздела собственности по завещанию.

К основным обязанностям Таврического магометанского духовного правления относились:

- попечение над культовыми сооружениями и религиозными учебными заведениями, которые принадлежали мусульманам;
- контроль за вакуфами принадлежавшими в основном мечетям и мусульманским учебным заведениям (ПСЗРИ. Т. VI, 1831: 337-345).

ТМДП был с одной стороны высшим органом управления духовными делами мусульман Крыма, с другой – органом, контролируемым губернскими властями и находившийся в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи. Поэтому все должностные лица, входившие в штат ТМДП, являлись государственными служащими и находились на обеспечении государства.

Прогрессивной для того времени была и процедура избрания муфтия и кади-аскера. В отличие от выборов данных духовных лиц в других регионах России, где они назначался министром внутренних дел, таврический муфтий и кади-аскер до 1891г. избирались собранием мусульман. Три избранных кандидатуры, с характеристикой по каждому из них через таврического губернатора и министра внутренних дел подавались на утверждение императору.

В «Положение 1831 г.» была представлена структура, процедура избрания и функциональные полномочия мусульманского приходского духовенства.

С целью предупреждения сепаратизма высшее и приходское духовенство должно было приносить присягу на верность императору (ПСЗРИ. Т. VI, 1831: 337-345).

В 1829 г. был издан указ «О вакуфных имениях в Крыму», который регламентировал систему вакуфной собственности в регионе. В частности, он разъяснял общие правила этого вида собственности и понятия духовного и частного вакуфов. Вакуфы являлись неприкосновенной собственностью мусульманского духовенства и находились на попечении муфтия и духовного магометанского правления, которые несли за них ответственность перед Главным управлением департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Безответственное отношение к своим обязанностям, желание нажиться привели к крупным злоупотреблениям с вакуфной собственностью, выявленной губернской администрацией в последней трети XIX века. В одном из своих отчетов таврический губернатор П.М. Лазарев предлагал изъять у ТМДП все вакуфные и имущественные дела, а во всем остальном указанный орган подчинить строгому надзору губернской администрации (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 180. Л. 78). Несмотря на предложения губернатора, только частные вакуфы по «Положению 1874 г.» передавались во введение местного Управления государственными имуществами, духовные вакуфы и в дальнейшем оставались в ведении ТМДП.

В конце XIX – начале XX века, в связи с ростом революционного движения и опасением сепаратистских тенденций, происходит усиление контроля за мусульманским духовенством Крыма. Так в 1891 г., процедура избрания муфтия духовенством была заменена принципом назначения.

Кроме того, стремясь не допустить проникновения в среду духовенства либеральных идей, Министерство внутренних дел в 1911 г. сообщило губернаторам, что лица, окончившие курс медресе, не могут занимать должности мулл без удостоверений губернского начальства, в которых указывалось об их политической благонадежности и непричастности к религиозно-националистической агитации. В том же году было отдано распоряжение о недопущении к преподаванию в медресе и медресе мусульман, получивших богословское образование за границей (Бойцова, 2008: 330).

За время пребывания в составе Российской империи мусульманское духовенство Крыма не подвергалось притеснениям на религиозной почве. Так, характеризуя количество мусульманских культовых сооружений можно отметить, что на момент присоединения Крыма к России насчитывалось 1531 мечеть, 21 текие (Скальковский, 1867: 22). К 1825 г. в Таврической губернии количество мечетей увеличилось до 1652 при сокращении текие до 13. И только в результате массовой эмиграции татар в Турцию, в 1859–1862 гг., происходит сокращение мусульманских мечетей. На 1891 г. в Крыму функционировало 710 мечетей и 21 текие. Таким образом, сокращение количества мусульманских культовых сооружений храмов не было связано с их насильственным закрытием (Ислам в Крыму, 2009: 171-172).

При лояльности со стороны государства в среде мусульманского духовенства периодически выявлялись сепаратистские тенденции, которые не имели массового характера. Как правило, всплеск подобных тенденций приходился на время русско-турецких войн. Сепаратистские проявления имели место:

- при проведении религиозных обрядов и имевшие своей целью оказать помощь Османской империи в победе над Россией (Лашков, 1890: 96-101);
- в агитации среди крымских татар, призывающей к антироссийским восстаниям и эмиграции в Турцию (Маркевич, 1905: 30).

Подобные случаи выявлялись местной администрацией, виновные арестовывались и, как правило, высылались за пределы Крыма.

В сфере образования царское правительство неоднократно подвергалось критике за ущемление прав национальных меньшинств. Но это в меньшей степени касалось крымских татар.

Еще в период существования Крымского ханства на полуострове сформировалась образовательная система, характерная для мусульманских стран того времени. Она была представлена конфессиональными учебными заведениями двух ступеней:

- мектебе – школы первой ступени или начальные мусульманские школы церковноприходского типа;
- медресе – духовные мусульманские учебные заведения, второй ступени, которые готовили мусульманское духовенство и учителей мектебе.

Крымские татары с глубоким уважением и трепетом относились к традициям и системе образования, сформировавшихся у них на протяжении веков. Для мусульманина считалось долгом отдать своих детей на обучение в конфессиональные учебные заведения, где их учили быть ревностными последователями ислама.

Сложившееся положение в системе образования крымских татар хорошо понимали как чиновники Министерства народного просвещения, так и местная администрация. Они не проводили политики, направленной на ликвидацию или ограничение татарских конфессиональных учебных заведений. По статистическим сведениям, собранным в 1783 г. татарской уездной администрацией для главнокомандующего русскими войсками в Крыму барона Ингельстрёма на полуострове насчитывалось 26 мектебе и 23 медресе (Статистические сведения о Крыме, 1886: 113-116).

Пребывание Крыма в составе Российской империи не отразилось негативно на количестве мусульманских конфессиональных учебных заведений. Хотя их численность в зависимости от разных причин постоянно менялась.

По отчету таврического губернатора В.И. Пестеля к 1850 г. на территории губернии насчитывалось 143 мектебе и 96 медресе (РГИА. Ф. 1281, Оп. 5, Д. 30. Л. 31).

Эмиграция татар в середине XIX в. негативно отразилась на количестве конфессиональных учебных заведений в Крыму. На 1876 г. насчитывалось 147 мектебе, в которых обучалось 3722 ребенка и 40 медресе. Со временем количество учебных заведений и учащихся в них вновь возрастает. В 1892 г. насчитывалось 448 мектебе, в которых обучалось 11711 детей обоего пола и 84 медресе с численностью учащихся 2200 человек (Ганкевич, 1998: 34, 48).

Известный крымско-татарский педагог и общественно-политический деятель И. Гаспринский отмечал, что в конце XIX века любая мусульманская община в Крыму имела свою школу и мечеть (Гаспринский, 1881: 26). По воспоминаниям И. Гаспринского бахчисарайское Зинджерли-медресе было самым крупным и богатым медресе не только в Крыму, но во всей России (Гаспринский, 1890).

Чиновники Министерства народного просвещения, органов местного управления и самоуправления Таврической губернии старались не вмешиваться в систему конфессионального образования крымских татар. Исключение составлял вопрос, который был поднят в последней трети XIX в., об обязательном изучении русского языка, как отдельного предмета, во всех крымско-татарских учебных заведениях. Также поднималась вопрос о несоответствии санитарно-гигиеническим нормам тех помещений, в которых проходил учебный процесс.

Со временем система конфессионального образования крымских татар потребовала изменений соответствующих духу времени. Особенно в этом нуждались мектебе. Инициатором и автором реформы выступил в конце XIX – начале XX века И. Гаспринский. Правительство не препятствовало осуществлению преобразований. В результате их проведения, к 1914 г. в Крыму большинство мектебе утратили конфессиональный характер и превратились в крымско-татарские школы с изучением

общеобразовательных дисциплин, преподавание в которых велось на крымско-татарском языке (Ганкевич, 1998: 121).

Слабое знание русского языка крымскими татарами, по мнению правительства, не способствовало их интеграции в состав России. Поэтому на протяжении всего XIX в. параллельно с существованием конфессиональных учебных заведений, чиновниками Министерства народного просвещения, при поддержке губернской администрации, создавались светские татарские учебные заведения с преобладанием преподавания на русском языке. В первой половине XIX в. подобные учебные заведения существовали непродолжительное время из-за низкой популярности среди местного населения. Крымские татары продолжали отдавать предпочтение конфессиональным учебным заведениям. Некоторые чиновники, отвечавшие за систему образования в Таврической губернии, с целью привлечения в русскоязычные учебные заведения крымских татар, высказывали мнение, о необходимости ограничения или закрытия мектебе и медресе. Но подобные инициативы не были поддержаны, ни руководством Таврической губернии, ни правительством.

В 1870 г. на правительственном уровне была принята комплексная программа, которая предусматривала, в частности, обучение крымских татар русскому языку. Итогом принятой программы стало создание в Крыму полутора десятка русско-татарских министерских училищ. Несмотря на то, что данные учебные заведения не стали ведущими в системе образования крымских татар, их можно было рассматривать своеобразной светской альтернативой конфессиональному обучению крымских татар. В 1872 г., в Симферополе было открыто светское учебное заведение Татарская учительская школа. Ее задачей стала подготовка учителей для крымско-татарских учебных заведений.

Крымские татары в Российской империи имели возможность не только обучаться на родном языке, но и издавать литературу и выпускать газету. Для этих целей И. Гаспринским в г.Бахчисарае была создана типография, позволявшая издавать учебники и другую крымско-татарскую литературу, а с 1880 г. начался выпуск газеты «Переводчик-Терджиман». Данное периодическое издание выходило на русском и татарском языках и продолжительное время являлось единственным печатным органом тюркоязычных народов России.

Среди целого комплекса мер, проводимых царским правительством, по отношению к крымским татарам, больше всего нареканий вызывает социально-экономическая политика. Большинство крымских татар на протяжении конца XVIII – начала XX века было задействовано в сельском хозяйстве. Политика государства в этой сфере имела противоречивый характер. К достижениям можно отнести причисление крымских татар к категории государственных крестьян, за ними сохранялась личная свобода, они не подлежали подушной подати и рекрутской повинности, поскольку это противоречило постулатам ислама. К просчетам правительства можно отнести ухудшение социально-экономического положения значительной части крымско-татарского крестьянства, что во многом было связано с процессом их обезземеливания. По подсчетам исследователя С.А. Секиринского количество безземельных татар в Крыму к середине 70-х годов XIX в. составляло 51.8 % (Секиринский, 1970: 359).

Анализ источников и литературы по данной теме позволяет нам выделить несколько основных причин обезземеливания крымских татар:

1. *Нарушения, происходившие в Крыму при раздаче земель новым владельцам.* Так, присоединение Крыма к России в конце XVIII в., привело к первой массовой эмиграции татар. Многие земли, эмигрировавших татар перешли в казенное ведомство. С целью колонизации края, с 1784 г., начинается массовая раздача казенных земель российскому дворянству. Раздача земель происходила с определенными нарушениями. Под видом никому не принадлежавших земель новым владельцам отводились участки, имевшие своих хозяев или на которых жили и работали татары-арендаторы. Это привело к конфликтам и судебным тяжбам между старыми и новыми владельцами.

2. *Существенные отличия в земельных отношениях, существовавших в России и Крымском ханстве.* Так, в Крымском ханстве господствовали патриархальные отношения в подходе к земельной собственности. Это проявлялось:

- во-первых, в отсутствии у части собственников документов, подтверждавших их право собственности на земельный участок.

- во-вторых, татары-арендаторы жили и пользовались ханскими землями и землями татарской знати в форме добровольной сделки, имевшей договорную форму. За пользование землей они платили денежную ренту и должны были отработать 6–8 дней в году на собственника земли. Перечисленные выплаты и отработки не делали татар собственностью крупных землевладельцев или хана.

Русские помещики внесли более четкие правила в понимание собственности, когда свое право на землю четко отделялось от чужого, чего раньше не было у татар. Новые помещики, воспитанные на крепостных отношениях, смотрели на живущих в пределах их владений татар, как на своих постоянных работников. Часто они в нарушение принятых на законодательном уровне норм увеличивали количество дней, которые татары должны были отработать за пользование участком или требовали замены этих дней денежной платой, превышающей стоимость официально принятых дней. В случае неисполнения крестьянами своих обязанностей помещик имел право выселить их со

своей земли и принять на их место новых (Лашков, 1896а: 60). Вследствие такого произвола татары разорялись, вынуждены были скитаться по Крыму в поисках нового места жительства у другого землевладельца.

3. *Продажа земли самими татарами или отказ от арендопользования.* Так, часть татарского населения добровольно продавало свою землю или отказывалось от продолжения аренды. Среди причин продажи были: соблазн улучшить свое материальное положение из-за высоких цен на землю в Крыму или в связи с выездом в Турцию. Не все эмигранты приживались за границей, часть из них возвращалась на родину, но пополняло количество безземельных крестьян.

Передача в собственность новым землевладельцам 350 тыс. десятин крымской земли, в конце XVIII – начале XIX в. вызвала острые споры между ними и татарами, представленными преимущественно государственными крестьянами. Для разрешения земельных споров подавались жалобы в местные органы власти. Так крымские татары в своих жалобах апеллировали на незаконную конфискацию у них земель, а помещики – на неисполнение татарами, проживавшими как, они считали, на их землях, своих повинностей. Земельные споры в Крыму, вынудили правительство создать комиссию, для их разрешения. В ее состав вошли как столичные, так и местные чиновники. Формально комиссия начала свою работу с 1797 г., реальное рассмотрение земельных споров осуществлялось с 1802 по 1810 гг. За это время было принято к рассмотрению около 400 жалоб, поданных преимущественно крымскими татарами.

На первоначальном этапе работы комиссии, правительство было настроено на справедливое решение земельных споров, о чем свидетельствовали «специальные правила» 1802 г., принятые для пользования членами комиссии при рассмотрении жалоб. Издание данных правил вызвало негативную реакцию со стороны новых землевладельцев, поскольку угрожало им потерей незаконно захваченных земель.

Ситуацию изменило то, что среди новых крымских помещиков было много влиятельных царедворцев, которые используя свое положение, вначале обратились с прошением к членам комиссии, а потом и к царю. В своем прошении новые землевладельцы представили татар исключительно в негативном свете, как вредных для государства и склонных к мятежам. Себя они характеризовали, как людей, посвятивших всю жизнь служению Отечеству и принявших деятельное участие в присоединении Крыма к России. Использование комиссией «Правил» 1802 г. при разборе земельных споров, новые землевладельцы видели угрозу существованию своих имений в Крыму (Лашков, 1896b: 35, 38). Прошение русских помещиков и их влияние при царском дворе возымело действие. По указанию Александра I «Правила» 1802 г. были переработаны и дополнены.

23 апреля 1804 г. высочайшим указом были изданы, по сути, новые «Правила» для работы Комиссии по разбору земельных споров. «Правила» 1804г. значительно ограничивали земельные права татар по сравнению с «Правилами» 1802 г. Комиссия по земельным спорам при решении конфликтов между старыми и новыми собственниками теперь отдавала предпочтение наличию документов на землю, которых у татар, за исключением знати, как правило, не было. Относительно незаконно переданных новым владельцам татарских земель, прежним владельцам они не возвращались, в лучшем случае татары могли рассчитывать на компенсацию (ПСЗРИ. Т. XXVIII, 1830: 288-292). Из-за нежелания членов комиссии обострять отношения с влиятельными собственниками этих земель, большинство татарских исков к новым собственникам оставалось без ответа.

Собственниками новых земель, раздаваемых в Крыму, становились не только русские дворяне, но и представители знати других национальностей, в том числе и крымские татары. Так члены Крымского земского правительства: Мехметша-бей Ширинский получил от казны 27333 десятин крымской земли, а Батыр-Ага 14629 десятин и это были не единичные случаи (Лашков, 1896а: 58). По подсчетам исследователя С.А. Секиринского, изучавшего аграрные отношения в дореволюционном Крыму, больше всего жалоб на незаконный захват крестьянской земли поступило на крупных татарских помещиков Ширинских (Секиринский, 1984: 34-35). Татарское дворянство также осуществляло угнетение своих соотечественников, арендовавших у помещиков их земли. В случае выгодной сделки по продаже земли или не выполнения татарскими крестьянами условий аренды, помещики изгоняли их со своих владений, лишая крова и средств к существованию.

Вызывает, безусловно, сочувствие тяжелое социально-экономическое положение безземельных татар, но угнетению в то время подвергались не только крымские татары, но и крестьяне других национальностей, в том числе русские и украинцы. Рассмотренные события послужили поводом к массовому обезземеливанию татар.

Правовая база, регулировавшая земельные отношения в Крыму, на протяжении I половины XIX в., пополнялась новыми законодательными актами, но они не улучшили положения татарского крестьянства, поскольку исходили из интересов крупных землевладельцев.

Обратить серьезное внимание на проблему безземельных крестьян в Крыму вынудила массовая эмиграция крымских татар 1859-1862 гг. Свои предложения о путях улучшения быта татар, об источниках и условиях наделения их землей во второй половине XIX – начале XX вв. на рассмотрение правительства подавали как таврические губернаторы (А.Г. Рейтерн, П.М. Лазарев, В.Ф. Трепов) так и известные государственные деятели и члены различных комиссий (С.М. Воронцов,

П.П. Косаговский). Несмотря на поданные предложения, правительство так и не сумело до Февральской революции 1917 г. осуществить преобразования по улучшению положения безземельных татар.

Таким образом, правительственная политика, проводимая в социально-экономической сфере, несмотря на свою национальную окраску, носила сословный характер и не имела антитатарской направленности. Опорой самодержавия в России в то время выступало дворянство, поэтому в интересах именно этого сословия принимались законы, и осуществлялась государственная политика.

5. Заключение

Проведенный анализ основных направлений внутренней политики Российской империи по отношению к крымским татарам не позволяет согласиться с тезисами о том, что царское правительство проводило целенаправленную колонизаторскую политику по вытеснению с полуострова крымских татар. Напротив, это была гибкая политика аккультурации. В социально-экономической сфере крымские татары пользовались льготами, они были освобождены от крепостного права, не подлежали подушной подати, освобождались от военного постоя и рекрутской повинности. Нельзя отрицать, что социально-экономическая политика царского правительства, касавшаяся землеустройства татарского крестьянства, была неудачной и стала одной из причин, провоцирующих эмиграцию крымских татар. Но данная политика носила не национальный, а социальный характер, поскольку проводилась в интересах высшего сословия. В то же время политика государства в других сферах не носила по отношению к татарскому народу дискриминационный характер, об этом свидетельствуют: свобода вероисповедания, развитие национального образования, участие татар в органах управления и самоуправления Крыма, а также доверие, оказываемое крымским татарам при охране царской семьи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008).

Литература

- Александров, 1918** – Александров И.Ф. К истории учреждения Таврического Магометанского духовного правления // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1918. №25. С. 316-355.
- Блюменфельд, 1886** – Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса, 1888. 112 с.
- Бойцова, 2008** – Бойцова Е.Е. Государственно-правовая система управления мусульманскими общинами Крыма в конце 18 – начале 20 века / *Материалы докладов международной научно-практической конференции Вторые севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения*. Севастополь, 2008 г. С. 325–332.
- Возгрин, 2013** – Возгрин В.Е. Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.) (часть I) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2013. №11. С. 29-53.
- Возгрин, 2014** – Возгрин В.Е. Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.) (часть II) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2014. №12. С. 43-78.
- Ганкевич, 1998** – Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования: (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь, 1998. 164 с.
- Гаспринский, 1890** – Гаспринский И. Зинджерли-медресе / *Переводчик-Терджиман*. 1890. 18 февраля. №6.
- Гаспринский, 1881** – Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. 45 с.
- Дмитриев, 2016** – Дмитриев В.В. Влияние Г.А. Потемкина на формирование органов управления в Крыму в конце XVIII в. // *Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов*. Севастополь, 2016. Вып. 2-3. С. 97-100.
- Дружинина, 1955** – Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. 384 с.
- Ислам в Крыму, 2009** – Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов // *сост. Е.В. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова*. Симферополь, 2009. 432 с.
- Лашков, 1896a** – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1896. №24. С. 35-71.
- Лашков, 1896b** – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1896. №25. С. 29-88.
- Лашков, 1890** – Лашков Ф.Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 гг. // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1890. №10. С. 79-106.
- Левицкий, 1882** – Левицкий Г.П. Переселение татар из Крыма в Турцию // *Вестник Европы*. 1882. №10. С.96-640.

- Любичанковский, 2016** – Любичанковский С.В. Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908–1909 гг. // *Вопросы истории*. 2015. №1. С. 127-132.
- Масаев, 2003** – Масаев М.В. Крымские татары в вооруженных силах России (конец XVIII - начало XX века): дис. ... канд. истор. наук. Харьков, 2003. 26 с.
- Маркевич, 1928** – Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // *Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение Гуманитарных наук*. 1928. №4-7. С.375-405.
- Маркевич, 1905** – Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны: по архивным материалам // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1905. № 37. С. 1-260.
- Мартьянов, 1886** – Мартьянов П.К. Из прошлого: Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 г. // *Исторический вестник*. 1886. Т.24. №6 (июнь). С. 698-709.
- Муфтизаде, 1889** – Муфтизаде И.М. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899гг. / И.М. Муфтизаде // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1899. №30. С.1-24.
- Озенбашлы, 1926** – Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // *Крым*. 1926. №2. С.143-146.
- Ордера князя Потемкина, 1889** – Ордера князя Потемкина. 1787 год: сообщил / Г. Киреенко // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1889. №8. С.1-11.
- ПСЗРИ. Т. XXI, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXI. №15708. 1083 с.
- ПСЗРИ. Т. XXII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXII. №15920. 1158 с.
- ПСЗРИ. Т. XXIII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXIII. №17174. 969 с.
- ПСЗРИ. Т. XXVIII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXVIII. №21275. 1326 с.
- ПСЗРИ. Т. XXX, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXX. №22772. 1402 с.
- ПСЗРИ. Т. XLIII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XLIII. Книга штатов. (ч.1). №15945. 156 с.
- ПСЗРИ. Т. VI, 1831** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1831. Т. VI. (ч.2). №5033. 360 с.
- ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1881** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1881. Т. XXXVIII. (ч.1). №39667. 940 с.
- ПСЗРИ. Т. XLIX, 1874** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1874. Т. XLIX. (ч.1). №53634. 948 с.
- ПСЗРИ. Т. L, 1875** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1875. Т. L. (ч.2). №54927. 513 с.
- ПСЗРИ. Т. XXVI, 1906** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. III. СПб., 1906. Т. XXVI. (ч.1). №27429. 1141 с.
- Распоряжения светлейшего князя, 1881** – Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786: сообщил / Н.Н.Мурзакевич // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД)*. 1881. Т.12. С. 249-330.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сакович, 2016** – Сакович А.В. Крымский Конный полк: За Царя, Царицу и Отечество // Military Крым – военно-исторический интернет портал: сайт. – URL: <http://military.sevstudio.com/sakovich-konny-polk/> (дата обращения 30.08.2016).
- Сборник документов, 1896** – Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения: сообщил Ф.Ф. Лашков // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. Симферополь, 1896. №25. С. 89-158.
- Секиринский, 1984** – Секиринский С.А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – первая половина XIX века). Симферополь, 1984. 131 с.
- Секиринский, 1970** – Секиринский С.А. Крестьянская колонизация Крыма в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 год. М., 1970. С. 358-367.
- Сейдаметов, 2005** – Сейдаметов Э.Х. Эмиграция крымских татар в XIX – нач. XX вв. // *Культура народов Причерноморья*. 2005. № 68. С. 30-33.
- Сергеев, 1912** – Сергеев А.А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 году. Симферополь. 1912. 46 с.
- Скальковский, 1867** – Скальковский А. Занятие Крыма в 1783 году // Памятная книга Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1. 519 с.
- Статистические сведения о Крыме, 1886** – Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783году: сообщил / Ф.Ф. Лашков // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД)*. 1886. Т.14. С. 91-157.

[Чернышев, 1930](#) – Чернышев Е.И. Причина эмиграции крымских татар в Турцию в 1860 г. // *Труды общества изучения Татарстана*. 1930. Т.1. С. 93-128.

[Kuliev, 2017](#) – Kuliev F. Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. pp. 410-419.

References

[Aleksandrov, 1918](#) – Aleksandrov I.F. (1918). K istorii uchrezhdeniya Tavricheskogo Magometanskogo dukhovnogo pravleniya [To the history of the establishment of the Taurian Mohammedan spiritual government]. *News of the Taurida Academic Commission (ITUAC)*, no. 25, pp. 316-355. [in Russian].

[Blyumenfel'd, 1886](#) – Blyumenfel'd G.F. (1886). Krymsko-tatarskoe zemlevladienie [State legal system of management of Muslim communities of Crimea in the late 18th and early 20th centuries]. Odessa. 112 p. [in Russian].

[Boitsova, 2008](#) – Boitsova E.E. (2008). Gosudarstvenno-pravovaya sistema upravleniya musul'manskimi obshchinami Kryma v kontse 18 – nachale 20 veka [State legal system of management of Muslim communities of Crimea in the late 18th and early 20th centuries]. Reports of the International Scientific and Practical Conference Second Sevastopol Cyril and Methodius Readings. Sevastopol, pp. 325–332. [in Russian].

[Vozgrin, 2013](#) – Vozgrin V.E. (2013). Nemetskie kolonisty i krymskie tatory v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii (XVIII – konets XIX v.) (chast' I) [German colonists and Crimean Tatars in the national policy of the Russian Empire (XVIII – the end of the XIX century.) (part I)]. *Proceedings of the Department of History of New and Contemporary Time*, no. 11, pp. 29-53. [in Russian].

[Vozgrin, 2014](#) – Vozgrin V.E. (2014). Nemetskie kolonisty i krymskie tatory v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii (XVIII – konets XIX v.) (chast' II) [German colonists and Crimean Tatars in the national policy of the Russian Empire (XVIII – the end of the XIX century.) (part II)]. *Proceedings of the Department of History of New and Contemporary Time*, no. 12, pp. 43-78. [in Russian].

[Gankevich, 1998](#) – Gankevich V.Yu. (1998). Ocherki istorii krymskotatarskogo narodnogo obrazovaniya: (Reformirovanie etnokonfessional'nykh uchebnykh zavedenii musul'man Tavricheskoi gubernii v XIX – nachale XX veka) [Essays on the history of the Crimean Tatar public education: (Reforming the ethno-confessional educational institutions of the Muslims of the Tauride province in the XIX – early XX century)]. Simferopol', 164 p. [in Russian].

[Gasprinskii, 1890](#) – Gasprinskii I. (1890). Zindzherli-medrese [Zingerli-madrasah]. *Translator-terjiman*, 18 February, no. 6. [in Russian].

[Gasprinskii, 1881](#) – Gasprinskii I. (1881). Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya musul'manina [Russian Muslims. Thoughts, notes and observations of a Muslim]. Simferopol', 45 p. [in Russian].

[Dmitriev, 2016](#) – Dmitriev V.V. (2016). Vliyanie G.A. Potemkina na formirovanie organov upravleniya v Krymu v kontse XVIII v. [The influence of G.A. Potemkin on the formation of government in the Crimea at the end of the XVIII century]. *Paradigms of history and social development: a collection of scientific papers*. Sevastopol, vol. 2-3, pp. 97-100. [in Russian].

[Druzhinina, 1955](#) – Druzhinina E.I. (1955). Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda [Kyuchuk-Kainardzhsy world of 1774]. Moscow, 384 p. [in Russian].

[Islam v Krymu, 2009](#) – Islam v Krymu: Ocherki istorii funktsionirovaniya musul'manskikh institutov [Islam in the Crimea: Essays on the History of the Functioning of Muslim Institutions]. Sost. E.V. Boitsova, V.Yu Gankevich, E.S. Muratova, 3.3. Khairedinova. Simferopol, 2009, 432 p. [in Russian].

[Lashkov, 1896a](#) – Lashkov F.F. (1896). Istoricheskii ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya [A historical sketch of the Crimean Tatar land tenure]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 24, pp. 35-71. [in Russian].

[Lashkov, 1896b](#) – Lashkov F.F. (1896). Istoricheskii ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya [A historical sketch of the Crimean Tatar land tenure]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 25, pp. 29-88. [in Russian].

[Lashkov, 1890](#) – Lashkov F.F. (1890). Materialy dlya istorii vtoroi turetskoi voyny 1787-1791g. [Materials for the history of the Second Turkish War 1787–1791 g.]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 10, pp. 79-106. [in Russian].

[Levitskii, 1882](#) – Levitskii G.P. (1882). Pereselenie tatar iz Kryma v Turtsiyu [Resettlement of Tatars from Crimea to Turkey]. *Herald of Europe*, no. 10, pp. 596-640. [in Russian].

[Lyubichankovskiy, 2016](#) – Lyubichankovskiy S.V. (2016). Senatorskaya reviziya Turkestanskogo kraja v 1908–1909 gg. [Senatorial audit of the Turkestan region in 1908–1909]. *Voprosy istorii*, no.1, pp. 127-132. [in Russian]

[Masaev, 2003](#) – Masaev M.V. (2003). Krymskie tatory v vooruzhennykh silakh Rossii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Crimean Tatars in the Armed Forces of Russia (late XVIII – early XX century)]: dis. cand. history sciences. Kharkiv, 26 p. [in Russian]

[Markevich, 1928](#) – Markevich A.I. (1928). Pereselenie krymskikh tatar v Turtsiyu v svyazi s dvizheniem naseleniya v Krymu [The migration of the Crimean Tatars to Turkey in connection with the

- movement of the population in the Crimea]. Proceedings of the USSR Academy of Sciences. VII series. *Department of the Humanities*, no. 4-7, pp. 375-405. [in Russian]
- Markevich, 1905** – *Markevich A.I.* (1905). Tavrisheskaya guberniya vo vremya Krymskoi voyny: po arkhivnym materialam [Tavrisheskaya guberniya during the Crimean War: on archival materials]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 37, pp. 1-260. [in Russian]
- Mart'yanov, 1886** – *Mart'yanov P.K.* (1886). Iz proshlogo: Poslednyaya emigratsiya tatar iz Kryma v 1874g. [From the past: The last emigration of Tatars from the Crimea in 1874]. *Historical Herald*, vol. 24, no. 6, pp. 698-709. [in Russian]
- Muftizade, 1889** – *Muftizade I.M.* (1889). Ocherk voennoi sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1899 gg. [An outline of the military service of the Crimean Tatars from 1783 to 1899.]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 30, pp. 1-24. [in Russian]
- Ozenbashly, 1926** – *Ozenbashly A.* (1926). Rol' tsarskogo pravitel'stva v emigratsii krymskikh tatar [The role of the tsarist government in the emigration of the Crimean Tatars]. *Crimea*, no. 2, pp. 143-146. [in Russian]
- Ordera knyazya Potemkina, 1889** – Ordera knyazya Potemkina. 1787 god [Orders of Prince Potemkin. 1787]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUAC)*, 1889, no. 8, pp.1-11. [in Russian]
- PSZRI. T. XXI, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXI, no. 15708, 1083 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXII, no. 15920, 1158 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXIII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXIII, no. 17174, 969 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXVIII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXVIII, no. 21275, 1326 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXX, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXX, no. 22772, 1402 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XLIII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XLIII, The state book. (part 1), no.15945, 156 p. [in Russian]
- PSZRI. T. VI, 1831** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1831, vol. VI. (part 2), no. 5033, 360 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXXVIII, 1881** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1881, vol. XXXVIII, (part 1), no. 39667, 940 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XLIX, 1874** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1874. vol. XLIX, (part 1), no. 53634, 948 p. [in Russian]
- PSZRI. T. L, 1875** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1875, vol. L, (part 2), no. 54927, 513 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXVI, 1906** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. III. St. Petersburg, 1906, vol. XXVI, (part 1). no. 27429, 1141 p. [in Russian]
- Rasporyazheniya svetleishego knyazya, 1881** – Rasporyazheniya svetleishego knyazya Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Tavrisheskogo kasatel'no ustroeniya Tavrisheskoi oblasti s 1781 po 1786: soobshchil / N.N.Murzakevich [Orders of the Most Serene Prince Grigori Alexandrovich Potemkin-Tavrishesky concerning the construction of the Tauride Region from 1781 to 1786]. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities (ZOOID), 1881, vol. 12, pp. 249-330. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]
- Sakovich, 2016** – *Sakovich A.V.* (2016). Krymskii Konnyi polk: Za Tsarya, Tsaritsu i Otechestvo [Crimean Horse Regiment: For the Tsar, Tsarina and Fatherland]. Military Crimea – military-historical Internet portal: site. URL: <http://military.sevstudio.com/sakovich-konnyi-polk/> (reference date is August 30, 2016). [in Russian]
- Sbornik dokumentov, 1896** – Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniya: soobshchil F.F. Lashkov [Collection of documents on the history of the Crimean-Tatar landownership]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, 1896, no. 25. pp. 89-158. [in Russian]
- Sekirinskii, 1984** – *Sekirinskii S.A.* (1984). Agrarnye otnosheniya v Krymu v period pozdnego feodalizma (XVI – pervaya polovina XIX veka) [Agrarian relations in the Crimea in the period of late feudalism (XVI – the first half of the XIX century)], Simferopol', 131 p. [in Russian]
- Sekirinskii, 1970** – *Sekirinskii S.A.* (1970). Krest'yanskaya kolonizatsiya Kryma v poreformennyi period [Peasant colonization of the Crimea in the post-Reform period]. Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe for 1965, Moscow, pp. 358-367. [in Russian]
- Seidametov, 2005** – *Seidametov E.Kh.* (2005). Emigratsiya krymskikh tatar v XIX – nach. XX vv. [Emigration of the Crimean Tatars in the XIX – beginning. XX centuries]. *Culture of the peoples of the Black Sea region*, no. 68, pp. 30-33. [in Russian]
- Sergeev, 1912** – *Sergeev A.A.* (1912). Ukhod tavrisheskikh nogaitsev v Turtsiyu v 1860 godu [The departure of the Tauride Nogais to Turkey in 1860], Simferopol, 46 p. [in Russian]

Skal'kovskii, 1867 – *Skal'kovskii A.* (1867). Zanyatie Kryma v 1783 godu [Occupation of the Crimea in 1783]. Memorable book of the Taurida Gubernia, Simferopol, vol. 1, p. 519. [in Russian]

Statisticheskie svedeniya o Kryme, 1886 – Statisticheskie svedeniya o Kryme, soobshchennye kaimakanami v 1783godu: soobshchil / F.F.Lashkov [Statistical information about the Crimea, reported by the Kaimakans in 1783]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities (ZOOID)*, 1886, vol. 14, pp. 91-157. [in Russian]

Chernyshev, 1930 – *Chernyshev E.I.* (1930). Prichina emigratsii krymskikh tatar v Turtsiyu v 1860 g. [The reason for emigration of the Crimean Tatars to Turkey in 1860]. *Proceedings of the Society for the Study of Tatarstan*, vol. 1. pp. 93-128. [in Russian]

Kuliev, 2017 – *Kuliev F.* (2017). Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. pp. 410-419.

УДК 94 : 323.1(512.145)"1783/1917"

Южные окраины Российской империи и проблема колониализма (на материалах внутренней политики России по отношению к крымским татарам в конце XVIII – начале XX века)

Владислав Владимирович Дмитриев ^a, Сергей Валентинович Любичанковский ^{b,*}

^a Севастопольский государственный университет, Российская Федерация

^b Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренней политики, проводимой царским правительством по отношению к крымским татарам с конца XVIII века и до начала XX века. В исследовании авторы подвергают критике тезисы ряда ученых о том, что царское правительство и губернская администрация с конца XVIII и до начала XX века по отношению к крымским татарам проводили колонизаторскую политику, направленную на их вытеснение с полуострова. Освещается формирование нормативно-правовой базы, которая позволила оформить права и привилегии татар в соответствии с принципами аккультурации. Показано участие крымских татар в органах местного управления и самоуправления, в которых они имели существенное влияние, особенно в первые десятилетия после присоединения Крыма к России. Рассматриваются особенности прохождения военной службы крымскими татарами в составе российской армии, связанные со специфической системой социальных лифтов. Особое внимание авторы уделили конфессиональной и образовательной политике России в Крыму. Показано, какими реальными возможностями в этих сферах пользовалось татарское население. В статье рассматриваются причины возникновения феномена обезземеливания татар и попытки разрешения данной проблемы. Доказано, что правительственная политика в отношении территории и населения бывшего Крымского ханства, несмотря на свою национальную окраску, носила сословный характер и не имела антитатарской направленности. Дискриминация по национальному признаку отсутствовала. Сделан итоговый вывод о том, что Российская империя проводила в Крыму не колонизаторскую политику, а гибкую политику аккультурации.

Ключевые слова: Россия, правительственная политика, колониализм, аккультурация, Таврическая губерния, губернатор, крымские татары.

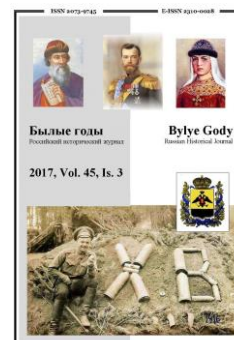
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svlubich@yandex.ru (С.В. Любичанковский)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1025-1035, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1025
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.6)"1890/1914": 633.1

Value-grain Potential of the North Caucasus in the late XIX – the early XX century

Valery N. Ratushnyak ^{a, *}, Tatyana V. Ratushnyak ^a

^a Kuban State University, Russian Federation

Abstract

One of the largest agricultural regions in the late XIX – the early XX century was the North Caucasus which had grain as a leading value crop. The article sets a mission to trace the patterns of the value grain growth and its disposal in the North Caucasus, Russian and world markets. This work is based on the official statistic sources and documents of the central and local archives. The North Caucasus was mostly high-value crop region. Gross grain yields rose not only by means of acreage increase but also due to the grain crops productivity growth. In 1890 the North Caucasus had come out on top of empire with net crop harvesting per head of population. This index in region was 10–11 poods more than national average. This growth was caused not only by local favorable socioeconomic conditions but also by emerging coherence of agricultural production of the North Caucasus with all-Russian economic system and world market. The value grain was sent by railway, water way and partly with animal-drawn transport. Development of the economic relations between the North Caucasus and rest of Russia promoted further regions' involvement into the national-economic system and all-Russian agricultural market. The largest trade center of the North Caucasus in the early XX century was presented by Novorossiysk. Within the export structure dominated such high-value crops as wheat and barley which accounted for about 90 per cent of all grain export. In the late XIX – the early XX century the agricultural value production of the North Caucasus had progressed to the stage where the developed agricultural market functioned in growing scale.

Keywords: the Vladikavkaz Railway, grain crops, the Kuban Oblast, Novorossiysk, the North Caucasus, agriculture, statistics, trade-grain farming, grain export, fairs.

1. Введение

В ряду важнейших проблем исследования истории России на рубеже XIX и XX вв. особое место занимает процесс развития капитализма вширь и вглубь, выяснение основных факторов и специфики капиталистической эволюции сельскохозяйственного производства бывших аграрных окраин страны по мере втягивания их в ее народнохозяйственную систему. К числу таких окраин России относился и Северный Кавказ – один из крупнейших сельскохозяйственных регионов страны, ведущей товарной культурой которого было зерно. Поэтому в статье ставится задача проследить особенности роста товарного зерна и его реализации в северокавказском регионе, на общероссийском и мировом рынках.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов и источников для нашего исследования служат работы ряда российских авторов как досоветского периода (на Северном Кавказе он завершился в 1920 г.), так и советского времени, когда аграрная история России входила в число наиболее приоритетных научных проблем. В постсоветское время традицию изучения аграрной истории России поддерживает

* Corresponding author

E-mail addresses: ratushnyak_vn@mail.ru (V.N. Ratushnyak), tatyana.ratushnyak@mail.ru (T.V. Ratushnyak)

постоянно действующий Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, на котором неоднократно выступал с докладами один из авторов данной статьи. Работы досоветского периода интересны своими фактическими материалами, привлеченными авторами из не дошедших до нас первоисточников (Щербина, 1892–1894; Лященко, 1910, 1912; Смирнов, 1913; Бензин, 1915; Кокшайский, 1915; Мерхалев, 1919).

Труды советских авторов привлекательны прежде всего сравнительно-историческим ракурсом межрегионального изучения России, позволяющие увидеть специфику аграрной эволюции Северного Кавказа (Кондратьев, 1922; Лященко, 1927; Карнаухова, 1951; Фадеев, 1959, 1961; Золотов, 1966).

Основной источниковой базой статьи явились издания Центрального статистического комитета (ЦСК) «Статистика Российской империи», включавшие в себя ежегодные сведения о посевах хлебов, их урожаях, перевозках, ценах на хлеб и т. п. Они дополнялись статистическими сведениями отчетов руководителей областей и губерний Северного Кавказа и местных статистических комитетов. Использовались так же аутентичные данные, извлеченные авторами из местных и центральных архивохранилищ страны.

2.2. Статья базируется на основополагающих принципах историзма, системности и объективности. Историко-системный подход позволил провести анализ состояния и развития товарно-зернового потенциала Северного Кавказа в контексте экономического развития региона на рубеже XIX и XX вв. Историко-сравнительный метод способствовал определению общих и особенных черт эволюции товарно-зернового производства на Кубани, Терекке, Ставрополье и Черноморье, а также сравнению товарно-зернового потенциала северокавказского региона с Россией. Широко использованы статистический и хронологический методы исследования. Объективность исследования достигается широким привлечением разносторонних, хорошо апробированных в исследовательской практике источников и научной литературы.

3. Обсуждение

Вопрос о росте товарно-зернового потенциала Северного Кавказа пока не подвергался специальному изучению, хотя предпосылки для этого были (Ратушняк, 1977: 183–220; Ратушняк, 1984: 20–25; Ратушняк, 1989: 69–79; Ратушняк, 1999: 131–134). Кроме того есть работы дореволюционных и советских исследователей, в которых в той или иной степени затрагиваются аграрные отношения и товарное производство на Северном Кавказе. Прежде всего это работа известного статиста Ф.А. Щербины, посвященная зерновому производству и торговле на Северном Кавказе (Щербина, 1892–1894).

Крупнейшему исследователю народного хозяйства страны П.И. Лященко принадлежат работы, в которых есть интересные сведения о Северном Кавказе (Лященко, 1910; Лященко 1912). Российскому хлебному экспорту была посвящена работа В.М. Бензина (Бензин, 1915). Зерновому производству на Ставрополье уделили достаточно внимания М. Смирнов и И.Н. Кокшайский (Смирнов, 1913; Кокшайский, 1915). Проблему развития капитализма вширь на примере Северного Кавказа исследовал А.В. Фадеев (Фадеев, 1959: 40–62).

Особенности порайонного развития сельского хозяйства пореформенной России осветила в своей монографии Е.С. Карнаухова (Карнаухова, 1951). Для нас прежде всего интересны ее оценки зерновых возможностей Северного Кавказа. Роль Северного Кавказа в экспорте хлеба из России рассмотрел в своем труде В.А. Золотов (Золотов, 1966).

4. Результаты

Представленная работа базируется прежде всего на хорошо апробированных в исторических исследованиях официальных статистических источниках. Трудно, например, переоценить достоверность сведений таких многотомных сборников как «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» и «Сводная статистика перевозок хлебных грузов по Владикавказской железной дороге». Эти и другие источники официальной статистики были дополнены материалами, извлеченными из центральных и местных архивов.

К концу XIX в. Северный Кавказ стал одним из крупнейших районов товарно-зернового земледелия. Но это, естественно, не означало, что во всех местностях северокавказского региона преобладало производство зерна.

В отдельных районах Северного Кавказа товарно-капиталистическое развитие получили и такие направления сельскохозяйственного производства, как коммерческое огородничество, табаководство, бахчеводство, виноградарство, садоводство. Но зерновое производство, ставшее к концу XIX в. генеральным направлением эволюции сельского хозяйства региона, продолжало расти и в XX в., охватывая все большие районы и земельные площади.

Так, среднегодовая площадь посевов зерновых культур с 1901–1905 гг. по 1911–1915 гг. возросла в Кубанской области с 2423,0 до 3153,8 тыс. дес. (на 30,1 %), в Ставропольской губернии – с 1488, 9 до 2444, 1 тыс. дес. (на 64, 1 %), в Терской области – с 556, 1 до 949,3 тыс. дес. (70,7 %), в Черноморской губернии – с 7,4 до 11,0 тыс. дес. (48,6 %), а всего на Северном Кавказе – с 4475,4 до 6558,2 тыс. дес., или на 46,5 % (Сборник статистико-экономических сведений, 1907–1917).

Как видим, наиболее успешно зерновое хозяйство развивалось в Ставропольской губернии и Терской области. На Кубани – в самом крупном районе производства зерна – пик роста зерновых посевов был уже позади: в 80–90-е гг. XIX в. ее зерновые площади выросли более чем в 3 раза (Фадеев, 1961: 255). К началу XX в. зерновые культуры в структуре посевов Кубани, Ставрополья и Терека составили более 95 % и только в Черноморской губернии они занимали не более 67 % (Ратушняк, 1984: 21). Ведущей культурой становится пшеница – 59,2 % посевов, 15,2 % составил ячмень.

Сравнивая эти данные со структурой зерновых посевов в Европейской России, видим, что если последняя – житница в основном серых (потребительских) хлебов, таких, как рожь, то Северный Кавказ был районом преимущественно высокоотоварных культур (Сборник статистико-экономических сведений, 1907–1917; Карнаухова, 1951: 82). Рост посевов пшеницы и ячменя на Северном Кавказе предопределил не только увеличение валовых сборов этих культур, но и возрастание их доли в соответствующем балансе России.

Так, валовые сборы пшеницы возросли на Северном Кавказе с 1896–1900 гг. по 1911–1915 гг. с 80,2 до 198,8 млн пуд. (почти в 2,5 раза), а их доля в производстве этой культуры по России (72 губернии) – с 11,5 до 14,7 %. Соответственно валовой сбор ячменя увеличился за указанный период с 26,7 до 97,3 млн пуд. (более чем в 3,6 раза), а его доля в валовом производстве ячменя страны с 7,9 до 15,2 % (Сборник статистико-экономических сведений, 1907–1917). Причем валовые сборы зерна, и это очень важно, росли не только за счет расширения посевных площадей, но и в связи с ростом урожайности зерновых культур.

При сравнении средней урожайности основных зерновых культур за 1892–1896 гг. и 1909–1913 гг. всех губерний и областей края заметно ее возрастание почти по всем видам зерна. Отметим, что при общей специализации Северного Кавказа на пшенице, в меньшей степени ячмене, в различных его районах специализация варьировалась.

Своеобразным индикатором эволюции сельского хозяйства, показателем уровня его прогресса был чистый сбор (за вычетом семян) зерна на душу населения.

Уже в 1890 г. Северный Кавказ вышел на первое место в империи по чистому сбору зерна на душу населения. В регионе этот показатель был на 10–11 пуд. больше, чем в среднем по России. К 1913 г. он вырос еще больше. Динамика роста чистых сборов продовольственного зерна в крупнейших административных районах Северного Кавказа прослеживается по данным (табл. 1):

Таблица 1. Среднегодовой чистый сбор зерна на душу населения, пуд.

Административные единицы	1895–1899 гг.	1909–1913 гг.
Кубанская область	47,5	62,5
Ставропольская губерния	40,9	61,8
Терская область	28,2	29,3
Черноморская губерния	нет сведений	4,8
Северный Кавказ	37,9	54,6

(Статистика Российской империи, 1900: 2–3; Статистика Российской империи, 1915: 30–31).

При сравнении двух пятилетних периодов (табл. 1) обращает на себя внимание значительный рост чистого сбора зерна на душу населения на Кубани (31,5 %) и на Ставрополье (50,8 %). В Терской области он увеличился лишь на 3,9 %.

Исключением была Черноморская губерния. Небольшой показатель здесь объясняется тем, что она все больше специализировалась на табаководстве, садоводстве и виноградарстве. К тому же значительная часть сельского населения губернии занималась неземледельческими промыслами.

В 1913 г. Ставропольская губерния вышла на первое место в России по чистому сбору продовольственного зерна на душу населения (88,04 пуд). Кубанская область с показателем 76,3 пуд. осталась на втором. В 1914–1915 гг. ситуация повторилась, что далеко не случайно: менее обремененная, чем соседние районы, пережитками старых производственных отношений, Ставропольская губерния интенсивно наращивала свой товарно-зерновой потенциал.

Значительное повышение чистого сбора зерна свидетельствовало о существенном росте товарной продукции на Северном Кавказе. Этот рост обуславливается не только благоприятными местными социально-экономическими условиями, но и крепнущей связью сельскохозяйственного производства Северного Кавказа с общероссийской экономической системой и мировым рынком.

Общественное разделение труда и специализация капиталистического производства, охватившие к концу XIX в. не только Россию, но и значительную часть мира, способствовали быстрому развитию зернового земледелия Северного Кавказа, предопределили ведущую роль хлебных продуктов в общем товарообороте региона. В этом нетрудно убедиться, обратившись к данным перевозок Владикавказской железной дороги, крупнейшей и до 1911 г. единственной железнодорожной магистрали Северного Кавказа. Картина ее эксплуатации показывает не только

весомость доли зерновых продуктов в общем грузопотоке, но и скорость возрастания перевозок зерна. Так, в 1893–1913 гг. на хлебные продукты в общей массе перевозок приходилось ежегодно в среднем от 30 до 64 %. О масштабах же и динамике перевозок и отправления хлебных грузов можно судить по следующим данным (табл. 2):

Таблица 2. Среднегодовая перевозка хлебных грузов по Владикавказской железной дороге, тыс. пуд.

Годы	Всего перевезено хлеба	Рост %	В том числе по другим дорогам и транзитом	% к перевозкам	Отправлено хлеба	Рост %	Отправлено в % к перевозкам
1894–1898	47769,4	100,0	1520,4	3,1	46244,6	100,0	96,8
1899–1903	75832,8	158,7	2458,6	3,2	73365,8	158,6	96,7
1904–1908	105268,4	220,3	2089,4	1,9	103161,8	323,0	97,9
1909–1913	149414,8	312,7	7974,4	5,3	141453,8	305,8	94,6

(Сводная статистика, 1915: 4, 6, 8 (подсчитано авт.)).

Из табл. 2 видно, что объем хлебных перевозок за 20 лет вырос более чем в 3 раза. Особенно велика была доля отправляемого хлеба, что свидетельствовало о его растущих товарных излишках в регионе. О «доморощенности» основной массы перевозимого хлеба говорит и небольшой процент хлебных продуктов, шедших транзитом или поступающих с железных дорог других регионов страны.

Отметим, что рост товарных перевозок хлеба на Северном Кавказе опережал соответствующий рост его перевозок по России в целом, о чем говорят среднегодовые перевозки и отправка хлеба Владикавказской железной дорогой и другими железными дорогами России в 1895–1899 гг. и в 1909–1913 гг. В первом пятилетии ежегодно доля Владикавказской железной дороги в общих перевозках хлеба империи составляла в среднем 6,9 % (соответственно 47,7 и 686,8 млн пуд.), а отправка его в предвоенное пятилетие – уже 111 % (соответственно 141,4 и 1270,0 млн пуд.).

Конечно, тот факт, что в первом случае речь идет о хлебных перевозках, а во втором – о хлебных отправлениях, все же вносит некоторые коррективы в сравниваемые цифры, однако незначительные. Так, в 1895 г. доля Владикавказской дороги в общих отправлениях хлебных грузов России составляла 8,2 %, а в 1897 г. – лишь 4,3 %. К сожалению, по другим годам этого десятилетия мы располагаем сведениями лишь о перевозке хлебных грузов России, а не по их отправлению по железной дороге. И все же нет никаких сомнений в росте доли хлебных перевозок Владикавказской железной дороги в общем балансе железнодорожных перевозок (или отправок) хлеба в России.

Однако учитывая, что с 1911 г. часть перевозок хлеба производится по Ейской железной дороге, можно предположить, что доля северокавказского региона в транспортировке хлебных продуктов России увеличивается (в 1911 г. Ейской железной дорогой было отправлено 4392 тыс. пуд., в 1912 г. – 7996, в 1913 г. – 11918 тыс. пуд. (Сводная статистика перевозок, 1897–1900; 1910–1914), т. е. за три года перевозки хлеба по новой дороге выросли почти в три раза.

Кроме того, оценивая валовой объем перевозок хлебопродуктов, большая часть которых предназначалась для рынка, нельзя не учитывать также отправление хлеба водным путем и отчасти гужевым транспортом. Можно, однако, предположить, что подводами хлеб за пределы региона вывозился в незначительных количествах и главным образом в ближайшие пункты соседних губерний. В основном же этот вид транспорта обслуживал местные рынки или поставлял товарную продукцию на железнодорожные станции, в морские порты и на речные пристани (последние – лишь на Кубани). Так, в 1907–1911 гг. ежегодно на пристанях р. Кубани загружалось для отправки в среднем по 10,4 млн пуд. зерна (Кубанская область в ее недавнем прошлом, 1912: 20).

Еще больше товарного хлеба отправлялось через морские порты, например, в 1909–1913 гг. вывозилось ежегодно более 100 млн пуд (Производство, перевозки и потребление, 1916: 214–215). Причем авторы цитируемых подсчетов не включали сюда хлебные продукты, доставленные в порты по железной дороге. Не исключено, что какой-то процент отправляемых хлебных продуктов учитывался дважды. И совершенно точно, что большая часть зерна, перевозимого по р. Кубань, попадала для дальнейшей транспортировки в Темрюкский порт.

Вывоз хлеба из губерний и областей Северного Кавказа был неодинаков и зависел в первую очередь от валового сбора зерна на местах. Больше всего вывозила Кубанская область, затем шла Ставропольская губерния, потом Терская область. Черноморская губерния своего хлеба не вывозила.

В предвоенное пятилетие (1909–1913 гг.) среднегодовое отправление хлебных грузов со всех железнодорожных станций Терской области составляло 21045,6 тыс. пуд., Ставропольской губернии –

51462,0 тыс. пуд., Кубани – 77048,2 тыс. пуд. (в том числе 68946,2 тыс. пуд. со станций Владикавказской железной дороги и 8102,0 тыс. пуд. с Ейской железной дороги) (*Статистический справочник, 1923: 263; Мерхалев, 1919: 5; Сводная статистика, 1910–1914* (подсчитано авт.)).

Помимо вывоза, зерно реализовывалось и через мукомольное, винокуренное и пивоваренное производства. Причем, если мельницы (особенно мелкие) перерабатывали немалую часть потребительского зерна (зерно и полученная мука принадлежали производителю, платившему деньги за помол), винокуренные и пивоваренные заводы, как правило, работали на покупном хлебе. Отметим, что только на винокуренных предприятиях Северного Кавказа ежегодное потребление зерновых продуктов с 1896–1898 гг. по 1906–1908 гг. возросло с 1158,1 до 1343,7 тыс. пудов (*Статистика производства, 1900: 4–5, 8–9; Сборник статистико-экономических сведений, 1912: 186–187*).

Необходимо принимать во внимание и нереализованные остатки урожаев предыдущих лет, часть из которых, несомненно, можно отнести к потенциальной товарной продукции. В 1900–1914 гг. ежегодные остатки хлеба (в зависимости от урожая) на Северном Кавказе составляли от 17 до 32 млн пуд (*РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 342. Л. 22*).

Вообще же подсчет товарных излишков в неплановом сельскохозяйственном производстве – дело чрезвычайно трудное, хотя и базируется на относительно доступных данных перевозок зерна, потребления их городами, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье промышленностью и т.п. Поэтому исследователи прибегают к приему, апробированному еще дореволюционными экономистами и статистиками (*РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 296. Л. 34–58; ГАРО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 80. Л. 7–47*). Из валового сбора зерна вычитаются посевной фонд, зерновой фураж и суммарная масса хлеба, идущая на питание сельскому населению. Полученные таким образом приблизительные расчеты товарной продукции позволяют довольно зримо судить прежде всего о товарном потенциале того или иного района и, что особенно важно, о его эволюции.

Мы располагаем подобными сведениями, позволяющими увидеть рост товарно-зерновой продукции сельского хозяйства Северного Кавказа почти за 20-летний период. К примеру, среднегодовая товарная масса пяти основных видов зерна (рожь, пшеница, овес, ячмень и просо) с 1896–1898 гг. по 1912–1914 гг. выросла на Северном Кавказе с 55,6 до 124,1 млн пуд., т. е. в 2,2 раза (*Кавказ в сельскохозяйственном отношении, 1900: 301; РГИА. Ф. 433. Оп. 1. Д. 56. Л. 27, 54, 59*).

В 1917 г. товарные излишки того же зерна, по подсчетам Отдела статистики Министерства земледелия, должны были составить в Кубанской области 101,3 млн пуд., в Ставропольской губернии – 71,5 млн пуд., в Терской области – 7,5 млн пуд., а всего – 180,3 млн пуд., при дефиците зерна в Черноморской губернии 1,1 млн пуд (*РГИА. Ф. 433. Оп. 1. Д. 56. Л. 27, 54, 59, 69*). И это в условиях войны и сокращения посевных площадей!

Все же это – далеко не полная картина роста товарно-зернового производства на Северном Кавказе, так как по сути дела здесь не учитываются внутридеревенский товарооборот, усиливающийся по мере развития капитализма, социально-экономическое расслоение сельского населения, а также рост его земледельческой части. Между тем, по самым приблизительным расчетам, только на Кубани внутридеревенские закупки зерна составляли около 20 млн пуд (*Ратушняк, 1977: 193*).

Рост товарного потенциала сельскохозяйственного производства Северного Кавказа был связан с активизацией его внутренних товарных связей, контактами с другими районами страны и с зарубежными рынками.

Развитие внутреннего рынка региона наблюдалось по росту внедеревенского и внутридеревенского товарообмена, появлению наиболее современных форм торговли и возрастанию товарного производства.

Реализация основной массы товарной продукции происходила на постоянно действующих базарах и на временных ярмарках. По мере развития путей сообщения и товарно-денежных отношений кратковременные и эпизодические формы торговых связей становились все более устойчивыми и постоянными, что проявлялось прежде всего в расширении стационарной торговой сети и в увеличении ее оборотов. Так, земледельческих продуктов на стационарных базарах продавалось больше, чем на ярмарках, что объяснялось большим количеством торговых дней. В Ставропольской губернии накануне Первой мировой войны насчитывалось 96 селений с базарами, работавшими совокупно 6190 дней в году, а селений с ярмарками – 52 и соответственно 526 дней (*Ставропольская губернская земская управа, 1914: 1–2*).

Однако при относительном уменьшении роли ярмарок во внутреннем товарообороте Северного Кавказа их значение в торговой жизни региона не только не ослабевало, но, наоборот, возрастало. На Кубани, например, с 1890 по 1912 г. число населенных пунктов с ярмарками увеличилось с 30 до 120, а общая продолжительность их работы – с 660 дней в году до 1310 (*РГВИА. Ф. 4. Оп. 94. Д. 183. Л. 1–10; ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1829. Л. 21–27; Ф. 460. Оп. 2. Д. 23. Л. 1–24*).

Продажа земледельческих продуктов на Северном Кавказе осуществлялась либо по месту жительства землепашцев, либо в городах и ближайших селениях, где были базары и ярмарки.

Важную координирующую роль во внутренних и внешних товарных связях края играли сложившиеся на аграрно-капиталистической основе города и торговые селения: Новороссийск,

Екатеринодар, Ставрополь, Владикавказ, Грозный, Георгиевск, Майкоп, Ейск, Армавир, Прасковья и др. Сюда поступала значительная часть сельскохозяйственной продукции края, отправляемая затем (за вычетом собственного потребления) во внутренние губернии России и за границу. Так, в начале XX в. из Екатеринодара в среднем в год вывозилось до 8,0 млн пуд. груза, в том числе 6,8 млн пуд. сельскохозяйственных продуктов, из Ставрополя – соответственно 3,1 млн пуд. и 2,9, из Владикавказа – 1,4 и 0,7 млн пуд., из Дарг-Коха – 1,5 и 1,3 млн пуд., из Беслана – 1,2 и 1,1 млн пуд.

Крупнейшим торговым центром Северного Кавказа в начале XX в. стал г. Новороссийск, на долю которого приходилось 27 % товарооборота всей хлебной торговли Северного Кавказа ([Торговля и промышленность, 1910: 7, 8, 24, 25, 34, 35, 48](#)).

Значительная масса товарно-зерновой продукции подвозилась на железнодорожные станции. По данным статотдела Ставропольской губернской земской управы, в своих селениях продавалось до 14,0 % товарного хлеба, столько же – на соседних базарах и ярмарках, 19,6 % подвозилось в крупнейший торговый центр губернии г. Ставрополь, 52,4 % доставлялось на ближайшие железнодорожные станции для отправки в другие населенные пункты губернии или за ее пределы ([Ставропольская губернская земская управа, 1914: 20](#)). Причем внутренняя реализация земледельческих продуктов возрастала. Так, в 1905 г. на местном рынке Ставрополя только четырех видов зерна (пшеница, рожь, ячмень, овес) было продано около 9 млн пуд. (в том числе 5,9 млн пуд. пшеницы) ([Обзор Ставропольской губернии, 1905: 26](#)), через 10 лет – уже более 16,7 млн пуд. (пшеницы 11,7) ([Обзор Ставропольской губернии, 1915: 57](#) (пересчет четвертей в пуды сделан нами по изданию: [Свод урожайных сведений, 1928](#) – авт.)).

Возрастающее значение в реализации хлебных продуктов приобретала мукомольная промышленность края. Основная масса товарного зерна обрабатывалась на так называемых промышленных мельницах. В 1908 г. на 184 таких мельницах было переработано 37,7 млн пуд. зерна ([Сборник статистико-экономических сведений, 1910: 192](#); [Лященко, 1910: 104](#)). К 1915 г. число подобных мельниц возросло на Северном Кавказе до 332, которые только пшеницы перемалывали в год свыше 60 млн пуд ([ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 26. Л. 25, 30](#)).

Хлебные продукты играли важную роль в товарообмене между районами, особенно степными и горными. Если степные районы считались производителями зерна, то в предгорьях Кавказа своего хлеба для местного населения нередко не хватало. Так, в предгорья Кубани ежегодно требовалось завозить до 2 млн пуд. хлеба ([Отчеты начальника Кубанской области, 1895–1913](#)). Недостаток хлебных продуктов ощущался и в горных районах Терека ([Отчеты начальника Терской области, 1895–1913](#)). В Черноморской губернии производилось до 900 тыс. пуд. хлеба, а годовая потребность местного населения составляла до 2,5 млн пуд., что компенсировалось его подвозом со стороны ([Черноморский округ, 1923: 30–31](#)).

Преобладающая часть хлебных грузов из губерний и областей Северного Кавказа шла в Новороссийск для последующей транспортировки их за пределы региона. Так, в 1897 г. в пределах Северного Кавказа отправили и получили 21,1 млн пуд. хлеба, из которых доставлено в Новороссийск 16,6 млн пуд ([Сводная статистика, 1897: 1, 86–87](#)). В 1913 г. со станций Владикавказской железной дороги было отправлено на станции той же дороги 99,8 млн пуд. хлеба, в том числе получено Новороссийском более 50 млн пуд., правда, часть была доставлена из Ростова и ближайших селений (но не более 5–10 %) ([Сводная статистика, 1913: 2–4](#); [Статистические данные, 1916: 133–156](#)). По подсчетам дореволюционных исследователей, товарный обмен хлебными продуктами в пределах Предкавказья в начале XX в. составлял свыше 24 млн пуд ([Торговля и промышленность, 1910: 21](#)).

С ростом внутреннего рынка Северного Кавказа все большая часть его продукции направлялась в другие губернии и за границу. Получая из центра земледельческие машины, орудия, изделия промышленного производства и пр., Северный Кавказ в свою очередь поставлял в Россию хлеб, скот, продукты животноводства, табак, подсолнечное семя и т. п. На внешний рынок экспортировалось главным образом зерно. По подсчетам П.И. Лященко, вывоз северокавказского зерна к пограничным портам составлял в начале XX в. 68,2 % всего вывозимого из региона хлеба. Особенно много экспортировалось пшеницы (до 75 % вывозимого с Северного Кавказа объема) и ячменя (94,2 %) ([Лященко, 1927: 314–315](#)). В Европейскую Россию, по подсчетам дореволюционных специалистов, в начале XX в. с территории Предкавказья ежегодно вывозилось в среднем по 15,3 млн пуд. хлеба, в остальную часть России – 8,2 млн пуд. и свыше 30 млн пуд. – за границу ([Торговля и промышленность, 1910: 21](#)).

Несмотря на то, что местное зерновое производство ориентировалось в основном на зарубежный рынок, поставки хлеба на внутренний рынок России не сокращались, существовала даже тенденция к их увеличению, охвату все новых и новых территорий страны. Так, если не брать во внимание Новороссийск, куда доставлялось от 30 до 60 % всего вывозимого из региона хлеба, предназначенного в основном на экспорт, то в 1895 г. на внутренний рынок России по железной дороге транспортировалось свыше 14,3 млн пуд. хлеба, а в 1913 г. уже более 40,4 млн пуд. (и это без кукурузы, проса и ряда других менее значимых хлебных продуктов). Расширилась и география товарных поставок хлеба. Если в 1895 г. хлеб с территории Северного Кавказа отправлялся в

36 городов и станций России, то в 1913 г. – уже в 150 крупнейших населенных пунктах, не считая станций, получавших менее 1 тыс. пуд. хлеба.

Выросли поставки зерна в Ростов (с 10,3 до 25, 7 млн пуд.), Петербург (с 0,08 до 1,3), Москву (с 0,27 до 0,34) и особенно в Закавказье. Если в 1895 г. в Петровск и через него было вывезено в Закавказье 834 тыс. пуд. хлебопродуктов, то в 1913 г. – 7,5 млн пуд. (из которых 4,5 млн пуд. – в Баку, 1,4 млн пуд. – в Тифлис). Интересно отметить, что даже в Среднюю Азию было вывезено в 1913 г. 56 тыс. пуд. хлеба ([Сводная статистика перевозок, 1895: 2–705](#); [Статистические данные, 1916: 133–167](#) – подсчитано авт.).

Помимо железнодорожных доставок немало земледельческих продуктов отправлялось в губернии России из черноморско-азовских портов Северного Кавказа и из Петровска. Из Новороссийска ежегодно вывозилось малым каботажом от 2,6 до 3 млн пуд. хлеба, из Петровска – от 2,7 до 5,5, а всего из портов, примыкающих к региону, – от 8,2 до 11,5 млн пуд. хлебных продуктов ([Статистический справочник, 1923: 234–238](#)).

Развитие экономических связей между Северным Кавказом и остальной Россией способствовало дальнейшему втягиванию региона в народнохозяйственную систему страны, в общероссийский аграрный рынок.

Одновременно с утверждением позиций местного внутреннего рынка Северного Кавказа и усилением его товарных связей с Европейской Россией и другими регионами страны происходило и расширение торгово-хозяйственных контактов Северного Кавказа с заграничным рынком.

Для Северного Кавказа, который по степени специализации в начале XX в. стоял на одном из первых мест среди других зерновых регионов страны (в 1909–1913 гг. – на первом) ([Дробижев и др., 1973: 213](#)), экспортная торговля главным образом хлебом имела особое значение, чему в немалой степени способствовали близость черноморских портов и тот факт, что южнорусское зерно, по мнению специалистов, считалось одним из лучших в мире и пользовалось заслуженным спросом прежде всего на рынках Европы.

Крупнейшим портом по экспорту северокавказского зерна был Новороссийск, куда стягивались хлебные продукты со своего региона. Конечно, какая-то часть попадала сюда и из других районов, в частности с Дона и Поволжья, но в абсолютной своей массе здесь преобладал местный хлеб. С 1897–1899 гг. среднегодовой экспорт зерна из Новороссийска составлял 29,5 млн пуд., а в 1911–1913 гг. – уже 65,1 млн пуд. ([Бензин, 1915: 47](#)). В отдельные годы, как это было, например, в 1909-м, вывоз зерна за границу из Новороссийска достигал 79,1 млн пуд. В этом году было отправлено в Голландию – 22,6 млн пуд., Германию – 19,5 млн, Италию – 9,8, порт Гибралтар – 7,1, Данию – 4,3, Францию – 4,2, Англию – 3,7 млн пуд. ([Статистико-экономические очерки, 1913: 397](#)). Хлеб из Новороссийска шел в десятки стран мира.

Экспорт зерна из губерний и областей Северного Кавказа, и в частности из Новороссийска, возрастал не только абсолютно, но и относительно – увеличилась его доля в общем экспорте России. Так, если в среднем ежегодно в 1895–1899 гг. из Новороссийска вывозилось только пять видов хлебов (пшеница, рожь, ячмень, овес и кукуруза) более 18,1 млн пуд. (4,2 % от всего экспорта этих хлебов из России), то в 1905–1909 гг. – уже 45,4 млн пуд. (8,8 %) ([Справочник по хлебной торговле, 1911: 22–23](#) – подсчитано авт.). Как видим, вклад Северного Кавказа в общероссийский экспорт зерна возрос более чем в два раза. И это без учета того хлеба, который шел из губерний Северного Кавказа на экспорт через Ростов и другие порты Азовского и Черного морей. Между тем, с ростом железнодорожной сети, оборудованием и переоборудованием старых портовых сооружений значение, например, кубанских портов в вывозе хлеба за границу возрастало. Так, среднегодовой экспорт хлеба из таких портов, как Анапа, Темрюк, Ахтари, (Приморско-Ахтарск), Ейск, Тамань, вырос с 1895–1899 гг. по 1910–1913 гг. с 11,4 до 33,4 млн пуд., т. е. почти в три раза ([Ратушняк, 1977: 220](#)).

Особую роль в росте экспорта сельскохозяйственных продуктов играло строительство железных дорог. Стоило только в 1888 г. подвести железную дорогу к Новороссийску, как уже в 1890–1894 гг. экспорт зерна из этого порта увеличился более чем в 6 раз ([Золотов, 1966: 191](#)). Другой пример – Ейский порт. Как только осенью 1910 г. по линии Ейск – Сосыка было открыто временное товарное движение (постоянное движение началось с лета 1911 г.), так к Ейскому порту для вывоза за границу было доставлено по новой железной дороге 6,7 млн пуд. хлеба, а вместе с традиционным гужевым подвозом это позволило вывезти около 14 млн пуд. хлебных продуктов. На следующий год через Ейск было вывезено за границу почти столько же, а в 1913 г. – уже свыше 20 млн ([РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 263. Л. 38–39, 48; ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 995. Л. 13–15; Ф. 575. Оп. 1. Д. 15. Л. 71–74](#)).

Крупнейшим экспортером на Северном Кавказе, да и не только в этом регионе, была Кубанская область. По количеству экспортируемого зерна перед Первой мировой войной она вышла на второе место в России (после Херсонской области), отправляя в зарубежные порты ежегодно до 60 млн пуд. хлеба ([Кондратьев, 1922: 22](#)).

В структуре хлебного экспорта Северного Кавказа преобладали такие высокотоварные культуры, как пшеница и ячмень, на долю которых приходилось 90 % всего вывоза зерна. Однако, если в 1895–1899 гг. доля экспортируемой пшеницы составляла свыше 65 %, а ячменя более 20 %, то уже через 10 лет это соотношение изменилось. На первом месте по-прежнему стояла пшеница, хотя ее

процент в общем экспорте зерновых хлебов значительно упал – до 40, зато доля ячменя возросла до трети всего вывоза. Иногда ячменя вывозилось больше пшеницы, как это было, например, в 1909 г., когда из двух крупнейших портов Северного Кавказа (Новороссийска и Ейска) его было экспортировано 27,7 млн пуд., а пшеницы 22,3 млн пуд (*Отчет о деятельности, 1910*; РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 263. Л. 48).

5. Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. товарное производство в сельском хозяйстве Северного Кавказа достигло такого уровня, на базе которого функционировал в возрастающих масштабах развитый сельскохозяйственный рынок.

Ведущую роль в товарном производстве и реализации его продукции играло зерно. Хлебная торговля была не только основным показателем развития внутреннего сельскохозяйственного рынка Северного Кавказа, но и во многом предопределяла усиление его товарных связей с общероссийской экономикой и зарубежными рынками.

Литература

- Бензин, 1915** – Бензин В.М. Отчет о деятельности агрономического поезда Владикавказской железной дороги в 1915 г. Ростов н/Д, 1915. 57 с.
- Бензин, 1915** – Бензин В.М. Хлебный экспорт России. Пг., 1915. 161 с.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Дробижев и др., 1973** – Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973. 320 с.
- Золотов, 1966** – Золотов В.А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX века. Ростов н/Д, 1966. 249 с.
- Карнаухова, 1951** – Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914). М., 1951. 215 с.
- Кокшайский, 1915** – Кокшайский И.Н. Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880–1913 гг. Ставрополь, 1915. 158 с.
- Кондратьев, 1922** – Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. 350 с.
- Кубанская область, 1912** – Кубанская область в ее недавнем прошлом и настоящем. Екатеринодар, 1912. 97 с.
- Лященко, 1910** – Лященко П.И. Мукомольная промышленность России и иностранные потребительские рынки. Спб., 1910. 147 с.
- Лященко, 1912** – Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. 656 с.
- Лященко, 1927** – Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. 376 с.
- Мерхалев, 1919** – Мерхалев Дм. Материалы по экономическому положению Кубанского края. Екатеринодар, 1919. 178 с.
- Обзор Ставропольской, 1905** – Обзор Ставропольской губернии за 1905 г. Ставрополь, 1905. 143 с.
- Обзор Ставропольской, 1915** – Обзор Ставропольской губернии за 1915 г. Ставрополь, 1915. 154 с.
- Отчет о деятельности, 1910** – Отчет о деятельности Новороссийского торгового порта и управления порта за 1909 год. Новороссийск, 1910. 56 с.
- Ратушняк, 1999** – Ратушняк В.Н. О некоторых методических подходах к оценке уровня аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в дореволюционный период // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1999. С. 131–134.
- Ратушняк, 1989** – Ратушняк В.Н. Развитие товарного земледелия и расслоение крестьянства Северного Кавказа на рубеже XIX и XX вв. // *Вопросы истории и историографии Северного Кавказа* (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 69–79.
- Ратушняк, 1977** – Ратушняк В.Н. Товарно-капиталистическое производство в сельском хозяйстве Кубани в конце XIX – начале XX в. // *Исторические записки*. М., 1977. № 99. С. 183–220.
- Ратушняк, 1984** – Ратушняк В.Н. Торговое земледелие Северного Кавказа и особенности его специализации в конце XIX – начале XX века // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки*. 1984. № 2. С. 20–25.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сборник, 1907–1917** – Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. СПб., 1907–1917. Вып. 1–10.
- Свод урожайных, 1928** – Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. М. ЦСУ., 1928.

- [Смирнов, 1913](#) – *Смирнов М.* Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX в. Ставрополь, 1913. 148 с.
- [Справочник по хлебной торговле, 1911](#) – Справочник по хлебной торговле. СПб., 1911. 211 с.
- [Ставропольская губернская земская управа, 1914](#) – Ставропольская губернская земская управа. Статотдел. Текущая статистика: базары и ярмарки. Ставрополь, 1914. Т. 2. Вып. 1. 42 с.
- [Статистика производств, 1900](#) – Статистика производств, облагаемых акцизом, и гербовых знаков за 1897 и 1898 гг. СПб., 1900. 137 с.
- [Статистика Российской империи, 1900](#) – Статистика Российской империи. Урожай 1899 г. Вып. 49. СПб., 1900. 459 с.
- [Статистика Российской империи, 1915](#) – Статистика Российской империи. Урожай 1914 г. Вып. 86. Пг., 1915. 674 с.
- [Статистико-экономические очерки, 1913](#) – Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России / Под ред. Л.Н. Яснопольского. Киев, 1913. 402 с.
- [Статистические данные, 1916](#) – Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916. 169 с.
- [Статистический справочник, 1923](#) – Статистический справочник юго-востока России. Ростов н/Д, 1923. Вып. 2. С. 62–67.
- [Торговля и промышленность, 1910](#) – Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1910. Вып. 7. 56 с.
- [Фадеев, 1959](#) – *Фадеев А.В.* Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: к проблеме развития капитализма вширь // *История СССР.* 1959. № 6. С. 40–62.
- [Фадеев, 1961](#) – *Фадеев А.В.* Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 1959. М., 1961. С. 251–260.
- [Черноморский округ, 1923](#) – Черноморский округ и его производительные силы. Новороссийск, 1923. Т. 1. 110 с.
- [Щербина, 1892–1894](#) – *Щербина Ф.А.* Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги: хлебная производительность и торговля. СПб., 1892–1894 гг. Вып. 1. 18 с.; Вып. 2. 18 с.; Вып. 3. 18 с.

References

- [Benzin, 1915](#) – *Benzin V.M.* (1915). Otchet o deyatel'nosti agronomicheskogo poezda Vladikavkazskoi zheleznoi dorogi v 1915 g. [Action report on the agronomic train of the Vladikavkaz Railway in 1915], Rostov-on-Don. 57 p. [in Russian].
- [Benzin, 1915a](#) – *Benzin V.M.* (1915). Khlebnyi eksport Rossii [Grain export of Russia], Petrograd, 161 p. [in Russian].
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of the Krasnodar Krai] [in Russian].
- [GARO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov Oblast] [in Russian].
- [GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation] [in Russian].
- [Drobizhev i dr., 1973](#) – *Drobizhev V.Z., Koval'chenko I.D., Murav'ev A.V.* (1973). Istoricheskaya geografiya SSSR [Historical geography of the USSR], Moscow. 320 p. [in Russian].
- [Zolotov, 1966](#) – *Zolotov V.A.* (1966). Khlebnyi eksport Rossii cherez porty Chernogo i Azovskogo morei v 60–90-e gody XIX veka [Grain export of Russia through the ports of the Black and Azov seas in 60–90s of the XIX century], Rostov-on-Don. 249 p. [in Russian].
- [Karnaukhova, 1951](#) – *Karnaukhova E.S.* (1951). Razmeshchenie sel'skogo khozyaistva Rossii v period kapitalizma (1860–1914) [Location of the agricultural sector in Russia during the capitalism period (1860–1914)], Moscow. 215 p. [in Russian].
- [Kokshaiskii, 1915](#) – *Kokshaiskii I.N.* (1915). Evolyutsiya khozyaistvennoi zhizni Stavropol'skoi gubernii za vremya 1880–1913 gg. [The economic life evolution of the Stavropol Province during 1880–1913], Stavropol. 158 p. [in Russian].
- [Kondrat'ev, 1922](#) – *Kondrat'ev N.D.* (1922). Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voyny i revolyutsii [Grain market and its regulation during war and revolution], Moscow. 350 p. [in Russian].
- [Kubanskaya oblast', 1912](#) – *Kubanskaya oblast' v ee nedavnem proshlom i nastoyashchem* [The Kuban Oblast in the recent past and present], Yekaterinodar, 1912. 97 p. [in Russian].
- [Lyashchenko, 1910](#) – *Lyashchenko P.I.* (1910). Mukomol'naya promyshlennost' Rossii i inostrannye potrebitel'skie rynki [Milling industry of Russia and foreign consumer markets], St. Petersburg. 147 p. [in Russian].
- [Lyashchenko, 1927](#) – *Lyashchenko P.I.* (1927). Russkoe zernovoe khozyaistvo v sisteme mirovogo khozyaistva [Russian grain farming in world economy system], Moscow. 376 p. [in Russian].

[Lyashchenko, 1912](#) – *Lyashchenko P.I.* (1912). *Khlebnyaya torgovlya na vnutrennikh rynkakh Evropeiskoi Rossii* [Grain trading in home markets of the European Russia], St. Petersburg. 656 p. [in Russian].

[Merkhalev, 1919](#) – *Merkhalev Dm.* (1919). *Materialy po ekonomicheskomu polozheniyu Kubanskogo kraia* [Documents on the economic position of the Kuban Krai], Yekaterinodar. 178 p. [in Russian].

[Obzor Stavropol'skoi, 1905](#) – *Obzor Stavropol'skoi gubernii za 1905 g.* [Review on the Stavropol Province over 1905], Stavropol, 1905. 143 p. [in Russian].

[Obzor Stavropol'skoi, 1915](#) – *Obzor Stavropol'skoi gubernii za 1915 g.* [Review on the Stavropol Province over 1915], Stavropol, 1915. 154 p. [in Russian].

[Otchet o deyatel'nosti, 1910](#) – *Otchet o deyatel'nosti Novorossiiskogo torgovogo porta i upravleniya porta za 1909 god* [Action report on the functioning of the Novorossiysk trading port and port management over 1909], Novorossiysk, 1910. 56 p. [in Russian].

[Ratushnyak, 1999](#) – *Ratushnyak V.N.* (1999). *O nekotorykh metodicheskikh podkhodakh k otsenke urovnya agrarno-kapitalisticheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v dorevolutsionnyi period* [On some methodological approaches to evaluating level of the agro-capitalistic development of the North Caucasus in prerevolutionary period]. *Issues of the agricultural history of the North Caucasus*. Stavropol, pp. 131-134 [in Russian].

[Ratushnyak, 1989](#) – *Ratushnyak V.N.* (1989). *Razvitie tovarnogo zemledeliya i rassloenie krest'yanstva Severnogo Kavkaza na rubezhe XIX i XX vv.* [Development of the commodity farming and North Caucasian peasantry stratification between XIX and XX centuries]. *Issues of the North Caucasian history and historiography (prerevolutionary period)*. Nalchik, pp. 69-79 [in Russian].

[Ratushnyak, 1977](#) – *Ratushnyak V.N.* (1977). *Tovarno-kapitalisticheskoe proizvodstvo v sel'skom khozyaistve Kubani v kontse XIX – nachale XX v.* [Commodity-capitalistic production in the Kuban agriculture in the late XIX – the early XX centuries]. *Historical notes*, Moscow, Nr 99, pp. 183-220 [in Russian].

[Ratushnyak, 1984](#) – *Ratushnyak V.N.* (1984). *Torgovoe zemledelie Severnogo Kavkaza i osobennosti ego spetsializatsii v kontse XIX – nachale XX veka* [Commercial farming of the North Caucasus and its specialization aspects in the late XIX – the early XX centuries]. *Review of the North Caucasian scientific center of the high school. Social studies*, Nr. 2, pp. 20-25 [in Russian].

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state war-historical archive]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]

[Sbornik statistiko-ekonomicheskikh, 1907-1917](#) – *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenii po sel'skomu khozyaistvu Rossii i nekotorykh inostrannykh gosudarstv* [Collection of the statistic-economical information on the agriculture of Russia and some foreign states], St. Petersburg, 1907–1917. Issues 1-10 [in Russian].

[Smirnov, 1913](#) – *Smirnov M.* (1913). *Ocherk khozyaistvennoi deyatel'nosti Stavropol'skoi gubernii k kontsu XIX v.* [An essay on the economic activity of the Stavropol Province to the end of XIX century], Stavropol. 148 p. [in Russian].

[Spravochnik po khlebnoi, 1911](#) – *Spravochnik po khlebnoi torgovle* [Grain trading guide], St. Petersburg, 1911. 211 p. [in Russian].

[Stavropol'skaya gubernskaya zemskaya uprava, 1914](#) – *Stavropol'skaya gubernskaya zemskaya uprava. Statotdel. Tekushchaya statistika: bazary i yarmarki* [The Stavropol Province zemstvo council. Statistic department. Current statistics: bazars and fairs], Stavropol, 1914. Vol. 2, issue 1. 42 p. [in Russian].

[Statistika proizvodstv, 1900](#) – *Statistika proizvodstv, obлагаemykh aktsizom, i gerbovykh znakov za 1897 i 1898 gg.* [Statistics of the excisable plants and stamp taxes over 1897 and 1898], St. Petersburg, 1900. 137 p. [in Russian].

[Statistika Rossiiskoi imperii, 1900](#) – *Statistika Rossiiskoi imperii. Urozhai 1899 g.* [The Russian Empire statistics. Yield 1899], issue 49, St. Petersburg, 1900. 459 p. [in Russian].

[Statistika Rossiiskoi imperii, 1915](#) – *Statistika Rossiiskoi imperii. Urozhai 1914 g.* [The Russian Empire statistics. Yield 1914], issue 86, Petrograd, 1915, 674 p. [in Russian].

[Statistiko-ekonomicheskie ocherki, 1913](#) – *Statistiko-ekonomicheskie ocherki oblastei, gubernii i gorodov Rossii* [Statistic-economical digest of oblasts, provinces and towns of Russia], Kiev, 1913, 402 p. [in Russian].

[Statisticheskie dannye, 1916](#) – *Statisticheskie dannye ob otpravlenii i pribytii prodovol'stvennykh gruzov po russkim zheleznyim dorogam s raspredeleniem po guberniyam i oblastyam za 1912, 1913 i 1914 gg.* [Statistical data of departure and arrival of food cargo on the Russian railways with its distribution throughout provinces and oblasts over 1912, 1913 and 1914], Petrograd, 1916, 169 p. [in Russian].

[Statisticheskii spravochnik, 1923](#) – *Statisticheskii spravochnik yugo-vostoka Rossii* [Statistic guide of the South-East of Russia], Rostov-on-Don, 1923, issue 2, pp. 62-67 [in Russian].

[Torgovlya i promyshlennost', 1910](#) – *Torgovlya i promyshlennost' Evropeiskoi Rossii po raionam* [Trade and industry of the European Russia through regions], St. Petersburg, 1910, issue 7, 56 p. [in Russian].

Fadeev, 1959 – Fadeev A.V. (1959). Vovlechenie Severnogo Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu poreformennoi Rossii: k probleme razvitiya kapitalizma vshir' [The North Caucasus engagement into the economic system of the post-reform Russia]. *The USSR history*, Nr 6, pp. 40-62 [in Russian].

Fadeev, 1961 – Fadeev A.V. (1961). Formirovanie zemledel'cheskogo kapitalizma na Severnom Kavkaze v poreformennyi period [Formation of the farming capitalism in the North Caucasus in the post-reform period]. Yearbook on the agricultural history of the Eastern Europe, 1959. Moscow, pp. 251–260 [in Russian].

Chernomorskii okrug, 1923 – Chernomorskii okrug i ego proizvoditel'nye sily [The Black Sea District and its productive forces], Novorossiysk, 1923. vol. 1. 110 p. [in Russian].

Shcherbina, 1892–1894 – Shcherbina F.A. (1892–1894). Obshchii ocherk ekonomicheskikh i torgovo-promyshlennykh uslovii raiona Vladikavkazskoi zheleznoi dorogi: khlebnaya proizvoditel'nost' i torgovlya [General review of the economic and commercial and industrial factors of the Vladikavkaz Railway zone: grain production and trade]. St. Petersburg, Issue 1. 18 p.; issue 2. 18 p.; issue 3. 18 p. [in Russian].

УДК 94(470.6)"1890/1914": 633.1

Товарно-зерновой потенциал Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв.

Валерий Николаевич Ратушняк ^{a,*}, Татьяна Витальевна Ратушняк ^a

^a Кубанский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Одним из крупнейших сельскохозяйственных регионов страны в конце XIX – начале XX в. являлся Северный Кавказ, ведущей товарной культурой которого было зерно. В статье ставится задача проследить особенности роста товарного зерна и его реализации в северокавказском регионе, на общероссийском и мировом рынках. Работа базируется на официальных статистических источниках и материалах центральных и местных архивов. Северный Кавказ был районом преимущественно высокотоварных культур. Валовые сборы зерна росли не только за счет расширения посевных площадей, но и в связи с ростом урожайности зерновых культур. В 1890 г. Северный Кавказ вышел на первое место в империи по чистому сбору зерна на душу населения. В регионе этот показатель был на 10–11 пуд. больше, чем в среднем по России. Этот рост обуславливается не только благоприятными местными социально-экономическими условиями, но и крепнущей связью сельскохозяйственного производства Северного Кавказа с общероссийской экономической системой и мировым рынком. Товарный хлеб отправлялся по железной дороге, водным путем и отчасти гужевым транспортом. Развитие экономических связей между Северным Кавказом и остальной Россией способствовало дальнейшему втягиванию региона в народнохозяйственную систему страны, в общероссийский аграрный рынок. Крупнейшим торговым центром Северного Кавказа в начале XX в. стал г. Новороссийск. В структуре хлебного экспорта Северного Кавказа преобладали такие высокотоварные культуры, как пшеница и ячмень, на долю которых приходилось 90 % всего вывоза зерна. В конце XIX – начале XX в. товарное производство в сельском хозяйстве Северного Кавказа достигло такого уровня, на базе которого функционировал в возрастающих масштабах развитый сельскохозяйственный рынок.

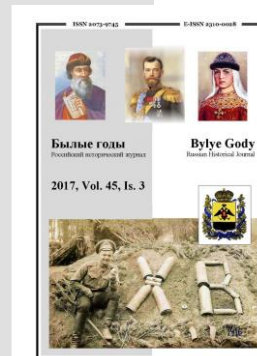
Ключевые слова: Владикавказская железная дорога, зерновые культуры, Кубанская область, Новороссийск, Северный Кавказ, сельское хозяйство, статистика, товарно-зерновое земледелие, экспорт хлеба, ярмарки.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ratushnyak_vn@mail.ru (V.N. Ratushnyak),
tatyana.ratushnyak@mail.ru (T.V. Ratushnyak)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1036-1043, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1036
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC [93:130.2](470+571):94(5)(045)

Views of S.Yu. Witte on the Cultural and Historical Tasks of Russia in the East

Valeriy V. Suvorov ^{a,*}

^a Saratov State Medical University, Russian Federation

Abstract

Many Russian thinkers, social and political figures of the 19th and early 20th centuries wrote about the special cultural, historical, "civilizational" and often messianic role of Russia. This problem is highlighted in the context of different opinions on the role and significance of Russia's historical movement towards the East, relations to Asian countries and peoples in the imperial period. S.Yu. Witte was one of the initiators and organizers of the Far Eastern policy of Russia at the turn of the 19th and 20th centuries. He had completely pragmatic plans and expectations from the construction of a railway route designed to connect the Far East and Central Russia, and expand economic ties with the Asian states. Witte's views on the "civilizational", cultural and historical tasks of Russia in the Far Eastern region can be traced both in official documents, including reports to the emperor, as well as in materials of personal origin. Noting the historical predetermination of Russia's movement to the Pacific coast, Witte saw the key to success in expanding the sphere of influence only in a peaceful way. The main state task was to organize a railway communication, which, in addition to economic and geopolitical benefits, should help bring the Eastern peoples closer to Russia. Witte considered the railway a cultural "bridge" between Europe and Asia, and Russia was given the honorary role of a mediator in international contacts. Pointing to Russia's special role in "enlightening" and protecting Asian peoples and states, Witte counterposed Russia's actions to the colonial policies of European states. In general, Witte's views combined economic and political plans with arguments about Russia's enlightenment and patronage mission in the East, the expansion of the spread of Russian culture and the dreams of Christianization of the Eastern peoples.

Keywords: S.Yu. Witte, the Russian Empire, the East, cultural and historical tasks.

1. Введение

В конце XIX века Восток становится одной из основных тем в российской политической и философской публицистике. Территориальное расширение Российской империи в Азии во второй половине XIX века определило интерес современников к проблеме исторической роли и миссии России в этом регионе. Свои взгляды на данную проблему высказывали как непосредственные участники восточной политики, администраторы, военные, ученые-востоковеды, так и мыслители, и публицисты, размышлявшие над данной проблемой. В современных условиях возрастания значимости восточной политики России имеющийся положительный и отрицательный опыт осмысления культурно-исторических задач и идеологического обоснования национальных интересов приобретает особую значимость и актуальность. В связи с этим особый интерес представляют взгляды министра финансов Сергея Юльевича Витте, ставшего одним из инициаторов и организаторов дальневосточной политики, определившей достаточно специфичное смещение основного вектора российской внешней политики в Азию на рубеже XIX–XX веков.

* Corresponding author
 E-mail addresses: valeriy_s@inbox.ru (V.V. Suvorov)

2. Материалы и методы

Исследование системы взглядов С.Ю. Витте возможно при применении антропологического подхода, позволяющего показать отношение министра финансов и его современников к Востоку, в контексте влияния их менталитета, профессиональной деятельности, личных интересов и субъективных представлений. Антропологический подход также позволяет определить влияние общественных и государственных деятелей на изменение отношения к Азии в целом. Немаловажно при исследовании образа Востока использовать приемы герменевтики, позволяющие интерпретировать, понимать смысл текста источников в их общей совокупности. Истолкование текста позволяет составить представление о личностных особенностях автора. Пониманию смысла способствует сравнительный метод, сопоставление с подобными текстами.

В рамках данного исследования в центре внимания находится период деятельности Витте на посту министра финансов (1892–1903), когда он фактически определял внешнеполитический курс России на Дальнем Востоке. Заботясь больше о политических и экономических вопросах, в своих работах С.Ю. Витте не часто предавался рассуждениям о культурно-исторических задачах России на Востоке. Относительно обстоятельно эти вопросы были изложены им в записке императору по делам Дальнего Востока (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177) (1900) и докладе о поездке на Дальний Восток (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179) (1902). Многие вопросы были затронуты в лекциях, прочитанных наследнику престола Михаилу Александровичу и написанных позднее воспоминаниях.

3. Обсуждение

Историография жизни и деятельности С.Ю. Витте достаточно обширна (обстоятельные обзоры представлены в диссертациях, посвященных его деятельности), многочисленные работы отечественных и зарубежных исследователей посвящены различным сторонам его жизни и деятельности. Наряду со специальными исследованиями, деятельность Витте затрагивается в работах по истории внутренней и внешней политики России. При этом его роль в развитии российской государственности и экономики, попытки модернизации страны получали самые противоречивые оценки как у современников, так и исследователей. Неоднозначно оценивается и такое направление деятельности Витте на посту министра финансов, как политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX веков (См., например: Романов, 1928; Романов, 1955; Тарле, 1958), в том числе вызывает споры и его ответственность в развязывании войны с Японией. Одним из последних исследований, в котором обстоятельно показана роль Витте в развитии дальневосточной политики России и историография вопроса является монография И.В. Лукоянова (Лукоянов, 2008). Рассмотрение представлений министра финансов в контексте проблемы идеологического обоснования дальневосточной политики представлено в работах Б.В. Межуева (Межуев, 1999), Л. Жуковой (Жукова, 2015), М. Ларюеэль (Laruelle, 2008), Л. Мо (Meaux, 2010) которые рассматривают взгляды Витте в контексте «восточнических» идей князя Э.Э. Ухтомского. А.В. Ремнев обращает внимание геополитические рассуждения Витте (Ремнев, 2004). Как отдельная имперская идеология система взглядов Витте представлена в работах Д. Схиммельпеннинка (Схиммельпеннинк, 2001, Схиммельпеннинк, 2009). При этом взгляды и идеи С.Ю. Витте, мотивы принятия решений нуждаются в дальнейшем исследовании и уточнениях, в том числе и вопрос о его понимании культурно-исторических задач России на Востоке.

4. Результаты

Витте, как и многие его современники, обращаясь к вопросу истоков движения России на Восток, отмечал предопределенность продвижения в Азию историческим развитием России. В записке императору в 1900 году, рассуждая о причинах событий, разыгравшихся в Китае, министр финансов писал, что их глубинная причина заключалась «в том неудержимом стремлении России на Восток, которое началось еще от времени новгородских ушкуйников и последовательно продолжавшемся до наших дней» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 4–40б.). Витте отмечал, что движение на Восток было «в существе своем мирное и культурное, а не завоевательное; оно шло последовательно осторожными шагами», а «занятое положение укреплялось мирной работой и «приласканием», по обычаю Московских царей, инородцев, лишь затем делался новый шаг» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 50б.). Благодаря такому отношению обширные земли Востока «без особо крупных жертв» были прочно «спаяны» с коренными русскими областями. Витте подчеркивал особую интеграцию присоединяемых территорий с исконно русскими землями: «Не колонией, чуждой далекой метрополией, стала новая страна, а настоящей русской землей» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 50б.). В целом, Витте считал, что империя имела на Дальнем Востоке не только «интересы настоящего, но и важное историческое будущее» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 40б.).

«Аренда» Порт-Артура в 1898 была негативно встречена министром финансов, действия России он назвал «захватом» и «актом неслыханного коварства» (Витте, 1924: 116). По этому поводу Витте в 1900 году сообщал императору: «Движение наше в Манчжурию было несколько поспешно ... не соорудив еще магистралей, не став твердой ногой в северной части страны, не следовало двигаться далее и так настойчиво, путем не мирных соглашений, а насильственных захватов, добиваться выхода к желтому морю» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 4). Несвоевременность этих шагов могла привести к

негативным последствиям: «опередив этим быстрым поступательным движением преемственный ход событий, мы не можем препятствовать иностранцам в их вожделениях на китайскую территорию, несем тяжелые жертвы на охрану нового приобретения и раздражили Китай» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 50б.). В такой ситуации оставалось ожидать, «чтобы труд и поступательное движение русского народа закрепили за нами полученные результаты» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 50б.).

Однако в целом приобретение портов на Желтом море и права на проведение южно-маньчжурской ветви железной дороги, по мнению Витте, вполне соответствовало историческому призванию России на Востоке и обещало в будущем значительные выгоды. В докладе о своей поездке на Дальний Восток в 1902 году Витте писал: «Проложением Китайской Восточной железной дороги и сооружением Порт-Артура и Дальнего совершено великое дело – выполнена историческая задача, сделать один из последних шагов в поступательном движении России на Дальний Восток, в ее стремлении найти выход к открытому морю, к незамерзающим берегам Тихого океана» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42). Витте отмечал, что распространение влияния России в Маньчжурии было начато не путем завоеваний, а «мирным делом постройки дороги», поэтому «мирным путем следует и закрепить его окончательно» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42). Залогом успеха должна была стать «великая колонизаторская способность русского народа», благодаря которой он «прошел всю Сибирь от Урала до Тихого океана, подчиняя себе народности, но не возбуждая в них вражды, а собирая в одну общую семью народов России» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42).

Принцип мирного расширения влияния выступает в системе взглядов С.Ю. Витте относительно имперской политики на Дальнем как основополагающая идея, объясняющая во многом понимание им задач в этом регионе и принимаемые решения. В центре интересов министра финансов находился Китай, ставший главным объектом внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX веков. В своих воспоминаниях Витте сообщает о сформулированных задачах в отношении Китая – его необходимо было сохранить «тем, чем он есть», а для этого необходимо было поддерживаться принципа «цельности и неприкосновенности Китайской империи» (Витте, 1924: 36).

Этим принципам Витте оставался верен в период боксерского восстания в Китае. Говоря о «завлекательности» идеи немедленного расширения территории на Дальнем Востоке, Витте вступал в полемику со сторонниками таких действий России, отмечая, что после захвата Маньчжурии последует цепная реакция и другие европейские государства приступят к разделу территории Китая. В письме министру иностранных дел 10 февраля 1900 г. Витте писал: «Чем больше станем увеличивать боевую готовность наших войск и флота на Дальнем Востоке, тем быстрее там будут развязывать свои силы Япония и Англия и может быть другие державы» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 178. Л. 30б.). Министр финансов полагал, что «для обороны занятой территории нами сделано уже очень многое».

Опасение войны на Востоке имело рациональное объяснение – будучи втянутой в войну в Азии, Россия тем самым ослабила бы свои позиции в европейских делах: «если мы недостаточной умеренностью своих требований в делах Дальнего Востока раздуем пожар... связавши себя надолго в крайней Азии, мы ослабим свое положение на Западе и Ближнем востоке» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1., Д. 177. Л. 50б.). Поэтому положение России в Европе оставалось для Витте приоритетным: «Если прямо поставить вопрос, какое из двух зол будет для страны меньше: ослабление ли наше на Западе со всеми последствиями, которые это может вести за собой, или приостановка движения на Дальний Восток ... лучше ошибиться в расчете на окраине Азии, нежели подвергать риску наше положение в Европе». Объяснялось такое видение ситуации достаточно прагматично: «Оставаясь могучею в Европе, Россия не свернет со своего исторического пути к Тихому океану» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1., Д. 177. Л. 7).

Позднее в Журнале Особого совещания (7 февраля) 25 января 1903 г. сообщалось, что, по глубокому убеждению, министра финансов, укрепление могущества России на Дальнем Востоке находилось в зависимости от спокойного и последовательного развития событий, возможного только при правильном отношении России к собственным обязательствам. Витте считал, что всеобщее успокоение единственно отвечает истинным интересам государства, призраком же войны грозил большими осложнениями, помимо тех «неисчислимых жертв, которые явятся последствием несвоевременного агрессивного образа действий» (Журнал, 1932: 121).

Несмотря на достаточно прагматичное обоснование своей позиции относительно исключительно мирного ведения внешней политики России, в своих воспоминаниях Витте делал акцент на христианские моральные принципы. Характеризуя себя как носителя идей императора Александра III и «самого искреннего» адепта мира, Витте подчеркивал, что «только тогда христианское учение приобретет силу и расцветет, когда человечество исполнит первейший завет христового учения, завет, заключающийся в том, что ни один человек не имеет нравственного права, или вернее – божественного права убивать существ себе подобных» (Витте, 1924: 61).

Витте понимал, что положение России относительно морей не очень благоприятно, однако, осознавая значимость Дальнего Востока для России, некоторое время рассматривал возможность установления морского пути по северному побережью Сибири. Для данной цели по инициативе министра финансов в конце 1898 г. был заказан ледокол «Ермак», сооруженный при участии адмирала Макарова. Витте отмечает, что «делу открытия морского пути на Дальний Восток через сибирские побережья, а равно плаванию по направлению к полярному полюсу очень сочувствовал

также известный наш ученый Менделеев» (Витте, 1924: 469). Однако дальше плавания на Новую Землю дело не пошло.

С развитием железнодорожного транспорта значение морских путей сообщения уменьшилось. А.В. Ремнев отмечает, что основные средства, по мнению министра финансов, должны были быть направлены на Дальнем Востоке на укрепление сухопутных сил а военно-морскому флоту отводилась вспомогательная роль (Ремнев, 2004: 328). При этом вкладывать средства из бюджета в развитие среднеазиатского направления Витте тоже считал не целесообразным (Кармов и др., 2016). В письме С.Ю. Витте к министру иностранных дел по поводу записки о задачах внешней политики императорского правительства на Востоке 10 февраля 1900 г. министр финансов высказывался против расходов на строительство дороги от Оренбурга до Ташкента или Уральска до Чарджуя, так как это было дорого и вложения «вряд ли скоро окупятся, а деньги все идут на Дальний Восток – Порт-Артур, строительство железной дороги» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 178. Л. 1 об.).

Важнейшую роль в достижении экономических, политических и культурно-исторических задач и обеспечении мирного расширения влияния России на Востоке должны были выполнить Сибирская железная дорога и Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), соединившие Дальний восток и центральную Россию, частично по территории Манчжурии. Витте писал, что строительство железной дороги было результатом «наших мирных отношений с Китаем» и сама по себе не могла «вызвать враждебных с его стороны действий» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1., Д. 177. Л. 406.).

Образ железной дороги, как правило, предстает в рассуждениях Витте в контексте ее значения для развития экономики России. Однако нередко Витте говорит о политическом, военно-стратегическом и культурно-историческом значении железнодорожного пути.

Витте видел значительные последствия в мировой экономике и геополитике, которые должны были произойти после завершения строительства Сибирской железной дороги и КВЖД. В докладной записке императору в феврале 1900 году в контексте рассуждений об экономическом развитии России Витте отмечал необходимость принятия энергичных и решительных протекционистских мер для развития отечественной промышленности «чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием» (Витте, 1935: 133).

В лекциях великому князю Михаилу Александровичу, которые были прочитаны в 1900–1902 гг., Витте отмечал, что Великая сибирская железная дорога открывает «новый путь и новые горизонты не только для русской, но и для всемирной торговли, соединяя с Европой – через Россию – Китай, Корею и Японию» (Витте, 2011: 258). Естественно, выгодами этого переворота в направлении сообщений между Европой и Востоком «больше всех воспользуется Россия, не только в качестве посредника в торговом обмене произведений азиатского Востока и европейского Запада, но и в качестве крупного производителя и потребителя, ближе стоящего к восточным народам» (Витте, 2011: 258). Министр финансов считал, что Транссибирская магистраль с выходами к Владивостоку и Желтому морю, обеспечит «главнейшие условия для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынки сбыта и приток рабочей силы, открывая вместе с тем спокойный и верный путь государству к разрешению одной из наиболее трудных задач – к прочному устройству экономического быта малоземельного крестьянского населения внутренних губерний Европейской России» (Цит. по: Ремнев, 2004: 325).

Военно-стратегическое значение железной дороги было обозначено еще в записке Витте от 31 марта 1896 года: «...она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточивать их в Манчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая» (Записка, 1932: 93). Соответственно, как полагал Витте, «одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке; и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией» (Записка, 1932: 93). Так в рассуждениях Витте одной из культурно-исторических задач предстает идея сближения восточных народов с Россией, возможность осуществления которой была возможной за счет роста престижа и влияния России в регионе.

В докладе о поездке на Дальний Восток в 1902 г. Витте, говоря об историческом значении Сибирской железной дороги, называл ее «воротами» для Европы в «доселе замкнутый мир» Востока, которые ставят «ее лицом к лицу с многочисленными племенами монгольской расы» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 1). Межкультурный диалог и связи, которые открывала железная дорога, делали невозможной дальнейшую отчужденность для народов Востока. Отмечая значительные последствия и перемены от сближения «желтой и белой расы», Витте говорил о серьезной задаче, которая выпадала на долю России «в деле этого сближения» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 106.). Россия, владея железнодорожным путем, становилась посредницей и поэтому должна была воспользоваться «всеми выгодами этого положения», а «стоя на страже у открытых ворот из Европы в Азию, она может регулировать и направлять это сближение в сторону для себя наиболее благоприятную» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 106.). К выгодам России Витте относил следующие: «для русской промышленности создается новый обширный внутренний рынок; избытки населения из европейской

России найдут себе выход на новые обширные пространства Сибири, удобные для колонизации; разработка естественных богатств Сибири, возрастание ее населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей Родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 10б.).

Оценивая культурно-историческое значение Китайской Восточной железной дороги, Витте считал, что благодаря ей «в недалеком будущем должно произойти сближение России с Японией на почве торгово-промышленных интересов» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 17). По мнению министра финансов, тесное экономическое сближение народов могло стать одним из наиболее могучих факторов в деле устранения вооруженных международных конфликтов и в том числе мирного разрешения тех вопросов, на которых сталкивались интересы России и Японии на Дальнем Востоке. Даже если бы эти надежды оказались несбыточными, Витте настаивал на том, что «неизбежное столкновение необходимо отсрочить и постараться найти хотя бы временный выход в каком – либо компромиссе, удовлетворяющем желания Японии относительно Кореи» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 17). Министр финансов выступал за то, чтобы отказаться на время от притязаний на корейский полуостров, что позволило бы избежать войны с Японией. В целом, в 1902 году Витте был уверен в победе России в случае войны, но, по мнению министра финансов, военный конфликт сказался бы на ее экономическом положении.

Позднее Витте в воспоминаниях сообщал о своем убеждении, что железная дорога ни при каких обстоятельствах не должна была служить «орудием каких бы то ни было захватов; она должна была стать орудием сближения восточных и европейских наций, сближением как материального, так и морального, и должна была служить орудием морального влияния, поскольку новая культура – христианская – сильнее и могущественнее культуры желтых наций, родившихся в идолопоклонстве» (Витте, 1924: 60). Примечательно мнение Витте о превосходстве христианской культуры и религии над восточными. Видимо, одним из результатов расширения влияния России на Востоке должна была бы стать христианизация азиатских народов.

В записке о поездке на Дальний Восток Витте отмечал, что деление Европы и Азии, по Уралу стало «не более как отвлеченное географическое понятие». Витте отмечал, что для каждого русского за «Восточным склоном Урала тянется все та же та же необъятная Россия – Сибирь, в которой русская народность является теперь преобладающей, где она сильнее даже чем во многих местах России Европейской». Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу от народов Азии, давно перенесен уже на Байкал – в степи Монголии. В перспективе же, по мнению Витте, «место его будет на конечном пункте Китайской железной дороги» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42). Показательно, что Витте проводит четкую грань между «европейской расой» и восточными народами, идентифицируя русский народ как европейский и видит его историческую задачу в расширении культурного влияния.

В своих рассуждениях Витте отмечает особую роль русской колонизации восточных окраин. Министр финансов не исключал возможность столкновения России с представителями «желтой расы», но отводил в деле защиты особую роль именно русскому населению Сибири, которое должно было стать оплотом в борьбе с врагом и дать силы и средства для защиты «интересов империи». Историческое значение крестьянской колонизации объяснялось Витте следующим образом: «Для того чтобы в предстоящей в будущем борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты как своего достоинства, так и интересов Империи» (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8). В противном случае, по мнению Витте, «вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей» (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8-9).

На докладе военного министра А.Н. Куропаткина Николаю II 14 марта 1900 года министром финансов была сделана запись: «Мы историческим путём будем идти на юг. Из-за Маньчжурии не стоило и огород городить. Весь Китай, все его богатства находятся преимущественно на юге. Но, конечно, это дело будущего» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Л. 33). Однако, по мнению И.В. Лукоянова, напоминание о «пути на юг» выглядит «скорее как эмоциональная реакция, нежелание отказываться от былых мечтаний, чем продуманный план действий» (Лукоянов, 2008: 327).

В целом, говоря об участии России в мировом экономическом противостоянии, Витте отмечал, что в колониальной политике Россия не нуждалась, а ее исторические задачи были «не только мирного характера, но даже наиболее культурного в истинном смысле этого слова, ибо миссия России на Востоке в противовес стремлению западноевропейских держав к экономическому и нередко политическому порабощению народов Востока должна быть миссией охранительной и просветительной» (Витте, 2011: 241). Более того на долю России «естественно выпадает защита сопредельных ей восточных стран, находящихся в сфере ее просветительного влияния, от чрезмерных притязаний, политических и колониальных, со стороны других держав» (Витте, 2011: 241).

Так, историческая роль России заключается в просвещении и защите ее восточных соседей от западных держав, естественно с пользой для себя.

При всей неоднозначности оценок исследователями взглядов Витте, от славянофильских на ранних этапах карьеры (Ананьич, Ганелин, 1971: 326; Суслов, 2009: 104, 110-111) до западнических с середины 1890-х гг. (Схиммельпеннинк, 2009) (в основе идентификации часто лежит экономическая модель, которой руководствовался Витте), необходимо отметить следующие особенности. Настаивая на мирном продвижении на Восток и «цивилизаторской» роли России, министр финансов, оставаясь убежденным в превосходстве христианской культуры над восточными, поэтому Россию он всегда ставил выше азиатских государств, но в то же время отмечал и определенные различия между Россией и Западными странами. Выступая за современную Россию, которая могла бы конкурировать с Западом (Схиммельпеннинк, 2009: 105), и ориентируясь на западные варианты развития в сфере экономики, в отношении государственного устройства он оставался сторонником самодержавия. В условиях соперничества между Российской империей и Западными государствами за установление влияния в Азии для Витте было важно подчеркнуть различия в реализации колониальной политики, отношении к восточным государствам и народам и особую историческую «цивилизаторскую» миссию России, что сближает его взгляды с «восточническими» представлениями Э.Э. Ухтомского (Суворов, 2015).

5. Заключение

С.Ю. Витте, возглавлявший министерство финансов на рубеже XIX – XX веков, как и многие его современники оказался не чужд рассуждений об историческом предназначении России. В материалах Витте встречается мотив исторического движения к Тихому океану, частью которого воспринималась и проводимая им дальневосточная политика. Витте осознавал губительность для империи вовлечения России в военные столкновения и стремился исключить такого стечения обстоятельств в Азии. Его позиция имела вполне логичное и рациональное объяснение. Для достижения экономических и политических задач на Востоке необходимо было сохранять мирные и дружеские отношения с восточными государствами и избегать военных конфликтов. Любые территориальные притязания России к Китаю, давление на него могло бы повлечь ответные действия со стороны европейских держав, что привело бы к столкновению их интересов и интересов России, которое могло перерасти в военный конфликт.

Особая роль в расширении влияния России на Востоке принадлежала Сибирской железной дороге и КВЖД, связывавших центр России и восточные окраины. Одно из значений железнодорожного пути, по мнению Витте, заключалось в том, что он создавал условия для более тесного сближения подвластных Китаю народностей с Россией и мог стать культурным «мостом» между Европой и Азией. России отводилась почетная роль посредницы в международных контактах, из которых она должна была извлечь пользу для себя. Концепция Витте была основана на уверенности в способности создать на востоке империи прочный демографический и экономический тыл для российских морских торговых и военных портов в условиях неизбежного столкновения с восточными народами. Отмечая превосходство христианской культуры над традиционными культурами Востока, Витте в рассуждениях о покровительственной и просветительской миссии России в Азии допускал христианизацию восточных территорий.

В целом, для взглядов С.Ю. Витте характерно сочетание преобладающих прагматических идей об экономической и политической значимости постройки железной дороги с представлениями о стихийном движении России к Востоку и ее мессианской роли в этом регионе. Хотя Витте руководствовался западными моделями развития экономики и разделял идею прогресса, что, по мнению некоторых исследователей, позволяет относить его к западникам, тем не менее он оставался сторонником самодержавия, а в своих рассуждениях нередко отмечал различия между действиями России на востоке и колониальной политикой западных стран. Учитывая национальные и культурные особенности России, Витте возлагал на нее особые культурно-исторические задачи на Востоке.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2017) № МК-2889.2017.6

Литература

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Ананьич, Ганелин, 1971 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.И. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Исследования по соц.-полит. истории России. Л., 1971. С. 299–326.
 Витте, 1924 – Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Л.: Государственное издательство Ленинград, 1924. Т. I. 471 с.
 Витте, 1935 – Витте С.Ю. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3 С.131-139.

- Витте, 2011** – *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. М.: Издательство Юрайт, 2011. 629 с.
- Жукова, 2015** – *Жукова Л.* Кто такие русские «восточники»? // *Самопознание*. 2015. № 5. С. 32–44.
- Журнал, 1932** – Журнал Особого совещания (7 февраля) 25 января 1903 г. // *Красный архив*, № 3 (52). 1932. С. 110–124.
- Записка, 1932** – Записка министра финансов Витте // *Красный архив*. № 3 (52). 1932. С. 91–102.
- Кармов и др., 2016** – *Кармов Т.М., Овсянников Д.В., Лобанов В.Б.* Средняя Азия во взглядах и деятельности С. Ю. Витте // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 10 (72). С. 105–107.
- Лукоянов, 2008** – *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Межуев, 1999** – *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» (на примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // *Полис*. 1999. № 1. С. 26–39.
- Ремнев, 2004** – *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
- Романов, 1955** – *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 696 с.
- Романов, 1928** – *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Изд. Ленинградского Восточного института им. А.С. Енукидзе, 1928. 605 с.
- Суворов, 2015** – *Суворов В.В.* «Восточничество»: культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов: Изд-во Саратов. гос. мед. ун-та, 2015. 107 с.
- Суслов, 2009** – *Суслов М.Д.* Неославянофилы в борьбе с реформами С.Ю. Витте: экономическая утопия Сергея Шарапова // *Вестник Пермского университета*. 2009. Вып. 2 (9). С. 102–111
- Схиммельпеннинк, 2009** – *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
- Схиммельпеннинк, 2001** – *Схиммельпеннинк Д.* Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1-2. С. 211–225
- Тарле, 1958** – *Тарле Е.В.* Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Е.В. Тарле. Собр. соч. в 12 томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 509–566.
- Laruelle, 2008** – *Laruelle M.* «The White Tsar»: Romantic Imperialism In Russia's Legitimizing of Conquering the Far East // *Acta Slavica Iaponica*. 2008. № 25. pp. 113–134.
- Meaux, 2010** – *Meaux Lorraine de.* La Russie et la tentation de l'Orient. Fayard, 2010. 422 p.

References

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State Archives of the Russian Federation]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]
- Anan'ich, Ganelin, 1971** – *Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh.* (1971). R.A. Fadeev, S.Yu. Vitte i ideologicheskie iskaniya «okhranitelei» v 1881–1883 gg. [R.A. Fadeev, S.Yu. Vitte and the ideological search for "protectors" in 1881–1883.]. *Issledovaniya po sots.-polit. istorii Rossii*. L., pp. 299–326. [In Russian]
- Vitte, 1924** – *Vitte S.Yu.* (1924). Vospominaniya: Tsarstvovanie Nikolaya II [Memories: The reign of Nicholas II]. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Leningrad. T.I. 471 p. [In Russian]
- Vitte, 1935** – *Vitte S.Yu.* (1935). Dokladnaya zapiska Vitte Nikolayu II [Memorandum from Witte Nicholas II]. *Istoriik-marksist*. № 2/3, pp. 131–139. [In Russian]
- Vitte, 2011** – *Vitte S.Yu.* (2011). Konspekt lektzii o narodnom i gosudarstvennom khozyaistve [Lecture notes about the national and state economy]. М.: Izdatel'stvo Yurait. 629 p. [In Russian]
- Zhukova, 2015** – *Zhukova L.* (2015). Kto takie russkie «vostochniki»? [Who are the Russian "vostochniki"?]. *Samopoznanie*. № 5, pp. 32–44. [In Russian]
- Zhurnal, 1932** – Zhurnal Osobogo soveshchaniya (7 fevralya) 25 yanvarya 1903 g. [Journal of the Special Meeting (February 7) January 25, 1903]. *Krasnyi arkhiv*. № 3 (52). 1932. pp. 110–124. [In Russian]
- Zapiska, 1932** – Zapiska ministra finansov Vitte [Note by the Minister of Finance Witte]. *Krasnyi arkhiv*. № 3 (52). 1932, pp. 91–102. [In Russian]
- Karmov et al., 2016** – *Karmov T.M., Ovsyannikov D.V., Lobanov V.B.* (2016). Srednyaya Aziya vo vzglyadakh i deyatel'nosti S.Yu. Vitte [Central Asia in the views and activities of S.Yu. Witte]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 10 (72), pp. 105–107. [In Russian]
- Lukoyanov, 2008** – *Lukoyanov I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v. ["Do not lag behind the powers ..." Russia in the Far East in the late XIX – early XX century.] SPb.: Nestor-Istoriya. 668 p. [In Russian]
- Mezhuev, 1999** – *Mezhuev B.V.* (1999). Modelirovanie ponyatiya «natsional'nyi interes» (na primere dal'nevostochnoi politiki Rossii kontsa XIX – nachala XX veka) [Modeling the notion of "national interest" (on the example of the Far Eastern policy of Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century)]. *Polis*. № 1, pp. 26–39. [In Russian]

- Remnev, 2004** – *Remnev A.V.* (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka [Russia of the Far East]. Omsk: Izd-vo Omsk state. un-ty. 552 p. [In Russian]
- Romanov, 1955** – *Romanov B.A.* (1955). Ocherki diplomaticheskoi istorii rusko-yaponskoi voiny. 1895–1907 [Essays on the diplomatic history of the Russo-Japanese War. 1895–1907]. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 696 p. [in Russian]
- Romanov, 1928** – *Romanov B.A.* (1928). Rossiya v Man'chzhurii (1892–1906): Ocherki po istorii vneshnei politiki samoderzhaviya v epokhu imperializma [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Era of Imperialism]. L.: Izd. Leningradskogo Vostochnogo instituta im. A. S. Enukidze. 605 p. [in Russian]
- Suvorov, 2015** – *Suvorov V.V.* (2015). «Vostochnichestvo»: kul'turno-istoricheskaya kontseptsiya i imperskaya ideologiya ["Vostochnichestvo": cultural and historical concept and imperial ideology]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. med. un-ta. 107 p. [in Russian]
- Suslov, 2009** – *Suslov M.D.* (2009). Neoslavyanofily v bor'be s reformami S.Yu. Vitte: ekonomicheskaya utopiya Sergeya Sharapova [Slavophiles in the struggle against reforms S.Yu. Witte: the economic utopia of Sergei Sharapov]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Vyp. 2 (9), pp. 102–111. [in Russian]
- Skhimmel'pennink, 2009** – *Skhimmel'pennink van der Oie D.* (2009). Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu. Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voine s Yaponiei [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 421 p. [in Russian]
- Skhimmel'pennink, 2001** – *Skhimmel'pennink D.* (2001). Ideologii imperii v Rossii imperskogo perioda [The ideology of the empire in Russia of the imperial period]. *Ab Imperio*. № 1-2, pp. 211–225. [in Russian]
- Tarle, 1958** – *Tarle E.V.* (1958). Graf S.Yu. Vitte. Opyt kharakteristiki vneshnei politiki [Count S.Yu. Witte. Experience in characterizing foreign policy] // E.V. Tarle. *Sobr. soch. v 12 tomakh*. M.: Izd-vo «Akademii nauk SSSR», pp. 509–566. [In Russian]
- Laruelle, 2008** – *Laruelle M.* (2008). «The White Tsar»: Romantic Imperialism In Russia's Legitimizing of Conquering the Far East. *Acta Slavica Iaponica*. № 25, pp. 113–134.
- Meaux, 2010** – *Meaux Lorraine de.* (2010). La Russie et la tentation de l'Orient. Fayard. 422 p.

УДК [93:130.2](470+571):94(5)(045)

Взгляды С.Ю. Витте на культурно-исторические задачи России на Востоке

Валерий Владимирович Суворов^{a,*}

^a Саратовский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. Понимание особой культурно-исторической, «цивилизационной», а зачастую и мессианской роли России было присуще большинству российских мыслителей, общественных и политических деятелей XIX – начала XX века. Особенно выделяется данная проблема в контексте противоречивых суждений о роли и значении исторического движения России на Восток, отношения к азиатским странам и народам в имперский период. С.Ю. Витте, являясь одним из инициаторов и организаторов дальневосточной политики России на рубеже XIX и XX века, имел вполне прагматичные планы и ожидания от строительства железнодорожного пути, призванного соединить Дальний Восток и Центральную Россию, и расширения экономических связей с азиатскими государствами. Однако, как в официальных документах, в том числе и докладах императору, так в материалах личного происхождения прослеживаются взгляды Витте на «цивилизационные», культурно-исторические задачи России в дальневосточном регионе. Отмечая историческую предопределенность движения России к тихоокеанскому побережью, Витте видел залог успеха в расширении сферы влияния только мирным путем. Главная государственная задача заключалась в организации железнодорожного сообщения, которое наряду с экономическими и геополитическими выгодами для России должно было способствовать сближению восточных народов с Россией, сама дорога выдалась Витте культурным «мостом» между Европой и Азией, а России отводилась почетная роль посредницы в международных контактах. Указывая на особую роль России в «просвещении» и защите азиатских народов и государств, Витте противопоставлял действия России колониальной политике европейских государств. В целом, во взглядах Витте сочетались экономические и политические планы с рассуждениями о просветительской и покровительственной миссии России на Востоке, расширении распространения русской культуры и мечтами о христианизации восточных народов.

Ключевые слова: С.Ю. Витте, Российская империя, Восток, культурно-исторические задачи.

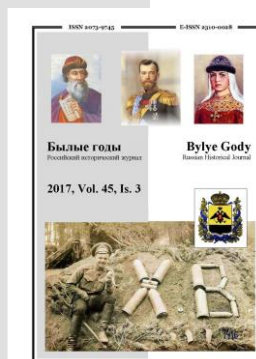
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: valeriy_s@inbox.ru (В.В. Суворов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1044-1062, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1044
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+98)

Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press)

Il'ya F. Vereshchagin ^{a, *}, Maksim Y. Zadorin ^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

This article is based on analysis of an extensive array of historical documents, scientific literature and journalism, in particular the diocesan press of the XIX – early XX century, on the assessment of the ethnopolitical landscape of the Arkhangelsk province at the turn of the century. The authors focus their attention on the historical, social, religious and legal prerequisites for the formation of the ethnopolitical landscape of the Arkhangelsk Governorate, which was home to four imperial “inorodtsy” ethnic groups: the Saami, the Karelians, the Nenets and the Komi. The authors, on the basis of the official press of the local diocese, represent the theoretical concept of the involvement of “inorodtsy” in the general socio-cultural and internal political space of the Empire. The article analyzes the way of life of the indigenous population, mode of life, customs, social stratification, ethnocultural specifics, worldview and religious and other characteristics, as well as interaction with the Russian (Slavic) population, officials and church apparatus. The localization of the research component on one of the largest historical territories of the Russian North and the Russian Arctic makes it possible to examine more narrowly and in detail the provincial ethnocultural specifics. The retrospective analysis allows looking at the ethnopolitics of modern Russia taking into account regional specialization. The ethno-cultural issues considered in the article are of fundamental importance in connection with the socio-political and historical-legal discussion on the issue of the cultural collective rights of small ethnic groups: indigenous peoples and national minorities. Particular attention is paid to the historical experience of the work of the Orthodox clergy to “incorporate” local ethnic groups into the all-Russian spiritual space in order to promote the territorial and cultural unity of Imperial Russia.

Keywords: Arkhangelsk Governorate, inorodtsy, ethnopolitics, Arctic, indigenous peoples.

1. Введение

Этнополитика сегодня является одним из наиболее важных стратегических направлений единой государственной политики современной России. Полиэтнический состав населения страны диктует необходимость учитывать различные особенности хозяйственно-бытового и социокультурного компонентов разных этносов. В том числе следует учитывать и конфессиональный состав населения. Данные задачи, конечно, возникли не сегодня, еще в XIX – начале XX вв. государство вырабатывало дифференцированную политику в отношении «разностатусных» этносов, населявших сложносоставную страну. На местах, в губерниях местные администрации и различные правительственные учреждения (в том числе Ведомство православного вероисповедания) вынуждены были сталкиваться непосредственно с этносами, имеющими свои специфические особенности. Связано это было, прежде всего, с тем, что территориальная политика Российской Империи еще с XVIII века была направлена на формирование крупных автономных региональных образований,

* Corresponding author

E-mail addresses: i.vereschagin@narfu.ru (I.F. Vereshchagin), m.zadorin@narfu.ru (M.Y. Zadorin)

которые в обмен на делегирование им властных полномочий отвечали лояльностью центральной власти, что позволяло сократить издержки государства на поддержание территориальной целостности (Goldin et al., 2015a: 861).

Архангельская губерния была одной из самых обширных административных единиц дореволюционной России с очень редким населением: по данным 1907 г. на 842 531 квадратных километров всего 427 956 жителей. Она раскинулась от Кольского полуострова на западе до северного Приуралья на востоке. Исконно на данной территории проживали разные этносы: русские, ненцы, коми, карелы, саамы (не говоря уже про различные этнографические группы). Несмотря на относительно небольшой процент нерусского населения, оно уже в конце XIX – начале XX вв. являлось важным фактором внутренней и внешней политики страны. На 1907 г. по данным полиции в Александровском уезде губернии проживало 1 797 саамов, 199 коми и 48 ненцев из 11 256 всего населения уезда; в Кемском уезде – 9 769 карел из 42 242 всего населения уезда; в Мезенском уезде – 1 448 ненцев из 30 366 всего населения уезда; в Печорском уезде 4 645 ненцев и 25 816 коми из 42 537 всего населения уезда (Памятная книжка, 1908: 70–71). Авторы публикации опираются на официальные документы, научную литературу и публицистику XIX – начала XX вв., в которых перечисленные этносы обозначались другими этнонимами. Для того, чтобы не путать читателя, в дальнейшем мы будем употреблять именно аутентичные для того времени названия: саамы – лопари, карелы – корелы, коми – зыряне, ненцы – самоеды. Также не будет лишним отметить, что де-юре все четыре указанных этноса носили различный правовой статус в Российской Империи (в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 года (Полное собрание..., 1849) и «Положением об Инородцах» в «Своде Законов Российской Империи» 1897 года (Положение об инородцах, 1892). Корелы и зыряне (за исключением оленеводов) в общей своей массе относились к «оседлым инородцам», а лопари (Рубан, 2007: 44–49) и самоеды – к «бродячим» (Гоголев, Маякунов, 2014: 150–152). Как отмечает в своих трудах П.И. Кёппен: «1851 г. Июля 13. По Высочайше утвержденным правилам нового устройства земских повинностей, инородцы Архангельской губернии – Самоеды и Лопари не подвергаются никакому на общие по Империи или Государственные земские повинности сбору» (Кёппен, 1861: 359). В свою очередь «оседлые» занимались торговлей, промыслами, земледелием, были приравнены в правах к россиянам. Более того, те, кто исповедовали христианскую веру официально не отличались от россиян «никаким особым названием». Те, кто проживал в деревнях, считались «государственными крестьянами», а единственным их отличием от крестьян европейской части Российской империи было освобождение от рекрутской повинности (Ефимова, 2016: 111–119).

2. Материалы и методы

Выбор главного источника информации для данной статьи не случаен. Епархиальная пресса служит отражением мнений, чаяний и беспокойств духовенства, которое по долгу своей службы касалось не только чисто религиозных проблем, но и этнополитических. «Архангельские епархиальные ведомости» (далее – Епархиальные ведомости) – это журнал для духовенства и мирян Архангельской епархии (соответственно – губернии), издававшийся при местной духовной семинарии с 1888 по 1920 гг. (ГААО, Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 2119. Л. 2–4). Номер состоял из двух частей: официальной (для публикации различных документов и постановлений) и неофициальной (для статей, заметок и объявлений), которая в изучаемом нами вопросе наиболее интересна. Епархиальные ведомости в обязательном порядке выписывались всеми приходами и монастырями епархии. А авторами издания становились различные представители духовенства и мирян не только из губернского центра, но и из уездов. Тематика статей неофициальной части была разнообразной, в том числе на страницах Епархиальных ведомостей появлялись различные описания приходов епархии, исторические обзоры, заметки о происшествиях, воспоминания и дневниковые записи. Среди материалов на духовно-просветительскую тематику нетрудно отыскать размышления, касающиеся социально-политической, социокультурной и этнополитической сфер.

В интерпретации фактов и суждениях авторы статьи исходил из многофакторного объяснения истории, согласно которому происхождение и развитие этнополитических процессов и явлений рассматривается как результат взаимодействия различных факторов: социального, политического и религиозного характера. В работе использовались специально-исторические (проблемно-хронологический, сравнительный, типологический) методы и методы смежных наук. В частности в изучении этнополитического ландшафта Архангельской губернии на фоне внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации был также использован политологический анализ.

3. Обсуждение

Этнополитический ландшафт арктических территорий России как в современном, так и историческом контекстах, уже давно стал крайне актуальной проблемой в отечественной науке. Одним из самых известных трудов на эту тематику является книга профессора Калифорнийского университета в Беркли Юрия Слёзкина «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера» (Слёзкин, 2008: 119–147). Несмотря на то, что автор широко раскрывает историю взаимоотношения

государственной власти и коренных народов Севера, малочисленным этносам, населявшим именно Архангельскую губернию, он уделяет крайне мало внимания.

В 2016 г. вышла очень основательная коллективная монография «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности» (Подвинцев, 2016: 27–66). Однако тема этнополитического ландшафта Арктики в исторической ретроспективе выглядит довольно обзорно. Авторы не раскрывают подробности жизни коренных народов Арктики (в частности территории Архангельской губернии) на рубеже XIX – начала XX вв.

В последние годы был опубликован ряд статей на близкую тематику, рассматривающих данную проблему как с позиции государственной, так и церковной власти (например, В.И. Юдина (Юдин, 2012: 29–33), Л.Н. Беленчук (Беленчук, 2007: 80–101), В.Г. Трофименко (Трофименко, 2009: 28–33) и др.). Но этнополитический ландшафт Архангельской губернии на рубеже веков (конец XIX – начало XX вв.) с использованием материалов местной епархиальной прессы еще не становился предметом отдельного изучения.

4. Результаты

Лопари в Александровском уезде

Жизнь лопарей редко становилась темой для публицистических заметок авторов епархиальной прессы. Чаще описывались отдельные приходы или приходские школы Александровского уезда, в подобных материалах лопари упоминались лишь постольку, поскольку исконно населяли эту землю. Вместе с тем, и в них можно почерпнуть немного об отношении православного духовенства к коренным жителям.

Чаще всего лопари представляются «добрыми христианами», которые, безусловно, являются чадами православной церкви. Утверждается, что уже в XVI в. они сами стали стремиться к христианской вере (И.Ш., 1889: 317). С середины XVIII в. все русские лопари считались православными христианами. Однако, как это часто бывало и бывает не только с инородцами, но и с русскими, истинными православными они не становились. Не хватало элементарных знаний и практики. Авторы епархиальных ведомостей редко критикуют лопарей за это, но все же периодически замечают, что у них и в конце XIX в. сохранились языческие традиции (Козмин, 1900: 270). Известный российский этнограф Н.Н. Харузин, занимавшийся изучением их жизни, отмечал, что скандинавские лопари в отличие от российских могут быть названы не только «добрыми», но еще и «грамотными христианами». Он утверждал, что «суеверий у скандинавских лопарей гораздо меньше, чем у их русских собратий, отношение к церкви гораздо сознательнее» (Харузин, 1890: 135). Вероятно, это объясняется более успешной христианизацией в Скандинавии, нежели на Кольском полуострове в XIX в. Толерантность к саами, которые занимались скотоводством в районах, не пригодных для культивации сельскохозяйственных культур, была обусловлена идеологией скандинавского физиократизма, что, возможно, отчасти, и обусловило успешность скандинавской христианской миссии среди лопарей (Goldin et al., 2015b: 520).

Проблемы распространения православия среди лопарей отмечают и авторы епархиальных ведомостей. Долгое время не удавалось открывать профильные приходы в Александровском уезде, в том числе из-за того, что причт не знал лопарского языка (Z., 1917: 51–56). Элементарно некому было работать с иноэтничным населением. Знание местными жителями русского языка ещё не гарантировало понимание основ православия и его обрядовой стороны.

Еще одной существенной проблемой христианизации коренного населения были суровые природные условия. Александровский уезд пустеет на зиму; «остаются лишь постоянные жители становищ Мурмана и прибрежных русских селений, а внутри полуострова лопари со своими стадами оленей» (Керский, 1889: 426). С остальной Россией прерывается сношение на семь месяцев и более. Один из авторов драматично замечает: «Лопари издавна были пасынками в семье прочих народов, проживая в северо-западной части Европы, среди холодных и пустынных равнин и болот, которые известны под именем «Лапландия». Суровая и холодная природа принуждала лопарей заботиться, главным образом, об удовлетворении своих телесных потребностей, а гнет и насилие более культурных народов надолго удерживали их в язычестве, близко подходящем к их незамысловатому быту» (Пазрецкая церковно-приходская школа..., 1903: 444). Большие расстояния от одного населенного пункта до другого, отсутствие нормальных, постоянных путей сообщения, малочисленное население, скудные условия труда – все это следовало преодолевать для того, чтобы удержать лопарей не только в лоне церкви, но и в рамках государства.

Здесь, на границе со скандинавскими странами, миссионерская и катехизаторская деятельность православной церкви приобретала и государственнический оттенок. Разделенный границами народ лопарей мог потенциально стать поводом, или даже средством, к переделу тех самых границ, если бы одному из государств удалось перетянуть на свою сторону, подчинить своему влиянию весь этнос. Но если обратиться к тому же Н.Н. Харузину, то можно сделать вывод, что лопарский этнос уже тогда не был единым. По его мнению, «вооруженные же столкновения соседних, подчинивших себе лопарей народов (русских, шведов и норвежцев) друг с другом не оказывали почти никакого влияния на лопарей: лишь некоторые области Лапландии, составлявшие спорные участки между соседними государствами, переходили из рук в руки и оставались сравнительно недолго под властью

победивших» (Харузин, 1890: 23). Следовательно, вполне можно разделить лопарей в этнографическом смысле на группы: норвежскую, шведскую и русскую (в том числе ставшие предметом «пограничного торга»: нявдемские и пазрецкие лопари (Zaikov, 2016: 1169)), которые в историческом смысле пошли разными путями. Причем в рамках «русской» группы лопарей нельзя не выделить и финский компонент, являющийся элементом «защиты прав российских подданных на норвежской территории» во время финско-норвежского спора о трансграничных промыслах на российско-норвежской границе 1830–1850-х гг. (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 638).

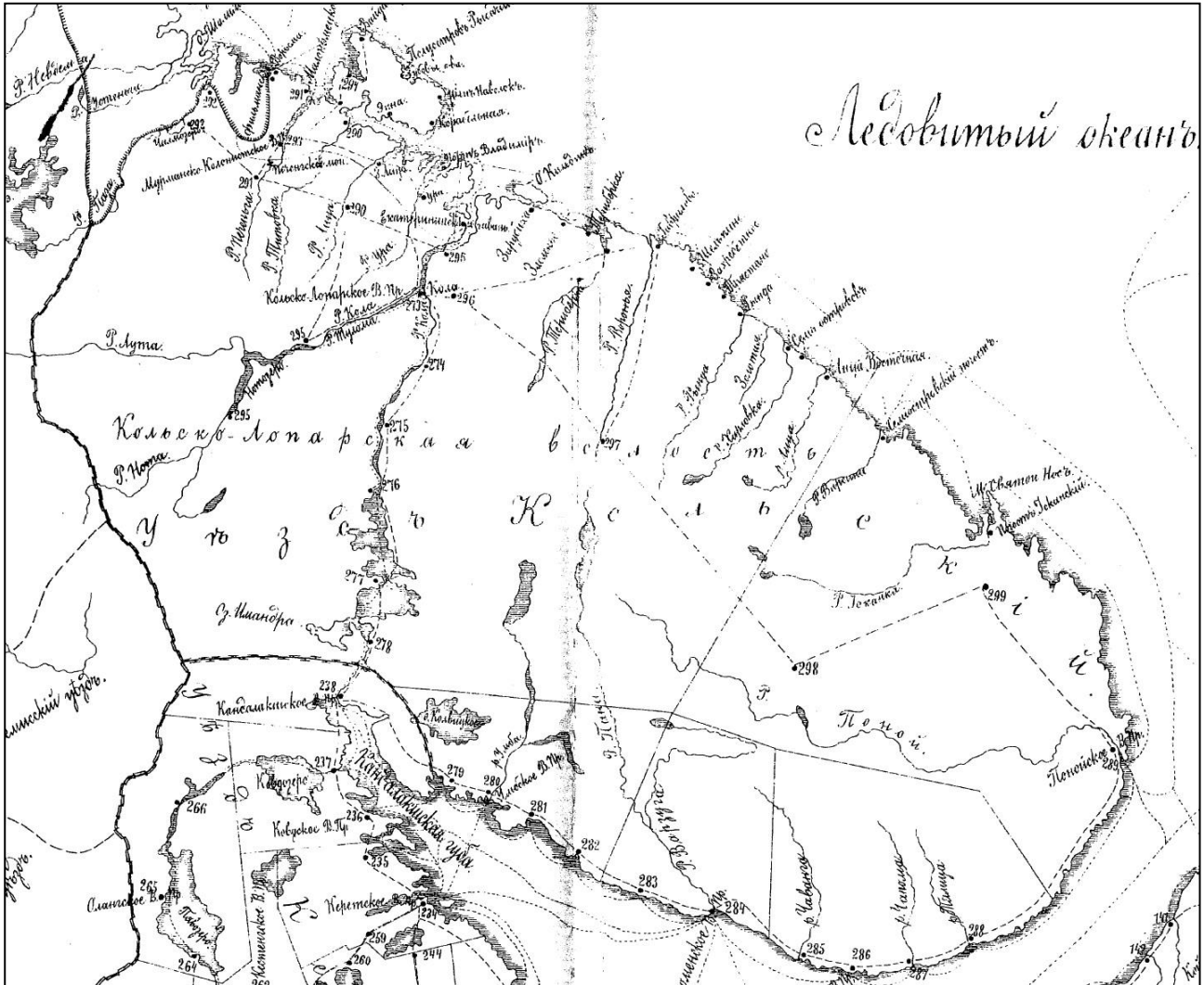

Рис. 1. Карта Александровского уезда Архангельской губернии

Различия отмечают и авторы епархиальной прессы. Например, утверждается, что все российские лопари говорят по-русски, тогда, как среди лопарей соседней Норвегии немногие говорят по-норвежски, несмотря на все старания, которые прилагают норвежцы к распространению своего языка и культуры среди местных коренных жителей. С другой стороны, качество жизни тоже отличается. Один из священников заявляет, что «пазрецкие лопари, населяющие нашу границу на Севере и отовсюду теснимые норвежцами и шведами, наиболее бедные среди своих соплеменников и действительно нуждаются в помощи» (С.В.М., 1911: 516). Хотя подобное разделение все же характерно именно для XIX в. В силу своей традиции лопари кочевали, не представляя каких-то государственных границ. Вплоть до 1826 г., когда была установлена российско-норвежская граница, существовала неопределенность для лопарей, населявших порубежные погосты (Нявдемский, Пазрецкий, Печенгский) (Goldin et al., 2015b: 520–522, 524–527). С четким разграничением территории пути групп данного этноса разошлись.

Но, тем не менее, российское государство издавна было заинтересовано в закреплении данной территории за собой. И даже после официальной демаркации не стоило успокаиваться. Поскольку задач у державы было слишком много, а ресурсов (в том числе людских) слишком мало, она рассчитывала на помощь православной церкви. Не раз в истории России церковь несла не только просветительскую функцию, но и политическую. С одной стороны, распространение православия

среди коренных народов включало их в общее социокультурное пространство России. С другой – клирики выполняли задачи администраторов, а монастыри и приходы – форпостов на пограничных территориях. Пожалуй, одним из главных выражений этого являлся Печенгский монастырь.

После своего упразднения Екатериной II монастырь был восстановлен лишь в 1886 г. В свое время на нужды северного края обратила особое внимание комиссия, созданная при архангельском губернаторе Н.М. Баранове. Она признала возобновление духовной жизни Печенгского монастыря весьма полезным не только для улучшения быта лопарей, но и для удовлетворения религиозно-нравственных нужд рыбопромышленников Мурманского берега, которых в летнее время насчитывалось в количестве нескольких тысяч. Архангельские светские и духовные власти возлагали на воссоздаваемый, пограничный монастырь большие надежды. По их мнению, он своим влиянием должен был не дать лопарям «увлечься учением Лютера и Кальвина, к чему делались не раз попытки из Финляндии, Швеции и Норвегии, соседних с Лапландией лютеранских стран» (Козмин, 1901: 384).

С. Керский в своем обзоре на страницах Епархиальных ведомостей прямо пишет о воссоздаваемой Печенгской обители: «Она должна стать оплотом православия против возможного вторжения на русскую почву иноверных учений с запада, со стороны норвежской границы» (Керский, 1889: 428). Каждый год на эту территорию помимо православных работников-промысловиков приходили последователи «разных лжеучений и сект», что конечно вызывало беспокойство духовенства, в том числе за верность лопарей православию. Но, что более интересно, автор видит опасность не только в норвежцах и финнах, но и в заграничных лопарях. Кочующие внутри Кольского полуострова местные жители нуждались, по его мнению, в ограждении их от «неправославных влияний и примера со стороны протестантствующих соплеменников их по ту сторону русской границы...» (Керский, 1889: 429). Опасность для православной церкви и государства очевидна – если российские лопари стали бы массово отходить от православия к протестантизму, то это, безусловно, способствовало бы консолидации разделенного государственной границей этноса. А консолидация лопарей на основе западного протестантизма, конечно, не гарантировала лояльность коренных жителей Кольского полуострова российскому государству.

Проникновению протестантизма и различного рода западных «сект» способствовала, как ни странно, политика самого российского государства. В целях заселения Мурманского берега оно поощряло колонизацию не только русскими, но и норвежцами и финнами (Бардилева, Грашевская, 2014: 238). Количество колонистов не было велико, на 1915 г. в Александровском уезде в числе колонистов насчитывалось только 486 человек норвежцев, финнов и фильманов (лопарей-протестантов) (Памятная книжка..., 1915: 53). Однако их влияние, в том числе через религию, не могло не тревожить местное духовенство. На страницах Епархиальных ведомостей даже встречается новость об одном неприятном случае. В праздник Крещения Господня в 1908 г. «толпа финнов и норвежцев производила всевозможные безобразия, чтобы унижить в глазах простодушных лопарей обрядность православной церкви. <...> Легко представить, к чему могут привести выходки инородцев, подобных описанной, на наших православных лопарей, живущих на далекой окраине» (N., 1908: 174–175). Иностранцам и иноверцам приписывались разного рода бесчинства и в церкви, и во время обряда на воде. Впрочем, впоследствии на страницах того же издания вышел комментарий, несколько оправдывающий норвежских и финских колонистов (К корреспонденции..., 1908: 512–515). Вместе с тем, стоит согласиться с автором заметки о происшествии. Появление в Александровском уезде иностранцев с иными религиозно-нравственными взглядами, конечно, могло способствовать зарождению в местных лопарях сомнения, а затем и критики православия.

В итоге, внимание православной церкви к жизни лопарей на далеком севере можно объяснить не только заботой о просвещении коренных народов, но и чисто политической задачей – сохранением данной территории в рамках единого с Россией социокультурного пространства. Вероятно, не духовенство ставило подобную задачу, а государство, которому в юридическом смысле церковь подчинялась.

Корелы в Кемском уезде

О корельских поселениях публицисты Епархиальных ведомостей отзывались весьма нелестно (был целый ряд очерков о местных приходах). Население обычно изображалось малограмотным или безграмотным, часто не знающим русского языка, сохранявшим языческие представления, не обладающим знаниями ремесел (N., 1908: 532), массово практикующим сожительство, в том числе несовершеннолетних (Ручьев, 1914: 264–266). Удручающим было социально-экономическое состояние. С наступлением осени многие корелы уходили в Финляндию для торговли вразнос и на другие виды работ. Отхожий промысел являлся почти единственным источником добывания средств для поддержания себя и своего хозяйства. Авторы часто отмечали нехватку культурно-просветительских учреждений, и, пожалуй, главной проблемой называли отсутствие нормальных дорог, которые позволили бы заниматься миссионерством, и развивать экономику в регионе.

Современные историки, например, М.В. Пулькин (Пулькин, 2005: 107–125), отмечают, что государственная этнонациональная политика в отношении корел, носившая характер русификации, имела три различных вектора (модели) своего развития, нередко противоречащих друг другу. Первая модель носила ярко выраженный религиозный характер и была связана с распространением

православия и приобщением корел к русской культуре, в том числе путем подготовки священников, знающих корельский язык, и переводом религиозной литературы на язык местного сообщества. Вторая модель была связана с системой образования в целях преодоления языкового барьера между местным населением и чиновниками: Закон Божий был обязательной частью минимальной образовательной программы. Третья модель – политика поддержки на начальном этапе местного наречия в целях дальнейшего его искоренения и переход на государственный язык.

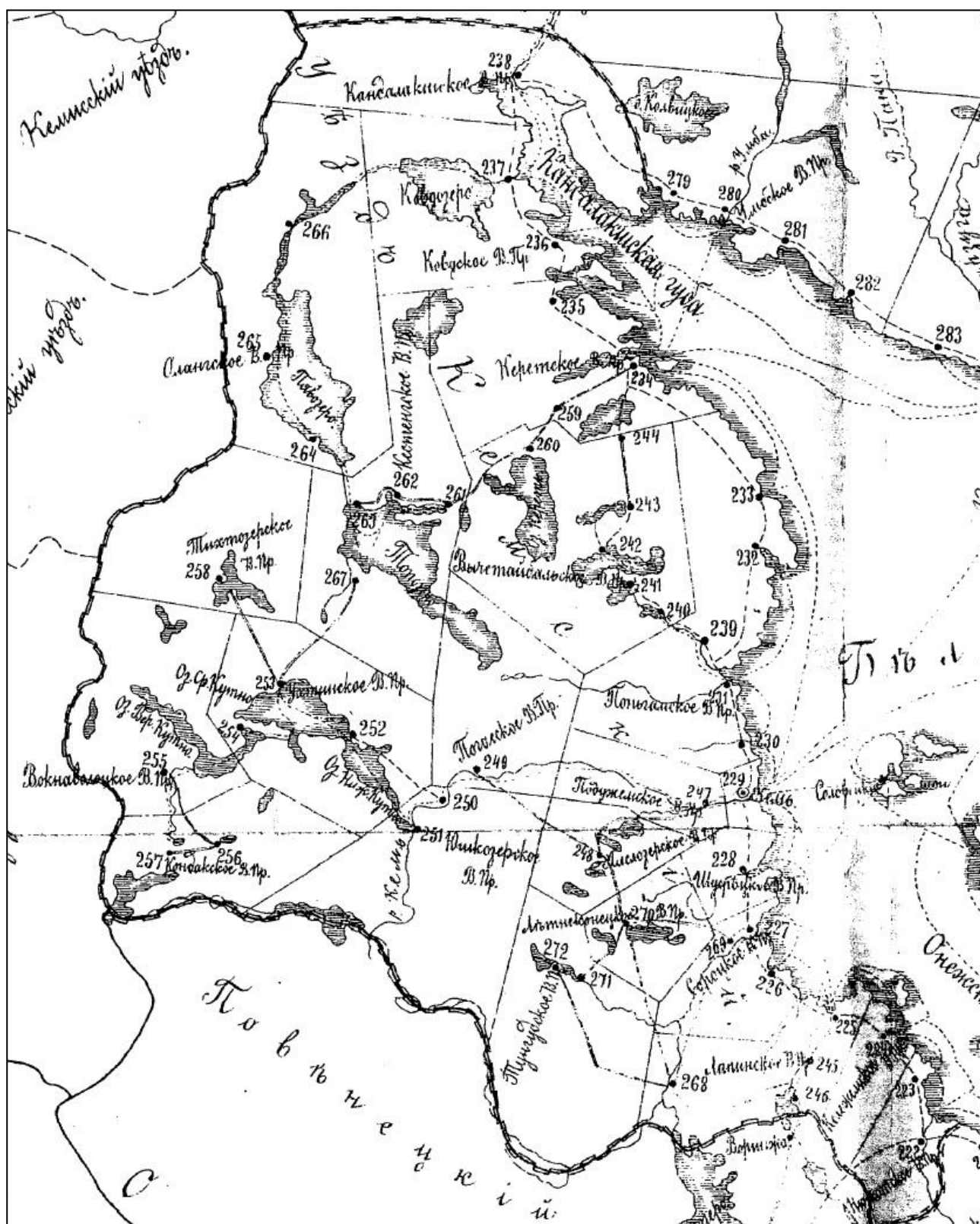

Рис. 2. Карта Кемского уезда Архангельской губернии

Вместе с тем, намного быстрее, чем православная миссия, сюда проникало протестантство из соседней Финляндии. Это происходило благодаря проповедникам, переходящим через административную границу, и близости финской и корельской культур. На страницах епархиальной прессы описывались не только победы миссионерского дела, но и неудачи и тревоги. Примером подобной постоянной угрозы может служить секта «ушковайзет» (верующие, или «ойкие криститту» – истинные христиане), получившая распространение в Ухте и ряде других населенных пунктах Карелии, начиная с 1870-х гг. (Из Кемского уезда..., 1888: 77–79). По одной версии, ее основателями стали четыре плотника-финна, открывшие в Ухте собственное дело и попутно распространявшие свои рационалистические взгляды на жизнь. По другой версии, новые взгляды в Архангельскую губернию завезли местные корелы, занимавшиеся в Финляндии отходничеством и познакомившиеся там, по-видимому, с лестадианством. Представителей данной секты было крайне мало: на конец XIX в. насчитывалось всего лишь несколько десятков в разных населенных пунктах. Можно было предположить, что официальная статистика не в состоянии показать истинное число сектантов, однако важно отметить, что представители данного религиозного направления несильно и скрывались от гражданских и церковных властей. Поначалу было организовано следствие против первых последователей. Но в итоге разбирательства секта была признана лютеранским «исповеданием, с некоторыми лишь отклонениями от оногo» (А. М-в., 1896: 311). Поэтому государство в дальнейшем не подвергало преследованию «истинных христиан», но местное духовенство продолжало с ними бороться.

По учению сектантов для достижения спасения достаточно одной веры. По их мнению, истинно верующие только те, которые принадлежат к данному религиозному направлению, а остальные – идолопоклонники и антихристы. Вместе с тем, они не относились агрессивно к православным или духовенству. Вполне мирно «верующие» завлекали в секту новых последователей. Большое практическое значение имели убежденное трезвенничество и благочестие членов секты.

Проблема, на первый взгляд религиозная, приобретала в глазах местной церковной и светской власти гораздо больший размах. Под распространением лютеранского протестантизма и переходных сектантских форм веры могла скрываться панфинская пропаганда. Рост самосознания финского населения в конце XIX в. захватывал и ближайших соседей – корел, представители которых по торговым делам бывали в Финляндии. Благодаря единицам неопитов панфинское движение могло проникнуть на всю территорию Карелии (как в Архангельской, так и Олонецкой губерниях). В результате священник должен был становиться в душе и работе не только миссионером, но и государственным. Авторы епархиальной прессы были убеждены, что «Ушковайзет» не имеет отечественных корней, а является привнесенной из Финляндии, Швеции и Норвегии. Проблемой для православного духовенства был успех работы протестантских проповедников и финноязычных школ для корел в конце XIX – начале XX вв. (Яловицына, 2001: 61). Через год проживания в Финляндии, почти каждый корел вполне усваивал финский язык и отчасти шведский. Некоторые приходские священники отмечали, что «русскую речь в среде корел приходится слышать очень редко, хотя большая часть мужчин знает русский язык, но корелки, за редким исключением почти не знакомы с ним» (Юшкан-ярвен паппи, 1912: 134). Финскому проповеднику или корелу из «Ушковайзет» всегда было проще найти общий язык с местным населением и проповедовать, чем православному батюшке, не умевшему говорить по-корельски и не имевшему соответствующей духовной литературы. Масштабы распространения старообрядчества в Карелии епархиальное начальство оценивало скромно, но отдельные авторы противоречили официальной версии: «Все они значатся православными, но приходского храма и богослужения не посещают, у исповеди и причастия большинство не бывало никогда, иные же и в церкви совсем не бывали от роду»; «Все корелы осеняют себя крестным знаменем двуперстно» (А.Е., 1902: 802). Осознавая проблему, официальная церковь искала пути ее решения. С середины XIX в. создаются новые приходы и строятся храмы. В церковно-приходских школах с учениками проводятся специальные беседы (НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/5. Л. 346). Однако интенсивная христианизация населения наталкивалась на определенные трудности. Одной из главных проблем были языковые различия. Церковнославянский язык, используемый при богослужении в православной церкви, не способствовал катехизации корелоязычного населения. При попытке перевода богослужения оказывалось, что некоторые слова не имеют аналогов, поэтому в итоге получалось смешение языков (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/1. Л. 191–192). К тому же миссионеры призывали священнослужителей Беломорской Карелии учить местный язык, чтобы проще понимать свою паству. В «Олонецких епархиальных ведомостях» регулярно публиковали священные тексты на русском и карельском языках. Другой трудностью оказывались огромные пространства, отделяющие церковь от прихожан в поселениях. Часто местные жители не могли преодолевать эти расстояния, а клирики совершали религиозные обряды, иногда с большим опозданием (Пулькин, 2014). Кроме того, и состояние приходских храмов оставляло желать лучшего, что не могло поддерживать авторитет православной церкви.

В итоге, катехизация карельского населения Архангельской губернии оказывалась напрямую связана с этнополитическими и языковыми проблемами. Отсутствие крепких социально-экономических и этнорелигиозных связей с центром региона и наличие подобных связей с Финляндией грозило в перспективе потерей Карелии. Особенно эта опасность была осязаема в период революционных потрясений.

Зыряне в Мезенском и Печорском уездах

В отличие от лопарей и корел лояльность зырян (ижемцев) российскому государству не вызывала сомнений. Как минимум, потому что основной ареал их расселения находился глубоко внутри территории России, и постоянных связей с иностранными государствами эта земля не имела. За исключением того, что на Печоре существовал шведский лесопильный завод. В Усть-Цильме находилась шведская контора, и для заготовки лесных материалов представители шведской компании развезжали по уезду (*Печорский край ...*, 1904b: 828). Но вряд ли стоило ожидать здесь каких-либо недружественных действий иностранцев, да и не наблюдалось никакого серьезного общественно-политического движения финно-угорских народов внутри страны. Если обратиться к публикациям на страницах Епархиальных ведомостей, то становится понятно, что для местного духовенства зыряне не представляли большого интереса. Вернее будет сказать, что зырянское население губернии интересовало священнослужителей с точки зрения тех же вопросов, что и русское население. То есть в практическом смысле работа священника с зырянским населением Мезенского (а после выделения из его состава в 1891 г. и Печорского) уезда не имела каких-то этнических особенностей.

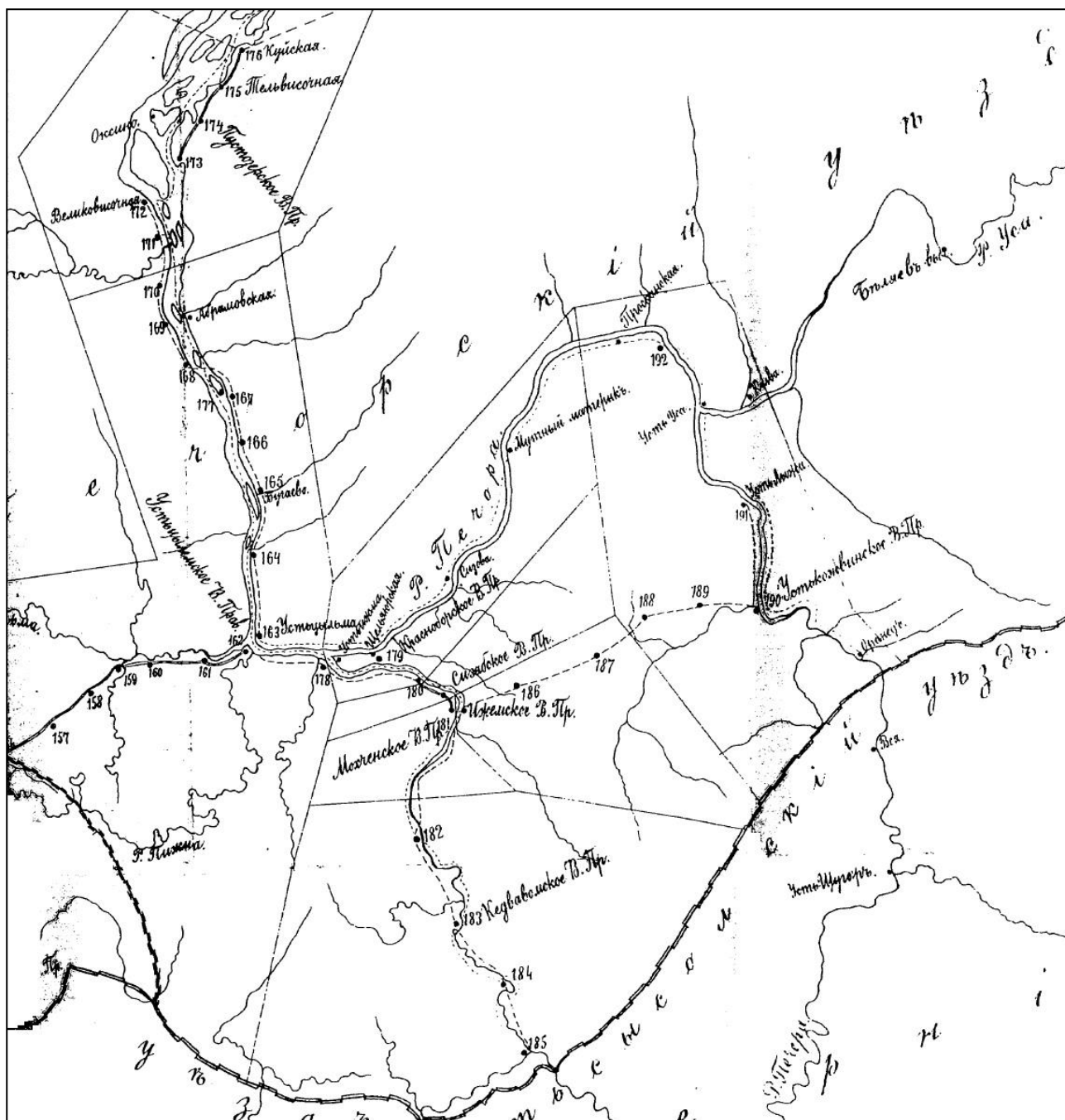

Рис. 3. Карта поселений зырян в Печорском уезде Архангельской губернии

Иногда ижемцы оказывались даже более верными официальной церкви, чем иные русские. Епархиальный миссионер Павел Ильинский отмечал в одной из своих заметок, что приход в Усть-Цильме весь заражен расколом, и прихожанами могут считаться только уездные чиновники и ижемцы, которые не забывают посещать церковь (Ильинский, 1892a: 303). Он же уверенно сообщает, что на всем протяжении реки Ижма зырянское население «чисто православное» (Ильинский, 1892b: 400), что по его словам подтверждается состоянием приходов и конкретно храмов. Впрочем, в этом можно и усомниться. Так, местный благочинный Василий Новиков, пожив несколько лет среди зырян и познакомившись с населением поближе, замечал, что в кажущейся религиозности есть очень много внешнего и показного. И сегодня среди разноэтничной паствы православной церкви в России распространена эта характеристика – в погоне за соблюдением внешней, обрядовой стороны прихожане зачастую не только не соблюдают христианские установки, но и просто их не знают (Кураев, 1996). «Обрядоверие» (духовное невежество) вместо осознанной духовной культуры, является латентным фактором социокультурной нестабильности, приводит к утрате традиционных ценностей, опору на которые делает современное российское государство в своих стратегических документах (Zaikov et al., 2017).

Более искренней религиозностью, по мнению авторов Епархиальных ведомостей, отличались зыряне-оленоводы. Почти три четверти года они со своими стадами находились в тундре, где не было различных соблазнов современного им общества, и где суровая природа периодически подталкивала их к обращению к Богу в трудной ситуации. Хотя тяжелый труд в непредсказуемых условиях провоцирует не только веру в Бога, но и различные суеверия, которые выявлялись и у зырян. Положительно, как самая лучшая религиозная черта, в зырянском населении отмечалась любовь поминать своих умерших родных. Примечательно, что духовенство видело в этом проявление христианства, а не пережиток языческих времен с культом предков. Видимо, никакой опасности для православной церкви это явление не представляло.

На страницах Епархиальных ведомостей складывается противоречивый образ зырянина. С одной стороны, периодически отмечаются положительные стороны быта и развития местного населения. Так, один из авторов пишет: «В отношении умственного развития печорцы могут считаться стоящими гораздо выше жителей других губерний России...» (Печорский край..., 1904b: 828). Весьма громкое заявление, не содержащее обоснованных доказательств. Но все же сомневаться в просвещении данного края не приходится: оно также происходило посредством церкви, силами миссионеров, священников-педагогов. «Христианские проповедники стремились воздействовать на духовную и материальную жизнь представителей «малых народов» – их мировоззрение, традиции, обычаи, уклад жизни и т.д.» (Городничева, 2011: 125–126). На момент конца XIX – начала XX вв. вряд ли стоит говорить о каком-либо специфическом подходе к просвещению зырян. В этом отношении они уже не отличались от русского населения.

Существенного культурного, и, в частности, языкового барьера священнослужители не замечали. Наоборот, считалось, что зыряне очень способны к восприятию русского языка, а почти все русские, прожившие в данной местности некоторое время, начинают говорить по-ижемски. Собственно особенный ижемский диалект языка коми возник у местных зырян «в результате длительного межэтнического смешения и этнокультурного взаимовлияния с существенными заимствованиями в лексике из русского и ненецкого языков» (Шабаев и др., 2010: 135). Помимо этого, постепенно происходившие изменения в традиционном хозяйстве зырян привели к тому, что они не сильно отличались от местных русских в экономическом смысле. Несмотря на непростые условия жизни, ижемцы оставались работать в Печорском крае. Обычая уходить в отделенные места для прилюдия своего труда, как это делали в других частях страны (в том числе в других частях Архангельской губернии), не было.

Вместе с тем, местное духовенство отмечало и негативные черты самосознания зырян. Местный священник называл зырян весьма самолюбивыми и мстительными. Среди данного народа он отмечал такие осуждаемые явления, как сутяжничество, пьянство, воровство (Новиков, 1902: 720). Однако, вероятно, данные черты были развиты у местных зырян не больше, чем у местных русских.

Ижемцы считались очень энергичным, предприимчивым и работающим народом, «оборотистыми» людьми (Квашнин и др., 2006: 284). Постепенно они расширили территорию своего обитания. Для наиболее успешных ижемцев основой хозяйства стало оленеводство, которое они заимствовали от соседних самоедов. При этом они подошли к делу, видимо, более обстоятельно, чем самоеды. «Способы хозяйствования ижемцев оказались более эффективными, чем у ненцев Большеземельской тундры, а также Кольских саамов и хантов» (Шабаев и др., 2010: 135). Они заготавливали продукцию оленеводства и торговали ей далеко за пределами родного края. Постепенно ижемские зыряне подчинили себе самоедов, большая часть стад находилась в их руках. Один из авторов Епархиальных ведомостей наравне с положительной характеристикой данного народа как «деятельного и предприимчивого» отмечает, что сделки зырян не отличаются добросовестностью. «Благодаря чему они, путем векового обмана, не только стали хозяевами самоедских оленьих стад, но успели вместе с пустозерцами, захватить в свои руки самоедские рыбные и другие промыслы и поставить самоедов в полную экономическую зависимость, являются в

настоящее время фактическими хозяевами тундр» (*Печорский край...*, 1904а: 727). Получив такую власть, зыряне неожиданно столкнулись в своих интересах с православной церковью.

В первой половине XIX в. под руководством архимандрита Вениамина (В.Н. Смирнова) происходило духовное просвещение самоедов, приобщение их к православной вере. Совершенно неожиданно миссия встретила сопротивление со стороны мезенских мещан и зырян. Они имели у себя в подчинении самоедов в качестве пастухов оленьих стад и опасались, что те, приняв православную веру и крещение, перестанут им служить. Поэтому богатые зыряне старались удержать самоедов от принятия христианства. По словам архимандрита Вениамина, русские и зыряне угрожали самоедам, что оставят их и не будут давать им пищи, если те примут православие. Вениамин прикладывал все усилия, чтобы публично обличать русских и зырянских хозяев. Русские и зыряне-оленеводы также распускали между самоедами слухи о том, что якобы с принятием православия самоедов лишат кочевьев, припишут к русским населенным пунктам, будут забирать в солдаты, а детей отдавать в солдатские школы (*Кулаков, 1915: 206*). Подобное странное, на первый взгляд, поведение православных хозяев (русских и зырян) объясняется просто. Хозяева прекрасно понимали, что, если самоеды примут православие, это постепенно будет приводить к повышению их грамотности и самостоятельности. Вследствие чего, хозяева могут лишиться даровых работников в лице бедных самоедов. Кроме того, русские и зыряне вели выгодную торговлю различными товарами с зажиточными самоедами, при которой в виду их неграмотности и увлечения водкой обвешивали и обсчитывали самоедов.

Миссионеры во главе с архимандритом Вениамином вынуждены были прибегнуть к помощи местной администрации, которая предупредила хозяев (русских и зырян) о том, что за распространение ими ложных слухов среди самоедов они будут привлечены к суду. Самоедам четко объяснялось, что все слухи, распространяемые их хозяевами, ложны. После этого ситуация несколько поменялась, противодействие сократилось. Впрочем, один из авторов епархиальных ведомостей, преподаватель духовной семинарии В.А. Шульгин отмечал, что некоторые хозяева оленьих стад изменили отношение к крещению самоедов неспроста. Уговорив молодых самоедов принять православие, они записывали их в свои семьи под своей фамилией, чтобы затем отдать их в рекруты, взамен настоящих членов своей семьи (*Шульгин, 1897: 295*). Стоит оговориться, что подобное поведение «хозяев» характерно не исключительно для зырян, но и для русских.

Таким образом, можно сказать, что зыряне по своим занятиям и образу жизни почти не отличались от русских жителей данных уездов. Вследствие постоянных социально-экономических и социокультурных связей с ними, зыряне в некоторых местностях утратили определенные характерные черты, что сказалось на отношении к ним епархиального духовенства. В их повседневной жизни не просматривалось никакой опасности для церкви, и тем более для государства.

Самоеды в Мезенском и Печорском уездах

Авторы Епархиальных ведомостей противоречиво характеризуют самоедов. С одной стороны, представители коренного народа трудолюбивы, терпеливы, верны данному слову, готовы оказать помощь ближнему, с другой – подозрительны, скрытны, недоверчивы. Но вместе с тем, они упрямы, настойчивы в исполнении задуманного. Главная негативная черта самоедов, которая постоянно осуждается на страницах епархиальной прессы, это пьянство. «Пьют как мужчины, так и женщины». Особенно это характерно для летнего периода года, когда самоеды по торговым и промысловым делам встречаются с русскими и зырянами. По свидетельству очевидцев, в местах расселения самоедов начинается повальное пьянство (*Кулаков, 1914: 326*). Также священнослужители не могли не осуждать другую черту местных самоедов. Авторы епархиальной прессы утверждали, что самоеды не имеют понятия о святости брака, многие не венчаны и живут в незаконном сожителе. Никакое родство не признается препятствием к сожитию (*Михайлов, 1898а: 134*). Не редкость и двоеженство; правда, у состоящих в законном браке этого не фиксировалось.

Грамотных среди самоедов было крайне мало. Обучать детей грамоте самоеды-оленеводы, по сути, не имели возможности, так как вели кочевой образ жизни. Ребенок школьного возраста необходим родителям для помощи на промысле или при оленьих кочевьях. Хотя в деле обучения грамоте как раз могли помочь православные миссионеры. В 1831 г. архимандритом Вениамином были представлены в Комиссию духовных училищ при Святейшем Синоде «грамматика» и «словарь», составленные им для изучения самоедского языка, а также перевод «Нового Завета» (*Легатов, 1896: 494*). При этом Вениамин дальновидно предположил, что введение в употребление для самоедского языка букв русского алфавита способствовало бы сближению самоедского языка с русским. Это помогло бы быстрее включить самоедов в единое социокультурное пространство страны.

Священник И. Михайлов отмечал странную для него смесь православия с идолопоклонством в религии самоедов: «веруя в Бога и святых Его угодников, они в тоже время почитают и идолов; Истинного Бога самоеды называют Русским Богом, а идолов – богами самоедскими» (*Михайлов, 1898b: 260*). Авторы заметок о самоедах упоминали, что те всегда в обязательном порядке при посещении церкви брали с собой в тундру свечки, чтобы ставить перед образом своего покровителя, святителя Николая или пророка Ильи. Духовенство воспринимало такое поведение, как благо, не высказывая мнения, что стремление зажечь свечку у образа может быть проявлением следов языческого прошлого у самоедов, в котором были различные практики с идолами.

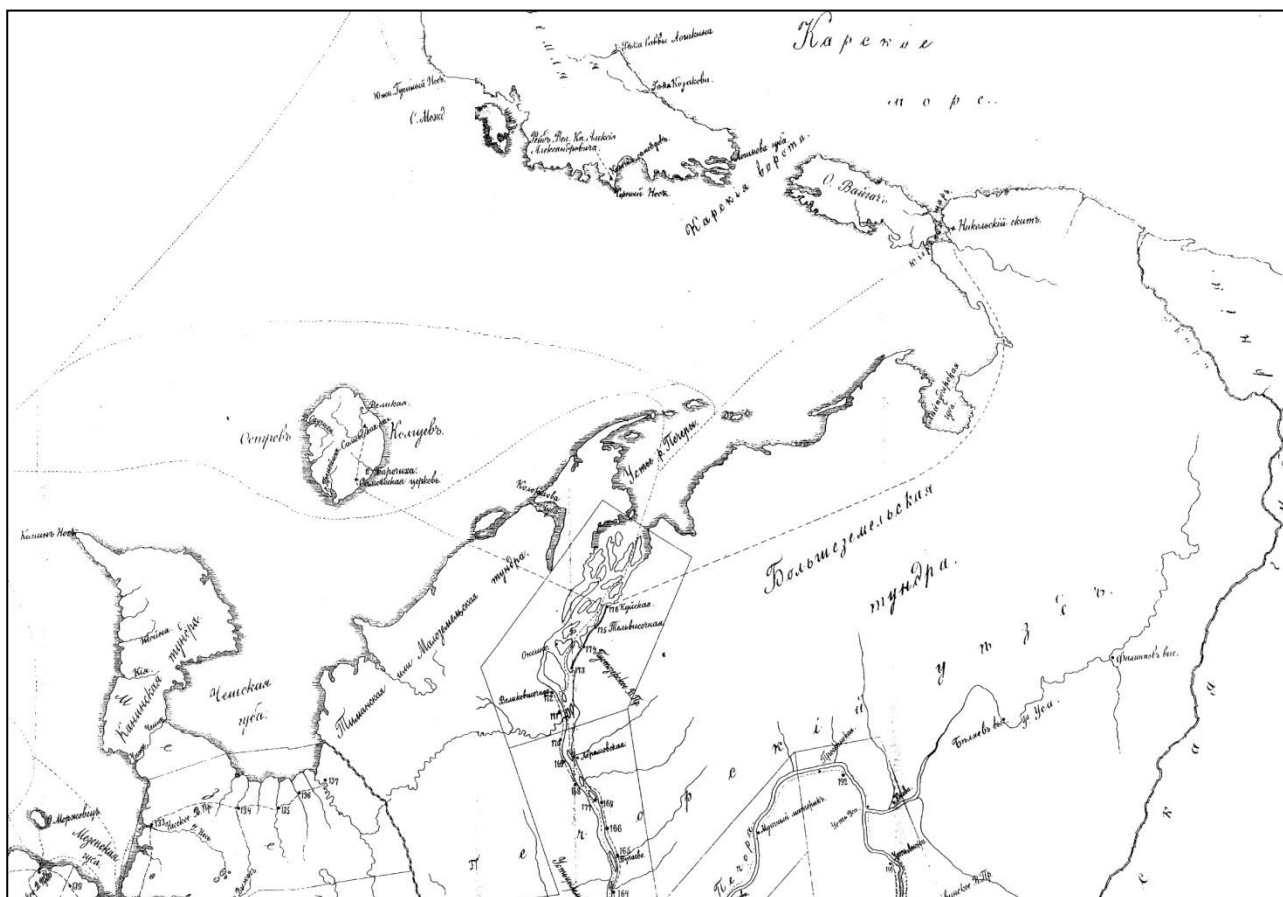

Рис. 4. Карта расселения самоедов в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии

Главным препятствием к обращению самоедов в православие, как было описано выше, являлись их хозяева, русские и зыряне. Их поведение само по себе не способствовало формированию положительного представления о вероисповедании, носителем которого они являлись. Из инородцев Архангельской епархии самоеды дольше всех оставались язычниками. Но все же к концу XIX в. они были крещены. Надо сказать, что сделано это было политически грамотно. Архангельский епископ Неофит (Н. Докучаев) составил специальные правила для миссии, в которых прописывалось, что при поддержке гражданских властей и полиции необходимо параллельно с просвещением самоедов заниматься улучшением их жизни, запретить распространение спиртных напитков, не причислять крещенных самоедов к казенным крестьянам, оставлять в ясном положении, и в рекруты не брать (Невский, 1910: 67). Предполагалось, что необходимо начинать обращение в христианскую веру с богачей и старейшин самоедского народа в Пустозерске, который периодически посещали разные семьи. В итоге на начало XX в. самоеды пользовались самоуправлением и выбирали старейшин, которые представляли собой судебную и исполнительную власть, действуя на основании обычая.

Авторы епархиальных ведомостей обращали внимание и на традиционные промыслы самоедов, раскинувшиеся на огромные территории, в том числе ловлю морского зверя. Священник И. Зуев на страницах своей заметки даже опасался, что из-за невнимательного отношения к этому промыслу вскоре инициативу в нем могут перехватить иностранцы (Зуев, 1891: 143). Норвежцы и англичане, пробираясь к берегам Новой Земли и дальше в Карское море, открыто занимались звериными морскими промыслами, имея более совершенные орудия для битья морского зверя и современные суда. Гражданские власти задумались об этом намного позже. Например, в 1912 г. архангельским губернатором С.Д. Бибиковым была организована Канинская экспедиция для естественноисторического обследования Канинского полуострова и Чешской губы. Одной из задач было выяснить, насколько вредным или полезным фактором в деле колонизации этих мест будет отдача в долгосрочную аренду иностранным предпринимателям территории на западной части Канина полуострова (Памятная книжка..., 1914: 67–68). Русские же часто не спрашивали мнения местных самоедов, чтобы здесь поселиться, и колонизировали данную территорию самостоятельно.

Самоеды, живущие на острове Колгуев, считались архангельским духовенством богобоязненными и религиозными (Игумнов, 1910: 780), но при этом местные жители редко посещали богослужения, так как совершались они тогда, когда приезжали командированные священники. Поэтому самоеды Колгуева имели слабое представление о христианской вере и

правилах христианской жизни. Заселение острова самоедами произошло при помощи русских промышленников. Жители Мезени, Пустозерска и окрестных селений нанимали самоедов из Канинской, Тиманской и других тундр и перевозили их на Колгуев. Самоеды должны были заниматься на протяжении всего года ловлей песцов, морских зверей и т.п. В итоге, немногочисленное население острова Колгуев могло бы безбедно существовать, но оно находилось в постоянном долгу у промышленников и торговцев, приезжающих сюда в летнее время из Пустозерской и Ижемской волостей Печорского уезда. Во многом подобное положение объясняется неразвитостью и неграмотностью самоедов, а также пристрастием к спиртным напиткам, которым пользовались «хозяева». Губернская администрация попыталась запретить ввоз сюда и продажу водки, но из-за отсутствия надлежащего надзора за этим остановить пьянство на острове не удавалось.

Остров Вайгач также служил местом богатого звериного и рыбного промысла, для которого сюда ежегодно в начале весны прибывало большое количество промышленников – зырян, пустозерцев, самоедов, которые проживали на острове в течение нескольких месяцев. Некоторые самоеды оставались здесь на зимовку. Отмечались на Вайгаче и остатки языческого культа. Для духовенства было очевидно, что находясь ежегодно долгое время без религиозного назидания, ещё некрепкие в православной вере самоеды, могли вновь отпасть от христианства. Религиозные запросы должны были быть удовлетворены именно православным духовенством. Была предпринята попытка организовать в 1891 г. Никольский скит Веркольского монастыря на берегу пролива Югорский Шар, отделяющего Вайгач от материка. Самоеды, жившие на Югорском Шаре, были особенно рады, когда узнали, что монахи приехали жить постоянно. Они даже готовы были отдавать в скит своих детей для обучения грамоте (*Скит на Югорском шаре...*, 1891: 7). Но суровые климатические условия совершенно не благоприятствовали постоянному проживанию в скиту. Уже через год часть монахов погибла от цинги, а часть вынуждена была вернуться в монастырь. После этого никто из Веркольского монастыря не изъявлял желания отправиться в скит даже на летние месяцы (*Шашков, 1896: 282*). Хотя для церковной власти (как и, вероятно, гражданской) было желательно, чтобы скит снова оживился и стал бы центром духовного просвещения для самоедов.

На Новую Землю самоеды (в количестве 50 человек) были переселены из тундр с их согласия в 1877 г. архангельским гражданским начальством с целью колонизации этих островов (*А.Ш., 1894: 214–215*). Поселение самоедов на архипелаге было признано правительством необходимым для того, чтобы, с одной стороны, эта территория фактически была российской, с другой – чтобы колонисты оказывали помощь промышленникам, по каким-то причинам оставшимся здесь. Кроме того, на архипелаге самоеды могли развивать промысел морского зверя, тогда как в тундрах становилось трудно себя прокормить. Колонисты были размещены сначала в одном из зданий «Главного Общества спасания на водах». Колония постепенно росла и к концу XIX – началу XX вв. составляла около ста человек. Тяжелые жизненные условия, связанные с борьбой со стихиями, белыми медведями, цингой, голодом и холодом, делали архипелаг крайне непривлекательным для заселения. Однако внешнеполитические обстоятельства диктовали необходимость колонизации.

В 1910 г. Союз шкиперов норвежского города Тромсё подверг сомнению права России на северную часть Новой Земли, где они долго и беспрепятственно вели доходный промысел белых медведей и тюленей, и настаивал на рассмотрении дела в международном судебном органе (*Соседи на Крайнем Севере...*, 2001: 208). Постепенное осознание российским правительством значения Севера привело к тому, что колонизация стала предметом интереса государственных властей. Опыт заселения Мурманского берега предлагалось перенести на Новую Землю. Предполагалось даже послать военный корабль к архипелагу и силой выдворить оттуда участников обосновавшейся там на зимовку норвежской промысловой экспедиции. Конфликта удалось избежать благодаря тому, что норвежские власти официально подтвердили российский суверенитет над всем архипелагом, о чем было сделано внушение норвежским промысловикам.

Таким образом, самоеды в конце XIX – начале XX вв. воспринимались как «неразумные дети во Христе». Их положение постоянно притесняемых и подчиненных русским и зырянам могло поставить этнос на грань выживания. Колонизация их силами островов арктического побережья могла лишь отчасти им помочь. Требовалось постоянное внимание гражданских и церковных властей.

5. Заключение

Политика в отношении различных коренных народов, населявших Архангельскую губернию в конце XIX – начале XX вв., была дифференцирована, исходя из их положения. Четыре основных (кроме русских) этноса можно теоретически разложить на определенной шкале вовлеченности в общее социокультурное и внутривластное пространство страны на тот момент. Наиболее близкими к русским оказывались зыряне, которые в своей повседневной практике теряли какие-то специфические черты и в религиозном отношении были частью господствующей конфессии. Далее можно расположить корел, которые были близки к некоему среднестатистическому образу российского крестьянина, но при этом испытывали сильное влияние соседней Финляндии как в экономическом, так и конфессиональном смысле. Третью позицию занимали лопари, ведущие

совершенно самобытный образ жизни, разделенные государственной границей, но при этом считающиеся вовлеченными в социально-экономическое и конфессиональное пространство страны. Наконец, дальше всех на этой шкале оказываются самоеды, формально принадлежавшие к православной церкви и являвшиеся свободными, но сохранявшие следы языческой веры и занимавшие подчиненное положение по отношению к так называемым «хозяевам» из числа русских и зырян, проживающие на территориях, совершенно оторванных от более-менее крупных населенных пунктов, считающихся сосредоточением цивилизации.

Подобная дифференциация, представленная посредством официального печатного органа местной епархии, тем более интересна, что почти вся описанная здесь территория расселения данных коренных народов входит сегодня в Арктическую зону Российской Федерации. При развитии данной территории современное государство должно уделять внимание не только транспорту, ресурсам и обороне, но и местным коренным жителям. Поэтому опыт работы православного духовенства с представителями коренных народов Арктической зоны столетней давности вполне может быть востребован и сегодня.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

- А.Е., 1902** – А.Е. Из быта корелов Кестенгского прихода, Кемского уезда // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1902. № 23. Неоф. ч. С. 800–808.
- А. М-в., 1896** – А. М-в. Секта Ушковайзет // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1896. № 10. Неоф. ч. С. 309–318.
- А.Ш., 1894** – А.Ш. Крещение самоедских детей // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1894. № 8. Неоф. ч. С. 214–217.
- Бардилева, Грашевская, 2014** – Бардилева Ю.П., Грашевская О.В. Религиозная ситуация на Кольском Севере: вызовы и ответы в истории и современности // *Современные вызовы и угрозы развитию Мурманской области: региональный атлас* / отв. ред. Г.В. Жигунова, А.М. Сергеев. Мурманск: Изд-во МГГУ, 2014. С. 237–245.
- Беленчук, 2007** – Беленчук Л.Н. Из истории послереформенного миссионерства в России. К вопросу просвещения нерусских народов // *Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология*. 2007. Вып. 4 (7). С. 80–101.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Гоголев, Маякунов, 2014** – Гоголев П.В., Маякунов А.Э. О некоторых аспектах правового развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX века) // *Право и государство: теория и практика*. 2014. № 12. С. 150–152.
- Городничева, 2011** – Городничева Н.В. Особенности развития образования в Коми крае в XVIII–XIX вв. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2011. № 3–3. С. 125–130.
- Ефимова, 2016** – Ефимова В.В. Кто и когда сделал карелов «инородцами»? // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 2016. № 4 (53). С. 111–119.
- Зуев, 1891** – Зуев И. Заметки о Пустозерске (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1891. № 12. Неоф. ч. С. 139–157.
- Игумнов, 1910** – Игумнов Г. С о. Колгуева // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1910. № 23. Неоф. ч. С. 779–782.
- Ильинский, 1892a** – Ильинский П. Поездка на Печору (из дневника епархиального миссионера) (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1892. № 16. Неоф. ч. С. 300–307.
- Ильинский, 1892b** – Ильинский П. Поездка на Печору (из дневника епархиального миссионера) (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1892. № 20. Неоф. ч. С. 393–401.
- Из Кемского уезда..., 1888** – Из Кемского уезда. Секта «Ушковайзет» // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1888. № 7–8. Неоф. ч. С. 77–79.
- И.Ш., 1889** – И.Ш. К истории Понойского прихода и Понойских церквей, Кольского уезда // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1889. № 18. Неоф. ч. С. 317–322.
- Квашнин и др., 2006** – Квашнин Ю.Н., Повод Н.А., Волжанина Е.А. Проблемы культурного взаимодействия коми и ненцев на Приобском Севере в конце XIX – начале XXI веков // *Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России*. Отв. ред. В.И. Молодин, В.А. Тишков. Сост. Е.А. Пивнева. М.: Изд. дом «Стратегия», 2006. С. 279–295.
- Керский, 1889** – Керский С. Трифонопеченгский монастырь // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1889. № 24. Неоф. ч. С. 421–433.
- Кеппен, 1861** – Кеппен П.И. Хронологический указатель для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. URL: http://www.kolamap.ru/library/img/1861_keppen.rar (дата обращения: 10.06.2017).

- К корреспонденции..., 1908** – *К корреспонденции «Из жизни лопарских приходов»*, помещённой в № 6 Арх.Еп.В. 1908 г. // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1908. № 15. Неоф.ч. С. 512–515.
- Козмин, 1900** – *Козмин Н.* Распространение христианства среди русских лопарей (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1900. № 10. Неоф.ч. С. 265–271.
- Козмин, 1901** – *Козмин Н.* Печенгский монастырь в Лапландии (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1901. № 15. Неоф.ч. С. 380–385.
- Кулаков, 1914** – *Кулаков А.П.* Остров Колгуев и существующая на нем православная церковно-школа (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1914. № 14–15. Неоф.ч. С. 324–327.
- Кулаков, 1915** – *Кулаков А.П.* Остров Колгуев и существующая на нем православная церковно-школа (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1915. № 11. Неоф.ч. С. 200–206.
- Кураев, 1996** – *Кураев А.В.* Оккультизм в православии / Диакон Андрей Кураев. М.: Благовест, 1998. 380 с. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/kur3-ap/Main.htm> (дата обращения: 29.04.2017).
- Легатов, 1896** – *Легатов И.* К сведениям о попытках составления переводов на самоедский язык некоторых священных и др. книг // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1896. № 18. Неоф.ч. С. 494–503.
- Михайлов, 1898a** – *Михайлов И.* Поезда на Югорский Шар (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1898. № 5. Неоф. ч. С. 133–139.
- Михайлов, 1898b** – *Михайлов И.* Поезда на Югорский Шар (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1898. № 9. Неоф. ч. С. 257–262.
- НАРК** – Национальный архив Республики Карелия.
- Невский, 1910** – *Невский В.П.* К историческим сведениям об обращении самоедов Архангельской епархии в христианскую веру (нач.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1910. № 2. Неоф. ч. С. 64–70.
- Новиков, 1902** – *Новиков В.* Некоторые черты быта ижемских зырян // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1902. № 21. Неоф. ч. С. 716–726.
- Пазрецкая церковно-приходская школа..., 1903** – *Пазрецкая церковно-приходская школа* среди лопарей и влияние её на их быт // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1903. № 13. Неоф. ч. С. 444–451.
- Памятная книжка..., 1908** – *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1908 г. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1908. 208 с.
- Памятная книжка..., 1914** – *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1914 г. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1914. 110 с.
- Памятная книжка..., 1915** – *Памятная книжка* Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1915. 77 с.
- Печорский край..., 1904a** – *Печорский край* (нач.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1904. № 18. Неоф.ч. С. 714–729.
- Печорский край..., 1904b** – *Печорский край* (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1904. № 20. Неоф.ч. С. 820–833.
- Полное собрание..., 1849** – Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. С. 394–416.
- Положение об инородцах, 1892** – *Положение об инородцах* // Свод законов Российской Империи. СПб. 1892. Т 2.
- Пулькин, 2005** – *Пулькин М.В.* Три облика русификации Карелии // *Вестник Евразии. Независимый научный журнал*. 2005. № 3 (29). С. 107–125.
- Пулькин, 2014** – *Пулькин М.В.* Православные приходы на севере Карелии: этноконфессиональные аспекты пастырской деятельности (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6 URL: <http://human.snauka.ru/2014/06/7051> (дата обращения: 29.04.2017).
- Подвинцев, 2016** – *Российская Арктика* в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О.Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.
- Рубан, 2007** – *Рубан В.В.* Правовые обычаи лопарей (саамов) в дореволюционной России / Конституционное общество и проблемы совершенствования законодательства: Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.М. Боера; ГУАП. СПб., 2007. С. 44–49.
- Ручьев, 1914** – *Ручьев М.П.* Внебрачность в Корелии // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1914. № 11. Неоф.ч. С. 264–266.
- С.В.М., 1911** – *С.В.М.* Опыт устройства ученического общежития при Пазрецкой лопарской школе // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1911. № 10. Неоф.ч. С. 510–516.
- Скит на Югорском шаре..., 1891** – *Скит на Югорском шаре* (из записок настоятеля Веркольского монастыря, Архангельской губернии, игумена Виталия) // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1891. № 1–2. Неоф.ч. С. 5–22.
- Слёзкин, 2008** – *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авторизованный пер. с английского О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение. 2008. 512 с.

- Соседи на Крайнем Севере...**, 2001 – *Соседи на Крайнем Севере*: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. 384 с.
- Трофименко, 2009** – *Трофименко В.Г.* Церковь и граница: деятельность православных церковных братств на территории Кемского уезда Архангельской губернии в начале XX века // *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2009. № 2. С. 28–33.
- Харузин, 1890** – *Харузин Н.Н.* Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М.: Изд-во Товарищества Скоропечатни А.А. Левенсона. 1890. 483 с.
- Чирков, 1908** – *Чирков И.* Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1908. № 7. Неф.ч. С. 210.
- Шабаев и др., 2010** – *Шабаев Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э.* Коми-ижемцы, поморы и усть-цилемы: модели культурных трансформаций // *Этнографическое обозрение.* 2010. № 5. С. 134–151.
- Шашков, 1896** – *Шашков А.* Миссия на Югорском Шаре в последнее десятилетие (ок.) // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1896. № 9. Неф.ч. С. 279–288.
- Шульгин, 1897** – *Шульгин В.* Исторические сведения о просвещении христианством самоедов Архангельской епархии (пр.) // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1897. № 9. Неф.ч. С. 295.
- Юдин, 2012** – *Юдин В.И.* Эволюция государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов Севера // *Власть.* 2012. № 1. С. 29–33.
- Юшкан-ярвен паппи, 1912** – *Юшкан-ярвен паппи А.П.* Юшкозерский приход Кемского уезда (к вопросу о современном состоянии Карельских приходов) // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1912. № 5. Неф. ч. С. 124–137.
- Яловицына, 2001** – *Яловицына С.Э.* Особенности народной психологии и быта приграничного населения (на примере «корельских приходов») // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 2001. С. 58–61.
- Goldin et al., 2015a** – *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. // *Bylye Gody.* 2015, (4), 38: 861.
- Goldin et al., 2015b** – *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody.* 2015, (3), 37: 519–535.
- N., 1908** – *N.* Из жизни лопарских приходов // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1908. № 6. Неф.ч. С. 174–175.
- N., 1908a** – *N.* Тихозерский приход (к вопросу о современном состоянии корельских приходов) // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1908. № 16. Неф. ч. С. 532.
- Z., 1917** – *Z.* Из прошлого лопарских приходов // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1917. № 3. Неф.ч. С. 51–56.
- Zaikov, 2016** – *Zaikov K.S.* The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. // *Bylye Gody.* 2016, (4), 42: 1164–1172.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016** – *Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. // *Bylye Gody.* 2016, (3), 41: 621–641.
- Zaikov et al., 2017** – *Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M.* Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. // *The Polar Journal.* 2017. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2154896X.2017.1327748> (дата обращения: 10.06.2017).

References

- A.E., 1902** – *A.E.* (1902). Iz byta korelov Kestengskogo prikhoda, Kemskogo uezda [From the Life of the Karelians of Kesteng Parish, Kemsky Uyezd]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti.* Nr 23. pp. 800–808. [In Russian].
- A. M-v., 1896** – *A. M-v.* (1896). Sekta Ushkovayzet [Sect Uskovaiset]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti.* Nr 10. pp. 309–318. [In Russian].
- A.Sh., 1894** – *A.Sh.* (1894). Kreshchenie samoedskikh detey [Baptism of Samoyed Children]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti.* Nr 8. pp. 214–217. [In Russian].
- Bardileva, Grashevskaya, 2014** – *Bardileva Y.P., Grashevskaya O.V.* (2014). Religioznaya situatsiya na Kol'skom Severe: vyzovy i otvety v istorii i sovremennosti [The Religious Situation in the Kola North: Challenges and Answers in History and Modernity] // *Sovremennyye vyzovy i ugrozy razvitiyu Murmanskoy oblasti: regional'nyy atlas [Modern Challenges and Threats to the Development of the Murmansk Oblast': regional atlas]* / ed. by G.V. Zhigunova, A.M. Sergeev. Murmansk: MSH University Press. pp. 237–245. [In Russian].
- Belenchuk, 2007** – *Belenchuk L.N.* (2007). Iz istorii poslereformennogo missionerstva v Rossii. K voprosu prosveshcheniya nerusskikh narodov [From the History of Post-reform Missionary Work in Russia. On the Issue of Enlightenment of Non-Russian Peoples]. *Vestnik PSTGU. IV: Pedagogika. Psikhologiya.* Vol. 4 (7). pp. 80–101. [In Russian].
- GAAO** – Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti [State Archive of the Arkhangel'sk Oblast'].
- Gogolev, Mayakunov, 2014** – *Gogolev P.V., Mayakunov A.E.* (2014). O nekotorykh aspektakh pravovogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii (konets

XIX – nachalo XX veka) [On Some Aspects of the Legal Development of Indigenous Numerically-Small Peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia (late XIX – early XX century)]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. Nr 12. pp. 150–152. [In Russian].

Gorodnicheva, 2011 – *Gorodnicheva N.V.* (2011). Osobennosti razvitiya obrazovaniya v Komi krae v XVIII–XIX vv. [Features of the Development of Education in the Komi Land in the XVIII–XIX Centuries]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. Nr 3–3. pp. 125–130. [In Russian].

Efimova, 2016 – *Efimova V.V.* (2016). Kto i kogda sdela karelov «inorodtsami»? [Who and When Did the Karelians “Inorodtsy”?]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. Ekaterinburg. Nr 4 (53). pp. 111–119. [In Russian].

Zuev, 1891 – *Zuev I.* (1891). Zametki o Pustozerske (ok.) [Notes about Puztozersk (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 12. pp. 139–157. [In Russian].

Igumnov, 1910 – *Igumnov G.* (1910). S o. Kolgueva [From Kolguev Island]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 23. pp. 779–782. [In Russian].

Il'inskiy, 1892a – *Il'inskiy P.* (1892). Poezdka na Pechoru (iz dnevnika eparkhial'nogo missionera) (pr.) [Trip to Pechora (From Diary of a Diocesan Missionary) (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 16. Neof.ch. pp. 300–307. [In Russian].

Il'inskiy, 1892b – *Il'inskiy P.* (1892). Poezdka na Pechoru (iz dnevnika eparkhial'nogo missionera) (ok.) [Trip to Pechora (From Diary of a Diocesan Missionary) (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 20. Neof.ch. pp. 393–401. [In Russian].

Iz Kemskego uezda ..., 1888 – Iz Kemskego uezda. Sekta «Ushkovayzet» [From the Kemsky Uezd. Sect Uskovaiset]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1888. Nr 7–8. pp. 77–79. [In Russian].

I.Sh., 1889 – *I.Sh.* (1889). K istorii Ponoyskogo prikhoda i Ponoyskikh tserkvey, Kol'skogo uezda [To the History of the Ponoï Parish and the Ponoï Churches, the Kola Uezd]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 18. pp. 317–322. [In Russian].

Kvashnin i dr., 2006 – *Kvashnin Y.N., Povod N.A., Volzhanina E.A.* (2006). Problemy kul'turnogo vzaimodeystviya komi i nentsev na Priobskom Severe v kontse XIX – nachale XXI vekov [Issues of Cultural Cooperation Between the Komi and the Nenets in the Priobskoye North in the Late 19th – Early 21st Centuries] / Mezhetnicheskie vzaimodeystviya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya narodov Severa Rossii [Interethnic Interaction and Socio-cultural Adaptation of the Peoples of the North of Russia] (ed. by V.I. Molodin, V.A. Tishkov, comp. by E.A. Pivneva. Moscow: “Strategiya” Press. pp. 279–295. [In Russian].

Kerskiy, 1889 – *Kerskiy S.* (1889). Trifonopechenskiy monastyr' [Trifonopecheng Monastery]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 24. pp. 421–433. [In Russian].

Keppen, 1861 – *Keppen P.I.* (1861). Khronologicheskiy ukazatel' dlya istorii inorodtsev Evropeyskoy Rossii [Chronological Index for the History of Foreigners of European Russia]. SPb. URL: http://www.kolamap.ru/library/img/1861_keppen.rar (data: 10.06.2017). [In Russian].

K korrespondentsii..., 1908 – K korrespondentsii “Iz zhizni loparskikh prikhodov”, pomeshchennoy v № 6 Arkh.Ep.V. 1908 g. [To the Correspondence “From the life of the Lapar' Parishes”, placed in the Nr 6 Archangel diocesan News of 1908]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1908. Nr 15. pp. 512–515. [In Russian].

Kozmin, 1900 – *Kozmin N.* (1900). Rasprostranenie khristianstva sredi russkikh loparey (pr.) [Dissemination of Christianity among Russian Lappers (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 10. pp. 265–271. [In Russian].

Kozmin, 1901 – *Kozmin N.* (1901). Pechenskiy monastyr' v Laplandii (ok.) [Pechenga Monastery in Lapland (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 15. pp. 380–385. [In Russian].

Kulakov, 1914 – *Kulakov A.P.* (1914). Ostrov Kolguev i sushchestvuyushchaya na nem pravoslavnyaya tserkov'-shkola (pr.) [Kolguev Island and the existing Orthodox Church-School (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 14–15. pp. 324–327. [In Russian].

Kulakov, 1915 – *Kulakov A.P.* (1915). Ostrov Kolguev i sushchestvuyushchaya na nem pravoslavnyaya tserkov'-shkola (pr.) [Kolguev Island and the existing Orthodox Church-School (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 11. pp. 200–206. [In Russian].

Kuraev, 1996 – *Kuraev A.V.* (1996). Okkul'tizm v pravoslavii / Diakon Andrey Kuraev [Occultism in Orthodoxy / Deacon Andrey Kuraev]. Moscow. “Blagovest” Press. 380 p. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/kur3-ap/Main.htm> (data obrashcheniya: 29.04.2017). [In Russian].

Legatov, 1896 – *Legatov I.* (1896). K svideniyam o popytkakh sostavleniya perevodov na samoedkiy yazyk nekotorykh svyashchennykh i dr. knig [To Information About Attempts to Compile Translations into Samoyed Languages of Some Sacred and other Books]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 18. pp. 494–503. [In Russian].

Mikhaylov, 1898a – *Mikhaylov I.* (1898). Poezda na Yugorskiy Shar (pr.) [Trains to The Yugorsky Strait (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 5. Neof.ch. pp. 133–139. [In Russian].

Mikhaylov, 1898b – *Mikhaylov I.* (1898). Poezda na Yugorskiy Shar (ok.) [Trains to The Yugorsky Strait (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 9. pp. 257–262. [In Russian].

NARK – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kareliya [National Archive of the Karelia Republic].

Nevskiy, 1910 – *Nevskiy V.P.* (1910). K istoricheskim svideniyam ob obrashchenii samoedov Arkhangel'skoy eparkhii v khristianskuyu veru (nach.) [To Historical Information about the Conversion of Arkhangel'skoy eparkhii v khristianskuyu veru (nach.)] [To Historical Information about the Conversion of

- the Samoyeds of the Archangel Diocese into the Christian Faith (beginning)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 2. pp. 64–70. [In Russian].
- Novikov, 1902** – *Novikov V.* (1902). Nekotorye cherty byta izhemsikh zyryan [Some Features of the Life of Izhma Zyryan People]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 21. pp. 716–726. [In Russian].
- Pazretskaya tserkovno-prikhodskaya shkola..., 1903** – *Pazretskaya tserkovno-prikhodskaya shkola* sredi loparey i vliyanie ee na ikh byt [Pazretsky Parochial School among the Lappers and its Influence on their Way of Life]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1903. Nr 13. pp. 444–451. [In Russian].
- Pamyatnaya knizhka..., 1908** – *Pamyatnaya knizhka* Arkhangel'skoy gubernii na 1908 g. [Memorable Book of Arkhangelsk Governorate of 1908]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya. 1908. 208 p. [In Russian].
- Pamyatnaya knizhka..., 1914** – *Pamyatnaya knizhka* Arkhangel'skoy gubernii na 1914 g. [Memorable Book of Arkhangelsk Governorate of 1914]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya. 1914. 110 p. [In Russian].
- Pamyatnaya knizhka..., 1915** – *Pamyatnaya knizhka* Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoy gubernii na 1915 g. [Memorable Book of Arkhangelsk Governorate of 1915]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaya gubernskaya tipografiya. 1915. 77 p. [In Russian].
- Pechorskiy kray..., 1904a** – *Pechorskiy kray* (nach.) [Pechorsky Land (beginning)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. Nr 18. pp. 714–729. [In Russian].
- Pechorskiy kray..., 1904b** – *Pechorskiy kray* (pr.) [Pechorsky Land (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1904. Nr 20. pp. 820–833. [In Russian].
- Polnoe sobranie..., 1849** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1849 g.* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1849]. Vol. 38. Nr 29. pp. 394–416.
- Polozhenie ob inorodtsakh, 1892** – *Polozhenie ob inorodtsakh* [Regulations on Inorodtsy] / Svod zakonov Rossiyskoy Imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. SPb. 1892. T. 2. [In Russian].
- Pul'kin, 2005** – *Pul'kin M.V.* (2005). Tri oblika rusifikatsii Karelii [Three forms of Russification of Karelia]. *Vestnik Evrazii. Nezavisimyy nauchnyy zhurnal*. Nr 3 (29). pp. 107–125. [In Russian].
- Pul'kin, 2014** – *Pul'kin M.V.* (2014). Pravoslavnye prikhody na severe Karelii: etnokonfessional'nye aspekty pastyrskoy deyatelnosti (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.) [Orthodox Parishes in the North of Karelia: Ethnoconfessional Aspects of Pastoral Activity (Second Half of XIX – beginning of XX Century)]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. Nr 6. URL: <http://human.snauka.ru/2014/06/7051> (data: 29.04.2017). [In Russian].
- Podvintsev, 2016** – *Rossiyskaya Arktika v poiskakh integral'noy identichnosti: kollektivnaya monogr.* [The Russian Arctic in Search of an Integral Identity: a Collective Monograph] / ed. by O.B. Podvintsev. Moscow: "Novyy khronograf" [New chronograph Press]. 2016. 208 p. [In Russian].
- Ruban, 2007** – *Ruban V.V.* (2007). Pravoye obychai loparey (saamov) v dorevolyutsionnoy Rossii [Legal Customs of Lapps (Saami) in Pre-revolutionary Russia] / Konstitutsionnoe obshchestvo i problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva: Sbornik nauchnykh trudov [The Constitutional Society and the Issues of Improving Legislation: Collection of Scientific Papers] / ed. by V.M. Boer; SUAI University Press. SPb. pp. 44–49. [In Russian].
- Ruch'yev, 1914** – *Ruch'yev M.P.* (1914). Vnebrachnost' v Karelii [Extramarieness in Karelia]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 11. pp. 264–266. [In Russian].
- S.V.M., 1911** – *S.V.M.* (1911). Opyt ustroystva uchenicheskogo obshchegzhitiya pri Pazretskoy loparskoy shkole [The Experience of the Arrangement of the Student Hostel Life at the Pazretsky Lappish School]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 10. pp. 510–516. [In Russian].
- Skit na Yugorskom share..., 1891** – *Skit na Yugorskom share* (iz zapisok nastoyatelya Verkol'skogo monastyrya, Arkhangel'skoy gubernii, igumena Vitaliya) [Sket on the Ugorsky Strait (from the Notes of the Head of the Verkolsky Monastery, Archangelsk Governorate, Hegumen Vitaly)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1891. Nr 1–2. pp. 5–22. [In Russian].
- Slezkin, 2008** – *Slezkin Yu.* (2008). Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic mirrors: Russia and the Small peoples of the North] / Authorized translation from English by O. Leontieva. Moscow. "Novoe literaturnoe obozrenie" Press. 512 p. [In Russian].
- Sosedi na Kraynem Severe..., 2001** – *Sosedi na Kraynem Severe: Rossiya i Norvegiya: Ot pervykh kontaktov do Barentseva sotrudnichestva* [Neighbors in the Far North: Russia and Norway: From the First Contacts to the Barents Cooperation]. Murmansk. 384 p. [In Russian].
- Trofimenko, 2009** – *Trofimenko V.G.* (2009). Tserkov' i granitsa: deyatelnost' pravoslavnykh tserkovnykh bratstv na territorii Kemsckogo uezda Arkhangel'skoy gubernii v nachale XX veka [The Church and the Border: the Activities of Orthodox Church Brotherhoods on the Territory of the Kemsky Uyezd of the Arkhangelsk Governorate at the Beginning of the Twentieth Century]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. Nr 2. pp. 28–33. [In Russian].
- Kharuzin, 1890** – *Kharuzin N.N.* (1890). Russkie lopari: Ocherki proshlogo i sovremennogo byta [Russian Lapps: Essays on the Past and Modern Life]. Moscow. Izd-vo Tovarishchestva Skoropechatni A.A. Levensona. 483 p. [In Russian].

[Chirkov, 1908](#) – *Chirkov I.* (1908). Ukhtinskiy prikhod v religiozno-nravstvennom i bytovom otnoshenii [Ukhta Parish in Religious, Moral and Everyday Life]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 7. p. 210. [In Russian].

[Shabaev i dr., 2010](#) – *Shabaev Y.P., Dronova T.I. Sharapov V.E.* (2010). Komi-izhemtsy, pomory i ust'-tsilemy: modeli kul'turnykh transformatsiy [Komi-Izhma People, Pomors and Ust-Tsilma People: Models of Cultural Transformations]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Nr 5. pp. 134–151. [In Russian].

[Shashkov, 1896](#) – *Shashkov A.* (1896). Missiya na Yugorskom Share v poslednee desyatiletie (ok.) [Mission to the Yugorsky Strait during the Last Decade (ending)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 9. pp. 279–288. [In Russian].

[Shul'gin, 1897](#) – *Shul'gin V.* (1897). Istoricheskie svedeniya o prosveshchenii khristianstvom samoedov Arkhangel'skoy eparkhii (pr.) [Historical Information on the Enlightenment of Christianity of Samoyeds of the Archangel Diocese (sequel)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 9. pp. 295. [In Russian].

[Yudin, 2012](#) – *Yudin V.I.* (2012). Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa [Evolution of State Policy of Russia towards Indigenous Numerically-Small Peoples of the North]. *Vlast'*. Nr 1. pp. 29–33. [In Russian].

[Yushkan-yarven pappi, 1912](#) – *Yushkan-yarven pappi A.P.* (2012). Yushkozerskiy prikhod Kemskego uezda (k voprosu o sovremennom sostoyanii Karel'skikh prikhodov) [Yushkozero Parish of Kemsky Uyezd (to the Question of the Current State of the Karelian Parishes)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 5. pp. 124–137. [In Russian].

[Yalovitsyna, 2001](#) – *Yalovitsyna S.E.* (2001). Osobennosti narodnoy psikhologii i byta prigranichnogo naseleniya (na primere «karel'skikh prikhodov») [Peculiarities of Folk Psychology and Everyday Life of the Frontier Population (On the Example of “Karelian Parishes”)] // «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture narodov Evropeyskogo Severa [“Own” and “Alien” in the Culture of the Peoples of the European North]. *Petrozavodsk*. pp. 58–61. [In Russian].

[Goldin et al., 2015a](#) – *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2015). The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye Gody*. (4), 38: 861.

[Goldin et al., 2015b](#) – *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2015). Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. (3), 37: 519–535.

[N., 1908](#) – *N.* (1908). Iz zhizni loparskikh prikhodov [From the Life of the Lappish Parishes]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 6. pp. 174–175. [In Russian].

[N., 1908a](#) – *N.* (1908). Tikhtozerskiy prikhod (k voprosu o sovremennom sostoyanii karel'skikh prikhodov) [Tikhtozerskiy Parish (to the Question of the Current State of the Karelian parishes)]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 16. pp. 532. [In Russian].

[Z., 1917](#) – *Z.* (1917). Iz proshlogo loparskikh prikhodov [From the Past Lappish Parishes]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Nr 3. pp. 51–56. [In Russian].

[Zaikov, 2016](#) – *Zaikov K.S.* (2016). The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. (4), 42: 1164–1172.

[Zaikov, Tamitskiy, 2016](#) – *Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2016). Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye Gody*. (3), 41: 621–641.

[Zaikov et al., 2017](#) – *Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M.* (2017). Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2154896X.2017.1327748> (data obrashcheniya: 10.06.2017).

УДК 94(470+98)

Этнополитический ландшафт Архангельской губернии на рубеже: веков конец XIX – начало XX вв. (по материалам епархиальной прессы)

Илья Федорович Верещагин ^{а, *}, Максим Юрьевич Задорин ^а

^а Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья подготовлена на основе анализа исторических документов, научной литературы и публицистики, в частности епархиальной прессы XIX – начала XX века, по вопросу оценки этнополитического ландшафта Архангельской губернии на рубеже веков. Авторы сосредотачивают свое внимание на исторических, социальных, религиозных и правовых предпосылках формирования этнополитического ландшафта Архангельской губернии, являвшейся домом для четырех имперских «инородческих» этносов: саамов, карелов, ненцев и коми. Авторами на

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: i.vereschagin@narfu.ru (И.Ф. Верещагин), m.zadorin@narfu.ru (М.Ю. Задорин)

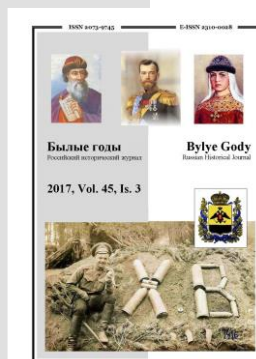
основе данных официального печатного органа местной епархии презентуется теоретический концепт вовлеченности «инородцев» в общее социокультурное и внутривластное пространство Империи. В статье анализируются образ жизни коренного населения, быт, нравы, социальное расслоение, этнокультурная специфика, мировоззренческие и религиозные и иные особенности, а также взаимодействие с русским населением, чиновничьим и церковным аппаратом. Локализация исследовательского компонента на одной из самых больших исторических территорий Русского Севера и российской Арктики позволяет более узко и детально рассмотреть губернскую этнокультурную специфику. Проведенный ретроспективный анализ позволяет взглянуть на этнополитику современной России с учетом региональной специализации. Этнокультурная проблематика, рассматриваемая в статье, обладает принципиальной важностью в связи с общественно политической и историко-правовой дискуссией по вопросу культурных коллективных прав малочисленных этнических групп: коренных народов и национальных меньшинств. Особое внимание уделяется историческому опыту работы православного духовенства по инкорпорированию локальных этнических групп в общерусское духовное пространство в целях содействия территориальному и культурному единству Имперской России.

Ключевые слова: Архангельская губерния, инородцы, этнополитика, Арктика, коренные народы.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1063-1072, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1063
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(570)

Consumption of Wine in Russia and Siberia in the beginning of the XX century

Vasily P. Zinovyev ^{a,*}, Dmitry A. Falileev ^a, Sergey G. Sulyak ^b

^a Tomsk State University, Russian Federation

^b Saint-Petersburg University, Russian Federation

Abstract

In the present article, on the basis of official data (Statistics on state sale of drinks of the General Directorate of Incomplete Fees and Government Sale of Foods of the Ministry of Finance), the question of the real level of consumption of bread wine in Russia and Siberia, in particular, is being considered. Official statistics show that the Russian village consumed wine several times less than urban residents, in Siberia this gap was higher, as the cities were the place of wine procurement for trade and construction projects. The article provides weather data on the sale of wine in Russia as a whole since 1893 and in the provinces and regions of Siberia – from 1904 to 1913. Monthly data on consumption of wine are analyzed. The data show that the consumption of strong drinks in the Russian village was subject to the calendar of the traditional way of life associated with agricultural work. In Russia, in general, the sale of wine has grown by a third, in Siberia it has declined in ten years as a result of poor harvests of recent years. Traditional Russia did not have the means and time to drink and was at the end of the list of European countries in terms of wine consumption in the beginning of the 20th century. The authors believe that the low level of wine consumption in Russia at the beginning of the 20th century was the result of the prevalence of village dwellers (85 %) in the life of which alcohol played a not very prominent role, the protective policy of the state and a sober social movement headed by the Russian Orthodox Church. The authors also believe that the image of Russian drunkenness is not born by the volume consumption of wine, but is a product of social antipathy of the higher and lower classes of society, as well as the prevalence of strong alcohol and a low culture of wine consumption in the cities of the Russian Empire.

Keywords: Russia, Siberia, consumption of wine, the beginning of the twentieth (20th) century.

1. Введение

Русское пьянство считается аксиомой. Пьяный мещанин и крестьянин является обычным образом российской дореволюционной художественной литературы всех политических направлений и жанров. Им вторят борцы с пьянством – трезвенники, для которых спаивание русского народа – доказанный факт (Углов, 1995). Даже публицисты редко выступают против этого мифа. В настоящей статье авторы постараются показать, что образ пьяной России не соответствует реальному положению с потреблением хлебного вина в начале XX века ни в России в целом, ни в ее регионах.

2. Материалы и методы

Основным материалом для изучения вопроса, поставленного в статье, является официальная статистика потребления вина в Российской империи в начале XX века. Она публиковалась в отдельной серии изданий Министерства финансов – выпуском третьим Статистического отделения

* Corresponding author

E-mail addresses: vpz@tsu.ru (V.P. Zinovyev), falileev91@gmail.com (D.A. Falileev), sergei_suleak@rambler.ru (S.G. Sulyak)

Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей с 1901 по 1916 гг. В статистических выпусках опубликованы сведения о состоянии производства и продажи вина в России за 1893–1914 гг. Эта статистика редко используется историками и публицистами, которые предпочитают брать сведения о потреблении вина из обобщающих статистических изданий. Между тем эти поездные сведения позволяют ответить на вопрос о характере и уровне употребления вина как в России в целом, так и в отдельных ее городах и регионах.

Для анализа данных достаточно использовать сравнительно-исторический, статистический методы. При работе с дореволюционной статистикой потребления вина следует помнить, что она учитывала все население, а спиртные напитки приравнивала к сорокаградусному хлебному вину. Следует также учитывать условную точность информации о численности населения в целом по стране и по регионам, так как это сведения губернских статкомитетов, основанных на данных полиции, не всегда оперативных и строгих. Статистики Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей отмечали колебания в численности населения отдельных местностей до 10 % и условность деления населения на городское и сельское в связи с условностью определения понятия «городское население» (Статистика, 1901: 140). Перепись населения была проведена в дореволюционной России однажды – в 1897 г. Но при всех видимых недостатках учета статистики отмечали, что «строй питейной торговли, при казенном управлении, открыл возможность исследования самого характера народного потребления» и, что «поддается точному учету и размер денежных расходов населения на покупку вина» (Статистика, 1901: 140).

3. Обсуждение

Литература о винопромышленности, виноторговле, трезвенному движению в России в конце XIX – начале XX века обширна (Афанасьев, 2007; Мариупольский, 2000; Сметнева, 2006; Суменкова, 2007; Назукина, 2011; Рассказов, 2015 и др.), однако характер потребления хлебного вина исследовался мало и чрезвычайно тенденциозно. Вслед за И.Г. Прыжовым считается, что Московское государство, начиная с Ивана IV, сделало виноторговлю средством своего обогащения (Прыжов, 1868; Бородин, 1910; Похлебкин, 2005 и др.). Полагаю, что это не совсем так, потому что государство, получая основной доход от прямых налогов, делало максимум для сохранения платежеспособности населения, хотя и не упускало своей выгоды от косвенных налогов, составлявших в начале XX в. четверть доходов Казны. Видимо, более правы те, кто считает посещение кабаков доступным видом досуга простонародья, который государство старалось во все времена поставить под контроль (Раев, 2005: 119).

Винная монополия сочетала контроль над потреблением вина с получением доходов от его продажи. Забота о нравственности населения выразилась в организации, наряду с системой продажи вина, губернских, уездных и городских комитетов попечительств о народной трезвости. К 1914 г. в России действовали 760 комитетов в 75 губерниях и областях России. Крупнейшие из них были учреждены в Москве и Санкт-Петербурге. Комитеты состояли из высших чиновников губерний, уездов, портовых городов. В Санкт-Петербурге попечительство возглавлял принц А.П. Ольденбургский, в Москве – В.Ф. Джунковский. Обязанностью попечительств было контролировать соблюдение правил торговли алкоголем, распространять информацию о вреде пьянства, способствовать организации здорового досуга, содействовать деятельности обществ трезвости. Комитеты способствовали организации чайных, библиотек, самодеятельных театров, воскресных школ, народных гуляний, больниц для лечения алкоголиков, съездов трезвенников и т.д. (Ив-ко, 1890–1907).

В конце 1850-х гг. широкое трезвенное движение отмечал Н.А. Добролюбов со ссылкой на десятки сообщений в газетах и журналах России (Добролюбов, 1862: 65-108). Трезвенное движение, начавшееся второй раз в России с 1880-х гг., приняло широкий размах в начале XX в., охватив почти все губернии и области, насчитывало в 1911 г. 1873 общества с более чем 500 тыс. членов. Этим движением руководили священники Русской православной церкви, три четверти обществ располагались в селах. Движение по своему характеру являлось культурно-охранительным. (Афанасьев, 2007: 41-43). Эффективность деятельности противников потребления алкоголя сложно определить, они, по крайней мере, могли лишь замедлить рост его потребления.

4. Результаты исследования

Полные годовые данные о потреблении вина в Российской империи имеются за 1893–1913 гг., они приведены в табл. 1.

Таблица 1. Потребление вина в России с 1893 по 1913 гг.

Год	Млн. ведер	Ведер на чел. в год.	Год	Млн. ведер	Ведер на чел. в год.
1893	56,2	0,49	1904	72,2	0,51
1894	60,7	0,53	1905	76,0	0,53
1895	64,9	0,52	1906	84,5	0,63
1896	63,9	0,51	1907	85,3	0,63
1897	62,8	0,50	1908	85,0	0,61
1898	64,2	0,50	1909	83,3	0,58
1899	70,2	0,53	1910	88,4	0,60
1900	69,6	0,52	1911	90,3	0,60
1901	65,8	0,49	1912	95,3	0,63
1902	67,0	0,49	1913	103,0	0,66
1903	72,6	0,52			

Источник: [Статистика по казенной продаже питей. 1905. СПб.: типография «Слово», 1907. С. 36;](#) [Статистика по казенной продаже питей. 1913. СПб.: Типография отдельного корпуса пограничной стражи, 1915. С. 66.](#)

Данные таблицы 1 показывают, что максимум потребления алкоголя в начале XX века в России - две трети ведра в 40 градусов или 8 литров водки, или 3,2 литра спирта в год на человека. Это не так много по сравнению со странами Европы того времени. Во Франции потребление алкоголя в 1905 г. равнялось 23,32 литров алкоголя в 100° на человека в год, в Германии в 1908 г. – 10 л., в Италии в 1905 г. – 11,67 литров, в Австро-Венгрии в 1902 г. – 9,69 литров, в Великобритании в 1905 г. – 8,83, в США в 1906 г. – 6,56 литров, в России в 1905 г. – 3,13 литров (Трезвая Русь). Рост потребления вина за 20 лет в России составил 0,17 ведра в год на человека или 35 %: с 0,49 ведра в 1893 г. до 0,66 ведра в 1913 г., что можно связать с ростом доходов населения.

Чем объяснялся такой низкий уровень потребления алкоголя в России? Наиболее подходящий ответ – традиционным обычаем потребления горячительных напитков. Сторонники абсолютной трезвости игнорируют историческую реальность. Все народы искали и находили возбудители – наркотические вещества. Грубо говоря, у каждого народа своя «дурь» – эфедра, мухомор, конопля, мак, кока, табак, пиво, вино и др. Ни один из этих возбудителей не приводил к вымиранию народов, так как он является проверенной веками частью быта, традиции. В России это были напитки из сбраживания хлеба, березового сока и меда – медовуха, пиво, брага, березовица, кумышка, кислушка и т.д. (Суменкова, 2007: 20). Со времен Ивана Грозного к ним добавилось хмельное вино (полугар, самосидка, самогон). Употребление его, как увидим, было крайне ограниченным.

Сельские жители составляли на 1 января 1914 г. 85% населения Российской империи (Россия, 1995: 22-23). Это население и определяло уровень потребления вина. Потребление горячительных напитков было вписано в традиционный круг крестьянской жизни. Крестьянин, вечно занятый работой, мог себе позволить алкоголь только по большим церковным праздникам и по крупным событиям семейной жизни, обычно – на свадьбах. Статистики Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей специально проводили исследование помесячного потребления вина в России и после десятка лет убедились, что проводить дальнейшие подсчеты смысла нет, так как они показывают одну и ту же закономерность: «Как общее правило, потребление понижается во время постов и летних земледельческих работ и повышается в декабре (Рождественские праздники), апреле (Пасха) и в октябре (реализация урожаев и крестьянские свадьбы). В неземледельческих районах наблюдается более равномерное потребление» (Статистика, 1907: 54). Приведем для примера сведения за 1903 г. (табл. 2).

Таблица 2. Потребление вина по месяцам в России, Западной Сибири, Томской губернии

Месяц	Россия		Западная Сибирь		Томская губерния	
	Ведер	% к средне-месячному	Ведер	% к средне-месячному	Ведер	% к средне-месячному
Январь	6291068	109,4	258407	136,8	143831	145,3
Февраль	5344859	93,0	210120	111,3	11605	117,2
Март	3303686	57,5	84245	44,6	41322	41,7
Апрель	5960096	103,7	149867	79,4	79166	80,0

Май	5908446	102,8	171955	91,1	90505	91,4
Июнь	5049935	87,8	174074	92,2	93316	94,3
Июль	4950859	86,1	165287	87,5	87174	88,1
Август	5542058	96,4	192698	102,0	101025	102,0
Сентябрь	6703370	116,6	184634	97,8	98130	99,1
Октябрь	7145498	124,3	188840	100,0	90419	91,3
Ноябрь	6179532	107,5	230528	122,1	115909	117,1
Декабрь	6618945	115,1	255501	135,3	131210	132,5
Среднемесячное потребление	5749030	100,0	188847	100,0	99005	100,0
В городах	23085786	33,4	516834	22,8	208440	17,5
В уездах	45912566	66,6	1749324	77,2	979617	82,5
Итого	68988362	100,0	2266158	100,0	1188057	100,0

Источник: [Статистика по казенной продаже питей. 1903 г. Вып. II. СПб.: Типография «Слово», 1905. 122; 300 с. С. 282-283.](#)

В Западной Сибири общая тенденция потребления вина в целом сохранялась, за исключением того, что осенний пик потребления приходился здесь не на октябрь, а на ноябрь, а зимний уровень потребления вина был существенно выше, чем по империи в целом. Следует также учесть, что низкий показатель потребления казенной водки многократно в это время перекрывался потреблением самогона. Эта тенденция сохранилась и в 1920-е гг., судя по переписке советских чиновников. Вот такой шедевр эпистолярного жанра прислал своему начальству заведующий магазином пригородного села Семилужного Томского округа.

«В управление инспектора спиртовой монополии по Томскому и Кузнецкому округам.

Настоящим долгом имею поставить Вас в известность о проведенном празднике гр-ми с. Семилужного 19 декабря (Николин день¹).

К предстоящему празднику я предполагал торгунуть что называется во всю, но в результате оказалась следующая картина: за несколько дней до праздника Семилуженцы начали гнать самогон, благо никто не препятствует и не следит. Заводчики из соседних деревень возили самогон по улице нисколько не стесняясь и продавали его как деготь (открыто) по цене два рубля четверть². Таким образом, выгнав своего, да запасшись еще привозным самогоном наши гр-не приготвились во всеоружии встретить «Престольный» праздник. Как только окончилась обедня (многие еще до обедни) полилось целое море самогона. Масса приезжих из соседних деревень гостей с хозяевами пьянствовали четыре дня. Стон стоял в селе днем и ночью от пьяных ватаг, кампаниями шествовавших по улице и катающихся на лошадях. Отравленные ядом самогона гр-не ползали на деревне на четвереньках, извергая обратно принятое через меру для праздника, а более сильные и храбрые вступали в драку и уродовали друг друга. По приблизительному подсчету самогона, как местного, так и привозного выпито только в одном Семилужном за четыре дня не менее (80) восьмидесяти ведер, а сколько в соседних деревнях Суровой, Филипповой, Мильковке, Рочице и т.д. просто неисчислимо количество. Хлебного же вина за эти четыре дня продано только 1 ¼ ведра. Приведенные мною цифры ничуть не преувеличены, а наоборот минимальные. Исходя из вышеизложенного желательнее было бы ходатайствовать перед центром о снижении цен на хлебное вино, и только этим можно вести борьбу окончательную и решительную с народным злом – самогоном. Не плохо было бы ходатайствовать перед Риком³ о переводе резиденции участкового милиционера из села Михайловского в Семилужное.

П.п. Зав. магазином № 4 А. Кукель. 22 / XII – 25 г. С подлинным верно: подпись. 31/ XII 25 г. Томск» (ГАТО. Ф. Р-204. Оп. 5. Д. 1. Л. 2).

¹ Николин день, Никола зимний - 19 декабря, православный праздник, посвященный святому Николаю епископу Мирликийскому (Санта Клаусу Западного мира или Николаю Чудотворцу православного мира).

² Четверть ведра – 3,075 литра.

³ РИК – Районный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Обиду зав. магазином казенной водки понять можно, но самогонование в Томской губернии, как и по всей России – это не дань традиции, а результат сухого закона, введенного в начале войны 1914–1918 гг. российским императором и поддерживаемого большевиками до 1925 г.

Анализ потребления вина в изданиях Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей довольно прост и состоит из указаний на очевидные факторы изменений в потреблении вина – урожайность хлебов, рост числа наемных рабочих, т.е. на количество и платежеспособность потребителей. Из числа чрезвычайных событий, отразившихся на потреблении вина выделены два – революционные события 1905 г. и Русско-японская война. Последняя увеличила немного потребление вина в Сибири за счет проезжающих эшелонов с солдатами, а первые проявились в падении потребления вина в городах на 0,01 ведра на душу населения, так как рабочие, уехавшие на время забастовок из городов, увеличили число потребителей вина в сельской местности (Статистика, 1907: 38, 53).

Статистика показывает на более высокое потребление вина в городах, по сравнению с сельской местностью. Так в северных губерниях, в которых потребление вина было в 1,5 раза выше, чем в среднем по России, в 2013 г. в городах потребляли от 2,46 ведра на человека в год (Вологодская губ.) до 3,49 ведра на человека в год (Архангельская губ.), в сельской же местности аналогичные цифры составили 0,41 и 0,56 ведра на человека в год соответственно, т.е. в 6 раз меньше (Статистика, 1915: 69).

Статистика выделяет по уровню потребления хлебного вина столицы – Москву и Санкт-Петербург, в первой приходилось на одного жителя 2,5 ведра в год, во второй – 2 ведра (Статистика, 1909: 38-39). Благополучие жителей столиц в России всегда было выше благополучия провинциалов, это сказалось и на потреблении горячительных напитков.

Статистика потребления вина велась в Западной Сибири с 1902 г., а с 1904 г. – в Восточной, так как казенная монополия была в ней введена позднее, чем в Европейской России: «На основании Высочайше утвержденных 4 июня 1899 г. и 20 мая 1902 г. мнений Государственного совета с 1 июля 1902 г. казенная продажа питей введена: 1) в областях Терской, Кубанской и Дагестанской Европейской России и 2) в губерниях Тобольской и Томской и областях Акмолинской Семипалатинской Азиатской России, за исключением уездов Березовского и Сургутского, Нарымского края и равно прилегающих к этим местностям частей Тобольской и Томской губерний ...» (Статистика, 1904: 1). С 1 июля 1904 г. казенная продажа питей была введена по закону 22 декабря 1903 г. в уездах Березовском, Сургутском, в Нарымском крае, а по закону 6 июня 1904 г. в губерниях Енисейской, Иркутской и областях Забайкальской и Якутской (Статистика, 1906: 1). Дальневосточные территории остались на прежних условиях акцизной системы продажи питей.

Сибирь заметно отличалась по динамике потребления вина от среднероссийских показателей. В городах Сибири, кроме Семипалатинской области, произошло серьезное снижение потребления хлебного вина с 1904 г. по 1913 г. (см.: табл. 3) Это объясняется повышенным спросом на вино проезжавшими через Сибирь войсками и призванными запасными солдатами в 1904–1907 гг. Затем снижение спроса на вино произошло из-за последовавших неурожаев. В сельской местности не прослеживается какой-либо единой тенденции в изменении потребления вина. В части регионов оно повысилось (Акмолинская, Семипалатинская, Забайкальская, Якутская области и Томская губерния). В Тобольской, Енисейской, Иркутской губерниях оно снизилось.

Таблица 3. Данные о потреблении вина и денежные расходы на 1 душу населения в Сибири в 1904–1913 гг.

Губернии и области	Годы	В городах, на душу		В уездах, на душу		В общем, на душу	
		Потребление	Расход, руб.	Потребление	Расход, руб.	Потребление	Расход, руб.
Акмолинская область	1904	1,40	12,50	0,18	1,58	0,31	2,78
	1905	2,06	18,70	0,24	2,15	0,44	3,97
	1906	2,17	19,69	0,35	3,10	0,55	4,98
	1907	1,91	17,44	0,35	3,10	0,53	4,76
	1908	2,02	18,59	0,47	4,24	0,64	5,83
	1909	1,32	12,61	0,42	3,92	0,55	5,20
	1910	1,19	11,45	0,41	3,85	0,52	4,96
	1911	1,07	10,30	0,36	3,40	0,47	4,41
	1912	0,60	8,60	0,31	2,89	0,39	3,67
	1913	0,95	9,01	0,35	3,30	0,43	4,08

Семипалатинская область	1904	0,92	8,18	0,03	0,30	0,10	0,89
	1905	0,82	7,49	0,04	0,22	0,09	0,66
	1906	0,92	8,36	0,04	0,40	0,11	1,01
	1907	0,99	8,99	0,04	0,37	0,11	1,03
	1908	1,16	10,65	0,05	0,44	0,12	1,22
	1909	1,28	12,15	0,06	0,54	0,15	1,41
	1910	1,22	11,55	0,06	0,54	0,15	1,39
	1911	1,16	11,00	0,05	0,49	0,14	1,31
	1912	1,34	12,64	0,05	0,48	0,15	1,46
	1913	1,61	15,21	0,06	0,59	0,18	1,75
Тобольская губерния	1904	1,95	17,28	0,50	4,38	0,58	5,10
	1905	2,22	20,10	0,54	4,85	0,63	5,69
	1906	2,44	22,10	0,60	5,45	0,70	6,35
	1907	2,24	20,39	0,60	5,44	0,69	6,24
	1908	2,19	20,13	0,60	5,50	0,69	6,27
	1909	1,82	17,32	0,60	5,64	0,67	6,36
	1910	1,54	14,64	0,61	5,76	0,68	6,40
	1911	1,39	13,25	0,48	4,57	0,55	5,20
	1912	1,36	12,95	0,49	4,61	0,55	5,21
	1913	1,34	12,72	0,53	4,96	0,59	5,53
Томская губерния	1904	1,61	14,33	0,50	4,37	0,57	5,01
	1905	1,89	17,12	0,58	5,27	0,67	6,02
	1906	2,02	18,30	0,69	6,24	0,79	7,16
	1907	1,66	15,04	0,77	6,92	0,85	7,64
	1908	1,72	15,71	0,88	7,96	0,95	8,66
	1909	1,37	12,98	0,76	7,17	0,82	7,69
	1910	1,44	13,65	0,69	6,54	0,76	7,18
	1911	1,43	13,51	0,70	6,63	0,77	7,26
	1912	1,31	12,41	0,67	6,32	0,72	6,81
	1913	1,38	13,06	0,65	6,09	0,71	6,66
Енисейская губерния	1904						
	1905	2,92	26,49	0,76	6,88	0,98	8,87
	1906	3,31	29,95	0,85	7,63	1,09	9,86
	1907	2,87	25,99	0,77	6,93	0,98	8,83
	1908	2,68	26,23	0,86	7,81	1,06	9,64
	1909	2,60	24,61	0,78	7,38	0,96	9,09
	1910	1,48	13,97	0,65	6,13	0,76	7,17
	1911	1,21	11,45	0,59	5,55	0,68	6,39
	1912	1,13	10,70	0,59	5,52	0,66	6,26
	1913	1,10	10,72	0,57	5,34	0,65	6,12
Забайкальская область	1904						
	1905	6,48	58,41	0,35	3,13	0,75	6,74
	1906	7,25	67,33	0,35	3,29	0,80	7,47
	1907	4,48	42,34	0,45	4,21	0,71	6,74
	1908	3,56	33,69	0,46	4,31	0,68	6,39
	1909	1,63	15,30	0,46	4,36	0,61	5,79
	1910	1,51	14,24	0,48	4,54	0,62	5,86
	1911	1,59	15,03	0,52	4,87	0,67	6,30
	1912	1,42	13,33	0,50	4,68	0,64	5,99

	1913	1,42	13,35	0,43	4,10	0,58	5,51
Иркутская губерния	1904						
	1905	4,99	45,63	1,42	13,31	1,84	17,13
	1906	5,42	50,04	1,44	13,40	1,91	17,70
	1907	4,44	41,08	1,20	11,19	1,68	14,69
	1908	3,99	37,20	1,10	10,43	1,44	13,56
	1909	2,32	22,45	0,92	9,02	1,14	11,07
	1910	2,19	21,23	0,93	9,11	1,12	10,93
	1911	2,13	20,67	0,91	8,91	1,10	10,69
	1912	1,93	18,69	0,83	7,99	0,99	9,54
1913	1,95	18,83	0,84	8,23	1,00	9,85	
Якутская область	1904						
	1905	4,87	52,61	0,08	0,83	0,24	2,58
	1906	5,12	55,32	0,08	0,87	0,25	2,72
	1907	5,02	55,12	0,08	0,85	0,25	2,69
	1908	5,04	55,52	0,09	0,94	0,26	2,89
	1909	4,65	51,19	0,09	0,97	0,29	3,14
	1910	4,85	53,36	0,11	1,17	0,30	3,34
	1911	4,33	47,70	0,10	1,11	0,28	3,07
	1912	4,15	45,69	0,10	1,11	0,28	3,09
	1913	4,18	46,02	0,09	0,99	0,27	3,02

Источник: [Статистика по казенной продаже питей. 1913. СПб.: Типография отдельного корпуса пограничной стражи, 1915. С. 98, 100.](#)

При этом надо иметь ввиду, что потребление вина и расходы на него в регионах с преобладанием инородческого населения в уездах были ничтожными. В Семипалатинской области оно равнялось 0,03–0,06 ведра в год на душу, в Якутской области – 0,08–0,11 ведра. Расходы на вино обычно не превышали рубля в год на человека. В Акмолинской и Забайкальской областях, где русских крестьян и казаков было значительное число, потребление вина было выше – до полуведра в год на душу, расходы – от 2 до 5 руб. в год на человека. В губерниях с преобладанием русского населения в сельской местности уровень потребления хлебного вина колебался в пределах 0,5–1 ведра на душу населения в год, расходы на вино достигали 5–13 руб. на человека в год.

Сибирские же города выделялись на общероссийском фоне фантастическим уровнем потребления вина: в Якутской области – 4–5 ведер на душу населения в год, в Иркутской губернии – от 2 до 5 ведер, в Забайкальской области от 1,5 до 7 ведер, в Енисейской губернии – от 1 до 3, в Томской и Тобольской губерниях – от 1,3 до 2,3 ведер, расходы исчислялись десятками рублей на человека в год. Происходило это вероятнее всего из-за спроса на вино солдат и запасных в период Русско-японской войны и вследствие оптовых закупок вина торговцами для обмена с инородцами, на золотые, рыбные промыслы, стройки железных дорог. Вот поэтому золотые прииски, о спаивании рабочих на которых не прохаживался только ленивый публицист или чиновник, никак не отмечены при анализе статистики потребления. Вместе с тем статистики связали снижение потребления вина в Иркутской губернии в 1912 г. на 0,11 ведра в год на душу населения с забастовкой на Ленских приисках ([Статистика, 1915: 101](#)). Из сибирских губерний серьезно превышала среднероссийские показатели потребления вина только Иркутская губерния – 1–1,9 ведра на человека в год против 0,5–0,6 ведра в целом по империи.

Статистика империи не дает ответа на вопрос – почему русских считают пьяницами при низком уровне потребления вина. Ясно, конечно, что казенная монополия на продажу вина нарушалась повсеместно нелегальным производством домашних напитков от браги до самосидки, математически это измерить невозможно. Ясно также, что в городах империи потребление хлебного вина было в разы выше, чем в селах, а грамотные люди, формировавшие общественное мнение, жили и черпали впечатления о российской жизни в городах. Ясно, что культура потребления спиртных напитков в России при преобладании крепкого алкоголя в структуре потребления оставляла желать лучшего. Но этого мало для ответа на поставленный вопрос.

Главная причина, видимо, заключается в отношении грамотной части общества к простонародью. Публицисты, писатели-демократы видели в пьяных мещанах и крестьянах жертв правительственной политики. Выбитых из колеи людей в российских городах хватало, вот на этих обитателей ночлежек, нищих и бродяг и обращали внимание представители лучших сословий,

принимая их за «народ». Настоящий народ большую часть времени трудился, но как только он заходил в кабаки, то становился предметом обсуждения и осуждения. Вот типичный взгляд человека, считающего себя интеллигентом – пристава 5 стана Томского уезда А.Ф. Плотникова на подчиненное ему население: «... беднота и лень окончательно обуяли жителей Нарыма: апатичные ко всему (разумея мещан) и чуждые всего, что могло бы просветлить их ум, они не имеют никаких полезных развлечений; молодое поколение часы досуга (а их – несть числа!) старается провести в кабаке или около ренского погребца» (Плотников, 1901: 136-137).

Люди, которые относились к простому народу более благожелательно, замечали обратное. Профессор В.В. Чешев, изучавший ментальность русских крестьян, обратил внимание на мнение А.Н. Энгельгардта на по поводу пьянства крестьян: «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидел в наших деревнях. ... Такие пьяницы, которых мы встречаем между фабричными, дворовыми, отставными солдатами, писарями, чиновниками, опившимися и опустившимися до последней степени, между крестьянами – людьми, находящимися в работе и движении на воздухе, весьма редки, и я еще ни одного такого здесь не видал, хотя, не отрицаю, при случае крестьяне пьют шпарко». Он отмечал и культуру крестьянского застолья, ее чинность и степенность (Чешев, 2014: 53-54).

5. Заключение

Трезвенное движение было заметной частью общественной жизни и в столицах, и в провинции в конце XIX – начале XX вв. (Назукина, 2011; Зиновьев, Харусь, 2013: 51-383). Введение казенной монополии также ставило целью регулирование потребления вина в стране.

Таким образом, низкое потребление вина в России в начале XX века было результатом образа жизни крестьян, официальной охранительной политики и позиции православной церкви, возглавившей трезвенное движение. Можно сделать вывод о том, что традиционная аграрная Россия вела преимущественно трезвый образ жизни, своей славе страны пьяниц она обязана культуре потребления и российскому интеллигентному сословию, принимавшему городских люмпенов за русский народ.

6. Благодарности

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Литература

Афанасьев, 2007 – Афанасьев А.Л. Трезвенническое движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: Изд-во Томск, гос. ун-т. систем упр. и радиоэлектроники, 2007. 196 с.

Бородин, 1910 – Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб.: Типо-литография Виленчек, 1910. 102 с.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Добролюбов, 1862 – Добролюбов Н.А. Народное дело. Распространение обществ трезвости // Сочинения Н.А. Добролюбова. Санкт-Петербург: В типографии Иосафата Огризко, 1862. Том IV. С. 65-108.

Зиновьев, Харусь, 2013 – Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / Составители: В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 402 с.

Ив-ко, 1890–1907 – Ив-ко Н. Попечительства о народной трезвости // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907 // http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/82087/%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0

Мариупольский, 2000 – Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.). Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2000. 158 с.

Назукина, 2011 – Назукина А.А. Винная торговля и деятельность обществ трезвости в Московской губернии в конце XIX – начале XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. 21 с.

Плотников, 1901 – Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии) историко-статистический очерк // Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики. Том X, выпуск I, изданный под редакцией Н.В. Латкина. СПб., Типография В.Ф. Киршбаума. 1901. 366, 17 с.

Похлебкин, 2005 – Похлебкин В.В. История водки. М.: Центрполиграф, 2005. 160 с.

Раев, 2005 – Раев Д.В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск: ИД. «Сова», 2005. 276 с.

Рассказов, 2015 – Рассказов Л.П., Кузьмина А.В. Историография попечительств о народной трезвости в Российской империи // *Право и государство: теория и практика*. 2015. № 11. С. 33-37.

- Россия, 1995** – Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. 416 с.
- Сметнева, 2006** – Сметнева Н.В. Развитие винокурения и виноторговли в Прибайкалье во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск: Сибирский институт права, экономики и управления, 2006. 238 с.
- Статистика, 1901** – Статистика по казенной продаже питей. 1897–1898. Вып. III. СПб.: Типография «Слово», 1901. 512 с.
- Статистика, 1904** – Статистика по казенной продаже питей. 1902. Вып. III. СПб.: Типография «Слово», 1904. XV, 304, 176 с.
- Статистика, 1906** – Статистика по казенной продаже питей. 1904. Вып. III. СПб.: Типография «Слово», 1906. III, 60, 109.
- Статистика, 1907** – Статистика по казенной продаже питей 1905. Вып. III. СПб.: Типография «Слово», 1907. 65, 105 с.
- Статистика, 1909** – Статистика по казенной продаже питей. 1907. Вып. III. СПб.: Типография «Слово», 1909. 58, 119 с.
- Статистика, 1915** – Статистика по казенной продаже питей. 1913. Вып. III. СПб.: Типография отдельного корпуса пограничной стражи, 1915. 101, 91 с.
- Суменкова, 2007** – Суменкова М.В. Производство спирта и водки в России в годы казенной винной монополии в 1984–1917 гг. (на материалах Пензенской губернии). Пенза: Информационно-издательский центр Пензенского государственного университета, 2007. 162 с.
- Трезвая Русь** – Трезвая Русь // http://alkogolunet.ru/blog/potreblenie_spirtnykh_napitkov_v_inostrannykh_gosudarstvakh_sravnenie_s_rossiej/2015-04-22-860
- Углов, 1995** – Углов Ф.Г. Капкан для России. СПб., 1995. 46 с. // <https://profilib.com/chtenie/128752/fedor-uglov-kapkan-dlya-rossii.php>
- Чешев, 2014** – Чешев В.В. Ментальность русской крестьянской общины (по письмам из деревни А.Н. Энгельгардта). Томск, Издательство ТГАСУ, 2014. 88 с.

References

- Afanasyev, 2007** – Afanasyev A.L. (2007). Trezvennicheskoye dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya. 1907–1914 gody: opyt ozdorovleniya obchshestva. [A sober movement in Russia during the period of peaceful development 1907–1914: experience of the society] Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta system upravleniya i radioelektroniki. 196 p. [in Russian].
- Borodin, 1910** – Borodin D.N. (1910). Kabak i ego proshloye [Tavern and its past]. SPb.: Tipolitografiya Vilenchek. 102 p. [in Russian].
- GATO** – Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti. [State Archives of the Tomsk Region]
- Dobrolyubov, 1862** – Dobrolyubov N.A. (1862). Narodnoe delo. Rasprostranenie obchshestv trezvosti // Sochineniya N.A. Dobrolyubova. [Folk art. Distribution of sobriety societies. Dobrolyubova]. Sankt-Peterburg: V tipografii Iosafata Ogrizko. Tom IV. pp. 65–108. [in Russian].
- Zonovye, Kharus, 2013** – Obchshestvenno-politicheskaya zchizn Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.. T. 1: 1880 – fevral 1917 g. / Sostaviteli: V.P. Zinovyev, O.A. Kharus. [Social and political life of Tomsk province in 1880–1919. T. 1: 1880 – February 1917.] Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2013. 402 p. [in Russian].
- Iv-ko, 1890–1907** – Iv-ko N. (1890–1907). Popechitelstva o narodnoy trezvosti // Enziklopedicheskiy slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. SPb.: Brokgauz-Efron. [Guardianship about national sobriety // Encyclopedic Dictionary Brockhaus and I.A. Efron. St. Petersburg: Brockhaus-Efron. 1890–1907] // http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/82087/%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0 [in Russian].
- Mariupolskiy, 2000** – Mariupolskiy A.M. (2000). Vinokurenje i vinotorgovlya Zapadnoy Sibiri v period deystviya akviznoy sistemy (1863–1902 gg.) [Distillation and wine trade in Western Siberia during the excise system (1863–1902)]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. 158 p. [in Russian].
- Nazukina, 2011** – Nazukina A.A. (2011). Vinnaya trgovlya i deyatelnost obchshestv trezvosti v Moskovskoy gubernii v konce XIX – nachale XX v. Avtoreferat dissertazii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Wine trade and the activity of sobriety societies in the Moscow province in the late XIX – early XX century. The author's abstract of dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of historical sciences]. M. 21 p. [in Russian].
- Plotnikov, 1901** – Plotnikov A.F. (1901). Narymskiy kray (5 stan Tomskogo uезда Tomskoy gubernii) istoriko-statisticheskij ocherk. Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obchshestva po otdeleniyu statistiki. Том X, выпуск I, izdanny pod redakziy N.V. Latkina. [Narym region (5th Tomsk district, Tomsk province) historical and statistical essay // Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the separation of statistics. Volume X, Issue I, edited by N.V. Latkin]. СПб., Tipografiya V.f. Kirshbauma. 366, 17 p. [in Russian].
- Potreblenie alkogolya** – Potreblenie alkogolya v Rossii i SSSR [Consumption of alcohol in Russia and the USSR] // http://trezvost-kharkov.narod.ru/biblio/drozdov/trezvost_demogr.htm [in Russian].
- Pohlebkina, 2005** – Pohlebkina V.V. (2005). History of vodka. M.: Zentropoligraf. 160 p. [in Russian].

- Raev, 2005 – Raev D.V. (2005). Mug yards of the cities of Western Siberia (second half of the XVIIIth – early XVIIIth centuries). Novosibirsk: ID. «Sova». 276 p. [in Russian].
- Rasskazov, 2015 – Rasskazov L.P., Kuzmina F.V. (2015). Historiography of guardianship of national sobriety in the Russian Empire. *Law and the State: Theory and Practice*. № 11. pp. 33-37. [in Russian].
- Rossia, 1995 – Rossia. 1913 god. Statistiko-dokumentalnyy spravochnik. [Russia. 1913 year. Statistical Documentary Reference book]. SPb: BLIZ, 1995. 416 p. [in Russian].
- Statistika, 1901 – Statistika po kazennoy prodazhe pitey 1897–1898 [Statistics on state sale of alcohol. 1897–1898]. Вып. III. СПб.: Tipografiya “Slovo”, 1901. XV. 512 p. [in Russian].
- Statistika, 1904 – Statistika po kazennoy prodazhe pitey. 1902. [Statistics on state sale of alcohol. 1902]. Вып. III. СПб.: Tipografiya “Slovo”, 1904. XV, 304, 176 p. [in Russian].
- Statistika, 1906 – Statistika po kazennoy prodazhe pitey. 1904. [Statistics on state sale of alcohol. 1904]. Вып. III. СПб.: Tipografiya “Slovo”, 1906. [in Russian].
- Statistika, 1907 – Statistika po kazennoy prodazhe pitey. 1905. [Statistics on state sale of alcohol. 1905]. Вып. III. СПб.: Tipografiya “Slovo”, 1907. 65. 105 p. [in Russian].
- Statistika, 1909 – Statistika po kazennoy prodazhe pitey. 1907. [Statistics on state sale of alcohol. 1907]. Вып. III. СПб.: Tipografiya “Slovo”, 1909. 58, 119 p. [in Russian].
- Statistika, 1915 – Statistika po kazennoy prodazhe pitey. 1913. [Statistics on state sale of alcohol. 1913]. Вып. III. СПб.: “Tipografiya Odelnogo korpusa pograničnoy strazhy”, 1915. 101, 91 p. [in Russian].
- Sumenkova, 2007 – Sumenkova M.V. (2007). Prouzvodstvo spirta i vodka v Rossii v gody kazennoy vinnoy monopolii v 1984–1917 gg. (na materialah Penzenskoy gubernii). [The production of alcohol and vodka in Russia during the years of the state wine monopoly in 1984–1917. (On the materials of the Penza province).] Penza: Informazionno-izdatelskiy zentr Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. 162 p. [in Russian].
- Trezvaya Rus – Trezvaya Rus [Sober Russia] // http://alkogolunet.ru/blog/potreblenie_spirtnykh_napitkov_v_inostrannykh_gosudarstvakh_sravnenie_s_rossiej/2015-04-22-860/ [in Russian].
- Uglov, 1995 – Uglov F.G. Kapkan dlya Rossii. [Trap for Russia] SPb., 1995. 46 s. // <https://profilib.com/chtenie/128752/fedor-uglov-kapkan-dlya-rossii.php> [in Russian].
- Cheshev, 2014 – Cheshev V.V. (2014). Mentalnost russkoy krestyanskoj obchshiny (po pismam iz derevni A.N. Engelgardta). Mentality of the Russian peasant community (according to letters from the village of A.N. Engelhardt). Tomsk: Izdatelstvo TGASU. 88 p. [in Russian].

УДК 94 (570)

Потребление вина в России и Сибири в начале XX векаВасилий Павлович Зиновьев ^{a, *}, Дмитрий Александрович Фалилеев ^a, Сергей Георгиевич Суляк ^b^aТомский государственный университет, Российская Федерация^bСанкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе официальных данных (Статистика по казенной продаже питей Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов), рассматривается вопрос о реальном уровне потребления хлебного вина в России и Сибири, в частности. Официальная статистика показывает, что российская деревня употребляла вина в несколько раз меньше, чем городские жители, в Сибири это разрыв был выше, так как города являлись местом заготовки вина для промыслов истроек. В статье приводятся погодные данные о продаже вина в России в целом с 1893 г. и по губерниям и областям Сибири – с 1904 по 1913 гг., анализируются помесечные сведения потребления вина. Данные показывают, что потребление горячительных напитков в российской деревне подчинялось календарю традиционного образа жизни, связанного с аграрным трудом. В России в целом продажа вина выросла на треть, в Сибири же за десять лет она снизилась вследствие неурожаев последних лет. Традиционная Россия не имела средств и времени на пьянство и находилась в конце списка европейских стран по уровню потребления вина в начале XX в. Авторы полагают, что низкий уровень потребления вина в России в начале XX в. был результатом преобладания в стране деревенских обитателей (85 %) в жизни которых алкоголь играл не очень заметную роль, охранительной политики государства и трезвенного общественного движения во главе с Русской православной церковью. Авторы также считают, что образ российского пьянства рожден не объемами потребления вина, а явился продуктом социальной антипатии высшего и низшего классов общества, а также преобладанием крепкого алкоголя и низкой культурой потребления вина в городах Российской империи.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, потребление вина, начало XX века.

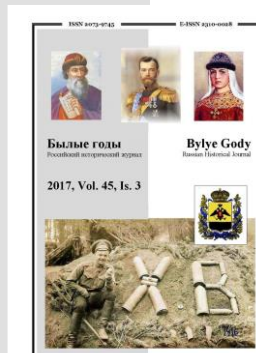
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vpz@tsu.ru (В.П. Зиновьев), falileev91@gmail.com (Д.А. Фалилеев), sergei_suleak@rambler.ru (С.Г. Суляк)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1073-1081, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1073
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.2:271.2(477.87)-9«1903/1904»

Documents of the Archives of the Budim Orthodox diocese about the Orthodox Movement in Transcarpathia at the beginning of the XX century

Jurij V. Danilets ^{a, *}

^a Uzhhorod National University, Ukraine

Abstract

The article analyzes the documents of the archives of the Budim Orthodox Diocese about the Orthodox movement in Transcarpathia in the early 20th century. The author draws attention to the position of the Austro-Hungarian government concerning the Orthodox population in the village of. Iza. It consisted in ignoring socio-economic and national processes, strengthening the Magyarization and denationalization of the Slavs in the empire. Correspondence between the Serbian patriarch and the Budim bishop, between the Serbian bishops and the Prime Minister Count I. Tis, between the Orthodox from Transcarpathia and the Serbian bishops, was restored. An analysis of the documents showed that the peasants decided to return to Orthodoxy from religious and economic motives. It can be argued that the leadership of the Serbian Patriarchate tried to support the Orthodox movement, developed a project to create a parish, temporary management of the parish and appointed a priest. Despite the determination of the Budim bishop, the implementation of plans was suspended at the request of the top leadership of Austria-Hungary. The author comes to the conclusion that the results of the trial against the Orthodox in 1904 were a failure for the Austro-Hungarian justice. The lack of evidence of treason and work in favor of the Russian Empire forced the head of the court to remove these charges from the defendants.

Keywords: believers, documents, bishop, parish, orthodoxy, priest, church, temple.

1. Введение

Религиозные конфликты в современной Украине вызывают необходимость изучения истории государственно-церковных отношений в прошлые времена. Отсутствие четкой государственной политики в вопросе деятельности религиозных организаций вносит дисбаланс в развитие общества. В начале XX века нынешняя Закарпатская область Украины находилась в составе Австро-Венгерской империи. После создания дуалистического государства венгерское правительство, которому административно подчинялось Закарпатье, перешло к политике мадьяризации. Ее главная цель заключалась в денационализации местного славянского населения и превращении украинцев (русинов) на верных сынов Венгрии. Главным союзником этой политики была греко-католическая церковь, которая, через свое духовенство, реализовывала основные аспекты мадьяризации населения. Введение венгерского языка в богослужении, латинизация русского обряда, создание католических обществ и братств, увеличение церковных налогов – все эти факторы вызвали недовольство местного населения. Это сопротивление вылилось в выходе из греко-католической церкви и возрождении православия. На территории империи проводила миссионерскую деятельность Сербская православная церковь (СПЦ), к представителям которой обратились первые православные активисты. Сербские иерархи, в целом, поддержали православное движение, но через давление главы венгерского правительства и других чиновников не смогли реализовать задуманные планы. Создание

* Corresponding author

E-mail addresses: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua (Ju.V. Danilets)

православных общин в Закарпатье началось в 1901–1903 гг. и закончилось судебными процессами в Мараморош-Сиготе в 1903–1904 гг. и 1913–1914 гг. Преследование православных не прекратило движение, а привело к его расширению и утверждению.

2. Материалы и методы

В архиве Будимской православной епархии СПЦ в г. Сентендре (венг. Szentendre) в Венгрии хранится фонд В. 5. Збирка документа о Подкарпатским Русима – ЗПС – 1903–1944. Документы не имеют сплошной нумерации, что затрудняет их обработку. Условно их можно разделить на три группы: переписка, указы, распоряжения; газетные вырезки; фотографии. Общий объем документов составляет около 350 страниц. Хронологически они представляют три периода: австро-венгерский (1903–1918 гг.), чехословацкий (1919–1938 гг.), венгерский (1939–1944 гг.). В данной публикации мы проанализируем источники, касающиеся периода начала XX века (1903–1904 гг.). Это 24 отдельные документы на венгерском, сербском и церковнославянском языке, общим объемом 54 страницы. Авторами данных документов является венгерские чиновники, лидеры православного движения и представители СПЦ.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы – анализ и синтез, конкретизации, обобщения, так и традиционные методы исторического анализа: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический, историко-ретроспективный.

3. Обсуждение

В последние годы оживилось изучение истории православного движения на западноукраинских землях. Причем, эта тема интересует как местных историков, так и зарубежных ученых. Проблематику преследования православных накануне Первой мировой войны изучал С.Г. Суляк (Суляк, 2013; Суляк, Данилец, 2016). Несколько публикаций на документах различных архивов и материалов периодики подготовлено автором этих строк в 2014–2016 гг. (Данилец, 2014; Данилец, 2016; Данилец, 2017). На страницах «Библиотеки журнала «Русин» в 2016 г. был издан важный документ – «Защитительная речь и заключительное слово д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца перед венским военным судом», который проливает свет на методы борьбы австро-венгерских властей с православным движением в империи (Мирович, 2016). Участие графа В. Бобринского в судебном процессе в Мараморош-Сиготе в 1914 г. исследовал В.П. Передерко (Передерко, 2010). Распространение панславистских идей в Северо-Восточной Венгрии и их влияние на православное движение в начале XX в. исследовано в статье А.М. Тутушка (Тутушка, 2014).

4. Результаты

В 1901 г. почти все село Иза Мараморошской жупы, за исключением 64 дворов из 500, перешло в православие (Из истории, 1926: 22). В 1902 г. крестьяне отправили представителей к православному епископу Лукиану (Богдановичу) в Будапешт с просьбой принять их село в состав Будимской епархии. Епископ не мог решить этот вопрос самостоятельно, а поэтому посоветовал крестьянам обратиться за помощью к сербскому патриарху Георгию (Бранковичу) (Бескидский, 1929: 45). 8 марта 1903 г. патриарх в Сремских Карловцах получил письмо, отправленное из г. Хуст, в котором крестьянин И. Вакаров, с четырьмя соратниками, сообщил, что подавляющее большинство жителей с. Иза намерены перейти в православие, а потому просят в этом деле помощи (Волнения, 1904: 124). Второе письмо было отправлено в Сремские Карловцы 13 мая 1903 г. В документе крестьяне просили назначить для них православного священника. 22 мая того же года был получен ответ. В письме патриарх отмечал, что для того чтобы создать отдельный приход крестьяне должны перейти из греко-католической церкви, соблюдая действующее законодательство (Mayer, 1997: 133; Пап, 2003: 537). Из других источников нам известно, что изяне отправляли трехчленную делегацию в Сербию в 1903 г. Это событие впоследствии вспоминал сам патриарх Бранкович: «Явились ко мне крестьяне из села Иза, просили меня принять их, и все село, в лоно православной церкви и послать к ним православного священника. Я долго с ними беседовал, наконец, сказал им, что ввиду правительственного террора, не решаюсь дать им священника» (Аристов, 1916: 134). Однако крестьяне вступили в дискуссию с первоиерархом и убедили его изменить решение.

Епископ Мукачевской греко-католической епархии Юлий (Фирцак) 25 мая 1903 г. сообщил о ситуации в Министерство культов и народного образования в Будапеште, прося материальной и административной помощи. В частности, он ходатайствовал, чтобы Министерство обратилось к Карловацкому патриарху с просьбой не высылать православного священника в с. Иза. Министр Дюла Власич 3 июня 1903 г. ответил, что за его посредничества глава правительства распорядился поддержать все просьбы епископа (ГАЗО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 947. Л. 12). Премьер-министр в полуофициальном письме от 12 июня 1903 г. просил православного патриарха, чтобы он отказал в просьбе крестьянам и не высылал им православного священника (Mayer, 1997: 132).

Выполняя инструкции сербского патриарха, жители с. Иза собрали необходимые подписи и оформили 70 протоколов о выходе из греко-католической церкви. Эти документы были отвезены в Сремские Карловцы. Патриарх оказался в сложной ситуации, с одной стороны надо было выполнять

положения закона 1868 г. о смене религии, с другой стороны, он получил указания от премьер-министра не реагировать на обращения изьян. В письмах к главе правительства Карою Куэну-Хедервари от 29 июня и 12 июля 1903 г. Георгий (Бранкович) указывал, что его снова посетила делегация, но он был в отъезде и не смог ее принять. Патриарх написал 12 июля в с. Иза, чтобы крестьяне перед приездом священника устроили для него дом и полностью взяли на себя его содержание. В августе 1903 в Сремских Карловцах снова отложили назначение священника, сославшись на то, что этот вопрос должен решаться на Синоде СПЦ (Mayer, 1997: 135). Заседание Архиерейского Синода состоялось 12 декабря 1903 г., его участники приняли решение взять православную общину в с. Иза под свою юрисдикцию. Об этом факте было сообщено в Министерство культов и народного образования (Пап, 2003: 539).

12 декабря 1903 г. датируется первый документ, обнаруженный нами в архиве в Сентендре. Это письмо сербского патриарха Георгия (Бранковича) епископу Будимскому Лукиану (Богдановичу), в котором сообщалось о решении Архиерейского Синода. Правящего архиерея в Венгрии обязывали сообщить жителям с. Иза о принятии их в СПЦ и включить изский приход в состав Будимской епархии (Архив Српске православне епархије Будимске (АСПЕВ). В. 5. Збирка документа о Подкарпатским Русима – ЗПС – 1903–1944. Письмо патриарха Георгия (Бранковича) епископу Лукиану (Богдановичу) от 12 декабря 1903 г.).

21 декабря 1903 г. епископ Лукиан отправляет из своей резиденции пять писем разным адресатам. Среди них были жители с. Иза на Закарпатье, Хустский окружной начальник, иеромонах Герасим Петрович в Зомборе, священник Иштван Чампраг в Будапеште и окружной протопресвитер Велимир Неделькович в Сентендре. Все письма имеют целью донести информацию о решении Синода от 12 декабря того же года. В частности, Хустскому окружному начальнику было сообщено, что Архиерейский Синод СПЦ поддержал просьбу жителей с. Иза – А. Изая, М. Плиски, В. Прокопа и других об их переходе в православие и назначении для них священника. В письме назывались конкретные лица, которым будимский епископ поручил выполнить данное задание (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана Богдановича Хустскому окружному начальнику от 21 декабря 1903 г.).

Вызывает интерес письмо епископа к жителям с. Иза на Мараморошине. Владыка Лукиан отмечал, что верующие должны осознать серьезность и важность перехода в православную церковь. «Считаем необходимым отметить, что Ваше возвращение будет благим и милым перед Господом, если оно осуществляется с чистых убеждений, а не из мести или по иным расчетам. Если это не первая причина мотивирует Ваше возвращение к вашей древней церкви, а какое-то другое соображение, то оно не принесет покоя в ваши души, а наоборот, принесет только страдания» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана Богдановича жителям с. Иза Мараморошской жупы от 21 декабря 1903 г.). Архиерей подчеркивал, что крестьяне будут вынуждены взять на свои плечи значительные расходы: содержание постоянного священника, строительство помещения для проведения богослужения, а впоследствии возведение постоянной храма, школы, дома для священника и учителя. «Одним словом православная церковь предоставляет своим верующими только духовное блаженство и духовную радость на протяжении их жизни, никаких других потребностей она не удовлетворяет. Если Вы хорошо обдумали эти першосвятительские слова, и Вы и в дальнейшем останетесь на позициях возвращения, то мы с радостью Вас примем в православную церковь, к которой принадлежали Ваши предки» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана Богдановича жителям с. Иза Мараморошской жупы от 21 декабря 1903 г.). Владыка Лукиан в документе называет иеромонаха Герасима Петровича, бывшего учителя теологии и Иштвана Чампрага, будапештского протоиерея, как уполномоченных по вопросу перехода изьян в православие. На время формирования самостоятельной парамии верующие должны были подчиняться приходу в честь Вознесения Пресвятой Богородицы в Сентендре. В конце письма отмечалось, что одежда и другие вещи, которые необходимы для богослужения, священник привезет с собой от материнской церкви, которые, со временем, должны быть возвращены владельцам (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана Богдановича жителям с. Иза Мараморошской жупы от 21 декабря 1903 г.). В фондах архива нами выявлено список вещей, которые были приготовлены для перевозки из сербского храма в Трнаве в с. Иза. Он состоит из 19 позиций и содержит все необходимое для проведения богослужения (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Список церковной утвари, декабрь 1903 г.).

Письма, которые были отправлены Г. Петровичу, И. Чампрагу и В. Недельковичу почти аналогичные по содержанию. Владыка назначал первого из названных священников временным настоятелем в с. Иза, а других просил помогать своему коллеге по делу регистрации и создания нового прихода. Епископ Лукиан приказывал о. Г. Петровичу, вместе с верующими, подобрать соответствующее сооружение для проведения богослужения и освятить его. Отдельно в письме есть инструкции по оформлению актов переходов из греко-католической в православную церковь (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана Богдановича о. Г. Петровичу от 21 декабря 1903 г.).

В архиве также обнаружено письмо лидера православных из с. Великие Лучки Бережской жупы Георгия Рубиша. На документе отсутствует датировка, но из контекста его следует относить к концу 1903 г. Он обращается к епископу с вопросом о возможности осуществления для крестьян обряда исповеди и причастия. Текст письма свидетельствует о сложной ситуации в жизни православных верующих. «О нашем бедственном положении мы молчим, но мы еще не знаем, что с нами будет.

Иезуитские расследования еще продолжаются и могут привести к возмущению, но мы сильны в своей вере» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо жителя с. В. Лучки Георгия Рубина епископу Лукиану (Богдановичу), декабрь 1903 г.).

9 января 1904 г. патриарх в Сремских Карловцах получил письмо из с. Иза, в котором В. Прокоп, И. Вакаров, М. Плиска и др. просили ускорить решение вопроса с приездом священника и отправить им несколько экземпляров книги «Псалтырь» на славянском языке (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо жителей с. Иза патриарху Георгию (Бранковичу) от 9 января 1904 г.). Этот документ 17 января 1904 г. был переслан Будимскому епископу с просьбой ускорить реализацию решения Собора (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо патриарха Георгия (Бранковича) епископу Лукиану (Богдановичу) от 17 января 1904 г.).

Однако ситуация начала усложняться. 27 января 1904 г. епископ получил телеграмму от наджупана Мараморошской жупы, который просил не отправлять священника в с. Иза. Свои требования он мотивировал утверждениями, что этот факт может привести к «опасным нарушениям порядка» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Телеграма Мараморошского наджупана епископу Лукиану (Богдановичу) от 27 января 1904 г.). 6 февраля 1904 г. к епископу обратился поджупан упомянутой жупы, подчеркивая, что движение в с. Иза имеет не религиозный характер, а происходит от подстрекательств, направленных на нарушение межконфессионального мира. Чиновник подчеркивал, что крестьяне заявили о своем переходе в православие с нарушением закона от 1868 г., то есть, что сам переход является недействительным. Поджупан считал, что приезд священника может вызвать бунт среди жителей жупы и просил его отложить (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо Мараморошского поджупана епископу Лукиану (Богдановичу) от 6 февраля 1904 г.). Под датой 12–13 февраля 1904 г. в архиве нами выявлено два документа. Первый – это письмо жителя с. Иза Н. Сабова к Будимскому епископу. Закарпатский крестьянин сообщал, что православные верующие приготовили все необходимое и ждут приезда священника. Он просил епископа указать точную дату этого события (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо жителя с. Иза Николая Сабова епископу Лукиану (Богдановичу) от 12 февраля 1904 г.). Второй документ – достаточно резкий ответ архиерея поджупану Мараморошской жупы. В письме епископ Лукиан отметил, что не будет и не может отменять отъезд священника в с. Иза, «поскольку это бы противопоставило меня с решением Архиерейского Синода и со своими собственными правами и обязанностями первосвященника» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) Мараморошскому поджупану от 13 февраля 1904 г.). Он отрицал переход в православие как плод «подстрекательства для возбуждения межконфессионального согласия» и считал его чисто религиозным явлением. Владыка выразил удивление тем, что «поджупанское правительство опасается беспорядков, ведь на нашей родине свобода вероисповедания, даже атеизм обеспечивается законом. Почему тогда мы должны опасаться беспорядков и нарушений общественного порядка, если кто-то хочет перейти в православную церковь?». «Таким образом, – подводил итоги епископ, – ни одно из правительств не имеет права давать преимущество какой либо конфессии против православной веры, но правительства, как хранители и исполнители закона, должны защищать граждан, если они практикуют свои, законом данные права». Архиерей просил поджупана не препятствовать переходам в православную церковь (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) Мараморошскому поджупану от 13 февраля 1904 г.).

Но давление со стороны властей на руководство Будимской епархии только усиливалось. 2 марта 1904 г. поджупан Мараморошской жупы сообщил епископу, что в с. Иза полиция арестовала 9 человек, которых обвинили в подстрекательстве к переходу в православие. Чиновник настаивал на отмене указа о приезде священника, отмечал, что и в дальнейшем «будет принимать все необходимые меры, которые входят в мои повинности, для предотвращения переходов без соблюдения законного порядка» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо Мараморошского поджупана епископу Лукиану (Богдановичу) от 2 марта 1904 г.).

Из документов ГАЗО нам известно, что православных активистов, за подачей местного греко-католического священника, обвинили в подделке документов об изменении религии. Когда этот факт было трудно доказать в суде, арестованным предъявили агитацию против греко-католического духовенства и церкви, а также антигосударственные высказывания. В рапорте Хустского окружного начальника от 15 февраля 1904 г. находим следующие утверждения: «Изменение религии таит в себе обоснованные государственные интриги, приезд сербского священника показал бы победу православного движения, что привело бы к опасным последствиям» (ГАЗО. Ф. 151. Оп. 3. Д. 38. Л. 5). Несмотря на проведенные аресты и доносы греко-католического священника, доказательств о политической деятельности православных в с. Иза не хватало. В середине февраля 1904 г. Мараморошский поджупан сообщил премьер-министру, что «изучив все необходимые документы, я не смог найти ни одного доказательства, указывающего, что движение в Изе получало внешнюю моральную или материальную поддержку России» (Mayer, 1997: 139).

6 марта 1904 г. к епископу Лукиану обращается с письмом премьер-министр граф Иштван Тисо. Приведем несколько основных тезисов данного документа: религиозное движение в с. Иза является политическим явлением, оно имеет панславистский характер, противопоставляет себя авторитету и целостности венгерского государства и императорского трона. Чиновник просил владыку

отмежеваться от православных в с. Иза и прекратить с ними все связи, а также отменить решение об отправке священника (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо премьер-министра И. Тисо епископу Лукиану (Богдановичу) от 6 марта 1904 г.). Очевидно, что аналогичное письмо было отправлено и на имя патриарха Георгия. В своем сообщении на имя епископа Лукиана от 9 марта 1904 г. патриарх просил приостановить реализацию решения Синода и подать ему подробный отчет о религиозной ситуации в с. Иза (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо патриарха Георгия (Бранковича) епископу Лукиану (Богдановичу) от 9 марта 1904 г.). Упомянутый отчет был выслан в Сремские Карловцы 19 марта того же года. Епископ описал все события и переписку относительно изского вопроса (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) патриарху Георгию (Бранковичу) от 19 марта 1904 г.).

В апреле 1904 г. (на документе нет точной даты) граф И. Тисо прислал очередное письмо епископу Лукиану. Продолжая линию сообщения от 6 марта 1904 г. чиновник привел примеры, которые, по его мнению, были доказательством антигосударственного направления православного движения. В частности, по информации свидетелей (местных корчмарей-евреев, сельского писаря, греко-католического священника) руководители православного движения вели разговоры, якобы, что «если придет православный священник то русский царь будет их повелителем, тогда господство венгерских властей и венгерских законов закончится. Венгерская власть будет заменена на русскую, не надо будет платить ни государственных, ни церковных налогов. Русский царь, наш батюшка, прогонит евреев, греко-католиков и венгерские власти. Русский царь займет земли и разделит их среди православных верующих. Если православная вера распространится до Польши, тогда эти земли присоединятся к России, и тогда будем жить лучше» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо премьер-министра И. Тисо епископу Лукиану (Богдановичу) от ? апреля 1904 г.). Подводя итог, автор письма подчеркивал, что религия в данном случае «служит всего лишь поводом и прикрытием, за которым скрываются нити зарубежного подстрекательства...» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо премьер-министра И. Тисо епископу Лукиану (Богдановичу) от ? апреля 1904 г.). И. Тисо просил сообщить, какие меры были приняты епархией, чтобы информировать императора по данному вопросу. «... Я бы хотел указать о том, что православная церковь в государстве, не только отстранилась, но и осудила это движение сразу, как только узнала о его истинном характере» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо премьер-министра И. Тисо епископу Лукиану (Богдановичу) от ? апреля 1904 г.).

25 апреля 1904 г. епископ Лукиан написал премьер-министру Австро-Венгрии пространное письмо, в котором выразил свое видение событий в с. Иза. С одной стороны, он сообщил, что после получения информации о возможных беспорядках и антигосударственных мотивах верующих, он «отступил от плана отправить священника и разорвал все дальнейшие связи с жителями Изы» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) премьер-министру И. Тисо от 25 апреля 1904 г.). Уверяя в своей лояльности, владыка отмечал, что ни он, ни его коллеги епископы, «не приняли бы ни одного из тех, чьи намерения к переходу мотивированы не религиозными убеждениями, а лишь, как прикрытия своих предательских намерений» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) премьер-министру И. Тисо от 25 апреля 1904 г.). С другой стороны, епископ без боязни выразил собственное мнение по поводу православного движения на Закарпатье. По его словам, «в глубине души я и сейчас полностью убежден в религиозной мотивации людей, осуществляющих переход, и в открытости и безопасности этого движения...», «...даже Патриарх и весь Синод считает чужим даже мысль о том, что мы поддерживаем лиц, участников этого движения, целью которых является выступление против целостности и авторитета нашего государства и пренебрежение тронем его Императорского и Королевского Величества» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) премьер-министру И. Тисо от 25 апреля 1904 г.). Несмотря на всю выше проанализированную переписку с венгерскими чиновниками разного уровня, архиерей констатировал, что «он принял все меры, чтобы получить убедительные сведения об убеждениях тех жителей с. Иза, которые желали перейти в православную церковь, и эта информация показывает, что их мотивируют только религиозные, и никакие другие, побочные убеждения» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) премьер-министру И. Тисо от 25 апреля 1904 г.). Владыка писал, что крестьяне узнали о факте, что исповедуют не ту веру, которую исповедовали их предки. Это произошло после случая, когда их священники в ритуалах и литургиях пытались использовать и утверждать нововведения, взятые из римской церкви. В документе находим критику тогдашней венгерской прессы. Приведем некоторые цитаты из слов епископа: «мне как епископу отечественной православной сербской церкви, очень больно осознавать, что венгерская пресса клеймит переход на православную веру антонимом патриотизма. Я должен решительно возразить этот тезис. Неужели православные верующие не являются патриотами в нашем отечестве, неужели оскорблять их в прессе и обвинять в антипатриотизме является актом патриотизма?» (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо епископа Лукиана (Богдановича) премьер-министру И. Тисо от 25 апреля 1904 г.).

Последний документ, который нам удалось обнаружить в фондах архива, это письмо премьер-министра И. Тисо епископу Лукиану (Богдановичу) от 30 апреля 1914 г. Граф заверял адресанта, что не считает переход в православие антипатриотическим актом и что его правительство не относится с недоверием к СПЦ. Однако, в случае с переходом в с. Иза, чиновник уверял в его политическом характере и антигосударственном направлении (АСПЕВ. В. 5. ЗПС. Письмо премьер-министра И. Тисо епископу Лукиану (Богдановичу) от 30 апреля 1904 г.). В письме также упоминается о судебном

следствии, которое, якобы, подтвердило вышеприведенные обвинения. Этот тезис считаем нужным осветить более подробно, опираясь на дополнительные архивные источники.

Когда Мараморошский наджупан понял, что собранных доказательств против православных для выдвижения политических обвинений не хватает, он предложил правительству собрать доказательства другим способом. По словам исследовательницы М. Майер чиновник предлагал выслать в с. Иза двух тайных агентов (из крестьян или евреев), которые в сжатые сроки получили бы исчерпывающую информацию, или войти в контакт с местными торговцами, которые знают тайны каждого сельского жителя. Для реализации вышеуказанных целей наджупан просил о выделении средств в размере 2000 крон (Mayer, 1997: 139).

На Пасху (10 апреля 1904 г.) большинство жителей с. Иза отказалась посещать богослужение в греко-католическом храме. Крестьяне снарядили и отправили делегацию из трех человек в Будапешт, с просьбой ускорить приезд священника. Однако делегаты были перехвачены и арестованы. Началась подготовка Первого Мараморош-Сиготского процесса. Еще 15 марта 1904 г. был подготовлен обвинительный акт против 19 жителей с. Иза. Согласно этому документу подсудимые нарушили статьи 172 и 173 Уголовного кодекса Венгрии, а именно, якобы они выступали против греко-католической церкви и ее духовенства (ст. 172) и что они изменили свою веру по политическим мотивам (измена государству) (ст. 173). Доказательствами служили конфискованные у подсудимых книги, иконы, карта славянских земель (Денасий, 1913: 68). Свидетели (около 80 человек), преимущественно сельские корчмари-евреи и писарь Бонис, на основе слухов уверяли, что подсудимые говорили, что придет «русский царь и выгонит венгров и евреев и разделит землю между православными крестьянами» (Гонение, 1904: 2). Согласно с обвинительным актом 3 крестьян обвинили в руководстве православным движением, 8 были обвинены в участии в организации движения, и, наконец, 8 были предъявлены обвинения в добровольной помощи после начала движения (Gönczi, 2007: 56). Из 19 обвиняемых, 13 были безземельными поденщиками, 3 плели корзины, 2 были поденщиками и обладали некоторой собственностью и 1 был мелким землевладельцем.

30 апреля 1904 г. суд вынес приговор, согласно с которым 12 подсудимых освобождалось из-под стражи. 7 человек было приговорено за подстрекательство людей против греко-католической церкви: И. Вакаров, В. Лазарь и В. Кеминь были осуждены на 14 месяцев тюрьмы и 500 крон штрафа, М. Плиски – на 1 год и 500 крон, А. Орос, А. Изай, Ю. Плиски – на 2 месяца и 9 дней и 180 крон штрафа (Судейский, 1904: 301). 3 последних крестьян суд освободил из-под стражи в связи тем, что они уже отбыли срок наказания. Обвинения в государственной измене из подсудимых были сняты. Кроме того, судья разрешил вернуть улики – книги и иконы, это правда не касалось книги о. А. Товта «Где искать правду?», которая была уничтожена во время следствия (Magyar Országos Levéltár (MOL). K-26. A Miniszterelnökség iratai. 1910-XXV-4180).

Сиготский адвокат Артур Клейн, который защищал православных изян, подал апелляцию, считая приговор несправедливым. Опротестовал решение и прокурор, добиваясь более строгого наказания. 23 июня 1905 г. в Дебрецене состоялся апелляционный суд, который снизил меру наказания подсудимым до 6 месяцев и 50 крон (М. Плиски), до 8 месяцев и 50 крон (И. Вакаров, В. Кеминь), а также до 7 месяцев и 50 крон (В. Лазарь) (MOL. K-26. 1904-XIV-1390). Этот результат снова не удовлетворил обе стороны и 10 мая 1906 г. высший апелляционный суд в Будапеште признал подсудимых виновными также на основании ст. 173 и повысил меру наказания. Таким образом, В. Кеминь и И. Вакаров (убит жандармом после освобождения из тюрьмы в 1905 году.), получили каждый по 1 году тюрьмы и по 50 крон штрафа, А. Вучкан – 6 месяцев (MOL. K-26. 1910-XXV-4180).

5. Заключение

Таким образом, документы архива Будимской православной епархии раскрывают информацию о важном периоде в жизни православной церкви в Закарпатье. Проанализированные источники дают возможность понять мотивы закарпатских крестьян, которые покинули греко-католическую церковь и вернулись в православие, сербских архиереев в Сремских Карловцах и Будапеште, государственных чиновников разного уровня. Венгерское правительство, с подачи греко-католического духовенства, которое не желало терять свои доходы и влияние, обвинило инициаторов восстановления православия в панславизме и антигосударственной агитации. Письма премьер-министра графа И. Тисо показывают официальную политику правительства, которая видела в православных мятежников и пыталась прекратить движение путем репрессий. Позиция епископа Будимского Лукиана (Богдановича) и патриарха Георгия (Бранковича) свидетельствует о всяческом содействии закарпатским православным, несмотря на давление со стороны властей. Только после официального обращения главы правительства, архиереи были вынуждены отменить миссию сербского священника в с. Иза. Приговор на Первом Мараморош-Сиготском процессе показал беспочвенность обвинений крестьян в антигосударственной деятельности в пользу Российской империи. Развертывание репрессий против православных привело к расширению и укреплению православного движения.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Национальной стипендиальной программы Словацкой республики (SAIA).

Литература

- Аристов, 1916** – *Аристов Ф.* Карпато-русские писатели. В 3 т. М., 1916. Т. 1. 306 с.
- АСПЕВ** – Архив Српске православне епархије Будимске. В. 5. Збирка документа о Подкарпатским Русима. ЗПС. 1903–1944.
- Бескидскій, 1929** – *Бескидскій.* Изъ исторіи возстановленія Православной веры в южно-карпатской Руси // Православный Русскій Календарь на 1930 г. Владимірова на Словенску, 1929. С. 43-63.
- Волнения, 1904** – Волнения подкарпатских русинов // *Неделя.* 1904. 21 февраля. С. 124.
- ГАЗО** – Государственный архив Закарпатской области.
- Гонение, 1904** – *Гонение св. Православія в Угорщині // Православная Буковина.* 1904. 14 мая. С. 2.
- Gönczi, 2007** – *Gönczi A.* Ruszin skizmatikus mozgalom a XX. század elején. Ungvár–Beregszász: PoliPrint – II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola, 2007. 140 p.
- Данилец, 2014** – *Данилец Ю.* К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ») // *Русин.* 2014. №3 (37). С. 9-21. DOI: 10.17223/18572685/37/1
- Данилець, 2016** – *Данилець Ю.* Православний рух на Закарпатті в роки Першої світової війни // *Русин.* 2016. №2 (44). С. 136-157. DOI: 10.17223/18572685/44/9
- Данилец, 2017** – *Данилец Ю.* Иркутская газета «Сибирь» как источник по истории Второго Мараморош-Сиготского процесса 1913-1914 гг. // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 415. С. 59-70. DOI: 10.17223/15617793/415/8
- Денасий, 1913** – *Денасий Пантелеимоновскій, святогорец-инок.* Повесть об обращеніи и присоединеніи на Афоні Угрорусса уніата в Православіе и о русских, о православіи и об уніи в Прикарпатской подъяремной Руси прежде и теперь. Шамордино: Типография Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1913. 90 с.
- Из истории, 1926** – Из истории православного движения на Карпатской Руси и восточном Словенску // *Маковицкий сборник. Вышний Свидник: Русская типография Ю.П. Лажо,* 1926. С. 20-26.
- MOI** – Magyar Országos Levéltár. K-26. A Miniszterelnökség iratai.
- Mayer, 1997** – *Mayer M.* The Rusyns of Hungary. Political and Social Developments 1860-1910. New York, 1997. 334 p.
- Мирович, 2016** – *Мирович Р.Д.* Защитительная речь и заключительное слово д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца перед Венским военным судом – замечательный исторический документ // *Библиотека журнала «Русин».* 2016. № 1. С. 16-74. DOI: 10.17223/23451734/4/3
- Пап, 2003** – *Пап С., о.* Історія Закарпаття. В 3 томах. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2003. Том 3. 648 с.
- Передерко, 2010** – *Передерко В.* Участь В. Бобринського в другому Мараморош-Сігетському судовому процесі // *Вісник Прикарпатського університету. Історія,* Вип. 18, 2010. С. 90-97.
- Судейскій, 1904** – *Судейскій приговор // Неделя.* 1904. 8 мая. С. 301.
- Суляк, 2013** – *Суляк С.* Православие в Карпато-Днестровских землях (К 200-летию основания Кишиневской епархии и 100-летию Второго Мармарош-Сиготского процесса) // *Русин.* 2013. № 4 (34). С. 8-15. DOI: 10.17223/18572685/34/1
- Суляк, Данилец, 2016** – *Суляк С., Данилец Ю. О.* Кассиан Богатырец на втором венском процессе // *Библиотека журнала «Русин».* 2016. № 1 (4). С. 8-15.
- Тутушка, 2014** – *Тутушка А.* Наслідки впливу ідей панславізму в комітатах Північно-Східної Угорщини на початку ХХ століття // *Наукові записки Богословсько-історичного наукового-дослідного центру імені архімандрита Василія (Проніна).* №3. 2014. С. 294-303.

References

- Aristov, 1916** – *Aristov F.* (1916). Karpato-russkie pisateli [Carpatho-Russian writers]. V 3 t. M., T. 1. 306 p. [in Russian]
- ASPEV** – Arhiv Srpske pravoslavne eparkhije Budimske. V. 5. Zbirka dokumenta o Podkarpatskim Rusima. ZPS. 1903–1944 [Archives of the Serbian Orthodox Diocese of Budim. V. 5. A collection of the document on the Podkarpatian Russians. ZPS. 1903–1944]. [in Serbian; in Hungarian]
- Beskidskii, 1929** – *Beskidskii.* (1929). Iz" istorii vozstanovleniya Pravoslavnoi very v yuzhno-karpatskoi Rusi [From the History of the Restoration of the Orthodox Faith in the South Carpathian Russia]. *Pravoslavnyi Russkii Kalendar' na 1930 g. Vladimirova na Slovensku,* pp. 43-63. [in Russian]
- Volneniya, 1904** – *Volneniya podkarpatskikh rusinov* [Unrest in the Carpathian Ruthenians]. *Nedelya.* 1904. 21 fevralya. p. 124. [in Russian]
- GAZO** – Gosudarstvennyi arkhiv Zakarpatskoi oblasti [State Archive of Transcarpathian region]. [in Hungarian]

- Gonenie, 1904** – Gonenie sv. Pravoslavija v Ugorshhyni [Persecution of the Holy Orthodoxy in in Hungary]. Pravoslavnaia Bukovyna. 1904. 14 maja. p. 2. [in Ukrainian]
- Gönczi, 2007** – Gönczi A. (2007). Ruszin skizmatikus mozgalom a XX. század elején [Russian schismatic movement in the XX. At the beginning of the century]. Uzhhorod-Beregszász: PoliPrint - II. Ferenc Rákóczi Subcarpathian College of Hungary, 140 p. [in Hungarian]
- Danilec, 2014** – *Danilets Ju.* (2014). K istorii pravoslavija v Ugorskoj Rusi nakanune Pervoj mirovoj vojny (po materialam amerikanskoj gazety «Svĕt») [To history of orthodoxy in Ugrian Rus on the eve of the WWI (on materials of american newspaper «Svet»)]. *Rusin*. №3 (37). pp. 9-21. [in Russian]
- Danylec', 2016** – *Danilets Ju.* (2016). Pravoslavnyj ruh na Zakarpatti v roky Pershoi' svitovoi' vijny [The orthodox movement in Transcarpathia during the years of WWI]. *Rusyn*. №2 (44). pp. 136-157. [in Ukrainian]
- Danilec, 2017** – *Danilets Ju.* (2017). Irkutskaya gazeta «Sibir'» kak istochnik po istorii Vtorogo Maramorosh-Sigotskogo protsessa 1913–1914 gg. [The Irkutsk newspaper Sibir' as a source of information on the history of the Second Maramorosh Siget trial of 1913–1914]. *Tomsk State University Journal*. № 415. pp. 59-70. [in Russian]
- Denasii, 1913** – *Denasii Panteleimonovskii, svyatogorets-inok.* (1913). Povest' ob obrashchenii i prisoedinenii na Afoni Ugororussa uniata v Pravoslavie i o russkikh, o pravoslavii i ob unii v Prikarpat'skoi pod"yaremnoi Rusi prezhde i teper' [The story of the conversion and affiliation to Athos Ugorusa uniata in Orthodox and about the Russians, about the Orthodox and about the Uni in the Carpathian festering Russia before and now]. Shamordino: Tipografiya Kazanskoi Amvrosievskoi zhenskoi pustyni, 90 p. [in Russian]
- Iz istorii, 1926** – *Iz istorii pravoslavnogo dvizheniya na Karpatskoi Rusi i vostochnom Slovensku* [From the history of the Orthodox movement in Carpathian Rus and eastern Slovenska] // Makovitskii sbornik. Vyshnii Svidnik: Russkaya tipografiya Yu.P. Lazho, 1926. S. 20-26. [in Russian]
- MOL** – Magyar Országos Levéltár. K-26. A Miniszterelnökség iratai [National Archives of Hungary (NAH). K-26. The Ministerial Documents]. [in Hungarian]
- Mayer, 1997** – *Mayer M.* (1997). The Rusyns of Hungary. Political and Social Developments 1860–1910. New York, 334 p. [in English]
- Mirovich, 2016** – *Mirovich R.D.* (2016). Zashchitel'naya rech' i zaklyuchitel'noe slovo d-ra Kassiana Dmitrievicha Bogatyrtsa pered Venskim voennym sudom – zamechatel'nyi istoricheskii dokument [The defence address and concluding statement of Dr. Kassian Dmitrievich Bogatyrets before a Viennese military court – a remarkable historical document]. *Rusin Journal Library*. № 1. pp. 16-74. [in Russian]
- Pap, 2003** – *Pap S., o.* (2003). Istorija Zakarpattja [History of Transcarpathia]. V 3 tomah. Ivano-Frankiv's'k: Nova Zorja, T. 3. 648 p. [in Ukrainian]
- Perederko, 2010** – *Perederko V.* (2010). Uchast' V. Bobryns'kogo v drugomu Maramorosh-Sigets'komu sudovomu procesi [Participation of V. Bobrinsky in the second Maramorosh-Sigetsky trial]. // *Visnyk Prykarpats'kogo universytetu. Istorija, Vyp. 18*, pp. 90-97. [in Ukrainian]
- Sudeiskii, 1904** – Sudeiskii prigovor [Judicial verdict]. Nedelya. 1904. 8 maja. p. 301. [in Ukrainian]
- Sulyak, 2013** – *Sulyak S.* (2013). Pravoslavie v Karpato-Dnestrovskikh zemlyakh (K 200-letiyu osnovaniya Kishinevskoi eparkhii i 100-letiyu Vtorogo Marmarosh-Sigotskogo protsessa) [Orthodoxy in the Carpatho-Dniestrovian lands (to the 200th anniversary of the Kishinev Diocese and the 100th anniversary of the second Marmarosh-Sighet trial)]. *Rusin*. № 4 (34). p. 8-15. [in Russian]
- Sulyak, Danilets, 2016** – *Sulyak S., Danilets Ju.* (2016). O. Kassian Bogatyrets na vtorom venskom protsesse [Father Kassian Bogatyrets at the second Viennese trial]. *Rusin Journal Library*. 2016. № 1. pp. 8-15. [in Russian]
- Tutushka, 2014** – *Tutushka A.* (2014). Naslidky vplyvu idej panslavizmu v komitatah Pivnichno-Shidnoi' Ugorshhyny na pochatku XX stolittja [Consequences of the influence of the ideas of Pan-Slavism in the Committees of Northeastern Hungary at the beginning of the century]. *Naukovi zapysky Bogoslovs'ko-istorychnogo naukovogo-doslidnogo centru imeni arhimandryta Vasylija (Pronina)*. №3. pp. 294-303.

УДК 930.2:271.2(477.87)-9«1903/1904»

Документы архива Будимской православной епархии о православном движении в Закарпатье в начале XX века

Юрий Васильевич Данилец ^{a, *}

^a Ужгородский национальный университет, Украина

Аннотация. В статье проанализированы документы архива Будимской православной епархии о православном движении в Закарпатье в начале XX века. Автор обращает внимание на позицию

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua (Ю.В. Данилец)

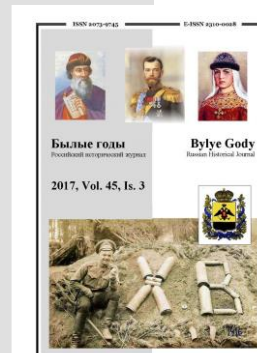
австро-венгерского правительства относительно православного населения в с. Иза. Она заключалась в игнорировании социально-экономических и национальных процессов, усилении мадьяризации и денационализации славян в империи. Восстановлена переписка между сербским патриархом и будимским епископом, между сербскими архиереями и премьер-министром графом И. Тисой, между православными из Закарпатья и сербскими епископами. Анализ документов показал, что крестьяне решили возвратиться в православие из религиозных и экономических побуждений. Можно утверждать, что руководство сербского патриархата пыталось поддержать православное движение, разработало проект создания парафии, временного управления приходом и назначило священника. Несмотря на решительность будимского архиерея, реализация планов была приостановлена по требованию высшего руководства Австро-Венгрии. Автор приходит к выводу, что результаты судебного процесса против православных в 1904 г. были провальными для австро-венгерского правосудия. Отсутствие доказательств в государственной измене и работе в пользу Российской империи заставило главу суда снять из подсудимых эти обвинения.

Ключевые слова: верующие, документы, епископ, парафия, православие, священник.

Copyright © 2017 by Sochi State University
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 45, Is. 3, pp. 1082-1092, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.3.1082
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 355.014

Gnosiological Bases of the Philosophy of War N.L. Klado

Nina V. Zubritskaya ^{a,*}, Yuri F. Katorin ^b, Yuri N. Makarov ^c, Valentina A. Ageeva ^d

^a Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov, Russian Federation

^b Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation

^c Sochi state University, Russian Federation

^d Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation

Abstract

Since as such complete and ordered system of the examination of war from the position article analyzes the theoretical-methodological and gnosiological foundations of the philosophy of military affairs of the Russian military theorist of the turn of the XIX–XX centuries – Nicolai Laurentievich Klado, its contribution to the comprehension of the problems of nature and essence of war, the creation of the original concept of the philosophy of war is evaluated precisely in that form, such as it is seen by the eyes of professional military-thinker.

The article reveals the essence of his concept of war as a whole life knowledge is revealed and also the contribution to the formation and development of Russian philosophy of war. To the group of social military sciences of treasures carried only the knowledge of the spiritual side of man in the public life in war. As the same it considered strategy, tactics, military organization, history of military skill. Remaining knowledge, in his opinion, relates to the military technical regions, entering the appropriate technical sciences, and are the branches of military science.

Keywords: philosophy of war, gnosiological foundations, the logic of war, ethics of war, moral aspects of the professional military, aesthetics of war.

1. Введение

Изменение характера, содержания, а, во многом, и сущности современной войны, делает актуальной проблему разработки теоретико-методологических основ создания современной концепции философии войны, требующей объединения усилий представителей различных областей научного знания. Вопрос философского осмысления войны, как одного из неотъемлемых качеств человеческого общества, имеет достаточно древнюю историю, однако как таковой полной и стройной системы рассмотрения войны с позиции именно философии нет. Так или иначе, вопрос войны в своих работах затрагивали многие философы, однако детальных попыток разработать полноценную систему практически не предпринималось.

Идеи отечественных военных исследователей, и, в частности, Николая Лаврентьевича Кладо, внесших существенный вклад в становление и развитие не только военной теории, но также философии и социологии войны в связи с этим представляют значительный научный интерес.

* Corresponding author

E-mail addresses: NinaZubr@yandex.ru (N.V. Zubritskaya), katorin@mail.ru (Yu.F. Katorin), ageewa.75@mail.ru (V.A. Ageeva)

2. Материалы и методы

2.1. Материалами являются оригинальные тексты Н.Л. Кладо – монографии и статьи, опубликованные, в основном, в дореволюционный период и не переиздававшиеся в наше время, а также рукописные авторские тексты, хранящиеся в специальном фонде фундаментальной библиотеки Морского Корпуса, труды российских и зарубежных философов, а также материалы дореволюционной периодической печати. Важное место занимают и современные исследования творческого наследия Н.Л. Кладо.

2.2. Методологической основой работы послужили основополагающие методы объективности, системности и диалектической взаимосвязи явлений, методы историзма, сравнительного анализа и синтеза, способствующие критически-аналитическому осмыслению событий и фактов далекого прошлого, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Обоснованность и достоверность исследования базируется на основе анализа большого количества литературных источников и обеспечивается научной методологией, комплексным характером исследования, системным подходом и подтверждается строгой логикой выводов в соответствии с поставленными целями и задачами.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений, а также в качестве справочно-аналитического материала специалистами.

3. Обсуждение

Николай Лаврентьевич Кладо (1862–1919 гг.) – военный моряк, теоретик русского военно-морского флота, историк, писатель, профессор Николаевской морской и Инженерной академий, генерал-майор по Адмиралтейству, человек энциклопедических знаний. Оставил после себя значительное творческое наследие – более 100 научных и публицистических работ по стратегии, тактике, военно-морской истории и истории военно-морского искусства, многие из которых до сих пор находятся в рукописном виде и не введены в научный оборот. К сожалению, это наследие почти забыто, а труды не переиздаются за исключением отдельных публикаций.

Приоритет в возрождении интереса исследователей к творческому наследию Н.Л. Кладо безусловно принадлежит доктору философских наук, профессору Игнату Семеновичу Даниленко (р. 1932). В рамках реализации проекта «Антология отечественной военной мысли» в 1997 г. им была переиздана одна из основных работ Н.Л. Кладо – «Этюды по стратегии» с вступительной статьей профессора В.И. Корявко. Различным аспектам многогранной деятельности Н.Л. Кладо была посвящена, проведенная в 2000 году, научная конференция в Военной академии Генерального штаба ВС РФ «Военно-теоретическое наследие Н.Л. Кладо и его значение для современности».

Анализ научной литературы по проблеме показал, что значительное количество статей посвящено Н.Л. Кладо как классику теории военно-морского искусства, историку военно-морского флота, выдающемуся стратегу, педагогу и специалисту по методологии исследования военной сферы жизнедеятельности общества. Гораздо меньшее их число – вкладу Н.Л. Кладо в социологическое исследование морской войны как социального явления. Проблемы же философии войны как целостной концепции все еще остаются на периферии исследовательского интереса.

Еще хуже обстоит дело с зарубежными изданиями ученого, где он практически неизвестен. За все время напечатаны только две его работы, да и то посвященные частным вопросам. Так

переведена на французский язык книга Н.Л. Кладо «Организация морской силы», а англичане издали работу Кладо, посвященную описанию событий русско-японской войны (Klado, 1905).

Оценить истинное место и роль Н.Л. Кладо в становлении военной и, особенно военно-морской науки, еще предстоит. Равно как и вклад его в осмысление проблем природы и сущности войны, создание оригинальной концепции философии войны именно в том виде, какой она видится глазами профессионального военного-мыслителя (Ветер, 2002: 5).

Следует отметить, что в силу непреложных обстоятельств (преждевременная смерть) Н.Л. Кладо не смог концептуально в полной мере изложить свое видение философии войны (предполагалось издать несколько работ по данной тематике). Однако, даже те краткие наброски по данной проблематике, сделанные им в работах «Этюды по стратегии» (1914 г.) и особенно «Стратегия. Введение» (1918 г.), позволяют судить о теоретико-методологических и гносеологических основах создаваемой им концепции.

В соответствии с принимаемой им позитивистской концепцией классификации наук Огюста Конта (Isidore Marie Auguste François Xavier Comte; 1798—1857), Н.Л. Кладо относит многие военные науки к социальным наукам как наиболее сложным, высшим в классификации основоположника социологии. «Те науки, – отмечает он, – которые изучают разные стороны человеческих обществ и государств, называются социальными, или общественными. А значит, к числу этих наук принадлежат и военные». И далее уточняет: «Военные науки принадлежат к числу социальных, т.е. наиболее сложных, именно потому, что в них гораздо труднее, чем в других группах наук прилагаются научные методы исследования..., что теория военного дела не может быть определенно формулирована, как теория в других группах наук...» (Кладо, 1909: 33). Соответственно, «надо применять к ее обоснованию все пригодные для этого научные методы, не довольствуясь результатами, полученными посредством какого-либо одного метода, повторяя эти результаты параллельными и встречными исследованиями, другими методами» (Кладо, 1914: 138).

К группе социальных военных наук Н.Л. Кладо относит только знания духовной стороны человека в общественной жизни на войне. Такowymi он считал стратегию, тактику, военную организацию, историю военного искусства. Остальные знания, по его мнению, относятся к военно-техническим областям, входящим в соответствующие технические науки, и являются отраслями военного дела, комбинацией из наук технических и военных (Музиль, 1994: 297).

Все военные науки и отрасли военного дела объединяются в сущности войны как явления и исследуют эту сущность. «Военные науки едины по существу и цели, по главенствующему в них элементу – человеку, а различаются только по средствам и по обстановке приложения этих средств».

(Кладо, 1909: 40). Основная цель, для которой только и существует военная наука, по мнению Н.Л. Кладо – «определить, создать и уметь применить во всякой обстановке войны средства (способы, пути) для победы» (Кладо, 1918: 25).

Задачи, которые Н.Л. Кладо ставил перед военной наукой, и сегодня звучат актуально:

1) изучить сущность (природу) войны как явления человеческой жизни, так как нельзя себе представить, что войну могут правильно вести и сообразно этому правильно готовить такие люди, которые не понимают ее природы;

2) изучить войну в ее историческом прошлом, чтобы использовать для настоящего весь добытый прежними войнами опыт;

3) из этих изучений вывести *неизменные* положения (*принципы*), которыми можно руководствоваться при войне вообще, в какой бы обстановке она ни протекала;

4) изучить все элементы обстановки, в которой протекает война вообще, и те частности этой обстановки, которые вызываются, с одной стороны, современным социальным состоянием и стремлениями государств, а, с другой – современным состоянием техники, обслуживающей военное дело, из которого проистекает современное состояние различных материальных средств войны вообще и, в частности, оружия; такое изучение необходимо, чтобы ясно представлять себе все, с чем придется иметь дело на войне, чтобы познавать войну в таком виде, как она происходит в действительности, а не в умозрительном отвлечении, чтобы уберечь себя от беспочвенных увлечений и полетов фантазии;

5) из этого изучения, проводя выведенные раньше принципы через наиболее типичные комбинации современной обстановки, вывести условные (условность их проистекает из зависимости от обстановки), отправные точки (правила и нормы), которыми можно руководствоваться в современной войне;

6) из этого же изучения, позволяющего использовать для войны все возможности современной военной техники, выработать такие указания различным отраслям этой техники, чтобы эти отрасли могли работать для военного дела наиболее продуктивно. (Кладо, 1997: 35-36).

Н.Л. Кладо подчеркивал руководящую роль стратегии по отношению ко всем остальным отделам военного дела. Стратегия изучает сущность (природу) войны как известного явления в человеческой жизни и работает над тем, чтобы сформулировать принципы подготовки и ведения войны, исходя из всесторонне обоснованной ею гипотезы о неизменности человеческой природы (физической и духовной), и делает это двумя путями:

1) посредством изучения природы человека и народов:

- по их отношению к войне как к явлению;
- изучение природы человека и народов, поставленной в обстановку вооруженной борьбы.

Используемый здесь метод (логический, умозрительный) вывода принципов – это метод дедуктивный, в котором путь доказательств – от причин к следствиям.

2) посредством изучения прежних войн в самых разнообразных обстановках, делая соответствующий отбор материала из военной истории.

В данном случае используется другой метод (исторический) вывода принципов – это метод индуктивный, аналитический, в котором путь доказательств – от следствий к причинам. (Кладо, 1918: 74).

Стратегия, по Н.Л. Кладо, разделяется на науку и искусство, т.е. на знание и умение. Задача стратегии как науки (теории чистой и прикладной) – выработать объективно-достоверное и систематизированное знание о том, как готовить и вести войну, пользуясь как средствами боем, военными организмами и военной техникой, т.е. исследовать, обобщить и свести в систему весь прежний опыт в этом отношении.

Практическая задача стратегии – разработка планов подготовки государства к войне и ведения войны, поддерживая эти планы все время в соответствии с обстановкой, а именно:

- с географическим, этнографическим и экономическим положением, с внутренней и внешней политикой как своего государства, так и возможных его противников, союзников и нейтральных государств;

- с их мероприятиями;

- с современным состоянием военной науки и военного искусства (Кладо, 1997: 39-40).

Задачи остальных военных наук – руководствуясь указаниями стратегии, выполнять соответствующие части этих планов. И если стратегия отвечает на вопросы «что, почему, где и когда должно быть предпринято?», то остальные военные науки отвечают на вопрос «как это сделать?» (Кладо, 1997: 40).

В свою очередь, стратегия также не вполне самостоятельна и выполняет лишь требования политики государства, «так как война – это продолжение политики с оружием в руках» (Кладо, 1997: 39). Именно политика ставит стратегии те руководящие военные цели, которые она должна достигнуть присущими ей военными средствами и способами, чтобы государство могло достигнуть целей, предъявляемых ему политикой (Кладо, 1918: 71).

Как всякая наука (теория) стратегия ничего не решает, а только указывает практическому деятелю (стратегии как искусству) сущность (природу) всего входящего в предмет стратегии и предлагает ему условные нормы решения различных стратегических вопросов сообразно этим сущностям (нормы проявления этих сущностей) для различных типичных комбинаций бесконечно разнообразной обстановки. Первую работу, т.е. определение и формулировку природы (сущностей) всего входящего в предмет стратегии берет на себя чистая стратегия (чистая теория стратегии, чистая теория стратегического искусства) (Кладо, 1918: 72).

4. Результаты

Высоко оценивая роль и значение стратегии в системе военного знания, Н.Л. Кладо именно в ней видел «философию военного дела», которую выстраивал в соответствии с современными ему представлениями о роли и месте философии в системе научного знания. Теоретико-методологические основы обосновываемой им философии военного дела (философии войны) состояли в следующем:

1. Философия создает потребность связать разрозненные выводы частного знания и, таким образом, найти опору для цельного знания. Задача философии двоякая. С одной стороны – исследование (анализ) основных понятий познания, деятельности, бытия и, с другой – обобщение (синтез) добытых путем анализа принципов в строгую систему, то есть построение цельного научно-обоснованного мировоззрения.

Эту же роль в системе военных наук, по мнению Н.Л. Кладо, выполняет и стратегия, формулируя цельное знание о войне. И, соответственно, «чистая стратегия (чистая теория стратегии)» и есть, по его мнению, философия военного дела, поскольку «именно в стратегии военные явления получают наиболее полное обобщение со стороны своей причинности, природы и закономерности или неизменного порядка» (Кладо, 1918: 74).

2. Основное требование к философии – она должна устанавливать основные истины, могущие служить отправными точками для всех наук и этим объединять их. В области военного дела по отношению к другим военным наукам эту же роль также выполняет, по его мнению, стратегия. «Устанавливать основаначала военных явлений, разрабатывать исходящие из этих основаначал отправные точки зрения (руководящие идеи, принципы) для всех остальных военных наук – это философская работа чистой стратегии. Исходит она из формулирования опыта прошедшего и проверки его исследованием о сущности (природе) войны» (Кладо, 1918: 74-75).

Н.Л. Кладо считал, что «философия военного дела должна быть цельным, жизненным знанием о войне», поскольку «только «цельное» знание о войне может прочно перейти в жизнь и создать настоящее уменье», «стать практическим руководством» (Кладо, 1918: 79). Именно в ней он надеялся

увидеть тот мост, который может быть переброшен от теории военного дела к практической военной деятельности.

Основания, на которых строится цельное знание о войне, Н.Л. Кладо находит все там же – в философии, а, именно, в гносеологии. В, частности, в идеях русского философа В.С. Соловьева, считавшего, что отделить теоретический или познавательный элемент от элемента нравственного, или практического, от элемента художественного или эстетического в процессе познания невозможно. Это можно было бы сделать только в тех случаях, если бы дух человеческий разделился на несколько самостоятельных существ, одно было бы только умом, другое – только чувством, третье – только волей. Но так как этого нет и быть не может, то, соответственно, «предмет нашего познания есть вместе с тем предмет нашей воли и чувства» (Соловьев, 1988: 344-346). «Вот такое, всесторонне (умом, чувствами и волей) обоснованное знание, не только отвлеченно теоретическое, но и вместе с тем и чисто практическое, т.е. заключающее в себе и чисто практическую цель, можно назвать цельным знанием» – вслед за В.С Соловьевым заключает Н.Л. Кладо (Кладо, 1918: 77-78).

В соответствии с представлениями Н.Л. Кладо, философия войны в своем стремлении быть «цельным, жизненным знанием», не может ограничиться одной только работой ума, одной только истиной о войне. «Пусть работа ума констатирует, что, например, война – естественная, составная часть жизни человеческого общества, неизбежная, пока существует человечество, неистребимая никаким культурным прогрессом» (Кладо, 1918: 79). Такая истина, считает Н.Л. Кладо, не будет еще цельным знанием о войне и не даст никакого импульса для практической деятельности по отношению к войне и в области военных явлений.

«Нужно, чтобы ум еще определил, соответствует ли война разуму (логосу) всего. Надо, чтобы чувство еще констатировало, нарушает ли она (война) стройность (красоту) этого существующего или является ли она ее составной частью, т.е. может ли быть найдена в явлениях войны объективная красота. Надо, чтобы было выявлено, в какой мере, и в каких проявлениях война благо или зло для человечества, или для отдельного человеческого общества. И вот только тогда воля определит характер практической деятельности в области военных явлений и создаст умение в этой области» (Кладо, 1918: 79).

Н.Л. Кладо выстраивает философию военного дела по образу и подобию философии как области научного знания, «стремящуюся дать цельное знание о предмете исследования, как состоящую из трех философских дисциплин – логики, эстетики и этики» (Кладо, 1918: 84). Философия войны, в соответствии с его представлениями, должна иметь подобную же структуру и включать в себя логику войны, эстетику войны и этику войны.

Функции логики войны в создаваемой им философии войны выполняет стратегия («чистая теория стратегии»), которая, соответственно, для реализации идеи «цельности» дополняется эстетикой войны (исследование военных явлений с точки зрения представлений о красоте) и этикой войны (понимание войны с точки зрения общего блага – всего человечества или отдельных общественных групп). «Логические построения, связанные умом в одно стройное целое, – отмечает Н.Л. Кладо, – начинают жить, если sprychnuty живой водой. Эта живая вода в науке – чувство и воля, которые обретут в найденной умом и непоколебимой истине и увлекающую красоту, и возбуждающую к практическому применению идею блага. И таким путем получится не просто знание, а знание *цельное и жизненное*» (Кладо, 1918: 85).

Именно отсутствие цельного знания о войне, считает Н.Л. Кладо, и порождает колебания между пацифизмом и милитаризмом. «Пацифизм склонен определять войну как временный хаос, противоречащий красоте и мудрости мироздания..., как временное зло, противоречащее общему благу» (Кладо, 1918: 86). Пацифизм, с его абстрактным гуманизмом и безусловной верой в то, что добро непременно победит зло, приводит к печальному положению военной науки по отношению к практической военной деятельности, результатом чего становится «постоянная неготовность к войне тех государств, в которых больше других распространен пацифизм» (Кладо, 1918: 87). Таким образом, заключает Н.Л. Кладо, пацифизм обескровливает военные знания, поскольку основан не на знаниях, а на вере в прекращение войны, в то, что она перестанет быть вечным спутником человеческого общества, а все споры и конфликты между странами будут решаться мирно, путем переговоров.

Следствием чрезмерного увлечения пацифистскими теориями является, по его мнению, новая неготовность к войне, новые бесконечные и грандиозные жертвы этой неготовности. В то время как задача военной науки – дать указание, как достичь необходимых целей войны не с какими угодно, а с наименьшими усилиями и жертвами. Для решения этой задачи военная наука должна сделать ясным смысл и неизбежность войн и, тем самым, подвигнуть общество на тщательную подготовку к войне. «Народ, который понял, что войну необходимо не просто пережить, но и непременно победить, охотно даст на это необходимые средства. Если нет соответствующей подготовки к войне, мудрость и мощь военных наук не может быть использована, так как нет средств для исполнения того, что она требует. И это одна из причин разлада между теорией и практикой» (Кладо, 1918: 131).

Н.Л. Кладо осознавал, что будущие войны неизбежны, поскольку насилие в природе человека. Надежду на избавление от войны он видел в изменении физической и духовной природы человека. Однако, как он считает, за все известное время существования человечества никто не мог указать каких-либо изменений в физической природе человека и пока нет никаких оснований, что эта

природа изменится и в будущем. Всякий человек смертен, раны причиняют ему страдания и смерть и могут сделать его инвалидом, крайние напряжения истощают его организм, физические силы его ограничены, он не может обходиться без отдыха, сна, пищи и питья.

Равно как не меняется и духовная природа человека, меняется лишь форма ее проявления: «Эволюция духовной природы человека – это эволюция только форм неизменной сущности этой природы» (Кладо, 1918: 62). Таким образом, Н.Л. Кладо выводит неизбежность войны из неизменности физической и духовной природы человека, а отрицание этого факта, по его мнению, и приводит в итоге к неготовности к ней.

Истину о смысле или бессмысленности войны, о ее естественности или неестественности, считал он, необходимо искать в логике войны. И если по этим изысканиям окажется, что человеческая природа эволюционирует в сторону добра, что из этой природы может исчезнуть насилие, что война – это варварский пережиток, а не естественное явление в жизни человечества, что война не целесообразна в мироздании, а потому в ней нет и смысла, то логика войны – «чистая теория стратегии» – существовать не будет. Именно в такой ситуации и может быть обоснован в виде цельного знания только пацифизм, опирающийся на логику, этику и эстетику мира (Кладо, 1918: 137).

Но поскольку не существует, в соответствии с представлениями Н.Л. Кладо, цельного знания о войне (философии войны), где были бы всесторонне обоснованы все ее стороны и это знание только зарождается, то ни пацифизм, ни милитаризм не обоснованы с научной точки зрения. Как известно, спор между пацифистами и теми, кого Н.Л. Кладо называл милитаристами, считавшими, что война – вечный, неизбежный спутник человечества, что она естественна и неустранима, ведется до сих пор, и пока человечество не нашло однозначного ответа на вопрос о том, как навсегда избавиться от войн (Печенкин, 2015: 29).

Н.Л. Кладо отмечает, что вследствие «зародышевого состояния», в котором находится философия войны, он не может думать об отдельном и одинаково обстоятельном построении всех трех составляющих ее философских дисциплин, т.е. логики, эстетики и этики войны. Он, главным образом, пытается построить научное воззрение о войне в виде ее логики, то есть «чистой теории стратегии». Отмечая при этом, что «чистая стратегия – это очень рискованная часть моего труда, так как образцов такой работы я не имею, и эта часть во всех известных мне трудах по стратегии почти совершенно отсутствует в том виде, как я ее понимаю. ...Именно отсутствие этой части в виде «философии войны» делает науку о войне настолько нежизненной, что не может обеспечить должного своего влияния на практическую деятельность» (Кладо, 1918: 89).

Не имея возможности, в силу отсутствия необходимых глубоких философских знаний, выстроить полно и всесторонне эстетику и этику войны как составные части философии войны, Н.Л. Кладо ставил себе посильную задачу. А именно: «посредством нескольких примеров показать, что может существовать и эстетика, и этика войны, и что их изучение будет иметь самые благоприятные последствия для практической военной деятельности». (Кладо, 1918: 101).

Говоря о необходимости создания этики войны, Н.Л. Кладо пишет: «Человек, сознательно работающий в области военной деятельности, не может не ставить себе вопроса о нравственном смысле войны». И первым вопросом человека, сознательно избравшего себе военную сферу деятельности, должен быть, по мнению Н.Л. Кладо, такой: «Нравственна ли эта деятельность, т.е. будет ли он, работая в этой сфере, работать для блага человечества?» (Кладо, 1918: 101). Этот вопрос для человека, посвятившего себя военной деятельности, трансформируется, по его мнению, в вопрос о нравственном смысле войны.

Для решения этого вопроса, по его мнению, необходимо исследовать следующие проблемы:

- какова сущность войны как явления общественной жизни?
- чем является война – безусловным злом или злом относительным, т.е. могущим быть в равной мере и относительным благом?
- устранима ли война из области человеческой общественной жизни, пока по своей сущности человек остается таким, каким мы его знаем?

Цепь рассуждений Н.Л. Кладо в связи с обозначенными проблемами сводилась к следующему:

1. «Если война есть зло относительное и если она неустранима, она имеет нравственный смысл».

2. «Если же война – безусловное зло и вместе с тем устранима из области человеческой жизни, то служить ей безнравственно. Можно только работать над ее скорейшим уничтожением».

3. «Если же оставаясь безусловным злом, война вместе с тем неустранима без коренного (в ее сущности) преобразования человеческой природы, то при работе в ее области уже может быть поставлена нравственная цель – сделать войну такой, чтобы ограничить, насколько это доступно, то безусловное зло, которое она приносит и человечеству и отдельным людям».

4. Наконец, «если война *неустранима* без коренного преобразования в человеческой природе и вместе с тем, она есть зло относительное, *из которого может быть извлечено реальное благо* для человечества, то военная деятельность получает совершенно определенную нравственную цель. Эта цель – *совершенствовать войну* как орудие (средство) тоже необходимое ...для блага человечества, как вполне нравственно совершенствовать приемы хирургических операций для спасения человечества» (Кладо, 1918: 102).

Рассуждая на темы о нравственном смысле войны, Н.Л. Кладо ставит важные этические вопросы, дискуссии по которым ведутся и по сей день. Но, как известно из истории науки, постановка, актуализация вопроса бывает не менее важна, чем его решение. Обозначенные Н.Л. Кладо нравственные вопросы, современная этика войны формулирует в виде трех основных, тесно взаимосвязанных друг с другом, нравственных проблем войны:

1. Бывают ли справедливые войны и при каких условиях войны могут считаться справедливыми (нравственно оправданными)? Данный вопрос представлен у Н.Л. Кладо в виде вопроса о нравственном смысле войны, хотя и не в терминах «справедливой» и «несправедливой» войны, тогда еще не используемых при анализе данной проблематики.

2. Какие методы (средства) ведения войны могут быть допустимы?

3. Какими нравственными качествами должен обладать воин?

Как видно, две из трех значимых проблем этики войны – о нравственном смысле войны и нравственных качествах воина, Н.Л. Кладо не только обозначил, но и раскрыл их содержание. Наиболее значимыми нравственными качествами, которыми должен обладать воин, по его мнению, являются добросовестность в реализации военной деятельности, честь, стремление к изучению военной науки, воля.

«Добросовестность особенно в принятом на себя добровольно деле и вообще в деле, принятом на себя по сознаваемой обязанности (долгу) перед ...государством, членом которого состоишь опять-таки добровольно, пользуясь всеми, вытекающей из этой принадлежности к нему выгодами (правами) – эта добросовестность – это то же этическое требование». Для выполнения требования добросовестности военному человеку «следует изучать сущность войны и сущность природы человека, подготавливающего и ведущего войну. Иначе он не сможет ...приобрести... сознательное и наилучшее умение достигать военных целей и сознательно совершенствовать войну» (Кладо, 1918: 104).

Стремление к изучению военной науки, философии военного дела также обязательно с точки зрения военной чести, военной этики. «Масса обстоятельств может помешать офицеру это сделать (изучить), но только из числа этих обстоятельств исключается его собственная воля, его собственное нежелание при отсутствии внешних препятствий. В последнем случае офицер грешит против требований военной этики, против требований военной чести, так как *посильное стремление добросовестно изучать военное дело – это прямое требование военной чести*» (Кладо, 1918: 105).

И далее Н.Л. Кладо заключает: «По отношению к изучению военной науки...военная этика допускает ответ: «Я не могу», «Я не хочу, потому что не могу», но не допускает ответа: «могу, но не хочу». Вывод его определен: «Строить крепкий свой расчет на таких людях в таком тяжко ответственном деле как война, государство не может» (Кладо, 1918: 106). Даже «талант и гений сознает необходимость сверить результаты своего Богом дарованного дара с результатами, полученными наукой. Отсюда широкая жажда самообразования в области военной науки у таких людей (Петр I, Наполеон, Суворов, Нельсон и др.)» (Кладо, 1918: 106).

Н.Л. Кладо акцентирует также внимание на вопросе о значении воли для военного человека и особенно в ситуации, когда не хватает объективных данных для всесторонней оценки обстановки и приходится брать на себя тяжелую ответственность принимать необходимое решение. В этих обстоятельствах особенно важна сильная воля, поскольку «одна из особенностей военных явлений и заключается в том, что ответственность здесь очень тяжела (за ошибочное решение и выполнение расплата идет человеческими жизнями и государственными интересами)...» (Кладо, 1918: 106).

Им высказывается также глубокая мысль о взаимосвязи моральных качеств граждан и общественного строя государства. «Лучшие моральные качества, проявленные на войне, показывают, что страна создала лучшую организацию управления страной, что создано лучшее отношение граждан к своей стране, подвигающее их на более энергичную защиту ее интересов, и на большие материальные пожертвования для достижения победы, что более прочно слиты различные народности в стране, и слиты не только насильем, но и взаимным уважением, и сознанием выгоды, и справедливости общей государственной жизни. Большая материальная и моральная мощь – это прямое следствие более высокой культуры, большей целесообразности в социальном устройстве, более высокого состояния ума и духа. И поэтому, если два народа численно различаются немного, и если борьба между ними имела решительный характер, то имеется значительное основание считать, что победил народ более совершенный, более целесообразный в мироздании». И далее: «Победу здесь дают искусство, ловкость и мужество, если это проявляется не в одном случайном человеке, а как средний вывод в массе, то это показывает, что *страна что-то сделала, чтобы создать эти качества*» (Кладо, 1918: 128-129). Это высказывание, как никакое другое, звучит актуально и наилучшим образом объясняет, в частности, причины победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Эстетика войны, как исследование военных явлений с точки зрения представлений о красоте, в соответствии с взглядами Н.Л. Кладо, также является неотъемлемой частью создаваемой им философии войны как цельного знания. Вместе с тем, как он сам отмечает, данная часть концепции менее всего им разработана как в силу отсутствия у него необходимых для этого философских знаний,

так и, вероятно, из-за отсутствия должного внимания к данной проблематике в научной литературе (что характерно для нее и по сей день) (Кузмин, 1904: 112).

Н.Л. Кладо отмечал, что люди очень различаются по существующим в них комбинациям познавательных способностей ума и чувства. И для того, чтобы «познание воспринималось не отдельными людьми, а человечеством, чтобы оно охватывало все стороны его собирательного духа, и таким путем побуждало его к действительному применению этого познания в жизни, необходимо, чтобы это познание воспринималось и путем чувства красоты» (Кладо, 1918: 109).

Красота, в соответствии с его представлениями, – внешнее выражение в известных формах (природных или художественных) смысла или разума (логоса) всего существующего, его целесообразности и мудрости. Она действует на чувства и является для человечества одним из средств познания, способствуя образованию цельного познания, охватывающего все стороны человеческого духа.

Красота как средство познания очень важна для создаваемой им философии войны в силу следующих ее особенностей:

- она дает познание *непосредственно* и мгновенно, без какой либо работы ума, хотя и не обладает той ясностью, которой отличается познание, добытое мышлением;
- доступна и понятна множеству людей (по самой природе своей, по непосредственности своего воздействия, восприятие истины об известном явлении через чувствование проявляющейся в нем красоты захватывает большой круг людей, а, значит, доступна широким массам);
- это познание хотя и остается не столь прочно в сознании, но в самый момент его воздействия сила этого воздействия может быть очень велика;
- красота имеет предварительное значение, будучи лишь ступенью к истинному знанию (Гегель) (Гегель, 1971: 55);
- красота в явлении войны, и провидение через эту красоту истины о войне, с наибольшей силой проявляются именно во время войны, поэтому именно в это время философия войны должна подбирать материал для построения эстетики войны (Кладо, 1918: 110).

«Особенность области художественного творчества в том и состоит, – писал Н.Л. Кладо, – что в ней говорят языком, не подчиняющимся законам логики. Образы здесь часто неясны, таинственны и фантастичны, и определенные созвучия слов создают лишь известные настроения. Но эти настроения открывают для множества людей возможность почувствовать и созерцать верную сущность – и в этом огромная сила и значение этих настроений и для науки и поэтому наука должна изучать способы создания этих настроений» (Кладо, 1918: 125).

Н.Л. Кладо формулирует задачи *философии войны по использованию искусства (художества)*:

- воспользоваться языком искусства как языком, понятным для того множества, которое недостаточно поддается выводам логического мышления;
- для тех же, кто поддается логическим выводам, язык искусства должен дополнять и подкреплять то, что постигнуто умом.

«По указанию философии войны, – отмечает он, – государством должны быть использованы все виды искусства – литература, музыка и пластика, и это будет могущественным средством моральной подготовки государства к войне, а также мощным объединяющим весь народ стимулом победы в ней» (Кладо, 1918: 111).

Непосредственно же задачи эстетики войны как составной части философии войны он видел в том, чтобы запечатлеть и сохранить для человечества смысл войны, постигнутый путем чувства красоты. «Запечатление же и сохранение той формы этого смысла, которая создавалась не путем кропотливого анализа и длительной работы мышления (это работа логики войны), а создавалась мгновенно, явившись непосредственно духовным взорам людей, способным чувствовать объективную красоту – это задача той дисциплины философии войны, которую мы называем эстетикой войны» (Кладо, 1918: 112). Для военной науки также очень важно, что ощущение красоты войны должно быть неразрывно связано с желанием победы.

Вместе с тем он отмечал, что эстетика и этика войны без логики войны могут дать практической деятельности ложное направление. Чувство красоты и блага, не сливающиеся с истиной, могут быть очень сильны и могут подвигнуть людей на энергичную деятельность, но приведет это только к отрицательному результату, ибо чувства и воля могут заставить действовать, но они могут и ошибаться, т.е. направлять деятельность по ложному пути. В основу их должна быть положена истина. Только тогда они получают настоящую ценность. (Кладо, 1918: 138).

Красота войны предстает, по Н.Л. Кладо, в различных видах:

- как красота бескорыстного подвига с жертвой жизнью для блага других и нравственного обновления;
- как красота духовного перерождения с подавлением эгоизма и устремлением к добру;
- как красота мощи и упоения своей силой.

Кроме того, ссылаясь на высказывания известных мыслителей прошлого, писателей, политиков и др., взятых им из сборника «Война в мнениях передовых людей» (Кузмин, 1904: 128), он отмечает следующие особенности войны, трактуя их также как проявление ее красоты:

- укрепление нравственного здоровья народа и в этом высшее назначение войны (Гегель); (Гегель, 1971: 56);
- создание возможностей народам открыть себя в лучших своих проявлениях во время войны (П. Миллюков) (Миллюков, 1903: 128);
- способствование духовному подъему (И. Ильин), пробуждению творческого национального сознания (Н. Бердяев), крушению засилия мещанства и идеи эволюции (С. Булгаков);
- война сильна величием подвига, и чем ужаснее бои, тем более в них трагической красоты. (Кладо, 1918: 114).

Эстетизация войны осуществляется Н.Л. Кладо ради решения основной задачи – всестороннего и наиболее полного познания ее сущности, и не только с помощью разума, но и с помощью чувств. Эстетика в данном случае выступает как инструмент этого познания. Однако, в своем стремлении отыскать красоту войны и доказать, что она существует, Н.Л. Кладо абсолютизирует ее, рассматривая категорию «прекрасное» в отрыве от других категорий эстетики, игнорируя такие ее категории как «безобразное», «низменное», «трагическое» и др., с помощью которых можно было бы получить более полное представление о сущности войны и ее противоречивом, деструктивном характере (Бычков, 2003: 92).

Безусловно, в войне есть своя эстетика, как есть она в любом социальном явлении. Она и в строгой, четкой геометрии линий военной техники, красоте парадов и формы военнослужащих, торжественности военных маршей, героизме и величии подвига, ни с чем не сравнимой радости победы и т.п. Часто именно во время войны создаются великие произведения живописи, литературы, музыки (Можаев, 2010: 112).

Однако односторонний поиск «красоты войны» в отрыве от анализа ее очевидных страшных, негативных последствий, отбрасывающих человечество в своем развитии далеко назад, приводит Н.Л. Кладо к абсолютизации прогрессивной роли войны без учета ее содержания и характера и, в конечном счете, обретению веры в то, что на развалинах мирового пожара зародится новая жизнь, более светлая и прекрасная, чем бывшая раньше. Подобный подход и не позволил Н.Л. Кладо в полной мере раскрыть противоречивую, парадоксальную сущность войны.

Н.Л. Кладо придавал большое значение необходимости разработки проблем эстетики войны и считал, что «трудами будущих работников науки о войне эстетика войны может быть развита в научную дисциплину», и в будущем станет составной частью общей эстетики, чтобы войти в общее образование человечества (Кладо, 1918: 124-125).

Мир и война – принципиально разные, взаимоисключающие состояния общества и межобщественных отношений. Когда мы характеризуем состояние словом «мир», то имеем в виду отсутствие военной борьбы. И наоборот: война означает наличие этой борьбы, подчинение ее интересам мирного уклада жизни. Чем ожесточеннее эта борьба, тем больше это подчинение. Мир и война – разные формы исторического бытия одного и того же человеческого общества и его отношения с другими обществами. Как мир, так и войну нельзя понять вне единого потока общественной жизни, хотя роли войны и мира в этом потоке принципиально различны.

5. Заключение

Анализ взглядов Н.Л. Кладо на философию войны с позиций современных представлений свидетельствует, что им была создана оригинальная концепция. Оригинальность ее в том и состоит, что, будучи профессиональным военным, Н.Л. Кладо стремился соединить военную теорию (стратегию) с философией (гносеологией) для создания «цельного, жизненного знания о войне». И хотя в силу объективных обстоятельств его жизни данная концепция не была всесторонне им проработана, высказанные в ходе ее разработки и обоснования идеи представляют несомненный научный интерес. Наиболее значимыми из них, на наш взгляд, являются следующие:

1. Осознание необходимости философского осмысления проблем войны, без которого невозможно постичь в полной мере ее суть, создать «цельное, жизненное знание о войне», которое могло бы служить практическим руководством, способствовало бы соединению теории и практики, военной науки с жизнью.

2. Невозможность создания философии войны (военного дела) без глубокого знания теории войны, т.е. абстрактно, умозрительно. Никто сегодня не будет отрицать тот факт, что для создания, в частности, современной философии гибридной войны, необходимо глубоко и детально изучить ее стратегию, иначе все суждения о ней будут носить абстрактный и оторванный от реальности характер.

3. Понимание необходимости разработки теоретико-методологических и гносеологических основ философии войны.

4. Акцент на познавательные возможности концепции войны, обоснование необходимости всестороннего ее познания – через логику, чувства, волю.

5. Выделение и разработка как совершенно особых, в рамках общей концепции, проблем этики и эстетики войны как составных частей философии войны, позволяющих более полно раскрыть ее сущность, обоснование того, что «их изучение будет иметь самые благоприятные последствия для практической военной деятельности».

«Итак, – завершает свой вывод жизни генерал по Адмиралтейству Н.Л. Кладо, – собственность хоть и привносит инициативу, но пробуждает в людях агрессию. И поскольку человек несовершенен по природе, постольку и войны неизбежны» (Кладо, 1997: 230). Здесь следует добавить из опыта дня сегодняшнего – какую бы форму эти войны не принимали: холодную, тайную, террористическую, экономическую или еще какую-то иную. Не будем также забывать, что обе мировые войны предварялись острым экономическим противоборством, чередой «малых» войн, перекраиванием карты мира, межнациональной враждой, геноцидом и всплеском террора... И потому, безоглядный пацифизм, по Кладо, вреден. Он обезоруживает еще до начала войны. Задача же государства – всегда держать Вооруженные Силы отмобилизованными; народ – готовым к испытаниям. Но сама война – дело профессионалов, поддержанных общественным мнением.

Являясь при своей жизни непризнанным классиком отечественной военной стратегии, Николай Лаврентьевич Кладо в своих малоизвестных широкой аудитории трудах вскрыл достаточно объемный пласт и геополитических проблем России того времени, которые не были решены, к сожалению, царским правительством. Многие из них и поныне представляют определенную трудность в разрешении, особенно после того, когда территория России в 1990-х годах уменьшилась почти на 25 %, и существенно ограничился выход нашего государства в мировой океан.

В заключении хотелось бы сделать один краткий и важный вывод – труды нашего классика отечественной военной стратегии, несомненно, имеют огромное значение для геополитического будущего России.

6. Литература

Бычков, 2003 – Бычков В.В. Феномен неклассического эстетического сознания. Ч. 2 // *Вопросы философии*. 2003. № 12. С. 91–94.

Ветер, 2002 – Ветер Андрей. Заметки о Николае Кладо // *Литературная Россия*, 2002. № 28. С. 4-8.

Гегель, 1971 – Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. М., 1970–1972.

Кладо, 1997 – Кладо Н.Л. Этюды о стратегии. М.: Клуб «Реалисты», 1997. 352 с.

Кладо, 1914 – Кладо Н.Л. О теории военной науки // *Морской сборник*. 1914. №7. С. 138-146.

Кладо, 1909 – Кладо Н.Л. Введение в курс военно-морского искусства. СПб., 1909. 486 с.

Кладо, 1918 – Кладо Н.Л. Стратегия. Введение. Петроград, Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1918. 140 с.

Кузмин, 1904 – Кузмин С. Война в мнениях передовых людей. СПб., 1904. 375 с.

Милуков, 1903 – Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры (в 3 частях), СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1896–1903.

Можаев, 2010 – Можаев А.Б. Верноподданные России. Сборник мужества. Н.Л. Кладо. Издательство: Традиция, 2010. 128 с.

Музиль, 1984 – Музиль Р. Человек без свойств: В 2 т. М., 1984.

Печенкин, 2015 – Печенкин А.А. Философия войны: история и современность // Новые идеи в философии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра, 2015. С. 27-33.

Соловьев, 1988 – Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. Сочинения в 2-х т. М.: "Мысль", 1988. Т. 2. С. 340-388.

Klado, 1905 – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.

Safra, 2000 – Safra G. The Aesthetics in the Constitution of Self // Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва. 28–30 августа 2000 г. М., 2001. 349 с.

References:

Bichkov, 2003 – Bichkov V.B. (2003). Fenomen neklassicheskogo esteticheskogo soznaniya [Phenomenon of nonclassical aesthetical consciousness. part 2]. *Voprosy filosofii*. № 12. pp. 91–94. [in Russian]

Veter, 2002 – Veter A. (2002). Zametki o Nikolae Klado [Notes about Nikolai Klado]. *Literaturnaya Rossiya*, № 28. pp. 4–8. [in Russian]

Hegel, 1971 – Hegel G.V.F. (1971). Nauka logiki [Science of the logic]: In 3 t. M. [in Russian]

Klado, 1914 – Klado N.L. (1914). O teorii voennoi nauki [On the theory of military science]. *Morskoi sbornik*. № 7. pp. 138–146. [in Russian]

Klado, 1909 – Klado N.L. (1909). Vvedenie v kurs voenno-morskogo iskusstva [Introduction into the course of naval art]. St. Petersburg. 486 p. [in Russian]

Klado, 1918 – Klado N.L. (1918). Strategiya. Vvedenie [Strategy. Introduction]. Petrograd: Tipografiya Morskogo Ministerstva v Glavnom Admiralteistve. 140 p. [in Russian]

Klado, 1997 – Klado N.L. (1997). Etyudy o strategii [Studies about strategy]. M.: club “realists”. 352 p. [in Russian]

Kuzmin, 1904 – Kuzmin S. (1904). Voina v mneniyakh peredovykh lyudei [War in the opinions of progressive-minded people]. St. Petersburg. 375 p. [in Russian]

[Milyukov, 1903](#) – *Milyukov P.N.* (1903). Ocherki po istorii russkoi kul'tury (v 3 chastyakh) [Descriptions on the history of Russian culture (in 3 the parts)]. St. Petersburg: Izdanie zhurnala «Mir Bozhii», 1896-1903. [in Russian]

[Mozhaev, 2010](#) – *Mozhaev A.B.* (2010). Vernopoddannye Rossii. Pobornik muzhestva. N.L. Klado [Vernopoddannye of Russia. Advocate of courage. N.L. Treasure]. Publishing house: Tradition. 128 p. [in Russian]

[Muzil, 1984](#) – *Muzil R.* (1984). Chelovek bez svoistv [Men without the properties]: In 2 t. M. [in Russian]

[Pechenkin, 2015](#) – *Pechenkin A.A.* (2015). Filosofiya voiny: istoriya i sovremennost' [Philosophy of the war: history and the present is text] / Novye idei v filosofii: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', April 2015 g.). Perm: Zebra. pp. 27–33. [in Russian]

[Solovyev, 1988](#) – *Solovyev V.S.* (1988). Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya. Sochineniya v 2-kh t [Philosophical beginnings of one-piece knowledge. Compositions in 2-nd t.] M.: "Thought". T. 2, pp. 340–388. [in Russian]

[Klado, 1905](#) – *Klado N.* (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.

[Safra, 2000](#) – *Safra G.* (2000). The Aesthetics in the Constitution of Self. / Solov'evskii sbornik. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «V.S. Solov'ev i ego filosofskoe nasledie». Moskva. 28–30 avgusta 2000 g. M. 349 p. [in Russian]

УДК 355.014

Гносеологические основы философии войны Н.Л. Кладо

Нина Владимировна Зубрицкая ^{a, *}, Юрий Федорович Каторин ^b, Юрий Николаевич Макаров ^c,
Валентина Анатольевна Агеева ^d

^a Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, Российская Федерация

^b Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^d Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация

Аннотация. Поскольку как таковой полной и стройной системы рассмотрения войны с позиции именно философии нет, то в данной статье анализируются теоретико-методологические и гносеологические основы философии военного дела (войны) русского военного теоретика рубежа XIX–XX веков Николая Лаврентьевича Кладо, оценивается его вклад в осмысление проблем природы и сущности войны, создание оригинальной концепции философии войны именно в том виде, какой она видится глазами профессионального военного-мыслителя, раскрывается суть его концепции войны как «цельного, жизненного знания», а также вклад в становление и развитие отечественной философии войны. К группе социальных военных наук Кладо относил только знания духовной стороны человека в общественной жизни на войне. Таковыми он считал стратегию, тактику, военную организацию, историю военного искусства. Остальные знания, по его мнению, относятся к военно-техническим областям, входящим в соответствующие технические науки, и являются отраслями военного дела.

Ключевые слова: философия войны, гносеологические основы, логика войны, этика войны, нравственные аспекты деятельности профессионального военного, эстетика войны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: NinaZubr@yandex.ru (Н.В. Зубрицкая), katorin@mail.ru (Ю.Ф. Каторин), ageewa.75@mail.ru (В.А. Агеева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1093-1101, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1093
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+571)

The Problems of Forming the Image of a Foreign State in the Periodicals of the Russian Empire (1905–1917)

Yuliya G. Blagoder^{a, *}

^a Kuban State Technological University, Russian Federation

Abstract

The study of the Russian periodical press is of great importance. In the early 20th century it performed educational functions, was the only available source of information about international life, played an important role in shaping the image of a foreign state, the stereotypes of perception of cultures of other peoples. This article presents an analysis of articles from the early 20th century about China. They were published in the newspapers and magazines of St. Petersburg, Moscow and the provincial cities of the Russian Empire. These printed periodicals were intended for the educated elite and the general population. The spheres of Chinese public life have been revealed, which have become the basis for the formation of ideas about China in Russian society. Analyzes interesting stories, topical issues, developments in China, that have attracted the most attention of Russian journalists and publishers. The main attention is paid to the description of the revolutionary events in China, the peculiarities of the Russian-Chinese social-cultural interaction. The image of an exotic country disappears. Its place is taken by the image of a dynamically developing country. Attention is focused on the coverage in newspapers and magazines of the policy of the Russian government in the Far East and in China. Documents, memoirs, essays of Russian travelers, diplomats, military men and still little known to the scientific world of publicists were used. Specific examples show the dependence of the image of a foreign state (China) on the ideological orientation of a printed periodical and the political and economic interests of the Russian Empire in Asia.

Keywords: The Russian Empire, foreign policy of Russia, Russian – Chinese social-cultural interaction, news agencies, Russian periodicals, The Chinese Empire, the image of China.

1. Введение

Активное использование в XXI веке коммуникативных каналов превращает средства массовой информации в эффективный инструмент формирования общественного мнения. Выявление и анализ новых исторических источников актуальны для академической науки, а изучение периодики, способной формировать стереотипы восприятия многих (чужих) самобытных культур (на примере китайской), имеет прикладное значение. Периодика, охватывавшая широкую читательскую аудиторию в различных уголках как, в свое время, Российской империи, так и современной России, предоставляет собой разнообразный (по идеологической направленности, объему информации, литературным жанрам) материал для исследований по китаеведной проблематике, позволяет создать многогранный образ Китая, который складывался на страницах печати и транслировался в различные социальные группы.

Современные политическая элита, предпринимательские круги и ученые обращают все более пристальное внимание на Китай, который в последнее время становится объектом научного интереса

* Corresponding author

E-mail addresses: blagoder_1@mail.ru (Yu.G. Blagoder)

во всем мире, поскольку представляет собой ведущего политического актора, влияющего на решение множества вопросов регионального и мирового уровня.

Отечественная наука располагает исследованиями истории российской периодической печати, роли отдельных изданий в распространении знаний об иностранных государствах, но вопрос о том, как освещала российская печать историю и культуру Китая, события, происходившие в начале XX века в этой стране и на российском Дальнем Востоке, изучен недостаточно.

Между тем, в начале XX в. периодическая печать являлась незаменимым и полноценным институтом формирования представлений россиян об иностранных государствах, трансляции их образов в сознание широких слоев населения и с течением времени трансформации и образа государства, и общественного мнения. Частота появления статей, освещающих вопросы «китаеведной тематики», говорила о степени заинтересованности в получении достоверной информации. Выбор фактов, которые казались авторам наиболее важными, трактовка явлений и событий, их оценки, воздействуя на читателей, влияли на конструирование образа Китая и, как следствие, на характер и интенсивность российско-китайского социокультурного взаимодействия.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в привлечении широкого спектра печатных периодических изданий в качестве основного исторического источника для комплексного изучения принципов формирования образа иностранного государства. Результаты могут быть использованы при обработке вводимых в научный оборот материалов газет и журналов по исследуемой тематике, составлении обобщающих трудов, чтении различных лекционных курсов социально-гуманитарной направленности, подготовке учебных пособий по курсам исторического направления.

2. Материалы и методы

2.1 Российско-китайские отношения имеют длительную историю. Неудачи в реализации планов установления крепких добрососедских связей соседствовали с успехами в урегулировании пограничных споров и укреплении взаимопонимания. Постепенно складывались разнообразные пути поступления информации о сопредельной державе. Одним из важнейших стала периодическая печать.

Несмотря на то, что поступление сведений не было интенсивным, число россиян, интересующихся прошлым и настоящим Китая, постепенно увеличивалось. Об этом свидетельствовал рост числа статей. Впервые для описания образа Китая (1905–1917 гг.) в качестве основного исторического источника привлечено 25 различных по формату печати столичных и провинциальных периодических издания. Журналы научно-просветительских организаций и образовательных учреждений, а также издания, ориентированные на профессионально подготовленного читателя, намеренно не использовались. Для данного исследования представляет интерес печатный материал, доступный широким слоям населения. Были выявлены, систематизированы и подвергнуты качественному и количественному анализу идеологически и тематически разнообразные, отличающиеся по стилю, жанрам и объему информации 242 статьи, содержащие сведения о Китае.

Периодика была разделена на группы по различным параметрам:

1. Журналы. В зависимости от тематической направленности издания: историко-литературные («Вестник иностранной литературы», «Исторический вестник», «Русский архив»); литературно-политические («Вестник Европы», «Полярная звезда», «Русская мысль», «Северные записки»); научно-популярные с литературным уклоном («Вестник знания», «Весь мир», «Журнал для всех», «Мир Божий» (с октября 1906 г. «Современный мир»), «Образование», «Русское богатство» (с 1914 г. «Русские записки»); научно-популярные одновременно с литературным и политическим уклоном («Мир», «Нива»). Данные журналы пользовались в 1905–1917 гг. наибольшей популярностью. Они извещали о текущих событиях, анализировали политическую ситуацию, знакомили с литературными новинками. Это позволило привлечь внимание общественности и увеличить тиражи, пропагандировать научные достижения, формировать эстетические вкусы аудитории.

2. Журналы и газеты. В зависимости от идеологической направленности издания: консервативные («Россия», «Русское знамя»), либеральные («Русское богатство», «Вестник Европы», «Русское слово», «Речь»), умеренно-либеральные («Полярная звезда», «Русская мысль», «Голос правды»), демократические («Всемирная иллюстрация» – приложение к «Московскому листку»), радикально-демократические («Искра», «Правда», «Невская звезда»). Российская история начала XX в. была насыщена знаменательными событиями внутригосударственного и межгосударственного масштабов. Периодика искала «своего» читателя, объединяла тех, кто разделял идеологическую позицию и оценки авторов. Появлялись новые читательские аудитории: крестьяне, рабочие, провинциальная интеллигенция и буржуазия среднего достатка и др. Дешевые бульварные издания с универсальным содержанием приучали к чтению периодики неподготовленную аудиторию – малообразованных читателей, которые постепенно приобщались к общественной жизни. В демократических изданиях звучала острая критика в адрес российского правительства, обирающего собственный народ для проведения в Китае захватнической политики в интересах элитарных кругов. Либеральная и консервативная публицистика, отражавшая взгляды противоборствующих групп

российской политической элиты, аристократии, разночинной интеллигенции, поднимала проблемные вопросы, подпитывала дискуссии о специфике европейской, русской и азиатской культур, противоречиях мировых держав в Азии, интересах России на Дальнем Востоке.

3. Газеты. В зависимости от места издания: столичные («Санкт-Петербургские ведомости», «Голос правды», «Невская правда», «Правда», «Россия», «Русское знамя», «Речь»); московские («Московские ведомости», «Русское слово», «Всемирная иллюстрация» – приложение к «Московскому листку»), провинциальные («Амурская газета», «Далекая окраина»). Изучение региональной прессы предотвращает ошибочные суждения, которые могут появиться в результате перенесения характеристик столичной культуры на территорию всей империи. Тиражи выпусков, качественная характеристика, объем и частота появления информации о Китае выявляют отличия газетной продукции от журнальной, столичной периодики от провинциальной.

Автор не ставит перед собой цель перечислять все публикации изучаемого периода. Главное – выделение различных подходов в освещении явлений и событий, характеристика позиций и оценок очевидцев, выявление тематической направленности статей и степени заинтересованности редакционных коллегий и издателей в публикации материалов китаеведной тематики. При отборе изданий для проведения исследования учитывалась их роль в общественно-политической жизни своего времени, значительный охват столичной и провинциальной читательской аудитории.

2.2. Фундаментальные основы и методологические подходы к осмыслению истории российско-китайских отношений, изучению этнокультурных особенностей и истории взаимодействия стран и народов, которые служат базой для современных исследований, заложены академиками РАН С.Л. Тихвинским и В.С. Мясниковым.

Впервые в отечественной и зарубежной историографии для анализа взаимосвязей России и Китая в XVII – начале XX вв. профессором Н.А. Самойловым была разработана и применена концепция социокультурного взаимодействия. С помощью различных исторических источников им была выявлена специфика и отмечена динамика процесса социокультурного взаимодействия в континууме исторического развития китайского и российского общества. В данной статье под углом зрения этой концепции дан анализ образа Китая, сформированного в процессе российско-китайских отношений и под влиянием печатных периодических изданий. Это позволило публикациям, как историческому источнику, раскрыться одновременно с различных сторон. В связи с этим использование концепции социокультурного взаимодействия в качестве теоретико-методологической основы делает изучение процесса формирования образа Китая на основе анализа литературных и изобразительных материалов печатных периодических изданий наиболее продуктивным.

3. Обсуждение

Отечественные ученые С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников, Л.П. Делюсин, А.А. Бокщанин, А.И. Кобзев и другие осуществили серьезную работу в области изучения истории и культуры Китая, подбора и анализа источников, касающихся российско-китайского взаимодействия. Изучением в России образа Китая занимались О.Л. Фишман, Б.Б. Вахтин, Т.Ю. Запоев, Е.И. Кычанов, В.В. Малявин, В.И. Исаченко. Особо следует выделить комплексные исследования образа Китая в России, проведенные Н.А. Самойловым и А.В. Лукиным. Ученые, используя различные методологические подходы, представляют историю формирования образа Китая в сознании россиян, отмечают влияние взаимных представлений и стереотипов на отношения представителей разных народов друг к другу.

До настоящего времени образ Китая изучался на основе письменных свидетельств очевидцев событий, происходящих в этой восточной стране, и вещественных памятников. Периодика привлекалась выборочно и бессистемно, а в качестве основного источника информации широкий спектр печатных изданий не рассматривался. Отдельные вопросы российско-китайского взаимодействия, используя периодическую печать, осветили Т.М. Кудрявцева, Я.С. Гузей.

Пресса формировала образ Китая. Степень его зависимости от политики правительства Российской империи, идеологической направленности печатного издания, уровня осведомленности авторов статей и, как следствие, читателей, в качестве проблемы, требующей научного исследования, обозначивалась, но не разрешалась. Настоящее исследование (часть комплексного научного изыскания, охватывающего временной интервал «середина XIX – 1917 г.») отличает проведение многостороннего анализа российских газетных и журнальных публикаций о Китае, выявление масштаба их воздействия на формирование и трансформацию образа этой азиатской страны.

4. Результаты

Несмотря на рост публикационной активности, как писал Л.И. Гальберштадт на страницах «Вестника Европы», интерес к Китаю в широких слоях российского общества еще ограничен, «русские в знании жизни своих соседей далеко отстали от иностранцев, между тем, как русскому обществу более чем какому-либо иному, необходимо это знание» (Дальченко, 1906: 498).

Для составления более четкого образа Китая, который формировался печатными периодическими изданиями, выделим разделы, в которых наиболее часто упоминались отдельные сферы общественной жизни и деятельности.

История Китая.

Особенностью изучаемого периода (1905–1917 гг.) стала немногочисленность трудов в печатных периодических изданиях об истории Китая и русско-китайских отношениях. Возможно, причиной тому был выход в свет в предшествующие годы большого числа статей и монографий по данной тематике. Кроме того, общественность была заинтересована насущными проблемами текущего времени и оставляла без внимания статьи о древнейшем периоде развития китайского общества. Исключение составляют статьи в журналах «Вестник знания», «Вестник Европы», «Русский архив». В них утверждалось, что различие культур и схожесть политических интересов двух держав предопределяли характер складывающихся между ними отношений.

Россия на Дальнем Востоке.

Российско-японское противостояние пробудило интерес широких слоев населения к азиатскому региону, но, завершив войну в 1905 г., «мы торопливо постарались забыть о Дальнем Востоке: ... нас не встревожили шумливые предостережения В.И. Немировича-Данченко, объехавшего Китай и Японию, не взволновали бурные прения в законодательных учреждениях по поводу постройки Амурской железной дороги. Мы – русское общество – положительно хотели забыть, не знать, не ведать... но вопросы Дальнего Востока снова стоят на очереди» (Гальберштадт, 1909: 164). Заявили о себе неразрешенные проблемы: определение принципов взаимодействия с Японией и Китаем, союзом европейских держав-колонизаторов. Особое внимание уделялось экономическим вопросам, связанным как с собственными приграничными землями, так и интересами за пределами отечества.

Несмотря на то, что «дорожное дело находилось в самом плачевном положении» и «для борьбы с ужасающей заболеваемостью переселенческая организация не располагала ни достаточно организованными лечебницами, ни собственным персоналом» (Кауфман, 1909: 62), золотые россыпи Маньчжурии, колоссальные лесные богатства Кореи, привольные степи Монголии, богатейшие залежи каменного угля на Сахалине и неисчерпаемые рыбные богатства Приамурья и Камчатки «прельщали воображение и будили промышленный инстинкт не только господ Безобразовых и т.п. придворных комиссионеров великосветских дам, но и русской буржуазии» (Минин, 1908: 2). Журналы «Сибирские вопросы», «Вестник Европы» задавали острые вопросы о том, к примеру, куда идут миллионные прибыли от эксплуатации КВЖД, и без стеснения именовали российскую колонизацию Дальнего Востока примером неудачного ведения общественно значимых дел.

Среди потока критических комментариев встречались и рассказы о славных победах первых русских колонистов, успехах развития богатых промыслов и торговли, строительства предприятий обрабатывающей промышленности, появлении школ и здравоохранительных учреждений. Эти успехи позволяли прогрессивной части российского общества оптимистично смотреть в будущее и продвигать идею коренных изменений системы управления на Дальнем Востоке.

Реформы в Китае.

Лучшие слои китайского общества «живо чувствовали унижение своей родины и давно мечтали о ее национальном возрождении» (Общественная жизнь, 1912: 12). В Китае, как и России, вдохновителем реформаторского движения являлся образованный слой населения. Новаторы не желали уподобления жизни европейских народов, но предлагали «взять» у Запада промышленную и военную технику, схему организации политической системы. Они надеялись, что их родина, «сравнившись с Европой в техническом умении и целесообразности своих учреждений, будет превосходить ее своей терпимостью, несклонностью к религиозным и национальным распрям, вражде одного общественного класса к другому. Покорит мир святая мудрость Конфуция, завещавшего жить в мире и труде» (Бикерман, 1916: 228). Переживая с древнейших времен междоусобицы, смены династий, поглощение победителей побежденными, китайцы сохраняли национальную самобытность. Как отмечали журналы «Весь мир», «Вестник знания», «Русская мысль», «Вестник иностранной литературы», «Мир», коренным образом изменили жизнь страны революционные события XX в.

Анализ статей газеты «Санкт-Петербургские ведомости» показал, что такое неординарное и судьбоносное событие, как Синьхайская революция, не стало предметом особого внимания российских публицистов того времени. В выпусках за первое полугодие 1911 г. предреволюционные события остались без комментариев. Краткие тревожные сообщения иностранных агентств о событиях, происходящих в Китае, появились на страницах популярной столичной газеты лишь во втором полугодии 1911 г. Все декабрьские номера упоминали о вспыхнувшем антиправительственном движении, захвате городов, убийствах маньчжур, переходе вооруженных сил на сторону восставших и ответной военной операции правительственных сил. Российский читатель имел общее представление о проектах прекращения противостояния Сунь Ятсена и Юань Шикая, требованиях Конституционной партии и революционных сил, имевших поддержку миллионов людей, надеявшихся на торжество справедливости. Писали о собраниях революционеров в Шанхае, их решении провозгласить и, в конечном счете, провозглашении президентом Сунь Ятсена, подготовке к нападению на Пекин, переговорах республиканцев с правительством. Противники радикальных преобразований в России понимали, что маньчжурское правительство обречено на гибель, а «свобода диких инстинктов борцов за республику, может угрожать... всякому социальному порядку в Китайской империи» (Китайская революция, 1911: 4). Вновь заговорили о «желтой опасности», исходящей от «движущегося на Запад

громчайшего дракона, который примет крылья аэропланов и потребует от Европы реванша за все несправедливости, совершенные европейцами в Китае» (*Желтая опасность, 1911: 4*). Следует отметить, что новости из Китая не были предметом бурного обсуждения на страницах данного популярного издания и не выделялись в качестве сенсационных.

Китайская тема в год революционных потрясений Цинской империи находила освещение в газете «Речь» – рупоре российской партии Конституционных демократов. Во всех разделах доминировала информация телеграфных агентств. Статей о Китае, по сравнению с другими изданиями, было мало. Звучали пессимистические заявления российских политиков: «реформы династии Цин, думающей о собственном сохранении, – обман, лицемерие ... а конституционалисты – жертвы обмана» (*Милуков. Ч.2, 1911: 2*). Цинский двор и бюрократия, защищая старые порядки, препятствуют прогрессу, закрывают глаза на слабое управление и продажность чиновников. Из-за роста антиманьчжурских настроений неминуемо «рядом с реформизмом появляется революционная доктрина» (*Милуков. Ч.1, 1911: 2*). Партия кадетов поддерживала реформаторскую программу младокитайцев, но осуждала путь насилия, избранный ими. Публикации, рассказывающие об истории зарубежных государств, в том числе и Китая, были призваны служить не столько целям просвещения, сколько убеждению соотечественников поддержать мирный путь социально-экономических реформ, укоренения правового регулирования межсословных отношений и развития парламентаризма.

Несмотря на русофильские позиции издателей, редакторов и сотрудников-публицистов в газете черносотенцев «Русское знамя» появлялись заметки о событиях, происходящих за пределами Отечества. Информация собиралась из различных источников: европейских телеграфных агентств, имевших корреспондентов в Китае и других азиатских странах, российских журналистов, работавших в Европе, китайских газет. О необходимости развивать дружеские отношения с Китаем говорили в контексте выгод коммерческих проектов и противостояния зарубежным соперникам в регионе и отбирали из обилия зарубежной корреспонденции те заметки, в которых звучала националистическая тема. По мнению этой газеты, известия, поступающие с Дальнего Востока, говорили о надвигающейся на Россию грозе. Усматривалось сходство Китая 1911 г. с революционной Россией 1906 г. О негативном отношении черносотенцев к антимонархическим выступлениям в Китае свидетельствовали, помимо явной критики, и заголовки статей («Смута в Китае», «К китайской смуте», «Китайская смута»). Особенностью данного издания является краткость, информативность, прагматичность, невнимание к позитивным переменам, происходившим в Китайском государстве, использование неподтвержденной информации из различных источников.

Несмотря на интриги и борьбу за влияние в придворных кругах, вражду маньчжурских и китайских партий, политическая жизнь в Китае «идет скорее твердыми, чем колеблющимися шагами», – пишет «Вестник Европы» (*Корсаков, 1909: 363*). Приобретает новый облик государственное устройство и вся административная система, вводится конституция и начинает работу парламент, распространяется самоуправление, оживляется работа в области просвещения, развертывают широкую деятельность политические партии, переоснащается армия. Журнал «Русское богатство» высказывал надежду, что «Китай войдет в семью цивилизованных наций не сквозь дым пожаров и не среди зловещего гула пушек, а путем коренного глубокого назревшего преобразования своих одряхлевших политических учреждений и замены их свободным строем» (*Кудрин, 1909: 64*).

Многие публицисты старались обходить стороной факты, свидетельствующие о том, как передовые промышленные державы «навалились на Восток, и, запустив цепкие пальцы, ласково нашептывали ему в ухо свои краткие истины» (*Вересаев, 1906: 13*). Как отмечал «Вестник Европы», «в душе китайского народа много накопилось горечи, и прочно осела ненависть к своим просвещенным западной цивилизацией поработителям» (*Дальченко, 1906: 498*). После ихэтуанского восстания Европа увидела Китай в ином свете. «Народился Новый Китай, угрожающий опасными потрясениями нравственно выродившейся государственной жизни Европы», – продолжает обсуждение этой темы журнал «Весь мир» (*Пробуждение Китая, 1910: 20*). Научно-политический журнал «Жизнь» писал, что наш тайный страх перед «желтой опасностью» в своей основе – боязнь не азиатского, а европейского варварства. По мнению журнала «Вестник иностранной литературы», «пробуждение Дракона кроется в недалёковидной политике Европы» (*Заграничная хроника, 1912: 20*).

Европейские державы и Япония искусно направляли агрессию Китая на Россию, престиж которой был подорван в 1905 г. Опасаясь, что, объединившись, Россия и Япония аннексируют Маньчжурию и Монголию, китайское правительство делало попытки подвергнуть пересмотру договоры с Россией 1858, 1860, 1881 гг., укрепляло берег Амура, увеличивало объем продукции оружейных заводов, вело антирусскую и антияпонскую пропаганду. Все чаще на КВЖД устраивались крушения составов, китайцы покидали российские города, а оставшиеся в них едва сдерживали ненависть к русским. К полемике дипломатов присоединилась периодическая печать. В официальных газетах приводились факты о притеснениях российских торговцев.

Как отмечает профессор Н.А. Самойлов, «российско-китайский фронт с момента его возникновения представлял собой пространство активного социокультурного взаимодействия и выступал в роли контактной зоны, в рамках которой в различных сферах культурной и социальной жизни взаимодействовали представители двух народов» (*Самойлов, 2014: 43*). Повседневное общение

с китайцами в городах и поселениях Дальнего Востока породило разнообразные оценки: «имиджу «настырного, дерзкого китайца противостоял столь же утвердившийся в умах образ трудолюбивых и дисциплинированных китайских рабочих и крестьян» (Решетов, 2006: 30). В среде малообразованных обывателей китайцы никогда не пользовались особенной симпатией. Подданные Цинской империи постоянно нарушали правила перехода границы, многие жили без регистрации, продавали опиум, содержали развлекательные учреждения (игорные дома и дома терпимости). Конкуренция со стороны китайцев, эксплуатация ими как собственных соотечественников, так и местного населения, долговая кабала (продавали свои товары в кредит), хищническое истребление природного богатства края вызывали недовольство в русском обществе. Отношение российских властей и общественности Дальнего Востока к предпринимательской деятельности китайцев было преимущественно отрицательным, однако предоставление ими дешевых товаров способствовало снижению цен в розничной торговле. Это существенно сглаживало социальные противоречия.

Политические портреты.

Все больше внимания российская периодическая печать уделяла биографическим описаниям, которые придавали особый колорит публикациям и позволяли представить Китай более доступным. Среди исторических персонажей в указанный период на страницах российских журналов упоминается лишь Конфуций – «типичный представитель китайского народа», который, по мнению журнала «Вестник знания», стоит «во главе ряда выдающихся людей, которые выдвинулись в деле освобождения человеческого рода от старых суеверий и пережитых условностей» (Моленар, 1908: 1337).

Среди современников наиболее часто повторялись имена императрицы Цы Си, императора Цзай Тянь (девиз правления Гуансюй), реформаторов Кан Ювэя и Ли Хунчжана, революционера и первого президента Китайской республики Сунь Ятсена, генерала, впоследствии президента Юань Шикая.

Бытовая культура и характер китайцев.

Наиболее рельефно выделились следующие разделы: демографический вопрос, жизнь городского населения, художественное творчество, медицина, образование, трудовая деятельность обывателей, этические и религиозные воззрения китайцев. Начиная с конца XVII в. члены русских посольств много повествовали о жизни состоятельных слоев китайского общества (Благодер, 2011: 48, 64, 81-82, 106). В начале XX в. Китай оказался в сложной экономической и политической ситуации, что в свою очередь ослабило внимание к обособленной жизни обитателей Запретного города. Теперь на передний план «новейшей истории» выходит малоизвестный российскому читателю политический персонаж – китайский народ. Будет ли созидательным его выступление против монархии, никто тогда не мог предугадать. Тем не менее интерес эта многомиллионная сила вызвала необычайный, поэтому издания не упускали возможности знакомить российских читателей с бытом простолюдинов. «Духовный журнал» отмечал благодушие местных людей, которые и «в бедности кажутся довольными» (Вырезки из Хмыровской коллекции ГПИБ. Т. 6: 179).

Как и все азиаты, китайцы строго придерживались традиций и церемоний. Преклонный возраст неизменно пользовался почетом в семье и государстве, которые воспринимались в единстве. Главной ценностью в жизни любого китайца являлась семья, берущая на себя заботу и ответственность за каждого ее члена. «Трудно найти более суеверную страну, нежели Китай» – писал журнал «Весь мир» (Суеверие в Китае, 1916: 31). По наблюдениям российского антрополога и доктора медицины Э.В. Эриксона, в характере китайцев отсутствие грубости сочеталось с долготерпением, прагматичным взглядом на жизнь, добродушием, миролюбием, сдержанностью в эмоциях, спокойным отношением к смерти.

Несмотря на растущее стремление изучать Китай, многие европейцы долгие годы считали эту страну враждебной к иностранцам, а «добрые нравы и приличие – маской, скрывающей внутреннюю порчу нравов, порок» (Вырезки из Хмыровской коллекции ГПИБ. Т. 4: 271). В.М. Алексеев, напротив, называет Китай «страной вежливости и даже, более того, страной приветия» (Алексеев, 1958: 108).

Анализ статей отдельных периодических изданий показал, что российское общество постепенно «привыкало» к Китаю, и он уже не воспринимался далеким и экзотическим.

5. Заключение

Итак, проведенный анализ публикаций 1905–1917 гг., касающихся Китая, показал, что востоковедный материал публиковался нерегулярно и бессистемно, но общее число статей существенно возросло. Достоверные факты научных исследований соседствовали с занимательными сюжетами, рассчитанными на любопытство малообразованного обывателя. Исторические очерки практически отсутствовали. Объем статей этнографического содержания стал скромнее, отдав первенство обзорам текущих политических событий, свидетельствам успехов экономического развития и роста военной мощи республиканского Китая. В бытописаниях доминировали мрачные картины нищеты и бедствий многомиллионного населения страны. Акцентировалось внимание на развитии российского Дальнего Востока.

Поляризация общественного мнения позволила уйти в прошлое однозначным оценкам. Многочисленные публикации в консервативных изданиях о революционных событиях в Китае вместо того, чтобы служить образцом активной реформаторской политики, более ориентировали

российского читателя на поиск причин народной ненависти и насилия в агрессивной политике ведущих мировых держав, а не деспотии маньчжурской аристократии, экономических проблемах, социальных противоречиях.

Либеральная российская публицистика зорко следила за переменами, происходящими на Востоке, и была заинтересована в обсуждении острых проблем, аналогии которым можно было найти в российской действительности. Российские либералы восхищались успехами «соседей» в реформировании отдельных сфер жизнедеятельности общества, которые служили недвусмысленным намеком на слабость и безынициативность собственного правительства.

Безотрадные картины народных бедствий и бесчеловечной жестокости сил китайской революции и контрреволюции российскими монархистами использовались в качестве примера сокрушительной катастрофы, к которой неизбежно приведет ослабление власти. Социал-демократы использовали образ революционного Китая в пропагандистских целях.

Наиболее ошутимая проблема формирования образа иностранного, особенно азиатского, государства заключалась в том, что читатель не имел возможности охватить своим вниманием все печатные периодические издания, которые издавались в Российской империи в определенный временной период. Выбирая по различным критериям ту или иную газету или журнал, читатель попадал в поле интеллектуального влияния публицистов, редакторов, издателей, имеющих собственный взгляд на подготовленную к печати информацию. В зависимости от множества факторов (активности и осведомленности авторов статей, идеологической приверженности издателей, государственной политики и т.д.) на страницах газет и журналов формировался «свой» образ Китая.

В результате опубликованная информация делала знакомство российской публики с Китаем поверхностным, не давала возможности составить многогранный портрет этого государства, рождала противоречивые оценки происходящих в нем событий. Несмотря на отсутствие полной и адекватной информации, благодаря газетам и журналам общественные представления о жизни народов восточных стран расширялись, а образ Китая интенсивно наполнялся новыми чертами.

Литература

- [Алексеев, 1958](#) – Алексеев, В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М., 1958. 312 с.
- [Бикерман, 1916](#) – Бикерман, И. Муки рождения (Китай) // *Северные записки*. 1916. Январь. С. 228.
- [Благодер, 2011](#) – Благодер, Ю.Г. Документальные свидетельства отечественных путешественников о Китае XVII века. СПб, 2011. 160 с.
- [Вересаев, 1906](#) – Вересаев, В. Рассказы о войне // *Мир Божий*. 1906. № 2. С. 13.
- [Вырезки из Хмыровской коллекции ГПИБ. Т.4, 1910](#) – Вырезки из Хмыровской коллекции ГПИБ. Раздел «Китай». Т. 4. 1910. № 40. С. 271.
- [Вырезки из Хмыровской коллекции ГПИБ. Т.4, 1910а](#) – Вырезки из Хмыровской коллекции ГПИБ. Раздел «Китай». Т. 6. 1910. № 21. С. 179.
- [Гальберштадт, 1909](#) – Гальберштадт, Л.И. Экономическое переустройство Китая // *Русская мысль*. 1909. Кн. 9. С. 164.
- [Дальченко, 1906](#) – Дальченко, В. Китай и его вооруженные силы // *Вестник Европы*. 1906. Февраль. С. 498.
- [Желтая опасность, 1911](#) – Желтая опасность // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1911. № 284. 21 (3) декабря. С.4.
- [Заграничная хроника, 1912](#) – Заграничная хроника: китайский флот и армия // *Вестник иностранной литературы*. 1912. Кн. I. С. 20.
- [Кауфман, 1909](#) – Кауфман, А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // *Русская мысль*. 1909. Кн. 12. С. 62.
- [Китайская революция, 1911](#) – Китайская революция // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1911. № 273. 8 (21) декабря. С.4.
- [Корсаков, 1909](#) – Корсаков, В. Дальний Восток (Япония, Корея, Китай) // *Вестник Европы*. 1909. Июль. С. 363-369.
- [Кудрин, 1909](#) – Кудрин, Н.Е. Из иностранной жизни и литературы. Пробуждение Китая // *Русское богатство*. 1909. № 10. С. 64-86.
- [Милоков, 1911](#) – Милоков, П. Реформы или революция в Китае? Ч.2 // *Речь*. 1911. № 283. 15 октября. С. 2.
- [Минин, 1908](#) – Минин, Д. Россия на Дальнем Востоке // *Образование*. 1908. № 3. С. 2.
- [Моленар, 1908](#) – Моленар, Г. Конфуций // *Вестник знания*. 1908. № 10-11. С. 1337.
- [Общественная жизнь..., 1912](#) – Общественная жизнь: Отречение от престола императора Пу-И // *Вестник иностранной литературы*. 1912. Март. № 3. С. 12.
- [Пробуждение Китая, 1910](#) – Пробуждение Китая // *Весь мир*. 1910. № 9. С.20.
- [Решетов, 2006](#) – Решетов, А.М. Китайцы в Санкт-Петербурге (фрагменты истории) / Санкт-Петербург – Китай. Три века контактов. СПб., 2006. 360 с.

Самойлов, 2014 – *Самойлов, Н.А.* Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 2014. 368 с.

Суеверие в Китае, 1916 – Суеверие в Китае // *Весь мир.* 1916. № 44. С. 31.

References

Alekseev, 1958 – *Alekseev, V.M.* (1958). V starom Kitae. Dnevnik puteshestviya 1907 g. [In old China. Traveler's Diary in 1907]. M. 312 p. [in Russian].

Bikerman, 1916 – *Bikerman, I.* (1916). Muki rozhdeniya (Kitaï) [Heavy birth (China)]. *Severnĕye zapiski.* Yanvar'. p. 228. [in Russian].

Blagoder, 2011 – *Blagoder, Yu.G.* (2011). Dokumental'nye svidetel'stva otechestvennykh puteshestvennikov o Kitae XVII veka [Documentary evidence of domestic travelers about China XVII century]. SPb. 160 p. [in Russian].

Veresaev, 1906 – *Veresaev, V.* (1906). Rasskazĕ o voĕne [Stories about the war]. *Mir Bozhĕi.* № 2. p. 13. [in Russian].

Vĕrezki iz Khmĕrovskoi kollektzii GPIB. T.4, 1910 – Vĕrezki iz Khmĕrovskoi kollektzii GPIB. Razdel «Kitaï» [Scrapbooks from the Khmyrov collection of GPIB. Section "China"]. T. 4. 1910. № 40. p. 271. [in Russian].

Vĕrezki iz Khmĕrovskoi kollektzii GPIB. T.4, 1910a – Vĕrezki iz Khmĕrovskoi kollektzii GPIB. Razdel «Kitaï» [Scrapbooks from the Khmyrov collection of GPIB. Section "China"]. T. 6. 1910. № 21. p. 179. [in Russian].

Gal'bershtadt, 1909 – *Gal'bershtadt, L.I.* (1909). Ėkonomicheskoe pereustroĕstvo Kitaya [Economic reconstruction of China]. *Russkaya mĕsl'.* Kn. 9. p. 164. [in Russian].

Dal'chenko, 1906 – *Dal'chenko, V.* (1906). Kitaï i ego vooruzhennĕye silĕ [China and its armed forces]. *Vestnik Evropyĕ.* Fevral'. p. 498. [in Russian].

«Zheltaya» opasnost', 1911 – «Zheltaya» opasnost' [«Yellow» danger]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti.* 1911. № 284. 21 (3) dekabrya. p.4.

Zagranichnaya khronika, 1912 – Zagranichnaya khronika: kitaĕskĕi flot i armiya [Foreign Chronicle: Chinese Navy and the Army]. *Vestnik inostrannoĕi literaturĕi.* 1912. Kn. I. p.20.

Kaufman, 1909 – *Kaufman, A.A.* (1909). Nash Dal'niĕ Vostok i ego kolonizatsiya [Our Far East and its colonization]. *Russkaya mĕsl'.* Kn. 12. p. 62. [in Russian].

Kitaĕskaya revolyutsiya, 1911 – Kitaĕskaya revolyutsiya [The Chinese Revolution]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti.* 1911. № 273. 8 (21) dekabrya. p.4. [in Russian].

Korsakov, 1909 – *Korsakov, V.* (1909). Dal'niĕ Vostok (Yaponiya, Koreya, Kitaï) [Far East. Japan. Korea. China]. *Vestnik Evropyĕ.* Iyul'. pp. 363-369. [in Russian].

Kudrin, 1909 – *Kudrin, N.E.* (1909). Iz inostrannoĕi zhizni i literaturĕi. Probuzhdenie Kitaya [From foreign life and literature. Awakening of China]. *Russkoe bogatstvo.* № 10. pp. 64-86. [in Russian].

Milyukov, 1911 – *Milyukov, P.* (1911). Reformy ili revolyutsiya v Kitae? Ch.2 [Reform or revolution in China?]. *Rech'.* № 283. 15 oktyabrya. p. 2. [in Russian].

Minin, 1908 – *Minin, D.* (1908). Rossiya na Dal'nem Vostoke [Russia in the Far East]. *Obrazovanie.* № 3. p. 2. [in Russian].

Molenar, 1908 – *Molenar, G.* (1908). Konfutsiĕ [Confucius]. *Vestnik znaniya.* № 10-11. p. 1337. [in Russian].

Obshchestvennaya zhizn'..., 1912 – Obshchestvennaya zhizn': Otrechenie ot prestola imperatora Pu-I [Public life: Renunciation of the throne of Emperor Pu-I]. *Vestnik inostrannoĕi literaturĕi.* 1912. Mart. № 3. p. 12. [in Russian].

Probuzhdenie Kitaya, 1910 – Probuzhdenie Kitaya [The awakening of China]. *Ves' mir.* 1910. № 9. p. 20. [in Russian].

Reshetov, 2006 – *Reshetov, A.M.* (2006). Kitaĕtsĕ v Sankt-Peterburge (fragmentĕ istorii) / Sankt-Peterburg – Kitaĕ. Tri veka kontaktov [The Chinese in St. Petersburg (fragments of history) / St. Petersburg - China. Three centuries of contacts]. SPb. 360 p. [in Russian].

Samoĕlov, 2014 – *Samoĕlov, N.A.* (2014). Rossiya i Kitaĕ v XVII – nachale XX veka: tendentsii, formĕ i stadii sotsiokul'turnogo vzaimodeĕstviya [Russia and China in the XVII – early XX century: trends, forms and stages of socio-cultural interaction]. SPb.: Izd-vo St.-Peterb. Un-ta. 368 p. [in Russian].

Sueverie v Kitae, 1916 – Sueverie v Kitae [Superstition in China]. *Ves' mir.* 1916. № 44. p. 31. [in Russian].

УДК 94(470+571)

Проблемы формирования образа иностранного государства в периодике Российской империи (1905–1917 гг.)Юлия Гариевна Благодер^{а, *}^а Кубанский государственный технологический университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение российской периодической печати имеет большое значение. В начале XX века она выполняла просветительские функции, была единственным доступным источником информации о международной жизни, играла важную роль в формировании образа иностранного государства, стереотипов восприятия культур других народов. В данной статье представлен анализ статей начала XX века о Китае. Они были опубликованы в газетах и журналах Санкт-Петербурга, Москвы и провинциальных городов Российской империи. Указанные печатные периодические издания предназначались для образованной элиты и широких слоев населения. Выявлены сферы китайской общественной жизни, которые стали основой формирования в российском обществе представлений о Китае. Анализируются интересные сюжеты, актуальные проблемы, события, происходившие в Китае, которые привлекли наибольшее внимание российских журналистов и издателей. Основное внимание уделяется описанию революционных событий в Китае, особенностям российско-китайского социокультурного взаимодействия. Образ экзотической страны исчезает. Его место занимает образ динамично развивающейся страны. Акцентируется внимание на освещении в газетах и журналах политики российского правительства на Дальнем Востоке и в Китае. Используются документы, мемуары, очерки российских путешественников, дипломатов, военных и еще мало известных научному миру публицистов. На конкретных примерах продемонстрирована зависимость образа иностранного государства (Китая) от идеологической направленности печатного периодического издания и политических, экономических интересов Российской империи в Азии.

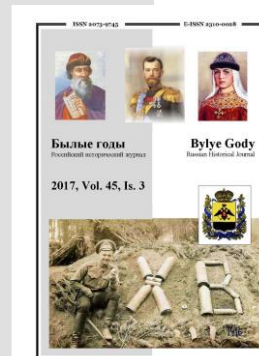
Ключевые слова: Российская империя, внешняя политика России, российско-китайское социокультурное взаимодействие, информационные агентства, российская периодическая печать, Китайская империя, образ Китая.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: blagoder_1@mail.ru (Ю.Г. Благодер)

Copyright © 2017 by Sochi State University
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 45, Is. 3, pp. 1102-1109, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.3.1102
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(57)

The Role of Students in Secondary and Elementary Schools of Siberia in Volunteer and Charitable Activities during the First World

Irina V. Pivovarova ^{a, *}, Julia V. Zubareva ^b

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Northern Trans-Ural State Agricultural University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of archival materials, publications in periodicals and literary journals of the early twentieth century, depicting certain facts about charitable and volunteer activities of Siberian youth in the years of the first world war. It is proved that in the studied historical period, moved by Patriotic feelings, the desire to be useful to his people and the region, students of lower and secondary vocational and General educational institutions of Siberia took an active part in the charitable activities of the region.

At this time, students voluntarily went to the front, took an active part in collecting funds for military needs, has provided all possible labor assistance to the families of soldiers from among the peasants, personally cooked for the soldiers gifts, sewing for them linen, held in support of charitable performances, concerts, musical and literary evenings. The article concludes that in the years of the first world war, students of secondary and elementary schools of Siberia showed themselves as real patriots of their Motherland, noble, selfless and brave young people.

Keywords: Siberia, pupils, middle and lower secondary schools and vocational training institutions, first world war, volunteering, charity, charges, gifts, concerts, evenings.

1. Введение

В дореволюционный период начала XX века участие воспитанников средних и низших учебных заведений в общественной и политической жизни, в том числе в организациях благотворительной направленности, во многом было ограничено, либо запрещено.

Однако в годы первой мировой войны данное обстоятельство претерпело существенные изменения. В трудное для Российской империи время правительство не только не стало препятствовать благотворительной деятельности учащейся молодежи, но даже стало ее всячески поощрять. Учитывая инициативы сверху, данная деятельность получила активную поддержку на местах со стороны администрации учебных заведений, приобретая все большее распространение на территории Сибири.

Движимые патриотическими чувствами, стремлением быть полезными своему народу, воспитанники низших и средних профессиональных и общеобразовательных учебных заведений принимали активное участие в благотворительной деятельности сибирского края.

* Corresponding author

E-mail addresses: sema_79@bk.ru (I.V. Pivovarova), j_zubareva@mail.ru (Ju.V. Zubareva)

2. Материалы и методы

В процессе исследования авторами были применены следующие научные методы:

- метод контент-анализа, с помощью которого осуществлено исследование содержательного наполнения материалов архивных фондов и периодических изданий, повествующих о тех или иных фактах участия сибирской учащейся молодежи в деятельности благотворительной и добровольческой направленности в годы первой мировой войны. Так, например, были проанализированы материалы архивных фондов: ГАТомО, ГАТюмО, ГАИркО, изучены статьи и заметки, опубликованные в ряде периодических изданий, выходивших в период первой мировой войны (Омский телеграф, Сибирская жизнь, Утро Сибири, Жизнь Алтая и др.).

- историко-системный подход, позволивший установить имеющиеся взаимосвязи между различными историческими фактами и событиями, объединить, структурировать и систематизировать элементы выявленных сведений, сформулировать «панорамную», комплексную картину о том, каким образом учащиеся средних и низших учебных заведений Сибири оказывали помощь людям, армии, воинам и их семьям, а также участвовали в добровольческих движениях и трудовых отрядах;

- нарративный подход, при помощи которого выявленные исторические факты изложены в последовательном порядке.

3. Обсуждение

Документальные первоисточники начала XX века, запечатлевшие отдельные факты об участии воспитанников средних и низших профессиональных и общеобразовательных учебных заведений Сибири в добровольческой и благотворительной деятельности в годы первой мировой войны, хранятся в фондах Государственного архива Томской области (ГАТомО): ф. 3, 126, 167, 411; Государственного архива Тюменской области (ГАТюмО): ф. И-55, И-59; Государственного архива Иркутской области (ГАИркО): ф. 63 и др.

Перечисленные источники дают общее представление о вопросах, связанных в благотворительной и добровольческой деятельностью учащихся сибирских учебных заведений в годы первой мировой войны.

При этом нам удалось обнаружить некоторые исторические исследования, посвященные изучению выбранного аспекта, построенные, в числе прочего, также и на анализе материалов перечисленных выше фондов (Шамахов, 1954; Сулимов, 1995; Кузьминова, 2005; Попов, 2006; Vermeer, Van Der Ven, 2003; Dudgeon, 1982; Cherkasov et al., 2016: 4-11).

Однако в данных трудах интересующие нас аспекты, как правило, раскрываются в числе иных вопросов, тем или иным образом, связанных с освещением жизни учащейся молодежи на рубеже XIX–XX веков. Вопросы же о благотворительной и добровольческой деятельности учащихся низших и средних сибирских учебных заведений затрагиваются в трудах такого рода лишь кратко. Таким образом, выбранная тематика нуждается в дальнейшем научном исследовании и проработке.

4. Результаты

Идея о социальном служении, добровольческой деятельности сопровождала общество на различных этапах его исторического развития. В разные времена проживали благородные люди, ищущие свое призвание и место в жизни, осознающие и признающие в качестве неоспоримой ценности возможность безвозмездного служения окружающим их людям. В современных исследованиях добровольческая деятельность представлена преимущественно в качестве общественно-полезной, коллективной либо индивидуальной, реализуемой добровольно, на безвозмездной основе в пользу социума или конкретных лиц деятельности определенных людей (Комарова, 2016: 22-23).

Можно с уверенностью констатировать, что благородные помыслы, желание быть полезными своему народу и Отчизне были свойственны людям всегда. Однако данные умонастроения особенно ярко проявлялись в тяжелые времена.

Так, в годы Первой мировой войны большое количество воспитанников учебных заведений добровольно уходило на фронт. Подтверждение данной тенденции находим в многочисленных архивных материалах и публикациях в периодических изданиях начала XX века. Как следует из исторических источников, в 1914 году в Омске пять учащихся учительской семинарии отправили прошение в педагогический совет своего учебного заведения о предоставлении им отпуска с целью ухода на фронт. В качестве добровольца ушел в армию и ученик Омской мужской гимназии, а также три воспитанника Омского сельхозучилища (Сибирская..., 1914. 5 ноября; Омский..., 1916. 14 февр.; 21 апр.; Леонтьева, 1997: 57–59; Старый..., 2000: 23–28). В 1914 году в качестве добровольца отправился на фронт И. Васильев – воспитанник Тюменского начального училища (Сулимов, 1995: 45–47).

При этом в 1915 году в Томске девять воспитанников духовной семинарии добровольно покинули родной город для поступления в училища военного профиля, а семнадцать учеников из старших классов Первой мужской гимназии подписали прошение о поведении досрочных экзаменов, т.к. стремились уйти на фронт (Сибирская..., 1915. 27 мая; 19 ноября; Памятная..., 1915). В 1916 году

Б. Поляков и Б. Куткин, гимназисты из Томска, уехали на фронт для добровольной работы в продовольственном пункте (ГАТюмО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3072. Л. 262–264). Два добровольца из Красноярской торговой школы также покинули свое родное учебное заведение, устремившись на фронт (Красноярская..., 1916: 71–73).

Частыми были случаи бегства воспитанников из училищ с целью добровольной поездки на фронт – даже без получения официального разрешения администрации образовательных учреждений. Так, например, в газете «Омский телеграф» в 1916 году была размещена заметка о том, что в Екатеринбурге задержали двух воспитанниц Ялуторовской женской учительской семинарии, ехавших в европейскую часть государства с целью вступления в ряды действующей армии (Омский..., 1916. 14 февр.).

Учитывая преобладающие тенденции и настроения в среде учащихся Сибири, правительство приняло решение о необходимости подготовки данной социальной прослойки к реальной военной службе. В связи с этим, 8 декабря 1915 года Николай II подписывает «Положение о мобилизации спорта». Данный документ включил в себя указания о допризывной подготовке среди учащейся молодежи старших классов, начиная с пятнадцатилетнего возраста (Российское..., 1994: 157–159; Шиловский, 2016: 44–47).

Следует отметить, что в годы первой мировой войны с поддержки и одобрения центральной власти начальство средних и низших учебных заведений Сибири стало все чаще привлекать воспитанников соответствующих образовательных учреждений не только к спортивно-армейской подготовке, но также и к общественно-городским мероприятиям, с целью культивирования патриотических настроений среди сибирской учащейся молодежи.

Например, 9–10 октября 1914 года в городе Томске, а 23 октября этого же года в Омске прошли манифестации воспитанников некоторых низших и средних учебных учреждений по поводу «победы русского оружия» (Сибирская..., 1914. 17 окт.; 5 ноября). Целью данных мероприятий было воспитание патриотической сознательности среди сибирской учащейся молодежи. Патриотические шествия воспитанников учебных заведений прошли также в Красноярске, Иркутске и некоторых других городах Сибири (Жизнь..., 1916: 3; Сулимов, 1995: 47–49; Красноярская..., 1916: 19–21; Шинкарева, 2002: 143–145).

Однако, кроме вопросов, связанных с пополнением армии и воспитания патриотического духа среди молодого населения, органы власти в годы первой мировой войны столкнулись с обострившейся проблемой выросших бюджетных расходов, разрешить которую без общественной поддержки они были не в состоянии. Нехватка финансовых ресурсов актуализировала целесообразность привлечения широких слоев общества к благотворительной деятельности, в том числе, в сфере обеспечения нужд и потребностей тыла и фронта. Представители официальной власти призывали население к осуществлению пожертвований и оказанию другой помощи для пострадавших от войны людей.

Так, Комитету по оказанию помощи воинам, раненым во время войны, а также их семьям, 10 сентября 1914 года Министерством народного просвещения был разрешен постоянный кружечный сбор в образовательных учреждениях (Сулимов, 1995: 39–41).

При этом в феврале 1915 года Комитет имени княжны Татьяны Николаевны направил официальное обращение к руководству народных училищ, функционирующих в Тобольской губернии, с просьбой об оказании содействия в сборе пожертвований среди учащихся в пользу лиц, пострадавших от военных бедствий. Осуществление такого содействия предполагалось в форме проведения платных вечеров, спектаклей, концертов, сборов денежных средств, распродажи товаров ручной работы, изготовленных учащейся молодежью Сибири (ГАТюмО. Ф. И - 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 9–11).

Воззвание к различным организациям и комитетам с призывом к осуществлению сборов, пожертвований, чаще всего, встречали активную поддержку со стороны начальства низших и средних учебных заведений Сибири. Например, в 1915 году было получено согласие от попечителя Западно-Сибирского учебного округа на участие в благотворительных «кружечных сборах» учащихся Тюменского реального училища (ГАТюмО. Ф. И - 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 23–26).

Однако не только начальство учебных заведений, но также и местные благотворительные организации в этот период активно вовлекали учащуюся молодежь в благотворительное дело, и, в первую очередь, привлекали ее к упомянутым выше кружечным сборам.

Следует пояснить, что успех и размер кружечных сборов во многом зависел от численности сборщиков. Однако среди взрослого населения достаточно трудно было найти и привлечь необходимое количество добровольцев, которые согласились бы на безвозмездной основе, невзирая на погодные условия, ходить по городским улицам и просить деньги. Многим взрослым было некомфортно заниматься сборами прилюдно. Однако данная тенденция не распространилась на детей и учащуюся молодежь. Воспитанники низших и средних образовательных учреждений Сибири, как правило, не стеснялись стоять на городских улицах и площадях с кружками, выступая в роли просителей.

При этом начальный период первой мировой войны характеризуется особенно активными и повсеместными кружечными сборами. Так, например, во второй половине 1914 года только в городе Барнауле такие сборы проводили почти каждую неделю. В данных мероприятиях принимали участие

как воспитанники мужских, так и женских средних и низших учебных заведений ([Жизнь..., 1914; Жизнь..., 1915. 15 июля](#)).

Можно констатировать, что организация и проведение сборов денежных средств в помощь армии и лицам, пострадавшим от бедствий войны, стало распространенным направлением благотворительной работы сибирских учащихся в исследуемый исторический период.

В разных городах и населенных пунктах Сибири в этих целях проводились концерты и вечера. Например, в ноябре 1914 года в городе Омске на базе сельскохозяйственного училища был организован литературно-музыкальный вечер в честь памяти М.Ю. Лермонтова, во время которого осуществлен сбор средств в пользу раненых солдат ([Сибирская..., 1914. 5 ноября](#)). Подобного рода мероприятия прошли и в других населенных пунктах и городах Сибири. Например, 29 марта 1915 года в городе Томске силами женского епархиального училища, а также учащихся духовной семинарии был проведен благотворительный вечер, средства от которого были направлены на оказание помощи пострадавшим от военных бедствий лицам ([Сибирская..., 1915. 5 апр.](#)).

В Тюмени в ноябре 1915 года был проведен вечер литературно-музыкальной направленности, организованный ученицами женской гимназии и учащимися реального училища ([ГАТюмО. Ф. И-55. Оп 1. Д. 10. Л. 23–25](#)). А 6 мая 1916 года в одном из залов здания Ишимской мужской гимназии учащимися состоялся концерт, средства от которого предназначались для нужд Ишимского комитета Красного креста ([Утро..., 1916](#)).

Помимо прочей деятельности благотворительного характера, в годы первой мировой войны учащиеся средних и низших учебных заведений Сибири также принимали активное участие в таких видах работы, как пошив белья для раненых солдат ([Блинов, 1995: 26–29](#)).

С этой целью во многих сибирских женских гимназиях было решено организовать пошив белья в рамках уроков рукоделия. Изготавливать для раненых воинов белье в 1914 году стали воспитанницы женских гимназий Красноярска, Иркутска, Читы, Нижнеудинска, Канска, Троицкосавска, Минусинска. В 1914 году посылки с изготовленным бельем были направлены на фронт от Бодайбинской и Верхнеудинской женских прогимназий ([Красноярская..., 1916: 87–89; Сулимов, 1995: 38–41; Шинкарева, 2002: 127–131; ГАИркО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 21–24](#)).

Еще одной распространенной практикой в эти годы явилось проведение сборов подарков для воинов и армии. Например, в октябре 1914 года ученицами Второй женской гимназии города Томска на личные деньги был куплен материал, из которого собственноручно изготовлено более шестидесяти кисетов с сахаром, мылом, чаем, пошито шестьдесят три пары портянок, которые в дальнейшем были направлены солдатам, служившим в одном из сибирских полков ([Сибирская ..., 1914. 17 окт.](#)).

В этот же период воспитанницы Второй гимназии г. Омска отправили на фронт 208 самостоятельно сшитых теплых жилетов для солдат, а также 240 других подарков. В декабре 1915 года от Иркутского реального училища военнослужащим были направлены посылки с мылом, бумагой, табаком, чаем и сахаром.

Однако изделия, изготовленные вручную учащимися Сибири, не только отправлялись в качестве подарков для военнослужащих на фронт. Нередко товары ручной работы целенаправленно продавали, а уже вырученные денежные средства от их реализации шли на военные нужды, поддержку нуждающихся, раненых солдат, а также и членов их семей.

Например, учащаяся молодежь Иркутска нередко принимала участие в организации и проведении так называемого «дня флажков» - уличного мероприятия, символизирующего дружбу и сотрудничество союзнических армий. Учащиеся сами мастерили флажки, а после продавали их в городе. В архивных фондах имеются данные, согласно которым только 20 сентября 1914 года (лишь в один из многочисленных «дней флажков») удалось собрать денежные средства в размере около 12 тыс. рублей, которые в дальнейшем были переданы в пользу семей запасных, а также раненых и больных солдат ([Шинкарева, 2002: 44–48](#)).

В октябре 1914 года учащиеся Тюменского коммерческого училища привлекались к продаже и изготовлению флажков для помощи в организации санитарного поезда ([ГАТюмО. Ф. И-92. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–15](#)). Во Второй женской гимназии г. Омска была проведена выставка с последующей продажей ручных изделий, изготовленных ученицами данного образовательного учреждения. Прибыль от мероприятия в сумме 300 рублей была передана в пользу пострадавших воинов ([Шамахов, 1966: 183–187; Омский..., 1916. 14 февр.; 21 апр.](#)).

Помимо прочих архивных материалов, а также публикаций в периодических изданиях начала XX века, об активной помощи фронту со стороны учащихся средних и низших учебных заведений Сибири свидетельствуют сохранившиеся до наших дней ежегодные отчеты о деятельности соответствующих образовательных учреждений.

Например, в отчете о деятельности Красноярского реального училища в 1915–1916 учебный год содержатся сведения о том, что учащимися многократно отправлялись подарки в армию. В целом за этот отчетный период ими было отправлено 86 подарков. Во время же каникул, приуроченных к празднованию Пасхи, совместно с Красноярской женской прогимназией была организована выставка работ учащихся, сбор от которой составил 92 рубля 39 коп. Данная сумма была направлена в комитет княжны Татьяны Николаевны ([ГАТюмО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3072. Л. 25–27; Красноярск..., 1974: 38–43](#)).

Следует отметить, что именно в преддверии и во время празднования Пасхи, а также и таких популярных и любимых в народе праздников, как Рождество и Новый год, проводилось наибольшее количество городских мероприятий благотворительной направленности.

Так, например, только в г. Барнауле в течение декабря 1914 – января 1915 года с участием учащихся низших и средних учебных заведений были проведены следующие мероприятия:

- Организованные супругой председателя Сибирского общества, М.М. Морозовой, маскарады и Детская елка, сбор денежных средств, с которых, пошел в пользу городского Попечительства о семьях запасных;

- «Вечера сказок», проведенные по инициативе жены гласного городской думы, В.А. Кулевой; собранные средства с данных мероприятий пошли на обустройство больницы;

- спектакль-феерия под названием «Спящее царство», поставленный под творческим руководством С.Д. Юхневой и З.И. Юферовой с участием в качестве юных актрис воспитанниц Первой женской гимназии г. Барнаула (сбор средств от спектакля пошел в пользу раненых Сербии);

- литературно-музыкально-вокальный вечер с участием воспитанниц этого же учебного заведения (сбор средств от данного мероприятия предназначался на содержание и дополнительное оборудование койки одного из лазаретов Сибирского общества помощи больным и раненым воинам);

- благотворительный вечер, проведенный с участием учениц Второй женской гимназии Барнаула, со сбором средств для Общества вспомоществования на нужды средних учебных барнаульских заведений – для детей мобилизованных и др. (*Жизнь..., 1914; Жизнь..., 1915. 4 янв.; 23 янв.; 15 февр.; Алтайский..., 1915*).

Еще одним видом деятельности воспитанников сибирских учебных заведений в исследуемый период времени являлось развернувшееся в России и набирающее популярность с лета 1915 года движение так называемых трудовых дружин (*Сулимов, 2011: 282–284; Белова, 2011: 183–187; Букалова, 2015: 26–29*). Добровольно, руководствуясь патриотическими чувствами, в такие дружины вступали как ученики старших классов низших учебных заведений Сибири, так и учащиеся средних профессиональных образовательных учреждений края. Работа дружин нередко осуществлялась в деревенских поселениях. Зачастую учащиеся работали вместе с членами семей ушедших на фронт воинов из крестьянского сословия (*Сулимов, 1995: 123–127*).

Данная деятельность была официально регламентирована с выходом 6 июня 1915 года циркуляра Министра народного просвещения, регулирующего общие положения участия учащихся образовательных заведений в работах сельскохозяйственного характера в период летних каникул (*Шамахов, 1954: 67–69*).

Летом 1915 года дружины из воспитанников низших и средних сибирских учебных заведений были собраны в ряде городов края. Например, в Омске был организован отряд для проведения полевых работ, включивший в себя более двадцати воспитанников местных образовательных учреждений (*Сибирская..., 1915. 8 июля*).

При этом 14 июля 1915 года первая молодежная трудовая дружина из воспитанников реального училища и двух мужских гимназий направилась из города Томска в деревенские поселения для оказания помощи членам семей ушедших на фронт крестьян (*ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3072. Л. 340–342*). Трудовая дружина для проведения сельскохозяйственных работ также была собрана из воспитанников Второй мужской гимназии г. Томска (*Шамахов, 1954: 55–56; Павлова, 2003: 33–34; Сальникова, 2009: 137–142*).

Несколько учащихся из Тюмени были организованы в одну небольшую трудовую бригаду, состоящую из пяти человек. При этом воспитанники Тобольской гимназии участвовали в оказании помощи членам семей переселенцев из числа крестьян в 2 волостях Тарского уезда. В июле 1915 года трудовая дружина из восьми воспитанниц женской гимназии города Бийска занималась уборкой хлеба в деревне (*Сулимов, 1995: 33–35*).

В целом за летний период 1915 года в сибирском крае реализовывало свою трудовую деятельность не менее тринадцати трудовых молодежных дружин, в составе которых работали учащиеся разных образовательных учреждений. По нашим подсчетам, основанным на анализе материалов соответствующих архивных фондов, а также упоминаний, заметок и статей в периодических изданиях начала XX века, общее число образовательных учреждений, направивших своих учащихся в годы первой мировой войны в трудовые дружины, было не меньше шестнадцати.

5. Заключение

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что в годы первой мировой войны участие воспитанников низших и средних образовательных учреждений Сибири наиболее ярко проявилось в их деятельности добровольческого и благотворительного характера. Движимая патриотическим настроением, желанием быть полезной своей Родине и народу, сибирская учащаяся молодежь уходила на фронт в качестве добровольцев, принимала активное участие в сборах средств на армейские нужды, оказании помощи членам семей ушедших на фронт солдат, собственноручном изготовлении для них подарков, пошиве белья, а также в деятельности трудовых дружин.

Литература

- Алтайский...**, 1915 – Алтайский крестьянин (Барнаул). 1915. 6 января.
- Блинов, 1995** – *Блинов Н.В.* К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Вып. 2. Томск: Томск, государственный университет, 1995. С. 3-23.
- Белова, 2011** – *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.
- Букалова, 2015** – *Букалова С.В.* Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодежной политики в годы Первой мировой войны // *Вестник государственного и муниципального управления.* 2015. №2. С. 140-148.
- ГАИрКО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАТомО** – Государственный архив Томской области.
- ГАТюмО** – Государственный архив Тюменской области.
- Жизнь..., 1914** – Жизнь Алтая. 1914. 23 дек.
- Жизнь..., 1915. 15 февр.** – Жизнь Алтая. 1915. 15 февраля.
- Жизнь..., 1915. 15 июля** – Жизнь Алтая. 1915. 15 июля.
- Жизнь..., 1915. 23 янв.** – Жизнь Алтая. 1915. 23 января.
- Жизнь..., 1915. 4 янв.** – Жизнь Алтая. 1915. 4 января.
- Жизнь..., 1916** – Жизнь Алтая. 1916. 17 февр.
- Комарова, 2016** – *Комарова В.Н.* Организация добровольческой деятельности студентов: от идеи к реализации // *Научно-методический журнал «Концепт».* 2016. Т. 11. С. 2521-2525.
- Красноярск..., 1974** – Красноярск в трех революциях. Хроника революционных событий в Енисейской губернии. 1895–1920 годы. Красноярск, 1974.
- Красноярская ..., 1916** – Красноярская городская торговая школа за 3 года ее существования (с сентября 1913 года по август 1916 года). Красноярск, 1916.
- Леонтьева, 1997** – *Леонтьева Т.Г.* Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 20-38.
- Омский ..., 1916. 14 февр.** – Омский телеграф. 1916. 14 февраля.
- Омский ..., 1916. 21 апр.** – Омский телеграф. 1916. 21 апреля.
- Павлова, 2003** – *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003.
- Памятная..., 1915** – Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск, 1915.
- Попов, 2006** – *Попов Д.И.* Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.
- Российское..., 1994** – Российское законодательство X–XX веков. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций: Учебное пособие / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1994.
- Сальникова, 2009** – *Сальникова А.А.* «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников // *Россия и современный мир.* 2009. №2. С. 133-151.
- Сибирская ..., 1914. 17 окт.** – Сибирская жизнь. 1914. 17 октября.
- Сибирская ..., 1914. 5 ноября** – Сибирская жизнь. 1914. 5 ноября.
- Сибирская ..., 1915. 19 ноября** – Сибирская жизнь. 1915. 19 ноября.
- Сибирская ..., 1915. 27 мая** – Сибирская жизнь. 1915. 27 мая.
- Сибирская ..., 1915. 5 апр.** – Сибирская жизнь. 1915. 5 апреля.
- Сибирская ..., 1915. 8 июля** – Сибирская жизнь. 1915. 8 июля.
- Старый ..., 2000** – Старый Омск. Омск, 2000.
- Сулимов, 1995** – *Сулимов В.С.* Очерки по истории народного образования Западной Сибири. Тюмень, 1995.
- Сулимов, 2011** – *Сулимов В.С.* Трудовые дружины учащихся школ Алтайского края в 1916 год // *Мир науки, культуры и образования.* 2011. №5. С. 281-284.
- Утро ..., 1916** – Утро Сибири. 1916. 27 мая.
- Шамахов, 1954** – *Шамахов Ф.Ф.* Школы дореволюционного Томска // *Ученые записки ТГПИ.* Том XII. Томск, 1954.
- Шамахов, 1966** – *Шамахов Ф.Ф.* Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 годы). Томск: Издательство Томского университета. 1966.
- Шиловский, 2016** – *Шиловский М.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2016.
- Шинкарева, 2002** – *Шинкарева А.П.* Дорога в будущее. Путеводитель по школам Иркутска прошлого и настоящего. Иркутск, 2002.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts,* 2016, Vol. (5), Is. 1, pp. 4-11.

Dudgeon, 1982 – Ruth A. Dudgeon. The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872–1917. Russian History. Volume 9. Issue 1. p. 1-26.

Vermeer, Van Der Ven, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes. Moral Conscientiousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*. 2003. Volume 16, Issue 1, p. 51-71.

References

Altaiskii ..., 1915 – Altaiskii krest'yanin. [Altai peasant]. Barnaul. 1915. 6 yanvarya. [in Russian].

Blinov, 1995 – Blinov N.V. (1995). K obshchestvennomu dvizheniyu v Sibiri. [To a social movement in Siberia]. Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg. Vyp. 2. Tomsk: Tomsk, gosudarstvennyi universitet. pp. 3-23. [in Russian].

Belova, 2011 – Belova I.B. (2011). Pervaya mirovaya voyna i rossiiskaya provintsiya. 1914 – fevral' 1917 g. [The first world war and the Russian province. 1914 – February 1917 The first world war and the Russian province. 1914 – February 1917]. M. [in Russian].

Bukalova, 2015 – Bukalova S.V. (2015). Trudovye družiny uchashchikhsya kak forma realizatsii molodezhnoi politiki v gody Pervoi mirovoi voyny. [Labour brigades of students as a form of realization of youth policy during the First world war]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. №2. pp. 140-148. [in Russian].

GAIrKO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. [State archive of Irkutsk region]. [in Russian].

GATomO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. [State archive of Tomsk region]. [in Russian].

GATyumo – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti. [State archive of the Tyumen region]. [in Russian].

Zhizn' ..., 1914 – Zhizn' Altaya. 1914. 23 dek. [in Russian].

Zhizn' ..., 1915. 15 fevr. – Zhizn' Altaya. 1915. 15 fevralya. [in Russian].

Zhizn' ..., 1915. 15 iyulya – Zhizn' Altaya. 1915. 15 iyulya. [in Russian].

Zhizn' ..., 1915. 23 yanv. – Zhizn' Altaya. 1915. 23 yanvarya. [in Russian].

Zhizn' ..., 1915. 4 yanv. – Zhizn' Altaya. 1915. 4 yanvarya. [in Russian].

Zhizn' ..., 1916 – Zhizn' Altaya. 1916. 17 fevr. [in Russian].

Komarova, 2016 – Komarova V.N. (2016). Organizatsiya dobrovol'cheskoi deyatel'nosti studentov: ot idei k realizatsii. [The organization of the volunteer activities of the students: from idea to implementation]. *Nauchno-metodicheskii zhurnal «Kontsept»*. T. 11. pp. 2521-2525. [in Russian].

Krasnoyarsk..., 1974 – Krasnoyarsk v trekh revolyutsiyakh. Khronika revolyutsionnykh sobytii v Eniseiskoi gubernii. 1895–1920 gody. [Krasnoyarsk three revolutions. Chronicle of the revolutionary events in the Yenisei province. 1895–1920 years]. Krasnoyarsk, 1974. [in Russian].

Krasnoyarskaya..., 1916 – Krasnoyarskaya gorodskaya trgovaya shkola za 3 goda ee sushchestvovaniya (s sentyabrya 1913 goda po avgust 1916 goda). [Krasnoyarsk city trade school for 3 years (from September 1913 to August 1916)]. Krasnoyarsk, 1916. [in Russian].

Leont'eva, 1997 – Leont'eva T.G. (1997). Byt, nravy i povedenie seminaristov v nachale XX v. [Of life, customs and behavior of seminarians at the beginning of the XX century]. *Revolyutsiya i chelovek: byt, nravy, povedenie, moral'*. M. pp. 20-38. [in Russian].

Omskii..., 1916. 14 fevr. – Omskii telegraf. 1916. 14 fevralya. [in Russian].

Omskii..., 1916. 21 apr. – Omskii telegraf. 1916. 21 aprelya. [in Russian].

Pavlova, 2003 – Pavlova I.P. (2003). Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny. [Social care in Russia during the First world war]. Krasnoyarsk. [in Russian].

Pamyatnaya..., 1915 – Pamyatnaya knizhka Tomskoi gubernii na 1915 god. [The memorial book of Tomsk province in 1915]. Tomsk, 1915. [in Russian].

Popov, 2006 – Popov D.I. (2006). Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo OmGU. [in Russian].

Rossiiskoe..., 1994 – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Tom 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuzno-demokraticheskikh revolyutsii: Uchebnoe posobie [Russian legislation X–XX centuries. Vol. 9. The legislation of the epoch of bourgeois-democratic revolutions]. / Pod red. O.I. Chistyakova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1994. [in Russian].

Sal'nikova, 2009 – Sal'nikova A.A. (2009). «Velikaya», «svyataya», «dalekaya»... Pervaya mirovaya voyna v vospriyatii detei-sovremennikov. ["Great", "Holy", "distant"... the First world war in the perception of children of the same age]. *Rossiya i sovremenniy mir*. №2. pp. 133-151. [in Russian].

Sibirskaya..., 1914. 17 okt. – Sibirskaya zhizn'. 1914. 17 oktyabrya. [in Russian].

Sibirskaya..., 1914. 5 noyabrya – Sibirskaya zhizn'. 1914. 5 noyabrya. [in Russian].

Sibirskaya..., 1915. 19 noyabrya – Sibirskaya zhizn'. 1915. 19 noyabrya. [in Russian].

Sibirskaya..., 1915. 27 maya – Sibirskaya zhizn'. 1915. 27 maya. [in Russian].

Sibirskaya..., 1915. 5 apr. – Sibirskaya zhizn'. 1915. 5 aprelya. [in Russian].

Sibirskaya..., 1915. 8 iyulya – Sibirskaya zhizn'. 1915. 8 iyulya. [in Russian].

Staryi..., 2000 – Staryi Omsk. [Old Omsk]. Omsk, 2000. [in Russian].

Sulimov, 1995 – Sulimov B.C. (1995). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya Zapadnoi Sibiri. [Essays on the history of public education in Western Siberia.]. Tyumen'. [in Russian].

[Sulimov, 2011](#) – *Sulimov V.S.* (2011). Trudovye družiny uchashchikhsya shkol Altaiskogo kraja v 1916 god. [Labour brigades of students of schools of the Altai territory in 1916]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. №5. pp. 281-284. [in Russian].

[Utro ..., 1916](#) – Utro Sibiri. (1916). [The Morning Of Siberia]. 27 maya. [in Russian].

[Shamakhov, 1954](#) – *Shamakhov F.F.* (1954). Shkoly dorevolyutsionnogo Tomsk. [School of pre-revolutionary Tomsk]. *Uchenye zapiski TGPI*. Tom XII. Tomsk. [in Russian].

[Shamakhov, 1966](#) – *Shamakhov F.F.* (1966). Shkola Zapadnoi Sibiri mezhdru dvumya burzhuzno-demokraticeskimi revolyutsiyami (1907–1917 gody). [School of Western Siberia between two bourgeois-democratic revolutions (1907–1917)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. [in Russian].

[Shilovskii, 2016](#) – *Shilovskii M.* (2016). Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir'. [The first world war of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk. [in Russian].

[Shinkareva, 2002](#) – *Shinkareva A.P.* (2002). Doroga v budushchee. Putevoditel' po shkolam Irkutsk. [The way of the future. Guide to schools of Irkutsk past and present]. Irkutsk, 2002. [in Russian].

[Cherkasov, Smigel, Molchanova, 2016](#) – *Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Vol. (5), Is. 1, pp. 4-11.

[Dudgeon, 1982](#) – *Ruth A. Dudgeon*. The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872–1917. *Russian History*. Volume 9. Issue 1. p. 1-26

[Vermeer, Van Der Ven, 2003](#) – *Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes*. Moral Consciousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*. 2003. Volume 16, Issue 1, p. 51-71.

УДК 94(57)

Роль учащихся средних и низших учебных заведений Сибири в добровольческой и благотворительной деятельности в годы Первой мировой войны

Ирина Валерьевна Пивоварова ^{a, *}, Юлия Валерьевна Зубарева ^b

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^b Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию архивных материалов, публикаций в периодических и литературных изданиях начала XX века, запечатлевших те или иные факты о благотворительной и добровольческой деятельности сибирской учащейся молодежи в годы Первой мировой войны.

Обосновано, что в исследуемый исторический период движимые патриотическими чувствами, стремлением быть полезными своему народу и краю, воспитанники низших и средних профессиональных и общеобразовательных учебных заведений Сибири принимали активное участие в благотворительной деятельности края.

В это время учащаяся молодежь добровольно уходила на фронт, участвовала в сборах денежных средств на армейские нужды, оказывала посильную трудовую помощь семьям солдат из числа крестьян, собственноручно готовила для воинов подарки, шила для них белье, проводила в целях их поддержки благотворительные спектакли, концерты, музыкальные и литературные вечера.

В статье сформулирован вывод о том, что в годы Первой мировой войны учащиеся средних и низших учебных заведений Сибири проявили себя в качестве истинных патриотов своей Родины, благородных, самоотверженных и храбрых молодых людей.

Ключевые слова: Сибирь, учащиеся, средние и низшие общеобразовательные и профессиональные учебные заведения, Первая мировая война, добровольчество, благотворительность, сборы, подарки, концерты, вечера.

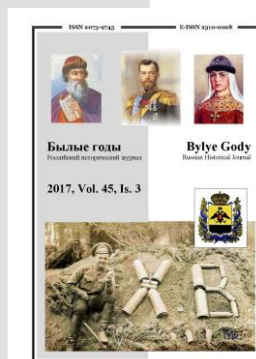
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pivovarova_irina@mail.ru (И.В. Пивоварова), j_zubareva@mail.ru (Ю.В. Зубарева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1110-1118, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1110
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (571.12)

Fight against High Cost and Providing the Population with Essentials in the cities of Western Siberia in the years of First World War

Vladimir D. Kamynin ^{a, *}, Alexander B. Khrantsov ^b

^a Ural Federal university, Russian Federation

^b Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

In article based on a wide range of sources development of food matter in the Siberian cities in the conditions of war, the reasons of high cost and speculation, a measure of fight against it, creation by the cities of own production enterprises is considered. Article purpose – to research activities of the government power and bodies of the municipal government in the sphere of providing the population with essential goods in Siberia in 1914–1918. The author determined the high cost reasons: frustration of means of communication (lack of transportation of products to the cities); increase in a tax burden, speculation, military orders, intensive release of bank notes that depreciated ruble. In article measures for organization of provincial (district) food committees, city commissions, entering of regulation of the prices, a card system, import bans and commodity exportation, to implementation of independent purchases, truck farming, crops, requisitions and surplus-appropriation systems are researched. It is established that there was no debugged system of entering of dachshunds, and in view of their scantiness goods disappeared from the consumer market, interruptions in products began, the underground markets, speculation and abuses in the sphere of food developed. It is emphasized that the card system on prime necessities (sugar, flour) was ineffective. In the conclusion conclusions are drawn that the state intervention in economy, the constraining and prohibitive measures gave only temporary effect. In many cities cases of mass actions needy against high cost and interruptions in products, riots of warehouses, benches and shops were repeatedly observed. In 1915–1918 process of "turning" by entrepreneurs of trading activities and closing of the entities sharply amplified. The cities of Siberia weren't ready to fuel crisis. The situation in the potrebitelny market remained difficult and was stabilized only in 1919.

Keywords: high cost, regulation of the prices, dachshunds, food, essential goods, consumer market, Western Siberia.

1. Введение

Первая мировая война привела к существенной инфляции, спекуляции и перебоям с товарами на потребительском рынке. В условиях войны необходимо было держать под особым контролем общественные настроения внутри страны. Ведь одним из показателей социальной стабильности и спокойствия является обеспечение населения продовольствием и другими товарами первой необходимости. Война негативно отразилась на региональной экономике и обострила многие социальные проблемы, в первую очередь, продовольственный вопрос. В частности, начальник Тобольского отделения государственного банка в апреле 1915 г. сообщал в столицу: «...война сказалась на всех сторонах жизни Тобольского края, начиная с поднятия цены на все предметы и продукты потребления, и кончая наемной платой для рабочих рук» (Книга, 2004: 529). Размещение в

* Corresponding author

E-mail addresses: kamyninv@yandex.ru (V.D. Kamynin), khrantsov_ab@bk.ru (A.B. Khrantsov)

сибирских городах военных гарнизонов, прибытие раненых и военнопленных, а также беженцев увеличило численность населения, а значит покупателей на местных рынках. Привоз продуктов из уездных сел по прежним ценам оказался невозможен, а перевод части промышленных предприятий на выполнение оборонных заказов еще более усугубил ситуацию на потребительском рынке (Чудаков, 2009: 35).

Паника в обществе породила ажиотажный спрос со стороны потребителей и желание торговцев получать максимальные прибыли, что обернулось сокрытием товаров и спекуляциями. Острая ситуация в продовольственном деле поставила перед административными органами и городскими властями задачи по борьбе с дороговизной и обеспечению жителей предметами первой необходимости.

2. Материалы и методы

Процесс изучения продовольственного вопроса на территории Западной Сибири в годы первой мировой войны связан с анализом документов региональных архивов Томской (ГАТомО) и Тюменской (ГАТюмО) областей. В архивных фондах губернских властей и органов местного самоуправления отложился комплекс документов по истории продовольственного дела в городах региона в 1914–1918 гг., сегодня исследованный недостаточно.

Большая часть документов представляет собой оригиналы и впервые вводится в научный оборот. Исторические документы исследуются в контексте теории модернизации. Предмет анализа – деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению жителей предметами первой необходимости и борьбе с дороговизной товаров на местных рынках.

Теоретико-методологическая основа данной работы – традиционные для подобного рода работ принципы историзма и объективности, аналитический, системный, типологический, статистический и сравнительный методы. Принцип историзма позволяет раскрыть исторические условия жизни местного населения, показать систему взаимоотношений власти и общества в годы войны. Авторы обращаются к общелогическим методам: анализ, синтез, логический. В качестве метода познания используется контент-анализ содержания однотипных документов служебного делопроизводства – докладов, отчетов, справок, ведомостей и др. Изучение документов предполагает критическое отношение к их сведениям, установление их достоверности и полноты. Для выявления общего и особенного в решении продовольственных трудностей в городах региона применяются методы аналогии и историко-сравнительного анализа. Методы типологии и сравнительного анализа дают возможность установить общие проблемы в организации продовольственного дела на территории Западной Сибири в условиях войны.

В общем, широко применялся системный подход, как совокупность методологических принципов познания различных явлений и процессов (групп объектов) как систем в экономике Сибирского региона.

3. Обсуждения

Исследовательский интерес к опыту борьбы с дороговизной товаров первой необходимости в городах Сибири в годы войны (1914–1918 гг.) активизировался лишь в 2000-е годы.

Данная тема в последние годы активно изучается. Все работы можно условно разделить на две группы. Во-первых, общие работы, посвященные различным аспектам жизнедеятельности сибирского населения в годы Первой мировой войны. В этих трудах ученые касаются проблем торговли на местных рынках. В частности, А.А. Кононенко рассматривает общественно-политические и социально-экономические события, происходившие в Тюмени в начале XX века (Кононенко, 2009); В.М. Рынков изучает влияние первой мировой войны на динамику социальных процессов в России (Rynkov, 2016); П. Гэтрелл анализирует социально-экономические процессы в годы войны: социальные волнения, миграция, беженцы и др. (Gatrell, 2005).

Вторую группу составляют специальные работы, предметом которых являются вопросы обеспечения населения продовольствием в 1914–1918 гг. Среди них отметим статью О.В. Чудакова, в которой он разбирает ключевые направления работы органов местного самоуправления по противодействию дороговизне жизни (Чудаков, 2009); Г.М. Запорожченко рассматривает работу местных кооперативов совместно с городами, решавших задачи по снабжению населения товарами первой необходимости (Запорожченко, 2010); В.М. Оськин исследует действия центральной власти в решении продовольственного кризиса в России в 1917 г., который стал ключевой причиной падения монархии и точкой невозврата для революционных сил (Оськин, 2015).

Меры борьбы с дороговизной и обеспечения населения товарами первой необходимости рассматривали исследователи в других регионах страны. Например, И.Ю. Черкасова разбирает действия правительства на этой ниве в Сочинском округе (Черкасова, 2010); Т. З. Позняк анализирует особенности борьбы с дефицитом и дороговизной в городах Дальнего Востока (Позняк, 2016).

Ввиду многогранности аспектов проблемы необходима ее дальнейшая разработка с привлечением новых массивов исторических источников, например, статей и заметок периодической печати и воспоминаний современников.

4. Результаты

С началом военных действий повсеместно возникли трудности с продовольствием и другими товарами на потребительском рынке. Срочный циркуляр МВД от 31 июля 1914 г. обязал начальников губерний принять обязательные постановления о нормировании цен на предметы первой необходимости. Губернаторы объявили главам городов о необходимости установления твердых цен на продовольствие и другие предметы. В 1914–1916 гг. на ряд потребительских товаров в городах региона были установлены «твердые» цены, в частности, на хлеб и мясо. Скажем, Каинская городская дума 31 июля 1914 г. установила таксы на печеный хлеб и мясо: белый хлеб 1 сорта – 5 коп. фунт и 2 сорта – 4 коп. фунт; черный хлеб – 3 коп. фунт; мясо 1 сорта – 10 коп. фунт и 2 сорта – 9 коп. Согласно постановлению Каинской городской думы от 12 августа 1914 г. семьи лиц, призванных на войну, обеспечивались продовольствием, отоплением и освещением – по 5 фунтов керосина в месяц на каждое семейство (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 204. Л. 63, 113).

Одной из первоочередных мер, предпринятых центральной властью, стало учреждение на губернском, городском и уездном уровнях управления специальных комитетов (комиссий) по обеспечению продовольствием. Так, Особые совещания по продовольственному делу во главе с губернаторами были учреждены в соответствии с законом от 17 августа 1915 г., в городах и уездах – продовольственные комитеты. Так, Тюменская городская продовольственная комиссия была избрана собранием думы 23 сентября 1915 г. в числе 30 членов (15 гласных и 15 «обывателей-потребителей») под председательством городского головы или лица его заменяющего (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 61. Л. 23). Деятельность местных комиссий подчас сводилась к сбору сведений о ценах, количестве посевных площадей и запасах товаров в городах и уездах. Все решения продовольственных комиссий подлежали утверждению губернским совещанием, что лишало их реальной власти, а, следовательно, возможности оперативно повлиять на ситуацию.

Установление такс (твердых фиксированных цен) стало основной мерой противодействия росту цен. Ст. 63, п. 12 Городового положения 1892 г. предоставляла право городским властям вводить таксы только на хлеб и мясо. Таксирование цен на другие товары находилось в компетенции губернатора. Например, 11 августа 1914 г. Тюменская городская дума по расчетам местной управы установила таксы на мясо и печеный хлеб и представила их на утверждение губернатора (ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 129).

Законодатель стремился регламентировать порядок определения такс. Например, такса на хлеб должна была устанавливаться так: «... Расчислив цену покупной муки по весу выпеченного хлеба, прибавляется к оной в соразмерности обыкновенные расходы печения и установленная для хлебников прибыль. На сем основании составляется один постоянный расчет, начиная от самой высокой цены муки, какая к торгу бывает и уменьшения оную постепенно для самой низкой». По правилам, «городские управления и полиция наблюдают, чтобы предметы продовольствия, на которые определена такса, были продаваемы не свыше оной и на указанный вес. Таксы выставляются в рядах и других местах, где продажа припасов производится и обнаружуются в ведомостях, где оные издаются» (Городовое положение, 1912).

При этом введенные таксы только временно фиксировали движение цен на потребительском рынке, что в целом не приводило к стабилизации ситуации, и цены продолжали расти. В частности, собранием городских уполномоченных г. Кольвани 5 ноября 1915 г. обсуждались меры борьбы против растущей дороговизны. Отмечалось, что рост цен составил от 10 до 125 %. Цены на березовые дрова поднялись с 4 руб. (1914 г.) до 9 руб. (1915 г.) за сажень; на мыло с 5 руб. 20 коп. (1914 г.) до 10 руб. (1915 г.) за пуд; рыба – 2 руб. (1914 г.) – 3 руб. 20 коп. (1915 г.) за пуд. Собрание постановило учредить городскую исполнительную комиссию по борьбе с дороговизной (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 217. Л. 156-161).

Эта мера борьбы с дороговизной оказалась не действенной: не было отлаженной системы их определения; если таксы были заниженными, то хлеб и другие товары немедленно исчезали из торговой сети, возникали перебои с продуктами, а рынок уходил в подполье. Сельчане, как основные поставщики мяса и других продуктов в город, отказывались вести продукты на продажу, о чем неоднократно писали местные газеты (СТГ, 1916, 12 ноября). В этой связи городские власти были вынуждены периодически пересматривать таксы. Отсутствие единых правил определения такс порождало множество спекуляций и злоупотреблений в этой области (ГАТюмО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 59. Л. 1 об.).

Торговцы, как противники твердых и невыгодных им цен, часто проводили мясные, мучные и сахарные «забастовки» (СЛ, 1915, 26 мая, 10 декабря). Мясники прекращали забойку скота и его продажу, либо торговали подпольно, игнорируя таксы. Развитию спекуляции способствовали принятые запреты. Несмотря на запрет вывоза мяса из губерний, скот перегонялся в другие районы, где не было такс. В результате в городах возникал дефицит мяса, на него вводилась норма продажи – 3 фунта в одни руки.

В соответствии с законом от 30 июня 1916 г. городские думы приняли обязательные постановления о мерах к сокращению потребления мяса и мясных продуктов. Утвержденный Николаем II закон «О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят» запрещал забой скота с понедельника

по четверг каждой недели на бойнях, «а равно и лицами, занимавшимися убоем скота для продажи» (Узаконения, 1914-1917: 522). Одновременно со вторника до пятницы запрещалось торговать мясом и изготавливать из него еду в ресторанах, столовых и других заведениях общественного питания. На время войны мясная торговля производилась три дня в неделю: субботу, воскресенье и понедельник.

Чтобы облегчить создавшееся положение, Всесоюзная сельскохозяйственная палата разработала и разослала по всем населенным пунктам Империи специальные рекомендации: «... для замены мяса рогатого скота необходимо усилить разведение овец, свиней, кур, кроликов, овощей и т.д. Для широкой замены мяса растительной пищей... овощи должны заменить цветы в садах, палисадниках и даже комнатах. Под огороды пустить все пустопорожные участки в городах, пригородах и других населенных пунктах... В свободное от прямых своих занятий время, каждый обыватель может и должен применить свои силы и знания на дело животноводства, огородничества и полеводства. В интересах армии и для своей собственной выгоды всё население должно принять участие в увеличении запаса «питательных элементов». Нормирование вводилось и на продажу кормов для животных (ГАТюМО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 48. Л. 221).

Причинами дороговизны назывались: расстройство путей сообщения (отсутствие подвоза продуктов в города); повышение налогового бремени, спекуляция, военные заказы, интенсивный выпуск кредитных билетов, что обесценивало рубль (ГАТюМО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 328. Л. 33, 39). В ряду этих причин особо обращала на себя внимание спекуляция. Стремительно дорожали в первую очередь привозимые товары: за 1914-1915 гг. в среднем сахар, табак, мыло – в 2 раза, соль – в 3 раза (ГАТюМО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1047. Л. 4).

Периодически из свободной продажи исчезали сахар, крупы, мыло, керосин, сальные и стеариновые свечи и спирт (ГАТюМО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 331. Л. 744; Р-180. Оп. 1. Д. 16. Л. 336 об.). Цены росли как на продукты питания, так и товары промышленного производства – обувь и одежду (пальто, рубахи, брюки, шапки и т.д.). Например, если в январе 1916 г. стяженное пальто можно было купить за 6-7 руб., то в октябре уже за 12-18 руб. (ГАТюМО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 331. Л. 66 а, 656 а; Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 16. Л. 4). Отсутствие кормов зимой 1915/1916 гг. привело к большому падежу скота. Кожевенные заводы в городах, вследствие отсутствия сырья, встали. Большинство заводов полностью перешли к работе на «оборонку», получая заказы от ВПК и Земско-Городского Союза.

Помимо нормирования цен, местные власти принимали и другие меры, сдерживающего и запрещающего характера. В частности, городские управления все чаще просили губернаторов о праве реквизиции. Губернаторы давали на это разрешение. Члены городских управ с полицейскими начали проводить рейды по торговым заведениям и складам в поисках товаров. В частности, тюменский уездный исправник 29 декабря 1915 г. сообщил городскому голове, что на станции Тюмень скопилось 4 вагона с сахаром (4056 пудов) на «предъявителя» и предложил, вследствие острого дефицита сахара в городе, его реквизировать. Начальник губернии дал срочную телеграмму: «реквизируйте сахар. Часть для г. Тюмени, часть для Тобольска» (ГАТюМО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 132, 215, 233, 239). Количество реквизируемой муки определяли на месте городские комиссии по распределению между коммерсантами. При нехватке муки планировалось произвести реквизицию пшеницы сперва у лиц, не являющихся производителями муки, а затем у мукомолов, оставляя им зерно для перемола.

Городские власти часто обращались за финансовой помощью в МВД, губернские администрации, Всероссийский союз городов, банки и др. При этом Особое совещание по продовольственному делу 10 февраля 1916 г. постановило: ввиду того, что ходатайства на закупку предметов первой необходимости поступают не только от городских управлений и земств, но и потребительских обществ, ссуды непосредственно кооперативам не выдавать. Средства частным обществам могут отпускаться городскими управлениями, в т. ч. и средства, предоставленные им Особым совещанием. Примечательно, что Тюменский общественный банк согласился выдать городскому управлению ссуду в 100 тыс. руб. сроком на 1 год на производство закупок продовольствия под 6% годовых. Городская управа составила план закупок на 357600 руб. (ГАТюМО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 281, 303, 305, 341-341 об.).

Текущая ситуация в городах региона усугублялась необходимостью снабжения и расквартирования войск. По срочному циркуляру губернатора, в Тюмени была сформирована комиссия (в составе членов городского управления, полицейских служащих и пр.) для заготовки вещей снаряжения для нужд армии, а также реквизиции у торговцев предметов обмундирования для низших воинских чинов (ГАТюМО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 6. Л. 4-4 об., 12-12 об.). Члены комиссии проводили регулярные проверки запасов хлеба в частных складах и магазинах. Фиксировались факты сокрытия купцами запасов продовольствия и других потребительских товаров.

Во многих городах и селениях Сибири неоднократно наблюдались случаи массовых выступлений малоимущего населения против дороговизны и перебоев в снабжении продовольствием, погромы купеческих складов, лавок и магазинов. Например, в г. Тара, всегда спокойном во всех отношениях городе, согласно докладу жандарма от 4 мая 1916 г., отмечалось «возвышение народного волнения», причиной чего стал недостаток в городе мяса (ГАТюМО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 19. Л. 77-77 об.). Барнаульский голова В.Я. Бирюков в заседании думы 25 января 1917 г. отмечал, что в течение последних 4-х лет город жил «ненормальной жизнью». Бездефицитные сметы

составлялись лишь на бумаге. В действительности каждый год получались дефициты. Торговля падала, а с ней вместе падали и доходы города от базаров и промыслов. Масса плательщиков городских налогов и сборов на войне, а их семьи ждали пособия от города (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 289. Л. 4 об.).

Для населения Тобольской губернии Особое губернское совещание по продовольственному делу с октября 1916 г. по 1 апреля 1917 г. назначило ежемесячную норму в 47000 пудов сахара. Сахар распределялся между городами и уездами губернии сообразно числу городского и сельского населения из расчета: для горожан – по 4 фунта, сельчан – по ½ фунта на человека. Например, на декабрь-январь для тюменцев было определено 8510 пудов, на уезд – 2792 пуда. Кроме того, Особое совещание 30 декабря 1916 г. установило норму отпуска крупчатки на 1 человека как в городе, так и уезде по 20 фунтов в месяц. 7 февраля 1917 г. было принято обязательное постановление о продаже соленой рыбы (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326 А. Л. 2-2 об., 4-5).

Томское губернское продовольственное совещание в декабре 1916 г. постановило выдавать крупчатку по 1 пуду в месяц на человека (для горожан) (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 277. Л. 29-34 об.).

Весной 1916 г. городские власти «задумались» о карточной системе на сахар и муку. Тюменская продовольственная комиссия на заседании 9 июля 1916 г. поставила вопрос о введении карточной системы на сахар (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326 А. Л. 7, 10-10 об.). Глава города доложил губернатору, что для равномерного распределения сахара среди населения вводилась карточная система. С 10 февраля 1916 г. из городской лавки велась оптовая продажа сахара-рафинада по 7 руб. 90 коп. за пуд, сахара-песка по 6 руб. 80 коп. за пуд. Фунт рафинада продавался в розницу не дороже 22 коп., фунт песка – 19 коп. (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 310).

Карточная система на сахар была введена в Тюмени с 1 августа 1916 г. Сахар отпускался из городской лавки и лавок тех торговцев, которые пожелали продавать сахар по 20 коп. за фунт. Согласно объявлению управы, карточки выдавались из Регистрационного бюро во все будние дни с 9 ч. утра до 1 ч. дня и с 3 ч. до 5 ч. вечера. Из-за недостатка сахара, душевая норма потребления была снижена: 2 фунта на горожанина в месяц и ¾ фунта на сельчанина (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 307; Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 48. Л. 163 об.).

Карточная система оказалась малоэффективной. Спрос на сахар не удовлетворялся. Вследствие этого, продовольственная комиссия на заседании 13 марта 1917 г. постановила: запретить в Тюмени выпечку для продажи сдобных булок, куличей, пряников и пирогов, пирожных и всякого рода печенья из сдобного и сладкого теста. Постановлением Временного правительства от 29 июня 1917 г. ограничивалось кондитерское производство. Разрешалось производить только плиточный шоколад, твердую и мягкую карамель, мармелад и пастилу, с ограниченным содержанием тростникового сахара. О таком решении управа довела до сведения владельцев кондитерских и булочных города (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326 А. Л. 336; Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 1. Л. 366-367 об.).

Другим продуктом, подлежащим регулированию карточной системой, стала мука. Мучной кризис испытывали все города и села региона. В частности, 8 декабря 1916 г. на частном собрании Бийской городской думы было констатировано отсутствие в городе запасов зерна для размолы на муку. Приобрести зерно непосредственно у крестьян город не мог, ввиду отсутствия подвоза на местный рынок. Оставалось только ждать подвоза зерна из правительственных заготовок. В Томск были отправлены гласные думы для прошения отпуска зерна или муки для удовлетворения нужд горожан до 60 тыс. пудов ежемесячно. Однако городскому управлению было отпущено лишь 20 тыс. пудов из запасов, заготовленных для нужд армии на Бийском пункте. Томский губернатор сообщил, что лишь при введении карточной системы в городе, он может гарантировать отпуск зерна в необходимом для Бийска количестве. Такого незначительного количества зерна хватило не более чем на полмесяца. Население города с пригородом исчислялось в 45 тыс. человек. Дума установила норму потребления – 1 пуд на человека в месяц (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 281. Л. 16-17 об.).

В малых городах местные власти не вводили карточную систему, вследствие чего торговля мукой была свободной. Например, в г. Тайга, согласно постановлению уполномоченных от 16 февраля 1916 г., ввиду отсутствия в городе складов муки и погребов для хранения мяса решили таксу на хлеб и мясо не принимать. Торговля хлебом всех сортов осталась в городе свободной. Постановлением от 26 июля 1916 г. планировалось введение в городе карточной системы на сахарный песок. Для этого была проведена перепись каждого домовладельца, членов его семьи и квартирантов (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 260. Л. 21, 90). Согласно постановлению собрания уполномоченных г. Тайги от 16 февраля 1917 г., в городе наблюдалась неправильная раздача муки населению. Продовольственная комиссия одним выдавала крупчатку, другим – пшеничную муку, что вызывало недовольство у населения. Уполномоченные постановили: в случае получения разных сортов муки, распределять ее по одинаковому количеству из каждого сорта. Жителям также выдавались особые талоны для получения сахара (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 275. Л. 16).

Собрание городских уполномоченных г. Кольвани 19 января 1917 г. приняло постановление об обеспечении населения города крупчаткой по карточной системе. Потребность в крупчатке определялась в 11 тыс. пудов, исходя из нормы 1 пуд в месяц на человека (10 тыс. жителей) и 1 тыс. пудов для пекарей (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 276. Л. 3-3 об.).

Для Тюмени губернатором была утверждена такса на муку-крупчатку: для оптовой продажи (5 пудовой куль) 1 сорт – 17 руб. 20 коп.; 2 сорт – 13 руб. 20 коп.; 3 сорт – 9 руб. 20 коп.; для розничной торговли (1 пуд): – 1 сорт 3 руб. 50 коп.; 2 сорт – 2 руб. 70 коп.; 3 сорт – 1 руб. 90 коп. (ГАТюмО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 1. Л. 14-15 об.). При этом реквизиция пшеницы у торговцев продолжалась. В частности, органы власти в мае 1916 г. реквизируют крупный запас зерна в складах бывшего тюменского головы А. И. Текутьева (Ермак, 1916, 12 мая).

Кроме проблем со снабжением продовольствием, города Сибири оказались не готовы к топливному кризису. Проблемы функционирования железнодорожного транспорта затрудняли доставку дров, каменного угля и нефтепродуктов. Губернатор в своем предписании отмечал, что большинство городских управлений не подготовилось к трудностям дороговизны и заготовки топлива для нужд населения. В целях недопущения «дровяного голода» он предложил городским думах внести на обсуждение депутатов вопрос о мерах по снабжению топливом и поддержанию нормальных цен на рынке, а именно: 1) обратиться к представителям лесного ведомства и частным владельцам заимок о продаже сухоподстоя и валежника; 2) организовать вывозку этих материалов наемными лошадьми с помощью военнопленных; 3) спросить право рубки в ближайших казенных или частных дачах сырораствующего леса и начать заготовку дров трудом военнопленных (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 46-46 об.). По распоряжению правительства, военнопленные могли привлекаться к общественным работам бесплатно. Городские управы создали специальные комиссии по заготовке дров и других предметов первой необходимости.

В целях своевременного обеспечения топливом губернское управление срочным циркуляром от 29 сентября 1915 г. запросило сведения о ежемесячной потребности городских управлений, частных предприятий и других потребителей в каменном угле, дровах и антраците и с каких железнодорожных станций планируется вывоз. Городская управа телеграммой сообщила, что заводу Машарова требуется 8 вагонов угля в месяц, а городскому населению – 430 вагонов в месяц. В течение зимы вывоз производился с железнодорожных станций Карман, Тутулым, Юшала и Богандинка. По подсчетам тюменского уездного исправника, городу на 7 зимних месяцев требуется дров до 130 тыс. погонных сажень. При этом он указал, что большие трудности могут возникнуть с доставкой дров из уезда в город (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 8, 27-27 об.).

Острой проблемой снабжения продовольствием являлось расстройство транспортных путей. Выход из сложившейся ситуации центральная власть видела еще в большем усилении государственного вмешательства в рыночную торговлю путем установления правительственными агентами контроля за всеми торговыми сделками и продовольственной разверстке в масштабе страны. Количество зерновых хлебов и фуража, подлежащих приобретению, должно было устанавливаться для каждой губернии Особым губернским совещанием в соответствии с размерами урожая, запасов хлебов и нормами потребления. По специальной инструкции, расчет за продукты должен был производиться немедленно по твердым ценам. Территория Тобольской губернии подразделялась на районы, в которых и закупались излишки зерна. Предполагалось, что закупки станут планомерной мерой: сельские волостные правления должны были представлять списки домохозяйств с указанием числа душ, площади посевов, запасов зерна и его излишков (Инструкция, 1916).

В целях борьбы с возможными махинациями в сфере снабжения продовольствием, правительством был опубликован закон «Об уголовной ответственности торговцев и промышленников за повышение или понижение цен на предметы продовольствия» (1916 г.), который предусматривал серьезные наказания для нарушителей: заключение в тюрьму на срок от 1 года 4 месяцев до 2 лет и штрафы от 100 руб. до 10 тыс. руб. Губернатор обязал местные продовольственные комиссии применять данный закон (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326 А. Л. 200-200 об.).

Кроме губернских, городских и уездных продовольственных комитетов и думских комиссий вопросами обеспечения населения товарами первой необходимости (мукой, маслом, мясом, солью, дровами, спичками и др.) из городских торговых лавок ведали продовольственные отделы управ. Именно от их работы во многом зависела эффективность организации продовольственного дела в городах. В 1915–1917 гг. при государственной монополии на хлеб, мясо и сахар, благодаря имеющимся запасам этих продуктов, продовольственные отделы получали их по твердым ценам через губернский и уездный продкомитеты.

Временное правительство еще хуже царского справлялось с обеспечением всех нуждавшихся в товарах первой необходимости (Оськин, 2015: 170). К лету 1917 г. ситуация с продовольствием в городах лишь ухудшилась. Благодаря упадку производительности как фабричного производства, так и сельского хозяйства, многие продукты почти совсем отсутствовали на местном рынке. В частности, существенный дискомфорт испытывали курильщики вследствие табачного голода и стремительного роста цен на папиросы. В июне 1917 г. 100 папирос стоили 25 руб., а в одни руки продавалось не более 10 штук (Кононенко, 2009: 52).

С целью покрытия дефицита товаров первой необходимости городские власти совместно с кооперативами приступили к организации собственных производственных предприятий. В Тобольске кооператив «Самосознание» в декабре 1916 г. организовал маслодельный завод, колбасное производство и мясную торговлю. Осенью 1916 г. приступили к организации производства карамели и монпансье для продажи по нормальным ценам кооператоры барнаульского «Сотрудника».

В Новониколаевске с сентября 1916 г. кооператив «Экономия» приступил к организации собственной пекарни, кондитерской и мыловаренного завода. Городская управа поддержала организацию кооперативного мыловаренного завода, обещав снабжать его сырьем (Запорожченко, 2010: 48). В Тюмени учредили городскую сапожную мастерскую (в ведении управы). Необходимость открытия мастерской вызывалась тем, что на рынке обувь была представлена в малом количестве и по невероятно высокой цене. Кроме того, начинался новый учебный год, а большинство учащихся города не имели возможность приобрести новую обувь.

В 1915–1918 гг. процесс «сворачивания» торговых операций и закрытия местными торговцами своих фирм резко усилился. Целый ряд крупных торгово-промышленных компаний региона, товариществ и частных «за неимением товаров и отсутствием рынка для приобретения их для продажи» решили временно прекратить торговлю (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 8. Л. 48). Даже тюменский «рыбный король» А.И. Михалев 7 июня 1918 г. сообщал, что «свежей рыбой летом торговли совсем не провожу и существующие на рынке цены мне не известны». Соленую рыбу он продавал по таксе, утвержденной уездным продкомитетом 4 декабря 1917 г. (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 8. Л. 48).

Поле октябрьского переворота начался отдельный период организации продовольственного дела в городах Сибири. С изданием декретов и разных ограничений потребительские товары стали исчезать с местного рынка. Государственные продовольственные комитеты настолько были завалены со всех сторон требованиями продуктов, что начали сокращать норму отпуска, а в ряде случаев совсем отказывались отпускать продовольствие для горожан.

Потеряв всякую надежду на получение продуктов через продкомитеты по твердым ценам, городские власти приступили к самостоятельным заготовкам, которые сдерживались разными запретами, а нередко самостоятельно заготовленные ими продукты реквизировались или задерживались и поступали в распоряжение продкомитетов, а оттуда с надбавками комиссионных, организационных и прочих расходов отпускались городам.

В 1917–1918 гг. деятельность городских продовольственных комиссий состояла главным образом в самостоятельной заготовке продуктов и их распределении посредством продовольственных карточек. Карточная система вводилась на предметы первой необходимости постепенно, начиная с сахара и муки и заканчивая керосином. В отдельные месяцы из-за отсутствия некоторых товаров приходилось совсем прекращать их распределение, в частности, сахара, табака и керосина (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 78. Л. 17). Самостоятельные заготовки вели городские власти совместно с кооперативами, что принесло большую пользу, чем снабжение через губернские и уездные комитеты.

С ликвидацией губернских и уездных продкомитетов, городские власти продолжили вести самостоятельные заготовки, которые возможны были лишь за наличный расчет и при условии внесения денег за товары вперед. Такой порядок при дефиците оборотных средств крайне затруднял работу местным властям. Уполномоченный же министерства продовольствия по Тобольской губернии осенью 1918 г. прекратил отпуск городам хлебных продуктов.

После выхода России из войны, ситуация на потребительском рынке стабилизировалась. В 1919 г. на местных рынках стали появляться товары, исчезнувшие в период социально-политических потрясений, однако цены продолжали расти. Темпы инфляции были колоссальны: в 1916 г. фунт мяса стоил 8 руб. 16 коп., а в 1919 г. – 220 руб., т.е. + 2696 % (Кононенко, 2009: 53).

5. Заключение

В целом, дефицит на потребительском рынке товаров, их дороговизна были вызваны условиями военного времени, спекуляцией и разрозненной политикой правительственной власти по обеспечению населения продуктами питания и другими предметами. Введенные меры по регулированию продовольственного дела (комитеты, комиссии и совещания, нормирование и таксирование, запреты на ввоз и вывоз товаров, карточная система, самостоятельные закупки, городское огородничество и посеvy, реквизиция, продразверстка и пр.) оказывались малорезультативными. В годы социально-политических потрясений городские власти достигли некоторых успехов в деле продовольствия. Ситуация на потребительском рынке в крупных городах Сибири не была столь критичной, как в малых поселениях. Более того, в 1920-е гг. Советы всецело задействовали накопленный прежней властью опыт снабжения населения товарами первой необходимости.

Литература

- Ермак, 1916 – Газета «Ермак». 1916.
 Городовое положение, 1912 – Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнениями. СПб., 1912.
 ГАТюмО – Государственный архив Томской области.
 ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области.
 Запорожченко, 2010 – Запорожченко Г.М. Хозяйственная деятельность городских потребительских кооперативов Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 43-49.

- Инструкция, 1916** – Инструкция о порядке заготовки в Тобольской губернии хлебных продуктов для нужд армии. Тобольск, 1916.
- Книга, 2004** – История банковского дела Тюменской области. Тюмень: Слово, 2004. 615 с.
- Кононенко, 2009** – *Кононенко А.А.* Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. 228 с.
- Оськин, 2015** – *Оськин В.М.* Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // *Научные ведомости. Серия История. Политология.* 2015. № 7 (204). Вып. 34. С. 164-171.
- Позняк, 2016** – *Позняк Т.З.* Борьба с дефицитом и дороговизной в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // *Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны.* Владивосток, 2016. С. 177-194.
- СЛ, 1915** – Сибирский листок. 1915.
- СТГ, 1916** – Сибирская торговая газета. 1916.
- Узаконения, 1914–1917** – Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Ч. 1. Пг., 1917. С. 552-554.
- Черкасова, 2010** – *Черкасова И.Ю.* Сочинский округ в годы первой мировой войны: борьба с дороговизной // *В мире научных открытий.* 2010. № 2 (08), Ч. 1. С. 99-102.
- Чудаков, 2009** – *Чудаков О.В.* Деятельность органов городского самоуправления Тобольской губернии в борьбе с дороговизной жизни в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // *Омский научный вестник.* 2009. № 4 (79). С. 35-37.
- Gatrell, 2005** – *Gatrell P.* First World War: a social and economic history. Harlow, 2005. 318 p.
- Rynkov, 2016** – *Rynkov V.M.* Channels of social mobility of Russian society: world war influence // *Bylye Gody.* 2016. № 41 (3). pp. 830-838.

References

- Ermak, 1916** – Gazeta «Ermak». 1916.
- Gorodovoe polozhenie, 1912** – Gorodovoe polozhenie s zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami i dopolnениями [Gorodovy situation with legislative motives, explanations and additions]. SPb., 1912. [in Russian].
- GATomO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region].
- GATyumO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoii oblasti [State archive of the Tyumen region].
- Instruktsiya, 1916** – Instruktsiya o poryadke zagotovki v Tobol'skoi gubernii khlebnykh produktov dlya nuzhd armii [The instruction about a procurement order in the Tobolsk province of grain products for needs of army]. Tobolsk, 1916. [in Russian].
- Zaporozhchenko, 2010** – *Zaporozhchenko G.M.* (2010). Khozyaistvennaya deyatel'nost' gorodskikh potrebitel'skikh kooperativov Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Economic activity of city consumer cooperatives of Siberia at the end of XIX – the beginning of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* Nr. 1 (9). pp. 43-49.
- Книга, 2004** – Istoriya bankovskogo dela Tyumenskoii oblasti [History of banking of the Tyumen region]. Tyumen: Slovo, 2004. 615 p. [in Russian].
- Kononenko, 2009** – *Kononenko A.A.* (2009). Tyumen' na pereput'e: vlast' i obshchestvo v 1917–1921 gg. [Tyumen at the crossroads: the power and society in 1917–1921]. Tyumen: TSOGU. 228 p. [in Russian].
- Os'kin, 2015** – *Os'kin V.M.* (2015). Prodovol'stvennyi vopros v Rossii v 1917 godu: slaboe mesto novoi vlasti [Food question in Russia in 1917: weak point of the new power]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya.* Nr. 7 (204). Vol. 34. pp. 164-171. [in Russian].
- Poznyak, 2016** – *Poznyak T.Z.* (2016). Bor'ba s defitsitom i dorogoviznoi v gorodakh rossiiskogo Dal'nego Vostoka v gody Pervoi mirovoi voiny [Fight against deficiency and high cost in the cities of the Russian Far East in the years of World War I] // *Dal'nii Vostok Rossii i strany Vostochnoi Azii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny* [The Far East of Russia and the country of East Asia on the eve of and in the years of World War I]. Vladivostok. pp. 177-194. [in Russian].
- СЛ, 1915** – Sibirskii listok. 1915.
- СТГ, 1916** – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1916.
- Uzakoneniya, 1914–1917** – Uzakoneniya i rasporyazheniya po prodovol'stvennomu delu za 1914–1917 gg. [Legalizations and orders on food business for 1914–1917]. Pг., 1917. pp. 552-554. [in Russian].
- Cherkasova, 2010** – *Cherkasova I.Ju.* (2010). Sochinskii okrug v gody pervoi mirovoi voiny: bor'ba s dorogoviznoi [The Sochi district in the years of World War I: fight against high cost]. *V mire nauchnykh otkrytii.* Nr. 2 (08), pp. 99-102. [in Russian].
- Chudakov, 2009** – *Chudakov O.V.* (2009). Deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya Tobol'skoi gubernii v bor'be s dorogoviznoi zhizni v gody pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 gg.) [Activity of bodies of city self-government of the Tobolsk province in fight against high cost of life in the years of World War I (1914 – february, 1917)]. *Omskii nauchnyi vestnik.* Nr. 4 (79). pp. 35-37. [in Russian].
- Gatrell, 2005** – *Gatrell P.* (2005). First World War: a social and economic history. Harlow. 318 p.
- Rynkov, 2016** – *Rynkov V.M.* (2016). Channels of social mobility of Russian society: world war influence. *Bylye Gody.* Nr. 41 (3). pp. 830-838.

УДК 94 (571.12)

Борьба с дороговизной и обеспечение населения товарами первой необходимости в городах Западной Сибири в годы Первой мировой войныВладимир Дмитриевич Камынин ^{a, *}, Александр Борисович Храмцов ^b^a Уральский Федеральный университет, Российская Федерация^b Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников рассмотрено развитие продовольственного дела в сибирских городах в условиях войны, причины дороговизны и спекуляции, меры борьбы с ней, создание городами собственных производственных предприятий. Цель статьи – исследовать деятельность правительственной власти и органов городского управления в сфере обеспечения населения товарами первой необходимости в Сибири в 1914–1918 годы. Определены причины дороговизны: расстройство путей сообщения (отсутствие подвоза продуктов в города); повышение налогового бремени, спекуляция, военные заказы, интенсивный выпуск кредитных билетов, что обесценивало рубль. В статье исследованы меры по учреждению губернских (уездных) продовольственных комитетов, городских комиссий, введению нормирования цен, карточной системы, запретов на ввоз и вывоз товаров, осуществлению самостоятельных закупок, огородничества, посевов, реквизиции и продразверстки. Установлено, что отсутствовала отлаженная система введения такс, а ввиду их мизерности товары исчезали с потребительского рынка, начинались перебои с продуктами, развивались подпольные рынки, спекуляции и злоупотребления в сфере продовольствия. Подчеркнуто, что карточная система на продукты первой необходимости (сахар, мука) оказалась малоэффективной. В заключении сделаны выводы о том, что государственное вмешательство в экономику, сдерживающие и запретительные меры давали лишь временный эффект. Во многих городах неоднократно наблюдались случаи массовых акций малоимущих против дороговизны и перебоев с продуктами, погромы складов, лавок и магазинов. В 1915–1918 гг. процесс «сворачивания» предпринимателями торговых операций и закрытия своих предприятий резко усилился. Города Сибири оказались не готовы к топливному кризису. Ситуация на потребительском рынке оставалась сложной и стабилизировалась лишь в 1919 г.

Ключевые слова: дороговизна, нормирование цен, таксы, продовольствие, товары первой необходимости, потребительский рынок, Западная Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kamynin@yandex.ru (В.Д. Камынин), khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмцов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1119-1126, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1119
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 070:93/94 (571.1)

Literary Works in the Student Press of the early twentieth century as Historical Source that Reflect the Characteristics of the Worldview and Lifestyle of Siberian Students in the beginning of the XX century

Vera N. Cherepanova ^{a, *}, Yulia V. Putilina ^b, Yulia P. Savitskaya ^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Tyumen regional Academy for professional development, Russian Federation

Abstract

In this article the analysis of poetry and prose published in the popular student magazine "Siberian student", published from 1914 to 1916. On the basis of the implemented study, an attempt was made to determine the prevailing attitudes, values, moods, and aspirations of Siberian youth in the early twentieth century. Identifies the main topics addressed in published poetry and prose. Among the most common, the following thematic areas: description of the phenomena and beauty of Siberian nature; celebration of love to the representative (the representative) of the opposite sex; reflecting other feelings and emotional States, including passion, excitement, joy, happiness, etc.; praise certain virtues and human qualities, including bravery, courage, honesty, spiritual purity and freedom; a description of domestic life, environment, everyday relationships with family and friends on behalf of the heroes of works of art; an expression of nostalgic feelings and moods: including longing for home, abandoned at the time of study family and friends; the theme of the First world war, the description of the heroism and courage of the survivors of the ordeal at this time; storytelling about everyday life of ordinary students; clothed in a literary form of direct or indirect appeals to the ideological integration of young people in the struggle for their rights.

Determined that the various thematic units are often intertwined in the same works. In a substantial part of published stories and poems cover subjects along with a description of the nature of the native land, the chanting of certain human virtues and qualities. Found that the "Siberian student" published in the creativity not only of the Tomsk students, but already famous and popular by the time of writers and poets. However, the big reader's interest and approval published in the Siberian student press works, allowed us to conclude that the literary material, regardless of authorship, in General, reflect the mindset and worldview of the Siberian youth in the early twentieth century.

Keywords: Siberia, students, student press, periodicals, the magazine "Siberian student," poetry, prose, short stories, poems, fiction, genres.

1. Введение

Журнал «Сибирский студент», издаваемый регулярно с 1914 по 1916 годы, представляет собой ценный исторический источник начала XX века, отображающий насущные проблемы, образ жизни и мировоззрение студенческой молодежи Сибири в начале прошлого столетия.

Стихотворения и рассказы, размещенные в данном периодическом издании, позволяют нам сформировать представление об образе мыслей и ценностных ориентациях молодежи в исследуемый период. В опубликованных произведениях прослеживается романтический настрой, восхищение природой, любовь и свободолюбие авторов. Практически каждое опубликованное произведение

* Corresponding author

E-mail addresses: veranikandrovna@mail.ru (V.N. Cherepanova), putilina-yulia@mail.ru (Yu.V. Putilina)

затрагивает одновременно различные тематические блоки, отражая злободневность тем того времени, а также мировоззрение студенческой молодежи.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на базе анализа поэзии и прозы, опубликованной на страницах томского журнала «Сибирский студент», выходявшего с 1914 по 1916 годы.

В качестве методов исследования использованы:

- метод контент-анализа, с помощью которого подробно исследованы стихи, рассказы, эссе и иные литературные произведения, опубликованные в журнале «Сибирский студент» в период с 1914 по 1916 годы;
- исторический метод, позволивший изучить особенности формирования и развития студенческой прессы в начале XX века;
- системный подход, позволивший систематизировать выявленные исторические факты, установить существующие взаимосвязи и закономерности между ними;
- нарративный метод, с помощью которого выявленные и систематизированные факты были изложены в последовательном порядке.

3. Обсуждение

Анализируя степень изученности выбранной тематики, целесообразно отметить следующее. Вопросы, связанные со становлением системы высшего образования в России, затрагивались в трудах отечественных и зарубежных исследователей (Блинов, 2001; Dudgeon, 1975; Johanson, 1998). Особенности развития периодической печати в стране рассматривались в работах историков (Есин, 2007; Периодическая..., 1991). Однако нами не найдено ни одного комплексного исследования монографического уровня, подробно освещающего аспекты, связанные с развитием студенческой прессы в Сибири. Лишь в немногочисленных трудах данные аспекты раскрываются вкратце – в числе других вопросов о становлении журналистского дела (История..., 2004).

Кроме того, на сегодняшний день не представлено исследований, в целом посвященных анализу беллетристики, литературных произведений, опубликованных на страницах томской студенческой прессы в начале XX века. Таким образом, можно констатировать, что тема, раскрытию которой посвящена настоящая статья, будет рассматриваться впервые.

4. Результаты

Из исторических источников начала прошлого столетия, запечатлевших те или иные факты из жизни сибирских студентов, большой информационный пласт содержится в материалах Государственного архива Томской области (ГАТомО).

Так, в фондах 102 «Томский госуниверситет», 194 «Томский технологический институт», 193 «Сибирские высшие женские курсы» ГАТомО хранятся документы томских вузов, содержащих официальные данные о деятельности этих учебных заведений, в том числе: количестве зачисленных и отчисленных студентов, их успеваемости, половозрастном, сословном составе и др. Отмеченные материалы представлены в форме циркуляров, учебных планов, заявлений студентов о приеме на учебу, зачетных книжек, личных дел и т.д.

Кроме того, в этих же фонах содержатся некоторые сведения об участии студентов в научных и творческих кружках, студенческих землячествах, а также и некоторых других общественных и политических организациях и движениях.

Общественно-политическая сторона жизни сибирской студенческой молодежи в начале прошлого столетия запечатлена в документации местных и центральных правоохранительных структур. В источниковом комплексе данного типа сосредоточены документы, отобразившие факты участия отдельных студентов в общественно-политической жизни Сибири. В частности, здесь содержится информация о проходивших сходках, стачках, митингах и других протестных действиях со стороны учащихся сибирских вузов, а также об участии студенческой молодежи в различных политических партиях и движениях. Сведения такого рода изложены в форме отчетов, обзоров, служебных записок начальников жандармских управлений, материалов судебных и следственных дел, агентурных донесений и др.

Данная документация хранится в фондах ГАТомО (ф. 104 «Томское городское полицейское управление», 411 «Томское губернское жандармское управление»), РГИА (ф. 1405 «Министерство юстиции»), ГА РФ (ф. 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел») и др.

При этом общие вопросы, связанные с регламентацией образовательного процесса, а также некоторые сведения о самой студенческой молодежи, хранятся в фондах документов Министерства народного просвещения РГИА (ф. 733, ф. 740–741) и ф. 126 «Управление Западно-Сибирского учебного округа» ГАТомО.

Помимо прочей документации, к важным источникам начала прошлого века, можно отнести памятные книжки, справочники, отчеты о деятельности вузов, опубликованные на данном историческом этапе (Отчет..., 1911; Памятная..., 1909).

Несмотря на наличие разнообразных и многочисленных исторических источников интересующего нас периода, запечатлевших те или иные факты о положении и деятельности сибирских студентов, материалов о неформальной стороне их жизни до сих пор обнаружено немного.

Поясним, что под неформальной жизнью сибирского студенчества мы будем понимать аспекты, связанные с их мироощущением, мировоззрением, отношением к представителям противоположного пола, семье, старшим, дружбе, родному краю, природе, браку, с их настроением, моральными принципами, повседневной жизнью вне высших учебных заведений, вне официально зарегистрированных студенческих кружков, землячеств, а также и вне политической деятельности и партий.

Таким образом, в контексте неформальной жизни сибирского студенчества в настоящей статье будут пониматься аспекты, не связанные с их обучением, деятельностью в высших учебных заведениях и привузовских организациях, а также общественно-политическими движениями.

Такого рода информация запечатлена в исторических первоисточниках крайне слабо. Отчасти этот пробел могут компенсировать произведения литературно-художественной направленности, беллетристика, опубликованные на страницах сибирской печатной прессы начала XX века.

Несмотря на то, что в такого рода произведениях не содежится четких и однозначно подтвержденных исторических фактов и событий, а многие литературные герои являются вымышленными, тем не менее, общие черты и специфика неформальной и повседневной жизни студентов, особенности их мировзрения и морально-нравственных ценностей здесь все же запечатлены. Это дает нам возможность констатировать неоспоримую ценность данного материала с точки зрения истории, возможности восстановления комплексного и объективного представления о студенческой молодежи Сибири в интересующий нас исторический период.

Оговоримся, что в подобном ракурсе сибирское студенчество начала XX века в современной научной литературе до настоящего времени не рассматривалось, что делает заявленную тематику особенно актуальной.

Среди официальной томской студенческой прессы начала XX века в качестве «стабильного» издания, выходявшего на протяжении нескольких лет (с 1914 по 1916 годы), можно выделить всего лишь один журнал – «Сибирский студент». Остальные томские студенческие печатные издания (в т.ч. «Синдетикон», «Студенческий день») вышли только по одному разу, в связи с чем, мы не будем останавливаться на их анализе подробно.

Исследуя материалы «Сибирского студента», нам удалось установить, что существенная часть материалов публицистического и аналитического цикла посвящена проблемам сибирского студенчества. Прежде всего, в статьях данного цикла говорится о социальной несправедливости, тяжелом материальном положении, невыносимых бытовых условиях учащихся вузов.

Так, например, в одном из выпусков «Сибирского студента» Б. Енисейский пишет о том, что «Студенчество пережило ... большой упадок сил... Не хотелось ни работать, ни думать, так темно было вокруг, так тяжело, смутно было в душе» (Енисейский, 1915: 35).

Отметим, что данной цитатой пронизан весь цикл публикаций в данном периодическом журнале. При этом тема бедности, невыносимого положения учащихся вузов зачастую поднимались не только на страницах студенческой прессы, но и других журналов и газет либеральной и леводемократической направленности.

Однако, как выяснилось, данные проблемы значительно реже озвучивались в рамках литературных произведений, опубликованных в сибирской студенческой прессе начала XX века. Более того, нередко в поэзии и прозе, публикуемой в «Сибирском студенте», звучала тема радости, счастья, испытываемого авторами соответствующих литературных работ (Вяткин: Радость..., 1914: 115–116).

В творческой зарисовке Е. Ватман под названием «Весенние шары» встречается красочное, проникнутое любовью и весенним настроением описание природных явлений, связанных с соответствующим временем года (Ватман: 87–88). Произведение автора пронизано необыкновенно теплым чувством радости и весеннего настроения, любовью к природе и ее явлениям, отображенным в выражениях: «первое робкое дуновение весны», «ласковая свежесть», «весенняя фея» и т.д.

В большей части опубликованных в данном издании художественных произведений прослеживается романтический настрой авторов, их восхищение природой сибирского края, любовь и бесстрашие. Данные тематические блоки часто переплетаются между собой в одном и том же стихотворении, эссе или рассказе.

Например, в 1914 году в «Сибирском студенте» публикуется стихотворение Г. Вяткина «Фея гор», где автор, описывая буруеваемые его чувства, обращается к их образному сопоставлению со стихиями и явлениями природы родного края (Вяткин: Фея..., 1914: 93–4).

В стихотворении автора, публикуемого под псевдонимом Далекый, последний обращается к месяцу, лесу, метели и ели, как к равным и понимающим его собеседникам (Далекый, 1914).

Среди описаний природы и ее явлений, большой пласт стихов, опубликованных в томской студенческой прессе, посвящен воспеванию того или иного времени года, либо суток, природных явлений, связанных с данными временными периодами. Например, в стихотворении П. Радимова воспевается природа родного края во время наступления одного из времен года – осенней поры

(Радимов, 1916: 1–2). А в стихотворении М. Васильевой-Потаниной («Весенние лучи») настроение автора сравнивается с особенностями весны (Васильева-Потанина, 1916: 13–14).

В рассказах и эссе тоже проявляется любовь к явлениям природы, родному краю, России, Сибири, ностальгия и тоска по родному дому. Здесь также часто встречается одушевление явлений природы. Наглядно демонстрирует выявленную тенденцию отрывок из рассказа А. Замиралова, опубликованный под названием «Дождь» (Замиралов, 1914: 122).

Очевидно, что вдали от близких людей студенты томских вузов особо остро чувствовали тоску по матерям и другим членам своих семей, что проявлялось в читательском интересе и одобрении любых ностальгических произведений, публикуемых в студенческой прессе. Данные настроения пронизывают многочисленные стихи, опубликованные в журнале «Сибирский студент» (Чумачено, 1914: 93–94).

Из личных качеств и состояний души, восхваляемых в поэзии, публикуемой в студенческой прессе, особенно часто упоминались такие как: гордость, любовь к свободе и воле (Огни..., 1916: 7–8; Силин, 1915: 17–18; Высоцкий, 1915: 26). Помимо прочих стремлений и качеств, воспеваемых в произведениях, опубликованных в студенческой прессе начала прошлого столетия, также выделяется честность (Васильева-Потанина, 1915: 2–3), сердечная чистота (Вяткин, 1916: 13–14), отвага, храбрость, желание подвигов, стремление к идейному объединению и братству (Лоцилов, 1915: 33–34).

Следует отметить, что произведения агитационного характера, в текстах которых содержался прямой, либо косвенный, призыв к учащейся молодежи, направленный на ее объединение по принципу братства и идейной близости в борьбе за свои права, также как и произведения романтического жанра, нередко были пропитаны восхвалением родного сибирского края, его красоты и необъятных просторов (Вяткин: Сибирская..., 1914: 85–86). В рассказах, повествующих события Первой мировой войны, воспеваются героизм людей, прошедших страшные испытания того времени.

Однако не только серьезные темы поднимаются со страниц исследуемого издания. В рассказах и эссе в простой и легкой форме повествуется о повседневном быте сибирской студенческой молодежи, что является особенно ценным с точки зрения восполнения исторической картины неформальной жизни студенческой молодежи в начале прошлого столетия. Нередко сами студенты выступали в качестве авторов таких повествований. Материалы такого рода, как правило, размещались в постоянной рубрике «Сибирского студента» - «Беллетристика». Отдельные произведения были написаны в юмористическом жанре. Наглядным примером тому может служить рассказ В.Я. Шишкова под названием «Первый блин» или «Маленький шарж», опубликованный в 1914 году (Шишков, 1914: 79–86). В остроумной и ироничной форме автор произведения описывает истории из жизни обычного студента.

Следует заметить, что среди авторов, публикующих свои художественные произведения в томской студенческой прессе начала XX века, встречались не только студенты, но и лица, окончившие вуз, а также известные в то время писатели и поэты (Г. Вяткин, М.Г. Васильева-Потанина и др.).

Важно отметить, что литературные произведения, публикуемые в «Сибирском студенте», независимо от жанра и известности автора, в целом отражают образ мыслей и мировоззрения сибирской учащейся молодежи и позволяют сформировать исторический портрет сибирского студента начала XX века: это, как правило, отважный, храбрый, страстный, эмоциональный и радостный, любящий свою жизнь, семью, природу родного края, тоскующий по оставленным на время учебы родственникам, романтически настроенный, обладающий тонким чувством юмора и справедливости, ценящий правдивость, жаждающий быть полезным своей Родине, своему народу, стремящийся к подвигам во славу своей Отчизны человека.

Несколько другой исторический портрет вырисовывается из материалов аналитического и публицистического цикла студенческой, либеральной и леводемократической прессы. В перечисленных материалах студент представлен преимущественно в образе бедного, морально опустошенного, но не сдающегося, ощущающего острое недовольство своим материальным положением, сетующего на жизнь и бытовые проблемы, пребывающего в унынии, тревоге либо «праведном» гневе из-за социальной несправедливости вокруг, одновременно – решительно настроенного в борьбе за свои права человека.

Таким образом, общим в художественных и публицистических образах сибирского студента является решительный настрой учащихся вузов в борьбе за свои права, желание быть полезными своей Родине и народу.

Однако, несмотря на некоторые общие черты, в целом исторический портрет студента, вырисовывающийся из материалов художественных произведений, опубликованных в сибирской студенческой прессе начала XX века, во многом отличается от его образа, отображенного в материалах публицистического и аналитического цикла.

Представленный анализ, раскрывающий портрет студента через литературные произведения начала XX века, несколько преломляет сформированный на основе архивных источников образ жизни студентов, характеризуемый тяжелым бытом и бедностью.

Произведения поэзии и прозы, опубликованные в журнале «Сибирский студент», являющемся, безусловно, важным и ценным историческим источником начала XX века, позволили констатировать,

что студенты в начале прошлого столетия умели искренне радоваться простой жизни и незатейливому быту, наступлению весны, созерцанию природы, обладали тонким чувством юмора, здоровым оптимизмом, верой в себя и свое будущее, безграничной любовью к своему родному краю, трепетным отношением к семье, близким людям, уважительным отношением к старшим и др.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что излишнее недовольство и заикленность студентов на проблемах материального и бытового плана, вопросах о социальном неравенстве и несправедливости, о которых постоянно упоминалось в материалах аналитического и публицистического цикла, как со страниц студенческой прессы, так и журналов и газет либеральной и леводемократической направленности, были сильно преувеличены.

Можно предположить, что односторонний взгляд на студенческие вопросы, акцентирование внимания читателей соответствующих периодических изданий именно на негативной стороне жизни и положения студенческой молодежи Сибири, было выгодно определенным политическим силам в начале прошлого столетия (эсерам, либералам, социал-демократам и т.д.). Вероятнее всего целью такого рода пропаганды являлось пополнение рядов сторонников соответствующей идеологии, вовлечение студенческой молодежи в то или иное политическое движение, склонение к тем, либо иным убеждениям и взглядам.

Полагаем, что историко-информационная картина об истинном положении, мироощущении и взглядах студенческой молодежи в начале XX века, представленная и транслируемая в исторических трудах, должна быть подвергнута большей объективизации, выстроенной, помимо прочего, на более тщательном изучении таких недооцененных до сих пор исторических источников, как материалы художественной литературы начала прошлого столетия, прямо, либо косвенно, повествующей о повседневной жизни, быте и умонастроениях учащихся вузов.

5. Заключение

Таким образом, в ходе исследования было обосновано, что литературные произведения, беллетристика представляют собой важный информационный пласт, способствующий более полному и комплексному раскрытию образа и неформальной жизни студенчества Сибири.

Реализованный анализ художественной прозы и стихов, опубликованных в томской студенческой прессе начала XX века, показал, что наиболее распространенные тематические блоки соответствующих произведений можно условно разделить на следующие группы:

- воспевание природы родного края, ее явлений, с их образным наделением качествами живых и разумных существ: гор, рек, ручьев, воздуха, представителей животного и растительного мира, времен года, суток и др.;

- романтическое воспевание чувства любви к представителю (представительнице) противоположного пола, а также лирическое описание сопутствующих этому чувству явлений (например, тоски от неразделенной любви, грусти от временной разлуки, радости от предвкушаемой встречи т.д.);

- эмоциональное описание обуреваемых чувств, несвязанных с романтическими отношениями с представителем (представительницей) противоположного пола: восторга, радости, счастья и др.;

- восхваление доблестей и человеческих качеств, таких как: честность, отвага, храбрость, доброта, свободолюбие, целеустремленность и др.;

- описание домашнего быта, обстановки, повседневных отношений с родными и близкими от лица героев рассказов, повестей и стихотворений;

- прямая и косвенная демонстрация любви и тоски по родному дому, матерям, близким, друзьям, покинутым студентами на время прохождения учебы;

- тема Первой мировой войны, повествование о героизме и отваге людей, прошедших тяжкие испытания в это время;

- рассказы и эссе, описывающие истории из повседневной жизни и быта студентов;

- произведения агитационного характера, текст которых содержал прямые, либо косвенные призывы к идейному объединению молодежи в борьбе за свои права.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что нередко тематические блоки переплетались в одном и том же произведении неоднократно. Например, восхищение любимым юношей или девушкой почти всегда сопровождалось воспеванием красоты природы родного края. При этом описание доблестей и человеческих качеств (храбрости, отваги, свободолюбия и др.) нередко содержалось в произведениях агитационного характера, либо шло параллельно с тематикой Первой мировой войны – в повествовании о судьбах и подвигах отдельных людей.

Несмотря на ожидаемые темы стихов и прозы, публикуемых в студенческой прессе начала XX века (любовь, природа, доблести и человеческие качества и т.д.), несколько неожиданным оказался факт того, что на страницах художественных произведений, опубликованных в «Сибирском студенте», тема бедности, невыносимого положения студентов, социальной несправедливости, ущемления прав граждан звучала здесь значительно реже, нежели чем в статьях публицистического и аналитического цикла, опубликованных в этом же периодическом издании.

Можно предположить, что художественные произведения, размещенные на страницах студенческой прессы начала XX века как ценные исторические источники своего времени, более

тонко отражали истинное внутреннее мироощущение, ценностные приоритеты и устремления сибирской молодежи. Несмотря на сложные времена, бедность, социальные, политические и экономические проблемы, молодежь продолжала радоваться жизни, любить свой родной край, Родину, влюбляться, восхищаться и стремиться к самым своим заветным мечтам. Студенты верили и надеялись, что все трудности преодолимы, а самое лучшее будет еще впереди, восторжествует правда и справедливость, добро, отвага и человеческая честь.

Литература

- Блинов, 2001** – Блинов В.И. Развитие образования в России в XVIII – начале XX вв. под влиянием изменений во взглядах на цели воспитания. М., 2001.
- Вальс..., 1915** – Вальс (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №3–4 (нояб.-дек.). Стб. 19–20.
- Васильева-Потанина, 1916** – Васильева-Потанина М. Весенние лучи // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1916. №5 (май). Стб. 13–14.
- Васильева-Потанина, 1915** – Васильева-Потанина М. Из летнего альбома // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №7–8 (март-апр.). Стб. 43–44.
- Ватман, 1914** – Ватман Е. Весенние шары (Эскиз) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. № 1 (май). Стб. 87–92.
- Высоцкий, 1915** – Высоцкий А.Р. На травке // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №7–8 (март-апр.). Стб. 20–28.
- Вяткин, 1916** – Вяткин Г. Из песен заката // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1916. №5 (май). Стб. 13–14.
- Вяткин: Радость..., 1914** – Вяткин Г. Радость (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №2 (авг.). Стб. 115–116.
- Вяткин: Сибирская..., 1914** – Вяткин Г. Сибирская студенческая песенка // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №1 (май). Стб. 85–86.
- Вяткин: Фея..., 1914** – Вяткин Г. Фея гор: Из Алтайских настроений (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №1 (май). Стб. 93–94.
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАТомО – Государственный архив Томской области.
- Далекий, 1914** – Далекый. Улыбнись мне месяц с высоты небес... (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №1 (май). Стб. 97–98.
- Енисейский, 1915** – Енисейский Б. Студенчество о самом себе // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. № 3–4 (нояб.-дек.). Стб. 33–38.
- Есин, 2007** – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // *Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики.* М., 2007. 186 с.
- Замиралов, 1914** – Замиралов А. Дождь // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №2 (авг.). Стб. 117–122.
- Лоцилов, 1915** – Лоцилов А.С. Мы пели песни... (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №7–8 (март-апр.). Стб. 33–34.
- Огни..., 1916** – Огни времени (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1916. №5 (май). Стб. 7–8.
- Отчет..., 1911** – Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов (за осенний семестр 1910–1911 академического года). Томск, 1911.
- Памятная..., 1909** – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909.
- Радимов, 1916** – Радимов П. Осенняя порфира // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1916. №5 (май). Стб. 1–2.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Силин, 1915** – Силин В. Облака (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1915. №7–8 (март-апр.). Стб. 17–18.
- Хамелеон, 1914** – Хамелеон. День и ночь (стихотворение) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №1 (май). Стб. 87–88.
- Чумаченко, 1914** – Чумаченко А. Из детских дней // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. № 2 (авг.). Стб. 93–94.
- Шишков, 1914** – Шишков В.Я. Первый блин (Маленький шарж) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск.* 1914. №1 (май). Стб. 79–86.
- Dudgeon, 1975** – Dudgeon R. Women and Higher Education in Russia 1855–1905. Washington, 1975.
- Johanson, 1998** – Johanson Ch. Women's Struggle for Higher Education in Russia 1855–1900. New York, 1998.

References

- Blinov, 2001** – *Blinov V.I.* (2001). Razvitie obrazovaniya v Rossii v XVIII – nachale XX vv. pod vliyaniem izmenenii vo vzglyadakh na tseli vospitaniya. [The development of education in Russia in XVIII – early XX centuries under the influence of changes in views on the purpose of education.]. M. [in Russian].
- Val's ..., 1915** – Val's (stikhotvorenie). [Waltz (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №3–4 (noyab.-dek.). Stb. 19-20. [in Russian].
- Vasil'eva-Potanina, 1916** – *Vasil'eva-Potanina M.* (1916). Vesennie luchi. [Spring rays]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №5 (mai). Stb. 13-14. [in Russian].
- Vasil'eva-Potanina, 1915** – *Vasil'eva-Potanina M.* (1915). Iz letnego al'boma. [Of the summer album]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №7–8 (mart-apr.). Stb. 43-44. [in Russian].
- Vatman, 1914** – *Vatman E.* (1914). Vesennie shary (Eskiz) [Spring balls (Sketch)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). Stb. 87-92. [in Russian].
- Vysotskii, 1915** – *Vysotskii A.R.* (1915). Na travke. [On the grass]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №7–8 (mart-apr.). Stb. 20-28. [in Russian].
- Vyatkin, 1916** – *Vyatkin G.* (1916). Iz pesen zakata. [From songs of sunset]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №5 (mai). Stb. 13-14. [in Russian].
- Vyatkin: Radost'..., 1914** – *Vyatkin G.* (1914). Radost' (stikhotvorenie). [Joy (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №2 (avg.). Stb. 115-116. [in Russian].
- Vyatkin: Sibirskaya..., 1914** – *Vyatkin G.* (1914). Sibirskaya studencheskaya pesenka. [The Siberian student song]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). Stb. 85-86. [in Russian].
- Vyatkin: Feya..., 1914** – *Vyatkin G.* (1914). Feya gor: Iz Altaiskikh nastroyenii (stikhotvorenie). [Fairy mountains Of Altai sentiment (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). Stb. 93-94. [in Russian].
- GA RF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [State archive of the Russian Federation].
- GATomO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. [State archive of Tomsk region]
- Dalekii, 1914** – *Dalekii.* (1914). Ulybnis' mne mesyats s vysoty nebes... (stikhotvorenie). [Smile for me a month down from heaven... (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). Stb. 97-98. [in Russian].
- Esin, 2007** – *Esin B.I.* (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoi zhurnalistiki. [The main stages of the 300-year history of Russian journalism]. Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki. M., 186 p. [in Russian].
- Zamiralov, 1914** – *Zamiralov A.* (1914). Dozhd'. [Rain]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №2 (avg.). Stb. 117-122. [in Russian].
- Loshchilov, 1915** – *Loshchilov A.S.* (1915). My peli pesni... (stikhotvorenie). [We sang songs... (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №7–8 (mart-apr.). Stb. 33-34. [in Russian].
- Ogni..., 1916** – Ogni vremeni (stikhotvorenie). [Lights time (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №5 (mai). Stb. 7-8. [in Russian].
- Otchet..., 1911** – Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Sibirskikh vysshikh zhenskikh kursov (za osennii semestr 1910–1911 akademicheskogo goda). [Report on the status and activities of the Siberian higher women's courses (for the fall semester of 1910–1911 academic year)]. Tomsk, 1911. [in Russian].
- Pamyatnaya..., 1909** – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 god. [The memorable book of the West Siberian educational district in 1909]. Tomsk, 1909.
- Radimov, 1916** – *Radimov P.* (1916). Osennaya porfira. [Autumn porphyry]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №5 (mai). Stb. 1-2. [in Russian].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [Russian state historical archive].
- Silin, 1915** – *Silin V.* (1915). Oblaka (stikhotvorenie). [The cloud (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №7–8 (mart-apr.). Stb. 17-18. [in Russian].
- Khameleon, 1914** – *Khameleon.* (1914). Den' i noch' (stikhotvorenie). [The cloud (poem)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). Stb. 87-88. [in Russian].
- Chumachenko, 1914** – *Chumachenko A.* (1914). Iz detskikh dnei. [From childhood days]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №2 (avg.). Stb. 93-94. [in Russian].
- Shishkov, 1914** – *Shishkov V.Ya.* (1914). Pervyi blin (Malen'kii sharzh). [The first attempt (a Little cartoon)]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). Stb. 79-86. [in Russian].
- Dudgeon, 1975** – *Dudgeon R.* (1975). Women and Higher Education in Russia 1855-1905. Washington.
- Johanson, 1998** – *Johanson Ch.* (1998). Women's Struggle for Higher Education in Russia 1855–1900. New York.

УДК 070:93/94 (571.1)

Литературные произведения в студенческой прессе начала XX века как исторический источник, отражающие особенности мировоззрения и образа жизни сибирских студентов в начале XX столетияВера Никандровна Черепанова ^{a,*}, Юлия Викторовна Путилина ^b, Юлия Петровна Савицкая ^a^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация^b Тюменская областная академия профессионального развития, Российская Федерация

Аннотация. В статье произведен анализ поэзии и прозы, опубликованной в популярном студенческом журнале – «Сибирский студент», издававшемся с 1914 по 1916 годы. На базе реализованного исследования, сделана попытка определить преобладающие взгляды, ценностные ориентиры, настроения и устремления сибирской учащейся молодежи в начале XX века.

Определены основные тематические блоки, затрагиваемые в публикуемой поэзии и прозе. Среди наиболее распространенных, выделены следующие тематические направления: описание явлений и красоты сибирской природы; воспевание любви к представителю (представительнице) противоположного пола; отражение иных чувств и эмоциональных состояний, в т.ч. страсти, восторга, радости, счастья и др.; восхваление определенных доблестей и человеческих качеств, в т.ч.: отваги, храбрости, честности, душевной чистоты и свободолюбия; описание домашнего быта, обстановки, повседневных отношений с родными и близкими от лица героев художественных произведений; выражение ностальгических чувств и настроений: в т.ч. тоски по родному дому, покинутым на время учебы близким и друзьям; тема Первой мировой войны, описание героизма и отваги людей, переживших тяжкие испытания в это время; повествования о повседневной жизни и быте обычных студентов; обреченные в литературную форму прямые либо косвенные призывы к идейному объединению молодежи в борьбе за свои права.

Определено, что различные тематические блоки часто переплетались между собой в одних и тех же произведениях. В существенной части публикуемых рассказов и стихотворений поднимаемые темы сопровождалось описанием природы родного края, воспеванием тех или иных человеческих добродетелей и качеств.

Установлено, что в «Сибирском студенте» публиковалось творчество не только томской студенческой молодежи, но и уже известных и популярных к тому времени писателей и поэтов. Тем не менее, большой читательский интерес и одобрение публикуемых в сибирской студенческой прессе произведений, позволили сделать вывод о том, что литературный материал, вне зависимости от авторства, в целом отражал образ мыслей и мировоззрения сибирской учащейся молодежи в начале XX века.

Ключевые слова: Сибирь, студенты, студенческая пресса, периодические издания, журнал «Сибирский студент», поэзия, проза, рассказы, стихотворения, беллетристика, жанры.

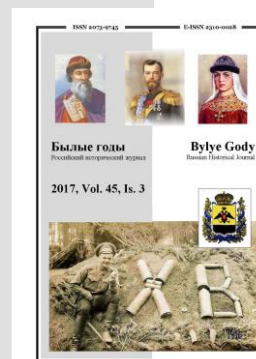
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: veranikandrovna@mail.ru (В.Н. Черепанова), putilina-yulia@mail.ru (Ю.В. Путилина)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1127-1135, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1127
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Socio-psychological Bases of the Views of Workers' Ideas of Mining Ural on Socialism in 1917

Yuriy D. Korobkov ^{a,*}, Andrei G. Dorozhkin ^a, Olesya Yu. Starodubova ^a

^a Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

Based on a wide variety of engaging published and archival sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, the article attempts to analyze the socio-psychological characteristics of the Urals mining and metallurgical workers, who contributed to the success of socialist propaganda among them in 1917. As a result of the research we have come to concluded that the breeding ground of perception of socialist ideas have become such "homegrown" phantoms of consciousness, as a justification of their rights to the property of its labor origin and the right prescription, paternalistic and dependency understanding of social justice, relating to equality as the equalization, the perception of freedom as a universal liberty and permissiveness and impunity related to violence as a universal, effective and clear way for them to deal with personal, group and national problems. They are not only the basis of the perception of the reality of work and the corresponding rectification socialist rhetoric of political parties, but also the mental matrix of sociocultural simplify future socialist society. Along with it, verbal registration of a new socio-political situation socialist cliches and the whole lexical stamps and their mass broadcasting in everyday life of social bottoms didn't mean their conscious political choice, and in total with the aggressive nature of social movements were means of elementary social survival. As, this process happened within traditional political culture and adaptation models habitual to masses, development of new social reality was in many respects carried out by general kickback in the past.

Keywords: Workers of the Urals, socialism, property, freedom, equality, social justice, advocacy.

1. Введение

В историографии и социологии революции существует множество точек зрения относительно характера и направленности трансформации России от февраля к октябрю 1917 г. и причин победы большевиков (Шепелева, 2005). При наличии различных оценок тех или иных аспектов российского революционного процесса, специалисты сходятся в том, что одним из главных факторов победы большевиков стала ментальная и социокультурная готовность социальных низов к восприятию социалистических идей. На нее ориентировались революционные народники 1870-х гг., представители различных направлений социалистического движения конца XIX – начала XX в. Об обреченности России на социализм в начале XX в. устами Н.А. Бердяева говорили представители научной и творческой интеллигенции (Бердяев, 1990б: 9). В основе подобных взглядов лежали эсхатологическая и социально-психологическая составляющие. Последняя заключалась в особенностях общинной психологии российского крестьянства и ее влиянии на рабочий класс в рамках народнической идеологии и в формировании у него таких пролетарских качеств как сознательность, организованность, сплоченность с позиций марксистской парадигмы. Между тем, известный ураловед А. Митинский в начале XX в. писал о «социалистических взглядах» местных

* Corresponding author

E-mail addresses: n.nyakkinen-56@yandex.ru (Yu.D. Korobkov), andrew-67@mail.ru (A.G. Dorozhkin), Starodubova_olesya@mail.ru (O.Yu. Starodubova)

рабочих не с точки зрения той или иной теории, а в контексте влияния на них «оригинального строя» горнозаводской промышленности края. С учетом этого, их анализ на региональном уровне Урала позволит дополнить и расширить существующие в литературе подходы.

2. Материалы и методы

2.1. Для анализа выделенных исследовательских задач используются разнообразные опубликованные и неопубликованные источники из центральных и местных архивов. Основное внимание уделяется документам, вышедшим из рабочей среды (прошения, обращения, письма). Их анализ в совокупности с источниками официального происхождения позволяет лучше понять мотивацию и стереотипы поведения рабочих Урала в 1917 г.

2.2. Тема исследования находится на пересечении нескольких современных направлений исторической науки: социальная история, история повседневности, история ментальности. Данные научные подходы в исследовании целесообразно дополнить методами смежных гуманитарных дисциплин. Из арсенала «смежников» наибольший интерес для нас представляют концепция «архаизации» сознания, которая говорит о воспроизводстве в критических, неопределенных ситуациях древних моделей поведения, социологическая концепция базовых ценностей и разработанная школой «Анналов» концепция автоматизмов сознания и поведения в рамках истории ментальности, которые формируют устойчивые поведенческие коды людей на протяжении длительного исторического периода. Использование указанного методологического инструментария в сочетании с общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции и общеисторическими методами позволяет достоверно и объективно решать поставленные задачи.

3. Обсуждение

Проблема восприятия и усвоения российскими рабочими социалистических идей как одного из важнейших факторов поддержки ими большевиков и их победы в октябре 1917 г. по-разному трактуется в литературе. Общепринятым постулатом советской историографии являлся тезис об их высоком уровне сознательности, организованности, классовой сплоченности, в силу чего идеи социализма были близки и понятны им (Заболотный и др., 1997). В современной историографии акценты смещаются к проблеме соотношения традиционализма и модернизма в социальной психологии отечественного рабочего класса. Уже в начале 1990-х гг. появились работы, в которых обосновывался вывод о преобладающем воздействии на рабочих национальных традиций самоорганизации и трудовой демократии (Абросимова, 1994). Сегодня такой подход утвердился, и общинный фактор рассматривается как выражение национального варианта модернизации (Миронов, 1999). Влияние региональной специфики горнозаводской системы на социальную рефлексию уральских рабочих рассматривается и в современном ураловедении. В работах Н.Н. Алеврас (Алеврас, 1996), М.А. Фельдмана (Фельдман, 2001), Ю.Д. Коробкова (Коробков, 2010) выделяются присущие им социально-психологические особенности, но проблема их взаимодействия с теорией социализма, как правило, не ставилась. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел.

4. Результаты

Основой экономического блока «социалистической доктрины» уральских рабочих являлся стереотип трудового происхождения собственности, в соответствии с которым они относились к заводам как предприятиям «принадлежащих во многих отношениях рабочему населению, работающему на них» (Митинский, 1909: 61). Эти представления обосновывали их абсолютную уверенность в своих законных правах на заводскую собственность как созданную и приумноженную трудом многих поколений мастеровых и являлись народно-правовой легитимацией их практических действий.

Именно так рассуждали рабочие Златоустовского завода в ноябре 1905 г., когда просили уступить им здание Арсенала для своих собраний. «Здание, построенное их дедами и отцами, несомненно, должно принадлежать самим рабочим», – утверждали они (ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1049. Л. 15). Во время волнений на Кыштымском заводе в ноябре 1905 г. рабочие говорили, что все заводы являются их собственностью, так как «они давно отработали их владельцам» (Высший подъем, 1955: 816). Обосновывая законность свободы горных промыслов для рабочих, доверенные общества мастеровых Нижне-Тагильских заводов заявляли о своих правах на их самостоятельную разработку поскольку все «месторождения на надельных землях открыты самими мастеровыми» (Алеврас, 1996: 170).

Подобные представления имели глубокие исторические корни и характеризовали поведение уральских рабочих еще в период крестьянской войны 1773-1775 гг. Уже в то время, по оценке А.А. Савича, мастеровые не отделяли себя от производства, заводскую казну рассматривали как свою, «мирскую» и поэтому не пошли за Пугачевым, остались на заводах и внимательно, самоотверженно, «почти без чувствования тягости, надеясь на обещанные льготы и вольности», стремились их укрепить и защитить от разграбления (Савич, 1931: 31-34).

Специфика «оригинального строя» горнозаводского Урала и социального облика его рабочих,

который многие исследователи определяют как «полурабочий-полукрестьянин», сформировали и их особое отношение к земельной собственности. В основе этих представлений лежала искренняя вера рабочих в то, что земли принадлежат им по праву давности. «Мастеровые издавна, с самого основания заводов, расчищали... пашни и покосы», которые «переходили из поколения в поколение от отца к сыну, обменивались, перепродавались; эти сделки не только производились с ведома заводского управления, но и скреплялись его властью. Население усвоило взгляд на такие рощетки, как на свою собственность, нажитую трудом своим и своих предков» (*Исторический очерк, 1896: 88*), – отмечали эксперты в конце XIX в.

В результате, по свидетельству И.Х. Озерова, в последние полтора–два десятилетия XIX в. в ряде горных округов Урала взаимоотношения между заводами и населением приобрели характер непрерывной войны. Только в одном Кыштымском округе заводоуправление составило свыше 600 протоколов по использованию рабочими покосов. По сообщению товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда в июне 1898 г., в Гороблагодатском и Нижне-Тагильском горных округах «резко выросло количество споров на земельной почве, которые перешли на уголовную почву в виде возбуждаемых заводоуправлениями многочисленных дел о самовольном сенокосении и самовольных порубках леса...» (*Положение рабочих, 1960: 153*). В целом, как отмечалось в докладе министра земледелия и государственных имуществ 6 ноября 1895 г., рабочие частных заводов «до сих пор продолжают считать всю заводскую землю своей собственностью и не желают входить в какие бы то ни было соглашения даже тогда, когда последние согласны предоставить им землю в пользование хотя бы бесплатно» (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 27. Л. 117*).

Отношение рабочих к собственности вне зависимости от ее формы, частной или государственной, характеризовалось также социально-психологическим стереотипом «мы – они» = «своя – чужая». Именно он определял их стремление к получению и увеличению первой, неуважение и насилие по отношению ко второй. Проявления антисобственнических настроений распространялись, в первую очередь, на земельную и заводскую собственность. Особенно широкое распространение они получили в годы первой российской революции в форме разграбления заводского имущества. По сообщению управляющего Демидовских заводов, в ноябре 1905 г. в Кизеле «толпа грозит убивать, разграблять, заливать шахты» (*РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316. Л. 114*). В донесении товарищества Сергинско-Уфалейских заводов 9 декабря 1905 г. отмечалось, что «население большинства заводов считает, что вся земля в радиусе 15 верст от заводов принадлежит ему...» (*Высший подъем, 1955: 825*). В 1907 г. поджигали имущество завода и его служащих рабочие Каменского, Надеждинского, других предприятий края. Обобщая эту ситуацию, совещание уральских промышленников 18 января 1906 г. отмечало, что после Манифеста 17 октября «население под влиянием агитации потеряло веру в своих претензиях, считая упраздненным все законы, ограждающие земельную, лесную и заводскую собственность» (*РГИА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 234. Л. 68*).

Эти взгляды явились социокультурной и психологической основой массовых экспроприаций после Октября 1917 г. Не случайно, еще в 1925 г., отмечая одновременный характер национализации на Симском, Миньярском, Ашинском, Усть-Катавском, Катав-Ивановском, Юрюзанском заводах, опередивший революционный центр страны, И. Подшивалов указывал на вторичность фактора уровня политической активности рабочих (*Подшивалов, 1925: 12*). В данной ситуации идеологические конструкции ложились на сформированную в веках ментальную матрицу горнозаводских рабочих, легитимировали их действия и придавали уверенность в правоте своей позиции. В целом, взгляды уральских рабочих находились в общероссийском ментальном пространстве и коррелируются с крестьянским императивом трудового происхождения собственности, который отличался от общепринятых формально-юридических норм, и с оппозицией «мы – они». В основе такого отношения лежало убеждение крестьян, что земля и недра имеют природное происхождение и, пока к ним не приложен человеческий труд, собственностью не являются.

Наряду со своеобразным толкованием социальными низами экономической основы социализма понимание ими категорий социальной справедливости, равенства, свободы, составлявшими политико-идеологический каркас социалистической доктрины, также было далеко от книжных теоретических построений, трактовалось по-своему, в соответствии с вековыми стереотипами. В идеологических конструкциях они видели, прежде всего, инструмент реализации своих представлений о сущем и должном, устройства жизни на их основе и адаптировали их под свои представления.

В основе понимания уральскими рабочими справедливости лежало их особое представление об «историческом долге» заводов перед ними. В этой системе координат рабочие гордились своей социальной ролью творца и созидателя материальных благ, считали привычными установившиеся отношения между трудом и капиталом по принципу «одни работают, другие управляют», свыклись с существующей системой эксплуатации и наказаний, и все проявления несправедливости в их представлениях так или иначе были связаны не со сложившейся системой отношений, а с ее нарушениями со стороны хозяев и их злоупотреблениями своим положением.

Не случайно, наиболее ярким проявлением несправедливости в пореформенный период рабочие считали отмену обязательственных отношений, приведшую к ликвидации государственной и частной опеки над ними. Мастеровые Камбарского завода в 1873 г. были недовольны передачей

хороших мест под покосы посторонним людям, а самых плохих заводским жителям (РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 280. Л. 4), рабочие Очерского завода в 1873 г. обижались на свое начальство за уменьшение количества представляемого им леса, введение оплаты за него, сокращение количества земли (Положение рабочих, 1960: 405). В связи с прекращением обязательств заводчиков заботиться о пенсионерах, типичными становятся их жалобы о том, что хозяева не давали им «никаких работ, и земли для сенокоса, и хлебопашества, и лесу для отопления...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. Д. 181. Л. 12).

Другим проявлением концепции «исторического долга» являлись регулярные апелляции рабочих к властным структурам с целью предотвращения массового сокращения производства. Рабочие, полагавшие, что заводоуправления обязаны предоставить им необходимый для содержания семьи объем работ, считали иной порядок вещей «колоссальной несправедливостью и незаконным поступком» (Митинский, 1909: 97) и постоянно обращались к администрации, в вышестоящие инстанции с требованиями и просьбами предоставления им полной занятости. Суть этих предложений, сформулированных рабочими мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода в 1891 г., сводилась к гарантированному обеспечению их труда со стороны хозяев «настолько, чтобы рабочий вместе со своей семьей не имел нужды в удовлетворении первых и настоятельных жизненных потребностей» (РГИА. Ф. 37. Оп. 5, Д. 1743. Л. 6).

Массовость подобных жизненных практик определялась, прежде всего, влиянием сложившихся на дореформенном Урале и закрепившихся в сознании населения традиций, обычаев, норм и образцов поведения, которые формировали соответствующие способы рефлексии после отмены крепостного права. По свидетельству рабочих Ижевского завода в апреле 1885 г., вплоть до 1867 г «всякие заботы о существовании их всецело лежали на правительстве, которое в лице заводской администрации давало им работу, кормило, учило, лечило их, словом со дня рождения каждого рабочего до могилы думало и заботилось об его физическом и духовном существовании. В такой обстановке родилось и прожило несколько поколений» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 82. Л. 187), что сформировало у них убеждение в незыблемости данных порядков.

В целом, все факты жизнедеятельности, квалифицируемые рабочими как проявление несправедливости, свидетельствуют о стремлении к консервации с их стороны патриархальных отношений, об их консерватизме, уравнительности. Именно подобные подданнические установки являлись питательной почвой для возрождения «коммунистического самодержавия» большевиков после октября 1917 г.

Представления уральских рабочих о равенстве находились в общенациональном ментальном пространстве и ассоциировались с уравнительностью. В отличие от общинной психологии российского крестьянства на уравнительную психологию уральских рабочих оказывала влияние, прежде всего, специфика окружной системы. Как отмечал Р. Попов, в середине XIX в. «половина всего мужского населения заводов занята была горнозаводским трудом»; остальная распределялась по другим работам, связанным с основным производством. В результате, «как ни скудно было содержание трудящегося на заводах населения, оно все-таки обеспечивалось за всеми» (Попов, 1874: 361).

В пореформенный период, несмотря на отмену данной системы, рефлексию рабочих определяли, главным образом, сложившиеся установки дореформенной психологии. По-прежнему, это проявлялось в стремлении обеспечить всех работой и одинаковым заработком. Причем, оно характеризовало действия рабочих не только в типичных ситуациях различных производственных конфликтов, происходивших на этой почве, когда, например, рабочие Чермоозского завода, добившиеся повышения на 15 % заработной платы в результате забастовки зимы 1905–1906 гг., «решили общую сумму заработной платы возможно равномерно распределить по цехам, не давая никому преимуществ» (РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 361. Л. 62), или в практике «гулевых дней», «когда работают из трех недель две или по 4 часа в сутки, чтобы дать работу возможно большему числу лиц, и работа опять распределяется одинаково между искусными рабочими и неискусными», но и в действиях рабочих в новых для себя ситуациях. Речь идет о попытках организации ими в начале XX в. трудовых артелей, которые создавались «по тому же принципу – дать заработок возможно большему числу рабочего населения» (Озеров, 1910: 201), что ограничивало качественный состав персонала данной традицией.

Несмотря на то, что об истинной «глубине проникновения» уравнительной психологии в сознание рабочих судить достаточно трудно, поскольку в конце XIX – начале XX в. она носила вынужденный характер, связанный с консервацией в горнозаводской промышленности полукрепостнических отношений в процессе российской модернизации, которые привели к падению жизненного уровня, усилению стрессогенности жизненных ситуаций и естественной для традиционного мышления ориентации на сложившиеся установки сознания, именно через эти представления преломлялись идеи равенства, декларировавшиеся различными политическими партиями.

Исторически сложившаяся система горнозаводского производства и особенности формирования ее кадров обусловили и высокую ценность свободы для уральских рабочих. На это указывал еще Р. Попов, считая горнозаводское население «самым несчастнейшим среди остальной массы закрепощенного народа», поскольку «заводские крестьяне уже лишились права выбора промысла...; должны были работать на заводах или фабриках, их хозяйство зависело уже от завода

или фабрики, к которым они были приписаны: они собственно были работникам, рабами завода или фабрики» (Попов, 1874: 342).

На ценность свободы для уральских мастеровых указывали в середине XIX в. и чиновники самого высокого ранга. В отчете Бенкендорфа Николаю II в 1848 г. отмечалось, что крестьянские неповиновения, в том числе и на горных заводах Урала, происходили не только из-за притеснений, но и «из-за одной мысли иметь свободу» (Федорова, 1940: 71). Отмечая факт усиления волнений рабочих и заводских крестьян на Урале в 1860 г., начальник Уральских горных заводов их главной причиной называл слухи о предстоящем освобождении крестьян от крепостной зависимости, вследствие чего «заводские люди, вообще, сделались гораздо более требовательны, чем были прежде» (ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 300. Л. 164).

В конце XIX в. значимость свободы для уральских мастеровых наглядно демонстрируют такие сюжеты развития горнозаводской промышленности как введение новых расчетных книжек и эволюция поземельных отношений. И в том, и в другом случаях рабочие отказывались от принятия новых правил игры и наделения землей вплоть до открытых бунтов, считая книжки средством их нового закрепощения и возвращения в дореформенное состояние и усматривая в наделении их землей «поворот к закрепощению» и к «новому закреплению горнозаводчиками» (Положение рабочих, 1960: 169, 179).

В начале XX в. наиболее ярким свидетельством желанности свободы для уральских рабочих явились их реакция на Манифест 17 октября 1905 г. и «медовый месяц» революции в 1917 г. Типичную картину отношения к Манифесту на уральских заводах дает очевидец этих событий в Алапаевске. «Действие Манифеста было ошеломляющим. У многих при первых известиях слезы лились невольно из глаз, рука поднималась к небу. Знакомые целовались как в Христово воскресенье» (Долгожданная свобода, 1905). В марте 1917 г. рабочие Урала выражали свое отношение к свободе многочисленными митингами, панихидами и молебнами в память павших борцов за свободу, сбором средств в пользу их семей, и как все граждане обновленной России были опьянены свободой, неожиданно полученной «в запечатанном конверте».

Однако реализация свободы на практике осуществлялась совсем другими методами и для значительной части рабочих ассоциировалась с безнаказанностью, вседозволенностью, стремлением одним махом решить все свои проблемы и превращалась в вольницу, анархию, правовой беспредел, в свободу от контроля, закона, обязанностей, в свободу отрицания и разрушения. И властные структуры, и администрации заводов указывали в 1905 г. на «ложное толкование» горнозаводским населением дарованных Высочайшим Манифестом свобод, все проявления которого в обобщенном виде сводились к росту погромных настроений и насилия, особенно по отношению к представителям заводской администрации. Так, во время демонстрации рабочих 19 октября в Катав-Ивановском заводе днем и вечером были разгромлены две винные лавки. Ситуация повторилась 21 октября, когда, по сообщению жандармского унтер-офицера, «вся улица была запружена народом, водку таскали даже женщины, которым подавали громилы» (1905. Революционные события, 1925: 43). На Сергинско-Уфалейских заводах в случае отказа выполнить экономические требования рабочих они «угрожали насилием администрации и разгромом заводов» и, как сообщала администрация горного округа, «для успокоения умов рабочих, ввиду бессилия местной власти, при общем непонимании Манифеста и ложном толковании дарованных им свобод, нужны войска» (Высший подъем, 1955: 825). В ноябре рабочие Кыштымского завода призывали уничтожить администрацию (Высший подъем, 1955: 816), в Кизеловском и Пашином заводах были брошены бомбы в дома управляющих (РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316. Л. 114). Обобщая эту ситуацию, член Совета Министров Зайончковский отмечал, что «благодаря превратно понятиям свободам», рабочее движение в Екатеринбургском уезде (а можно говорить об Урале в целом) «усилилось, принимая... главным образом, хулиганскую форму» (ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1907. Д.50. Ч.П. Л.14).

Эти же проявления свободы в предельно концентрированной форме проявились в условиях резкого ослабления властных структур, ощущения безнаказанности и вседозволенности, характерных для послефевральской России. Причем, если в годы первой российской революции об этом, в основном, говорили представители «той» стороны, то весной 1917 г. об этом с тревогой писали, говорили сами рабочие. Как отмечалось в корреспонденции из Сатки, рабочие понимали свободу «как свободу производить безнаказанно безобразия (хулиганство, расхищение общественного достояния, рубка лесов) и наносить оскорбления отдельным гражданам» (Дождались, 1917). В целом, это соответствовало национальному архетипу низовой культуры «свобода на все есть свобода».

О том, что подобные представления имели вневременную устойчивость, на протяжении веков сохраняли свои базовые основы, и в 1917 г., по-прежнему, ассоциировались с идеалом вольной жизни как возможности реализации групповых интересов, погулять вволю, никому не подчиняясь, свободы от обязанностей, безнаказанности и беззакония, свидетельствует тот факт, что среди массовых ожиданий свободы в мартовских телеграммах 1917 года такие ее базовые составляющие, как равенство, свобода слова, печати, личности находились на периферии общественного сознания, а образ будущей свободы, как и прежде, не обрел реальных очертаний, и его конструкция мыслилась в привычных категориях отрицания старого и утопических надежд на туманное, но светлое будущее

(РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1281. Л. 100-102, 91-96; Д. 1251. Л. 17-19, 22-24; Д. 1274. Л. 66-70; Д. 1253. Л. 100-105).

Близка и понятна массам была и большевистская тактика классово-непримиримости и революционного насилия. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно обратиться к процессу социализации горнозаводской молодежи на пореформенном Урале. На насилии было построено обучение в заводских школах и малограмотными мастерами на индивидуальном уровне, знавшими, по свидетельству П.П. Бажова, «только псалтырь, краснопись, цифры и... треххвостную плетку как единственный способ насаждения премудрости в головы заводской детворы» (Бажов, 1986: 62-63). Поэтому, с детских лет рабочие считали физические наказания нормой и привыкли к ним. Их недовольство проявлялось, в основном, в случае несправедливого наложения взыскания. Не удивительно, что и для рабочих насилие являлось естественным и единственно знакомым средством достижения своих целей. Об этом знала и администрация, которая боялась именно стихийности и бунташности «действий скопом» с их стороны.

Действительно, факты насилия или угрозы его применения по отношению к представителям администрации являлись стабильным фоном социальных конфликтов на уральских заводах и в дореформенный период, и после отмены крепостного права. Их типичными проявлениями были взрывы и поджоги дров, угля, заводского имущества, угрозы физической расправы и смерти по отношению к представителям заводской администрации, случаи их избияния, массовая практика «учи» для низших служащих, вывозы на тачке управленцев разного уровня с территории завода. В своем предельном выражении подобную практику характеризует ситуация на Майкорском заводе в 1900 г., управляющий которого «держал одно время для охраны квартиры пушку, а со стороны рабочих неоднократно делались выстрелы» в его квартиру» (Подшивалов, 1925: 34).

Это не только закрепляло насилие в социокультурном коде уральских рабочих и переводило его на уровень коллективного бессознательного, но и легитимировало его в их глазах, поскольку на основе своего социального опыта они убеждались в гораздо большей эффективности подобных методов. Не случайно, главный начальник уральских горных заводов П. Боклевский, обобщая уроки забастовки рабочих Воткинского завода в марте 1902 г., указывал на беспомощность администрации в такой ситуации и появившуюся у рабочих уверенность в возможности достичь гораздо больших результатов силовыми методами (Металлисты Урала, 1926: 81).

Естественно, что в условиях революционной свободы, ощущения вседозволенности и безнаказанности полученный социальный опыт и сложившиеся стереотипы массового сознания актуализировали именно гены насилия, которые направляли действия рабочих как на сознательном, так и на бессознательном уровнях вне зависимости от отраслевой принадлежности, величины и типа собственности предприятия. В целом, если оставить в стороне извечный русский вопрос кто виноват?: «Власть тьмы или тьма власти», необходимо говорить о том, что и в 1917 г., и после победы большевиков именно «силовая» составляющая массового сознания являлась социально-психологической основой партийно-государственного насилия в общенациональном масштабе, и эти «параллельные миры» взаимно стимулировали и дополняли друг друга.

5. Заключение

Еще в 1918 г. авторы сборника «Из глубины» П. Струве и С. Франк отводили народным массам роль соучастника событий, от культурного, нравственного, психологического состояния которого во многом зависел триумф той или иной политической силы. Данный подход полностью применим к восприятию ими социалистических идей и созвучен взглядам современных авторов об избирательности влияния любой идеологии на социальную рефлексию низов, выбирающих из нее те компоненты, которые соответствуют их представлениям о сущем и должном. Говоря об этом, П. Струве писал, что массы воспринимают социализм «либо как раздел наличного имущества, либо как получение достаточного и равного пайка с наименьшей затратой труда, с минимумом обязательств» (Струве, 1990: 242).

Проведенный нами анализ подтверждает данные наблюдения. Как мы видим, в 1917 г. наряду с процессом навязывания массам соответствующих идеологических конструкций происходил «встречный» процесс влияния на партийно-политические доктрины народных представлений. В результате, как писал Н. Бердяев, под имиджем революционной России скрывается «образ старой России» (Бердяев, 1990а: 55), что означало архаичное упрощение социальной организации будущего общества на основе социокультурных и ментальных кодов традиционного сознания. Вербальное оформление новой социально-политической ситуации социалистическими клише и целыми лексическими штампами, вошедшими в разговорную речь социальных низов, не означало их осознанный политический выбор, а являлось новой оболочкой всеобщего отката в прошлое на основе традиционных поведенческих моделей.

Литература

1905. Революционные события, 1925 – 1905. Революционные события в Уфе и в уральских заводах. Уфа, 1925. 143 с.

Абросимова, 1994 – Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. //

- Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб.: Глагол, 1994. С. 176-187.
- Алеврас, 1996** – *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996. 212 с.
- Бажов, 1986** – *Бажов П.П.* Уральские были. Соч.: в 3 т. М.: Правда, 1986. Т.3. С.5-77.
- Бердяев, 1990** – *Бердяев Н.* Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 55-90.
- Бердяев, 1990** – *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 223 с.
- Высший подъем, 1955** – Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженное восстание. Ч 2. М.: Наука, 1955. 1285 с.
- Заболотный и др., 1997** – *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертыйшинский Ф.Т.* Урал накануне великих потрясений 1917 года (историографический очерк). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997. 192 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Дождались, 1917** – *Дождались, 1917* // *Известия Златоустовского Совета рабочих депутатов.* 1917. 28 марта.
- Долгожданная свобода, 1905** – Долгожданная свобода // *Уральская жизнь.* 1905. 23 октября.
- Исторический очерк, 1896** – Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. 226 с.
- Коробков, 2010** – *Коробков Ю.Д.* Социальный облик горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период: особенности формирования и определения // *Проблемы российской истории.* М., Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2010. Вып. X. С. 5-17.
- Металлисты Урала, 1926** – Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск. 1926. 206 с.
- Мионов, 1999** – *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). В 2 т. СПб.: Изд-во Дм. Булавин, 1999. Т. 1. 549 с.
- Митинский, 1909** – *Митинский А.Н.* Горнозаводской Урал. СПб., 1909. 244 с.
- Озеров, 1910** – *Озеров И.Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. 253 с.
- Подшивалов, 1925** – *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале. 1917–1918. М.: Военизг, 1925. 221 с.
- Положение рабочих, 1960** – Положение рабочих Урала во второй половине XIX – нач. XX в. 1861–1904. М.-Л.: Наука, 1960. 665 с.
- Попов, 1874** – *Попов Р.* Горнозаводской Урал // *Отечественные записки.* 1874. №2. С. 299-372.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Савич, 1931** – *Савич А.А.* Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XX вв. М.: Изд-во ВЦСПС, 1931. 179 с.
- Струве, 1990** – *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // *Из глубины: Сборник статей о русской революции.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 235-251.
- Фельдман, 2001** – *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 432 с.
- Федорова, 1940** – *Федорова Б.* Крепостной Тагил. Свердловск: Обл. изд-во, 1940. 112 с.
- Шепелева, 2005** – *Шепелева В.Б.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 г. в России. (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск: Изд-во Омского ун-та, 2005. 346 с.

References

- 1905. Revolyutsionnyie sobyitiya, 1925** – 1905. Revolyutsionnyie sobyitiya v Ufe i v uralskih zavodah [1905. The revolutionary events in Ufa in the Ural factories]. Ufa, 1925. 143 p. [in Russian]
- Abrosimova, 1994** – *Abrosimova T.A.* (1994). Sotsialisticheskaya ideya v massovom soznanii 1917 g. [The socialist idea in the mass consciousness of 1917] // *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'.* SPb.: Glagol Publ., pp. 176-187 [in Russian]
- Alevras, 1996** – *Alevras N.N.* (1996). Agrarnaya politika pravitelstva na gornozavodskom Urale v nachale XX v. [The agricultural policy of the government on Gornozavodsk Urals in the early XX century]. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet Publ., 212 p. [in Russian]
- Bazhov, 1986** – *Bazhov P.P.* (1986). Uralskie byili. [The Ural was] Soch.: v 3 t. M.: Pravda Publ., T.3. pp. 5-77 [in Russian]
- Berdyayev, 1990** – *Berdyayev N.* (1990). Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian revolution] // *Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii.* M.: Mosk. un-t Publ., pp. 55-90 [in Russian]
- Berdyayev, 1990** – *Berdyayev N.* (1990). Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. M.: Nauka Publ., 223 p. [in Russian]
- Vysshiy pod'em, 1955** – *Vysshiy pod'em revolyutsii 1905–1907 gg. Vooruzhennoe vosstanie.* [The highest rise of the revolution of 1905–1907 Armed uprising]. Ch 2. M.: Nauka Publ., 1955. 1285 p. [in Russian]
- Zabolotnyi i dr., 1997** – *Zabolotnyi E.B., Kamynin V.D., Tertyshnyi F.T.* (1997). Ural nakanune velikikh potryasenii 1917 goda (istoriograficheskii ocherk) [Ural on the eve of the great upheaval of 1917 (historiographic essay)]. Tyumen': Publ TyumGU, 192 p. [in Russian]

- GARF** – Gosudarstvennyi arhiv Rossiyskoy federatsii [State archive of the Russian Federation]
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archives of the Sverdlovsk region]
Dozhdalis, 1917 – Dozhdalis [Wait] // Izvestiya Zlatoustovskogo Soveta rabochikh deputatov. 1917. 28 marta [in Russian]
Dolgozhdannaya svoboda, 1905 – Dolgozhdannaya svoboda [The long-awaited freedom] // Uralskaya zhizn'. 190 Polozhenie rabochikh 5. 23 oktyabrya [in Russian]
Istoricheskiy ocherk, 1896 – Istoricheskiy ocherk uralskikh gornykh zavodov [Historical sketch of the Ural mountain plants]. SPb., 1896. 226 p. [in Russian]
Korobkov, 2010 – *Korobkov Yu.D.* (2010). Sotsialnyi oblik gornozavodskikh rabochikh Urala v poreformennyi period: osobennosti formirovaniya i opredeleniya [The social image of mining and metallurgical workers of the Urals in the post-reform period: the features of formation and definition] / Problemy rossiiskoi istorii. M., Magnitogorsk: Publ. IRI RAN; MaGU. Vyp. X. pp. 5-17. [in Russian]
Metallisty Urala, 1926 – Metallisty Urala nakanune i v period 1905 g. [The Metalworkers of the Urals on the eve and in the period 1905]. Sverdlovsk. 1926. 206 p. [in Russian]
Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* (1999). Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nach. XX v.) [Social history of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. V 2 t. SPb.: Publ. Dm.Bulavin, T.1. 549 p. [in Russian]
Mitinskii, 1909 – *Mitinskii A.N.* (1909). Gornozavodskoi Ural [Gornozavodskoy Urals]. SPb., 244 p. [in Russian]
Ozerov, 1910 – *Ozerov I.Kh.* (1910). Gornye zavody Urala [Mountain plants of the Urals]. M., 253 p. [in Russian]
Podshivalov, 1925 – *Podshivalov I.* (1925). Grazhdanskaya borba na Urale. 1917–1918 [Civil struggle in the Urals. 1917–1918]. M.: Voengiz Publ., 221 p. [in Russian]
Polozhenie rabochikh, 1960 – Polozhenie rabochikh Urala vo vtoroi polovine XIX – nach. XX v. 1861–1904 [The situation of workers of the Urals in the second half of XIX – early XX century, 1861–1904]. M.- L.: Nauka Publ., 1960. 665 p. [in Russian]
Popov, 1874 – *Popov R.* (1874). Gornozavodskoi Ural [Gornozavodskoy Urals]. *Otechestvennye zapiski*. №2. pp. 299-372. [in Russian]
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive] [in Russian]
Savich, 1931 – *Savich A.A.* (1931). Ocherki istorii krestyanskikh volnenii na Urale v XVIII–XX vv. [Essays on the history of peasant unrest in the Urals in XVIII–XX centuries.]. M.: VCSPPS Publ., 179 p. [in Russian]
Struve, 1990 – *Struve P.B.* (1990). Istoricheskiy smysl russkoi revolyutsii i natsionalnye zadachi [The historical meaning of the Russian revolution and national tasks] // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii. M.: Mosk. un-t Publ., pp. 235-251. [in Russian]
Feldman, 2001 – *Feldman M.A.* (2001). Rabochie krupnoi promyshlennosti Urala v 1914–1941 gg. [Workers of major industries of the Urals in the 1914–1941]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 432 p. [in Russian]
Fedorova, 1940 – *Fedorova B.* (1940). Krepostnoy Tagil [Fortress Tagil]. Sverdlovsk: Obl. Publ., 112 p. [in Russian]
Shepeleva, 2005 – *Shepeleva V.B.* (2005). Revolyutsiologiya. Problema predposylok revolyutsionnogo protsessa 1917 g. v Rossii. (Po materialam otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii) [Revolucionaria. The problem of the prerequisites of the revolutionary process of 1917 in Russia.]. Omsk: Omskiy un-t Publ., 346 p. [in Russian]

УДК 93/94

Социально-психологические основы представлений рабочих горнозаводского Урала о социализме в 1917 г.

Юрий Дмитриевич Коробков ^{a,*}, Андрей Геннадьевич Дорожкин ^a, Олеся Юрьевна Стародубова ^a^a Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Российская Федерация

Аннотация. На основании широкого привлечения разнообразных опубликованных и архивных источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые, в статье предпринята попытка проанализировать социально-психологические особенности рабочих горнозаводского Урала, которые способствовали успеху социалистической пропаганды в их среде в 1917 г. В результате исследования мы пришли к выводу, что питательной почвой восприятия ими социалистических идей

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.kyakkinen-56@yandex.ru (Ю.Д. Коробков), andrew-67@mail.ru (А.Г. Дорожкин), Starodubova_olesya@mail.ru (О.Ю. Стародубова)

стали такие «доморощенные» фантомы сознания, как обоснование своих прав на собственность ее трудовым происхождением и правом давности, патерналистско-иждивенческое понимание социальной справедливости, отношение к равенству как уравнительности, восприятие свободы как всеобщей вольницы, вседозволенности и безнаказанности, отношение к насилию как к универсальному, эффективному и понятному для них способу решения личных, групповых и общенациональных проблем. Они являлись не только основой восприятия рабочими реальности и соответствующего им спрямления социалистической риторики политических партий, но и ментальной матрицей социокультурного упрощения будущего социалистического общества. Наряду с этим, вербальное оформление новой социально-политической ситуации социалистическими клише и целыми лексическими штампами и их массовая трансляция в повседневной жизни социальных низов не означали их осознанный политический выбор, а в совокупности с агрессивным характером социальных движений являлись средством элементарного социального выживания. Поскольку, этот процесс происходил в рамках традиционной политической культуры и привычных массам адаптационных моделей, то освоение новой социальной реальности во многом осуществлялось путем всеобщего отката в прошлое.

Ключевые слова: рабочие Урала, социализм, собственность, свобода, равенство, социальная справедливость, пропаганда.